

UNIVERSITY OF ILLINOIS
LIBRARY

Class	Book	Volume
506	SAIH	ser. 3, 4

F 11-20M



Digitized by the Internet Archive
in 2016

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПО
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

ТОМЪ IV.

(СЪ 7 ТАБЛИЦАМИ).

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE

ST.-PÉTERSBOURG.

CLASSE DES SCIENCES HISTORICO-PHILOLOGIQUES.

VIII^e SÉRIE.

ТOME IV.

(AVEC 7 PLANCHES).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской
Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Eggersa и Комп. и К. Л.
Рикера въ С.-Петербургѣ.
Н. И. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Ключина въ Москвѣ.
Е. П. Распопова въ Одессѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гзсель) въ Лейпцигѣ.
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg.
M. N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna.
M. N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kiéf.
M. M. Kluckine à Moscou.
M. E. Raspopof à Odessa.
M. N. Kymmel à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.
Luzac & Cie. à Londres.

Цена: 9 р. 20 к. — Prix: 23 Mk.

506
SATH
Se 7.8.2.4

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1901 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лия., № 12).

СОДЕРЖАНІЕ IV ТОМА. — TABLE DES MATIÈRES DU TOME IV.

- | | |
|--|---|
| <p>№ 1. Отчетъ о присужденіи преміи имени П. Н. Батюшкова. 1899. (I + 4 + 85 стр.).</p> <p>№ 2. Отчетъ о сороковомъ присужденіи награды графа Уварова. 1899. (II + 340 стр.).</p> <p>№ 3. Отчетъ о присужденіи преміи имени почетнаго гражданина А. М. Сибирикова. 1899. (18 стр.).</p> <p>№ 4. Отчетъ о присужденіи преміи имени графа Д. А. Толстого. 1899. (17 стр.).</p> <p>№ 5. Б. Мелиоранскій. Перечень византийскихъ грамотъ и писемъ. <i>Выпускъ I.</i> Документы 784 — 850 годовъ. <i>Введение.</i> Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преподобнаго Теодора Студита. Съ пятью таблицами. 1899. (I + 63 стр.).</p> <p>№ 6. О. Леммъ. Котскіе отрывки легенды о Киприанѣ Антиохійскомъ. 1899. (XII + 90 стр.).</p> <p>№ 7. Г. Грове. Докладъ Королевскаго Датскаго посла Георга Грунда о Россіи въ 1705 — 1710 гг. 1900 г. (VI + 55 стр.).</p> <p>№ 8. Е. Лейманнъ. Объ одномъ изъ неизвѣстныхъ литературныхъ языковъ Средней Азіи. Съ 2 таблицами. 1900. (I + 28 стр.).</p> <p>№ 9. Ө. Щербатскій. О Хайхайендрачаритѣ, соч. Харикавія. 1900. (II + XI + 112 стр.).</p> | <p>№ 1. Compte-rendu du concours pour les prix de P. Batiousschkoff. 1899. (I + 4 + 85 pp.).</p> <p>№ 2. Compte-rendu du XL^e concours pour les prix du comte Ouvarov. 1899. (II + 340 pp.).</p> <p>№ 3. Compte-rendu du concours pour les prix d' A. Sibiriakoff. 1899. (18 pp.).</p> <p>№ 4. Compte-rendu du concours pour les prix du comte D. Tolstoï. 1899. (17 pp.).</p> <p>№ 5. B. Melioransky. Inventaire des chartes et lettres byzantines. Livraison I. Documents des années 784 — 850. Préface. Quelques mots au sujet des manuscrits et des éditions des lettres du révérend Théodore Stoudite. Avec 5 tables. 1899. (I + 63 pp.).</p> <p>№ 6. Dr. Oscar von Lemm. Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien. 1899. (XII + 90 Seiten).</p> <p>№ 7. G. L. Grove. Des Kgl. Dänischen Envoyé Georg Grund's Bericht über Russland in den Jahren 1705 — 1710. 1900. (VI + 55 Seiten).</p> <p>№ 8. Prof. Dr. E. Leumann. Über eine von den unbekanntes Literatursprachen Mittelasiens. Mit 2 Tafeln. 1900. (I + 28 Seiten).</p> <p>№ 9. Th. von Schtscherbatskoï. Über das Haihayendracarita des Harikavi. 1900. (II + XI + 112 Seiten).</p> |
|--|---|

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 1.

Volume IV. № 1.

ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНИИ

ПРЕМИИ ИМЕНИ П. Н. БАТЮШКОВА.

(Читано съ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST. PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Еггерса и Комп. и Н. Л. Рикера въ С.-Петербургѣ.

Н. И. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.

М. В. Ключина въ Москвѣ.

Н. Киммеля въ Ригѣ.

Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg.

M. N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie.

M. N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kiëf.

M. M. Kluckine à Moscou.

M. N. Kummel à Riga.

Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 80 коп. — Prix: 2 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Августъ 1899 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лан., № 12).

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМИИ ИМЕНИ П. Н. БАТЮШКОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ Н. Ф. ДУБРОВИНЫМЪ.

На первое соисканіе недавно учрежденной преміи имени П. Н. Батюшкова было представлено два сочиненія.

Изъ нихъ наградою въ 600 руб. увѣнчанъ многолѣтній трудъ по этнографіи П. В. Шейна „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“.

Для оцѣнки этого обширнаго сочиненія Академія обращалась къ любезному содѣйствію орд. профессора Императорскаго Варшавскаго университета Евфимія Ѳедоровича Карскаго.

Имя П. В. Шейна, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный рецензентъ, очень извѣстно въ русской этнографической наукѣ и съ одинаковымъ правомъ можетъ принадлежать какъ великорусской, такъ и бѣлорусской этнографіи. Трудно даже сказать, въ какой области г. Шейнъ произвелъ больше, и какая народность больше его интересуетъ. Вышедшій въ текущемъ году I выпускъ его „Великорусса въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.“, заключающій въ себѣ 1283 записи, представляетъ выдающееся явленіе въ великорусской этнографіи; но въ то же время г. Шейнъ продолжаетъ и печатаніе матеріаловъ по изученію быта и языка Сѣверо-Западнаго края, что составитъ заключительный томъ предшествовавшихъ сборниковъ по этнографіи бѣлорусскаго племени.

Критика очень благосклонно отнеслась къ прежнимъ трудамъ Шейна, особенно же къ „Бѣлорусскимъ пѣснямъ“, напечатаннымъ въ V т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи за 1873 г. Рецензія О. Ѳ. Миллера (Отчетъ о восемнадцатомъ присужденіи наградъ имени графа Уварова 25-го сентября 1875 г.) указываетъ, между прочимъ, на слѣдующія его достоинства: богатство содержанія, примѣчанія грамматическія и ссылки на соотвѣтственныя пѣсни въ другихъ сборникахъ, какъ русскихъ, такъ и изданныхъ западными славянами, объясненіе обрядовъ и суевѣрій на основаніи нѣкоторыхъ трудовъ по сравнительной миѳологіи, строгость приемовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ, и обдуманность при выборѣ всего дѣльнаго и выдающагося среди накопленныхъ матеріаловъ. Дѣйствительно, въ свое время, да еще и теперь „Бѣлорусскія пѣсни“ П. В. Шейна (1874 г.) могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ, а особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ отчасти и труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанія своего сборника 1874 г. П. В. Шейнъ накопилъ матеріаловъ почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общества, V, 829); но этимъ онъ не ограничился, и въ 1877 году обратился въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе г. Шейна и оказало ему полное содѣйствіе въ собирательскихъ трудахъ, какъ въ эту поездку, такъ и въ слѣдующія, предпринимавшіяся имъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія мѣстнаго Учебнаго Округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, г. Шейнъ побывалъ во многихъ мѣстахъ, завелъ обширныя знакомства, особенно среди учебнаго персонала и учащихся. Всюду г. Шейнъ распространялъ свои программы, записывалъ самъ и

побуждалъ знакомыхъ записывать для него матеріалы, намѣченные въ программахъ, ознакомился съ разными провинціальными собраніями и изданіями. Результатомъ этихъ трудовъ было то, что П. В. представилъ въ Академію Наукъ матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 по 1893 гг. вышло три большихъ книги этихъ матеріаловъ (свыше 2010 страницъ); 4-я книга печатается. Но и эти 4 книги не исчерпываютъ всего имѣющагося у почтеннаго собирателя матеріала, такъ какъ при поискахъ онъ, кромѣ матеріаловъ бѣлорусскихъ, не упустилъ изъ вида разысканіе и собраніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Бѣлоруссіей, а также сосѣдняго съ Волиныю.

Самое заглавіе труда г. Шейна показываетъ, что авторъ имѣетъ въ виду матеріалы для изученія *быта* русскаго населенія сѣверо-западнаго края и матеріалы для изученія *языка* того же населенія.

Весь этнографическій матеріалъ въ разсмотрѣнномъ сборникѣ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, точнѣе: пѣсни лирическія, обрядовыя и семейныя; 2) поэзія эпическая: сказки, анекдоты, легенды, преданія и т. д. Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ имѣетъ свои подраздѣленія; въ общемъ они тѣ же, что и въ первомъ сборникѣ Шейна (1873 г.).

Разсмотрѣвъ весьма подробно содержаніе сборника, проф. Карскій въ заключеніе своей рецензіи подводитъ итоги всему предшествующему въ нижеслѣдующихъ словахъ:

1) „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“, собранные и изданные г. Шейномъ, по богатству своего содержанія, особенно въ отношеніи обрядовой поэзіи, превосходятъ все явившееся до сихъ поръ; лишь нѣкоторыя изъ вышедшихъ одновременно съ ними сборниковъ, въ отношеніи матеріаловъ, касающихся эпической поэзіи, могутъ быть поставлены нѣсколько выше разсматриваемаго изданія.

2) Обрядовыя пѣсни сопровождаютъ описаніемъ самихъ обрядовъ и другихъ дѣйствій, сопровождающихъ ихъ пѣніе. Къ этнографическимъ матеріаламъ прилагаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

цѣнные пояснительныя замѣчанія, представляющія изъ себя подчасъ цѣлые экскурсы въ ту или другую историко-литературную область. Въ разныхъ мѣстахъ указаны варианты пѣсенъ или сдѣланы на нихъ ссылки.

3) Изъ собраннаго этнографическаго матеріала сдѣланъ строгій выборъ и затѣмъ всему дано соотвѣтствующее мѣсто; всюду замѣтна рука опытнаго собирателя и редактора.

4) Къ слабымъ сторонамъ изданія относится не совсѣмъ точная орфографія, объясняемая нѣскольکو ложнымъ взглядомъ издателя на редакторскія свои обязанности. При всемъ томъ, при умѣломъ и осторожномъ пользованіи сборникомъ, изъ него можно извлечь не мало цѣнныхъ и лингвистическихъ данныхъ.

5) Достоинства разсматриваемаго собранія уже при первомъ выходѣ его въ свѣтъ оцѣнены учеными, которые въ достаточной степени воспользовались имъ для цѣлей литературныхъ и этнографическихъ (академикъ Веселовскій, проф. Сумцовъ, проф. Владиміровъ), а также лингвистическихъ (проф. Соболевскій и др.).

„Имѣя въ виду указанныя достоинства разсматриваемаго изданія П. В. Шейна, а также необычайную энергію автора-редактора въ столь тяжеломъ и малоблагодарномъ трудѣ, какъ собираніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ, говоритъ проф. Карскій, Императорская Академія Наукъ поступить, по моему убѣжденію, вполне справедливо, присудивъ почтенному труженику на поприщѣ бѣлорусской этнографіи награду имени П. Н. Батюшкова, всегда горячо принимавшаго къ сердцу всякія изслѣдованія и изданія, касавшіяся Западнаго края“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія, на основаніи § 13 положенія о преміяхъ и наградахъ имени П. Н. Батюшкова постановила выдать медали установленныя для рецензентовъ: профессору Евфимію Федоровичу Карскому и бібліотекарю Императорской Академіи Наукъ Эдуарду Александровичу Вольтеру, за труды ихъ по оцѣнкѣ, представленныхъ на премію сочиненій.

Разборъ этнографическаго труда П. В. Шейна: «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края». Томъ I, часть I. С.-Петербургъ. 1887. Томъ I, часть II. С.-Петербургъ. 1890. Томъ II. С.-Петербургъ. 1893. (Отдѣльные оттиски изъ 41, 51 и 57 тт. «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ»).

Имя П. В. Шейна очень извѣстно въ русской этнографической наукѣ и съ одинаковымъ правомъ можетъ принадлежать какъ великорусской, такъ и бѣлорусской этнографіи. Трудно даже сказать, въ какой области онъ произвелъ больше, и какая народность больше его интересуеть. Вышедшій въ текущемъ (1898) году I вып. его «Великорусса въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.», заключающій въ себѣ 1283 записи, представляетъ выдающееся явленіе въ великорусской этнографіи; но въ то же время, какъ намъ извѣстно, продолжается и печатанье матеріаловъ по изученію быта и языка Сѣверозападнаго края, чтó составитъ заключительный томъ собраній по этнографіи бѣлорусскаго племени.

Критика очень благосклонно отнеслась къ прежнимъ трудамъ Шейна (см. о ней у А. Н. Пыпина, Исторія русской этнографіи, т. II, 68—69, IV, 154—158), особенно къ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», напечатаннымъ въ V т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи за 1873 г. (отдѣльно — С.-Петербургъ. 1874 г.). Рецензія О. Э. Миллера (Отчетъ о восемнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова 25 сентября 1875 г.) указываетъ между прочимъ слѣдующія его достоинства: богатство содержанія, примѣчанія грамматическія и ссылки на соотвѣтственныя пѣсни въ другихъ сборникахъ какъ русскихъ, такъ изданныхъ западными славянами, объясненіе обрядовъ и суевѣрій на основаніи нѣкоторыхъ трудовъ по сравнительной мѣологии, строгость пріемовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ, и обдуманность при выборѣ всего дѣльнаго и выдающагося изъ накопленныхъ матеріаловъ. Дѣй-

ствительно, въ свое время, да еще и теперь «Бѣлорусскія пѣсни» П. В. Шейна (1874 г.) могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ и особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ и отчасти труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанья своего сборника 1874 г. Павелъ Васильевичъ имѣлъ матеріала почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общ., V, 829); но этимъ онъ не ограничился, и вотъ въ 1877 г. обращается въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе г. Шейна и оказало ему всякое содѣйствіе въ собирательскихъ трудахъ какъ въ эту поѣздку, такъ и въ слѣдующія, принимавшіяся Павломъ Васильевичемъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія учебнаго округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, г. Шейнъ постарался побывать во многихъ мѣстахъ, а еще по-больше завести разныхъ знакомствъ, особенно изъ среды учебнаго персонала, а также учащихся. Всюду онъ распространялъ свои программы¹⁾, записывалъ самъ и побуждалъ своихъ знакомыхъ записывать для него разные матеріалы, отмѣченные въ программахъ, знакомился съ разными провинціальными собраніями и изданіями. Результатомъ этихъ собраній было то, что П. В. въ Академію Наукъ было представлено матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 по 1893 г. вышло этихъ матеріаловъ 3 большихъ книги (всего болѣе 2010 страницъ); 4-я книга печатается. Но и эти 4 книги не исчерпаютъ всего имѣющагося у почтеннаго собирателя матеріала, такъ какъ при своихъ поискахъ онъ, кромѣ матеріаловъ бѣлорусскихъ, не упустилъ изъ виду разыскваніе и собираніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Бѣлоруссіей, а также сосѣднящаго съ Вольшью.

Не имѣя возможности судить о томъ, какіе непечатанные матеріалы еще имѣются въ распоряженіи нашего собирателя, обратимся къ разсмотрѣнію уже вышедшихъ въ свѣтъ. Само заглавіе труда г. Шейна показываетъ, что авторъ имѣетъ въ виду 1) матеріалы для изученія быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края и 2) матеріалы для изученія языка

¹⁾ Последнее изданіе ихъ вышло въ январѣ 1889 г. подъ заглавіемъ: «О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемаго Академіею Наукъ Бѣлорусскаго сборника г. Шейна». Это воззваніе напечатано отъ имени Академіи Наукъ, при чемъ въ него вошла и программа самого Шейна.

того же населенія. Для удобства обозрѣнія собранныхъ матеріаловъ и расположимъ ихъ по двумъ отмѣченнымъ рубрикамъ.

І. Характеристика быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края въ «Матеріалахъ» П. В. Шейна.

Заслуга П. В. Шейна при сужденіи о его «Матеріалахъ для характеристики быта сельскаго населенія Сѣверозападнаго края» выступить особенно рельефно тогда, когда мы сравнимъ эти матеріалы съ тѣмъ, что было собрано по этой части до Шейна.

Подъ матеріалами, характеризующими бытъ того или другаго народа, можно разумѣть очень многое: начиная отъ обряда, вѣрованія, пѣсни и оканчивая жилищемъ, пищей, вообще тою или другою степенью умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Но работы г. Шейна, не будучи еще закончены, не исчерпываютъ предмета въ такомъ широкомъ смыслѣ: въ нихъ разсматриваются главнымъ образомъ обряды и сопровождающія ихъ пѣсни, а затѣмъ даются матеріалы по поэзіи эпической (сказки, легенды, пословицы и т. п.). Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ труды г. Шейна по сравненію съ тѣмъ, что выработано въ предшествовавшее ему время. Изученіе быта бѣлорусса въ отношеніи обряда и пѣсни, а также вѣрованій, началось не очень давно, и до появленія разсматриваемыхъ трудовъ г. Шейна ничего особенно выдающагося не представляло. Работы Е. Романова ¹⁾ выходили одновременно съ матеріалами Шейна и поэтому въ данномъ случаѣ не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. По той же причинѣ не станемъ упоминать о сборникахъ В. Добровольскаго ²⁾ и этнографическихъ трудахъ Н. Никифоровскаго ³⁾. Да и при сужденіи о работахъ, увидѣвшихъ свѣтъ раньше «Матеріаловъ» г. Шейна, также не станемъ распространяться, такъ какъ уже прежде насъ онѣ обстоятельно оцѣнены въ трудѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи», т. IV. Мы ограничимся только краткой характеристикой главнѣйшихъ работъ. На первомъ планѣ поставимъ статью, помѣщенную въ «Dziennik'ѣ Wileńsk'омъ» за 1817 г., т. VI, стр. 396—408, Маріи Чарновской, подъ заглавіемъ: «Zabytki mitologii sławiańskiej w zwyczajach wieyskiego ludu na Białey Rusi dochowywane». Статья эта въ свое время дважды печаталась въ русскомъ переводѣ, больше въ извлеченіи, съ сокращеніями, въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 г., ч. 102

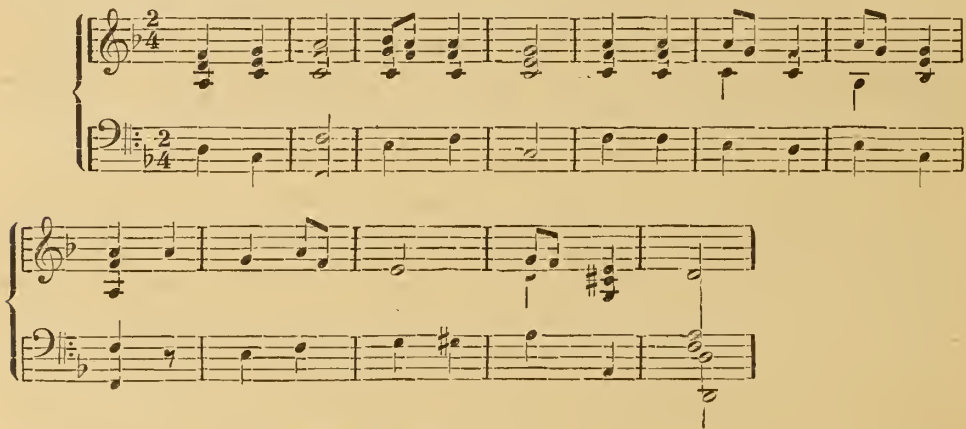
¹⁾ Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, вып. 1 и 2. Кіевъ. 1886 г.; вып. 3. Витебскъ 1887 г.; вып. 4. Витебскъ. 1891 г.; вып. 5. Витебскъ. 1891 г.

²⁾ Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I. С.-Пб. 1891 г.; ч. II. С.-Пб. 1894 г. ч. III. С.-Пб. 1894 г.

³⁾ Очерки простонароднаго житія-бытѣя въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1895 г.; Простонародныя примѣты и повѣрья. . . въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1897 г.

(53—56, 111—119) и въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 г., т. IV (464—473). Разъ она была перепечатана и по-польски въ книгѣ Голэмбѣвскаго: *Lud Polski, jego zwyczaj, zabobony. W Warszawie. 1830 г.* (напр. стр. 12—13, 268—269). Уже изъ этихъ перепечатокъ названной статьи можно видѣть, что она въ свое время казалась очень интересной. Дѣйствительно, она сообщала нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся обычаевъ и вѣрованій бѣлоруссовъ; кое-что имѣетъ цѣну и до настоящаго времени. Слѣдуетъ пожалѣть, что г. Шейпъ, перепечатавшій, какъ увидимъ, немало прежнихъ статей въ своихъ «Матеріалахъ», не удѣлил мѣста данному очерку. Въ виду рѣдкости въ нашихъ бібліотекахъ журнала «Dziennik Wileński» приводимъ здѣсь главнѣйшія свѣдѣнія изъ этой статьи¹⁾.

Купала. Наканунѣ Иванова дня, по заходѣ солнца, въ избранномъ мѣстѣ вбиваютъ въ землю коль, обкладываютъ его соломой и конопляной трухой, а наверхъ привязываютъ снопы соломы. «Это и называется Купалой». Затѣмъ, когда стемнѣетъ, зажигаютъ эту солому. При видѣ огня тотчасъ сбѣгается множество крестьянъ обоого пола съ березовыми дровами въ рукахъ, которыя и бросаютъ въ огонь, со словами: «кабъ мой лёнъ былъ (= быў) такъ велики, якъ гѣтая фарасина». Нѣкоторые прежде, нежели вбросить полѣно въ огонь, троекратно обѣгаютъ съ нимъ костеръ. Дѣвушки, парни и молодыя женщины поютъ при этомъ слѣдующую пѣсню (для обозначенія напѣва прилагаются ноты):



Купала на Ивана,
Гдѣ Купала начавала?
Купала на Ивана, 2
Начавала у Ивана.

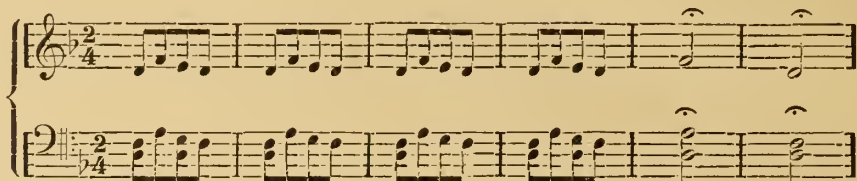
¹⁾ По заявленію автора статьи, описаніе составлено подъ вліяніемъ инструкцій гр. Разумовскаго относительно собраній народныхъ произведеній, имѣющихъ значеніе даже для ученыхъ. Записи сдѣланы въ Чериковскомъ уѣздѣ Могилевской губ., въ имѣніи Губенщина (15 верстъ отъ Черикова). Описаніе обрядовъ даемъ въ русскомъ переводѣ, а пѣсни приводимъ въ русской транскрипціи, но не мѣняя фонетики.

Купала на Ивана, 2
 Што у Ивана ужывала?
 Купала на Ивана, 2
 Ужывала варенице у алеещѣ,
 Купала на Ивана, 2
 Рыбку зъ перцемъ, чеснокъ зъ алейцемъ
 Купала на Ивана и т. д.

Когда костеръ сгоритъ до половины или немного болѣе, тогда начинаютъ прыгать черезъ него парни; женатые и вдовцы не имѣютъ этой чести. Женщины приносятъ вареники и угощаютъ ими, а также водкой присутствующихъ. Затѣмъ начинаются танцы при кострѣ, въ который для поддержанія огня подбрасываютъ березокъ и конопляной трухи. Въ эту ночь не ведутъ лошадей на пастбище изъ опасенія, чтобы вѣдьмы не поѣхали на нихъ въ Кіевъ на Лысую гору, а оставляютъ ихъ дома въ хлѣвахъ. Кромѣ того, въ воротахъ обыкновенно привязываютъ освященные срѣтенскія свѣчи (громницы), которыя, по народному вѣрованію, не допускаютъ вѣдьмъ во дворъ или въ хлѣвъ; даже если бы вѣдьма и сгрызла такую свѣчку, она все же не могла бы войти во дворъ или въ хлѣвъ, чтобы сдѣлать здѣсь какой-либо вредъ. Особенно такія заботы направляются на коровъ, чтобы адская змѣя не высосала у нихъ молока, послѣ чего онѣ могутъ совершенно прекратить давать молоко.

Радазница. Во вторникъ на Фоминой недѣлѣ крестьяне послѣ полудня собираются на кладбищѣ у могилъ своихъ родныхъ. Здѣсь съ плачемъ они катаютъ яйца по могиламъ, а затѣмъ отдаютъ ихъ нищимъ, которыхъ въ этотъ день на кладбищѣ собирается множество. Нищіе поютъ свои пѣсни. Пришедшіе разстилаютъ на могилахъ скатерти, разставляютъ на нихъ принесенныя кушанья, поливаютъ могилу водкой и медовой сытой. Затѣмъ начинаютъ ѣсть, при чемъ первыми на это угощеніе приглашаютъ своихъ покойныхъ родителей: «Святые радзители, хадзице къ намъ хлѣба и соли кушець (= кушаць?), старые и малые!» Число кушаній должно быть нечетное. Непременно бываютъ медъ, творогъ, блины, яйца, колбасы или ветчина; кромѣ того, приносятъ яичницу, какое-либо жареное мясо и подобныя кушанья. Бѣднымъ помогаютъ богатые устроить подходящую трапезу. Остатки кушаній отдаютъ нищимъ. Послѣ ѣды еще разъ обращаются къ мертвымъ со слѣдующими словами: «мае радзители, выбачайце, недзивице, чымъ хата багата, тымъ и рада». Исполнивши всѣ эти обряды, идутъ въ корчму, пьютъ и танцуютъ. Кладбища на Бѣлой Руси въ лѣсахъ, которые произошли отъ засаживанія ближайшими родственниками на могилахъ деревьевъ. Такихъ поминокъ въ теченіе года бываетъ четверо, но разсмотрѣнныя — самыя главныя.

Русалки. На второй день «Зеленыхъ святокъ», который на Руси есть день Св. Троицы, крестьяне и крестьянки идутъ въ лѣсъ. Однѣ только дѣвушки, а изрѣдка и молодыя замужнія женщины завиваютъ вѣтки березъ въ видѣ вѣнковъ. Каждая завиваетъ столько вѣнковъ, сколько у нихъ въ семействѣ лицъ, т. е. для отца, матери, сестры, брата, дѣтей, мужа, а иногда и для жениха или вообще любимаго человѣка. Завивая вѣнки, подъ аккомпаниментъ скрипки поютъ слѣдующую пѣсню (для обозначенія мелодіи прилагаются ноты):



Русалачки землянчки,
 На дубъ лѣзли, кару грызли,
 Звалилисе, забилисе.
 Троица.

Завивши вѣнки, прыгая около деревьевъ и прихлопывая руками, поютъ:

Мы вяночки завили,
 Мы гарелѣчки (= гарелачки?) папили,
 И яечню паѣли.

Тутъ дѣвушки обмѣниваются другъ съ другомъ кольцами. Затѣмъ самая старшая женщина въ этомъ собраніи садится на землю съ пучкомъ кропивы, привязаннымъ къ палкѣ, при чемъ дѣлаетъ видъ, что она прядетъ и дремлетъ. Дѣвушки, взявшись за руки, съ пѣснями танцуютъ около нея. Баба неожиданно подпрыгиваетъ съ земли какъ можно выше, продѣлываетъ разныя уморительныя гримасы и бьетъ дѣвушекъ по рукамъ крапивой. Это вызываетъ смѣхъ; затѣмъ, насмѣявшись, пьютъ водку. Всѣ эти игры больше происходятъ возлѣ поля, засѣяннаго рожью. Что касается мужчинъ, то одни играютъ на скрипкахъ, а другіе только смотрятъ, но въ играхъ не участвуютъ. — Черезъ недѣлю идутъ развивать вѣнки. Счастливымъ считается то лицо, чей вѣнокъ не засохъ; онъ обозначаетъ долгую жизнь; наоборотъ, несчастны тѣ, чьи вѣнки засохли: имъ грозитъ какая-либо бѣда. Засохшіе вѣнки срываютъ и бросаютъ въ воду. Чей вѣнокъ дольше держится на водѣ, тотъ больше проживетъ. При развиваніи вѣнковъ поютъ:

На Тройцу мы вянки вили,
 На Розгары ¹⁾ развили,
 Гарелэчку папили,
 И яечню паѣли.

Здѣсь снова обмѣниваются кольцами, т. е. получаютъ свои обратно, и затѣмъ танцуютъ. Отъ Троицы до слѣдующей недѣли никто изъ крестьянъ не дѣлаеть заборовъ и не починаеть боронъ — все изъ опасенія, чтобы не прогнѣвать русалокъ. Онѣ мстятъ тѣмъ, что у такихъ хозяевъ рождается скотъ съ кривыми головами или ногами. Встарину видали русалокъ: онѣ бывали нагими, съ черными длинными волосами и глазами такого же цвѣта. Жили онѣ въ лѣсахъ; качались на вѣткахъ деревь и, если замѣчали, что кто-либо проходитъ мимо, то завлекали къ себѣ словами: «га! га! хадзице къ намъ на арели (= качели) калыхацсе». Несчастливца, приблизившагося къ нимъ, онѣ уродовали. . . Русалки это дѣти, которыя умерли безъ крещенія.

Доброхочы. Онѣ ходитъ около лѣса; возрастъ его соотвѣтствуетъ высотѣ деревьевъ, около которыхъ онѣ бываетъ. Доброхочы — покровитель людей честныхъ; на дурныхъ онѣ посылаетъ болѣзни, но нѣкоторыми дѣйствіями можно его умилоствитъ. Именно, ему приносятъ кусокъ хлѣба и горсть соли, произносятъ надъ нимъ пашентыванія и затѣмъ все это оставляютъ въ лѣсу вмѣстѣ съ болѣзнию, которая уже больше и не возвращается. Дурное качество Доброхочаго то, что если кто вступитъ на его слѣдъ, непременно заблудится въ лѣсу.

Такимъ же успѣхомъ, какъ и статья Чарновской, пользовалось въ свое время сообщеніе И. Шидловскаго: «Obrzędy weselne ludu wiejskiego w gubernii Mińskiej, w powiecie Borysowskim, w parafii Haieńskiej, obserwowane w latach 1800, 1-szym i 2-gim z niektórymi piosnkami i ich zwyczajną notą», помѣщенное въ журналѣ «Tygodnik Wileński» 1819 г., т. VII (стр. 1—18, 81—104). Въ «Tygodnik'ѣ» фамилія автора не упомянута. Объ ней узнаемъ изъ перепечатки этой статьи въ книгѣ гр. Тышкевича: *Opisanie powiatu Borysowskiego* (о чемъ послѣ). Но ни у Тышкевича, ни въ «Tygodnik'ѣ» нѣтъ потъ, передающихъ мотивы пѣсенъ. Последнія помѣщены при перепечаткѣ этой статьи въ книгѣ Голэмбѣвскаго *Lud Polski*. Статья Шидловскаго воиолѣ основательно перепечатана у г. Шейна въ русскомъ переводѣ и транскрипціи пѣсенъ; жаль только, что лицо, переведившее эту статью для «Матеріаловъ» Шейна, пользовалось не оригиналомъ статьи (въ «Tygodnik'ѣ»), а ея перепечаткой у Тышке-

¹⁾ Название этой недѣли. Замѣч. автора.

вча. После мы увидимъ, насколько точно транскрибированы пѣсни изъ этой статьи. Здѣсь только, въ дополненіе къ ней, перепечатаемъ мотивы пѣсенъ, приложенные къ рѣдкой пылѣ книгѣ Lud Polski.

Allegretto.

№ 1.

На - ша Та - цян - ка, на - ша. На - ша Та - цян - ка, на - ша

№ 2.

пой - ма - ла са - бѣ пта - ша. Ой цѣ - мна цѣ - мна на два - рѣ,

№ 3.

Ой цѣ - мнѣй та - го за два - ромъ. Ми - жы на - выхъ клѣ - та - чакъ

Ми - жы на - выхъ клѣ - та - чакъ, сце - жач - ки па - мя - цѣ - ны.

№ 4.

Зви-нѣ-ла ка-мо-ра, зви-нѣ-ла, гдѣ на-ша Та-цяп-ка си-дѣ-ла.

Тон-кі-я аб-ру-сы за-тка-ла, Мы-сля-ми взо-ры па-кла-ла.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 г., № 5 (стр. 75—92), помѣщена статья К. Фалютыньскаго: «Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суевѣрные обряды жителей Бѣлоруссiи». Она довольно слабая и малоинтересная, но все же заслуживаетъ упоминанiя, такъ какъ въ то время и подобныхъ статей не было.

Къ концу первой половины истекающаго столѣтiя знакомство съ бытомъ западной Руси нѣсколько усиливается. Тутъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить небольшiе сборнички Яна Чечота, послужившие матеріаломъ для неоднократныхъ перепечатокъ у разныхъ собирателей бѣлорусскихъ произведенiй, часто даже безъ упоминанiя источника, откуда они заимствуются. Такъ много взяли изъ Чечота, какъ увидимъ послѣ, Киркоръ въ Этнографическомъ сборникѣ, выш. III, Корева въ описанiи Виленской губернiи, Шпилевскiй, Дмитрiевъ, Крачковскiй, Шейнъ; у послѣднихъ двухъ дѣлаются и ссылки на Чечота. Дѣятельность Чечота на поприщѣ бѣлорусской этнографiи довольно обстоятельно охарактеризована въ неоднократно упоминаемомъ трудѣ А. Н. Пыпина: Исторiя русс. этнографiи, IV, 45—55. Мнѣ остается только напомнить, что подлинныя бѣлорусскiя пѣсни (не въ польскомъ переводѣ) содержатся лишь въ двухъ книжкахъ Чечота: «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1844» и «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno. 1846». Въ сборникѣ Чечота даются только пѣсни, по

описанія обрядовъ нѣтъ. Кое-что можно извлечь лишь изъ словарика, да народныхъ примѣтъ, касающихся праздниковъ, а также изъ пословиць. Передачи звуковъ у Чечота, а также у г. Шейна при заимствованіи у него пѣсенъ — коснемся послѣ.

Къ этому же времени относится и книга, составленная подъ руководствомъ гр. Евст. Тышкевича: «Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o obyczajach, spiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, guslach, zabobonach i t. d. Wilno. 1847». Посвященіе Л. А. Перовскому, министру внутреннихъ дѣлъ, подписано словами: Mam honor zostawać jaśnie wielmożnego pana najniższym sługą Eustachy Hrabia Tyszkiewicz, Marszałek Powiatu Borysowskiego. Въ русскомъ переводѣ это сочиненіе имѣется только въ рукописи Виленской публичной бібліотеки № 300 по описанію Ф. Добрянскаго: «Описание Борисовскаго уѣзда въ статистическомъ, хозяйственномъ, промышленно-торговомъ и медицинскомъ отношеніи. Съ присовокупленіемъ свѣдѣній о нравахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и одеждѣ простого народа, предразсудкахъ, вѣрованіяхъ и проч.». Переводъ съ польскаго. 1848 г., 244 л. Книга эта, очень замѣчательное явленіе въ этнографической литературѣ времени половины нынѣшняго столѣтія, не потеряла своего значенія и теперь. Въ ней, кромѣ свѣдѣній чисто статистическаго характера, помѣщено еще очень много любопытныхъ данныхъ относительно обрядовъ и сопровождающихъ ихъ пѣсенъ, народнаго чародѣйства, суевѣрій, примѣтъ; тутъ имѣется и порядочное собраніе пословиць. Подобно сборничкамъ Чечота, и Opisanie powiatu Borysowskiego Тышкевича дало много матеріала для послѣдующихъ собирателей, напр. для Носовича (безъ ссылокъ на Тышкевича), Киркора (Этнографич. сборн., вып. III), Крачковскаго. Наконецъ г. Шейнъ въ своихъ «Матеріалахъ» цѣликомъ переводитъ главы, касающіяся свадебнаго обряда, о чемъ рѣчь послѣ. Здѣсь только поставимъ на видъ, что не мѣшало бы дополнить свѣдѣніями изъ Тышкевича и обряды купальскіе; особенно среди пѣсенъ тамъ попадаются довольно интересныя (ср. стр. 369—375), напр.

Соньце грѣець,
Калода прѣець;
Соньце пячець,
Калода цячець.

Или:

Сегодня у насъ Купала. То! то! то! то!
Самъ Богъ агонь разклаў. То! то! то! то! и т. д.

Также слѣдовало бы перепечатать и пѣсни жнивныя (стр. 396—399). Тутъ встрѣчаются такія жнивныя пѣсни, какъ:

Золато маё, золото, на таку малочано,
На сталѣ пасыпано. Кто золото паличыць,
Той на вайну не паѣдзецъ. . .

Или:

У насъ сягодня вайна была.
Усё поля зваявали.
Змяли поля мяцёлками,
Идземъ дамоў вясёлками.
Ніўка мая, ніўка,
Адай маю силку!

Разсмотрѣнные труды представляютъ главнѣйшія явленія по бѣлорусской этнографіи, выпедшія на польскомъ языкѣ въ первую половину истекающаго столѣтія. Работы эти хотя и очень немногочисленныя, но во всякомъ случаѣ очень цѣнныя, не потерявшія въ большинствѣ случаевъ своего значенія и до настоящаго времени. Всегда ихъ имѣли въ виду всѣ этнографы до послѣдняго времени, о чемъ уже свидѣтельствуютъ многочисленныя заимствованія изъ нихъ.

Съ 50-хъ годовъ появляются болѣе или менѣе выдающіяся работы по бѣлорусской этнографіи и на русскомъ языкѣ, на первыхъ порахъ, правда, бывшія въ очень близкой зависимости отъ польскихъ трудовъ. Тутъ по времени первое мѣсто несомнѣнно занимаютъ разныя статьи П. М. Шпилевскаго (подробное перечисленіе ихъ, а также оцѣнку можно найти въ «Исторіи русс. этногр.» Пыпина, IV, 72—75). Мѣстный уроженецъ, проведеній дѣтство въ одномъ изъ бѣлорусскихъ захолустій, онъ очень хорошо зналъ бѣлорусскій бытъ и при лучшемъ состояніи этнографической науки могъ бы дать много цѣнныхъ матеріаловъ для его характеристики. На самомъ же дѣлѣ его статьи носятъ беллетристическій характеръ; въ нихъ авторъ довольно легко относится къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и обычаямъ, такъ что, читая его статьи, нельзя быть вполне увѣреннымъ въ правдивости сообщеній. Многія пѣсни, кромѣ того, заимствованы у Чечота или изъ книги Тышкевича, безъ ссылокъ на эти труды. Несмотря на эти недостатки, и изъ трудовъ Шпилевскаго, при осторожномъ пользованіи, можно извлечь не мало интереснаго. О заимствованіяхъ г. Шейна изъ Шпилевскаго рѣчь послѣ.

Начиная съ 1853 года Императорское Географическое Общество начало обнаруживать отвѣты, полученные имъ на программы, разосланныя

еще въ 1847 году, въ особомъ сборникѣ, посвящемъ названіе: «Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ». Въ первыхъ трехъ выпускахъ этого сборника есть интересныя статьи и по бѣлорусской этнографіи, содержащія матеріалы для характеристики народнаго быта. Таковы — въ 1-мъ выпускѣ (Спб. 1853 г.) статья свящ. Разумихина: «Село Бобровки и окружающій его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда» (235—282). Здѣсь, кромѣ данныхъ для характеристики языка, имѣемъ и матеріалы, изображающіе народный бытъ тверскихъ бѣлоруссовъ (обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей, при свадьбахъ, при похоронахъ и нѣкоторые другіе). Обо всемъ говорится вкратцѣ, но зато сообщаются свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ дотолѣ неизвѣстныя. Въ томъ же выпускѣ помѣщена статья проф. Литовской семинаріи И. Юркевича: «Остринскій приходъ Виленской губ. Лидскаго уѣзда» (283—293) — также дающая кое-какія свѣдѣнія по западнорусскому быту. Во 2-мъ выпускѣ Этнографическаго сборника помѣщена очень интересная статья: «Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ» (111—268), касающаяся больше сѣверной части Бѣлоруссіи. Въ основѣ этой обширной статьи лежитъ этнографическое описаніе народнаго быта, сдѣланное Н. Анимелле, но оно дополнено разными сообщеніями, поступавшими въ Географическое Общество отъ 1848 по 1850 г. Тутъ находимъ напр. свѣдѣнія о привѣтствіяхъ, о сидѣннѣи за столомъ, о крестинахъ, свадьбахъ у православныхъ и католиковъ бѣлоруссовъ; описаніе обрядовъ сопровождается соответствующими пѣснями и привѣтствіями. Далѣе описываются похороны и поминки. Есть описаніе обычаевъ и при особыхъ случаяхъ, напр. при пожарахъ. Особый отдѣлъ составляетъ описаніе обрядности при народныхъ праздникахъ, а также при живѣи и толокѣ. И здѣсь описаніе обрядовъ вездѣ сопровождается пѣснями. Въ заключеніе предлагаются суевѣрія и примѣты, а также приводится нѣсколько поговорокъ. Эта статья во всѣхъ отношеніяхъ интересная. Жаль только, что уже давно не имѣется въ продажѣ этотъ выпускъ Этнографическаго сборника. Въ 3-мъ выпускѣ также находимъ двѣ интересныя статьи по быту сельскаго населенія. Это а) «Замѣтки о западной части Гродненской губерніи» безъ имени автора (кажется Куклинскаго, стр. 47—114) и б) «Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію» А. Киркора (115—276). Въ первой статьѣ, кромѣ историческаго очерка страны, дается описаніе и «быта современнаго», при чемъ подъ бытомъ разумѣется собственно языкъ: описаній обрядовъ и обычаевъ нѣтъ. Объ нихъ впрочемъ можно судить по приводимымъ здѣсь пѣснямъ. Статья Киркора уже даетъ обстоятельный очеркъ между другими народностями и быта бѣлорусскаго населенія Виленской губерніи. Тутъ описаны обряды при рожденіи, свадьбѣ, похоронахъ, поминкахъ умершихъ; тутъ

же описаніе народныхъ празднествъ, а также полевыхъ работъ съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; есть краткія свѣдѣнія о народной медицинѣ и лѣкаряхъ-знахаряхъ; описываются народныя игры съ приложеніемъ сопровождающихъ ихъ пѣсенъ. Наконецъ немало отведено мѣста и народнымъ преданіямъ. Съ 193 страницы статья представляетъ сырые матеріалы: Словарь бѣлорусско-кривичанскаго нарѣчія, представляющій при ближайшемъ разсмотрѣніи простую перепечатку русскими буквами *Słownik wuzarów krewickich* изъ сборника Чечота 1846 г. (стр. 64—68). Далѣе (стр. 201—223) слѣдуютъ «пѣсни жителей Виленской губерніи, кривичанскаго племени», также перепечатанныя изъ Чечота (*ib.* 17—32, 46—62), безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Заимствованіе ихъ изъ Чечота подтверждается не только буквальнымъ сходствомъ, а также порядкомъ расположенія, но даже особымъ способомъ обозначенія неслогового *Ź* посредствомъ *Ź* въ подражаніе Чечотовскому латинскому *Ź*. Перепечатка сдѣлана довольно механически: Киркоръ помѣстилъ даже въ число народныхъ пѣсенъ стихотвореніе самого Чечота «Да милыхъ мужычкоу» (№ 43, стр. 222; у Чечота 1846 г., № С, стр. 62):

Да и яжъ вамъ памагу	Da i jaż wam pamahū,
Пѣсѣньку спѣваці	Piēsieńku śpiewaci;
Дай яжъ мижи вами ўзросъ	Da-j jaż miży wami Źzros
При бацьку и маці	Pry baćku i maci.
И миѣ Боу ¹⁾ на свѣцѣ дау	I mnie Bon na świecie daū
Горо гороваці;	Horo harawaci;
Штобъ лѣшисъ ²⁾ я васъ любіу,	Sztoby lepsz ja was lubiū,
И ўмѣу спагадаці	I Źmieū spahadaci.
Ой штожъ вы напѣли тутъ	Oj sztoż wy napieli tut,
Да якого дзива? и т. д.	Da jakoho dziwa! и т. д.

У Киркора влѣдствіе умолчанія объ источникѣ, а также невнимательнаго отношенія къ нему, допущена нѣкоторая мистификація или лучше — подлогъ. «Piosnki krewickie z nad Niemna» Чечота, записанныя около Щорска, стоящихъ на Нѣманѣ въ Минской губ. или въ прежнее время въ Гродненской, отнесены къ пѣснямъ Виленской губерніи. Впрочемъ незначительная часть пѣсенъ, находящихся у Киркора, не имѣется у Чечота и въ другихъ извѣстныхъ миѣ собраніяхъ. Онѣ, быть можетъ, собраны и самимъ Киркоромъ. На стр. 234—239 напечатаны пословицы, также

¹⁾ Чит. Богъ; неправильно прочитано Вои.

²⁾ Чит. лѣпшъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, корректурная небрежность.

взятыя изъ Чечота, безъ указанія источника (ср. у Чечота 1846 г., стр. 106—120). Свадебныя пѣсни (стр. 239—272), опять-таки безъ указанія источника, перепечатаны русскими буквами изъ *Opisania powiatu Borysowskiego* (стр. 289—345). И здѣсь перепечатка часто довольно небрежная, напр. у Тышкевича читаемъ: *Tatkawa niuka da nie ulekajsie* = Таткава нѣука да не улекайсе, а у Киркора: Таткова *нюка* да не улекайсь. Всѣ эти пѣсни изъ Борисовскаго уѣзда Минской губ., но онѣ названы пѣснями Виленской губерніи. Описание обрядовъ отъ пѣсенъ устранено. Имѣя въ виду такое безцеремонное обращеніе съ чужими пѣснями, можно думать, что такъ же отнесся Киркоръ и къ описаніямъ обрядовъ, хотя у него собрано и достаточно этого рода матеріала.

Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ генеральнымъ штабомъ были разосланы инструкціи и программы для изученія губерній Сѣверозападнаго края въ отношеніи статистики и географіи. Полученные въ отвѣтъ на эти программы матеріалы и изданы были потомъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба». Въ нѣкоторыхъ томахъ этого изданія имѣются и матеріалы, характеризующіе народный бытъ. Первой по времени книгой, интересной въ этомъ отношеніи, является «Виленская губернія» А. Корева. Спб. 1861. Тутъ (на стр. 609—638) въ отдѣлѣ — частный и гражданскій бытъ мѣстнаго населенія — имѣются и матеріалы для характеристики быта бѣлоруссовъ («Обряды славянскаго племени»). Слѣдуетъ только пожалѣть, что это описаніе не представляетъ ничего новаго, будучи выдержками изъ раньше отмѣченной статьи Киркора, который свои свѣдѣнія заимствовалъ у другихъ, главнымъ образомъ у Чечота и Тышкевича. Свой этотъ недостатокъ сознаетъ и самъ составитель описанія Виленской губерніи: «Всѣ эти сочиненія имѣютъ важныя достоинства, знакомящія съ частнымъ бытомъ мѣстнаго населенія губерніи, а потому мы здѣсь ограничимся извлеченіемъ болѣе любопытныхъ мѣстъ изъ этихъ описаній, а остальное предоставляемъ любознательнымъ читателямъ и любителямъ этнографическихъ изслѣдованій, для знакомства въ этомъ отношеніи съ краемъ, обратиться къ вышепоименованнымъ сочиненіямъ. Все нами здѣсь сказанное объ этомъ предметѣ было бы только повтореніемъ того, что уже давно представлено на судъ публики» (стр. 610). Значительно интереснѣе данныя о бытѣ бѣлоруссовъ находимъ въ томѣ «Матеріаловъ», содержащемъ «Гродненскую губернію» П. Бобровскаго. Спб. 1863, ч. I. Въ этомъ томѣ (на стр. 621—652, 808—844) дается не мало интереснаго и при томъ новаго матеріала для характеристики быта русскаго населенія Гродненской губ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только бѣлоруссовъ, то отсюда слѣдуетъ исключить все, что касается малорусскаго пле-

мени и отчасти жителей малорусскаго Полѣсья. Впрочемъ описаніе собственно обрядовъ, суевѣрій, предрасудковъ бѣлоруссовъ Гродненской губ. здѣсь занимаетъ немного мѣста (стр. 820—832, 838—842). При описаніи свадьбы кое-что, вѣроятно, заимствовано и у Киркора. Нѣкоторыя этнографическія данныя можно извлечь и изъ приводимыхъ пѣсенъ. Изъ другихъ частей этого ряда изслѣдованій заслуживаетъ еще вниманія книга М. Цебрикова «Смоленская губернія». Спб. 1862. Здѣсь рядомъ съ изображеніемъ быта великоруссовъ Смоленской губерніи отмѣчаются и этнографическія черты смоленскихъ бѣлоруссовъ, касающіяся быта и народной поэзіи.

Польское возстаніе 1863 г. заставило русское общество серьѣзнѣе взглянуть на бѣлорусскую народность, болѣе точно опредѣлить ея отличительныя свойства, нравственный обликъ. Поэтому съ 60-хъ годовъ появляются новыя собранія разныхъ матеріаловъ, характеризующихъ бытъ и языкъ бѣлоруссовъ. Первый сборникъ, явившійся въ это время подъ редакціей Гильтебрандта, больше изъ записей учениковъ Молодечнянской учительской семинаріи, подъ заглавіемъ: «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверозападномъ краѣ. Вып. I. Вильна. 1867» — не отличается особыми достоинствами: въ немъ и подборъ пѣсенъ и группировка ихъ неправильны; кромѣ того, есть поддѣлки; обряды описываются лишь изрѣдка и то вкратцѣ, въ извлеченіи изъ Шпилевскаго; даже взглядъ на область бѣлорусскаго нарѣчія здѣсь не совсѣмъ правиленъ. Вслѣдствіе отмѣченныхъ недостатковъ указанный сборникъ, хотя и совершенно не имѣется въ настоящее время въ продажѣ, даже не заслуживаетъ того, чтобы изъ него дѣлать перепечатки. Сборникъ этотъ составился изъ пѣсенъ, прилагаемыхъ къ «Виленскому Вѣстнику». И другія періодическія изданія того времени въ Сѣверозападномъ краѣ также помѣщали статьи этнографическаго характера, касающіяся быта бѣлорусскаго племени. Нѣкоторыя изъ такихъ статей впоследствии вышли и отдѣльными книжками. Таковъ, напр., «Онытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». М. Дмитріева. Перепечатано изъ Гродненскихъ губернскихъ вѣдомостей. Гродно. 1868 г. Эта книжечка (16°, 181 стр.) въ слѣдующемъ же 1869 г. вышла въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: «Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». Нѣсколько обширнѣе Гродненскаго изданія (мал. 8°, 264 стр.). Книжка эта очень непритязательная, но все же дающая немало интереснаго матеріала для характеристики быта бѣлоруссовъ. Много изъ Дмитріева, какъ увидимъ, перепечатано и въ «Матеріалахъ» г. Шейна. Изъ статей, явившихся сначала въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, дополненныхъ впоследствии новыми матеріалами, составилаь и очень интересная въ отношеніи изобра-

женія быта статья Ю. Крачковскаго: «Бытъ Западнорусскаго селянина». М. 1874 г. (изъ Читаній въ Общ. ист. и др. Росс. 1873 г., кн. 4), 8^о, 212. Какъ показывается само заглавіе, книга эта исключительно посвящена изображенію быта западнорусса во всѣхъ его отрасляхъ, начиная отъ событій семейныхъ и окончивая земледѣльческими работами. По полнотѣ и обстоятельности сообщеній эта статья можетъ быть сравнена развѣ съ отмѣченной раньше работой Анимелле о бытѣ бѣлорусскихъ крестьянъ (Этногр. сб., II), которую она превосходитъ большей занимательностью изложенія. Статья составлена и изъ новыхъ матеріаловъ, доставленныхъ ся автору впервые, и изъ перепечатки нѣкоторыхъ старыхъ, но всегда съ указаніемъ источника, а также мѣста записи. Такъ здѣсь находимъ заимствованія изъ сборниковъ Гильтебрандта, Зенькевича, Чечота, Тышкевича, Бобровскаго, Корева, Дмитріева. Всѣ эти заимствованія приведены кетати; видимо авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, о которомъ онъ трактуетъ въ своей статьѣ. Жаль только, что бытъ чисто бѣлорусскаго населенія не вездѣ отличается отъ быта пинчуковъ и даже малоруссовъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно пѣсенъ.

Около этого времени начинаютъ появляться и отдѣльныя болѣе или менѣе обширныя собранія бѣлорусскихъ народныхъ произведеній, часто съ присоединеніемъ описаній обрядовъ и обычаевъ. Первой по времени такой работой слѣдуетъ признать изданіе П. Безсонова: «Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта». М. 1871. Составъ и судьбу своего сборника Безсоновъ самъ подробно излагаетъ въ обширномъ предисловіи къ нему; здѣсь же указано и отношеніе его сборника къ предыдущимъ трудамъ по бѣлорусской этнографіи. Изъ этого предисловія можно видѣть, что въ основѣ сборника лежатъ пѣсни, доставленныя мѣстными уроженцами извѣстному собирателю П. В. Кирѣевскому. Пѣсни эти были записаны польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами. На долю Безсонова выпалъ редакторскій трудъ, который онъ, вообще говоря, выполнилъ довольно добросовѣстно. Это тѣмъ легче было ему сдѣлать, что одно время ему по службѣ пришлось быть въ Западномъ краѣ и непосредственно познакомиться съ мѣстной стариной и народнымъ бытомъ. Къ сожалѣнію, изданіе бѣлорусскихъ пѣсенъ Безсонова оборвалось на I-мъ выпускѣ, заключающемъ только 181 № пѣсенъ, но зато исключительно обрядовыхъ. Изданіе пѣсенъ сопровождается подробнымъ описаніемъ обрядовъ и обычаевъ; жаль только, что это описаніе соединено съ собственными объясненіями ихъ, въ большинствѣ случаевъ довольно сомнительнаго достоинства. Къ недостаткамъ сборника слѣдуетъ еще отнести то, что въ немъ нѣтъ строгаго разграниченія между пѣснями чисто бѣлорусскими и тѣми, кото-

рыя записаны въ Полѣсьѣ. Впрочемъ при осторожномъ пользованіи «Бѣлорусскими пѣснями» Безсопова можно извлечь изъ нихъ много поучительнаго въ бытовомъ отношеніи матеріала.

Еще раньше Безсопова на поприщѣ бѣлорусской этнографіи началась дѣятельность мѣстнаго уроженца И. И. Носовича (оцѣнку этой дѣятельности см. у А. Н. Пыпина: Исторія русс. этногр., IV, 148—153). Для характеристики быта бѣлоруссовъ имѣютъ значеніе всѣ его сочиненія въ этой области, но особенно цѣнны его пословицы, въ послѣдній разъ изданныя въ Сборникѣ Отдѣленія русс. яз. и слов. Имп. Академія Наукъ, т. XII, подъ заглавіемъ: «Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ». С.-Пб. 1874. Сюда вошли какъ пословицы, собранныя самимъ Носовичемъ, такъ и позаимствованныя изъ другихъ собраній, быть можетъ даже изъ великорусскихъ сборниковъ, при чемъ онѣ были лишь подправлены на бѣлорусскій ладъ. Другое его собраніе — «Бѣлорусскія пѣсни» (Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. V, С.-Пб. 1873 г., 45—280) имѣютъ въ научномъ отношеніи меньше значенія. При нихъ обыкновенно нѣтъ указанія мѣста записи и лица записывавшаго. Описаніе обрядовъ и повѣрій сдѣлано очень поверхностно. Самыя пѣсни при ближайшемъ знакомствѣ оказываются часто заимствованными изъ прежнихъ собраній, напр. Чечота и Тышкевича, при чемъ быть можетъ не непосредственно у нихъ, а черезъ Киркора. Ср. свадебн. пѣсни (Записки, V, 175—231; есть и другія мѣста сходства, напр. 80 стр. В). Указаній на заимствованія въ сборникѣ не сдѣлано. Редакція перепечатанныхъ пѣсепъ не вездѣ правильная: иногда допускаются измѣненія правописанія и даже исправленія въ самомъ текстѣ. Нѣкоторыя пѣсни заведомо искусственныя произведенія, имѣющія значеніе для характеристики языка, но не народнаго быта (ср. Записки, V, стр. 70 №№ 1 и 2, стр. 71 № 4, стр. 76 № 15, стр. 86 и др.).

Въ томъ же V томѣ Записокъ Имп. Русс. Геогр. Общества помѣщенъ и первый бѣлорусскій сборникъ П. В. Шейна, вышедшій отдѣльной книгой въ 1874 г. Рѣчь о немъ была раньше, въ началѣ этой статьи. Здѣсь повторимъ только, что по своимъ внутреннимъ качествамъ этотъ сборникъ превосходитъ все вышедшее до него, какъ у русскихъ, такъ и у поляковъ.

Наконецъ еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ крупномъ собраніи матеріаловъ, характеризующихъ бѣлорусскій бытъ, явившемся до «Матеріаловъ» г. Шейна, именно объ этнографической части въ «Опытѣ описанія Могилевской губ...., составленномъ по программѣ и подъ редакцію... А. С. Дембовецкаго». Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882 г. Въ 1-й книгѣ этого трехтомнаго описанія въ отдѣлѣ о населеніи Могилевской губерніи (стр. 173—599, 607—653) дается масса интереснаго матеріала, характери-

зующаго народный бытъ: описаніе празднованія главнѣйшихъ явленій изъ жизни простолюдина, какъ — свадьбы, родинъ и крестинъ, похоронъ и поминокъ; а также нѣкоторыхъ народныхъ празднествъ и занятій — свѣчи, коляды съ играми во время послѣднихъ, толоки; тутъ же описаніе повѣрій, народныхъ примѣтъ; наконецъ приводится крестьянскій календарь по мѣсяцамъ. Всѣ эти описанія сопровождаются иллюстраціями изъ народныхъ пѣсенъ, поговорокъ и повѣрій и заканчиваются обширнымъ пѣсеннымъ сборникомъ — до 500 нумеровъ. Пѣсни расположены по слѣдующимъ 4-мъ группамъ: колядныя и вообще распѣваемые зимою, весеннія, лѣтнія и пѣсни, которыя поются во всякое время года — на свадьбахъ, вечеринкахъ, а также духовные стихи. При пѣсняхъ вездѣ указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Всѣ пѣсни вновь собранныя, не перепечатанныя изъ прежнихъ изданій. Даже въ фонетическомъ отношеніи записи довольно удовлетворительныя; жаль только, что при редактированіи всѣмъ пѣснямъ сообщены особенности одного говора. Все сказанное касается описанія быта и пѣсенъ, записанныхъ среди крестьянъ. Но и въ отдѣлѣ о мѣщанахъ также находимъ немало интереснаго въ бытовомъ отношеніи. Тутъ между прочимъ описанъ «вертепъ», въ которомъ даются представленія народныхъ мистерій. Есть описаніе масленицы, великаго поста, Пасхи, Радоницы и др. дней. Описаны также обряды и обычаи при свадьбахъ, рожденіи и крестинахъ, а также при похоромахъ. Вообще относительно этого собранія, несмотря на нѣсколько сдержанные отзывы критики (напр. у Романова: Бѣлор. Сборн. I—II, VII), слѣдуетъ сказать, что оно, хотя и составилось изъ записей, полученныхъ официальнымъ путемъ, отличается многими несомнѣнными достоинствами, ставящими его значительно выше многихъ крупныхъ изъ раньше разсмотрѣнныхъ собраній. Менѣе надежны эти матеріалы конечно въ отношеніи языка.

Вотъ и всѣ главнѣйшія работы, явившіяся въ печати до выхода 1-го вып. «Матеріаловъ» П. В. Шейна. Нашъ очеркъ однако былъ бы далеко не полнымъ, если бы не были поименованы и нѣкоторыя мелкія работы, особенно явившіяся начиная съ 60-хъ годовъ, такъ какъ и эти послѣднія отчасти содержатъ интересныя данныя для характеристики народнаго быта, отчасти же вошли въ томъ или другомъ видѣ и въ «Матеріалы» П. В. Шейна. Я отмѣчу только болѣе интересныя вещи¹⁾. Эти статьи и замѣтки слѣдующія: 1) Гецьки. П. Кушина («Москвитянинъ» 1843 г., т. IV, 383—412); 2) Бѣлорусскія поговорки. В. Васильева («Маякъ» 1844,

¹⁾ Подробное перечисленіе разныхъ матеріаловъ этого рода можно найти въ книгѣ: «Полѣсье. Библиографическіе матеріалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья». Спб. 1883. Слѣдуетъ только выдѣлить отсюда то, что не касается бѣлоруссовъ.

XV, смѣсь, стр. 29; 1845, т. XXII, стр. 58; XXIII, стр. 144). 3) Бѣлорусскія пословицы, собранныя и объясненныя новозыбковскимъ протоіереемъ К. Мальчевскимъ (Могил. губ. вѣд. 1850 г., №№ 40—42, 45 и др.); 4) Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П. С.-Пб. 1853 г. Пѣсни въ переложеніи; есть и описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ; 5) Бѣлорусскія повечорки («Калейдоскопъ» 1862 г., № 27, стр. 421—424); 6) Апрель мѣсяцъ у бѣлорусскихъ крестьянъ. Ниль Спявскій (Смолен. губ. вѣд. 1862 г., № 24; 7) Мѣстныя суевѣрія и предразсудки (изъ записокъ сельскаго священника). Протоіерей Плакидъ Янковскій (Литов. епарх. вѣд. 1863 г., №№ 21 и 22, стр. 810—815 и 854—864); 8) О народныхъ пѣсняхъ Минской губерніи. А. С. (Вил. Вѣсти. 1864 г., № 131); 9) То же (Вѣстникъ Зап. Россіи 1865 г., № 7, янв., стр. 422—426); 10) Свадебный обрядъ у крестьянъ въ приходѣ с. Нѣжкова Могилев. уѣзда. С. С. Б. (Могилев. губ. вѣд. 1865 г., № 13); 11) Свадебные обычаи и обряды простонародья въ Борисовскомъ уѣздѣ. Ш—вичъ (Минск. губ. вѣд. 1865 г., №№ 22—29, 35—37, 39, 41—44); 12) Статья Серебренникова въ Памятной книжкѣ Витебской губ. на 1865 и 1866 гг.; 13) Вертепъ въ Могилевѣ (Могилев. губ. вѣд. 1866 г., № 4; 14) Обряды погребенія въ Игуменскомъ уѣздѣ. Валюковичъ (Минск. губ. вѣд. 1867 г., № 12); 15) Свадебные обряды крестьянъ Гродн. губ. (Вилен. Вѣсти. 1867 г., № 103); 16) Этнографич. очерки Гродн. губ. А. Славутинскій (ib. №№ 119 и 120); 17) Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстислав. уѣздѣ. И. Сердюковъ (Могилев. губ. вѣд. 1867 г., №№ 50, 51, 52; 1868 г., №№ 14, 17, 23—30, 33—35, 40 и 41); 18) Бѣлорусскія пѣсни. Собраны въ Борисов. уѣздѣ Д. Булгаковскимъ. (Мин. губ. вѣд. 1868 г., № 23); 19) Обычаи и повѣрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рогачевского уѣзда. Е. Кучинскій (Могил. губ. вѣд. 1868 г., № 22); 20) Бѣлорусскія народныя пѣсни. Собрала Н. Руберовскій (Вилен. Вѣсти. 1867 г., №№ 75—77); 21) Его же: Свадебные обряды крестьянъ Минскаго уѣзда (ib. 1868 г., № 8); 22) То же (Мин. губ. вѣд. 1869 г., № 31); 23) Изъ религіозной жизни крестьянъ Мозырскаго уѣзда. К. С—цова (Мин. губ. вѣд. 1869 г., № 30); 24) Порядокъ народнаго времяисчисленія по праздникамъ и чествованіе ихъ въ сѣверозападной Руси. Свящ. І. Берманъ (Вилен. Вѣсти. 1869 г., №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39); 25) Его же: Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ (Вилен. губ. Опшян. уѣзда) (Зап. Имн. Геогр. Общ. по отд. этногр. V, 1873 г.); 26) Его же: Наблюденія нашего сѣверозападнаго крестьянства относительно погоды и урожая (Вилен. Вѣсти. 1870 г., №№ 130 и 132); 27) О сборникѣ западнорусскихъ пословицъ и поговорокъ. Гр. Кульжинскій (Гродн. губ. вѣд. 1866 г., № 41 и Вилен. губ. вѣд. 1866 г., № 84); 28) Его же: О духовныхъ простонародныхъ пѣсняхъ сѣ-

верозападнаго края (Мин. губ. вѣд. 1868 г., № 35); 29) Его же: Бетлейки («Душенополези. Чтеніе» 1873 г., III, № 12, стр. 442—450); 30) Суевѣрныя обряды простонародья Западнаго края. О. Б—аго («Русскій Міръ» 1873 г., №№ 342 и 344); 31) Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисовскаго уѣзда. Свящ. Сим. Нечаевъ (Минск. еп. вѣд. 1874 г., № 7, стр. 227—232); 32) Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губ. — бѣлоруссовъ. В. и А. Зеньковичъ. Дост. П. С. Ефименко (Извѣстія Общ. люб. естествознанія, 1877 г., т. 28, стр. 26—33); 33) Солнце и луна въ народныхъ легендахъ и заговорахъ Сѣверо-западнаго края. М. Лосіевскій (Минск. губ. вѣд. 1878 г., №№ 8, 13, 14, 15 и 17); 34) Свадебныя обряды въ Морозскомъ приходѣ Мозырскаго уѣзда (Минск. губ. вѣд. 1877 г., №№ 23, 24, 26); 35) Свадебныя обряды въ районѣ Грабовской волости Мозырскаго уѣзда. Васильевой (Минск. губ. вѣд. 1877 г., №№ 32, 33); 36) Крестьянскія поминки въ Мозырскомъ уѣздѣ. Очеркъ Васильевой (ib. 1877 г., № 45); 37) Ея же: Рождественскіе праздники у крестьянъ Мозырскаго уѣзда (ib. 1878 г., № 5); 38) Ея же: Замѣтка, какъ проводятъ весну крестьяне Минской губ. (ib. № 27); 39) Ея же: Весеннія пѣсни и обряды въ деревняхъ Мозырскаго уѣзда (ib. № 50); 40) Ея же: Замѣтка о бытѣ крестьянъ Мозырскаго уѣзда (ib. 1879 г., №№ 17 и 18); 41) Ея же: Село Бесѣдки Мозырскаго уѣзда (ib. №№ 29, 31); 42) Нѣкоторые суевѣрныя обычаи и предрасудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда. Свящ. Дм. Пашинъ (Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 3, стр. 58—63); 43) О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Оздамичскаго прихода. Свящ. О. Чистяковъ (Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 20, стр. 431—442); 44) Бѣлорусскія пѣсни села Березовца Новогр. уѣзда Минской губ. Е. Карскій (Русс. Филолог. Вѣстникъ, т. XII, 1884 г., стр. 124—135; т. XIII, 1885 г., стр. 266—283); 45) *Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego zebrał Dr. W. Dębowski* (Zbiór wiadomości do antropol. kraj., V, 1881 г., 3—23); 46) Его же: *Zagadki białoruskie z gub. Mińskiej* (ib. X, 1886 г., 157—168). Слѣдовало бы еще прибавить обзоръ изученія Полѣсья, но изъ него матеріалы только случайно попадаются у Шейна, при томъ лишь такіе, въ которыхъ перевѣсъ на сторонѣ бѣлорусскихъ элементовъ. Поэтому Полѣсья и не будемъ касаться.

Въ такомъ состояніи находилось дѣло изученія бѣлорусскаго быта, когда П. В. Шейнъ приступилъ къ печатанію собранныхъ имъ матеріаловъ. Достаточно даже бѣглого взгляда на вышедшія 3 книги труда Шейна, чтобы видѣть, чѣмъ онѣ отличаются отъ всѣхъ предшествующихъ подобныхъ работъ. Тутъ ирежде всего размѣръ: три книжки, 8^о, представляютъ болѣе 2000 страницъ; затѣмъ большое разнообразіе и содержательность

матеріала, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго ниже обзорѣнія по томамъ. Печатаемые матеріалы въ большинствѣ случаевъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій, предрасудковъ и даже замѣчаніями чисто научнаго характера. Вотъ обзорѣніе содержанія всѣхъ трехъ книгъ. Томъ I, ч. I (1887 г.): послѣ предисловія отъ Академіи Наукъ относительно командировокъ П. В. Шейна для собиранія произведеній народнаго творчества и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній самого собирателя о передачѣ звуковъ народной рѣчи, слѣдуетъ изображеніе бытовой и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ по слѣдующей программѣ: Отдѣлъ первый. Обряды: родины и крестины (стр. 3—18). Пѣсни крестинныя (20 №№, стр. 18—29). Пѣсни колыбельныя и дѣтскія (15 №№, стр. 29—36). Рождественскіе праздники, святки (стр. 37—44); обрядности сочельниковъ (стр. 44—55). Пѣсни колядныя: объясненіе ихъ названія (55—56). Самыя пѣсни (64 №№, стр. 56—98). Колядныя игрища и пѣсни. Женитьба Терешки (стр. 99—110), лучъ (стр. 110—111), ящеръ (111—112), чортъ (112—114), шило (114—115). Пѣсенъ, относящихся сюда, 15. Обычай масляничные (115—116). Масляничныхъ пѣсенъ 7. Шильный понедѣльникъ (122—125). Пѣсни весеннія (15 №№, стр. 125—132). Пѣсни великодныя (133—136), №№-овъ пѣсенъ 23 (136—165). Обряды и пѣсни въ Юрьевъ день (165—170). Повѣрья и примѣты (тамъ же). №№-овъ пѣсенъ 19 (стр. 171—184). Духовъ день и Св. Троицы. Завиваніе вѣнковъ; духовскія пѣсни (184—195, №№ 24). Русальная педѣля; русалки (196—199, 1 пѣсня). Пѣсни петровскія (200—201, №№ 3). Толока и пѣсни толочанскія (201—212, №№ 18). Обычай, повѣрья и суевѣрья на Ивана Купалу (213—236, №№ 29). Жниво: обряды и пѣсни (237—240). Пѣсни жнивныя (240—256, №№ 34), ярныя (во время жатвы яровыхъ посѣвовъ) (257—263, №№ 12). Дожинки или обжинки. Обряды и пѣсни (263—288, №№ 39). Отдѣлъ второй. Пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя. А. Пѣсни любовныя (289—355, №№ 96). Б. Семейныя (356—450, №№ 122). Пѣсни бытовыя. А. Рекрутскія (451—470, №№ 27). Б. Солдатскія (471—494, №№ 31). Пѣсни шуточныя и разгульныя. А. Шуточные (494—527, №№ 40). Б. Разгульныя: дударскія (531—534, №№ 3), пьяницкія (535—538, №№ 7), плясовыя и припѣвки (539—569, №№ 139). Примѣчанія и приложения (578—584). На четырехъ послѣднихъ страницахъ въ качествѣ прибавленія присоединены переложенные на ноты мотивы нѣкоторыхъ пѣсенъ крестинныхъ, масляничныхъ, волочобныхъ, весеннихъ, троицкихъ, дожиночныхъ, бесѣдныхъ, рекрутскихъ, шуточныхъ, дударскихъ. Кромѣ того, въ этой книгѣ имѣется два указателя — одинъ, въ формѣ оглавленія всѣхъ пѣсенъ (VII—XX), другой — указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни. Оказывается, что

записи «Матеріаловъ» г. Шейна уже въ 1 вып. I тома обнимаютъ всю бѣлорусскую область, хотя не въ одинаковомъ процентномъ отношеніи изъ той или другой мѣстности. Тутъ даны записи изъ губерній Виленской (Виленскій, Вилейскій, Дисненскій, Лядскій, Ошмянскій, Свенцянскій уѣзды), Витебской (Витебскій, Городокскій, Дриссенскій, Леппельскій, Полоцкій уѣзды), Гродненской (Бѣлостокскій, Волковыскій, Гродненскій, Пружанскій, Слонимскій уѣзды), Ковенской (Ново-Александровскій уѣздъ), Курляндской (около м. Улукшты), Минской (Бобруйскій, Борисовскій, Игуменскій, Минскій, Мозырскій, Новогрудскій, Рѣчицкій, Слуцкій уѣзды), Могилевской (Быховскій, Гомельскій, Горецкій, Оршанскій, Рогачевскій, Сѣненскій, Чаусскій уѣзды), Смоленской (Бѣльскій, Духовицкій, Рославльскій, Порѣчскій, Смоленскій уѣзды). Указатель не ограничивается однимъ перечисленіемъ мѣстностей но уѣздамъ, но даже указаны деревни, гдѣ сдѣлана та или другая запись.

Томъ I, ч. II (1890 г.). Этой частью заканчивается лирическая поэзія бѣлорусса; именно, она заключаетъ: 1) обряды свадебные (стр. 1—501) и 2) обряды погребальные и поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками (503—697); кромѣ того, примѣчанія и приложенія (699—708); рисунки коровай изъ нѣкоторыхъ мѣстностей (3 №№) и ноты (23 №№). Первый отдѣлъ содержитъ, кромѣ 43 самыхъ подробныхъ описаній свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ мѣстностей Бѣлоруссіи, изложенныхъ отчасти на бѣлорусскомъ нарѣчьи, еще 902 свадебныхъ пѣсни, сопровождающія описаніе того или другого обряда. Такого обилія свадебныхъ пѣсенъ нельзя найти ни въ одномъ сборникѣ. Во второмъ отдѣлѣ содержится: 1) описаніе обрядовъ погребальныхъ изъ 19 мѣстностей (507—579), описаніе примѣтъ, предвѣщающихъ смерть (579—582); 2) обряды поминальные: а) поминки частныя (изъ 6 мѣстностей, стр. 582—593), б) поминки общія — дѣды (изъ 23 мѣстностей, стр. 593—629); 3) причитанія (№№ 95, стр. 631—700): по мужѣ (23 №№); по дитяти (10 №№); по взрослому сынѣ (2 №№); плачь по дочкѣ (6 №№); по взрослой дочери (3 №№); плачь по матери (16 №№); плачь по отцѣ (20 №№); по дѣдушкѣ (1 №); по бабушкѣ (1 №); по братѣ (3 №№); по сестрѣ (2 №№); по свекру (2 №№); по свекрови (2 №№); по теткѣ (1 №); по чужестранцѣ (2 №№). Обряды и пѣсни, кромѣ того, что расположены по отдѣламъ, еще размѣщены по губерніямъ, вслѣдствіе чего у читателя образуется не только представленіе о томъ, при какой обстановкѣ совершается извѣстный обрядъ, но и какія особенности онъ имѣетъ въ той или другой мѣстности; равнымъ образомъ наглядно представлены и сгруппированы различныя лингвистическія данныя изъ губерній — Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Смоленской, Тверской (Ржевскій уѣздъ), Черниговской (Суражскій уѣздъ). Осо-

бенно важны матеріалы изъ послѣднихъ губерній, являющіеся въ бѣлорусскихъ сборникахъ, можно сказать, впервые.

Томъ II (1893 г.) уже содержитъ эпическую поэзію. Тогда какъ въ I томѣ при разныхъ лирическихъ произведеніяхъ даются обширныя описанія, касающіяся по преимуществу обрядовъ, сопровождающихъ пѣніе тѣхъ или другихъ стиховъ, во II томѣ такихъ объясненій очень мало. Оно и понятно: сама эпическая поэзія даетъ массу цѣннаго матеріала для характеристики народнаго быта. Впрочемъ, и во II томѣ находимъ также очень интересныя описанія, напр., привѣтствій, пожеланій, божбы, ругани, или нѣкоторыхъ знахарей, нищихъ-старцевъ. — Сборникъ распадается на три отдѣла: въ I-мъ (1—500 стр.) даны сказки, анекдоты, преданія, воспоминанія, пословицы, поговорки, загадки; во II отдѣлѣ (501—558) — привѣтствія, пожеланія, божба (клятва), проклятія, ругань, заговоры, заклинанія; въ III отдѣлѣ (559—680) — духовные стихи, вирши религіозно-нравственнаго содержанія, молитвы. Наконецъ (681—715), находимъ примѣчанія и дополненія. Первый отдѣлъ содержитъ а) разнаго рода сказки: изъ міра животныхъ (34 №№), мѣстныя и бытовыя (118 №№); б) анекдоты (40 №№); в) легенды (49 №№); г) преданія (45 №№) — о церквахъ, чудотворныхъ иконахъ, колоколахъ, кладахъ, заколдованныхъ людяхъ и животныхъ, о разныхъ мѣстностяхъ, камняхъ, погребкахъ, разбойникахъ; д) воспоминанія и рассказы о быломъ (18 №№) — о пребываніи французовъ, о іезуитахъ, о польскомъ возстаніи, о папгахъ, холерѣ и т. п.; е) пословицы и поговорки (195 №№); ж) загадки (149 №№), причѣмъ нѣкоторыя въ нѣсколькихъ вариантахъ. Во второмъ отдѣлѣ находимъ а) привѣтствія и пожеланія (35 №№), божбу и клятву (23 №№), проклятія (30 №№), ругань (21 №№); б) заговоры (70 №№) — противъ лѣшаго, домового, дворового, отъ шума, противъ русалки, отъ паносовъ, противъ залома, дурного глаза, отъ сглаза поворожденнаго, отъ уроковъ, противъ криксы и плаксы, кровотеченія, отъ зубной боли, болѣзни горла, колотья, противъ волоса, лихорадки, отъ рожня, чирьевъ, противъ боли въ крестцѣ, отъ переноя, укушенія змѣи, бѣшенства, при выгонѣ скота въ поле, противъ чемера — болѣзни лошадей, червей, когда у коровъ пропадаетъ молоко, заговоръ ружья, во время охоты, для разстройства свадьбы, для укрѣпленія свадьбы. Здѣсь, кромѣ того, помѣщены свѣдѣнія о знахаряхъ и шенгупахъ. Третій отдѣлъ содержитъ разнаго рода духовные стихи: о богатомъ и Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человекѣ, про св. Варвару, Цмока (отрывокъ изъ стиха о Георгіи Храбромъ), про Василю Пустышника, плачь Адама, на Вознесеніе, про св. Дороту, про грѣшную дѣву (самарянку), согъ Богородицы, на разставаніе души съ тѣломъ, о страшномъ судѣ, «евангелистую» пѣснь, стихъ относительно избавленія души христіанскою, о

Бомболеф, костельную пѣснь, о десяти заповѣдяхъ, вирши и псалмы духовнаго содержанія (всего въ III отдѣлѣ 62 №№). Кромѣ того, даны довольно подробныя свѣдѣнія о бѣлорусскихъ старцахъ-пищихъ. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе II тома настоящаго сборника. Здѣсь масса самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, такъ что въ связи съ предыдущимъ I томомъ исчерпаны почти всѣ отрасли бѣлорусскаго народнаго творчества. Тому предпосланы: предисловіе, въ которомъ собиратель касается упрековъ, направленныхъ противъ него, въ томъ, что нѣкоторыя записи получены оффициальнымъ путемъ; далѣе слѣдуетъ оглавленіе — указатель напечатанныхъ матеріаловъ (VII—XIV) и наконецъ—указатель мѣстностей, откуда доставлены матеріалы для настоящаго тома. — Ко всѣмъ 3-мъ книгамъ приложены указатели опечатокъ.

Таково содержаніе всѣхъ вышедшихъ томовъ сборника г. Шейна. Матеріалы заимствованы изъ всей бѣлорусской области, иногда даже привлечены мѣстности не чисто бѣлорусскія, особенно на югѣ. Теперь остановимся подробнѣе на слѣдующихъ вопросахъ:

а) Откуда взяты напечатанные въ 3 книгахъ сборника г. Шейна матеріалы?

Три книги «Матеріаловъ» Шейна, заключающія въ себѣ около 3000 разныхъ записей, какъ и всѣ большія собранія, составились не вдругъ и не изъ записей одного лица, а нѣсколькихъ. Матеріалы для нихъ собирались въ теченіе болѣе, нежели десяти лѣтъ; въ составъ ихъ вошли записи, доставленныя разными лицами. Особенную цѣнность въ сборникахъ народныхъ произведеній конечно имѣютъ записи самого собирателя, такъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ о его знакомствѣ съ языкомъ, а также съ приемами народнаго творчества той области, гдѣ производятся записи, и вообще съ редакціонной частью. Обращаясь къ разсматриваемымъ сборникамъ, находимъ, что записей самого г. Шейна въ нихъ мало: всего 130 (въ I т. 1 вып.—112, I т. 2 вып. 8 и II т. 10 записей). Быть можетъ число ихъ нѣсколько увеличится, если на долю собирателя отнесемъ нѣкоторыя записи безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Такое незначительное количество записей самого собирателя можетъ быть объяснено, съ одной стороны, тѣмъ, что ему вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, при преклонномъ возрастѣ, трудно было самому проникать въ разныя захолустья, а съ другой—можетъ быть и извинено, такъ какъ авторъ въ достаточной степени обладаетъ нужною опытностію, которую онъ пріобрѣлъ при составленіи своего собранія 1873 г., гдѣ большинство пѣсенъ принадлежитъ записямъ самого Шейна (ср. Заниски И. Р. Геогр. общ. V, 823—824). Наконецъ нашъ собиратель если по разнымъ причинамъ и не могъ достаточное количество записей сдѣлать лично самъ, то онъ сумѣлъ выдвинуть на это дѣло очень много

добровольныхъ сотрудниковъ, въ большинствѣ случаевъ людей вполне надежныхъ, и поддержать ихъ нравственно въ собирательской дѣятельности.

Всѣхъ записей отъ добровольныхъ сотрудниковъ получено болѣе 2174 (I т. 1 ч.—650, I т. 2 ч.—747, II т.—777 зап.). Характеристики своихъ сотрудниковъ въ разсматриваемыхъ томахъ собиратель не дѣлаетъ; лишь въ предисловіи ко II тому онъ съ благодарностью упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсматривая приписки къ каждой записи, мы видимъ, что главнѣйшими вкладчиками были тѣ же лица, которыя поставляли матеріалы и для перваго сборника г. Шейна (1873 г.). Эти лица въ большинствѣ случаевъ вполне надежныя, обстоятельно знающія бѣлорусскую рѣчь, равно какъ и бытъ населенія сѣвoro западнаго края. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особаго упоминанія. Это

1) Н. Я. Никифоровскій, заявившій себя въ этнографической литературѣ, кромѣ записей, доставленныхъ г. Шейну, и самостоятельными выдающимися работами. Имѣю въ виду раньше (стр. 3) упомянутые труды: а) Очерки простонароднаго житія-бытія въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895. 8°. VIII + 552 + СLIV и б) Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрныя обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Витебскъ. 1897. 8°. X + 308 + 30. Уже въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, помѣщенномъ въ «Запискахъ Имп. Р. Геогр. общества по отдѣленію этнографіи» за 1873 г., т. V, — Шейнъ, говоря о своихъ сотрудникахъ, такъ отзывается о г. Никифоровскомъ (стр. 829): «Онъ своимъ зрѣлымъ возрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ разысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей не мало на Бѣлой Руси». Дѣйствительно, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ бѣлорусскимъ сборникамъ Шейна, то значительная доля записей въ нихъ окажется принадлежащими перу г. Никифоровскаго. Всѣ такія сообщенія отличаются обстоятельностью и интересомъ. Затѣмъ г. Никифоровскаго встрѣчаемъ въ качествѣ автора нѣсколькихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Этнографическомъ обозрѣніи», подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки Витебской Бѣлоруссіи» (кн. XII, XIII, XVII, XXXI, XXXIV) (ср. о немъ наши замѣтки въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1896 г., май, и за 1897 г., октябрь). Для «Матеріаловъ» г. Шейна Никифоровскій доставлялъ 60 довольно объемистыхъ записей.

2) Трудами по бѣлорусской этнографіи извѣстенъ и А. Е. Богдановичъ. Для «Матеріаловъ» Шейна онъ доставилъ 110 записей.

3) Изъ числа сотрудниковъ г. Шейна, извѣстныхъ трудами по бѣлорусской этнографіи, можно отмѣтить еще З. Радченко, помѣщавшаго въ Го-

мельскомъ уѣздѣ Могилевской губ. Ей принадлежатъ: «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень Гомельскаго уѣзда, запис. для голоса съ аккомпан. фортепяно. Вып. I, 1881, и особенно — «Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія)». С.-Пб. 1888 (Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этногр. XIII, вып. 2).

4) Тутъ же упомянемъ о Н. Руберовскомъ, доставившемъ пѣсколько записей и для «Матеріаловъ», который извѣстенъ и своимъ собраніемъ бѣлорусскихъ пѣсень. О немъ слѣдующимъ образомъ отзывается П. Безсоновъ (Бѣлорусск. пѣсни, LV): «почтенный другъ нашъ М. О. Де-Пуле, оставшись въ Краѣ, успѣлъ отпечатать въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» довольно прекрасныхъ и прекрасно записанныхъ народныхъ пѣсней, трудъ ревностнаго собирателя, приходскаго учителя г. Н. Руберовскаго». Перечисленіе его работъ нами сдѣлано рашше (стр. 19).

Изъ другихъ сотрудниковъ, хотя и не извѣстныхъ печатными трудами, слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенно выдающихся: Батурина, учителя народнаго училища, сообщившаго 54 зап., Бирулю — 41 зап., Карскаго Ив. Онуфр., псаломщика, — 90 зап., Коваленко, учен. VIII кл. гимн., — 16 зап., Конаця, учен. VIII кл. гимн., — 39 зап., Конецкаго, священ., — 28 зап., Кириановича, ученика Молодечн. учит. сем., — 20 зап., Лисовскую А. Ф. — 18 зап., Лыщинскаго, магистра, препод. Суражск. уѣздн. учил., — 23 зап., Машурко, студ. Сиб. унив. — 103 зап., Некрасова С. П. — 52 зап., Николаевича, учит. нар. уч., — 28 зап., Овсейца, учит. Рогачев. уѣзднаго уч., — 56 зап., Ральцевича, учен. Минск. дух. сем., продолжавшаго свои сообщенія и послѣ поступленія его въ дух. академію, — 94 зап., Рачинскую С. Н. — 136 зап., Рѣдько, учит. нар. уч., — 17 зап., Скляренко — 14 зап., Сущинскаго, учен. Могил. дух. сем., — 16 зап., Солнцева, учительн. нар. уч. — 16 зап., Сякорскаго, учен. VII кл. гимн., — 25 зап., Хмѣлевскихъ — 82 зап., Шимковича, исп. нар. учил., — 33 зап., Шолковичей Е. и П. — 21 зап., Шибанова, учит. нар. учил., — 15 зап., Яновскаго, ученика VII кл. гимн., — 14 зап., Яцко, учит. нар. уч., — 39 зап. Другіе сотрудники доставили незначительное число записей.

По своему общественному положенію и образованію сотрудники г. Шейна распадаются на слѣдующія группы:

помѣщица	1,
врачъ	1,
священниковъ	3,
псаломщиковъ	2,
крестьянъ-земледѣльцевъ	3,
лицъ неизвѣстнаго положенія	16.

Остальные сотрудники принадлежатъ къ учебному персоналу:

учителей среднихъ учебныхъ заведеній около	6,
учителей низшихъ учебныхъ заведеній.	57,
инспекторъ народныхъ училищъ.	1,
студентовъ университета	2,
учениковъ гимназій	21,
учениковъ духовныхъ семинарій.	10,
учениковъ учительскихъ институтовъ	10,
учениковъ уѣздныхъ училищъ.	11,
учениковъ учительскихъ семинарій.	92,
учениковъ приготовительнаго класса.	22,
учениковъ народныхъ училищъ	10.

Всюду цифры обозначены приблизительно, такъ какъ нѣкоторыя фамилии, будучи напечатаны различно, могли быть признаны за принадлежащія разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ наибольшее число корреспондентовъ оказывается среди учащихся въ разныхъ заведеніяхъ и преимущественно въ учительскихъ семинаріяхъ Молодечинской, Полоцкой, Свислочской и Несвижской. Учащіеся въ этихъ семинаріяхъ крестьяне лучше всего и знакомы съ обрядовой стороною жизни ихъ семейной среды. Дальше слѣдуютъ учителя народныхъ училищъ, вышедшіе въ большинствѣ случаевъ изъ той же среды.

Послѣ выхода I т. II вып. критика поставила П. В. Шейну въ вину то обстоятельство, что нѣкоторые матеріалы собирались для него оффиціальнымъ путемъ — Статистическими комитетами, благодаря содѣйствію начальниковъ нѣкоторыхъ губерній. Главными вкладчиками этнографическаго матеріала въ этомъ отношеніи оказались волостные писаря и старшины. Въ предисловіи ко II тому г. Шейну пришлось даже оправдываться по поводу собиранія этнографическихъ матеріаловъ оффиціальнымъ путемъ. Однако, какъ показываютъ наведенныя нами справки, такихъ сотрудниковъ было очень немного (всего 21 писарь и 1 старшина), да и записей на 2 книги (т. I ч. II и т. II) ими доставлено всего 117; такъ что, собственно говоря, даже напрасно загорѣлся было сырѣ-борѣ. Да, кромѣ того, для науки безразлично, кѣмъ собраны народныя произведенія, только бы они были хорошо записаны и изданы (ср. Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго. Спб. 1895 г., 132, замѣчаніе проф. Сумцова). И дѣйствительно, записи волостныхъ писарей среди «Матеріаловъ» Шейна оказываются одними изъ лучшихъ.

Забывая о возможной полнотѣ своего капитальнаго сборника, г. Шейнъ не ограничился только матеріалами вновь собранными (имъ самимъ лично, а

также при посредствѣ различныхъ сотрудниковъ), по нашелъ нужнымъ перепечатать нѣкоторые матеріалы и изъ прежнихъ рѣдкихъ собраній, а также отдѣльныхъ статей. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ почтеннымъ собирателемъ. Этнографическія собранія Тышкевича, Киркора, Анимелле, Чечота, Дмитриева въ настоящее время могутъ быть найдены лишь въ большихъ библіотекахъ, а въ продажѣ давно не имѣются, такъ что пользоваться ими очень трудно. Не меньше трудностей представляетъ разысканіе разныхъ этнографическихъ статей, помѣщенныхъ въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а также въ памятныхъ книжкахъ; такъ что и за перепечатку ихъ слѣдуетъ принести г. Шейну глубокую благодарность: извлеченіе ихъ изъ нечитаемыхъ провинціальныхъ органовъ равносильно первому появленію ихъ въ печати. Достоинствъ и недостатковъ почти всѣхъ статей, которыя перепечатаны у г. Шейна, я уже касался раньше; тамъ была указана и связь ихъ съ другими статьями по бѣлорусской этнографіи и опредѣлено ихъ достоинство. Здѣсь я только перечислю ихъ, съ указаніемъ страницъ и томовъ, гдѣ помѣщены перепечатки изъ нихъ:

1) Tyszkiewicz: *Opisanie powiatu Borysowskiego*. Wilno. 1847 (I т. 2 вып., стр. 68—126, 126—142, 589, 600, 621, 629; II т. 472—484);

2) Czeczot: *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny*. Wilno. 1846 (I т. вып. 1, стр. 398, 431, 517);

3) Подобѣдъ: Народное преданіе (Могил. губ. вѣд. 1851 г., № 8; у Шейна т. II, 451);

4) Шпилевскій: «Волочобники» въ «Паптеонѣ» 1856 г., кн. III. Лучше было бы сослаться на «*Opisanie pow. Borysow.*» 389—391, откуда сдѣлано заимствованіе самимъ Шпилевскимъ (I т. 1 вып., 140—142, 146—147);

5) Его же: «Къ Волочобникамъ въ Витеб. губ.» въ «Русск. Дневникѣ» 1859 г., № 101 (I т. вып. 1, 147—149);

6) Невѣровичъ: «О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ, населяющихъ Смолен. губ.» въ Памятн. кн. Смолен. губ. 1859 г. (I т., 1 вып., 53—55, 126, 131, 185—187, 189—191, 199; I т., 2 вып., 395, 456—481);

7) Киркоръ: «Этнографич. взглядъ на Вилен. губ.» въ III вып. этногр. сборн. (I т., 1 вып., 105—108, 334, 359, 414, 516, 544; II т., 439);

8) Анимелле: «Быть бѣлорусскихъ крестьянъ» во II вып. этногр. сборн. (I т., 1 вып., 173—174; II т., 472—484);

9) Куклинскій: «Замѣтки о западн. части Гродн. губерніи» въ III вып. этногр. сборн. (I т. 2 вып., 372—374; II т., 504);

- 10) Разумихинъ: «Село Бобровки и окружный его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда» въ I вып. этногр. сборн. (I т., 2 вып., 482—495);
- 11) Дмитріевъ: «Обряды и обычаи западнорусскихъ крестьянъ» въ Памятн. кн. Гродн. губ. на 1869 г. (I т., 1 вып., 74, 213—219, 224—225, 265—268, 276—278, 290; I т., 2 вып., 665—666, 670—672);
- 12) Его же: «Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». Перепеч. изъ Гродн. губ. вѣд. Гродно. 1868 г. (I т., вып. 1, 290, 293, 295—297, 301, 307, 311, 324—327, 330, 333, 342—343, 344, 355, 359, 362, 384, 391, 410, 424, 426, 429, 430, 465, 472, 483, 504, 505, 533, 542, 543, 556, 569; II т., 65);
- 13) Сердюковъ: «Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстиславскомъ уѣздѣ» въ Могил. губ. вѣд. 1867 г., № 52 (I т., 1 вып., 112—114);
- 14) Серебренниковъ: «Обычаи и обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда» въ Памятн. кн. Витеб. губ. 1865 г. (I т., 2 вып., 629);
- 15) Бобровскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Гродн. губернія (I т., вып. 2, 366—372, 551).
- 16) Валюковичъ: «О похоронахъ» въ Минск. губ. вѣд. 1867 г., № 12 (I т., 2 вып., 534);
- 17) Нечаевъ: «Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисов. уѣзда» въ Минск. епарх. вѣд. 1874 г. (I т., 2 в., 586; II т., 340—353);
- 18) Шейнъ: Бѣлорусскія народныя пѣсни (I т., 1 вып., 237—239; I т., 2 вып., 521—523; II т., 510);
- 19) Носовичъ: Сборникъ бѣлор. пѣсенъ въ V т. Зап. Геогр. Общ. (I т., 1 вып., 545);
- 20) Пашинъ: «Нѣкоторые суевѣрные обычаи и предразсудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда» въ Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 3 (I т., 2 вып., 541);
- 21) Чистяковъ: «О бытовомъ и религіозно-правственномъ состояніи Оздомич. прихода» въ Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 20 (I т., 2 вып., 540);
- 22) Дембовецкій: Опытъ описанія Могил. губ. (I т., 1 вып., 185, 188 — двѣ ссылки);
- 23) Демьяновичъ: «О духовныхъ стихахъ, употребительныхъ въ Брашевическомъ приходѣ Кобринскаго уѣзда» въ Лит. епарх. вѣд. 1892 г. (II т., 700 и 713).

Количество перепечатокъ можно бы дополнить еще приведенной въ началѣ этого отчета статьей Чарновской, а также нѣкоторыми другими журнальными статьями. Перепечатка разныхъ сообщеній изъ чужихъ статей дала г. Шейну около 400 №№.

Общіе выводы о сотрудниках г. Шейна можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

	І т. І ч.	І т. ІІ ч.	ІІ т.	Итого.
Всего записей	856	1072	892	2820
въ томъ числѣ:				
а) самого П. В. Шейна	112	8	10	130
б) заимствованій изъ раньше напечатанныхъ матеріаловъ	94	254	51	399
в) добровольныхъ сотрудниковъ	650	747	777	2174
г) официальныхъ сотрудниковъ	—	63	54	117

Въ число записей добровольныхъ сотрудниковъ вошло и 419 мелкихъ произведеній (пословицъ и загадокъ), не содержащихъ при себѣ указаній, отъ кого они получены.

Заканчивая этотъ отдѣлъ, слѣдуетъ еще разъ припомнить, что хотя собственныхъ записей г. Шейна и сравнительно немного (около 4,6%), но и всѣ остальные въ значительной степени могутъ считаться его собственными, такъ какъ на добываніе ихъ П. В. истратилъ немало денежныхъ средствъ (едва ли у него обильныхъ), а также здоровья, никогда не бывшаго у него цвѣтущимъ. Насколько намъ извѣстно, насчетъ всякаго болѣе или менѣе сомнительнаго или невразумительнаго сообщенія г. Шейпъ наводилъ письменно многочисленныя справки; за ними онъ неоднократно обращался и къ пишущему эти строки, что оставило слѣды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника.

б) Редакція напечатанныхъ матеріаловъ.

При сужденіи о редакціи напечатанныхъ матеріаловъ будемъ исходить изъ данныхъ, содержащихся исключительно въ самомъ сборникѣ г. Шейна. Собравши такую массу разныхъ этнографическихъ матеріаловъ, какую находимъ въ 3-хъ книгахъ г. Шейпа, прежде всего надо было умѣть разсортировать и расположить ихъ правильно. Въ этомъ случаѣ г. Шейну помогла опытность, пріобрѣтенная имъ при прежнихъ изданіяхъ этнографическихъ матеріаловъ — великорусскихъ и бѣлорусскихъ, а также и при новыхъ записяхъ для настоящаго изданія. Разсматривая со стороны сортировки матеріала редакціонную сторону сборниковъ Шейпа, не могу умолчать объ отзывѣ по этому предмету извѣстнаго этнографа-собиравателя Е. Р. Романова: «намъ кажется, что г. Шейпъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варианты въ выпискахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ, цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ

достоинствѣ, если бы въ немъ не пашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше. . . . Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большос вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора» (Бѣлорусскій сборникъ, I—II вып., V—VI). Это замѣчаніе касается перваго Бѣлорусскаго сборника г. Шейна (1873 г.); но въ такомъ же положеніи находятся дѣло и въ разсматриваемыхъ «Матеріалахъ» и поэтому данное замѣчаніе вполне примѣнимо къ нимъ. Но это замѣчаніе не можетъ быть признано вѣскимъ. Варіанты, особенно въ матеріалахъ, касающихся языка, не имѣютъ никакой цѣны; да и если обратить исключительное вниманіе на бытовую сторону, то и здѣсь не всегда можно удовольствоваться приведеніемъ варіанта, такъ какъ иногда извѣстное слово, выхваченное изъ своего собственнаго текста, получаетъ другой смыслъ; да и рѣдко кто станетъ обращаться за справками къ подстрочнымъ варіантамъ. Искаженіе такъ называемыхъ нецензурныхъ пѣсенъ съ цѣлію придать имъ цензурный видъ, насколько намъ извѣстно, обыкновенно не принадлежитъ издателямъ и собирателямъ народныхъ произведеній, а дѣлается самими пѣвцами или пѣвицами, такъ какъ въ народѣ въ большинствѣ случаевъ для нецензурныхъ пѣсенъ бываютъ и цензурные варіанты. Да наконецъ слѣдуетъ принять во вниманіе и то, для кого издаются разные этнографическіе сборники, въ родѣ «Матеріаловъ» г. Шейна: вѣдь не для дѣтей, не для барышень, а для людей серьезныхъ и взрослыхъ, въ большинствѣ случаевъ для ученыхъ изслѣдователей, для которыхъ всякая сторона проявленія народной жизни имѣетъ одинаковый интересъ. Вѣдь не станетъ анатомъ заниматься исключительно приличными частями человѣческаго тѣла, совершенно оставляя безъ вниманія такія, которыя могутъ оскорбить чье-либо зрѣніе. Что касается произведеній раньше напечатанныхъ, то о необходимости перепечатки ихъ у насъ уже была рѣчь. Еще тотъ же критикъ нападаетъ на П. В. Шейна за печатаніе «духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ», а также за помѣщеніе анекдотовъ, «вообще не имѣющихъ большой цѣль» (ib. VI). И приговоръ о духовныхъ пѣсняхъ и стихахъ, какъ матеріалѣ, характеризующемъ извѣстную эпоху народнаго творчества, а также его языкъ, не можетъ считаться правильнымъ. Что анекдоты также относятся къ матеріаламъ, характеризующимъ народный бытъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія (ср. еще Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, 132, замѣчаніе проф. Сумцова объ этомъ предметѣ). Такимъ образомъ, если и можно было бы устраничь нѣсколько записей у г. Шейна, то во всякомъ случаѣ не среди пѣсенъ. Матеріалы, сходные по содержанію, но не совпадающіе, расположены по группамъ и обозначены буквами *a*, *b*, *c*. . . . Это особенно касается пѣ-

сень. По то же слѣдуетъ сказать и относительно другихъ родовъ собранныхъ матеріаловъ. Такъ имѣя въ виду, что въ бѣлорусской этнографической литературѣ уже есть хорошіе сборники сказокъ (Е. Романова), пословицъ (Носовича), духовныхъ стиховъ (у Романова и у Шейна въ сборникѣ 1873 г.), авторъ вполне сознаетъ, что его трудъ по полнотѣ не можетъ превзойти поименованныя собранія. Вотъ какъ онъ поэтому смотритъ на дѣло: «... литература нашего предмета (въ данномъ случаѣ духовныхъ стиховъ) успѣла обогатиться цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ для науки вкладовъ гг. Романова, Никифоровскаго и Грузинскаго. На предлагаемый же нами... здѣсь... отдѣлъ... мы смотримъ только какъ на сильное дополненіе къ трудамъ вышеназванныхъ... предшественниковъ нашихъ» (т. II, 561, выноска). Но намъ кажется, что описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ можно было бы изложить покороче, только не въ ущербъ содержанию, а лишь формѣ. Дѣло въ томъ, что часто приводятся цѣликомъ почти совершенно сходныя сообщенія разныхъ сотрудниковъ г. Шейна объ одномъ и томъ же предметѣ (сокращенію конечно не должны подлежать сообщенія, изложенныя на бѣлорусскомъ нарѣччі, важныя для языка). Такъ можно было бы слить всѣ свѣдѣнія, напр., относительно колядокъ, купалы, свадебной обрядности и т. п. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно обрядовъ погребальныхъ, обыкновенно изложенныхъ совершенно сходно.

Теперь коснемся порядка въ расположеніи собранныхъ матеріаловъ.

Какъ можно было видѣть изъ обозрѣнія содержанія всѣхъ трехъ книгъ сборника г. Шейна, весь этнографическій матеріалъ въ немъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, точнѣе: пѣсни лирическія — обрядовыя и семейныя; II. поэзія эпическая: сказки, анекдоты, легенды, преданія и т. д. Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ имѣетъ свои подраздѣленія; они въ общемъ тѣ же, что и въ первомъ сборникѣ Шейна (1873 г.). А тамъ этнографическій матеріалъ, какъ и здѣсь, расположенъ довольно своеобразно. Вотъ что говоритъ самъ собиратель о порядкѣ въ расположеніи, котораго онъ держится (Зап. V, 829): «Въ расположеніи по отдѣламъ... матеріаловъ я нашелъ нужнымъ держаться порядка смѣшаннаго: біографическаго и, такъ сказать, календарнаго, т. е. согласнаго съ послѣдовательнымъ размѣщеніемъ праздниковъ въ теченіе гражданскаго года. Оба эти порядка сливаются впрочемъ весьма удобно и гармонично въ одну общую картину бытовой народной жизни. Такъ напр.: часть лирико-обрядовая начинается «колыбельными» и «дѣтскими», продолжается «колядными» (распѣваемыми преимущественно отроками и парнями), «масляничными», «волошебными», «петровскими» и т. д. и оканчиваются «похоронными», сопутствующими по-

слѣдному акту круготеченія трудовой жизни бѣлорусскаго крестьянина.... Въ остальной же мѣншей части сборника правильный строй въ расположеніи нѣсколько нарушенъ».... — Что касается основнаго дѣленія собранныхъ г. Шейномъ матеріаловъ на лирическіе и эпическіе, то это дѣленіе въ общемъ должно быть признано правильнымъ. Подобная система господствуетъ и въ другихъ извѣстныхъ сборникахъ. Что до частныхъ, то тутъ требуются нѣкоторыя поправки. Не возможно держаться смѣшаннаго порядка: календарнаго расположенія нельзя сливать съ біографическимъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ такой послѣдовательности, напр. хотя бы въ пѣсняхъ, какъ установленная у г. Шейна. Почему, напр., «дѣтскія», «колыбельныя» пѣсни предшествуютъ колядкамъ? Какъ будто рожденіе людей обыкновенно бываетъ передъ праздникомъ Рождества Христова. Не лучше ли было бы, пѣсни, которыя поютъ при рожденіи человѣка, присоединить къ пѣснямъ на свадьбахъ. Самъ народъ и ставитъ эти событія вмѣстѣ:

Судзіў Богъ яго видзѣць

Подъ храстѣмъ,

Судзи, Божа, яго видзѣць

И подъ вянцомъ. (Шейнъ, Матеріалы, I, 1, 25, № 13).

Съ присоединеніемъ къ пѣснямъ при рожденіи человѣка и свадебнымъ еще похоронныхъ причитаній, мы получили бы законченное обозрѣніе обрядности при главнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни человѣка. Да и обряды, расположенные въ календарномъ порядкѣ, также стали бы вполне законченнымъ цѣлымъ. Осталось бы также выдѣлить въ особую группу пѣсни семейныя и бытовыя въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ получились бы отдѣлы: I обрядовыя пѣсни, приуроченныя къ разнымъ языческимъ празднествамъ, смѣшавшимся впоследствии съ праздниками христіанскими; II обрядовыя пѣсни, сопровождающія главныя событія изъ жизни человѣка (рожденіе, женитьбу, смерть), и III пѣсни собственно бытовыя (любовныя, семейныя, плясовыя, рекрутскія, солдатскія и т. п.). При такой системѣ пѣсни, съ сопровождающими ихъ обрядами, по крайней мѣрѣ были бы распредѣлены по главному ихъ содержанію. Другое дѣло, насколько такое расположеніе цѣлесообразно; но эта цѣлесообразность именно обуславливается тѣми задачами, какія имѣетъ въ виду собиратель народныхъ произведеній. Если на первомъ планѣ онъ ставитъ языкъ, тогда лучше распредѣлять собранные матеріалы по мѣстностямъ, гдѣ они записаны. При изученіи образовъ, употребляемыхъ народомъ для выраженія своихъ поэтическихъ представленій, лучше располагать пѣсни по этимъ образамъ. При преслѣдованіи другихъ цѣлей, могутъ быть и другіе приемы въ распредѣленіи матеріаловъ, даже чисто внѣшніе, напр., по размѣрамъ

(ср. Отчетъ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова. С.-Пб. 1880 г., стр. 101 и слѣд. — мнѣніе Потебнѣи относительно расположенія пѣсенъ въ собраніи Головацкаго), по пѣсеннымъ заглавіямъ (ib., стр. 203 и слѣд. — мнѣніе А. Веселовскаго о сборникахъ Чубинскаго). Нашъ собиратель имѣлъ въ виду дать матеріалы для изученія быта и языка съ перевѣсомъ въ пользу перваго. Вслѣдствіе этого самымъ удобнымъ расположеніемъ, по нашему мнѣнію, должно считаться такое, при которомъ рельефно, въ разнообразныхъ отношеніяхъ выступалъ бы народный бытъ, т. е. расположеніе пѣсенъ по ихъ содержанію и дальше — по главнымъ мотивамъ. Это мы и находимъ у г. Шейна; стоитъ лишь измѣнить нѣсколько главную группировку пѣсенъ, съ устраненіемъ смѣшаннаго ихъ распредѣленія, пріямѣтельно къ указаннымъ нами рамкамъ. Для того, чтобы пѣсни не теряли значенія и при изученіи языка, г. Шейнъ приложилъ къ вышедшимъ книгамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, т. I, вып. II, указатели мѣстностей, откуда взята та или другая пѣсня.

Значительно легче, нежели лирическія пѣсни, распредѣлять эпическія произведенія. И дѣйствительно, у г. Шейна (II томъ) находимъ ихъ, какъ можно было видѣть изъ приведеннаго раньше оглавленія, сгруппированными правильно. Составляющій нѣкоторую новостъ въ этнографическихъ собраніяхъ отдѣлъ, содержащій привѣтствія, пожеланія, божьбу, проклятія, ругань, совершенно правильно поставленъ рядомъ съ заговорами, потому что какъ тѣ, такъ и другіе основываются на вѣрѣ въ исполненіе того, о чемъ говорится словомъ. Молитвы и молитвенные стихи, какъ произведенія полународнаго происхожденія, поставлены на концѣ. Крупныя прозведенія, какъ сказки, легенды, соединены въ группы по основнымъ своимъ мотивамъ. Имѣется, хотя и краткій, указатель — оглавленіе ихъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, всѣ собранныя г. Шейномъ матеріалы поставлены на своемъ мѣстѣ; слѣдуетъ лишь сдѣлать незначительную перестановку въ пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи «Матеріалы» стоятъ неизмѣримо выше сборника г. Романова, какъ это уже въ свое время отмѣтилъ проф. Сумцовъ (ср. Отчетъ о V присужденіи премій митроп. Макарія, 132, 167). И не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ разныя пѣсни поставлены въ «Матеріалахъ» г. Шейна на своемъ мѣстѣ. Этого впрочемъ не трудно было достигнуть. Тогда какъ у великоруссовъ пѣсня въ большинствѣ случаевъ уже оторвана отъ обряда и не соединяется съ тѣмъ или другимъ временемъ года, у бѣлоруссовъ, какъ и малоруссовъ, тѣ или другія пѣсни строго приурочены къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и временамъ народнаго календаря. Каждый, кому приходилось собирать народныя произведенія у бѣлоруссовъ, сталкивался съ такимъ обстоятельствомъ, что пѣвецъ или особенно пѣвица не рѣшались пѣть пѣсенъ не въ свое время,

считая это для себя предосудительнымъ, чуть ли не грѣховнымъ. Понятно поэтому, что стоять лишь спросить у лица, отъ котораго записываютъ пѣсню, когда она поется, чтобы узнать точное ея мѣсто. Но и помимо этого, по своимъ пѣсеннымъ сюжетамъ, бѣлорусскія пѣсни (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ любовныхъ) легко относятся къ извѣстному времени. Намъ встрѣтилось лишь нѣсколько нумеровъ, которые, быть можетъ, поставлены не на своемъ мѣстѣ. Это №№ 51, 53 и 57 (I т., вып. 1, стр. 66, 69) изъ пѣсенъ колядскихъ, мѣсто которыхъ скорѣе въ пѣсняхъ бѣсѣдныхъ; или №№ 129 и 131 (I т., вып. 1, стр. 128, 129) пѣсенъ весеннихъ болѣе точно могутъ быть приурочены къ пѣснямъ кунальскимъ, къ тому отдѣлу послѣднихъ, въ которыхъ содержится насмѣшка одной партіи пѣвцовъ или пѣвицъ надъ другою (ср. Сумцова: Культурныя переживанія, 141—142).

Что касается подраздѣленія сказокъ, то здѣсь видимъ то же, что можно наблюдать и въ другихъ сборникахъ, т. е. дѣленіе сказокъ на такія, которыя изображаютъ міръ животныхъ, на мпощескія, бытовыя, анекдоты и т. п.; такое дѣленіе въ настоящее время далеко не можетъ быть признано научнымъ, такъ какъ нельзя быть вполне убѣжденнымъ въ томъ, когда та или другая сказка возникла, какія въ ней позднѣйшія нараценія, не заимствована ли данная сказка у другихъ народовъ и т. п. Поэтому самымъ естественнымъ расположеніемъ сказокъ должно считать такое, гдѣ онѣ рассортированы по своимъ сюжетамъ (ср. замѣчанія по этому поводу проф. Сумцова. Отчетъ о V присужденіи премій митр. Макарія, 167 и слѣд.). П. В. Шейнъ, впрочемъ, съ своей точки зрѣнія довольно послѣдовательно располагаетъ собранныя имъ сказки. И старинный способъ расположенія сохранилъ бы при себѣ все научныя достоинства, если бы къ сказкамъ былъ приложенъ указатель сюжетовъ. Роль указателя отчасти выполняютъ заглавія, находящіяся передъ каждой сказкой и выраженные часто очень удачно. Такіе же заголовки имѣются у легендъ и преданій. Пословицы, въ виду ихъ незначительнаго числа, расположены не по содержанію, а въ алфавитномъ порядкѣ. Загадки совершенно правильно расположены по содержанію и въ алфавитномъ порядкѣ ихъ значеній. Небольшое количество (70) заговоровъ размѣщены по тѣмъ предметамъ, которыхъ они касаются, въ чемъ слѣдуетъ видѣть совершенно правильную точку зрѣнія. И духовныя стихи расположены въ удовлетворительномъ порядкѣ.

Редакція народныхъ произведеній не ограничивается только сортировкой матеріала и расположеніемъ его. Требуется еще при передачѣ народныхъ произведеній держаться извѣстной орфографіи. Въ этомъ отношеніи существуютъ слѣдующіе приемы: или народныя произведенія передаются совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ они хранятся въ устахъ

народа, т. е. записываются и печатаются строго фонетически; или, съ удержаніемъ главнѣйшихъ чертъ народныхъ говоровъ, сохраняется ороографія историческая; или, наконецъ, ороографія придается единообразный видъ съ удержаніемъ лишь лексическихъ и синтаксическихъ особенностей народныхъ говоровъ, а также отчасти морфологическихъ. Перваго рода ороографія возможна тогда, когда лица, записывавшія народныя произведенія, были въ достаточной степени знакомы съ народной рѣчью и умѣли правильно передать ее посредствомъ письма. Такія записи особенно интересны для знакомства съ языкомъ населенія. Почти такое же значеніе имѣютъ и записи второго рода, особенно если редація умѣло и строго послѣдовательно соединяетъ фонетическіе приемы письма съ исторической ороографіей. Тутъ возможны, конечно, и условныя написанія, требуется только, чтобы они были строго послѣдовательны. Наконецъ, третій приемъ для языка имѣетъ менѣе всего значенія, но онъ очень удобенъ въ чисто литературномъ отношеніи, такъ какъ облегчаетъ знакомство съ народными произведеніями для лицъ, не знающихъ мѣстныхъ говоровъ. Этого способа изданія народныхъ произведеній удобнѣе всего держаться въ томъ случаѣ, когда записи не отличаются послѣдовательностью, а самъ редакторъ не имѣетъ возможности провѣрить ихъ на мѣстѣ записи. — Обращаясь къ ороографіи, которой придерживается въ изданіи разсматриваемыхъ «Материаловъ» г. Шейнъ, находимъ, что онъ слѣдуетъ второму способу обнаруженія этнографическихъ произведеній. Такъ у него вездѣ есть *ъ*, *ь* и *ѣ*; даже удержано *о* безударное, обыкновенно произносимое иначе; согласные голосовые передъ безголосными оставлены безъ перемѣны. Если строго послѣдовательно держаться такого, такъ сказать, условно фонетическаго письма, то изданіе народныхъ произведеній въ научномъ отношеніи будетъ вполне удовлетворительно. Разсматривая изданіе г. Шейна, находимъ слѣдующіе недостатки: 1) въ отношеніи передачи общерусскаго безударнаго *о*. Въ предисловіи къ I т. 1 ч. г. Шейнъ заявляетъ, что «неударяемое *о*, произносимое во всей области бѣлорусской рѣчи, какъ *а*», онъ «оставилъ безъ измѣненія въ его этимологической неприкосновенности, какъ это принято въ литературномъ языкѣ». Но такое утвержденіе относительно всей бѣлорусской рѣчи — явное заблужденіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дѣйствительно такъ и обстоитъ. Но какъ уже давно замѣтили С. П. Мякуцкій (Отчеты II отд. Имп. Ак. Наукъ о филологическомъ путешествіи по Западнымъ краямъ Россіи. Тетрадь II. 1865 г., стр. 37) и И. И. Носовичъ (Бѣлорусскія пословицы, помѣщенные въ Сборн. Отд. русс. яз. и сл. Акад. Н., т. XII, стр. V), а также какъ приходилось наблюдать намъ самимъ (ср. наши Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, § 73, 80, 81, 82, 85; Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, стр. 174—179),

та или другая замѣна бѣлорусскаго безударнаго *о* мѣняется по мѣстностямъ, завися главнымъ образомъ отъ большей или меньшей близости къ ударяемому слогу; такъ что иногда слышится и *о* безударное, и *ы* очень часто, и даже *у*. Да и у самого г. Шейна род. падежи прилагательныхъ на *-ого* вѣдь не даромъ же пишутся обыкновенно черезъ *-ого*, а не *-аго*, хотя они и стоятъ не подъ удареніемъ; попадаютъ, правда, и ничѣмъ не оправдываемыя отступленія (ср. I т. 1 ч., 22: маленького и маленькаго; I т. 2 ч., 224: боскаго слова и гаю зеленого). Съ другой стороны, иногда попадаютъ случаи, вопреки выставленному положенію, замѣны безударнаго *о* и совпавшаго съ нимъ *а* безударнаго другими гласными. Довольно часто на мѣстѣ его попадаетъ *ы*, напр.: I т. 1 ч., 19: посерѣдъ двора́ *ды* Ивановаго, Ива́нычка, строгый (твор. пад. женск. рода); I т. 1 ч., 81: ра́дысть, зылоты́мъ, мылодо́й и т. д. Такая замѣна *о* безударнаго посредствомъ *ы* безударнаго даже въ одной и той же пѣснѣ не представляетъ явленія постояннаго и устойчиваго, а носитъ характеръ совершенно случайный. Есть случаи замѣны такого *о* посредствомъ *у* и даже посредствомъ дифтонговъ, напр. I т. 1 ч., 19: годува́тъ, а случаевъ съ дифтонгами много въ разныхъ записяхъ изъ южной Бѣлоруссіи. Можно даже указать не мало примѣровъ написанія съ *а* безударнымъ на мѣстѣ *о*, объясняемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, своеобразнымъ пониманіемъ морфологическаго строенія слова. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ: I т. 1 ч., 21: Игнатачку, *ів*. 79: пойда́мъ, *ів*. 81: ў чыста́мъ (чистомъ?) поли, зорачки *ів*. 82; *ів*. 174: гусачки, *ів*. 234: дзяўчына́нцы, дзяўчына́нко, богата́я матки, *ів*. 317: табѣ́, паваго; I т. 2 ч., 20: саба́ѣ, *ів*. 204:

Выскочила маленькая маленя́,
Указала дороженьку до села. . . .

вмѣсто: выскочило маленькое маленя, указало. . . , потому что «маленя́», -я́ци средняго рода, какъ дзиця́, дзѣўча́ и под.; *ів*. 225: полавницею — половни́ей, *ів*. 227: приспайа́й, тачили, I т. 1 ч., 62: трое курей пѣла; впрочемъ, судя по рюмѣ къ нему (вороты скрыпѣли), можно думать, что здѣсь опечатка вм. пѣли, *ів*. 160: тари́ами, *ів*. 258 № 289: паны́рь и попы́рь папоротникъ и множество другихъ подобныхъ случаевъ. Принимая все сказанное во вниманіе, можно видѣть, что выставленное выше положеніе г. Шейна относительно безударнаго *о* невѣрно и въ его изданіи не выдержано. 2) Совершенно аналогичной съ передачей безударнаго *о* должна быть и передача *е* (= *є*, *э* и даже *ѣ*). Въ бѣлорусскомъ нарѣчьи, будучи безударнымъ, *е* подвергается почти такимъ же измѣненіямъ, какъ и *о*, только имѣетъ передъ собою мягкій согласный или *ј*, а послѣ *р* и шипящихъ оно вполне совпадаетъ съ *о*. Между тѣмъ у г. Шейна относительно *е* — дру-

гая система: собиратель вездѣ старается передавать замѣнителей этого звука безъ всякихъ отступленій: «е безъ значка сверху» безъ исключенія вездѣ произносится, какъ латинское *e*» («Отъ собирателя» I т. 1 ч., VI). Но и здѣсь на самомъ дѣлѣ далеко не находимъ такой выдержанности. Во-первыхъ, основное положеніе, сейчасъ приведенное, въ своей формулировкѣ представляетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что *e* бѣлорусское въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произносится, ничѣмъ не отличается отъ *e* великорусскаго, т. е. оно всегда умягчительное, никоимъ образомъ не похожее на латинское *e*; съ послѣднимъ совпадаетъ *e* въ Полѣсьи, но вѣдь полѣсскіе говоры далеко не бѣлорусскіе. Такимъ образомъ, напр., если бы кто сталъ читать дзѣдулечка, пойдземъ, сокочице (I т. 1 ч., 109—110), яе, племеша, безъ (I т. 2 ч., 69), очнуўсе, мине, панепка, зъверху и т. д. (II т., 80) съ *e* = лат. *e*, т. е. съ *э*, тотъ допустилъ бы грубую ошибку. Во всѣхъ такихъ случаяхъ *e* умягчительное. Что касается въ частности безударнаго *e*, то оно передается у г. Шейна посредствомъ *e*, *я*, *и*, что и на самомъ дѣлѣ бываетъ въ бѣлорусской рѣчи. Однако же нельзя съ полной увѣренностью сказать, чтобы факты, приводимые въ разсматриваемомъ сборникѣ, вполнѣ соответствовали дѣйствительности: попадаются немало противорѣчивыхъ случаевъ. Возьмемъ I т. 1 ч., 19 стр. (запись самого Шейна). Съ одной стороны: терѣмъ, теремі, телятокъ, деражѣтъ, теряты; съ другой — тябѣ, лянівый. Или ів., 23 (запись самого Шейна): черезъ боръ, помежь тыхъ, цекла, рѣченька и т. д., но беражкѣстая, зъвучапіятами, сялезѣночка. Или I т. 2 ч., 393: Боже, Демьянъ, столы дубовые; скацерци бранья, явства сахѣрныя, сіняго. Или II т., 387: два человекѣ и два чаловѣка, неспасенныя души и цядобрые людзи. Или ів. 389: переночеваць и чилавѣкъ справядливый, цяперешнимъ и т. д. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о томъ, что часто смѣшиваются на письмѣ *e*, *ь* и даже *э*; послѣднее особенно послѣ *р* и *и*: рѣць № 7 и раць № 8 I т. 1 ч., 23, клеци (клѣти) I т. 1 ч., 58 № 38, на сырой хвое садзіў двое I т. 1 ч., 60, пріѣхала коляда ў вѣчере I т. 1 ч., 83, терема и терэма I т. 1 ч., 183. 3) «Ц и з передъ *e* произносятся почти всегда мягко, какъ бы передъ *ь* или іотированнымъ ю» (Отъ собирателя, I. 1, V). Вслѣдствіе такого замѣчанія г. Шейнъ на письмѣ обыкновенно не различаетъ такихъ написаній, какъ церемъ I т. 1 ч., 20, цекла ів. 23, на куцѣ ів. 26 и т. д. и полицѣ ів. 30, церкви ів. 75, церкви ів. 79, сердце ів. 20, сонце ів. 26, рацѣ ів. 86, между тѣмъ какъ въ первой группѣ словъ вездѣ *ц* мягкое изъ общерусскаго *т* мягкаго, во второй же группѣ *ц* твердое, какъ и въ общерусскомъ, изъ *ц* основного. Въ подобномъ же положеніи находится дѣло и въ написаніяхъ съ *р*, которое въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ твердо и лишь по восточнымъ и сѣвернымъ окраинамъ мягко. Дѣло впрочемъ несколько не пострадало бы, если бы относи-

тельно такого произношенія *p* была сдѣлана оговорка; но ея нѣтъ, а въ самомъ изданіи рядомъ напр. съ *e, ъ, и, ю, я* послѣ *p* встрѣчаемъ нерѣдко *э, ы, у, а*: черезъ *рѣчка* брыла I т. 1 ч., 18, терѣмъ *ів.* 19, черезъ *рѣчаньку* *ів.* 20, старѣйся *ів.* 21, грючиць и Григорывичъ *ів.* 22 № 6, *рыць* и посварылася, беражпстая, черезъ и *чпразъ*, *рыка* *ів.* 23 и т. д., *терема* и *терѣма* *ів.* 183. Почти только твердыми звуками бываютъ въ бѣлорусскомъ еще согласные *ж, ш, ч, ц*. Съ ними дѣло обстоитъ болѣе послѣдовательно, т. е. послѣ нихъ обыкновенно пишется *и* вм. *ы*, *е* вм. *э*, *ь* вм. *з*; однако и здѣсь иногда бываютъ отступленія. Укажемъ, напр., *хочыць*, *рогочыць* I т. 1 ч., 25, *несучы*, *кажучы*, *идзешъ* *ів.* 26, *шыци* *ів.* 127 и т. д. рядомъ съ обычными: *шыюць*, *смяшиць*, *наши* *ів.* 149, *пытаючи*, *играючи* 151 *ів.*, *пощипали* *ів.*, *любшы* *ів.* и т. д. 4) Въ области согласныхъ особенно выдающейся чертой бѣлорускаго нарѣчія является употребленіе *ц* *дз* мягкихъ вмѣсто *т* и *д* мягкихъ. Въ этомъ отношеніи у г. Шейна болѣею частью находимъ правильную орфографію, хотя нерѣдко также встрѣтить и непоследовательность: написанія съ *т* и *д* мягкими *ц-дз* часто даже въ одной и той же пѣснѣ. Напримѣръ: въ пѣсняхъ, записанныхъ самимъ Шейномъ, обыкновенно *т* и *д*: *побейте*, *повѣсьте* I т. 1 ч., 19, *ляжыть*, *идеть*, *тисовая* *ів.* 20—21, но непоследовательно: *цекла*, *плувецъ*, *вучыняточки*, *дзѣточки* *ів.* 23 — всѣ записи изъ одной и той же Могилевской губерніи. Или *ів.* 73: *поѣдзымъ*, *дзѣтки* и т. д. рядомъ съ *молоди* (трижды), если только послѣднее слово не представляетъ нерѣдкаго въ разсматриваемыхъ матеріалахъ смѣшенія *а* и *и* даже въ записяхъ самого собирателя. Еще: *тыбе* при *забимъ*, *цёмнымъ* I т. 1 ч., 93, *тереми*, *маця*, но *цешпыць*, *церемъ*, *дѣ дзѣла* *ів.* 171—172 (запись самого Шейна), *дзѣдка* *ів.* 421 (запись самого Шейна) и т. II, 6, *листя*, но *куюць*, *ищучы* *ів.* 462, *тредтёю*, *чатвертую*, но *жаници*, *пусьци*, *цябе* *ів.* 468 (запись самого Шейна). Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить одну орфографическую странность въ записяхъ ученика Свислочской учительской семинаріи Ермоловича изъ д. Заполья Слонимскаго уѣзда Гродн. губ. У него вездѣ употреблено *ц* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ слышится *дз*. По поводу этой орфографической особенности сдѣлано даже г. Шейномъ такое примѣчаніе: «Этотъ оригинальный способъ изображенія *дз* (а онъ повторяется не разъ и въ другихъ, имѣющихся у насъ записяхъ, сдѣланныхъ мѣстными уроженцами), такъ консеквентно выдержанный во всей записи, можетъ, по нашему мнѣнію, служить не лишнимъ соображеніемъ при разсужденіи объ означенномъ характерномъ звукѣ бѣлорускаго нарѣчія» (60 стр. II т.). Намъ кажется, что это лишь графическій пріемъ: въ принятой нашей азбукѣ нѣтъ особаго знака для звука *дз* (*s*), произносимаго вполне слитно, совершенно аналогично *ц*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи

особенно звонко, какъ бы *дзз...*; поэтому лицо, непривычное къ выраженію этого звука, имѣющее въ азбукѣ лишь аналогію въ *и*, и пашло возможнымъ передавать его посредствомъ *и*: *ивѣ*, *буце*, *хоццла*, *оиниъ*, *цель*, *оцежа*, *люцей*, *угляцѣли* и т. д. 60—61, *злочиъ*, *сѣциць* (сидить) *вече*, *цѣпнъ* (дзѣпнъ = гдѣ же) и т. д. 148—149. Интересно, что для *и* = *т* мягкому здѣсь тоже *и*: *прихоциць* и т. п., хотя одинъ разъ *ти*: *лециць* (глядятъ) 149. Также несомнѣнно графическая особенность записывавшаго, а не звуковое явленіе, въ употребленіи *тз* вмѣсто *и* изъ *т* мягкаго (въ легендѣ подъ № 231, стр. 416—419 т. II) въ такихъ словахъ, какъ *бѣдностзя*, *зваттзъ*, *идутзъ*, *батзюшку*, *дзитзѣнка*, *идзетзъ* и т. д. Съ физиологической точки зрѣнія *тз* совершенно невозможно: его нельзя иначе прочесть, какъ *дз* или *тс*. 5) «*оу*, *уо* и *іе* — произносятся какъ дифтонги — однимъ открытіемъ рта» (Отъ собирателя, I т. 1 ч., VI). Въ этомъ положеніи болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, для насъ кажется существованіе дифтонга *оу* на мѣстѣ общерусскаго *о*. Я думаю, что въ записи, а затѣмъ и въ печатъ это *оу* зашло лишь по орфографическому недоразумѣнію. Является этотъ дифтонгъ лишь въ записяхъ изъ Подлѣсья Слуцкаго уѣзда Минской губ., при чемъ въ пѣсняхъ, напечатанныхъ раньше, *уо*, а начиная съ № 253 (I т. 1 ч.) уже является *оу*: *Поунъ*, *поуйдзяце* I т. 1 ч., 242, *дроубны* ib. 247, *боуръ*, *моуй* ib. 248 и т. д. Оставляя до другого раза подробное разсужденіе о подлѣскихъ дифтонгахъ, здѣсь замѣчу лишь, что истекшимъ лѣтомъ (1898 г.) я нарочно предпринималъ поѣздку въ Подлѣсье и тамъ дѣйствительно произношенія съ дифтонгомъ *оу* не слыхалъ.

Таковы неточности, допущенныя г. Шейномъ въ передачѣ главнѣйшихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Но и помимо ихъ встрѣчается множество разныхъ орфографическихъ недосмотровъ, отчасти введенныхъ въ опечатки (списокъ которыхъ приложенъ къ каждой книгѣ), отчасти же незамѣченныхъ издателемъ и при окончательномъ пересмотрѣ сборника. Вотъ еще нѣсколько болѣе выдающихся погрѣшностей: I т. 1 ч. черезъ рѣчка 18, но черезъ рѣчку 19 (одинъ и тотъ же №), *лѣпничку* и *лѣпничку* 63, *хощ конику збуду*, *хощ коника збуду* 71, *я молода* (1 разъ) и *я молоди* (3 раза) 73, *сынъ Божій*, *храмъ Божжи*, *желѣзны тынъ* 136—137 № 136, *ў тымъ*, на томъ 140, *ужиниста* и *ужинаста* 148, *ў цѣмномъ лѣсѣ*, *ў чистымъ поли* 399, *свѣтъ неўдалая жана* (4 раза) и *звѣтъ неўдалая жана* 1 разъ, запись самого Шейна) 404. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника безъ нужды введено *к*, употребляющееся при томъ безъ всякой послѣдовательности: *щыгнѣль вылетае* 518, *верэбѣйка полецѣў*, *пѣршая*, *ячмень*, *бесѣда* и т. д. 519; *новорождзинному* 7, *вишоў кумъ по салу* (сyalу?) 24, *звоняѣй* 26, *свинки пасыщи* 35 (вм. пасвици), *табачни рожокъ* (табачки) 31, *ороць* 38 выноски, *одаць на крошцы* вм. *па крошцы* 48, *капусты съ*

макомъ 50 (мясомъ?), *ў новуой сцѣпцѣ* 58 (вм. исцѣпцѣ), *ў новуой клеци бѣлы кусты качае* 58 (хусты), госьикъ (дважды) рядомъ съ госьикъ 59, изъ жменька — мѣрка 60 (жменки), вороново коня 64, «*ў тоя времячко*» въ рѣму «подъ окошечко» 68 (вм. ожидаемаго «подъ окенячко»), свою дзѣваньку мижъ дзѣвоцахъ возьму 83 (выноска), менися тябе забиць 93 (мѣлся), вискочилъ рядомъ съ вискочисъ 94, три коски сала 97 (куски), за... свѣчку = запали с. = зажги 98, пришоуши 120 (пришоуши), зиму ю возочку, вясную чоўночку 126 вм. зиму ю (= у = въ) возочку и т. д., съ гоборамя ланци знесла 127 (г-ми), по дзесяшкѣ вм. д-ткѣ 141, по межахъ ходзіў да *усыша* росіў 145 вм. жыта, какъ видно изъ слѣдующей строки: «зародзіў жыта пану господару»; пяцьдзесять подводъ да *конивозниць* 145 (вм. коны возиць); несомнѣнно не дифтонги, а польская орфографія въ пѣснѣ № 144 (стр. 150) записанной въ Минскомъ уѣздѣ; *ў чатверты вокно* 152, *процвианць* 158, *выросики* ів. (вм. в — стки), Юры Ёдзиць на *сымъ* конѣ 171, дочьку и дочку 172 (которая форма правильнѣе?), мой свѣкорки 179, *ў ксамица* рядомъ съ *ў ксамици* 188, ни въ рѣшецѣ воды, ни въ нелюбомъ душа 193, *идзець яна, молоды, воды плачучи* 207, *овясецъ* 260 (вм. овецъ), призываютъ на помощъ *волхвовъ, медвѣдей, лисиць*... 266 (вм. волковъ), дай шоў 274 (вм. да йшоў), наша пана 288 (вм. пани). Какъ можно видѣть изъ послѣдняго и другихъ подобныхъ примѣровъ, довольно часто употребляется *и* вм. *а* и наоборотъ. Продолжимъ примѣры болѣе выдающихся опечатокъ: да хилщеса зеленя лозы 308 (вм. хилщеса), у мамуаны 367, зазовеёмъ 372, въ стодолахо молоцяць 412, сто розакъ свянци 432, ихъ брацитки на лаўцѣ ляжиць 441 (вм. б — тка), подъ косцеломъ на цвиотары 448 (вм. цвинтары), на вечарочки *схиоваўся* 453, Изорсовской волости 503 (вм. Щорсовской). I т. II ч.: сцюдзинь 3 стр. и сцюдзкнь 5, побрацимо укормила 35 (вм. нобрацимоў к — ла), дурнѣйць въ рѣму разумѣиць 37, спласкали вм. спляскали 80, раздзишгся 81, жалосьцай 103 (вм. ж — цай), нйдзѣ вм. пейдзѣ (= нигдѣ) 238; гѣсня № 2 (стр. 350—351) имѣеть ту орфографическую особенность, что въ ней предлогъ *оъ* вездѣ изображенъ въ видѣ *о'* (съ наэркомъ): а в' середу в' квасъ клали; *ѣзья* 350 (ѣшьте) и т. д. — II т. Критика перваго тома «Материаловъ» (ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., октябрь, и 1890 г., ноябрь) поставила на видѣ неточность многихъ записей въ фонетическомъ отношеніи; поэтому уважаемый собиратель при печатаніи 2-го тома былъ внимательнѣе въ этомъ отношеніи; однако же вопліѣ удовлетворительно выполнить эту задачу было очень трудно главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что не всѣ сотрудники г. Шейна были одинаково подготовлены къ точнымъ записямъ. Поэтому и здѣсь встрѣчаются иногда разные недосмотры: Якшинской волости вм. Якшицкой III стр., выраженіе «гляди же» передано по-

средствомъ гледзишь и гледзижь 1—2 (для избѣжанія недоразумѣнія слѣдовало по крайней мѣрѣ отдѣлить шъ = жъ), «ти будашь мине, котокъ, за ходяиша?» и тамъ же: «у мине вже *єсть* ходяиць», тамъ же: «у миша вже *ѣ* ходяиць» 3, заяць и заиць *ів.*, ни хочу пѣшичу ходзиць, вѣроятно, вмѣсто пѣшишу (пѣшыю) 7—8, увидзѣў *вм.* увидзѣў 122, одобраў у Климки *вм.* у Климкѣ 124, показалося *вм.* показалася 125, оддамы *ів.* (*вм.* оддамó), шкодо *ів.* (*вм.* шкода), вышўў *ів.* (*вм.* выняў), подлазили 127 (*вм.* поўлазили), продаюць жиды *ўсѣ мяккую* одзѣжу 131 (*вм.* ўсялякую), «яна на мене чисто заштурхала» *вм.* «яна мине ч. з.» 141, бачўў 154 (*вм.* бачіў — бачыў), рыкаце 473 (*вм.* рыкаци), хлѣба 475 (*вм.* хлѣва), живучу 476 (*вм.* живучи), не заўся (*г*) гды 479 (*вм.* не заўсягды), не тки *ів.* (*вм.* не тки), загрѣхъ *ів.* (*вм.* за грѣхъ), примакиї 480 (*вм.* примакиї), сьцюдзико 482 (*вм.* сьцюдзинó), ни познала, што подлога у мяне *за шкло* 485 (*вм.* за шкла, т. е. изъ стекла), смали 515 (*вм.* смалы), «ожаниўся чарвякъ зъ *дзявляцую* жонками» (*вм.* зъ дзявляцую — девятью), 554, «коли ты горѣлку якъ воду *пешь*» 561—562 (*вм.* пѣшь) и т. д.

Перечисленные недостатки сказываются какъ въ записяхъ самого г. Шейна, такъ и въ матеріалахъ, доставленныхъ другими лицами. Интересно бы опредѣлить, какіе изъ этихъ недостатковъ принадлежатъ собственно редакціи издателя и какіе корреспондентамъ г. Шейна. Но не имѣя ихъ рукописей, не возможно отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, въ «Матеріалахъ» Шейна даны перепечатки изъ нѣкоторыхъ собраній, уже раньше увидѣвшихъ свѣтъ. Кромѣ того, нѣкоторыя записи прошли и черезъ мои руки. Вотъ сравнивая эти матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они были раньше и въ какомъ явились впоследствии у г. Шейна, мы и можемъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ ороографіи разсматриваемаго изданія. Во всѣхъ этихъ матеріалахъ, напечатанныхъ часто довольно удовлетворительно въ фонетическомъ отношеніи, г. Шейнъ ввелъ однообразную ороографію, особенно замѣнилъ *а* изъ *о* безударнаго посредствомъ *о*. Далѣе, въ перепечаткахъ пѣсень, изданныхъ польскою ороографіей, онъ нашель нужнымъ ввести *є* для передачи *ie*, что въ русской ороографіи уже составляетъ ничѣмъ не оправдываемую причуду; вдобавокъ это *є* и проведено крайне непоследовательно. Я уже приводилъ подобные случаи изъ записей оригинальныхъ; здѣсь для примѣра укажу нѣсколько непоследовательностей изъ перепечатокъ: I т. 1 ч., 517: *нєвеліки*, *збирає*, *ів.* *мїєле*, *замєтає*, на *вєскєлли йграє* и т. д.; I т. 2 ч., 69: *не хвалиє*, *горосє*, *племєни*, 70: *идзєць*, *няєкєць*, *нехай не застанусє*, 103: *грєбєнецє*, 117: *не улекайє* и т. д. Это же причудливое письмо послѣ иногда вводится и въ записи лицъ, доставившихъ г. Шейну свои матеріалы, еще не появлявшіеся въ печати.

Кромѣ того, при перенечаткахъ допущено не мало отступленій отъ

оригиналовъ и другого рода, при чемъ одни изъ такихъ отступлений являются удачными поправками оригинала, другія же ничѣмъ не оправдываются, избличая часто недостаточно внимательное отношеніе редактора къ своему дѣлу. Иногда замѣчаются пропуски отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ стиховъ. Приведемъ примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго.

а) Поправки въ печатныхъ матеріалахъ, быть можетъ, вполне раціональныя:

І т. 1 ч., 107. У Киркора: Ой найду я на горóдзѣ
На дзявоцкимъ хороводзѣ,
Рыбачку лапаючи....

У Шейна: Ой пойду я по горóдзѣ....

Ів. У Киркора: Няйдзиця на орѣшачки....

У Шейна: Няйдзиця по орѣшачки....

І т. 1 ч., 108. У Киркора: Або васъ што спугаиць,
Ня нуждая дай сердца маць!

У Шейна: Ня ўсяки дай сердца маць!

І т. 2 ч., 77. У Тышкевича: Pa kieszeniach pakłali;
Ach ciamnie pryszło,
U kieszeni ciesta padyszło.

У Шейна: По кншечняхъ поклали,
Ахъця миѣ прышло....

Ів., 78. У Тышкевича: žena hoža... hlože....

У Шейна: жена гожа... гложа (риома).

Ів., 79. У Тышкевича: Waźmij pażażok papieraj sia.

У Шейна: Возьми посошокъ поперайся. Здѣсь «посошокъ» очень вѣроятная поправка, хотя еще слѣдуетъ доказать, употребляется ли это слово въ народномъ языкѣ.

І т. 2 ч., 89. У Тышкевича: Družko! družko! nie waroczaj mianie,

Ja nie kałoda tabie.

Kab ja kałoda,

U barub leżała:

Kab ja biaroza,

Na miażyb stajała.

У Шейна: Дружко, дружко, не ворочай мянѣ,

Я не колода табѣ, я ня бяроза табѣ;

Кабъ я колода, ў бору бъ лежала....

Ів., 95. У Тышкевича: U sabotu kasu czesala....

У Шейна: У субботу косу чесала....

- Ів., 108. У Тышкевича: Ciąpier ja sieła miż szypszyniczku,
Miż krapiuuki, — żyżka krapiuuka
Pażyhać budzieć. . . .
- У Шейна: Цяперъ я сѣла мижъ шышыничку,
Мижъ шышыничку, мижъ краниўки,
Жижка краниўка — пожигаць будзецъ. . . .
- Ів., 117. У Тышкевича: Da ja hawaryła: sakały latuć! . . .
Ja twaryła szto miesiac uschodzić. . . .
- У Шейна: Да я говорыла: «соколы лятуць!» . . .
Говорыла я, што мѣсяць ўсходзиць.

Можно указать и еще нѣсколько подобныхъ удачныхъ поправокъ, особенно въ повтореніи словъ или цѣлыхъ стиховъ (ср. ів. 101 № 87 ступиць, 110 № 109 оўсяные зубы, 121 № 136 и не соловѣки щебечуць).

б) Еще было бы вполне рационально въ записяхъ, переписанныхъ съ польскаго, сдѣлать поправку суффикса *-эчка* на *-ачка*, или по орфографіи г. Шейна на *-очка*: суффиксъ *-эчка* бѣлорусскому нарѣчію неизвѣстенъ. Въ этомъ случаѣ г. Шейнъ польское *-eszka* иногда даже передаетъ просто черезъ *-эчка*, вслѣдствіе чего получается не польское и не бѣлорусское окончаніе. Сказанное относится и къ суффиксу *-эк* вмѣсто ожидаемаго *-ок*, а также *-энька* или обыкновенно у Шейна *-енька* вмѣсто ожидаемаго *-онька*. Примѣры:

- І т. 1 ч., 398: маменька при польск. мамейка,
Ів., 432: лахчынэчки, ручэчки,
Ів., 518: голóвенька;
І т. 2 ч., 69: татэчку, дудэчки,
Ів., 71: подарэчки, Янечку, подарокъ, горэлэчку.

Иногда однако рядомъ съ подобными явными полонизмами находимъ и поправки:

- І т. 2 ч., 74: Горэлочки захоцѣла,
Горэлочки, акавитэчки,
Для мяне працовитэчки,
Горэлочки тащанэчки. . . .
- Ів., 87: Ўстаньце дзѣвечки,
Бярыце щоточки,
Чашыце головочки!

Въ польскомъ оригиналѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ конечно *e*.

Еще примѣры:

- Ів., 76: А ў хатэчку трэсечки лятуць,
Ів., 79: Гусечки и т. д.

в) Большинство однако случаевъ несходства передачи напечатанныхъ матеріаловъ у г. Шейна скорѣе могутъ быть объясняемы какъ простые недосмотры или непониманіемъ текста. Таковы, напр., случаи:

I т. 1 ч., 107: Я вышію кошулицку вм. вымаю (вымою);

Ib., 173 въ окончаніяхъ словъ почему то употреблено *-и* вм. *-а* въ оригиналѣ:

Этногр. сборн. II, 233.

Шейнъ, Матер. I т. 1 ч., 173.

У чѣстамъ поли стадо́ланька,

Ў чистомъ поли стадоланьки,

У стадо́лыньцы карчо́манька,

Ў стадолыньцы корчоманьки,

У карчо́маньце кравату́нька,

Ў корчоманьцѣ кроватуньки,

На кровáци сълична панѣ́нка,

На кроваци сълична паненька,

пáнна Гáнна. . . .

Слична панѣ́нка, панни Ганно.

I т. 1 ч., 334: якъ милого обуджаца вм. обудзици;

— 398: чужая сторона — тугою о́рана, слѣзми засѣ́явана вм. засѣ́яна;

— 414: ў зялёменькимъ верасочку вм. зялёнькимъ;

— 431: Хамицки ў той часъ не жаниўсе вм. той часъ (винит. времени безъ предлога);

— 518: зязюля вм. зазуля, давае вм. да́е;

— 544: гэта дай на си́гъ вм. гэта да й пя си́гъ;

— 569: хлопцы мне не любяць — «мине» лишняя прибавка.

I т. 2 ч., 70: крыніцо́й съюдзяней водзицы передача польскаго: *krynicoj ściudzionej wadzicy*;

— 71: ня дзяры бора вм. бору;

— 74: пѣресьцьнями вм. персьце́ньми (*pierścieńmi*);
заступъ вм. зступъ (*zstup*);

— 75: кудзѣркамаи вм. кудзѣ́ркамаи (*kudziorkami*);
госнодыпечка вутка вм. вудка (*wódka*);

— 76: наша Агатка вм. наша́я А. (*naszaja A.*);
ў хатэчки трэсечки литуць вм. ў хаточку;

— 78: ўсѣ́ людзѣ́ дзивуюцца вм. дзивуюцца (*dziwiuc sia*);

— 84: Боже мой, Боже вм. ай Боже жъ мой, Боже;

— 85: да прыѣ́дзце́ п вы вм. прыѣ́дзецѣ́ (*przyjdziecież*);

— 86: близкіе п дальняе вм. дальны́е (*dalnyje*);

— 87: той сви́нцовой хацѣ́ вм. сви́нцоне́й (*polonizm*);

— 88: горшокъ вм. горцо́къ (*harszczok*);
трѣ́шнику вм. трайка (*trojaka*);

выкупи́ў вм. выкупа́ляў (*wykuplau*);

— 92: «мой выше, мой выше» вм. мой вы́шшы (*wyższy*);
мѣ́на коро́вае́въ вм. мѣ́няне коро́вае́въ;

- I т. 2 ч., 93: кулаками обь столъ биць, вм. кубками (kubkami);
 — 94: дзякую табѣ, цѣсцянка, вм. тасцянка (tascianka);
 дмѣтса сваха вм. сваяця (swacia);
 — 96: слѣзкі зъ боръ кацилиск вм. зъ горъ (z hor);
 — 97: коли Богъ пуцаў вм. кабъ (kab);
 пошли солоўя. . . до милого татэчку вм. па милага;
 соловейку понилю вм. соловейка п. (saławiejka);
 радъ бы я ўстаць до свояму дзицяци порабочекъ даци
 вм. радъ бы я ўстаць да свояму дзицяци порядочекъ даць;
 — 98: Ustała Agatka u nadzieļu rana.
 Malila sie Bohu, Bohu molitca,
 Tatku kłanitca u nożki niziuteczka. . . передано:
 Ўстала Агатка ў надзѣльку рано,
 Молиласк Богу. Богу молитца .
 Только кланитца ў ножки низюшэчко. . .

Эта допущенная переписчикомъ путаница, принятая паслово, заставила даже въ выноскѣ предложить поправку и притомъ неудачную.

- I т. 2 ч., 101: скочыла Агатка зъ лаўки до лаўки вм. с. А. зъ лаўки да-
 лоў-ки (z lauki dalouki долой);
 — 102: большы братъ (№ 90) вм. сватъ;
 — 104: бѣлы коўнёръ зъ папѣры вм. б. к. якъ зъ п.;
 — 105: звѣнчаў нашы дзѣци вм. звездаў н. д.;
 — 106: за того молодца вм. молодого (maładoha);
 — 108: Даўшы жыта — праси хлѣба; даўшы лёну — праси со-
 рочку. . . вм. Даўшы лёну, праси сарочки: даўшы жыта,
 праси хлѣба. . . ;
 — 105: прыходзиць къ ей лебядзь вм. прыляцѣў;
 — 109: прыѣхала Янэчка вм. прыѣхаў;
 — 110: прыбраў, какъ лябѣдку вм. п. якъ л.;
 — 111: зъ надзѣли по понядзѣлокъ вм. па понядзѣлокъ;
 — 112: знимуць. . . молодую лускавицу вм. залатую л.;
 — 113: только ты ў свою хатку вм. т. мѣ у. с. х.;
 — 114: табѣ прыгожуся вм. адгажуся;
 — 116: яго яблоками кормили вм. ягодками (jahodkami);
 — 117: татова піўка вм. таткова н. (tatkowa);
 — 123: зними покрывало сушы вм. з. п. це сушы;
 — 131: великія пропойны вм. в. запоины; тутъ же вм. «Да попро-
 суюць Т.» д. б. «Да просуюць, напросуюць Т.» (такъ въ жур-
 налѣ Tygodnik Wileński, VII);

- Ив., № 133: на торгу бываѹ вм. на торгу я бываѹ;
 лелея вм. лялея (laleja);
 зговоромъ вм. змовинами (zmówinami — obrady);
- 134: на полу вм. на полѣ;
- 141: мое краски зянуць вм. зьяюць (въ «Tygodnik'ъ»);
 за кого кпила вм. зъ кого (z kaŋo kpiła);
- 370: тамъ же миѣ свяжуць вм. т. ж. миѣ ручки с.;
 на іого. . . зъ іого вм. на іого. . . на іого;
 двоуръ, стоуль вм. дворъ, столъ (Бобров., I, 831);
- 372: хлѣба дайцѣ вм. давайцѣ;
- 483: «нутка, зватушка любезный, прошу водку моей кушатысь, да
 мойхъ ряцѣвъ добрыхъ слушатысь» вм. н., з. любезнай! працу
 водки маей к., да майхъ ряцѣвъ д. злушатысь» и много др.
 неточностей;
- 485: баслави Боже вм. басла Божа;
- 486: расплацься, молодзится вм. моладницѣ;
- 489: ягода зъ ягодой сокатыся вм. сакатылася;
- 490: далѣко вм. даляко, видзѣли вм. видзили;
- 492: роднѣй матушки вм. р. маѣй м.; на подкняжемъ плаштя вм. на
 подкняжимъ п.;
- 493: казной расцитаѹся вм. разцитаѹся;
- 494: спасибо Хведоровъ вм. спасибо Хведараць.

- II т., 473: болѣе маець вм. болѣй м.;
- 477: пи-ни вм. пе-пе (№ 71);
- 479: ня любн вм. пе любн (№ 111);
- 482: ўзяла погань моць вм. моць (uziała roŋań moc).

г) Иногда по недосмотру пропущены цѣлые стихи. Примѣры:

I т. 1 ч., 141—142 (что можетъ быть уже сдѣлано Шпилевскимъ):

*Радаўница статакъ запасываюць,
 Святы Юры Божжы посоль. . .
 Святая Прачыстая напары мѣшаець
 II жыта засьвасць, а другая ей намагаець. . .
 Святыя Громницы съвѣчы пасвещаюць.
 Пришли Сороки. . .*

- 516 № 636: Полобіўшися, пожапіўся,
Пажайўшися, пасваріўся.

I т. 2 ч., 74 № 12, 6 стрк.: Пѣсьяями всеяленькамн.

- 76, 1 стрк.: Пѣся въ то время, какъ сажаютъ въ печь коровай.
- 82 № 31, 9 стрк.: Хочецъ ёнъ паѣхаць.

І т. 2 ч., 87 № 41: опущенъ конецъ пѣсни:

Ходзиць, паходзиць маладая дзѣвачка,
 На новымъ ганку садзиць, пасадзиць сваихъ
 Дзѣвачекъ на бѣлыхъ лаўкахъ,
 Пакуль прыѣдзець Яначка зъ дружинкой,
 Ёнъ васъ разгониць, ёнъ васъ разгониць,
 А мне зъ собой возьмець.

- 115 № 122, 7 стрк.: На начь пуцайце.
- 116 № 125, 6 стрк.: Нѣгдзѣ яго на былинацѣ садзили.
 15 стрк.: Нѣгдзѣ яго пиражками кармили.
- 118 № 129, 9—10 стрк.: Атчыни, мамачка, вяршочекъ,
 Вязёмъ нявѣхну зъ каршошекъ.
- 132 № 3, 14 стрк.: Самъ сёмъ паяжджая.

д) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не мѣшало бы устранить нелѣпую ореографію оригинала, какъ въ І т. 2 ч., стр. 367—374, гдѣ находимъ такія написанія какъ зльичко, догадайцѣся, цѣсця, идзѣ, менѣ молодую, дайцѣ, вѣсѣльлѣ, цѣбѣ, соловыйка нѣ цѣбѣтала и т. д. Во всѣхъ этихъ словахъ *л* несомнѣнно употреблено для обозначенія *e* умягчительнаго, для чего въ другихъ мѣстахъ сборника и пишется *e*. Не было никакой надобности удерживать въ этомъ случаѣ ореографію Бобровскаго и Киркора, разъ она не выдержана въ другихъ отношеніяхъ, напр. въ передачѣ безударнаго *o*.

Къ числу достоинствъ хорошей редакціи пѣсенъ и другихъ народныхъ произведеній относится постановка удареній въ словахъ. Въ этомъ отношеніи редакція г. Шейна также заставляеть желать многоаго. Однако значительная доля вины падаетъ здѣсь не на редактора, а на его многочисленныхъ корреспондентовъ, вѣроятно не проставлявшихъ въ своихъ записяхъ удареній. Но зато всецѣло падаетъ вина на г. Шейна за опущеніе удареній въ перепечаткахъ, напр. изъ Чечота, Этнографическаго сборника и др. изданій. Ср. напр. приведенное нами выше мѣсто изъ І т. 1 ч., 173 Шейна и Этногр. сборн. II, 233.

Отъ хорошаго изданія народныхъ пѣсенъ требуется также, чтобы онѣ были хорошо подѣлены на стихи. При записи народныхъ произведеній это дѣло не трудное, такъ какъ при пѣніи обыкновенно и распадаются пѣсни на стихи, требуется лишь умѣть записать это дѣленіе. Но и помимо этого, какъ уже отмѣтилъ въ свое время Потѣбня (Отчетъ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова), стихотворное дѣленіе пѣсенъ легко установить и теоретически, такъ какъ всѣ пѣсни известнаго рода имѣютъ свой схематическій размѣръ. Въ «Матеріалахъ», изданныхъ г. Шейномъ, дѣленіе пѣсенъ по стихамъ вообще правильное, и при томъ не только въ пѣсняхъ, явив-

шихся у него впервые, но и въ перепечаткахъ. Въ послѣднихъ г. Шейнъ нерѣдко даже отступаетъ отъ оригинала, лишь бы придать пѣснѣ больше стройности и естественности. Напримѣръ: Дмитриевъ: Опытъ 1868 г., стр. 15:

Пытаю тебе мѣсяцу,
 Чи рано зходзишь, чи позно заходзишь?
 Ясное мое солнычко, а что табѣ да того?
 Да зыходу мого?

То же у г. Шейна. Т. I, ч. 1, 292:

Пытаю тебе, мѣсяцу:
 Чи рано зходзишь,
 Чи позно заходзишь?
 — Ясное мое солнычко!
 — А что табѣ до того,
 — До зыходу мого?

Въ этомъ же родѣ поправки въ дѣленіи пѣсенъ по строкамъ, и при томъ очень удачныя, сдѣланы въ слѣдующихъ мѣстахъ: I т. 1 ч., стр. 569—570, № 796; I т. 2 ч., 70 № 4, ib. 71, №№ 7 и 8, ib. 72 № 10, ib. 77 № 20, ib. 81 №№ 29 и 30, ib. 82 № 31, ib. 84 № 36, ib. 87 № 41¹⁾, ib. 88 № 43, ib. 90 № 51, ib. 91 № 56, ib. 92 №№ 57 и 58, ib. 94 № 65, ib. 95 №№ 68 и 69, ib. 96 №№ 71 и 72, ib. 98 №№ 75 и 76, ib. 100 № 80, ib. 101 № 87, ib. 104 № 95, ib. 105 №№ 97 и 98, ib. 106 № 99, ib. 108 №№ 104 и 105, ib. 109 № 105, ib. 110 № 108, ib. 111 №№ 110 и 112, ib. 112 № 113, ib. 113 № 114, ib. 114 № 120, ib. 119 № 131, ib. 120 № 132, ib. 124 № 142, ib. 370—371 № 10.

Лишь изрѣдка попадаются недосмотры въ этомъ родѣ, напр. I т. 1 ч., 28 № 19; здѣсь есть даже строки въ 15 слоговъ, напр. 3-ья; въ № 132 (ib. 130) есть строки въ 19 слоговъ, напр.

Охъ якъ жа мнѣ сялу, Боже милы, сялу Святкоуѣському вяселому бышь....

¹⁾ П. В. Шейнъ несомнѣнно иначе расположилъ бы и оставленный имъ по недосмотру конецъ № 41, напр. такъ:

Ходзиць, паходзиць, маладая дзѣвачка,
 Садзиць, пасадзиць своихъ дзѣвачакъ
 На новымъ ганку, на бѣлыхъ лаукахъ,
 Пакуль прыгдзецъ Яначка зъ дружинкай.
 Ёнъ вась разгониць, ёнъ вась разгониць,
 А мяне зъ сабой возьмець.

Повидимому неправильное дѣленіе по строкамъ допущено и въ одной перепечаткѣ изъ Тышкевича; имѣю въ виду № 16, I т. 2 ч., стр. 76. Тутъ, напр., читаемъ:

«Нихто ня угадае, што ў нашымъ короваю:

«Дзѣвяци пудоў муки, осми короў масла, а яецъ поўтараста» —

вмѣсто Тышкевичева (Opisanie powiatu B., 296):

Nichto nie uhadaje,
Szto u naszym karawaju.
Dziewiaci pudou muka,
Aśmi karou masła,
A jajec poutorasta.

Къ достоинствамъ редакціи напечатанныхъ матеріаловъ относится еще указаніе вариантовъ при разныхъ произведеніяхъ. Эти варианты или приводятся тутъ же, если они являются впервые, или дѣлаются на нихъ только ссылки, если они къмъ либо уже обнародованы. Если иногда ссылки на варианты не сдѣланы въ текстѣ, то онѣ прибавлены въ приложеніяхъ. Приведемъ примѣры вариантовъ разнаго рода. 1) Варианты приводятся тутъ же подъ строками: I т. 1 ч., стр. 21 къ № 4; ib. 68 къ № 55; ib. 83 № 80; ib. 94—95 № 95; ib. 164 № 155; ib. 188—№ 184; ib. 190 № 188; ib. 217; ib. 227 № 234; ib. 285 № 332; ib. 331 № 387 б; ib. 332 № 387 б; ib. 333 № 387 в; ib. 336 № 398; ib. 338 № 400; ib. 396 № 482; ib. 437 № 537; ib. 500 № 612; ib. 524 № 642; ib. 531 № 648; ib. 532 № 648 и т. д. 2) Дѣлаются только ссылки на варианты уже напечатанные: I т. 1 ч., стр. 24 къ № 8; ib. 34 № 31; ib. 112 № 115; ib. 117 № 116; ib. 145 № 139 др. 3) Опущенные въ текстѣ варианты помѣщены въ приложеніяхъ ко всѣмъ томамъ. Конечно ссылки г. Шейна можно бы значительно пополнить, какъ это сдѣлано, напр., Сумцовымъ въ отзывѣ о сборникѣ Е. Романова (Отчетъ о присужденіи въ 1893 г. премій митрополита Макарія), особенно въ отдѣлѣ сказокъ, но это не входитъ въ задачу настоящаго отзыва; кромѣ того и ссылки въ большинствѣ случаевъ можно бы сдѣлать лишь на малодоступные сборники¹⁾, вслѣдствіе чего онѣ были бы бесполезны.

Въ заключеніе разсмотрѣнія редакціонной части «Матеріаловъ» г. Шейна слѣдуетъ высказать пожеланіе, чтобы съ окончаніемъ изданія къ такому обширному сборнику былъ приложенъ указатель, съ одной сто-

¹⁾ Напр. при № 533 (I т. 1 ч., стр. 434) можно бы сослаться на Чечота 1846 г., стр. 49, № 85.

роны, пѣсенныхъ и сказочныхъ мотивовъ, а съ другой — обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій и т. п. Прекрасные образцы такихъ указателей находимъ въ настоящее время въ извѣстномъ изданіи А. И. Соболевскаго: «Великорусскія народныя пѣсни». Правда, и въ разсматриваемыхъ томахъ сборника г. Шейна имѣется нѣкоторое указаніе на пѣсенные и сказочные сюжеты при самихъ произведеніяхъ, но желательно было бы все это видѣть сгруппированнымъ въ одномъ мѣстѣ. Лишь одинъ очень полезный указатель приложенъ къ двумъ книжкамъ (I т. 1 ч. и II т.), это — указатель мѣстностей, гдѣ собраны тѣ или другіе этнографическіе матеріалы. Жаль, что такого указателя нѣтъ при томѣ I ч. 2-ой.

в) Достоинства напечатанныхъ матеріаловъ.

Несмотря на всѣ отмѣченные нами недостатки чисто редакціоннаго характера, матеріалы, собранные г. Шейномъ, по своему внутреннему содержанию представляютъ очень много цѣнныхъ данныхъ для характеристики быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края. Между этими матеріалами первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ обрядовой поэзіи, хотя и другіе отдѣлы также представляютъ немало цѣннаго и интереснаго.

Обрядовая поэзія у бѣлоруссовъ, такъ же какъ и у малоруссовъ, еще до сихъ поръ отличается значительной свѣжестью и чистотой первобытнаго міросозерцанія. По своему содержанию, въ этомъ отношеніи она въ настоящее время ближе къ малорусской поэзіи, хотя обрядность, напр., свадебная едва ли не больше точекъ соприкосновенія представляетъ съ великорусскимъ ритуаломъ. Во всякомъ случаѣ, не давая особенно новыхъ мотивовъ, народная бѣлорусская обрядовая поэзія нисколько не уступаетъ малорусской, въ то же время значительно превосходя сохранившіеся до нашего времени остатки великорусской поэзіи. Все сказанное можно подтвердить данными однихъ «Матеріаловъ» г. Шейна. Подробное разсмотрѣніе этихъ обрядовъ и мотивовъ составило бы большую работу, которой не мѣсто въ данномъ отчетѣ; да ужъ многіе ученые изобильно и пользовались «Матеріалами» г. Шейна (акад. Веселовскій еще въ рукописи, проф. Сумцовъ, Владиміровъ и др.). Мнѣ остается указать лишь для примѣра нѣкоторые мотивы и обряды.

Начнемъ съ колядокъ. Извѣстный обрядъ прятанья хозяина дома за порогами и другими яствами во время ужина наканунѣ Рождества Христова извѣстенъ и бѣлоруссамъ (I т. 1 ч., 47): «... якъ повечераюць, то ўсѣ повинны отойци отъ стола, господарь трейчи перекрѣсциўшися, сядзе на покуци, а жонка насупроціў яго, и попытае: «чи бачишь ты мене?» а ёнъ скаже «не бачу!» — «Кабъ же ты не бачіў за стогами, за копами, за

возами, за снопами свѣту». Тогда господарь попытает у жонки: «бабо! чи бачишь ты мене?» — «Не бачу!» — Кабъ же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за капустою, за бураками свѣту». Тогда трѣба, штобъ баба ўзяла кочергу, да и ихнула ею господара, а ёнь, хутко поваліўшися на лаўку, откаже: «дай же, Боже, штобъ твое снопы такъ хутко падали на нивѣ!»

Малорусскія веснянки и колядки въ отношеніи ихъ пѣсенныхъ мотивовъ разсмотрѣны въ обстоятельной работѣ А. А. Потебни: «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень». Варшава. 1883 (т. I) и 1887 (т. II). Если взять эти работы за руководство и въ тѣхъ же отношеніяхъ разсмотрѣть пѣсни, изданныя въ «Матеріалахъ» г. Шейна, то окажется, что въ послѣднихъ можно встрѣтить тѣ же мотивы. Величанье хозяина. Необычайный домъ и дворъ хозяина (I т. 1 ч., 76 № 67); радости хорошаго хозяина (ib. 81 №№ 77 и 78); удачи его въ земледѣліи и во всемъ относящемся къ послѣднему (ib. 61 № 42: вороной конь, въ полѣ ратаи молодые, волики половые, сохи золотыя, подсошники мядзяные, палицы срабрыныя, поводки шоўковыя); выдающееся общественное положеніе почтеннаго хозяина (ib. 64 № 48: сядзиць при дворѣ, суды судзиць — пярасудзячы). Величаемый хозяинъ открываетъ свое широкое гостепрѣимство по отношенію къ колядующимъ; но къ нему идетъ даже самъ Господь со святыми (ib. 78 № 72). Величанье хозяина выдерживаетъ сравненіе съ малорусскими подобными мотивами не только въ главныхъ чертахъ, но и въ мелкихъ подробностяхъ, особенно если привлечь сюда еще бѣлорусскія волочebныя пѣсни. — Кромѣ хозяина въ колядкахъ еще величается его жена (I т. 1 ч., 65: она замѣчательная работница, сядзиць ў коморы, шыя, вышывая на рукаўцы сивы голубцы — якъ ня поляцяць, на полочки дробныя пташачки — якъ ня шабечуць; ib. 80 №№ 75 и 76: она умная — покупаетъ три города — и красивая); его сынъ (ib. 77 № 70) и даже малыя дѣти (ib. 76 № 68: на дворѣ на яворѣ виситъ колыбель съ малымъ ребенкомъ; его колышутъ мамки и няньки, при чемъ припѣваютъ: «коли жиў будзе, королемъ будзе, а королеўну да замужъ возьме»). — Въ нѣкоторыхъ колядкахъ явны мотивы эпическіе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательная пѣсня № 64 (стр. 74, I т. 1 ч.), напоминающая запѣвку въ нѣкоторыхъ былинахъ:

Не дорога пива пьяная,
 Да дорога посадзеника,
 Муская погуканика.
 А ў бесѣдзѣ людзи добрые,
 Гукаюць яны муское и т. д.

Эта пѣсня впервые явилась у Чечота (1846 г., № 83), затѣмъ перепечатана Дмитріевымъ, а у этого послѣдняго взята въ «Матеріаль» г. Шейна. — Наконецъ цѣлый отдѣлъ колядскихъ пѣсенъ разрабатываетъ мотивы религиозныя, отчасти въ связи съ бытовыми. Любимымъ мотивомъ этихъ пѣсенъ, какъ извѣстно, является крещеніе, приурочиваемое тотчасъ же къ рожденію Спасителя. Крещеніе понимается простодушно, какъ совершенное надъ младенцемъ Иисусомъ. Присутствіе Пресвятой Дѣвы при этомъ крещеніи является также совершенно естественной чертой. Даже оказались точки соприкосновенія и для перехода къ другимъ обстоятельствамъ изъ жизни Христа. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна колядка № 36 (I т. 1 ч., 56):

Прачистая Дѣва Сына родила,
Сына родила, ѱ китай сповила;
Стали поны гадаци, якъ имя даци? . . .
Дай дали имя дай Исусъ Хрыстосъ.

Имя это Дѣвѣ Маріи понравилось. Потомъ

Пошла ѱ церкоўку дай поклонилась,
Дай поклонилась, дай озирнулась,
Озирнулась — ажъ сына нема.

Пресвятая Дѣва, сильно испугавшись, пошла искать Христа. По дорогѣ она встрѣтила Павла съ Петромъ. У нихъ спрашиваетъ, не видали ли они ея сына. Тѣ не скрываютъ, что видѣли Христа:

Дай не туймасо; дай признаймасо,
На спнемъ моря, дай на раздолли,
Хрыстосъ кунаўса, на муку подаўса.
Е тамъ стояла жидска школа,
Дай взели Хрыста, дай замучили,
Дай замучили, дай разопяли,
Е шупшинкою дай потперазали,
Е ожинкою ручки звезали.

Въ бѣлорусскихъ колядкахъ можно встрѣтить и извѣстные мотивы подблюдныхъ пѣсенъ. Такъ въ одной пѣснѣ (I т. 1 ч., № 88, стр. 87) рассказывается, какъ среди села стояла гора, а на горѣ росла верба съ серебряной корой, съ золотою росой. Налетѣли птицы, обобили кору и отрянули росу. Молодая дѣвушка Ганна собрала эту кору и росу и понесла ихъ до пана коваля:

Пане ковале, скуй миѣ вяночекъ,
 Скуй вяночекъ на голованьку,
 Скуй миѣ поясокъ на святы дзянѣкъ,
 Скуй миѣ персьцѣнокъ
 На мою бѣлую ручку.

Далѣе въ сборникѣ г. Шейна много разныхъ пѣсенъ, сопровождающихъ различныя святочныя забавы, напр. обходъ съ козой (I т. 1 ч., стр. 89—98), женитьбу Терешки (ib. 99—105) и др.

Въ веснянкахъ, кромѣ пѣсенъ, представляющихъ прекрасныя образцы закликанія весны (напр. I т. 1 ч., стр. 126—127, №№ 123—128), всюду извѣстные любовные мотивы, воспѣваніе ласточекъ, жаворонковъ, соловьевъ, кудрявой вербы, бѣлой березоньки, калины, шелковой зеленой травки-муравки; изрѣдка является и образъ кукушки, когда изображается стремленіе къ любви со стороны молодой вдовы.

Но особенное вниманіе среди пѣсенъ, распѣваемыхъ въ Бѣлоруссіи весной, обращаютъ на себя пѣсни великодныя, иначе называемыя волочебными. Какъ и въ первомъ своемъ сборникѣ (1873 г.) и въ данномъ П. В. далъ прекрасныя образцы этихъ пѣсенъ. Въ нихъ, кромѣ полной картины систематическаго раздѣленія и распредѣленія земледѣльческаго труда въ процессѣ произрастанія злаковъ, плодородія и охраненія полей между всѣми главными, извѣстными крестьянину святыми православной церкви, и яркой, хотя и сжатой характеристики этихъ святыхъ, не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже съ довольно замѣтнымъ подчасъ отгѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства, — имѣемъ еще матеріалы и для объясненія самого названія лицъ, поющихъ эти пѣсни. Такъ, «волочебники» несомнѣнно отъ волочиться:

Ишли-бряли вылачобники. . . .

Вылачилися — нымачилися. . . .

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сосѣдящихъ съ литовцами) они называются «лалынщиками», вѣроятно по припѣву къ нѣкоторымъ пѣснямъ «лалымъ», «лалы мой» (ср. литовское *laļu*, откуда глаголь *laļūti*, существ. *laļainiks* волочебникъ. Потѣбня, Веснянки, 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волочебники называются еще «кукѣльниками» (I т. 1 ч., 135, 158, 160):

Ишли пришли кукѣльнички. . . . Еремичи Новогр. у.

Нуця, братцы кукѣльнички. . . . Оршан. у.

Да и кукѣльнички своевольнички. . . . Подчицы Слуцк. у.

Кукольники—несомнѣнно слѣдъ старинныхъ скомороховъ, дававшихъ вмѣстѣ съ пѣніемъ и представленія.

Не стану здѣсь излагать мотивовъ волочебныхъ пѣсень: они въ общемъ тѣ же, что и въ колядкахъ, а также щедровкахъ; укажу лишь для примѣра какъ образцовую изъ такихъ пѣсень № 136 (I т. 1 ч., 136—140).

Кромѣ волочебныхъ, на Пасху у бѣлоруссовъ распѣваются еще и собственно великодныя пѣсни, касающіяся больше дѣвушекъ, предсказывающія имъ близкое замужество. Такихъ пѣсень у г. Шейна также есть нѣсколько (напр. № 144 стр. 150, № 152 стр. 161, № 154 стр. 162 и др.); онѣ развиваютъ сюжеты колядокъ и особенно веснянокъ. Какъ особенно замѣчательныя изъ такихъ пѣсень должны быть признаны тѣ, которыя содержатъ загадки, напр. № 177 (I т. 1 ч., 184). Дѣвушка обращается къ молодому человѣку:

Загадаю табѣ я семь загадокъ....

Што бяжиць безъ повода?

А што росьщець безъ кóреня?

А што цвициць безъ сняяго цвѣту?

А што солодзѣй ды за сахару?

А што плачыць безъ голосу?

А што чырнó ни чырнѣно?

А што жъ бѣлó ни бѣлѣно?

Слѣдуютъ затѣмъ соотвѣтствующіе отвѣты. У г. Шейна подобныя пѣсни поставлены не среди великодныхъ, но въ другихъ сборникахъ съ такимъ содержаніемъ попадаютъ пѣсни и среди великодныхъ. Одну подобную пѣсню удалось записать и мнѣ (Русск. Филол. Вѣстн., XXI, 252 № 70).

Изъ весеннихъ пѣсень и обрядовъ, пріурочиваемыхъ къ Троицкой недѣлѣ, особенно замѣчательны тѣ, которыя относятся къ русалкамъ и завиванію вѣнковъ. Вѣра въ русалокъ еще очень свѣжа среди бѣлорусскаго простонародья и всѣ обряды, связанные съ представленіемъ послѣднихъ, также отличаются живостью. Въ соотвѣтствующихъ пѣсняхъ русалки изображаются больше качающимися на деревьяхъ или совершающими разныя продѣлки съ прохожими (ср. напр. I т. 1 ч., 199 стр. и др.). Въ другихъ пѣсняхъ, относящихся къ разсматриваемому времени, обыкновенно воспѣваются деревья, особенно береза (ср. напр. I т. 1 ч., 188):

Ужъ ты не радуйся, клень дзерево,

Не къ табѣ идуць красныя дзѣушки,

Не къ табѣ идуць молодыя молодушки.

Ужъ ты радуйся, бѣлая березынька:

Мы къ табѣ идземъ красныя дзѣбушки. . . .

Мы покумимся, поголубимся. . . .

Въ этомъ же родѣ и много другихъ пѣсенъ (ср. *ib.* на стр. 189 № 186):

Ну не радуйся ты дубнякъ, кленникъ,
Што дубнякъ, кленникъ, ель кудрявая,
Ель кудрявая, зелена сосна,
Только радуйся бѣла бероза. . . .
Што къ табѣ идуць красны дзѣвицы,
Ну несуць табѣ ўсе госьциночки. . . .

«По окончаніи послѣдней пѣсни пѣвицы начинаютъ махать передниками и колыхать березу такъ, чтобы сучье ея можно было поймать и связать съ другимъ, близъ стоящимъ деревомъ и образовать вѣнокъ». Связавши такимъ образомъ вѣнокъ, онѣ проходятъ подъ нимъ попарно, что и называется кумиться.

Во многихъ пѣсняхъ изображается обычай завиванья вѣнковъ и гаданья по нимъ. Этотъ обычай извѣстенъ и великоруссамъ; но только тамъ гадаютъ о миломъ, о замужествѣ; у бѣлоруссовъ же завиванье вѣнковъ бываетъ съ нѣскольکو иною цѣлью, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующей пѣсни (I т. 1 ч., 185):

Пойдемъ, дзѣвочки,
Во луга лужочки
Завиваць вѣночки.
Мы завьемъ вѣночки
На годы добрые,
На жито густое,
На ячень колосистый,
На овесъ рѣспистый,
На гречиху черную,
На капусту бѣлую.

Здѣсь завиванье вѣнковъ, повидимому, имѣетъ отношеніе къ урожаю; тутъ оно отличается такимъ же характеромъ, какъ и заклинаніе. Дѣло въ томъ, что у бѣлоруссовъ есть суевѣрный обычай завязывать, завивать рожь или вообще хлѣбное растеніе съ цѣлю причинить вредъ тому, на чьемъ полѣ это сдѣлано. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ дѣйствіемъ — завиваньемъ вѣнковъ съ цѣлю вызвать урожай у тѣхъ хозяевъ, члены семьи которыхъ участвуютъ въ этомъ обрядѣ.

Въ одной пѣснѣ (I т. 1 ч., 192 № 193), какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія приверженцевъ міѳологическихъ толкованій, выступаетъ туча съ громомъ:

Туча съ громомъ сговаривалася:
Ты пойдземъ-ка, громъ, погуляемъ со мной,
Погуляемъ съ краснымъ дзѣвухами. . . .
Ну пойдземъ ли мы вянки завиваць,
Зелену березу пойдземъ заломаць.

Изъ лѣтнихъ пародныхъ празднествъ и обрядовъ самые замѣчательные купальскіе. «Матеріалы» г. Шейна даютъ прекрасное описаніе этого праздника (ср. I т. 1 ч., 213—236). Замѣчаніе, сдѣланное по поводу этихъ пѣсенъ въ первомъ сборникѣ г. Шейна (1873 г.) въ рецензіи О. Миллера (Отчетъ о 18 присужденій наградъ гр. Уварова, 54), еще въ большей степени примѣнимо и къ соответствующимъ пѣснямъ «Матеріаловъ». Отмѣтимъ нѣсколько болѣе выдающихся пѣсенъ: № 228 стр. 224 (I т. 1 ч.) — продѣлки вѣдьмъ въ купальскую ночь; № 240 стр. 230 — изображеніе купальскаго игрища; № 247 стр. 233 — превращеніе брата и сестры, вступившихъ по незнанію въ супружество, въ цвѣтокъ Иванъ да Марья; № 236 стр. 228 — дочка Купалы; № 234 стр. 227 — рассказъ о томъ, какъ

Рано на Йвана солнце йграло,
А тамъ дзѣўка воду брала,
Воду браўши утопула. . . .

Въ основѣ этой пѣсни врядъ ли не лежитъ обычай потопленія чучелы Купалы рано утромъ на Ивановъ день. Дѣвка здѣсь, вѣроятно, Купалочка — дочь Купалы. — Оставляя въ сторонѣ пѣсни съ сюжетами про любовь, про бракъ, отмѣтимъ еще цѣлый отдѣлъ купальныхъ пѣсенъ насмѣшливыхъ, гдѣ дѣвухи издѣваются надъ парнями и наоборотъ. Эти пѣсни очень распространены въ Бѣлоруссіи. Такія пѣсни встрѣчаются только на свадьбахъ, какъ остатокъ умыканія и пронстекающаго отсюда враждебнаго отношенія невѣсты и ея подругъ къ жениху и его свитѣ. Вотъ, напр., такая пѣсня (I т. 1 ч., 232 № 244):

А па горѣ подь дубомъ,
Загорѣўся жидоў дворъ.
Идзице мальцы тушици,
Рѣшетомъ воду посици:
А ў рѣшеци воды пѣтъ,
А ў мальцахъ праўды пѣтъ. . . .

Кругъ обрядовыхъ пѣсенъ въ разсматриваемомъ сборникѣ заканчивается пѣснями жнивными и дожиночными. Если исключить изъ нихъ пѣсни случайно распѣваемыя во время полевыхъ работъ, какъ свадебныя, семейныя и вообще любовныя, то окажется, что мотивы собственно жнивныхъ пѣсенъ слѣдующія: тяжесть полевыхъ работъ и удалъ жницъ (стр. 243 №№ 255 а и б и др.); подобно купальскимъ пѣснямъ, и жнивныя иногда содержать элементъ издѣвательства (252 № 277). Но особенно типичными изъ жнивныхъ пѣсенъ оказываются тѣ, которыми сопровождается завиванье бороды козлу при дожинкахъ. Самый обрядъ прекрасно описанъ у г. Шейна на стр. 263—270. Объясненіе его можно найти у Потебни въ Колядкахъ. Согласно съ Маннгартомъ, онъ объясняетъ обрядъ завиванія бороды и связь его съ козломъ тѣмъ, что по распространенному вѣрованію почти всѣхъ европейскихъ народовъ, «душа нивы есть козло- или козообразное существо (какъ Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жницами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ или послѣдній снопъ». Хлѣбъ, соль, которые кладутъ на землю при завиваніи бороды, и будутъ какъ бы жертвой этому существу. Вмѣстѣ съ послѣднимъ снопомъ или вѣнкомъ эта «душа нивы» переносится въ домъ хозяина. Образцы относящихся сюда пѣсенъ на стр. 265. Вмѣстѣ съ завиваньемъ бороды происходитъ и плетенье вѣнка. И это дѣйствіе сопровождается разными пѣснями, имѣющими больше характеръ благопожеланій хозяину и приглашенія встрѣтить небывалаго гостя (ср. I т. 1 ч., 275 № 310). Здѣсь такое же представленіе богатства добраго хозяина, какъ и въ колядскихъ пѣсняхъ. Къ нимъ примыкаютъ и другія въ этомъ родѣ, въ которыхъ разсказывается, какъ во дворъ хозяина заходитъ самъ Богъ, спорышь и рай. Вотъ примѣры такихъ пѣсенъ (I т. 1 ч., 273 № 305):

Ишоў Богъ дорогою,
Ишоў Богъ широкою.
Петрулька у воротъ стоиць,
Шалочку ў рукахъ держиць:
«А ко мнѣ, Божа, ко мнѣ,
«Зъ густыми снопами,
«Зъ частыми копами»...

Или (ib. 272 № 303):

Ай ходзіў Спорышъ изъ конца вулицы въ конецъ,
Ахъ ніхто Спорыша да ў хату ня зовець.
Обобралась госпоdynя да Мартынова жана:
«Ходзи жа ты, Спорышъ, охъ ў хату ко мнѣ»...

«Приспоры мнѣ, Спорышъ, и у доми и у поли,
«И ў гумни, и ў дворы, и ў клѣци, и ў печи»...

Или (ib. 271 № 302):

Ходзіў Раю по вулицы,
Нихто Раю у хату ня просіць:
Обобраўся нашъ Иванька:
«Ходзи, Раю, ко мнѣ ў хатку»...

Въ приведенныхъ пѣсняхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе Спорышъ и Рай. Первое слово очень извѣстно въ названіи двойного предмета, колоска или орѣха; поэтому г. Шейнъ еще въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ (1873 г., 520) полагалъ, что дожиночныя пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются спорышовыми «вѣроятно оттого, что значительнѣйшая часть вѣнка состоитъ изъ спорышей, т. е. стеблей съ колосомъ двойчаткой». Но какъ замѣтилъ Потебня (Колядки, 168), спорыши встрѣчаются очень рѣдко, такъ что никоимъ образомъ большая часть вѣнка не можетъ состоять изъ нихъ. Вслѣдствіе этого спорышъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть въ смыслѣ спорящій, приспоряющій, дѣлающій такъ, чтобы было споро, хватало на долго. Такимъ образомъ, Спорышъ здѣсь будетъ олицетвореніемъ богатства, урожая. — Гораздо труднѣе объяснить Рай. Шейнъ (ib. 523) полагаетъ, что «упомянутый въ спорышевыхъ пѣсняхъ Рай, несомнѣнно, есть названіе бога жатвы», атрибутъ коего — вѣнокъ и который «людямъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей дѣвицы», т. е. той жницы, которая несетъ съ поля вѣнокъ. Это толкованіе О. Миллеромъ признано очень удачнымъ (Отчетъ о 18 присужденіи наградъ гр. Уварова, 54). Фаминцынъ (Божества древн. славянъ, I, 318) полагаетъ, что въ этомъ Раѣ нельзя не узнать сокращеннаго имени... мр. Урая (Юрія). Однако эти мнѣнія нельзя признать основательными. Мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе Потебни (Колядки, 168—172), который видитъ проникновеніе Рая въ дожиночныя пѣсни изъ свадебныхъ, гдѣ рай является эпитетомъ коровай. О короваѣ во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ говорится, что онъ посланъ отъ Бога (Чубин. IV, 231), что онъ «зъ раю» (ib. 216), оттуда же, откуда встаетъ солнце и свѣтитъ мѣсяць (ib. 230 и 666). Названіе коровай раемъ находимъ напр. въ слѣдующей малорусской пѣснѣ (Голов. IV, 245):

Ой раю, ты мой раю,
Пшеничный короваю....

О раѣ-короваѣ въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь ниже. Въ другихъ

свадебныхъ же пѣсняхъ рай эпитетъ свадебнаго деревца. Такимъ образомъ и у насъ рай можетъ быть эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа, употребляющимся вмѣсто названія самого предмета.

Но особенно цѣнными изъ обрядовыхъ пѣсенъ оказываются въ «Матеріалахъ» г. Шейна пѣсни свадебныя и обряды, сопровождаемые ими. Уже одинъ объемъ ихъ (501 стр.) превосходитъ всѣ изданія въ этомъ родѣ, а внутреннее содержаніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. — Всѣ свадебныя обряды и пѣсни или изображаютъ сельскую жизнь, или выражаютъ пожеланія счастливой будущности; кое-гдѣ однако же проявляются древніе обычаи, оставшіеся еще отъ временъ языческихъ, когда семейный бытъ носилъ другой характеръ. Такъ изъ лѣтописей извѣстно, что современному заключенію браковъ по добровольному согласію жениха и невѣсты предшествовало много стадій. Самая ранняя форма брака была похищеніе женихомъ невѣсты. Такъ о древлянахъ въ начальной лѣтописи сказано: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше, но умывиваху у воды дѣвица». То же разсказывается про радимичей, вятичей и сѣверянъ. Указаніе на существованіе этой формы брака и у бѣлорусскихъ славянъ находимъ во многихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ поется, какъ пріѣхали сваты на дворъ и пустили стрѣлу въ окно (I т. 2 ч., стр. 91 № 56). Въ настоящее время пусканье стрѣлы въ окно не имѣетъ смысла, но оно указываетъ на древній обычай похищенія невѣсты, которое часто сопровождалось даже избіеніемъ цѣлаго рода. Въ другой пѣснѣ дружина жениха уже прямо называется войною (ib. 146 № 8):

«Што гѣто матулька родненькая,
«За война пришла?»

спрашиваетъ невѣста у матери, увидя товарищей жениха. Въ одномъ мѣстѣ отецъ невѣсты сватовъ обзываетъ прямо разбойниками и не хочетъ пустить ихъ къ себѣ въ домъ (ib. 156). Иногда сваты лишь бы пробраться въ домъ невѣсты, прибѣгаютъ къ обману, называя себя охотниками, выслѣживающими дичь, которая забѣжала къ родителямъ невѣсты на дворъ (ib. 156). На враждебный характеръ дружины жениха указываетъ и то обстоятельство, что, когда женихъ со сватами и дружиной пріѣзжаетъ къ дому невѣсты, то передъ нимъ запираютъ ворота, которыя дружина жениха открываетъ силой (ib. 173). Ворота часто бываютъ даже укрѣплены жердями (ib. 260). Храбро стоять за жениха дружина обязывается клятвой, которую даетъ, отправляясь съ женихомъ по невѣсту. Всѣ становятся правой ногой на сковороду и цѣлуютъ образъ говоря: «Щобъ стоятся другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь каплю» (ib. 484). На враждебный характеръ дружины жениха указываетъ и тотъ обычай, по которому дружина, явившись въ домъ невѣсты, на

первыхъ порахъ сидитъ въ шапкахъ, надвинутыхъ на лобъ (ib. 135). Когда уже женихъ пробьется въ домъ невѣсты, и ее приходится отдать за него, тогда невѣста обращается со слезами и продолжительными рыданіями къ отцу и брату за помощью, причѣмъ жениха и его дружину обзываетъ далеко не лестными именами (ib. 174 № 29):

Татунька, родный мой,	Заграбуць, повязуць .
Ты воротъ не запёръ:	Мяне млоду къ сабѣ.
Мужикоў — чужакоў	Татунька, рѣдныи мой,
Понайшло къ намъ на дворъ;	Ты ратуи жа мяне!
Стукуюць-грукуюць	Брацитка, рѣдныи мой,
Ды на нашемъ дворѣ,	Чужанинъ на дворѣ:
И дзвери ломаюць	Коли любишь мяне,
Яны ў хатку къ табѣ;	Дыкъ ратуи жа мяне!

Братъ, дѣйствительно, какъ и всѣ другіе родственники, по пѣснѣ, гонится за женихомъ и его дружиной, похитившей невѣсту (ib. 186 № 20):

Гоницца братъ за сястрою, гоницца,
Грозной шабелькой грозицца.

Такимъ образомъ, въ древнѣйшую эпоху, когда существовалъ обычай похищенія невѣсты, главнымъ защитникомъ ея, кромѣ отца, былъ еще братъ. Но уже въ пѣсняхъ, указывающихъ на этотъ періодъ брака, есть намеки на то, что братъ иногда продавалъ свою сестру. Такъ въ одной пѣснѣ (ib. 260 № 19) подруги невѣсты поютъ:

Литва, Литва,	И сястры ни отдаваци
Будзя у насъ битва:	За рубъ, за чатыры,
Братъ будзя воеваци	За два злотыхъ.

Но недолго братъ былъ такимъ неподкупнымъ защитникомъ своей сестры. Наступаетъ другая форма брака — купли невѣсты, и братъ уже является продавцемъ своей сестры. Эта форма брака также засвидѣтельствована древними лѣтописями. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтописи (подъ 988 г.) читаемъ про Владимира Св.: «Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунъ опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву». Подобное же замѣчаніе есть и въ другомъ мѣстѣ лѣтописи (подъ 1043 г.): «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимыра, и вдасть Казимыръ за вѣно людій 8 сотъ». Дружина жениха выдаетъ себя за купцовъ проѣзжихъ, покупающихъ дорогой товаръ, какимъ въ данномъ случаѣ является невѣста (I т. 2 ч., 155). Естественно, что къ такимъ купцамъ невѣста питаетъ вражду: въ пѣсняхъ,

относящихся къ этому отдѣлу, дружина жениха называется коршунами, а самъ женихъ соколомъ, которые заключаютъ сѣрую уточку-невѣсту (ib. 156 — 157 №№ 1 и 2). Начинается торгъ: свать предлагаетъ извѣстную сумму денегъ за невѣсту, а братъ торжится, требуя больше, и расхваливаетъ свой товаръ (ib. 211 №№ 9 и 10). Наконецъ, сходятся въ цѣнѣ, и, въ знакъ согласія, родители пожимаютъ сватамъ руки, что называется рукобитьемъ (ib. 14). Плату за невѣсту обыкновенно получаетъ братъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ пѣснѣ (ib. 37 № 57):

Татаринъ, брациць, татаринъ!
 Одаў сястру за даромъ,
 А русую косыньку за питакъ,
 А бѣлыё личыйка пошло и такъ;
 А братъ ў сястрѣ кохаўся,
 Нямножко грошы набраўся.

Ср. еще ib. 179 № 36 и 243 № 18.

Не только братъ продаетъ свою сестру; иногда этимъ дѣломъ даже занимаются отецъ и мать. Въ одной пѣснѣ (ib. 131 № 2) рассказывается, какъ бояре навезли много золота и просятъ, чтобы имъ продали Тацянку, но

Тацянка татульки просила:
 «Дорожы, татулька, дорожы!
 «Да сто червонцоў запроси,
 «Тогды мяне молоду оддася».

Подобнымъ же образомъ поется и въ другой пѣснѣ (ib. 468 № 23). Иногда отецъ даже пропиваетъ свою дочь. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ одной пѣснѣ (ib. 141 № 8):

Да Тацянкинъ татулька,
 Да пропіў свое дзиця...
 Да за мѣду шкляночку,
 (Да) за горѣлки чарочку....

Рѣже случается, что дочь продается матерью; это большею частью бываетъ тогда, когда мать въ нетрезвомъ видѣ (ib. 109 № 106):

Матка дочку пропила,
 Мошну грошы набила....
 Пропила матка дочку
 На солодкимъ мядку....

Отъ покупки невьсты легко было перейти къ новой формѣ брака — женитьбѣ по расчету, часто безъ согласія жениха и невьсты, а лишь по желанію родителей (ib. 153). Но и бракъ по расчету постепенно начинаетъ уступать мѣсто женитьбѣ по взаимному согласію вступающихъ въ бракъ (ib. 294). Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ, при заключеніи брачныхъ союзовъ, главными дѣйствующими лицами были не женихъ и невьста, а ихъ родные. Естественно, что положеніе невьсты, при подобныхъ условіяхъ переходящей въ чужую семью, представлялось весьма печальнымъ. Невьста иначе не называетъ своего жениха, какъ чужимъ чужаниномъ (ib. 107), и всегда при разговорѣ о немъ громко рыдаетъ.

Такія данныя для характеристики разныхъ формъ брака мы находимъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, помѣщенныхъ во 2-ой части I тома разсматриваемаго сборника. Старинныя воззрѣнія и образъ жизни у бѣлоруссовъ, такимъ образомъ, совершенно сходны съ великорусскими (ср. еще А. З—чь: Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими. С.-Пб. 1897 г.). Но и помимо этихъ данныхъ, характеризующихъ древнѣйшую эпоху жизни славянъ, въ разсматриваемомъ сборникѣ можно найти цѣнныя указанія и на другіе странные обычаи и воззрѣнія. Такъ идеаломъ счастья для простолюдина является жизнь княжеская и вообще высшаго сословія — боярскаго. Вслѣдствіе этого, въ обрядахъ свадебныхъ и пѣсняхъ, относящихся къ нимъ, женихъ постоянно называется княземъ, а невьста княгиней (ср. I т. 2 ч., 166 № 10) Такъ они называются не только по имени, но и вся обстановка, приписываемая имъ, чисто княжеская¹⁾. Женихъ, по словамъ дружка, памѣренъ одѣться въ бѣлый чулокъ, сафьянъ сапогъ, кунью шубу, соболью шапку (ib. 484). Невьста передъ свадьбой ходитъ въ вѣнкѣ, которымъ хотятъ представить царскую корону (ib. 2). Въ одномъ мѣстѣ невьста называется даже королевой (ib. 184 № 13):

Чаго, браточка, гѣтакъ сильно плачешь?

— Бяру *крулѣўну* за сябе-пяроўну....

Такая невьста въ домъ жениха приноситъ и баснословное приданое, состоящее изъ городовъ, селъ, полей, коровъ, воловъ, сундуковъ (кубловъ) съ платьемъ, деньгами и проч. (ib. 177—178). Да и естественно ожидать такого приданого отъ невьсты, которая по словамъ, пѣсни (ib. 92 № 59),

Цнсьця, зяця, ждала,

Кунами дворъ слала,

¹⁾ Относительно названія жениха княземъ, а невьсты княгиней и всей княжеской обстановки есть и другія мнѣнія. Ср. Н. Сумцовъ: О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г., 205 стр.

Кунами бобрами,
 Черными соболями.

Иначе невѣстѣ и поступить нельзя въ виду такого замѣчательнаго жениха, какимъ онъ представляется въ свадебныхъ пѣсняхъ (ib. 476 № 40):

Король, король!	Воронимъ конемъ хвалища,
Королевскій сынъ.	У избу входитъ (чит. ѹходзиць) —
По полю ѹдзецъ —	Молодымъ княземъ кажецца,
Василѣчкомъ сцѣлецца,	А за столъ садзицца, —
А ѹ ворота ѹдзиць —	Княгиню хвалища.

Свадебный пиръ, по пѣснѣ, происходитъ также при роскошной обстановкѣ, далекой отъ прозаической дѣйствительности: скатерти на столахъ шелковыя (ib. 481 № 50), ѹдятъ лебедя, яства сахарныя (ib. 392).

У жениха князя и невѣсты-княгини и подходящая свита. У нихъ «дружина», въ которой, кромѣ сватовъ, сватьей, есть еще бояре, боярки (ib. 159), подбояре (изъ неженатыхъ спутниковъ, стр. 252 ib.), маршалокъ (ib. 212 № 9), чашникъ (ib. 366).

Изъ старинныхъ общераспространенныхъ обычаевъ особеннаго вниманія заслуживаетъ, во-первыхъ, употребленіе растенія руты: передъ свадьбой жениху прикалываютъ къ шляпѣ цвѣтокъ руты, невѣста же и ея дружка посятъ на головѣ рутвяные вѣнки (ib. 360). Далѣе передъ отѣздомъ къ вѣнцу молодые всѣмъ кланяются до земли. По окончаніи всѣхъ поклоновъ, женихъ съ невѣстой обходятъ три раза вокругъ стола, кладя по три поклона въ «покуць» отцу и матери, и выходятъ къ ожидающимъ ихъ подводамъ. Но прежде чѣмъ имъ сѣсть, мать беретъ ковригу хлѣба и, обошедши три раза назначенную для нихъ подводу, перебрасываетъ хлѣбъ черезъ лошадей, а женщина, стоящая по другую сторону подводы, перебрасываетъ ей какъ бы въ отвѣтъ другой хлѣбъ (ib. 362). Въ другихъ мѣстахъ вокругъ повозки молодыхъ свать три раза обносятъ полную рюмку водки и выливаетъ ее на лошадей. Мать же насыпаетъ въ передникъ нѣсколько горстей ржи и съ нею, въ одно время со сватомъ, обходятъ тоже три раза вокругъ повозки и послѣ засыпаетъ молодымъ немного ржи за воротникъ. Затѣмъ свать въ другой разъ обноситъ рюмку водки вокругъ повозки и даетъ каждой лошади пить или хотъ понюхать водки (ib. 223). Вообще обсыпаніе зерномъ на свадьбахъ молодыхъ въ большомъ ходу; кромѣ обсыпанія рожью (ib. 239), еще бѣльшимъ распространеніемъ пользуется обычай обсыпать молодыхъ зерномъ овса (ib. 191). Кромѣ зеренъ ржи и овса, при обрядахъ свадебныхъ, также употребляется ленъ. Передъ возложеніемъ на голову молодой чепчика, кладутъ на нее три пасмы льну и под-

стригаютъ ей волосы. Послѣ этого сваха снимаетъ съ головы молодой лень, подбираетъ волоса и завязываетъ ихъ льномъ. Этотъ лень, зашитый въ сукно, молодая всегда носитъ при себѣ (ib. 108—109).

На столѣ, за которымъ сидятъ молодые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыкновенно ставится елка (ib. 310). Иногда елкой называютъ при этомъ обрядѣ можжевельную вѣтку, убранную цвѣтами и овсяными колосьями (ib. 364). Традиціонная елка играетъ роль и тогда, когда ее замѣняетъ вѣтка вишни, все-таки называемая елкой (b. 334).

Въ числѣ свадебныхъ кушаній непремѣнно бываетъ пѣтухъ и курица (ib. 29). Передъ отправленіемъ молодыхъ спать угощающая ихъ женщина поетъ (ib. 118—119):

Пятухъ курку маниць,
На куросадникъ садзиць,
Даець меду ѣспи.

Съ пѣтухомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодые являются къ священнику, когда даютъ на оглашеніе.

Необходимой принадлежностью свадебныхъ кушаній и обрядовъ является коровай — большой пшеничный хлѣбъ, на которомъ, кромѣ птицъ и разныхъ животныхъ (представленныхъ часто въ неприличномъ видѣ), иногда еще изображаются солнце, луна и звѣзды (ib. 361). Обращаясь къ короваю, маршалокъ говоритъ: «раю короваю, раю, раю». . . Раемъ коровай называется и въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ. Вотъ, напр., одна изъ такихъ пѣсенъ (напоминающая пѣсни дожиночныя, о чемъ рѣчь была выше), гдѣ Рай является добрымъ совѣтникомъ, подающимъ богатство, устройтеlemъ свадебъ (ib. 319 № 51):

Ходзя Раю по вилицы, —	Просіу Раю да къ сабѣ у хату,
Раю мой!	Раю мой!
Нихто Раю ў дворъ ни пуская,	Ой, сядзь жа Рай да на покутѣ,
Раю мой!	Раю мой!
Вышоу жа дзятцянкоу таточка,	Ой, радзь, Раю, добрую раду,
Раю мой!	Раю мой!
Я сына жаю, я Бога хвалю,	
Раю мой!	

Въ числѣ обрядовъ брачнаго ритуала у бѣлоруссовъ одну изъ выдающихся ролей играетъ употребленіе «дзезки» (квашни), вѣка отъ нея (крышки) и вывороченнаго кожуха (тулуна). Снаряжаютъ невѣсту къ вѣнцу при слѣдующихъ обрядахъ. Братъ невѣсты ставитъ въ почетномъ углу передъ ико-

нами «дзезу хлѣбницу», на крышку которой кладеть кожухъ, шерстью вверхъ. Затѣмъ, обращаясь къ невѣстѣ, братъ говоритъ: «Чи садзися, чи откажися?» Если невѣста дѣвственница, то она садится на «дзезу», и пачинають ее одѣвать; въ противномъ же случаѣ, она откажется сѣсть (ib. 87, 98, 161 и др.). Но и помимо этого обряда, во время свадьбы еще приходится прибѣгать къ кожуху. Когда новобрачные отъ родителей невѣсты прѣзжаютъ въ домъ жениха, тогда мать послѣдняго выходитъ къ нимъ навстрѣчу въ вывороченномъ шерстью наружу кожухѣ. Друзки въ это время поють (ib. 211 № 8):

Ой знаци, знаци,
Што чужая маци
Не хоче приняци
Чужого дзицяци.

Вывернула кожушокъ,
Да хоче спужаци.
«А я цебе, маци, ни боюся,
«Низко въ пожки поклонюся».

Большимъ распространеніемъ также пользуется обычай зажигать солому и проводить черезъ нее новобрачныхъ. Когда новобрачные ѣдутъ въ домъ жениха, то, кромѣ другихъ препятствій, на улицѣ кладутъ снопъ соломы и зажигаютъ его. Черезъ такое пламя молодые должны проѣхать (ib. 28 и 118). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ обрядъ происходитъ нѣсколько иначе. Передъ воротами дома невѣсты кладутъ крестообразно два пучка соломы, зажигаютъ ихъ и черезъ этотъ огонь проводятъ молодыхъ во дворъ (ib. 211). Какое бы значеніе ни имѣлъ этотъ обычай — служило ли зажиганіе соломы просто препятствіемъ похищать невѣсту, или же оно имѣло очистительный характеръ — во всякомъ случаѣ, онъ относится къ глубокой древности.

Должно быть, пришлый обычай, или новѣйшаго происхожденія — класть деньги подъ ноги во время церковнобрачнаго обряда съ тѣмъ, чтобы, какъ говорятъ при этомъ, всю жизнь провести въ довольствѣ.

Кромѣ матеріала для характеристики древнихъ обычаевъ и старинныхъ воззрѣній, въ сборникѣ г. Шейна находимъ не мало данныхъ и для изображенія современной жизни бѣлорусса, какою она является подъ вліяніемъ такого радостнаго для него семейнаго событія, какъ женитьба члена семьи. Не касаясь подробностей, разсмотримъ лишь самыя характерныя проявленія веселости у бѣлорусса, какъ они сказываются въ разнаго рода танцахъ. Въ сборникѣ находимъ подробное описаніе слѣдующихъ танцевъ: мяцелицы, закаблуки (I т. 2 ч., стр. 7), барыши, подушечекъ (ib. 8), лявониhi, бычка, воробья (ib. 169), жидовочки, чижика, цыганки (ib. 330), трясушки (ib. 334). Находимъ также, хотя бѣглую, но достаточно выразительную характеристику современныхъ нравовъ (ib. 12) и воззрѣній (напр.,

взгляда на оборотней, стр. 43 ib.); есть даже очень много данныхъ чисто юридическаго характера, касающихся, напр., положенія молодой женщины въ домѣ свекра, въ случаѣ смерти ея мужа и при его жизни, положенія «примака», пріемышей и другихъ дѣтей (ib. 11).

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ обрядахъ и пѣсняхъ погребальныхъ.

Эта часть I т. 2 ч. сборника г. Шейна является новинкой въ бѣлорусскихъ сборникахъ. Относительно сборниковъ великорусскихъ народныхъ произведеній этого сказать нельзя: тамъ есть классическій сборникъ народныхъ причитаній Е. Барсова, но въ разработкѣ бѣлорусской народной поэзіи это первая попытка. Легко описать погребальные обряды, такъ какъ они большею частью однообразны и несложны; но нельзя этого сказать относительно похоронной причети. «Якъ хто хоче, такъ по своему бацьку и плаче» — говоритъ народная пословица. И дѣйствительно, лишь по общему содержанію разныя похоронныя причитанія сходны, да по пріемамъ построенія; вообще же, каждая женщина плачетъ особенно, смотря по той степени чувства, которая обнаруживается въ ней къ потерянному предмету.

Погребальные обряды весьма сходны и малосодержательны. Когда человѣкъ начинаетъ умирать, ему даютъ въ руки «громничную» (срѣтенскую) или страстную свѣчку, затѣмъ умершаго омываютъ, одѣваютъ во все чистое и хоронятъ по христіанскому обычаю. Это бываетъ вездѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ этимъ общепринятымъ обрядамъ присоединяются еще нѣкоторые особенные, носящіе характеръ глубокой древности. Таковы — употребленіе обсыпаній зернами ржи и овса тѣла покойника (ср. подобное обсыпаніе на свадьбахъ), вытекающее изъ того желанія, «чтобы покойникъ и по смерти своей не лишился оставшихся въ живыхъ родственниковъ насущнаго хлѣба». Свѣчу, которую держалъ въ рукахъ покойникъ, тоже вставляютъ въ зерна ржи или овса. Зернами обсыпаютъ даже то мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ покойника и затѣмъ бросаютъ зерна вслѣдъ покойнику до тѣхъ поръ, пока его не вынесутъ за ворота со двора (I т. 2 ч., 533—535). Когда кладутъ покойника въ гробъ, то при немъ съ правой стороны въ головахъ ставятъ то, что онъ особенно любилъ при жизни, напримѣръ, бутылку водки, табакъ, трубку и под. (ib. 546). Какъ и при брачныхъ обрядахъ лошадь, на которой приходится везти покойника, отправляютъ со двора съ нѣкоторыми церемоніями. Кто-нибудь изъ домашнихъ или родственниковъ наливаетъ въ миску чистой воды, всыпаетъ туда овса и, обойдя три раза вокругъ лошади, обликаетъ ее этой смѣсью (ib. 546). Въ другихъ мѣстахъ у лошади, на которой везутъ «шебожчика», цѣлуютъ копыта (ib. 521—523). Когда зарываютъ гробъ въ землю, присутствующіе при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросаютъ въ могилу деньги, кольца и т. п., а если у нихъ ничего такого

нѣтъ при себѣ, то часть одежды, напр., платки, шарфы, пояса и проч., — обычай несомнѣнно древняго происхожденія, напоминающій языческія погребенія. На вопросъ записывавшаго (Николаевича), почему это такъ дѣлается, ему отвѣтили: «Такъ дѣлали наши дѣды и отцы, такъ и мы дѣлаимъ» (ib. 564).

Переходимъ къ поминкамъ по покойникѣ. Изъ кушаній, которыя подаются на поминальной трапезѣ, особымъ распространеніемъ пользуются блины и клѣцки (галушки, стр. 576). Но никогда не подается такъ много кушаній, какъ на «дѣдахъ», когда жены поселянъ выказываютъ все свое кулинарное искусство (ср., напримѣръ, стр. 613—614, 619). Изъ обрядовъ при поминаніяхъ особенно замѣчательны зажиганіе костровъ на кладбищѣ (это бываетъ осенью) и оставленіе на могилахъ вѣшниковъ, для того, какъ говорятъ, чтобы усопшіе сами очистили свое помѣщеніе (стр. 587). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окончаніи поминальной трапезы, хозяйка дома приноситъ рѣшето хряпокъ (кочерыжекъ); послѣ этого всѣ присутствующіе начинаютъ бросать ими другъ въ друга. За церемоніей бросанья слѣдуютъ пѣсни и музыка (стр. 588). Вообще пьянство, пѣсни, музыка и пляска при поминовеніи — дѣло не рѣдкое. Особенно на Радоницу на кладбищахъ часто устраиваются настоящія игрища. Народъ сознаетъ неумѣстность подобныхъ поминокъ, однако допускаетъ ихъ существованіе, закрѣпивъ даже это обстоятельство поговоркой: «На Радоницу до обѣда пашуць, по обѣдѣ плачуць, а вечеромъ скачуць» (стр. 626—627 и Носовичъ, Словарь, 544).

Весь II-ой томъ «Матеріаловъ» посвященъ поэзіи эпической. Въ виду нѣ котораго запозданія появленія этого тома, его успѣли предупредить такія цѣнныя изданія, какъ бѣлорусскія сказки Е. Романова. Вслѣдствіе этого нашему автору пришлось выпустить только такіе изъ собранныхъ имъ матеріаловъ, которые представляютъ что-либо новое и служатъ цѣннымъ дополненіемъ къ раньше вышедшимъ собраніямъ. Издатель «Матеріаловъ», прекрасно знакомый съ другими бѣлорусскими, а также малорусскими и великорусскими сборниками, въ случаѣ какого-либо сходства сообщаемого имъ матеріала съ уже напечатаннымъ, дѣлаетъ всегда ссылки на послѣдній, какъ это дѣлалось и раньше въ лирической поэзіи, чѣмъ и облегчается изученіе мотивовъ и эпической поэзіи (ср., напр., 57 стр., гдѣ указана параллель къ обработанной Пушкинымъ сказкѣ о царѣ Салтанѣ, или 88 стр., 98, 127 и т. д.). Впрочемъ сказки, собранныя г. Шейномъ, отличаясь замѣчательнымъ разнообразіемъ мотивовъ и обстановки дѣйствія и вслѣдствіе этого будучи интересны, и сами по себѣ могутъ составить цѣлый объемистый томъ: въ изданіи онѣ занимаютъ 340 стр., а вмѣстѣ съ легендами 419. Не мѣсто въ краткомъ отзывѣ излагать содержаніе или, по край-

ней мѣрѣ, отмѣчать мотивы указанныхъ сказокъ¹⁾. Мы для примѣра коснемся двухъ-трехъ. Въ сказкахъ изъ міра животныхъ обращаетъ на себя особое вниманіе «Миценіе дятла» (27—31). Не говоря уже о томъ, что здѣсь выступаетъ дятель, что бываетъ сравнительно рѣдко въ подобнаго рода сказкахъ, она и по юмористическому тону изложенія отличается отъ другихъ сказокъ, нѣсколько напоминая полуйскусственныя произведенія, къ отдѣлу которыхъ принадлежатъ «Шемякинъ судъ», «Сказка о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ» и под. Изъ отдѣла мифическихъ сказокъ отмѣтимъ «Климко» (120—127); она отличается нѣсколько искусственнымъ характеромъ: напоминаетъ повѣсти, распространенныя у насъ въ XVI—XVII вѣкахъ подъ вліяніемъ Польши, въ родѣ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ; только здѣсь продѣлкамъ Климкѣ придана своеобразная народная окраска. Сказка эта представляетъ изъ себя цѣлую юмористическую повѣсть и могла бы дать интересный матеріалъ для литературной обработки. Подобная сказка должно быть была извѣстна и А. С. Пушкину, обработавшему нѣкоторыя ея сцены въ своей сказкѣ про Балду.

Въ селѣ Денисовичахъ, Черниговской губерніи, Новозыбковскаго уѣзда записана сказка «Иванъ Прекрасный и князь Ладымяръ» (168—170), представляющая отголосокъ былины про князя Владиміра и Ивана Годиновича. Рассказывается, какъ Иванъ прекрасный, служа три года у князя Владиміра, не имѣлъ цвѣтнаго платья. «Алѣша легокъ на языкъ, сладокъ на слова» донесъ объ этомъ князю Владиміру. Послѣдній далъ Ивану «куни нячинныи и шуба няшитая», «штобъ этія куни починивъ я себѣ шубу пошивъ п. . . на завутрань поспѣвъ». Такой подарокъ только опечалилъ Ивана: пошелъ онъ къ Днѣпру съ цѣлью утопиться. Но тутъ явилась къ нему «баба, якъ сѣнная копа», перевезла его черезъ Днѣпръ и доставила къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ея домъ; здѣсь она передала Ивана Прекраснаго на попеченіе дѣвушки Алёны Сиволюбовны, которую послѣдній обѣщалъ называть своею женою. Алёна Сиволюбовна при помощи своихъ слугъ изготовила своевременно купью шубу для Ивана Прекраснаго и отправила его къ князю Владиміру; при этомъ дала ему три яйца: «однымъ ты ячкомъ князя Лодымяра похристосуй, другимъ пона, а третья вязи ў дворъ». Кончилась Пасхальная заутреня. Иванъ похристосовался съ княземъ Владиміромъ, попомъ, по тутъ же подвернулся Алѣшка: пришлось и съ нимъ похристосоваться; для Алёны Сиволюбовны и не осталось яйца. Вслѣдствіе этого она разсердилась на Ивана и предсказала ему смерть: «себѣ безголовье получишь». Послѣ богослуженія князь Владиміръ собралъ богатырей на обѣдъ и предложилъ имъ

¹⁾ При занятяхъ разсматриваемымъ сборникомъ руководящей канвой можетъ служить указатель сюжетовъ въ сказкахъ Е. Романова, составленный П. Сумцовымъ (Отчетъ о V присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго, 167—214).

хвастаться богатствомъ. Иванъ Прекрасный и здѣсь молчалъ. Тогда Алеша «запѣшевъ (изъ зависти) и говоритъ: Иванъ сибѣ жапу наживъ, краше въ свѣтѣ пѣтъ». Князь Владиміръ рѣшился погубить Ивана Прекраснаго, съ цѣлью завладѣть его женою. Поэтому онъ посылаетъ Ивана къ Вовку Минчигрею за самограйнными гуслими. Однако, благодаря совѣтамъ жены, оказавшейся сестрою Минчигрея, Иванъ благополучно исполнилъ возложенное на него порученіе.

Въ такомъ же былинномъ духѣ и сказка «Сяврукъ» (стр. 178—179), записанная въ Черниговской же губерніи, Суражскомъ уѣздѣ, деревнѣ Чертовичахъ. Изложена она мѣрной рѣчью; вотъ ея начало:

Ой хто жъ того ня знавъ,
 Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
 Якъ и солнушко взойшло;
 Якъ и ярки мѣсячка,
 Якъ и частыя звѣздочки,
 Якъ и тѣмныя хмарьчки,
 Якъ и сильныя дѣжчачки?
 Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
 Якъ царь дочарей поотдававъ?

Далѣе разсказывается, что на свадебномъ пиру былъ Сяврукъ; но онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ, а вызываетъ борцовъ-бойцовъ для состязанія съ нимъ въ силѣ. Долго не находилось охотниковъ; наконецъ вызвались удалые Калужанцы, по батюшкѣ Микитовичи, по матушкѣ Маринины сыны. Сяврукъ схватилъ старшаго брата за лѣвое плечо, поднялъ выше себя и ударилъ о сыру землю:

Земля стряхнулася,
 Вода спляснѣлася,
 Москва улякнулася.

Такимъ образомъ противникъ Сяврука убитъ. Но

Охъ што жана яго, Сяврушаница,
 Бѣло-удалая Черкашаница,
 Яна по двору ходзя,
 Бѣлы ручаньки ломя...

Какъ видно изъ послѣднихъ стиховъ, Сяврушаница могла плакать только по своему мужѣ; значитъ, въ былинѣ произошла какая-то путаница. Дѣло вполне выяснится, если мы сравнимъ ее съ извѣстной исторической пѣснью «Мастрюкъ Темрюковичъ». Тамъ разсказывается, что на свадьбу царя

Ивана Васильевича пріѣхалъ удалецъ-боецъ, князь черкасскій Мастрюкъ, съ молодой женой и славной дружиной. На пиру онъ ничего не ѣсть, не пьетъ, а ищетъ себѣ поединщика. Наконецъ нашлись борцы, и началось состязаніе. Князь черкасскій закипѣлъ гнѣвомъ, бросился на противника и схватилъ его за воротъ. Но

Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
 Приподнялъ выше могучихъ плечъ
 И ударилъ объ сыру-землю. . .
 Растянулся князь черкасскій замертво.
 Молода княгиня расплакалася,
 Въ слезахъ по двору побѣгивала,
 Бѣлы рученьки заламывала. . .

Она приказала своимъ вѣрнымъ слугамъ схватить крестьянскаго сына и умертвить его. Тогда заговорилъ православный царь Иванъ Васильевичъ:

Не судить тебѣ, княжна, въ моей землѣ,
 Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что замѣчаніе г. Шейна въ выносѣ къ этой пѣснѣ: «каль, что нашъ отрывокъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ», — не совсѣмъ вѣрно. Впрочемъ, можетъ быть, только случайно совпадаютъ нѣкоторыя детали обѣихъ пѣсенъ. Дѣло въ томъ, что фамиліи Сѣврукъ или Севрукъ до сихъ поръ очень часто попадаются среди бѣлоруссовъ. — Такимъ образомъ двѣ послѣднія сказки представляютъ какъ бы слѣды былинъ у бѣлоруссовъ. Однако такое предположеніе врядъ ли основательно. Уже то обстоятельство, что обѣ эти сказки записаны на окраинѣ Бѣлоруссіи, даже, можетъ быть, просто въ области южно-великорусскаго нарѣчія, говоритъ не въ пользу сдѣланнаго предположенія. Въ центральныхъ областяхъ Бѣлоруссіи никакихъ слѣдовъ былинъ не открыто. Нельзя, однако, думать, чтобы бѣлоруссы никогда не знали пѣсенъ о богатыряхъ. Слово «богатыръ» до сихъ поръ употребляется въ народѣ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ въ былинахъ: оно обозначаетъ исключительно богатаго человѣка. Впрочемъ прежде и у бѣлоруссовъ оно имѣло другой смыслъ. Такъ, извѣстный переводчикъ Библіи на западно-русское нарѣчіе въ 1517—1525 годахъ, докторъ Францискъ Скорина изъ Полоцка, въ предисловіи къ книгѣ судей говоритъ о Самсонѣ: «и иныи *богатырскии* многи дѣла чинилъ», или въ общемъ предисловіи къ переводу, говоря о пользѣ чтенія Библіи, прибавляетъ: «ащели же коханіе имаше ведати о военныхъ а о *богатырскихъ* делехъ, чти книги судей, или книги махавеевъ; более и справедливее в нихъ знадеш, нежели во александрии или во трои».

Ясно, что слово «богатырь» еще въ XVI в. употреблялось въ Бѣлоруссіи въ смыслѣ силача, совершающаго необычайные подвиги; но, какъ видно изъ упоминанія Александрии и Трои, народныя сказки о богатыряхъ, можетъ быть, уже въ это время были вытѣснены произведеніями искусственными, пришлыми. Нѣкоторые мотивы былинной поэзіи живутъ у бѣлорусовъ еще отчасти въ колядкахъ и щедровкахъ; а силу былинныхъ богатырей напоминаютъ осылки и великаны народныхъ суевѣрій (ср. Н. Никифоровскій: Простонародныя примѣты и повѣрья. Витебскъ. 1897 г. №№ 2289, 2291).

Что касается легендъ, то ихъ у г. Шейпа приведено очень много, и при томъ самаго разнообразнаго содержанія, такъ что вмѣстѣ съ собраніемъ Романова мы имѣемъ большую коллекцію произведеній этого рода.

Отдѣлъ 2-ой II тома «Матеріаловъ», если не имѣтъ въ виду заговоровъ и заклинаній, — вообще новинка въ бѣлорусскихъ сборникахъ. Несмотря на свое странное назначеніе, даже такіе предметы, какъ ругань, проклятіе, «при тщательнѣйшемъ ихъ сборѣ, послужать, безъ сомнѣнія, не лишнимъ подспорьемъ будущимъ изслѣдователямъ народной психологіи» (Шейпа, II т., 503, вып.). Но и помимо этого, подъ грубой формой, въ нихъ можно открыть слѣды мѣстическихъ вѣрованій и старинныхъ народныхъ воззрѣній. Приведу примѣръ. Мнѣ приходилось слышать такую ругань: «капъ цибѣ сырѣца (земля) звѣла»; «капъ цибѣ зямля не насіла» (ср. еще у г. Шейпа II т. 515 стр.). Развѣ это не указываетъ на одушевленіе природы и, въ частности, земли? По этой же причинѣ самой страшной клятвой считается та, которая произносится съ землей во рту. Такимъ образомъ ругань, въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ какъ бы въ заклинанія.

Въ 3-мъ отдѣлѣ II тома среди духовныхъ стиховъ обращаетъ на себя вниманіе изложеніе 10 заповѣдей мѣрной рѣчью (№№ 28, 29). Интересно, что въ одномъ сборникѣ XVI в. бѣлорусскаго письма, видѣнномъ Бодяпскимъ у бібліотекаря Познанской бібліотеки гр. Рачинскихъ, тоже есть переложеніе 10 заповѣдей стихами (переведено съ нѣмецкаго), но редакция его несходна съ нашей (ср. «О поискахъ моихъ въ Познанской публичной бібліотекѣ» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторія и Древностей Россійскихъ», 1846 г. № 1). Далѣе, на стр. 661—676, приведено нѣсколько народныхъ молитвъ: онѣ обыкновенно представляютъ смѣсь христіанскихъ вѣрованій со взглядами языческими. Вотъ примѣръ. Молитва утрепняя: «Дзякуй (благодарю) Господу Богу, соўпячку яспому мѣсячику красному, звѣздочкамъ свѣтленькимъ, міру хрищопому, образу чесному, што я ету ночку перепочаваў. Дай, Боже, еты дзепёкъ передпеваци въ щасьцѣ, въ корысци, въ прыбытку, въ веселосьци и въ добромъ здравьѣ» (661).

Въ разматриваемыхъ книгахъ сборника г. Шейпа даются интерес-

ные матеріалы не только по своему содержанию, но также и по формѣ: изъ нихъ мы въ достаточной степени можемъ познакомиться и съ пѣсеннымъ народнымъ творчествомъ бѣлорусса. Этому вопросу уже отчасти приходилось касаться въ разныхъ мѣстахъ; здѣсь приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Вотъ передъ нами невѣста-дѣвушка плачетъ-убивается по своимъ дѣвическимъ днямъ и забавамъ (I т. 2 ч., 49—50 № 66):

Куковала зязюля ў садочку,
 Приклаўши голоўку къ лпсточку,
 А къ ней пташиньки прилетали,
 А у яе праўдоньки пытали:
 «Чаго ты, зязюлька, кукуишь?»
 — Чаму жъ мнѣ, пташиньки, ни куковаць?
 — Я жъ была дый звiла гнѣздэчко,
 — Я жъ была дый знисла яэчко.
 — Откуль ўзяўся сизый ороль,
 — Ножками раскопаў гнѣздэчко,
 — Дзюбочкой раздзюбаў яэчко,
 — Къ сабѣ и зязюлю ўзяў.

Плакала Гапулька ў святлицы,
 Приклаўши голоўку къ сястрпцы,
 А къ ей дзѣвыньки приходзили,
 Ды и у яе праўдоньки пытали:
 «Чаго ты, дзѣвынька, плакала?»
 — Чаму жъ мнѣ, дзѣвопъки, не плакаць?
 — Я жъ была дый звiла вяночекъ,
 — Я жъ была дый пошла ў таночекъ.
 — Откуль ўзьѣхаў Иванька,
 — Коникомъ разогнаў тапочекъ,
 — Ручками разобраў вяночекъ,
 — Ды мяне молоду къ сабѣ ўзяў.

Въ какихъ прекрасно поэтическихъ образахъ выражень этотъ плачь! Съ кѣмъ лучше сравнить плачущую дѣвушку, какъ не съ кукушкой, а добраго молодца, уничтожившаго ея дѣвическую жизнь, какъ не съ сизымъ орломъ? А какая симметрия въ построении частей пѣсни: и сравненіе занимаетъ 12 строкъ, и самое содержаніе столько же. И въ той и другой части разговорной рѣчи предносится по 5 строкъ повѣствовательнаго содержанія. Даже одинаковымъ образомъ начинаются и оканчиваются соответствующіе стихи, — словомъ, мы имѣемъ самый строгій сравнительный періодъ.

Такъ же прекрасны по образамъ, сравненію и построенію — пѣсня № 5, стр. 340 въ I т. 2 ч., въ которой плачущая дѣвушка сравнивается съ кукушкой, и пѣсня № 21, стр. 25 ib., въ которой изображается плачь молодого парня вслѣдствіе того, что съ нимъ не хочетъ сидѣть его любимая дѣвушка; въ ней плачь жениха сравнивается съ пѣньемъ соловья, а невѣста называется кукушкой.

Кромѣ пѣжно-трогательнаго представленія невѣсты въ образѣ кукушки, есть еще пѣсни, гдѣ она сравнивается съ лебедкой, а женихъ съ лебедемъ. Такова пѣсня № 105, стр. 108—109 I т. 2 ч. Также замѣчательна по образамъ и сравненію молодой женщины съ лебедью, отставшей отъ стада лебединого и присоединившейся къ гусиному, подъ которымъ разумѣются молодья молодухи, и пѣсня № 13, стр. 411 ib.

Часто самая обыкновенная мысль выражается замѣчательно образно и поэтически художественно. У дѣвушки спрашиваютъ, почему она не плачетъ — мысль самая обыкновенная, а какъ образно и періодически правильно она выражена (I т. 2 ч., 243 № 19):

И да чаму, зязюлька, ня кукуешъ,
 Ў Бога росы ня просишь?
 — И да ци вы, шташычки, ня чули,
 — Якъ я й рано ковала,
 — Ў Бога росы просила;
 — И да за пташачками ня видно,
 — За соловейками ня чутно!
 И да чаму, дзѣвонька, ня плачешъ,
 Ў Бога доли ня просишь?
 — И да ци вы, дзѣвочки, ня чули,
 — Якъ я й рано плакала,
 — Ў Бога жъ я доли просила;
 — И да за дружачками ня видно
 — Да за сванячками ня чутно!

Не мало можно найти и другихъ подобныхъ пѣсенъ. Вотъ свекоръ женить сына, а теща выдаетъ замужъ дочку (ib. 6 № 3):

Ай мѣсяць сына жепиць,
 Зорка дочку замужъ даець,
 Ай мѣсяць ў радысьци,
 Зоринька ў жалысьци.

Ай свѣкырка сына жениць,
 Ай цѣщынька дочку замужъ даець.
 Ай свѣкырка ў радысьци,
 Ай цѣщынка дый ў жалысьци.

Дѣвушка видитъ сонъ, что къ ней прѣзжаютъ сваты, и этотъ сонъ рассказываетъ матери (ib. 404 № 3). Сколько тутъ замѣчательныхъ метафоръ и сравненій!

Извѣстныя фигуры — тавтологія и параллелизмъ, столь обычныя языку былинному, — и здѣсь имѣютъ не мало примѣровъ, какъ (ib. 183 № 11):

Дзѣвочки подружачки,
Выйдица послухайца:
Ци шумиць дубровочка,
Ци стучиць дорожачка,
Ци звиняць подковочки,

Ци ѣдуць золовочки?
— Шумиць дубровочка,
— Звиняць подковочки,
— А стучиць дорожачка,
— А ѣдуць подружачки. . . .

Какъ образецъ хоровой пѣсни, построенной въ діалогической формѣ, строго симметрично и замѣчательно образно, можно указать № 5, стр. 490 I т. 2 ч.

Но нигдѣ нельзя видѣть такой задушевности и глубины чувства, какъ въ причитаніяхъ, этихъ, въ точномъ смыслѣ слова, элегіяхъ. Таковы, напр., плачь дѣвушки по отсутствующей на свадьбѣ матери (I т. 2 ч., 446 № 24) и плачь сиротъ по умершемъ отцѣ и мужѣ (ib. 648 № 18), или плачь матери по ребенкѣ (ib. 654 № 25, ib. 653 № 23).

Такимъ образомъ матеріалы, собранныя г. Шейномъ, по своему содержанию, очень цѣнны. Весьма полезнымъ дополненіемъ къ нимъ служатъ часто прибавленныя къ нимъ примѣчанія въ отдѣлѣ приложеній. Такъ, въ I т. 1 части находимъ, напр., цѣлый экскурсъ насчетъ пѣсни о бондаровиѣ, или о пѣсняхъ, касающихся свадьбы, смерти и похоронъ звѣрей и птицъ; въ I т. 2 ч. — насчетъ приготовленія свадебнаго короваля. Особенно интересны примѣчанія во II т. насчетъ пѣсни-сказки: «Пошелъ козелъ за орѣхами» (№ 15). Оказывается, что эта пѣсня-сказка очень распространена не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Великоруссіи, а также среди другихъ культурныхъ народовъ не только славянскаго, но и германскаго, а также романскаго племенъ. Г. Шейнъ и приводитъ пѣсни этого рода — чешскія, нѣмецкія, французскія. Изъ сравненія всѣхъ ихъ усматривается большое сходство не только въ содержаніи, но даже во внѣшней формѣ: всѣ пѣсни какъ будто болѣе или менѣе вѣрныя копіи съ одного и того же оригинала. Такимъ оригиналомъ, вслѣдъ за Рохгольцемъ, г. Шейнъ признаетъ халдейскій, съ нѣкоторыми передѣлками существующій до сихъ поръ у евреевъ: эту пѣсню еще и теперь они поютъ на Пасху. Такимъ образомъ европейскіе народы сюжетъ этой пѣсни-сказки заимствовали у евреевъ. Прибавимъ еще одинъ вариантъ этой сказки, который находимъ въ книгѣ Вериги: Podania biało-

guskie, Lwów, 1889 г., стр. 24, гдѣ дѣйствіе пачинается съ воробья и былинки (нѣсколько сходно съ тѣмъ, какъ у Шейна № 16). Вообще, въ примѣчаніяхъ приводится много интересныхъ параллелей къ разнымъ сказкамъ. Между прочимъ указаны бѣлорусскіе, а также малорусскіе варианты легенды, получившей литературную обработку въ разсказѣ гр. Л. Н. Толстого: «Три старика». Относительно же первоисточника этихъ разсказовъ находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Первообразъ этого разсказа находится въ древнееврейской литературѣ, въ Талмудѣ, въ какомъ-либо изъ Мидрашей, или же въ комментаріяхъ къ нимъ. Содержаніе этого разсказа я помню очень хорошо съ самыхъ юныхъ лѣтъ, но сдѣлать опредѣленную ссылку теперь пока, къ сожалѣнію, не могу». — Цѣлое изслѣдованіе (стр. 701—711) дано о стихѣ, начинающемся словами:

Ахъ ты, Жижка, научоны,
Между школы и брони,
Свентымъ письмамъ збаўлёны,
Повѣрь жа мнѣ, Жижка,
Што-то ёсьць и разъ... (№ 24, стр. 629—633).

Стихъ, согласно взгляду академика А. Н. Веселовскаго, признается «краткимъ катехизисомъ церковно-школьнаго происхожденія, который отвѣчалъ первичнымъ мнемоническимъ требованіямъ духовнаго обученія». Имѣя въ виду любознательныхъ читателей изъ провинціи, которые не имѣютъ возможности пользоваться разными рѣдкими изданіями, г. Шейнъ приводитъ здѣсь варианты этого стиха — малорусскій, чешскій, лужицкій, нѣмецкій, еврейскій (въ русскомъ переводѣ); послѣдній, какъ и пѣсня о козликѣ, оказывается также пасхальнымъ стихомъ, хотя и не древняго происхожденія.

Этимъ и закончимъ разборъ «Матеріаловъ» г. Шейна въ отношеніи характеристики быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края.

II. Характеристика языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края въ «Матеріалахъ» П. В. Шейна.

Если судить по заглавію, то «Матеріалы» г. Шейна имѣютъ въ виду представить данныя для характеристики языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края. Но въ этомъ краѣ, понимаемомъ строго административно, живутъ слѣдующія русскія народности: великоруссы (администрація, въ большинствѣ случаевъ, мѣстная интеллигенція, употребляющая въ разговорѣ литературный языкъ и вслѣдствіе этого не отличающаяся отъ великоруссовъ, раскольники), бѣлоруссы (большинство, особенно сельское населеніе),

малоруссы (по южнымъ окраинамъ губерній Гродненской, Минской, отчасти Могилевской) и населеніе, говорящее на языкѣ переходномъ отъ бѣлорусскаго къ малорусскому (полѣщуки). Однако, какъ можно было видѣть уже изъ разсмотрѣнія матеріаловъ, характеризующихъ бытъ, авторъ имѣетъ въ виду только бѣлоруссовъ. Вслѣдствіе этого, онъ, съ одной стороны, привлекаетъ матеріалы изъ Смоленской и Черниговской губерній, не входящихъ въ составъ сѣверозападнаго края, а съ другой — все касающееся малоруссовъ и пинчуковъ опускаетъ, имѣя въ виду, насколько намъ извѣстно, издать все это послѣ особой книгой. На заглавномъ листѣ обѣихъ частей I тома и сдѣлана болѣе точная приписка: «Бытовая и семейная жизнь *блорусса* въ обрядахъ и пѣсняхъ. Такимъ образомъ, въ разсматриваемыхъ «Матеріалахъ» мы будемъ искать данныхъ исключительно для характеристики бѣлорусскихъ говоровъ. Выводовъ чисто грамматическихъ здѣсь еще нѣтъ; эти матеріалы слѣдуетъ еще выискивать въ напечатанныхъ текстахъ. Вслѣдствіе этого цѣнность этихъ матеріаловъ совершенно пропорціональна той точности, съ которой напечатаны самые тексты. Въ виду того, что намъ уже приходилось говорить о той или другой степени редакціонной точности у г. Шейна при изданіи «Матеріаловъ», то здѣсь этого вопроса уже касаться не станемъ. Изданіе г. Шейна въ разсматриваемомъ отношеніи похоже на всѣ другія изданія подобнаго рода. Это и естественно. Чему было подражать г. Шейну въ бѣлорусской этнографической литературѣ, когда всѣ вышедшія до него изданія въ отношеніи языка были далеко не образцовы. Не было хорошихъ и теоретическихъ трудовъ, откуда можно было бы почерпать свѣдѣнія о бѣлорусскомъ нарѣчій, особенно о разныхъ его развѣтвленіяхъ; а все это было бы очень полезно при обнародываніи записей изъ разныхъ мѣстъ, сдѣланныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не самимъ издателемъ.

Вотъ какіе теоретическіе труды по бѣлорусскому нарѣчій появились до начала изданія «Матеріаловъ» г. Шейна, т.-е. до 1885—1887 г.: 1) Калайдовича: «О бѣлорусскомъ нарѣчій» въ Сборникѣ сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Труды общества любителей россійской словесности 1822 г., Ч. I, кн. I, стр. 67—80; 2) Чечота — характеристика бѣлорусскаго нарѣчій въ предисловіи (V—XXXIV стр.) и отчасти въ концѣ изданія: «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1846»; 3) Голотузова — замѣтки, касающіяся бѣлорусскаго нарѣчій въ «Программѣ для публичнаго акта въ Митавской гимназій». 1852 г.; 4) Потемни: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій». Воронежъ. 1866; 5) Безсонова — замѣтки объ особенностяхъ бѣлорусскихъ говоровъ во введеніи къ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ». М. 1871 г.; 6) Шейна: «Нѣкоторыя выдающіяся черты Бѣлорусскаго нарѣчій» при «Бѣ-

лорусскихъ нѣспяхъ» въ Запискахъ Императорскаго Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. V, 1873 г., стр. 809—820; 7) Аншеля: «О бѣлорусскомъ нарѣчій» въ III т. Русск. Филологич. Вѣстника, 1880 г.; 8) Недешевъ: «Историческій обзоръ главнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ» въ XII т. Русск. Филологич. Вѣстника, 1884 г.

Труды эти, въ большинствѣ случаевъ не отличающіеся особой цѣнностью, кромѣ замѣтки самого Шейна да Безсонова, не были извѣстны нашему собирателю, такъ какъ они либо составляютъ библиографическую рѣдкость, либо появились въ журналахъ, мало распространенныхъ среди читающей публики. Моя работа: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М. 1886 г. стала извѣстна г. Шейну лишь по выходѣ I т. I ч. его «Матеріаловъ».

Чтобы сдѣлать издаваемые матеріалы полезными для изученія языка, г. Шейну слѣдовало или провѣрить ихъ на мѣстѣ записи, что сдѣлать было физически невозможно, или же оставалось самому поправлять ихъ примѣнительно къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя можно было почерпнуть изъ теоретическихъ трудовъ относительно той или другой мѣстности. Но такихъ трудовъ, какъ мы видѣли, не было. Оставалось все записи печатать въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены собирателю, или же придать всеѣмъ однообразную орфографію и тѣмъ лишить ихъ почти всякаго значенія въ отношеніи языка. Г. Шейнъ старался въ общемъ удержать орфографію подлинника¹⁾, но, съ одной стороны, вслѣдствіе ея непоследовательности, а съ другой — вслѣдствіе нѣсколькихъ ложныхъ приѣмовъ орфографіи (о чемъ рѣчь уже была раньше) не могъ удержаться на надлежащей высотѣ и поэтому, часто даже противъ своей воли, допускаетъ разныя погрѣшности. Перечислять ихъ мы, конечно, не станемъ, такъ какъ это потребовало бы много времени; укажемъ лишь нѣсколько примѣровъ. Начнемъ съ недосмотровъ въ фонетикѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось уже касаться раньше, когда шла рѣчь объ орфографіи. Здѣсь прибавимъ: Микишихи вм. М—тихи или М—цихи I т. I ч. 4, побейте ів. 19, кума за кумомъ посварылася вм. зы к-момъ ів. 23 (изъ зо = со = съ), дай жа Божи вм. Божа ів. 24, видзиць и видзюць (оба infinitiv'ы) ів. 25, ой, ой баяньки, ой ой баянька ів. 30—31, волчыхна рядомъ съ воўкомъ ів. 34, ѣзждживали и ѣзждивали ів. 181, пылновала вм. пильновала ів. 262 (запись самого Шейна). Насчетъ невозможности дифтонга оу изъ основнаго о въ такихъ случаяхъ, какъ воуїну, воуїта, воуїска и т. д. ів. 229, или боуръ, рабуутунька и т. н.

¹⁾ Вотъ, напр., его замѣчаніе на стр. 426 I т. 2 ч.: «Въ подлинной записи звуковое изображеніе мѣстнаго говора не строго соблюдено, замѣтно нѣкоторое колебаніе. Мы не считали себя въ правѣ его выровнить и исправить его здѣсь».

уже была рѣчь въ отдѣлѣ ороографіи; въ этомъ же родѣ, вѣроятно, и примѣры: *зяліўнѣ*, *весіўль ів.* 278, 288. Ороографическимъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснять и странную передачу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника бѣлорусскаго *и* мягкаго посредствомъ *тс*, напр. *игратсь*, *питсь*, *сокатсели* (I т. 2 ч., 482—495); ничего интереснаго и фонетически правильнаго не представляетъ начертаніе съ *ти* вм. *и*: *плачутць*, *скачутць* (*ів.* 333).—Недосмотры морфологическіе попадаются рѣже и также могутъ быть отнесены къ области типографскихъ промаховъ. Вотъ примѣры: *повѣшыте* (= *повѣсьце*) I т. 1 ч., 19, *черезъ рѣчаньку*, *черезъ быстрыя* (вм. *б—рыю*) *ів.* 20, *сѣли на вороцяхъ у чырвоныхъ ботахъ* (вм. *боцяхъ*) *ів.* 29, *буде и будетъ* *ів.* 30, *дай табѣ Божа, пана господару* (вм. *пане*) *ів.* 160 и др.—Я бы охотно отнесъ къ морфологическимъ недосмотрамъ и любимыя г. Шейномъ перестановки въ словахъ. Что онъ придаетъ особую цѣну этимъ перестановкамъ, видно изъ того, что каждый такой случай сопровождается особымъ замѣчаніемъ. Таковы: 1) *капосци* вм. *пакосци* (I т. 1 ч., 45), сопровождаемое ссылкою на подобное же явленіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Архангельской губерніи и такимъ замѣчаніемъ: «Вообще перестановки буквъ, слоговъ и цѣлыхъ сложныхъ словъ явленіе нерѣдкое въ областныхъ нашихъ нарѣчіяхъ. Оно не чуждо и другимъ языкамъ и коренится въ еще недостаточно извѣстныхъ психическихъ законахъ»; 2) *яровомъ* вм. *яворомъ* (*ів.* 177); 3) *колопеньки* вм. *конопельки* (*ів.* 327). Всѣ эти случаи и подобные имъ далеко не представляютъ общебѣлорусскаго явленія, а составляютъ принадлежность рѣчи отдѣльныхъ лицъ и скорѣе *lapsus linguae*, нежели постоянную особенность. Другое дѣло перестановки въ словахъ взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ; но и тамъ онѣ представляютъ не фонетическое и не морфологическое явленіе, а результатъ психической стороны языка — народной этимологіи въ данномъ случаѣ. — Недосмотрами фонетическими и морфологическими, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять и тѣ неясныя и непонятныя слова, которые изрѣдка встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ сборника, напр.:

черзлосны (I т. 1 ч. 67):

Перловый вѣпчикъ — на вѣпчалейка,
Черзлосны персьцень — на заручалейко. . .;

румъ (*ів.* 144):

Помятали дворы лсны соколы,
Зъ руму на румъ вылетаючи,
Слаўнаго пана побужаючи;

ў калинецѣ (ib. 144):

Наши брацця заўспѣвали,
Якъ соловенка ўцисне ў лозѣ,
Ўцисне ў лозѣ, ды ў калинецѣ. . . .;

руписивый (ib. 204):

А бабѣ ня хочицца, ня хочицца,
Коло печи ворóчицца, ворóчицца,
Тоненькая сорочыцца, сорочыцца,
Рупсивый наметоцце, наметоцце. . . .¹⁾;

войштыкамъ (ib. 205):

Да дай жа намъ, Кирилка, хоць по талюру,
Войштыкамъ, войштыкамъ хоць по рубѣлечку.

Можетъ быть здѣсь «войштыкамъ» описка вмѣсто «вожтайкамъ» (ср. ib. стр. 206 № 212). — Иногда попадаются недосмотры и въ синтаксисѣ, напр., (I т. 1 ч., 181):

Да мое корення горѣло,
Да мое вѣцця смолѣли. . . .

При слабой теоретической подготовкѣ автора, естественно, что среди разныхъ филологическихъ его замѣчаній нѣкоторыя имѣютъ мало цѣны. О значеніи предисловія къ I т. 1 ч. уже была рѣчь. Здѣсь остановимся на нѣкоторыхъ другихъ замѣчаніяхъ. Такъ въ I т. 1 ч., 48 стр., въ выноскѣ встрѣчаемъ дѣльное замѣчаніе о предлогѣ *для* и его замѣнителяхъ въ бѣлорусскомъ; не лишено значенія и указаніе на то, что одна пѣвица, отъ которой г. Шейнъ записывалъ свои матеріалы, упорно произносила «рѣдя» вм. «родя» — рождая (ib. 21). Правильно также наблюденіе, что пѣвицы «говоркомъ» менѣе точно передаютъ пѣсни, нежели когда стануть пѣть (ib. 474). Цѣнное для науки замѣчаніе о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ югозападной Бѣлоруссіи на мѣстѣ *ъ* находимъ дифтонгъ *ыэ* (послѣ *и*): *цыэлыи* (II т., 19), но тутъ же, по моему мнѣнію, сообщается сомнительное свѣдѣніе о томъ, что въ той же мѣстности бываетъ переходъ *о* въ *ыу*: *хвыусть*, *быульшь*, *ныучь*. Вѣроятно, на это *ыу* слѣдуетъ смотрѣть такъ

¹⁾ Два послѣдніе стиха не слѣдуетъ ли только читать такъ:

Ў тоненькай сорочыцца, сорочыцца,
Ружовай намѣтацца, намѣтацца. . . .

же, какъ и на \widehat{ou} вм. \widehat{uo} въ Подлѣскомъ говорѣ Слуцкаго уѣзда, т.-е. видѣть здѣсь орфографическій недосмотръ: вм. \widehat{uy} . — Нѣсколько сомнительнымъ представляется мнѣ объясненіе появленія \widehat{y} вм. \widehat{a} въ слѣдующихъ стихахъ (I т. 2 ч., 259):

Возьми пирожокъ, попирайся,
Я ў клѣточку добивайся!
Я ў клѣтоццы на палицы. . . ,

гдѣ, по Шейну, «я вмѣсто \widehat{a} явилось вслѣдствіе смягчающаго вліянія гласной \widehat{y} послѣдняго слова въ каждомъ изъ предыдущихъ стиховъ»¹⁾. Но ужъ совершенно слабымъ въ научномъ отношеніи оказывается замѣчаніе «о живучести въ областныхъ нарѣчіяхъ слѣдовъ юса» (I т. 2 ч., 665) по поводу слѣдующаго выраженія:

Чимъ *прибрамъ* я тябе?

Если эта форма не описка, то она должна объясняться такъ же, какъ польское *koszani*, *znani* и т. д., въ которыхъ о слѣдахъ юса не можетъ быть и рѣчи. Во II т., стр. 65—66, объясняется выраженіе: «прывѣў ёнь яе до *карча*»; по поводу его слѣдуетъ замѣтить, что начало не «*карша*, *каршá* или *карча*», а *корчъ*, род. *карчá* пень, колода съ сучьями. Также не правильное объясненіе дано въ томъ же томѣ на стр. 150 слову «*устрахъ*»: *чортъ* якъ *ўзяў* яго и *стукнуў* ў зямлю, такъ той *устрахъ* по *колѣни*. Происходитъ эта форма не отъ глагола «*устрадаць*, т. е. *устрекаць*», что по-бѣлорусски значитъ встрѣчать, а отъ «*ўстраць* или *ўстрагци*, *ўстрагнуць*» — завязнуть въ грязи, застрячь.

Но было бы несправедливымъ утверждать, что рассматриваемые «Матеріалы» г. Шейна имѣютъ мало значенія для изученія языка. Если ими пользоваться умѣло и осторожно, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. А. И. Соболевскій (Опытъ русской діалектологіи. С.-Пб. 1897 г., стр. 76, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99), то также можно извлечь изъ нихъ не мало интереснаго, особенно въ отношеніи морфологіи, синтаксиса и словаря. Приведу примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго. Въ отношеніи фонетики встрѣчаемъ, напр., такіе случаи: *плу*-*вечь*, I т. 1 ч., 23 стр. №№ 7 и 8 Оршан. и Витеб. у., *волуў*, *домуў*, *подвуоданьки*, *гаріелочку*, *доруожка*, *пуойдзе*, *бесіеда* ів. 27—28 № 18 Слуцк. у., *зацмá* (=затяла) ів. 32 Лепн. у., *потъ* столомъ, *потъ* нечъ ів. 35—36 Гомель, *дуобróвою* ів. 57 № 37 Мозыр. у., *ў новуомъ* ів. 58

¹⁾ Замѣчаніе это собственно принадлежитъ одному изъ корреспондентовъ г. Шейна, но, приводя его, онъ тѣмъ одобряетъ чужое мнѣніе.

№ 38 *ib.*, радуйса, радуйса зямля! Сынъ Божі народіўса! *ib.* 59 № 39 *ib.*, зробило море; зробиласа рэчка *ib.* 59 № 39 *ib.*, гуосьцяка *ib.*, вушеў (вышелъ) *ib.* 60 № 40 *ib.*, кувалиха рядомъ съ кувалёвъ *ib.* 62 Чаусс. у., на туюмъ сельцэ, туюохъ *ib.* 95 Мозыр. у., перзуря *ib.* 110 Борис у., скуаць (сковать) *ib.* 111 Смол. губ., дзѣушки *ib.* 117 *ib.*, лемеші истраць *ib.* 154 № 148 Лепп. у., завороваць *ib.* (=заорываеъ), троўка, муроўка *ib.* 161, 162 Борис., ягоръ (яворъ) *ib.*, крусуалася *ib.* 188 № 184 Порѣч. Смол. г., свякроушки *ib.* 196 Бѣльск. Смол. губ., пераплулі *ib.* 228 № 235 Гореек. у., сѳдзе *ib.* 228 № 237 Борис. у., на цясовой корваці *ib.* 257 Орш. у., бондаруўна *ib.* 433 № 532 Слуцк. у., за игрѣхъ II т. 479, матэры *ib.* 152, 153 и др. съ твердымъ *m*, что нерѣдкость въ разныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, изъ формы матэры; зробіўса аще мудрае *ib.* 633, гдѣ «аще» предполагаетъ «още» и т. д. (см. отмѣченныя выше страницы Опыта діалектологіи проф. Соболевскаго). — А вотъ болѣе рѣдкіе случаи въ морфологіи: черезъ рѣчка брыла I т. 1 ч. 18 стр., хотя въ той же пѣсенѣ черезъ 5 строкъ читаемъ: черезъ рѣчку брыла; дзицяю носиць *ib.* 24; краскамъ заросло *ib.* 36 Гомельск. у.; туюмасо *ib.* 56 (станемъ таіться) Мозыр. у.; светэ Рожество *ib.* 58 № 37 *ib.*; не знайдамъ Бога, то знайдамъ пана *ib.* 59 № 40 *ib.*; пойдамъ до яе *ib.* 79 № 74 Рѣчиц. у.; ёнъ табе згубя *ib.* 97 Рогач. у.; сукинымъ сынѳмъ *ib.* 97 Рогач. у. (дат. п. мн. ч.); зарѣзаў короў (корову) *ib.* 114 Мозыр. у.; самъ Богъ хѳдзе, жито рѳдзе *ib.* 143 № 138 Борис. у.; плусциць (инфинит. плыть) *ib.* 179 Борис. у.; а чаго вы стоиць не засланинькіе *ib.* 206 Чаусс. у.; тую (зязюлю) пташки азялі *ib.* 231 № 243 Лепп. у.; ў чистому полю *ib.* 275 Свислочь Гродн. г.; двѣсто *ib.* 449; книшка выцягнула т.-е. лисяца II т. 9; чаго жъ мы будзимъ тутъ сядзѣць, пливѳма лутша на той бокъ мора *ib.* 17 (конечно, вмѣсто пливѳмо, равно какъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Ну, садзись на мене и полецимо *ib.* 33); быў у старыка одзинъ лошады — дужа стары *ib.* 22; уже нимашака его *ib.* 149 (уже его нѣтъ), гдѣ «нимашака» образовано совершенно аналогично, какъ и ёсдека (ср. «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи», 154—155); той высѳнїў голоў цезрезъ окно *ib.* 149, гдѣ «голоў» предполагаетъ «головъ», т.-е. образовано въ подражаніе такимъ словамъ, какъ любовь; вмѣсто есть — есць иногда находимъ *e*: *e* воронецъ *ib.* 487; *e* на свѣця Кася *ib.* 490, также ё: вже ё ходяинъ *ib.* 3; ѣхавъ пане ў красномъ жупанѣ *ib.* 493—представляетъ форму звательнаго въ роли именительнаго; забыўся *ib.* 495 въ значеніи забылъ; *цѳ* (т.-е. цѳе) *ib.* 517 форма вин. п. тебя, вѣроятно, подъ вліяніемъ польскаго *cię*; *мѳ* *ib.* 534 (дат. п.)—новообразование не безъ вліянія, вѣроятно, стариннаго *ми*; *мо* *ib.* 534 форма сокращенная *вм.* «можетъ» (быть) и т. д.; засмуциўся пане господару I т. 1 ч. 151 № 145; ў горѳдзѣ (дочка)

рожа сѣдзѣ ів. 228 № 237. — Еще отмѣтимъ нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ въ отношеніи синтаксическомъ: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ непонятное намъ употребленіе какой-то частицы *e* (напр., I т. I ч., стр. 56—57):

Дай пошла жъ ена дай дорогою. . . .
 Дай сустрэкае Паўла зъ Петромъ:
 «Ой, Паўле, Петро, слуги Божіе!
 «Чи не бачили сына моего?»
 Е Пауле каже: «дай не бачили»,
 Е Петро каже: «дай не тўоймасо». . . .
 Е тамъ стояла жидска школа,
 Дай взели Христа, дай замучили. . . .
 Е шуншинкою дай потперезали,
 Е ожинкою ручки звезали. . . . и т. д.

Или (ів. 59 № 39):

Е ў однэ окѣнцэ — ясно слонцэ свѣщиць. . . .

Или (ів. 60):

Е чимъ же тыхъ госьцей дай частовади. . . .

Всѣ примѣры изъ Мозырскаго уѣзда. Нѣчто подобное мнѣ встрѣтилось въ одной западнорусской рукописи XVI в., именно въ «Аристотелевыхъ Вратахъ» Вилен. Публ. биб. (№ 272 по описанію Добрянскаго): *ѣбо ѣ не-сѣтворено. ѣбо ѣ нѣ никто развѣи бѣа. ѣбо добро ѣго ѣ злѣ ѣ. . . 4 л.* Какъ объяснить это явленіе, я не знаю. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе замѣчательнаго употребленія словъ въ предложеніи: дели сына я *двору* ни вернусь, у мяне сынку ў дворѣ господарю I т. I ч., стр. 62 № 44 Чаусс. у.; дели дочки я *двору* вярнуся ів.; (ѣиць) засмѣяўши пошоў ів. 231 № 242 (вм. засмѣяўшись); звательный надежь употребленъ въ роли приложенія (ів. 231 № 243):

Што ты, боро, ни шумѣнь. . .

Въ мяне, боро, пташекъ нѣтъ. . . .;

ты, каляна, суши *боишиз*, охъ я суши не бояла ів. 342 № 407; залѣсь на дуба, сѣвъ подъ дуба II т. 3, тогда собѣ сячи дзерава ів. 28; бобишка тоды *росици*, *росици*, доросла до крыши ів. 7; якъ *итци* — дыкъ *итци*. . . . ажъ бачу—одзи-нанцыць пчоль ляциць ів. 244—245; послѣ предлоговъ *по* и *на* наблю-

дается употребленіе родительнаго надежа вмѣсто дательнаго и мѣстнаго: на воды пльвецъ ів. 474, на вербы растуць 482 ів., на сосны лина стоиць 498 ів. и др. — Въ отношеніи словарномъ собраніе г. Шейна даетъ также очень много цѣнныхъ матеріаловъ. Напр., въ одной пѣснѣ, записанной въ Сѣншинскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи (I т. 1 ч., 164), читаемъ:

Тамъ и три *далиды* церкву рубили. . .

Оказывается, что слово *далидз* — *дайлидз*, литов. *dajlydė*, зодчій, строитель, плотникъ, встрѣчающееся и въ старинныхъ западнорусскихъ произведеніяхъ (ср. П. В. Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 300), извѣстно не только западнымъ бѣлорусскимъ областямъ, но и восточнымъ. И другое старинное слово *гнось* также находитъ отраженіе въ разсматриваемыхъ матеріалахъ: гэта вода да есть гнюсна II т. 611; обыкновенно «гнось» выводятъ изъ чешскаго *hnis* (Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 270), а отсюда уже всѣ образованія этого корня съ *ю*, но, какъ показываетъ приведенное выше выраженіе, *ю* свойственно въ подобныхъ словахъ и живой рѣчи. Еще отмѣтимъ: *охрасыи* II т. 547 вм. охранить; *учиня* родины ів. 28 (=славныя; ср. нашу работу «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи». Варшава, 1893, стр. 115); *коубз* ів. 69 — точнѣе *коўбъ* — *коўбухи* — внутренности; тотъ же корень, что и въ словѣ «колбаса», то-есть *кляк-*; *побрались* ів. 5 въ смыслѣ пожеглись и т. д.

Подведемъ итоги всему сказанному.

1) «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края», собранные и изданные г. Шейномъ, по богатству своего содержанія, особенно въ отношеніи обрядовой поэзіи, превосходятъ все явившееся до сихъ поръ; лишь нѣкоторые изъ вышедшихъ одновременно съ ними сборниковъ, въ отношеніи матеріаловъ, касающихся эпической поэзіи, могутъ быть поставлены нѣсколько выше разсматриваемаго изданія.

2) Обрядовыя пѣсни сопровождаются описаніемъ самихъ обрядовъ и другихъ дѣйствій, сопровождающихъ ихъ пѣніе. Къ разнымъ этнографическимъ матеріаламъ прилагаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пояснительныя, очень цѣнныя замѣчанія, представляющіяся изъ себя подчасъ цѣлыя экскурсы въ ту или другую историко-литературную область. Въ разныхъ мѣстахъ указаны варианты пѣсенъ или сдѣланы ссылки на нихъ.

3) Изъ собраннаго этнографическаго матеріала сдѣланъ строгій выборъ и затѣмъ всему дано соотвѣтствующее мѣсто; всюду замѣтна рука опытнаго собирателя и редактора.

4) Къ слабымъ сторонамъ изданія относится несомнѣнно точная ороо-

графія, объясняемая нѣскольکو ложнымъ взглядомъ издателя на редакторскія свои обязанности. При всемъ томъ, при умѣломъ и осторожномъ пользованіи сборникомъ, изъ него можно извлечь не мало цѣнныхъ и лингвистическихъ данныхъ.

5) Достоинства разсматриваемаго собранія уже при первомъ выходѣ его въ свѣтъ правильно оцѣнены разными учеными, которые въ достаточной степени пользовались имъ для цѣлей литературныхъ и этнографическихъ (академикъ Веселовскій, проф. Сумцовъ, проф. Владиміровъ), а также лингвистическихъ (проф. Соболевскій и др.).

Имѣя въ виду указанныя достоинства разсматриваемаго изданія П. В. Шейна, а также необычайную энергію автора-редактора въ столь тяжеломъ и малоблагодарномъ трудѣ, какъ собраніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ, Императорская Академія Наукъ поступитъ, по моему убѣжденію, вполне справедливо, присудивъ почтенному лѣтами и опытностью труженику на поприщѣ бѣлорусской этнографіи награду имени П. Н. Батюшкова, всегда горячо принимавшаго къ сердцу всякія изслѣдованія и изданія, касавшіяся Западнаго края.

Евфимій Карскій.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 2.

Volume IV. № 2.

ОТЧЕТЪ

0

СОРОКОВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1898 г.)



С.- ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера
въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Ключкина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & C^{ie}. et C. Ricker
à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Var-
sovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 3 р. — Prix: 7 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отчетъ о сороковомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1898 года Непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. . . .	1— 20
I. Отзывъ о сочиненіи П. Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина». Рецензія заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ русской исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ Д. А. Корсакова . .	21— 72
II. Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ. Профессора Т. В. Барсова. Синодальныя учрежденія прежняго времени. Профессора Т. В. Барсова. Рецензія заслуженнаго профессора, протоіерея М. Горчакова.	73—101
III. Разборъ сочиненія И. А. Тихомирова: «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной». Рецензія академика А. Шахматова.	103—236
IV. Отзывъ о сочиненіи Г. Я. Кипріяновича: «Жизнь Юсифа Сѣмашки, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ въ 1839 г.». Рецензія экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной академіи П. Жуковича.	237—250
V. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Е. І. Лихачевой. Рецензія С. И. Пономарева.	251—340

ОТЧЕТЪ

о

СОРОКОВОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
25 СЕНТЯБРЯ 1898 Г.

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ Графа Уварова въ нынѣшнемъ году представлено восемь сочиненій, и сверхъ того, оставались три сочиненія, отложенныя отъ прошлагодняго конкурса за непредставленіемъ отзывовъ рецензентовъ.

Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена комиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи академика Л. Н. Майкова и академиковъ А. Ѳ. Бычкова, В. Г. Васильевскаго, А. А. Куника и А. А. Шахматова.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, комиссія для подробнаго разбора ихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свою оцѣнку и заключеніе къ назначенному для того сроку.

По полученіи рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, комиссія единогласно признала вполне отвѣчающимъ условіямъ для награжденія большою преміею въ 1500 руб. сочиненіе Н. П. Барсукова: Жизнь и труды Погодина, томы VIII — XII. С.-Пб. 1894—1898.

Оцѣнку этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Дмитрій Александровичъ Корсаковъ.

Въ 1888 г. вышелъ первый томъ почтеннаго труда Н. П. Барсукова о М. П. Погодинѣ, открывающійся рожденіемъ его въ 1800 г., а въ нынѣшнемъ 1898 году появился XII томъ, доводящій описаніе жизни и дѣятельности Погодина, въ связи съ событіями его времени, до кануна Крымской войны, т. е. до начала 1853 года.

Эта часть біографіи М. П. Погодина открывается новою фазой его жизни — его, такъ сказать, отлученіемъ отъ служенія Московскому университету, въ которомъ онъ профессорствовалъ безъ малаго 20 лѣтъ. Начиная съ VIII тома, Погодинъ является уже частнымъ человѣкомъ, неофициальнымъ, но тѣмъ не менѣе усерднымъ и плодотворнымъ работникомъ на русской учено-литературной нивѣ и издателемъ начатаго имъ еще въ 1841 г. журнала „Москвитянинъ“.

Въ обширной рецензіи, подробно характеризующей содержаніе разсмотрѣннаго сочиненія и приемы его автора, Д. А. Корсаковъ между прочимъ замѣчаетъ, что долгая жизнь Погодина была столь тѣсно связана съ событіями его времени, а дѣятельность его на поприщѣ учено-литературномъ и общественно-политическомъ столь разнообразна, что повѣсть о жизни и дѣятельности Погодина, въ силу необходимости, является „повѣстью временныхъ лѣтъ“ русской образованности за три четверти XIX вѣка.

Н. П. Барсуковъ обозрѣлъ доселѣ въ своемъ многотомномъ изслѣдованіи большую часть главнѣйшихъ явленій культурной исторіи Россіи за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ текущаго столѣтія, обнимающихъ собою два знаменательныхъ царствованія — Александра I и Николая I, но далеко еще не закончилъ своего труда; многолѣтняя жизнь Погодина пресѣлась лишь въ 1875 г., и описаніе еще двадцати слишкомъ лѣтъ этой жизни остается впереди.

„Ученая и литературная критика успѣла уже“, говоритъ рецензентъ, — „отдать должную дань достоинствамъ книги Н. П. Барсукова, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторые ея недостатки и

слабья стороны. Достоинства книги заключаются въ добросовѣстной разработкѣ цѣннаго и малодоступнаго историческаго матеріала по весьма важнымъ, можно сказать даже, основнымъ вопросамъ русской образованности XIX вѣка, — недостатки же состоятъ въ излишней детальности многихъ вставныхъ эпизодовъ и въ своеобразномъ освѣщеніи лицъ и событій“.

По замѣчанію Д. А. Корсакова, матеріаль, тщательно собранный Н. П. Барсуковымъ, заключается, какъ въ печатныхъ источникахъ, такъ и въ рукописныхъ, неизданныхъ. Этихъ рукописныхъ матеріаловъ такъ много, что разработка ихъ однихъ требовала значительнаго количества времени и труда; въ книгѣ же г. Барсукова этотъ неизданный матеріаль, состоящій изъ переписки Погодина, его дневника и воспоминаній нѣкоторыхъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Погодинымъ, представляетъ не менѣе десятой часть всего того, что собрано и обработано Н. П. Барсуковымъ.

Что касается печатнаго матеріала, употребленнаго въ книгѣ г. Барсукова, то самые способы его собиранія и обработки представляли неимовѣрныя трудности, вполнѣ понятныя лишь тѣмъ, кто самъ работалъ надъ подобнымъ матеріаломъ. Это — все забытыя въ настоящее время книги, журнальныя и газетныя статьи, и собрать такой печатный матеріаль, въ особенности на пространствѣ полустолѣтія, для подробнаго изображенія столь разнообразной дѣятельности, какова была дѣятельность Погодина, есть трудъ, превышающій многія работы по неизданнымъ архивнымъ источникамъ.

Подробное разсмотрѣніе учено-литературной и журнальной дѣятельности Погодина, по скольку она выразилась въ VIII—XII томахъ его біографіи, привело почтеннаго рецензента къ тому заключенію, что книга г. Барсукова заключаетъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ данныхъ, рисующихъ весьма характерно, какъ общее направленіе 1845—1852 годовъ въ Россіи, такъ и дѣятельность Погодина за это время.

Этими данными, однакоже, далеко не исчерпывается содержаніе вышеозначенныхъ томовъ. Здѣсь же, замѣчаетъ Д. А. Кор-

саковъ, выводится цѣлая фалага лицъ изъ міра какъ литературнаго, такъ и служебнаго, лицъ, имѣвшихъ отношенія къ Погдину, и цѣлый рядъ явленій изъ тогдашней общественной московской и обще-русской жизни, въ которыхъ принималъ участіе Погдинъ. „Если бы я захотѣлъ“, продолжаетъ пр. Корсаковъ, — „хотя бы кратко охарактеризовать весь этотъ матеріаль, то мнѣ по неволѣ пришлось бы излагать исторію русской общественности и русской образованности не только за означенныя семь лѣтъ, но за несравненно большій хронологическій періодъ — съ 30-хъ до 50-хъ годовъ включительно“.

На сколько авторъ отводитъ въ своей монографіи просторъ экскурсамъ въ области, болѣе или менѣе тѣсно примыкающимъ къ главной темѣ сочиненія, можно судить хотя бы по тому мѣсту, въ которомъ говорится объ ученой полемикѣ Погодина съ его врагами и противниками. Такъ, напримѣръ, Н. П. Барсуковъ посвящаетъ десять главъ изложенію отношеній Кавелина къ Современнику, Отечественнымъ Запискамъ, къ Погдину и славянофиламъ въ 1846 и 1847 гг., двѣ главы — описанію полемики Кавелина съ Хомяковымъ изъ-за Валувскаго Сборника; цѣлая глава отведена участію Кавелина въ докторскомъ диспутѣ Соловьева. Также подробно разсматриваются и отношенія Погодина къ Соловьеву, при чемъ особенно же тщательно и детально разсматривается отношеніе Погодина къ первому тому Исторіи Россіи Соловьева. Три главы повѣствуютъ о докторской диссертациі Павлова. Распрѣ Погодина съ учеными школы родового быта и изложенію ихъ воззрѣній и обстоятельствъ ихъ учено-литературной дѣятельности въ разсматриваемыхъ томахъ сочиненія Барсукова отведено 24 главы.

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересны: онѣ даютъ обильный матеріаль для изученія не только историческихъ воззрѣній, но вообще научныхъ стремленій и общественныхъ отношеній столь выдающихся въ умственной русской жизни дѣятелей, какъ Кавелинъ, Хомяковъ, Самаринъ, Соловьевъ, Грановскій и т. д. Подробности, сообщаемыя г. Барсуковымъ, вводятъ насъ въ интимный міръ этихъ людей, посвящаютъ въ тайны

того процесса, посредствомъ котораго постепенно формировались ихъ несомнѣнныя теперь для насъ ученныя заслуги, и какія терніи встрѣчали они на своемъ ученомъ пути.

„Въ заключеніе“, пишетъ пр. Корсаковъ, — „прежде чѣмъ я выскажу окончательное сужденіе о почтенномъ трудѣ Барсукова, считаю необходимымъ остановиться на частности, которая на мой взглядъ усугубляетъ значеніе книги. Въ пяти томахъ, съ VIII по XII, Жизни и трудовъ М. П. Погодина заключается до 150 печатныхъ листовъ или до 2400 страницъ in 8°; все изложеніе раздѣлено на 269 главъ и снабжено 1525 нумерами ссылокъ на разные источники и пособія. Приведенныя цифры служатъ нагляднымъ доказательствомъ количества собранныхъ г. Барсуковымъ данныхъ и ясно говорятъ о его трудолюбіи.

„Достоинства этой біографіи“, продолжаетъ рецензентъ, — „говорятъ сами за себя. Что же касается до недостатковъ, то они, на мой взглядъ, придаютъ книгѣ своеобразное значеніе, а потому подлежатъ серьезному вниманію со стороны рецензентовъ и критиковъ.

„Эти недостатки могутъ быть подведены къ двумъ основнымъ группамъ. Къ первой относятся отступленія въ сторону, эпизоды, не касающіеся непосредственно Погодина, но сами по себѣ очень интересные. Эти отступленія заслоняютъ предъ читателемъ личность Погодина и значительно расширяютъ рамки историческаго повѣствованія. Вторая группа составляется изъ лирическихъ изліяній Н. П. Барсукова, которыми онъ стремится установить свою точку зрѣнія на передаваемыя имъ событія или на описываемыя имъ лица. Я назвалъ бы этотъ субъективизмъ г. Барсукова политическимъ лиризмомъ на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ біографъ Погодина въ своихъ изліяніяхъ стоитъ на охранительной политической почвѣ, высказывая воззрѣнія, солидарныя съ официальнымъ взглядомъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на православіе, самодержавіе и народность.

„Вслѣдствіе такихъ недостатковъ повѣсть о жизни и трудахъ Н. П. Погодина подъ перомъ г. Барсукова является историко-

литературнымъ сочиненіемъ, не вполне отвѣчающимъ требованіямъ какъ ученаго историческаго изслѣдованія, такъ и историко-прагматическаго и историко-художественнаго произведенія. Въ немъ не видно предварительнаго критическаго изученія источниковъ и изслѣдованій о Погодинѣ, о людяхъ и событіяхъ его времени; не замѣчается опредѣленнаго плана въ распредѣленіи матеріала; отсутствуютъ полное безпристрастіе и объективность воззрѣній на лица и событія; ощущается недостатокъ яркости красокъ въ изображеніи и образности и выдержанности въ слогѣ и языкѣ. Но самыя эти недочеты дѣлають книгу г. Барсукова совершенно исключительнымъ исторіографическимъ произведеніемъ. Оно является какъ бы сказаніемъ современника о людяхъ и событіяхъ русскаго XIX вѣка, дополненнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. По характеру своей исторической концепціи и по приѣмамъ изложенія, оно всего болѣе подходитъ подъ опредѣленіе мемуаровъ, отличаясь свойственнымъ всѣмъ мемуарамъ субъективизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, книга Н. П. Барсукова является однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи развитія русской мысли въ текущемъ столѣтіи. На основаніи книги Н. П. Барсукова можно составить нѣсколько ученыхъ монографій и цѣлый рядъ историко-литературныхъ эпизодовъ и очерковъ.

„Такое воззрѣніе на разсмотрѣнную книгу само собою не умаляетъ ея достоинствъ. Я долженъ здѣсь замѣтить“, говоритъ рецензентъ, — „что общій типъ книги Н. П. Барсукова, не смотря на его политическій лиризмъ, преисполненъ серьезнаго отношенія къ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ интересамъ русскаго народа и глубокою и искреннею вѣрой въ великія судьбы этого народа въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.“

„А потому“, заканчиваетъ пр. Корсаковъ свою обстоятельную и интересную рецензію, — признавая сочиненіе Жизнь и труды М. П. Погодина ученымъ трудомъ, вполне отвѣчающимъ условіямъ, изложеннымъ въ Положеніи о наградахъ графа Уварова, и принимая во вниманіе, что Императорская Академія Наукъ уже удостоила этой награды первые семь томовъ того же сочиненія, присудивъ Н. П. Барсукову полную Уваровскую премію, — по-

зволюю себѣ ходатайствовать о награжденіи и продолженія этого труда, тт. VIII—XII, таковою же полною премією“.

Неполныя премія въ 500 руб. присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ:

І. Т. В. Барсовъ: 1) Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ. С.-Пб. 1896 и 2) Синодальныя учрежденія прежняго времени. С.-Пб. 1897.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій Академія обращалась къ содѣйствию профессора С.-Петербургскаго университета о. протоіерея Михаила Ивановича Горчакова.

Вышеназванныя двѣ книги, представленныя на соисканіе наградъ гр. Уварова, по своему содержанію представляютъ лишь отдѣльныя части одного сочиненія. „Синодальныя учрежденія прежняго времени“, разсматриваемыя авторомъ во 2-й книгѣ, являются составными частями устройства „Святѣйшаго Синода въ его прошломъ“, какъ церковно-правительственнаго учрежденія въ Россіи. Это учрежденіе и даетъ содержаніе первой книгѣ. Она заключаетъ въ себѣ: краткое предисловіе къ читателю, изложеніе попытокъ къ улучшенію и къ преобразованію духовно-судебной части, предпринимавшихся при Св. Синодѣ въ 1864, 1865 и 1870—75 гг., очеркъ исторіи учрежденія Св. Синода и критическій обзоръ разныхъ возрѣній касательно учрежденія его и уничтоженія Петромъ I патріаршества, свѣдѣнія о личномъ составѣ присутствія Св. Синода со времени его учрежденія и о положеніи его въ ряду высшихъ государственныхъ учреждений и краткое заключеніе.

По отзыву почтеннаго рецензента, первая книга Т. В. Барсова по внѣшнему построенію есть механическое въ одной обложкѣ и подъ однимъ заголовкомъ соединеніе журнальныхъ статей, разновременно, періодически и по различнымъ предметамъ печатавшихся въ „Христіанскомъ Чтеніи“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію М. И. Горчакова, автору можно поставить въ упрекъ недостатокъ юридической конструкціи въ книгѣ, а равно нѣкоторую неопредѣленность, неясность и неточ-

ность въ содержаніи и въ изложеніи, и порою своеобразную вычурность и темноту языка.

За всѣмъ тѣмъ, однакоже, въ журнальныхъ статьяхъ этихъ, объединенныхъ вмѣстѣ, собраны весьма любопытныя свѣдѣнія. Такъ, подъ заголовками „Святѣйшій Синодъ въ царствованіе“ того или другого государя пр. Барсовъ сопоставилъ массу извлеченныхъ изъ архивныхъ документовъ и печатныхъ изданій свѣдѣній о переѣнахъ въ личномъ составѣ присутствія Синода за время съ 1721 по 1880 г. Здѣсь впервые предлагается въ печати полный перечень членовъ и присутствующихъ іерарховъ, а для составленія подобнаго обзора автору потребовалось не мало труда, настойчивости и терпѣнія при отысканіи и наведеніи справокъ объ отдѣльныхъ лицахъ.

Переходя къ разсмотрѣнію второй книги пр. Барсова, ученый рецензентъ отмѣчаетъ, что матеріалы для обзорѣнія „Синодальныхъ учрежденій прежняго времени“ извлечены авторомъ изъ „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“, изъ „Описанія документовъ и дѣлъ синодальнаго архива“, канцеляріи оберъ-прокурора и печатныхъ сочиненій относительно тѣхъ или другихъ учрежденій, описываемыхъ въ книгѣ. При этомъ однако же нельзя не замѣтить, что значительное количество матеріаловъ сосредоточено въ Москвѣ въ архивахъ министерства юстиціи, синодальной конторы и духовной консисторіи, но въ этихъ архивахъ составитель книги не занимался, и такимъ образомъ далеко не весь матеріалъ, имѣющійся для изслѣдованія учрежденій, описываемыхъ пр. Барсовымъ, имъ исчерпанъ.

Исторія многочисленныхъ учрежденій (до 25 наименованій), принадлежавшихъ къ составу Св. Синода въ прежнее время, излагается авторомъ въ шести отдѣльныхъ главахъ.

Дѣленіе книги на шесть главъ основывается на классификаціи, усвоенной авторомъ для обзорѣваемыхъ учрежденій. Такъ, въ первой главѣ изложена исторія канцеляріи Св. Синода со времени ея учрежденія до 1872 г. включительно; во второй обзорѣваются конторы при Св. Синодѣ, существовавшія въ теченіе

1721—1727 гг.; въ третьей—учрежденія епархіального характера при Св. Синодѣ; въ четвертой—учрежденія синодального правленія; въ пятой—учрежденія синодальной области въ Москвѣ; въ шестой—вотчинныя и финансовыя учрежденія, состоявшія въ вѣдѣніи Св. Синода.

По мнѣнію почтеннаго рецензента, многочисленныя учрежденія, разсматриваемыя авторомъ книги, необходимо было подвести подъ какую-либо классификацію и раздѣлить на категоріи, которыя слѣдовало подыскать подходящую терминологию. Проф. Барсовъ и сдѣлалъ это дѣйствительно. Предложенная авторомъ классификація синодальныхъ учреждений самостоятельна и въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣетъ основаніе и оправданіе, но, замѣчаетъ М. И. Горчаковъ, можетъ быть сдѣлана и иная классификація, болѣе точная и болѣе твердая, хотя установить ее безспорно едва ли возможно или по меньшей мѣрѣ затруднительно.

Сочиненіе проф. Барсова не однообразно по достоинству. Лучшею главою во всей книгѣ представляется первая. Въ ней излагается исторія синодальной канцеляріи за время 1721—1864 гг. со стороны ея состава, перемѣнъ въ штатахъ и происхожденія отдѣльныхъ должностей (агентовъ, чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ и т. д.). Исторія представлена съ достаточною полнотою въ исторической послѣдовательности и по мѣстамъ весьма занимательна, при чемъ приведены многія свѣдѣнія, доселѣ скрывавшіяся въ архивахъ, въ неизвѣстности.

Разсмотрѣвъ содержаніе книги пр. Барсова, ученый рецензентъ замѣчаетъ, что „обозрѣніе авторомъ синодальныхъ учреждений было бы яснѣе, определеннѣе и полнѣе, если бы каждое изъ нихъ было разсмотрѣно въ строгой юридической конструкціи, по рубрикамъ примѣрно въ родѣ слѣдующихъ: 1) происхожденіе учрежденія; 2) составъ его; 3) предметы вѣдѣнія по данной конструкціи; 4) порядокъ производства дѣлъ (чего нѣтъ въ обзорѣніяхъ автора); 5) отношеніе учреждений къ инымъ установленіямъ; и 6) прекращеніе ихъ. Равнымъ образомъ о практической дѣятельности учреждений, какъ она выражалась въ дѣйствительности, авторъ ничего не говоритъ, по всей вѣроятности, потому что въ

синодальномъ архивѣ мало или вовсе не имѣется матеріаловъ, относящихся къ этому предмету.

Оставляя въ сторонѣ частныя критическія замѣчанія почтеннаго рецензента, переходимъ къ дѣлаемому имъ при разборѣ обѣихъ книгъ пр. Барсова заключенію.

„Не смотря на сдѣланныя нами критическія замѣчанія“, пишетъ М. И. Горчаковъ, — „мы по справедливости должны сказать, что книги г. Барсова имѣютъ значеніе въ современной церковно-исторической литературѣ. Для составленія и изданія такихъ книгъ нужна была отъ автора въ значительной долѣ, съ одной стороны, смѣлость, а съ другой осторожность; смѣлость — первому выступить съ попыткой представить Св. Синодъ въ его прошломъ и съ его учрежденіями, осторожность — предъ цензурными требованіями. Благодаря таковымъ личнымъ свойствамъ г. Барсова въ нашей литературѣ и явился первый опытъ историческаго обозрѣнія Св. Синода и его учреждений. Этотъ опытъ служитъ знаменіемъ того, что наступило время и возможность изслѣдованія исторіи Св. Синода и учреждений его, окружавшихъ и окружающихъ во множествѣ. Опытъ этотъ самими недостатками своими можетъ послужить поводомъ къ составленію и изданію другихъ изслѣдованій о томъ же предметѣ.

„Въ виду указаннаго общаго значенія книгъ г. Барсова и отличительныхъ особенностей каждой изъ нихъ по ея достоинствамъ, а равно въ виду многочисленныхъ и многолѣтнихъ трудовъ его по изслѣдованію и разработкѣ исторіи церковнаго права, къ которой относится въ значительной степени и содержаніе разсмотрѣнныхъ нами книгъ, мы съ своей стороны, находимъ желательнымъ, чтобы Академія Наукъ наградила г. Барсова за обѣ книги, поощрительною премією гр. Уварова“.

П. И. А. Тихомировъ: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сборниковъ“ (оттиски изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и изъ X выпуска Лѣтописи занятій Археографической коммисіи). С.-Пб. 1896.

Разсмотрѣніе вышеозначеннаго сочиненія принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ.

Въ своемъ отзывѣ, ак. Шахматовъ подробно останавливается на слѣдующихъ трехъ статьяхъ г. Тихомирова: о Лаврентьевской лѣтописи, о Тверскомъ лѣтописномъ сборникѣ и о Московскихъ лѣтописныхъ сводахъ; при представленіи ихъ на соисканіе Уваровской преміи, онѣ объединены авторомъ общимъ заглавіемъ: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“. По мнѣнію ак. Шахматова, статьи эти, дѣйствительно, могутъ быть признаны частями, одного труда, хотя и написаны въ разное время и задавались различными цѣлями. Во всѣхъ трехъ статьяхъ ясно выступаютъ одни и тѣ же общіе приемы, ярко отражаются одинаковые достоинства и недостатки изслѣдованія.

Въ заключеніе отзыва ак. Шахматовъ пишетъ: „Скажу нѣсколько словъ объ общихъ приемахъ автора. Изучая тотъ или другой лѣтописный сводъ, г. Тихомировъ рѣдко останавливается на вопросахъ о происхожденіи, времени составленія, редакціяхъ памятника; его мало занимаетъ изслѣдуемый памятникъ самъ по себѣ. Его задача ограничивается опредѣленіемъ внутренняго состава свода, разложеніемъ его на первоначальные источники, погодныя записи и сказанія. Не сомнѣваюсь, что авторъ убѣжденъ въ томъ, что дошедшимъ до насъ сводамъ предшествовали другіе болѣе древніе, при чемъ эти болѣе древніе своды и должны быть признаны источниками позднѣйшихъ; но мы только что отмѣтили оригинальную особенность въ его изслѣдованіи: онъ не интересуется памятниками самими по себѣ. Вслѣдствіе того и въ своихъ выводахъ г. Тихомировъ не приходитъ къ опредѣленію источниковъ того или другаго свода въ видѣ другихъ, болѣе древнихъ сводовъ; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившіе разрозненныя историческія данныя, а сырой, не обработанный матеріалъ въ видѣ погодныхъ записей, сказаній, историческихъ повѣстей и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, минуя всякіе переходные своды, устанавливаетъ прямую связь между позднѣйшими сводами и какими-то до насъ недошедшими мѣстными лѣтописями — тверскими, нижегородскими, рязанскими и т. д. Вмѣсто того, чтобы на основаніи изученія позднѣйшихъ сводовъ приходитъ къ возстановленію памятниковъ съ ними одно-

родныхъ — болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, г. Тихомировъ извлекаетъ изъ нихъ указанія на существованіе памятниковъ неоднородныхъ съ ними, какихъ-то недошедшихъ до насъ мѣстныхъ лѣтописей, погодныхъ записей, перечней мѣстныхъ событій, отдѣльныхъ историческихъ сказаній и т. п.

„Несомнѣнно, что лѣтописаніе начинается именно съ такихъ записей и сказаній, но переходя на почву интересующаго насъ русскаго лѣтописанія, мы видимъ, что уже въ началѣ XII вѣка въ Кіевѣ составился обширный лѣтописный сводъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, имѣвшій весьма значительное распространеніе и оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе лѣтописнаго дѣла не только въ южной, но также въ сѣверной (новгородской) и сѣверовосточной (суздальской и московской) Руси. Врядъ ли въ разныхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ древней Руси могли самостоятельно возникнуть мѣстныя лѣтописи, самобытные лѣтописные своды, но Повѣсть временныхъ лѣтъ и позднѣйшіе, составленные на основаніи ея своды проникали и въ Новгородъ, и въ Тверь, и въ глухой Переяславль-Залѣскій; здѣсь эти своды подвергались переработкѣ и дополнялись на основаніи мѣстныхъ извѣстій, сказаній и историческихъ преданій. Отрицая, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для древнѣйшей эпохи, самостоятельное существованіе мѣстныхъ лѣтописей, я думаю, что въ распоряженіи позднѣйшихъ сводчиковъ находились не погодныя записи, составленныя въ различныхъ городахъ и областяхъ, а лѣтописные своды, отражавшіе въ большинствѣ случаевъ свое мѣстное — ростовское, тверское, новгородское и т. п. — происхожденіе.

„Поэтому изученіе позднѣйшихъ сводовъ приводитъ къ опредѣленію и возстановленію сводовъ древнѣйшихъ; анализъ древнѣйшихъ сводовъ и даже Повѣсти временныхъ лѣтъ указываетъ, какъ на источники ихъ, на еще болѣе древніе лѣтописные своды.

„Не стану указывать на необходимость и важность, въ цѣляхъ историко-литературныхъ, изученія памятниковъ самихъ по себѣ и установленія внутренней связи между отдѣльными редакціями и списками памятника; почтенному изслѣдователю все это несомнѣнно извѣстно и безъ моихъ указаній. Но не могу не под-

черкнуть того обстоятельства, что отмѣченныя выше особенности въ приѣмахъ его изслѣдованія приводятъ къ такимъ выводамъ, которымъ трудно подыскать подходящее мѣсто въ будущемъ историко-литературномъ обзорѣни нашихъ лѣтописей. Такъ, напри- мѣръ, изслѣдуя Лаврентьевскій сборникъ 1377 года, авторъ приходитъ къ выводу, что составителю его (слѣдовательно, монаху конца XIV вѣка) были доступны владимирскія, ростовскія, ярославскія, переяславскія, суздальскія и др. погодныя записи; онъ устанавливаетъ такимъ образомъ фактъ существованія какого-то особаго, до насъ не дошедшаго вида литературныхъ памятниковъ и указываетъ на возможность непосредственнаго пользованія монахомъ Лаврентіемъ матеріалами самаго разнороднаго происхожденія. Между тѣмъ ближайшее изученіе этого сборника, сопоставленіе его съ другими лѣтописными сводами показываетъ, что составитель, жившій притомъ, вѣроятно, не въ концѣ, а въ началѣ XIV в. (Лаврентій былъ простымъ переписчикомъ), имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число сводовъ, уже объединившихъ разнородный матеріалъ; одинъ изъ этихъ сводовъ-источниковъ Лаврентьевскаго сборника — владимирскій 1206 года — дошелъ и до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ (Радзивиловскомъ). Такимъ образомъ, сравнительно-историческое изслѣдованіе Лаврентьевской лѣтописи не подтверждаетъ ни существованія указаннаго вида литературныхъ памятниковъ — погодныхъ записей, ни факта непосредственнаго пользованія разнороднымъ сырымъ матеріаломъ со стороны сводчика конца XIV вѣка.

„Недостаточный интересъ къ изученію памятниковъ съ историко-литературной стороны особенно ясно сказался въ послѣдней работѣ г. Тихомирова. Разсматривая составъ Воскресенскаго, Никоновскаго и Софійскаго 2-го сводовъ, онъ останавливается почему-то только на одномъ спискѣ каждаго изъ этихъ сводовъ, отождествляя этотъ списокъ съ основнымъ оригиналомъ; между тѣмъ, какъ показано выше, списокъ Академическій XII-й Воскресенской лѣтописи оказывается однимъ изъ списковъ 2-й редакціи этого свода; Академическій XV-й списокъ Никоновской лѣтописи — одинъ изъ многихъ списковъ третьей редакціи Нико-

новской лѣтописи, уступающей во многихъ отношеніяхъ старшему списку (второй редакціи) той же лѣтописи — списку XVI вѣка (Академическому XIV-му): внимательное отношеніе къ спискамъ Никоновской лѣтописи предостерегло бы г. Тихомирова отъ утвержденія, будто лѣтопись эта обязана своимъ происхожденіемъ патриарху Никону. Воскресенско-Новоіерусалимскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи есть позднѣйшая редакція того свода, гдѣ лѣтописный разсказъ доведенъ лишь до 1518 года, т. е. Архивскаго списка. При обзорѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ указано, авторъ упустилъ изъ виду такіе важные памятники, какъ московскій сводъ 1409 года (Троицкій пергаменный списокъ) и Львовскую лѣтопись 1560 года: знакомство съ послѣднею имѣло бы важное для автора значеніе при разсмотрѣніи какъ Софійской 2-й лѣтописи, такъ и Тверского сборника, а изученіе свода 1409 года, конечно, измѣнило бы въ значительной степени тѣ выводы, которыми авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе о московскихъ сводахъ. Благодаря ошибочному предствленію о томъ, какъ слагались наши лѣтописные своды, г. Тихомировъ не сдѣлалъ попытки извлечь изъ сводовъ новгородскаго происхожденія указаній на существованіе древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, а между тѣмъ изученіе Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ возстановленію московскаго свода, составленнаго въ восьмидесятихъ годахъ XIV столѣтія на основаніи еще болѣе древняго, московскаго же свода временъ княженія Ивана Ивановича. Возстановленіе этихъ сводовъ, установленіе преемственной связи между сводами XIV в., только что упомянутымъ сводомъ 1409 года и позднѣйшими сводами XV—XVI вѣковъ — вотъ путь, по которому долженъ былъ бы идти изслѣдователь московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

„Если бы авторъ, анализируя позднѣйшій лѣтописный сводъ, не старался разложить его непремѣнно на недѣлимые элементы — погодныя записи и сказанія, а разсматривалъ бы его какъ сложное тѣло, развившееся изъ другихъ болѣе древнихъ, но уже сложныхъ тѣлъ, онъ отмѣтилъ бы въ своемъ изслѣдованіи о Тверскомъ сборникѣ, что бѣольшая часть находящихся въ немъ сказаній восхо-

дять къ готовымъ сводамъ — источникамъ сборника. Большинство сказаній второй части сборника заимствовано изъ Ростовскаго свода начала XV в., отразившагося во многихъ позднѣйшихъ сводахъ, а повѣсть о Шевкалѣ, сказаніе объ убіеніи Александра Михайловича, житіе Михаила Александровича и повѣсть о Плавѣ должны быть признаны составными частями важнаго памятника, указаннаго въ предисловіи Археографической комиссіи къ изданію Тверскаго сборника, но отрицаемаго г. Тихомировымъ — Лѣтописца княженія Тверскаго.

„Я не стану увеличивать числа примѣровъ, гдѣ выводы автора представляются мнѣ ошибочными и недостаточно обоснованными. Не буду распространяться и о недостаткахъ въ пріемахъ изслѣдованія автора, такъ какъ, въ виду многихъ несомнѣнныхъ достоинствъ его труда, недостатки эти не такъ ощутительны: идя по ошибочному съ моей точки зрѣнія пути, авторъ тѣмъ не менѣе часто приходитъ къ вѣрнымъ выводамъ“.

Не смотря на отмѣченныя погрѣшности, почтенный рецензентъ приходитъ къ тому выводу, что точность изслѣдованія, систематичность въ изложеніи, умѣнье ставить вопросы, подлежащіе научному разрѣшенію, — все это на столько выдвигаетъ труды г. Тихомирова среди другихъ работъ по нашему лѣтописанію, что рецензенту остается лишь высказать свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверовосточной“ заслуживаетъ награжденія Уваровскою преміей.

Одновременно съ присужденіемъ исчисленныхъ наградъ Академія, паходя немаловажныя достоинства въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ, представленныхъ на преміи графа Уварова, положила, за ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудить почетные отзывы слѣдующимъ сочиненіямъ:

І. Г. Я. Кипріяновичъ. Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита Литовскаго и Виленскаго и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ въ 1839 г. Изданіе 2-е. Вильна. 1897.

Для разсмотрѣнія этого сочиненія комиссія обращалась къ

любезному содѣйствію профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Платона Николаевича Жуковича.

Цѣлью своего историческаго изслѣдованія г. Кипріановичъ поставилъ дать возможно полную и вѣрную картину жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки въ связи съ общимъ ходомъ западно-русской церковно-исторической жизни его времени. Такимъ образомъ, авторъ преслѣдуетъ въ своемъ трудѣ двѣ главныя цѣли, съ одной стороны — возможную біографическую полноту въ отношеніи къ самому митрополиту Литовскому, а съ другой — возможно полное выясненіе тѣхъ общецерковныхъ западно-русскихъ и спеціально литовскихъ епархіальныхъ дѣлъ и отношеній, въ которыхъ ему пришлось принимать выдающееся, рѣшающее участіе.

Пр. Жуковичъ и разсматриваетъ трудъ г. Кипріановича со стороны обѣихъ преслѣдовавшихся авторомъ задачъ.

Что касается біографическихъ данныхъ, то въ основу книги г. Кипріановича легли автобіографическія „Записки“ митрополита Іосифа, при чемъ изслѣдователь въ особой (XVI) главѣ указываетъ цѣль составленія „Записокъ“, передаетъ исторію ихъ составленія, выясняетъ общій характеръ, содержаніе и составъ ихъ. Кроме того, г. Кипріановичъ коснулся поднятаго въ свое время пр. Кояловичемъ вопроса о желательности сличенія черновыхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ „Запискахъ“, съ подлинными архивными документами. Сличеніе того и другого убѣдило г. Кипріановича въ отсутствіи какихъ-либо неточностей въ „Запискахъ“ и немногочисленные обнаруженные имъ поправки или пропуски касаются лишь формы изложенія, но не затрагиваютъ существа дѣла. Такъ какъ о раннемъ періодѣ дѣятельности Сѣмашки „Записки“ его, начатыя въ 40-хъ годахъ, даютъ свѣдѣнія не полныя, то г. Кипріановичъ, не ограничиваясь матеріаломъ, собраннымъ въ этихъ „Запискахъ“, счелъ за нужное самостоятельно ознакомиться съ архивами Св. Синода и мѣстными литовскими.

Архивныя разысканія нашего автора, по признанію пр. Жуковича, несомнѣнно вносятъ новыя данныя въ общую исторію воссоединенія литовско-бѣлорусскихъ униатовъ и восполняютъ кое въ чемъ, хотя бы и второстепенномъ, „Записки“. Но по истипѣ сча-

стливымъ результатомъ архивныхъ занятій г. Кипріановича слѣдуетъ назвать находку въ особой связкѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти митрополита Іосифа, цѣлаго ряда замѣтокъ, составляющихъ дополненіе къ напечатаннымъ „Запискамъ“. Эти замѣтки г. Кипріановичемъ и помѣщены въ приложеніи ко 2-му изданію его книги.

Не менѣе тщательно изучена авторомъ и вся печатная литература о митрополитѣ Іосифѣ, его дѣлахъ и времени вообще.

Обращаясь къ характеристикѣ труда г. Кипріановича съ болѣе широкой точки зрѣнія, почтенный рецензентъ отмѣчаетъ тотъ прискорбный фактъ, что въ нашей исторической литературѣ внутренняя соціально-политическая исторія сѣверо-западнаго края со времени присоединенія его къ Россіи всего менѣе выяснена. Даже въ позднѣйшихъ наиболѣе полныхъ трудахъ читатель найдетъ въ обзорѣ новой исторіи западной Руси ссылки на одни почти спеціально церковные источники даннаго времени. Г. Кипріановичъ въ своей церковно-исторической работѣ не могъ, конечно, касаться общихъ историческихъ фактовъ въ желательной широтѣ, но во всякомъ случаѣ, по признанію пр. Жуковича, по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней гражданской, такъ сказать, исторіи сѣверо-западнаго края въ его книгѣ можно найти болѣе фактовъ и указаній, чѣмъ въ соответствующихъ отдѣлахъ западно-русскихъ историческихъ сочиненій общаго характера. Достигъ этого г. Кипріановичъ по преимуществу самостоятельнымъ изученіемъ разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ записокъ и воспоминаній о политическихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ данной эпохи. Описывая послѣдніе годы дѣятельности митрополита, захватывающіе близкое къ намъ время, за которое на мѣстѣ сохранились живыя преданія, г. Кипріановичъ не преминулъ воспользоваться и этими послѣдними. Введеніе элемента устныхъ разсказовъ современниковъ не мало способствовало къ уясненію характера и частной жизни митрополита.

Подробное рассмотрѣніе книги Кипріановича приводитъ почтеннаго рецензента къ нижеслѣдующему выводу:

„Вообще въ книгѣ г. Кипріановича и постепенная подготовка, и самый ходъ воссоединенія уніатовъ, и его значеніе и характеръ

обрисованы ясно и съ знаніемъ дѣла. Ни одинъ существенный моментъ не упущенъ. Указано какъ все то, что облегчало дѣло, такъ и все то, что его тормозило въ той или другой его стадіи. Съ особенною подробностью изложена дѣятельность противниковъ воссоединенія, отведено повсюду должное мѣсто въ дѣлѣ воссоединенія представителямъ гражданской власти, а особенно мощной поддержкѣ Императора Николая; личное участіе Іосифа во всѣхъ перипетіяхъ дѣла обрисовано живо и рельефно; равнымъ образомъ достаточно ясно начерчена и дѣятельность ближайшихъ помощниковъ и сотрудниковъ митрополита“.

II. Елена Іосифовна Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія (1086—1796). Три книги. С.-Пб. 1890—1895.

Для разсмотрѣнія этого обширнаго труда занимающаго 875 страницъ комиссія обращалась къ содѣйствію Степана Ивановича Пономарева, который, признавая книги г-жи Лихачевой весьма интересными, въ своемъ обширномъ отзывѣ даетъ полное и послѣдовательное содержаніе разбираемаго труда.

Еще въ проплоть вѣкъ лучшіе люди Россіи сознавали, что чѣмъ образованнѣе женщина, тѣмъ вліяніе ея сильнѣе и благотѣльнѣе; но какъ шло это образованіе въ нашемъ отечествѣ, на этотъ вопросъ доселѣ въ литературѣ нашей не было полного отвѣта. И вотъ, теперъ, подъ скромнымъ заглавіемъ „Матеріаловъ для исторіи женскаго образованія“ является добросовѣстный критическій трудъ многихъ лѣтъ, и въ немъ поражаетъ какъ обширная начитанность автора, такъ и его трудолюбіе.

Мало того, г-жа Лихачева объясняетъ часто данный вопросъ параллельно съ положеніемъ его въ другихъ государствахъ и исчерпываетъ иностранную литературу. „Прибавьте къ этому“, говоритъ рецензентъ, — „множество пересмотрѣнныхъ г-жею Лихачевою уставовъ, учрежденій, рѣчей профессоровъ, періодическихъ изданій, сборниковъ спеціальныхъ и общелитературныхъ; наконецъ присоедините рукописные матеріалы, которыми она воспользовалась изъ архивовъ Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Св. Синода, и въ

будете имѣть понятіе о массѣ источниковъ, надъ которыми потрудилась Е. І. Лихачева“.

Оставляя въ сторонѣ библиографическія замѣчанія и частныя поправки, дѣлаемыя С. И. Пономаревымъ, переходимъ къ заключительнымъ строкамъ его рецензій:

„Журнальная критика“, читаемъ мы здѣсь, — „замѣтила уже нѣкоторые недостатки въ книгахъ г-жи Лихачевой и оспаривала нѣкоторыя заключенія ея. А мы пожелали бы большей полноты въ ея трудѣ; намъ желалось бы свѣдѣній о начальницахъ женскихъ учебныхъ заведеній, о ихъ взглядахъ на воспитаніе, о ихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, о дѣтскихъ книгахъ, журналахъ, послужившихъ развитію воспитанницъ; объ устроеніи церквей, больницъ, библиотекъ при заведеніяхъ; желалось бы большей связи съ общимъ ходомъ образованія, болѣе строгаго соблюденія хронологическаго порядка, болѣе очерковъ изъ внутренней жизни заведеній, болѣе живыхъ лицъ, большей стройности изложенія, наконецъ указателя собственныхъ именъ и предметовъ и даже картъ женскихъ учебныхъ заведеній, появившихся въ каждую изъ трехъ эпохъ, на которыя дѣлится трудъ г-жи Лихачевой. Но ото всѣхъ этихъ желаній насъ удерживаетъ первое слово книги „Матеріалы“, и критическое отношеніе къ нимъ утихаетъ“.

При этомъ принимая во вниманіе: 1) что матеріаловъ собрано г-жею Лихачевой дѣйствительно много; 2) что на приведеніе ихъ въ порядокъ положено очень много труда и любви къ дѣлу; 3) что у насъ доселѣ ничего подобнаго въ такой полнотѣ не было сдѣлано, и 4) что собранная масса свѣдѣній можетъ принести несомнѣнную пользу учащимся и самимъ педагогамъ, — г. Пономаревъ признаетъ, что „долгій и усердный трудъ Е. І. Лихачевой достоинъ быть почтенъ Уваровскою второстепенною наградою“.

По присужденіи премій, Академія Наукъ во изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные ими труды положила благодарить гг. рецензентовъ: профессора Императорскаго

С.-Петербургскаго университета отца протоіерія Михаила Ивановича Горчакова, старшаго консерватора Императорскаго Эрмитажа Андрея Ивановича Сомова, профессора Императорскаго Историко-Филологическаго института Александра Сергѣевича Лаппо-Данилевскаго, Степана Ивановича Пономарева, профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Платона Николаевича Жуковича, профессора Императорскаго Казанскаго университета Дмитрія Александровича Корсакова и экстраординарнаго профессора Новороссійскаго университета Ивана Андреевича Линниченка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи § 13 положенія о наградахъ графа Уварова, комиссія положила назначить отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медали: М. И. Горчакову, А. С. Лаппо-Данилевскому, С. И. Пономареву, П. Н. Жуковичу, Д. А. Корсакову и И. А. Линниченко.



Г.

Отзывъ о сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“,

тт. VIII—XI, in 8°, С.-Петербург. 1894—1897 гг.

представленномъ авторомъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе
наградъ графа Уварова,

Заслуженнаго Ординарнаго Профессора по кафедрѣ русской исторіи въ Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ Д. А. Корсакова.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1888 году, вышелъ первый томъ почтеннаго труда Н. П. Барсукова о М. П. Погодинѣ, открывающійся рожденіемъ его въ 1800 году, а въ нынѣшнемъ 1898 году появился двѣнадцатый, доводящій изложеніе обстоятельствъ жизни и дѣятельности Погодина въ связи съ событіями его времени до кауна Крымской войны, т. е. до начала 1853 года; долгая жизнь Погодина была столь тѣсно связана съ событіями его времени, а дѣятельность его на поприщахъ учено-литературномъ и общественно-политическомъ была такъ разнообразна, что повѣсть о жизни и дѣятельности Погодина въ силу необходимости является «повѣстью временныхъ лѣтъ» русской образованности за три четверти XIX вѣка. Неумолимый бытописатель этой повѣсти обозрѣлъ доселѣ въ своей многотомной книгѣ большую часть изъ главнѣйшихъ явленій культурной исторіи Россіи за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ текущаго столѣтія, обнимающихъ собою два знаменательныхъ царствованія — Александра I и Николая I, но далеко еще не закончилъ своего труда: многолѣтняя жизнь Погодина пресѣклась лишь въ 1875 году, и описаніе еще двадцати слишкомъ лѣтъ этой жизни остается впереди.

Ученая и литературная критика уснѣла уже отдать должную дань достоинствамъ книги Н. П. Барсукова, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторые ея недостатки и слабыя стороны. Достоинства книги заключаются въ тщательномъ собраніи и добросовѣстной разработкѣ цѣльныхъ и мало-

доступныхъ данныхъ по весьма важнымъ, можно сказать, основнымъ вопросамъ русской образованности XIX вѣка, недостатки — въ излишней детальности многихъ вставныхъ эпизодовъ и перѣдко въ своеобразномъ и произвольномъ освѣщеніи лицъ и событій. Данныя, тщательно собранныя и разработанныя г. Барсуковымъ, въ подавляющемъ большинствѣ заключаются въ печатномъ, изданномъ матеріалѣ, съ добавленіями изъ матеріала рукописнаго, неизданнаго. Но и этихъ добавленій такъ много, что разработка ихъ однихъ потребовала бы значительнаго количества времени и большого труда; между тѣмъ въ книгѣ г. Барсукова неизданный матеріалъ, состоящій изъ переписки Погодина, изъ его дневника и автобиографическихъ воспоминаній нѣкоторыхъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Погодинымъ — представляетъ собою незначительную, быть можетъ, одну десятую, часть всего матеріала, собраннаго и обработаннаго г. Барсуковымъ. Что касается до матеріала печатнаго разсматриваемой книги, среди котораго почти теряется матеріалъ рукописный, — то въ данномъ случаѣ на этомъ вопросѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Качество такого печатнаго матеріала и способы его собиранія и обработки представляютъ неимовѣрныя трудности, вполне понятныя только тѣмъ, кто сами работали надъ такимъ матеріаломъ. Это все — забытыя въ настоящее время книги и журнальныя и газетныя статьи, и собрать такой печатный матеріалъ, въ особенности на пространствѣ полустолѣтія для подробнаго изображенія столь разнообразной дѣятельности, какова была дѣятельность Погодина, въ связи съ событіями его времени — есть трудъ, превышающій многія работы по неизданнымъ архивнымъ источникамъ. Старыя изданія, преимущественно изданія періодическія — это некрополь литературы, и нужно положить много труда и имѣть большую энергію, чтобы отважиться на своего рода курганныя раскопки въ этой области старой печатной литературы. Обработка такого матеріала при отмѣченной задачѣ представляетъ также неимовѣрныя трудности.

Погодинъ, родившись на порогѣ XIX вѣка, прожилъ три четверти этого вѣка, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ явленіяхъ умственной и литературной русской жизни за это долгое время. Цѣлый рядъ поколѣній ученыхъ и литераторовъ, съ которыми онъ находился въ общеніи, то дружескомъ, то враждебномъ — смѣнялся: возникали и прекращались убѣжденія, воззрѣнія, направленія и «вѣянія», — а онъ все стоялъ несокрушимъ, неизмѣнно и упорно твердя одно и то же. Весьма естественно, что человѣкъ «простой русской среды», человѣкъ народа въ самомъ непосредственномъ значеніи этого слова, со всѣми симпатичными и антипатичными чертами русскаго простолюдина, какимъ былъ Погодинъ — не могъ быть оцѣненъ по достоинству «людьми сороковыхъ годовъ», абстрактными

идеалистами-мыслителями и былъ совершенно не понять болѣе поздними нашими поколѣніями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Всѣмъ имъ онъ представлялся или человѣкомъ съ недостаточно выработаннымъ міросозерцаніемъ или «стародумомъ» и «старообрядцемъ», своего рода протопопомъ Аввакумомъ. До нѣкоторой степени такія воззрѣнія на Погодина справедливы, но только до нѣкоторой степени. Для безпристрастнаго пониманія Погодина необходимо предварительно критически провѣрить, какъ его собственныя мысли и дѣла, такъ и воззрѣнія на него и его современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній. Но для того и другого прежде всего надо собрать матеріаль. Оріентироваться во всѣхъ этихъ переменчивыхъ теченіяхъ русской мысли, приурочивъ ихъ къ столь своеобразной личности, какой былъ Погодинъ, въ высшей степени трудно въ настоящее время, потому что не только еще не написана прагматическая исторія русской культуры XIX вѣка и не скоро даже будетъ написана, но и матеріаль для такой исторіи далеко еще не собранъ въ достаточной полнотѣ. До сихъ поръ мы имѣемъ только «опыты» въ этой области и при томъ опыты «монографическіе» — что вытекаетъ изъ самой сущности предмета или, говоря правильнѣе, изъ его сложности, а слѣдовательно и трудности для обработки.

Отсюда-то само собою и происходятъ указанные ученой и литературной критикой недостатки труда Н. П. Барсукова. Излишняя полнота въ подробностяхъ, прямо не относящихся къ Погодину, и политическій лиризмъ г. Барсукова въ его размышленіяхъ по поводу тѣхъ или другихъ передаваемыхъ имъ фактовъ — происходятъ именно отъ того, что нашъ авторъ не могъ достаточно оріентироваться въ своемъ матеріалѣ. Но извиненіемъ ему въ этомъ случаѣ можетъ служить то обстоятельство, что многое изъ приводимыхъ имъ подробностей представляетъ само по себѣ несомнѣнный и большой интересъ. Г. Барсукову очевидно было жаль не подѣлиться если не всѣмъ, то весьма многимъ попутно-собраннымъ имъ для изложенія жизни и дѣятельности Погодина. Въ данномъ случаѣ мы его отлично понимаемъ. Что же касается до его политическаго лиризма, то всякій безпристрастный читатель навѣрно не поставитъ ему этого въ вину, ради необычайнаго интереса передаваемыхъ имъ фактовъ. Многимъ не нравятся личныя убѣжденія Н. П. Барсукова, и изъ-за нихъ они неодобрительно относятся къ его книгѣ. Это большая ошибка. Пора, наконецъ, научиться намъ русскимъ къ терпимости чужихъ воззрѣній и объективно относиться къ фактамъ нашей культурной жизни; пора оцѣнивать историческіе труды именно съ исторической, а не съ публицистической точки зрѣнія.

Представляемая нынѣ въ Императорскую Академію наукъ на соисканіе награды графа Уварова часть труда Н. П. Барсукова состоитъ изъ четырехъ томовъ (VIII — XI) и обнимаетъ собою съ небольшимъ семь лѣтъ, отъ исхода февраля 1845 года до половины апрѣля 1852 года. Начинается повѣствованіе объ этихъ годахъ съ рожденія императора Александра III, 26 февраля 1845 года, и закалчивается поминками Погодина и Шевырева по умершемъ Гоголѣ въ 40-й день по его кончинѣ, 13 апрѣля 1852 года. Служа непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго VII тома и примыкая къ вышедшему въ нынѣшнемъ году XII тому, эта часть біографіи Погодина открывается новой фазой его жизни, такъ сказать, отлученіемъ его отъ служенія Московскому университету, въ которомъ онъ профессорствовалъ безъ малаго двадцать лѣтъ. Погодинъ съ VIII тома является частнымъ человекомъ, неофициальнымъ, но тѣмъ не менѣе усерднымъ и плодотворнымъ работникомъ на русской учено-литературной нивѣ и издателемъ начатаго имъ еще въ 1841 году журнала «Москвитянинъ». Эта «отставная» жизнь Погодина тянется долго, до самой его смерти въ 1875 году.

Въ общемъ теченіи умственной русской жизни XIX вѣка года, излагаемые въ т. т. VIII—XI книги Н. П. Барсукова, представляютъ чрезвычайный интересъ и почти законченный циклъ идей и направленій.

Съ начала 1845 года по исходъ 1847 во внутренней жизни Россіи господствовало затишье. Повидимому, консервативная и охранительная политика императора Николая I достигла плодовъ своихъ заботъ. Отношеніе къ европейскимъ кабинетамъ и къ Турціи были мирныя и вносили опредѣлившіяся, а у себя дома Россія тихо покоилась на трехъ политическихъ самобытныхъ началахъ: православіи, самодержавіи и народности, положенныхъ въ основу воспитанія русскаго юношества и въ развитіе русской мысли министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровымъ, имѣвшимъ большое значеніе и пользовавшимся полнымъ довѣріемъ Государя, что выразилось, между прочимъ, пожалованіемъ С. С. Уварову въ 1849 году графскаго достоинства.

Политическая пресса, подъ руководствомъ графа Уварова, отличалась скромностью и благонавіемъ, сосредоточиваясь въ двухъ официальныхъ «вѣдомостяхъ» Петербургскихъ и Московскихъ и въ официозной, первенствовавшей газетѣ «Сѣверной Пчелѣ», издававшейся монополистами тогдашней русской благонамѣренности, Гречемъ и Булгаринымъ. Но въ литературныхъ сферахъ двухъ тогдашнихъ умственныхъ нашихъ центровъ — Петербурга и Москвы — выросло и крѣпло самостоятельное отношеніе къ русской дѣйствительности и къ основамъ умственнаго русскаго развитія, которое выразилось въ двухъ противоположныхъ, враж-

дебныхъ другъ другу направленіяхъ, получившихъ именованіе западниковъ и славянофиловъ. Первое направленіе имѣло представителей и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ; второе сосредоточивалось исключительно въ первопрестольной столицѣ. Главою Петербургскихъ западниковъ является Бѣлинскій, а Московскихъ — Грановскій и Герценъ; общимъ-же ихъ органомъ были два журнала: «Отечественныя Записки» съ 1839 года и съ 1847 года «Современникъ», подорвавшіе скептическое и проницательное воззрѣніе на русскую умственную жизнь «Библіотеки для чтенія» Сенковского. Славянофилы не имѣли своего постоянного органа. Ихъ воззрѣнія неполно выражались въ двухъ сборникахъ, изданныхъ въ Москвѣ Валуевымъ въ 1845 году и отчасти въ «Библіотекѣ для воспитанія»; въ 1846 году имъ удалось начать съ болѣе опредѣленнымъ выраженіемъ ихъ идей особое изданіе, «Московскій сборникъ», который вскорѣ (въ 1852 году) былъ прекращенъ. Поневолю славянофилы ютились въ журналѣ Погодина «Москвитянинъ», съ воззрѣніями котораго не были вполне солидарны.

Въ 1847 году подъ вліяніемъ начинавшагося въ западной Европѣ броженія умовъ правительство императора Николая I признало необходимымъ выяснить пониманіе трехъ русскихъ самобытныхъ основъ и нашихъ отношеній къ другимъ славянскимъ народностямъ. Послѣдовалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова отъ 30 мая 1847 года, разъяснявшій эти вопросы и направленный противъ развивающагося національнаго движенія среди западнаго Славянства. А. В. Никитенко въ своемъ любопытномъ «Дневникѣ» такъ резюмируетъ этотъ циркуляръ. «Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а Славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія; оно само по себѣ, и мы сами по себѣ. . . . Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ завѣсности отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.» (Зап. и Дневникъ Никитенки, т. I, стр. 488—489). Событія во Франціи въ февралѣ 1848 года и послѣдовавшія за ними революціонныя движенія въ Германіи, Австріи и Италіи вызвали со стороны императора Николая I уже прямо репрессивныя мѣры внутри русскаго государства: онъ боялся вліянія на насъ западныхъ революціонныхъ идей. Западно-европейскія событія 1848 года особенно произвели сильное впечатлѣніе на императора Николая I тѣми общественными элементами, которые они обнаруживали у себя дома и которые могли и въ Россіи найти себѣ отголосокъ. Изъ Франціи надвигался грозный рабочій вопросъ съ правами на трудъ и на обезпеченіе голодающей народнои массы; въ Пруссіи подтачивались основы существованія дружественной и родственной нашему цар-

ствующему дому гогенцоллернскіи мопархіи, а въ Австріи разрывались національнныя отношенія на почвѣ борьбы народностей славянскихъ съ нѣмцами. Императоръ Николай I очень хорошо понималъ, что эти элементы, представленные, правда, иначе, существуютъ и у насъ, и что наше крѣпостное право и разноплеменность населенія русской земли съ громаднымъ преобладаніемъ въ немъ населенія славянскаго, родственнаго славянамъ западнымъ, и съ врожденнымъ русскому человѣку недобримъ чувствомъ къ «нѣмцамъ», имѣвшимъ у насъ большую силу со времени Петра Великаго, могутъ также представлять изъ себя горючіе матеріалы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ твердо былъ убѣжденъ въ силѣ вѣры простого русскаго народа и въ прочности у насъ самодержавнаго начала. И вотъ 14 марта 1848 года публикуется манифестъ, въ которомъ заявляется о тлетворности западныхъ идей, а православіе, самодержавіе и народность болѣе чѣмъ прежде выставляются якорями нашего спасенія. Въ манифестѣ Русь называется святою, находящеюся въ союзѣ (буквальныя слова манифеста) со своимъ самодержавнымъ государемъ, и все населеніе этой «святой Руси» призывается въ случаѣ необходимости возстать за Вѣру, Царя и Отечество, и манифестъ заканчивается словами: «съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь — яко съ нами Богъ!» Московскій митрополитъ Филаретъ, а вслѣдъ за нимъ и патриоты-писатели обращаются къ русскому обществу съ увѣщаніями и разъясненіями въ прозѣ и въ стихахъ мыслей, выраженныхъ въ манифестѣ 14 марта 1848 года. Но борьба съ западомъ не ограничивается воззваніями и увѣщаніями. Императоръ Николай I приписываетъ революціонныя движенія въ западной Европѣ главнымъ образомъ распространенію тамъ вредныхъ идей, антирелигіозныхъ, философскихъ и политическихъ, а потому онъ и русскую науку и литературу заподозрѣваетъ въ «неблагонамѣренности» и вредномъ направленіи. Негласный Комитетъ, учрежденный 2 апрѣля 1848 года, имѣлъ спеціальную задачу обуздать періодическую прессу, главнымъ образомъ, западнческаго направленія; но и славянофилы, державшіе понимать «народныя пачала» самостоятельно и не внолигѣ согласно съ правительственнымъ толкованіемъ и стремившіеся къ духовному общенію съ остальнымъ славянскимъ міромъ, — и даже нѣкоторыя скромныя и «стародумныя» воззрѣнія Погодина въ его «Москвитянинѣ» — подвергались преслѣдованію. Литературный кружокъ «Кирилла и Меодія», съ панславистическими задачами, образовавшийся въ Кіевѣ изъ молодыхъ писателей-южноруссовъ (Костомарова, Кулиша, Шевченка и др.) подвергся жестокому преслѣдованію. На почвѣ воззрѣній Комитета 2 апрѣля создались тѣ цензурныя приемы, которые могли бы показаться остроумными выдумками, если бы не были горькой дѣйствительностью. Придирка къ словамъ, чтеніе между

строкъ, выпытываніе цензорами мысли авторовъ и бессмысленное обвиненіе ихъ во вредномъ направленіи — не знали мѣры. Всюду мерещились бунтъ, мятежь, безвѣріе и развратъ. Кромѣ общихъ цензоровъ, явилась цѣлая серія цензуръ специальныхъ, по вѣдомствамъ, съ главнымъ цензурнымъ комитетомъ во главѣ. Новые журналы не разрѣшались, многія книги, прежде дозволенныя, изымались изъ обращенія. Цензора за малѣйшее послабленіе сажались подъ арестъ на военную гауитвахту. Третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи дѣйствовало самымъ энергическимъ образомъ. Генераль-губернаторомъ въ Москву былъ назначенъ суровый полицейскій сыщикъ гр. Закревскій, главнымъ образомъ для пресѣченія «вольномыслія» и для надзора за славянофилами. Многіе изъ нихъ, какъ напр. Ив. Серг. Аксаковъ и Юр. Фед. Самаринъ, подвергались аресту и допросу. На высшія учебныя заведенія была наложена прямо опала. Университетское преподаваніе стѣснялось, уничтожались цѣлыя каѳедры, запрещались нѣкоторыя науки, начиная съ философіи; число студентовъ опредѣлялось минимальными штатами, и все вниманіе правительства было обращено на военныя учебныя заведенія съ цѣлью подготовленія надежныхъ защитниковъ цѣлости русскаго государства. Поѣздки за границу были *de facto* почти запрещены, цензура иностранныхъ книгъ усилена до невозможности; мысли о какихъ бы то ни было общественныхъ реформахъ внутри Россіи, и во главѣ ихъ мысль объ освобожденіи крестьянъ, занимавшая императора Николая въ 30-хъ годахъ, вполнѣ оставлены. Всѣ проявленія самостоятельности сужденій среди молодежи преувеличивались и сурово преслѣдовались. Таково, напримѣръ, пресловутое, такъ называемое дѣло Петрашевскаго (1849 г.), раздутое въ серьезное политическое тайное общество. Въ иностранной политикѣ императоръ Николай I явился убѣжденнымъ сторонникомъ принципа монархическаго абсолютизма, и съ этой точки зрѣнія помогъ въ 1849 году австрійскимъ Габсбургамъ справиться съ венгерскимъ возстаніемъ. При такомъ положеніи дѣлъ недавніе руководители народнымъ просвѣщеніемъ Россіи уже не могли оставаться на мѣстахъ. Еще въ 1847 году вышелъ въ отставку московскій попечитель гр. С. Г. Строгоновъ, а въ 1849 году покинулъ постъ министра народнаго просвѣщенія даже гр. Уваровъ. На его мѣсто былъ назначенъ бывшій товарищъ министра, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ благочестивый и благонамѣренный, но не имѣвшій должной подготовки къ серьезному дѣлу руководства просвѣщеніемъ Россіи и воспитаніемъ подростающихъ ея поколѣній.

Такое положеніе дѣлъ внутри государства продолжалось до конца царствованія императора Николая I, закончившагося политической катастрофой, извѣстной подъ именемъ Крымской войны, которая совершенно из-

мѣнила правительственныя воззрѣнія при преемникѣ Николая I, императорѣ Александрѣ II, и вызвала необходимость, въ первые же года поваго царствованія, въ цѣломъ рядѣ общественныхъ реформъ и въ смятін опалы съ русской науки и литературы.

Въ семь лѣтъ (съ 1848 по 1855) русская мысль, стѣсняемая цензурой и не имѣя возможности касаться должнымъ образомъ текущихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ и высшихъ философскихъ положеній, въ силу этихъ обстоятельствъ, невольно уходила въ глубь вѣковъ и въ прошломъ родной страны, въ ея археологіи, исторіи, изученіи быта, языка и памятниковъ литературы — стремилась подыскать объясненія дѣйствительныхъ основъ нашего общественнаго строя и умственнаго развитія. вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснительныя правительственныя мѣропріятія не мало способствовали къ выработкѣ мысли и характера у лучшихъ людей эпохи, и эти-то люди, во всеоружіи окрѣпшихъ убѣжденій и закаленной воли явились просвѣщенными дѣятелями знаменитой эпохи реформъ послѣдующаго царствованія. Эти-то высокоталантливые русскіе люди мысли, науки и практической общественной дѣятельности и извѣстны въ настоящее время подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» двухъ противоположныхъ лагерей — западниковъ и славянофиловъ, такъ много сдѣлавшихъ для родной земли.

Н. П. Барсуковъ посвящаетъ характеристикѣ эпохи сороковыхъ годовъ немало мѣста въ разсматриваемыхъ томахъ книги о Погодинѣ, приводя интереснѣйшіе эпизоды изъ этой эпохи, большинству теперешнихъ поколѣній совсѣмъ неизвѣстные, и мало извѣстные даже предшествовавшимъ поколѣніямъ. Таковы, напримѣръ: отзывы о событіяхъ 1848 г. во Франціи, Германіи и Австріи Жуковскаго, кн. П. А. Вяземскаго, Кирѣевскаго, кн. П. М. Волконскаго, Погодина, галицкаго ученаго Зубрицкаго, знатока тогдашнихъ славянскихъ отношеній протоіерея Раевского и др. (т. IX, гл. XXIX); подробное содержаніе брошюры Ѳ. И. Тютчева: «La Russie et la révolution», напечатанной лишь въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года, въ которой представляются Россія и революція двумя противодѣйствующими одна другой общественными силами, двумя державами въ Европѣ, первая — какъ держава и сила христіанская, вторая — какъ сила враждебная христіанству (*ibid.* гл. XXXI); разсужденія о мотивахъ учрежденія Комитета 2 апрѣля (*ibid.* гл. XXXII). Весьма интересенъ эпизодъ съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», А. А. Краевскимъ, желавшимъ доказать правительству свою благонамѣренность въ виду цензурныхъ строгостей. Это обстоятельство роковымъ образомъ совпало со смертью Бѣлинскаго. Бѣлинскій умеръ 26 мая 1848 года, а 25 мая, т. е. наканунѣ его смерти, была окончена Краевскимъ статья, написанная

на тему коренного различія Россіи отъ западной Европы. Эта статья появилась безъ подписи автора въ Іюльской книжкѣ «Отеч. Записокъ» на 1848 г. и не только обратила на себя благосклонное вниманіе Комитета 2 апрѣля, но удостоилась высочайшаго одобренія императора Николая I. Статья Краевскаго оказалась почти дословной перепечаткой статьи, написанной Погодинымъ и помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1844 г. Погодинъ написалъ объ этомъ замѣтку, приведя параллельное сравненіе своихъ мыслей съ выраженіями въ статьѣ Краевскаго, но министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ не пропустилъ этой замѣтки въ печать (см. т. IX, гл. XXXIII). Весьма важны и интересны также подробности объ оставленіи службы гр. С. Г. Строгоновымъ (т. IX, гл. XXVII) и гр. С. С. Уваровымъ (т. X, гл. LXIII) и о положеніи русскихъ университетовъ въ 1849 году (т. X, гл. LXI и LXII). Такихъ отдѣльныхъ эпизодовъ и подробностей въ книгѣ Н. П. Барсукова очень много; въ настоящемъ случаѣ я привожу лишь нѣкоторые для примѣра, а на другихъ остановлюсь ниже въ своемъ мѣстѣ.

Таковъ общій фонъ внутренняго состоянія Россіи и ея общественной и теоретической мысли во второй половинѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ XIX вѣка, на которомъ создаются жизнь и дѣятельность Погодина въ предѣлахъ т. т. VIII—XI книги Н. П. Барсукова. Посмотримъ же, въ чемъ, главнымъ образомъ, выражались они въ эти семь лѣтъ.

Погодинъ почти одновременно съ выходомъ изъ профессоровъ Московскаго университета овдовѣлъ, и эти два обстоятельства сильно подѣйствовали на его душевное состояніе. Съ Московскимъ университетомъ онъ сроднился въ теченіе долгаго въ немъ пребыванія, сначала въ качествѣ студента, а затѣмъ профессора, и свое теплое отношеніе къ нему онъ выразилъ въ прочувствованныхъ статьяхъ 1850 и 1851 гг., посвященныхъ празднованію незабвеннаго для Москвы дня 12 января, основанія въ немъ университета (см. т. XI, гл. II и XXXI). Къ преемнику своему по кафедрѣ русской исторіи, С. М. Соловьеву, какъ къ своему ученику, явившемуся противникомъ его историческихъ воззрѣній, онъ весьма естественно не могъ относиться вполне безпристрастно. Погодинъ хандрить, скучаетъ и ищетъ утѣшенія въ богомыслии, въ чтеніи назидательныхъ книгъ духовнаго содержанія и помышляетъ даже предпринять путешествіе въ св. землю. Свои меланхолическія мысли изливаетъ онъ въ статьѣ «Къ юношѣ», помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1846 г. (т. VIII, гл. XXXIV). вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скучаетъ одиночествомъ съ малолѣтними своими дѣтьми и помышляетъ о вторичномъ бракѣ. Г. Барсуковъ,

весьма умѣло пользующійся «Дневникомъ» Погодина, который, какъ извѣстно, отличался необыкновеннымъ лаконизмомъ записей, характерно живописуетъ оригинальныя мысли Погодина о его вторичномъ супружествѣ (см. т. VIII, гл. XXXV, стр. 282 и слѣд). Его тянетъ къ Московскому университету. Онъ сохраняетъ сношенія съ нѣкоторыми изъ его профессоровъ (см. т. X, гл. XIV, XV и LXVI) и дѣлаетъ тщетныя попытки снова занять въ немъ профессорскую кафедру. Погодинъ, правда, вслѣдъ за выходомъ изъ профессоровъ избирается въ 1845 г. въ почетные члены Московскаго университета, по ясно уже видигь, что дверь къ кафедрѣ для него заперта наглухо. Онъ покоряется своей участи со скорбью въ душѣ. Мрачныя мысли, навѣваемые на него собственной его судьбой, побуждаютъ его отстраниться отъ всякаго оффиціального служебнаго отношенія къ русской исторіи и къ окружающей его современности. Онъ выходитъ изъ секретарей Московскаго Общества исторіи и древностей російскихъ, уступая эту должность Ос. Макс. Бодянскому, и всецѣло посвящаетъ себя частнымъ, но не исключительно кабинетнымъ, занятіямъ любимымъ своимъ предметомъ, русской исторіей, и изданію своего журнала «Москвитянинъ».

Погодинъ никогда не былъ только кабинетнымъ ученымъ. Онъ жилъ русской исторіей, лучше сказать, онъ жилъ въ прошломъ Россіи и любилъ изучать это прошлое въ различныхъ его остаткахъ, обломкахъ въ современной русской жизни; но онъ хорошо понималъ, что нельзя изучать ни русской исторіи, ни современной русской жизни совершенно изолированно отъ исторіи и жизни единокровныхъ намъ славянъ и отъ исторіи и современной жизни западной Европы. Въ племенахъ славянскихъ онъ изучалъ сходныя съ нами черты; у западно-европейскихъ народовъ — черты различія. Однимъ изъ способовъ такого изученія прошлаго и настоящаго русской земли издавна являлись для Погодина путешествія, какъ по Россіи, такъ и по западной Европѣ и землямъ славянскимъ. Такъ и теперь, болѣе свободный отъ срочныхъ занятій, Погодинъ предпринимаетъ въ 1846 году заграничное путешествіе (см. т. VIII, гл. XLIX и L). 27 іюня 1846 г. онъ выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда отправился моремъ въ Штетинъ, а затѣмъ въ Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Мариенбадъ, Теплицъ и Вѣну. Австрія всего болѣе посвятилъ времени Погодинъ, котораго привлекали къ себѣ западные славяне. Изъ Вѣны онъ направился Дунаемъ, останавливаясь въ Пресбургѣ, Карловичѣ, Бѣлградѣ, Галацѣ и возвратился въ Москву чрезъ Измаиль, Одессу и Харьковъ. Въ то время еще не послѣдовалъ циркуляръ гр. Уварова, разъяснявшій отношенія Россіи къ славянамъ, и не проионили на западѣ политическія событія 1848 года. По поводу путешествія Погодина въ славянскія земли, Н. П. Бар-

суковъ живо излагаетъ начало славяновѣдѣнія въ Россіи и заслуги первыхъ представителей этой отрасли знаній — Прейса, Срезневскаго, Григоровича и Бодянскаго и ихъ отношенія къ Погодину въ исходѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ. (см. т. VIII, гл. LIII—LV, XX, XXI, XLVII; т. X, гл. XVIII, XIX, XX и XLIV). Другое путешествіе, путешествіе по Россіи Погодинъ предпринимаетъ лѣтомъ 1849 г., направляясь въ сѣверо-восточную ея часть. Онъ посѣщаетъ Владиміръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Ростовъ, Угличъ и Колязинъ. Результаты какъ этого путешествія, такъ и проѣзда по южной Руси въ 1846 году, были тѣ же, что и прежнихъ его поѣздокъ по Россіи: личное знакомство съ мѣстными учеными, любителями древностей и библіофилами и обогащеніе его «Древлехранилища». Это учрежденіе настолько замѣчательно, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Древлехранилище Погодина возникало постепенно съ половины тридцатыхъ годовъ, а въ теченіе 1845—1849 коллекціи его увеличивались все болѣе и болѣе. Н. П. Барсуковъ подробно рассказываетъ какъ исторію этого разрастанія Погодинскаго музея, останавливаясь не только на дѣйствительныхъ приобрѣтеніяхъ Погодина, но и на его неосуществившихся намѣреніяхъ и планахъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще все относящееся къ «Древлехраплищу» — посвящая ему въ общей сложности восемь главъ (т. VIII, гл. XXII, XXIII, XLVII; т. IX, гл. XXIV, XXV; т. X, гл. XIII, LII, LIII.). Повторять всѣ эти интересныя подробности было бы слишкомъ долго, и я невольно вышелъ бы изъ рамокъ академической рецензіи, а потому позволю себѣ остановиться лишь на важнѣйшихъ фактахъ, касающихся «Древлехраплища» и весьма важныхъ, какъ для характеристики Погодина, такъ и для исторіи русской науки.

Погодинъ не былъ магнатомъ-меценатомъ въ родѣ гр. Румянцева, Черткова, или гр. Уварова, не имѣлъ онъ также значительныхъ денежныхъ средствъ, какими обладаютъ современные намъ коллекціонеры изъ купцовъ, въ родѣ Третьякова, Хлудова, Вахрамѣева — всѣ его затраты на приобрѣтенія для своего музея производились изъ скромныхъ суммъ, лично имъ добытыхъ умомъ и умѣlostью, и нерѣдко въ долгъ. Нѣкоторыя вещи, по очень немногимъ, онъ получалъ даромъ. Весьма естественно потому, что Погодинъ долженъ былъ быть очень остороженъ и осмотрителенъ въ своихъ расходахъ по музею, и при этомъ-то выражался весь нравственный обликъ Погодина. Сознаніе дѣйствительной научной важности той или другой древней или старинной вещи, рукописи, книги съ одной стороны; страсть къ коллекціонерству съ другой и желаніе какъ можно выгоднѣе сдѣлать приобрѣтеніе съ третьей — вотъ тѣ ощущенія, которыя постоянно боролись въ Погодинѣ, и выраженіемъ которыхъ

наполнены его интересныя и откровенныя письма къ его друзьямъ, приводимыя г. Барсуковымъ. И какъ онъ радъ, когда онъ приобрѣтетъ сходно что нибудь дѣйствительно важное, какъ онъ искренно счастливъ, когда та или другая его коллекція пополняется. Таковъ напримѣръ, его восторгъ отъ полноты его коллекціи славянскихъ богослужебныхъ книгъ, печатанныхъ сербами въ Венеціи, Черногоріи и въ монастыряхъ южныхъ турецкихъ областей (т. IX, стр. 200—201). У Погодина имѣется цѣлая фалага агентовъ и комиссіонеровъ по покупкѣ древностей, и въ числѣ ихъ находится нѣсколько лицъ, также собирающихъ древнія вещи, какъ напримѣръ И. П. Сахаровъ, Тромонинъ, Кастеринъ. И откуда только не получаетъ старицу Погодинъ: изъ Вятки и изъ Харькова, изъ Одоева и Тобольска, изъ Свияжска и Кіева, изъ Италіи и Константинополя! Погодинъ приобрѣтаетъ нѣлыя коллекціи пумизматическія, древнихъ вещей, фамильныхъ бумагъ, автографовъ, наконецъ, цѣлыя бібліотеки рукописей и собранія старопечатныхъ книгъ. Онъ увлекается будущностью своего «Древлехрашилица». Ему представляется это будущее въ видѣ особаго ученаго учрежденія по русской археологіи и археографіи. «Составлю у себя канцелярію», — пишетъ онъ своему другу Шевыреву, и найму человѣкъ четырехъ (Ундольскаго, Бѣляева, Орѣптова. . .) жить у меня и работать подъ моимъ руководствомъ. Мы въ годъ надѣлали бы чудеса для русской исторіи. Привелъ бы въ порядокъ всѣ справки — ну да что и говорить? Только между нами! Эта мысль еще въ зародышѣ. Переговоримъ при свиданіи.» (т. X, гл. XIII, стр. 121). Кромѣ того Погодинъ по мысли Шевырева задумывалъ устроить въ своемъ «Древлехрашилицѣ» публичныя лекціи. «Въ лекціяхъ,» писалъ онъ Шевыреву, радъ участвовать. Устраивай, а во мнѣ будь увѣренъ. Изъ исторіи словесности — три, русской исторіи — двѣ, изъ всеобщей — три (Грановскій), изъ исторіи права — двѣ или три, Перевощиковъ, Лешковъ, Спасскій, Глѣбовъ. Обстоятельства учатъ насъ, и потому мы должны допускать только своихъ. Изъ чужихъ не болѣе Грановскаго. Въ дополненіе посѣтители получаютъ билетъ для осмотра Музея моего съ объясненіями. Мысль о лекціяхъ прекрасная и своевременная, только нужна твердость: уладимъ сперва все между собою и потихоньку, чтобъ неблагопамѣренныя люди не испортили прежде исполненія. Засѣданія два тоже можно присоединить. Вотъ я начнется Общество словесности». (т. X, гл. XIII, стр. 120).

Погодинъ въ 1848 году такъ характеризировалъ свое собраніе: «Наши историки-ислѣдователи, филологи, духовные, юристы, поэты, романисты не воспользовались и въ половину тѣми сокровищами, кои разсыпаны въ письменной литературѣ: что наши понятія о древности должны измѣниться очень много вслѣдствіе ближайшаго знакомства съ памятниками;

что для разработки нужны сотни дѣлателей; что лѣтописи и грамоты составляютъ первый источникъ исторіи, но далеко не единственный; что для знакомства съ русскимъ народомъ онѣ слишкомъ недостаточны; что исторія нашей церковной словесности должна непременно увеличиться вдвое или втрое; что Несторъ, Кириллъ Туровскій, Максимъ Грекъ, стоящіе почти оазисами въ древности, должны соединиться длинною, плотною, цѣпью со временемъ Петра I; что. . . но не мѣсто распространяться объ этомъ болѣе. Повѣрятъ ли, что не проходило у меня почти ни одного дня безъ важнаго открытія. Разумѣется, этими открытіями я не дорожу для себя, напротивъ приглашаю всѣхъ своихъ учениковъ и охотниковъ къ продолженію ихъ — и открывайте: золото разсыпано на всякомъ шагу». (т. X, гл. XIII, стр. 116). Погодинъ не преувеличивалъ. «Древлехранилище» получало извѣстность не только въ Москвѣ, но въ официальныхъ сферахъ Петербурга. Еще въ 1846 году къ Погодину обращался министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскій съ просьбой доставить ему рукописи изъ его собранія для выписокъ изъ нихъ о русскихъ ересьяхъ и расколахъ. Въ 1847 году посѣщаетъ «Древлехранилище» оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Протасовъ и ведетъ въ немъ интимную бесѣду съ Погодинымъ о церковныхъ вопросахъ; въ томъ же году подробно разсматриваетъ коллекцію Погодина извѣстный московскій «мыслитель» тридцатыхъ годовъ, западникъ П. Я. Чаадаевъ. Погодинъ собирался составить систематическій каталогъ своему собранію, но такъ и прособирался. Съ П. М. Строевымъ они не сошлись, а занятія И. Д. Бѣляева и В. М. Ундольскаго по составленію каталога едва были начаты. Къ 1849 г. Музей Погодина настолько разросся и настолько былъ приведенъ въ порядокъ, что онъ рѣшился помѣстить краткое обзорѣніе его въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и заявить при этомъ, что его собраніе открыто для всѣхъ занимающихся исторіей, а съ 1849 года будутъ приняты мѣры объ открытіи его и для публики. Музей Погодина состоялъ въ то время изъ семнадцати слѣдующихъ отдѣленій, помѣщаясь въ 50 слишкомъ шкафахъ и двухъ картонахъ: 1) рукописи, въ собраніе которыхъ вошли не только принадлежащія самому Погодину, но цѣлыя рукописныя бібліотеки Лаптева, Строева, Калайдовича, Филатова и др.; 2) старопечатныя книги числомъ до 400; 3) книги, печатанныя при Петрѣ Великомъ; 4) древнія грамоты и судебныя акты; 5) автографы; 6) монеты (до 2000); 7) иконы; 8) оклады; 9) кресты; (до 500); 10) древнія печати (до 30); 11) серьги, кольца, пуговицы, посуда; 12) оружіе; 13) вещи изъ чуждскихъ копей; 14) письма и бумаги государей, начиная съ Петра Великаго, полководцевъ и писателей; 15) лубочныя картины собранныя акад. Штелинымъ; 16) первые опыты гравированія; 17) портреты русскихъ людей (т. X, стр. 441—444). Въ 1849 году былъ въ

Москвѣ императоръ Николай I со всею царскою фамиліей, и «Древлехранилище» Погодина посѣтили высочайшія особы, а вслѣдъ за ними и многія высокопоставленныя лица. Прежде всѣхъ посѣтили Музей великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Ольга Николаевна, а вслѣдъ за ними послѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ супругой, цесаревной Марьей Александровной. Погодинъ былъ въ восторгѣ. Кромѣ чувства удовлетворенія самолюбія ученаго и коллектора изъ этихъ посѣщеній, онъ надѣялся извлечь и практическую выгоду. Онъ очень хорошо сознавалъ самъ, да и друзья его въ томъ поддерживали, что такое драгоценное собраніе не можетъ оставаться въ частныхъ рукахъ, а рано или поздно должно стать достояніемъ общественнымъ, или даже государственнымъ. Шевыревъ считалъ необходимымъ, чтобы «Древлехранилище» было приобрѣтено для Москвы; переговоры Погодина съ министромъ народнаго просвѣщенія граф. Уваровымъ о приобрѣтеніи его въ казну не увѣнчались успѣхомъ. Между тѣмъ Погодинъ нуждался въ деньгахъ, и его очень озабочивало, что его коллекція помѣщается въ деревянномъ домѣ въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, а потому могутъ подвергнуться разнымъ случайностямъ, и прежде всего, пожару, что однажды чуть даже не произошло. Не разъ Погодинъ рѣшался продать свои коллекціи, даже по частямъ, въ частныя руки, — но отъ этого его удерживали пріатели. Вслѣдъ за посѣщеніемъ высочайшихъ особъ Погодинъ обращается черезъ министра Двора гр. Адлерберга къ императору Николаю Павловичу съ прошеніемъ о пособіи на постройку каменнаго зданія для «Древлехранилища», а въ концѣ 1849 года у него начинается переписка съ А. Ѳ. Бычковымъ, въ то время хранителемъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, о продажѣ въ эту Библіотеку рукописей, бумагъ и старопечатныхъ книгъ изъ его «Древлехранилища».

Еще съ 1845 года занимаетъ Погодина другое живое дѣло въ области русской исторіи. Въ августѣ этого года предположено было открытіе въ Симбирскѣ памятника Н. М. Карамзину. По приглашенію симбирскаго дворянства, Погодинъ прибылъ на торжество открытія для произнесенія на немъ похвальнаго слова Карамзину, давно имъ составляемаго, по желанію и завѣту друга Карамзина, И. И. Дмитріева. Множество интереснѣйшихъ подробностей для бытовой исторіи русскихъ провинціальныхъ нравовъ того времени передаетъ Н. П. Барсуковъ въ главахъ, посвященныхъ описанію этого торжества въ Симбирскѣ (см. т. VIII, гл. XXIV—XXVI). Весьма любопытна также и дальнѣйшая судьба похвальнаго слова Погодина, которой г. Барсуковъ посвящаетъ слѣдующія двѣ главы, XXVII и XXVIII. «Слово» произвело необыкновенный

эффектъ и въ Симбирскѣ, и въ Москвѣ среди родственниковъ, друзей и почитателей Карамзина, но печатаніе его встрѣтило неожиданныя для Погодина затрудненія въ цензурномъ отношеніи, которыя были отстранены лишь благодаря вмѣшательству въ это дѣло министра народнаго просвѣщенія, гр. Уварова. «Похвальное слово» Погодинъ подноситъ Государю и высочайшимъ особамъ и считаетъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній. Поощренный успѣхомъ «слова», Погодинъ съ 1846 года приступаетъ къ составленію подробной біографіи Карамзина, отрывки изъ которой помѣщаетъ въ своемъ «Москвитянинѣ», а вполне эта біографія появляется лишь черезъ двадцать лѣтъ, въ 1866 году, къ новому чествованію памяти Карамзина, — столѣтія со дня его рожденія.

У себя въ кабинетѣ Погодинъ также продолжаетъ усердно трудиться надъ изслѣдованіями, и весьма разнообразными, по различнымъ отраслямъ русской исторіи. Но и эти занятія не носили характера спокойныхъ научныхъ изслѣдованій. Не таковъ былъ живой и неутомимый нравъ Погодина, чтобы умѣть работать тихо, спокойно, систематически; напротивъ, онъ, усердный теоретическій послѣдователь Шлѣцеровскаго критическаго метода и его воззрѣній на варяжскій вопросъ и самъ измыслившій своеобразный математическій методъ въ изученіи исторіи, въ практическихъ своихъ приѣмахъ историческихъ работъ, былъ совершенной во всемъ противоположностью и своего учителя педанта — нѣмца Шлѣцера и своихъ собственныхъ теоретическихъ соображеній. Эта противоположность между теоріей и практикой, между мыслию и дѣломъ въ спеціальной области историческихъ изученій является лучшимъ выразителемъ всей духовной природы Погодина, исполненной противорѣчій. Погодинъ задорно ставилъ вопросы въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, упорно ихъ отстаивалъ и запальчиво и нерѣдко брагчливо защищалъ свои положенія въ жаркой полемикѣ со своими противниками. Полемика — была его стихіей.

Трудно въ небольшой по объему рецензій подробно разобрать всѣ ученія произведенія, вышедшія изъ подъ пера Погодина съ 1845 по 1852 годовъ. Большая часть его монографій, частію написанныхъ въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, частію раньше, собрана имъ въ книгѣ, напечатанной въ Москвѣ въ 1846 году подъ заглавіемъ «Историческіе отрывки.» Изъ этихъ статей самыми замѣчательными являются: «Параллель русской исторіи съ исторіею западно европейскіхъ государствъ» и «За русскую старину». Первая изъ этихъ статей указываетъ на различія въ политическомъ и общественномъ строѣ западной Европы и Россіи, выразившихся въ ходѣ исторіи на западѣ и у насъ, и принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ монографіямъ, написаннымъ Погодинымъ: въ этой статьѣ, что рѣдко встрѣчаемъ у него, видна и опредѣленность мысли и ясность изложенія.

Исходной точкой различія является здѣсь противоположность возникновенія государства въ западной Европѣ и въ Россіи: тамъ было завоеваніе дружинниковъ, у насъ — свободное признаніе князей нассленіемъ. Изъ этого основного различія выводитъ онъ цѣлый рядъ послѣдующихъ различій между общественностью и ходомъ исторіи въ западной Европѣ и Россіи. Вторая статья заключаетъ въ себѣ полную программу политическихъ и историческихъ воззрѣній Погодина. На этой статьѣ я еще остановлюсь ниже. Въ томъ же 1846 году вышли первые три тома сборника лекцій Погодина по древнѣйшей русской исторіи. IV-й томъ этого сборника вышелъ позднѣе, а именно въ 1850 г. «Историческіе отрывки» и первые три тома «Лекцій» послужили началомъ продолжительной полемики Погодина съ учеными школы родового быта изъ-за рѣзкаго ихъ разбора, написаннаго К. Д. Кавелинымъ и появившагося въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но этими изданіями не исчерпываются занятія Погодина русской исторіей за года, о которыхъ идетъ рѣчь. Эти занятія могутъ быть подведены подъ слѣдующія семь рубрикъ: 1) Изученіе письменныхъ источниковъ древней русской исторіи; 2) тоже новой русской исторіи; 3) изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ древней русской исторіи; 4) изученіе лицъ и событій новой русской исторіи; 5) занятія исторіей русской церкви; 6) занятія исторіей русской литературы; 7) ученія изданія чужихъ трудовъ — и почти по всѣмъ этимъ рубрикамъ Погодинъ полемизируетъ. Полемизируетъ онъ со своимъ давнимъ другомъ М. А. Максимовичемъ по вопросу о народной исторической поэзи въ древней Руси, полемизируетъ съ Петр. Вас. Кирѣевскимъ объ основахъ древнѣйшей русской исторіи, полемизируетъ съ К. Д. Кавелинымъ объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова; пишетъ замѣтки на всѣ почти вновь выходящія по русской исторіи книги, въ особенности на книги ученыхъ школы родового быта; ведетъ ученую переписку по занимающимъ его историческимъ вопросамъ съ значительнымъ числомъ ученыхъ различныхъ спеціальностей и направленій.

Въ этихъ полемическихъ распряхъ Погодина на первомъ планѣ должна быть поставлена его полемика съ представителями новой, только что нарождавшейся исторической школы, такъ называемой юридической, или *школы родового быта*. Она состояла въ то время изъ молодыхъ ученыхъ, только что начинавшихъ свое научное поприще; то были съ К. Д. Кавелинымъ и С. М. Соловьевымъ во главѣ, Н. В. Калачевъ, Тюринъ, Павловъ и др. Эта школа, выходившая изъ ученій дерптскаго профессора Эверса о первоначальномъ, кровно-патріархальномъ или родовомъ бытѣ славяно-русскихъ племенъ, объясняла всю послѣдующую общественность русскаго народа путемъ постепеннаго развитія изъ условій быта родового

начала государственнаго, политическаго. Къ западникамъ эта школа при-мыкала по своему восторженному воззрѣнію на личность Петра Великаго и на его реформу, которую считала неизбѣжной въ общемъ развитіи русской общественности. Погодинъ, также придававшій большое историческое значеніе реформѣ Петра Великаго и въ 1841 году открывшій даже «похвальнымъ словомъ» первому русскому императору свой журналъ «Москвитянинъ», смотрѣлъ и на до-Петровскую Русь, и на реформу Петра иначе, чѣмъ новая школа родового быта. Ученые этой школы, подъ вліяніемъ историко-философскихъ воззрѣній Гегеля, признавали необходимость изученія историческихъ фактовъ, лишь по толику, по колику эти факты служатъ къ уясненію общихъ началъ развивающихся въ исторической жизни русскаго народа, и однимъ изъ этихъ началъ и самымъ основнымъ, почитали начало кровно-родовое, патриархальное. Не отрицая общины въ древнемъ русскомъ бытѣ, они считали ее въ общемъ ходѣ нашей исторіи не имѣвшей большого значенія, потому что община была развита на Руси далеко не повсемѣстно и въ большинствѣ случаевъ слабо, а потому въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего историческаго роста не оказала живучести. По ученію этой школы, начало государственное, явившееся на смѣну патриархальному, кровно-родовому, въ лицѣ Петра Великаго достигло высшаго своего развитія и обезпечило наше дальнѣйшее общественное преуспѣяніе. Изученію подробностей, частныхъ лишь для болѣе полнаго, фактическаго накопленія историческаго изложенія, ученые школы родового быта не придавали значенія и порицали историковъ, стремящихся только къ этой внѣшней фактической полнотѣ. Вліяніе на Россію западной Европы, какъ представительницы болѣе высокой, чѣмъ наша славяно-византійская культура, ученые школы родового быта не только признавали вполне исторически законной, но и благотворной для насъ, такъ какъ путемъ общенія съ западной Европой мы мало по малу отрѣшались отъ нашихъ исключительно-національныхъ основъ быта и дѣлались участниками основъ «общечеловѣческихъ,» развитыхъ западно-европейской цивилизаціей. Наши домашнія основы быта, по ученію этой школы, были элементарны, примитивны, и представлять ихъ болѣе развитыми, болѣе совершенными, чѣмъ они являлись въ дѣйствительности, считала эта школа за пріемъ неисторическій и ненаучный. Самымъ типическимъ выразителемъ такихъ воззрѣній школы былъ К. Д. Кавелинъ; что же касается до С. М. Соловьева, то этотъ ученый только въ первыхъ своихъ трудахъ и главнымъ образомъ въ двухъ диссертацияхъ, магистерской и докторской, является сторонникомъ общихъ историческихъ построеній, но вскорѣ, храня основы ученія родового быта, становится историкомъ-фактистомъ: начиная съ I т. его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (1851 года) всѣ ученые труды его отличаются чрезмѣрнымъ обиліемъ фактовъ.

Погодинъ совершенно иначе смотрѣлъ на общій ходъ исторіи Россіи и на ея разработку. Съ одной стороны его пониманіе было шире ученыхъ родового быта, съ другой — несравненно уже. Опять противорѣчіе — эта основная черта умственной и нравственной природы Погодина! Погодину въ слѣдующихъ общихъ чертахъ представлялась схема изученія русской исторіи: Исторія русскаго народа, составляющая совершенную противоположность исторіи народовъ западной Европы по различію общественныхъ и культурныхъ основъ нашей и западно-европейской, должна изучаться совмѣстно съ исторіей единоплеменныхъ намъ народовъ славянскихъ; исторія Россіи столь-же многообразна по своему содержанію, какъ многообразенъ по своимъ духовнымъ свойствамъ русскій народъ, основами самобытной жизни котораго являются православіе и самодержавная власть его государей, ходъ исторіи Россіи не можетъ быть подведенъ ни подъ какую теорію по своей оригинальности, потому что въ этомъ ходѣ много сверхъестественнаго, чудеснаго; а потому русскую исторію нельзя понять съ точки зрѣнія общеисторическихъ и философскихъ построеній; необходимо вполне научно, критически относиться къ ея источникамъ, вслѣдствіе чего слѣдуетъ прежде всего спеціально изучать эти источники, а затѣмъ извлекать изъ нихъ наибольшее количество достовѣрныхъ, критически очищенныхъ фактовъ, и затѣмъ изслѣдовать всѣ частныя явленія въ исторіи русской, потому что только изъ правильного представленія частныхъ явленій можно получить точное понятіе о цѣломъ. Но дальшее изученія источниковъ и частныхъ явленій русской исторіи въ своихъ печатныхъ статьяхъ и монографіяхъ Погодинъ не пошелъ, и, разсматривая его печатныя произведенія, К. Д. Кавелинъ имѣлъ все право почесть Погодина не историкомъ въ высшемъ значеніи этого слова, но историкомъ-эксегетикомъ; въ душѣ своей Погодинъ носилъ весьма цѣльное представленіе о русской исторіи, но не могъ только должнымъ образомъ синтезировать этого представленія въ печатныхъ произведеніяхъ: частію это обуславливалось обиліемъ разнообразныхъ занятій Погодина, мѣшавшихъ ему должнымъ образомъ сосредоточиться на какомъ либо обобщающемъ трудѣ, но главнымъ образомъ это зависѣло отъ природныхъ свойствъ его ума, преимущественно аналитическаго и не склоннаго къ синтезу. Погодинъ считалъ преждевременнымъ всякую даже попытку изложить печатно обобщеніе историческихъ явленій. Вотъ причины, почему онъ яростно напалъ на ученыхъ школы родового быта. Для него было просто, непонятно какъ это люди дерзаютъ, не изучивъ всѣхъ историческихъ фактовъ, подводить къ нимъ итоги и выводить изъ этихъ невѣрныхъ итоговъ, не цѣлый рядъ общихъ началъ, а — какъ казалось Погодину — одно общее начало, какой-то родовой бытъ, которымъ и тѣшатся объа-

снить всё явленія русской исторіи. «Родовой бытъ» преслѣдуетъ Погодина какъ кошмаръ. Онъ озлобляется этой теоріей родового быта несравненно болѣе, чѣмъ озлоблялся раньше, въ тридцатыхъ годахъ, отрицательными выводами «скептической школы» и позже, въ семидесятыхъ годахъ, новыми «историческими ересями» по варяжскому вопросу Н. И. Костомарова и Д. И. Иловайскаго. Нельзя не признать, что до нѣкоторой степени Погодинъ былъ правъ. Школа родового быта, какъ всякое новое теоретическое ученіе въ исторической наукѣ, какъ въ наши дни школа экономического матеріализма, — стремилась подвести цѣлый рядъ историческихъ явленій подъ одно главное начало, изъ котораго многія изъ такихъ явленій объяснены быть не могутъ. Школа родового быта изучала явленія русской исторической жизни преимущественно общественно-юридическаго характера, недостаточно, чтобъ не сказать больше, затрагивая явленія иного, болѣе высшаго порядка, какъ напримѣръ явленія въ области нравственно-религіозной, умственной, литературной, художественной. И Погодинъ былъ правъ, утверждал, что при изученіи русской исторіи съ точки зрѣнія теоріи родового быта, мы не найдемъ должнаго мѣста для изученія духовной, религіозно-нравственной и умственной жизни русскаго народа. «А куда вы дѣнете Св. Сергія Радонежскаго?» — говорилъ Погодинъ съ свойственнымъ ему оригинальнымъ лаконизмомъ К. Н. Бестужеву-Рюмину, въ сороковыхъ годахъ сильно увлекавшемуся теоріей родового быта. Но Погодинъ, разумѣется, былъ совершенно не правъ, нападаая на школу родового быта за ея теоретическое воззрѣніе въ исторіи. Всякая такъ называемая историческая теорія, или, правильнѣе, историческая проблема, или историческая гипотеза — является естественнымъ выводомъ обобщающей мысли изъ нѣсколькихъ группъ историческихъ явленій, вновь подмѣченныхъ или прежде опредѣленныхъ, но заново объясненныхъ; эти выводы даютъ матеріалъ для дальнѣйшихъ критическихъ и обобщающихъ пріемовъ мысли, а потому теоретическія воззрѣнія въ исторіи, при всей ихъ односторонности и даже не-правильности, являются неизбѣжными и вліятельными факторами прогрессивнаго развитія исторической науки. Въ этомъ отношеніи заслуга школы родового быта въ русской исторіографіи несомнѣнна.

Свои собственныя историческія воззрѣнія Погодинъ высказалъ весьма опредѣленно въ статьѣ: «За Русскую Старину,» помѣщенной въ «Москвитянинѣ» на 1845 годъ. Объ этой статьѣ я уже упоминалъ выше; здѣсь-же позволю себѣ представить нѣсколько выдержекъ изъ нея, которыя, по своей краткости, яснѣе всякаго изложенія содержанія статьи передадутъ основныя воззрѣнія Погодина ¹⁾.

1) Правописаніе вездѣ сохранено Погодинское.

«Средній вѣкъ у насъ былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только «подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался какъ и тамъ; «тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣ-же «цѣли достигались, только другими путями. Это различіе и составляетъ «собственно занимательность, важность Русской Исторіи для мыслящаго «Европейскаго историка и философа. И у насъ было введено Христіанство, «только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы на- «чали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, пошывая свои молитвы, «а не переленывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, «но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его «словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было «также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У «насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, «не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, за «то было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное «равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, «въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ «Новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ, и едва-ли можетъ успѣть въ «Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили «свой подвигъ, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать «на своихъ великихъ людей. ...

«У насъ, разумѣется, не было Парижа, но была Москва; у насъ не «было Товея, но былъ Кремль; у насъ не было Западнаго Средняго вѣка, «но былъ Восточный, Русскій. . .

«Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ гео- «графическихъ отношеній Россія къ Европѣ, долженъ былъ остановить «народное развитіе и дать ему на время другое направленіе. Кто изъ насъ «не воздастъ должной чести этому необыкновенному гению, кто не удивляется «его безпримѣрнымъ трудамъ, кто не оцѣняетъ его спасительныхъ подви- «говъ, кто наконецъ не благоговѣетъ предъ его любовью къ отечеству?

«Но прошло уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ онъ скончался, и полто- «раста, какъ онъ началъ дѣйствовать, а новое время идетъ быстрѣ дре- «вняго. Періодъ Петровъ оканчивается: главнѣйшія дѣла его довершены, «первая задача его рѣшена, ближайшая цѣль его достигнута, то есть: Сѣ- «верные враги наши смиренны, Россія заняла почетное мѣсто въ политиче- «ской системѣ государствъ Европейскихъ, приняла въ свои руки Европей- «ское оружіе, и привыкла обращать оное съ достаточною ловкостью, «можетъ по усмотрѣнію употреблять всѣ Европейскія средства и пособія «для дальнѣйшаго развитія своей собственной, на время замиравшей, жизни, «во всѣхъ ея отрасляхъ.

«Занимается заря новой эры: Русскіе начинаютъ припоминать себя и «уразумѣвать требованія своего времени; для избранныхъ становится «тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое; они убѣждаются, что, «склоняясь подъ онымъ, они не могутъ произвести ничего самобытнаго, «что чужеземныя сѣмена не принимаются, не пускаютъ корней, или произ- «водятъ одинъ *пустоцвѣтъ*; они убѣждаются, что для собранія собственной «богатой жатвы нельзя поступать иначе, какъ *воздѣлывать свою землю*, «т. е. разрабатывать свой языкъ, углубляться въ свою исторію, изучать «характеръ, проникать духъ своего народа, во всѣхъ сокровенныхъ тайни- «кахъ его сердца, на всѣхъ горныхъ высотахъ его души, однимъ словомъ, «*познавать самихъ себя*. Они убѣждаются, что настало время испытывать «свои силы, — и блестящій успѣхъ вознаграждаетъ нѣкоторыя усилія!

«Время *безусловнаго* поклоненія Западу миновалось, развѣ отъ лица «людей запоздалыхъ, которые не успѣли еще доучить стараго курса, между «тѣмъ какъ начался уже новый. Имъ можно посовѣтывать, чтобъ они по- «старались догнать уходящихъ, и стать наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, въ «чувствахъ уваженія къ самобытности, слѣдовательно своенародности, и «слѣдовательно старины.

«Только такимъ образомъ, продолжу я имъ наставленіе, можемъ мы «исполнить ожиданія самой Европы, ожиданія всѣхъ друзей общаго блага; «только такимъ образомъ можемъ мы исполнить свои человѣческія обязан- «ности. Мы должны явиться на Европейской сценѣ, стану употребить ихъ «любимыя выраженія, своеобразными *индивидуумами*, а не безжизненнымъ «автоматами; мы должны показать тамъ свои лица, а не мертвенные да- «герротипы какихъ-то западныхъ идеаловъ. Своимъ голосомъ должны мы «произнести наше имя, своимъ языкомъ должны мы сказать наше дѣло, а «не на чуждомъ жаргонѣ, переводя изъ нѣмецкаго компендіума и француз- «ской хрестоматіи; наконецъ — посредствомъ своихъ мотивовъ мы должны «выразить нашъ паоосъ: иначе насъ не приметъ наша старшая братія; съ «презрѣніемъ, или много-много съ состраданіемъ, они отвратятъ взоры отъ «жалкихъ подражателей, которые тѣмъ несчастіе, чѣмъ кажутся себѣ «счастливыѣ. Въ гармоніи не допускаются отголоски, даже самые вѣрные, «не только *фальшивыѣ*, а одни самобытные звуки . . .

«Напрасно взводятъ на насъ клевету, будто мы поклоняемся пече- «ство неподвижной старины. Нѣтъ, неподвижность старины намъ противна, «столько же какъ и безмысленное шаташе повизны. Нѣтъ, не неподвиж- «ность, а вѣчное начало, Русскій духъ, вѣющій намъ изъ заветныхъ пѣдръ «этой старины, мы чтимъ богобоязненно, и усердно молимся, чтобъ онъ ни- «когда не покидалъ Святой Руси, ибо только на этомъ краеугольномъ ка- «миѣ она могла стоять прежде и пройти все опасности, — поддерживается

«теперь, и будетъ стоять долго, если Богу угодно ея бытіе. Старина драгоценна намъ, какъ родимая почва, которая упитана — не скажу кровію, «кровію упитана западная земля, — но слезами нашихъ предковъ, перетерпѣвшихъ и Варяговъ, и Татаръ, и Литву, и жестокости Іоанна Грознаго, . . . и нашествіе двадцати языкъ, и наважденіе легионовъ духовъ, въ «сладкой, можетъ быть, надеждѣ, что отдаленные потомки вкусятъ отъ «плода ихъ трудной жизни, а мы, несмысленные, мы хотимъ только плясать «на ихъ священныхъ могилахъ, радуемся всякому пустому поводу, ищемъ «всякаго предлога, даже несправедливаго, наругаться надъ ихъ памятью, «забывая примѣръ нечестиваго Хама, пораженнаго на вѣки вѣковъ, въ лицѣ «всего потомства за свое легкомысліе». («Историко-критическіе отрывки», М. Погодина, Москва, 1846 г., стр. 439—445).

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно видно, въ чемъ отличались воззрѣнія Погодина отъ воззрѣній ученыхъ школы родового быта и такъ называемыхъ западниковъ. Вслѣдъ за «Отрывками» и «Лекціями» Погодина и ихъ разборомъ Кавелина въ «Отечественныхъ Запискахъ», появились въ 1847 г.: въ «Современникѣ» статья Кавелина: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», и отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ докторская диссертация Соловьева: «Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрика дома», вызвавшая сочувственную критическую статью Кавелина въ «Современникѣ» же. Изъ-за этихъ статей возникла ученая полемика, въ которой Погодинъ не могъ не принять самаго дѣятельнаго участія. Затѣмъ дальнѣйшіе труды по русской исторіи Соловьева, главнымъ образомъ его статьи 1850 г. въ «Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній», ежегодникѣ, издававшемся въ Москвѣ Калачовымъ, I-й томъ его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» 1851 г. и докторская диссертация Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова» 1850 г., — обострили еще больше эту полемику. Въ началѣ своихъ пререканій съ школой родового быта Погодинъ причисляетъ къ ея же составу А. Θ. Бычкова и И. Д. Бѣляева, ученая дѣятельность которыхъ, а равно и Н. В. Калачова, впоследствии развилась совершенно въ другомъ направленіи. Погодинъ взглянулъ на историческія воззрѣнія школы родового быта, какъ на нѣкій мятежъ противъ него его «учениковъ», на «вольномысліе», направленное противъ его научныхъ и вполне «ортодоксальныхъ» мнѣній, и пачалъ объясняться съ ними печатно тономъ стараго ментора и духовника.

Н. П. Барсуковъ отводитъ очень много мѣста въ своей книгѣ этой интересной полемикѣ. Такъ напримѣръ, онъ посвящаетъ *десять* главъ изложенію отношеній Кавелина къ «Современнику», «Отечественнымъ Запискамъ», къ Погодину и славянофиламъ въ 1846 и 1847 гг. (т. IX, гл. I, II, IV — VI, XIII, XV—XVII; т. X, гл. XLVII), *дѣть* главы

описанію полемики Кавелина съ Хомяковымъ и участію въ ней Грановскаго изъ-за «Сборника», изд. Д. А. Валуевымъ (т. IX, гл. VII и VIII) и въ цѣлой главѣ повѣствуетъ объ участіи Кавелина въ докторскомъ диспутѣ Соловьева (*ibid*, гл. XIV). *Восемь* главъ посвящены Соловьеву, въ особенности же I-му т. его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (т. VIII, гл. XIV, XLVII; т. IX, гл. VII, XIV, XVII; т. X, гл. XLVIII; т. XI, гл. LXV, LXVI); въ *трехъ* главахъ говорится подробно о докторской диссертациі Павлова и о полемикѣ по ея поводу (т. XI, гл. XXV—XXVII). Всего распрѣ Погодина съ учеными школы родового быта и изложенію ихъ воззрѣній и обстоятельствъ ихъ учено-литературной дѣятельности въ разсматриваемыхъ томахъ книги г. Барсукова отведено *двадцать четыре* главы.

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересны. Онѣ даютъ обильный матеріалъ для изученія не только историческихъ воззрѣній, но вообще научныхъ стремленій и общественныхъ отношеній столь выдающихся въ умственной русской жизни дѣятелей, какъ К. Д. Кавелинъ, А. С. Хомяковъ, Ю. О. Самаринъ, С. М. Соловьевъ, Т. Н. Грановскій и наконецъ самъ М. П. Погодинъ. Подробности, сообщаемыя г. Барсуковымъ, вводятъ насъ въ интимный міръ этихъ людей, посвящаютъ въ тайны того процесса, посредствомъ котораго постепенно формировались ихъ несомнѣнныя теперь для насъ ученія заслуги, какія тернія встрѣчали они на своемъ ученомъ пути. Отмѣтимъ на примѣръ, эпизодъ, касающійся I-го т. «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева.

Въ большинствѣ образованнаго русскаго общества второй половины сороковыхъ годовъ и начала пятидесятихъ,—авторитетъ Карамзина стоялъ еще столь высоко, что выходъ I-го тома «Исторіи» Соловьева былъ встрѣченъ обществомъ весьма неблагоклонно. Его сочли за дерзкую попытку со стороны молодого ученаго занять мѣсто Карамзина при отсутствіи знаній и заслугъ послѣдняго. Въ этомъ смыслѣ писалъ Погодину гр. Д. А. Толстой, извѣстный министръ народнаго просвѣщенія шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ (т. XI, стр. 452—453). Самъ С. М. Соловьевъ такъ повѣствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о воззрѣніяхъ на начало его «Исторіи». . . «Успѣхъ двухъ моихъ диссертаций смутилъ, покоробилъ; сильно обрадовались, когда Погодинъ началъ полемизировать противъ нихъ, по все не было дружнаго, ожесточеннаго нападенія: молодой профессоръ написалъ двѣ диссертациі, пописываетъ въ журналахъ — этимъ пожалуй все и кончится. И вдругъ, дерзкій издаетъ *Исторію Россіи* — первый томъ, значить будутъ и другіе тома! Дерзкій, которому исполнилось только тридцать лѣтъ, въ Карамзины лѣзетъ, хочетъ быть господствующимъ авторитетомъ! Этого нельзя было перенести равнодушно.

Но, разумѣется, прежде всѣхъ не могъ перенести этого равнодушно Погосинъ. Просидѣлъ двадцать слишкомъ лѣтъ на кафедрѣ, приобрѣлъ авторитетъ перваго знатока русской исторіи, а на повѣрку что сдѣлалъ? Написалъ двѣ диссертациі о *Варягахъ* и *Несторѣ*. А этотъ молокососъ не только въ два года своего профессорства написалъ двѣ диссертациі, но теперь приступилъ къ изданію обширной Исторіи, *хочетъ быть Карамзинимъ*. Что же ему, Погосину, въ гробъ что-ли ложиться? Лучше въ гробъ, чѣмъ стучеваться предъ какимъ-нибудь Соловьевымъ. Одна надежда, что дерзкое предпріятіе рухнетъ, какъ рухнула *Исторія Русскаго Народа* Полевого; по надобно ускорить это паденіе, ополчиться и разнести по камешкамъ зданіе при самомъ его началѣ, разнести фундаментъ. Сотрудниковъ много. Съ шипѣніемъ, съ ибною у рта собирается около почтеннѣйшаго Михаила Петровича, ставшаго чрезвычайно популярнымъ, дружина — походъ объявленъ. «Москвитянинъ» открылъ свои страницы ругательнымъ статьямъ противъ меня». («Русскій Вѣстн.» 1896, май, стр. 121—122; Барсуковъ, т. XI, стр. 450—451).

Первымъ изъ Погосинской дружины застрѣльщикомъ по «Исторіи Россіи» Соловьева на страницахъ «Москвитянина» явился И. Д. Бѣляевъ, вызвавшій своей анонимной рецензіей весьма оживленную полемику между «Москвитяниномъ» и «Московскими Вѣдомостями», въ которыхъ на защиту Соловьева выступилъ Н. В. Калачовъ. Но этой полемикой не ограничилось впечатлѣніе, произведенное на тогдашнее интеллигентное русское общество I-мъ томомъ «Исторіи Россіи» Соловьева. Всѣ «толстые» петербургскіе журналы, — «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія» — помѣстили у себя большія критическія статьи по поводу ея, и нѣкоторыя изъ этихъ статей, какъ на примѣръ статья Кавелина въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣли большое научное значеніе. Столь же сильное впечатлѣніе, положительное и отрицательное, произвели многіе изъ послѣдующихъ томовъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, вызвавши массу критическихъ статей и рецензій, вслѣдствіе чего безъ преувеличенія можно сказать, что это монументальное произведеніе въ русской исторіографіи, выходившее неукоснительно ежегодно по тому въ годъ, съ 1851 по 1879 г., и прерванное лишь кончиною ея ученаго автора, — кромѣ собственныхъ научныхъ достоинствъ, имѣетъ громадное значеніе по тѣмъ статьямъ, которыя оно вызывало своимъ появленіемъ: этими статьями оно создало цѣлую литературу по основнымъ вопросамъ русской исторіи на протяженіи десяти вѣковъ, отъ IX до исхода XVIII-го.

Судьба «Москвитянина» съ 1845—1852 гг. была весьма оригинальна: Погосинъ, при своихъ качествахъ — неаккуратности, скуности и разбро-

санности, не могъ быть хорошимъ редакторомъ, что и подтверждалось въ предшествовавшіе четыре года существованія «Москвитянина». Н. П. Барсуковъ приводитъ весьма интересные черты изъ этой судьбы, представляющія обильный фактическій матеріалъ для мало разработанной исторіи русской періодической печати. Въ общей сложности матеріалъ, собранный г. Барсуковымъ, заключаетъ въ себѣ *сорокъ три* главы, распредѣленныя по всѣмъ разбираемымъ томамъ (т. VIII, гл. I, III—VI; т. IX, гл. III, V, VI, XXXVIII—XLII, XLVII—XLIX; т. X, гл. XXXIV—XXXVII, XL—XLVI, XLIX; т. XI, гл. VII—XIV, XLIV, XLIX—LIII, LVIII). Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ главъ.

Погодинъ сознавалъ самъ очень хорошо свои недостатки какъ редактора и въ исходѣ 1845 г. обратился за помощью къ И. В. Кирѣевскому, прося его быть «негласнымъ» редакторомъ «Москвитянина». Кирѣевскій съ радостью принялъ это предложеніе, надѣясь сдѣлать «Москвитянинъ» органомъ славянофиловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своимъ литературнымъ отношеніямъ былъ въ состояніи привлечь къ участию въ «Москвитянинѣ» такихъ литераторовъ, которые не пошли бы на призывъ Погодина. Такъ съ 1845 года начинаютъ участвовать въ этомъ журналѣ, кромѣ самого Кирѣевскаго: Жуковскій и кн. П. А. Вяземскій, — эти корифеи Карамзинской школы. Кирѣевскій мечталъ о томъ, чтобы успѣхомъ «Москвитянина» *задавить* петербургскіе, т. е. западническіе журналы; а Жуковскій, въ своемъ стихотворномъ посланіи къ И. В. Кирѣевскому, такъ напутствовалъ обновленный «Москвитянинъ»:

.... Будь въ своемъ журналѣ
 Другъ твердый, а не злой наѣздникъ правды;
 Съ журналами другими не воюй,
 Ни съ *Библиотекой для Чтенья*, ни
 Съ *Записками*, ни съ *Сѣвѣрной Пчелой*,
 Ни съ *Русскимъ Вѣстникомъ*. Живи и жить
 Давай другимъ; и обладать одинъ
 Вселепною читателей не мысли.
 Другой же повѣсти я толковать
 Тебѣ не стану: мнѣ давно извѣстно,
 Что ты, идя своей земной дорогой,
 Смиренно вѣдаешь, куда, зачѣмъ
 И кто тебѣ по ней идти велить.

Обновленный «Москвитянинъ» имѣлъ успѣхъ: его привѣтствовали и въ Москвѣ, и въ провинціи, гдѣ съ этого времени онъ получаетъ большое распространеніе и сочувствіе; даже «западникъ» Грановскій, имѣвшій, какъ мы видѣли, нѣкоторыя точки соприкосновенія съ Погодинымъ, при-

вѣтствовалъ «Москвитянина», лишь «Отечественныя Записки» руководимыя озлобленнымъ противъ славянофиловъ и Погодина Бѣлинскимъ, ополчились на «Москвитянина». Первымъ бойцомъ въ этой атакѣ былъ А. И. Герценъ, помѣстившій въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ псевдонимомъ *Ярополка Водянскаго* двѣ остроумныя замѣтки подъ заглавіемъ: «Москвитянинъ и вселенная». Но торжество славянофиловъ и Погодина было непродолжительно. Вскорѣ начались беспорядки въ конторѣ «Москвитянина», и на этой почвѣ произошли столкновенія у Погодина съ Кирѣевскимъ, который въ маѣ мѣсяцѣ оставилъ редакцію «Москвитянина» и уѣхалъ въ свое бѣлевское имѣніе Долбино. Погодинъ снова остался одинъ съ «Москвитяниномъ», тщетно подыскивая себѣ соредактора и намѣреваясь даже продать свое изданіе. Н. П. Барсуковъ умалчиваетъ объ интересномъ эпизодѣ изъ исторіи «Москвитянина» за 1845—1852 гг., попыткѣ западниковъ «купить» «Москвитянинъ» у Погодина. Изъ статьи г. Шенрока о Н. М. Языковѣ знакомимся мы съ этимъ эпизодомъ: журналъ Погодина хотѣлъ приобрести въ 1846 году Герценъ (см. *В. И. Шенрока*, Н. М. Языковъ. «Вѣстн. Европы», 1897 г., кн. XII, стр. 644—648).

Погодинъ изыскивалъ разныя средства для оживленія «Москвитянина» и съ 1846 г. усиливаетъ въ немъ «провинціальный» отдѣлъ, наполняемый корреспонденціями о современной жизни изъ разныхъ мѣстностей земли Русской и свѣдѣніями по мѣстной областной исторіи, археологіи и этнографіи. Погодину удается найти по этому отдѣлу ученыхъ и талантливыхъ сотрудниковъ, изъ числа которыхъ особенно выдаются трое: Максимовичъ, Мельниковъ и Артемьевъ. Давнишній пріятель Погодина М. А. Максимовичъ, многосторонне образованный человекъ (естествовѣдъ, филологъ и историкъ), профессоръ двухъ университетовъ — Московскаго и Кіевскаго, въ то время жилъ въ отставкѣ въ Кіевѣ и изрѣдка наѣзжалъ въ Москву. П. И. Мельниковъ, впоследствии столь извѣстный этнографъ-беллетристъ подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, въ сороковыхъ годахъ, незадолго передъ тѣмъ окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ, служилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а А. И. Артемьевъ, магистръ русской исторіи Казанскаго университета, занималъ въ этомъ университетѣ должность помощника бібліотекаря и редактора неофициальной части губернскихъ вѣдомостей. Максимовичъ сообщаетъ Погодину свѣдѣнія по Малороссіи, Мельниковъ присылаетъ интересныя статьи по исторіи Нижняго-Новгорода, а Артемьевъ снабжаетъ «Москвитянинъ» правильными періодическими корреспонденціями о выдающихся событіяхъ изъ современной казанской общественной жизни и замѣтками по мѣстной исторіи средняго Поволжья. Провинціальный отдѣлъ «Москвитянина» имѣетъ для своего времени большое значеніе. Въ 40-хъ годахъ и въ началѣ 50-хъ

лишь немногія русскія провинціи, и то какъ исключенія, окраины, пользовавшіяся привилегіями (Остзейскій край, Сѣверо-Западныя губерніи, Новороссія и Кавказъ) имѣли право издавать свои мѣстныя газеты, всѣ же остальные довольствовались лишь неофициальной частью губернскихъ вѣдомостей, въ большинствѣ случаевъ весьма мало содержательною.

Несмотря на всѣ эти мѣры, внутренніе безпорядки въ редакціи «Москвитянина» не прекращались. Погодинъ изъ-за нихъ чуть-чуть не поссорился даже съ своимъ издавнимъ единомышленникомъ и другомъ С. П. Шевыревымъ и, поручивъ внѣшнюю часть изданія Смирнову, окончательно запустилъ аккуратный выходъ книжекъ журнала. За 1846 годъ, вслѣдствіе заграничнаго путешествія Погодина, выходы книжекъ такъ запаздывали, что къ концу года появились только лѣтніе №№. Остальныя книжки были выданы въ 1847 г., а на 1847 годъ вышло всего только четыре книжки, при энергическомъ участіи въ редакціи молодого литератора Студитскаго. Такая неаккуратность снова вдохновила «Отеч. Записки» и снова вызвала на ихъ страницахъ остроумныя и колкія замѣчанія Герцена, въ которыхъ осмѣивалось заграничное путешествіе Погодина. Въ этомъ же 1847 году Пушкинскій «Современникъ», который превосходилъ въ неаккуратности своего выхода даже Погодинскій «Москвитянинъ», перешелъ отъ П. А. Плетнева въ руки Панаева и Некрасова и явился вторымъ органомъ западначескаго направленія, столь враждебнаго Погодину. Въ 1848 году Погодинъ намѣревается передать «Москвитянинъ», то ориенталисту В. В. Григорѣву, то славянофиламъ, но оба эти намѣренія не исполняются. Въ 1849 г. соредакторомъ Погодина является А. Ѳ. Вельтманъ, но вскорѣ Погодинъ съ нимъ расходится и «Москвитянинъ» дѣлается совершенно безцвѣтнымъ журналомъ.

Съ 1850 года оживляется «Москвитянинъ». Погодинъ становится лишь номинальнымъ редакторомъ, а настоящей душой журнала является кружокъ молодыхъ московскихъ писателей особаго направленія, близкаго къ славянофильству, и извѣстный въ исторіи нашей журналистики подъ именемъ «молодой редакціи Москвитянина». Во главѣ этого кружка стоятъ: знаменитый драматургъ А. Н. Островскій и Т. И. Филипповъ, въ то время скромный учитель одной изъ московскихъ гимназій, а въ настоящее время занимающій высокій постъ государственнаго контролера. Къ этому же кружку принадлежали: А. Ѳ. Писемскій, П. М. Садовскій, А. А. Григорьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Е. Н. Эдельсонъ и знаменитый импровизаторъ разсказовъ изъ русскаго народнаго быта И. Ѳ. Горбуновъ. Всѣ эти молодые писатели собирались въ гостинной гр. Е. П. Ростопчиной, литературная дѣятельность которой примыкала, такимъ образомъ, къ молодой редакціи «Москвитянина». У гр. Ростопчиной литераторы этого

кружка встрѣчались съ гр. Е. В. Салліасъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ, съ поэтомъ Л. А. Меемъ и съ едва начинавшимъ въ то время свои шаги на журнальномъ поприщѣ П. И. Бартепьевымъ. Кружокъ «молодой редакціи Москвитянина» былъ полонъ «народническихъ идеаловъ», но относился онъ къ народу нѣсколько иначе, чѣмъ правительственная программа императора Николая I, и понималъ его не такъ, какъ понимали и Погодинъ, и славянофилы. «Молодая редакція Москвитянина» была чужда политическихъ взглядовъ, теорій, исходившихъ изъ принципа народности, не смотрѣла на массы русскаго народа, какъ только на остатки русской старины и не искала въ немъ воплощенія абстрактныхъ философски-религіозныхъ началъ славянофильства, а смотрѣла на него гораздо проще, такъ сказать, реально. Она наблюдала и изучала бытъ простого русскаго человѣка, не затронутого европейскими вѣяніями Петровской реформы, изображала этотъ бытъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ произведеній, указывала на своеобразныя его проявленія въ рядѣ эстетическихъ и критическихъ очерковъ и собирала матеріалы для дальнѣйшаго его изученія. Н. П. Барсуковъ посвящаетъ *шесть* главъ (гл. VIII—XIII, стр. 58—98 тома XI-го) подробному повѣствованію о всѣхъ членахъ этого кружка. Главный интересъ повѣствованія заключается въ томъ, что всѣ эти главы, за исключеніемъ одной XI-й, написаны почти сплошь на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Т. И. Филипповымъ, и такимъ образомъ имѣютъ всю привлекательность мемуаровъ, давая читателю живые очерки изъ литературныхъ и общественныхъ московскихъ нравовъ начала 50-хъ годовъ. Весьма естественно, что появленіе на страницахъ «Москвитянина» литературныхъ произведеній Островскаго, Писемскаго и стихотвореній гр. Ростопчиной увеличило число читателей этого журнала и подняло въ публикѣ его значеніе. «Москвитянинъ» становился средоточіемъ журнальной дѣятельности въ Москвѣ, въ чемъ сознавались даже его противники. Погодинъ, занимая при молодой редакціи лишь скромную обязанность московскаго хроникера, оживился отъ успѣха «Москвитянина» и открылъ у себя литературные вечера, на которыхъ читались разными московскими писателями ихъ литературныя произведенія; но такое положеніе дѣлъ не устраняло разныхъ столкновеній Погодина съ членами «молодой редакціи». Многіе изъ сотрудниковъ «Москвитянина» охотно вступали въ сношенія съ Островскимъ и его товарищами, но не желали имѣть дѣла съ Погодинымъ, что приводило его къ мысли совсѣмъ передать журналъ Островскому.

Таковымъ является Погодинъ съ 1845 по 1852 годъ въ своихъ учено-литературныхъ занятіяхъ русскою исторіей и «Москвитянинномъ»,

средѣ того общаго политическаго настроенія, которое создалось подъ вліяніемъ событій 1848 г. Но этими занятіями далеко не исчерпывается все содержаніе многосторонней его личности, живой и отзывчивой на совершившееся вокругъ. Черты нравственнаго облика Погодина, его человѣческія свойства, положительныя и отрицательныя, рельефно выразились въ 1849 году, по случаю пребыванія въ Москвѣ императора Николая I; на этомъ то эпизодѣ, руководствуясь книгой Н. П. Барсукова, я и позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Въ мартѣ 1849 года, великимъ постомъ, императоръ Николай I со всей царской фамиліей посѣтилъ свою первопрестольную столицу и пробылъ въ ней праздникъ Св. Пасхи. Это пребываніе Государя въ Москвѣ имѣло политическое значеніе и ознаменовалось цѣлымъ рядомъ официальныхъ торжествъ, каковыми императоръ Николай I желалъ доказать и своимъ подданнымъ, и западной Европѣ истинность и реальность провозвѣщенныхъ имъ трехъ основныхъ началъ русской общественности: православія, самодержавія и народности. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, могутъ онлучше и полнѣе выразиться, какъ не въ Москвѣ, въ этомъ сердцѣ Россіи, съ ея православными и самодержавными преданіями, съ особенностями ея населенія? «Говорятъ, Государь хочетъ всю службу страстной недѣли прослужить въ Успенскомъ соборѣ», — писалъ И. С. Аксаковъ своему отцу, — «я вообще крѣпче возобновить свою связь съ народомъ, въ чемъ разумѣется и успѣеть». (т. X, стр. 221).

Во время этого пребыванія въ Москвѣ Государя, среди всѣхъ торжествъ, начавшихся въ Вербное воскресенье, 27 марта, особенно выдѣляется празднество въ домѣ генераль-губернатора, повторенное затѣмъ въ залахъ Россійскаго Благороднаго Собранія. Это празднество, называемое современниками «маскарадомъ», состояло въ историко-этнографическомъ наглядномъ «представленіи» силы и мощи самодержавной Россіи. Оно изображало встрѣчу Англійской королевы Елизаветы и ея двора съ Россіей въ видѣ представителей всѣхъ народностей, областей и городовъ и нѣкоторыхъ изъ замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей. Участники и участницы «маскарада» принадлежали къ высшему московскому обществу, къ дворянскому, свѣтскому кругу. Королева Елизавета и ея англійская свита были одѣты въ соответствующіе костюмы XVI вѣка, а костюмы лицъ, изображавшихъ Россію, отличались анахронизмомъ. Прежде всего въ «маскарадѣ» изображалась не историческая Россія XVI в., а Николаевская Россія половины XIX в. Представители этой «современной» Россіи шествовали на встрѣчу англичанамъ XVI в. по парѣ (мужчина и дама) отъ каждой почти губерніи и области русской, въ предшествіи княжкихъ отроковъ въ костюмахъ XVI—XVII вв. Эти губерніи и области располагались исторически,

по мѣрѣ вступленія ихъ въ составъ Россійскаго государства; начинались онѣ Кіевомъ и оканчивались Шемахой и Дербентомъ. Кромѣ того не было единства и системы въ представительствѣ. Сибирь, напримѣръ, не имѣла вовсе представителей своего населенія; ее изображалъ одинъ Ермакъ, слѣдовавшій непосредственно за Дербентомъ и замыкавшій шествіе. Всѣ три остзейскія (прибалтійскія) губерніи вмѣстѣ, затѣмъ Литва, Грузія, Финляндія и Царство Польское, эти отдѣльные этнографическіе районы, имѣли лишь по парѣ представителей, будучи поставлены такимъ образомъ наравнѣ съ отдѣльными коренными русскими губерніями. Малорусское племя и казаки разныхъ мѣстностей были перемѣшаны съ великоруссами. Очевидно, желали дать преимущество основному, коренному, русскому населенію и показать наглядно его фактическое преобладаніе надъ Малорусскимъ племенемъ и надъ инородцами. Изъ всѣхъ знаменитыхъ русскихъ людей удостоились чести быть включенными въ шествіе лишь пять. Шествіе открывалъ полумпавчскій Добрыня, дядя Владиміра Святого, а замыкалъ, какъ замѣчено выше, Ермакъ. Съ представителями Костромы шелъ Иванъ Сушанинъ, Нижній-Новгородъ изображался княземъ Пожарскимъ и Мининымъ, а Холмогоры — Ломоносовымъ.

Но московскія торжества были омрачены такъ называемымъ «дѣломъ Петрашевскаго», обнаруженнымъ въ апрѣлѣ 1849 года въ Петербургѣ; изъ частныхъ сборищъ молодыхъ людей, бесѣдовавшихъ о разныхъ социальныхъ и филантропическихъ вопросахъ, въ томъ числѣ и о крестьянской свободѣ, это дѣло было раздуто въ серьезное тайное политическое общество. Въ то же время, какъ въ историко-этнографическихъ празднествахъ, вся Москва любовалась народной русской одеждой, было объявлено правительственное гоненіе на бороду, это исконное отличіе русскаго народа отъ народовъ западной Европы, какъ на вывѣску «французскаго» свободомыслія. Такимъ образомъ императоръ Николай I заявлялъ совершенно опредѣленно, что помимо оффиціальной программы народности — никакой другой онъ не потерпитъ.

Погодинъ на страницахъ «Москвитянина» распускался въ восторгахъ, описывая пребываніе Царя въ Москвѣ и «торжество» у генералъ-губернатора и въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи (онъ не рѣшался называть его маскарадомъ); а въ своемъ «Дневникѣ» и частной перепискѣ «дѣло Петрашевскаго» объяснялъ тлетворнымъ вліяніемъ запада, отравившимъ Петербургъ, но не задѣвшимъ православной Москвы. Статья Погодина «Царь въ Москвѣ», отмѣчавшая въ звучныхъ фразахъ различіе Россіи отъ запада и указывавшая на православіе, самодержавіе и народность, какъ на основы этого различія — написана была совершенно въ духѣ тогдашнихъ правительственныхъ воззрѣній и по выпренности тона напоми-

нала манифестъ императора Николая I отъ 14 марта 1848 года. Эта статья послѣ цѣлаго ряда восторженныхъ пожеланій, начинавшихся съ восклицанія — «да здравствуетъ» и обращенныхъ ко всѣмъ русскимъ сословіямъ, къ представителямъ русской науки и литературы и ко всему «православному народу» — оканчивалась, какъ и манифестъ, молитвеннымъ воззваніемъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» Статья Погодина очень понравилась Государю и получила оффиціальное значеніе. Генераль-губернаторъ Закревскій просилъ у Погодина разрѣшенія перепечатать ее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Полицейской газетѣ». Погодинъ былъ въ восторгѣ и надѣялся, что Государь пожелаетъ его видѣть, — чего однако не послѣдовало. Погодинъ между тѣмъ желалъ еще болѣе разъяснить публикѣ значеніе царскаго пребыванія въ Москвѣ, но его желаніямъ былъ положенъ предѣлъ. Онъ обратился въ канцелярію генераль-губернатора съ просьбой, чтобъ ему былъ выданъ циркуляръ о сообщеніи ему всѣми вѣдомствами свѣдѣній о пребываніи императора Николая I въ Москвѣ, но просьба его не была уважена; написалъ онъ новую статью для «Москвитянина»: «Черты изъ пребыванія царскаго семейства въ Москвѣ», но статья эта не была разрѣшена къ печати. Императоръ Николай I находилъ, что довольно уже напечатано, — очевидно, онъ боялся, что усердіе, перейдя намѣченныя имъ грапицы, повредитъ тому впечатлѣнію отъ московскихъ торжествъ, на которое онъ, очевидно, рассчитывалъ: кромѣ Погодина излагали свои впечатлѣнія о пребываніи Государя въ Москвѣ, въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ прозѣ и стихахъ, Шевыревъ, Хомяковъ, Вельтманъ, Снегиревъ и другіе.

Западники глумились надъ статьею Погодина и устами Герцена назвали ее раболѣпною, но и единомышленники Погодина были ею не совсемъ довольны: за нѣкоторыя мѣста статьи «Царь въ Москвѣ» упрекали Погодина его пріятели — И. И. Давыдовъ и архіепископъ Херсонскій Иннокентій. Въ настоящее же время, какъ къ этой статьѣ, такъ и къ оставшимся въ рукописи «Чертамъ», мы можемъ относиться спокойнѣе и безпристрастнѣе. Погодинъ и въ той и въ другой былъ вполне искрененъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ въ обѣихъ статьяхъ писалъ именно то, что думалъ и ощущалъ въ данную минуту; но эти думы и ощущенія, какъ и его историческія воззрѣнія, отличались противорѣчіями и отсутствіемъ цѣльности въ міросозерцаніи.

Во время пребыванія Государя и царской фамиліи въ Москвѣ, Погодинъ знакомится и сближается со многими высокопоставленными людьми: съ генераль-губернаторомъ гр. Закревскимъ, съ гофмейстеромъ Двора Наслѣдника Цесаревича Д. В. Олсуфьевымъ, съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода гр. Протасовымъ, съ гр. Д. Н. Блудовымъ и его дочерью, граф.

Антониной Дмитріевной. Съ гр. Блудовымъ, какъ съ другомъ Карамзина и членомъ его литературнаго кружка, Погодинъ былъ знакомъ давно; теперь онъ только возобновилъ съ нимъ знакомство, а съ его дочерью познакомился впервые. Онъ велъ оживленныя бесѣды и съ нимъ, и съ нею о задачахъ русскаго просвѣщенія, о славянахъ, о современныхъ политическихъ событіяхъ въ западной Европѣ, о русской исторіи, и слѣды этихъ бесѣдъ сохранились въ интересной перепискѣ Погодина съ гр. Блудовой, возникшей съ 1849 года. Съ этого же времени начинаются у Погодина непосредственныя сношенія съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, которому онъ сообщаетъ свои политическія воззрѣнія на наши западныя отношенія и, главнымъ образомъ, на Восточный вопросъ. Замѣчу кстати, что эти политическія воззрѣнія, которыя позднѣе, во время Крымской войны и въ шестидесятыхъ годахъ, излагались Погодинымъ въ видѣ особыхъ публицистическихъ записокъ, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательны.

На всѣ эти отношенія съ высокопоставленными людьми Погодинъ возлагалъ большія надежды на исполненіе своихъ честолюбивыхъ помысловъ, что положительно отмѣчается въ его дневникѣ. Мечталъ Погодинъ, что онъ можетъ получить мѣсто помощника попечителя Московскаго учебнаго округа; но и мечты о болѣе высокомъ положеніи смущали его. Онъ мечталъ о должности воспитателя при старшемъ сынѣ Наслѣдника Престола (великомъ князѣ Николаѣ Александровичѣ, скончавшемся въ Ниццѣ въ 1865 году), или о званіи «Исторіографа», которое занималъ при императорѣ Александрѣ I — Карамзинъ. Мечтамъ его, однако, не суждено было исполниться, что его весьма естественно раздражало и о чемъ онъ точно также откровенно заносилъ въ свой «Дневникъ». Надо отдать справедливость Погодину, отмѣчая его отношенія къ высокопоставленнымъ лицамъ, что собственно духа приниженности, низкопоклонства незамѣтно съ его стороны въ этихъ отношеніяхъ. Онъ цѣнилъ свои связи съ вліятельными при дворѣ и въ высшемъ управленіи людьми лишь на столько, на сколько видѣлъ въ этомъ пользу для науки и просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ личную выгоду для себя, считая себя — и не безъ основанія — далеко не дюжиннымъ представителемъ русской науки; но онъ не преклонялся, не льстилъ первому попавшемуся царедворцу или случайному сановнику, и въ своихъ отношеніяхъ съ высокопоставленными людьми умѣлъ сохранить самоуваженіе и «благородную упрямку», напоминающую другого замѣчательнаго русскаго простолюдина, прославившаго себя въ области науки и литературы и жившаго за столѣтіе раньше его. Я разумѣю сына архангельскаго рыбака, ставшаго впоследствии русскимъ академикомъ — Ломоносова. Отношенія Погодина къ гр.

С. С. Уварову, С. Г. Строгонову и многимъ изъ поименованныхъ выше лицъ — напоминаютъ отношенія Ломоносова къ Ив. Ив. Шувалову; но столь же рѣзко, какъ Ломоносовъ отзывался о Сумароковѣ — отзывается Погодинъ о новомъ Московскомъ попечителѣ Назимовѣ и другихъ подобныхъ ему «новоявленныхъ» сановникахъ, и столь же упорно какъ и Ломоносовъ, отстаиваетъ Погодинъ свои ученые заслуги передъ непонимающими дѣло высокопоставленными людьми.

Я представилъ на основаніи обильнаго матеріала, собраннаго Н. П. Барсуковымъ, лишь контуры, абрисы общаго направленія времени съ начала 1845 до начала 1852 г. и личной, ученой и литературной дѣятельности Погодина за это время. Разсматриваемые тома книги Н. П. Барсукова, однако, далеко не ограничиваются этими данными; въ нихъ выводится цѣлая фаланга лицъ изъ міра, какъ литературнаго, такъ и служебнаго, — лицъ имѣвшихъ отношенія къ Погдину, и цѣлый рядъ явленій изъ тогдашней общественной московской и обще-русской жизни, въ которыхъ принималъ участіе Погодинъ. Если бы я захотѣлъ, хотя бы кратко, характеризовать весь этотъ матеріалъ, столь же кратко, какъ я поступалъ доселѣ относительно двухъ указанныхъ выше сторонъ труда г. Барсукова, то мнѣ поневолѣ пришлось бы излагать исторію русской общественности и русской образованности не только за означенные семь лѣтъ, но за несравненно большій хронологическій періодъ, отъ 30-хъ до 50-хъ годовъ включительно, такъ какъ для выясненія общественныхъ и литературныхъ отношеній Погодина во второй половинѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ было бы неизбежно коснуться предыдущихъ лѣтъ. А потому я ограничусь указаніемъ лишь на главнѣйшія изъ литературныхъ группъ, съ которыми находился въ общеніи Погодинъ, располагая ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) ближайшіе литературные друзья Погодина; 2) старые писатели Карамзинской школы; 3) литераторы и ученые петербургскіе, современники Погодина; 4) Гоголь и натуральная школа; 5) славянофилы; 6) западники и 7) литераторы и ученые позднѣйшихъ поколѣній 50-хъ годовъ.

1) Ближайшіе литературные друзья Погодина.

Во главѣ этой группы должны быть поставлены И. И. Давыдовъ и С. П. Шевыревъ. Первый изъ нихъ, старшій Погодина по годамъ, его профессоръ, а потомъ сотоварищъ по службѣ, носитель научнаго эклектизма и ви́шняго энциклопедизма, которыми характеризуется высшее русское преподаваніе въ первой четверти XIX вѣка, является представителемъ

той поры русской науки, когда она, лишенная строгой философской основы, представляла возможность одному лицу заниматься столь разнообразными отраслями знанія, какъ русская словесность, математика и классическая филологія. Давыдовъ былъ именно такимъ ученымъ, занимая въ московскомъ университетѣ съ 1817 г. кафедры философіи, латинской и русской словесности и высшей алгебры и въ свое время руководилъ Погодина въ началѣ его ученой карьеры. Самой этой карьерой Погодинъ былъ ему во многомъ обязанъ. Близкія отношенія Давыдова къ Погодину начинаются со студенчества послѣдняго и подробно излагаются г. Барсуковымъ въ предыдущихъ томахъ «Жизни и трудовъ Погодина». Въ разсматриваемыхъ же идетъ рѣчь о слѣдующихъ фактахъ изъ жизни Давыдова: о назначеніи его директоромъ только что учрежденнаго въ Петербургѣ Главнаго Педагогическаго Института въ 1846 г., объ отъѣздѣ его въ Петербургъ и о предсѣдательствѣ во II-мъ отд. Академіи Наукъ (т. VIII, гл. LVI; т. IX, гл. XXXII; т. XI, гл. LXXIII).

Несравненно болѣе свѣдѣній за 1845—1852 гг. находимъ мы въ книгѣ г. Барсукова о младшемъ сотоварищѣ и учено-литературномъ единомышленникѣ Погодина, С. П. Шевыревѣ, извѣстномъ профессорѣ россійской словесности въ московскомъ университетѣ, эстетическомъ критикѣ и панегиристѣ древней до-Петровской Руси. Здѣсь мы встрѣчаемъ подробный рассказъ о его публичныхъ лекціяхъ въ Москвѣ, возбуждавшихъ въ свое время столько толковъ и противоположаемыхъ его пріятелями публичнымъ лекціямъ Грановскаго, приводившимъ въ восторгъ тогдашнее молодое поколѣніе. Подъ знамя Шевырева становилась старая университетская партія того времени, ему же симпатизировали и охранительные кружки среди московскаго общества. Излагаются здѣсь и университетскія отношенія Шевырева, и отношенія къ Погодину, его ссоры съ нимъ и примиренія, его сотрудничество въ «Москвитянинѣ», и сношенія его съ славянскими учеными, и полемика съ западниками. Специально Шевыреву посвящено *восемнадцать* главъ: (т. VIII, гл. XII, XXXVII, XLI, XLVIII, LI, LVI; т. IX, гл. III, X, XLIV—XLVI, XLVIII—L; т. XI, гл. XXXII, XXXIV, XXXVII, XXXVIII). Кромѣ того, свѣдѣнія о немъ встрѣчаются въ главахъ о «Москвитянинѣ», о Грановскомъ, о Гоголѣ и другихъ.

Третьимъ ученымъ союзникомъ Погодина является знаменитый археологъ П. М. Строевъ, которому Н. П. Барсуковъ посвятилъ особую обширную монографію — «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб., 1878 г. in 8°, 668 стр. Съ Строевымъ Погодинъ познакомился въ 1820 г., и долготѣнія отношенія съ нимъ при занятіяхъ ихъ обоихъ на одномъ поприщѣ изученія русскихъ древностей не могли, само собою, обойтись безъ цѣлаго ряда обоюдныхъ недоразумѣній и даже нѣсколькихъ рѣзкихъ раз-

молвокъ. Не мало передаетъ г. Барсуковъ объ этихъ отношеніяхъ Погодина къ Строеву во всѣхъ предыдущихъ томахъ «Жизни и трудовъ Погодина». Что же касается до ихъ взаимныхъ отношеній 40-хъ годовъ, съ 1845 по 1850, то они являются довольно натянутыми, вслѣдствіе прежнихъ недоразумѣній. Подробному изложенію ихъ г. Барсуковъ посвящаетъ четыре главы (т. VIII, гл. XXI, XXIII; т. IX, гл. XXI и т. X, гл. LV).

Перечень ближайшихъ ученыхъ друзей Погодина былъ бы, однако, неполонъ при отсутствіи четырехъ ученыхъ, дѣятельности которыхъ въ свое время г. Барсуковъ посвятилъ также спеціальную монографію, подъ оригинальнымъ названіемъ «Русскіе палеологи 40-хъ годовъ», Спб., 1880 г. Эти четыре ученые суть: А. М. Кубаревъ, И. П. Сахаровъ, В. М. Ундольскій и О. М. Бодянский. Имъ отведено во многихъ мѣстахъ разсматриваемыхъ томовъ книги г. Барсукова по нѣскольکو очень интересныхъ страницъ.

2) Старые писатели Карамзинской школы.

Изъ этихъ писателей Н. П. Барсуковъ всего болѣе отводитъ мѣста кн. П. А. Вяземскому, извѣстному русскому поэту и публицисту, пережившему нѣскольکو литературныхъ поколѣній и до конца своей долгой жизни оставшемуся неизмѣнно вѣрнымъ литературнымъ традиціямъ своей молодости. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что лично Н. П. Барсуковъ былъ близокъ къ самому кн. П. А. Вяземскому, сохранилъ близкія отношенія ко всему его семейству и долго занимался редактированіемъ полного собранія его сочиненій, изданныхъ гр. С. Д. Шереметевымъ. Г. Барсуковъ посвящаетъ цѣлую главу (т. IX, гл. XLVI) разсказу о появленіи въ свѣтъ въ 1848 году дѣйствительно весьма интересной и до сихъ поръ не утратившей своего значенія книги кн. П. А. Вяземскаго о Фонвизинѣ; двѣ главы (т. X, гл. XXI, XXII) описанію празднованія въ 1849 г. пятидесятилѣтняго юбилея Жуковскаго въ домѣ кн. Вяземскаго и одна глава — путешествію кн. Вяземскаго на востокъ въ 50-мъ году и его чествованію по возвращеніи оттуда. Кромѣ того, кн. Вяземскій является на многихъ страницахъ, въ качествѣ сотрудника «Москвитянина», на ряду съ В. А. Жуковскимъ, о чемъ была рѣчь выше. Такимъ же писателемъ Карамзинской школы является А. И. Тургеневъ, другъ всей семьи Карамзиныхъ, скончавшійся въ Москвѣ 5 декабря 1845 г. О немъ г. Барсуковъ въ разбираемыхъ томахъ приводитъ немного свѣдѣній, такъ какъ Тургеневъ лишь 14 августа 1845 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Парижа и, слѣдовательно, въ этомъ году находился въ общеніи съ Погодинымъ очень короткое время; но данныя, приводимыя г. Барсуковымъ для характеристики этого просвѣщеннаго русскаго филантропа XIX вѣка, и от-

звѣтъ о немъ Погодина въ высшей степени интересны (т. VIII, гл. XXXI и XXXII).

3) *Литераторы и ученые петербургскіе — современники Погодина.*

Н. А. Полевой, этотъ предтеча московскихъ западниковъ, закончившій свою литературную дѣятельность, подъ гнетомъ несчастныхъ для него обстоятельствъ, полнымъ подчиненіемъ оффиціальной программѣ народныхъ русскихъ началъ, умеръ 26 февраля 1846 г., и Погодинъ помянулъ его замѣчаніями по поводу біографическаго его очерка, написаннаго Бѣлинскимъ; помянулъ онъ Полевого недобрымъ словомъ за блестящій періодъ его литературной дѣятельности, періодъ «Московского Телеграфа»; досталось также порядкомъ и Бѣлинскому (т. VIII, гл. LVII).

Въ близкихъ отношеніяхъ находился Погодинъ къ двумъ ученымъ петербургскимъ — къ Н. И. Надеждину и А. А. Кунику; съ первымъ, перешедшимъ въ 40-хъ годахъ на службу въ Петербургъ, связывали Погодина давнишнія отношенія по продолжительной литературной и журнальной дѣятельности Надеждина въ Москвѣ; второй былъ близокъ къ Погодину въ качествѣ усерднаго послѣдователя Норманской теоріи Байера и Шлёцера (см. т. IX, гл. XIX; т. X, гл. XLVII и т. XI, гл. LXXII).

Представитель кафедры русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и Академіи Наукъ Н. Г. Устряловъ, подыскивавшій историческія оправданія политической программѣ императора Николая I, не пользовался симпатіями Погодина, вслѣдствіе личныхъ съ нимъ недружелюбныхъ отношеній, обострившихся изъ-за соперничества на общемъ имъ учебномъ поприщѣ. Погодинъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» рѣзкій отзывъ объ «Исторіи» Устрялова извѣстнаго синолога О. Іакинфа Бичурина за неправильныя сужденія по различнымъ вопросамъ, гдѣ исторія Россіи соприкасается съ востокомъ (а такихъ вопросовъ въ русской исторіи немало!) (см. т. VIII, гл. I); но когда Устряловъ въ 1847 г. пріѣхалъ въ Москву для собранія матеріаловъ по составляемой имъ «Исторіи Петра Великаго», то былъ принятъ очень любезно Погодинымъ. Г. Барсуковъ подробно излагаетъ осмотръ Устряловымъ Погодинскаго «Древлехранилища» и объѣдъ у Погодина въ честь Устрялова и, кромѣ того, сообщаетъ интересный эпизодъ, весьма характерный для той эпохи. Извѣстно, что императоръ Николай I не благоволилъ къ Ал. Петр. Ермолову и, наоборотъ, весьма цѣнилъ И. О. Паскевича-Эриванскаго и И. И. Дибича; вслѣдствіе взаимныхъ недружелюбныхъ отношеній этихъ трехъ полководцевъ послѣдовало увольненіе Ермолова отъ управленія Кавказомъ. Устряловъ, написавшій въ сороковыхъ годахъ «Историческій обзоръ царствованія императора Николая I», долженъ былъ представить на раз-

смотрѣніе самого Государя эту книгу, при чемъ императоръ Николай I зачеркивалъ и измѣнялъ въ текстѣ Устрялова не только выраженія, но цѣлыя освѣщенія событій; такимъ измѣненіямъ подверглось изображеніе дѣятельности Ермолова на Кавказѣ и отношеній къ нему Паскевича и Дибича (т. IX, гл. XXI). А. П. Ермоловъ, не знавшій всѣхъ этихъ подробностей, приписывалъ все высказанное противъ него лично Устрялову и, разумѣется, имѣлъ все основаніе быть серьезно оскорбленнымъ.

Съ знаменитымъ нѣкогда редакторомъ «Библіотеки для Чтенія» Ос. Ив. Сенковскимъ, Погодинъ былъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, не смотря на то, тотъ не только не раздѣлялъ преклоненія передъ Гоголемъ самого Погодина и людей 40-хъ годовъ, какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ, но жестоко преслѣдовалъ автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» на страницахъ своего журнала (т. VIII, гл. XXXIX).

4) Гоголь и «натуральная школа».

Литературная дѣятельность и самая личность Гоголя, какъ извѣстно, занимаютъ выдающееся положеніе въ умственномъ и общественномъ развитіи Россіи XIX вѣка. Гоголь, талантливо изобразившій въ своихъ произведеніяхъ современную русскую дѣйствительность, является основателемъ художественно-реальной русской прозы и родоначальникомъ цѣлаго литературнаго направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, личныя воззрѣнія Гоголя, политическія и религіозныя, отличавшіяся въ послѣдніе годы его жизни не только ультра-ретрограднымъ направленіемъ, превосходившимъ даже охранительную политическую программу императора Николая I, по выказывавшія въ великомъ русскомъ писателѣ необыкновенный духъ гордыни и самоиѣнія, произвели во всемъ мыслящемъ русскомъ обществѣ, безъ различія партій и направленій, необыкновенно тяжелое впечатлѣніе. И литературныя произведенія и воззрѣнія Гоголя подверглись оцѣнкѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія въ разныхъ литературныхъ и общественныхъ кружкахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Критикомъ - панегиристомъ Гоголя - поэта явились, какъ западники съ Бѣлипскимъ во главѣ, такъ и славянофилы. Первые обратили преимущественное вниманіе на отрицательныя стороны русской дѣйствительности, выступающія въ его «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» — вторые на положительныя, какъ на изображеніе русскаго быта. Гоголь - мыслитель, выразившійся, главнымъ образомъ, въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», писанныхъ въ 1845—1846 гг. и вышедшихъ въ 1847 г., привлекъ къ себѣ мало симпатій, но возбудилъ противъ себя нападки не только въ лагерѣ прогрессистовъ, но и среди своихъ друзей и поклонниковъ, людей консервативнаго образа мыслей. Н. П. Барсуковъ представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія этого

общаго неблагопріятнаго впечатлѣнія на мыслящихъ русскихъ людей отъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки Гоголя съ друзьями», и матеріаль этотъ не потерялъ своего значенія даже послѣ всесторонней его обработки г. Шенрокомъ въ его послѣднихъ трудахъ по біографіи Гоголя.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, нѣкоторые русскіе публицисты «охранительнаго направленія» стремятся убѣдить русскую публику въ томъ, что въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, Гоголь достигъ вершины своего духовнаго развитія и взглянулъ должнымъ образомъ на настоящія потребности и задачи русскаго просвѣщенія съ религіозной, христіанской точки зрѣнія. Самъ Н. П. Барсуковъ раздѣляетъ это воззрѣніе, но сообщаемые имъ же факты приводятъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ.

При появленіи книги Гоголя въ ея защиту энергически высказался, главнымъ образомъ, кн. П. А. Вяземскій; выражала ей свое сочувствіе въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ личный другъ Гоголя, А. О. Смирнова; но всѣ остальные литераторы, не исключая даже такихъ старовѣровъ литературы, какъ Погодинъ и Шевыревъ, обрушились на книгу Гоголя. Еще до появленія извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю изъ Зальцбрунна, писалъ С. Т. Аксаковъ, какъ самому Гоголю, такъ и своему сыну И. С. Аксакову, весьма рѣзкіе отзывы о религіозныхъ, общественныхъ и литературныхъ воззрѣніяхъ Гоголя. Въ концѣ декабря 1846 г., когда книга Гоголя была уже отпечатана, но еще не вышла въ свѣтъ, С. Т. Аксаковъ писалъ Гоголю слѣдующія знаменательныя строки:

«Уже давно начало не нравится мнѣ ваше религіозное направленіе. Не потому, что я, будучи плохимъ христіаниномъ, плохо понималъ его и оттого боялся; но потому, что проявленіе христіанскаго смиренія казалось мнѣ проявленіемъ духовной гордости вашей... Между тѣмъ, ваше новое направленіе развивалось и росло... каждое ваше письмо подтверждало ихъ. вмѣсто прежнихъ дружескихъ, теплыхъ изліяній, начали появляться наставленія проповѣдника, таинственныя, иногда пророческія, всегда холодныя и, что хуже всего, полныя гордыни въ рубищѣ смиренія... Опасенія мои превратились въ страхъ... Въ это время меня начинала постигать ужасная бѣда: я терялъ безвозвратно зрѣніе... Отчаяніе овладѣло мною. Я излилъ скорбь мою въ вашу душу и получилъ въ отвѣтъ нѣсколько сухихъ и холодныхъ строкъ... Не много было предметовъ, возбуждавшихъ мое душевное участіе; но вы были изъ первыхъ. Тѣлесное здоровье ваше, какъ видно, поправилось и дѣятельность возобновилась; но какая дѣятельность?... Предисловіе ваше ко второму изданію «Мертвыхъ душъ» поразило меня... и когда Шевыревъ читалъ мнѣ его, то мои стenanія отъ физическихъ мученій замѣнились стenanіями душевными... Вслѣдъ за этимъ разнеслись темныя слухи, что въ Петербургѣ печатается цѣлая книга ва-

шихъ сочиненій, состоящая изъ проповѣдей и пророчествъ; ваше признаніе, что все написанное вами до сихъ поръ ничтожно и недостойно вниманія... и наконецъ ваше завѣщаніе, чтобъ не ставили никакого памятника на вашей могилѣ... Вы нѣкогда обвиняли меня въ неполной искренности, вы требовали безпощадной правды,—вотъ она». (См. т. VIII, стр. 527—528).

И. С. Аксаковъ, подъ вліяніемъ А. О. Смирновой, увлекся книгой Гоголя при ея появленіи и на изліяніе своихъ восторговъ отъ нея получилъ отъ отца въ письмѣ отъ 14-го января 1847 г., слѣдующее возраженіе. «Я также прочелъ всю книгу Гоголя. Еслибъ я не имѣлъ утѣшенія думать, что онъ на нѣкоторыхъ предметахъ помѣшался, то жесткимъ бы словомъ я назвалъ его. Я вижу въ Гоголѣ добычу сатанинской гордости, а не христіанскаго смиренія». И. С. Аксаковъ вскорѣ и самъ пришелъ къ заключеніямъ не въ пользу Гоголя; но самымъ яримъ противникомъ книги Гоголя явился откровенный и задушевный старшій его братъ, К. С. Аксаковъ, обратившійся къ Гоголю съ рѣзкими нападками на его «важныя и еще болѣе важничающія письма съ ихъ глубокомысліемъ, частью наружнымъ, частью ложнымъ».

Погодинъ былъ лично оскорбленъ книгой Гоголя, гдѣ нашелъ напечатанной весьма для него нелестную свою собственную характеристику и слѣдующую надпись автора на экземплярѣ, имъ присланномъ: «Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему; Оумѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей, — дарить сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его челоуѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопрятнѣйшій его самого». Погодинъ также совершенно справедливо вознегодовалъ на Гоголя за сожженіе его сочиненій и за своеобразныя размышленія на религіозныя темы. Въ «Дневникѣ» своемъ Погодинъ записалъ подъ 10-мъ января 1847 г. о Гоголѣ слѣдующее: «Онъ помѣшался, и пожалѣлъ объ немъ, прочелъ другія мѣста — расхохотался». На другой день, прочитавъ всю книгу, Погодинъ писалъ снова въ своемъ «Дневникѣ». «Увидѣлъ, что Гоголь не хотѣлъ обругать меня и дать публичную оплеуху въ назиданіе, и примирился съ нимъ мыслию. Ни досады, ни огорченія не осталось. А горько то, что онъ все-таки помѣшался, и въ помѣшательствѣ сжегъ свои сочиненія. По сужденію объ его книгѣ буду судить о людяхъ. Это дастъ мнѣ масштабъ. Много страницъ превосходныхъ. А помѣшательство произвело въ немъ гордость, какъ я видѣлъ уже давно. Онъ считаетъ своею обязанностью учить всѣхъ. Вотъ научилъ и меня! Христіанство съ апплике, а не серебряное, Богъ съ нимъ. Радъ, что не сержусь». Выходка Гоголя противъ Погодина весьма естественно возмутила друзей Погодина, и за

него заступились С. Т. Аксаковъ и С. П. Шевыревъ; послѣдній соби-
рался даже напечатать безошадный разборъ книги Гоголя; написалъ Го-
голю и очень откровенное и рѣзкое письмо; самъ Погодинъ. Но черезъ
годъ съ небольшимъ боль отъ Гоголевскихъ уколовъ нѣсколько поутихла,
и въ 1848 г., Шевыревъ помѣстилъ въ «Москвитяинѣ» весьма умѣрен-
ный разборъ «Переписки съ друзьями»; въ этой статьѣ онъ отказывался
объявить психическое состояніе Гоголя, приведшее его къ сожженію
2-го тома «Мертвыхъ душъ», но сдѣлалъ Гоголю справедливый упрекъ
за то, что онъ изъ художника обратился въ дидактика. Жуковскій, жив-
шій въ то время въ Германіи, не одобрялъ появленія въ свѣтъ «Переписки
Гоголя съ друзьями».

Но особенно знаменательнымъ является то обстоятельство, что лица
духовныя и въ числѣ ихъ столь извѣстные іерархи русской церкви, какъ
Московскій митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Херсонскій Иннокентій,
отнеслись отрицательно къ книгѣ Гоголя. Группируя факты изъ этихъ от-
рицательныхъ воззрѣній, сколько намъ извѣстно впервые, г. Барсуковъ
выражаетъ сожалѣніе, что онъ «имѣетъ весьма скудныя свѣдѣнія объ от-
ношеніи нашего духовенства къ книгѣ Гоголя» (т. VIII, стр. 561). Дѣй-
ствительно весьма жаль, что почтенный авторъ, склоняясь на сторону Го-
голя, не потрудился собрать болѣе подробныя свѣдѣнія по этому любо-
пытному вопросу. Такъ напримѣръ, у него не приводится воззрѣній на
«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» архимандрита Феодора,
бывшаго въ 50-хъ годахъ профессоромъ и инспекторомъ Казанской Духов-
ной академіи и весьма своеобразнаго богословскаго мыслителя. Архиман-
дритъ Феодоръ, христіанскій мистикъ, видѣлъ въ развитіи истиннаго про-
свѣщенія и основанной на христіанскихъ началахъ политической и обще-
ственной жизни христіанскихъ народностей дальнѣйшее логическое развитіе
христіанскаго вѣрованія, потому что Іисусъ Христосъ поставилъ себя на
землѣ во всѣ условія челоуѣческой жизни, все искупилъ цѣною своей крови
и служить единымъ источникомъ и основаніемъ всякаго блага, истины и
красоты. Съ этой точки зрѣнія о. Феодоръ, молодой монахъ, окончившій
курсъ въ Московской Духовной академіи въ 1846 г., написалъ въ 1848 г.
«Три письма къ Гоголю» (изд. въ Петербургѣ въ 1861 г.), въ которыхъ
подробно разобралъ его книгу. О. Феодоръ хотя и называетъ въ нихъ Го-
голя «сыномъ Христовымъ», но не можетъ одобрить всѣхъ его воззрѣній,
идушихъ въ разрѣзъ съ его собственными. Личность и судьба архиман-
дрита Феодора, челоуѣка твердаго и искренняго убѣжденія, весьма замѣча-
тельны; но объ этомъ не мѣсто распространяться здѣсь. Замѣчу только
во 1-хъ, что въ указанномъ выше духѣ напечатано о. Феодоромъ любопыт-
ное изслѣдованіе: «О православіи въ отношеніи къ современности», и во

2-хъ, что убѣдившись въ несоотвѣтствіи своихъ нравственныхъ силъ съ ищескимъ подвигомъ, онъ въ 1863 г. не только вышелъ изъ монашества, но даже женился и скончался, нуждаясь въ самыхъ необходимѣйшихъ средствахъ къ жизни, 2-го апрѣля 1871 г. (См. ст. проф. П. В. Зпаменскаго, «Печальное двадцатипятилѣтіе», «Православн. Собесѣдн.», 1896 г. и отд. отд., Казань, 1896 г.).

Но и изъ тѣхъ неполныхъ данныхъ, которыя находятся у г. Барсукова, мы можемъ получить небезынтересные выводы. Такъ мы видимъ, что митрополитъ Филаретъ заявлялъ, что Гоголь во многомъ заблуждается, а архіепископъ Иннокентій просилъ Гоголя, «не парадировать набожностью, которая любитъ внутреннюю клѣтъ» и предупреждалъ его, что если онъ будетъ неумѣренъ, то молодежь подниметъ его на смѣхъ и плода не будетъ. Весьма интересны отзывы о книгѣ Гоголя двухъ менѣе извѣстныхъ духовныхъ лицъ: архіепископа Калужскаго Григорія, бывшаго во время появленія книги Гоголя ректоромъ Казанской Духовной академіи, и протоіерея г. Ржева, Тверской губерніи о Матвѣя Константиновскаго; о послѣднемъ изъ нихъ г. Барсуковъ приводитъ интересныя выдержки изъ воспоминаній Т. И. Филиппова (т. VIII, стр. 563—569). Преосвященный Григорій, уже будучи архіереемъ въ Калугѣ, долго спустя послѣ смерти Гоголя, при оживленномъ разговорѣ о немъ въ одномъ высокопоставленномъ калужскомъ домѣ, произнесъ такой приговоръ о «Перепискѣ Гоголя съ друзьями»: «Э, полпоте, — какой онъ богословъ, онъ просто сбившійся съ истиннаго пути пустословъ» (т. VIII, стр. 563). О. Матвѣй, не будучи лично знакомъ съ Гоголемъ, по появленіи его книги, вступилъ съ нимъ въ переписку и въ письмахъ своихъ доказывалъ Гоголю, что его книга должна произвести вредное дѣйствіе, «что онъ дастъ за нее отвѣтъ Богу» и въ видѣ искупленія за свой грѣхъ совѣтуетъ великому русскому писателю бросить имя литератора и идти въ монастырь» (т. VIII, стр. 571).

Если отпеслись такъ къ книгѣ Гоголя его единомышленники, друзья и лица духовныя, то какое же могла она произвести впечатлѣніе среди западниковъ? И дѣйствительно, всѣ писатели этого направленія со старѣйшимъ западникомъ, П. А. Чаадаевымъ, во главѣ, Боткинъ, Анненковъ, Бѣлинскій и другіе, въ своей частной перепискѣ изливаютъ желчь и злобу на Гоголя. Изъ этихъ писемъ широкую извѣстность получило письмо къ Гоголю В. Г. Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна отъ 15 іюля 1847 г., разошедшееся въ большомъ количествѣ списковъ. Это письмо, исполненное жара и искренности, заключаетъ въ себѣ самую справедливую и мѣткую характеристику злосчастнаго настроенія Гоголя, выразившагося въ его книгѣ, и помимо нападокъ на Гоголя, по ясно выраженному въ немъ міросозерцанію самого Бѣлинскаго, послужило къ окончательному разрыву

между западниками и славянофилами. Напрасно г. Барсуковъ подчеркиваетъ въ порицательномъ смыслѣ собственныя выраженія Бѣлинскаго, прекрасно характеризующія его настроеніе при прочтеніи книги Гоголя, выраженія, заимствованныя изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, написаннаго до письма его къ Гоголю; такое настроеніе Бѣлинскаго весьма близко къ настроенію С. Т. Аксакова, указанному выше. Весьма неосторожно и невѣрно характеризуетъ Н. П. Барсуковъ и все западническое направленіе (т. VIII, стр. 579) и заявляетъ, что «нравственное чувство не позволяетъ ему привести письма Бѣлинскаго въ его цѣломъ видѣ» (ibid). Онъ приводитъ лишь выдержки изъ этого письма по списку, принадлежавшему А. А. Краевскому и нынѣ хранящемуся въ отдѣленіи рукописей Императорской Публичной Библиотеки. Такое воззрѣніе на письмо Бѣлинскаго къ Гоголю можетъ дать невѣрное о немъ представленіе читателямъ книги г. Барсукова, незнакомымъ близко съ литературой умственного движенія въ Россіи 40-хъ годовъ. Они даже не будутъ знать, что это письмо задолго до книги г. Барсукова, а именно въ 1855 г., и притомъ въ полномъ видѣ, было напечатано на русскомъ языкѣ, о чемъ умалчиваетъ Н. П. Барсуковъ: письмо это было напечатано Герценомъ въ 1-й книгѣ «Полярной Звѣзды» на 1855-й годъ. Письмо Бѣлинскаго произвело на Гоголя сильное впечатлѣніе и онъ долго не рѣшался отвѣчать ему, и Н. П. Барсуковъ кромѣ отправленнаго Гоголемъ письма къ Бѣлинскому приводитъ, по изданію сочиненій Гоголя П. А. Кулиша, еще другое неотправленное къ нему письмо Гоголя. Эта рукописная полемика западниковъ съ Гоголемъ могла лишь отчасти и весьма неполно, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, найти себѣ мѣсто въ «Отеч. Запискахъ» и въ «Современникѣ». Послѣдній журналъ, въ добавленіе къ помѣщенному въ немъ разбору Бѣлинскаго книги Гоголя, перепечаталъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» рѣзкія письма все по поводу той же книги Гоголя Н. Ф. Павлова. Припомнимъ, что «Московскія Вѣдомости», въ то время были оффиціальной газетой, а Павловъ, близкій со многими западниками, далеко не былъ ихъ единомышленникомъ и состоялъ въ большой дружбѣ съ Шевыревымъ.

Во время появленія «Выбранной переписки съ друзьями», Гоголь находился за границей. Озлобленіе противъ него Погодина было временнымъ, и къ концу 1847 года возобновились ихъ близкія отношенія: Погодинъ, повидимому, увѣровалъ въ истинность воззрѣній Гоголя, забывъ нанесенное ему лично оскорбленіе. Н. П. Барсуковъ не разъясняетъ этого примиренія, но мнѣ кажется, что врядъ ли я буду неправъ, придя къ слѣдующему толкованію. Общая точка зрѣнія Гоголя на отношенія вѣрованія къ разуму, христіанской религіи къ наукѣ и на конечныя задачи русскаго народа — была солидарна съ воззрѣніями Погодина; и еще болѣе Пого-

динъ почувствовалъ къ ней влеченія, благодаря яримъ нападкамъ на Гоголя западниковъ вообще и Бѣлинскаго въ частности. Этимъ примиреніемъ Погодина съ Гоголемъ объясняется и умѣренный тонъ статьи Шевырева о «Перепискѣ съ друзьями», помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1848 г. Въ январѣ этого года Гоголь изъ Неаполя направился въ Палестину и въ апрѣлѣ уже прибылъ оттуда въ Одессу. Проведя лѣто въ своемъ полтавскомъ имѣніи Васильевкѣ, Гоголь осенью 1848 г. пріѣхалъ въ Москву и остановился у Погодина. Съѣздивъ на короткое время въ Петербургъ, онъ возвратился въ Москву, снова найдя гостепріимный пріютъ у Погодина, и отъ него уже переѣхалъ къ гр. А. П. Толстому (т. IX, гл. LI).

Я не стану долѣе слѣдить за любопытными подробностями, передаваемыми Н. П. Барсуковымъ и относящимися къ дальнѣйшему пребыванію Гоголя въ Москвѣ и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ съ Погодинымъ. Между ними не только произошло полное примиреніе, но Погодинъ восчувствовалъ къ Гоголю искреннее восхищеніе. Гоголь уже болѣе не покидалъ отечества. Побывавъ нѣсколько разъ на югѣ Россіи, повидавшись съ своей матерью у себя въ деревнѣ, посѣтивъ Аксаковыхъ и А. О. Смирнову въ ихъ деревенскомъ уединеніи, онъ все болѣе и болѣе разрушался и духовно, и физически, и наконецъ тихо скончался въ Москвѣ 21 февраля 1852 г. Всѣмъ этимъ подробностямъ Н. П. Барсуковъ посвящаетъ *одинадцать* главъ (т. X, гл. XXXVIII и XXXIX; т. XI, гл. XIX, XX, XXI, LXXVI — LXXXI).

Художественный реализмъ въ изящной литературѣ, главнымъ образомъ въ романѣ и повѣсти, завѣщанный Гоголемъ, проявился въ подражаніяхъ Гоголю и подражатели эти, извѣстные подъ именемъ «натуральной школы», вышли изъ среды молодыхъ петербургскихъ писателей западначескаго лагеря, а потому были несимпатичны ни славянофиламъ, ни Погодину. Однимъ изъ выдающихся дебютантовъ-писателей «натуральной школы» былъ знаменитый впоследствии И. С. Тургеневъ, который до 1847 г. помѣщалъ свои повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ», и съ 1847 г. началъ печатать въ «Современникѣ» «Записки Охотника».

5) Славянофилы.

Многіе до сихъ поръ, разумѣя подъ славянофилами всѣхъ, кто признаетъ самобытность русскаго народа, симпатизируетъ русской до-Петровской старинѣ и не преклоняется слѣпо передъ западно-европейской цивилизаціей, причисляютъ къ славянофиламъ и Погодина. Между тѣмъ, это большая ошибка. Міросозерцаніе славянофиловъ и міросозерцаніе Погодина существенно различаются и сходство ихъ только внѣшнее.

Славянофилы, сходясь съ Погодинымъ въ любви ко всему русскому, въ особенности къ до-Петровской старинѣ, и въ отрицательномъ отноше- ній къ западной Европѣ, существенно отличались отъ него, какъ самыми свойствами своего мышленія, такъ и основами воззрѣній. Въ противу- положности Погодину, они были прежде всего апріорными мыслителями-теоретиками съ сильно развитымъ синтезомъ, и на явленія какъ совре- менной русской жизни, такъ и русской исторіи, смотрѣли съ пред- взятой, отвлеченно-теоретической точки зрѣнія; а эта точка зрѣнія опредѣлялась ихъ религіозно-нравственными убѣжденіями, исходившими изъ ученія Восточно-православной Христіанской церкви, но сильно измѣненнаго подѣ влияніемъ доктринъ нѣмецкой идеалистической философіи. Русское самодержавіе понимали славянофилы также весьма своеобразно, идеализируя власть Московскаго Царя и не сочувствуя тѣмъ формамъ рус- скаго государственнаго быта, которыя были заимствованы съ запада Пе- тромъ Великимъ и, по ихъ ученію, насильственно привиты имъ русскому народу. Народъ, народность понимали они въ смыслѣ совокупности свое- образныхъ бытовыхъ и нравственныхъ началъ, присущихъ русскому на- роду, какъ одному изъ величайшихъ народовъ въ восточномъ европейскомъ мірѣ греко-славянскомъ, во всемъ противоположномъ западно-европейскому міру—романо-германскому. Кромѣ того, славянофилы относились къ офици- альнымъ сферамъ и къ официальному пониманію «народности» совершенно иначе чѣмъ Погодинъ. Обладая строгой нравственной выдержкой, они от- личались большой независимостью и были совершенно чужды тѣмъ често- любивымъ мечтамъ, которымъ такъ часто предавался Погодинъ. Эту нравственную и общественную независимость славянофиловъ высоко цѣнили и ставили имъ въ большую заслугу даже ихъ общественно-литературные враги—западники. Съ Погодинымъ славянофилы не дружили и изъ нихъ только одинъ Хомяковъ, по старинному знакомству съ Погодинымъ, нахо- дился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Съ семьей Аксаковыхъ, Елагиными и Кирѣевскими—Погодинъ имѣлъ давнишнія литературныя связи, но не всегда дружелюбныя и, какъ мы видѣли, желалъ всячески привлечь ихъ къ своему журналу, что ему, однако, не удалось. Изъ числа младшихъ поколѣ- ній славянофиловъ было нѣсколько слушателей Погодина, и во главѣ ихъ Ю. О. Самаринъ, только что выступившій въ исходѣ 40-хъ годовъ на литературное поприще.

Н. П. Барсуковъ собралъ очень много интереснаго и важнаго ма- теріала для изученія славянофиловъ. Передъ читателемъ VIII—XI томовъ его книги проходятъ, съ своими религіозными, общественными и философ- скими идеалами всѣ названные выше корифеи славянофильскаго направле- нія и ихъ второстепенные адепты, какъ Д. А. Валуевъ († 1845 г.), Н. М.

Языковъ († 1846 г.) и В. А. Пановъ († 1849 г.). Особенно много мѣста удѣляетъ г. Барсуковъ разсмотрѣнію какъ ученой и публицистической дѣятельности, такъ и обстоятельствамъ жизни Хомякова (т. VIII, гл. XI; т. IX, гл. LI; т. X, гл. I; т. XI, гл. XVI, XVIII, LXXII, LXXVII и LXXVIII), И. С. Аксакова, въ то время далеко не раздѣлявшаго всѣхъ славянофильскихъ воззрѣній (т. VIII, гл. IX, XL; т. X, гл. LVIII—LX; т. XI, гл. XVIII) и Ю. О. Самарина (т. VIII, гл. XII, XXXIX; т. IX, гл. V и VI; т. X, гл. IV, LVIII; т. XI, гл. XVIII). Въ этихъ главахъ находятся между прочимъ весьма цѣнные и мало изслѣдованныя данныя по занятію Хомяковымъ, И. С. Аксаковымъ и Самаринымъ русскою исторіею. Также интересны свѣдѣнія о первомъ періодическомъ славянофильскомъ органѣ «Московскомъ Сборникѣ», появившемся въ 1846 и 1847 гг. и запрещенномъ на 1848 годъ (т. VIII, гл. XXXVIII, XXXIX; т. IX, гл. VII и VIII; т. X, гл. LX; т. XI, гл. LXXII).

б) Западники.

Уже изъ отношеній Погодина къ ученымъ школы родового быта и изъ преслѣдованій западниками «Москвитянина» видны до нѣкоторой степени недружелюбныя отношенія Погодина къ западникамъ, которые полагали все наше спасеніе въ дальнѣйшемъ усвоеніи нами западно-европейскаго просвѣщенія, насажденнаго въ Россіи Петромъ Великимъ, и смотрѣли на до-Петровскую Русь, отрѣшенную отъ общей европейской жизни, какъ на страну почти варварскую. Съ западниками, разумѣется, Погодинъ могъ быть еще менѣе солидаренъ, чѣмъ съ славянофилами. Но нужно отдать ему справедливость, что въ нѣкоторыхъ западникахъ онъ цѣнилъ ихъ личныя свойства. Такъ, расходясь съ Грановскимъ въ основныхъ воззрѣніяхъ и считая его печатныя работы въ научномъ отношеніи поверхностными, Погодинъ высоко цѣнилъ его безпристрастіе и ту терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, которую Грановскій всегда проявлялъ по свойственному ему глубокому чувству гуманности и мягкости своей натуры въ противоположность Бѣлинскому. Мы видѣли выше, что въ интимный кругъ лекторовъ для предполагаемаго Шевыревымъ курса чтеній въ «Древлехранилищѣ» Погодина, послѣдній изъ не-своихъ допускалъ одного только Грановскаго. Герцена Погодинъ любилъ за его русскую душу, которая, по справедливому его отзыву, сказывалась въ немъ помимо его воли и вопреки его теоретическимъ воззрѣніямъ. Бѣлинскаго Погодинъ не могъ выносить за его заносчивость и за отсутствіе въ немъ основательнаго научнаго образованія, но когда умеръ Бѣлинскій, Погодинъ помянулъ его теплымъ словомъ. Охарактеризовавъ Бѣлинскаго въ вышеуказанномъ смыслѣ, въ заключе-

ніе некролога онь писалъ: «Но встаки Бѣлинскій принадлежалъ къ нашей братіи. Онь зналъ грамотѣ, развертывалъ съ участіемъ всякую новую русскую книжку и особенно всякій новый номеръ журнала, читалъ, писалъ, желалъ по своему добра, любилъ просвѣщеніе, сколько понималъ его, былъ бѣденъ — пожалѣемъ же о талантѣ, которому не досталось образованіе, о вкусѣ, которому не случилось изостриться, о благонамѣренности, которая приняла ложное направленіе, о добромъ сердцѣ, которое несчастныя обстоятельства вели къ грубости, и, наконецъ, о способности писать, для которой не доставало предмета. Посвятимъ ему сердечный вздохъ воспоминанія и пожелаемъ, чтобъ разрѣшились его сомнѣнія, чтобъ научилъ онь молодыхъ людей своею смертію, если не могъ жизнію, трудиться, уважать преданіе, не слишкомъ довѣрять своимъ мечтамъ, переносить съ кротостію и терпѣніемъ всякія невзгоды и всегда, вездѣ, во всемъ больше надѣяться, вѣрить и любить» (т. IX, стр. 340—350).

О Бѣлинскомъ и Грановскомъ въ разсматриваемыхъ томахъ книги Н. П. Барсукова сообщается очень много. Отношенія Бѣлинскаго къ Н. А. Полевому, Гоголю и славянофиламъ, разрывъ его съ «Отечественными Записками», дѣятельное участіе въ возобновленномъ «Современникѣ» и, наконецъ, его заграничное путешествіе и смерть — всѣ эти данныя изъ дѣятельности Бѣлинскаго за два послѣднихъ года его жизни, 1846—1848 гг., изложены весьма подробно въ *двенадцати* главахъ (т. VIII, гл. XXXIX, XLII, LVII, LXVI, LXIX, LXX; т. IX, гл. I, II, IV, V, VI, XXXVII). Нельзя, однако, не поставить въ укоръ Н. П. Барсукову, что онь какъ бы намѣренно желаетъ умалить значеніе Бѣлинскаго, помѣстивъ данныя, касающіяся его смерти въ числѣ другихъ некрологическихъ извѣстій о лицахъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ Бѣлинскимъ, но прямо не соответствующихъ ему по образу мыслей и житейскому поприщу. Такъ XXXVII-я глава IX-го тома посвящена некрологическимъ замѣткамъ о слѣдующихъ лицахъ, умершихъ въ 1848 году: объ Е. Θ. Муравьевой, вдовѣ Мих. Никит. Муравьева; А. А. Прокоповичѣ-Аптонскомъ; бывшемъ Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ А. Г. Щербатовѣ; извѣстной дочери гр. Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, «духовной дочери» архимандрита Фотія, граф. Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой, Бѣлинскомъ и С.-Петербургскомъ митрополитѣ Антоніи. Имя Бѣлинскаго между граф. Орловой и митрополитомъ Антоніемъ поставлено совершенно некстати. Изъ дѣятельности Грановскаго, съ 1845 по 1851 г. включительно, мы имѣемъ свѣдѣнія о его магистерскомъ диспутѣ, о его публичныхъ лекціяхъ, о его семейныхъ дѣлахъ, о его отношеніяхъ къ славянофиламъ, о его полемикѣ съ Хомяковымъ изъ-за Кавелина и, наконецъ, о его докторской диссертаци «Аббатъ Сугерій», о публичной ея защитѣ и о возникшей по ея по-

воду полемикъ. Эта полемика весьма любопытна по личностямъ ученыхъ, принимавшихъ въ ней участіе. Рѣзкія ученія замѣчанія на книгу Грановскаго были сдѣланы на страницахъ «Москвитявина» извѣстнымъ историкомъ и еще болѣе извѣстнымъ впоследствии ученымъ и публицистомъ западнаго направленія, нынѣ здравствующимъ редакторомъ-издателемъ «Вѣстника Европы», М. М. Стасюлевичемъ; возражалъ же ему ученикъ Грановскаго, одинъ изъ видныхъ членовъ западнаго лагеря въ то время историкъ, а потомъ политико-экономъ, И. К. Бабстъ (т. VIII, гл. VII, VIII и XLIII; т. IX, гл. II, VIII; т. X, гл. LXV; т. XI, гл. V, XXXII).

Изъ московскихъ западниковъ г. Барсуковъ передаетъ интересныя подробности о литераторѣ, который съ 1856 г. занялъ выдающееся мѣсто въ русской журналистикѣ, особенно прославивъ себя на поприщѣ политической прессы съ 1863 года; но въ началѣ 50-хъ годовъ литераторъ этотъ пользовался извѣстностью лишь въ тѣсныхъ московскихъ кружкахъ ученыхъ и журналистовъ. Я разумѣю знаменитаго редактора «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», Мих. Никиф. Каткова. Въ началѣ 1850 года, подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848 г., кафедра философіи въ университетахъ была закрыта, и преподаваніе логики и психологіи было поручено профессорамъ православнаго богословія. Мих. Никиф. Катковъ, занимавшій кафедру философіи въ Московскомъ университетѣ, остался за штатомъ и въ весьма стѣсненномъ денежномъ положеніи. Ему очень хотѣлось занять освободившуюся въ Москвѣ должность цензора, «чтобы спасти нашу бѣдную московскую литературу», по его собственному выраженію, но это назначеніе не состоялось; за то совершенно нежданно-негаданно, въ концѣ 1850 г. онъ получилъ мѣсто редактора «Московскихъ Вѣдомостей», бывшихъ въ то время официальнымъ органомъ Московскаго университета. Г. Барсуковъ приводитъ анекдотическія подробности этого случайнаго назначенія. Опуская эти подробности, замѣчу, что такое случайное назначеніе Каткова имѣетъ серьезный смыслъ не только въ исторіи русской журналистики, но и въ исторіи русскаго общественнаго сознанія. Получивъ мѣсто редактора «Московскихъ Вѣдомостей», Катковъ вступилъ на то поприще публицистики и журнальной дѣятельности, на которомъ впоследствии ему было суждено сыграть такую выдающуюся роль въ дѣлѣ вліянія на русскую публику: всемъ извѣстно, что «Русскій Вѣстникъ», а затѣмъ въ особенности «Московскія Вѣдомости», взятые Катковымъ у Московскаго университета въ 1863 г. въ аренду и издававшіяся имъ совершенно самостоятельно, — имѣли руководящее вліяніе не только на разные слои русскаго общества, но и на правительственныя сферы. Съ 1851 года, занявъ первоначально должность редактора московской газеты,

Катковъ взять себѣ въ помощники Вал. Фед. Корша, который тоже съ 1863 года сталъ во главѣ другой большой газеты, — «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», если не имѣвшей руководящаго вліянія, какъ газета Каткова, то бывшей въ теченіе многихъ лѣтъ выразительницей возрѣвнѣй петербургскаго либерализма. Начавъ издавать «Русскій Вѣстникъ» въ 1856 г., Катковъ передалъ совершенно редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» В. Ф. Коршу, который и издавалъ ихъ до 1862 г. включительно (т. XI, гл. IV, XXXVI).

Изъ петербургскихъ западниковъ въ разсматриваемыхъ томахъ являются, кромѣ Бѣлинскаго, только Некрасовъ, съ его «Петербургскимъ Сборникомъ» (изд. 1846 г.) и «Современникомъ», который онъ началъ издавать вмѣстѣ съ Панаевымъ, съ 1847 г., да И. С. Тургеневъ. Герценъ въ концѣ 1847 года покинулъ Россію, а потому о немъ говорится въ этихъ томахъ лишь мимоходомъ (т. VIII, гл. XLІ; т. IX, гл. I—VI; т. XI, гл. XV, XLIV и LX).

7) *Литераторы и ученые позднѣйшихъ поколѣній пятидесятихъ годовъ.*

Въ исходѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, въ пору ожесточенной полемики между западниками и славянофилами, во время зарожденія новой исторической школы родового быта, выступало на общественно-литературную и ученую арену новое поколѣніе писателей, младшее сравнительно съ «людьми сороковыхъ годовъ». Изъ этого поколѣнія въ то время не всѣ еще приурочили себя къ тому или другому опредѣленному направленію, такъ какъ сами не выяснили еще вполне своихъ задачъ и своего міросозерцанія. Изъ этого поколѣнія мы встрѣчаемъ такія имена, которыя въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ опредѣлились вполне и примкнули или къ западникамъ и славянофиламъ, или, оставаясь внѣ партій, проявили себя съ честію на каюдрѣ и въ разныхъ отрасляхъ научной дѣятельности.

Во главѣ лицъ этого поколѣнія по праву должно быть поставлено просвѣщенное семейство Майковыхъ, давшее Россіи цѣлый рядъ писателей, художниковъ, поэтовъ и ученыхъ. Старшій изъ сыновей художника-живописца, Николая Аполлоновича Майкова, Аполлонъ Николаевичъ, въ исходѣ сороковыхъ годовъ уже пожиналъ лавры въ качествѣ выдающагося поэта-лирика, а слѣдовавшій за нимъ его братъ Валеріанъ Николаевичъ, двадцатитрехлѣтній даровитый критикъ, замѣтившій съ 1846 г. Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣлъ всѣ данныя вполне затмить его, если бы пожилъ дольше; къ несчастью для русскаго просвѣщенія Валеріанъ Майковъ неожиданно скончался въ 1847 году — на 25 году отъ рожденія.

Изъ московскихъ ученыхъ этого поколѣнія получили со временемъ громкую извѣстность только что выступавшіе въ началѣ пятидесятихъ годовъ на ученое поприще: П. Н. Кудрявцевъ, П. М. Леонтьевъ, И. К. Бабстъ, М. Н. Капустинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. С. Тихомировъ. Въ Петербургѣ дебютировалъ въ изученіяхъ классической древности М. М. Стасюлевичъ своей магистерской диссертацией «объ Афинской игемоніи».

И всѣ эти писатели, всѣ эти ученые находились въ болѣе или менѣе близкомъ общеніи съ Погодинымъ; обо всѣхъ объ нихъ повѣствуетъ Н. П. Барсуковъ, упоминая также и о менѣе извѣстныхъ людяхъ пятидесятихъ годовъ, какъ напримѣръ, А. Е. Викторовъ, П. А. Лавровскомъ, П. И. Бартеневъ, А. И. Георгіевскомъ и друг. (т. IX, гл. XVIII, XXVI; т. X, гл. XLIII; т. XI, гл. IV, XXXV, XXXIX — XLII, XLIII, XLVIII, LVII, LIX).

Этими краткими указаніями на общія умственные и литературныя теченія въ Россіи второй половины сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, — среди которыхъ вращался Погодинъ считаю я возможнымъ закончить обзоръ содержанія тт. VIII—XI сочиненія Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», хотя я и далеко не исчерпалъ всего обильнаго и интереснаго матеріала въ нихъ заключающагося. Но и изъ представленнаго обзора, смѣю думать, можно заключить о научной цѣнности тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ новой серіи почтеннаго труда г. Барсукова.

Въ заключеніе, прежде чѣмъ я выскажу окончательное сужденіе о немъ, считаю необходимымъ остановиться на слѣдующихъ частностяхъ, которыя, на мой взглядъ, усугубляютъ значеніе книги г. Барсукова. Во первыхъ, на объемъ разсматриваемыхъ томовъ. Въ тт. VIII—XI «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» заключается до ста-пятидесяти печатныхъ листовъ или до 2400 страницъ in 8°; все изложеніе раздѣлено на 269 главъ и снабжено 1525 № ссылокъ на разные источники и пособія. Приведенныя цифры служатъ нагляднымъ показателемъ количества собранныхъ г. Барсуковымъ данныхъ и ясно говорятъ о его трудолюбіи. Во вторыхъ, я останавливаюсь на томъ сочувствіи, которое книга г. Барсукова возбудила къ себѣ въ лицѣ одного изъ старожиловъ Москвы, потомственнаго почетнаго гражданина А. Н. Мамонтова. Г. Мамонтовъ, потерявши зрѣніе еще въ исходѣ семидесятихъ годовъ и совершенно не зная лично Н. П. Барсукова, но вполне сочувствуя направленію его книги о Погодинѣ, предложилъ ему въ концѣ 1895 г., черезъ московскаго при-

сяжнаго повѣреннаго М. Г. Бажалова, принять на свой счетъ расходы по изданію X и послѣдующихъ томовъ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина». На средства А. Н. Мамонтова изданы X, XI и XII томы этого сочиненія. Въ какомъ положеніи находилась денежная сторона дѣла въ 1894 г. видно изъ слѣдующихъ словъ Н. П. Барсукова въ предисловіи къ IX т. его книги: «Пристуная въ 1882 году къ описанію жизни и трудовъ М. П. Погодина, — говоритъ онъ, — я не могъ предвидѣть всѣхъ затрудненій и огорченій, мнѣ предстоявшихъ, а также объема моего сочиненія. Суммы, завѣщанной Софьей Ив. Погодиною (вторая его супруга) на напечатаніе біографіи ея мужа, оказалось достаточнымъ лишь на изданіе двухъ первыхъ книгъ. Слѣдующія книги біографіи, отъ третьей до восьмой включительно, изданы на мои собственныя сбереженія. Истощивъ, такимъ образомъ, всѣ имѣвшіяся у меня денежныя средства, я оказался въ затруднительномъ положеніи относительно печатанія послѣдующихъ книгъ». (т. IX, стр. V). И вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ приходитъ на помощь г. Барсукову А. Н. Мамонтовъ. Такой фактъ, какъ рѣдкое явленіе у насъ на Руси, долженъ быть отмѣченъ выраженіемъ глубокой признательности А. Н. Мамонтову со стороны всѣхъ, какъ любилъ выражаться М. П. Погодинъ, «друзей русскаго просвѣщенія», помимо всякихъ партій и направленій, къ которымъ они принадлежатъ.

Въ своемъ обзорѣ я старался дать посылное освѣщеніе, какъ достоинствамъ, такъ и недостаткамъ книги Н. П. Барсукова, точно основываясь на одномъ изъ эпиграфовъ, выставленныхъ имъ на его сочиненіи. Эпиграфъ этотъ взятъ изъ наказа персидскаго шаха Наеръ-Эддина его исторіографу Риза-Кули-хану и гласитъ: «Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе». Смѣю думать, что почтенный біографъ Погодина не поспѣуетъ на меня за это.

Достоинства разсматриваемаго продолженія біографіи Погодина представлены мною съ достаточными подробностями на предшествующихъ страницахъ; что же касается до недостатковъ, то они, на мой взглядъ, придають книгѣ своеобразное значеніе, а потому подлежатъ серьезному вниманію со стороны рецензентовъ и критиковъ.

Эти недостатки, на которые я указалъ въ началѣ отзыва, могутъ быть подведены къ двумъ основнымъ группамъ. Къ первой относятся отступленія въ сторону, эпизоды, не касающіеся непосредственно Погодина, но сами по себѣ очень интересныя. Эти отступленія заслоняютъ передъ читателемъ личность Погодина и значительно расширяютъ рамки историческаго повѣствованія. Вторая группа составляется изъ лирическихъ изліяній Н. П. Барсукова, которыми онъ стремится установить свою точку зрѣнія на передаваемыя имъ событія, или на описываемыя имъ лица. Я на-

звалъ въ началѣ отзыва этотъ субъективизмъ г. Барсукова «политическимъ лиризмомъ» на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ біографъ Погодина въ своихъ изліяніяхъ стоитъ на консервативно-охранительной политической почвѣ, высказывая воззрѣнія солидарныя съ официальнымъ пониманіемъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ православія, самодержавія и народности. Вслѣдствіе такихъ недостатковъ повѣсть о жизни и трудахъ Погодина подъ перомъ г. Барсукова является историко-литературнымъ сочиненіемъ, не вполне отвѣчающимъ требованіямъ какъ ученаго историческаго изслѣдованія, такъ и историко-прагматическаго и историко-художественнаго произведенія. Въ немъ не видно предварительнаго критическаго изученія источниковъ и изслѣдованій о Погодинѣ и людяхъ и событіяхъ его времени; не замѣчается опредѣленнаго плана въ распределеніи матеріала; отсутствуютъ безпристрастіе и объективность воззрѣній на лица и событія; ощущается недостатокъ яркости красокъ въ изображеніи и образности и выдержанности въ слогѣ и языкѣ. Но самыя эти недочеты дѣлають книгу г. Барсукова совершенно исключительнымъ историкографическимъ произведеніемъ. Это произведеніе является какъ бы сказаніемъ современника о людяхъ и событіяхъ русскаго XIX вѣка, дополненнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. По характеру своей исторической концепціи и по приемамъ изложенія, — оно всего болѣе подходитъ подъ опредѣленіе мемуаровъ, отличаясь свойственнымъ всѣмъ мемуарамъ субъективизмомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, книга П. П. Барсукова является однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи развитія русской мысли въ текущемъ столѣтіи; но для надлежащаго пользованія такимъ источникомъ необходимъ самый тщательный историко-критическій его анализъ. Только при этомъ условіи, на основаніи книги П. П. Барсукова, можно составить нѣсколько ученыхъ монографій и цѣлый рядъ историко-литературныхъ этюдовъ и очерковъ.

Такое воззрѣніе на разсмотрѣнную книгу, само собою, не умаляетъ ея достоинствъ. Насколько она богата содержаніемъ въ смыслѣ историческаго источника ясно видно изъ представленнаго мною ея обзора. Въ дополненіе къ нему я долженъ здѣсь замѣтить, что общій тонъ книги П. П. Барсукова, не смотря на его политическій лиризмъ, прейсполненъ серьезнаго отношенія къ умствешнымъ, правственнымъ и общественнымъ интересамъ русскаго народа и глубокой и искренней вѣрой въ великія судьбы этого народа въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

А потому на основаніи всего вышеизложеннаго, признавая гг. VIII—XI сочиненія: «Жизнь и труды М. П. Погодина» — ученымъ трудомъ, вполне отвѣчающимъ условіямъ, изложеннымъ въ «Положеніи о наградахъ графа Уварова» и принимая во вниманіе, что Императорская Академія

Наука уже удостоила этой награды первые семь томовъ того же сочиненія, присудивъ Н. П. Барсукову полную Уваровскую премію, — позволяю себѣ ходатайствовать передъ Императорской Академіей Наукъ о награжденіи и продолженія этого труда, тт. VIII — XI, таковой же полной преміей.

Казань. Апрель, 1898 г.



II.

Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ.

Профессора Т. В. Барсова. Спб. 1896 г.

Синодальныя учрежденія прежняго времени.

Профессора Т. В. Барсова. Спб. 1897 г.

Рецензія заслуженнаго профессора, протоіерея М. Горчакова.

Двѣ обозначенныя книги, которыя представлены въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова одна въ 1896 г., а другая въ 1897 г., составляютъ, по своему содержанію, двѣ части одного сочиненія. «Синодальныя учрежденія прежняго времени», разсматриваемыя авторомъ во второй книгѣ, были составными частями устройства «Святѣйшаго Синода въ его прошломъ», какъ церковно-правительственнаго установленія въ Россіи, составляющаго предметъ «изслѣдованія» и содержанія первой книги. Такъ понимаетъ взаимныя отношенія означенныхъ книгъ и самъ ихъ авторъ. Въ предисловіи «къ читателю» второй книги онъ говоритъ: его «изслѣдованіе имѣетъ цѣлю обзрѣть учрежденія, *которыми пользовался Святѣйшій Синодъ* со времени своего существованія до возникновенія нынѣ дѣйствующихъ установленій» и «трудъ этотъ служитъ *продолженіемъ* изслѣдованія «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ». Въ самомъ «изслѣдованіи» о синодальныхъ учрежденіяхъ авторъ на стр. 42-й высказываетъ положеніе: «эти учрежденія мыслились *въ составъ Святѣйшаго Синода* и дѣйствовали отъ его имени и авторитета, въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ предлагая свои предположенія и мнѣнія на обсужденіе и утвержденіе всего Святѣйшаго Синода».

Въ то время, какъ Императорская Академія Наукъ удостоила насъ приглашенія (отъ 28 октября 1896 г.) — дать отзывъ о первомъ «изслѣдованіи» г. профессора Барсова, вторая его книга стала по частямъ по-

являться въ видѣ журнальныхъ статей въ «Христіанскомъ чтеніи». Разсмотрѣніе перваго «изслѣдованія» съ необходимостію вызывало насъ ко вниманію и на печатавшееся продолженіе его и располагало насъ къ ожиданію его окончанія. Въ этомъ ожиданіи мы не представили Императорской Академіи Наукъ отзыва о первой книгѣ г. Барсова къ 15 апрѣля 1897 года, — а за тѣмъ въ ноябрѣ того же года мы получили приглашеніе дать отзывъ и о второй книгѣ того же автора. Такимъ образомъ отношеніе обѣихъ книгъ г. Барсова по ихъ содержанію и времени появленія въ печати и представленіе ихъ въ Императорскую Академію Наукъ къ соисканію Уваровскихъ наградъ даетъ намъ основаніе — представить Императорской Академіи Наукъ отзывъ о той и другой книгѣ въ одной рецензій.

Содержаніе первой книги составляютъ: коротенькое (одна страничка) предисловіе «къ читателю», изложеніе «попытокъ къ улучшенію» и «къ преобразованію духовно-судебной части» (стр. 1 — 193), предпринимавшихся при Св. Синодѣ въ 1864, 1865 и 1870 — 1875 гг., — очеркъ исторіи учрежденія Св. Синода и критическій обзоръ разныхъ воззрѣній касательно учрежденія его и уничтоженія Петромъ I патріаршества (стр. 193—259), сообщеніе свѣдѣній о *личномъ составѣ присутствія Св. Синода* со времени его учрежденія до 1880 года (стр. 259—407) и о «положеніи его въ ряду высшихъ государственныхъ учреждений» (стр. 407—444) и краткое заключеніе (стр. 444 — 446). Этому содержанію первой книги, означенному авторомъ въ ея «Оглавленіи» перечисленіемъ частнѣйшихъ предметовъ, въ ней изложенныхъ, — безъ всякихъ соотвѣтствующихъ заголовковъ о нихъ въ текстѣ «изслѣдованія», дано такое построеніе, которымъ это «изслѣдованіе» г. Барсова весьма рѣзко, при первомъ взглядѣ на «оглавленіе» обѣихъ книгъ, разнится отъ второй его книги.

Вторая книга г. Барсова состоитъ изъ предисловія «къ читателю», введенія (стр. 1 — 2) и *шести* главъ. Въ предисловіи объясняется «цѣль книги», во введеніи указывается на основанія большаго количества учреждений, существовавшихъ при Св. Синодѣ въ первыя времена его существованія и въ XVIII вѣкѣ. Дѣленіе книги на шесть главъ основывается на данной авторомъ обзорѣваемымъ учреждениямъ классификаціи. Въ *первой* главѣ (стр. 3 — 40) излагается исторія канцеляріи Св. Синода со времени ея учрежденія до 1872 г. (стр. 35) включительно; во *второй* (стр. 41 — 71) обзорѣваются «конторы при Св. Синодѣ, существовавшія въ теченіе 1721 — 1727 гг.»; въ *третьей* (стр. 72 — 91) — «учрежденія епархіальнаго характера (?) при Святѣйшемъ Синодѣ»; въ *четвертой* (стр. 92 — 120) — «учрежденія синодальнаго правленія»; въ *пятой* — «учрежденія синодальной области въ Москвѣ», — ихъ авторъ насчитываетъ шесть; въ *ше-*

стой (стр. 168—249) — «вотчинныя и финансовыя учрежденія», состоявшія въ вѣдѣніи Св. Синода и относившіяся къ его вѣдомству. Вторая книга г. Барсова, излагающая свое содержаніе на 249-ти страницахъ, построена по опредѣленному плану, имѣетъ свою систему, раздѣляется, на основаніи классификаціи разсматриваемыхъ или обозрѣваемыхъ авторомъ учреждений, на главы и на §§, — по крайней мѣрѣ во второй и третьей главахъ; каждая глава и отдѣльныя части главъ имѣютъ и въ оглавленіи и въ текстѣ книги частныя заглавія учреждений, которыя составляютъ предметъ сочиненія. Ничего подобнаго нѣтъ въ *первой книгѣ* того же автора. Въ первой его книгѣ, не смотря на болѣе значительный, чуть не вдвое бѣльшій, объемъ ея (446 страницъ) противъ второй и не смотря на разнообразіе ея содержанія, не замѣтно ни опредѣленнаго плана, ни системы, ни раздѣленія на главы, отдѣлы или §§. — Самъ авторъ въ предисловіи «къ читателю» объясняетъ, что содержаніе его книги «по начальному плану предполагалось ограничить изложеніемъ результатовъ предпринимаемыхъ улучшеній въ административной сферѣ духовнаго вѣдомства; но подведеніе подобныхъ (чему?) итоговъ переводило мысль (автора) отъ одного момента (?) къ другому (?) и увлекло вниманіе (его) къ изслѣдованію вопроса (!) о Святѣйшемъ Синодѣ, его учрежденіи, составѣ и положеніи». Итакъ, по объясненію самого автора, «начальный планъ» его не выполненъ; въ послѣдующемъ «изслѣдованіи» своемъ онъ переходилъ отъ «одного момента къ другому» (что онъ называетъ моментами, — необъясняется нигдѣ); «къ изслѣдованію вопроса» о Св. Синодѣ онъ не самъ сознательно подошелъ съ опредѣленною цѣлію и съ планомъ, — а его «увлекло» «подведеніе» какихъ-то «итоговъ». Любопытно, что въ первой книгѣ г. Барсова идетъ съ 1-й страницы до послѣдней (449) включительно сплошь, безъ перерывовъ, безъ оглавленій, безъ раздѣленія на главы, отдѣлы или части изложеніе разсужденій и свѣдѣній о разныхъ предметахъ и временахъ. Въ многочисленныхъ мѣстахъ составныя части книги отдѣляются одна отъ другой только знакомъ — (чертою), — а именно: на страницахъ 12, 19, 44, 67, 107, 144, 175, 193, 259, 381, 407, 428, 441 и 444. Еще двумя шрифтами раздѣляется книга на двѣ части: первыя 288 страницъ напечатаны мелкимъ шрифтомъ, а остальныя — болѣе крупнымъ. Между тѣмъ содержаніе книги столь сложно и разнообразно въ частяхъ, а объемъ ея столь великъ, что самъ авторъ нашелъ нужнымъ предпослать ея изложенію «оглавленіе» предметовъ, въ ней разсматриваемыхъ, — безъ повторенія отдѣльныхъ заглавій по частямъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ книги. «Оглавленіе» автора служитъ единственнымъ звѣномъ, связующимъ разнообразныя предметы, помѣщенные въ книгѣ. Такое болѣе чѣмъ странное, ни въ какомъ ученomъ сочиненіи не встрѣчающееся, построеніе первой книги г. Барсова объясняется са-

мимъ авторомъ, сообщающимъ свѣдѣніе объ ея происхожденіи. По словамъ автора въ предисловіи «къ читателю», «предлагаемая вниманію читателя подъ настоящимъ заглавіемъ книга представляетъ рядъ статей, періодически помѣщенныхъ въ журналѣ «Христіанское чтеніе», издаваемомъ при С.-Петербургской духовной академіи». Статьи помѣщались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и въ значительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сообщались свѣдѣнія, извлеченныя изъ архива Св. Синода, не бывшія въ оборотѣ въ печати и имѣвшія интересъ новости; иныя являлись съ признаками публицистической современности; иногда отличались разнообразіемъ содержанія, иногда излагали предметъ въ такой полнотѣ, въ какой онъ не былъ извѣстенъ въ печати, иногда привлекали вниманіе читателей журнала своимъ заглавіемъ, какъ напримѣръ: «состояніе Святѣйшаго Синода» въ такое то царствованіе, иногда заключали въ себѣ замѣчанія и сужденія автора о нѣкоторыхъ предметахъ, не совпадавшія съ воззрѣніями, ранѣе высказанными имъ въ печати. Вообще многія статьи въ качествѣ *журнальныхъ* имѣли своего рода цѣну, достоинство и успѣхъ среди читателей «Христіанскаго чтенія». Благодаря вниманію къ нимъ читателей, авторъ нашелъ возможнымъ для себя соединить ихъ въ книгу, подъ одну обложку, безъ всякой перемѣны въ ихъ содержаніи, расположеніи и изложеніи, издать ее, какъ «изслѣдованіе вопроса о Святѣйшемъ Синодѣ, его учрежденіи и составѣ», дать ей заглавіе «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» и представить ее въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе награды гр. Уварова.

Но извѣстно, что рецензентъ представляемаго къ соисканію награды гр. Уварова сочиненія, на основаніи Положенія о сихъ наградахъ, обязанъ разсматривать представленную книгу, не какъ «рядъ журнальныхъ статей», а какъ ученое сочиненіе, и «основывать свой приговоръ на отчетливомъ разсмотрѣніи содержанія сочиненія и его достоинствъ и недостатковъ, съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ и другихъ въ своей рецензіи» (§ 22 Положенія).

Разсматриваемая, въ качествѣ ученаго изслѣдованія, книга г. Барсова, изданная подъ громкимъ заглавіемъ «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ», къ глубокому нашему сожалѣнію, далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, какія возбуждаетъ въ читателѣ ея названіе: ея названіе мало соотвѣтствуетъ ея содержанію; въ ея изложеніи нѣтъ ни единства и цѣльности содержанія, ни логической связи, ни исторической послѣдовательности, ни юридической конструкціи и вообще никакого основанія къ оправданію ея построенія.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что названіе книги далеко не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Большая половина книги посвящена не

«изслѣдованію вопроса о Святѣйшемъ Синодѣ» въ его прошломъ, а изложенію «попытокъ къ улучшенію духовно-судебной части», «предначертаній къ преобразованію духовно-судебной части», «сужденій и мнѣній о проэктѣ духовно-судебной реформы», «предначертаній объ измѣненіи существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія Святѣйшаго Синода» (стр. 1 — 193), составлявшихся въ 1864, 1865 и 1870 — 1875 гг., — и сообщенію свѣдѣній объ образованіи Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, учрежденнаго въ 1817 и упраздненнаго въ 1824 г. (стр. 326 — 339), и о происхожденіи въ «духовномъ вѣдомствѣ» такихъ учреждений, какъ «Отдѣленіе дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія» (стр. 348 — 350), Канцеляріи Оберъ-прокурора Св. Синода (стр. 350 — 356), Хозяйственнаго Комитета, Контроля, Хозяйственнаго и Духовно-учебнаго управленій при Св. Синодѣ (стр. 357 — 369). О происхожденіи, строѣ, составѣ, предметахъ вѣдѣнія и объ отношеніяхъ названныхъ учреждений «духовнаго вѣдомства» слѣдовало бы автору говорить не въ первой его книгѣ, а во второй, въ которой онъ излагаетъ «синодальныя учрежденія прежняго времени».

Авторъ книги съ заглавіемъ «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» въ обращеніи своемъ «къ читателю» высказываетъ, что въ его книгѣ содержится «изслѣдованіе вопроса о Св. Синодѣ, его учрежденіи, составѣ и положеніи». Но «изслѣдованіемъ вопроса объ учрежденіи, составѣ и положеніи» Св. Синода далеко не исчерпывается все содержаніе предмета, который обозначается заглавіемъ книги — «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ». «Св. Синодъ въ его прошломъ» въ исторіи и строѣ Русской церкви, въ его отношеніяхъ къ прочимъ помѣстнымъ правосавнымъ церквамъ, нѣкоторымъ инославнымъ церквамъ и государственной власти, по видамъ власти и предметамъ вѣдѣнія — предметъ величайшей, первостепенной важности въ наукахъ церковной исторіи и церковнаго права. Въ *научномъ* «изслѣдованіи о Святѣйшемъ Синодѣ», въ качествѣ вышшаго правительственнаго установавленія Русской церкви, должны бытъ представлены, разъяснены и рассмотрѣны: I. его устройство, слагающееся изъ присутствія и учреждений, при немъ состоящихъ; II. объемъ и виды въ разныя времена принадлежащей ему власти — законодательной, распорядительной, административной или управляющей, надзирающей и судебной; III. многочисленныя предметы, подлежавшіе въ разныя времена его вѣдѣнію; IV. разнообразныя формы отправленій различныхъ видовъ власти по предметамъ его вѣдѣнія; V. отношенія представительства его отъ Русской церкви предъ другими церквами и формы сношеній его съ ними; и VI. отношенія къ государственной власти. На такую конструкцію изслѣдованія о Св. Синодѣ могла бы навести г. Барсова и существующая

русская литература о Св. Синодѣ¹⁾, совершенно имъ игнорируемая. Въ книгѣ же его сообщаются лишь нѣкоторыя свѣдѣнія и воззрѣнія «объ учрежденіи Св. Синода» (стр. 193—204), «руководственныя начала» церковной «реформы Петра Великаго» (стр. 209—243), факты о перемѣнахъ *въ личномъ составѣ присутствія Св. Синода* и историческій очеркъ «положенія Св. Синода въ ряду высшихъ государственныхъ учреждений за время 1721—1817 гг.» (стр. 407—444) съ нѣкоторыми замѣчаніями объ этомъ положеніи въ «заключеніи» книги (стр. 444—446). Указанныя сообщенія г. Барсова составляютъ лишь частичку того, что *должно* быть изложено въ книгѣ, изданной подъ названіемъ «Св. Синодъ въ его прошломъ».

Въ первой книгѣ г. Барсова не соблюдена историческая послѣдовательность въ изложеніи событій, въ ней приводимыхъ. Въ первыхъ статьяхъ книги (стр. 13—193) сообщаются свѣдѣнія о «попыткахъ» и «предначертаніяхъ къ преобразованію духовно-судебной части», бывшихъ въ 1864, 1865—1867, 1870—1875 и въ 1885 (стр. 175—193); за тѣмъ говорится объ учрежденіи Св. Синода въ 1721 г. (стр. 193—209), а на послѣдующихъ страницахъ (243—259) о патріаршествѣ въ восточной церкви, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи въ 1589 и упраздненіи его въ 1700 г.,—потомъ авторъ снова возвращается къ началу существованія Св. Синода и затѣмъ ведетъ хронологическія указанія перемѣнъ въ личномъ составѣ синодальнаго присутствія отъ 1721 до 1880 г.

Противъ логической послѣдовательности авторъ книги погрѣшаетъ при переходахъ отъ предметовъ однихъ статей къ статьямъ о другихъ предметахъ. Авторъ соединяетъ статьи не логическимъ развитіемъ мыслей, а переходными фразами, подобными приѣмамъ журнальных обозрѣвателей и даже фельетонистовъ, въ одной и той же статьѣ толкующихъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, сцѣпляя ихъ между собою фразами своеобразнаго остроумія. Ясные примѣры подобнаго соединенія статей въ книгѣ г. Барсова имѣются на стр. 144, 193—194, 243, 252 и др.

Недостатокъ юридической конструкціи въ первой книгѣ г. Барсова, ясно обнаруживается, между прочимъ, изъ сопоставленія нѣкоторыхъ ея мѣстъ. Такъ въ предисловіи «къ читателю» авторъ говоритъ, что его журнальныя «статьи, по начальному плану, предполагалось ограничить изложеніемъ результатовъ предпринимавшихся улучшеній *въ административной сферѣ* духовнаго вѣдомства». Но на страницахъ 1—193 книги авторъ излагаетъ, по его же словамъ, на примѣръ, въ «оглавленіи» «состояніе *духов-*

1) Востокова, Св. Синодъ при Императорѣ Петрѣ I (Жури. Мин. Нар. Пр., 1875 г. июль, августъ и др.); Вл. Попова «О Св. Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I», Спб., 1881; О. Журданія «Св. Синодъ при Петрѣ Вел.», Тифлисъ, 1882; Н. Ольшевскаго «Св. Прав. Синодъ при Петрѣ Вел.», Кіевъ, 1894.

но-судебной части», «попытки къ улучшенію *духовно-судебной части* и т. п.». О проектахъ же преобразованія и улучшенія административной части въ духовномъ вѣдомствѣ въ книгѣ автора ничего не говорится; но иногда употребляются термины: «органы духовной администраціи и суда» (стр. 1), «*судебно-административная среда*» (стр. 10), дѣла «духовно-административныя и судебныя» (стр. 2) и т. п. И термины, и предметы, ими выражаемые, точно не разграничиваются въ приведенныхъ выраженіяхъ автора.

Въ общемъ книга г. Барсова, по вѣшнему построенію, есть *механическое* въ одной обложкѣ и подъ однимъ заголовкомъ соединеніе журнальныхъ статей, разновременно, «періодически», и по различнымъ предметамъ печатавшихся въ «Христіанскомъ чтеніи».

При неудовлетворительномъ вѣшнемъ построеніи, книга г. Барсова, по своему содержанію, въ отдѣльныхъ составныхъ ея частяхъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Справедливость требуетъ указать — что авторъ ея внесъ въ нашу церковно-историческую литературу новаго и полезнаго этимъ своимъ «изслѣдованіемъ».

Самымъ названіемъ книги профессоръ Барсовъ указываетъ на необходимость научной всесторонней разработкѣ исторіи Св. Синода. Это указаніе со стороны профессора духовной академіи служитъ свидѣтельствомъ того, что наступило время для таковой разработкѣ. Его книгою дѣлается призывъ къ этой работѣ и въ нѣкоторой степени начинъ...

Въ книгѣ г. Барсова *первыя* появились печатно и въ соединеніи свѣдѣнія о неоднократныхъ попыткахъ къ преобразованію церковно-судебной части, предпринимавшихся въ теченіе 1864—1875 гг. Изложеніе этихъ попытокъ можетъ содѣйствовать къ выясненію того пути, по которому должно идти новое предначертаніе къ улучшенію той же части. Въ этомъ изложеніи есть матеріалы для выясненія способовъ приготовленія при Св. Синодѣ проектовъ новыхъ законовъ и процесса происхожденія ихъ.

Съ особенною подробностію изложенъ въ книгѣ ходъ занятій «Высочайше учрежденнаго 12 января 1870 г. Комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству». Занятія этого Комитета, составившаго значительное количество отпечатанныхъ, но оставшихся недоступными для общаго пользованія, записокъ, журналовъ, протоколовъ и проектовъ, подавали во все время его существованія (1870—1875 гг.) поводъ къ появленію въ періодической печати, въ журналахъ и газетахъ, — многочисленныхъ статей, и также отдѣльныхъ монографій, брошюръ и книгъ, по предметамъ церковно-суднаго права, церковнаго судоустройства и судопроизводства. Составленный и принятый большинствомъ членовъ Комитета проектъ судоустройства въ церкви вызвалъ мнѣнія и отзывы *всѣхъ* епархіальныхъ духовныхъ консисторій и *всѣхъ*

епархіальныхъ преосвященныхъ. Мнѣнія и отзывы тѣхъ и другихъ также отпечатаны. Образовалась такимъ образомъ цѣлая литература по вопросамъ и предметамъ о церковно-судномъ правѣ, судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Но она не вся и не всѣмъ доступна; между тѣмъ въ ней выразились разныя направленія правосознанія русскаго духовенства, общества и отчасти представителей русскою юридической науки и государственныхъ вѣдомствъ по вопросамъ церковнаго права. Профессоръ Барсовъ самъ былъ членомъ означеннаго Комитета. Онъ имѣлъ возможность собирать всѣ печатные документы, касающіеся занятій Комитета, и, безъ сомнѣнія, внимательно слѣдилъ за всѣми явленіями, имѣющими отношеніе къ этимъ занятіямъ. Въ разсматриваемой книгѣ его *первые* въ печати представлены и изложены, на основаніи подлинныхъ документовъ, различныя воззрѣнія, мнѣнія и отзывы о церковномъ судоустройствѣ, выразившіяся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ Россіи, — какъ въ печати, такъ и въ спеціальномъ Комитетѣ. Свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ книги, изложены обстоятельно, стройно и ясно и сдѣлались теперь, чрезъ его книгу, общимъ достояніемъ лицъ, интересующихся предметами занятій Комитета.

Въ помѣщенныхъ въ книгѣ статьяхъ объ учрежденіи Св. Синода и объ уничтоженіи патріаршества въ Россіи, г. Барсовъ весьма удачно полемизируетъ, между прочимъ, съ авторомъ появившейся въ 1891 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи подъ заглавіемъ «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи». Опровергаемая статья, по распространеннымъ послѣ ея появленія слухамъ, имѣла оффиціозное происхожденіе, напечатана была въ смыслѣ подготовительнаго оправданія предлагавшейся новой политики со стороны представителей государственнаго надзора въ церкви въ отношеніи къ управленію имуществомъ и хозяйствомъ церковей и монастырей и проводила совершенно новый, ни до того, ни послѣ того времени нигдѣ не высказывавшійся, взглядъ на ходъ всей исторіи Русской церкви. Авторомъ опровергаемой статьи, между прочимъ, утверждается и развивается теорія, что во всей древней исторіи Россіи шла борьба между церковною и государственною властью и что церковная реформа Петра I была «совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей», произведена будто бы «по указанію идеала древней вселенской церкви до IV в.», и прекратила означенную борьбу основаніемъ Св. Синода, учрежденнаго по волѣ Монарха. Статья эта вызвала въ журналахъ нѣсколько полемическихъ возраженій и опроверженій. Проф. Барсовъ довольно подробно, основательно и усиленно опровергаетъ (стр. 209 — 259) многія положенія означенной теоріи и статьи.

Въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Святѣйшій Синодъ въ царствованіе» того или другаго монарха г. Барсовъ помѣстилъ очень много извлечен-

ныхъ имъ изъ архивныхъ документовъ и печатныхъ изданій свѣдѣній о перемѣлахъ въ личномъ составѣ присутствія Св. Синода за время 1721 — 1880 гг. Здѣсь *впервые* въ печати предлагается, по всей вѣроятности полный, перечень членовъ и присутствующихъ іерарховъ въ Св. Синодѣ за означенное время. Для составленія этого перечня требовалось не мало труда, пастойчивости и терпѣнія въ отысканіи и наведеніи справокъ объ отдѣльныхъ лицахъ, входившихъ въ то или другое время въ составъ присутствія Св. Синода. Авторъ книги первый подалъ въ литературѣ примѣръ полного хронологическаго обзора одной изъ составныхъ частей строя Св. Синода, т. е. личнаго состава его присутствія. Составитель обзора приводитъ имена членовъ и присутствующихъ большею частію съ указаніемъ времени назначенія ихъ въ составъ присутствія и выбытія изъ него по случаю смерти или назначенія на другое мѣсто, или Высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ епархію. Иногда помѣщаются Высочайшіе рескрипты тому или другому синодальному члену (напр. на стр. 325, 342, 343, 369—370, 402) въ видѣ оцѣнки его дѣятельности или личныхъ качествъ. Но нгдѣ авторъ книги не даетъ своихъ указаній на направленіе дѣятельности лицъ, входившихъ въ составъ присутствія Синода. О смерти нѣкоторыхъ іерарховъ говорится въ книгѣ значительно подробно (напр. стр. 400 и слѣд.); но преимущественно весьма кратко, въ видѣ указанія года. Во многихъ мѣстахъ книги заразъ перечисляются, по именамъ, лица, засѣдавшія въ Св. Синодѣ (см. стр. 261, 271, 276, 289, 318, 322, 326, 347, 375, 378, 398 и др.), а въ другихъ случаяхъ приводятся частичныя перемѣны въ синодальномъ составѣ. Перемѣны личнаго состава Св. Синода въ нѣкоторыя царствованія были такъ часты, такъ стремительны, что перечисленіе и чтеніе именъ смѣняющихся лицъ становится утомительнымъ и паводящимъ скуку. Самъ составитель иногда находитъ нужнымъ представлять простой «списокъ» архіереевъ (стр. 375 подъ строкою), «которые смѣняли другъ друга» въ присутствіи Св. Синода. Неудобства принятаго составителемъ книги изложенія перемѣпъ въ личномъ составѣ Св. Синода могли бы въ значительной степени быть устранены составленіемъ такой таблицы, въ которой бы въ хронологическомъ порядкѣ показывалось время вступленія опредѣленныхъ лицъ въ составъ синодальнаго присутствія и выбытія ихъ изъ онаго.

Есть въ книгѣ и нныя недостатки частныя — болѣе или менѣе крупныя и мелкіе, неопредѣленности, неясности, неточности въ содержаніи и въ изложеніи, — въ языкѣ иногда своеобразная вычурность и темнота; но указаніе ихъ не можетъ прибавить въ представленной нами характеристикѣ книги какихъ либо новыхъ характерныхъ признаковъ. Потому мы можемъ оставить ихъ безъ указаній во избѣжаніе длинноты нашей рецензій.

Высказываются авторомъ книги спорныя мнѣнія и воззрѣнія, съ которыми мы не можемъ согласиться. Не входя въ споръ съ авторомъ по многимъ его мнѣніямъ, мы не можемъ оставить безъ возраженія, опроверженія и исправленія выраженнаго имъ на стр. 208-й положенія относительно цѣли церковной реформы, произведенной Петромъ I чрезъ учрежденіе Св. Синода. По словамъ профессора Т. В. Барсова, *«въ планахъ великаго преобразователя, осуществленныхъ въ совершенной имъ церковной реформѣ, трудно указать иную цель, кромѣ принятаго намѣренія ограничить вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе»*. Съ этимъ положеніемъ, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться. Высказанное въ приведенныхъ словахъ воззрѣніе на цѣль церковной реформы Петра принадлежитъ не исключительно г. Барсову, но много разъ выражалось и въ литературѣ русской и заграничной, и высказывалось и высказывается въ разговорныхъ сужденіяхъ о церковной реформѣ Петра I. Были извѣстны, какъ вѣрно говоритъ авторъ книги, глухіе и открытые протесты противъ учрежденія Св. Синода и замѣны имъ патріаршества въ XVIII в. (напр. Маркелла Радышевскаго и нѣкоторыхъ высшихъ іерарховъ). Не прекращается порицаніе «Духовнаго Коллегіума» и въ XIX в. Не далѣе, какъ въ 1896 г. отпечатанъ въ Браиловѣ на русскомъ языкѣ довольно большой по объему, безмѣрно неприличный по выходкамъ, на «Духовный Коллегіумъ» памфлетъ, составленный, судя по тону и содержанію его, *совмѣстно* крайними приверженцами старообрядчества австрійской іерархіи, фанариотовъ и «національной свободы» Грузинской церкви. Но всегда были и теперь есть такіе безусловные защитники церковной реформы Петра, которые усматриваютъ въ ней даже возстановленіе устройства церкви первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Необходимо установить научно правильное, на историческихъ основаніяхъ, пониманіе происхожденія церковной реформы Петра, чтобы произносить вѣрное сужденіе объ ея цѣли.

Правильное пониманіе отношеній къ церковной реформѣ XVIII самаго преобразователя можетъ быть установлено и составлено лишь въ связи съ господствовавшими въ Петровское время среди всѣхъ просвѣщенныхъ людей Западной Европы воззрѣній на форму и виды *наилучшаго* устройства правительственныхъ учреждений—государственныхъ и церковныхъ—и на отношеніе верховной власти монарховъ къ устройству и управленію государства и церкви. Возникновеніе и образованіе упомянутыхъ воззрѣній началось вмѣстѣ съ религіозною реформаціею XVI в. въ Западной Европѣ,—развитіе и обоснованіе ихъ совершались въ теченіе XVII вѣка, повсемѣстное распространеніе ихъ между просвѣщенными людьми и проведеніе ихъ въ законодательство и въ жизнь народовъ и государствъ въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка.

Религіозная реформація XVI вѣка на Западѣ была *протестомъ* противъ всемірной власти папы и противъ власти уполномоченныхъ отъ него въ разныхъ странахъ и государствахъ лицъ — епископовъ и другихъ прелатовъ. Протестантами выдвинуты были вмѣсто верховной власти римскаго первосвященника *верховныя права* (Summa potestas или Summum imperium) *монарховъ*, — каждаго въ его государственной территоріи. По воззрѣніямъ протестантовъ, не римскій папа — caput ecclesiae и summus episcopus, а монархъ страны въ предѣлахъ ея территоріи, сначала по крайней мѣрѣ по отношенію къ исповѣдникамъ протестантскаго вѣроученія, а потомъ и католическаго (территоріальная система отношеній между государствомъ и церковію). Одновременно съ происхожденіемъ и образованіемъ указанныхъ воззрѣній на *субъектъ верховной власти* въ государствѣ измѣнялись средне-вѣковыя понятія о существѣ и назначеніи государства, какъ учрежденія. «Вотчинное государство» преобразовывалось въ такъ называемое полицейское или, вѣрнѣе, полицейско-правовое. Монархъ страны перестаетъ быть феодальнымъ господиномъ, вотчинникомъ страны и ея населенія, — а становится отъ самаго Бога поставленнымъ обладателемъ верховныхъ правъ въ странѣ для блага народа, населяющаго территорію государства. Соответственно измѣненію понятій о существѣ государства и власти монарховъ, измѣняется и отношеніе монарховъ къ населенію ихъ государствъ и значеніе органовъ, чрезъ которые они дѣйствуютъ въ предѣлахъ ихъ территорій. Въ отношеніи къ населенію монархъ дѣйствуетъ не въ силу своей свободной воли, *не по произволу, а для благосостоянія народа по определеннымъ законамъ*. Должностные лица — уже не уполномоченные монарха — *вотчинника*, дѣйствующіе въ угоду ему, во исполненіе его воли, — а исполнители законовъ (регламентовъ), изданныхъ монархомъ ко благу населенія. Наилучшими проводниками законовъ въ жизнь народовъ, исполнителями регламентовъ, могутъ быть не отдѣльные лица, а *коллегіи*, — корпораціи, организовавшія законодательствами и обязанныя дѣйствовать, при исполненіи законовъ, въ виду и съ цѣлію благосостоянія народовъ и страны и подъ надзоромъ *блюстителей* закона, — прокуроровъ, которые имѣютъ значеніе «ока царева». Верховныя права (jura reservata) удерживаются и сохраняются за монархами, — а распорядительная и исполнительная власть (jura vicaria) передается коллегіямъ въ предѣлахъ отведеннаго каждой изъ нихъ по регламенту вѣдомства. Церковь и религіозная жизнь населенія страны есть одна изъ сторонъ народиной жизни. Она должна быть организована соответственно устройству другихъ сторонъ народной жизни, изъ совокупности которыхъ слагается строй государства. — Приведенныя нами положенія развивались и обосновывались всеми протестантскими правовѣдами и философами права, политиками и государственными людьми XVII в.

въ Западной Европѣ. Главными представителями новаго направленія въ наукѣ государственнаго права и юриспруденціи въ XVII вѣкѣ были Гуго-Гроцій, Боденъ, Гоббесъ, Спиноза, Пуффендорфъ, Лейбницъ, Томазій и др. Всѣ они развивали изложенныя идеи въ своихъ сочиненіяхъ и въ сношеніяхъ съ своими современниками. Съ конца XVII в. и въ началѣ XVIII эти идеи проводились въ законодательство и въ жизнь разныхъ государствъ, и, между прочимъ, Швеціи. Всѣ просвѣщенные люди начала XVIII в. были проникнуты означенными идеями, за исключеніемъ непреклонныхъ приверженцевъ средневѣковой теоріи папскаго всемірнаго владычества. Всякій, кто только имѣлъ претензію быть просвѣщеннымъ въ Западной Европѣ, усвоялъ эти идеи. Петръ I, во время путешествій своихъ въ Европѣ, имѣлъ сношенія съ просвѣщеннѣйшими людьми того времени и, между прочимъ, съ Лейбницемъ. Онъ не могъ не усвоить себѣ тѣхъ же государственныхъ идей. А Россія нуждалась въ реформахъ. Поэтому Петръ поручалъ просвѣщеннымъ иностранцамъ, состоявшимъ у него на службѣ (Фикъ, Люберасъ), составлять записки *о наилучшемъ устройствѣ* государственныхъ учрежденій. Въ этихъ запискахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились до настоящаго времени, предполагалось учрежденіе *коллеціальныхъ* установленій въ русскомъ государствѣ, въ замѣнъ *приказовъ*, для завѣдыванія всѣми сторонами народной жизни и всѣми предметами государственнаго управленія. Идеи предполагавшихся реформъ раздѣлялись всѣми просвѣщенными *сподвижниками* Петра, какъ государственными людьми, такъ и іерархами, къ которымъ принадлежалъ и архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ. Петръ I вводилъ коллегіальное устройство государственныхъ учрежденій въ Россіи для завѣдыванія всѣми сторонами народной жизни и государства, считая ихъ, въ соотвѣтствіе современнымъ ему воззрѣніямъ правовѣдовъ и государственныхъ мужей, наилучшими для благосостоянія народа и страны. Соотвѣтственно тѣмъ же воззрѣніямъ онъ находилъ необходимую и реформу въ устройствѣ правительственной власти русской церкви. Состояніе русской церкви, — справедливость требуетъ сказать, — представляла въ концѣ XVII в. не мало нестроений и недостатковъ: патріархъ Адріанъ въ теченіе 10-ти лѣтъ управленія церковію бездѣйствовалъ, — по болѣзни и слабости силъ, — учебныхъ заведеній почти не было, — подготовка лицъ, посвящавшихъ себя служенію церкви, была крайне недостаточная, — въ жизни бѣлаго и чернаго духовенства была безпорядочность (крестцовскіе попы, шатающіеся монахи), — управленіе огромными вотчинами и имуществами монастырей и епархіальныхъ архіереевъ было безконтрольно, — громадныя доходы шли исключительно на монашествующихъ и ихъ учрежденія, — веденіе дѣлъ въ церковныхъ приказахъ отличалось волокитою, взяточничествомъ, притѣсненіями и т. п.; благотворительность была неорганизована.

Для устраненія неустройства въ русской церкви, для ея благоустройства и для успѣшнѣйшаго завѣдыванія ея дѣлами ко благу народа или, по выраженію Духовнаго Регламента (ч. I, п. 3), «на общее добро» Петръ I предпринялъ учрежденіе «правительскаго Духовнаго Коллегіума», переименованнаго въ день его открытія въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Въ Манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи говорится, что Государь Самодержецъ, «между многими, по долгу Богоданныя ему власти, попеченьми о исправленіи народа, посмотра и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, ... воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, ... *устанавливаетъ Духовную Коллеію*». Въ приведенныхъ словахъ Монарха ясно указывается *цѣль* учрежденія «Духовнаго Соборнаго Правительства». — Имѣлъ ли Преобразователь «намѣреніе ограничить вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе, какъ утверждаетъ профессоръ Барсовъ? — Совершенно и рѣшительно отрицаемъ такого рода намѣреніе Петра I. Напротивъ, Петръ I своимъ законодательствомъ предоставляетъ церкви въ лицѣ Св. Синода широкую власть и силу, соотвѣтственную ея назначенію. Въ томъ же именномъ указѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи Самодержецъ обнаруживаетъ: «устанавливаемъ Духовную Коллеію, то есть Духовное Соборное правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ Регламентѣ (а равно и по Генеральному Регламенту) *имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссийской церкви управлять; и повелѣваемъ* всемъ вѣршымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, *имѣть сіе за важное и сильное правительство*, и у него крайнія дѣла духовныхъ *управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его* опредѣленнымъ *довольствоватися, и указовъ его слушать во всемъ*, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій. Должна же есть Коллегія сія и *новыми впродъ правилами дополнять Регламентъ свой*, яковыхъ правилъ вытребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однакоже дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ нашего соизволенія». — Такимъ образомъ, Монархъ, съ учрежденіемъ Св. Синода, признаетъ за нимъ въ издаваемомъ законѣ высшую и всестороннюю власть во Всероссийской церкви по всемъ духовнымъ дѣламъ — управляющую (административную), судебную, распорядительную и законодательную. Но и Коллегія должна дѣйствовать не по усмотрѣнію и произволу одного какого либо лица, хотя бы и президента своего, а по Регламенту, специальному Духовному и Генеральному коллежскому, и подъ надзоромъ представителя монарха, «ока царева» и «стрипчаго государственныхъ дѣлъ». На чемъ основываетъ проф. Барсовъ свое мнѣніе, что великій преобразователь церковнаго правительства «пріялъ намѣреніе ограни-

читать вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе»,—мы недоумѣваемъ. Напротивъ, Петръ I обнаруживалъ самыя благорасположенныя отношенія къ Св. Синоду и даже готовность къ расширенію его «вѣдомства» и къ усиленію его значенія и «вліянія». Это понимали и іерархія, вступившіе въ первоначальный составъ Св. Синода. Въ такомъ пониманіи они въ самый день открытія Св. Синода обратились къ Государю съ «докладомъ», въ которомъ они выражались: «Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли, того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалась какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ коллегій не меньше»? И Государь далъ резолюцію: «Быть по сему». Вслѣдствіе того же доклада Государь уравнивалъ Св. Синодъ съ Сенатомъ по значенію въ государствѣ.

Что касается возрѣній Петра I на «единоличную» патріаршую власть, то они были совершенно сходны съ тѣми, которыя господствовали у правовѣдовъ и государственныхъ людей его времени на Западѣ Европы на единоличныхъ правителей въ разныхъ сторонахъ государственнаго управленія, дѣйствовавшихъ или «самовластно», какъ папа и латинскіе епископы, или «пристрастно», «коварно» и «лихоимно», прикрываясь уполномочіемъ отъ монарха, а не по регламентамъ. «Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ», — выражается Государь въ именномъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи указѣ. Этимъ же указомъ и Регламентомъ и Президентъ Духовной Коллегіи поставленъ въ ея составѣ въ такое положеніе, что къ его силѣ и значенію ни на іоту ничего не прибавилось бы, если бы ему въ то время данъ былъ титулъ патріарха, какъ юридически не увеличились впоследствии сила и значеніе члена Св. Синода, отличеннаго титуломъ «первенствующаго», — или отъ того, что въ наше время пожалованы были митрополитамъ московскому Филарету и с.-петербургскому Исидору ви́шнія отличія *патріаршаго* сана (двѣ панегіи, крестъ на митрѣ и преднесеніе креста при Богослуженіи).

Правда, послѣ Петра въ XVIII и въ XIX вв. произошли многочисленныя перемѣны и въ организациі присутствія Св. Синода, и въ отношеніяхъ къ нему государственной власти. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ высказывались и высказываются разнообразныя о степени значенія Св. Синода мнѣнія и въ обществѣ, и въ литературѣ, русской и иностранной, доступной всѣмъ и цензурою недопущенной къ обращенію въ публикѣ, въ родѣ появившейся въ 1896 г. въ Браиловѣ на русскомъ языкѣ брошюры. Но справедливость заставляетъ насъ утверждать: *авторитетъ присутствія Св. Синода* всегда стоялъ и нынѣ стоитъ высоко, крѣпко и твердо, какъ въ сознаніи и въ от-

ношеніяхъ къ нему всѣхъ членовъ и установленій Русской церкви, такъ и правительствъ всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей, нѣкоторыхъ инославныхъ (Несторіанской, Абиссинской, Англиканской церкви) и другихъ вѣроисповѣдныхъ христіанскихъ обществъ, — а равно и всѣхъ лицъ, признающихъ принципы нормальнаго, по началамъ православнаго церковнаго права, строя церковнаго правительства въ согласіи съ современными началами государственнаго права. Начала права вселенской церкви, на которыхъ должно стоять и дѣйствовать по регламенту, по современному законодательству и по своему положенію присутствіе Св. Синода, вполнѣ согласны съ принципами *правомѣрнаго* государства, какъ они понимаются въ современной наукѣ государственнаго права и выражаются въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ. Авторитетъ присутствія Св. Синода не только нисколько не можетъ быть поколебленъ научнымъ, правдивымъ изслѣдованіемъ исторіи и дѣйствующаго русскаго церковнаго права, но еще наиболѣе можетъ быть, на началахъ права вселенской православной церкви, выясненъ, возвышенъ и утвержденъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы титулъ «первенствующаго члена Св. Синода» былъ замѣненъ титуломъ патріарха. Упрекъ, какіе могутъ дѣлаться устройству, управленію и отправленіямъ русской церковной власти, должны быть, по справедливости, относимы не столько къ присутствію Св. Синода, сколько къ учрежденіямъ, при немъ состоявшимъ и состоящимъ. Если бы профессоръ Т. В. Барсовъ образовалъ и усвоилъ себѣ воззрѣнія на происхожденіе и исторію Св. Синода въ связи съ историческимъ въ Европѣ и въ Россіи развитіемъ въ XVIII и XIX вв. началъ государствовѣдѣнія и правовѣдѣнія касательно отношеній между государствомъ и церковію: то онъ, — мы увѣрены, въ своемъ сочиненіи, подъ тѣмъ заглавіемъ, какое онъ далъ своей первой книгѣ, представилъ бы исторію Св. Синода въ его устройствѣ, по видамъ власти, ему принадлежащей, по предметамъ вѣдѣнія и т. д. *въ юридической конструкціи*. Въ такомъ случаѣ подобный видъ получила бы и вторая его книга, къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ.

Построеніе второй книги г. Барсова «О синодальныхъ учрежденіяхъ прежняго времени», общее ея содержаніе и отличительныя ея особенности по сравненію съ первой представлены нами въ началѣ рецензіи. Здѣсь имѣемъ разсматривать ее безотносительно къ первой.

Матеріалы для содержанія этой книги авторомъ извлечены изъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго пеповѣданія», изъ «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода», отчасти изъ Полнаго Собранія Законовъ, нѣкоторыхъ дѣлъ синодальнаго архива и Канцеляріи Оберъ-Прокурора и печатныхъ сочиненій относительно тѣхъ или другихъ учреждений, описываемыхъ въ книгѣ.

Матеріаль размѣщенъ въ книгѣ большею частью соотвѣтственно тѣмъ учрежденіямъ, которыя разсматриваются авторомъ и къ которымъ онъ, по своему содержанію, относится. — Но слѣдуетъ сказать, что наибольшее количество матеріаловъ (сотни и тысячи дѣлъ, книгъ, документовъ) относительно многихъ учрежденій, о которыхъ говорится въ книгѣ (каковы: Синодальныя приказы Монастырскій, Казенный и Дворцовый, Камеръ Контора синодальнаго правительства, Коллегія Экономіи синодальнаго правленія, Канцелярія синодальнаго экономическаго правленія, Московская синодальная Контора, Московская Духовная Дикастерія), находится въ Москвѣ — въ архивахъ Министерства юстиціи, Синодальной Конторы и Духовной консисторіи. Въ этихъ архивахъ составитель книги не занимался. Значить — существующій для изслѣдованія описываемыхъ авторомъ учрежденій матеріаль имъ не исчерпанъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги не авторъ оперируетъ надъ матеріаломъ, а самъ находится въ сильной отъ него зависимости (сл. Полн. Собр. Пост. и распор., т. II, № 448 и страницы книги 55—63; см. также стр. 225—232, 233—235 и др.).

Авторъ книги желаетъ представить исторію многочисленныхъ учрежденій, бывшихъ при Св. Синодѣ въ прежнее время. Онъ разсматриваетъ ихъ до 25 названій. Но, съ одной стороны, одно и тоже учрежденіе, упоминаемое въ документахъ подъ разными названіями («Контора судныхъ и тиунской палата», стр. 53—55, «Тиунская (палата) Контора», стр. 74—83 и «Тиунская Изба», стр. 83—85), авторомъ разсматривается, какъ нѣсколько различныхъ учрежденій; а одна Контора, разсматриваемая авторомъ подъ названіемъ «Контора раскольническихъ дѣлъ», какъ особое учрежденіе (глава II, § 3, стр. 55—63), по словамъ его самого, «не имѣла отдѣльнаго отъ Синода дѣйствованія» (стр. 60); «особаго постановленія о кругѣ ея не было предначертано» (стр. 55—56) «и дѣйствительные факты безмолвствуютъ о дѣятельности этой конторы» (стр. 56). Съ другой стороны, авторъ книги, оглаваемой «Синодальныя учрежденія прежняго времени», не помѣстилъ въ ней значительнаго числа въ свое время дѣйствительно существовавшихъ и дѣйствовавшихъ при Св. Синодѣ и имѣвшихъ свою исторію учрежденій. Въ книгѣ ничего не говорится «о должности Оберъ-Прокурора, которому быть въ Святѣйшемъ духовномъ Синодѣ», какъ гласитъ заглавіе такъ называемой инструкціи Оберъ-Прокурора при Св. Синодѣ, подписанной, въ отсутствіе Государя, Сенатомъ, по его именному указу, 13 іюня 1722 г., — а эта должность имѣетъ свою исторію при Св. Синодѣ; оставлены авторомъ книги безъ разсмотрѣнія «Прокурорская Контора», существовавшая въ XVIII в., Коммисія о церковныхъ имѣніяхъ, Комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ (учр. 29 ноября 1807 г.), Коммиссіи духовныхъ училищъ (1808—1839), Отдѣленіе духов-

ныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія (1824 — 1836), Хозяйственный Комитетъ при Синодѣ, Духовноучебное Управленіе и др. О нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ учрежденій авторъ говоритъ въ первой книгѣ, — по, по заглавію второй книги, *о ней* слѣдовало бы помѣстить исторію, какъ тѣхъ учрежденій, о которыхъ говорится въ первой книгѣ, такъ и тѣхъ, о которыхъ ни въ которой изъ двухъ книгъ не упоминается и не изслѣдуется, но которыя относились къ вѣдомству православнаго исповѣданія.

Многочисленныя учрежденія, разсматриваемыя авторомъ книги, должны быть подведены подъ какую либо классификацію и раздѣлены на категоріи, которымъ слѣдовало подыскать подходящую терминологію. Авторъ, дѣйствительно, создалъ классификацію ихъ и раздѣлялъ ихъ на категоріи, которымъ далъ названія. Классификація автора — самостоятельна и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, имѣетъ основаніе и оправданіе; но можетъ быть и иная классификація, — болѣе точная и на основаніи логическомъ, болѣе твердомъ, хотя установить ее безспорно едва ли возможно или, по меньшей мѣрѣ, затруднительно. Равно и терминологія категорій, на которыя раздѣлены составителемъ книги различныя учрежденія, можетъ подлежать исправленію. Недостатки классификаціи и терминологіи можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ указаній. Въ *первой* главѣ излагается авторомъ исключительно исторія *Канцеляріи Св. Синода*; въ *четвертой* главѣ, подъ заглавіемъ «Учрежденія синодальнаго правленія», обозрѣвается авторомъ (на стр. 103 — 120) «*московскаго синодальнаго правленія канцелярія*». Полагаемъ, что синодальная канцелярія, гдѣ бы она не находилась — въ Москвѣ или въ С.-Петербургѣ, есть канцелярія Св. Синода, — подобно тому, какъ и Св. Синодъ, — въ Москвѣ ли онъ открываетъ свои засѣданія или пребываетъ въ С.-Петербургѣ, — не перестаетъ быть однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ. Между тѣмъ авторъ книги разсматриваетъ московскую синодальнаго правленія Канцелярію въ особой главѣ, какъ особое отъ Канцеляріи Св. Синода учрежденіе. Кромѣ того, — въ той же четвертой главѣ, подъ рубрикою «с.-петербургскія синодальнаго правленія учрежденія», онъ также говоритъ, какъ объ особомъ учрежденіи, о «синодальной канцеляріи», оставленной въ С.-Петербургѣ, но временно сокращенной въ своемъ составѣ по случаю отъѣздовъ Св. Синода въ Москву въ 1724 и 1727 гг. — Далѣе, — во *второй* главѣ разсматриваются авторомъ «Конторы при Святѣйшемъ Синодѣ», учрежденныя въ 1722 г. Ихъ авторъ насчитываетъ *четыре*, согласно опредѣленію Св. Синода 28 февраля 1722 г. (Поли. Собр. Пост. и расп., т. II, № 448). Но авторъ въ этой главѣ ни словомъ не упоминаетъ о «С.-Петербургской Синодальной *Контортѣ*», временно открывающейся въ С.-Петербургѣ съ 1742 г. до повѣйшаго времени по случаю отъѣздовъ Св. Синода изъ С.-Петербурга въ Москву, а говоритъ о ней въ гл. IV на стр.

96—102. Къ «учрежденіямъ *синодальной области съ Москвою*», разсматриваемымъ въ книгѣ въ главѣ пятой, авторъ относитъ, между прочимъ, Канцелярію розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, Приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и Контору изуграфствъ. Но область дѣйствій этихъ учреждений простиралась и за предѣлы такъ называемой синодальной (бывшей патриаршей) области или епархіи. Указанные недостатки классификаціи и терминологія могли бы быть устранены, если бы авторъ въ первой своей книгѣ представлялъ предметы вѣдѣнія Св. Синода и виды и степени власти его. Одни изъ предметовъ вѣдѣнія находились въ непосредственной власти Св. Синода, а для завѣдыванія другими предметами онъ учреждалъ особыя установленія, которымъ и отводился опредѣленный разрядъ дѣлъ и предоставлялась власть для веденія и рѣшенія ихъ въ опредѣленной степени или въ опредѣленной области. Учрежденія синодальныя и слѣдуетъ классифицировать по роду дѣлъ, по степени власти, предоставлявшейся имъ, и по пространственной области ихъ вѣдѣнія.

Переходимъ, послѣ общихъ замѣчаній о всей книгѣ, къ разбору составныхъ ея частей.

Въ предисловіи «къ читателю» указывается авторомъ цѣль его «изслѣдованія», которая состоитъ въ томъ, чтобы «обозрѣть учрежденія, которыми *пользовался* Св. Синодъ со времени своего существованія до возникновенія нынѣ дѣйствующихъ установленій». Здѣсь, въ единственномъ мѣстѣ книги, дается авторомъ *опредѣленіе* синодальныхъ учреждений, — но опредѣленіе очень недостаточное. Св. Синодъ пользовался *архіерейскими епархіальными* канцеляріями, конторами, дикастеріями и консисторіями. Но разсмотрѣніе ихъ не вошло, а по намѣреніямъ и плану автора книги и не должно было входить въ составъ его сочиненія. Значитъ, признакъ, которымъ въ опредѣленіи автора отличаются синодальныя учрежденія, далеко нерѣшительный. Авторъ задается цѣлію «обозрѣть учрежденія, которыми пользовался Св. Синодъ *до возникновенія* нынѣ дѣйствующихъ установленій». Канцелярія Св. Синода *возникла* со времени его открытія и нынѣ дѣйствуетъ; ею Св. Синодъ всегда пользовался; а она вошла въ *первую главу* «изслѣдованія» автора. Очевидна не точность опредѣленія синодальныхъ учреждений, даннаго его авторомъ.

Въ короткомъ «Введеніи» указываются авторомъ основанія — почему въ первое время существованія Св. Синода находилось при немъ много учреждений. Указанія вѣрныя.

Въ *первой* главѣ «обозрѣвается» Канцелярія Святѣйшаго Синода. Это — лучшая глава въ книгѣ. Въ ней излагается исторія канцеляріи за время 1721—1864 гг., со стороны ея состава, перемѣнъ въ штатахъ ея и происхожденія отдѣльныхъ должностей (агентовъ, чиновниковъ за оберъ-

прокурорскимъ столомъ и пр.). Исторія представлена съ достаточною полнотою, въ исторической послѣдовательности, по мѣстамъ весьма занимательно (тамъ, гдѣ говорится объ опредѣленіи въ канцелярію новыхъ должностныхъ лицъ, какъ: Потемкина при Екатеринѣ II, Павлова, Нечаева и Муравьева въ XIX в.) и съ приведеніемъ значительно многихъ свѣдѣній, доселѣ скрывавшихся въ архивахъ въ невѣстности. — Но перечисленіе предметовъ, о которыхъ производились въ Синодальной Канцеляріи дѣла, измѣненія въ теченіе полуторавѣковаго ея существованія количества предметовъ, составлявшихъ содержаніе ея дѣлъ, и исторія перемѣнъ въ порядкѣ дѣлопроизводства ея — дѣло будущихъ изслѣдователей исторіи Св. Синода и его канцеляріи. Любопытно, что количество предметовъ, о которыхъ въ Синодальной Канцеляріи производились дѣла, съ теченіемъ времени уменьшалось, — а штатъ Канцеляріи — увеличивался, въ особенности въ XIX вѣкѣ. Сравнительная таблица разновременныхъ штатовъ Канцеляріи могла бы наглядно показать это увеличеніе.

Во *второй* главѣ разсматриваются «Конторы при Св. Синодѣ», учрежденныя въ 1722 г. На основаніи 8 главы Генеральнаго Регламента и Именнаго, даннаго Духовной Коллегіи, указа—«дѣйствовать (ей) и по Генеральному Регламенту», Св. Синодомъ, по докладу его Канцеляріи, распредѣлены были занятія между его совѣтниками и ассесорами по предметамъ. По предположенію Канцеляріи, подвѣдомственныя Св. Синоду дѣла дѣлятся на слѣдующіе четыре разряда: типографскія и по школамъ, судныя, раскольническія и инквизиторскія. Завѣдываніе дѣлами каждой изъ этихъ категорій, опредѣленіемъ Св. Синода 28 февраля 1722 г., предоставлено было ближайшимъ образомъ одному совѣтнику и одному ассесору, а веденіе тѣхъ же дѣлъ по письменной части опредѣленнымъ чинамъ канцеляріи. Разрядъ дѣлъ вмѣстѣ съ лицами, которымъ поручено было веденіе ихъ, названъ Конторою. Такъ явились *четыре* конторы при Св. Синодѣ. Регламентомъ предполагалось, что «неважныя дѣла» могли быть рѣшаемы въ Конторахъ безъ предложенія Общему Присутствію Св. Синода, а «важныя, требовавшія синодальной резолюціи», должны были предлагаться на разсмотрѣніе и рѣшеніе всего Св. Синода. Но канцелярія Св. Синода не выразумѣла и не предвидѣла, что «судныя» и «раскольническія» дѣла, доходившія до Св. Синода, никогда не могли относиться къ неважнымъ, а всегда требовали общаго разсужденія Синода. Практика и доказала, что такія учрежденія, какъ «Контора судныхъ и Тіунской палаты дѣлъ» и «Контора раскольническихъ дѣлъ» не могли существовать при Св. Синодѣ, какъ бы особыя отъ Общаго Присутствія установленія съ опредѣленнымъ кругомъ занятій, подобно «Конторѣ школь и типографій» и «Конторѣ инквизиторскихъ дѣлъ». Но г. Барсовъ придалъ неподлежащее значеніе проекту си-

подальной канцеляріи о Конторахъ и употребилъ слишкомъ много труда и предположеній относительно разрѣшенія «вопроса» о существованіи, составѣ и дѣятельности конторъ судебныхъ и раскольниковыхъ дѣлъ. Предположенія его далеко не все подтверждаются документами и фактами, что увидимъ изъ обзора его изложенія объ отдѣльныхъ конторахъ.

Первая контора, о которой говорится въ книгѣ, — *Контора школы и типографіи* (1721—1726 гг., стр. 42—53). Для изложенія свѣдѣній объ этой Конторѣ авторъ воспользовался, кажется, вполне всеѣмъ матеріаломъ, какой имѣется въ «Описаніи дѣлъ» Св. Синода и «Полномъ собраніи постановленій по вѣдомству Св. Синода». Эти свѣдѣнія могутъ быть дополнены лишь въ архивѣ московской синодальной типографіи. Приведенныя въ книгѣ свѣдѣнія сведены и изложены правильно и ясно.

Относительно сказаннаго въ книгѣ (на стр. 53 — 55) о *Конторѣ судебныхъ и тиунской палаты дѣлъ* можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: а) о продолжительности существованія ся не приведено опредѣленныхъ указаній, — по предположенію автора она существовала до 1723 г.; по предположенію никакою ссылкой на документы не подтверждается; б) къ «справкѣ», приведенной авторомъ о составѣ канцеляріи конторы, прибавлено имъ слово «при канцеляристахъ» излишне противъ документа, на который онъ ссылается, а эта прибавка даетъ невѣрное свѣдѣніе о количествѣ чиновъ канцеляріи при конторѣ, подстрочное же къ справкѣ примѣчаніе автора не подтверждено ссылкой на источникъ и возбуждаетъ сомнѣніе; г) подъ «Тиунскою Палатою», названіе которой введено въ наименованіе Конторы слѣдуетъ понимать только С.-Петербургскую Тиунскую палату, а отнюдь не московскую, которая, какъ самъ г. Барсовъ, говоритъ, на 143-й страницѣ, съ 1711 года называлась и, по приказу мѣстоблюстителя патриаршаго престола, «писалась» приказомъ церковныхъ дѣлъ; д) положеніе автора, что Контора слилась съ Московскою Синодальнаго Правленія Канцелярією, ничѣмъ не подтверждается и можетъ быть опровергнуто; и е) равно нельзя доказать высказаннаго (на стр. 55) авторомъ положенія, что «полная юрисдикція разсматриваемой конторы обнимала вообще судныя дѣла синодальнаго правленія въ Москвѣ».

«Особаго постановленія о кругѣ занятій *Конторы раскольниковыхъ дѣлъ*, по словамъ самаго автора книги, не было предначертано; равнымъ образомъ и дѣйствительные факты безмолвуютъ о дѣятельности этой конторы, какъ особаго учрежденія, не смотря на то, что дѣла о расколѣ составляли одну изъ обширныхъ отраслей вѣдѣнія Святѣйшаго Синода» (стр. 55—56). Не смотря на эти положенія, авторъ распространяется относительно названной Конторы на стр. 55—63.

Судьба, перемѣны въ личномъ составѣ и предметы вѣдѣнія *Конторы*

инквизиторскихъ дѣлъ (1722—1727 гг.), о которой говорится на стр. 63—70, изложены авторомъ книги вѣрно, отчетливо и ясно. Лишь возбуждается, при ея чтеніи и при провѣркѣ помѣщенныхъ въ ней свѣдѣній, сильное сомнѣніе — не смѣшиваетъ ли г. Барсовъ *Канторы* инквизиторскихъ дѣлъ съ «*Канцелярією* розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ», когда опъ на 63 стр. говоритъ: «по сохранившимся свѣдѣніямъ, въ *Канторѣ* инквизиторскихъ дѣлъ, въ первую пору по ея открытіи, состояло канцелярскихъ служителей 12 человекъ, одновременно опредѣленныхъ въ кантору». Въ цитруемыхъ авторомъ источникахъ (Описаніе докум. и дѣлъ, т. II, ч. 1, № 589, 940; ч. 2, № 906) не содержится такого опредѣленнаго указанія на число служителей. Между тѣмъ въ «Табели» 1722 г. о штатѣ *Канцеляріи* инквизиторскихъ дѣлъ (Полн. собр. пост. и расп. по вѣдомству Св. Синода, т. II, № 901, стр. 16) показано: «нынѣ обрѣтаются и быть должны» чины въ числѣ 12-ти.

Разсматриваемая авторомъ книги въ *третьей* ея главѣ (стр. 72—91) «Учрежденія епархіальнаго характера при Св. Синодѣ» правильнѣе было бы назвать «учрежденіями для завѣдыванія епархіальными дѣлами с.-петербургской синодальной области», которая состояла изъ городовъ и селеній повозавоеванной области — Ингермонландіи. Такое названіе съ бѣльшею точностію указываетъ на пространственную область, состоявшую въ вѣдѣніи подразумеваемыхъ учреждений, и отличаетъ ихъ отъ московскихъ учреждений, завѣдывавшихъ епархіальными дѣлами бывшей патриаршей области, переименованной въ 1721 г. въ синодальную, и, въ бытность Св. Синода въ Москвѣ, при немъ состоявшихъ. — Въ этой главѣ авторъ упоминаетъ объ «Исторіи православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней С.-Петербургской епархіи» о. М. Ѳ. Архангельскаго, справедливо называя ее почтеннымъ трудомъ. «Исторія» напечатана въ нѣсколькихъ выпускахъ «Историкостатистическихъ свѣдѣній С.-Петербургской епархіи». Въ сочиненіи о. Архангельскаго подробно излагается исторія учреждений, о которыхъ говорится въ третьей главѣ разсматриваемой нами книги. Но г. Барсовъ излагаетъ исторію, судьбу, перемены въ личномъ составѣ, предметы вѣдѣнія и отношенія *Тіунской (палаты) Канторы* (1721—1727 гг., на стр. 74—83), названной въ учредившемъ ее опредѣленіи Св. Синода «Тіунскимъ духовнымъ правленіемъ», и смѣнившихъ это учрежденіе *Тіунской Избы* (стр. 83—85) и *С.-Петербургскаго духовнаго правленія* (1728—1744 гг., стр. 85—90), на основаніи Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Св. Синода, Описанія дѣлъ архива Св. Синода и отчасти самыхъ дѣлъ того же архива, а не тѣхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ Исторіи с.-петербургской епархіи. Составленное г. Барсовымъ обзорнѣе указашныхъ учреждений то дополняетъ, то подтверж-

даетъ, то сводятъ, для уясненія ихъ, къ одному мѣсту свѣдѣнія, сообщенныя о. Архангельскимъ въ его трудѣ въ разныхъ выпускахъ. Какихъ либо невыгодныхъ для обзорѣнія замѣчаній мы не имѣемъ; укажемъ лишь, что исчисленіе авторомъ предметовъ вѣдѣнія Тіунской Конторы въ самомъ концѣ главы (стр. 91), уже послѣ обзорѣнія С.-Петербургскаго духовнаго правленія, помѣщено неумѣстно; оно должно находиться тамъ, гдѣ говорится о Конторѣ, — на стр. 82 или 83 — примѣрно.

Четвертая глава книги (стр. 93 — 120) подъ названіемъ «Учрежденія синодальнаго правленія» раздѣлена авторомъ на два отдѣла или §§, безъ обозначенія ихъ цифрами, каковыми отмѣчаетъ авторъ книги отдѣльные учрежденія, разсматриваемыя имъ въ предыдущихъ двухъ главахъ. — Первый отдѣлъ главы (93—103 стр.) озаглавленъ авторомъ «С.-Петербургскія синодальнаго правленія учрежденія». Въ немъ обзорѣваются:

1) учрежденіе (стр. 93—94), открытое опредѣленіемъ Св. Синода отъ 7 дек. 1721 г. по случаю его отъѣзда изъ С.-Петербурга въ Москву, оставленное въ С.-Петербургѣ, не получившее, по словамъ автора, «опредѣленнаго наименованія», но назначенное для «отправленія синодальныхъ и Тіунской Конторы дѣлъ» (стр. 93). Между тѣмъ на стр. 53 — 55 авторомъ разсмотрѣна «Контора судныхъ и Тіунской палаты дѣлъ», а на стр. 74 — 83 — «Тіунская (палата) Контора». Если бы авторъ соединилъ и сопоставилъ вмѣстѣ все сказанное имъ на указанныхъ страницахъ, — опредѣлилось бы вполне анонимное или, по словамъ его, неполучившее «опредѣленнаго названія» учрежденіе.

2) учрежденіе, также по случаю отъѣзда своего въ Москву оставленное Св. Синодомъ въ С.-Петербургѣ въ 1724 г., «для отправленія въ Синодальной Канцеляріи надлежащихъ дѣлъ до возвращенія его изъ Москвы (стр. 94). Это учрежденіе поручено завѣдывать ассесору, который долженъ былъ дѣйствовать по особой, данной ему инструкціи (Полн. Собр. пост. и расп. т. IV, № 1211). Не слѣдовало ли бы автору книги сказанное имъ здѣсь, на стр. 94—95, помѣстить въ Исторіи Канцеляріи Св. Синода, разсмотрѣнной имъ въ первой главѣ? Намъ представляется, что все сказанное авторомъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ слѣдовало бы размѣстить по предшествующимъ главамъ, между прочимъ и потому, что самъ авторъ (стр. 95), говоря о распоряженіяхъ Св. Синода по случаю его отъѣзда въ Москву на коронацію Петра II и объ «оставленной въ С.-Петербургѣ съ синодскимъ секретаремъ Тишинымъ и канцелярскими служителями Синодальной Канцеляріи, отсылаетъ читателя къ знакомству съ упомянутыми распоряженіями къ тому мѣсту его книги, въ которомъ имъ «разсмотрѣно С.-Петербургское духовное правленіе» (т. е. стр. 85 сл.).

а 3) С.-Петербургская «Святѣйшаго Правительствующаго Синода

Контора» съ 1742 г. (стр. 96—103). О синодальныхъ конторахъ авторъ книги говоритъ во второй главѣ. Можно было бы помѣстить собранныя авторомъ объ этой Конторѣ свѣдѣнія и во второй главѣ. Но гдѣ бы они не были помѣщены, они и по содержанию, и по изложенію имѣютъ цѣнность. Въ печати еще не бывало собрано столько свѣдѣній объ этой Конторѣ, многократно открывавшейся и закрывавшейся въ теченіе времени (1742—1826 гг.), за которое она обозрѣвается здѣсь авторомъ. Свѣдѣнія изложены здѣсь въ порядкѣ, послѣдовательно и ясно.

Второй отдѣлъ четвертой главы имѣетъ заголовокъ — «Московская Синодальнаго правленія Канцелярія». По содержанию отдѣла, слѣдовало бы поставить здѣсь въ названіи не единственное, а множественное число, — и при томъ замѣнить слово «Канцелярія» инымъ названіемъ. Правильно бы было отдѣлу дать заглавіе: Московскія Синодальнаго правленія учрежденія. Такое заглавіе оправдывается составомъ содержания отдѣла. Въ немъ обозрѣваются, безъ отмѣтокъ цифрами, слѣдующія учрежденія: 1) Московская синодальнаго правленія Канцелярія (1723—1727 гг. на стр. 103—111), названная такъ у автора на стр. 106-й; 2) Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ Москвѣ (1732—1734 гг., стр. 112—114); 3) Московская синодальнаго правленія Канцелярія 1734—1741 гг. (стр. 111—118) и 4) Московская Синодальная Контора, въ 1742 г. учрежденная (стр. 118). При обзорѣнн почти каждаго изъ этихъ учрежденій, авторъ говоритъ объ его происхожденіи, перечисляетъ лицъ, которыя назначались въ открываемыя учрежденія и смѣнялись въ немъ, приводитъ инструкціи и постановленія Св. Синода о предметахъ и области вѣдѣнія учрежденія, или въ видѣ извлеченій изъ документовъ, или своими словами съ ссылкой — гдѣ документы помѣщены, иногда указываетъ отношенія учрежденія къ Св. Синоду въ С.-Петербургѣ и инымъ установленіямъ, также время, когда, и синодальное опредѣленіе, которымъ упразднилось учрежденіе. Свѣдѣнія автора извлечены изъ печатныхъ изданій, а нѣкоторыя — и изъ архивныхъ дѣлъ Св. Синода. Обзорѣніе авторомъ означенныхъ учрежденій было бы яснѣе, опредѣленнѣе и полнѣе, если бы каждое изъ нихъ было разсмотрѣно въ строгой юридической конструкціи, примѣрно по рубрикамъ въ родѣ слѣдующихъ: 1) происхожденіе учрежденія, 2) составъ его, 3) предметы вѣдѣнія по данной инструкціи, 4) порядокъ производства дѣлъ (чего нѣтъ въ обзорѣнняхъ автора), 5) отношеніе учрежденія къ инымъ установленіямъ и 6) прекращеніе. О практической дѣятельности учрежденій, какъ она выражалась въ дѣйствительности, авторъ ничего не говоритъ, по всей вѣроятности, потому, что въ синодальномъ архивѣ мало или и вовсе не имѣется матеріаловъ, относящихся къ этому предмету. Но авторомъ ясно и отчетливо изображена смѣна однихъ учрежденій другими въ хронологическомъ по-

рядѣ. Автору не приходится при этомъ изслѣдовать предметъ, имъ изображаемый, а лишь описывать на основаніи источниковъ.

Предметомъ пятой главы служатъ «Учрежденія Синодальной области въ Москвѣ». Къ нимъ авторомъ отнесено шесть учреждений, а именно: Московская Духовная Дикастерія, Духовный Приказъ, Приказъ церковныхъ дѣлъ, Канцелярія розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, Приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и Конторъ изуграфствъ. — Въ числѣ этихъ учреждений авторомъ книги не помѣщенъ Синодальный Казенный Приказъ. Этотъ приказъ былъ въ Москвѣ и древнѣйшимъ учрежденіемъ синодальной области (бывшей патріаршей). Но о немъ пишется въ шестой главѣ книги, гдѣ разсматриваются «вотчинныя и финансовыя учрежденія».

Такимъ образомъ проф. Барсовъ признаетъ Казенный Приказъ исключительно *финансовымъ* учрежденіемъ. Но такое пониманіе значенія и дѣятельности этого учрежденія не можетъ быть названо правильнымъ. Казенный патріаршій, за тѣмъ синодальный, приказъ съ самаго своего основанія въ 1620 г., во все время своего существованія до упраздненія его въ 1740 г. и даже до времени образованія въ 1742 г. Московской епархіи, выдѣлившейся изъ бывшей патріаршей, потомъ синодальной, области, былъ и *административнымъ*, и *судебнымъ* установленіемъ, не только финансовымъ. Административная и судебная дѣятельность этого приказа за время отъ кончины патріарха Адріана до упраздненія его въ 1740 г. отчасти указана въ «Исторіи московскаго епархіальнаго управленія», Н. П. Розонова, М., 1868 г., но съ совершенною полнотою, по документамъ и книгамъ самого Приказа, разъяснена въ превосходной монографіи И. И. Шямко «Патріаршій Казенный Приказъ», М., 1894 г., стр. 293 — 311. Да и въ книгѣ самого г. Барсова приводятся выдержки изъ документовъ и дѣлаются на нихъ ссылки такого рода, что административная дѣятельность приказа въ синодальной области должна быть признаваема имъ безспорною и въ періодъ 1721 — 1740 гг. На стр. 206 — 208 приводится г. Барсовымъ докладъ или доношеніе казначея приказа отъ 5 марта 1722 г. Св. Синоду. Въ немъ казначей, между прочимъ, докладываетъ, что «въ казенномъ приказѣ *стодомы* ставленники и вдовые попы епитрахильными, а дьяконы пастихарными и перехожими отъ церкви къ церкви памятями, и о строеніи вмѣсто ветхихъ и погорѣлыхъ церквей благословенными и освященными грамотами». Въ опредѣленіи Св. Синода, по поводу означеннаго доношенія, сказано: «Ризничему онаго казеннаго приказа *правленіе* въ дѣйство производить съ архіерейскаго вѣдома» (архіеп. сарскаго Леонида). На стр. 210 г. Барсовъ говоритъ: «Въ казенномъ приказѣ, по росписанію Св. Синода, между прочими, сосредоточивались дѣла: разсылка по синодальной области указовъ о построеніи и освященіи церквей, а также выдача аптимисовъ;

отдача въ аренду церковныхъ (такъ назыв. «пустовыхъ») земель, веденіе списковъ рукополагаемымъ въ синодальную область священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ, а также и вдовымъ священнослужителямъ и выдача имъ грамотъ и указовъ по резолюціи архіерея» (Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп., т. II, № 693). Въ заключеніе же обзорѣнія предметовъ вѣдѣнія Казеннаго приказа г. Барсовъ выражается: «По характеру этихъ дѣлъ слѣдуетъ заключить, что Казенный приказъ и въ синодальный періодъ не отодвинулся отъ своего прежняго назначенія вѣдать дѣла, касающіяся только церквей и «чина духовнаго». — Оправданіемъ г. Барсову въ отнесеніи имъ Казеннаго синодальнаго приказа къ финансовымъ учрежденіямъ можетъ служить лишь то, что съ административными дѣйствіями приказа почти всегда соединены были и его финансовыя отправления.

Между учрежденіями синодальной области въ Москвѣ, разсматриваемыми въ книгѣ, авторомъ на *первомъ* мѣстѣ поставлена и исторически описана Московская Духовная Дикастерія (стр. 126 — 137), а за тѣмъ, на *второмъ* мѣстѣ помѣщенъ Духовный Приказъ (стр. 137 — 142). Между тѣмъ Духовный Приказъ по времени своего происхожденія и существованія предшествовалъ основанію Духовной Дикастеріи, впервые явившейся въ 1722 г. Самъ авторъ относитъ (стр. 137) «возникновеніе» Духовнаго Приказа ко времени патріарха Никона (т. е. къ началу второй половины XVII в.), излагаетъ свѣдѣнія о немъ за время патріаршаго періода (137 — 139 стр.), мѣстоблюстительства патріаршаго престола при митрополитѣ Стефанѣ Яворскомъ (стр. 140) и за первые два года существованія Св. Синода и, ссылаясь на указъ Св. Синода отъ 22 іюня 1722 г., говоритъ (стр. 141), что въ этомъ указѣ «относительно порядка производства дѣлъ по инстанціямъ синодальнаго вѣдомства *Духовный приказъ показанъ первымъ* въ числѣ подчиненныхъ Св. Синоду московскихъ приказовъ со всеобъемлющимъ (!) кругомъ юрисдикціи по всѣмъ дѣламъ синодальнаго вѣдомства», — и нѣсколько выше: «Св. Синодъ принужденъ создать и образовать (въ 1722 г.) особое учрежденіе для завѣдыванія дѣлами бывшей патріаршей области, — Московскую Духовную Дикастерію. Поставленному во главѣ этого учрежденія Леониду архіепископу сарскому указано было имѣть въ своемъ завѣдываніи Духовный Приказъ»: Духовный Приказъ и слился за тѣмъ съ Дикастерією.

Исторія Московской Духовной Дикастеріи (1722 — 1742 гг.), которая въ учредительномъ о ней синодскомъ опредѣленіи названа Консисторією, изложена авторомъ, на основаніи документовъ, со стороны ея состава и предметовъ вѣдѣнія совершенно вѣрно. Лишь въ заключительныхъ о ней словахъ г. Барсовымъ относительно «ближайшихъ къ кругу дикастерскаго вѣдомства приказовъ» названы приказы *духовный* и церков-

ныхъ дѣлъ; но Казенный приказъ опущенъ, — а Духовный слился съ Дикастерією.

Въ свѣдѣніяхъ, излагаемыхъ авторомъ (стр. 142 — 167) съ достаточною полнотою и ясностію и почти исключительно на основаніи первоисточниковъ, хотя и по печатнымъ изданіямъ (Описанія сип. дѣлъ и Полн. Собр. пост. по вѣдомству прав. исп.), относительно учреждений: Приказа церковныхъ дѣлъ (1675 — 1724 гг.), Розыскной раскольническихъ дѣлъ Канцеляріи (1710 — 1727 гг.), Приказа Инквизиторскихъ дѣлъ (1721 — 1727 гг.) и Конторы изуграфствъ, можно замѣтить лишь незначительныя опущенія и неточности (не указано, напр., времени упраздненія Приказа инквизиторскихъ дѣлъ и Конторы изуграфствъ, — или на стр. 143-й въ одномъ мѣстѣ говорится, что «Тіунской» велѣно писаться, по приказу мѣстоблюстителя, «Приказомъ церковныхъ дѣлъ», а въ другомъ мѣстѣ, по предположенію автора, приказъ «пишется до 1718 г.» тіунскою палатою). Вообще же, — происхожденіе, судьба, составъ, предметы вѣдѣнія, отчасти отношенія и значеніе всѣхъ означенныхъ учреждений представлены вѣрно, ясно, живо и съ указаніемъ характерныхъ признаковъ каждаго изъ нихъ.

Въ *шестой* и послѣдней главѣ книги обозрѣваются «вотчинныя и финансовыя учрежденія» (стр. 168—249) или состоявшія въ вѣдѣніи Св. Синода, или соприкасавшіяся съ его вѣдомствомъ. Въ ней разсматривается *семь* учреждений, — а именно: Монастырскій Приказъ (1700 — 1724 гг.), Камеръ-Контора синодальнаго правительства (1724—1726 гг.), Коллегія Экономіи синодальнаго правленія (1726 — 1744 гг.), Казенный и Дворцовый синодальные Приказы (1620 — 1740 гг.), Канцелярія Синодальная Экономическаго правленія (1744 — 1762 гг.) и Коллегія экономіи духовныхъ имѣній, учрежденная въ 1762 г. и просуществовавшая до учрежденія Министерства Финансовъ. — Одни изъ этихъ учреждений составляли уже въ нашей литературѣ предметы изслѣдованій въ отдѣльныхъ монографіяхъ (какъ — Монастырскій, Казенный и Дворцовый Приказы, отчасти и Камеръ-Контора); но Коллегія Экономіи синодальнаго правительства, Канцелярія Синодальнаго Экономическаго Правленія, Комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, упоминаемая авторомъ на 242 стр. и Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній могутъ и должны составлять предметъ отдѣльныхъ и особыхъ монографій, какъ по множеству матеріаловъ, сохранившихся о нихъ, такъ и по степени значенія каждаго изъ этихъ учреждений въ исторіи русской церкви XVIII вѣка. Авторъ представляетъ въ своей книгѣ историческій очеркъ разсматриваемыхъ имъ учреждений. Онъ — довольно краткій; но имѣетъ значеніе въ церковно-исторической современной литературѣ. Здѣсь впервые въ печати показывается послѣдовательная въ исторіи смѣна всѣхъ учреждений, завѣдывавшихъ въ XVIII в. въ высшей инстанціи всѣми вот-

чинами церковныхъ установлений. Смѣна эта объясняется авторомъ совершенно вѣрно и ясно. Она происходила въ тѣсной связи съ вопросомъ о переводѣ вотчинъ и крестьянъ церковныхъ установлений изъ вѣдѣнія, управленія и обладанія церковной власти въ вѣдѣніе, управленіе и обладаніе государства, иначе говоря — съ вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Съ Петра I до Екатерины II выражались и сталкивались въ развитіи о разрѣшеніи этого вопроса два направленія въ средѣ правительственной власти. Представители одного направленія находили нужнымъ въ интересахъ государства перевести церковныя вотчины въ управленіе и обладаніе государственныхъ учреждений и обратить ихъ въ институтъ государственный; а представители другого направленія (конечно, — іерархи и по преимуществу изъ малороссовъ или кіевскихъ ученыхъ) усиливались удержать тѣ-же вотчины въ обладаніи и вѣдѣніи церковныхъ властей и учреждений, признавая ихъ церковно-имущественнымъ институтомъ. Носители верховной власти съ Петра и до Екатерины (въ самомъ началѣ ея царствованія, — при восшествіи на престолъ) обнаруживали колебанія въ рѣшеніи вопроса. Колебательнымъ положеніемъ этого вопроса въ правительственныхъ воззрѣніяхъ и объясняется смѣна однихъ учреждений для центральнаго завѣдыванія церковными вотчинами въ XVIII в. другими. Эта смѣна и управленіе разныхъ учреждений весьма сильно и глубоко отзывались на административномъ строѣ, экономическомъ и юридическомъ положеніи и состояніи вотчинъ и крестьянъ. Полная и всесторонняя исторія указанныхъ учреждений возможна лишь съ историческимъ изслѣдованіемъ вѣдомства ихъ. Историческій очеркъ, представленный г. Барсовымъ, есть первый въ литературѣ. Не смотря на свою сравнительную краткость, онъ можетъ служить не только указателемъ, но, при началѣ монографическихъ работъ, и руководствомъ для изслѣдованій, не только по печатнымъ, еще не многочисленнымъ, изданіямъ, но и при архивныхъ занятіяхъ среди тысячъ дѣлъ, книгъ и документовъ Коллегіи Экономіи и Канцеляріи Синодальнаго Экономическаго правленія.

Окончивъ критическій разборъ книги г. Барсова «Синодальныя учреждения прежняго времени», и въ ея общемъ составѣ, и въ ея составныхъ частяхъ, мы, не смотря на значительное число замѣчаній на ея недостатки, должны по справедливости признать ея полезнымъ приобрѣтеніемъ въ церковно-исторической литературѣ относительно XVIII вѣка. Она — первый опытъ возможно полнаго «обозрѣнія» синодальныхъ учреждений, существовавшихъ въ этомъ вѣкѣ: ни въ одной книгѣ до сихъ поръ не излагалось историческаго обзора такого количества означенныхъ учреждений и въ такомъ объемѣ, какъ въ книгѣ г. Барсова. Не всѣ учреждения однаково

въ ней разсмотрѣны; но историческій обзоръ многихъ изъ нихъ представленъ ясно, вѣрно, отчетливо и съ достаточною полною. Матеріаловъ собрано въ ней много; матеріалы расположены большею частію въ порядкѣ, по учрежденіямъ. Всѣмъ учрежденіямъ дана классификація. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ исчерпаны все матеріалы, какія только можно было собрать въ синодальномъ архивѣ и въ изданіяхъ «Коммисіи для разбора дѣлъ» его. Въ изложенныхъ въ книгѣ свѣдѣніяхъ о другихъ учрежденіяхъ можно усматривать, что дополненій къ нимъ слѣдуетъ искать въ московскихъ архивахъ. Вообще книга можетъ служить пособіемъ и руководствомъ къ познанію и къ дальнѣйшей разработкѣ исторіи изложенныхъ въ ней учрежденій.

Въ заключеніе нашего разбора двухъ книгъ г. Барсова, мы, по § 22 Положенія о наградахъ графа Уварова, обязаны дать о нихъ свой приговоръ.

По § 2 Положенія, учрежденіе наградъ графа Уварова имѣетъ цѣлію *поощрять* русскихъ писателей къ занятіямъ русскою исторіею и, по § 3, въ частности исторіею церкви. По § 6 того же Положенія, при обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій, не должно быть упускаемо изъ виду — дѣйствительно ли отечественной наукѣ *недоставало подобнаго творенія* и соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки и критики.

Въ нашемъ разборѣ мы предъявили къ сочиненіямъ проф. Барсова, по нашему разумѣнію, «современныя требованія науки и критики». Наши критическія замѣчанія, быть можетъ, — черезчуръ строги и многочисленны. Но чрезвычайная, въ нашихъ глазахъ, важность предмета — «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» и долгъ рецензента по § 22 Положенія о наградахъ насъ обязывали къ тому. Не смотря на сдѣланныя нами критическія замѣчанія, мы, по справедливости, должны сказать, что книги г. Барсова имѣютъ значеніе въ современной церковно-исторической русской литературѣ. — Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было сочиненій, въ которыхъ излагалась бы за значительный періодъ времени исторія Св. Синода и учрежденій, при немъ состоявшихъ и состоящихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя входили или входятъ, по словамъ официальныхъ документовъ, въ составъ «Главнаго Духовнаго Правительства». Профессоръ Т. В. Барсовъ *первый* издалъ такія книги, изъ которыхъ одной онъ нашелъ возможнымъ дать заглавіе «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ», а въ другой излагаетъ исторію «Синодальныхъ учрежденій прежняго времени». Въ той и другой книгѣ собраны и расположены въ извѣстномъ порядкѣ факты не только XVIII, но и XIX вв. Для составленія и изданія такихъ книгъ нужна была отъ автора въ значительной долѣ, съ одной стороны, смѣлость,

а съ другой — осторожность, — смѣлость — *первому* выступить съ попыткою представить Св. Синодъ въ его прошломъ и съ его учрежденіями, — осторожность — предъ цензурными требованіями. Благодаря таковымъ личнымъ свойствамъ г. Барсова, въ нашей литературѣ и явился *первый опытъ* историческаго обзрѣнія Св. Синода и его учреждений. Этотъ опытъ есть отвѣтъ на запросы времени: журнальныя статьи, изъ которыхъ составлена первая книга г. Барсова, встрѣчали въ читателяхъ сочувствіе, вниманіе и расположеніе — видѣть ихъ въ собранномъ видѣ, — авторъ отвѣтилъ на желанія читателей книгою. Опытъ г. Барсова служитъ знаменемъ того, что наступили время и возможность изслѣдованія исторіи Святѣйшаго Синода и учреждений, его окружавшихъ и окружающихъ во множествѣ. Опытъ этотъ самыми недостатками своими можетъ послужить поводомъ къ составленію и изданію другихъ изслѣдованій о томъ же предметѣ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ не будетъ опущенъ изъ виду и первый опытъ. — Кромѣ *общаго* значенія обѣихъ книгъ г. Барсова въ литературѣ, каждая изъ нихъ имѣетъ свои достоинства. Повторять о нихъ здѣсь мы не будемъ, — они съ достаточною полнотою указаны нами выше на страницахъ 7—9, 26—27 и др.

Въ виду указаннаго общаго значенія книгъ г. Барсова и отличительныхъ особенностей каждой изъ нихъ по ея достоинствамъ, а равно въ виду многочисленныхъ и многолѣтнихъ трудовъ его по изслѣдованію и разработкѣ исторіи церковнаго права, къ которой относится въ значительной степени и содержаніе разсмотрѣнныхъ нами книгъ, мы, съ своей стороны, находимъ желательнымъ, чтобы Императорская Академія Наукъ наградила г. Барсова за обѣ книги одною *поощрительною* или *меньшею* преміею гр. Уварова. Въ случаѣ же сильной и многочисленной конкуренціи, указанномъ въ §§ 16 п. 1 и 26, мы ходатайствуемъ предъ Академіею удостоить сочиненія г. Барсова *почетнаго отзыва*.



III.

Разборъ сочиненія И. А. Тихомирова: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“.

Рецензія академика А. Шахматова.

О Лаврентьевской лѣтописи.

(Изслѣдованіе И. А. Тихомирова, помѣщенное въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. ССХХХV, отд. 2).

Лѣтописный сводъ, доведенный до 1305 года и сохранившійся въ спискѣ, приготовленномъ въ 1377 году для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича монахомъ Лаврентіемъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе изслѣдователей русскихъ лѣтописей, какъ одинъ изъ наиболѣе древнихъ, дошедшихъ до насъ, лѣтописныхъ сборниковъ. Г. Тихомировъ задался цѣлью дать краткое обозрѣніе состава Лаврентьевскаго сборника за вторую половину XII вѣка и за весь XIII вѣкъ: предыдущія изслѣдованія Бѣляева и Бестужева-Рюмина выяснили, по мнѣнію автора, съ достаточною полнотою отношеніе первой части сборника, заключающей Повѣсть временныхъ лѣтъ, а также той части, гдѣ содержится разсказъ о событіяхъ первой половины XII вѣка, — къ Ипатьевскому сборнику.

Обозрѣніе состава Лаврентьевскаго сборника, представленное г. Тихомировымъ, можно разсматривать какъ изслѣдованіе обрывковъ, остатковъ мѣстныхъ лѣтописей сѣверо-восточной Руси, сохранившихся въ этомъ сборникѣ: вотъ почему г. Тихомировъ начинаетъ свое обозрѣніе со второй половины XII вѣка; съ этого времени, говорятъ онъ, лѣтописныя извѣстія Ростовско-Суздальской области начинаютъ записываться болѣе систематически и постоянно; вотъ почему авторъ предпослалъ своему изслѣдованію краткое обозрѣніе лѣтописныхъ замѣтокъ, составленныхъ въ

Ростовѣ въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка. Задавшись цѣлью прослѣдить по Лаврентьевскому сборнику тѣ погодныя записи, которыя свидѣтельствуютъ о веденіи лѣтописей въ различныхъ городахъ суздальской области (Ростовѣ, Владимирѣ, Переяславлѣ и т. д.), г. Тихомировъ дѣлаетъ обзорѣніе Лаврентьевскаго сборника по тѣмъ главнымъ періодамъ, въ которые можетъ быть уложена историческая жизнь сѣверо-восточной Руси. Предварительно изъ состава сборника выдѣляются тѣ сказанія, отдѣльность коихъ несомнѣнна: таковы Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, Сказаніе о нашествіи Батыя, Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ и др. Вслѣдъ за этимъ авторъ переходитъ къ погоднымъ замѣткамъ, начиная ихъ съ періода, соответствующаго княженію Андрея Боголюбскаго. Главнымъ источникомъ для составителя лѣтописи за этотъ періодъ служили, по словамъ г. Тихомирова, записи, составленныя во Владимирѣ; ростовскихъ и суздальскихъ извѣстій почти нѣтъ; но довольно много извѣстій, взятыхъ изъ южно-русскихъ источниковъ. Къ нѣскольکو иному заключенію приходитъ изслѣдователь, разсмотрѣвъ содержаніе Лаврентьевскаго свода за княженіе Всеволода Юрьевича: «извѣстія вошедшія въ него, записаны преимущественно во Владимирѣ, и, слѣдовательно, въ интересахъ своего князя»... «Но кромѣ владимирскихъ извѣстій, мы имѣемъ въ Лаврентьевскомъ сводѣ за время княженія Всеволода III нѣсколько извѣстій, записанныхъ въ Ростовѣ». Совершенно другой характеръ принимаетъ лѣтопись за время отъ 1212 до 1238 года (нашествіе татаръ): изслѣдователю приходится отмѣчать извѣстія, записанныя не только во Владимирѣ и Ростовѣ, но также въ Суздаль, Переяславлѣ Русскомъ и Переяславлѣ Залѣсскомъ, Ярославлѣ и даже въ Рязани, Муромѣ и др. «Такимъ образомъ, выводитъ авторъ, лѣтописаніе въ первой половинѣ XIII в. обнимаетъ собою почти уже всѣ значительные города сѣверо-восточной Россіи». Періодъ, слѣдующій за татарскимъ, по вѣрному замѣчанію г. Тихомирова, не могъ быть благоприятнымъ для лѣтописанія; порабоженіе отечества татарами «тяжко отозвалось и на лѣтописателяхъ русскихъ; мраченъ, задумчивъ и неговорливъ становится лѣтописецъ со второй половины XIII в.; бѣдствіе какъ бы сковало его уста; отъ горя ли, или отъ страха онъ боится даже и писать; его записи отличаются лаконическою краткостью, однообразіемъ...» Тѣмъ не менѣе автору удается и въ записяхъ этого времени отмѣтить извѣстія, записанныя во Владимирѣ и въ Ростовѣ; одно извѣстіе оказывается рязанскимъ по происхожденію. Въ виду несправности рукописи, утери ея нѣсколькихъ листовъ, трудно судить о содержаніи лѣтописи слѣдующаго періода—отъ кончины Александра Невскаго до 1285 года; но подъ 1283—1285 гг. помѣщены въ Лаврентьевскомъ сборникѣ извѣстія курскаго происхожденія. Наконецъ, съ 1285 года большинство извѣ-

стїй Лаврентьевской лѣтописи оказывается тверского происхожденія; между ними, въ весьма впрочемъ незначительномъ числѣ, попадаются извѣстія, касающіяся Смоленска, Переяславля, Рязани и даже Костромы. Въ послѣднихъ строкахъ изслѣдованія подводятся результаты, къ которымъ пришелъ авторъ. «Итакъ, разсмотрѣвъ составъ Лаврентьевскаго свода, мы видимъ, что въ него, кромѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и южно-русскихъ лѣтописей, вошли извѣстія, записывавшіяся сначала по преимуществу во Владимирѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ, Суздаль и Твери; есть также нѣсколько извѣстій костромскихъ и ярославскихъ, переяславскихъ и рязанскихъ».

Изслѣдованіе г. Тихомирова, какъ замѣчено и выше, не задается цѣлью объяснить происхожденіе Лаврентьевскаго сборника, не пытается указать, какіе рукописные источники послужили при составленіи этого свода, въ какихъ именно памятникахъ сводчикъ находилъ, съ одной стороны, ростовскія, съ другой владимирскія и другія погодныя записи, не старается, наконецъ, выяснитъ, предшествовалъ ли изслѣдуемому своду XIV в. другой болѣе древній сводъ, обнимавшій, напр., событія только до начала или до середины XIII вѣка, подобно тому, какъ въ основаніи его лежитъ сводъ, составленный въ началѣ XII вѣка — Повѣсть временныхъ лѣтъ. Авторъ задался цѣлью прослѣдить по Лаврентьевскому сборнику ходъ лѣтописанія сѣверо-восточной Руси, почему онъ дѣлаетъ постоянныя (хотя и не систематическія) ссылки на другіе лѣтописные своды, гдѣ сохранились мѣстные записи о событіяхъ суздальской Руси, не вошедшія въ Лаврентьевскій сборникъ. Авторъ стремится доказать, что со второй половины XII столѣтія появляется на сѣверо-востоки Россіи лѣтопись, которая сначала ведется въ главныхъ центрахъ—Владимирѣ и Ростовѣ, а постепенно возникаетъ и въ другихъ городахъ суздальской области. «Дѣти и внуки Всеволода, размѣстившись по разнымъ городамъ сѣверо-восточной Руси, даютъ толчекъ къ развитію лѣтописанія въ своихъ стольныхъ городахъ; каждый городъ, гдѣ сидитъ князь, старается сохранить въ своемъ родномъ городѣ память о важныхъ событіяхъ, какъ въ жизни княжеской, такъ и цѣлаго княжества и родного города». Миѣ кажется, что г. Тихомировымъ не приведено убѣдительныхъ данныхъ для такого утвержденія. Правда, разсмотрѣніе Лаврентьевскаго сборника, а также другихъ лѣтописныхъ сводовъ, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что существовали лѣтописи, веденныя во Владимирѣ, Ростовѣ и Твери, но для доказательства существованія лѣтописей въ другихъ городахъ сѣверо-восточной Руси требуется во всякомъ случаѣ болѣе данныхъ, чѣмъ тѣ, которые извлечены г. Тихомировымъ изъ Лаврен-

твѣвскаго и другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Сомнѣваться въ существованіи лѣтописи, веденной въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, нельзя, въ виду дошедшаго до насъ списка этой лѣтописи: списокъ этотъ ясно доказываетъ, что лѣтопись была составлена въ 1214—1219 году, при чемъ въ основаніе ея былъ положенъ Владимірскій сводъ, составленный въ 1206 году и сохранившійся въ Радзивиловскомъ, а также въ древнѣйшей части Академическаго списка Суздальской лѣтописи. Переяславская лѣтопись ясно показываетъ, что въ мѣстные лѣтописные своды входили извѣстія не только мѣстнаго характера, относящіяся къ той или другой области, къ тому или другому городу, но также извѣстія о происшествіяхъ, имѣющихъ общій политическій или общественный интересъ. Такъ, въ самостоятельной части этой лѣтописи, обнимающей восемь годовъ (1207—1214) и составленной въ Переяславлѣ (ср. рассказъ 1213 года о прибытіи Ярослава Всеволодовича въ Переяславль), мы находимъ не только переяславскія извѣстія (напр. о женитьбѣ Ярослава въ 1214 году), но и извѣстія, важныя и интересныя для всего суздальскаго края: такъ, здѣсь подробно описаны событія, вызванныя смертью Всеволода (междоусобія между его сыновьями), рассказано о походѣ Всеволода противъ рязанскихъ князей, сообщено нѣсколько извѣстій, касающихся частной жизни великокняжеской семьи (вторая женитьба Всеволода въ 1211 году, женитьба Юрія Всеволодовича въ 1212 году, рожденіе у Константина Всеволодовича сына Іоанна въ 1211 году и т. д.), приведены, наконецъ, нѣкоторыя событія, имѣющія общецерковный интересъ, каковы: поставленіе Пахомія епископомъ Ростову, построеніе въ Ростовѣ церкви св. Богородицы. Можно ли на основаніи послѣдняго изъ упомянутыхъ здѣсь извѣстій заключать, что составитель лѣтописи Переяславля Суздальскаго пользовался, описывая событія 1207—1214 годовъ, между прочимъ, ростовскою лѣтописью? Можно ли на основаніи извѣстія 1209 года о кончинѣ Ольга Володимировича въ Бѣлгородѣ, гдѣ онъ похороненъ у св. Спаса, заключать о пользованіи переяславскимъ лѣтописцемъ лѣтописью рязанскою? Конечно, нѣтъ. Если мы предположимъ, что лѣтописецъ былъ лицомъ близкимъ къ переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу, намъ будетъ ясно, откуда могли дойти до него извѣстія рязанскія: Ярославъ Всеволодовичъ въ 1208 году былъ посаженъ отцомъ въ Рязани; такъ же объяснится происхожденіе многихъ другихъ извѣстій, какъ о событіяхъ, въ которыхъ этотъ князь принималъ участіе, такъ и о событіяхъ, касающихся родственниковъ этого князя. То же относится и къ другимъ лѣтописямъ и между прочимъ къ тѣмъ сводамъ, изъ которыхъ составилъ Лаврентьевскій сборникъ. Разсматривая извѣстіе 1225 года о нападеніи Литвы на новгородскія владѣнія и объ отраженіи ихъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, похвѣвшимъ «по нихъ ис Переяславля», г. Тихомировъ заключаетъ, что

это извѣстіе записано въ Переяславль. Но сравненіе этого мѣста Лаврентьевской лѣтописи съ соответствующимъ мѣстомъ Новгородской 1-й лѣтописи указываетъ на тѣсную связь его съ извѣстіемъ, читающимся въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1226, а въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1227 годомъ: походъ Ярослава Всеволодовича, князя Новгородскаго, на Емь за море, «гдѣ же ни единъ отъ князь русскихъ не возможе бывать». Несомнѣнно поэтому, что связать извѣстіе 1225 года съ Переяславлемъ нельзя, но несомнѣнно также, что оно записано лицомъ, близкимъ къ переяславскому князю, ставшему въ 1225 году новгородскимъ, — Ярославу Всеволодовичу. Такъ же трудно согласиться признать вслѣдъ за г. Тихомировымъ, чтобы извѣстія, касающіяся постройки ярославскихъ церквей во имя Успенія Богородицы и Спаса Преображенія, или пожара 27 іюня 1221 года, были записаны въ Ярославль. Приведа слова изъ извѣстія о пожарѣ въ Ярославль — «дворъ же князь, силою креста честнаго и молитвою добраго Константина избы огня», г. Тихомировъ вѣрно замѣтилъ, что они обличаютъ княжескаго приверженца. Но отчего не допустить, что лицо это во время самаго пожара, равно какъ во время построения названныхъ церквей, находилось при великомъ князѣ Константиѣ Всеволодовичѣ, а послѣ его смерти при его семействѣ, т. е. въ Ростовѣ? Во всякомъ случаѣ, этого «приверженца» Константина естественно отождествить съ «приверженцемъ Константиновымъ, записывавшимъ лѣтописныя извѣстія въ Ростовѣ» отъ 1213 до 1218 и «сторонникомъ Константина», занесшимъ въ лѣтопись извѣстія о событіяхъ во Владимирѣ въ 1218 году. Уже подъ 1206 годомъ г. Тихомировъ отмѣчаетъ извѣстіе, благосклонное къ Константину и записанное очевидцемъ; подъ 1207 годомъ онъ указываетъ на извѣстіе объ освященіи 25-го ноября церкви св. Михаила, записанное «приверженцемъ Константина въ Ростовѣ». Не ясно ли, что на протяженіи 1206—1221, а также и слѣдующихъ годовъ (ср. ростовскія извѣстія подъ 1231 годомъ), мы встрѣчаемся все съ однимъ и тѣмъ же лѣтописцемъ, лицомъ преданнымъ князю Константину Всеволодовичу и его семейству, сопутствовавшимъ ему въ его походахъ (ср. соображенія г. Тихомирова по поводу извѣстія 1206 г., гдѣ говорится о торжественной встрѣчѣ Константина въ Новгородѣ) и временно жившимъ вмѣстѣ съ княземъ во Владимирѣ (въ 1217—1218 г.)? Подобнымъ же образомъ, рассматривая извѣстія, записанныя, по мнѣнію г. Тихомирова, въ Суздаль, Юрьевъ (с. 266), Костромѣ и др. городахъ, мы легко придемъ къ заключенію, что они могли быть записаны и въ одномъ изъ другихъ политическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературныхъ, центровъ сѣверо-восточной Руси. При этомъ окажется, что перѣдко мы имѣемъ дѣло не съ трудолюбивыми записями мѣстнаго патриота и не съ усиліями городовъ сохранить память о важныхъ событіяхъ, а съ лѣтописью, болѣе ши-

рокою по своему характеру, повѣствовавшею о событіяхъ, имѣвшихъ интересъ для цѣлой области, а другой разъ и для всей Руси: такая лѣтопись велась при дворѣ того или другого князя; политическое значеніе князя опредѣляло содержаніе и характеръ лѣтописи; его походы, политическіе успѣхи, благочестивыя дѣянія, родственныя связи и т. д. — вотъ что вызывало записи и служило основаніемъ для лѣтописи. Впрочемъ, я далекъ отъ мысли обобщать черты нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ лѣтописей и распространять ихъ на все древнее лѣтописаніе. Въ 1-хъ, не всегда событія передавались съ тою или другою субъективною окраской, зависѣвшею отъ симпатіи или антипатіи къ тому или другому князю; поэтому по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сводамъ никоимъ образомъ нельзя заключить, вокругъ какой политической личности они составлены; во 2-хъ, мы имѣемъ прямыя указанія на существованіе лѣтописей некаяжескихъ (таковы, напр., новгородскія лѣтописи). Но разсмотрѣніе хотя бы тѣхъ обрывковъ ростовской лѣтописи, которые прослѣжены г. Тихомировымъ по Лаврентьевскому своду, или еще изученіе переяславской лѣтописи, въ извѣстіяхъ которой почтенный изслѣдователь справедливо открываетъ приверженца Юрія и Ярослава, противника Константина (с. 258), приводягъ насъ къ другому болѣе общему выводу: наши лѣтописи не были официальными актами, памятными записками, механическою сшивкой разнороднаго матеріала, — это были литературныя произведенія, дававшія широкій просторъ личному чувству автора, считавшаго себя полнымъ и безотвѣтственнымъ хозяиномъ накопленнаго имъ матеріала — предшествовавшихъ лѣтописныхъ сводовъ, лѣтописей, веденныхъ другими лицами, сказаній, извѣстныхъ по другимъ памятникамъ. Большинство нашихъ лѣтописныхъ сводовъ безыменно, но тѣмъ не менѣе характеръ ихъ таковъ, что изслѣдованіе каждаго изъ нихъ должно начинаться съ опредѣленія личности составителя свода (времени, мѣста, обстоятельствъ, при которыхъ онъ работалъ). Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ, дошедшіе до насъ лѣтописные своды предполагаютъ существованіе другихъ болѣе древнихъ сводовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Поэтому изслѣдованіе ихъ должно приводить къ опредѣленію (предположительному) этихъ основныхъ сводовъ; дальнѣйшее изслѣдованіе должно открывать, не происходятъ ли такіе основные своды изъ сводовъ еще болѣе древнихъ и первоначальныхъ. Первоначальный лѣтописный сводъ, входя въ составъ другого позднѣйшаго, могъ обособляться сказаніями, а также извѣстіями, заимствованными изъ другихъ сводовъ, другихъ памятниковъ, или записанными на основаніи устнаго преданія; самъ онъ составлялся частью на основаніи какихъ-нибудь литературныхъ произведеній, частью же на основаніи устнаго преданія, народныхъ сказаній, рассказовъ современниковъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ анализа состава какого бы то ни было лѣтопис-

наго свода, должны получиться данныя, свидѣтельствующія, съ одной стороны, о болѣе древнихъ литературныхъ произведеніяхъ, съ другой—о народныхъ сказаніяхъ и устныхъ разсказахъ, существовавшихъ въ эпоху составленія свода. Г. Тихомировъ, повидимому, смотритъ на дѣло иначе: составными частями, напр., Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода, онъ признаетъ: 1) сказанія, отдѣльность которыхъ несомнѣнна, 2) погодныя лѣтописныя замѣтки. Рѣшительно не соглашаюсь признать правильность такого анализа. Сказанія, правда, могли дойти до составителя свода и въ отдѣльномъ видѣ, но въ большинствѣ случаевъ онъ знакомился съ ними или изъ другихъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, или изъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ, или, наконецъ, изъ устнаго преданія. Слѣдовательно, нѣкоторыя сказанія могли попасть въ сводъ изъ одного общаго источника съ тѣмъ матеріаломъ, который г. Тихомировъ называетъ погодными записями, а именно изъ другого болѣе древняго свода. Но въ такомъ случаѣ нельзя отдѣлять сказаній отъ погодныхъ записей и не зачѣмъ допускать знакомство сводчика со сказаніемъ въ отдѣльномъ его видѣ, между тѣмъ какъ онъ могъ его знать въ тѣсномъ соединеніи съ другимъ лѣтописнымъ матеріаломъ. Во всякомъ же случаѣ дѣленіе лѣтописнаго матеріала на сказанія и погодныя записи произвольно: это доказываетъ и изслѣдованіе г. Тихомирова, который вмѣстѣ съ погодными записями разсматриваетъ рядъ сказаній, имѣющихъ, казалось бы, такое же точно право на отдѣльное разсмотрѣніе, какъ выдѣленныя имъ шесть сказаній. Таково извѣстіе о Леонтіанской ереси, признаваемое предположительно самимъ авторомъ за «отдѣльную запись» (с. 245); таково же «сказаніе» о Θεодорцѣ, епископѣ Владимирскомъ (с. 247), «сказаніе» о подвигахъ Михайла Юрьевича противъ Половцевъ (с. 247), «сказаніе» о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ (с. 248) и т. д. Итакъ, мы видимъ, что автору не удалось установить признаковъ, по которымъ тотъ или другой разсказъ можетъ быть отнесенъ къ сказаніямъ или погоднымъ записямъ. Это зависитъ отъ того, что «погодныя записи» не могутъ быть признаны особымъ литературнымъ родомъ; подъ этимъ терминомъ нельзя не понимать и сказаній о современныхъ лѣтописцу событіяхъ, записанныхъ имъ рядомъ съ краткимъ извѣстіемъ о какомъ-нибудь несложномъ и маловажномъ происшествіи; подъ этотъ же терминъ подойдутъ сказанія, составленныя самимъ лѣтописцемъ - сводчикомъ на основаніи личныхъ своихъ впечатлѣній, слуховъ или устныхъ преданій. Конечно, г. Тихомировъ понимаетъ все это не хуже меня, и разсмотрѣніе лѣтописнаго матеріала подъ рубриками «отдѣльныя сказанія» и «погодныя записи» вызвано просто удобствами изложенія. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что такой пріемъ во всякомъ случаѣ можетъ вызвать недоразумѣнія, я не могу признать его правильнымъ еще потому, что онъ оставляетъ

въ тѣни тѣ дѣйствительные источники, опредѣленіе которыхъ составляетъ прямую задачу изслѣдователя: я говорю о тѣхъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ, гдѣ уже заключался весь тотъ матеріалъ, который старается расчленивать г. Тихомировъ, т. е. какъ погодныя записи, такъ и сказанія. Анализъ Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода ставить г. Тихомирова лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми *сказаніями*, бывшими извѣстными сводчику (какому? Лаврентію или составителю болѣе древняго свода?), и съ *погодными записями*, ведшимися во Владимірѣ, Ростовѣ, Суздальѣ и т. д. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что такой анализъ долженъ привести къ возстановленію нѣсколькихъ *лѣтописныхъ сводовъ*, предшествовавшихъ тому, который дошелъ до насъ въ спискѣ 1377 года, и послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другой. Впрочемъ, въ этомъ несомнѣнно убѣжденъ и г. Тихомировъ, прямо указывающій на то, что въ составъ Лаврентьевскаго сборника вошелъ между прочимъ болѣе древній сводъ — «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Но почему же онъ не попытался опредѣлить эти слѣдовавшіе другъ за другомъ своды, почему онъ не размоталъ сложнаго клубка, составившагося окончательно въ XIV вѣкѣ, ограничившись указаніемъ на то, что клубокъ состоитъ изъ нитокъ разнаго цвѣта, разной доброты? А между тѣмъ опредѣленіе состава нѣкоторыхъ изъ сводовъ, предшествовавшихъ Лаврентьевскому, не можетъ представить особыхъ трудностей. Такъ сравненіе Лаврентьевскаго списка съ Радзивилловскимъ, Академическимъ и съ лѣтописью Переяславля Суздальскаго приводитъ къ возстановленію владимирскаго лѣтописнаго свода, составленнаго въ началѣ XIII-го вѣка. Въ этомъ сводѣ начала XIII-го в., въ связи съ остальнымъ лѣтописнымъ матеріаломъ, читались три сказанія XII-го вѣка, которыя г. Тихомировъ, анализируя сводъ XIV вѣка, выдѣляетъ изъ всего его состава. Я еще болѣе утверждаюсь въ мысли, что г. Тихомировъ не ставилъ себѣ задачей анализъ Лаврентьевскаго свода, а хотѣлъ только, въ связи съ обзоромъ его содержанія, доказать существованіе и послѣдовательное развитіе лѣтописанія въ городахъ сѣверо-восточной Руси. Все же путь, имъ избранный, не можетъ быть признанъ удачнымъ: въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что записи о современныхъ событіяхъ велись въ Ростовѣ, Владимірѣ, Ярославлѣ, Суздальѣ и т. д. въ XII—XIII вѣкѣ. Но мы видѣли выше, что существованіе лѣтописныхъ записей въ Суздальѣ и Ярославлѣ не доказано: это убѣждаетъ, что приемы изслѣдованія невѣрны и что достиженіе нѣкоторыхъ достовѣрныхъ результатовъ (доказательство существованія Владимирскихъ и Ростовскихъ записей), при помощи тѣхъ же приемовъ, обязано простой лишь случайности. Г. Тихомировъ дѣйствительно далъ бы намъ картину развитія лѣтописанія въ суздальской Руси, если бы опредѣлилъ, кѣмъ, когда и при какихъ условіяхъ составлена была владимирская и ростовская лѣтописи, свидѣтель-

ства о которыхъ сохранились въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, а частью и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Такая картина несомнѣнно разъяснила бы намъ то, что остается неяснымъ въ выводахъ автора: почему лѣтописныя извѣстія записывались сначала по преимуществу во Владимирѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ и Твери. Ростовъ древнѣе Владиміра, въ немъ жилъ епископъ еще тогда, когда Владимиръ былъ незначительнымъ пригородомъ Ростова, въ немъ бы мы и ожидали встрѣтить первую суздальскую лѣтопись. Можетъ быть, такая лѣтопись тамъ и существовала, но она не имѣетъ ничего общаго съ тою ростовскою лѣтописью, слѣды которой такъ ясны въ Лаврентьевскомъ сводѣ: эта послѣдняя лѣтопись, поздняя по происхожденію, была, очевидно, княжескою лѣтописью и связывалась не столько съ судьбою стараго Ростова, сколько съ судьбою Константина Всеволодовича и его сыновей. Итакъ, мы находимъ въ Лаврентьевскомъ сборникѣ слѣды ростовской лѣтописи, составленной современникомъ Константина и его сыновей, слѣдовательно, въ первой половинѣ XIII ст. Естественно возникаетъ вопросъ, не есть ли Лаврентьевскій сводъ продолженіе, дальнѣйшее объясненіе того лѣтописнаго свода, который представляла изъ себя эта ростовская лѣтопись. Возможно, конечно, что ростовская лѣтопись въ извѣстномъ извлеченіи помѣщена была въ Лаврентьевскій сборникъ самимъ Лаврентіемъ или въ протографъ его — составителемъ свода, работавшимъ въ началѣ XIV в., но возможно также, что въ извѣстной части своей Лаврентьевскій сборникъ представляетъ древнѣйшій лѣтописный сводъ, составленный въ Ростовѣ въ первой половинѣ XIII ст. Имѣя въ виду, что въ лѣтописномъ разсказѣ 1206 - 1231 года мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ личностью, которую можно признать за жителя Ростова и за приверженца ростовской княжеской семьи¹⁾, при чемъ личность другого лѣтописца — владимирскаго не проявляется; что въ изложеніи даже обще-суздальскихъ событій 1206 - 1231 года проводится точка

1) Ср. подъ 1206 годомъ разсказъ объ отправленіи Всеволодомъ сына своего Константина въ Новгородъ, съ приложеною къ нему похвалою Константину; подъ 1207 извѣстіе объ освященіи Константиномъ церкви св. Михаила въ Ростовѣ, сопровождаемое благочестивыми размышленіями, подъ 1211 извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, «Богу поупуцшыю за умноженье грѣхъ нашихъ и неправды», при чемъ Константинъ пріѣзжаетъ утѣшать ростовцевъ, подъ 1216 извѣстіе о смерти ростовскаго епископа Пахомья, похороненнаго Константиномъ, подъ 1218 извѣстія о событіяхъ во Владимирѣ, гдѣ Константинъ былъ великимъ княземъ, а также извѣстіе объ отправленіи Василія и Всеволода Константиновичей на столъ въ Ростовъ и Ярославль; подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о смерти Константина, сопровождаемое длиною похвалою ему; подъ 1227 годомъ извѣстіе о поставленіи Митрофана епископомъ Владимирскимъ, записанное, по указаніямъ Соловьева и Тихомирова (с. 261), ростовскимъ лѣтописцемъ, случайно бывшимъ въ то время во Владимирѣ; подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о женитьбѣ Василька Константиновича и о прибытіи его въ Ростовъ съ молодою княгиней, «и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ».

зрѣнія, благопріятная христоробивому, блаженному и доброму князю Константину (напр. подъ 1211 г. не рассказано о его размолвкѣ съ отцомъ, Юрій подъ 1212 и сл. годами не названъ даже великимъ княземъ, о расприхъ между Всеволодовичами говорится совершенно кратко и глухо, вопреки другимъ лѣтописямъ, напр. Переяславля Суздальскаго и той владимирской, которая отразилась въ Воскресенскомъ, Тверскомъ и другихъ сводахъ), — я думаю, можно съ большою вѣроятностью утверждать, что въ основаніи Лаврентьевскаго сборника лежитъ ростовскій лѣтописный сводъ первой половины XIII в., осложненный послѣдующимъ лѣтописнымъ рассказомъ о событіяхъ XIII и начала XIV вѣка. Думаю, что этотъ сводъ оканчивался рассказомъ о событіяхъ 1230-1231 годовъ. Основаніемъ для такого предположенія служатъ слѣдующія разсужденія: подъ 1231-мъ годомъ мы находимъ обширную лѣтописную статью о поставленіи ростовскаго епископа Кирилла и о первыхъ дѣлахъ его по принятіи епископскаго сана. Характеръ этой статьи совершенно отличаетъ ее отъ всего предыдущаго лѣтописнаго разсказа, гдѣ сказывается мѣстный лѣтописецъ ростовскій, приверженецъ князя Константина и его семейства. Ею какъ бы начинается новая лѣтопись, главный интересъ которой уже иной, чѣмъ у предшествовавшей ростовской лѣтописи; слова: «любовному учению же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, с страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья себе вдахъ, сего перваго словесе дѣтели написати; зѣло бо велье дѣло наче насъ всприяхъ, боязнью ослушанья, разумѣхъ в Притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый в погібель будетъ, послушливый же кромѣ ея будетъ», — эти слова, какъ они не затемнены мѣстами позднѣйшими переписчиками (издатель Лавр. списка предлагаетъ вм. дѣтели чтеніе дѣтеля, относя это слово къ Кириллу), ясно показываютъ, что статью о Кириллѣ начиналась или лѣтопись, посвященная дѣятельности Кирилла (ср. въ Лавр. сборникѣ о Кириллѣ подъ 1237, 1239 гг., при чемъ въ извѣстїи объ освященіи церкви Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ онъ названъ священнымъ епископомъ Кирилломъ, такъ же какъ подъ 1231 годомъ), или же особое сочиненіе о немъ. Принявъ во вниманіе, что статья подъ 1231 годомъ написана еще при жизни Кирилла (онъ умеръ въ 1262 году), какъ это видно изъ словъ, приводимыхъ мною въ примѣчаніи ¹⁾, я думаю, что авторъ ея былъ составителемъ особой ростовской лѣтописи, а не составителемъ житія Кирилла епископа. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, какія части Лаврентьевскаго сборника могутъ

1) Бысто убо украшенье ея (церкви св. Богородицы) чюдно зѣло, акоже не бысть у преже бывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ вѣсть ли будетъ... Много бо попеченье створи о церкви святыя Богородица, еже преже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начиная и преходя отъ дѣла въ дѣло.

принадлежать этому продолжателю, остановлюсь на слѣдующихъ подробностяхъ, опредѣляющихъ, думаю, объемъ первоначальнаго ростовскаго свода. Въ разсказѣ 1231 года, мы находимъ слѣды двухъ лѣтописныхъ источниковъ: слова, принадлежащія автору статьи, о которой мы говорили: «не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа и вся приходящая удивлеса (вм. удивляя), князя же и велможѣ, всяку въздрать града Ростова»... разорваны въ Лавр. сборникѣ вставкою послѣ слова «кажа» слѣдующаго содержания: «Того же лѣта родися Василку сынъ, мѣсяца пуля въ 24 день, в праздникъ святою мученику Бориса и Глѣба, и наречено бысть имя ему Борисъ». Слѣдовательно, редакторъ Лаврентьевскаго сборника или протографа этого сборника соединилъ здѣсь два источника: извѣстіе о рожденіи Бориса Константиновича, взятое изъ одного источника, вставлено въ статью о Кириллѣ епископѣ, принадлежавшую другому источнику. Мнѣ кажется, что первымъ источникомъ была та самая лѣтопись, которая была составлена приверженцемъ ростовскаго князя Константина и его семейства. Другое, однородное съ приведеннымъ, извѣстіе читаемъ подъ слѣдующимъ 1232 годомъ: «того же лѣта оженися князь Володимеръ Костянтиновичъ». Послѣ этого извѣстія, вплоть до 1248 года, мы не находимъ извѣстій, касающихся княжескаго дома Константиновичей: между тѣмъ, за время отъ 1232 до 1237 родились — у Василя Константиновича сынъ Глѣбъ (первый разъ упоминается подъ 1239 годомъ, въ числѣ оставшихся въ живыхъ послѣ татарскаго погрома суздальскихъ князей), а у Всеволода Константиновича сынъ Василій (упоминается тамъ же); въ это же время, вѣроятно, женился Всеволодъ Константиновичъ, что видно между прочимъ изъ того, что подъ 1231 годомъ при княгинѣ Василковой не упомянута еще княгиня Всеволожа. Отсюда, думаю, можно съ вѣроятностью заключить, что первая ростовская лѣтопись была доведена лишь до 1232 года. Мы находимъ еще одно указаніе на то, что составитель Лаврентьевскаго сборника или протографа этого сборника, встрѣтившись, начиная съ 1231 года съ новымъ источникомъ (епископскою лѣтописью), и затруднившись соединить данныя обонхъ своихъ источниковъ (ср. неумѣлую вставку о рожденіи Бориса Константиновича, вызванную хронологическими соображеніями: она помѣщена между событіями 18 мая и 14 августа, о которыхъ говорила епископская лѣтопись), опустилъ нѣкоторыя извѣстія своего перваго источника (княжеской лѣтописи). Оказывается, что Лаврентьевскій сборникъ совершенно не упоминаетъ о важномъ въ жизни города Ростова событіи — о перенесеніи мощей св. Леонтія изъ церкви св. Іоанна. Какъ это ясно изъ Софійской 1-й, Новгородской 4-й, Воскресенской, Никоновской лѣтописей и старѣйшей ихъ Суздальской лѣтописи по Академическому списку, перенесеніе мощей Леонтія имѣло мѣсто 25 февраля 1230 мартовскаго или 1231 январ-

скаго года ¹⁾. Умолчаніе объ этомъ событіи тѣмъ болѣе странно, что подъ 1231 годомъ мы такъ подробно читаемъ объ украшеніи и освященіи храма св. Богородицы. Правда, въ Лавр. сборникѣ мы не найдемъ упоминанія и о паденіи ростовской соборной церкви, послѣ чего мощи святителя были, вѣроятно, временно перенесены въ церковь Іоанна, стоявшую на епископскомъ дворѣ ²⁾; но паденіе церкви случилось въ 1204 году (ср. Воскр., Льв., Твер. и др. лѣтописи); ростовскія же событія княжеской лѣтописи начинаются въ Лаврентьевскомъ сборникѣ съ 1206 года (отправленіе Константина въ Новгородъ). Если эта княжеская лѣтопись подъ 1213 годомъ упомянула о закладкѣ собора «на первѣмъ мѣстѣ падшая церкве», естественно ждать, что подъ 1230 годомъ она скажетъ объ окончаніи храма и о перенесеніи въ него мощей Леонтія ³⁾. Почему же это извѣстіе не попало изъ княжеской ростовской лѣтописи въ Лаврентьевскій сборникъ? Думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что объ этомъ событіи не упоминалъ второй источникъ ростовскихъ извѣстій — епископская лѣтопись, начинавшаяся съ 1231 года (Бысть Благовѣщенье святыя Богородица по пасцѣ во вторникъ праздныѣ недѣли). Обратившись къ этому источнику, составитель Лаврентьевскаго свода или его протографа, уже отложилъ свой первый источникъ — княжескую лѣтопись: этимъ объясняется опущеніе извѣстія о перенесеніи мощей Леонтія 25 февраля 1230 года, равно какъ и то, что извѣстіе о рожденіи Бориса Васильковича какъ бы насилу втиснуто въ текстъ епископской лѣтописи, а послѣднее извѣстіе княжеской лѣтописи о свадьбѣ Владиміра Константиновича передано несомнѣнно сокращенно: не сказано, на комъ онъ женился и гдѣ вѣнчался.

Во всякомъ случаѣ думаю, что предыдущее изслѣдованіе указало на нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ объ окончаніи княжеской ростовской лѣтописи около 1232 года. Въ виду приведенныхъ выше соображеній, нахожу вѣроятнымъ, что лѣтопись эта существовала не въ отдѣльномъ видѣ, а въ лѣтописномъ сводѣ приблизительно такого же объема и характера, какъ Лаврентьевскій сборникъ въ части до 1231 года, что, слѣдовательно, ростовскій лѣтописный сводъ, составленный въ 1232 году, лежитъ въ основаніи Лаврентьевскаго сборника. Сводъ этотъ принадлежалъ тому самому лицу, которое записало ростовскія извѣстія: это слѣдуетъ изъ того, что и общесудальскія событія, какъ указано выше, излагались здѣсь

1) Львовская лѣтопись вм. 25 февраля имѣетъ 5 февраля, причемъ по ея свидѣтельству въ тотъ же день была освящена церковь св. Богородицы. То же извѣстіе съ тѣмъ же числомъ въ Тверской лѣтописи (П. С. С. Л. XV, ст. 357), при чемъ ниже оно повторяется еще разъ по редакціи Софійской, Новгородской и др. лѣтописей (ст. 358).

2) Ср. Ключевскій, Древнерусск. житія святыхъ, с. 9—10.

3) Въ Львовской и Тверской сказано, что церковь окончена 5 февраля (ошибочно вм. 25), при чемъ туда перенесли мощи Леонтія и освятили церковь въ тотъ же день.

съ точки зрѣнія интересовъ ростовскаго князя; позднѣйшему сведчику не зачѣмъ было бы щадить память князя Константина, и онъ разсказалъ бы о распрѣ его съ отцомъ и братьями на основаніи не краткаго извѣстія ростовской лѣтописи, а длиннаго и правдиваго сообщенія лѣтописи владимирской. Слѣдовательно, въ части 1206-1232 г. княжескому лѣтописцу принадлежитъ изложеніе не однихъ только ростовскихъ событій, но вообще всѣхъ происшествій какъ суздальской Руси, такъ и южной, которыя тамъ упомянуты. И такъ, возникаетъ вопросъ, какими источниками пользовался ростовскій княжескій лѣтописецъ, разсказывая о событіяхъ, не связанныхъ съ Ростовомъ и княжескимъ семействомъ этого города? Рѣшеніе этого вопроса должно имѣть въ виду: во 1) то обстоятельство, что самостоятельный разсказъ ростовскаго лѣтописца начинается только съ 1206 года, при чемъ это стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что до этого года текстъ княжеской лѣтописи (Лаврентьевскаго сборника) весьма сходенъ съ текстомъ списковъ Радзивиловскаго (оканчивающагося 1206 годомъ), Академическаго (содержащаго за событіемъ 1206 года на пространствѣ 1205 - 1419 года заимствованія изъ другой лѣтописи), Переяславскаго (гдѣ за 1206 годомъ вплоть до 1214 идетъ самостоятельный разсказъ мѣстнаго лѣтописца); во 2) должно обратить вниманіе и на то, что южнорусскія, а также владимирскія событія переданы въ княжеской лѣтописи (Лаврентьевскомъ сборникѣ) очень близко къ тому лѣтописному разсказу, который мы находимъ въ Воскресенской, Тверской, Львовской и др. лѣтописяхъ, при чемъ однако ясно видно, что ростовскій лѣтописецъ сокращалъ его иногда весьма значительно¹⁾. Имѣя въ виду, что, съ одной стороны, сравнительное изученіе Радзивиловскаго, Академическаго и Переяславскаго списковъ приводитъ къ восстановленію владимирскаго свода, доведеннаго до 1206 года, а что, съ другой, — сравнительное изученіе Ипатьевской, Воскресенской, Львовской, Тверской, а также нѣкоторыхъ новгородскихъ лѣтописей приводитъ къ восстановленію владимирскаго свода, доведеннаго до 1230 года и тождественнаго со сводомъ 1206 года приблизительно лишь до 1185 года²⁾, я думаю, что составитель ростовской княжеской лѣтописи, пользовался, какъ источниками, этими двумя владимирскими сводами. При этомъ въ основаніе своего труда онъ положилъ владимирскій сводъ 1230 года: на всемъ протяженіи Лаврентьевскаго сборника отъ самаго начала его до 1230 года отразился этотъ

1) Ср. Лавр. 1208 г. и Воскр. 1209 г. о нападеніи на московскую область рязанскихъ князей; подъ 1220 въ обѣихъ лѣтописяхъ о походѣ Святослава Всеволодовича противъ Болгаръ. Подъ 1213 въ Лавр. не упомянуто о пожарѣ во Владимирѣ и т. д.

2) До разсказа о владимирскомъ пожарѣ 1185 года, о которомъ согласно говорятъ Радзив., Акад. и Переясл. списки съ одной стороны, Ипатьевская лѣтопись съ другой. Послѣ 1230 года характеръ разсказа, какъ въ Лавр., такъ и въ Воскр., Льв., Твер., рѣзко мѣняется: событія суздальскія (кромя нашествія татаръ) разсказываются кратко и отрывочно.

древній, до насъ не дошедшій сводъ. Въ части до 1206 года сводъ этотъ дополненъ и исправленъ на основаніи свода 1206 года, изъ котораго сдѣлано нѣсколько сплошныхъ заимствованій—статей, не достающихъ въ сводъ 1230. Наконецъ, въ части 1206-1232 владимирскій сводъ частью распространенъ, а частью и сокращенъ ростовскимъ лѣтописцемъ, внесшимъ въ свой трудъ рядъ подробностей, извѣстныхъ ему изъ устнаго преданія, и измѣнившимъ въ своемъ подлинникѣ все то, что не было благопріятно покойному князю ростовскому — Константину Всеволодовичу. Я не рѣшаюсь подробно останавливаться на доказательствахъ выставленныхъ здѣсь положеній: опредѣленіе состава Лаврентьевскаго списка, а также взаимныхъ отношеній его къ другимъ лѣтописнымъ сводамъ можетъ быть предметомъ обширнаго изслѣдованія. Укажу лишь, что только сравнительное изученіе различныхъ списковъ и редакцій можетъ привести изслѣдователя къ точному опредѣленію состава того или другого памятника, а въ особенности такихъ памятниковъ, какъ лѣтописи. Въ данномъ случаѣ изслѣдованіе должно начинаться съ систематическаго сравненія Лаврентьевскаго списка съ ближайшими — Радзивилловскимъ, Академическимъ и Переяславскимъ. Сравненіе это покажетъ, что Лаврентьевскій списокъ иногда представляетъ почти буквальное сходство съ названными списками, а иногда значительно отстаетъ отъ нихъ, представляя болѣе древнія чтенія. Такъ напр., Радзивилловскій и Академическій списки ¹⁾ говорятъ о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Ладогу и о послѣдующемъ лишь основаніи Новгорода; Лаврентьевскій списокъ передаетъ разсказъ въ томъ древнемъ его видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ Начальномъ сводѣ (отразившемся въ 1-й части Новгородской 1-й лѣтописи второй редакціи, т. е. редакціи всѣхъ ея списковъ, кромѣ Синодальнаго). Я думаю, что Лаврентьевскій сборникъ сохранилъ при этомъ чтеніе основнаго источника княжеской ростовской лѣтописи—владимирскаго свода 1230 года, вліяніе же второго источника — свода 1206 года (отразившагося въ Радзивилловскомъ и Акад. спискахъ) сказалось здѣсь въ томъ, что въ Лаврентьевскомъ сборникѣ опущено названіе города, гдѣ сѣлъ Рюрикъ: «старѣйшій Рюрикъ, а другій Спнеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ»—вотъ подлинное чтеніе Лаврентьевскаго сборника, исправляемое издателями, на основаніи Троицкаго списка, вставкою словъ: «сѣде Новѣгородѣ» послѣ слова «Рюрикъ». Точно также подъ 988 годомъ церковь, гдѣ

1) Переяславскую лѣтопись нельзя привлекать къ прямому сравненію съ прочими суздальскими сводами въ части до 1138 года. Изученіе ея, а также открытой г. Бѣлокуровымъ лѣтописи (ср. Русскія лѣтописи, М. 1898) не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что мы въ Архивскомъ списокѣ XV в. имѣемъ дѣло съ двумя памятниками: 1) лѣтописью неизвѣстнаго происхожденія, доходившею въ оригиналѣ по крайней мѣрѣ до 1143 года, 2) лѣтописью Переяславскою, откуда заимствуется, начиная съ 1138 года, продолженіе къ первой лѣтописи.

крещенъ въ Корсуни Владимиръ, названа церковью св. Василя, въ соотвѣтствіи чтенію св. Василиска Начальн. свода; въ Радзив. и Акад. она названа церковью св. Богородицы. Такъ же подъ 1157 годомъ Лаврент. сборникъ, въ противоположность Радзивил., Акад. и Переяславскому, опускаетъ указаніе на то, что Андреемъ Юрьевичемъ окончена постройка церкви св. Спаса, заложенной отцомъ его: «въ Переяславлі новѣмъ»: составитель княжеской ростовской лѣтописи слѣдовалъ при этомъ владимирскому своду 1230 года; вотъ почему его чтеніе сходится съ чтеніемъ Ипатьевской лѣтописи, пользовавшейся, какъ источникомъ для суздальскихъ событій, тѣмъ же сводомъ. Напротивъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ Лаврентьевскій списокъ, придерживаясь свода 1206 года, измѣнялъ и дополнялъ текстъ своего основного источника. Такъ, во Владимирскомъ сводѣ 1230 года, какъ это ясно изъ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1158 годомъ, къ извѣстію о закладкѣ Андреемъ церкви св. Богородицы во Владимирѣ, было прибавлено: «сверши же церковь 5 верховъ, и все верхи золотомъ украси ¹⁾, и створи в нѣй епископью». Эти слова, восходящія, думаю, къ первоначальному суздальскому своду, доходившему до 1185 года, были выпущены въ сводѣ 1206 года, а подъ влияніемъ его и въ княжеской ростовской лѣтописи ²⁾. Такъ, во Владимирскомъ сводѣ извѣстіе о рожденіи Владимира Всеволодовича, какъ это видно изъ Ипатьевской лѣтописи (1193 годъ, с. 454), было изложено иначе, чѣмъ въ сводѣ 1206 года (начиная съ 1186 года, сводъ этотъ не имѣлъ общаго источника со сводомъ 1230 года): въ Лаврент. списокѣ оно изложено согласно со сводомъ 1206 года (1194 годъ, изд. с. 391). — Открывая такимъ образомъ два источника въ части до 1206 года въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, изслѣдователь, при помощи привлеченія къ сравненію другихъ лѣтописныхъ сводовъ, приходитъ къ заключенію, что первый изъ нихъ — это и есть тотъ самый сводъ 1206 года, къ восстановленію котораго приводитъ изученіе Радзивилловскаго, Академическаго и Переяславскаго списковъ, а второй заключалъ разсказъ и о позднѣйшихъ событіяхъ XIII вѣка. Сравненіе Лаврентьевскаго сборника въ части 1206 - 1232 съ Воскресенскимъ, Львовскимъ, Тверскимъ и другими сводами приводитъ къ восстановленію объема этого втораго источника: онъ могъ доходить только до 1230 года. Въ этомъ сводѣ не было замѣтно руки ростовскаго лѣтописца, приверженца Константина и его семейства; если личность этого лѣтописца такъ ясно выступаетъ въ части 1206 - 1232 въ Лаврентьевскомъ сбор-

1) То же читаемъ въ похвалѣ Андрею по Ипатьевской лѣтописи подъ 1175 годомъ (с. 395 изданія).

2) Обновленіе храма, сгорѣвшаго въ 1185 году, Всеволодомъ (въ 1194 году) было причиною, почему народное преданіе приписало Андрею построеніе церкви съ однимъ верхомъ, а Всеволоду честь пристройки еще четырехъ верховъ.

никѣ, естественно предположить, что владимирскій сводъ подвергся обработкѣ при внесеніи въ другой сводъ именно со стороны этого ростовскаго лѣтописца и такъ же естественно сдѣлать дальшійшее предположеніе: этотъ лѣтописецъ составилъ свой сводъ около 1232 года на основаніи двухъ указанныхъ выше владимирскихъ сводовъ и устныхъ ростовскихъ преданій.

Я сдѣлалъ такое длинное отступленіе отъ прямой моей задачи — дать разборъ изслѣдованія г. Тихомирова для того, чтобы выяснитъ, какихъ, по моему мнѣнію, пріемовъ долженъ держаться изслѣдователь нашего древняго лѣтописанія. Пусть результаты такого изслѣдованія покажутся гадательными и окажутся въ послѣдствіи ошибочными, но это нисколько не измѣнитъ того положенія, что, замыкаясь въ одномъ какомъ-либо памятникѣ, изслѣдователь никогда не получитъ возможности опредѣлить его составъ и происхожденіе, и что единственно надежнымъ путемъ долженъ быть признанъ путь сравнительно-историческій. Подобно тому, какъ изслѣдованіе языка не можетъ оставаться на почвѣ одного языка и довольствоваться случайнымъ и несистематическимъ сравненіемъ фактовъ этого языка съ фактами другихъ языковъ; подобно тому какъ это изслѣдованіе становится научнымъ только послѣ привлеченія къ систематическому сравненію данныхъ нѣсколькихъ родственныхъ языковъ, при чемъ это сравненіе прежде всего приводитъ къ возстановленію древнѣйшихъ эпохъ въ жизни изслѣдуемыхъ языковъ, а затѣмъ и къ возстановленію того общаго языка, изъ котораго они произошли, — такъ же точно изслѣдователь литературнаго памятника долженъ прежде всего подвергнуть этотъ памятникъ сравнительному изученію съ ближайшими, наиболѣе сходными, для того чтобы опредѣлить послѣдовательный ходъ въ развитіи изслѣдуемаго памятника и возстановить тотъ первоначальный видъ, къ которому онъ восходитъ.

Впрочемъ, я далека отъ мысли отрицать значеніе работы г. Тихомирова и нахожу, что въ ней онъ ясно показалъ свое глубокое знаніе нашихъ лѣтописей и обнаружилъ свой талантъ научнаго анализа.

Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Изслѣдованіе И. А. Тихомирова. Спб. 1896.

Изслѣдователю русскихъ историческихъ памятниковъ московскіе лѣтописные своды представляютъ особый интересъ, какъ по обилію заключающихся въ нихъ данныхъ, такъ и потому, что въ нихъ отразилось лѣтописаніе всей древней Руси: лѣтописи кievскія, новгородскія, суздальскія,

тверскія нашли себѣ мѣсто въ этихъ сводахъ. Г. Тихомировъ, представившій обстоятельное обозрѣніе московскихъ сводовъ и изучившій отношенія ихъ къ другимъ русскимъ лѣтописямъ, справедливо провелъ сравненіе между политическимъ значеніемъ Москвы и дошедшимъ до насъ ея лѣтописаніемъ. «Включивъ въ свои границы территорію княжествъ, говоритъ изслѣдователь (с. 3), Москва вмѣстѣ съ тѣмъ включила въ свои лѣтописные своды и ихъ исторію». Но политическое могущество Москвы создавалось постепенно, удѣльные княжества присоединялись къ новому государственному тѣлу лишь послѣ упорной и продолжительной борьбы. Изслѣдователю, напавшему на удачное сравненіе, подмѣтившему существующее въ дѣйствительности соотношеніе между исторіею Москвы и ея историческими памятниками, слѣдовало прослѣдить оба явленія — ростъ Москвы и развитіе ея лѣтописанія — въ ихъ процессѣ. Къ сожалѣнію, г. Тихомировъ не поставилъ себѣ этой задачи и мы имѣемъ передъ собой только *обозрѣніе состава* дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ. Такимъ образомъ, трудъ г. Тихомирова оказывается не историческимъ изслѣдованіемъ московскихъ лѣтописей, а критическимъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Авторъ настоящей рецензій глубоко убѣжденъ въ томъ, что только историческое, — можетъ быть, точнѣе — сравнительно-историческое изслѣдованіе, литературныхъ памятниковъ можетъ привести къ удачнымъ научнымъ результатамъ; выводы, добытые иными пріемами изслѣдованія, представляются непрочными и не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Очень часто, представляясь вѣрными сами по себѣ, они распадаются, какъ только мы разсмотримъ ихъ съ точки зрѣнія сравнительно-исторической. Такъ, напр., на сс. 9—10 г. Тихомировъ замѣчаетъ насъ съ тѣми пріемами, которымъ слѣдовалъ составитель Воскресенскаго свода, дѣлая заимствованія изъ Новгородскихъ лѣтописей. Подъ 1393 годомъ, вмѣсто словъ «съ челобитьемъ по старинѣ» новгородскихъ лѣтописей, мы находимъ въ Воскресенскомъ сводѣ слѣдующія слова, относящіяся къ новгородцамъ, приславшимъ пословъ къ великому князю: «біюще челомъ за своя вины и за грубости и за несправленія своя». Выводъ автора, что это измѣненіе въ текстѣ сдѣлано составителемъ Воскресенскаго свода, повидимому, вѣрно. Но передъ этимъ тому же составителю приписана замѣна словъ подлинника (ср. подъ 1386 г. Новг. 4-ю лѣт.), гдѣ восхваляется копяная и пѣшая рать новгородская, фразою: «новгородци же слышавше начаша боятися велми»; между тѣмъ замѣна эта восходитъ ко времени составленія Софійской 1-й лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 241), и слѣдовательно, приведенная фраза заимствована въ Воскресенскій сводъ изъ одного изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи. Очевидно, сравнительно-историческое изученіе указало бы г. Тихомирову на связь Воскресенскаго

свода съ Софійскими и предостерегло бы его отъ поспѣшнаго вывода. На с. 20 ростовскія записи признаются однимъ изъ источниковъ Воскресенскаго свода: приведенныя, въ подтвержденіе этого, извѣстія находятся и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ (какъ это извѣстно и автору), и при томъ въ такомъ же соединеніи съ другими не ростовскими извѣстіями, какое замѣчается и въ Воскресенскомъ сводѣ. Такъ, передъ извѣстіемъ о поставленіи Григорія, епископа ростовскаго (1396 г.), въ Софійской 1-й лѣтописи, согласно, съ Воскресенскимъ сводомъ, читаемъ о посылкѣ Витовтомъ рати на рязанскую землю, а послѣ этого извѣстія въ Софійской 2-й, согласно съ тѣмъ же сводомъ, говорится о свиданіи Василя Дмитріевича съ Витовтомъ въ Смоленскѣ: отсюда, думаю, ясно, что составитель Воскресенскаго свода пользовался не ростовскими записями, а болѣе древними лѣтописными сводами, гдѣ эти записи читались въ соединеніи съ другими извѣстіями. Если бы г. Тихомировъ не ограничился обзоромъ состава лѣтописныхъ сводовъ, а подвергъ бы ихъ сравнительному изученію, въ результатѣ оказалось бы, «что составитель Воскресенскаго свода пользовался матеріаломъ первоначальныхъ лѣтописныхъ записокъ не въ сыромъ видѣ, а въ обработкѣ его для другого лѣтописнаго сборника». (Прѣсняковъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1896 г.).

Можно было бы значительно увеличить число подобныхъ ошибочныхъ или неточныхъ утверженій въ изслѣдованіи г. Тихомирова. Ошибки и неточности неизбежны въ такой сложной работѣ, какою представляется изученіе лѣтописей, ихъ состава и взаимныхъ отношеній. Рецензенту, убѣжденному въ томъ, что онѣ произошли отъ неправильности метода, погрѣшностей въ приѣмахъ изслѣдованія, можно ограничиться указаніемъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, недостатковъ разбираемаго труда и показать, что эти недостатки оказываются прямымъ слѣдствіемъ неправильной постановки задачи и пренебреженія сравнительно-историческими приѣмами изслѣдованія.

Прежде всего укажу, что успѣшное изученіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ можетъ начаться только тогда, когда къ сравнительно-историческому изслѣдованію будетъ привлеченъ весь необходимый для того матеріалъ. До этого, утвержденія, будто Москва не имѣла, подобно Новгороду или Пскову, особыхъ специальныхъ лѣтописныхъ сводовъ, въ которые были бы помѣщены исключительно только Московскія лѣтописи (Тихомировъ, с. 3) или, что лѣтописные сборники возникли въ Москвѣ далеко послѣ ея появленія на страницахъ исторіи, уже въ періодъ ея могущества (тамъ же), представляются преждевременными. Между тѣмъ, г. Тихомировъ основывалъ свое изслѣдованіе на далеко неполномъ матеріалѣ: нѣкоторые московскіе своды онъ совершенно упустилъ изъ вниманія (см. ниже); другіе об-

слѣдованы имъ настолькоъ недостаточно, что изъ нихъ не извлечены ясныя указанія на историческую преемственность этихъ сводовъ; наконецъ, не приняты совсѣмъ во вниманіе тѣ указанія на московскіе своды, которыя мы находимъ въ нѣкоторыхъ сводахъ новгородскаго происхожденія. Далѣе мнѣ придется отмѣтить отсутствіе всякаго изслѣдованія о памятникахъ, привлеченныхъ къ разсмотрѣнію: не говоря уже о томъ, что авторъ останавливается только на тѣхъ частяхъ лѣтописныхъ сводовъ, гдѣ начинаются московскія извѣстія, онъ не пытается опредѣлить ни времени происхожденія обзорѣваемыхъ памятника, ни различныхъ ихъ редакцій. Наконецъ, г. Тихомировъ, указывая постоянно на сходство изслѣдуемыхъ лѣтописныхъ сводовъ и объясняя это сходство пользованіемъ общими источниками, не выясняетъ дѣйствительной причины внутренней связи между московскими сводами и не пытается установить взаимныхъ между ними отношеній; вотъ почему онъ расположилъ изслѣдуемые своды не въ хронологическомъ порядкѣ: Новгородская 4-я лѣтопись древнѣе по времени возникновенія многихъ другихъ московскихъ сводовъ, между тѣмъ авторъ разсматриваетъ ее послѣ всѣхъ другихъ сводовъ.

Такимъ образомъ, мой разборъ распадается на нѣсколько частей: въ 1-й я укажу на своды, не принятые во вниманіе г. Тихомировымъ, во 2-й укажу на возможность признать московскими такіе своды, которые только отчасти разсмотрѣны авторомъ; въ 3-й я попытаюсь доказать существованіе московскаго лѣтописнаго свода уже въ XIV ст.; въ 4-й сдѣлаю нѣсколько необходимыхъ замѣчаній о времени возникновенія московскихъ сводовъ XVI в. и объ ихъ редакціяхъ; наконецъ, въ 5-й перейду къ вопросу о взаимномъ отношеніи московскихъ сводовъ и объ общихъ ихъ первоисточникахъ.

I.

Въ началѣ своего труда г. Тихомировъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ матеріалъ, подлежащій изслѣдованію:

«До сихъ поръ извѣстны три Московскіе лѣтописные свода: Воскресенскій, Никоновскій съ его продолженіями, Софійскіе 1-й и 2-й. Кромѣ того, Московскія лѣтописи вошли въ составъ нѣкоторыхъ списковъ (Академическаго и Хронографа — рукопись XVI вѣка) такъ называемой Четвертой Новгородской лѣтописи». Въ это опредѣленіе вкралась, очевидно, ошибка: авторомъ названы не три свода, а четыре, кромѣ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, такъ какъ Софійскій 1-й сводъ ни въ коемъ случаѣ нельзя признать однимъ общимъ памятникомъ съ Софійскимъ 2-мъ сводомъ: оба свода сходны только до 1392 года (включительно), а за тѣмъ настолько же отличны между собой, насколько и другіе московскіе своды:

впрочемъ, самъ авторъ разсматриваетъ ихъ отдѣльно, въ двухъ отдѣлахъ III главы, озаглавленной «Софійскіе лѣтописные своды». Ниже я еще разъ вернусь къ приведенному опредѣленію г. Тихомирова. Изъ него видно, что ему остались совершенно неизвѣстны нѣкоторые другіе московскіе своды, каковы Троицкій пергаменный пачала XV в., нынѣ утраченный, по довольно хорошо извѣстный по выпискамъ изъ него въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина (I—V тт.); Львовская лѣтопись, названная такъ по имени издателя, выпустившаго ее въ свѣтъ въ 1792 году въ пяти томахъ (рукопись, послужившая оригиналомъ для изданія, неизвѣстна); Хропографъ, частью сохранившійся въ редакціи 1512 года (1-я редакція, по опредѣленію А. Н. Попова), а частью отразившійся въ нѣкоторыхъ другихъ лѣтописныхъ сводахъ (ср. ниже); Русскій Временникъ, или такъ называемая Костромская лѣтопись, изданная подъ первымъ названіемъ два раза въ 1792 и 1820 гг. въ двухъ томахъ, и нѣкоторые другіе.

Троицкая лѣтопись обрывалась на лѣтописномъ разсказѣ 1409 года. «Описаніемъ Эдигеева нашествія, говоритъ Карамзинъ, заключается Троицкій Лѣтописецъ. Видно, что сочинитель умеръ». (Ист. Гос. Росс. V, прим. 207). Эта лѣтопись была въ полномъ смыслѣ слова московскимъ сводомъ; историографъ называетъ ее главною современною лѣтописью княженія Василя Дмитріевича (т. V, прим. 144), а судя по дошедшимъ выпискамъ, въ ней уже содержались тѣ древнѣйшія московскія извѣстія, которыя г. Тихомировъ прослѣдилъ по позднѣйшимъ московскимъ лѣтописнымъ сводамъ. Такъ въ ней читалось о пожарѣ въ Москвѣ 3-го мая 1331 г. ¹⁾ (Ист. Гос. Росс., т. IV, прим. 322), о подписаніи въ Москвѣ двухъ церквей — Успенской и Архангельской въ 1344 г. ²⁾ (т. IV, прим. 372), о подписаніи св. Спаса въ 1345 г. ³⁾ (т. IV, прим. 372) и т. д. Уже въ ней отразилось сознательное отношеніе москвича къ окружавшей его политической жизни; такъ, по поводу недоразумѣній, возникшихъ въ 1386 году между московскимъ великимъ княземъ и повгородцами, лѣтописецъ замѣчаетъ: «таковъ бо есть обычай повгородцевъ: часто правають (присягаютъ) ко Князю къ великому, и паки рагозятся (ссорятся) и не чудися тому: бѣша бо человекѣи суровы, непокориви, упрямчиви, непостави...» (т. V, прим. 148). Въ виду всего этого, а въ особенности несомнѣнной своей древности, Троицкая лѣтопись должна была бы занять первое или одно изъ первыхъ мѣстъ въ изслѣдованіи, посвященномъ московскимъ лѣтописнымъ сводамъ.

1) Воскр. VII, 202, Никон. X, 204, ср. у Тихомирова стр. 6.

2) Воскр. VII, 209, Никон. X, 216, ср. у Тихомирова стр. 12.

3) Воскр. VII, 209, Никон. X, 216, ср. у Тихомирова стр. 12.

Львовская лѣтопись представляется для изслѣдователя московскаго лѣтописанія XVI вѣка въ высшей степени важною: несомнѣнно она, или точнѣе ея протографы, ея древнѣйшія редакціи, были посредствующими звеньями между нѣкоторыми изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ. Такъ, въ части до 1518 года включительно она оказывается почти тождественною съ Софійскою 2-й лѣтописью (Архивскій списокъ этой лѣтописи оканчивается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ другой списокъ—Воскресенскій начинаетъ разниться съ Львовскою, т. е. на 1518 годѣ); въ той же редакціи, она вліяла на Никоновскую лѣтопись, которая съ 1518 г. слѣдуетъ не тремъ, а только двумъ источникамъ, а съ 1521 года уже только одному источнику—Воскресенскому своду¹⁾; въ редакціи 1533 года Львовская лѣтопись была однимъ изъ источниковъ Воскресенскаго свода; наконецъ, въ ней сохранился лѣтописный рассказъ 1534—1560 гг., тождественный съ тѣмъ московскимъ сводомъ, на основаніи котораго дополнены списки Никоновской и Карамзинскій списокъ Воскресенской лѣтописи. Ниже я подробнѣе остановлюсь на доказательствѣ этихъ положеній; здѣсь я хотѣлъ только указать на важное мѣсто, которое занимаетъ среди московскихъ сводовъ совершенно забытая г. Тихомировымъ Львовская лѣтопись.

Русскія лѣтописныя статьи Хронографа, извѣстныя главнымъ образомъ по редакціи 1512 года²⁾, несомнѣнно извлечены изъ какого-то до насъ не дошедшаго лѣтописнаго свода московскаго происхожденія. Это ясно въ особенности изъ послѣднихъ статей редакціи 1512 года, относящихся къ событіямъ XV вѣка, въ которыхъ, напр., описана довольно подробно борьба Василя Василевича съ дядей и двоюродными братьями. Не могу обстоятельно доказать того положенія, что первоначальнымъ видомъ редакціи 1512 года надо признать не тѣ списки, гдѣ русскихъ статей мало (напр. списки Погод. №№ 1439, 1440, Эрмит. № 2), а тѣ, гдѣ онѣ представлены полностью (Погод. № 1443): ограничусь только замѣчаніемъ, что одинъ изъ исправлѣннѣйшихъ списковъ редакціи 1512 года, списокъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря (ср. П. С. Р. Л., VI, с. 115), сходенъ именно съ тѣми списками, которые не сократили числа русскихъ лѣтописныхъ извѣстій. Ближайшее изученіе этихъ статей показываетъ, что онѣ почти дословно передаются въ цѣломъ рядѣ лѣтописныхъ сводовъ. Таковы своды московскаго и новгородскаго происхожденія, дополнившіе свои оригиналы (основныя части), доходившіе до середины XV в., лѣтописнымъ рассказомъ, обнимавшимъ событія XV и частью начала XVI вѣка. На нѣ-

1) Тождество Никоновскаго и Воскресенскаго сводовъ начинается не съ 1526 г. приблизительно (Прѣсняковъ и Тихомировъ), а именно съ 1521 года.

2) Онѣ издавы А. Н. Поповымъ въ Изборникѣ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М. 1869 (ср. стр. 1—87).

которые изъ этихъ сводовъ обратилъ вниманіе и г. Тихомировъ, а потому я теперь же назову ихъ и укажу на ихъ связь съ Хронографомъ редакціи 1512 года. Списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи признанъ г. Тихомировымъ московскимъ сводомъ (с. 78 — 79): не буду пока останавливаться на вопросѣ объ отношеніи этого списка къ другимъ спискамъ Софійской 1-й лѣтописи; отмѣчу только, что составитель списка Царскаго дополнилъ основной текстъ Софійской 1-й лѣтописи заимствованіями изъ другого источника. Сначала эти заимствованія читаются только на поляхъ и лишь изрѣдка вносятся въ текстъ ¹⁾, но уже съ 1383 года дополненія, внесенныя въ текстъ Софійской 1-й лѣтописи, настолько значительны, что издателямъ V т. П. С. Р. Л. пришлось печатать текстъ списка Царскаго параллельно съ текстомъ другихъ списковъ ¹⁾. Въ этихъ параллельныхъ мѣстахъ надо отличать: а) текстъ, сходный съ прочими списками или сокращенный сравнительно съ ними (напр. подъ 1386 г.), б) дополненія къ нему. До 1462 года текстъ списка Царскаго находится въ зависимости отъ текста Софійской 1-й лѣтописи (представленной, напр., Бальзеровскимъ спискомъ); событія 1462 - 1471 излагаются по другому источнику уже всеѣмъ самостоятельно; но затѣмъ повѣсть о взятіи Новгорода заимствуется опять-таки изъ Бальзеровскаго или сходнаго съ нимъ списка; все остальное списывается изъ другого источника, при чемъ лѣтописный рассказъ доводится до ноября 1508, январскаго, а сентябрьскаго 1509 года. И такъ, составитель списка Царскаго пользовался двумя лѣтописными сводами: основнымъ — Софійскою 1-ю лѣтописью и дополнительнымъ ²⁾; указаній на большее число источниковъ мы не имѣемъ, а напротивъ, увидимъ ниже, что, напр., все дополненія, начиная съ 1447 года и кончая 1496 г., во всякомъ случаѣ восходятъ къ одному источнику. Что же представлялъ изъ себя дополнительный источникъ списка Царскаго? Сопоставленіе замѣтокъ и статей, восходящихъ къ этому источнику, на пространствѣ до 1451 года съ соответствующими мѣстами Хронографа редакціи 1512 года не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оба памятника пользовались однимъ общимъ источникомъ. Такъ подъ 1099 годомъ (вмѣсто 1089) и въ Хронографѣ

1) Ср. отмѣтки на поляхъ подъ 884 и 885 гг. о покореніи Олегомъ сѣверявъ и радимичей, подъ 942 о рожденіи Святослава, подъ 1319 г. слова: «на мѣстѣ нарицаемѣмъ бортенева», подъ 1350 о рожденіи Димитрія Ивановича и др. Въ текстъ внесены извѣстія—подъ 1024 о рожденіи Изяслава, подъ 1055 о походѣ на торковъ, подъ 1075 объ основаніи Печерской церкви, подъ 1087 о походѣ на Перемышль, подъ 1099 (такъ!) объ освященіи Печерской церкви, подъ 1251 о смерти Святослава Всеволодовича, подъ 1308 о прибытіи Петра митрополита на Русь (въ 1309 г.) и объ умноженіи мышей, поѣвшихъ жито, вслѣдствіе чего сдѣлался голодъ.

2) Иногда списанная изъ основного источника статья зачеркивается, если въ дополнительномъ источникѣ содержатся тѣ же извѣстія; это мы находимъ, напр., подъ 1445, 1455 (ср. П. С. Р. Л. V, стр. 267—268, прим. а и прим. е; стр. 271, прим. а).

(Поповъ, стр. 14) и въ сп. Царскаго приведено извѣстiе объ освященiи Печерской церкви; подъ 1247 читаемъ на полѣ списка Царскаго (V, стр. 186, прим. и) то же, что въ текстѣ Хронографа (Поповъ, стр. 44): «сѣде въ володимери на столѣ по ярославѣ братъ его святославъ, и сидѣ лѣто едино, и прогна и князь михайло ярославичъ»; ниже подъ 1249 въ текстѣ списка Царскаго внесено извѣстiе объ убiенiи Михаила Ярославича на Поротвѣ, вполне сходное съ Хронографомъ (Поповъ, стр. 45). Подъ 1409 къ перечисленiю городовъ, опустошенныхъ Эдигеемъ, въ списокѣ Царскаго прибавлена Верея (V, стр. 257, прим. д): то же находимъ (подъ 1408 г.) въ Хронографѣ (Поповъ, стр. 70). Подъ 1408 въ сп. Царскаго (V, 256) и Хронографѣ (Поповъ, стр. 70) одинаково ошибочно читается били вм. были: «а Москвичи били подъ Вязмою». Подъ 1414, въ сп. Царскаго (въ другихъ спискахъ Софiйской 1-й лѣтописи этого извѣстiя нѣтъ) на полѣ извѣстiе о поѣздкѣ митрополита Фотiя въ Царьградъ и ограбленiи его Витовтомъ изложено такъ же, какъ въ текстѣ Хронографа (Поповъ, стр. 70—71). Лѣтописный рассказъ 1433, 1435—1438, 1446, 1447, 1451 и др. годовъ въ списокѣ Царскаго почти дословно сходенъ съ соответствующими мѣстами Хронографа и т. д. Въ виду всего этого для меня является вполне доказаннымъ, что дополнительныи источникъ списка Царскаго и лѣтописный сводъ, которымъ пользовался составитель Хронографа редакцiи 1512 года, вполне тождественны между собою, при чемъ можно даже съ вѣроятностью предполагать, что онъ оканчивался именно на рассказѣ о событiяхъ 1508 (1509) года, такъ какъ весьма правдоподобно, что составитель Хронографа редакцiи 1512 года пользовался, при внесенiи въ него русскихъ статей, современнымъ ему спискомъ лѣтописи. Но возможно и другое предположенiе: изученiе редакцiи 1512 года сравнительно съ другою дошедшею до насъ редакцiей (списки, не раздѣленные на главы) показываетъ, что редакторъ 1512 года совсѣмъ или почти совсѣмъ не вносилъ новаго матеріала въ передѣланную имъ основную редакцiю Хронографа¹⁾; съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнiю, что уже въ основной редакцiи Хронографа находились русскiя лѣтописныя статьи: онѣ частью сокращены, частью совсѣмъ опущены въ той поздней редакцiи, къ которой восходятъ списки, не раздѣленные на главы; въ этомъ не трудно убѣдиться изъ изученiя тѣхъ обрывковъ русскихъ статей, которые сохранились въ этихъ спискахъ²⁾. Слѣдовательно, мы въ правѣ думать, что редакторъ 1512 года подвергъ своей переработкѣ такой

1) Не могу подробно останавливаться здѣсь на доказательствѣ этого положенiя, но отмѣчу, что оно согласуется вполне съ выводами Истрина, изучавшаго Александрiю по редакцiи 1512 года въ сравненiи съ другою редакцiей.

2) Отмѣчу, напр., что, рядомъ съ отсутствiемъ извѣстiя о крещенiи Руси и о нашествiи Батты, мы читаемъ тамъ о годѣ вокниженiя Семена Ивановича (сходно съ ред. 1512 г.), Ивана Ивановича и Дмитрiя Ивановича.

текстъ Хронографа, гдѣ уже былъ помѣщенъ лѣтописный рассказъ, доведенный до 1508 года, т. е., что еще за четыре года до появленія такъ называемой 1-й редакціи Хронографа была извѣстна другая, болѣе полная, лежащая въ основаніи обѣихъ дошедшихъ до насъ редакцій — 1512 года и списковъ, не раздѣленныхъ на главы. Впрочемъ, эта редакція 1508 года не можетъ быть признана первоначальною: я думаю, что Хронографъ составленъ въ Россіи сербомъ (и именно Пахоміемъ) въ 1442 году¹⁾; уже въ первой основной редакціи онъ содержалъ русскія лѣтописныя статьи, что особенно ясно видно на статьѣ объ убіеніи Батія, несомнѣнно находившейся въ первоначальной редакціи²⁾ и принадлежащей перу Пахомія (ср. Ключевскій, Древнерусск. житія св.). Въ виду этого, думаю, что въ основной редакціи Хронографа лѣтописный рассказъ доходилъ до 1441 или 1442 года, но что впоследствии къ нему присоединенъ рассказъ о современныхъ событіяхъ, при чемъ послѣдовательный рядъ редакцій Хронографа довелъ его до 1508 года. Каково бы ни было, впрочемъ, происхожденіе Хронографа, мы, въ виду доказаннаго тождества дополнительнаго источника списка Царскаго съ источникомъ Хронографа редакціи 1512 года, а также въ силу того соображенія, что эта редакція является лишь переработкою редакціи болѣе полной и болѣе древней, — должны допустить существованіе такого историческаго памятника, гдѣ первоначальныя статьи Хронографа были соединены съ русскою лѣтописью, доведенною до 1508 года.

Изъ этого то памятника, который мы назовемъ Хронографомъ, извлекъ дополненія къ тексту Софійской 1-й лѣтописи составитель списка Царскаго. Изъ него же внесены дополненія къ тому списку Новгород. 4-й лѣтописи, который читается въ одной рукописи съ Еллинскимъ лѣтописцемъ (Синод. библиот. № 280). Новгородская 4-я лѣтопись по этому списку, такъ же какъ по многимъ другимъ спискамъ (напр. Публичн. библиот., Погод. 1404а, Акад. XVIII), доведена до 1447 года, а именно до извѣстія о цѣнѣ ржи въ Новгородѣ въ теченіе этого 1447 года³⁾. Вслѣдъ за этимъ, и начиная съ извѣстія о рожденіи Андрея Васильевича 14 августа (И. С. Р. Л., IV, стр. 126 и 146 - 165), находимъ извлеченіе изъ Московскаго свода, какъ это отмѣтилъ и г. Тихомировъ (стр. 80). Доходя до событій 1496 года и обрываясь на неоконченномъ извѣстіи этого года, Синод. № 280 содержитъ

1) Указаніе на этотъ годъ извлекаю изъ списковъ, не раздѣленныхъ на главы, гдѣ число лѣтъ царствованія Іоанна VIII опредѣлено 17-ью, между тѣмъ какъ онъ царствовалъ болѣе 23 лѣтъ (1425—1449); слѣдовательно, хронографъ составленъ въ семнадцатый годъ его царствованія.

2) Въ редакціи списковъ, не раздѣленныхъ на главы, опущенной ее, мы находимъ указаніе на эту статью въ заимствованіи словъ «и нареченъ бысть Владиславъ», внесенныхъ въ рассказъ о св. Савѣ (Поповъ, Изборникъ, стр. 33, прим. и стр. 44).

3) Въ томъ же лѣтѣ ржи коробыа по полтинѣ бысть (И. С. Р. Л. IV, 126).

въ части 1446 - 1496 лѣтопись, совершенно сходную съ только что разсмотрѣннымъ спискомъ Царскаго. Напрасно г. Тихомировъ думаетъ, что только въ началѣ (1446 - 1470) эта лѣтопись сходна съ Софійскою 1-ю по списку Царскаго, а затѣмъ съ 1471 - 1474 годовъ извѣстія ея представляютъ сходство съ Софійскою 2-ю лѣтописью, при чемъ въ концѣ, съ 1474 г., «идутъ заимствованія изъ общаго Московскаго лѣтописнаго свода и извѣстія сходны съ Воскресенскимъ и Софійскимъ сводамъ» (стр. 80 - 81). Въ списокѣ Царскаго и въ Синод. № 280 (называемомъ г. Тихомировымъ, вслѣдъ за издателями IV т. П. С. Р. Л., спискомъ Хронографа) подъ 1471 годомъ мы также находимъ сходныя извѣстія (ср. V, 275 и IV, 150: пять первыхъ строкъ); правда, походъ на Новгородъ изложенъ въ обоихъ спискахъ разнo, но это зависѣло отъ того, что Синод. № 280 слѣдовалъ своему дополнительному источнику, а списокъ Царскаго, обратившись къ основному источнику, заимствовалъ изъ него повѣсть о взятіи Новгорода, озаглавленную «Словеса избранныя отъ святыхъ писаній...» (ср. VI, 1 - 15). Но послѣ этого отступленія тексты Синод. № 280 (IV, 150) и списка Царскаго (VI, 31 и слѣд.) оказываются опять тождественными, при чемъ подъ 1472 и 1473 гг. мы почти не удалось отмѣтить между ними отличій¹⁾. Непонятно поэтому утвержденіе г. Тихомирова о сходствѣ разсказа 1471—1474 въ Синод. № 280 съ Софійскою 2-ю лѣтописью, гдѣ напр. краткому разсказу о войнѣ московскаго великаго князя съ Новгородомъ соотвѣтствуетъ длинная статья «О брани на Новъгородъ» (VI, 191 - 194), а краткому извѣстію о прибытіи царицы Софіи въ Москву (IV, 151) противоплагается длинный разсказъ о сватаніи ея великимъ княземъ и о ея пріѣздѣ въ Москву (VI, 196 - 197). Различіе между Синод. № 280 и спискомъ Царскаго начинается нѣсколько ниже; а именно, съ 1474 года текстъ Синод. № 280 значительно короче списка Царскаго, но уже съ 1480 года, съ январскихъ событій, оба текста опять вполне сходны, отличаясь лишь немногими вставками и дополнительными извѣстіями, внесенными, сравнительно съ Синод., въ списокъ Царскаго: сюда относятся вставки подъ 1482 г. (о прибытіи къ великому князю Федора Ивановича Бѣльскаго и о псковскихъ событіяхъ), подъ 1490 о смерти Венгерскаго короля Матоея, о послѣдовавшихъ затѣмъ иностранныхъ событіяхъ и о прибытіи къ великому князю нѣсколькихъ служилыхъ князей, а также иноземныхъ пословъ; кромѣ того, имѣются и другія менѣе существенныя вставки²⁾. Но въ общемъ

1) Въ Синод. № 280, вопреки списку Царскаго, не указанъ день, когда Ахмать пошла къ Алексию (30 июля); далѣе опущены извѣстія о посѣщеніи Юріемъ Васильевичемъ больной матери въ Ростовѣ, а также о послѣдовавшей затѣмъ его смерти.

2) Обратнo, вмѣсто длиннаго разсказа 1481 г. о возвращеніи Софіи, укравшейся отъ нашествія татаръ, въ Москву, сходнаго съ Соф. 2-ю и Львовскою, мы читаемъ въ

можно признать весьма близкое сходство въ разсказѣ 1480-1496 гг. между обоими нашими списками: очевидно же всего это сходство по изданію списка Царскаго въ VI т. П. С. Р. Л., гдѣ, напр., подъ 1486, 1487, 1492—1494 гг. находятся ссылки на полное тожество лѣтописнаго разсказа списка Царскаго съ Синод. № 280. Поэтому надо предположить, что дополненія какъ въ списокѣ Царскаго къ Софійской 1-й лѣтописи, такъ въ Синод. № 280 къ Новгородской 4-й заимствованы изъ одного общаго источника — Хронографа. Но при этомъ въ Синод. списокѣ отразилась редакція Хронографа болѣе ранняя, чѣмъ въ списокѣ Царскаго: отсюда объясняются различія между ними. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, гдѣ оканчивался оригиналъ, которымъ пользовался составитель Синодальнаго списка, такъ какъ списокъ этотъ, что мы отмѣтили уже выше, обрывается на неоконченной фразѣ въ лѣтописномъ разсказѣ 1496 года; но вѣроятно, что Хронографъ, отразившійся въ Синодальномъ списокѣ, доходилъ не до 1508 года, т. е. не до того года, до котораго доведенъ тотъ Хронографъ, откуда сдѣланы заимствованія въ списокъ Царскаго. Мы имѣемъ основаніе думать, что онъ оканчивался 1506 годомъ. Въ числѣ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи мы находимъ еще одинъ списокъ, дополненный, начиная съ 1447 года, выписками изъ московской лѣтописи — это Академическій списокъ, о которомъ говорятъ и г. Тихомировъ на стр. 80, называя послѣднюю дополнительную часть его краткою Московскою лѣтописью. По вѣрному замѣчанію автора, московскія извѣстія частью буквально сходны съ извѣстными московскими сводами — Воскресенскимъ, Софійскимъ и Синод. спискомъ Новгородск. 4-й лѣтописи: по ближайшее разсмотрѣніе ихъ доказываетъ существованіе тѣснѣйшей связи между ними и именно только что разсмотрѣннымъ Синодальнымъ спискомъ. Дополнительная часть Академическаго списка доходитъ до 1515 года; подъ 1512, 1513 и 1515 годомъ въ ней изложены московскія событія, подъ 1507-1510 излагаются событія новгородскія; такимъ образомъ дополнительную часть Академическаго списка можно раздѣлить на три части: первая обнимаетъ московскія событія 1447-1506, вторая новгородскія 1507-1510 и третья московскія же 1512-1515 гг. Сходство съ Синод. спискомъ прекращается тамъ, гдѣ обрывается этотъ списокъ, т. е. на 1496 году, по слѣдующія затѣмъ извѣстія 1496 и 1500 гг. оказываются сходными со спискомъ Царскаго ¹⁾, а выше было доказано, что Синод. № 280 и списокъ Царскаго пользова-

сп. Царскаго краткое извѣстіе: то же зимѣ пріиде великая княгини Софія съ Бѣлаозера; сокращены также разсказы о поставленіи Зосимы и о соборѣ противъ еретиковъ 1491 года.

1) Впрочемъ, какъ указано г. Тихомировымъ, подъ 1500 г., между взятыми въ плѣнъ въ битвѣ при Ведрошѣ, въ Акад. сп. упоминается нѣсколько лицъ, опущенныхъ въ списокѣ Царскаго и другихъ лѣтописныхъ сводахъ.

лись однимъ общимъ источникомъ (хотя различныхъ редакцій) — Хронографомъ. Въ виду того, что два первыя извѣстія Акад. списка 1506 года почти буквально сходны со спискомъ Царскаго, я думаю, что и весь лѣтописный рассказъ 1506 года попалъ въ Акад. списокъ изъ Хронографа; если же при этомъ, въ извѣстіяхъ о крещеніи и женитьбѣ Петра царевича и въ рассказѣ о неудачномъ походѣ на Казань, между списками Царскаго и Академическимъ оказываются существенныя различія, то это естественно объяснить именно тѣмъ, что въ основаніе дополнительныхъ частей обоихъ этихъ списковъ легли двѣ разныя редакціи Хронографа: Акад. списокъ пользовался тою же редакціею, что и Синод. списокъ, а списокъ Царскаго редакціей позднѣйшею; первая изъ этихъ редакцій оканчивалась 1506 годомъ (такимъ образомъ часть 1496 - 1506 въ Синод. списокѣ оказывается утраченною), а вторая 1508-мъ. Отмѣчу, что часть 1447—1506 передана въ Академ. списокѣ сокращенно, тогда какъ Синод. списокъ держался довольно близко своего подлинника; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее вставлено нѣсколько новгородскихъ извѣстій ¹⁾, конечно, тѣмъ самымъ лицомъ, которое добавило къ ней новгородскія извѣстія 1507 - 1510 г. Все это нисколько не мѣшаетъ признать, что лѣтописный рассказъ, начиная съ 1447 года, попалъ въ Синод. № 280 и Акад. изъ одного источника, при чемъ таковымъ могъ быть какой-нибудь не дошедшій до насъ списокъ Новгородской 4-й лѣтописи. Списавъ по одной рукописи Новгородскую 4-ю лѣтопись до 1447 г., составитель Синод. № 280 обратился къ другой рукописи, заключавшей Новгородскую 4-ю лѣтопись съ московскими извѣстіями до 1506 года (протографъ Акад. списка), и списалъ ее, начиная съ 1447 года ²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что составителю Синод. списка не былъ извѣстенъ самъ Хронографъ и что заимствованія изъ него попали путемъ одного изъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, воспользовавшагося для дополненія Хронографомъ.

Указаніе на болѣе древнюю редакцію Хронографа, чѣмъ та, которою пользовался составитель списка Царскаго можно извлечь еще изъ одного памятника. Въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ списокѣ Софійской 2-й лѣтописи, вслѣдъ за окончаніемъ этой лѣтописи (повѣсть о кончинѣ Василя Ивановича 1534 сентябрьскаго года), помѣщены выписки изъ какой-то другой лѣтописи, начинающіяся съ 1445 года; онѣ идутъ почти непрерывно до 1491 года; вслѣдъ за этимъ рассказывается о событіяхъ 1497—1498 гг. (январскихъ), а затѣмъ идетъ лѣтописный рассказъ о московскихъ

1) Подъ 1468 о морѣ въ Новгородѣ, подъ 1476 и 1480 о прибытіи великаго князя въ Новгородъ миромъ, подъ 1490 и 1494 о пожарахъ въ Новгородѣ, и др.

2) Отсюда слѣдуетъ, что составитель № 280 пользовался двумя списками Новгородской 4-й лѣтописи и въ части до 1447 г.; рядъ чтеній, гдѣ Синод. № 280 сходится съ Акад., отличаясь отъ прочихъ, находитъ такимъ образомъ объясненіе.

и новгородскихъ (съ преобладаніемъ послѣднихъ) событіяхъ 1514 - 1538 годовъ (ср. П. С. Р. Л. VI, 277 - 303). Издатели Софійской 2-й лѣтописи назвали эти выписки «Отрывкомъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку»: изданіе Отрывка значительно облегчилось тѣмъ, что разсказъ о событіяхъ 1445 - 1491 оказался почти тождественнымъ, сначала, съ нѣкоторыми списками Софійской 1-й лѣтописи, а начиная съ 1463 года съ Синод. № 280: поэтому издатели ограничились ссылками на соответствующія мѣста V и IV тт. П. С. Р. Л. и помѣстили на двухъ страницахъ (277—279) разсказъ о событіяхъ, обнимающихъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Ближайшее разсмотрѣніе «Отрывка» показываетъ, что мы имѣемъ дѣло со спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненнымъ на основаніи Хронографа. Первая часть списка—до 1445 года до насъ не дошла: оторванная отъ нея вторая часть, начинающаяся со словъ «Того же лѣта бой бысть»¹⁾, приплетена къ рукописи, содержащей Софійскую 2-ю лѣтопись. Основной текстъ—текстъ Софійской 1-й лѣтописи доходилъ до 1462 года, оканчиваясь разсказомъ о кончинѣ Василя Васильевича: онъ оказывается тождественнымъ съ текстомъ Бальзеровскаго списка, оканчивающагося, какъ извѣстно тѣмъ же разсказомъ, но дополненаго новѣстью о взятіи Новгорода 1471 года. Заимствованія изъ дополнительнаго источника начинаются съ 1452 года, гдѣ къ тексту Софійской 1-й лѣтописи приписано: «Тоеже зими князь великій Иванъ Васильевичъ ходилъ на Кокшенгу. Того же лѣта родися князь Ондрѣй меншей, августа въ 8» (ср. тѣ же извѣстія въ Синод. № 280 и Царск.); подъ 1461 къ тексту основнаго источника приписано извѣстіе о кончинѣ великаго князя Бориса Александровича (ср. Синод. № 280 и Царск.). Подъ 1462 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ Василя Васильевича, читаемъ нѣсколько извѣстій, находящихся въ Синод. № 280 и Царск., и между прочимъ въ другой разъ повторяется, уже на основаніи дополнительнаго источника, разсказъ о смерти Василя Васильевича, при чемъ оказывается болѣе близость текста «Отрывка» къ тексту Синод. № 280, чѣмъ къ списку Царскаго: въ Отрывкѣ и въ Синод., въ концѣ статьи, читаемъ слова: «а всего того на осмнадцать сохъ писменныхъ», опущенныя въ списокъ Царскаго. Начиная съ 1463 года, Отрывокъ представляетъ текстъ вполне тождественный съ Синод. № 280²⁾, хотя мѣстами онъ и сокращенъ противъ общаго первоисточника, который, послѣ всего вышесказаннаго, не трудно отождествить съ Хронографомъ: такъ въ Отрывкѣ опущены года 1466 и 1467; подъ 1473 читаемъ всего четыре

1) Надъ этими словами поставленъ 6953 (1445) годъ.

2) При 1468, 1469, 1470 гг. въ VI т. П. С. Р. Л. находятся ссылки на V т., т. е. на соответствующія мѣста списка Царскаго; но такъ же можно было бы сослаться на Синод. сп. (IV т.).

строки въ соотвѣтствіи съ двумя страницами Синод. № 280 (IV, 150 — 151) ¹⁾; такъ же сокращень текстъ подь 1484 и 1490 гг. Послѣ 1491 года видимъ, сравнительно съ Синод., гдѣ разсказъ продолжается до 1496-го, пропускъ, а слѣдующій 1498 годъ (которому уже нѣтъ соотвѣтствія въ Синод.) содержитъ оригинальный разсказъ, не вполне сходный съ Царск., при чемъ однако ближайшее сравненіе показываетъ, что списокъ Царскаго представляетъ сокращенное изложеніе его. Въ виду этого и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что Отрывокъ особенно близокъ къ Синод. списку, въ Синодальномъ же списокѣ отразилась болѣе древняя редакція Хронографа, чѣмъ въ списокѣ Царскаго, — мы въ правѣ заключить, что въ этой редакціи находился и разсказъ 1498 года, а это, въ связи съ сдѣланнымъ выше сопоставленіемъ Акад. и Синод. № 280 списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція Хронографа, предшествующая редакціи 1508, оканчивалась не 1496 годомъ (какъ Синод. сл.) и не 1498-мъ (какъ Отрывокъ, за которымъ слѣдуетъ особенный по характеру разсказъ 1514 — 1538 г.), а 1506 годомъ, на который имѣется ясное указаніе въ Акад. списокѣ.

Предыдущее изслѣдованіе доказало, что сравнительное изученіе списковъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, Синод. № 280 и Академическаго Новгородской 4-й лѣтописи, равно и Отрывка лѣтописи по Новоіерусалимскому списку, приводитъ къ возстановленію двухъ послѣдовательныхъ редакцій Хронографа — 1506 и 1508 гг., при чемъ редакція 1512 г. основалась на одной изъ нихъ. Отсюда ясно, какое значеніе при изслѣдованіи московскихъ сводовъ имѣетъ изученіе Хронографа, совершенно упущеннаго изъ вниманія г. Тихомировымъ ²⁾.

Существеннымъ пробѣломъ въ трудѣ почтеннаго изслѣдователя слѣдуетъ признать и то, что къ обзору не привлечень такъ называемый Русскій Временникъ. Памятникъ этотъ дошелъ до насъ несомнѣнно въ искаженномъ и неполномъ видѣ, такъ какъ списокъ, съ котораго сдѣлано изданіе, относится къ XVII, а можетъ быть и къ началу XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе можно сдѣлать нѣкоторые вѣроятные выводы о первоначальномъ его составѣ и о времени его появленія. Есть основаніе думать, что въ дошедшемъ (черезъ посредство изданія) до насъ списокѣ сохранилась лишь часть огромнаго свода, каковымъ былъ Русскій Временникъ; а именно, въ первоначальномъ видѣ Русскій Временникъ былъ Хронографомъ, продолженнымъ русскою лѣтописью; позднѣйшій редакторъ извлекъ изъ него одиѣ русскія

1) При этомъ прибавлено указаніе на день прибытія Софій въ Москву (12 ноября, въ четвергъ).

2) О редакціяхъ Хронографа я говорю обстоятельнѣе въ статьѣ «Къ вопросу о происхожденіи Хронографа», написанной позже, чѣмъ эта рецензія.

лѣтописныя статьи, оставивъ такимъ образомъ въ сторонѣ древнѣйшую часть Хронографа (до статьи «О словенскомъ языкѣ и о русскомъ») и исключивъ изъ слѣдующей затѣмъ части всѣ статьи греческія и южнославянскія. Я не стану подробно доказывать этого положенія, ограничиваясь указаніемъ на то, что въ имѣющемся у насъ текстѣ Русскаго Временника сохранилось нѣсколько ясныхъ слѣдовъ отъ исключенныхъ позднѣйшимъ редакторомъ статей не русскаго происхожденія. Такъ, подъ 1015 г. мы находимъ здѣсь статью О крещеніи Угровъ («Видѣвши же Піони, глаголеміи Угри...»), въ концѣ которой та же ссылка на Вретанійскій островъ, которою эта статья сопровождается въ Хронографѣ («но и того приложиша къ своей прелести, якоже на преди писано есть», ср. I, 67); подъ 1079, 1215 и др. находимъ указанія на современныхъ русскимъ событіямъ византійскихъ императоровъ, основанныя несомнѣнно на Хронографѣ ¹⁾, при чемъ подъ 1272 изъ ссылки совершенно ясно видно, что передъ русскимъ извѣстіемъ опущено греческое: «При сего царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780, сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславлѣ князь Василіе Ярославичъ» ²⁾. Въ виду этого, а также и того, что, напр., текстъ большинства извѣстій XII и XIII вѣка въ Русскомъ Временникѣ вполне тождественъ съ текстомъ Хронографа редакціи 1512 года, что здѣсь помѣщено то же предисловіе къ умильной повѣсти о татарскомъ нашествіи, какъ и тамъ (нач. «Хочу рещи, о друзи и братія! повѣсть, яже не точію человекѣ, но и безсловесныя скоты, и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачь», Русск. Врем. I, 108, ср. Поповъ, Изборникъ, стр. 39), что Святославъ и Святополкъ называются, какъ и во многихъ спискахъ Хронографа 1512 года, Цвѣтославомъ и Цвѣтополкомъ, — для меня кажется несомнѣннымъ, что въ теперешней своей редакціи Русскій Временникъ—это извлеченіе, изборникъ русскихъ статей Хронографа. Мы знаемъ, что въ той редакціи Хронографа, которая не раздѣлена на главы, осталось мало русскихъ лѣтописныхъ статей (ср. выше); тѣмъ не менѣе мы имѣемъ основаніе сближать протографъ именно этой редакціи (а не редакціи 1512 года) съ протографомъ Русскаго Временника. Такъ въ обоихъ памятникахъ — въ Русскомъ Временникѣ и въ Хронографѣ, не раздѣленномъ на главы, читаются сходныя мѣста въ статьѣ о преложеніи книгъ на славянскій языкъ ³⁾; такъ, при извѣстіи о поставленіи Мануила царя, въ этой редакціи Хронографа

1) При цари Иванѣ Гречестѣмъ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичъ... I, с. 77 — При цари Греческомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Георгію... I, стр. 84.

2) Въ Хронографѣ редакціи 1512 года, передъ приведеннымъ (и переданнымъ тѣми же словами) извѣстіемъ, читаемъ о греческомъ императорѣ Михаилѣ Палеологѣ (Поповъ, Изборникъ, стр. 45).

3) Эти мѣста восходятъ къ проложнымъ житіямъ Кирилла и Мееодія.

имѣется подробность, заимствованная изъ выпущенной въ ней, но сохраненной въ Русскомъ Временникѣ русской статьи «О вѣнчаніи Мануила на царство» (изъ Пименова хожденія); словамъ Хронографа: «благословенъ и поставленъ аптоніемъ патриархомъ. в лѣто 6899 февраля в 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ» (этихъ словъ нѣтъ въ редакціи 1512 года) соотвѣтствуютъ первыя строки указанной статьи: «Видѣхомъ же мѣсяца февраля въ 11 день, въ недѣлю о блудномъ сыну, вѣнчанъ бысть царь Мануиль Цареградскій на царство и со царицею отцемъ ихъ пресвященнымъ Антоніемъ Патриархомъ» (Русск. Врем. I, 311). Въ виду этого я считаю, что Русскій Временникъ въ теперешнемъ своемъ видѣ и Хронографъ въ спискахъ, не раздѣленныхъ на главы, восходятъ не къ Хронографу редакціи 1512 года (относительно редакціи, не раздѣленной на главы, это доказано предшествующими изслѣдователями), а къ редакціи болѣе поздней, обособленной вставками лѣтописныхъ извѣстій и даже статей русскаго происхожденія. Редакція эта явилась независимо отъ редакціи 1512 года, но восходитъ вмѣстѣ съ нею къ другой болѣе ранней редакціи. Выше было указано, что редакція 1512 года основывается или на редакціи 1508 года или на редакціи 1506 года; относительно же Хронографа, откуда произошли Русскій Временникъ (буду называть эту редакцію Хронографа Русскимъ Временникомъ) и редакція, не раздѣленная на главы, можно съ увѣренностью сказать, что онъ основанъ на редакціи 1508 года. Дѣйствительно, можно доказать особенную близость текста Русскаго Временника къ списку Царскаго, сравнительно съ Синод. № 280 спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи, а мы вывели выше, что первый изъ этихъ списковъ восходитъ къ редакціи 1508 года, тогда какъ второй къ редакціи 1506 года. Такъ, подъ 1482 годомъ въ Русскомъ Временникѣ читаемъ, какъ въ списокѣ Царскаго, о посольствѣ короля Угорскаго Матіаса, о взятіи Бѣлграда Турецкимъ султаномъ и о войнѣ съ Нѣмцами (Русск. Врем. II, 168 - 169; см. Царск. VI, 35 - 36); въ Синод. № 280 — эти событія опущены; подъ 1479 въ Русскомъ Временникѣ (II, 143 - 144) и въ списокѣ Царскаго (VI, 33 - 34) помѣщена статья о спорномъ дѣлѣ между митрополитомъ Геронтіемъ и архіепископомъ Вассіаномъ по поводу Кирилловскаго монастыря: въ Синод. № 280 этой статьи нѣтъ. Подъ 1483 въ Русск. Врем. (II, 171) и въ списокѣ Царскаго (VI, 36) есть извѣстіе о закладкѣ Чудовскимъ архимандритомъ Геннадіемъ каменной церкви и трапезницы: этого извѣстія не достаетъ въ Синод. № 280. Подъ 1489 въ Русск. Врем. (II, 113) и въ см. Царскаго (VI, 37) сообщается о переводѣ великимъ княземъ многихъ Новгородскихъ бояръ и житыхъ людей въ другіе города и о выводѣ въ Новгородъ московскихъ купцовъ и дѣтей боярскихъ: въ Синод. № 280 объ этомъ не говорится и т. д. И такъ, мы имѣемъ данныя для утвержденія, что Русск.

Вр. положилъ въ свое основаніе Хронографъ редакціи 1508 года. Обращаясь къ вопросу о времени происхожденія Русскаго Временника, отмѣчу прежде всего, что, при теперешнемъ видѣ этого памятника, въ немъ можно отличать слѣдующія три части: 1) лѣтопись, почти непрерывно тянущуюся до 1533 (январскаго) года и оканчивающуюся извѣстіемъ о слитіи колокола «благовѣстника» Николаемъ Нѣмчинымъ и о поставленіи его на деревянной колокольницѣ, 19 декабря 1533 года; 2) дополнительныя статьи: О преставленіи Александра Свирскаго; Сказаніе о житіи Данила Переяславскаго; Предисловіе о великихъ князѣхъ литовскихъ; 3) выписки изъ книги Полидора Урбинскаго, за которыми слѣдуютъ: лѣтописная замѣтка XVII в.; списокъ съ царской грамоты 1651 года и краткая Костромская лѣтопись 1642 — 1680 гг. Очевидно, что первыя двѣ части относятся къ XVI в., а третья къ концу XVII в. Разсматривая первую часть, видимъ слѣдующее любопытное обстоятельство: непосредственно за рассказомъ о походѣ вел. князя Василя Ивановича противъ Крымцевъ и о возвращеніи его въ Москву, 21 августа 1533 года, приводится извѣстіе о колоколѣ, относящееся къ 19 декабря 1533 же года; имъ и оканчивается лѣтопись; слѣдовательно, въ Русск. Вр. нѣтъ даже краткаго сообщенія о кончинѣ Василя Ивановича, послѣдовавшей 4 декабря того года; не говорю уже о сентябрьскихъ и ноябрьскихъ событіяхъ, предшествовавшихъ этой кончинѣ и подробно описанныхъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Мнѣ кажется, отсюда должно сдѣлать выводъ, что лѣтопись и самый памятникъ ее содержащій составлены до декабря 1533 года, при чемъ извѣстіе о колоколѣ представляется позднѣйшею, хотя, вѣроятно, и современною событію припиской. Что же касается мѣста составленія Русскаго Временника, то, повидимому, этотъ вполне московскій по характеру своему сводъ составленъ въ Новгородѣ и при томъ, можетъ быть, по распоряженію архіепископа Макарія. Вывожу это изъ того, что мы находимъ въ Русскомъ Временникѣ рядъ извѣстій новгородскаго происхожденія, при чемъ почти каждое изъ нихъ связывается съ именемъ Макарія: такъ подъ 1508 годомъ вставлено (сравнительно съ спискомъ Царскаго) извѣстіе о посылкѣ въ Новгородъ дьяка Бобра для устройства тамъ рядовъ, улицъ и поваго моста черезъ Волховъ (Русск. Врем. II, 268); подъ 1519 г. говорится объ устройствѣ новыхъ судебныхъ мѣстъ въ Новгородѣ (II, 312); подъ 1526 тамъ говорится о крещеніи Лоплянъ, къ которымъ Макарій послалъ священника и діакона (II, 343); подъ 1528 рассказывается объ установленіи общежитія въ монастыряхъ новгородскихъ со вѣтомъ архіепископа Макарія; подъ 1530 о страшной грозѣ въ Новгородѣ, случившейся въ тотъ самый часъ, когда родился Иванъ Васильевичъ, и объ отлитіи колокола въ соборной церкви св. Софіи повелѣніемъ архіеп. Макарія (II, 349); подъ 1531 говорится о присылкѣ великимъ княземъ въ Нов-

городъ грамоты къ архіеп. Макарію и дьяковъ для распланированія города и постановки рѣшетокъ и городскихъ карауловъ (II, 352); подъ 1533 сообщается объ отправленіи архіеп. Макаріемъ духовенства къ Лоплянамъ съ Мурманскаго моря и съ рѣки Колы и о поставленіи тамъ церкви (II, 359). Поэтому мнѣ представляется вѣроятнымъ, что Русскій Временникъ составленъ въ Новгородѣ при ближайшемъ участіи архіеп. Макарія въ концѣ 1533 года; вскорѣ памятникъ этотъ былъ перевезенъ въ Москву и, можетъ быть, уже въ декабрѣ 1533 года переписчикъ, списавъ его, прибавилъ извѣстіе о поставленіи колокола на колокольню, 19 декабря 1533 года, Оригиналъ, положенный въ основаніе свода, Хронографъ редакціи 1508 года, былъ отчасти переработанъ и значительно дополненъ. Такъ, подъ 1507 (январскимъ) годомъ въ редакціи 1508 года говорилось о перенесеніи гробницъ великихъ и удѣльныхъ князей во вновь выстроенный Архангельскій соборъ; при этомъ (ср. списокъ Царскаго, VI, 52—53) были перечислены всѣ князья, похороненные до этого дня (3 октября 1507 г.), или даже до 1508 (года составленія памятника), въ этомъ соборѣ¹⁾. Русскій Временникъ вставилъ въ описаніе расположенія гробницъ и имена тѣхъ князей, которые скончались въ теченіе 1508—1533 года; сюда относятся: Дмитрій Ивановичъ († въ февралѣ 1509 г.), Семенъ Ивановичъ († 1518), Дмитрій Ивановичъ Углицкій († 1521), Петръ царевичъ († ?). Замѣчательно, что имя Василя Ивановича не внесено въ описаніе: ниже въ концѣ статьи мы находимъ позднѣйшее добавленіе, начинающееся словами: «А послѣ того, въ Архангелѣ жъ погребены»..., гдѣ названы уже не только Василій Ивановичъ, но также Иванъ Васильевичъ, сынъ его Иванъ Ивановичъ и даже Дмитрій царевичъ, «вселя Русіи чудотворецъ». Отсюда вполне ясенъ выводъ: передѣлка статьи 1508 года, а слѣдовательно и составленіе Русскаго Временника имѣли мѣсто до декабря 1533 года; а это вполне согласуется съ тѣмъ, что въ Русскомъ Временникѣ нѣтъ ни статьи, ни извѣстія о преставленіи Василя Ивановича. Основной источникъ — Хронографъ 1508 года подвергся цѣлому ряду дополненій на основаніи другихъ источниковъ. Иногда въ самомъ памятникѣ содержатся указанія на то, что составитель перешелъ отъ основного источника къ другому дополнительному. Такъ, подъ 1482 годомъ, согласно со спискомъ Царскаго, приведено извѣстіе о прибытіи къ великому князю Ѳедора Ивановича Бѣльскаго; вслѣдъ за этимъ видимъ вставку, начинающуюся словами: «отъ иного лѣтописца», гдѣ рассказывается тоже самоѡ, но съ другими подробностями; затѣмъ слѣдуетъ еще два новыхъ извѣстія, послѣ чего продолжается текстъ,

1) Поэтому здѣсь не названъ Дмитрій Ивановичъ (внукъ), скончавшійся въ февралѣ 1509 г. и похороненный въ Архангельскомъ соборѣ.

сходный со спискомъ Царскаго. Подъ 1521 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о набѣгѣ, сдѣланномъ на Коломенскій и Московскій уѣзды Магметъ Гиреемъ, читаемъ: «Отъ инога лѣтонисца о томже и о ходу со кресты»..., гдѣ то же событіе разсказывается съ гораздо бѣльшими подробностями (II, 325 — 337). Подъ 1472 г. вставлена повѣсть «О Печерскомъ монастырѣ Псковскомъ и о мученицѣхъ» (II, 81 - 89). Подъ 1471 вставленъ разсказъ о чудесныхъ знаменіяхъ въ Новгородѣ (якожъ слышахомъ отъ тамо сущихъ жителей; еже очима нашими видѣхомъ, II, 63 - 64). Подъ 1492 — о составленіи писцовыхъ книгъ по Тверской землѣ и объ обрѣтеніи руды на рѣкѣ Цыльмѣ (II, 195 - 196). Подъ 1490 — о построеніи каменнѣй крѣпости въ Новгородѣ (II, 187) и т. д. Что касается части послѣ 1508 года, то составитель Русскаго Временника, какъ это видно и изъ приведенной выше вставки 1521 года, пользовался несомнѣнно письменнымъ источникомъ, лѣтописью, но весьма возможно, что извѣстія послѣднихъ изъ описанныхъ годовъ собраны и записаны самимъ составителемъ свода. Если допустить, что въ распоряженіи сводчика было два основныхъ источника — Хронографъ и какой-то другой лѣтописный сводъ, продолжавшійся и за 1508 годъ, мы должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на томъ обстоятельстве, что особенная близость Русск. Вр. къ списку Царскаго (т. е. къ списку съ Хронографа, служившаго основнымъ источникомъ Русск. Вр.) начинается приблизительно съ 1479 года и продолжается вплоть до 1508 года (окончаніе Хронографа); до 1479 года находимъ рядъ извѣстій и статей, отсутствующихъ въ списокѣ Царскаго. Такъ, напримѣръ, повѣсть о борьбѣ Василья Васильевича съ дядей и двоюродными братьями изложена гораздо подробнѣе, чѣмъ въ списокѣ Царскаго, Синод. № 280 и Хронографѣ редакціи 1512 г. Событія 1446 г., изложенныя въ списокѣ Царскаго и въ Хронографѣ 1512 г. въ нѣсколькихъ строкахъ, въ Русск. Врем. занимаютъ нѣсколько страницъ (II, 9 - 17); извѣстіе 1444 г. о царевичѣ Мустофѣ, изложенное въ списокѣ Царскаго въ двухъ строкахъ, занимаетъ въ Русск. Врем. двѣ страницы (II, 3 - 4); извѣстіе о июльской бурѣ 1460 г. въ Москвѣ въ списокѣ Царскаго и Синод. № 280 занимаетъ двѣ строки, а въ Русск. Врем. двѣ страницы (II, 40 - 41), съ явными признаками современной записи. Подъ 1469 находимъ въ Русск. Врем. (II, 55) длинное извѣстіе о прибытіи къ великому князю пословъ отъ Римскаго папы и о посылкѣ къ нему посломъ Ивана Фрязина: въ списокѣ Царскаго этого извѣстія нѣтъ. Подъ 1473, вмѣсто краткаго извѣстія списка Царскаго о прибытіи въ Москву царевны Софіи и о вѣнчаніи съ нею Ивана Васильевича, въ Русск. Врем. (II, 104 - 108) читаемъ длинный разсказъ съ обстоятельными подробностями и т. д. Въ виду того, что въ части 1479 - 1508 сравнительно гораздо менѣе вставокъ, и текстъ Русск. Врем. почти тождественъ

съ текстомъ списка Царскаго, я думаю, что въ распоряженіи составителя Русскаго Временника, кромѣ Хронографа редакціи 1508 года, былъ такой лѣтописный (московскій) сводъ, въ которомъ часть до 1479 года была составлена независимо отъ Хронографа, часть 1479 - 1508 восходила къ нему и, наконецъ, часть за 1508 годомъ представляла самостоятельный лѣтописный рассказъ. Ниже вернусь еще разъ къ этому источнику Русскаго Временника. Я рѣшился посвятить такъ много мѣста разбору этого послѣдпяго памятника, какъ для того, чтобы показать важность его среди другихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, такъ и для того въ особенности, чтобы имѣть возможность въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи говорить объ отношеніи его къ другимъ сводамъ XVI вѣка.

И такъ, предыдущее изложеніе показываетъ, что г. Тихомирову, для полноты предпринятаго имъ обзора, надлежало принять во вниманіе еще слѣдующіе московскіе лѣтописные своды: Троицкую лѣтопись 1409 года, Львовскую лѣтопись 1560 г., Хронографы нѣсколькихъ послѣдовательныхъ редакцій и Русскій Временникъ 1533 г.

II.

Г. Прѣсняковъ въ своей рецензіи на трудъ г. Тихомирова сдѣлалъ замѣчаніе относительно того, что изслѣдователь московскихъ сводовъ напрасно исключилъ изъ числа ихъ Новгородскую 4-ю лѣтопись; далѣе, указавъ на родствѣнность этой лѣтописи съ Софійскою 1-ю и Софійскою 2-ю, рецензентъ высказалъ мнѣніе, что эти три лѣтописи «даютъ возможность изучить первые шаги къ объединенію историческаго матеріала съ московской точки зрѣнія». Мнѣ кажется, что въ общемъ мысль г. Прѣснякова совершенно вѣрна, хотя и не вѣрно то, чтобъ Новгородская 4-я лѣтопись была московскимъ сводомъ, и чтобъ на основаніи Софійской 2-й лѣтописи можно было судить о *первыхъ* шагахъ московскаго лѣтописанія. Г. Тихомировъ, по моему мнѣнію, отвелъ Новгородской 4-й лѣтописи подобающее ей среди московскихъ сводовъ мѣсто: въ основаніи своемъ — это не московскій сводъ¹⁾, но намъ извѣстны два списка Академическій и Сяпод. № 280, распространенные при помощи московскихъ лѣтописныхъ сводовъ (ср. выше). Совершенно иное дѣло Софійская 1-я лѣтопись; это несомнѣнно московскій сводъ, и напрасно г. Тихомировъ ограничился разсмотрѣніемъ только трехъ списковъ ея (Бальзеровскаго, Горюшкинскаго и Царскаго)²⁾,

1) Ниже я укажу, что въ основаніи *древнѣйшей* редакціи Новгородской 4-й лѣтописи лежитъ Московскій лѣтописный сводъ, подвергшійся новгородской обработкѣ.

2) Извѣстіе 1337 г. о Валитѣ Корелянинѣ ошибочно приписано г. Тихомировымъ Бальзер. и Горюшк. спискамъ: оно находится только въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго (ср. т. V, стр. 220).

не остановившись на составѣ всего памятника и не показавъ, когда именно и какъ явился одинъ изъ древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, извѣстный подъ названіемъ Софійской 1-й лѣтописи. Издатели V т. П. С. Р. Л. указали семь списковъ, принятыхъ во вниманіе при изданіи: Карамзинскій и сп. Оболенскаго, Толстовскій, Воронцовскій, Бальзеровскій и Горюшкинскій и, наконецъ, списокъ Царскаго. Выше мы подробно говорили о составѣ списка Царскаго и объ отношеніи его къ прочимъ спискамъ Софійской 1-й лѣтописи. Составъ Бальзеровскаго и Горюшкинскаго списковъ разсмотрѣнъ г. Тихомировымъ (с. 78—79), но при этомъ имъ допущены рядъ неточностей, которыя укажу для того, чтобы ниже въ краткихъ словахъ изложить результаты изслѣдованія различныхъ редакцій Софійской 1-й лѣтописи. Г. Тихомировъ не обратилъ вниманія на то, что въ Бальзеровскомъ списокѣ соединены двѣ рукописи: первая изъ нихъ доводитъ лѣтописный разсказъ до 1462 года, продолжаетъ его повѣстью 1471 года о покореніи Новгорода и оканчиваетъ приписками, сдѣланными разными современными почерками 1494, 1495 и 1498 гг. (ср. П. С. Р. Л. VI, 15); вторая представляетъ изъ себя добавочную тетрадь (ср. V, 77) и въ ней содержится лѣтописный разсказъ 1472-1518 гг.; поэтому изслѣдователь не можетъ разсматривать эти двѣ отдѣльныя части, какъ нѣчто цѣлое, какъ единый сводъ. Что же касается Горюшкинскаго списка, то онъ, по вѣрному замѣчанію издателей Археогр. ком. (т. V, с. 78; т. VI, с. 15), составляетъ копию съ Бальзеровскаго списка¹⁾: вотъ почему текстъ до 1471 года включительно, слѣдующія за нимъ приписки (не въ хронологическомъ порядкѣ) и текстъ, содержащійся въ дополнительной тетради Бальзеровскаго списка, идутъ здѣсь непрерывно; при этомъ оказывается, что дополнительная тетрадь Бальзеровскаго списка, при снятіи съ нея этой копии, еще не утратила своего окончанія, не обрывалась поэтому на неоконченной фразѣ въ разсказѣ 1518 года, а продолжала текстъ до 1523 (январскаго) года включительно. Такимъ образомъ, вѣроятно, объясняется то, что въ Горюшкинскомъ списокѣ содержатся и событія 1518-1523 гг., которыхъ нѣтъ въ его оригиналѣ. Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что изслѣдователю московскихъ лѣтописныхъ сводовъ необходимо остановиться только на первой, основной части Бальзеровскаго списка, такъ какъ вторая часть этого и Горюшкинскаго списковъ, органически не соединенная съ первою, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается псковскою лѣтописью 1481—1523 г.²⁾, лишь подъ нѣкоторыми годами (напр. 1486, 1487, 1521) дополненной московскими извѣстіями и искусственно, посредствомъ

1) Кажется, исправленную по другому списку Софійской 1-й лѣтописи.

2) Полное сходство Бальз. сп. съ редакціею Псковской лѣтописи, представленной списками Карамз., Акад. и Снѣгур., начинается съ 1487 (ср. т. IV, стр. 171 и 267).

выписокъ изъ какого-то московскаго свода, соединенною съ рукописью Софійской 1-й лѣтописи (выписки эти обнимаютъ 1472—1481 гг.)¹⁾. И такъ, мы имѣемъ въ Бальзеровскомъ списокѣ такой видъ Софійской 1-й лѣтописи, гдѣ лѣтописный разсказъ доведенъ до 1462 года и дополненъ повѣстью о взятіи Новгорода 1471 года, а также нѣсколькими замѣтками конца XV в. Ближайшее изученіе этого вида Соф. лѣт. ясно показываетъ, что протографъ его оканчивался 1460-мъ годомъ и былъ дополненъ двумя лѣтописными замѣтками 1464 и 1467 годовъ: дѣйствительно, въ Бальзеровскомъ списокѣ, вслѣдъ за извѣстіями 1460 года, мы читаемъ о поставленіи Іосифа митрополитомъ въ Кесарію Филиппову 4 апрѣля 1464 г. и о смерти великой княгини Маріи 23 апрѣля 1467 года; за этими извѣстіями читаемъ извѣстія 1461 о кончинѣ митрополита Іоны (31 марта) и о поставленіи митрополитомъ Θεодосіа (3 мая) и далѣе извѣстіе 1462 года о кончинѣ вел. князя Василія Васильевича (27 марта). Слѣдовательно, вставка извѣстій 1464 и 1467 гг. между извѣстіями 1460 и 1461 гг. ясно показываетъ, что первоначально списокъ Софійской 1-й лѣтописи оканчивался 1460-мъ годомъ. Этотъ списокъ, дополненный нѣкоторыми лѣтописными замѣтками, изъ которыхъ послѣднюю является извѣстіе о кончинѣ Ивана Васильевича 1462 года, легъ въ основаніе того списка Софійской 1-й лѣтописи, слѣды котораго сохранились въ такъ называемомъ Отрывкѣ лѣтописи по Новоіерусалимскому списку (см. выше); дополненный еще повѣстью о взятіи Новгорода (Словеса избрана), онъ легъ въ основаніе, съ одной стороны, Бальзеровскаго списка, дополнившаго свой оригиналъ только тремя лѣтописными замѣтками конца XV в., съ другой, — списка Царскаго, дополнившаго его, какъ мы видѣли, изъ Хронографа редакціи 1508 года.

Выводъ, что Бальзеровскій списокъ составленъ во второй половинѣ XV вѣка, послѣ 1471 года, подтверждается тѣмъ, что въ родословной князей, помещенной въ Соф. 1-й лѣтописи подъ 887 годомъ, тамъ названъ послѣднимъ сынъ великаго князя Ивана Васильевича, Иванъ Ивановичъ (V, стр. 90, прим. з), родившійся въ 1459 январскомъ году; братъ Ивана Ивановича, Василій, родившійся въ 1479 г., еще не упомянутъ; слѣдовательно, Бальзер. списокъ составленъ въ 1471—1479 гг.²⁾ Въ виду того, что Иванъ Ивановичъ оказывается послѣднимъ въ этой родословной и по другимъ спискамъ Софійск. 1-й лѣтописи, въ предисловіи къ изданію этой лѣтописи (П. С. Р. Л., V, 79) сдѣланъ выводъ о томъ, что составитель ея жилъ въ исходѣ XV

1) Что событія 1481—1523 г. заимствованы въ Бальз. и Горюшк. сп. изъ Псковской лѣтописи, отмѣчено, разумѣется, и г. Тихомировымъ (с. 79). Оставляю въ сторонѣ вопросъ, что представляла изъ себя моск. лѣтопись, откуда заимствованы событія 1472—1481 гг.

2) Что списокъ Царскаго составленъ около 1508 г. или даже именно въ этомъ году, видно изъ того, что Василій Ивановичъ названъ въ родословной великимъ княземъ (съ 1505 г.).

столѣтія. Этотъ выводъ, справедливый для Бальзеровскаго списка, не можетъ быть распространенъ ни на всѣ остальные списки этой лѣтописи, ни тѣмъ болѣе на основную ея редакцію, основной ея списокъ. Дѣйствительно, въ отношеніи къ тексту родословной, помѣщенной подь 887 годомъ, извѣстные по изданію Археогр. ком. списки распадаются на три категоріи: къ первой отношу Бальзеровскій и Воронцовскій списки (а также позднѣйшій списокъ Царскаго), гдѣ родословная оканчивается Иваномъ Ивановичемъ; ко второй — протографъ Толстовскаго списка, а также тотъ списокъ Софійской 1-й лѣт., который составителемъ Софійской 2-й лѣтописи положенъ въ основаніе свода: здѣсь родословная оканчивалась именемъ Андрея Васильевича старшаго, сына Василя Васильевича (род. 1446 г.); въ Толстовскомъ списокѣ прибавлено имя Ивана Иваловича, но въ виду отсутствія въ немъ именъ Бориса и Андрея, младшихъ сыновей Василя Васильевича (род. 1449-1452 гг.), ясно, что прибавленіе это сдѣлано лишь позже; къ третьей категоріи можно отнести списки Карамзина и Оболенскаго; родословная оканчивается въ нихъ словами: «юрій, іоаннъ, третій князь вел. василей», т. е. именами сыновей Василя Дмитріевича¹⁾; имѣя въ виду, что Василій Васильевичъ сдѣлался великимъ княземъ въ 1425 году, и что въ 1440 у него родился сынъ Иванъ, не упомянутый въ родословной этихъ списковъ, ясно, что составленіе ея относится къ 1425—1440 гг. И такъ, разсмотрѣніе родословной 887 года доказываетъ: 1) что Бальзеровскій списокъ составленъ до 1479 года²⁾: дѣйствительно, текстъ его оканчивается повѣстью 1471 года; 2) что списокъ Царскаго составленъ послѣ 1505 года; дѣйствительно, лѣтописный рассказъ доходитъ въ этомъ списокѣ до 1508 года; 3) что оригиналь Толстовскаго списка составленъ въ 1446 - 1449 году; повѣрить этотъ выводъ на основаніи объема лѣтописнаго рассказа въ этомъ списокѣ нельзя, такъ какъ онъ обрывается на неоконченной фразѣ 1418 года (V, 260); 4) что оригиналь списковъ Карамзина и Оболенскаго составленъ въ 1425—1440 году; лѣтописный рассказъ въ обоихъ спискахъ оканчивается событіями 1418 года (ср., впрочемъ, ниже); при этомъ, въ списокѣ Оболенскаго за этимъ слѣдуютъ памятные записки о событіяхъ 1481, 1508 и 1506 гг., писанныя разными почерками (V, 261, прим. в), а въ списокѣ Карамзина находится дополнительная тетрадь, приплетенная къ основной рукописи (V, 77), гдѣ особымъ почеркомъ приписано нѣсколько лѣтописныхъ статей 1418, 1419, 1422 - 1425 годовъ, причемъ, начиная съ 1422 года, текстъ этихъ статей сходится съ текстомъ

1) Юрій, сынъ Василя Дмитріевича, упоминается и въ другихъ родословныхъ, ср. Лѣт. Аврамки, стр. 262 и 308.

2) Оставляю въ сторонѣ Воронцовскій списокъ, доведенный до 1486 г., такъ какъ, къ сожалѣнію, часть его 1423—1486 гг. не издана въ V т. П. С. Р. Л. (ср. стр. 78 и 262).

другихъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи (Бальзеровскаго, Воронцовскаго; ср. V, 261, прим. б); эти приписки не находятся въ прямой связи со статьями основной рукописи, что видно хотя бы изъ того, что подъ 1418 годомъ *повторенъ* рассказъ о Дашкѣ Острожскомъ, взявшемъ городъ Кременецъ¹⁾. И такъ, предыдущее изслѣдованіе показало, что нельзя относить составленіе Софійской 1-й лѣтописи къ концу XV столѣтія; нѣкоторые изъ списковъ ея оказываются принадлежащими къ первой половинѣ этого вѣка. Древнѣе остальныхъ списки Карамзина и Оболенскаго: на это указываетъ не только родословная 887 года, но также и то, что лѣтописный рассказъ доведенъ въ нихъ только до 1418 года (ср. ниже). Еще лучшимъ доказательствомъ служить то обстоятельство, что оба эти списка полнѣе и точнѣе передаютъ тѣ источники, которыми руководствовался составитель Софійской 1-й лѣтописи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что однимъ изъ такихъ источниковъ была Новгородская 4-я лѣтопись: въ спискѣ Карамзина и Оболенскаго сохранился цѣлый рядъ статей, восходящихъ къ этой лѣтописи и опущенныхъ во всѣхъ остальныхъ спискахъ (ср. напр. подъ 1030, 1055, 1058, 1060, 1163, 1168, 1259, 1311, 1316, 1366, 1386, 1411, 1418 и др.); протографъ этихъ остальныхъ списковъ, въ противоположность двумъ древнѣйшимъ, систематически опускалъ новгородскія извѣстія подлинника; изрѣдка опущены и другія статьи: такъ напр., подъ 1407 г., только въ Карамзинскомъ и Оболенск. спискахъ читаемъ о ростовскомъ пожарѣ. На бѣольшую близость обоихъ этихъ списковъ къ основной редакціи Софійской 1-й лѣтописи указываютъ еще сохранившіяся въ нихъ мѣстами ссылки на тѣ источники, которыми пользовался составитель этой редакціи; такъ, при цѣломъ рядѣ извѣстій конца XI вѣка, дополненныхъ въ Софійской 1-й лѣтописи сравнительно съ основнымъ ея источникомъ — Новгородскою 4-й лѣтописью мы читаемъ ссылки (въ текстѣ): «а писано въ кievскомъ», «ищи въ кievскомъ» и т. п. (V, с. 148, прим. а, з, к, л, н; с. 149, прим. а, и др.). Но какъ согласить то обстоятельство, что оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенск. составленъ между 1425 и 1440 годомъ, а общій лѣтописный рассказъ доходитъ въ нихъ лишь до 1418 года? Думаю, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть указаніе на то, что оригиналъ списковъ Карам-

1) Я думаю, что эти статьи заимствованы изъ другого списка Софійск. 1-й лѣтописи; сравненіе ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами Воскресенской лѣтописи показываетъ, что составитель этой лѣтописи пользовался именно такимъ спискомъ. Такъ въ Воскр. лѣтописи, согласно съ дополн. тетрадью Карамз. списка, передъ рассказомъ о Дашкѣ Острожскомъ, помѣщено извѣстіе о прибытіи въ Москву нижегородскихъ князей, Борисовичей; за этимъ рассказомъ слѣдуютъ извѣстія о поставленіи Діонисія и Коломенскаго Амвросія, а также о женитьбѣ Александра Ивановича Суздальскаго на дочери Василія Дмитріевича; подъ 1419 г. въ Воскр., такъ же какъ въ дополн. тетради Карамз. сп., рассказывается о прибытіи Константина Дмитріевича въ Новгородъ.

зина и Оболенскаго былъ простою копіей съ болѣе древняго списка Софійской 1-й лѣтописи, оканчивавшагося 1422 годомъ и составленнаго около того же года. Разсматривая текстъ лѣтописныхъ статей 1418 года, мы видимъ, что, вельдъ за извѣстіемъ, заимствованнымъ изъ Новгородской 4-й лѣтописи, объ убіеніи Анфала Михаиломъ Разсохинымъ, въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго помѣщены, безъ указанія на годъ, событія 1422 года: въ списокѣ Карамзина—извѣстіе о смерти княгини Анастасіи, жены Юрія Дмитріевича 11 іюля 1422 г. (ср. списки Бальз. и Воронц., т. V, 262), а въ списокѣ Оболенскаго, кромѣ этого извѣстія, еще другое—о пожарѣ въ Москвѣ 18 августа того же 1422 г. (ср. тамъ же). Въ виду этого, думаю, что основной списокъ, основная редакція Софійской 1-й лѣтописи была составлена въ 1422 году, и что оригиналь списковъ Карамзина и Оболенскаго былъ простою копіей съ этой редакціи. Имѣя въ виду, что подъ 1410 г. въ Карамз. и Обол. указано, что митрополитъ Фотій святительствовалъ 22 года (отъ 1410 до 1431, ср. V, 258, прим. а), можно еще точнѣе указать время, когда былъ составленъ оригиналь этихъ списковъ: это 1431—1440 г. (выше мы опредѣлили его 1425 - 1440 гг.). И такъ, *въ 1422 году составленъ въ Москвѣ* (ср. приписки, относящіяся къ этому году) *одинъ изъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ — Софійская 1-я лѣтопись*; въ основаніе свода положенъ новгородскій сводъ: послѣднее извѣстіе изъ него заимствованное—это извѣстіе объ убіеніи Анфала въ 1418 году¹⁾; онъ былъ дополненъ на основаніи какого-то свода, признаннаго самимъ составителемъ Софійской 1-й лѣтописи за Кіевскій лѣтописецъ; начиная со второго десятилѣтія XV в., редакторъ вставляетъ въ извѣстія основного источника лѣтописныя замѣтки московскаго происхожденія: такъ, подъ 1413 годомъ онъ говоритъ о чудесномъ знаменіи въ Можайскомъ уѣздѣ отъ Колочской иконы Божіей Матери и о пожарѣ, истребившемъ всю Тверь; подъ 1415 приводится извѣстіе о набѣгѣ татаръ на Елецкую землю и о пожарахъ въ Москвѣ и Смоленскѣ; подъ 1417 говорится о копчинѣ старшаго сына Василя Дмитріевича Ивана и о погребеніи его въ церкви святаго Архангела Михаила. Съ основного списка Софійской 1-й лѣтописи въ 1431—1440 г. была снята копія: такъ возникъ оригиналь списковъ Карамзина и Оболенскаго. Въ 1446—1449 г. основной списокъ подвергся переработкѣ и дополненіямъ: такъ возникла редакція, лежащая въ основаніи Толстовскаго списка и слѣдующей за тѣмъ редакціи 1460 года; редакторъ 1446 - 1449 г. значительно сократилъ свой оригиналь, опутивъ при перепискѣ рядъ новгородскихъ извѣстій; ему же принадлежитъ рядъ искаженій и вставокъ, нѣкоторыя изъ которыхъ

1) Ниже я вернусь къ вопросу о составѣ и происхожденіи этого новгородскаго свода, и попытаюсь также опредѣлить годъ его составленія.

явно обличаютъ москвича: такъ, подъ 1170 годомъ къ извѣстію объ изгнаніи повгородцами князя Романа онъ прибавилъ: «таковъ бо бѣ обычай блядинымъ дѣтямъ»; подъ 1371 г., при извѣстіи о походѣ Дмитрія Ивановича на Рязань, про рязанцевъ сказано: «полоумные смерди»¹⁾. Вѣроятно, редакторъ 1446 - 1449 дополнилъ лѣтописный рассказъ своего оригинала до времени своей работы; лѣтописныя извѣстія редакція 1460 года, обнимающія 1423 - 1447 гг., можетъ быть, восходятъ къ редакціи 1446—1449 г. Въ 1460 году составлена на основаніи редакціи 1446 - 1449 г. новая редакція: отличаясь отъ предыдущей редакціи нѣкоторыми лишь вставками (напр., подъ 1152 г. помѣщено извѣстіе объ основаніи Юріемъ Владимировичемъ церковей въ Суздальской землѣ), она продолжила лѣтописный рассказъ до 1460 года. Списокъ этой редакціи обосложнился лѣтописными замѣтками 1464 и 1467 гг., а въ 1471 - 1479 гг. послужилъ основаніемъ для составленія новой исправленной редакціи, помѣстившей за указанными лѣтописными замѣтками три статьи о событіяхъ 1461 и 1462 гг., а также (подъ 1471 г.) повѣсть о взятіи Новгорода: такъ явился Бальзеровскій списокъ. Этотъ списокъ, а можетъ быть его протографъ, послужилъ въ началѣ XVI в. для составленія новой редакціи, дополнившей текстъ Софійск. 1-й лѣтописи заимствованіями изъ Хронографа редакціи 1508 года.

И такъ, мы видимъ, что изученіе Софійской 1-й лѣтописи приводитъ къ возстановленію трехъ московскихъ сводовъ, упущенныхъ изъ виду г. Тихомпровымъ: свода 1422 года, свода 1446-1449 гг. и свода 1460 года.

Мнѣ кажется, что однимъ изъ основныхъ вопросовъ при разсмотрѣніи Софійской 2-й лѣтописи долженъ быть вопросъ объ отношеніи ея къ Софійской 1-й лѣтописи: онъ даже не затронутъ г. Тихомпровымъ (с. 74—77), начинающимъ свой обзоръ Софійской 2-й лѣтописи съ того года, которымъ открывается изданіе ея въ VI т. П. С. Р. Л., т. е. съ отрывковъ изъ житія Сергія Радонежскаго. Правда, до 1392 года включительно Софійская 2-я лѣтопись оказывается почти тождественною съ Толстовскимъ спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, но на это необходимо указать уже потому, что мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ механическимъ соединеніемъ двухъ сводовъ—Софійской 1-й лѣтописи, съ одной стороны (до 1392 г.), и какой-то другой лѣтописи, съ другой. Очевидность увеличивается еще болѣе, если мы примемъ во вниманіе, что, начиная съ 1393 года, т. е. непосредственно за выписками изъ житія св. Сергія, Софійская 2-я лѣтопись представляетъ

1) Эти же вставки перенесли и въ редакцію 1460 года (ср. Бальзер. списокъ); въ списокѣ Царскаго онѣ зачеркнуты уже въ самой рукописи (V, 164 и 232). Понятно, почему мы не находимъ ихъ въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго.

текстъ не только сходный, но даже (въ особенности съ 1397 г.) почти тождественный съ Львовскою лѣтописью (ср. VI, 122 и Льв. II, 197), между тѣмъ какъ до 1393 года въ обѣихъ лѣтописяхъ видимъ совершенно различное содержаніе. вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что до насъ дошло начало только одного изъ двухъ списковъ Софійской 2-й лѣтописи — Новоіерусалимскаго; что же касается начала Архивскаго списка, то оно утрачено и самый списокъ начинается только съ событій 1397 г. («Двиняне далися великому князю...»), хотя весьма вѣроятно, что начало его было тождественно съ началомъ Новоіерусалимскаго списка. Архивскій списокъ оканчивается лѣтописнымъ разсказомъ 1518 года, при чемъ оборотъ послѣдняго (440-го) листа рукописи пустой: слѣдовательно, окончаніе лѣтописи на 1518 годѣ не случайно, не зависитъ и отъ неисправности списка. Принявъ во вниманіе, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ Архивскій списокъ представляетъ болѣе древнія чтенія, чѣмъ Новоіерусалимскій¹⁾, я нахожу вполне вѣроятнымъ допустить, что первая редакція Софійской 2-й лѣтописи оканчивалась 1518 годомъ и была составлена именно въ этомъ году. Такое предположеніе подтверждается вполне слѣдующими соображеніями: 1) несомнѣнно, что Львовская лѣтопись оканчивалась сама или пользовалась источникомъ, оканчивавшимся лѣтописнымъ разсказомъ 1518 года, и именно тамъ, гдѣ оканчивается Архивскій списокъ; а именно, послѣ извѣстія о кончинѣ князя Семена Ивановича и о его похоронахъ, на которыхъ присутствовали «пришедшій отъ патріарха митрополитъ Григорій и старцы Святыя горы Аоонскія» (послѣдняя фраза въ Архивскомъ списокѣ, ср. VI, 262), мы находимъ въ Львовской лѣтописи (III, 359) извѣстіе о возвращеніи къ великому князю посла Владимира Племянникова 26 іюля (а смерть Семена Ивановича отнесена къ 26 іюня); но то же извѣстіе было записано уже и выше передъ извѣстіемъ о кончинѣ Семена Ивановича и отнесено къ 27 іюля (III, 357), причемъ оно изложено буквально сходно со второю записью, съ тою, впрочемъ, разницей, что въ первой записи нѣтъ словъ: «князь же великій почтивъ ихъ (пословъ имп. Максимиліана, прибывшихъ съ Племянниковымъ) отпустилъ». Далѣе, черезъ нѣсколько строкъ послѣ второй записи, читаемъ о прибытіи въ августѣ къ великому князю старца Климента грека: это извѣстіе повторяетъ такое же, записанное выше передъ сообщеніемъ о смерти Семена Ивановича, отличаясь отъ него тѣмъ только, что содержитъ слова: «Князь же великій, пожаловавъ милостину, отпустилъ». И такъ, мы видимъ

1) Напр., въ Архивск. сохранился конецъ статьи 1399 года, опущенный въ Новоіер. (VI, 130); подъ 1400 читается о побоищѣ Витовта съ Темиръ-Кутлумъ, чего нѣтъ въ Новоіер. (VI, 131); подъ 1437 нѣтъ прибавки: «шемяку да краснаго» (VI, 150); подъ 1484 нѣтъ двухъ извѣстій, вставленныхъ въ Новоіер. (VI, 335).

въ лѣтописномъ разсказѣ 1518 года Львовской лѣтописи присутствіе двухъ источниковъ, говорящихъ о тѣхъ же событіяхъ: очевидно, составитель лѣтописи, списавъ одинъ источникъ (или основной сводъ) 1518 г., обратился къ другому или другимъ источникамъ и рѣшился повторить уже записанныя раньше извѣстія для возстановленія хронологическаго порядка: послѣ событія 1 іюня (оставленіе епископіи Митрофаномъ Коломенскимъ) слѣдуютъ событія 26 іюня, 26 іюля и августовское, изъ которыхъ два послѣднихъ были записаны выше передъ извѣстіемъ отъ 1 іюня. 2) Львовская лѣтопись сходна съ Софійскою 2-ю лѣтописью только до того мѣста, гдѣ прекращается Архивскій списокъ: событія 1519 и слѣд. годовъ, изложенныя въ Новоіерусалимскомъ списокѣ, ничего общаго съ Львовскою лѣтописью не имѣютъ; слѣдовательно, мы въ правѣ говорить о сходствѣ Львовской лѣтописи не съ тою редакціей Софійской 2-й лѣтописи, которую представляетъ Новоіерусалимскій списокъ, а именно съ тою, которая отразилась въ Архивскомъ списокѣ. Такое положеніе подтверждается при сравнительномъ изученіи Львовской лѣтописи и обоихъ списковъ Софійской 2-й: можно привести рядъ чтеній, гдѣ Львовская лѣтопись и Архивскій списокъ противопологаются Новоіерусалимскому списку ¹⁾. Поэтому мы въ правѣ вывести какъ то, что Архивскій списокъ отражаетъ иную редакцію Софійской 2-й лѣтописи, чѣмъ Новоіерусалимскій, такъ и то, что эта другая редакція древнѣе редакціи другого списка и относится по времени составленія къ 1518 году. Опредѣляя ближайшимъ образомъ отношеніе Львовской лѣтописи къ этой редакціи 1518 года, видимъ, что нѣтъ основанія допустить, чтобы Львовская лѣтопись пользовалась ею, какъ источникомъ, дѣлала изъ нея заимствованія: дѣйствительно, мы находимъ, съ одной стороны, рядъ пропусковъ, систематически проведенныхъ въ Львовской лѣтописи сравнительно съ Софійскою 2-ю (въ ней нѣтъ отрывковъ изъ Житія Сергія, за исключеніемъ, впрочемъ, чуда въ Бѣлевѣ подъ 1437 г., нѣтъ путешествія Аванасія Тверитина, выписокъ изъ житій Варлаама, Никона, нѣтъ грамоты Фотія 1431 г., посланія папы Пія II къ польскому королю 1458 г., ср. VI, 167; сочиненій Родіона Кожуха и др.), — а съ другой, многія событія разсказаны въ Львовской иначе и съ другими подробностями,

1) Подъ 1397, Льв. и Арх. «не дашася», Новоіер. «далися» (VI, 129); Подъ 1398, въ Льв. и Арх. нѣтъ вставки отъ словъ: «Того же лѣта приѣха въ Новгородъ» (VI, 130); подъ 1399, въ Льв. и Арх. нѣтъ: «во мѣстисловѣ» (VI, 130), но есть окончаніе послѣдней статьи этого года, начиная со словъ: «октября 25»; подъ 1400, въ Льв. и Арх. есть о побойцѣ Витовта съ Темиръ-Кутлумъ, при чемъ въ обоихъ «Въспытко краковскій» передѣланъ въ сотника, сытника Краковского; подъ 1408, въ Льв. и Арх. ошибочно ярославскіе вмѣсто рославскіе; недописанное «прія» въ Арх. сп. подъ 1437 г. (VI, 150) объясняется по Львовск. лѣтописи, гдѣ «пріятельствуя» (въ Новоіерус.: «при»); подъ 1453, въ Льв. и Арх. опущено суффиклія (VI, 180); подъ 1500, нѣтъ ни въ Льв., ни въ Арх. прибавки, читаемой въ Новоіер. сп. (VI, 243, прим. II) и т. д.

чѣмъ въ Софійской 2-й (напр. событія 1446 - 1453). Принимая же во вниманіе, что начало Львовской лѣтописи (до 1392 года) совершенно не сходно съ Софійскою 2-ю, при чемъ оно находится въ тѣсной связи съ послѣдующею частью, начинающеюся съ 1393 года, между тѣмъ какъ въ Софійской 2-й ясно видно соединеніе двухъ сводовъ — Софійской 1-й и другой еще лѣтописи, мы въ правѣ, отвергнувъ предположеніе о пользованіи со стороны Львовской лѣтописи редакціею 1518 года Софійской 2-й лѣтописи, допустить, что сама Софійская 2-я лѣтопись представляетъ соединеніе двухъ сводовъ: Софійской 1-й лѣтописи и Львовской (протографа этой лѣтописи). Слѣдовательно, протографъ Львовской лѣтописи оканчивался нѣкогда 1518 годомъ. Въ томъ же году или нѣсколько позднѣе составлена первая, основная редакція Софійской 2-й лѣтописи: положивъ въ основаніе свода списокъ Софійской 1-й лѣтописи, она дополнила его, начиная съ 1393 года, выписками и обширными заимствованіями изъ протографа Львовской лѣтописи, а также изъ другихъ (цѣлѣтописныхъ) памятниковъ. И такъ, изслѣдователь Софійской 2-й лѣтописи, въ части, слѣдующей за 1392 годомъ, открываетъ два лѣтописные источника: Софійскую 1-ю лѣтопись и протографъ Львовской, доведенной до 1518 года. Поэтому, выдѣливъ въ этой части все то, что восходитъ къ Львовской, онъ получитъ представленіе о составѣ второго источника — Софійской 1-й лѣтописи. Въ виду начатаго выше изслѣдованія о происхожденіи и редакціяхъ этой лѣтописи, укажу, по возможности кратко, на рядъ выводовъ, который при этомъ получается.

Подъ 1393 г. въ Софійской 2-й находимъ слѣдующія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Львовской: Махмутъ царевичъ взялъ Вятку; умеръ Борисъ Константиновичъ ¹⁾; великій князь Василій Дмитріевичъ ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ; Олегъ ходилъ къ Любутску, а Литва воевала рязанскую землю; вел. князь послалъ Владимира Андреевича и Юрія Дмитріевича ратью на Торжокъ — все эти извѣстія дословно выписаны изъ Софійской 1-й лѣтописи ²⁾. Подъ 1394 г. въ Львовской нѣтъ новгородскихъ извѣстій, заимствованныхъ въ Софійскую 2-ю изъ Софійской 1-й лѣтописи (VI, 124: Пріѣздилъ въ Новгородъ... изъ города Пскова). Подъ 1395 въ Софійской 2-й извѣстіе о Калочанѣ заимствовано изъ Софійской 1-й; его нѣтъ въ Львовской, гдѣ и остальные извѣстія этого года частью опущены, частью изложены сокращенно, кромѣ послѣднихъ двухъ извѣстій, цѣликомъ внесенныхъ и въ Софійскую 2-ю лѣтопись; и такъ, весь отрывокъ отъ словъ

1) Извѣстіе о смерти Бориса повторено подъ 1394 г. на основаніи Львовской лѣтописи.

2) Архивск. сп. не содержитъ въ себѣ разсказа 1393 г.; поэтому извѣстіе о кончинѣ Ивана Дмитріевича (VI, 123, прим. г), читаемое въ Новоіерус. спискѣ, могло попасть туда изъ особаго источника (вѣроятно, Русскаго Временника). Предыдущее извѣстіе о Челябинѣ изъ протографа Львовской.

«Приходилъ царь Калочапъ» до «землю рязанскую и отъидоша» внесены въ Софійскую 2-ю изъ Софійской 1-й (ср. VI, 128) ¹⁾. Подъ 1404 въ Софійской 2-й читаемъ о прибытіи Юрія Смоленскаго въ Новгородъ и о смерти Василя Суздальскаго: эти извѣстія, не находящіяся въ Львовской, заимствованы изъ Софійской 1-й. Подъ 1406 весь длинный разсказъ о погребеніи митрополита Кипріяна и его прощальная грамота внесены въ Софійскую 2-ю изъ Софійской 1-й, а въ Львовской всего этого нѣтъ. Подъ 1420 годоми первые два извѣстія о моровой язвѣ и о голодѣ заимствованы изъ Львовской; вслѣдъ за этимъ читаемъ: Свидригаило вернулся въ Литву, о войнѣ новгородцевъ съ нѣмцами. Далѣе подъ 1421 — о бурѣ въ Новгородѣ, о возвращеніи Константина Дмитріевича въ Москву, о возвращеніи Ярослава изъ Литвы, о кончинѣ новгородскаго архіепископа Семена, о голодѣ въ Новгородѣ, о поставленіи архіепископомъ Θεодосіа, затѣмъ сообщается вновь о моровой язвѣ ²⁾ и о послѣдовавшемъ затѣмъ голодѣ, о посѣщеніи Анастасією отца своего, великаго князя, въ Москвѣ и о выѣздѣ ея изъ Москвы за недѣлю до Рождества Христова. Наконецъ, подъ 1422 и 1423 годами — о смерти Анастасіи, о московскомъ пожарѣ 18 августа, о нападеніи Барака на Одоевъ ³⁾, о великомъ голодѣ ⁴⁾ и о женитьбѣ князя Юрія Ивановича. — Всѣхъ этихъ извѣстій нѣтъ въ Львовской лѣтописи: согласно выставленному выше положенію, мы должны найти ихъ въ Софійской 1-й лѣтописи, но оказывается, что только часть этихъ извѣстій содержится въ извѣстныхъ намъ спискахъ этой лѣтописи, а именно извѣстія 1422 и 1423 гг. (кроме женитьбы Юрія Ивановича). Но мы имѣемъ основаніе утверждать, что всѣ извѣстія 1420 и 1421 года должны были читаться въ Софійской 1-й лѣтописи и именно въ томъ видѣ, въ какомъ они читаются въ Софійской 2-й: дѣло въ томъ, что они содержатся въ почти дословно сходномъ видѣ въ Новгородской 4-й лѣтописи, а мы знаемъ изъ предшествующаго изслѣдованія, что Софійская 1-я лѣтопись основана на этой новгородской лѣтописи (въ одной изъ первоначальныхъ ея редакцій). Далѣе Софійская 2-я лѣтопись пользовалась спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, весьма близкимъ къ Толстовскому, до насъ дошедшему; но Толстовскій списокъ обрывается на серединѣ разсказа 1418 года; поэтому неизвѣстно, содержались ли въ этомъ и сходномъ съ нимъ спискѣ перечисленные выше событія 1419 и 1421 года: предыдущее же соображеніе указываетъ на необходимость этого. Наконецъ, если мы еще разъ обратимъ вниманіе на

1) Перечень ростовскихъ владыкъ, читасмый въ Новоіерус. сп. подъ 1396 г., не находится ни въ Львовской, ни въ Соф. 1-й; вѣроятно, онъ внесенъ изъ другого источника.

2) Ср. подъ 1420: мѣсяца сентября 8, почала быти болѣзнь коркотная, а подъ 1421: то же осени сентября 8 почла быти болѣзнь коркотная (VI, 141 и 142).

3) То же извѣстіе по Львовской приведено еще разъ ниже, подъ 1423 г. (VI, 142).

4) То же извѣстіе и ниже по Львовской (VI, 142).

окончаніе списковъ Карамзина и Оболенскаго, то замѣтимъ теперь очевидный пропускъ между извѣстіемъ о убіеніи Анфала 1418 г. и сообщеніемъ о смерти Анастасіи 1422 года (эти извѣстія слѣдуютъ въ Карамзинскомъ и Оболенск. непосредственно одно за другимъ); принявъ же во вниманіе, что, согласно предыдущему, въ Софійской 1-й лѣтописи должно было читаться сохранившееся теперь только въ Соф. 2-й лѣтописи извѣстіе о посѣщеніи Анастасіею великаго князя въ Москвѣ и о возвращеніи ея въ Звенигородъ, и что только вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ сообщалось о кончинѣ этой княгини, мы получаемъ основаніе утверждать, что въ оригиналѣ списковъ Карамзина и Оболенскаго опущенъ былъ по ошибкѣ¹⁾, послѣ извѣстія о смерти Анфала 1418 г., рядъ извѣстій 1419 - 1421 гг., вслѣдствіе чего извѣстіе 1422 года очутилось рядомъ съ извѣстіемъ 1418 г. и даже не отдѣлено отъ него словами: «въ лѣто 6930».

Этимъ путемъ намъ удастся подтвердить высказанное выше мнѣніе, что Софійская 1-я лѣтопись оканчивалась 1422-мъ годомъ и, очевидно, была составлена въ этомъ году. Въ основномъ спискѣ рѣзказъ шелъ непрерывно до 1422 года включительно, но событія 1419 - 1421 гг. изъ позднѣйшихъ списковъ сохранились только въ Толстовскомъ (утратившемъ потомъ свое окончаніе) и въ сходномъ съ нимъ (лежащемъ въ основаніи Софійской 2-й лѣтописи). Въ протографѣ списковъ Карамзина и Оболенскаго они опущены по несправности рукописи оригинала. Въ протографѣ же списковъ Бальзеровскаго, Царскаго и др. рѣзказъ о событіяхъ 1419 - 1421 гг. опущенъ потому²⁾, что они вообще сократили конецъ Софійской 1-й лѣтописи; ср. отсутствіе извѣстій подъ 1424, 1428, 1429, 1430 и др. годами въ этихъ спискахъ.

Толстовскій и сходный съ нимъ списки продолжались и за 1422 годъ: мы видѣли заимствованія изъ сходнаго съ Толстовскимъ списка въ Софійскую 2-ю лѣтопись подъ 1423 г. (голодь и женитьба Юрія Ивановича); подъ 1431 годомъ въ Софійской 2-й приведена прощальная грамота митрополита Фотія: въ виду того, что ея нѣтъ въ Львовской, естественно предположить, что она заимствована изъ Софійской 1-й; подъ 1440 находимъ краткое извѣстіе о возвращеніи Исидора изъ Рима: оно, очевидно, восходитъ къ Софійской 1-й (къ утраченному списку ея), такъ какъ его нѣтъ въ Львовской. Подъ 1446 - 1453 весь рѣзказъ о борьбѣ Василя Васильевича съ Шемякою изложенъ въ Софійской 2-й лѣтописи иначе, чѣмъ въ Львовской, и долженъ такимъ образомъ возводиться къ Софійской 1-й лѣтописи. Различіе между обѣими лѣтописями Льв. и Софійск. 2-й начинается

1) Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго списанъ оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго, недоставало одного листа, на которомъ и находились эти извѣстія.

2) Года 6927, 6928, 6929 приведены, но оставлены не заполненными (V, 262).

послѣ извѣстія о прибытіи великаго князя въ Переяславль (VI, 172, Льв. II, 336). Поэтому изъ Софійской 1-й лѣтописи надо выводить извѣстія Софійской 2-й о возвращеніи великаго князя въ Москву 17 ноября и о переговорахъ между Шемякою, Иваномъ Можайскимъ и Борисомъ Тверскимъ; оттуда же взяты подробности о захватѣ великаго князя въ Троицесергіевомъ монастырѣ и о его ослѣпленіи; о поимкѣ Шемякою сыновей Темнаго ¹⁾. Подъ слѣдующимъ годомъ въ Софійской 2-й лѣтописи гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Львовской, рассказывается объ отправленіи Василя Васильевича изъ Углича на Вологду, о бѣгствѣ его въ Тверь, о прибытіи къ нему Василя Ярославича и другихъ союзниковъ, о развязкѣ на Волокѣ Ламскомъ и о возвращеніи Темнаго въ Москву. Еще дальше одна отъ другой обѣ лѣтописи поды 1448 и 1449 гг. Подъ 1450 въ Софійской 2-й не находится цѣлаго ряда извѣстій, которыя читаются въ Львовской (напр. о закладкѣ каменной церкви Ховринымъ и каменной палаты митроп. Іоной, о буряхъ и грозахъ, разразившихся въ Москвѣ 5 августа и 13 іюля). Подъ 1451 въ Софійской 2-й содержится нѣсколько извѣстій, общихъ со Львовской, но другія взяты, очевидно, изъ Софійской 1-й. Подъ 1452 въ Софійской 2-й лѣтописи совершенно иное содержаніе, чѣмъ въ Львовской ²⁾ и, наконецъ, поды 1453 въ Софійской 2-й кратко передается о смерти Шемяки, между тѣмъ какъ въ Львовской рассказывается объ отравленіи его смертнымъ зелиемъ при посредствѣ Стефана Бородатаго. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ (VI, 180; Льв. II, 348), обѣ лѣтописи опять сходны и мнѣ не удалось найти указаній на пользованіе со стороны Софійской 2-й лѣтописи Софійскою 1-ю лѣтописью; въ общемъ, вплоть до 1480 года (рассказъ о походѣ на Угру), текстъ обѣихъ лѣтописей почти тождественъ ³⁾. Въ виду этого я думаю, что лѣтописный рассказъ того списка Софійской 1-й лѣтописи, которымъ пользовалась Софійская 2-я лѣтопись, доходилъ до 1453 года: имѣя же въ виду сдѣланное выше заключеніе о томъ, что списокъ этотъ (и сходный съ нимъ Толстовскій) составленъ въ 1446—1449 гг. (въ виду отсутствія въ родословной князя Бориса, рожденнаго въ 1449 году), я позволяю себѣ сдѣлать предположеніе, что рассматриваемая лѣтопись ве-

1) Напротивъ, въ Соф. 2-й лѣтописи опущены нѣкоторыя подробности, содержащіяся въ Львовской, напр. о томъ, какъ конюхъ Берестень ослѣпилъ вел. князя; не сказано, что Шемяка хотѣлъ потопить Ивана и Юрія Васильевичей въ Волгѣ, и др.

2) О походѣ Ивана Ивановича на Кокшенгу въ Львовской упоминается поды слѣдующимъ годомъ.

3) Поды 1460 въ Льв. нѣтъ сказаній о чудѣ св. Варлаама, о трусѣ 14 іюня — сочиненій Родіона Кожуха, поды 1462 нѣтъ сказаній объ исцѣлѣвшемъ у гроба Алексія митрополита хромцѣ, поды 1471 рассказъ о брани на Новгородѣ въ Льв. сокращенъ сравнительно съ Соф. 2-ю лѣт. и, вѣроятно, сравнительно съ протографомъ Львовской: ср. за этимъ пропускъ повѣсти поды заглавіемъ «Словеса избранна отъ св. писаній»... , хотя самое заглавіе сохранилось (III, 20).

лась современникомъ и, начатая до 1449 года, доведена имъ до событій 1453 года: обстоятельность записей 1446, 1447, 1450 гг. ясно доказываютъ, что онѣ принадлежатъ современнику.

Здѣсь кстати сказать о томъ, въ какомъ отношеніи находится Львовская лѣтопись къ Софійской 1-й. Въ всякаго сомнѣнія то, что одинъ изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи былъ однимъ изъ источниковъ Львовской; такъ, все повгородскія извѣстія ея, начиная съ самыхъ древнихъ, возводятся къ Софійской 1-й лѣтописи ¹⁾. Заимствованія изъ этого источника продолжаются и въ XV вѣкѣ, при чемъ они тѣсно переплетаются съ заимствованиями изъ другого уже знакомаго намъ источника — изъ Хронографа: вотъ почему въ результатѣ лѣтописный рассказъ Львовской лѣтописи, начиная приблизительно съ 1420 года, очень сходенъ со спискомъ Царскаго: оба памятника пользовались двумя тождественными источниками — Софійскою 1-ю лѣтописью и Хронографомъ; ср. напр. тождественные рассказы подъ 1423, 1429, 1430, 1431 и 1432, 1451 и т. д.; замѣчаемыя мѣстами различія объясняются неодинаковымъ пользованіемъ общими источниками. Такъ, въ списокѣ Царскаго два раза приводится извѣстіе о смерти Ивана Михайловича Тверскаго: одинъ разъ — подъ 1423 съ указаніемъ, что ему наследовалъ внукъ его Борисъ Александровичъ (это согласно съ извѣстіемъ Хронографа, ср. редакцію его 1512 г.), а другой разъ — подъ 1425 съ указаніемъ на вступленіе на тверской столъ Иванова сына Александра; въ Львовской лѣтописи мы читаемъ о смерти Ивана Михайловича съ подробностями, заимствованными изъ Софійской 1-й, но наследникомъ его, согласно съ Хронографомъ, названъ Борисъ. Подъ 1449 г. списокъ Царскаго, согласно съ Хронографомъ, говоритъ о вторженіи татаръ, набѣгъ которыхъ достигалъ р. Похры, причемъ они полонили нѣсколькихъ боярскихъ женъ; Львовская лѣтопись относитъ этотъ эпизодъ къ слѣдующему 1450 году и связываетъ его съ извѣстіемъ о вторженіи татаръ въ рязанскіе предѣлы и объ отраженіи ихъ Константиномъ Беззубцевымъ (извѣстіе заимствовано изъ Софійской 1-й лѣтописи). Въ виду того, что Львовская лѣтопись (а черезъ нее и Софійская 2-я) становится почти тождественною съ спискомъ Царскаго, Синод. спис. № 280 Новгородской 4-й лѣтописи и Отрывкомъ лѣтописи по Новоіерусалимскому списку только съ 1489 года, между тѣмъ какъ пользованіе общимъ со всеми этими списками источникомъ — Хронографомъ началось, какъ мы видѣли, гораздо раньше, я рѣшаюсь предположить, что одинъ изъ источниковъ Львовской лѣтописи оканчивался

1) Подъ 988 о крещеніи Новгорода, подъ 1061 о поставленіи архіепископа Стефана, подъ 1078 о поставленіи Германа, и т. д.

1488-мъ годомъ. Такимъ источникомъ, согласно всему предыдущему, могъ быть списокъ Софійской 1-й лѣтописи, доведенный до этого года. Хронографъ, какъ это видно изъ редакціи его 1512 года и изъ списковъ Царскаго и Синод. № 280, довольно кратко описывалъ борьбу Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ и Юрьевичами: въ Львовской она, какъ мы видѣли выше, описана довольно подробно; источникомъ разсказа Львовской могъ служить списокъ Соф. 1-й лѣтописи, подобно тому, какъ Софійск. 2-я лѣтопись излагаетъ событія 1446 - 1453 по другому списку той же лѣтописи. Событія 1482 - 1488 разсказаны въ Хронографѣ довольно кратко: въ Львовской они изложены очень подробно и заимствованы, слѣдовательно, изъ другого источника. Нашествіе Ахмата въ 1480 году разсказывается въ Львовской вообще согласно съ Хронографомъ, но кое-что дополнено здѣсь на основаніи другого источника, которымъ могъ быть списокъ Софійской 1-й лѣтописи: начиная со словъ «И ужасъ найде на нь и восхотѣ бѣжати отъ брегу, а свою великую княгиню римлянку и казну съ нею посла на Бѣлоозеро», видимъ въ Львовской (VII, 145) вставку (перешедшую и въ Софійск. 2-ю, ср. VI, 224), сравнительно съ разсказомъ Хронографа (IV, 154), содержащую между прочимъ и длинное посланіе Вассіана; вставка оканчивается словами: «онъ же смирился съ ними и даде князю Андрею Можайскъ, а князю Борису села Ярославичевы всѣ дѣляриые» (Льв. III, 173; Софійск. 2-я, VI, 232), послѣ чего опять находимъ текстъ, сходный съ Хронографомъ: «Царь же бѣжа никимъ же гонымъ по Литовской землѣ» (Льв. III, 173). Изъ того же источника заимствованъ въ Львовскую лѣтопись, очевидно, и лѣтописный разсказъ 1481 г., гдѣ между прочимъ находятся разсмотрѣнныя г. Тихомировымъ три вставки (стр. 35), оканчивающіяся каждая словомъ «аминь»: часть вставокъ неумѣстна въ Львовской (и Софійской 2-й лѣтоп.); это зависѣло отъ того, что разсказъ 2-го источника Софійской 1-й лѣтописи съ продолженіями былъ внесенъ въ Львовскую лѣтопись не цѣликомъ, а отдѣльными отрывками и статьями, вставленными въ текстъ другого источника — Хронографа.

Все вышеизложенное приводитъ меня къ слѣдующимъ выводамъ относительно происхожденія Софійской 1-й лѣтописи и различныхъ ея редакцій ¹⁾. Софійская 1-я лѣтопись — это московскій лѣтописный сводъ, составленный въ 1422 году. Основной списокъ ея не дошелъ до насъ, но наиболее точно передаетъ его оригиналь списковъ Карамзина и Оболенскаго, гдѣ, однако, вслѣдствіе неисправности рукописи, были опущены (вы-

1) Часть выводовъ была изложена выше, но повторю ихъ для ясности еще разъ.

рваны въ немъ самомъ, пли въ его протографѣ) два листа или листъ, содержащій рассказъ о событіяхъ 1419 - 1422 г.; поэтому до насъ сохранилось въ Карамз. и Оболен. списк. только два извѣстія 1422 г. и ни одного извѣстія предшествующихъ трехъ годовъ; оригиналь списковъ Карамзина и Оболенскаго писанъ въ 1431 - 1440 гг. — Другой списокъ былъ сдѣланъ въ 1446 - 1449 году и продолженъ лѣтописнымъ рассказомъ о современныхъ событіяхъ приблизительно до 1453 года: списокъ Толстовскій и тотъ списокъ, который лежитъ въ основаніи Софійской 2-й лѣтописи, оказываются копіями съ него. — Сокращеніемъ этой редакціи должна быть признана редакція, доведенная до 1460 года и дополненная лѣтописными замѣтками 1464 и 1468 года, а также приписками 1462 года и прибавленіемъ повѣсти о взятіи Новгорода 1471 года: сюда относится Бальзеровскій списокъ. Имъ или другимъ подобнымъ спискомъ воспользовался составитель списка Царскаго, соединившій его извѣстія съ рассказомъ Хронографа редакціи 1508 года. — Наконецъ, основной списокъ Софійской 1-й лѣтописи подвергся еще особой сокращенной редакціи (сокращенной въ основной части), дополнившей ее лѣтописнымъ рассказомъ, обнимающимъ событія XV вѣка и доведеннымъ до 1488 года: этотъ списокъ послужилъ источникомъ Львовской лѣтописи, соединившей его съ заимствованіями изъ Хронографа редакціи 1508 года.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ, я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о лѣтописяхъ XV и начала XVI вѣка. Пока намъ удалось опредѣлить два типа этихъ лѣтописей: это, съ одной стороны, Софійская 1-я лѣтопись, извѣстная въ различныхъ редакціяхъ, доводившихъ лѣтописный рассказъ частью до середины XV в., а частью почти до конца его; съ другой стороны, Хронографъ, гдѣ рассказъ доходилъ до 1506 и до 1508 года. Рядомъ съ этимъ простымъ видомъ существовали сложные, представлявшіе разныя комбинаціи между редакціями Софійской 1-й лѣтописи и Хронографа: таковы своды, какъ списокъ Царскаго или какъ Львовская лѣтопись; еще болѣе сложный видъ — это Софійская 2-я лѣтопись, гдѣ съ Софійской 1-й скомбинированъ не Хронографъ, а Львовская лѣтопись (въ древнѣйшей ея редакціи), сама представляющая комбинацію Хронографа съ Софійской же 1-й лѣтописью.

И такъ, древнѣйшими и основными видами московскихъ сводовъ XV в. оказываются Софійская 1-я лѣтопись и Хронографъ. Возстановить основной видъ этихъ памятниковъ, указать ихъ источники — вотъ задачи, которыя предстоятъ изслѣдователямъ. Вопросы объ источникахъ Софійской 1-й лѣтописи были затронуты уже выше — мы видѣли, что главнымъ и основ-

нымъ источникомъ ея была Новгородская 4-я лѣтопись. Болѣе сложныя вопросы объ источникахъ Хронографа, такъ какъ онъ не дошелъ до насъ цѣликомъ ни въ первоначальномъ своемъ видѣ, ни даже въ позднѣйшихъ редакціяхъ (мы видѣли, что Русскій Временникъ въ части до 1479 г. дополнилъ его по другимъ источникамъ). Но не подлежитъ сомнѣнію въ томъ, что однимъ изъ его источниковъ была та же Новгородская 4-я лѣтопись, которою пользовался составитель 1-й Софійской лѣтописи. Такъ, подъ 1415 годомъ мы находимъ въ Хронографѣ (ср. Хронографъ редакціи 1512 г.) слѣдующее извѣстіе: «въ лѣто 6923 у гроба Петра чудотворца бысть чудо: у челоуѣка нога прикорчена исцѣлѣ марта въ 9, а въ 15-й день марта же у черницы руцѣ сухи и прикорчены исцѣлѣ». То же извѣстіе подъ 6924 годомъ ¹⁾ читаемъ въ Софійской 1-й лѣтописи, но исцѣленіе хромого отнесено къ 12 марту, а исцѣленіе сухорукой къ 15-му. Разницу въ числахъ можно объяснить только въ томъ случаѣ, если предположить, что это извѣстіе самостоятельно заимствовано, какъ составителемъ Хронографа, такъ и составителемъ Софійской 1-й лѣтописи изъ Новгородской 4-й лѣтописи, гдѣ мы читаемъ подъ 1415 годомъ: «той зимы, февраля 23, въ недѣлю мясопустную, поѣха Самсонъ къ митрополиту ставиться владыкою, а съ нимъ послы новгородскыи ...и приѣха на Москву въ лѣто 6924, марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ въ понедѣльникъ, а в четвертокъ той недѣли 12 день, простилъ Богъ въ церкви святѣй Богородици, у гроба Петра митрополита: у челоуѣка нога прикоръчена исцѣлѣ; а в недѣлю 2-ю поста, въ 15, у черницѣ руцѣ исцѣлѣша». Ясно, что составитель Софійской 1-й лѣтописи правильно отнесъ чудеса у гроба Петра чудотворца къ 12 и 15 марта; ясно также, что составитель Хронографа день прибытія въ Москву Самсона принялъ за день исцѣленія хромого ²⁾. Въ виду этого, а также цѣлаго ряда общихъ мѣстъ между Хронографомъ и Новгородскою 4-ю лѣтописью, я не сомнѣваюсь въ томъ, что послѣдняя была однимъ изъ источниковъ Хронографа. Составитель Хронографа не зналъ Софійской 1-й лѣтописи, и если тѣмъ не менѣе мы найдемъ у него извѣстія, общія съ этою лѣтописью и отсутствующія въ Новгородской 4-й (напр., подъ 1413 о явленіи Колоческой Божьей Матери, подъ 1417 о кончинѣ старшаго сына Василія Дмитріевича, Ивана и др.), то это надо объяснять такъ, что — Хронографъ и Софійская 1-я лѣтопись пользовались другими общими источниками. Я думаю, что вторымъ основнымъ источникомъ Хронографа была Ростов-

1) Хронографъ систематически придерживается сентябрьскаго года, вопреки Софійской 1-й лѣтописи, знающей мартовскій годъ.

2) Въ Воскр. лѣтописи находимъ 9 и 15 марта на основаніи, очевидно, Русск. Вр. (Хронографа). Въ Львов. и Софійской 2-й — комбинаціи Софійской 1-й съ Хронографомъ: поэтому здѣсь подъ 12 объ исцѣленіи хромого, подъ 15 объ исцѣленіи руки (рука исцѣлѣ), а подъ 9 мая (вм. марта) объ исцѣленіи сухорукой черницы (VI, 140).

ская лѣтопись, составленная, повидимому, въ 1419 году и оканчивавшаяся извѣстіемъ объ избраніи Діонисія епископомъ Ростову и Ярославу, а можетъ быть, и извѣстіемъ (не ростовскимъ) 1419 года о кончинѣ супруги Константина Дмитріевича, Анастасія¹⁾. Ростовская лѣтопись представляла изъ себя краткое извлеченіе изъ другихъ лѣтописныхъ сводовъ, и при этомъ существенную часть ея составляли выборки изъ московской лѣтописи: думаю, что не ошибусь, указавъ, что источникомъ Ростовской лѣтописи 1419 года была такъ называемая Троицкая лѣтопись 1409 г. Такъ, напримѣръ, извѣстіе о прибытіи митрополита Кипріяна съ двумя греческими митрополитами и нѣсколькими епископами (Сузд.-Акад. подъ 1389, а въ Хроногр. ред. 1512 сокращенно) возводится, какъ видно изъ И. Г. Р., т. V, прим. 232, къ Троицкой лѣтописи; рассказъ о Едигеевомъ нашествіи 1409 г. (ср. Сузд.-Акад. и Хроногр. ред. 1512 г. подъ 1408) также читался въ Троицкой лѣтописи (И. Г. Р., т. V, прим. 205); подъ 1415 г. въ Хронографѣ (ср. списокъ Царскаго и Хроногр. ред. 1512 г.) говорилось о взятіи Витовтомъ Одоева: то же читалось и въ Троицк. лѣтописи (И. Г. Р., т. V, прим. 199); подъ 1395 въ Хронографѣ рассказывалось о взятіи Семеномъ Суздальскимъ Нижняго Новгорода и о походѣ Юрія Дмитріевича на болгарскую землю: то же повѣствовалось (хотя и подъ другимъ годомъ, 1399-мъ) въ Троицк. лѣтоп. (И. Г. Р., т. V, прим. 176) и т. д. Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о составѣ Ростовской лѣтописи 1419 года, а пока замѣчу, что начало русскихъ статей Хронографа, гдѣ рассказываются событія IX—XI вѣка, цѣликомъ заимствовано изъ этой лѣтописи: вотъ почему мы найдемъ здѣсь такъ много сходнаго съ лѣтописью Аврамки и съ Синод. сп. № 154, которыя представляются соединеніемъ Новгородской 4-й лѣтописи съ Ростовскою лѣтописью 1419 г. Этими немногими замѣчаніями я заканчиваю свое изслѣдованіе о московскихъ лѣтописныхъ сводахъ XV вѣка.

III.

Въ этой главѣ я остановлюсь на вопросахъ о времени происхожденія и составѣ древнѣйшаго московскаго лѣтописнаго свода.

Г. Тихомировъ, какъ я сказалъ уже выше, правильно отдѣлилъ Новгородскую 4-ю лѣтопись отъ московскихъ сводовъ, признавъ ее, очевидно, сводомъ новгородскимъ. Но тѣмъ важнѣе было бы для него объяснить,

1) Этимъ извѣстіемъ оканчивается Академическій списокъ Суздальской лѣтописи, который я признаю въ части послѣ 1238 года сокращеніемъ Ростовской лѣтописи 1419 г. Передъ этой частью находимъ часть 1205—1238, заимствованную изъ Софійск. 1-й лѣтописи, и часть отъ начала Повѣсти вр. лѣтъ до 1206 года, восходящую къ Суздальскому своду 1206 г. (ср. Радзивиловскій списокъ).

какъ и откуда могли попасть въ нее московскія извѣстiя. Извѣстiя эти восходятъ къ XIV-му в. и начинаются почти тамъ же, гдѣ въ московскихъ сводахъ, разсмотрѣнныхъ г. Тихомировымъ. Такъ, подъ 1326 годомъ читаемъ о рожденiи у Ивана Даниловича сына Ивана; подъ 1329 объ основанiи въ Москвѣ двухъ церквей Іоанна Лѣствичника и Петра апостола, подъ 1330 объ основанiи церкви св. Спаса, подъ 1334 объ основанiи церкви св. Архангела Михаила, подъ 1340 о походѣ московской рати Ивана Даниловича подъ Смоленскъ (ср. Тихомировъ, стр. 7, прим. 7), подъ 1348 о рожденiи сына Данила у Семсна Ивановича, подъ 1351 о походѣ Семена на Смоленскъ, подъ 1353 о смерти князя Андрея Ивановича (а о его рожденiи подъ 1327 г. читается не во всѣхъ спискахъ) и о рожденiи сына Владимира у Семена Ивановича, подъ 1364 о смерти Ивана Ивановича малаго, подъ 1380 о Мамаевомъ побоищѣ, подъ 1382 о плѣнснiи и о прихоженiи Тахтамышца царя и о Московскомъ взятiи и др.

Предыдущее изслѣдованiе о Софiйской 1-й лѣтописи показало, что она, дѣйствительно, «представляетъ изъ себя сокращенную Новгородскую лѣтопись» (Тихомировъ, 78) и при томъ именно Новгородскую 4-ю лѣтопись. Выписки изъ новгородскихъ лѣтонисей, какъ отмѣтилъ г. Тихомировъ, доходятъ только до 1419 г., хотя въ основномъ спискѣ Софiйской 1-й лѣтописи, какъ это доказываетъ изслѣдованiе Софiйской 2-й лѣтописи, онѣ доходили до 1421 года. Имѣя въ виду, что Софiйская 1-я лѣтопись составлена въ Москвѣ въ 1422 году, мы необходимо должны заключить, что лежащая въ ея основанiи Новгородская 4-я лѣтопись оканчивалась 1421 годомъ, составлена, слѣдовательно, именно въ этомъ году. Дошедшіе до насъ списки Новгородской 4-й лѣтописи — всѣ, кромѣ двухъ (о которыхъ скажу ниже), ясно показываютъ, что общій оригиналъ ихъ доводилъ лѣтописный рассказъ до 1447 года; начиная съ конца замѣтокъ этого года, видимъ, что списки, бывшіе до того сходны, даже почти тождественны между собою, начинаютъ несходствовать: между ними одинъ — Публичн. библ. прекращается совсѣмъ подъ 1448-мъ годомъ, а остальные списки представляютъ разнообразныя продолженiя; такъ, въ Строевскомъ и Синодальномъ № 152 продолжается новгородская лѣтопись, въ Академическомъ и Синодальномъ № 280 съ 1447 года начинается московская лѣтопись, въ Погод. № 1404 а, № 1402, Акад. № 391(3) и нѣкоторыхъ другихъ, до 1447 года сходныхъ съ Синодальнымъ № 280, съ 1447 года начинается московская лѣтопись (ср. IV, стр. 213). Отсюда ясно, что передъ нами не та редакція Новгородской 4-й лѣтописи, которая лежитъ въ основанiи Софiйской 1-й. Но косвенное указанiе на то, что первоначально Новгородская 4-я лѣтопись оканчивалась именно 1421 годомъ, можно найти въ другой новгородской лѣтописи — Новгородской 1-й. Сравнивая лѣтописный рассказъ до 1421 года

съ разсказомъ послѣ этого года, мы видимъ между тѣмъ и другимъ большое различіе: до этого года находимъ длинныя погодныя записи, обнимающія иногда двѣ и три страницы печатнаго текста; но уже подѣ 1423 годомъ (1422 годъ соединенъ съ предыдущимъ) находимъ замѣтку въ двѣ строки, подѣ 1426, 1427, 1431 сообщаемыя извѣстія умѣщаются также на двухъ-трехъ строкахъ; только, начиная съ 1434 года (и до 1443 - 1446 года, гдѣ оканчивается Новгородская 1-я лѣтопись), разсказъ становится опять обширнѣе и подробнѣе. Думаю, что отсюда необходимо заключить о томъ, что событія послѣ 1421 года были описаны не современникомъ, и что они приписаны къ своду какой-то Новгородской лѣтописи, прекратившемуся на 1421 году ¹⁾. Если принять во вниманіе тѣсную зависимость между Новгородскою 1-ю и 4-ю лѣтописями, мы съ увѣренностью можемъ говорить, что такую лѣтописью и была одна изъ первоначальныхъ редакцій Новгородской 4-й лѣтописи. Слѣдовательно, Новгородская 1-я лѣтопись заимствовала изъ Новгородской 4-й разсказъ о событіяхъ до 1421 года. Но опредѣляя годъ, съ котораго могло бы идти такое заимствованіе, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ интереснымъ для насъ обстоятельствомъ. Одинъ изъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи—Синодальный № 280, только начиная съ 1406 года, тождественъ съ другими списками; отъ 1384 до 1406 онъ представляетъ совершенно отдѣльный текстъ, на столько отличный отъ другихъ списковъ, что издателямъ IV т. П. С. Р. Л. пришлось напечатать его отдѣльно (стр. 138 - 145); напротивъ, въ части до 1384-го мы опять видимъ полное совпаденіе Синодальнаго № 280 съ другими списками Новгородской 4-й лѣтописи. При этомъ оказывается, что въ части 1384—1404 года Синод. № 280 гораздо ближе къ Новгородской 1-й лѣтописи ²⁾, чѣмъ къ прочимъ спискамъ этой лѣтописи, а также, что эти другіе списки не такъ сходны въ этой части съ Новгородскою 1-ю лѣтописью, какъ списокъ Синодальный № 280. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ясно, что часть 1384—1404 года въ другихъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи основана именно на томъ текстѣ, который читается въ Синод. № 280, при чемъ текстъ этотъ дополненъ и измѣненъ по нѣкоторымъ другимъ новгородскимъ и новгородскимъ источникамъ. Вотъ почему мы найдемъ здѣсь нѣ-

1) Замѣчательно, что списокъ посадниковъ, помѣщенный подѣ 988 г., оканчивается во всѣхъ спискахъ Новгор. 1-й лѣтописи Тимошеемъ Васильевичемъ, упоминаемымъ подѣ 1421 г. (имена остальныхъ въ Акад. списокѣ приписаны другой рукой).

2) Въ Синод. № 280 въ части 1384—1404 встрѣчаемъ только нѣсколько извѣстій, отсутствующихъ въ Новг. 1-й: 1385, о пріѣздѣ въ Новгородъ Стефана Пермскаго и объ основаніи церкви въ Радоковичахъ; 1390, о морѣ въ Новгородѣ; 1398, о битвѣ Якова съ Анфаломъ, 1400, о пожарѣ на Владычнемъ берегу, 1402, о построеніи церкви на Видошоцѣ въ общемъ монастырѣ, 1404, о подписаніи церкви на Лисичь горкѣ, подробности о пожарѣ, случившемся въ Образовъ день, объ освобожденіи архіепа. Іоанна изъ московскаго заточенія и нѣк. др.

сколько общихъ извѣстій, отсутствующихъ въ Новгородской 1-й лѣтописи: такъ, во всѣхъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1385 говорится о приѣздѣ въ Новгородъ Стефана Пермскаго (IV, 94 и 138), подъ 1388 о взятіи татарами Переяславля (IV, 96 и 139), подъ 1390 о поставленіи церкви Константина и Елены на Росткииѣ улицѣ (IV, 97 и 139), подъ 1399 о кончинѣ Романа Юрьевича (похороненнаго въ Порховѣ, по Синод. № 280 у святаго Николы, а по другимъ спискамъ у святаго Спаса, IV, 103 и 143) и т. д. — Разсматривая лѣтописный рассказъ 1404 года по всѣмъ спискамъ Новгор. 4-й лѣтописи (кромѣ Синод. № 280 и сходныхъ съ нимъ Погод. № 1404а и др.), мы видимъ, что въ началѣ этого года помѣщено извѣстіе о неудачной осадѣ Витовтомъ Смоленска, подъ которымъ онъ безуспѣшно простоялъ три мѣсяца: это извѣстіе нѣсколько сокращенно (не названы союзники Витовта, Симеонъ Ольгердовичъ и Свидригайло) читается и въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ (IV, 106 и Новгор. 1-я, стр. 393); если его нѣтъ въ Синод. № 280, то это, конечно, должно объяснять простымъ пропускомъ (ср. IV, 144). Велѣдъ за этимъ въ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи читаемъ о томъ, какъ Юрій (по удаленіи Витовта) отправился въ Москву искать защиты и покровительства у Василя Дмитріевича, какъ въ это время измѣнники предали Смоленскъ литовскому князю, и какъ Юрій, услышавъ объ этомъ, поѣхалъ въ Новгородъ съ сыномъ Ѳеодоромъ и съ князьями Семеномъ и Владимиромъ Вяземскими; новгородцы приняли бѣглеца и дали ему 13 городовъ, тутъ же перечисленныхъ въ лѣтописи; Юрій цѣловалъ Новгороду крестъ, а посадники цѣловали ему крестъ. Тѣ же извѣстія читаются нѣсколько сокращенно (не сказано, съ кѣмъ прибылъ Юрій въ Новгородъ, и опущено, что новгородцы дали ему 13 городовъ, и что союзъ его съ Новгородомъ былъ закрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ) въ Новг. 1-й лѣтописи. Но совершенно одинаково съ остальными списками они изложены въ Синод. № 280. За этимъ въ спискахъ Новг. 4-й лѣтоп. слѣдуютъ два мѣстныхъ новгородскія извѣстія, а потомъ со словъ: «А Витовтъ съ Ольгердовичи, съ Корибутомъ, и съ Лугвелемъ, и съ Свѣтригайломъ, и съ всею силою прииде ратью къ Смоленску», мы читаемъ тѣ же событія, которыя были только что изложены, при чемъ, однако, въ концѣ они переданы гораздо короче: Юрію съ сыномъ Ѳеодоромъ бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ, «я тамо новгородци приѣша его съ мпромъ». Въ Новгородской 1-й лѣтописи мы не находимъ этого второго рассказа о смоленскихъ событіяхъ, но въ Синод. № 280 онъ есть, при чемъ, однако, передъ нимъ читается: «съ другого съ старого» (IV, 145, прим. а) ¹⁾. Имѣя въ виду, что именно съ этого мѣста начинается полное сходство Синод.

1) Тѣ же слова (а и съ другого старого) въ лѣтописи Аврамки и въ Синод. № 154 (Кирилло-бѣлоз.).

№ 280 съ другими списками Новгородской 4-й лѣтописи, эту замѣтку надо понимать какъ указаніе на то, что составитель списка обратился къ другому списку, другой лѣтописи; слѣдовательно, въ его распоряженіи былъ, съ одной стороны, такой списокъ лѣтописи, гдѣ о смоленскомъ взятѣ говорилось только одинъ разъ, а съ другой, списокъ, гдѣ о томъ же событѣ рассказывалось именно такъ, какъ оно передано во второмъ рассказѣ. Выше, разсматривая отношеніе Синод. № 280 къ Академическому списку Новгородской 4-й лѣтописи, я вывелъ заключеніе, что Синод. № 280 составленъ по двумъ спискамъ Новгородской 4-й лѣтописи, изъ которыхъ одинъ былъ протографомъ Академическаго списка; при этомъ я доказывалъ, что къ этому протографу восходитъ часть 1447 - 1496 года. Въ виду этого, я думаю, что пользованіе протографомъ Академическаго списка начиналось съ того мѣста, гдѣ составитель списка далъ намъ указаніе на переходъ къ другому источнику, т. е. съ 1404 года, со второго рассказа о смоленскомъ взятѣ. Онъ обратился ко второму источнику, вѣроятно, потому, что дошелъ до конца своего перваго источника, т. е. потому, что первый источникъ оканчивался 1404 годомъ, на первомъ рассказѣ о смоленскомъ взятѣ. Такимъ путемъ мы приходимъ къ возстановленію двухъ редакцій Новгородской 4-й лѣтописи: первая оканчивалась, какъ мы видимъ, 1447 годомъ, а вторая 1404-мъ. Опредѣляя отношеніе второй редакціи къ первой, мы прежде всего должны имѣть въ виду сдѣланное выше заключеніе о существованіи такой редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, которая оканчивалась 1421 годомъ. Слѣдовательно, редакція 1447-го года восходитъ непосредственно къ редакціи 1421 года, а уже эта редакція, т. е. та часть всѣхъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, кромѣ Синод. № 280, которая доходитъ до 1422 года, можетъ быть поставлена въ ближайшія отношенія къ редакціи 1404 года. Сравнивая эти обѣ редакціи, мы видимъ, что до 1384 года включительно онѣ сходны между собою, въ части же отъ 1384—1385 года различны. Это неминуемо ведетъ насъ къ заключенію, что первоначальная редакція Новгородской 4-й лѣтописи доходила до 1384 года. Эта редакція породила нѣсколько списковъ, продолжившихъ лѣтописный рассказъ: одинъ изъ такихъ списковъ оканчивался 1404-мъ годомъ и легъ въ основаніе Синодальнаго списка № 280. Имъ же воспользовался редакторъ 1421 года, но въ распоряженіи этого редактора былъ, очевидно, и другой еще списокъ новгородской лѣтописи, списокъ, содержавшій также событія послѣ 1384 года, въ иномъ однако изложеніи и въ иномъ составѣ, чѣмъ списокъ, оканчивавшійся 1404 годомъ¹⁾: въ виду того, что никакихъ

1) Такъ, въ этомъ списокѣ пожаръ 14 июля 1385 г. былъ подробнѣе описанъ, чѣмъ въ другомъ; подъ 1384 говорилось объ усобной рати въ Новгородѣ, совершенно упущенной изъ вниманія другимъ спискомъ (IV, стр. 90, прим. i); подъ 1386 гораздо подробнѣе, чѣмъ въ

заимствованіи изъ него въ части до 1384 года не замѣчается, мы въ правѣ предположить, что этотъ списокъ новгородской лѣтописи былъ также спискомъ редакціи 1384 года, продолжившимъ лѣтописный рассказъ, можетъ быть, до второго десятилѣтія XV вѣка. Кромѣ двухъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, положенныхъ въ основаніе свода, редакторъ 1421 года пользовался и другими лѣтописными источниками, каковы, напримѣръ, Ростовская лѣтопись, та самая лѣтопись 1419 г., о которой мы говорили выше, какъ объ источникѣ Хронографа¹⁾, и Тверская лѣтопись, доведенная, повидимому, до 1409 года и оканчивавшаяся рассказомъ о кончинѣ Тверского владыки Арсенія²⁾, хотя миѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что тверскія извѣстія попали въ редакцію 1421 года путемъ того же ростовскаго свода 1419 года. Два источника — новгородскій и неновгородскій, которыми пользовался составитель редакціи 1421 года, особенно ясно сказались на разсмотрѣнномъ нами выше лѣтописномъ рассказѣ 1404 года. Сначала о смоленскомъ взятіи рассказано по новгородскому источнику, т. е. по списку 1404 года; встрѣтивъ тотъ же рассказъ въ своемъ неновгородскомъ источникѣ — вѣроятно, именно въ Ростовской лѣтописи 1419 года, составитель редакціи 1421 года списалъ и его. И такъ, мы находимъ объясненіе, какимъ образомъ одни и тѣ же событія рассказаны два раза подъ 1404 годомъ въ Новгородской 4-й лѣтописи. Важнѣйшимъ выводомъ изъ всего предыдущаго изслѣдованія надо признавать существованіе уже въ 1384 году основной редакціи Новгородской 4-й лѣтописи. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу объ отношеніи этого свода 1384 года къ московскимъ лѣтописямъ, откуда въ него былъ сдѣланъ рядъ заимствованій (ср. перечисленные выше московскія извѣстія XIV вѣка), я еще разъ изложу

другомъ спискѣ, рассказывалось о походѣ Дмитрія Ивановича на Новгородъ; подъ 1390 весьма обстоятельно описывался моръ въ Новгородѣ, о которомъ въ другомъ спискѣ сказано въ шести словахъ; подъ 1399 говорилось о постройкѣ церкви св. Покрова владыкою Ивановою, что опущено въ другомъ спискѣ и т. д.

1) Изъ Ростовской лѣтописи 1419 года внесенъ, напр., подъ 1396 годомъ перечень ростовскихъ владыкъ, оканчивающійся въ одномъ изъ древнѣйшихъ (хотя и нѣсколько сокращенномъ) списковъ Новгородской 4-й лѣтописи — Карамзинскомъ (см. о немъ въ предисловіи къ изданію Псковской 1-й лѣтописи, IV, стр. 170) *Григоріемъ*, бывшимъ епископомъ отъ 1396 до 1416 года. (Въ редакціи 1447 года прибавлены еще имена Діонисія и Ефрема, скончавшагося въ 1454 г., а начиная съ 1449 года, бывшаго уже не епископомъ, какъ онъ названъ въ перечнѣ, а архіепископомъ). Оттуда же заимствовано извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, изложенное въ редакціи 1421 года, какъ это видно изъ списковъ Карамзина и Оболенскаго Софійской 1-й лѣтописи (V, 257), гораздо подробнѣе, чѣмъ въ редакціи 1447 (ср. IV, 110).

2) Изъ Тверской лѣтописи внесена повѣсть о преставленіи князя Михаила Александровича; подъ 1403 объ усобицахъ тверскихъ князей, подъ 1409 г. повѣсть о преставленіи Арсенія. Ниже, разсматривая изслѣдованіе г. Тихомрова о Тверской лѣтописи, я попыталась доказать, что Ростовскій сводъ 1419 года уже содержалъ тверскія извѣстія конца XIV и начала XV вѣка.

въ краткихъ словахъ главнѣйшіе моменты литературной исторіи Новгородской 4-й лѣтописи. Въ 1384 году возникъ основной сводъ этой лѣтописи. Онъ легъ въ основаніе двухъ списковъ: А, продолжившаго лѣтописный рассказъ о новгородскихъ событіяхъ до 1404 года, и Б, продолжившаго тотъ же рассказъ, повидимому, и дальне, можетъ быть, до второго или середины второго десятилѣтія XV вѣка. Въ 1421 году составлена новая редакція Новгородской 4-й лѣтописи: положивъ въ основаніе списокъ Б, она дополнила его въ части отъ 1384—1404 (гдѣ Б разнился съ А) по списку А, а въ части отъ 1384 до 1421 года заимствованиями изъ Ростовскаго лѣтописнаго свода 1419 года и самостоятельными лѣтописными замѣтками. Въ части до 1384 года редакторомъ, на основаніи новыхъ источниковъ (и вѣроятно, опять-таки Ростовскаго свода 1419 года), сдѣлано лишь немного измѣненій и нѣсколько вставокъ: къ числу такихъ вставокъ принадлежитъ, повидимому, повѣсть «О плѣненіи и о приходе Тахтамышя царя и о Московскомъ взятіи» (IV, 84-90). Что эта статья *вставлена* въ первоначальную редакцію Новгородской 4-й лѣтописи, видно изъ того, что послѣ нея повторяются тѣ же извѣстія 1382 года, которыя были изложены передъ ней (ср. IV, стр. 90, прим. ж). вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получаемъ любопытное указаніе на то, что въ основаніе редакціи 1421 года былъ положенъ именно списокъ Б (ср. выше): дѣло въ томъ, что въ числѣ извѣстій 1382 года (помѣщенныхъ до статьи о Тахтамышѣ и послѣ нея) во всѣхъ спискахъ, кромѣ Синод. № 280, читается: «преставился михаило, отецъ матѣвевъ». Это извѣстіе принадлежитъ къ ряду сходныхъ извѣстій, помѣщенныхъ подъ 1375, 1382, 1405, 1406 и 1411 гг., гдѣ, начиная съ рожденія Матвѣя Михайлова ¹⁾, говорится о смерти его отца, затѣмъ о смерти его матери, о его бракѣ и о рожденіи у него сына Кипріяна ²⁾. Очевидно, они попали въ редакцію 1421 года именно изъ списка Б: иначе, т. е., будь они внесены изъ списка А, они не могли бы переходить за 1404 годъ; если же они внесены редакторомъ 1421 года, т. е. тѣмъ самымъ лицомъ, которое внесло въ Новгородскую 4-ю лѣтопись повѣсть о Тахтамышѣ, мы не могли бы ожидать повторенія замѣтки о смерти Михаила, отца Матвѣева, до и послѣ этой повѣсти. А отсюда слѣдуетъ, что списокъ Б содержалъ лѣтописный рассказъ, доходившій по крайней мѣрѣ до 1411 года (ср. подъ этимъ годомъ замѣтку о рожденіи у Матвѣя сына Кипріяна). Редакція 1421 года не дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, но мы легко можемъ возстановить ея составъ на основаніи сравнительнаго изуче-

1) На то, что Матвѣй Михайловъ былъ, вѣроятно, *лѣтописцемъ*, обратилъ мое вниманіе Н. П. Лихачевъ.

2) Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій (а именно 1405, 1406, 1411 гг.) содержатся только въ Толстовскомъ спискѣ.

нія списковъ редакціи 1447 года съ списками Софійской 1-й лѣтописи, а также на основаніи упомянутаго уже выше, въ примѣчаніи на с. 159, Карамзинскаго списка. Этотъ памятникъ, о которомъ пока извѣстно очень мало (о немъ находится только упоминаніе въ IV т., стр. 170), заслуживалъ бы подробнаго описанія и систематическаго сравненія съ другими списками Новг. 4-й лѣтописи. Представляя эту лѣтопись приблизительно до конца XII вѣка въ сокращенномъ видѣ, онъ становится затѣмъ почти вполне сходнымъ съ другими списками и оканчивается 1411-мъ годомъ (очевидно, опустивъ событія 1412—1421 гг.): бѣльшая древность его, сравнительно со списками редакціи 1447 года, доказывается цѣлымъ рядомъ мѣстъ. Кромѣ приведеннаго уже выше перечня ростовскихъ владыкъ, оканчивающагося не Ефремомъ, какъ въ редакціи 1447 года, а Григоріемъ, согласно съ тѣмъ первоисточникомъ, гдѣ впервые былъ помѣщенъ этотъ перечень (Ростовская лѣтопись 1419 года), укажу на то, что въ Карамз. сп. сохранилось нѣсколько грамотъ, опущенныхъ въ редакціи 1447 года. Такъ, подъ 1390 г. (передъ извѣстіемъ о смерти митрополита Пимена) тамъ помѣщена грамота патріарха о Пименѣ, между тѣмъ какъ въ спискахъ редакціи 1447 года сохранились только имена подписавшихъ эту грамоту святителей: «имѣте же и самая грамота подпись честною рукою патріаршескою спце»... (П. С. Р. Л. IV, 97, прим. в). Подъ 1394 г. внесена грамота Антонія патріарха къ новгородцамъ, между тѣмъ какъ въ другихъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи содержится одно только упоминаніе о ней: «пріѣха изъ Царяграда, отъ патріарха Антонья, Влолеомьскій владыка Мпхалъ и привезлъ Новугороду двѣ грамоты, поученіе крестьяномъ»...

Сводъ 1421 года подвергся въ 1447 году передѣлкѣ и дополненію: повидимому, новый редакторъ заимствовалъ часть 1421-1447 изъ другого новгородскаго свода (Новгородской 1-й лѣтописи) и дополнилъ ее лишь нѣсколькими событіями этого 1447-го года: этимъ объяснялось бы то, что въ части 1421-1447 Новгородская 4-я лѣтопись почти тождественна со списками Новгородской 1-й лѣтописи (ср. Комиссіонный списокъ, доходящій до 1447 года). Въ части до 1421 г. новымъ редакторомъ измѣнено сравнительно немного: нѣкоторые изъ его вставокъ и пропусковъ были указаны выше. — Редакція 1447 года подверглась въ разныхъ спискахъ ея новымъ дополненіямъ: такъ нѣкоторые списки дополнили ее новгородскою лѣтописью 1448—1477 (списки Сиподальный № 152 и Строевскій); другой списокъ, въ началѣ XVI вѣка, былъ дополненъ на основаніи Хронографа редакціи 1506 года (протографъ Академическаго)¹).

1) Акад. списокъ составленъ, кажется, на основаніи этого своего протографа, сближеннаго съ однимъ изъ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи.

Въ началѣ того же XVI вѣка на основаніи списка 1404 года, съ одной стороны (списокъ Б), и протографа Академическаго списка, съ другой, составленъ тотъ списокъ, который лежитъ въ основаніи списка Синодальнаго № 280¹⁾.

Послѣ этихъ замѣчаній обращаюсь къ древнѣйшей редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, оканчивавшейся, какъ мы видѣли, 1384-мъ годомъ и составленной, повидимому, въ томъ же году. Согласно предыдущему, этотъ сводъ довольно точно сохранился въ древнѣйшей части списковъ Новгородской 4-й лѣтописи редакціи 1447 года, а также списка Синодальнаго № 280. Въ основаніе свода были положены по крайней мѣрѣ два свода: однимъ изъ нихъ былъ новгородскій сводъ и, вѣроятно, тотъ самый, который лежитъ въ основаніи Новг. 1-й лѣт. по спискамъ Комиссіонному, Академич. и сходнымъ: онъ оканчивался, предположительно, рассказомъ о солнечномъ затменіи 1384 г. (Новг. 1-я лѣтопись, с. 371—372). Другимъ сводомъ былъ, какъ это ясно изъ цѣлаго ряда статей, московскій лѣтописный сводъ 1380 или 1381 года: онъ оканчивался сказаніемъ о Донскомъ побоищѣ. Выше я привелъ московскія извѣстія и статьи XIV вѣка, вошедшія въ составъ новгородскаго свода 1384 года. Весьма существеннымъ доказательствомъ въ пользу московскаго происхожденія второго основного источника разсматриваемаго свода служитъ роспись великихъ князей, находящаяся въ немъ подъ 887 годомъ. Судя по *всѣмъ* спискамъ Новг. 4-й лѣтописи, роспись эта въ основной редакціи 1384 года была доведена до Ивана Ивановича и его сыновей Дмитрія и Ивана (этими именами оканчивается роспись во *всѣхъ* спискахъ редакціи 1447 года, въ противоположность хотя бы Новг. 1-й лѣт., гдѣ она доходитъ до Василя Васильевича)²⁾. Если бы роспись была составлена въ 1447 году или въ 1421-мъ (годъ составленія второй редакціи Новг. 4-й лѣт.), она несомнѣнно была бы полнѣе. Но если бы даже она была составлена редакторомъ 1384 года, онъ несомнѣнно указалъ бы, что великимъ княземъ былъ уже не Иванъ Ивановичъ, а его сынъ Дмитрій и указалъ бы на сына Дмитрія — Василя, родившагося въ 1371-мъ году. Слѣдовательно, роспись эта составлена до 1371 года и даже до 1362 года, когда умеръ Иванъ Ивановичъ; она вне-

1) Что касается Синод. № 154 и Лѣт. Аврамки, т. е. протографа этой лѣтописи, доведенной до 1447 года, то они непосредственно восходятъ къ протографу списковъ Погод. № 1404 а, № 1402, Акад. № 391 и др. т. е. къ своду, лежащему въ основаніи Псковской 1-й лѣтописи по нѣкоторымъ спискамъ ея, а этотъ сводъ составленъ (въ началѣ XVI в.) на основаніи Синод. № 280 (или его протографа) и списка Новгородской 1-й лѣтописи (московская часть Синодальнаго № 280, 1447—1506 гг., была выпущена).

2) А въ томъ спискѣ этой Новгородской 1-й лѣтописи, который послужилъ при составленіи упомянутаго выше протографа Погод. № 1404 а, № 1402, Акад. № 391 и др., роспись оканчивалась Дмитріемъ Юрьевичемъ.

сена изъ Московскаго свода новгородскимъ редакторомъ 1384 года безъ всякихъ измѣненій вмѣстѣ съ разсказомъ о 887 и другихъ годахъ конца IX и начала X вѣка (въ Новгородской 1-й разсказъ былъ иной, при томъ отрывочный и краткій). Отсюда слѣдуетъ, что московскій сводъ 1380 - 1381 гг. не первоначальный: въ основаніи его лежитъ другой болѣе древній сводъ, составленный въ 1354-1362 гг. (время княженія Ивана Ивановича). Къ этому то своду и должны восходить все тѣ древнѣйшія московскія лѣтописныя замѣтки, которыя извлекъ г. Тихомировъ изъ Воскресенской и Никон. лѣтописей. Возстановить своды 1354-1362 г. и 1380-1381 г. въ настоящее время, конечно, очень трудно: но общее понятіе о ихъ составѣ можно легко получить на основаніи изученія древнѣйшей части Новгородской 4-й лѣтописи, несомнѣнно, впрочемъ, сокращавшей свой московскій оригиналъ и относившейся къ нему не какъ къ основному источнику (каковымъ была Новгородская 1-я лѣтопись), а какъ къ источнику дополнительному. Первая часть московскихъ сводовъ XIV вѣка несомнѣнно была занята Повѣстью временныхъ лѣтъ и при томъ въ той редакціи ея, которая ближе къ Ипатьевскому списку, чѣмъ къ Лаврентьевскому (ср. хотя бы подъ 1111 годомъ разсказъ о битвѣ при Сальницѣ, котораго нѣтъ въ Лаврент. сп.); за Повѣстью временныхъ лѣтъ въ этихъ сводахъ помѣщалась лѣтопись событій XII и начала XIII вѣка, гдѣ, какъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ спискахъ соединены были извѣстія суздальскія и южнорусскія. Но въ московскихъ сводахъ, излагавшихъ суздальскія событія сходно съ обоими этими сводами, южнорусскихъ извѣстій было больше, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ, и нѣкоторыя изъ нихъ читались съ болѣе подробностями, чѣмъ даже въ Ипатьевскомъ сводѣ: такъ, напр., смерть Изяслава Давыдовича была изложена подъ 1160 годомъ съ подробностями, отсутствующими въ Ипатьевской лѣтописи. Событія XIII вѣка были изложены въ московскихъ сводахъ совершенно отлично отъ Лаврент. лѣтописи: такъ подъ 1216 годомъ находился длинный разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ Липецкой битвѣ и о самой этой битвѣ¹⁾; въ разсказѣ о битвѣ при Калкѣ въ московскихъ сводахъ содержались подробности, отсутствующія въ Лавр. спискѣ; подъ 1237 г. подробно излагалось нашествіе татаръ и, между прочимъ, говорилось о взятіи Кіева (чего нѣтъ въ Лавр. сп.) и т. д. Съ XIV вѣка начинаютъ пробиваться въ этихъ сводахъ московскія извѣстія, при чемъ событія середины и второй половины этого столѣтія записаны, очевидно, современниками. Что касается источниковъ московскаго свода 1354-1362 г., то въ основаніе его положены, повидному, обширный сводъ XII-XIII в., Владимирскій, т. е. тотъ самый сводъ,

1) Этотъ разсказъ, по редакціи очень сокращенной, былъ внесенъ и въ Новгородскую 1-ю лѣтопись; составитель Новг. 4-й восполнилъ его по московскому своду 1380 - 1381 г.

который въ двухъ древнѣйшихъ своихъ редакціяхъ послужилъ источникомъ для составленія древнѣйшей части Лаврентьевскаго списка, а также Ипатьевской лѣтописи (она воспользовалась имъ въ части до 1200 года). Составитель второго московскаго свода 1380-1381 г., положивъ въ основаніе сводъ 1354-1362 г., дополнилъ его, повидимому, на основаніи бывшихъ ему доступными — ростовской и тверской лѣтописей¹⁾.

Редакторъ Новг. 4-й лѣтописи 1384 года пользовался при составленіи своего свода еще и другими источниками, кромѣ указанныхъ двухъ лѣтописей — Новгор. 1-й и Московской 1380-1381 гг. Такъ, между прочимъ, ему были доступны какіе-то новгородскіе источники, на основаніи которыхъ имъ дополненъ текстъ Новгородской 1-й лѣтописи: уже подъ 1270 годомъ Иванъ, убитый въ смутѣ, названъ «Коровьякомъ» (IV, 42); подъ 1321 г. сказано, что затменіе началось въ 3-мъ часу дня и продолжалось одинъ часъ; подъ 1323 рассказывалось о нападеніи иѣмцевъ на Псковъ; подъ 1352 г. приведено «рукописаніе Магнуша Свѣйскаго короля»; подъ 1366 годомъ говорилось о нападеніи новгородцевъ на Нижній; подъ 1364 годомъ о поставленіи двухъ церквей и о походѣ новгородцевъ на Югру по рѣкѣ Оби; подъ 1381 г. о построеніи церкви св. Власія и др.

Московскіе своды 1354-1362 г. и 1380-1381 г. могутъ быть возстановлены не только на основаніи Новг. 4-й лѣтописи. Несомнѣнно ими (сводомъ 1380-1381 г.) пользовался сводъ 1409 года (Троицкая лѣтопись): не стану подробно останавливаться на составѣ этого свода, укажу лишь на то, что, повидимому, онъ представлялъ соединеніе двухъ сводовъ — древней Ростовской лѣтописи (протографа Лаврентьевской) въ части до 1230 года и московской лѣт. 1380-1381 г., при чемъ послѣдняя была дополнена на основаніи нѣсколькихъ источниковъ и между прочимъ даже новгородской лѣтописи (ср. подъ 1368 г. извѣстіе о новгородскомъ пожарѣ 12 мая, И. Г. Р., т. V, прим. 37). Будущій изслѣдователь, который возьметъ на себя благодарный трудъ возстановленія Троицкой лѣтописи по Исторіи Каframзина, этимъ самымъ подготовитъ надежныя данныя для возстановленія

1) Такъ, изъ ростовской лѣтописи взято извѣстіе о бурѣ въ Ростовѣ 1301 года, о смерти Дмитрія Борисовича ростовскаго 1294 г., о ярославскихъ и угличскихъ князьяхъ 1293 г., о смерти Романа Владимировича 1285 г., о смерти Бориса и Глѣба Васильковичей 1277 и 1278 гг., о смерти Александра Васильевича суздальскаго 1332 года, о жепитѣбѣ Бориса Константиновича 1354 г., о смерти Андрея Константиновича 1365 г., о прибытіи Андрея Ѳедоровича въ Ростовъ 1363 г., и т. д. Впрочемъ, часть этихъ извѣстій могла быть записана въ Москвѣ. — Изъ тверской лѣтописи взяты, напр., извѣстія объ освященіи церкви св. Спаса 1285 г., о поставленіи Андрея епископомъ тверскимъ 1290 г., о прибытіи въ Тверь Ивана Васильевича, сына тысяцкаго, и Некомата Сурожанина въ 1375 году и о послѣдовавшемъ походѣ москвичей и новгородцевъ на Тверь, при чемъ рассказъ объ этомъ походѣ прерывается вставкой, очевидно, записанною въ Твери: «мѣсяца іюля 27, на Твери, въ церкви въ Покровѣ предъ иконою свѣча сама ся загорѣла; а въ 29 бысть въ солнци знаменіе».

московскаго свода 1380-1381 г. Отмѣчу здѣсь же, что Троицкою лѣтоп. пользовались и составители московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XVI вѣка — Воскресенскаго и Львовскаго, можетъ быть, непосредственно, но вѣроятнѣе, черезъ посредство ростовскаго свода 1419 года, заимствовавшаго изъ Троицкой лѣтописи 1409 года значительную часть своего содержанія. Такимъ образомъ, при возстановленіи Троицкой лѣтописи должны быть приняты во вниманіе и названные своды: показанія, извлекаемыя изъ нихъ, точно также приведутъ насъ къ опредѣленію состава и характера московскаго свода 1380-1381 г.

Но мы имѣемъ рядъ оснований предполагать, что составители московскихъ сводовъ XVI вѣка были знакомы непосредственно со сводомъ 1380-1381 г. Сравнивая нѣкоторыя южнорусскія извѣстія XII в. Новгород. 4-й лѣтописи, съ одной стороны, Львовской и Никоновской, съ другой, мы замѣчаемъ, что они заимствованы изъ одного общаго источника, которыми не были ни Лаврентьевскій, ни Ипатьевскій своды. Такъ, указанный выше рассказъ Новгородской 4-й лѣтописи о кончинѣ Изяслава Давыдовича въ 1160 году (IV, с. 11) не встрѣчается ни въ Лавр., ни въ Ипатьевской лѣтописи (гдѣ объ этомъ событіи говорится подъ 1162 г., стр. 354, съ другими подробностями), но онъ есть въ Львовской (I, 280 - 281), въ Никоновской (IX, 220, подъ 1159 г.) и даже въ Воскресенской (I, 75, подъ 1160 г.), гдѣ онъ соединенъ съ текстомъ, заимствованнымъ изъ свода, сходнаго съ Ипатьевскимъ. Источникомъ лѣтописнаго рассказа, не имѣющагося въ Новгородской 1-й лѣтописи, мы признали выше для Новг. 4-й — Московскій сводъ 1380-1381 г.; слѣдовательно, онъ же долженъ быть признанъ источникомъ, откуда попалъ рассказъ 1160 года въ названные своды XVI вѣка. Извѣстно, что въ Львовской и въ Никоновской лѣтописяхъ мы находимъ рядъ южнорусскихъ событій, изложенныхъ иначе, чѣмъ въ Ипатьевской лѣтописи: всѣ они, согласно предыдущему, должны восходить къ Московскому своду 1380-1381 г., который такимъ образомъ былъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ сводовъ XVI вѣка, главнымъ источникомъ лѣтописнаго рассказа XIII—XIV, а частью и XII вѣка¹⁾. И такъ, изученіе московскихъ сводовъ XVI вѣка приводитъ къ возстановленію состава и характера болѣе древнихъ сводовъ 1380-1381 и 1409 гг.; изученіе дошедшаго въ обрывкахъ свода 1409 г. также должно помочь возстановленію свода 1380-1381 г., а изслѣдованіе послѣдняго приводитъ къ опредѣленію состава и характера древнѣйшаго московскаго свода 1354-1362 года.

1) Для XI—XII в. своды XVI в. пользовались болѣе древними сводами: протографомъ Лаврентьевскаго свода; суздальскимъ сводомъ 1206 года и т. д.

IV.

Разсматривая московскіе лѣтописные своды XVI вѣка, г. Тихомировъ какъ бы умышленно отстраняется отъ рѣшенія всякихъ вопросовъ о времени происхожденія того или другого свода и о различныхъ редакціяхъ его. Между тѣмъ только подробное и тщательное изученіе памятниковъ именно съ этой стороны можетъ привести изслѣдователя къ положительнымъ даннымъ. Выше мы имѣли случай показать, какъ важно было бы для г. Тихомирова разсмотрѣть отдѣльно обѣ дошедшія до насъ редакціи Софійской 2-й лѣтописи. Поверхностнаго изученія списковъ Архивскаго и Новоіерусалимскаго вполне достаточно для вывода, что первый изъ нихъ — это списокъ съ редакціи 1518 года, а второй списокъ съ редакціи позднѣйшей, доведенной до 1534 года. Слѣдовательно, Софійская 2-я лѣтопись должна быть, въ древнѣйшей своей редакціи, признана сводомъ начала XVI вѣка.

Наибольшее вниманіе г. Тихомировъ удѣлилъ Воскр. и Никон. сводамъ. О времени происхожденія перваго свода не сказано ни слова: между тѣмъ вопросы, когда именно возникъ Воскресенскій сводъ, составленъ ли онъ современникомъ тѣхъ событій, которыми онъ оканчивается, или позже, старше ли онъ или моложе другихъ сводовъ XVI вѣка, — всѣ эти вопросы представляются изслѣдователю, какъ только онъ приступитъ къ изученію этого памятника. Въмѣсто того, чтобы дать свѣдѣнія обо всемъ памятникѣ, т. е. обо всѣхъ спискахъ его и о предполагаемомъ ихъ протографѣ, г. Тихомировъ ограничивается краткимъ описаніемъ двухъ списковъ, не оговаривая даже, что мы имѣемъ и другіе списки, и при томъ существенно отличающіеся отъ описанныхъ. На с. 4 говорится о спискахъ Академическомъ XII (Воскресенскомъ) и Синодальномъ XI; первый изъ этихъ списковъ доводитъ разсказъ до 1347 года, а второй списокъ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, считать продолженіемъ этого свода. Изъ словъ г. Тихомирова, приведенныхъ въ подстрочномъ примѣчаніи¹⁾, слѣдуетъ, что онъ признаетъ Академическій и Синодальный списки основными и протографами остальныхъ списковъ. Замѣчу прежде всего, что Синодальный списокъ правильнѣе признать продолженіемъ протографа Академическаго XIII (Алатырскаго) списка, чѣмъ Академическаго XII (Воскресенскаго). Подъ 1491 годомъ, какъ указалъ и г. Тихомировъ (с. 27), въ Синодальномъ списокѣ

1) «Воскресенскій сводъ названъ такъ потому, что первая его часть, доводящая разсказъ до 1347 года и по почерку относящаяся къ концу XVI вѣка, была пожертвована въ 1658 году патриархомъ Никономъ основанному имъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю».

вставлено въ извѣстіе о пожарѣ во Владимірѣ сказаніе о чудѣ, совершенномъ св. Александромъ Невскимъ и о явленіи его на воздухѣ¹⁾ (т. VIII, с. 221—222); эта вставка стоитъ въ несомнѣнной связи съ тѣмъ, что рукопись принадлежала Владимірскому монастырю св. Рождества и преп. Александра Невского, въ иноцѣхъ Алексіа, куда ее пожертвовалъ Иона, архіепископъ Вологодскій и Пермскій, въ 1591 году; между тѣмъ то же сказаніе помѣщено въ концѣ Алатырскаго списка, при чемъ изъ словъ «и о сихъ до здѣ», которыми оно оканчивается, ясно, что оно заимствовано именно изъ Синодальнаго списка. Слѣдовательно, имѣя при томъ въ виду позднее происхожденіе Алатырскаго списка, писаннаго въ концѣ XVI или въ началѣ XVII-го вѣка, естественно признать его копіею съ книги, которая содержала начало той лѣтописи, коей продолженіе сохранилось въ спискѣ Синодальномъ, т. е. копіею со списка, пожертвованнаго Ионою Рождественскому монастырю²⁾. Этотъ выводъ, самъ по себѣ кажущійся незначительнымъ, позволяетъ перейти къ вопросу объ отношеніи и другихъ списковъ между собою: въ Синодальномъ спискѣ не достаетъ оглавленія къ лѣтописи, помѣщеннаго передъ нѣкоторыми изъ ея списковъ; очевидно, оглавленіе читалось въ 1-й книгѣ Лѣтописца, а Синод. списокъ содержитъ 2-ю (или точнѣе 3-ю и 4-ю книги): вотъ почему мы и читаемъ это оглавленіе въ Алатырскомъ спискѣ, который, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ 1-ю (или точнѣе 1-ю и 2-ю) книгу Лѣтописца, пожертвованнаго Ионою. Въ Парижскомъ спискѣ, гдѣ помѣщена только вторая половина лѣтописи (начинающаяся съ 1348 года), находимъ оглавленіе къ этой именно части свода; это оглавленіе, при сравненіи его съ оглавленіями, помѣщенными въ началѣ Алатырскаго и другихъ списковъ, оказывается болѣе поздней редакціи, такъ какъ соединяетъ данныя перваго (дополнительнаго) оглавленія съ данными втораго (основнаго)³⁾. Имѣя въ виду тѣсную связь Синодальнаго списка съ Парижскимъ (ср. напр. общій пропускъ подъ 1518 годомъ), мы такимъ образомъ получаемъ возможность утверждать, что Синодальный списокъ не можетъ быть копіею съ Парижскаго, такъ какъ редакція его оглавленій (сохранившихся въ Алатырскомъ спискѣ) первоначально редакціи Парижскаго списка, а что обратно Парижскій списокъ списанъ съ Синодальнаго и при томъ еще въ то время, когда не пропала первая часть свода. Синодальный и Парижскій списки прекращаются на 1541 годѣ:

1) Чудо совершилось во время похода Ивана Васильевича подъ Казань.

2) Иона положилъ, очевидно, всю лѣтопись вкладомъ въ монастырь; онъ говоритъ о четырехъ книгахъ Лѣтописца въ своей вкладной (П. С. Р. Л. VII, с. VIII).

3) Ср. ниже. Г. Ирѣсняковъ въ своей рецензій обратилъ вниманіе на важность изслѣдованія обоихъ этихъ оглавленій при опредѣленіи первоначальнаго вида Воскр. свода. Но я думаю, что дополненія къ оглавленію сдѣланы на основаніи готоваго текста, подобно тому, какъ и Парижскій списокъ дополнилъ свое оглавленіе.

первый обрывается на неоконченномъ разсказѣ о пашествіи Саипъ-Гирея, второй продолжаетъ нѣсколько этотъ разсказъ и оканчивается за тѣмъ на неоконченной фразѣ, что объясняется утратою конца рукописи (ср. VIII, с. V). Отсюда ясно, что и Синодальный списокъ утратилъ свой конецъ, а потому заключать на основаніи только этихъ двухъ списковъ о томъ, что Воскресенскій сводъ былъ доведенъ лишь до 1541 года, мы не имѣемъ основанія. Дѣйствительно, третій списокъ этого свода—Карамзинскій (замѣчу, кстати, весьма исправный) доведенъ до 1560 года. Думаю, что рѣшеніе вопроса о томъ, до какого именно года былъ доведенъ Воскресенскій сводъ въ основномъ его спискѣ, надо искать въ оглавленіи, сохранившемся въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ спискахъ Воскресенскаго свода, а именно въ спискахъ Академическомъ (Воскресенскомъ) и въ Алатырскомъ. Въ обоихъ этихъ спискахъ имѣется собственно три оглавленія: первое оглавленіе (нач. словами: «Сѣ главы въ ряду въ лѣтописцѣ не стоять», VII, 218) содержитъ перечисленіе тринадцати *главъ*, не вошедшихъ въ составъ лѣтописи, предшествующихъ лѣтописцу (VII, 231—259); второе оглавленіе («Сѣ главы въ первыхъ главахъ не стоятъ; и котораго дѣла надобе искать, ино искать въ пръвыхъ главахъ, а не будетъ въ пръвыхъ главахъ того дѣла, ино искать въ сѣхъ главахъ; а въ книзѣ стоятъ обои главы въ одномъ числѣ») дополняетъ третье оглавленіе, приводя тѣ *статки* (начиная съ 11-й и кончая 62-й главой), которыя, очевидно по недосмотру, опущены въ этомъ третьемъ оглавленіи; наконецъ, третье оглавленіе («Начало главамъ о повѣсти временныхъ лѣтъ откуда пошла Русская земля») перечисляетъ статьи, находящіяся во всѣхъ семидесяти главахъ, на которыя разбита Воскресенская лѣтопись. Сравненіе второго оглавленія съ третьимъ приводитъ къ выводу, что въ болѣе древней редакціи этой лѣтописи было одно только третье оглавленіе, дополненное еще другимъ въ повѣйшей редакціи. Дѣйствительно, второе и третье оглавленія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о двухъ редакторахъ Воскр. лѣтописи, такъ какъ одинъ редакторъ удовольствовался бы, конечно, однимъ оглавленіемъ. Имѣя въ виду, что, во-первыхъ, второе оглавленіе доходитъ только до 62-й главы, что, во-вторыхъ, въ третьемъ оглавленіи между описаніемъ первыхъ 63 и послѣднихъ 7 главъ замѣчается значительное различіе, при чемъ при первыхъ главахъ указанъ (начиная съ 4-й главы) годъ, къ которому относится первое изъ упомянутыхъ въ нихъ событій, а при послѣднихъ никакого года не указано, — я заключаю, что въ болѣе древней редакціи находилось одно только третье оглавленіе, но не въ томъ объемѣ, въ какомъ оно читается въ дошедшихъ до насъ спискахъ, а въ объемѣ лишь первыхъ 63 главъ; слѣдующая затѣмъ редакція, съ одной стороны, дополнила (присоединивъ второе оглавленіе) описаніе главъ, предложенное въ основной редакціи, а

съ другой, прибавила къ ея оглавленію описаніе еще семи главъ (64—70). И такъ, первая редакція Воскресенской лѣтописи содержала 63 главы и доходила до разсказа о поиманіи князя Юрія Ивановича, т. е. до конца 1533 года; вторая редакція, судя по оглавленію, оканчивалась разсказомъ о поиманіи князя Андрея Ивановича, т. е. 1537-мъ годомъ (ср. 70-ю главу); слѣдовательно, редакція дошедшихъ до насъ списковъ представляется третьею редакціей, такъ какъ въ нихъ повѣствованіе доходитъ до разсказа о нашествіи Крымскаго хана Саишъ-Гирея въ 1541 году. Подтверженіе такому предположенію о трехъ редакціяхъ Воскресенской лѣтописи мы находимъ въ самомъ текстѣ этой лѣтописи: дѣйствительно, вплоть до разсказа о поиманіи князя Юрія Ивановича, текстъ этой лѣтописи сходенъ съ текстомъ Львовской лѣтописи; начиная же съ этого разсказа, Воскресенская и Львовская лѣтописи значительно отличаются другъ отъ друга; естественно думать, что конецъ сходства и начало различія между ними совпадаютъ съ предполагаемымъ концомъ Воскресенскаго свода, который въ части, слѣдующей за кончною Василя Ивановича, дополненъ другимъ редакторомъ. Въ томъ же текстѣ Воскресенской лѣтописи находимъ указаніе на то, что одна изъ редакцій ея оканчивалась 1537 годомъ, разсказомъ о поиманіи Андрея Ивановича: текстъ, слѣдующій за этимъ разсказомъ, носитъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ предшествующія ему части Воскресенскаго свода, отличаясь отъ нихъ: во 1) своею краткостью (событія трехъ годовъ, 1538—1540, изложены въ девятнадцати строкахъ, между тѣмъ какъ описаніе 1537 г. занимаетъ три страницы, 1536 г. — одну страницу, 1535 г. — почти четыре страницы и т. д.); во 2) тѣмъ, что онъ не разбитъ на главы. Въ виду этого, считаю предложенное выше заключеніе о существованіи трехъ, послѣдовательно другъ друга смѣнявшихся, редакцій Воскресенскаго свода — 1534, 1537 и 1541 гг. доказаннымъ ¹⁾.

1) Въ предисловіи къ VII т. И. С. Р. Л., въ числѣ списковъ Воскресенской лѣтописи, указанъ Архивскій III, писанный въ началѣ XVIII в. Списокъ этотъ признается позднѣйшею переработкой лѣтописи по Воскресенскому списку. При ближайшемъ ознакомленіи съ рукописью, оказалось, что этотъ любопытный списокъ, извѣстный подъ названіемъ Ростовской лѣтописи, въ первой части своей (до 1481 г. включительно), содержитъ сводъ XV в., бывший источникомъ, какъ Воскресенской, такъ и Никоновской лѣтописи. Этимъ объясняется его архаичность и большая исправность сравнительно съ Воскресенской, этимъ же объясняется то, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ Никоновская лѣтопись сходна съ указаннымъ сводомъ и вмѣстѣ съ нимъ отличается отъ лѣтописи Воскресенской. Съ 1482 года Ростовская лѣтопись содержитъ Новгородскій лѣтописный сводъ 1539 г., тождественный съ тѣмъ, который, въ соединеніи съ Софійской 1-й лѣтописью, составилъ сводъ, отрывокъ изъ котораго (1445—1538) сопровождаетъ въ Новоиерусал. спискѣ Софійскую 2-ю лѣтопись (изданъ въ VI т., с. 277). Подробному описанію Ростовской лѣтописи я хочу посвятить особое изслѣдованіе.

Третья редакція 1541 года оканчивалась, какъ мы видѣли, статьей о нашествіи Саипъ-Гирей. Заключительныя слова этой статьи, какъ указано выше, утрачены въ Синодальномъ и Парижскомъ спискахъ, но они сохранились въ большей части (кромѣ одного — Академическаго XIV) списковъ Никоновской лѣтописи, пользовавшейся, какъ увидимъ ниже, Воскресенскою лѣтописью, какъ источникомъ; здѣсь, послѣ словъ: «и сказалъ царю, что въ городѣ радость, (а) пріѣхали отъ вѣводъ» (послѣднихъ словъ Парижскаго списка), читаемъ окончаніе статьи, отъ словъ: «дѣти боярскіе с вѣстью» и до словъ: «а сами возвратишия и придоша к великому князю на Москву все здравы» (Ник. VII, 31—32). Это необходимо слѣдуетъ изъ того, что текстъ Никоновской лѣтописи (большей части ея списковъ) только послѣ этой фразы буквально совпадаетъ съ текстомъ Львовской лѣтописи (со словъ: «а въ то время государь рать свою нарядилъ было многую къ Казани», ср. Ник. VII, 32 и Льв. IV, 150); между тѣмъ до этого мѣста текстъ Никоновской лѣтописи (начиная съ 1521 г.) буквально сходенъ съ Воскресенскимъ сводомъ: ясно, слѣдовательно, что приведенное выше окончаніе статьи о Саипъ-Гирей заимствовано въ Никоновскую лѣтопись изъ того же Воскресенскаго свода. Издатели VIII т. П. С. Р. Л. дополнили приведенныя выше послѣднія слова Парижскаго списка продолженіемъ ихъ, читаемымъ въ Карамзинскомъ списокѣ Воскресенской лѣтописи («дѣти боярскіе — съ Коломны все здравы», VIII, 301); но не это продолженіе находилось въ оригиналѣ Парижскаго и Синодальнаго списковъ, что видно изъ того, что отрывокъ: «А царевичъ Иминъ вышелъ на Полѣ — съ Коломны все здравы» не читается въ спискахъ Никоновской лѣтописи. Карамзинскій списокъ слѣдовалъ своему основному оригиналу — Воскресенскому своду только до находящихся передъ этимъ отрывкомъ словъ: «въ субботу на Преображеневъ день»; послѣ нихъ онъ началъ списывать другой сводъ, но не Никоновскій, какъ указано въ VIII т., с. 301, прим., а сводъ, сходный со Львовскимъ; приведенный отрывокъ читается во Львовской лѣтописи, т. IV, 149 - 150. Парижскій списокъ представляетъ еще одно доказательство, что Воскресенская лѣтопись оканчивалась именно повѣстью о нашествіи Саипъ-Гирей: въ оглавленіи этого списка (въ немъ, какъ мы видѣли, слиты оба оглавленія третьей редакціи, при чемъ оно нѣсколько и дополнено) послѣднею статьею значится: «О приходѣ Крымскаго царя Сафа Кирѣа на Русскую землю къ Окѣ рѣкѣ» (VIII, 7). Четвертою редакціей Воскресенскаго свода слѣдуетъ признать Карамзинскій его списокъ, гдѣ лѣтописный рассказъ третьей редакціи дополненъ на основаніи свода, сходнаго со Львовскою лѣтописью, въ части отъ 1542 до 1560 года, а можетъ быть, и позже: онъ оканчивается декабрьскимъ извѣстіемъ 1560 года о прибытіи въ Москву отъ Литовскаго короля гонца Андрея Иванова съ грамотою (это

извѣстіе опущено во Львовской лѣтописи, см. V, 307, но оно есть въ лѣтописи, обнародованной А. Н. Лебедевымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1895, III, с. 131). Это извѣстіе обрывается въ Карамзинскомъ спискѣ на полусловѣ, а слѣдовательно за нимъ могли слѣдовать и другія извѣстія позже 1560 года.

«Второй сводъ, отличающійся полнотою своихъ извѣстій еще въ болѣе-шей степени, чѣмъ Воскресенскій, обязанъ своимъ происхожденіемъ также святѣйшему патріарху Никону, по имени котораго онъ и носитъ свое заглавіе». Этими словами начинается изслѣдованіе г. Тихомирова о Патріаршей или Никоновской лѣтописи. Нѣтъ сомнѣнія, что слово «также» ошибкой попало въ эту фразу, такъ какъ изъ предыдущаго не видно, чтобы г. Тихомировъ приписывалъ составленіе Воскресенскаго свода патріарху Никону (ср. стр. 4); но и вся эта фраза вообще представляется совершенно невѣрной и несогласной съ тѣмъ осторожнымъ тономъ, которымъ отличаются труды почтеннаго автора. Какъ это уже указано въ его рецензій г. Прѣснякова, изслѣдователю Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ не могло не быть извѣстнымъ, что Академическій XIV списокъ Никоновской лѣтописи относится къ XVI вѣку (ср. П. С. Р. Л. IX, с. VI) и что, слѣдовательно, отношеніе патріарха Никона къ лѣтописи, названной Шлецеромъ его именемъ, ограничивалось только тѣмъ, что одинъ изъ ея списковъ, списокъ XVII в. — Академическій XV, былъ положенъ имъ вкладомъ въ Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь¹⁾. Г. Тихомировъ, отождествивъ одинъ изъ списковъ памятника съ основнымъ его спискомъ, поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же, какъ раньше при изслѣдованіи Воскресенской лѣтописи: разумѣется, въ результатѣ оказались неточные и ошибочные выводы.

Сравнительное изученіе списковъ Никоновской лѣтописи весьма затрудняется тѣмъ, что до сихъ поръ еще не окончено изданіе ея въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей. Все же, г. Тихомирову слѣдовало, хотя бы на основаніи предисловія къ IX тому этого собранія, выяснить, въ какомъ отношеніи къ послѣдовательнымъ редакціямъ памятника находятся различія, замѣчаемая между отдѣльными его списками по отношенію къ объему ихъ и предѣловъ, до которыхъ доводится въ нихъ лѣтописное повѣствованіе. «Никоновская лѣтопись, читаемъ мы на с. 71, прерывается на извѣстіи о посылкѣ царемъ войскъ противъ Юрьева, чтò было въ іюнѣ

1) «Но какъ надобно было какое нибудь имя, для наименованія сего списка, и для отличенія его отъ другихъ весьма отъ него различествующихъ: то я назвалъ его Никоновымъ спискомъ, единственно только по той причинѣ, что онъ подписанъ въ низу по листамъ, отъ 1 стран. по 37, извѣстнымъ онымъ патріархомъ Никономъ... собственною его рукою, и слѣдующими словами...» См. Предисл. къ Русск. Лѣтописи по Никон. сп. Часть первая, 1767 г.

1558 г.». Очевидно, г. Тихомировъ не обратилъ вниманія на то, что древнѣйшій списокъ Никоновской лѣтописи—Академическій XIV (Патріаршій) оканчивается 1556 годомъ, при чемъ въ части отъ 1535 (чиг. 1534) по 1541 годъ онъ несходенъ съ другими списками (ср. П. С. Р. Л. IX, стр. VII и Шлецеръ въ Предисловіи къ 1-й ч. Ншкон. лѣт.).

Среди извѣстныхъ списковъ Никоновской лѣтописи можно отмѣтить нѣсколько группъ или редакцій. Одною изъ древнѣйшихъ редакцій надо признать редакцію Патріаршаго (Академическаго XIV) списка: это слѣдуетъ какъ изъ того, что лѣтописный рассказъ доведенъ въ немъ только до 21 марта 1556 года, такъ въ особенности изъ того, что въ перечлѣ русскихъ митрополитовъ послѣднимъ названъ Макарій ¹⁾ (1542 — 1564), между тѣмъ какъ въ другихъ спискахъ ²⁾ событія продолжены еще нѣсколько, а перечень митрополитовъ доведенъ до Антонія (1572 — 1581). Въ виду этой, сравнительно съ другими списками бѣльшей древности Патріаршаго списка, можетъ возникнуть предположеніе, не является ли онъ протографомъ остальныхъ списковъ Никоновской лѣтописи. Но предположеніе это опровергается слѣдующими соображеніями: въ цѣломъ рядѣ случаевъ списки ОНБТ представляютъ чтенія болѣе древнія, чѣмъ Патріаршій списокъ. Такъ, напримѣръ, въ Патріаршемъ списокѣ опущена четвертая статья, предшествующая Никоновской лѣтописи въ спискахъ ОНБТ и содержащая реестръ вкладовъ Дмитрія Ивановича и Василя Дмитріевича Троицкому Сергіеву монастырю; эта статья, какъ видно изъ нумераціи отдѣльныхъ ея отдѣловъ, заимствована изъ той же рукописи, откуда взяты сохраненный и въ Патріаршемъ списокѣ перечень византійскихъ императоровъ; слѣдовательно, она читалась уже въ оригиналѣ Никоновской лѣтописи, а отсутствіе ея въ Патріаршемъ списокѣ показываетъ, что его нельзя отождествить съ этимъ оригиналомъ. Такъ, въ первой статьѣ, общей между Патріаршимъ и всѣми остальными списками Никоновской лѣтописи, находимъ перечисленіе русскихъ епископій: но редакція этого перечня въ Патріаршемъ списокѣ повѣе, чѣмъ редакція его въ спискахъ ОНБТ и Архивскомъ, такъ какъ въ него, сравнительно съ ними, вставлена «Казанская и Болгарская архіепископіа» (учреждена, послѣ взятія Казани, въ 1553 году), о которой не упоминается въ другихъ спискахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ основномъ списокѣ Никоновской лѣтописи не было такой вставки, иначе не зачѣмъ было бы выпускать ее спискамъ ОНБТ и

1) «Имена митрополитовъ съ Аванасія до патріарха Филарета писаны (въ Патріаршескомъ сп.) другимъ почеркомъ и внесены въ рукопись уже послѣ ея переписки; а имена патріарховъ: Филарета, Юсифа и Юсафа писаны болѣе новымъ почеркомъ» (П. С. Р. Л. IX, стр. XIV, прим. 1).

2) Въ спискахъ Оболенскаго, Никоновскомъ (Акад. XV), Публичной библ., Троицкой Лавры и Архивскомъ. Означаю первые четыре списка сокращенно буквами ОНБТ.

Архивскому: слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ Патріаршій списокъ отступилъ отъ первоначальной редакціи, точнѣе переданной остальными списками. Къ тому же заключенію приводитъ и сравнительное изученіе текста 1534 (сентябрьскаго) — 1541 гг. въ Патріаршемъ спискѣ, съ одной стороны, въ спискахъ ОНБТ, съ другой; можно съ увѣренностью утверждать, что составитель Никоновской лѣтописи пользовался Воскресенскимъ сводомъ, какъ источникомъ. При этомъ съ полнымъ основаніемъ можно думать, что Воскресенскій сводъ былъ извѣстенъ ему въ третьей своей редакціи, т. е. въ редакціи дошедшихъ до насъ списковъ: это слѣдуетъ въ особенности изъ того, что въ началѣ Патріаршаго списка читаются тѣ самыя два оглавленія, которыя мы только что разсматривали, опредѣляя редакціи Воскресенскаго свода: первое оглавленіе, вполне сходное со вторымъ оглавленіемъ Воскр. свода, содержитъ дополнительное описаніе 62 главъ, а второе оглавленіе, тождественное съ третьимъ оглавленіемъ Воскр. свода, заключаетъ въ себѣ основное описаніе 63 главъ и кромѣ того еще описаніе 64—70 главъ. За оглавленіемъ въ Патріаршемъ спискѣ слѣдуетъ тотъ самый сборникъ, который предшествуетъ Воскресенскому своду, за этимъ помѣщена даже часть Воскресенской лѣтописи, при чемъ изъ нея списаны три первыя главы до словъ: «и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила царя до Александра и Исакіа» (ср. VII, 219—259 и 260—267). Мы видѣли, что оглавленія Воскресенскаго свода въ дошедшемъ до насъ ихъ видѣ восходятъ ко второй и третьей редакціи этого свода; сравнительно позднее происхожденіе Никоновской лѣтописи дѣлаетъ вѣроятнымъ, что составитель ея былъ знакомъ именно съ третьею редакціей. Мнѣ кажется, что Патріаршій списокъ, представляя указанныя выписки изъ Воскресенскаго свода, слѣдовалъ основному оригиналу Никоновской лѣтописи: отсутствіе ихъ во всѣхъ другихъ спискахъ не должно противорѣчить этому потому, что ни въ одномъ изъ нихъ не видимъ такого начала, которое бы можно возвести къ основному оригиналу: дѣйствительно, невѣроятно, чтобы Никоновская лѣтопись не имѣла даже заглавія и начиналась съ «Исторіи, сирѣчь повѣстникъ, о епископіахъ» (ОНБТ и Арх.). Напротивъ, близкая зависимость Никоновской лѣтописи отъ Воскресенской (начиная съ 1521 года, Никоновская тождественна съ Воскресенскою) заставляетъ предполагать, что составитель ея могъ взять изъ старшаго свода и вводныя къ ней статьи, при чемъ по ошибкѣ были списаны и первыя три главы самой лѣтописи. Патріаршій списокъ точно передалъ начало своего подлинника, а послѣдующая редакція выпустила его. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ основаніе предполагать, что составитель Никоновской лѣтописи пользовался Воскресенскою лѣтописью въ 3-ей ея редакціи, т. е. въ редакціи, дошедшей до 1541 года. Начиная съ 1521 года онъ не имѣлъ въ своемъ рас-

поряженіи другихъ источниковъ, кромѣ Воскресенскаго свода: вотъ почему въ части 1521 - 1534, включая разсказъ о кончинѣ Василя Ивановича, всѣ списки Никоновской лѣтописи сходны, даже тождественны съ Воскресенскою лѣтописью. Въ части отъ 1534 (начиная со статьи «о поиманіи князя Юрія Ивановича») до 1541 (включая разсказъ о нашествіи Саипъ-Гирея) списки Патріаршій, съ одной стороны, ОНБТ съ другой, какъ указано выше, расходятся между собой, при чемъ ОНБТ тождественны и въ этой части съ Воскресенскою лѣтописью, а Патріаршій списокъ тождественъ съ лѣтописью Львовскою. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ данномъ случаѣ бѣльшая древность, бѣльшая близость къ основному подлиннику принадлежитъ редакціи ОНБТ: дѣйствительно, какъ только что замѣчено, начиная съ 1521 г., составитель Никоновской лѣтописи имѣлъ въ своемъ распоряженіи одинъ только источникъ—Воскресенскій сводъ; слѣдовательно, не ему принадлежатъ выписки изъ Львовской лѣтописи, которой онъ, очевидно, не зналъ (иначе, онъ бы пользовался ею въ части 1521 - 1534); напротивъ, именно ему должны принадлежать выписки 1534 - 1541 гг., сходныя съ Воскресенскою лѣтописью, такъ какъ на знакомство съ этою лѣтописью позднѣйшаго редактора ОНБТ мы не имѣемъ никакихъ указаній.

Въ виду всего вышеизложеннаго я заключаю, что основной списокъ Никоновской лѣтописи доходилъ только до 1541 года и оканчивался, согласно съ Воскресенскимъ сводомъ, повѣстью о нашествіи Саипъ-Гирея. Слѣдовательно, онъ составленъ послѣ 1541 года. Имѣя съ другой стороны въ виду, что редакціи списокъ Патріаршаго и ОНБТ не внесли почти никакихъ измѣненій, дополненій въ перечень русскихъ епископовъ, помѣщенный передъ лѣтописью¹⁾, между тѣмъ въ обѣихъ редакціяхъ архіепископомъ Новгородскимъ названъ Пимень (съ ноября 1552 январскаго, 1553 сентябрьскаго года), мы выводимъ, что Никоновская лѣтопись составлена послѣ ноября 1552 года. То обстоятельство, что въ основномъ списокѣ не была названа архіепископія Казанская въ числѣ русскихъ архіепископій, можетъ служить указаніемъ на то, что Никоновская лѣтопись составлена до начала 1555 года, когда установлена эта архіепископія (Никон. VIII, 231). Слѣдовательно, Никоновская лѣтопись составлена въ 1553 - 1554 гг. Основная редакція этой лѣтописи не дошла до насъ: она отразилась въ двухъ, независимыхъ одна отъ другой редакціяхъ. Старшая редакція, представленная Патріаршимъ спискомъ, составлена послѣ марта 1556 года: мы

1) Патріаршій списокъ внесъ митрополита Макарія, затѣмъ заглавіе «архіепископія Казанская» (но имена архіепископовъ отъ Гурья до Ефрема митрополита вписаны новою рукою) и, наконецъ, имена ростовскихъ архіепископовъ отъ Иоанна (съ 1520 г.) до Никандра (съ 1549 г.). Списокъ Оболенскаго, который надо признать основнымъ для редакціи ОНБТ, не внесъ ни одного іерарха, сравнительно съ Патріаршимъ спискомъ (имена митрополитовъ отъ Макарія до Антонія писаны въ этомъ списокѣ другимъ почеркомъ).

видѣли, что составитель этой редакціи внесъ нѣсколько дополненій и измѣненій въ списываемый подлинникъ; главнымъ отличіемъ этой редакціи отъ основной является ея окончаніе. А именно, начиная съ 7042 (1534 сент.) года, составитель новой редакціи оставляетъ свой подлинникъ и обращается къ другой лѣтописи — къ той лѣтописи, которая, въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ редакцій, извѣстна подъ именемъ Львовской.

Переходъ къ другому источнику указанъ именно въ этомъ мѣстѣ въ самомъ Патріаршемъ спискѣ, гдѣ передъ словами «Въ лѣто 7042 мѣсяца сентября 21» (ср. Ник. VI, стр. 259) вставлено заглавіе: «Лѣтописецъ. начало царства великого князя Ивана Васильевича всея русіи». Очевидно, таково было заглавіе всего того Лѣтописца, которымъ воспользовался составитель Патріаршаго списка, а не только одной части его: слѣдовательно, этотъ Лѣтописецъ въ то время существовалъ тогда еще отдѣльно отъ того предшествующаго ему свода, съ которымъ онъ соединенъ въ Львовской лѣтописи. Изъ него составитель Патріаршаго списка заимствовалъ всю часть отъ 1542 до 1556 года, остановившись на событіи 21 марта этого года: очевидно, Лѣтописецъ не шелъ дальше этого года.

Вскорѣ затѣмъ основной списокъ Никоновской лѣтописи породилъ новую редакцію; основной списокъ этой редакціи не дошелъ до насъ, но списокъ Оболенскаго представляетъ, повидимому, весьма точную копию его, сдѣланную въ началѣ XVII вѣка. Эта редакція составлена послѣ іюня 1558 года, отличаясь отъ основной, во-первыхъ, тѣмъ, что выпустила начальныя статьи ея до «Исторія, сирѣчь повѣстникъ, о епископіахъ» (ср. выше), а во-вторыхъ, тѣмъ, что дополнила ее, начиная съ того мѣста, гдѣ она прекращалась, т. е. съ 1542 года (Ник. VII, 32). Текстъ основной редакціи (въ противоположность редакціи 1556 г.) сохраненъ безъ всякихъ измѣненій. Дополненія взяты, повидимому, не изъ редакціи 1556 г., а изъ того же Лѣтописца, откуда заимствована въ редакцію 1556 г. часть 1534-1556 г.: это видно изъ того, что въ редакцію 1558 г. внесены событія отъ апрѣля 1556 г. по іюнь 1558 г., которыхъ нѣтъ въ Патріаршемъ спискѣ, при чемъ изложеніе ихъ тождественно съ соответствующимъ текстомъ Львовской лѣтописи. Въ концѣ XVI в. редакція 1558 г. подверглась нѣкоторымъ дополненіямъ, а именно за лѣтописнымъ разсказомъ 1558 г. помѣщены: статья о нашествіи на Московское государство Крымскихъ татаръ въ 1571 г., неоконченная выборка изъ родословныхъ книгъ о родѣ Аничковыхъ и, наконецъ, отрывочныя извѣстія 1563, 1558, 1572 и 1577 годовъ. Рукопись этой, пересмотрѣнной въ концѣ XVI в., редакціи 1558 г. сохранилась въ спискѣ Оболенскаго. — Въ серединѣ XVII в. возникла новая редакція, положившая въ основаніе списокъ Оболенскаго и дополнившая его Повѣстью о житіи царя Ѳедора Ивановича и Книгой, гла-

големою новѣй лѣтописецъ, содержащую повѣствованіе отъ взятія Сибирскаго царства до 1630 года. Списками этой редакціи оказываются: рукописи Академическая XV (Никоновская), Троицкая и рукопись Публичной бібліотеки. — Въ XVII же вѣкѣ, и именно на основаніи редакціи, сходной со спискомъ Оболенскаго (ср. Прѣсняковъ, Царств. книга, ея сост. и происх., с. 10, гдѣ указывается, что Никоновская лѣтопись съ рисунками почти не уклоняется отъ Акад. XV сп.), возникла редакція лицевыхъ списковъ, — иллюстрированнаго текста Никоновской лѣтописи. Судя по сохранившимся рукописямъ и отрывкамъ этой редакціи, лѣтописное повѣствованіе было доведено въ ней до 1567 года, при чемъ до 1558 года оно въ общемъ повторяетъ текстъ редакціи конца XVI вѣка, а съ 1558 г. (іюля) по 1567 г. оказывается заимствованнымъ изъ той самой лѣтописи, которою пользовались: а) когда она была доведена только до 1556 года, составитель редакціи Никоновской лѣтописи этого года, б) когда она доходила до 1558 года (іюня), составитель редакціи Никоновской лѣтописи этого года, в) когда она доходила до февраля 1560 (январскаго) г., составитель Львовской лѣтописи, и наконецъ, г) составитель Карамзинскаго списка Воскресенской лѣтописи (въ сохранившейся части рукописи событія доходятъ до декабря 1559 (январскаго) года). Текстъ, извлеченный изъ этой лѣтописи, обнимающей, согласно предыдущему, по крайней мѣрѣ 1533 - 1567 гг., въ Никоновской лѣтописи съ рисунками отличается значительно отъ текста Никоновской лѣтописи редакцій 1556 и 1558 гг., а также Львовской и Карамз. списка Воскресенской лѣтописи: а именно, какъ это показалъ Прѣсняковъ, онъ былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ скорописныхъ дополненій, переходившихъ и въ текстъ, при дальнѣйшихъ обработкахъ Никоновской лѣтописи. Я не занимался самъ иллюстрированными списками этой лѣтописи, но въ видѣ предположенія допускаю, что отличія, напр., Лебедевскаго списка (Московской лѣтописи, изд. въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1895, III) отъ Львовской лѣтописи зависѣли, въ большей своей части, отъ тѣхъ дополненій, которыя перешли въ текстъ этого списка изъ скорописныхъ дополненій иллюстрированной редакціи Никоновскаго списка. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что текстъ Лебедевскаго списка извлеченъ изъ лицевой редакціи Никоновской лѣтописи, что несомнѣнно для Александро-Невской лѣтописи, которая въ части отъ 1563 до 1567 г. издапа въ III т. Русск. ист. библ. (ср. Прѣсняковъ, Царств. кн., с. 25 и прим. на с. 26). Г. Тихомировъ также признаетъ Московскую лѣтопись, издашную Лебедевымъ, и Отрывокъ изъ Александро-Невской лѣтописи продолженіями Никоновскаго свода (с. 71 - 73), но онъ не поставилъ ихъ въ связь именно съ иллюстрированной редакціею этого свода, о которой, впрочемъ, онъ со всѣмъ умалчиваетъ. Отмѣчу здѣсь, что и въ части до 1558 г. иллюстриро-

ванная редакція Никоновской лѣтописи значительно отстуетъ отъ прочихъ редакцій: бѣльшая часть отступленій въ древнѣйшей части, какъ это ясно изъ изданныхъ томовъ П. С. Р. Л., зависѣла отъ желанія согласовать текстъ Никоновской лѣтописи съ текстомъ Воскресенской. — И такъ, изслѣдователю Никоновской лѣтописи слѣдуетъ имѣть въ виду, что вмѣсто утраченной основной редакціи (1553 - 1554 гг.) до насъ дошли двѣ позднѣйшія редакціи: 1556 г. — въ современномъ спискѣ и 1558 г. — въ спискахъ конца XVI и XVII вв., причемъ позднѣйшія редакціи основаны именно на редакціи 1558 г.

V.

Главною задачей изслѣдователя лѣтописныхъ сводовъ, какъ вообще всякихъ литературныхъ памятниковъ, должно быть установленіе взаимной связи между однородными, сходными памятниками, при чемъ эта связь можетъ частью объясняться общимъ происхожденіемъ отъ другихъ, древнѣйшихъ памятниковъ, частью же она можетъ зависѣть отъ взаимнаго другъ на друга вліянія этихъ памятниковъ. Безъ такой предварительной работы немислимы никакія общія характеристики памятника: дѣйствительно, то самое, что изслѣдователь, ограннывшійся изученіемъ одного какого-нибудь памятника, считаетъ характеристичнымъ именно для него, при дальнѣйшемъ расширеніи наблюденій, можетъ оказаться заимствованнымъ изъ другихъ современныхъ или болѣе древнихъ произведеній. Къ сожалѣнію, тѣ части книги г. Тихомирова, гдѣ онъ пытается дать общую характеристику московскаго лѣтописанія, а также указать на характерныя черты того или другого лѣтописнаго свода, производятъ наименѣе пріятное впечатлѣніе: онѣ не убѣдительны, именно потому, что почтенному автору не удалось установить взаимныхъ отношеній между изслѣдуемыми имъ лѣтописными сводами. На с. 81 - 84, гдѣ авторъ подводитъ итогъ своему изслѣдованію, онъ указываетъ на то, что между московскими сводами Воскресенскій и Никоновскій слѣдуетъ признать официальными сводами «не только по господствующей (въ нихъ) тенденціи, но и потому, что, начиная со второй половины XV вѣка, они представляютъ изъ себя сборники официальныхъ извѣстій». Этимъ официальнымъ сводамъ противопоставляется какая-то, до насъ недошедшая неофициальная лѣтопись. «Въ эту частную лѣтопись, говоритъ изслѣдователь, записывались извѣстія съ прибавленіемъ слуховъ, циркулировавшихъ по поводу того или другого случая, съ прибавленіемъ объясненій того или другого обстоятельства, съ выраженіемъ симпатій или антипатій къ тому или другому лицу». Отраженіе этой частной лѣтописи г. Тихомировъ видитъ въ Софійскомъ 2-мъ сводѣ. Поло-

женія автора представляются миѣ не доказанными: кажется, они основаны, главнымъ образомъ, на сравнительномъ изученіи разсказа о походѣ на Угру по тремъ указаннымъ московскимъ сводамъ. На с. 32 - 36 данъ анализъ этого разсказа, но изъ него видно, что вставки, сдѣланныя лицомъ, враждебно относившимся къ Іоанну, находятся не только въ Софійской 2-й, но также въ Воскресенской лѣтописи: кромѣ того, на с. 35 самъ г. Тихомировъ указалъ на то, что читатели, подъ вліяніемъ рѣзкаго посланія Васіана, сопровождающаго разсказъ объ этомъ походѣ, дѣлали приписки въ духѣ того же посланія; слѣдовательно, тѣ вставки, которыя по мнѣнію Карпова и Соловьева, составляютъ принадлежность враждебнаго къ Іоанну разсказа, по словамъ г. Тихомирова, принадлежатъ позднѣйшимъ читателямъ разсказа. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ вставокъ ни въ какомъ случаѣ не ведутъ насъ къ возстановленію «неофіціального» разсказа частнаго лѣтописца. Ближайшее изученіе этого разсказа показываетъ, что Софійская 2-я лѣтопись содержитъ текстъ, почти вполне тождественный съ текстомъ Львовской лѣтописи (П. С. Р. Л. VI, 223 - 232 и Льв. III, 139 - 177) ¹⁾. При этомъ однако Софійская 2-я сократила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказъ Львовской: такъ, въ особенности сокращено начало, гдѣ, напримѣръ, опущено сравненіе съ нашествіемъ Батыея и др. Что разсказъ Львовской первоначальнѣе, чѣмъ соответствующій текстъ Софійской 2-й, видно изъ того, что онъ почти вполне совпадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ разсказомъ Синодальнаго № 280 списка Новгородской 4-й лѣтописи, въ которомъ, по указанію самого автора (с. 32), сохранилась редакція, основная для редакцій Воскресенскаго и Софійскаго 2-го сводовъ. Кромѣ того, то же доказывается нѣкоторыми пропусками (сравнительно съ Львовской) въ Софійской 2-й лѣтописи: такъ не сказано, кто убилъ бѣжавшаго Ахмата (шуринъ его, Ногайскій мурза Амгурчій) и не упомянуто, что великому князю пришлось послать противъ какого-то царевича, напавшаго на Украинну, своихъ братьевъ, обоихъ Андреевъ (Льв. III, 173, Соф. 2-я VI, 232). Въ виду всего этого, а также того, что предыдущее изслѣдованіе выяснило составъ Софійской 2-й лѣтописи въ томъ смыслѣ, что въ части до 1518 года она представляется соединеніемъ Львовской съ какимъ-то спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, мы въ правѣ утверждать, что разсказъ о походѣ на Угру попалъ въ Софійскую 2-ю лѣтопись изъ протографа Львовской (1518 года). Между тѣмъ

1) Я замѣтилъ только двѣ вставки въ разсказѣ Софійской 2-й сравнительно съ Львовской: первую (с. 224), гдѣ говорится о томъ, что мать вел. князя и духовенство просили его помириться съ братьею, что онъ и согласился сдѣлать (тогда же на Москвѣ — на помощь вбрызѣ; въ Льв. о томъ же иначе, с. 141); вторая вставка содержитъ объясненіе причины, почему король не могъ прислать Ахмату помощи (тогда бо воева — служба великому князю, ср. Льв. 140 и 142).

сравненіе Воскресенской лѣтописи съ Софійскою 2-й открываетъ, что онѣ въ этомъ разсказѣ весьма близки между собой и отличаются отъ Львовской; такъ, начало разсказа Воскресенской вполне совпадаетъ съ Софійскою 2-й: тѣ же пропуски и тѣ же вставки (напр., въ числѣ духовенства, просившаго Ивана Васильевича за братьевъ, названъ Тропкій игумень Палсій, и напротивъ, при этомъ опущено имя князя Михаила Андреевича Верейскаго). Вотъ почему и принимая во вниманіе большую древность разсказа Львовской лѣтописи, а также то, что Архивскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи восходитъ къ редакціи 1518 года, мы должны допустить, что Воскресенская лѣтопись слѣдовала въ своемъ разсказѣ «О Угорщинѣ» Софійской 2-й лѣтописи, цѣликомъ заимствуя его изъ нея. Составитель Воскресенской лѣтописи имѣлъ передъ собою разсказъ Львовской лѣтописи, такъ какъ лѣтопись эта (протографъ ея), какъ увидимъ ниже, служила однимъ изъ главныхъ ея источниковъ. Дойдя до разсказа о походѣ на Угру, составитель положилъ въ основаніе своего разсказа Софійскую 2-ю лѣтопись и списалъ весь текстъ до словъ: «самъ бо діаволь ихъ усты глаголаше, той же, иже древле вшедь въ змію и прелсти Адама и Евву». Весь дальнѣйшій текстъ, начиная со словъ «И ужасъ нанде на нь» (VI, 224), и до извѣстія о томъ, что Татары бѣжали (VI, 231), опущенъ и замѣненъ словами: «и бѣ дивно тогда съврѣшися Пречистые чюдо: едни отъ другихъ бѣжаху и никто же женяше». Вслѣдъ за этимъ изъ Львовской лѣтописи списано извѣстіе объ убіеніи Ахмата, о нападеніи татарскаго царевича на Украину и о посылкѣ противъ него двухъ Андреевъ, братьевъ великаго князя. Затѣмъ, пропустивъ извѣстіе Львовской и Софійской 2-й о возвращеніи Софійи изъ бѣговъ, составитель Воскресенской лѣтописи списалъ по одной изъ нихъ извѣстную вставку: «О храбріи, мужественіи сынове Русьстїи!» до слова «аминь», которымъ эта вставка заключается. Послѣ того находимъ фразу: «Царь же побѣжалъ ноября 11, быша бо тогда мрази велици», находящуюся въ Львовской и Софійской 2-й на своемъ мѣстѣ, т. е. передъ извѣстіемъ о бѣгствѣ татаръ. Наконецъ, въ видѣ приложенія къ предшествующему разсказу, по внѣ прямой съ нимъ связи, составитель Воскресенской лѣтописи помѣстилъ посланіе Вассіана, предславъ ему слѣдующія строки, писанныя кишварью: «Тое же осени архіепископъ Вассіанъ Ростовскы послалъ грамоту на Угру великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, дабы стоялъ противъ безсерменства крѣпко за христіанство, а въ грамотѣ писа». Изъ всего этого видно, что составитель Воскресенской лѣтописи, пользуясь какъ источникомъ разсказомъ Львовской лѣтописи, опустилъ изъ него тѣ мѣста, которыя казались позорными для памяти Ивана III и сунруги его Софійи: въ этомъ дѣйствительно сказанъ официальный характеръ Воскресенскаго свода. — Никоновская

лѣтопись заимствовала весь разсказъ «О Угорциѣхъ» изъ Русскаго Временника въ первоначальной его редакціи 1533 года (ср. II, 158 - 165 и Никонов. VI, 110 - 115)¹⁾: благодаря этому, ей удалось избѣчь всякихъ намековъ и сообщеній, враждебныхъ великому князю. Что же касается Русскаго Временника, то онъ, какъ мы знаемъ, восходитъ непосредственно къ Хронографу редакціи 1508 года, и такимъ образомъ въ немъ сохранился почти безъ измѣненій тотъ первоначальный разсказъ, который, съ одной стороны, легъ въ основаніе разсказа Львовской лѣтописи, а съ другой, довольно точно сохранился въ Синодальномъ № 280 спискѣ Новгородской 4-й и спискѣ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи. — И такъ, мы видимъ, что нельзя противопоставлять разсказа Никоновской и Воскресенской лѣтописей разсказу Софійской 2-й, какъ это сдѣлалъ г. Тихомировъ. Никоновская лѣтопись заимствуетъ его изъ Русскаго Временника, а Воскресенская и Софійская 2-я воспроизводятъ разсказъ Львовской лѣтописи. Слѣдовательно, сравненію должны подлежать въ данномъ случаѣ не Никоновская, Воскресенская и Софійская 2-я лѣтописи, а протографъ Львовской и протографъ Русскаго Временника. При этомъ окажется, что первоначальный разсказъ сохранился именно въ протографѣ Русскаго Временника, т. е. въ Хронографѣ редакціи 1508 года, тогда какъ въ Львовскую лѣтопись, заимствовавшую разсказъ изъ того же Хронографа, сдѣланъ рядъ вставокъ изъ другого источника. Всѣ эти вставки стоятъ въ тѣсной связи съ посланіемъ Вассіана, а потому всего вѣроятіе допустить, что и это посланіе и всѣ эти вставки заимствованы въ Львовскую лѣтопись изъ одного общаго источника, а именно, какъ это ясно изъ предыдущаго, изъ особой лѣтописи, представлявшей соединеніе Софійской 1-й лѣтописи съ лѣтописнымъ разсказомъ, доходившимъ до 1488 года. Такимъ образомъ, анализъ разсказа о походѣ на Угру привелъ насъ такъ же, какъ г. Тихомирова, къ опредѣленію двухъ основныхъ источниковъ, которые о немъ разсказывали; но не довольствуясь названіемъ ихъ официальнымъ и неофициальнымъ, мы имѣемъ возможность точнѣе указать на то, что однимъ изъ нихъ былъ Хронографъ, а другимъ Софійская 1-я лѣтопись съ продолженіями до 1488 года; этимъ самымъ устраняется обозначеніе этихъ первоисточниковъ терминами «официальной» и «неофициальной» лѣтописи, тѣмъ болѣе, что и въ Хронографѣ читались мѣста, не терпимыя въ официальной лѣтописи: ср. въ Новгородской 4-й лѣтописи (Хронографъ редакціи 1506 года) извѣстіе о возвращеніи Софій «изъ бѣговъ:» «бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гошима никимъ же...» и

1) Только кое-какія вставки сдѣланы на основаніи Львовской лѣтописи, напр., объ удаленіи войска великаго князя къ Боровску.

т. д., при чемъ въ концѣ призывается на боярскихъ холоповъ, кровопивцевъ христіанскихъ, грабившихъ страны, черезъ которыя проходила великая княгиня, Божья кара. Показавъ на одномъ примѣрѣ необходимость установленія тѣсной связи между изучаемыми лѣтописными сводами, не могу не повторить упрека г. Тихомирову въ томъ, что онъ разсматриваетъ каждый сводъ самъ по себѣ. Замѣчая общія мѣста между Никоновской, Воскресенской и Софійской 2-й лѣтописями, онъ, однако, не рѣшается вывести отсюда заключенія или о взаимномъ вліяніи другъ на друга этихъ лѣтописей, или о существованіи такого свода, къ которому могли бы возводиться всѣ эти лѣтописи.

Г. Тихомировъ не идетъ дальше предположенія, что эти своды пользовались общими источниками, которыми, для болѣе поздняго періода (съ княженія Іоанна III), могли быть, по его мнѣнію, официальные записи (с. 83).

Для того, чтобы показать, что въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ заключается достаточный матеріалъ для опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній, а также для возстановленія нѣкоторыхъ основныхъ сводовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи, я попытаюсь въ самомъ сжатомъ очеркѣ разсмотрѣть составъ и взаимныя отношенія всѣхъ тѣхъ московскихъ сводахъ XVI вѣка, о которыхъ говорятъ г. Тихомировъ.

1. Въ 1506 году была составлена редакція Хронографа, доводившая рассказъ до этого года: въ части до 1451 года она отразилась въ Хронографѣ редакціи 1512 года, а въ части 1447 - 1496 въ Синодальномъ спискѣ Новгородской 4-й лѣтописи. Въ основаніе этой редакціи положена болѣе древняя редакція Хронографа, восходившая въ свою очередь къ основной редакціи — 1442 года.

2. Въ 1508 году, а именно до февраля 1509 (январскаго года), была составлена новая редакція Хронографа, значительно дополнившая лѣтописный рассказъ въ части отъ 1474 года и прибавившая рассказъ о событіяхъ 1506 - 1508 годовъ. Эта редакція отразилась въ спискѣ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, гдѣ соединены тексты Софійской 1-й лѣтописи и Хронографа.

3. Въ 1518 году составленъ обширный лѣтописный сводъ на основаніи, главнымъ образомъ, слѣдующихъ источниковъ: а) суздальскаго свода 1206 года по списку, сходному съ Радзивилловскимъ, Академическимъ и частью Переяславскаго лѣтописца (отъ 1138 до 1206 г.), б) владимирско-московскаго свода начала XV вѣка, в) Софійской 1-й лѣтописи съ продолженіями до 1488 года, г) Хронографа редакціи 1508 года. Этотъ сводъ былъ протографомъ Львовской лѣтописи; такъ мы его и назовемъ. Онъ оканчивался рассказомъ о смерти и погребеніи князя Семена Ивановича.

4. Вскорѣ послѣ этого былъ составленъ Софійскій 2-й сводъ, соединившій Софійскую 1-ю лѣтопись, съ продолженіями до 1453 года, съ протографомъ Львовской лѣтописи. Этотъ сводъ въ первоначальномъ своемъ видѣ отразился въ Архивскомъ спискѣ Софійской 2-й лѣтописи, утратившемъ свое начало до разказа о событіяхъ 1395 года. Архивскій списокъ оканчивается именно тамъ, гдѣ оканчивался его источникъ — протографъ Львовской лѣтописи, т. е. на разказѣ о смерти и погребеніи князя Семена Ивановича.

5. Въ 1520 году явилась новая редакція Хронографа: на существованіе такой редакціи указываетъ то обстоятельство, что, начиная съ 1521 года, въ Никоновской лѣтописи отражается только одинъ источникъ—Воскресенская лѣтопись, между тѣмъ какъ внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ пользование со стороны составителя Никоновской лѣтописи тремя или больше источниками, между которыми находились—Львовская лѣтопись въ редакціи 1518 года (см. ниже) и Хронографъ: выше мы, разбирая разказъ о походѣ на Угру, видѣли, что текстъ Никоновской лѣтописи, относящійся къ нему, вполне тождественъ съ текстомъ Русскаго Временника, который я считаю Хронографомъ редакціи 1533 года; отсюда ясно, что Никоновская лѣтопись заимствовала разказъ 1480 года изъ Хронографа, но не редакціи 1533 года, такъ какъ въ теченіе 1521 - 1533 года никакихъ заимствованій изъ него (Русскаго Временника) не замѣчается, а той редакціи его, которая оканчивалась 1520-мъ годомъ: до этого года включительно видимъ заимствованія изъ Хронографа: такъ, подъ 1520 годомъ читаемъ обширную статью «О иконахъ владимерскихъ»: ея нѣтъ въ Воскресенской, нѣтъ и въ Львовской лѣтописи, но она есть въ Русскомъ Временникѣ (II, 321 - 322); слѣдовательно, она восходитъ къ Хронографу. Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи читаемъ о поѣздкѣ Бориса Голохвастова посломъ къ турецкому султану: объ этой поѣздкѣ не говоритъ Воскресенская лѣтопись; правда, она есть въ Львовской лѣтописи, но мы знаемъ, что Никоновская лѣтопись пользовалась только древнѣйшею редакціей ея, доходившею до 1518 года; слѣдовательно, вѣроятноже возводитъ и эту статью къ Хронографу. Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи находимъ по два раза извѣстія о поставленіи Іоны (ошибочно: Ивана) архіепископомъ Ростову и о поставленіи Пимена епископомъ Вологодскимъ: во второй разъ эти оба извѣстія заимствованы изъ Воскресенской лѣтописи (ср. Ник. VI, 227 и Воскр. VIII, 269), а въ первый они, думаю, должны восходить къ Хронографу, но не той редакціи, которая отразилась въ Русскомъ Временникѣ, а редакціи болѣе первоначальной: на это указываетъ полнота извѣстій въ первой записи (Ник. VI, 226), сравнительно со второю записью, и совпаденіе ихъ съ текстомъ этихъ извѣстій въ Русскомъ Временникѣ (сход-

номъ въ данномъ случаѣ съ Льв. и Воскр. лѣтописями, заимствовавшими ихъ изъ него)¹⁾. Подъ 1519 годомъ находимъ въ Никон. (VI, 223 - 224) рядъ подробностей о литовской войнѣ, которыхъ нѣтъ въ Воскресенской (VII, 268); бѣольшая часть этихъ подробностей читается и въ Львовской лѣтописи (III, 371 - 373) и въ Русскомъ Временникѣ (II, 319 - 320): въ виду этого вѣроятнымъ представляется, что текстъ всѣхъ этихъ трехъ памятниковъ восходитъ къ одному общему оригиналу, каковымъ и могъ быть Хронографъ редакціи 1520 года. Подъ 1508 годомъ въ Никоновской читаемъ «О положеніи мощей великихъ князей и удельныхъ в Оршагелѣ» (VI, 180 - 181); эта статья не заимствована ни изъ Воскресенской лѣтописи, ни изъ Русскаго Временника, въ которыхъ видимъ вставки о погребеніи князей умершихъ послѣ 1508 года; но ее нельзя возводить и къ Львовской лѣтописи: правда, въ послѣдней нѣтъ позднѣйшихъ вставокъ, но за то уже въ редакціи 1518 года, какъ это видно изъ совпаденія Львовской лѣтописи съ обоими списками Софійской 2-й, была опущена слѣдующая фраза: «а оттолѣ положиша князя Андрия Дмитреевича да брата его Петра Дмитреевича» (ср. Льв. III, 297 и Соф. 2-ю, VI, 247, прим. б); эта фраза есть въ Никоновской (VI, 180); слѣдовательно, статья подъ 1508 годомъ, находящаяся въ Никоновской лѣтописи, не можетъ восходить и къ Львовской въ редакціи 1518 года. Имѣя въ виду, что она, въ исправномъ и первоначальномъ видѣ, читалась въ Хронографѣ редакціи 1508 года (ср. сп. Царскаго, VI, 52 - 53), естественно допустить, что изъ Хронографа она и попала въ Никоновскую лѣтопись, но не изъ редакціи 1508 года, такъ какъ заимствованія изъ Хронографа обнаруживаются въ Никоновской лѣтописи и позже, — а именно изъ редакціи 1520 года.— Хронографъ этой редакціи положилъ въ основаніе редакцію 1508 года, но дополнилъ ее, какъ въ части до 1508 года, такъ и въ части послѣ этого года, на основаніи Софійской 2-й лѣтописи редакціи 1518 года (Архивскій списокъ). Въ части 1509 - 1518 мы находимъ въ Русскомъ Временникѣ, а слѣдовательно, и въ болѣе древнемъ его видѣ—редакціи 1520 года текстъ весьма сходный, какъ съ Львовскою, такъ и съ Софійскою 2-ю лѣтописью. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе текста 1509 - 1518 гг. по Хронографу редакціи 1520 года, съ одной стороны, по Львовской и Софійской 2-й лѣтописямъ, съ другою, должно привести изслѣдователя къ убѣжденію во взаимномъ вліяніи этихъ памятниковъ; имѣя въ виду, что первоначальныя редакціи Львовской и Софійской 2-й лѣтописей, относящіяся къ 1518 году, моложе Хронографа редакціи 1520 года—ясно, что не онъ представляетъ первоначальный текстъ и что онъ заимствовалъ его изъ Львовской или Софійской 2-й. Сравненіе

1) Такъ, въ первой записи Іона названъ бывшимъ Симоновскимъ архимандритомъ, а Пимень — игуменомъ Соловецкимъ.

Русскаго Временника въ части до 1508 года, или, что почти тоже, Хронографа редакціи 1520 года, въ этой его древнѣйшей части, съ болѣе древними редакціями Хронографа — 1508 г. (списокъ Царскаго) и 1506 г. (Синодальный списокъ № 280) приводитъ къ убѣжденію, что, по крайней мѣрѣ до 1479 года, редакція 1520 года пользовалась еще другими источниками, кромѣ Хронографа 1508 года; сопоставленіе цѣлаго ряда мѣстъ показываетъ, что однимъ изъ такихъ источниковъ была именно Софійская 2-я лѣтопись редакціи 1518 года; такъ, событія 1446 - 1453, изложенныя, какъ мы видѣли, въ Софійской 2-й лѣтописи несходно съ Львовскою, въ Русскомъ Временникѣ оказываются сходными (но при томъ короче изложенными) съ Софійскою 2-ю лѣтописью (ср. VI, 172 - 180 и Русск. Врем. II, 10 и слѣд.). Въ виду того, что различія между Хронографомъ редакціи 1520 г. и болѣе древними редакціями его доходятъ только до 1479 г., я думаю, что главный дополнительный источникъ этой редакціи оканчивался около этого времени, а что Софійская 2-я лѣтопись была лишь второстепеннымъ источникомъ, ставшимъ, однако, главнымъ, начиная съ 1509 года. Что касается событій 1518 - 1520 гг., то рассказъ о нихъ принадлежитъ самому составителю новой редакціи Хронографа.

6. Въ 1533 году составлена новая редакція Хронографа, повидимому, по повелѣнію или при ближайшемъ участіи архіепископа Новгородскаго Макарія: этимъ объясняется то обстоятельство, что въ ней помѣщенъ рядъ новгородскихъ извѣстій, большая часть которыхъ связывается съ именемъ просвѣщеннаго владыки. Вставки эти начинаются, какъ мы видѣли, съ начала XVI вѣка; ихъ особенно много съ 1526 года, т. е. съ года поставленія Макарія архіепископомъ. Въ основаніе труда положена предшествующая редакція 1520 года: что въ ней не было перечисленныхъ выше новгородскихъ извѣстій, видно изъ того, что подъ 1508 и 1519 гг. эти извѣстія отсутствуютъ въ Никоновской лѣтописи, пользовавшейся этой редакціей. Рассказъ 1521 - 1533 гг. принадлежитъ составителю Хронографа¹⁾: онъ доведенъ до августовскихъ событій 1533 года. Въ такомъ видѣ онъ перешелъ въ Москву, гдѣ при перепискѣ къ нему присоединено извѣстіе отъ 19 декабря 1533 (сентябрьскаго 1534 г.) о слитіи колокола Николаемъ нѣмчинимъ. Слѣдуетъ замѣтить, что лѣтописный рассказъ Хронографа въ части 1521 - 1533, судя по Русскому Временнику (II, 323 - 363), очень неполонъ, если сравнить его съ позднѣйшимъ сводами XVI вѣка: въ немъ отсутствуетъ рядъ извѣстій о политическихъ событіяхъ, въ особенности же нѣтъ сообщеній о прибытіи и отпавкѣ различныхъ посольствъ.

1) Подъ 1521 г. находимъ въ Русскомъ Временникѣ (II, 325—337) длинный рассказъ о нашествіи татаръ, вставленный, очевидно, позже изъ Степ. книги (ср. II, 193—202): на вставку указываетъ заглавіе: «Отъ многа лѣтописца о томъ же и о ходу»...

Такъ, подь 1525 нѣтъ о казанскомъ посольствѣ, подь 1526 о казанскомъ, императора германскаго и папы римскаго, подь 1527 объ отправленіи пословъ къ императору, папѣ, королю польскому и царю казанскому, подь 1529 о казанскихъ послахъ, подь 1531 г. о дипломатическихъ переговорахъ съ Казанью и т. д.

7. Въ 1534 году Хронографъ редакціи 1533 года (Русскій Временникъ) послужилъ основаніемъ для дополненія того московскаго свода, о которомъ мы говорили подь № 3, т. е. протографа Львовской лѣтописи 1518 года. При этомъ составитель новой редакціи этой лѣтописи, не свѣривъ должнымъ образомъ разсказа основнаго свода 1518 года съ Хронографомъ, помѣстилъ подь 1518 годомъ два событія, уже изложенныя выше: о возвращеніи посла Племянникова, съ которымъ прибыли послы германскаго императора, и о прибытіи къ великому князю старца Климента съ Синайской горы; думаю, что первое изъ этихъ извѣстій взято изъ дѣлъ посольскаго приказа, которыми значительно дополненъ новыи сводъ, а второе извѣстіе попало изъ Хронографа 1533 г., гдѣ оно стоитъ именно въ этомъ мѣстѣ, т. е. въ концѣ лѣтописной статьи 1518 г., и при томъ передъ извѣстіемъ о разобраніи церкви св. Вознесенія «ветхости ради»,—извѣстіемъ, попавшимъ также въ новыи сводъ (ср. Льв. III, 360 и Русск. Вр. II, 311 - 312). Такимъ образомъ, уже подь 1518 г., въ первыхъ же строкахъ новаго редактора, сказались два источника его, но которымъ онъ составилъ лѣтописный разсказъ 1518 - 1533 г.: это, во-первыхъ, Хронографъ редакціи 1533 года, во-вторыхъ, дашныя посольскаго приказа. Главный источникъ—Хронографъ, списавъ довольно акуратно, но кое-гдѣ видимъ сокращенія противъ подлинника: такъ, напримѣръ, сокращена обширная статья о возвращеніи Владимирскихъ иконъ подь 1520 г.; такъ, въ извѣстіи 1525 г. о построеніи Дѣвичья монастыря въ Москвѣ опущены названія поставленныхъ въ немъ церквей. Новгородскія извѣстія подлинника внесены все въ сводъ 1533 г., начиная съ извѣстія объ устройствѣ новыхъ судебныхъ мѣсть 1519 г.¹⁾ Послѣ послѣдняго извѣстія Хронографа — о возвращеніи великаго князя съ похода 21 августа 1533 г., редакторъ новаго свода списалъ приписку, читавшуюся въ Хронографѣ о изготовленіи колокола 19 декабря того года (а сентябрьскаго — 1534 г.); за тѣмъ изъ втораго источника — посольскихъ дѣлъ помѣщено извѣстіе о прибытіи въ августѣ 1533 г. астраханскаго посла Кудальяра. Наконецъ, вслѣдъ за этимъ помѣщена статья о преставленіи вел. князя Василія Ивановича, начинающаяся съ извѣстія о поѣздкѣ его къ Троицѣ 21 сентября 1533 (1534 сентябрьскаго) года.

1) Но въ часть до 1518 г. (основную) редакторъ не вносилъ новгородскихъ извѣстій Хронографа 1533 года: вотъ почему подь 1508 г. мы не читаемъ у него объ устройствѣ новгородскихъ улицъ (ср. Русск. Вр. II, 268).

8. Въ 1534 году былъ составленъ обширный сводъ, соединившій описанный подъ № 3 сводъ (протографъ Львовской лѣтописи) съ Новгородской 1-й, Ростовской и другими лѣтописями. Но такъ какъ главный источникъ позднѣйшихъ событій — протографъ Львовской лѣтописи доходилъ только до 1518 года, то часть отъ 1519 до 1534 года представляла краткій перечень событій. Первая часть этого свода до 1255 года включительно сохранилась, какъ увидимъ ниже (Ш ч. настоящаго разбора), въ Тверскомъ сборникѣ, а послѣдняя часть свода, отъ 1519 до 1534 года, сохранилась, повидимому, въ Новоіерусалимскомъ списокѣ Софійской 2-й лѣтописи.

9. Послѣ 1534 года составленъ Новоіерусалим. списокъ Соф. 2-й лѣтописи: въ основаніе его положена первая редакція этой лѣтописи, сохранившаяся, какъ мы видѣли, въ Архив. списокѣ (см. № 4). Но эта редакція доходила только до 1518 года, при чемъ она была весьма сходна, до этого года включительно, съ рассмотрѣннымъ подъ № 8 сводомъ, такъ какъ основывалась на одномъ общемъ съ нимъ источникѣ — Московскомъ сводѣ 1518 г. (№ 3). Это побудило составителя Новоіерусалим. списка (или его протографа) взять рассказъ 1519 - 1534 г. изъ свода 1534 года (№ 8). На основаніи того же свода и въ часть до 1518 г. внесены рядъ поправокъ и дополненій (на поляхъ)¹⁾. И такъ, рассказъ о смерти Василя Ивановича, весьма обстоятельный и болѣе полный, чѣмъ рассказъ Воскресенской, Львовской и Никоновской лѣтописей, взятъ въ Новоіерусал. списокъ изъ того самаго свода, который впоследствии былъ внесенъ, въ древнѣйшей своей части (до 1255 г.), въ Тверской сборникъ.

10. Послѣ 1534 года составленъ Воскресенскій сводъ. Изъ источниковъ его отмѣчу: Московскій сводъ 1481 года, сохранившійся въ соединеніи съ другими сводами въ Архивскомъ списокѣ, упомянутомъ въ VII т. П. С. Р. Л., с. VIII - IX; далѣе, протографъ Львовской лѣтописи въ редакціи 1534 года; Хронографъ въ редакціи 1533 г. (Русскій Временникъ); первую редакцію Софійской 2-й лѣтописи (Архивскій списокъ, его протографъ) и др. Такъ, изъ Хронографа заимствовано извѣстіе 1506 г. о совершеніи каменной трапезы въ Андрониковомъ монастырѣ (Воскр. VIII и Русск. Вр. II); изъ него же взята статья 1508 г. о перенесеніи мощей

1) Ср. подъ 1095 г.: Написана бысть книга диопатра сиречь зеркало во граде Смоленске (на полѣ; Соф. Вр. Строева = П. С. Р. Л. V, 150); ср. со сходнымъ извѣстіемъ Тверского сборника, ошибочно занесеннымъ подъ 1128 г.; подъ 1193 г. на полѣ о построеніи Варлаамомъ Хутыньскимъ каменной церкви, ср. Тверск. сб. подъ 1192; подъ 1191 о закладкѣ Суздаля и церкви Рождества во Владимирѣ — то же въ Тверск. сб.; подъ 1162 о постройкѣ Ростовской церкви и обрѣтеніи мощей Леонтія — то же въ Тверск. сб.; подъ 1145 о постройкѣ на Смядыни церкви Б. и Гл. — то же въ Тверск. сб.; подъ 1101 объ учрежденіи Смоленской епископін — то же въ Тверск. сб.; подъ 1027 о побѣдѣ надъ Чудью и погрозеніи Юріева — то же подъ 1030 въ Тверск. сб.; при рассказѣ о нападеніи Аскольда и Дира вставлены слова: «сего же ради влахерна наречется мѣсто то...»; тѣ же слова въ Тверск. сб. и др.

вѣлкихъ и удѣльныхъ князей въ новую церковь Архангела Михаила ¹⁾; отсюда же попало въ Воскр. извѣстіе 1509 года о смерти Василя Даниловича Холмскаго (Воскр. VIII, 250 и Русск. Вр. II, 271); согласно съ Хронографомъ, подъ 1509 г. помѣщено краткое извѣстіе о томъ, что зимой этого года сведенъ съ Новгорода архіепископъ Серапіонъ за то, что не благословилъ Іосифа, игумена Волоцкаго (Воскр. VIII, 250 и Русск. Вр. II, 273), между тѣмъ какъ въ Львовской (II, 307 - 309) подробно разсказывается о столкновеніи Серапіона съ Іосифомъ и о смерти Серапіона, послѣдовавшей 16 марта. Подъ 1511 г. въ Воскресенской лѣтописи, такъ же какъ въ Хронографѣ редакціи 1533 г. (Воскр. VIII, 252 и Русск. Вр. II, 289), находимъ краткое извѣстіе о поставленіи Варлаама, замѣнившее длинное извѣстіе о томъ же Львовской (III, 317). Подъ 1492 г. находимъ въ Воскр. (VIII, 223) рядъ извѣстій (начиная съ распоряженія о составленіи писцовыхъ книгъ по Тверской области и кончая извѣстіемъ объ обрѣтеніи серебряной и мѣдной руды), которыхъ нѣтъ въ Львовской (III, 213): всѣ они восходятъ къ Хронографу 1533 г. (Русск. Вр. II, 195 - 196). Зависимость отъ протографа Львовской лѣтописи сказывается уже въ разсказѣ о событіяхъ XIII в., но въ особенности ясно она выступаетъ въ концѣ свода, гдѣ мы, вполне согласно со Львовской лѣтописью, подъ 1533 г. находимъ послѣ событія 21 августа извѣстіе 19 декабря, вслѣдъ за этимъ извѣстіе о прибывшемъ въ августѣ посольствѣ и, наконецъ, статью о представленіи вел. кн. Василя Ивановича. Этой статьей, составляющей 63-ю главу свода, оканчивалась, какъ мы видѣли выше, первая, основная редакція Воскресенской лѣтописи.

11. Въ 1537 г. или же послѣ этого года возникла 2-я редакція Воскресенской лѣтописи, отличавшаяся отъ первой прибавленіемъ семи главъ, содержавшихъ разсказъ о событіяхъ 1534 - 1537 гг.

12. Въ 1539 г. или же послѣ этого года составленъ въ Новгородѣ сводъ, въ которомъ можно различить слѣдующія части: 1) Софійскую 1-ю лѣтопись, дополненную на основаніи Хронографа до 1491 года; 2) Новгородскую лѣтопись, дополненную въ особенности въ началѣ обильными заимствованіями изъ какой-то Московской лѣтописи и продолжавшуюся отъ 1498 до 1539 года. Послѣднимъ оказывается имѣющее видъ приписки извѣстіе о рожденіи уroda о двухъ головахъ въ августѣ 1539 года, въ Новгородѣ. Этотъ сводъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, но онъ повліялъ на образованіе лѣтописнаго свода, о которомъ скажемъ подъ № 13. Въ части отъ 1445 по 1537 онъ сокращенно переданъ въ Новоиерусалимскомъ спискѣ вслѣдъ за Софійской 2-й лѣтописью (ср. VI т.,

1) При этомъ, какъ мы видѣли, послѣдней вставкой въ редакціи 1533 Хронографа было извѣстіе о смерти Петра царевича Абрѣмова.

с. 277 - 303, гдѣ онъ напечатанъ подъ названіемъ «Отрывокъ русской лѣтописи»); между прочимъ здѣсь оупущены событія 1499 - 1513 гг.

13. Послѣ 1539 года Московскій сводъ 1481 года, о которомъ я сказала подъ № 10, былъ дополненъ на основаніи Новгородскаго свода 1539 года, почему во вновь возникшемъ сводѣ оказались двѣ части: первая до 1481 г., слѣдующая Московскому своду, и вторая отъ 1482 до 1539, восходящая къ Новгородскому своду № 12. Этотъ новый сводъ сохранился въ Архивскомъ спискѣ XVIII в. (П. С. Р. Л. V, с. VIII-IX). Въ части отъ 1482 г. онъ тождественъ съ «Отрывкомъ русской лѣтописи», дополняя, впрочемъ, оупущенныя тамъ событія 1499-1513 гг. и 1539-го г.

14. Въ 1541 г. или послѣ этого года составлена третья редакція Воскресенскаго свода. Въ основаніе ея легла вторая редакція, при чемъ она дополнена разсказомъ о событіяхъ 1538 - 1541 года и оканчивалась повѣстью о нашествіи Саипъ-Гирея. Эта редакція дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе XVI в.

15. Въ 1553 - 1554 гг. была составлена основная редакція Никоновскаго свода. Оставляя въ сторонѣ древнѣйшую часть этого свода, гдѣ сохранился лѣтописный разсказъ до второй четверти XV ст., замѣчу, что для XV и XVI вѣка составитель пользовался довольно ограниченнымъ числомъ источниковъ: въ части до 1518 года обнаруживаются три источника — Воскресенская лѣтопись (2-я редакція), протографъ Львовской и Хронографъ редакціи 1520 года; въ части 1518 - 1520 видимъ два источника — Воскресенскую лѣтопись и Хронографъ указанной редакціи; наконецъ, начиная съ 1521 года, у составителя оставался одинъ только источникъ — вторая редакція Воскресенской лѣтописи. Такъ, подъ 1500 г. (начиная съ сентября), видимъ въ Никон. текстъ, сходный съ Воскр. и Льв. лѣт.: но въ извѣстіи о смерти Ивана Васильевича рязанскаго видимъ лишнюю фразу: «а по немъ сынъ его Иванъ остался полуныта году» (VI, 159), которая заимствована изъ Хронографа (Русск. Вр. II, 227). Въ концѣ этого года въ Никон. записано извѣстіе о взятіи Торопца (VI, 163): его нѣтъ ни въ Воскр., ни въ Льв., но оно было въ Хронографѣ (Русск. Вр. II, 232) и именно тамъ же, гдѣ въ Никон., т. е. послѣ извѣстія о Ногайскомъ посольствѣ.—Подъ 1501 г. въ Никон. читаемъ текстъ, тождественный съ Воскр.: но извѣстіе о чудѣ у гроба Максима юродиваго (VI, 164) восходитъ къ Хронографу (Русск. Вр. II, 233), а прибавка къ извѣстію о разобраніи старой церкви Архангела Михаила того, что она была выстроена въ 6873 г., при чемъ теперь (т. е. въ 1501) на мѣстѣ старой заложили новую, въ архимандритство Θεогноста, восходитъ къ Львовской (III, 269) или къ Хронографу (Русск. Вр. II, 234). — Подъ 1502 г. разсказъ о столкновеніи съ Ливонскими иѣмцами на Серицѣ взятъ въ Никон. изъ Львовской

лѣтописи (III, 271, ср. имена князей: Д. В. Щеня и А. В. Оболенскій), все остальное восходитъ къ Воскр. лѣтописи. — Подъ 1503 г. въ Никон. (VI, 172), излишне противъ Воскресенской, находимъ имена крымскихъ пословъ, пришедшихъ въ Москву съ Иваномъ Ощѣринымъ: «да съ нимъ пришлоу Алабата уланъ, да Тетлаинъ Бердендуванъ»; они заимствованы изъ протографа Льв. (III, 283: Алабатъ Уланъ да Детлаинъ Верде). — Подъ 1506 г. походъ князя Дмитрія Ивановича на Казань разказанъ въ Никон. (VI, 175) согласно съ Львовской (VII, 287 - 289); отсюда же взято извѣстiе о посольствѣ Ивана Кобыяка къ сестрѣ великаго князя Еленѣ въ Вильну; все остальное заимствовано изъ Воскресенской. — Подъ 1507 г. извѣстiя о прибытiи къ великому князю Казанскаго посла и о посылкѣ въ Казань Алексѣя Лучина для переговоровъ, равно какъ дальнѣйшiя извѣстiя о прибытiи изъ Казани посла Бакшея Бозека и объ отправкѣ въ Казань Елизара Сукова, — всѣ эти извѣстiя восходятъ въ Ник. лѣтописи (VI, 178) къ Льв. (III, 292 - 294); отсюда же взято извѣстiе о набѣгѣ татаръ на Бѣлевскiя мѣста и объ отраженiи ихъ московскими воеводами; между тѣмъ первыя лѣтописныя статьи этого года заимствованы изъ Воскресенской. — Подъ 1508, какъ мы видѣли, извѣстiе о положенiи мощей великихъ князей и удѣльныхъ въ Архангелѣ заимствовано въ Никон. (VI, 180 - 181) изъ Хронографа редакцiи 1520 года; изъ Львов. лѣтописи взяты: слѣдующес затѣмъ извѣстiе о возвращенiи изъ Крыма И. Г. Поплевина, конецъ статьи о прибытiи на службу великаго князя М. Л. Глинскаго (VI, 182), конецъ статьи о походѣ противъ короля польскаго (послѣ словъ: и отъ Орши къ Смаленьску), извѣстiе о договорѣ съ мурзами ногайскими (VI, 183)¹⁾ и извѣстiе о подписанiи церкви Благовѣщенiя (VI, 182); остальныя извѣстiя восходятъ къ Воскр. (или Львовской). — Подъ 1509 г. статья объ Абдуль-Летифѣ и о нѣмецкихъ послахъ заимствованы изъ Львовской, все остальное взято изъ Воскр. (или Львовской). — Подъ 1511 г. извѣстiе о поставленiи митрополита Варлаама восходитъ къ Львовской лѣт., все остальное къ Воскр. (или Львовской). — Подъ 1512 г. статья о царѣ Казанскомъ (VI, 191 - 192) взята изъ Львовской, но дополнена, очевидно, по подлинному посольскому дѣлу, такъ какъ начало этой статьи (Тоя же зимы — и до своего живота) совсѣмъ не читается въ Львовской (въ Воскр. отъ общирной статьи посольской осталось лишь нѣсколько фразъ, VIII, 252); статьи о приходѣ крымскаго царевича на Украйну и объ опалѣ надъ Абдуль-Летифомъ восходятъ къ Львовской лѣтописи; отсюда же взята статья о нападенiи Махмута ца-

1) Въ Львов. лѣтописи (III, 301) пропущено мѣсто, читаемое въ Никон. отъ словъ: «о опасе посла своего» до словъ: «государю вѣса Руснѣ», вслѣдствiе чего оказывается, что польскiй король билъ челомъ о допущенiи въ Москву ногайскихъ купцовъ (!) Въ ред. 1518 г. этого пропуска не было, какъ видно изъ Соф. 2-й лѣт. (VI, 248).

ревича на Рязанскую область; остальное восходитъ къ Воскр. (или Львовской). — Смоленское взятѣе подѣ 1514 и 1515 гг. въ Никои. лѣтописи (ср. особенно конецъ статьи 1514 г. и начало статьи 1515 г.) изложено по Воскр. лѣтописи, но дополнено по Львовской; замѣчательно, что имя Константина Острожскаго, упомянутое въ Воскр., въ началѣ статьи о Оршинскомъ бою (VIII, 257), опущено какъ въ Никоновской (VI, 201), такъ и въ Львовской (III, 335). — Событія 1516 - 1518 гг. изложены въ Никоновской, согласно съ Воскресенской (и Львовской). — Въ части 1518-1520 составитель Никоновской лѣтописи пользовался уже только двумя источниками — Воскресенской лѣтописью и Хронографомъ редакціи 1520 года. При этомъ должно имѣть въ виду, что о составѣ редакціи Хронографа 1520 года нельзя судить только по Русскому Временнику (редакція 1533 года), во многихъ мѣстахъ сократившему эту болѣе древнюю редакцію. Вотъ почему съ увѣренностью можно сказать, что подробности о полкахъ и воеводахъ, участвовавшихъ въ походѣ на Литву въ 1519 г., равно какъ нѣкоторыя подробности о самомъ походѣ, отсутствующія въ Русскомъ Временникѣ (II, 319 - 320), попали въ Никоновскую (VI, 223 - 224) изъ Хронографа. Изъ него же, какъ мы видѣли, заимствованы: статья 1520 г. о иконахъ владимирскихъ (Ник. VI, 225 - 226, Русск. Вр. II, 321 - 322), статья о путешествіи Бориса Голохвастова къ турецкому султану (VI, 226 - 227; II, 323), извѣстія о поставленіи Юны, Тихона и Пимена (VI, 226) и, наконецъ, извѣстіе о папскомъ послѣ Павлѣ (VI, 227: его нѣтъ въ Русск. Вр.); — все остальное подѣ 1518 - 1520 гг. восходитъ въ Никоновской лѣтописи къ Воскресенской. — Наконецъ, въ части 1521 - 1541 Никоновская лѣтопись имѣла одинъ только источникъ — Воскресенскую лѣтопись: поэтому никакихъ различій въ этой части мы между обѣими указанными лѣтописями не находимъ.

И такъ, разсмотрѣніе Никоновской лѣтописи, хотя бы въ предѣлахъ одного XVI в., обнаружило присутствіе только трехъ источниковъ у ея составителя: правда, подѣ 1512 г., въ статьѣ о царѣ Казалскомъ мы указали еще на четвертый источникъ (подлинное дѣло посольскаго приказа), но весьма возможно, что статья эта заимствована изъ Хронографа редакціи 1520 года (редакція 1533 г., Русскій Временникъ, совсѣмъ ее опустила).

Основная редакція Никоновской лѣтописи оканчивалась, думаю, тамъ же, гдѣ Воскресенская, т. е. на статьѣ о Сашпѣ-Гиреѣ. Вообще, повидимому, редакторъ задался цѣлью дополнить и переработать Воскресенскій сводъ: этимъ объясняется то, что новому своду были предпосланы тѣ самыя статьи лѣтописнаго содержанія, которыя предшествуютъ Воскресенскому своду, и, между прочимъ, всѣ три оглавленія этого свода по третей

его редакціи. Ср. эти статьи въ началѣ Патріаршаго списка Никоновской лѣтописи (IX, с. VI).

16. Въ 1556 году явилась уже вторая редакція Никоновской лѣтописи: въ основаніе легла первая редакція; лишь кое-что было въ ней измѣнено и исправлено, но зато она дополнена лѣтописными извѣстіями, заимствованными изъ современной лѣтописи, которая велась, очевидно, при дворѣ царскомъ и носила оффиціальнѣйшій характеръ. Изъ той же лѣтописи взятъ лѣтописный рассказъ о 1533 - 1541 гг., замѣнившій рассказъ основного свода, слѣдовавшаго Воскресенскому своду. Последнее событіе, занесенное въ Никоновскій сводъ ихъ оффиціальной лѣтописи,—это извѣстіе 21 марта 1556 г. о присылкѣ отъ новгородскаго намѣстника Михайла Глинскаго нѣмецкой грамоты, въ которой нѣмцы просятъ дать опасную грамоту на пословъ; царь велѣлъ Михайлу дать такую грамоту на пословъ и гонцовъ. Единственнымъ и, какъ кажется, основнымъ спискомъ этой редакціи является Академическій XIV (Патріаршій).

17. Къ 1558 году относится третья редакція Никоновской лѣтописи: въ основаніе ея положена не вторая, а первая — основная редакція. Слѣдуя своему оригиналу болѣе точно, чѣмъ вторая редакція, она дополнила, начиная съ 1542 года, прерывавшійся въ основномъ сводѣ лѣтописный рассказъ заимствованіями изъ оффиціальной лѣтописи и довела ихъ до іюньскихъ событій 1558 г. Но часть 1534 - 1541 гг., въ противоположность редакціи 1556 г., оставлена безъ измѣненій и передача согласно основной редакціи. До насъ не дошло списковъ третьей редакціи, и мы можемъ возстановлять ее только по спискамъ четвертой и позднѣйшихъ редакціи.

18. Въ 1560 году составлена та редакція Львовской лѣтописи, которая дошла до насъ по изданію конца прошлаго вѣка ¹⁾. Въ основаніе ея положенъ сводъ 1534 года, о которомъ мы говорили выше подъ № 7. Начиная съ 1534 года, и именно съ той же статьи, что и Никоновская лѣтопись 2-й редакціи (1556 г.), новая редакція Львовской лѣтописи дополнена по оффиціальной лѣтописи: дополненія доведены до февральскихъ событій 1560 года.

19. Вѣроятно, ко времени около 1577 года относится составленіе четвертой редакціи Никоновской лѣтописи. Въ основаніе ея положена третья редакція 1558 года, нѣсколько исправленная и измѣненная. Въ концѣ она дополнена отрывочными извѣстіями 1571, 1563, 1558, 1572 и 1577 гг. Имѣя въ виду, что позднѣйшее изъ этихъ извѣстій (походъ на Ливонію) относится къ 1577 г. и что послѣднимъ въ спискѣ митрополитовъ названъ Аптоній (1572 - 1580), можно думать, что эта редакція составлена въ

¹⁾ Я не успѣлъ познакомиться съ Синод. рук. № 486, признанною г. Прѣсняковымъ (Царств. кн., 13) сходною, если не тождественною съ Львовскою лѣтописью.

1577-1580 г. Можетъ быть, списокъ Оболенскаго слѣдуетъ признать основнымъ или современнымъ спискомъ этой редакціи, если онъ писанъ въ XVI в., а не въ началѣ XVII вѣка, какъ полагали издатели IX т. П. С. Р. Д.

Въ этомъ перечнѣ сводовъ XVI в. приняты во вниманіе только тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь въ изслѣдованіи Тихомирова и въ моемъ разборѣ этого изслѣдованія. Официальная лѣтопись, о которой мы говорили нѣсколько разъ, не помѣщена въ перечень потому, что совершенно неясно, когда именно она прекратилась и перешла ли она за 1567 годъ, дальше котораго мы не имѣемъ о ней свѣдѣній.

Этимъ немногими замѣчаніями и отрывочными указаніями я заканчиваю свой разборъ ночтеннаго труда г. Тихомирова надъ московскими лѣтописными сводами. Миѣ пришлось довольно много говорить о недостаткахъ его и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ вести параллельное изслѣдованіе для опроверженія его выводовъ. Но эти недостатки въ значительной степени записаны отъ трудности и даже запутанности самого предмета. Увѣренъ въ томъ, что послѣдующій изслѣдователь измѣнитъ весьма многое и въ предложенной мною попыткѣ объясненія происхожденія московскихъ сводовъ. Я былъ бы счастливъ, если бы она послужила достойнымъ продолженіемъ труда г. Тихомирова, пролившаго яркій свѣтъ на составъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ и обогатившаго наши знанія въ области литературной исторіи древнихъ нашихъ памятниковъ.

О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью.

(Изслѣдованіе П. Тихомирова, помѣщенное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1876 г., декабрь).

Въ лѣтописномъ сводѣ, изданномъ въ XV томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей, г. Тихомировъ видитъ сборникъ, составленный въ 1534 году жителемъ ростовской области, говорящимъ о себѣ въ составленной имъ лѣтописи нѣсколько разъ въ первомъ лицѣ. Сборникъ этотъ, по мнѣнію изслѣдователя, можно раздѣлить на двѣ части: бѣльшую, первую половину занимаютъ выписки изъ разныхъ лѣтописей; другую, меньшую составляетъ собственно Тверская лѣтопись, обремененная различными вставками. Указавъ на начитанность составителя разсматриваемаго сборника и подтвердивъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ его знакомство съ Патерикомъ и житіемъ Авраамія, ростовскаго чудотворца, г. Тихомировъ переходитъ къ опредѣленію лѣтописныхъ источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи сводчика. Такими источниками, по указанію автора, были:

1) Софійскій временникъ, 2) Новгородскія лѣтописи, 3) Суздальская лѣтопись, 4) Южный сводъ лѣтописей, 5) сказанія, 6) Тверская лѣтопись, «самый главный источникъ Тверского сборника».

Сдѣлавъ нѣсколько любопытныхъ указаній на сознательное отношеніе компилятора къ своему труду, а также на самостоятельное отношеніе его къ хронологическимъ даннымъ своихъ источниковъ, г. Тихомировъ даетъ на с. 267 - 272 краткое обзорѣніе состава первой части Тверского сборника, т. е. той части его, которая оканчивается тамъ, гдѣ начинается собственно Тверская лѣтопись. Обзорѣніе это состоитъ, главнымъ образомъ, въ указаніи на тѣ извѣстія и сказанія, встрѣчающіяся въ этой части сборника, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Вслѣдъ за этимъ, г. Тихомировъ переходитъ къ главной части своей работы, къ разсмотрѣнію второй половины Тверского сборника, существенную часть которой составляетъ Тверская лѣтопись. Эта часть сборника начинается, по мнѣнію автора, съ 1285 года, а именно съ извѣстія о закладкѣ церкви св. Спаса на Твери; этимъ извѣстіемъ открывалась недошедшая до насъ Тверская лѣтопись, въ подтвержденіе чего авторомъ приводятся слѣдующія слова Костомарова: «Очевидно, слѣды ея (Тверской лѣтописи) существованія начинаются съ извѣстія о zaloженіи Спаса въ Твери. По тогдашнимъ народнымъ понятіямъ, признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же былъ поставленъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ». Со своей стороны г. Тихомировъ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ извѣстіи Михаилъ Ярославичъ называется «благовѣрнымъ», мать его «благовѣрною», и что вышеприведенное извѣстіе есть первое о Твери. Во второй части сборника содержится не одна Тверская лѣтопись: въ ней встрѣчаются и цѣлыя сказанія, и житія, и лѣтописныя извѣстія, не принадлежащія Тверской лѣтописи, а взятые изъ другихъ источниковъ. Несмотря на это, говоритъ авторъ, «лѣтопись должна все-таки назваться Тверскою по характеру извѣстій, по сочувствію къ тверскому княжескому дому, и, наконецъ, потому, что большая часть извѣстій ея относится къ исторіи Тверского княжества». Переходя къ обзорѣнію этой второй части лѣтописнаго сборника, г. Тихомировъ сначала разбираетъ «сказанія (повѣстия и житія), вошедшія въ Тверской сборникъ, отдѣльность которыхъ несомнѣнна и неоспорима», а затѣмъ дѣлаетъ обзоръ погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ (с. 272 - 292). Сказаній, вошедшихъ въ Тверской сборникъ, указывается тринадцать, начиная со «Сказанія объ убіеніи Михаила Ярославича Тверского» и кончая «Сказаніемъ о нападеніи Эдигея». Погодные извѣстія, занесенныя въ сборникъ, г. Тихомировъ разсматриваетъ въ связи съ вопросомъ о мѣстѣ ихъ происхожденія; между прочимъ здѣсь

указываются извѣстія ростовскія (обиліе ихъ, по словамъ автора, заставляютъ предполагать у составителя существованіе подъ руками ростовскихъ лѣтописей), нижегородскія, смоленскія, псковскія, одно владимирское (подъ 1410 годомъ) и весьма значительное число московскихъ: послѣднія составляютъ единственное содержаніе сборника, начиная съ 1487 года, такъ какъ, со времени паденія Твери (1486), тверскія извѣстія въ Тверскомъ сборникѣ прекращаются. Стр. 292 - 303 изслѣдованія г. Тихомирова посвящены разсмотрѣнію главнаго источника Тверского сборника — Тверской лѣтописи, начинающейся съ 1285 и оканчивающейся въ 1486 году. Хотя до насъ эта лѣтопись дошла въ соединеніи съ цѣлымъ рядомъ заимствованій изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, тѣмъ не менѣе г. Тихомировъ пытается выдѣлить изъ Тверского сборника все то, что должно восходить къ предполагаемой имъ Тверской лѣтописи, обнимавшей время отъ 1285 до 1486 года. Сюда относятся: 1) извѣстія о тверскихъ событіяхъ, 2) извѣстія, относящіеся и до другихъ частей Россіи: Москвы, Новгорода и пр., «записанныя» тверичемъ «по слуху», 3) извѣстія о событіяхъ, случившихся за предѣлами Россіи (напр., о взятіи Константинополя турками). — Замѣчу теперь же, что мнѣ не ясно, на чемъ основано утвержденіе г. Тихомирова, что указанная имъ не тверскія извѣстія попали въ сборникъ 1534 года изъ Тверской лѣтописи; мнѣ кажется, что извѣстіе 1391 года о митрополитѣ Кипріанѣ и Новгородцахъ, переданное въ Тверскомъ сборникѣ искаженно, могло попасть туда изъ одного изъ тѣхъ источниковъ, откуда заимствованы новгородскія, московскія и другія извѣстія, при чемъ подлинныя слова источника искажены самимъ составителемъ сборника. — На с. 303 - 308 г. Тихомировъ, давъ общую характеристику извѣстій Тверской лѣтописи, отмѣчаетъ свѣтскій характеръ этой лѣтописи и преданность ея составителей тверскому княжескому дому. Не соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ предисловіи къ XV тому П. С. Р. Л., о томъ, что лѣтопись эта составлена по повелѣнію великаго князя Бориса Александровича; указавъ при этомъ, что изъ словъ, на которыхъ основано мнѣніе издателей Тверского сборника, можно вывести лишь то, что по повелѣнію Бориса Александровича было написано житіе Михаила Александровича, вошедшее въ составъ Тверской лѣтописи, — авторъ говоритъ, что на Тверскую лѣтопись должно смотрѣть не какъ на произведеніе одного лица, а какъ на сборникъ, заключающій въ себѣ погодныя замѣтки о разныхъ событіяхъ, случившихся какъ въ предѣлахъ Тверского княжества, такъ и за его границами. Весьма любопытны слѣдующія за тѣмъ страницы, гдѣ авторъ указываетъ на важный интересъ Тверской лѣтописи, какъ памятника литературнаго и историческаго. Вѣроятно, по простому недосмотру на послѣдней, 308-й, страницѣ изслѣдованія приводится нѣсколько мѣстъ изъ

первой части сборника, въ доказательство высокаго интереса Тверской лѣтописи: но мы уже знаемъ, что г. Тихомировъ совершенно отдѣляетъ Тверскую лѣтопись, начинающуюся съ 1285 года, отъ первой части сборника 1534 года ¹⁾.

Изслѣдованіе г. Тихомирова представляетъ обстоятельное обзорѣніе лѣтониснаго сборника, изданнаго въ XV т. П. С. Р. Л., и даетъ прекрасную оцѣнку одного изъ источниковъ этого сборника — Тверской лѣтописи. Но кое-что въ его выводахъ и обобщеніяхъ кажется мнѣ не убѣдительнымъ: такъ, мнѣ не ясно, какъ понимаетъ г. Тихомировъ то обстоятельство, что указанные имъ въ началѣ своего изслѣдованія лѣтописные своды, какъ Софійскій временникъ или Новгородскія лѣтописи, отразились только на первой части Тверского сборника, не оказавъ прямого вліянія на вторую. Нахожу далѣе, что предложенное г. Тихомировымъ дѣленіе Тверского сборника на двѣ части, одну до 1285 года, а другую отъ этого года до конца, основывается только на томъ предположеніи, что съ 1285 года начиналась Тверская лѣтопись, главный источникъ второй части Тверского сборника: г. Тихомировъ указываетъ, что извѣстіе 1285 года есть первое о Твери; но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что уже подъ 1254 годомъ князь Ярославъ Ярославичъ названъ Тверскимъ, подъ 1253 годомъ Тверь названа отчиною этого князя, а подъ 1276 говорится о пожарѣ въ Твери. Между тѣмъ изслѣдованіе автора дѣйствительно доказало, что въ Тверскомъ сборникѣ мы имѣемъ соединеніе двухъ различныхъ по характеру и составу лѣтописныхъ сводовъ, грань между которыми естественно обозначена въ самомъ текстѣ (см. ниже). Это обстоятельство, а также и то, что г. Тихомировымъ недостаточно выяснены литературные источники обѣихъ частей Тверского сборника, побуждаетъ меня нѣсколько подробнѣе остановиться на изслѣдованномъ имъ памятникѣ и самостоятельнымъ изученіемъ его провѣрить добытые авторомъ результаты.

Напомню еще разъ, что г. Тихомировъ пришелъ къ выводу о томъ, что Тверской сборникъ можно раздѣлить на двѣ части: бѣльшую, первую половину занимаютъ выписки изъ разныхъ лѣтописей; другую, меньшую,

1) Замячу кстати, что извѣстіе о времени написанія книги «Зерцало» въ болѣе исправномъ видѣ читается въ одной изъ дополнительныхъ замѣтокъ, находящихся на поляхъ Воскресенскаго списка Софійской 2-й лѣтописи (ср. Софійскій временникъ, изданный Строевымъ, т. I, с.). Это извѣстіе заимствовано изъ списка Филипповой Діоптры, что легко видѣть хотя бы изъ Оп. рук. Синод. библиотекъ Горскаго и Невоструева.

занимаетъ собственно Тверская лѣтопись съ различными вставками. Вѣроятно, такой составъ памятника, по мнѣнію автора, свидѣтельствуетъ только о томъ, что собиратель, встрѣтившись, начиная съ 1285 года съ новымъ источникомъ—Тверскою лѣтописью, измѣнилъ свои прежніе приемы работы, бросилъ свои прежніе источники и всецѣло занялся новымъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что въ Тверскомъ сборникѣ слѣдуетъ различать двѣ части, мнѣ кажется, что грань между первою и второю частью сборника не 1285 годъ, а то мѣсто сборника, на которое обратилъ свое вниманіе и г. Тихомировъ, давъ, однако, ему, какъ мнѣ теперь кажется, невѣрное толкованіе, на с. 271-272 своего изслѣдованія. «Послѣ 6763 (1255) г. въ сборникѣ находятся извѣстія о событіяхъ, относящихся ко времени отъ 6756 (чит. 6754)—6763 (отъ 1248 до 1255) гг. Эти извѣстія взяты изъ Ростовскихъ и Суздальскихъ лѣтописей за 6756 (чит. 6754)—6763 гг. и почти буквально сходны съ извѣстіями въ Суздальскомъ сводѣ лѣтописи по академическому списку». «Послѣ этого (т. е. 1255) года, читаемъ мы выше, сборникъ принимаетъ другой характеръ». Имѣя въ виду, что до этого года въ сборникѣ много извѣстій новгородскихъ, послѣ же 1255 г. начинаютъ преобладать извѣстія суздальскія и ростовскія, новгородскихъ же извѣстій сравнительно очень мало, при чемъ выписокъ изъ Новгород. лѣтописей совсѣмъ нѣтъ, г. Тихомировъ заключаетъ, что все это различіе сборника въ частяхъ до 1255 года и послѣ него объясняется тѣмъ, что Новгородскія лѣтописи, бывшія у составителя, оканчивались 1255 годомъ¹⁾. Но противъ подобнаго объясненія автора можно привести слѣдующее: 1) пока еще не доказано, чтобы какаѣ-нибудь изъ новгородскихъ лѣтописей доходила только до 1255 года, оканчивалась этимъ годомъ; 2) до 1255 года въ Тверскомъ сборникѣ продолжаютъ выписки не изъ однихъ новгородскихъ лѣтописей; сравненіе Тверского сборника съ такъ называемою Львовскою не оставляетъ сомнѣній въ томъ (какъ это я покажу ниже), что эти оба лѣтописные свода пользовались однимъ общимъ источникомъ, гдѣ находилась Повѣсть временныхъ лѣтъ и затѣмъ далѣе выписки изъ южнорусскихъ лѣтописей, переходившія со второй половины XII вѣка въ выписки изъ лѣтописей суздальскихъ. Сходство между Тверскимъ сборникомъ и Львовскою лѣтописью продолжается только до 1255 года; это видно хотя бы изъ того, что извѣстія Тверского сборника, слѣдующія за этимъ годомъ (относящіяся, какъ мы видѣли, къ 1247-му и слѣдующимъ годамъ), и повторяющія частью изложенныя выше извѣстія, читаются въ Тверскомъ сборникѣ совершенно иначе, чѣмъ во Львовской лѣтописи. Въ части до 1255 года, если взять, напр., изложеніе въ ней событій 1246-1255 гг., найдемъ, что

1) Выводъ Тихомирова повторилъ и я въ своей статьѣ «О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ»; вижу теперь только, въ чемъ состояла наша ошибка.

все то, что въ Тверской лѣтописи не восходитъ къ Новгородской лѣтописи, настолько сходно со Львовскою, что предполагаетъ одинъ общій съ нею оригиналъ ¹⁾. Напротивъ, въ слѣдующемъ за 1255 годомъ лѣтописномъ разсказѣ Тверского сборника сравненіе части отъ 1247 до 1255 покажетъ значительныя отличія между Тверскимъ сборникомъ и Львовской лѣтописью ²⁾. Дальнѣйшее сопоставленіе Львовской и второй части Тверского сборника убѣдительно доказываетъ, что составитель этой части не пользовался тѣмъ источникомъ — протографомъ Львовской лѣтописи, который легъ въ основаніе первой части сборника. Слѣдовательно, 1255 годъ это грань, послѣ которой въ Тверскомъ сборникѣ, на смѣну не только Новгородской лѣтописи, но и другой (протографа Львовской), являются другіе источники. 3) Г. Тихомировъ доказалъ, что въ составителѣ свода 1534 г. мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ и очень умѣлымъ компиляторомъ, нерѣдко указывающимъ свои источники и остававшимся на встрѣчаемыхъ въ нихъ разнорѣчіяхъ. Врядъ ли возможно допустить, чтобы осторожный сводчикъ, написавшій даже небольшое изслѣдованіе, добываясь точныхъ данныхъ о томъ, сколько лѣтъ епископствовалъ въ Новгородѣ Лука (см. подъ 6568 годомъ), — допустилъ въ своей работѣ такой грубый промахъ, какъ повтореніе послѣ 1255 года уже разсказанныхъ передъ этимъ извѣстій.—Въ виду всего этого, я думаю, что мы имѣемъ въ Тверскомъ сборникѣ соединеніе двухъ лѣтописныхъ сводовъ: первый сохранился въ части до 1255 года, второй въ слѣдующей затѣмъ части. Не думаю, чтобы соединеніе это произошло механически и бессознательно: мы укажемъ ниже нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что составитель сборника, переписывая первый сводъ, вставлялъ въ него извѣстія и нѣкоторыя подробности изъ второго свода; слѣдовательно, составляя первую часть сборника, онъ уже имѣлъ въ виду и вторую. Эта вторая часть, гдѣ

1) Только подъ 1251 годомъ въ Тверскомъ сборникѣ опущено, сравнительно со Львовскою лѣтописью, извѣстіе о побѣдѣ Глѣба Васильевича на Бѣломъ озеро. Кромѣ того, въ Тверскомъ сборникѣ, подъ 1246 и 1253 гг., къ имени Святослава Всеволодовича прибавлено «нареченный Гаврило»; подъ 1246 годомъ къ имени Ивана Всеволодовича прибавлено «Стародубскій», а подъ 1249 г., къ имени Владимира Константиновича прибавлено «Углецкій». Наконецъ, подъ 1246 г., при 30 сентября находимъ ближайшее опредѣленіе: «на память святаго священномученика Григорія Великіа Арменія», а подъ 1253 годомъ, при 3 февраля: «на память святаго Богопріемца Симіона».

2) Такъ, подъ 1246 въ Льв., сравнительно съ Твер., отсутствуютъ благочестивыя размышленія по поводу смерти Ярослава Всеволодовича; далѣе въ Льв. нѣтъ подъ 1247 г. извѣстія о прибытіи Александра во Владимиръ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ дядею и братією оплакивалъ смерть отца; извѣстія 1248, 1249, 1250, 1255 гг. въ Тверск. лѣтописи читаются сокращенно, сравнительно какъ съ Львовскою лѣтописью, такъ и съ I-ю частью Тверского сборника. Подъ 1254 читаемъ въ Тверской лѣтописи, что Ярославъ Ярославичъ Тверской поѣхалъ въ Ладогу; между тѣмъ въ Львовской и въ первой части Тверского сборника подъ 1253 говорится, что Ярославъ, бросивъ свою отчину Тверь, отправился во Псковъ, гдѣ сѣлъ на столѣ.

заклѣчаются тверскія извѣстія, и представляется главною частью сборника: она, какъ мы видѣли, начинается съ 1246 года, при чемъ, по замѣчанію г. Тихомирова, многія извѣстія ея почти буквально сходны съ извѣстіями Суздальскаго свода лѣтописи по Академическому списку. Это сходство, конечно, не случайное, и несомнѣнно оно можетъ быть поставлено въ связь съ слѣдующей общей чертой указаннаго Академическаго списка и Тверскаго сборника. Подобно тому какъ Тверской сборникъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая доходитъ до середины XIII вѣка и представляетъ выписки изъ обширнаго лѣтописнаго свода съ обстоятельными извѣстіями и длинными статьями, между тѣмъ какъ вторая часть содержитъ краткія, отрывочныя данныя, такъ же точно Академическій списокъ въ первой части своей до 1240 г. заключаетъ сначала обширный суздальскій сводъ 1206 г., потомъ обстоятельныя выписки изъ Софійской 1-й лѣтописи (1205 - 1239), а во второй части отъ 1240 г. — краткія и отрывочныя извѣстія, при томъ частью буквально тождественныя съ Тверскимъ сборникомъ, какъ это видно изъ подстрочнаго примѣчанія¹⁾. Очевидно, оба сводчика — составитель Тверскаго сборника и составитель Академическаго списка по какой-нибудь общей причинѣ не сочли возможнымъ передать начало какого-то общаго лѣтописнаго свода, помѣщеннаго ими поэтому лишь во второй части своихъ сборниковъ. Выше, въ главѣ II моего разбора труда г. Тихомирова, посвященнаго московскимъ сводамъ, было указано, что вторая часть Академическаго списка представляетъ сокращенный ростовскій сводъ 1419 года. Послѣ всего вышесказаннаго мы, думаю, въ правѣ заключить, что и во второй части Тверскаго сборника содержится тотъ же памятникъ. Но въ XV вѣкѣ, когда составленъ Академическій списокъ, Ростовскій сводъ былъ еще извѣстенъ въ отдѣльномъ видѣ, безъ продолженій; въ серединѣ или даже концѣ XVI вѣка, когда составилъ Тверской сборникъ, списокъ съ Ростовскаго свода, попавшійся составителю сборника, соединилъ его съ позднѣйшими лѣтописными извѣстіями, заимствованными изъ другога свода. Кромѣ того, самимъ составителемъ Тверскаго сборника онъ слитъ еще съ другимъ источникомъ сборника — Тверскою лѣтописью, изъ которой заим-

1) Подъ 1248 г. въ Твер. сб. и Акад. сп.: Женися (оженился) Борисъ Василковичъ у Муромскаго Ярослава, ср. 1-ю часть Твер. сб. и Лавр. сп., гдѣ читаемъ: Женися (оженися) князь Борисъ Василковичъ Ростовскій (Борисъ князь Василковичъ) у Ярослава у Муромскаго князя. Подъ 1249 въ Твер. сб. и Акад. сп.: Преставися Володимерь Костантиновичъ Углецескій. Подъ 1261: Родися Олександрю сынъ Данило. Подъ 1254: Ярославъ Ярославичъ Тверскій поѣха въ Ладогу (а въ 1-й части подъ этимъ годомъ говорится, что онъ поѣхалъ во Псковъ). Подъ 1277: Преставися князь Борисъ Василковичъ въ Татарѣхъ. Подъ 1278: Придоша князи изъ Татаръ, побѣдивъ Ясы. Подъ 1280 и 1282: Ходи Игнатіе епископъ 2-е въ Орду за причеть церковный. Подъ 1283: Того же лѣта князь великій Дмитрей приде отъ Ногуя. Подъ 1361: Убиша царя Хидаря (Ходыря). Тогда же ограбиша князей Ростовскихъ въ Ордѣ, и пустиша ихъ (и) нагихъ, и мн. др.

ствовавъ рядъ извѣстій XV в. о Твери и событіяхъ Тверской области. Ниже я попытаюсь доказать, что эти извѣстія примыкали къ историческому памятнику, нашедшему себѣ мѣсто въ Тверскомъ сборникѣ—къ тѣмъ статьямъ его, которыя г. Тихомировъ признаеть отрывками изъ житія великаго князя Михаила Александровича и которымъ въ Тверскомъ сборникѣ предшествуетъ предисловіе съ заглавіемъ: «Предисловіе лѣтописца княженія Тверскаго благовѣрныхъ великихъ князей Тверскихъ».

Такимъ образомъ, въ Тверскомъ сборникѣ подлежатъ изслѣдованію: во-первыхъ, тотъ лѣтописный сводъ, который положенъ въ основаніе свода и списанъ въ первой части свода до 1255 года включительно; во-вторыхъ, тѣ два свода, которые послужили данными при составленіи второй части сборника, а именно Ростовскій сводъ 1419 года съ позднѣйшими къ нему лѣтописными прибавленіями и Лѣтописецъ княженія Тверскаго. Но прежде всего изслѣдователь долженъ остановиться на изученіи самого Тверскаго сборника, какъ литературнаго памятника, опредѣливъ время его составленія и задачу, которую преслѣдовалъ составитель. Особый интересъ къ исторіи Твери, обнаруживаемый составителемъ сборника, заставляетъ предполагать въ составителѣ (всего) сборника Тверича: такъ, начиная съ XIV вѣка въ сборникѣ преобладають Тверскія извѣстія, при чемъ нѣкоторыя прямо указываютъ на тверскіе источники; подъ 1399 г. помѣщены Предисловіе лѣтописца княженія Тверскаго и рядъ обширныхъ статей историческаго содержания, относящихся къ Твери; въ XV вѣкѣ находимъ много специально тверскихъ извѣстій о построеніи храмовъ, городскихъ пожарахъ и другихъ бѣдствіяхъ, испытанныхъ Тверью; наконецъ, въ концѣ сборника помѣщено краткое родословіе тверскихъ князей отъ Рюрика (доходитъ до Михаила Борисовича) ¹⁾. Составленіе сборника относится къ серединѣ или даже къ концу XVI вѣка: это видно изъ того, что въ первой части его содержится часть свода, составленнаго, какъ увидимъ ниже, въ 1534 году. Задавшись цѣлью составить Тверской исторической сборникъ, сводчикъ остановился на Ростовскомъ сводѣ 1419 г. (въ позднѣйшей редакціи), въ которомъ было весьма много тверскихъ извѣстій и статей тверскаго происхожденія. Но начало свода не соответствовало желанію сводчика связать позднѣйшую исторію Твери съ древнѣйшими судьбами Руси: начало этого свода, какъ мы видимъ изъ Лѣтописи Аврамки (и сходныхъ съ нею — рукописи Кирилло-Бѣлозерской № 154 и Супрасльской, издавшой кн. Оболенскимъ) ²⁾, со-

1) Это родословіе въ началѣ содержитъ краткій генеалогическій перечень московскихъ князей, оканчивающійся сыновьями Ивана Васильевича III (иванъ роди ивана да василья, да юрья. да дмитреа да семена да андреа); за симъ непосредственно: роди (подрозумѣвается Всеволодъ) ярослава. и ярославъ роди ярослава и т. д. (тверскіе князья).

2) Протографъ этихъ лѣтописей, какъ указано выше, въ предыдущемъ разборѣ, соединилъ ростовскій сводъ съ Новгородской 4-й лѣтописью.

держало краткія, отрывочныя данныя объ историческихъ событіяхъ: призваніе князей, крещеніе Руси, нашествіе Батыя—все это изложено несобственно и безцѣльно. Вотъ почему составитель Тверского сборника рѣшился замѣнить начало Ростовскаго свода другимъ памятникомъ — сводомъ 1534 года; онъ хотѣлъ списать его до того мѣста, откуда Ростовскій сводъ представлялъ уже болѣе полную лѣтописную сѣть, т. е. до 1246 года, но, увлекшись работой, онъ списалъ его до 1255 года и былъ принужденъ повторить по Ростовскому своду нѣсколько уже записанныхъ извѣстій 1246 - 1255 гг. Впрочемъ, мы еще разъ, въ концѣ настоящаго изслѣдованія, вернемся къ редакторской работѣ составителя Тверского сборника, а теперь остановимся на вопросѣ о составныхъ частяхъ его.

Въ первой части сборника, помѣщено начало свода 1534 года. Этотъ сводъ составленъ ростовскимъ жителемъ въ 7042 (1534) году, что видно изъ двухъ мѣстъ этого памятника¹⁾. Онъ былъ доведенъ до вступленія на столъ Ивана IV Василіевича и матери его Елены, что видно изъ окончанія статьи, соотвѣтствующей предисловію Софійскаго временника (с. 28 изданія): «сіа же и таковаа вся оставльше, къ преждеупомянутѣй повѣсти възвратимся. Отъ начала Русскія земля до княженія великаго князя Ивана Василіевича... суцу ему трєю лѣтъ отъ рода, мати же его Елена, девятый же надесять отъ Рюрика, прьваго князя Русскаго». О начитанности и внимательности компилятора обстоятельно говоритъ г. Тихомировъ: но странно, что онъ не обратилъ вниманія на то, что этому ростовскому жителю время правленія Елены Глинской можно приписать только первую часть Тверского сборника. Вторая часть обнаруживаетъ совершенно иные литературные источники, чѣмъ первая: это указаніе принадлежитъ самому г. Тихомирову. Въ ней замѣчаются иные редакторскіе приемы: такъ, въ первой части мы совсѣмъ не находимъ пустыхъ годовъ; послѣ 6429 г. слѣдуетъ непосредственно 6437 г.; послѣ 6455 г. видимъ 6463 г. и т. д.; во второй части и при томъ, начиная уже съ пятидесятихъ годовъ XIII ст., вставлены пустые года для того, чтобы хронологическая сѣть шла непрерывно: такъ, между лѣтописными разказами 6764 и 6766 гг. вставленъ пустой 6765-й г.; далѣе находимъ пустыми 6768, 6773, 6775, 6787 гг. и т. д. Въ первой части личность сводчика перѣдко проявляется въ отступленіяхъ личнаго свойства; сводчикъ говоритъ о себѣ подъ 988, 1019, 1196, 1239 гг.; во второй части сборника, т. е. съ 1255 года, мы уже не встрѣчаемъ личности этого сводчика.

1) Подъ 988 г. читаемъ: нынѣ же азъ началъ преписывати сіе въ лѣто 7042. Подъ 1239 г., описавъ разореніе Переяслава, составитель свода говоритъ: отъ того до нынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣтъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно указать и на одно возраженіе въ пользу того, что обѣ части Тверскаго сборника составлены однимъ лицомъ, однимъ собирателемъ. Въ обѣихъ частяхъ видимъ заимствованія изъ одного общаго источника—Ростовскаго свода. Выше мы указали основанія для утвержденія, что во второй части сборника содержится текстъ, извлеченный изъ указаннаго свода. Остановимся теперь на нѣсколькихъ мѣстахъ первой части сборника, изъ которыхъ ясно, что и въ ней есть данныя, восходящія къ Ростовскому своду. Въ началѣ этого свода 1419 г. помѣщались нѣкоторыя хронографическія статьи, а также хронологическія выкладки, генеалогическія росписи и др. Это видно изъ того, что такія статьи предшествуютъ Лѣтописи Аврамки и сопровождаютъ лѣтопись по Синод. рпси № 154, которыя, какъ мы видѣли, содержатъ начало Ростовскаго свода 1419 г. Вотъ почему мнѣ представляется вѣроятнымъ, что краткій хронографъ и родословныя таблицы, находящіяся въ началѣ Тверскаго сборника, восходятъ къ общему съ Лѣтописью Аврамки и Синод. № 154 источнику, т. е. къ Ростовскому своду. Какъ въ Тверскомъ сборникѣ за статью, гдѣ вычисляются роды отъ Адама до Христа (с. 2: «въ купѣ же отъ Адама до потопа родовъ 10»...), слѣдуетъ статья «О пророцѣхъ» и сказаніе о рожденіи Иисуса Христа, такъ и въ Синод. № 154 за первыми двумя статьями, тождественными со статьями Тверскаго сборника, слѣдуетъ «Сказаніе роженія Господня»¹⁾, значительно, впрочемъ, отличающееся отъ соответствующаго сказанія Тверскаго сборника. Весьма сходны также извѣстія о вселенскихъ соборахъ въ Тверскомъ сборникѣ, съ одной стороны, въ Лѣтописяхъ Аврамки и Синод. № 154, съ другой, при чемъ, однако, двѣ особыя редакціи этихъ извѣстій ясно выступаютъ, хотя бы на основаніи указываемаго въ нихъ числа лѣтъ между соборами²⁾. Конецъ хронографовъ въ этихъ памятникахъ почти тождественъ: какъ въ Тверскомъ сборникѣ, такъ и въ Лѣтописи Аврамки и Синод. № 154 приводится число лѣтъ отъ седьмого собора до передоженія книгъ на Славянскій языкъ, а отъ этого событія до крещенія Руси. «Купно же отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6496» — вотъ окончаніе хронографа въ Тверскомъ сборникѣ; словами: «всѣхъ же лѣтъ отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6469 (sic)» оканчивается хронографъ въ Лѣтописи Аврамки и Синод. № 154. Въ этой послѣдней рукописи, вслѣдъ за окончаніемъ (не сохранившимся) Псковской 2-й лѣтописи, слѣдуютъ статьи³⁾, содержащія въ себѣ родословныя таб-

1) Въ лѣтописи Аврамки первая статья значительно расширена родословіемъ Спасителя (с. 29, со словъ: «Авраамъ же роди Исаака»).

2) По Тверскому сб. между первымъ и вторымъ соборомъ прошло 60 лѣтъ, а по лѣтописи Аврамки 52 года и т. д.

3) Любопытно, что въ Новгородской 1-й лѣт. родословіе доведено до Василія Дмитріевича, въ лѣтописи Аврамки указанъ уже сынъ Василія Васильевича — Иванъ, а въ Синод.

лицы русских князей, таблицу, сколько княжилъ каждый изъ великихъ князей, краткую лѣтопись, начинающуюся съ основанія Владиміра Залѣскаго, статью: «А се по святѣмъ крещеніи и княженіи кievстѣмъ», перечисленіе русскихъ митрополитовъ, повгородскихъ епископовъ и князей повгородскихъ. Эти же статьи читаются въ концѣ рукописи, гдѣ помѣщена Лѣтопись Аврамки, а также въ началѣ Коммисіоннаго списка Новгородской 1-й лѣтописи (ср. въ изданіи Арх. ком., с. 431 - 438; 443 - 446 и 439 - 441)¹⁾. Краткая лѣтопись весьма сходна съ тою лѣтописью, которая, подъ заглавіемъ «Сказаніе о вѣрныхъ святыхъ князьяхъ русскихъ», читается передъ Лѣтописцемъ Литовскимъ, изданнымъ Даниловичемъ²⁾. Этотъ Лѣтописецъ составленъ на основаніи Софійской 1-й лѣтописи, существенная часть которой, черезъ посредство Новгородской 4-й лѣтописи, восходитъ, какъ мы видѣли, къ Ростовскому своду 1419 года: слѣдовательно, и указанное «Сказаніе» можетъ восходить къ тому же своду. Вотъ почему я нахожу возможнымъ возводить статьи Тверского сборника, помѣщенные за хронографомъ, къ тому же Ростовскому своду³⁾. Такъ, статья, начинающаяся со словъ: «А Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ 17 лѣтъ», соотвѣтствуетъ статьѣ, озаглавленной въ названныхъ выше памятникахъ: «А се кто колко есть лѣтъ княжилъ» (въ Тверскомъ сборникѣ она оканчивается Василюмъ Ивановичемъ, а въ другихъ Дмитріемъ Донскимъ). Слѣдующая статья Тверского сборника озаглавлена: «Сиде славятся русьстїи князи» и соотвѣтствуетъ статьѣ, озаглавленной въ Новгородской 1-й лѣтописи: «Сиде родословятся величїи князи русьстїи» (въ Тверскомъ сборникѣ она оканчивается сыновьями Василя Ивановича, о другихъ памятникахъ см. прим. на с. 201). Изъ краткой лѣтописи, не помѣщенной въ Тверской сборникъ, внесено составителемъ сборника въ текстъ свода 1534 года указаніе на то, что Марія, жена Всеволода Юрьевича, была дочерью «Швар-

№ 154 перечислены почти всѣ сыновья Василя Васильевича: Иванъ, Андрей-Горай (sic), Борисъ, Юрій. Краткая лѣтопись въ Новгор. 1-й и въ лѣтописи Аврамки оканчивается извѣстіемъ о прибытіи митроп. Петра въ 1316 г., помѣщеннымъ вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти старшаго сына Василя Дмитріевича — Ивана (1417 г.). Синод. № 154 не помѣщаетъ этихъ двухъ послѣднихъ извѣстій. Перечень новгородскихъ епископовъ въ Новгор. 1-й и въ лѣтоп. Аврамки оканчивается смертью Симеона (1421 г.), въ Синод. № 154 послѣдними названы Иона и Теофилъ, «его же сведе съ Новагорода на Москву князь великій Иванъ Василювичъ. И потомъ прислалъ своего епископа Сергія» (1483 г.).

1) Начало ихъ, за утратой нѣсколькихъ листовъ рукописи, не сохранилось; родословныя таблицы начинаются со словъ: «Иванъ, Борисъ, Семень, Александръ, Афонасій».

2) *Lietopisiec Litwy: Kronika Ruska, Ign. Danilowicza, Wiln. 1827.* Ср. также рукопись, изданную г. Бѣлокуровымъ: «Русскія лѣтописи I—II». М. 1898 г., с. 18 и сл.

3) Вѣскимъ подтвержденіемъ такому предположенію служить то, что общія всѣмъ разсматриваемымъ памятникамъ данныя этихъ статей указываютъ именно на то время (1419 г.), когда составленъ Ростовскій сводъ: родословіе оканчивалось сыновьями Вас. Дм.; послѣднее извѣстіе краткой лѣтописи — смерть Ивана Васильевича 1417 г.

пова Ческаго» (ср. Твер. сб. подь 1205 г., с. 301): ср. въ краткой лѣтописи: «а княгиня его (Всеволода) Марія Всеволодовна Шварновна, дщи князя Чешскаго» (Новг. 1-я, лѣт. Аврамки, Синод. № 154) ¹⁾. Изъ той же краткой лѣтописи (въ ея первоначальной, болѣе полной редакціи) въ повѣсть объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, по своду 1534 г., внесены редакторомъ Тверского сборника подробности, изъ которыхъ видно, что виновницей убіенія была его жена — Болгарка, что Кучковичи мстили Андрею за убійство одного изъ братьевъ, что убійцы пошли пьяные въ Боголюбскій монастырь, при чемъ здѣсь, въ Тверскомъ сборникѣ, подробно говорится о любви князя къ этому монастырю, а также объ уединенныхъ путешествіяхъ князя къ св. Спасу на Куналищѣ. Что все это могло содержаться въ указанной краткой лѣтописи Ростовскаго свода, видно, напр., изъ того, что фраза, читаемая въ Тверскомъ сборникѣ и относящаяся къ княгинѣ Андреевой: «бѣ бо болгарка родомъ, и дръжаше къ нему злую мысль» почти дословно повторяется въ Сказаніи о русскихъ князьяхъ по Лѣтописцу Даниловича: *A kniahini jeho bolharyni, derżiasze k nemu zluu mijsl'* (с. 78); на то же обстоятельство указываетъ и то, что въ краткой лѣтописи и по той редакціи, которая сохранилась въ Лѣтописи Аврамки, Новгородской 1-й и Синод. № 154, говорится о мести Всеволода Юрьевича падъ убійцами брата («Кучковичи поймалъ, и в коробы саждая, въ озерѣ истопилъ»): изъ этого видно, что въ той же лѣтописи могли передаваться подробности объ убіеніи Андрея. — Кромѣ указанныхъ здѣсь мѣстъ, къ Ростовскому своду 1419 г. съ продолженіями можетъ восходить еще нѣсколько данныхъ, встрѣчающихся въ первой части Тверского сборника. Такъ, напр., подь 991 г. читаемъ о поставленіи въ Ростовѣ первымъ епископомъ Ѳеодоромъ дубовой церкви Успенія Богородицы и о крещеніи Ростовской области; выше, подь тѣмъ же годомъ говорится о поставленіи Ѳеодора архиепископомъ Ростову. Что эти извѣстія попали въ сводъ 1534 г. изъ одного общаго источника, а именно, вѣроятно, изъ Ростовскаго свода 1419 г. съ продолженіями, видно изъ того, что они находятся и въ Воскресенской лѣтописи (VII, 313) подь тѣмъ же годомъ, при чемъ при первомъ изъ приведенныхъ извѣстій указывается и на то, сколько времени стояла церковь до пожара, истребившаго ее, а также перечисляются епископы, служившіе въ ней за это время. Связь этого мѣста Воскресенской лѣтописи съ разсказомъ Тверского сборника подь 1408 г., гдѣ, по поводу Ростовскаго пожара этого года, приводится почти дословно статья 991 г. («а въ прѣжшее лѣто 499 стоала тутъ церковь дубовая...»), ясно указываетъ на то, что оно восходитъ къ Ростовскому своду. Отсюда

1) Въ лѣтописцѣ Даниловича: *A kniahini jeho Marja, diwa Orjewa (вм. szwarnowa?) dszczi czeskoho kniazia* (с. 78).

неизбѣженъ выводъ, что Ростовскимъ сводомъ пользовался и составитель Воскресенской лѣтописи. Это обстоятельство объяснить намъ рядъ общихъ мѣстъ между первой частью Тверского сборника и Воскресенской лѣтописью: всѣ они восходятъ къ общему источнику — Ростовскому своду¹⁾.

Другимъ источникомъ свода 1534 года была, по указанію г. Тихомирова, Новгород. 1-я лѣтопись и при томъ въ редакціи близкой не къ Комисіонному, а къ Академическому или Толстовскому спискамъ этой лѣтописи.

Третьимъ источникомъ названа Суздальская лѣтопись: названіе это не точно и ведетъ къ недоразумѣніямъ. Мнѣ кажется, что суздальскія извѣстія свода 1534 года восходятъ къ двумъ источникамъ: во-первыхъ, къ разсмотрѣнному выше Ростовскому своду; мы указывали выше на нѣсколько мѣстъ, заимствованныхъ именно изъ него; во-вторыхъ, къ какому-то не дошедшему до насъ лѣтописному своду, бывшему главнымъ и основнымъ источникомъ Львовской лѣтописи. Мы видѣли въ предшествующемъ разборѣ, что лѣтопись эта подвергалась нѣсколькимъ редакціямъ: первая изъ нихъ составлена въ 1518 году, вторая въ 1534-мъ и, наконецъ, одна изъ позднѣйшихъ редакцій относится къ 1560 году. Думаю, что составитель свода 1534 г. пользовался самю Льв. лѣтописью (а не только основнымъ ея источникомъ), въ редакціи 1518 года. Только этимъ можно объяснить, почему сравнительное изученіе Тверского сборника и Львовской лѣтописи открываетъ цѣлый рядъ общихъ между ними мѣстъ, рѣзко отличающихъ ихъ отъ большинства другихъ извѣстныхъ намъ лѣтописей. Такъ, подъ 862 годомъ, только въ Тверской и Львовской при имени Варяговъ читаемъ слѣдующее толкованіе: «въсташа... (воевали) на Варягы, рекше на Нѣмцы (спрѣчь на Нѣмцевъ)». Подъ 866 г., въ рассказѣ, восходящемъ въ хроникѣ продолжателя Амартола, о нападеніи Руси на Царьградъ, только въ Тверской и Львовской читаемъ вставку: «Орифанта въ Константиѣ градѣ остави». Подъ 907 г., слова «Греци замкоша Съсудъ» объясняются слѣдующимъ образомъ: «спрѣчь пропяша чѣпъ, протяженную отъ Галаты до Лахернскія церкви»; въ Львовской мы читаемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: «содѣлаша чѣпъ отъ Влахернскія церкви». Подъ 1060 годомъ, послѣ извѣстія о смерти Игоря Ярославича, въ обѣихъ лѣтописяхъ, вопреки всѣмъ остальнымъ²⁾ (ср. Тихомировъ, с. 268): «и раздѣлиша Ярославичи Смоленскъ

1) Такъ, подъ 992 годомъ помѣщено заглавіе «О Бѣлгородѣ, иже близъ Кіева» (XV, 115 и VII, 314); въ рассказѣ 1015 г. послѣ словъ: «Ярославъ же съвкупая воа» вставлено въ Тверск. сб.: «а Глѣбу идущу къ Кіеву и ставшу, яко же выше рѣхъ, на Смядынѣ, и вѣсть присла къ нему Ярославъ о отци смерти и братни убіеніи» (XV, 135); ср. подобную же вставку въ Воскр., но нѣсколько выше (VII, 324): «и тогда посла вѣсть и Глѣбу Ярославъ, яко же писахомъ».

2) Въ Соф. 1-ой это извѣстіе ошибочно читается подъ 1054 годомъ послѣ извѣстія о смерти Ярослава.

себѣ на три части». Подъ 1095 г., весь длинный рассказъ объ убійствѣ Иглара и Кягана (ср. Лавр., Воскр. и др.) замѣненъ въ Тверской словами: «и поби ихъ Володимиръ и всю дружину ихъ», а во Львовской: «онъ же поби дружину ихъ». Подъ 1096 г. (въ концѣ его), въ Тверской и Львовской читаемъ: «а Олегъ иде (пойде) къ Смоленску, и оттуду (тамо) смприся з братією»; этихъ словъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. Подъ 1138 г., только въ Тверской и Львовской указано, что Вячеславъ сидѣлъ въ Кіевѣ десять дней¹⁾. Подъ 1146 г., въ Тверской и Львовской читаемъ между прочимъ: «а Святославъ приде въ Колтескъ (Полтескъ) городъ, и ту (тудѣ) присла ему Юрій Долгорукій (Юрья) изъ Суждаля (въ Львовской нѣтъ) помочь, 1000 бронникъ»; сходно съ этимъ читается въ Воскресенской, а въ Ипатьевской лѣтописи въ соответствующемъ мѣстѣ: «пришедши же Святославу в Полтескъ городокъ, и ту присла ему Гюргий в помочь тысячу бренидъецъ (бернистецъ) дружины Бѣлозерское». Подъ 1047 г., въ Тверской и Львовской: «Юрій взя (взялъ) Новый Торгъ и Мьсту повоева», ср. въ Ипатьевской (и Воскресенской): «иде Гюрги воевать Новгородской волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и Мьсту всю взя». Подъ 1149 г., въ Тверской и Львовской «Романъ Ростиславичъ женился у Святослава Ольговича»²⁾, ср. въ Ипатьевской (и Воскресенской): «в то же время Ростиславъ Смоленский проси дчери у Святослава у Ольговича за Романа». Подъ 1166 годомъ, въ Тверской и Львовской: «Олегъ Святославичъ поби Кобыяка съ Половцы», ср. въ Ипатьевской «Том же лѣтѣ (1167) бися Олегъ Святославичъ с Бонякомъ (въ Воскр.: съ Кобыякомъ) и побѣди Олегъ Половцы». Подъ 1176 г., только въ Тверской и Львовской находимъ извѣстіе, существенно дополняющее рассказъ суздальскихъ лѣтописей о борьбѣ Юрьевичей съ Ростиславичами: «си же быеть побѣда на Дубровици, у Яхробола (Яхобола), въ недѣльный днь, іюня 15 (въ недѣлю 15 іюля)». Подъ 1177 годомъ, при извѣстіи о томъ, что Михаилъ посадилъ брата своего Всеволода на столѣ въ Переяславлѣ, въ Тверской и Львовской прибавлено: «иже на Клѣцниѣ озерѣ»³⁾. Подъ 1185 г., въ словахъ, читаемыхъ въ Лаврентьевской и сходныхъ съ нею лѣтописяхъ и обращенныхъ въ видѣ воззванія къ епископу ростовскому Лукѣ: «молися за порученое тобѣ стадо, за люди хрестыанскыя, за князя и за землю Ростовскую, иже взирающе»..., слово «молися» измѣнено Тверскою и Львовскою лѣтописями въ моляся (моля), къ слову «князя» прибавлено Всеволода (Львовская, а въ Тверской: за великого князя Всеволода), наконецъ, вмѣсто фразы, стоящей послѣ слова «Ростовскую», въ обѣихъ этихъ лѣтописяхъ находимъ: «яко добрый

1) Впрочемъ, въ Никоновской та же вставка, но вм. десяти — двадцать дней.

2) Въ Никоновской сходно съ этимъ.

3) Ту же вставку находимъ въ Никоновской лѣтописи.

учитель». Подъ 1193 годомъ только въ Тверской и Львовской читаемъ: «бысть на небеси знаменіе страшно, учинися небо аки кроваво, до Юріевскіа рати за 14 лѣтъ». Подъ 1197 годомъ днемъ принесенія гробовой доски св. мученика Дмитрія Солунскаго названо 11 января (въ Лавр. и др. 10 января). Подъ 1199 днемъ пожара во Владимирѣ названо 21 іюня (въ Лавр. 25 іюля). Подъ 1224 годомъ только въ Львовской и Тверской явленіе кометы описано въ слѣдующихъ словахъ: «явися звѣзда на западѣ, луча отъ нея копейнымъ образомъ, юже зовяху человекѣци хвостата». Подъ 1241 г., вмѣсто словъ «би ихъ подъ Жижичемъ (Жижемъ)», въ Тверской и Львовской одинаково читаемъ: «погони по нихъ (по нихъ гналъ) до Жижиша». Подъ 1246 годомъ въ обѣихъ лѣтописяхъ читается извѣстная повѣсть объ убіеніи Батыя; мы находимъ ее и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ (напр. въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ); но редакція повѣсти въ Львовской и Тверской отличается отъ редакціи ея въ этихъ другихъ сводахъ; такъ, вмѣсто довольно длиннаго отрывка о крещеніи Угровъ, отпаденіи ихъ въ латинство, присоединеніи Власлава къ православію, пребываніи Саввы у него въ теченіе пяти мѣсяцевъ и т. д., мы читаемъ здѣсь только: «бѣ же и крещеніе пріялъ (пріяша) отъ архиепископа Савы Сербскаго, дръжаше (и держакху) вѣру христіанскую и священника втайнѣ»; такъ, мы не находимъ здѣсь обычнаго окончанія повѣсти, обрывающейся словами: «еже есть и до сего дне тако». — Можно было бы въ значительной степени увеличить число примѣровъ совпаденія Тверской и Львовской лѣтописей тѣмъ болѣе, что лѣтописный рассказъ Львовской въ цѣломъ рядѣ годовъ почти вполне совпадаетъ съ рассказомъ Тверской, если исключить изъ послѣдней извѣстія новгородскаго пропехожденія. Я объясняю себѣ, какъ сказалъ уже объ этомъ выше, указанное сходство обѣихъ лѣтописей тѣмъ, что въ основаніи ихъ лежитъ одинъ общій источникъ, какой-то до насъ не дошедшій лѣтописный сводъ — протографъ Львовской лѣтописи, его основная редакція 1518 г. Дѣйствительно, сравнительное изученіе Тверской и Львовской лѣтописей совершенно исключаетъ возможность предположенія о томъ, что одна изъ нихъ составлена на основаніи другой. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ чтенія Тверской лѣтописи оказываются болѣе исправными, болѣе близкими къ предполагаемому оригиналу, чѣмъ чтенія Львовской, и обратно ¹⁾. Такимъ образомъ,

1) Такъ, напр., подъ 1190 г. въ Львовской, сравнительно съ Тверской, опущены слѣдующія слова по поводу поставленія Іоанна епископомъ Ростову и Владимиру: «якоже глаголетъ Господь пророкомъ: на кого призрю...» (ср. эти слова въ Лавр. лѣт.); подъ 1221 въ Львовской не упомянуто, что Агаѣя, Константинова жена, похоронена въ соборной церкви св. Богородицы (ср. Тверскую и Лавр. лѣт.); подъ 1226 г. въ Тверской, послѣ извѣстія о томъ, что зимой приходили Новгородцы звать Ярослава на столъ, читаемъ, что Ярославъ сталъ отдавать свою свесць за Ярослава Муромскаго: послѣднее извѣстіе опущено во

сравненіе Тверской и Львовской лѣтописей приводитъ къ восстановленію лѣтописнаго свода 1518 г.

И такъ мы доказали, что Ростовскій сводъ былъ однимъ изъ источниковъ для первой части Тверского сборника; для второй части тотъ же сводъ былъ главнымъ источникомъ: естественно вывести отсюда слѣдующія два возможныя заключенія. Или — что обѣ части Тверского сборника составлены однимъ лицомъ, и именно тѣмъ ростовскимъ жителемъ, который работалъ въ 1534 году; или — что редакторъ Тверского сборника, внося въ него сводъ 1534 года, дополнилъ его на основаніи того свода, который помѣщенъ имъ во второй части своего сборника, т. е. Ростовскаго свода 1419 года съ продолженіями. Первое заключеніе невѣроятно въ виду выше изложенныхъ соображеній: составитель свода, сохранившагося въ первой части Тверского сборника, очевидно, довелъ его до 1534 года, какъ обѣщаль это сдѣлать; онъ пользовался весьма значительнымъ числомъ источниковъ, которые не могли же всѣ оборваться на 1255 году; пріемы его труда, уже намъ извѣстные, не могли внезапно измѣниться послѣ лѣтописной статьи указаннаго года; отсюда ясно, что составитель второй части Тверского сборника не былъ тождественъ съ составителемъ первой. Второе заключеніе, вѣроятное само по себѣ, встрѣчаетъ однако рядъ затрудненій: во-первыхъ, разсмотрѣнныя выше генеалогическія и другія таблицы, заимствованныя изъ Ростовскаго свода, доведены до того времени, когда работалъ сводчикъ 1534 года: такъ, указано число лѣтъ княженія Василія Ивановича (XV, 13), такъ, въ родословной названы послѣдними Иванъ и Юрій, сыновья Василія Ивановича; если бы эти таблицы были извлечены изъ Ростовскаго свода редакторомъ Тверского сбор-

Львовской; подъ 1229 г. во Львовской не находится извѣстія объ удаленіи Кирилла, епископа Ростовскаго, въ монастырь св. Димитрія въ Суздаль (ср. Тверскую и Лавр. лѣт.); подъ 1230 г. не сказано, что 3 мая, когда случилось землетрясеніе, приходилось «въ пятокъ 5 недѣли по Велицѣ дни» (ср. Тверскую и Лавр. лѣт.). Напротивъ, въ Тверской, напр. подъ 1128 г., послѣ извѣстія о смерти Бориса Полоцкаго, вопреки Львовской (и Лавр.), опущено знаменитое сказаніе о Всеславичахъ; подъ 1136 г. въ Тверской недостаетъ ряда извѣстій, помѣщенныхъ подъ этимъ годомъ во Львовской: «Ольговичи и Давыдовичи, и Всеволодъ Мстиславичъ и Изяславъ поидоша на Ростовъ... и даде Переславль Андрею брату своему, а Володиміръ Изяславу Мстиславичу». Подъ 1146 г. разсказъ о томъ, какъ Изяславъ, по смерти Всеволода Ольговича, захватилъ Кіевъ, въ Тверской значительно короче, чѣмъ во Львовской, гдѣ упомянуто, между прочимъ, что къ Изяславу, когда онъ перешелъ Диѣбрь, пришло нѣсколько Берендѣевъ, что онъ расположился на «Жилыни» и что войска Ольговичей разбѣжались, не дойдя до Ольговы могилы. Подъ 1147 г. во Львовской (какъ и въ Лавр.) читаемъ, что тѣло убитаго Игоря Ольговича было положено въ Новгородскую божницу: въ Тверской опущена эта подробность. Подъ 1157 г. въ Тверской не читается той краткой похвалы Андрею Юрьевичу, которая находится во Львовской и др. лѣтописяхъ (нач.: «занеже бяше всеми любимъ»). Подъ 1159 г. при извѣстіи, гдѣ похороненъ Борисъ Юрьевичъ, послѣ словъ «на Перли» въ Львовской прибавлено «въ кидейши» (ср. въ Ипат. въ кидекши): въ Тверской нѣтъ этой прибавки и т. д.

ника, можно было бы ожидать, что онъ будутъ продолжены нѣсколько далѣе, такъ какъ этотъ редакторъ работалъ послѣ 1534 года; во-вторыхъ, сводъ 1534 года былъ списанъ въ Тверской сборникъ довольно точно, такъ точно, что на поляхъ сохранены отмѣтки источниковъ, сдѣланныя составителемъ (какъ-то указанія на лѣтописи: новг., кiev., влад.): весьма сомнительно, чтобы редакторъ рѣшился внести въ списываемый текстъ дополненія, подобныя указаннымъ выше (напр., въ рассказѣ объ убіеніи Боряса и Глѣба); въ-третьихъ, мы имѣемъ основаніе думать, что составитель 2-й части сборника пользовался Ростовскимъ сводомъ независимо отъ составителя 1-й его части; такъ, мы видѣли, что во второй части подъ 1408 годомъ приводится извѣстіе о поставленіи ростовской церкви, при чемъ, послѣ перечисленія первыхъ семи ростовскихъ епископовъ, говорится о пожарѣ, уничтожившемъ эту церковь черезъ 168 лѣтъ; по это послѣднее событіе и при томъ въ тѣхъ же словахъ изложено подъ 1160 годомъ, а извѣстіе о поставленіи церкви приведено подъ 991; повтореніе однихъ и тѣхъ же замѣтокъ изъ Ростовскаго свода въ двухъ частяхъ Тверскаго сборника доказываетъ, думаю, что составители ихъ самостоятельно пользовались указаннымъ сводомъ. Въ виду этого, не признавая состоятельными предложенныя выше два заключенія, я останавливаюсь на предположеніи, что Ростовскій сводъ, бывший главнымъ источникомъ для составителя Тверскаго сборника (второй его части), былъ второстепеннымъ источникомъ для составителя свода 1534 года. Такое заключеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что знакомство составителя свода 1534 года съ Ростовскою лѣтописью могло прямо обуславливаться происхожденіемъ его изъ Ростовской области («не бо бѣхъ Кіанинъ родомъ, ни Новагорода, ни Владимера, но отъ веси Ростовскихъ областей», XV, 142).

И такъ, въ Тверскомъ сборникѣ мы имѣемъ двѣ независимыя одна отъ другой части, не объединенныя даже редакторскимъ перомъ.

Въ первой части сборника помѣщенъ сводъ 1534 года, списанный до 1255 года. Подробное изученіе состава свода не можетъ входить въ мою задачу: г. Тихомировъ далъ довольно обстоятельное обзорѣніе его источниковъ, хотя по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ довольствуется слишкомъ общими опредѣленіями: въ числѣ источниковъ указавъ, наприкладъ, Софійскій временникъ, изъ котораго, между прочимъ, взято предисловіе (XV, 26 - 28). Какой именно памятникъ разумѣетъ г. Тихомировъ подъ этимъ названіемъ, неясно: извѣстнo, что «Софійскій временникъ», какъ заглавіе передъ указаннымъ предисловіемъ, читается не только въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи (V, 86), но также въ спискахъ Новгородской 4-й

лѣтописи. Миѣ кажется, что сводъ 1534 года пользовался однимъ изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи и именно спискомъ, сходнымъ съ списками Оболенскаго и Карамзина: только въ этихъ спискахъ содержатся, напримѣръ, приведенныя въ сводѣ 1534 извѣстія 1055, 1058 и 1060 гг., касающіяся епископа Луки¹⁾; правда, они находятся и въ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи (основного источника Софійской 1-й), но зато тамъ нѣтъ обширной статьи о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 году, одинаково изложенной въ сводѣ 1534 года и въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи. Близость свода 1534 года къ спискамъ Карамзина и Оболенскаго можно доказать еще цѣлымъ рядомъ общихъ чтеній: такъ въ этомъ сводѣ (Твер. сб. подъ 955, с. 64) читается одинаково ошибочно со списками К. и О.: всюду вм. въ Суду; подъ 996 г. (с. 117): 300 берковскихъ меду вм. берковъсковъ Новгородской 1-й, проваръ другихъ списковъ Софійской 1-й; подъ 1036: бѣжати а стеньющи вм. бѣжаще стеньяху; подъ 1071 г. (с. 165), согласно съ К. и О., находимъ Анши и Замбрий вмѣсто Мамъври и Абри другихъ списковъ той же лѣтописи и т. д.

Четвертымъ источникомъ свода 1534 года г. Тихомировъ называетъ Южный сводъ лѣтописей, отмѣчая, что указанія на него находятся подъ 6634, 6635, 6640 и 6694 годами. Дѣйствительно, противъ разсказа, относящагося къ этимъ годамъ, мы находимъ въ Тверскомъ сборникѣ сокращенную ссылку: кіев. Сравненіе указанныхъ мѣстъ съ Ипатьевскимъ сводомъ не убѣждаетъ насъ въ томъ, чтобы составителю свода 1534 года былъ извѣстенъ Ипатьевскій или другой сходный съ нимъ списокъ Кіевской лѣтописи. Но на пользованіе источникомъ, близкимъ къ Ипатьевскому своду, есть и другія указанія въ сводѣ 1534 года. Такъ нѣкоторыя подробности въ сказаніи объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, которыхъ нѣтъ въ Львовской (напр. эпизодъ съ Прокопіемъ), можетъ быть, заимствованы изъ этого источника. Подъ 1137 годомъ на основаніи Кіевской лѣтописи дополненъ разсказъ Новгородской 1-й лѣтописи о Всеволодѣ Мстиславичѣ; изъ нея же заимствованъ отрывокъ отъ словъ: «Онъ же, хотя опять сѣсти на столѣ своемъ» до словъ: «и тако добрѣ проводи его»; изъ нея же взято опредѣленіе дня кончины Всеволода и мѣста его погребенія. Подъ 1146 г. сводчикъ указываетъ на 1-е августа, какъ на день смерти Всеволода Ольговича; число это заимствовано изъ Кіевской лѣтописи (ср. Ипат.), такъ

1) Что эти извѣстія попали въ сводъ 1534 года не изъ Новгор. 1-й лѣтописи, которою онъ также пользовался, видно, напр., изъ того, что о смерти Луки совсѣмъ не читается въ этой лѣтописи, а подъ 1058 г. въ сп. К. и О. Софійской 1-ой лѣтописи, равно какъ и въ сводѣ 1534 г., опущено извѣстіе, находящееся въ Новгор. 1-й лѣтописи, о томъ, что Дудика бѣжалъ въ Пѣмцы, и сказано, что ему урѣзали не только носъ (какъ въ Новгор. 1-й), но и устны.

какъ другіе источники имѣютъ 30 іюня (Львовская), 30 іюля (Софійская 1-я), мѣсяца іюля (Новгородская 1-я).

Пятымъ источникомъ свода 1534 г. г. Тихомировъ признаетъ сказаніе. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ сказаній, разсмотрѣнныхъ авторомъ, попали въ сводъ 1534 г. изъ другихъ сводовъ и именно отчасти изъ названныхъ выше источниковъ. Такъ въ основаніи сказанія объ убіеніи Андрея Боголюбскаго лежитъ рассказъ Львовской лѣтописи: но онъ дополненъ частью по Кіевской лѣтописи, частью же по Ростовскому своду, передававшему, какъ мы видѣли, нѣкоторыя особенныя подробности этого событія. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что г. Тихомировъ правъ, утверждая, что сказаніе о русскихъ богатыряхъ, вставленное въ повѣсть о Калкскомъ побоищѣ (XV, 336 - 338), было извѣстно составителю сборника въ отдѣльномъ видѣ; на это особенно ясно указываютъ слова: «отъ нихже (богатырей) о единомъ въспомянемъ здѣ, описаніяhalbше».

И такъ, оставляя въ сторонѣ нѣсколько сказаній, видимъ, что весь текстъ свода 1534 года, въ дошедшей до насъ части его, возводится къ слѣдующимъ основнымъ источникамъ: списку Софійской 1-й лѣтописи, близкому къ спискамъ Карамзина и Оболенскаго; списку Новгородской 1-й лѣтописи, сходному со списками Толстовскимъ и Академическимъ; къ своду 1518 года (основной редакціи Львовской лѣтописи); къ Ростовскому своду 1419 года съ продолженіями и, наконецъ, къ какому-то Кіевскому своду. Изъ этихъ источниковъ только сводъ 1518 года могъ послужить составителю свода 1534 года до рассказа о первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, всѣ остальные источники обрывались въ XV в., а частью (Кіевскій сводъ) и раньше. Что же касается части 1519 - 1534 года, то она составлена уже по неизвѣстнымъ намъ источникамъ. Въ видѣ предположенія рѣшаюсь высказать, что эта часть свода дошла до насъ (можетъ быть, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ) въ Новоіерусалимскомъ списокѣ Софійской 2-й лѣтописи. Этотъ списокъ, какъ мы знаемъ, въ части до 1518 года включительно, почти тождественъ съ Львовской лѣтописью; то же должно было замѣчаться и относительно свода 1534 года; этотъ списокъ представляетъ самостоятельную часть 1519 - 1534 гг.: такую же по характеру и объему часть долженъ былъ представлять сводъ 1534 года. Если это предположеніе вѣрно, если составитель Новоіерусалимскаго списка дѣйствительно дополнялъ первую редакцію Софійской 2-й лѣтописи (Архивскій списокъ) на основаніи свода 1534 года, надо думать, что помѣщенный въ этомъ списокѣ перечень епископовъ ростовскихъ подъ 1396 г. (VI, 128) заимствованъ изъ свода 1534 года, который въ свою очередь составилъ его по Ростовскому своду 1419 года съ дополненіями (ср. болѣе полный и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальный перечень во 2-ой части Твер. сб. подъ

1408 г.)¹⁾. Такой выводъ подтвердилъ бы указанное предположеніе: но я сознаю его шаткость въ виду того, что неизвѣстно, не находился ли указанный перечень уже въ первой редакціи Софійской 2-й лѣтописи: въ Архивскомъ спискѣ вырвано начало, а съ нимъ вмѣстѣ и лѣтописная статья 1396 года.

Вторая часть Тверского сборника составляетъ, какъ мы видѣли, главную и существенную часть его: она представляетъ изъ себя главнымъ образомъ лѣтопись тверскихъ событій. Къ ней была приложена первая часть сборника, содержаніе которой составилъ сводъ 1534 года. Я уже высказалъ выше, что во второй части сборника надо видѣть соединеніе по крайней мѣрѣ двухъ источниковъ: Ростовской лѣтописи 1419 года съ продолженіями и Лѣтописца княженія Тверского, предисловіе къ которому помѣщено подъ 1402 годомъ. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ источниковъ.

Ростовская лѣтопись 1419 года была извѣстна составителю Тверского сборника не въ первоначальной редакціи, а въ той же позднѣйшей редакціи ея, которая послужила источникомъ Воскресенской лѣтописи. Составленіе этой редакціи относится ко времени 1489 - 1503 г., такъ какъ послѣднимъ въ перечнѣ ростовскихъ епископовъ, какъ въ Воскр. лѣтописи подъ 1396 г., такъ и въ Тверскомъ сборникѣ подъ 1408 г., названъ Тихонъ, при чемъ не указано число лѣтъ его владычества, между тѣмъ какъ время епископствъ остальныхъ владыкъ, его предшественниковъ, опредѣляется весьма точно. Съ такимъ указаніемъ на время составленія Ростовскаго свода — источника Тверского сборника вполне совпадаетъ и то обстоятельство, что лѣтописный рассказъ сборника доведенъ до 1499 года: очевидно, лѣтописныя продолженія указанного свода оканчивались именно этимъ годомъ. И такъ на основаніи Тверского сборника восстанавливается лѣтописный сводъ 1419 года, обремененный извѣстіями 1420 - 1499 г. Такимъ образомъ этотъ сводъ по характеру своему былъ однороденъ съ большинствомъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XV вѣка: въ основаніи многихъ изъ нихъ находится или Софійская 1-я лѣтопись (составлена въ 1423 г.), или указанный Ростовскій сводъ 1419 года, при чемъ

1) Сходный съ Соф. 2-й (Новоіерус. сп.) перечень находимъ въ Воскр. лѣтописи (VIII, 69): въ ней онъ восходитъ къ Ростовскому своду 1419 г. съ дополненіями. Очевидно, въ этомъ сводѣ списокъ читался два раза — одинъ подъ 1396 г. (первоначально онъ доходилъ только до Григорія), а другой подъ 1408 (этотъ списокъ составленъ позже, во время архіепископа Тихона).

вслѣдъ за ними читается лѣтописный разсказъ о событіяхъ XV вѣка. Таковы: списки Софійской 1-й лѣтописи, Лѣтописецъ Даниловича, Хронографъ и др.

Укажу въ общихъ чертахъ, что именно во второй части Тверского сборника восходитъ къ этому главному ея источнику. Сравнивая содержаніе этой части Тверского сборника, съ одной стороны, Воскр. лѣтописи и Акад. списка Суздал. лѣтописи, съ другой, мы увидимъ между ними полное сходство, начиная съ середины XIII в. (гдѣ начинается вторая часть нашего сборника) и кончая началомъ XV в. (гдѣ оканчивается Акад. списокъ). Сходство это выражается въ томъ, что во всѣхъ трехъ памятникахъ находимъ общія извѣстія, иногда изложенныя въ одинаковомъ порядкѣ: правда, подробности и содержаніе извѣстій часто различаются въ нихъ, но это зависѣло частью отъ самостоятельнаго пользованія общимъ источникомъ, частью же отъ того, что и Воскресенская лѣтопись, и Тверской сборникъ дополняли эти извѣстія ихъ основного источника другими, замѣствованными изъ другихъ лѣтописныхъ сводовъ. Такъ напр. подъ 1318 годомъ помѣщено въ Тверскомъ сборникѣ сказаніе объ убіеніи Михаила Ярославича Тверского: г. Тихомировъ ничего не говоритъ объ отношеніи его къ тѣмъ видамъ сказанія, которые встрѣчаются въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ; сравненіе его съ редакціею, помѣщенной въ Воскресенской лѣтописи, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что и оно попало и въ нашъ сборникъ, и въ эту лѣтопись изъ одного общаго источника: начиная со словъ: «Гому же лѣту псходящу приде въ Орду благовѣрной великій князь Михайло у моря Сурожьскаго, идеже втече Донъ рѣка», — и до конца сказанія, текстъ Тверского сборника оказывается сравнительно съ текстомъ Воскресенской лѣтописи сокращеніемъ общаго оригинала, довольно точно переданнаго въ послѣдней. Вслѣдъ за этимъ, подъ 1319 годомъ, въ Тверскомъ сборникѣ и въ Воскресенской лѣтописи говорится о погребеніи Михаила въ Твери: но заключительная часть сказанія — похвала Михаилу Ярославичу, не сохранившаяся въ Воскр. лѣтописи, передается только въ Тверскомъ сборникѣ. Разсказъ о борьбѣ Александра и Димитрія Михайловичей съ Юріемъ Данпловичемъ въ Воскр. и Твер. весьма близки между собою и явно обличаютъ общій источникъ: ср. напр. извѣстія 1322, 1323, 1324 гг. Подъ 1339 г., вслѣдъ за извѣстіемъ объ убіеніи Александра Михайловича (переданнымъ различно въ Воскр. и Твер.), читаемъ въ обоихъ сводахъ: «И на ту же зиму (той же зимы) мѣсяца ноября въ 25 (на память святаго священнаго мученика Климента), замыслиша рубити градъ Москву (заложень бысть градъ Москва); а кончаша той же зимы, на весну, въ великое говѣніе (да и срубленъ бысть тою же зимы въ великое говѣніе)». Замѣчательно, что въ Воскр. нѣсколькими строками выше при-

водится то же извѣстіе изъ другого источника ¹⁾. За этимъ извѣстіемъ въ Воскр., такъ же какъ въ Твер., говорится о нашествіи на Смоленскую область Тувлубія. Подъ тѣмъ же годомъ въ Воскр., какъ и въ Твер., говорится объ убіеніи Козельскаго князя Андрея Мстиславича. Ясно, что, рассказывая о событіяхъ 1339 г., составители Твер. и Воскр. пользовались однимъ общимъ оригиналомъ. Рассказъ о распрѣ между Михаиломъ Александровичемъ и Димитріемъ Ивановичемъ, вызвавшей походъ Ольгерда на Москву въ 1368 году, въ Воскр. и Тверск. также одинаковъ, но въ Твер. онъ сокращенъ. Послѣ различнаго повѣствованія объ опустошеніи Михаиломъ Александровичемъ Новгородскихъ предѣловъ, въ Воскр. и Твер. одинаково рассказывается о походѣ союзниковъ — Тверского князя и Ольгерда на Москву, при чемъ битвѣ помѣшалъ глубокой оврагъ, оказавшійся между обими враждебными полками. Подъ 1375 г. одинаково передаются подробности о походѣ Димитрія Ивановича на Тверь, при чемъ однако рассказъ Тверского сборника сокращеннѣе; какъ въ Твер. такъ и въ Воскр. въ этотъ рассказъ, послѣ словъ «а намѣстники послаша въ Торжекъ и на Углеце Поле ратию», вставлено извѣстіе о солнечномъ затменіи ²⁾ (ср. у Тихомирова, прим. на с. 295). Вслѣдъ за рассказомъ о мирномъ окончаніи войны въ Воскр. и Твер. читаемъ о Костромскомъ взятіи и о Прокофьевѣ кончинѣ. Подъ 1377 въ Воскр. и Твер. читаемъ сначала о событіяхъ литовскихъ, вызванныхъ кончиною Ольгерда, затѣмъ о побойцѣ на рѣкѣ Пяпѣ и взятіи Нижняго татарами, далѣе о кончинѣ Алексѣя митрополита, при чемъ въ Твер. сохранилось и начало помѣщеннаго въ Воскр. житія Алексѣя (Сей убо въ святыхъ отецъ нашихъ Алексѣй митрополитъ), которое замѣнено извѣстіями о родичахъ Алексѣя, боярахъ Плещеевыхъ; за сѣмъ, какъ мы говорили выше, слѣдуетъ въ обонхъ сводахъ повѣсть о Митяѣ. Повѣсть эта въ Твер. изложена подъ двумя годами 1377 и 1379 прерываясь извѣстіями объ убіеніи Кестутія, битвѣ на Вожѣ и др., а въ Воскр. подъ однимъ 1377 годомъ, при чемъ подъ 1379 г. дѣлается по поводу упоминанія о поѣздкѣ Митяя въ Царьградъ ссылка на рассказъ 1377 г. Вслѣдъ за этимъ въ Воскр. и Твер. читаемъ о казни Ивана тысяцкаго на Кучковѣ полѣ. Подъ 1382 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о рожденіи Андрея Димитріевича, въ Твер. и Воскр. помѣщена повѣсть о нападеніи Тохтамыша на Москву; въ Твер. она значительно сокращена и сходствуетъ съ Воскр., только начиная съ извѣстія о томъ, что Олегъ рязанскій указалъ Тохта-

1) Того же лѣта заложенъ градъ Москва дубовъ, при князѣ Иванѣ Дашковичѣ при Калитѣ.

2) Въ Твер. кратко: «того же лѣта солнце погубло», а въ Воскр.: «того же мѣсяца въ 27, въ Твери, въ церкви Покровѣ предъ иконою Пречистые свѣча загорѣся, а въ 29 знаменіе бысть въ солнци».

мышу броды на Окѣ (т. VIII, с. 44, Воскр.). Подъ 1387 встрѣчаемъ въ Воскр. и Твер. одинаковій разсказъ о Смоленскомъ побоищѣ. Подъ 1395 годомъ въ обоихъ сводахъ помѣщено сказаніе о пашествіи Тамерлана: въ Твер. сохранился болѣе полный видъ этого сказанія, значительно измѣненнаго и сокращеннаго въ Воскр. Такъ въ Воскр. пропущено начало повѣсти, гдѣ говорится о происхожденіи Темиръ Аксака; сходство начинается со словъ: «Сей же Темиръ Аксакъ пача многи рати творити» (Твер., XV, с. 448). Замѣчательно, что Воскр. лѣтопись опустила слѣдующее мѣсто: «и царя Турскаго Крыщеа полонилъ, а царство за себе взялъ» и ниже: «и царя Крыщеа Турскаго въ клѣтцѣ желѣзныѣ вожаше съ собою...»¹⁾. Конецъ повѣсти въ Воскр. также значительно сокращенъ. За этою повѣстью въ Твер. такъ же, какъ въ Воскр., помѣщенъ разсказъ о взятіи Витовтомъ Смоленска. Подъ 1397 въ Воскр. и Твер. читаемъ о женитьбѣ Ивана Всеволодовича Тверского и вслѣдъ за тѣмъ о поѣздкѣ Ивана Михайловича въ Литву къ шурина своему Витовту. Подъ 1399 въ Твер. читается та же повѣсть, что въ Воскр. — о побоищѣ Витовта съ Темиръ Кутлумъ. Вслѣдъ за этимъ въ обоихъ сводахъ помѣщена статья о преставленіи князя Михаила Александровича Тверского. Подъ 1403 въ обоихъ сводахъ читаемъ о междоусобной брани тверскихъ князей; за этимъ и въ Воскр. и Твер. подъ 1404 помѣщенъ разсказъ о второмъ взятіи Смоленска. Подъ 1407 въ Твер. и Воскр., вслѣдъ за войной Василя Дмитриевича съ Витовтомъ, говорится о смерти Юрія Святославича Смоленскаго и о возвращеніи изъ орды Ивана Михайловича Тверского. Подъ 1408 въ Твер. подробнѣе, въ Воскр. короче говорится о Ростовскомъ пожарѣ; послѣ этого въ обоихъ сводахъ разсказывается о мирѣ, заключенномъ Витовтомъ съ Московскимъ княземъ 14 сентября при рѣкѣ Угрѣ. Подъ 1409 говорится въ обоихъ сводахъ о смерти епископа Тверского Арсенія, далѣе объ Анфалѣ; затѣмъ подъ 1410 о прибытіи Фогія митрополита 23 марта въ Москву. Извѣстіемъ о взятіи Владимира татарами въ іюль 1400 года, кажется, оканчивается сходство Воскр. и Твер., и я затрудняюсь указать, какія извѣстія послѣдующаго времени можно признать общими для обоихъ сводовъ. Въ виду этого слѣдуетъ допустить, что приблизительно около этого года составитель Тверского сборника оставилъ Ростовскій сводъ и обратился къ другому источнику, можетъ быть, потому, что именно съ этого времени совершенно прекращались извѣстія, наиболѣе его интересовавшія въ этомъ

1) Мѣсто Крыщеа (ср. Крецій въ Соф. II) занялъ Баозитъ подъ вліяніемъ Хронографа въ Никон., а въ Степ. (I, 542): Баозитъ рекомый Крецій. Крецій ср. съ именемъ сына Баязета Chrisii, Chirizi, Chirici, Crixia, Crissia. Подъ 1400 г. въ Твер., а подъ 1398 въ Воскресен. читаемъ о семилѣтней осадѣ Царяграда Баязетомъ, причемъ въ Твер. прибавлено объ убіеніи Баязета Темиръ Аксакомъ и о смерти самого Темира Аксака близъ Царяграда.

его основномъ источникѣ — тверскія. Но начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія, мы опять находимъ выписки изъ этого свода, которыя и оканчиваются 1499-мъ годомъ: это доказывается сравненіемъ лѣтописнаго разсказа послѣднихъ двухъ десятилѣтій XV в. въ Воскр. и Твер., хотя несомнѣнно, что обиліе источниковъ Воскр. лѣтописи съ трудомъ позволяетъ прослѣдить въ ней извѣстія, восходящія къ этому своду тѣмъ болѣе, что и въ Твер. они переданы весьма отрывочно и кратко¹⁾. И такъ, намъ удалось опредѣлить главный и основной источникъ второй части Тверского сборника — это лѣтописный сводъ, составленный въ Москвѣ въ 1489 - 1503 г., а можетъ быть точнѣе въ 1499 году. Сводъ этотъ въ части до 1419 года содержалъ въ себѣ Ростовскій сводъ, тождественный по происхожденію съ Академическимъ спискомъ этой лѣтописи; во второй части находилась лѣтопись московская. Составитель Тверского сборника воспользовался только первою частью своего источника, заимствовавъ изъ второй одни лишь послѣднія извѣстія. Причину такого отношенія къ своду 1499 года я указалъ выше: въ первой части были интересныя для составителя Тверского сборника тверскія извѣстія, которыхъ уже не было во второй части; онъ долженъ былъ обратиться ко второй части лишь тогда, когда прекратились извѣстія другого его источника, по которому изложены событія 1410 - 1486 года. И такъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ угадываемъ причину, почему составитель Тверского сборника остановился, какъ на основномъ для себя источникѣ, — на сводѣ 1499 года. Въ этомъ сводѣ, въ частн его до 1409 года (до кончины епископа Арсеція), онъ находилъ извѣстія о Твери, наиболѣе его занимавшей. Спрашивается, какъ попали эти извѣстія въ сводъ 1499 года или правильнѣе, въ виду уже добытыхъ выше результатовъ, какъ попали эти тверскія извѣстія въ ростовскій сводъ 1419 г.? Я думаю, что составитель этого послѣдняго свода пользовался тверскою лѣтописью: изъ нея-то онъ заимствовалъ рядъ извѣстій тверского происхожденія, начиная съ княженія Ярослава Ярославича. Не стану останавливаться на происхожденіи и составѣ этой лѣтописи; скажу только, что, повидимому, она вошла въ Тверской лѣтописный сводъ, составленный въ 1409 или 1410 году и задуманный, можетъ быть, раньше епископомъ Арсеціемъ, извѣстнымъ любителемъ просвѣщенія. Вскорѣ этотъ сводъ попалъ въ Ростовъ, гдѣ и былъ соединенъ въ 1419 году съ ростовскою лѣтописью, составивъ съ нею большой лѣтописный сводъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на развитіе нашего лѣтописанія. Что въ ростовскомъ сводѣ 1419 года были тверскія извѣстія, видно не только изъ

1) Возможно, впрочемъ, что Тверской сб. пользовался такимъ сводомъ, который составителю Воскр. лѣтописи былъ извѣстенъ въ болѣе ранней редакціи; такъ этотъ сводъ могъ доходить въ одной редакціи до середины XV в., а въ другой, позднѣйшей, — до 1499 г.

Воскресенской лѣтописи¹⁾, но и изъ Академическаго списка Ростовской лѣтописи: ср. подъ 1285 объ основаніи церкви св. Спаса, подъ 1368 о смерти Василя Михайловича въ Кашинѣ, подъ 1414 о пожарѣ въ Твери, подъ 1319 о прибытіи тѣла Михаила Ярославича въ Тверь и др. Можно замѣтить, что составитель Тверскаго свода вообще довольно старательно извлекъ изъ свода 1499 года извѣстія, касающіяся Твери и тверскихъ князей: прямою цѣлью его было дать лѣтопись тверскихъ событій и, конечно, этимъ объясняются его сокращенія и опущенія въ статьяхъ и замѣткахъ, не относящихся къ Твери; такъ имъ опущена бѣольшая часть извѣстій о ростовскихъ князьяхъ²⁾.

Изслѣдованіе перваго основнаго источника Тверскаго сборника приводитъ насъ къ опредѣленію втораго источника: это были памятники, заключающіе въ себѣ тверскія лѣтописныя извѣстія.

Мы видѣли выше, что г. Тихомировъ въ числѣ источниковъ Тверскаго сборника называетъ Тверскую лѣтопись и Тверскія историческія сказанія. Онъ несомнѣнно правъ въ своемъ утвержденіи, но при ближайшемъ опредѣленіи состава этихъ источниковъ не слѣдуетъ упускать доказаннаго выше положенія: рядъ погодныхъ извѣстій и сказаній тверскаго происхожденія вошли въ Тверской сборникъ не изъ первоисточниковъ, а изъ позднѣйшаго свода московскаго происхожденія, свода 1499 года. Сюда относятся извѣстія до 1409 года, а также нѣкоторыя изъ сказаній — сказаніе объ убіеніи Михаила Ярославича, сказаніе о смерти Михаила Александровича (ср. Твер. и Воскр.) и др. На счетъ другаго источника можно съ увѣренностью относить лишь то, что носитъ слѣды тверскаго происхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть возведено къ своду 1499 года. Основываясь на томъ, что въ Воскресенской лѣтописи тверскія извѣстія доходятъ только до 1409 года, что слѣдовательно и въ сводѣ 1499 года составитель Тверскаго сборника не могъ бы найти такихъ извѣстій позже этого года, думаю, что содержаніе Тверскаго сборника, начиная приблизительно съ этого года, насколько, конечно, оно касается Твери, должно быть возводимо къ какой-то до насъ не дошедшей Тверской лѣтописи. Судя по выпискамъ изъ нея въ Тверскомъ сборникѣ, она состояла изъ ряда лѣтописныхъ замѣтокъ, краткихъ и отрывочныхъ: такъ, подъ

1) Ср. подъ 1287 объ освященіи тверской церкви св. Спаса (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1289 о происхожденіи епископа тверскаго Андрея (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1292 объ иконописныхъ работахъ въ церкви св. Спаса (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1293 о походѣ татаръ на Тверь, оставшуюся безъ князя (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1298 о пожарѣ въ Твери (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1304 о битвѣ подъ Переяславлемъ, въ которой погибъ бояринъ тверской Акинѣй (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1404 объ основаніи церкви Усп. Богородицы на р. Тмакѣ (въ Твер. сб. нѣтъ) и др.

2) Напр., подъ 1307 смерть Константина Борисовича, подъ 1310 рожденіе Федора Васильевича, подъ 1326 женитьба Федора Васильевича и т. д.

1448 годомъ мы читаемъ только: И лѣту изшедшу 56 палъ сиѣгъ въ Семень день; подь 1467: Быль хмѣлю оковъ по рублю. Того же лѣта за Тмакою сгорѣла церковь святая Пятница, а дворовъ 110; подь 1424: Бысть моръ въ Кашииѣ и меженина, по полтинѣ купли оково ржи и т. д. Нѣкоторые годы оставлены совершенно пустыми, напр., 1426 и 1427, 1436 и 1437, 1459 и 1460, 1472 - 1477 и др. Такой характеръ лѣтописи показываетъ, что начала, основного ядра ея нечего искать въ той части Тверского сборника, гдѣ содержится разсказъ 1410 - 1486 годовъ: между тѣмъ такое ядро должно было существовать, такъ какъ подобныя лѣтописныя замѣтки обыкновенно группируются около какого-нибудь обширнаго лѣтописнаго разсказа, являясь какъ бы предисловіемъ его или иногда сопровождая его, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ происхожденіе этихъ замѣтокъ таково, что ясно отличаетъ ихъ авторовъ: это читатели древней лѣтописи, пожелавшіе дополнить ее нѣкоторыми позднѣйшими данными. Въ данномъ случаѣ ядро, куда примыкали лѣтописныя замѣтки тверского происхожденія, должно искать не за ними, а впереди ихъ, такъ какъ съ 1486 года Тверь пала, и отсутствіе въ ней политическихъ интересовъ не могло содѣйствовать развитію лѣтописанія. Думаю, что въ Тверскомъ сборникѣ сохранилось это искомое ядро. Послѣ 1402 года въ немъ помѣщены: «Предисловіе лѣтописца княженія тверскаго благовѣрныхъ великихъ князей тверскихъ» и также самый лѣтописецъ.

Издатель XV т. П. С. Р. Л. (А. Ѳ. Бычковъ) называетъ въ числѣ источниковъ Тверского сборника «Лѣтописецъ княженія Тверскаго», прибавляя, что «объ этой Лѣтописи мы узнаемъ изъ сборника, что она составлена неизвѣстнымъ лицомъ, по повелѣнію Тверского великаго князя Бориса Александровича († 1461), приказавшаго ему описать время княженія Михаила Александровича, сына Александра Михайловича» (см. предисловіе къ изданію, с. V). Изъ дальнѣйшихъ словъ издателя видно, что по его мнѣнію событія княженія Ивана Михайловича, а также и послѣдующія, разсказаны въ Тверскомъ сборникѣ на основаніи этого Лѣтописца. Г. Тихомировъ, основываясь частью на догадкѣ Ключевского, указавшаго, что статья о преставленіи Михаила Александровича составляетъ отрывокъ житія Михаила Александровича, не соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ изданіи Археографической Коммиссіи и утверждаетъ, что въ Тверскомъ сборникѣ сохранился подь указаннымъ выше заглавіемъ отрывокъ не лѣтописи, а только житія Михаила Александровича. Составитель сборника воспользовался этимъ житіемъ такъ же, какъ выше онъ внесъ въ него житіе Алексѣя митрополита, повѣсть о Митяѣ и др. «Составителю, говоритъ г. Тихомировъ, попались отрывки изъ житія Михаила; конецъ его онъ помѣстилъ подь годомъ смерти Михаила, такъ какъ въ послѣдней части житія

описывается копчина князя, — а начало житія опъ помѣстилъ дальше, не заботясь о хронологической точности». Думаю, что г. Тихомировъ правъ только отчасти: до насъ путемъ сборника дошли дѣйствительно отрывки изъ житія Михаила, но самъ составитель сборника внесъ въ него не житіе Михаила, а Тверскую лѣтопись, гдѣ между прочимъ находились отрывки этого житія. Въ доказательство такого положенія приведу слѣдующее.

До насъ сохранился отрывокъ житія Михаила Александровича въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ, не знакомыхъ съ житіемъ во всемъ его составѣ. Такъ мы находимъ въ Воскр. статью «О преставленіи князя Михаила Тверскаго»; начинается она словами: «того же лѣта, по праздниѣ госпожинѣ дни, разболѣся князь Михайло». Ту же статью содержитъ Новгородская 4-я лѣтопись, но начало ея нѣсколько иное, такъ какъ здѣсь сохранилось краткое предисловіе къ житію: «Егда единою видѣвый пришлецъ града изрядно стояніе...»; за этимъ предисловіемъ самый рассказъ начинается такъ же, какъ въ Воскр.: «По госпожинѣ дни, князь великій Михайло Александровичъ Тферьскій разболѣся». Въ Тверскомъ сводѣ сохранился тотъ же отрывокъ, при чемъ начало его тождественно съ Воскр. лѣтописью: «Того же лѣта, по госпожинѣ дни...» Естественно возникаетъ предположеніе, что въ разсмотрѣнные три свода этотъ отрывокъ попалъ изъ одного общаго основнаго источника, основнаго лѣтописнаго свода; такое предположеніе тѣмъ естественнѣе, что во всѣхъ нихъ отрывокъ этотъ слѣдуетъ непосредственно за рассказомъ о боѣ Витовта съ Темиръ-Кутлумъ, при чемъ заглавіе отрывка въ Воскр. и Новг. 4-й одинаково читается вслѣдъ за словами: «Иванъ Юрьевичъ Бѣльскій князь, Въспытко (Луспытко) Краковскій (князь)», — словами, которыми заключается перечень павшихъ въ бою литовскихъ князей (перечень этотъ въ Твер. сборникѣ, какъ мы видѣли выше, опущенъ). Но кромѣ этихъ позднѣйшихъ по времени ихъ составленія сводовъ, мы найдемъ тотъ же отрывокъ и на томъ же мѣстѣ въ томъ лѣтописномъ сводѣ, въ которомъ Новг. 4-я лѣтопись доведена до 1411 года (ср. П. С. Р. Л., т. IV, предисловіе къ Псковской первой лѣтописи, стр. 170, Карамз. сп. I): ему предшествуетъ въ этомъ списокѣ то же предисловіе, которое сохранилось и въ другихъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи. Имѣя въ виду, что все общее между Воскр. и Тверскимъ сборникомъ восходитъ къ своду 1499 года, что основная часть Новгородской 4-й лѣтописи, общая для всѣхъ списковъ ея, доходитъ до 1447 года, такъ какъ на 1448 году прекращается совсѣмъ одинъ изъ этихъ списковъ (Публ. библ. I), а изъ остальныхъ двое продолжаютъ до 1477 г., одинъ доходитъ до 1515 г., одинъ до 1496 года, и нѣсколько списковъ, переходя въ Псков. лѣтопись, продолжаютъ вмѣстѣ съ нею до 1547 года, при чемъ части, слѣдующія за 1447 годомъ въ спискахъ указанныхъ здѣсь различныхъ группъ

XV вѣка, предположительно по распоряженію епископа Арсенія. Такой выводъ встрѣчаетъ однако серьезныя возраженія въ томъ же Тверскомъ сборникѣ. «Предисловіе лѣтописца княженія тѣрскаго», помѣщенное въ немъ немного ниже разсказа о смерти Михаила, оказывается тождественнымъ съ тѣмъ предисловіемъ Житія Михаила, нѣсколько строкъ котораго сохранилось въ Новгородской 4-й лѣтописи. Начальныя строки этого предисловія утрачены, но со словъ: «мудраа основаніа твердости и крѣпости стѣпъ» видимъ тождественные тексты въ Тверскомъ сборникѣ и Новгородской 4-й лѣтописи. Между тѣмъ оказывается, что черезъ нѣсколько строкъ мы читаемъ въ Тверскомъ сборникѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ Новгородской лѣтописи: вмѣсто загадочнаго лица, имя котораго скрыла тайнопись, мы находимъ здѣсь имя Бориса Александровича, князя Тверскаго (1425 - 1462): «яко же п се въ той подобныа вещи благочестіа дръжателю православныхъ и христолюбивыхъ князя Бориса (чпт. православный п христолюбивый княже Борисе), еже повелѣлъ ми есть (чит. еси) написать отъ слова честь премудраго Михаила, боголюбиваго князя». Изъ этихъ строкъ г. Тихомпровъ, вслѣдъ за Ключевскимъ (Древнерусск. житія святыхъ), выводитъ, что житіе Михаила Александровича составлено въ княженіе Бориса Александровича: слѣдовательно, мы получаемъ совершенно иной выводъ сравнительно съ нашимъ, по которому это житіе составлено въ началѣ XV в. и уже около 1409 года вошло въ составъ лѣтописнаго свода. Мнѣ кажется, что при рѣшеніи вопроса, который же изъ обохъ выводовъ вѣренъ и какъ разрѣшить очевидное между ними противорѣчіе, надо обратить вниманіе на то, что въ предисловіи, читаемомъ въ Новгородской 4-й лѣтописи, говорится о житіи Михаила (яже повелѣлъ ми еси написать отъ житія премудраго Михаила), а въ предисловіи, помѣщенномъ въ Тверскомъ сборникѣ, упоминается о какомъ-то другого рода или характера произведеніи (яже повелѣлъ ми есть написать отъ слова честь премудраго Михаила). Если мы сообразимъ это обстоятельство и сопоставимъ его съ заглавными строками, свидѣтельствующими, что мы имѣемъ дѣло съ предисловіемъ не житія, а лѣтописца, само собой возникаетъ слѣдующее предположеніе: въ началѣ XV в., по распоряженію епископа Арсенія, составлено житіе Михаила, въ серединѣ же этого вѣка, по распоряженію князя Бориса Александровича, сочинена Тверская лѣтопись, существенную часть которой составило житіе Михаила Александровича: изъ этого житія заимствовано предисловіе, нѣсколько измѣненное ¹⁾ и распространенное, изъ него же заимствованы и другія части — историческая и риторическая, со-

1) Обращенія къ Борису Александровичу «твое боголюбіе», «честнаа главо» заимствованы изъ предисловія къ Житію, гдѣ они относились къ епископу.

держащія похвалу князю. И такъ, въ Тверскомъ сборникѣ за указаннымъ предисловіемъ слѣдуетъ не Житіе Михаила Александровича, какъ думаетъ г. Тихомировъ, а отрывки изъ «Лѣтописца княженія Тверскаго», въ который входило и интересующее насъ житіе. Дѣйствительно, странно было бы начинать житіе Михаила Александровича съ княженія Александра Михайловича и излагать въ немъ подробности о Щелкановщинѣ; но еще страннѣе было бы продолжать его разговоромъ о княженіи Ивана Михайловича. Между тѣмъ мы имѣемъ ясныя доказательства самой тѣсной связи между отрывками, слѣдующими въ Тверскомъ сборникѣ за упомянутымъ предисловіемъ и относящимися къ дѣятельности и къ личности Михаила Александровича, и отрывками, гдѣ говорится о первыхъ годахъ княженія Ивана Михайловича: такъ, въ этихъ послѣднихъ мы находимъ обращенія къ неизвѣстному читателю или заказчику, аналогичныя съ обращеніями, встрѣчающимся въ предисловіи: «Да зри отъ сихъ освященнаа главо, како ти всегубителнаго волка сотоны проириство»... (Тверск. сб., ст. 477, въ повѣсти о Плавѣ). «Довлѣтъ же здѣ о семъ написати, отче боголюбивый Варламе» (тамъ же, ст. 476, въ той же повѣсти), ср. въ предисловіи: «честнаа главо», а въ предисловіи къ Житію, сохранившемся въ Новгород. 4-й лѣтописи: «освященнаго верха». Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь фразы, явно обличающія общаго автора или редактора повѣстей, касающихся Ивана Михайловича, и тѣхъ отрывковъ, гдѣ говорится о Михаилѣ Александровичѣ; въ повѣсти о Плавѣ читаемъ: «ибо межи самими Христовыми человѣкы неприазненныя гордостныя мрежа сокровѣне пропинаеть... да въ тайныхъ сѣтій его углубшихъ отъ него порадоватися зело хочеть, яко же ѿ...» (Твер. сб., ст. 477); въ отрывкѣ, восходящемъ къ Житію Михаила: «иногда же межи тѣми самими Христовыми человѣки братонепавидство и неприаственныя мрежа пропинаа, да въ нихъ углубшая отъ сихъ порадоватися хотеще (вм. хочеть) зело, яко...» (Твер. сб., ст. 468). И тутъ, и тамъ встрѣчаемъ выраженіе «Тверстія сынове» (Твер. сб., ст. 476 и 468). Въ виду этого, думаю, что въ составъ того сочиненія, которое начато по повелѣнію Бориса Александровича, внесенъ разговоръ о княженіи не только Михаила Александровича, но также Александра Михайловича, его отца, и Ивана Михайловича, его сына, что, слѣдовательно, это сочиненіе было дѣйствительно лѣтописцемъ Тверскаго княженія.

Итакъ, составитель Тверскаго сборника пользовался какъ основнымъ источникомъ, по которому онъ дополнилъ данныя свода 1499 года, Лѣтописцемъ Тверскаго княженія. Укажу на тѣ статьи нашего сборника, которыя могутъ быть возведены къ этому второму его источнику. Подъ 1326 годомъ мы читаемъ два извѣстія о Щелкалѣ, — первое краткое: «Той же зыми преставися Петръ митрополитъ и убіенъ бысть Шевкаль»; оно

восходитъ къ своду 1499 года, куда оно попало изъ ростовской лѣтописи нач. XV в., ср. Акад. сп. этой лѣтописи¹⁾; — второе длинное, опредѣленное г. Тихомировымъ, какъ отдѣльное сказаніе. Это извѣстіе или лѣтописная статья попала въ Тверской сборникъ изъ второго его источника, т. е. изъ Лѣтописца княженія Тверскаго: часть этой статьи читается и въ отрывкахъ, помѣщенныхъ за Предисловіемъ, съ предшествующимъ заглавіемъ: О Шевкалѣ. Г. Тихомировъ (с. 281) говоритъ, что въ повѣсти о Шевкалѣ, помѣщенной подь 1326 годомъ, и въ рассказъ о немъ, читаемомъ въ Житіи, замѣчаются разнорѣчія; въ повѣсти Александръ не возбуждаетъ народа противъ татаръ; онъ, напротивъ, самъ ихъ успокоиваетъ. «Не такимъ изображенъ онъ въ житіи Михаила: «Да воспріиметь христіанскій губитель», говоритъ Александръ, — «мзду дѣлатель своихъ, и наполнится мѣра ему беззаконія его, и сътъ, юже простре, да впадется въ ню». Но я думаю, что въ повѣсти и въ такъ-называемомъ г. Тихомировымъ житіи, или правильнѣе въ двухъ мѣстахъ Тверскаго сборника, сохранились разрозненные части одного и того же рассказа. Подь 1326 г. мы читаемъ: «За умноженіе грѣхъ ради нашихъ, Богу попустившу діаволу възложити злаа въ сердце безбожнымъ татаромъ...»; въ отрывкѣ, слѣдующемъ за предисловіемъ: «и бысть пущеніемъ Божиемъ въ тыя дни възмогша иноплеменици, глаголемія татарове...» Подь 1326 г. беззаконный, проклятый Шевкалъ» начатъ глаголати, діаволомъ учимъ: «господине царю, аще ми велиши, азъ иду въ Русь, и разорю христіанства, а князи ихъ избію, а княгини и дѣти къ тебѣ приведу». Въ отрывкѣ послѣ Предисловія: «глагола окаанный (Шевкалъ) цареву своему: «повели ми, о царю, да шедъ убо на Русь, Александра приведу къ тебѣ, а христіане сътворю по воли твоей». Вслѣдъ за этимъ и подь 1326 г. и въ другомъ отрывкѣ говорится о нашествіи Щелкана и о насиліяхъ, совершенныхъ имъ въ Твери. Затѣмъ въ отрывкѣ, послѣ предисловія, непосредственно же послѣ словъ: «начатъ же многы пакости христіаномъ творити», мы читаемъ: «Александръ же отвѣщавъ: да въспріиметь христіанскій губитель» и т. д. (см. выше). Пропускъ очевиденъ: ничего не сказано о народномъ возстаніи и прямо говорится о какой-то сценѣ, имѣвшей мѣсто при развязкѣ всего дѣла, когда Щелканъ находился уже въ рукахъ народа. Пропускъ этотъ восполняется рассказомъ 1326 года, по которому Александръ уговаривалъ тверичей съ терпѣніемъ сносить татарскія насилія; но народъ ждалъ только удобнаго случая для возстанія, который и представился 15 августа и т. д. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы князь удерживалъ народъ и во время его вспышки; онъ,

1) Подь 1326: Тое же зимы преставися Петръ митрополитъ Кыевскій, декабря 20; а подь 1327: того же лѣта и Шевъкала убиша на Твери.

дѣйствительно, долженъ былъ держать себя такъ, какъ о немъ сказано во второмъ отрывкѣ. Слѣдовательно, никакого разнорѣчія между обоими отрывками въ рассказѣ о Шевкалѣ нѣтъ, и мы въ правѣ признать ихъ разрозненными частями того рассказа, который читался въ Лѣтописцѣ Тверского княженія. Составитель Тверского сборника не пожелалъ повторить другой разъ рассказа о подробностяхъ народнаго возстанія противъ Щелкана: этимъ объясняется пропускъ въ отрывкѣ «О Шевкалѣ», читаемомъ послѣ Предисловія.

За повѣстью о Шевкалѣ въ Лѣтописцѣ Тверского княженія говорилось о рати татарской, посланной наказать тверичей, «съ ними же Иванъ Московскій грядяше и вожъ имъ на грады тверскыя бываше», и объ удаленіи Александра въ Псковъ (ср. отрывокъ послѣ Предисловія). Думаю, что слова «Велкій же князь Александръ Михайловичъ, не тряпя безбожныхъ крамолы, оставль княженіе Руское и вся отечествія своа, и иде въ Псковъ съ княгынею и съ дѣтми своимъ, и пребысть въ Псковѣ» попали въ Тверской сборн. подъ 1327 г. изъ этого Лѣтописца. Изъ того же, конечно, Лѣтописца заимствовано извѣстіе о возвращеніи Константина и Василія Михайловичей съ ихъ матерію въ Тверь и о молитвѣ ихъ святому Спасу. Подъ 1328 и 1329 гг. читаемъ о поѣздкѣ Константина въ Орду и о возвращеніи его оттуда. Слова второго извѣстія: «Божіемъ милосердіемъ вынде изъ Орды князь Константинъ въ свою отчину въ Тверь, и нача княжити тогда тихо и мирно...» заимствованы, конечно, изъ Лѣтописца княженія Тверскаго. Рассказъ 1337 - 1338 годовъ о приѣздѣ Александра въ Тверь, о посылкѣ къ митрополиту Феогносту за благословеніемъ, объ отправленіи его къ незаконному царю Озбюгу и о мученической кончинѣ его въ Ордѣ и о погребеніи во Твери у св. Спаса—все это цѣлкомъ заимствовано въ Тверской сборникъ изъ Лѣтописца княженія Тверскаго. Вотъ почему въ отрывкѣ послѣ Предисловія обо всѣхъ этихъ событіяхъ сказано лишь нѣсколько словъ. Вслѣдъ за этимъ мы читаемъ подъ тѣмъ же 1339 годомъ: «По Александрѣ же братъ его въспріа княженіе Тверское; по Константинѣ Василей, братъ его, въспріа всю область Тверскую». Тѣ же слова читаются и въ отрывкѣ послѣ Предисловія ¹⁾: это одно можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что составитель Тверского сборника пользовался Лѣтописцемъ княженія Тверскаго не только послѣ рассказа о 1402 годѣ, гдѣ помѣщено Предисловіе, но и раньше: слѣдовательно, ясно, что послѣ Предисловія имъ помѣщенъ не весь Лѣтописецъ, а только однѣ отрывки изъ него. Приведенныя слова показываютъ также,

1) «По Александрѣ же братъ его Константинъ въспріа княженіе Тверское, по Константинѣ же братъ его Василей въспріа всю власть Тверскую» (Твер. сб., ст. 468).

что въ Лѣтописцѣ время отъ 1339 года до 1368-го (смерть Василія Михайловича) было описано очень кратко всего въ нѣсколькихъ словахъ, а это въ свою очередь объясняетъ, почему такъ мало событій за это время сказано въ нашемъ сборникѣ: мы находимъ здѣсь четырнадцать пустыхъ годовъ. Но уже съ 1371 года можно указать на заимствованія изъ Лѣтописца Тверского княженія: сюда относятся указанія на день (10 апрѣля), когда Михаилъ вернулся изъ Орды въ Тверь, а также на посла (Сарыхожу), его сопровождавшаго. Можетъ быть, отсюда же взято подробное описаніе прибытія въ Тверь митрополита Кипріяна и поставленія имъ Арсенія вм. сведеннаго со стола Евфимія (1390 годъ). Разсказъ о смерти Михаила Александровича (1399 г.) восходитъ непосредственно къ своду 1499 г., а въ него онъ, какъ мы видѣли, попалъ черезъ посредство основнаго источника—Ростовскаго свода 1419 года изъ Тверской лѣтописи начала XV в., заимствовавшей его въ свою очередь изъ житія Михаила. За этимъ разсказомъ подъ тѣмъ же годомъ помѣщено извѣстіе о взятіи Семеномъ Дмитріевичемъ вмѣстѣ съ царевичемъ Ептякомъ Нижняго Новгорода и о послѣдовавшемъ за тѣмъ походѣ Юрія Дмитріевича на Болгарскую землю. Далѣе говорится о возвращеніи Ивана Всеволодовича (роднаго племянника умершаго Михаила Александровича) въ Тверь; подъ 1400 годомъ приводится извѣстіе о полученіи Иваномъ Михайловичемъ ярлыка на великое княженіе Тверское и о смерти Темиръ Кутлуга; затѣмъ разсказывается о побѣдѣ Темиръ Аксака надъ Баязетомъ и о смерти Темира; подъ 1401 сообщается о возвращеніи Юрія Святославича въ Смоленскъ и о взятіи этого города; наконецъ, подъ 1402 году приводится извѣстіе о плѣненіи Витовтомъ рязанскаго князя Ярослава Ольговича и о смерти Ольга Ивановича рязанскаго. За этимъ событіемъ читаемъ: «Предисловіе Лѣтописца княженія Тверскаго», послѣ чего слѣдуетъ рядъ отрывковъ, относящихся къ княженіямъ Александра Михайловича и Михаила Александровича. Послѣ похвального слова ему и переходной фразы ¹⁾, читаемъ заглавіе: «Начало княженія великаго князя Ивана Михайловича Тверскаго». Затѣмъ говорится о вступленіи Ивана Михайловича на столъ въ 1400 году и объ общей радости тверичей, привѣтствовавшихъ новаго князя. Послѣ этого слѣдуетъ повтореніе событій уже разсказанныхъ выше, а именно: взятіе Нижняго Семеномъ и Ептякомъ; походъ Юрія и возвращеніе въ Тверь Ивана Всеволодовича (ср. выше подъ 1399 г.), далѣе подъ 1400 г. о ярлыкѣ, полученномъ Иваномъ Михайловичемъ на Тверское княженіе и о смерти Темиръ Кутлуга. За тѣмъ подъ тѣмъ же годомъ читаемъ: «Того же лѣта Баязыта, Татарскаго царя, Темиръ Аксакъ царь стоа царь»;

1) Но убо о семъ прекратимъ слово и кончаемъ бесѣду, и начнемъ о ихже начахомъ.

потомъ разсказъ переходитъ прямо къ 1403 году. Приведенная фраза, очевидно, относится къ недописанному разсказу, помѣщенному уже выше подъ 1400 же годомъ передъ Предисловіемъ ¹⁾: очевидно составитель сборника замѣтилъ, что онъ уже списалъ раньше, передъ отрывками изъ Лѣтописца Тверскаго княженія, всѣ эти извѣстія и тотчасъ же прервалъ переписку, вслѣдствіе чего послѣдняя фраза не только не кончена, но и искажена: вм. «царь стоа» слѣдовало написать «уби», какъ и поправилъ рукопись издатель XV тома. Повтореніе извѣстій 1399 - 1400 гг. за извѣстіемъ 1400 года о вступленіи Ивана Михайловича на столъ обратило на себя вниманіе изслѣдователей; объ этомъ говорятъ и г. Тихомировъ (с. 282). Спрашивается, какъ объяснить это повтореніе, чѣмъ оно могло быть вызвано? Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Воскр. лѣтописи взятіе Нижняго Семеномъ Дмитріевичемъ и царевичемъ Ентякомъ (25 октября) разсказано подъ 1399 годомъ, а бой Витовта съ Темиръ Кутлумъ и смерть Михаила Александровича—подъ слѣдующимъ 1400 годомъ. Тверской же сборникъ говоритъ подъ однимъ и тѣмъ же 1399 годомъ о боѣ Витовта съ татарами (12 августа), о кончинѣ Михаила (26 августа) и о взятіи Нижняго (25 октября). Въ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1399 годомъ приводится краткое извѣстіе о кончинѣ Михаила Александровича, а нѣсколько ниже слѣдующее краткое извѣстіе: «А князь Василей посылалъ брата въ Казань на князя Семіона», это — извѣстіе о походѣ Юрія Дмитріевича на Болгары, Жюкотивъ, Казань и Керменчукъ, имѣвшемъ мѣсто послѣ взятія Семеномъ Нижняго и вызванномъ именно этимъ событіемъ; слѣдовательно, въ источникѣ Новгородской 4-й лѣтописи о взятіи Нижняго говорилось, какъ и въ Тверскомъ сборникѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ Михаила; ниже подъ тѣмъ же 1399 годомъ помѣщены въ Новгородской 4-й лѣтописи: «Слово о томъ, како бился Витовтъ съ ордою съ царемъ Темиркутлумъ» и повѣсть «О преставленіи князя Михаила Александровича Тверскаго» (начинается предисловіемъ, сходнымъ съ Предисловіемъ Лѣтописца княженія Тверскаго, см. выше). Мнѣ кажется, что сравненіе Новгородской 4-й, Воскресенской и Тверской лѣтописей показываетъ, что въ общемъ для нихъ оригиналѣ (а такимъ оригиналомъ былъ ростовскій сводъ 1419 г.) подъ 1399 годомъ въ хронологическомъ порядкѣ разсказывалось: 1) о боѣ на рѣкѣ Ворсклѣ между Витовтомъ и Темиръ Кутлумъ въ видѣ краткаго извѣстія, 2) о смерти Михаила Александровича тоже въ видѣ краткаго сообщенія, 3) о взятіи Нижняго и походѣ Юрія на Болгарскую землю. Ниже въ томъ же сводѣ, можетъ быть въ концѣ его, помѣщены были Слово о томъ, какъ

2) Мы находимъ тамъ: Того же лѣта Баязыта турскаго царя уби Темиръ Аксакъ царь, подъ Цариградомъ стоа Баязытъ 7 лѣтъ...

бился Витовтъ съ Темиръ Кутлуемъ, и повѣсть о преставленіи Михайла Тверскаго. Составитель Новгородской 4-й лѣтописи, вслѣдствіе такого расположенія матеріала въ основномъ для него источникѣ, сказавъ кратко подъ 1399 годомъ о смерти Михайла Тверскаго и о походѣ Юрія противъ Семена, помѣстилъ въ концѣ разказа о томъ же 1399 годѣ названныя Слово и Повѣсть. Составитель свода 1499 года (источникъ Воскр. лѣтописи и Тверскаго сборника), слѣдую своему оригиналу, подъ 1399 годомъ помѣстилъ краткія извѣстія о боѣ на рѣкѣ Ворсклѣ, о смерти Михайла и разсказалъ затѣмъ о взятіи Нижняго Семеномъ Дмитріевичемъ и царевичемъ Елтыкомъ, о возвращеніи Ивана Всеволодовича въ Тверь и затѣмъ подъ 1400 - 1402 годомъ привелъ рядъ извѣстій, отразившихся, какъ въ Тверскомъ сборникѣ, такъ и въ Воскресенской лѣтописи. Только послѣ 1402 года онъ догадался вписать Слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ Темиръ Кутлуемъ и Повѣсть о преставленіи Михайла Александровича, которыя, какъ мы видѣли, читались не на мѣстѣ въ его оригиналѣ — Ростовскомъ сводѣ, и при томъ всего вѣроятнѣе въ концѣ свода. Составитель Воскресенской лѣтописи подъ 1399 годомъ выпустилъ краткія извѣстія о боѣ на Ворсклѣ и о смерти Михайла Александровича, но сохранилъ на своемъ мѣстѣ разсказъ о взятіи Нижняго и о походѣ Юрія Дмитріевича на Болгарскую землю; обѣ же обширныя статьи о битвѣ на Ворсклѣ и о преставленіи Михайла Александровича онъ перенесъ подъ 1400 годъ (а въ его оригиналѣ онѣ читались подъ 1402-мъ). Наконецъ, составитель Тверскаго сборника, пользуясь указаніемъ краткихъ извѣстій своего оригинала, благоразумно возстановилъ въ имѣвшемся у него лѣтописномъ матеріалѣ настоящій хронологическій порядокъ: онъ помѣстилъ и Слово о битвѣ Витовта съ Темиръ Кутлуемъ и повѣсть о преставленіи Михайла подъ 1399 годъ и вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ списывать свой оригиналъ вплоть до извѣстія о смерти Ольги Рязанскаго. Здѣсь онъ встрѣтилъ въ сводѣ 1499 года уже списанныя выше статьи, относящіяся къ событіямъ 1399 года; онъ рѣшилъ ихъ замѣнить вставкой изъ другого своего источника — Лѣтописца княженія Тверскаго. Такое рѣшеніе было тѣмъ естественнѣе, что здѣсь (въ сводѣ 1499 года) находилась статья, тождественная по содержанию съ одной изъ статей Лѣтописца (о преставленіи Михайла). Списавъ Предисловіе Лѣтописца и помѣстивъ за нимъ тѣ отрывки, которые не попали еще въ сборникъ, составитель дошелъ до извѣстія Лѣтописца о вступленіи Михайла на столъ: въ сводѣ 1499 года, который руководствовался Ростовскимъ сводомъ начала XV вѣка, это событіе относилось къ 1399 году, такъ какъ 1400 годъ наступалъ только въ мартѣ, а Иванъ сталъ великимъ княземъ въ сентябрѣ (Михайлъ умеръ 27 августа), но въ Лѣтописцѣ Тверскаго княженія оно отнесено было къ 1400 году, такъ какъ, очевидно, состави-

тель Лѣтописца руководствовался сентябрьскимъ годомъ. Сдѣлавъ эту вставку, составитель Тверского сборника вернулся къ своему основному источнику (своду 1499 года) и списалъ изъ него событія, непосредственно въ немъ слѣдовавшія за извѣстіемъ о смерти Мпхаила, т. е. повторилъ то, что списалъ уже раньше до вставки. Во-время замѣтивъ это повтореніе, онъ оборвалъ фразу и перешелъ къ событіямъ 1403 года.

Описывая княженіе Ивана Мпхаиловича, составитель Тверского сборника пользовался все тѣми же двумя своими источниками — сводомъ 1499 г. и Лѣтописцемъ княженія Тверскаго. Этимъ, между прочимъ, объясняется рядъ повтореній, замѣченныхъ Борзаковскимъ ¹⁾ въ разсказѣ 1407 - 1408 годовъ. Сводъ 1499 года черезъ посредство Ростовскаго свода нач. XV вѣка приводилъ рядъ тверскихъ извѣстій, повторенныхъ Тверскимъ сборникомъ, а частью Воскресенскою лѣтописью. Сюда относятся, напр., извѣстія 1407 года о распрѣ между Иваномъ Мпхаиловичемъ и Юріемъ Всеволодовичемъ: Тверской сб. и Воскр. лѣтопись ясно указываютъ, что въ сводѣ 1499 г. о нихъ рассказывалось такъ же, какъ въ Тверскомъ сб., исключая развѣ двукратнаго повторенія о возвращеніи Ивана въ Тверь съ великою честію (или съ великимъ жалованіемъ). Тѣ же событія излагались въ Лѣтописцѣ княженія Тверскаго, и оттуда разсказъ о нихъ перенесенъ въ Тверской сборникъ подъ 1408 г. (изд., с. 478 - 479): рѣчи, вложенныя при этомъ въ уста князя Ивана, фразы, подобныя слѣдующей: «и приде въ отечество же свое, въ православный градъ Тверскій, мѣсяца генваря 24», и т. д., ясно обличаютъ источникъ этого второго разсказа. Подъ 1408 годомъ въ Тверскомъ сборникѣ, непосредственно за повѣствованіемъ о ростовскомъ пожарѣ (ст. 482), помѣщенъ разсказъ о походѣ Витовта на московскія области и о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ Витовтомъ съ Василіемъ Димитріевичемъ 14 сентября на берегахъ Угры; вслѣдъ за этимъ идетъ сообщеніе объ Едигеѣ; въ такомъ же порядкѣ слѣдуютъ указанныя событія и въ Воскр. лѣтописи; отсюда ясно, что въ Тверской сб. разсказъ о походѣ Витовта заимствованъ изъ свода 1499 года. Но о томъ же походѣ разсказано и выше подъ тѣмъ же годомъ (ст. 474): этотъ послѣдній разсказъ заимствованъ изъ Лѣтописца княженія Тверскаго, что ясно, между прочимъ, изъ такихъ подробностей, какъ посольство Василя московскаго къ Ивану Тверскому съ требованіемъ о помощи; при этомъ приведена рѣчь Василя, гдѣ содержится ссылка на миръ, взятый на Плавѣ, т. е. на то событіе, о которомъ въ Тверскомъ сборникѣ говорилось подъ 1406 годомъ согласно со сводомъ 1499 г. (ср. Воскр., с. 78 и Твер. сб., с. 472). Эта ссылка дала основаніе состави-

1) Исторія Тверскаго княжества. Спб., 1876, стр. 262 и сл.

телу сборника, непосредственно послѣ разсказа о походѣ Витовта ¹⁾, помѣстить изъ Лѣтописца княженія Тверскаго «Повѣсть о Плавѣ». Онъ хотѣлъ списать ее и раньше, дойдя до 1406 года, и даже списалъ приведенное заглавіе этой статьи, но вѣроятно, въ виду ея немалого размѣра, отказался отъ этого желанія. Дойдя до разсказа о посольствѣ Василя, сославшагося на условія мирнаго договора, заключеннаго на Плавѣ, составитель Тверскаго сборника понялъ свою оплошность, понялъ, что слова Василя будутъ непонятны безъ подробностей, содержащихся въ опущенной имъ статьѣ: вотъ почему онъ и счелъ необходимымъ ее списать (нач. «Въ дни же тии боголюбивому великому князю Ивану Михаиловичу Тверскому столь дръжащу...»), тѣмъ болѣе, что она заключала прямое объясненіе отсказа со стороны Ивана Михаиловича Василю Дмитріевичу въ помощи (ср. окончаніе повѣсти на ст. 477 Твер. сб.: «и симъ озлобша братію свою, Тверскыя князя, и тую вещь не въсхотѣша помагати Москвичемъ, яко же и бысть»). Что «Повѣсть о Плавѣ» входила въ составъ Лѣтописца княженія Тверскаго, ясно, какъ изъ предыдущихъ указаній, гдѣ мы приводили общія выраженія между этою повѣстью и отрывками, слѣдующими за Предисловіемъ (сынове Тверстін, въ тайныхъ сѣтїи его углубшихъ), такъ и изъ той тѣсной связи ея съ разсказомъ о событіи 1408 года (походъ Витовта, противъ котораго Василя искалъ союзника въ Тверскомъ князѣ), которую мы только что отмѣтили ²⁾. Вслѣдъ за «Повѣстью о Плавѣ», несмотря на данное обѣщаніе (паки же предняго да имемся), составитель Тверскаго сборника продолжаетъ выписки изъ Лѣтописца княженія Тверскаго. Въ этомъ Лѣтописцѣ говорилось, что, когда по истеченіи срока перемирія (на Плавѣ, у Пашковой гати), не состоялся миръ, Литва опять напала на московскіе предѣлы: этотъ-то разсказъ Лѣтописца о нападеніи Литвы на землю Новоспльскую, о взятїи Одоева и о вторженіи въ московскую землю, послѣ чего подъ Вязмою было заключено перемиріе отъ августа до Петрова дни, и приведенъ составителемъ сборника (ст. 477 - 478) вслѣдъ за Повѣстью о Плавѣ: онъ не замѣтилъ, что обо всемъ этомъ онъ уже разсказалъ выше (ст. 473) по своду 1499 года подъ 1407 годомъ, гдѣ мы читаемъ также о перемиріи, заключенномъ до Петрова дни. Что этотъ разсказъ 1407-го года взятъ изъ свода 1499 года, видно изъ Воскр. лѣтописи, гдѣ за нимъ (с. 81), такъ же какъ въ Тверскомъ сб., слѣдуетъ извѣстіе о смерти

1) Разсказъ этотъ оканчивается въ Твер. сб. и оканчивался въ Лѣтописцѣ княженія Тверскаго извѣстіемъ о взятїи 23 октября 1406 г. Брянска татарами, воспользовавшимися послѣ мира между противниками оплошностью русскихъ князей.

2) Что касается упоминаемаго въ Повѣсти Варламія, къ которому дѣлаются авторомъ обращенія, то, можетъ быть, онъ былъ игуменомъ какого-либо изъ Тверскихъ монастырей времени Бориса Александровича, когда составленъ Лѣтописецъ.

Юрія Святославича. Изъ Лѣтописца же княженія Тферскаго заимствованы въ Тверской сборникъ и слѣдующія за тѣмъ событія: нападеніе нѣмцевъ на Псковъ и несчастная для псковичей битва 18 августа (въ Твер. сб. ошибочно 22 августа) ¹⁾: въ сводѣ 1499 года, судя по Воскр. лѣтописи (с. 81), объ этомъ было сказано кратко, безъ всякихъ подробностей. Слѣдующій затѣмъ рассказъ о междоусобіи Юрія Всеволодовича и Ивана Михайловича, какъ мы видѣли, заимствованъ въ Тверской сб. изъ Лѣтописца; этотъ рассказъ прерванъ вставкой, гдѣ, вслѣдъ за извѣстіями о студеной зимѣ и новомъ нападеніи нѣмцевъ и литвы на Псковскія области (вѣроятно, изъ свода 1499 года), помѣщено сказаніе о знаменіи на Похрѣ (конечно, также изъ свода 1499 года, хотя въ Воскр. объ этомъ имѣется только краткое упоминаніе подъ 1408 г.). Послѣ этой вставки начинается опять прерванный рассказъ Лѣтописца слѣдующею вводною фразою: «зимовавъ же великій князь Иванъ Тверскій, и прииде изъ Орды» (объ этомъ было сказано и выше, при чемъ означенъ и день возвращенія его — 24 января). Слѣдующія событія, занесенныя подъ 1408 годомъ, — почти всѣ заимствованы въ Тверской сборникъ изъ свода 1499 года, начиная съ рассказа о побойцѣ рязанскомъ, какъ это видно изъ Воскр. лѣтописи. Лѣтописецъ княженія Тферскаго оканчивался, вѣроятно, событіями княженія Ивана Михайловича (слѣдовательно, онъ доходилъ до 1425 года). Но въ томъ экземплярѣ, который былъ въ распоряженіи составителя Тверского сборника онъ былъ, повидимому, дополненъ еще нѣкоторыми позднѣйшими извѣстіями. Чтò именно въ лѣтописномъ рассказѣ Тверского сборника 1426 - 1486 гг. восходитъ къ этому Лѣтописцу, а чтò можно считать выборкой изъ свода 1499 года, опредѣлить трудно. Такъ, извѣстіе 1429 года о посѣщеніи Борисомъ Александровичемъ Витовта можетъ восходить къ своду 1499 года (ср. Воскр.); равнымъ образомъ оттуда заимствовано извѣстіе о поѣздкѣ Василя Василіевича въ Орду и о возвращеніи его на слѣдующій годъ (подъ 1431). Извѣстіе 1433 г. о боѣ Василя Московскаго съ Юріемъ на Клязмѣ, послѣ чего Василій съ матерью и женою бѣжалъ въ Тверь, также взято изъ свода 1499 г. (ср. Воскр.); оттуда же взяты и послѣдующія извѣстія о борьбѣ Василя съ Юріемъ Дмитриевичемъ 1434 и 1435 гг. Событія 1439, 1440, 1441 въ значительной части восходятъ къ своду 1499 года; изъ него же взяты извѣстія 1445 года о борьбѣ Василя Василіевича съ Шемякою, и т. д. Напротивъ, такія сообщенія, какъ то, что въ 1428 году въ помощь Василю Василіевичу въ его походѣ на Новгородъ ходила Тверская рать подъ воеводою Захаріемъ Ивановичемъ, или что въ

1) Вѣроятно, по смѣшенію съ битвой 22 августа 1406 г., удачною для псковичей: о ней въ Твер. сб., (безъ указанія числа) рассказывается подъ 1404 г., м. б. также по Лѣтописцу княженія Тферскаго.

1429 году на Тверской княжиѣ Аниѣ Иваловиѣ женился Свидригайло, при чемъ въ томъ же году былъ построенъ мостъ черезъ Тмаку, и т. п., восходить къ дополнительнымъ извѣстіямъ Лѣтописца Тверского княженія. Что за время княженія Бориса Александровича лѣтопись не велась непрерывно, видно изъ ряда пустыхъ годовъ за это время: 1426, 1427, 1436, 1437 и т. д. Слѣды тверскихъ записей ясно обнаруживаются еще даже подъ 1484 годомъ, гдѣ говорится о пожарѣ 24 марта и о сильномъ дождѣ, выпавшемъ на самую Пасху; подъ 1485 годомъ о смерти матери Ивана Василевича говорится по поводу бывшаго въ Москвѣ тверского посольства. Въ рассказѣ о событіяхъ 1486 года также сказывается тверичъ: сводъ 1499 года (ср. Воскр.) не называлъ намѣстника, посаженнаго въ Твери (Василий Федоровичъ Образецъ Добрынской), и не упоминалъ о томъ, что мать князя Михаила Борисовича, бѣжавшаго въ Литву, оставалась въ Твери. Событія 1487 - 1499 гг., какъ мы уже видѣли выше, восходятъ къ своду 1499 года: но и здѣсь обнаруживается присутствіе двухъ источниковъ. Такъ, подъ 1496 годомъ дважды, и при томъ въ разныхъ редакціяхъ, повторено извѣстіе о поѣздкѣ вел. кн. Ивана Василевича въ Новгородъ: во второй редакціи оно сходно съ текстомъ списка Царскаго Софійской 1-й лѣтописи и Воскресенской лѣтописи, а въ первой редакціи извѣстіе это не повторяется въ другихъ извѣстныхъ намъ сводахъ. Въ виду этого второе извѣстіе слѣдуетъ возводить къ своду 1499 года ¹⁾, а первое къ какому-то другому источнику. Представляется весьма вѣроятнымъ, что этимъ другимъ источникомъ былъ сводъ 1534 года, тотъ самый сводъ, который списанъ въ первой половинѣ Тверского сборника: естественно, что составитель сборника, съ такою тщательностью заимствовавшій изъ этого свода рассказъ въ части до 1255 года включительно, не разъ заглядывалъ въ него и при дальнѣйшей работѣ, когда онъ уже пользовался другими источниками. Въ виду этого мнѣ кажется, что слѣдовъ свода 1534 года можно искать не только въ концѣ Тверского сборника, но вообще во всей второй его части. Въ особенности же третій источникъ (два главныхъ источника — это сводъ 1499 г. и Лѣтописецъ княженія Тверскаго) обнаруживается въ лѣтописномъ рассказѣ начала XV вѣка. Такъ, подъ 1407 г. находимъ повтореніе извѣстій о возвращеніи Ивана Михайловича изъ Орды: одно изъ нихъ восходитъ къ своду 1499 года, а другое не можетъ возводиться къ Лѣтописцу княженія Тверскаго, такъ какъ въ немъ, какъ мы выше видѣли, это событіе излагалось подъ 1408 г. (ср. XV, 479). Слѣдовательно, въ этой части сборника обнаруживаются три источника, и третьимъ изъ нихъ

1) Этимъ сводомъ могъ пользоваться Хронографъ редакціи 1506 или 1508 г., а черезъ него онъ сближается съ спискомъ Царскаго, Львовскаго и Воскресенскаго лѣтописями.

могъ быть сводъ 1534 года. Подъ 1404 г. говорится о смерти митрополита Кириана и о войнѣ псковичей съ нѣмцами; тѣ же два событія (но въ другой редакціи, съ меньшими подробностями) повторены подъ 1406 г. Подъ 1404 г. рассказывается о войнѣ Василія Московскаго съ Витовтомъ: то же подъ 1408 г. излагается согласно съ Лѣтописцемъ княжеша Тферскаго¹⁾. Но тотъ же походъ Москвичей, окончившійся перемиріемъ до Петрова дни (ср. XV, 478), изложенъ въ краткомъ извѣстіи подъ 1407 г. (XV, 473); ясно, слѣдовательно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тремя источниками. Можетъ быть, къ указанному третьему источнику, т. е. къ своду 1534 года, восходятъ нѣкоторыя нижегородскія извѣстія Тверскаго сборника. Ср. рассказъ о занятіи Нижняго Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1392 г., написанный несомнѣнно нижегородцемъ²⁾ или, по крайней мѣрѣ, сторонникомъ мѣстнаго князя; однородно по происхожденію извѣстіе о боѣ на Лысковѣ 15 января 1410 г. между Петромъ Дмитріевичемъ, съ одной стороны, Даниломъ и Иваномъ Борисовичами, въ союзѣ съ болгарскими, жукотинскими и мордовскими князьями, съ другой; къ нижегородскимъ же извѣстіямъ относятся: рассказъ 1414 года о походѣ Юрія Дмитріевича на Данила Борисовича и его братію, сообщеніе о голодѣ въ Нижнемъ въ 1412 году, при чемъ половникъ ржи продавали по сорока алтынъ и по четыреста старыми деньгами, извѣстіе о голодѣ 1423 г. въ Нижнемъ же, при чемъ половникъ ржи стоялъ стоятинадцать алтынъ. Судя по Воскресенской лѣтописи, этихъ извѣстій (съ указанными здѣсь подробностями) не было въ сводѣ 1499 года: слѣдовательно, ихъ надо возводить къ третьему источнику второй части Тверскаго сборника.

Исслѣдованіе г. Тихомирова возбуждаетъ рядъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ: на нѣкоторые изъ нихъ я старался дать въ настоящемъ разборѣ посильный отвѣтъ, а теперь изложу вкратцѣ главнѣйшіе выводы, къ которымъ я пришелъ, изучая Тверской сборникъ.

Этотъ памятникъ, дошедшій до насъ въ рукописи XVII вѣка, составленъ въ Твери во второй половинѣ XVI вѣка. Составитель сборника задался цѣлью описать событія, относящіяся ко времени самостоятельности Тверскаго княженія, и связать ихъ съ событіями общерусскими. Главное вниманіе его обратили два бывшіе у него подъ руками лѣтописные свода:

1) Ср. общую фразу въ рассказахъ 1404 и 1408: Литва же, вступль же глубле въ страну Московскую (XV, 472) и: Литва же глублѣ вступниша воюючи въ земли Москвѣ (XV, 477).

2) Ср. про Румянца, бывшаго на сторонѣ московскаго князя: «яко же древній Блудъ» и ниже: «и отъиде Румянецъ, Юдинъ образъ вземъ, помрачиси злобою и другъ діаволу нарекся». См. у г. Тихомирова, с. 288.

1) сводъ 1499 года, гдѣ, въ части до 1409 года, встрѣчалось не мало извѣстій тверскаго происхожденія, 2) сводъ XV вѣка, озаглавленный: «Лѣтописецъ княженія Тферскаго благовѣрныхъ великихъ князей Тферскихъ». Но послѣдній источникъ начиналъ разсказъ только съ XIV вѣка, а первый о событіяхъ до середины XIII вѣка говорилъ кратко и отрывочно. Это заставило составителя Тверскаго сборника обратиться къ третьему источнику — своду 1534 года, составленному какимъ-то ростовскимъ жителемъ: всю первую часть до середины XIII вѣка составитель Тверскаго сборника заполнилъ систематическими выписками изъ свода 1534 года. Такимъ образомъ, трудъ собирателя распался на двѣ части: первая часть составлена на основаніи одного источника — свода 1534 года, а вторая на основаніи, главнымъ образомъ, тѣхъ двухъ основныхъ источниковъ, которые мы указали выше — свода 1499 г. и Лѣтописца княженія Тферскаго, при чемъ, однако, и здѣсь можно указать вліяніе дополнительнаго источника — свода 1534 г. Работая надъ первой частью, составитель Тверскаго сборника не преслѣдовалъ иной цѣли, какъ дать связный лѣтописный разсказъ о древнѣйшихъ событіяхъ русской земли; работая же надъ второй частью, онъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду представить исторію Твери, не упуская, впрочемъ, интересныхъ извѣстій и даже цѣлыхъ сказаній, касающихся другихъ русскихъ областей. Въ первой части своей работы составитель Тверскаго сборника былъ простымъ копистомъ, лишь изрѣдка рѣшавшимся дополнять и измѣнять оригиналъ; во второй части видимъ редактора, занятаго нелегкою выборкою извѣстій изъ нѣсколькихъ источниковъ¹⁾ и еще болѣе трудною задачей комбинировать извлекаемый изъ нихъ лѣтописный матеріалъ.

Обращаясь къ источникамъ Тверскаго сборника, видимъ, что сводъ 1499 года въ основаніи своемъ содержалъ Ростовскій сводъ 1419 года, дополненный лѣтописными извѣстіями XV вѣка, несомнѣнно московскаго происхожденія. Лѣтописецъ княженія Тферскаго составленъ въ княженіе Бориса Александровича, при чемъ въ основаніе его положены житіе Михаила Александровича, относящееся къ началу XV вѣка, и тверскія сказанія, восходящія ко времени Александра Михайловича. Обнимаемая событія трехъ княженій — Александра, Михаила и Ивана, лѣтописецъ этотъ былъ дополненъ рядомъ извѣстій, относящихся къ княженіямъ Бориса Александровича и его сына, послѣдняго тверскаго князя — Михаила. Дополни-

1) Составителю Тверскаго сборника, между прочимъ, было извѣстно еще Житіе Алексія митрополита, весьма неудачно расположенное имъ частью подъ 1357, а частью подъ 1377 г. Редакція этого житія относится къ концу XV в., такъ какъ въ ней упоминалось о родственникахъ митрополита въ пятой нисходящей степени: Игнатій Константиновъ былъ правнукомъ Теофана, брата Алексѣя митрополита, Михаилъ Плещевъ былъ правнукомъ Алексѣева брата, Александра.

ный источникъ сборника, сводъ 1534 года, составленъ на основаніи весьма разнообразнаго матеріала лицомъ, обладавшимъ несомнѣлимымъ критическимъ талантомъ, уроженцемъ ростовской области.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разсмотрѣнныя мною три статьи г. Тихомирова, объединенныя имъ, при представленіи ихъ на соисканіе Уваровской преміи, общимъ заглавіемъ: «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверовосточной», дѣйствительно, могутъ быть признаны частями одного труда, несмотря на то, что онѣ были писаны въ разное время и задавались различными цѣлями. Во всѣхъ трехъ статьяхъ ясно выступаютъ одни и тѣ же общіе приемы, ярко отражаются одинаковыя достоинства, а вмѣстѣ и недостатки изслѣдованія.

Скажу нѣсколько словъ объ общихъ приемахъ автора. Изучая тотъ или другой лѣтописный сводъ, г. Тихомировъ рѣдко останавливается на вопросахъ о происхожденіи, времени составленія, редакціяхъ памятника; его мало занимаетъ изслѣдуемый памятникъ самъ по себѣ. Задача ограничивается опредѣленіемъ внутренняго состава свода, разложеніемъ его на первоначальные источники — погодныя записи и сказанія. Не сомнѣваюсь, что авторъ убѣжденъ въ томъ, что дошедшимъ до насъ сводамъ предшествовали другіе болѣе древніе, при чемъ эти болѣе древніе своды и должны быть признаны источниками позднѣйшихъ: но мы только что отмѣтили оригинальную особенность въ его изслѣдованіи: онъ не интересуется памятниками самими по себѣ. Вслѣдствіе этого и въ своихъ выводахъ г. Тихомировъ не приходитъ къ опредѣленію источниковъ того или другого свода въ видѣ другихъ, болѣе древнихъ сводовъ; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившіе разрозненныя историческія данныя, а сырой, не обработанный матеріалъ въ видѣ погодныхъ записей, сказаній, историческихъ повѣстей и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, минуя всякіе переходные своды, устанавливаетъ прямую связь между позднѣйшими сводами и какими-то до насъ недошедшими мѣстными лѣтописями — тверскими, шжегородскими, рязанскими и т. д. Вмѣсто того чтобы, на основаніи изученія позднѣйшихъ сводовъ, приходитъ къ восстановленію памятниковъ съ ними однородныхъ — болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, г. Тихомировъ извлекаетъ изъ нихъ указанія на существованіе памятниковъ неоднородныхъ съ ними: какихъ-то недошедшихъ до насъ мѣстныхъ лѣтописей, погодныхъ записей, перечней мѣстныхъ событій, отдѣльныхъ историческихъ сказаній и т. п.

Несомнѣнно, что лѣтописаніе начинается именно съ такихъ записей и сказаній, но, переходя на почву интересующаго насъ русскаго лѣтописанія, мы видимъ, что уже въ началѣ XII вѣка въ Кіевѣ составилъ обширный лѣтописный сводъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», имѣвшій весьма значительное распространеніе и оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе лѣтописнаго дѣла не только въ южной, то также въ сѣверной (новгородской) и сѣверовосточной (суздальской и московской) Руси. Врядъ ли въ разныхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ древней Руси могли самостоятельно возникнуть мѣстные лѣтописи, самобытные лѣтописные своды: но Повѣсть временныхъ лѣтъ и позднѣйшіе, составленные на основаніи ея своды, проникали и въ Новгородъ, и въ Тверь и въ глухой Переяславль Залѣсскій; здѣсь эти своды подвергались переработкѣ и дополнялись на основаніи мѣстныхъ извѣстій, сказаній и историческихъ преданій. Отрицая такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для древнѣйшей эпохи, самостоятельное существованіе мѣстныхъ лѣтописей, я думаю, что въ распоряженіи позднѣйшихъ сводчиковъ находились не погодныя записи, составленные въ различныхъ городахъ и областяхъ, а лѣтописные своды, отражавшіе въ большинствѣ случаевъ свое мѣстное — ростовское, тверское, новгородское и т. п. происхожденіе. Поэтому изученіе позднѣйшихъ сводовъ приводитъ къ опредѣленію и восстановленію сводовъ древнѣйшихъ; анализъ древнѣйшихъ сводовъ и даже Повѣсти временныхъ лѣтъ указываетъ, какъ на источники ихъ, еще болѣе древніе лѣтописные своды.

Не стану настаивать на необходимости и важности, въ цѣляхъ историко-литературныхъ, изученія памятниковъ самихъ по себѣ и установленія внутренней связи между отдѣльными редакціями и списками памятника; почтенному изслѣдователю все это несомнѣнно извѣстно и безъ моихъ указаній. Но не могу не подчеркнуть того обстоятельства, что отмѣченные выше особенности въ приѣмахъ его изслѣдованія приводятъ къ такимъ выводамъ, которымъ трудно подыскать подходящее мѣсто въ будущемъ историко-литературномъ обзорѣ нашихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, изслѣдуя Лаврентьевскій сборникъ 1377 года, авторъ приходитъ къ выводу, что составителю его (слѣдовательно, монаху конца XIV в.) были доступны владимирскія, ростовскія, ярославскія, переяславскія, суздальскія и др. погодныя записи; онъ устанавливаетъ такимъ образомъ фактъ существованія какого-то особаго, до насъ не дошедшаго, вида литературныхъ памятниковъ и указываетъ на возможность непосредственнаго пользованія монахомъ Лаврентіемъ матеріалами самаго разнороднаго происхожденія. Между тѣмъ ближайшее изученіе этого сборника, сопоставленіе его съ другими лѣтописными сводами показываютъ, что составитель, жившій при томъ, вѣроятно, не въ концѣ, а въ началѣ XIV в. (Лаврентій былъ про-

стымъ перенписчикомъ) имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число сводовъ, уже объединившихъ разнородный матеріалъ; одинъ изъ этихъ сводовъ — источникъ Лаврентьевскаго сборника — владимирскій 1206 года дошелъ и до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ (Радзивиловскомъ). Такимъ образомъ сравнительно-историческое изслѣдованіе Лаврентьевской лѣтописи не подтверждаетъ ни существованія указаннаго вида литературныхъ памятниковъ — погодныхъ записей, ни факта непосредственнаго пользованія разнороднымъ сырымъ матеріаломъ со стороны сводчика конца XIV вѣка.

Недостаточный интересъ къ изученію памятниковъ съ историко-литературной стороны особенно ясно сказался въ послѣдней работѣ г. Тихомирова. Разсматривая составъ Воскресенскаго, Никоновскаго и Софійскаго 2-го сводовъ, онъ останавливается почему то только на одномъ спискѣ каждаго изъ этихъ сводовъ, отождествляя этотъ списокъ съ основнымъ оригиналомъ; между тѣмъ, какъ это показано выше, списокъ Академическій XII Воскресенской лѣтописи оказывается однимъ изъ списковъ 3-й редакціи этого свода; Академическій XV списокъ Никоновской лѣтописи — это одинъ изъ многихъ списковъ третьей редакціи Никоновской лѣтописи, уступающій во многихъ отношеніяхъ старшему списку (второй редакціи) той же лѣтописи, списку XVI вѣка, Академическому XIV: внимательное отношеніе къ спискамъ Никоновской лѣтописи предостерегло бы г. Тихомирова отъ утвержденія, будто лѣтопись эта обязана своимъ происхожденіемъ патриарху Никону. Воскресенско-Новоіерусалимскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи — это позднѣйшая редакція того свода, гдѣ лѣтописный рассказъ доведенъ лишь до 1518 года, т. е. Архивскаго списка. При обзорѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ указано, авторъ упустилъ изъ виду такіе важные памятники, какъ московскій сводъ 1409 года (Троицкій пергаменный списокъ) и Львовскую лѣтопись 1560 года: знакомство съ послѣдней имѣло бы важное для автора значеніе при разсмотрѣніи, какъ Софійской 2-й лѣтописи, такъ и Тверскаго сборника, а изученіе свода 1409 года, конечно, имѣло бы въ значительной степени тѣ выводы, которыми авторъ начпнаетъ свое изслѣдованіе о московскихъ сводахъ. Благодаря ошибочному представленію о томъ, какъ слагались наши лѣтописные своды, г. Тихомировъ не сдѣлалъ попытки извлечь изъ сводовъ новгородскаго происхожденія указаній на существованіе древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, а между тѣмъ изученіе Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ возстановленію московскаго свода, составленнаго въ восьмидесятыхъ годахъ XIV ст. на основаніи еще болѣе древняго московскаго же свода временъ княженія Ивана Ивановича. Возстановленіе этихъ сводовъ, установленіе преемственной связи между

этими сводами XIV в., только что упомянутымъ сводомъ 1409 года и позднѣйшими сводами XV - XVI вѣковъ — вотъ путь, по которому долженъ былъ бы идти изслѣдователь московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Если бъ авторъ, анализируя позднѣйшій лѣтописный сводъ, не старался непременно разложить его на недѣлимые элементы — погодныя записи и сказанія, а разсматривалъ бы его какъ сложное тѣло, развившееся изъ другихъ болѣе древнихъ, но уже сложныхъ тѣлъ, онъ отмѣтилъ бы въ своемъ изслѣдованіи о Тверскомъ сборникѣ, что большая часть находящихся въ немъ сказаній заимствовано изъ готовыхъ сводовъ — источниковъ сборника. Большинство сказаній второй части сборника восходитъ къ Ростовскому своду начала XV в., отразившемуся во многихъ позднѣйшихъ сводахъ, а повѣсть о Шевкалѣ, сказаніе объ убіеніи Александра Михайловича, житіе Михайла Александровича и повѣсть о Плавѣ должны быть признаны составными частями важнаго памятника, указаннаго въ предисловіи Археографической комиссіи къ изданію Тверскаго сборника, но отрицаемаго г. Тихомировымъ — Лѣтописца княженія Тверскаго.

Я не стану увеличивать числа примѣровъ, гдѣ выводы автора представляются мнѣ ошибочными и недостаточно обоснованными: ббльшая часть ихъ подверглась оцѣнкѣ въ представляемой рецензіи. Не буду распространяться и о недостаткахъ въ приѣмахъ изслѣдованія автора, такъ какъ, въ виду многихъ несомнѣнныхъ достоинствъ его труда, недостатки эти не такъ ощутительны: идя по ошибочному съ моей точки зрѣнія пути, авторъ тѣмъ не менѣе часто приходитъ къ вѣрнымъ выводамъ.

Точность изслѣдованія, систематичность въ изложеніи, умѣніе ставить вопросы, подлежащіе научному разрѣшенію — все это настолько выдвигаетъ труды г. Тихомирова среди другихъ работъ по нашему лѣтописанію, что рецензенту остается лишь высказать свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руся сѣверовосточной» заслуживаетъ награжденія Уваровскою преміей.

А. Шахматовъ.



IV.

Отзывъ о представленномъ на соисканіе Уваровской преміи
сочиненіи Г. Я. Кипріяновича:

„Жизнь Іосифа Сѣмашки, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, и воссоединеніе западно-
русскихъ униатовъ въ 1839 г.

Изданіе второе, исправленное и дополненное. Вильна, 1897“.

Рецензія экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи

П. Жуковича.

Въ основу труда г. Кипріяновича легли «Записки Іосифа, митрополита Литовскаго», изданныя въ трехъ томахъ Императорскою Академіею Наукъ (Спб., 1883). «Запискамъ» митропол. Іосифа г. Кипріяновичъ посвятилъ особую небольшую главу (XVI) въ концѣ своей книги. Въ ней онъ указываетъ цѣль составленія митрополитомъ Іосифомъ его «Записокъ», передаетъ исторію составленія ихъ, выясняетъ общій характеръ, содержаніе и составъ ихъ. Въ этой же главѣ г. Кипріяновичъ счезъ возможнымъ коснуться (во второмъ изданіи своей книги) и того вопроса, который затронулъ былъ въ свое время рецензентомъ академическаго изданія «Записокъ митрополита Іосифа», проф. М. О. Кояловичемъ («Журн. Мин. Н. Просв.» 1884, февраль). Проф. Кояловичъ затронулъ вопросъ о желательности сличенія черновыхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», съ подлинными бѣловыми бумагами. Ознакомившись съ многочисленными подлинными бѣловыми бумагами Іосифа въ архивахъ С. Спода, Литовской консисторіи, канцеляріи генераль-губернатора и другихъ, г. Кипріяновичъ (выписываемъ собственныя его слова) положительно утверждаетъ, что онъ «не нашелъ нигдѣ никакой разницы между этими бумагами и помѣщенными въ Запискахъ митрополита Іосифа. Если и попадались въ бѣловыхъ бумагахъ

какія-либо поправки или пропуски сравнительно съ черновыми, то они скорѣе всего касались самой формы изложенія и не затрогивали существа дѣла». Хотя г. Кипріяновичъ, по его словамъ, не приобѣгалъ къ сличенію всѣхъ безъ исключенія черновыхъ бумагъ и списковъ съ бѣловыми и подлинными бумагами, хранящимися въ разнообразныхъ учрежденіяхъ и у разныхъ лицъ, но его заявленіе въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе, и само по себѣ, въ отношеніи къ научной значимости печатнаго изданія (въ «Запискахъ») разнаго рода оффиціальной и конфиденціальной переписки митрополита Іосифа, и для характеристики пріемовъ работы самого автора (стр. 524—525, ср. стр. VIII—IX).

И въ самыхъ «Запискахъ» митрополита Іосифа, и въ особенности въ многочисленныхъ и разнообразныхъ приложеніяхъ къ нимъ, обнимающихъ въ академическомъ изданіи два съ половиной тома и состоящихъ изъ проходившей черезъ руки Іосифа переписки, г. Кипріяновичъ пашель заботливо собранной самимъ Іосифомъ цѣлый архивъ фактическихъ данныхъ о церковно-общественномъ служеніи его. Но мысль о составленіи «Записокъ» съ оправдательными документами къ нимъ явилась у митрополита Іосифа сравнительно поздно и не могла быть во всей полнотѣ осуществлена имъ по тому уже одному, что многія изъ черновыхъ бумагъ, писанныхъ (до 1840 г.) на отдѣльныхъ листкахъ бумаги, совершенно затерялись. Правда, съ 1840 г. болѣе важныя бумаги оффиціального и частнаго свойства Іосифъ сталъ вносить въ особыя, для того заведенныя, тетради, и слѣд. пробѣлы и недочеты съ этого времени становятся менѣе возможными. вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1850 году митрополитъ Іосифъ распорядился сдѣлать для себя выписки изъ протоколовъ греко-уніатской коллегіи за 1827—1836 г. г. Но все-таки приложенія «Записокъ» митрополита Іосифа не исчерпываютъ собой всей переписки, проходившей черезъ его руки (конечно, по преимуществу, относительно предметовъ второстепенныхъ).

Не ограничиваясь поэтому богатымъ фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ самимъ Іосифомъ, г. Кипріяновичъ счелъ нужнымъ ознакомиться самостоятельно съ нѣкоторыми архивами, и прежде всего съ архивомъ Св. Синода. Г. Кипріяновичъ, какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи (стр. VII), не задаваясь цѣлью написать подробную исторію воссоединенія бѣлорусско-литовскихъ уніатовъ, не считалъ необходимымъ подробное изученіе разнообразныхъ дѣлъ по греко-уніатскому департаменту римско-католической духовной коллегіи и старыхъ дѣлъ канцеляріи обер-прокурора Св. Синода, тѣмъ болѣе, что эти дѣла достаточно исчерпаны въ изслѣдованіяхъ М. Я. Марошкина, П. О. Бобровскаго, М. О. Кояловича, И. А. Чистовича и гр. Д. А. Толстого. Требовать отъ г. Кипрія-

повича детальнаго (по рукописнымъ документамъ) изученія всей непосредственно предшествовавшей Сѣмашкѣ исторіи западнорусской униатской церкви, значило бы, пожалуй, требовать отъ него слишкомъ многого. Эпоха Лисовскаго и Красовскаго, это — весьма благодарная тема для особаго обширнаго изслѣдованія. Насколько же нужно было знать ее автору монографіи о Сѣмашкѣ, она достаточно въ общемъ обрисована въ сочиненіяхъ выше поименованныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что она ими разсматривалась съ разныхъ точанъ зрѣнія и была даже предметомъ оживленной полемики, не мало помогшей выясненію основныхъ ея моментовъ. Но если детальнаго изученія всей эпохи предтечь воссоединенія 1839 года можно отъ г. Кипріановича и не требовать, то едвали можно то же сказать относительно послѣднихъ лѣтъ этой эпохи, тѣхъ пяти лѣтъ (1822—1827 г.), на которыя падаетъ ассесорство Сѣмашки въ римско-католической духовной коллегіи. — Въ синодскомъ архивѣ г. Кипріановичъ обратилъ вниманіе на тѣ дѣла изъ эпохи вполне самостоятельной уже дѣятельности Сѣмашки, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ въ его «Запискахъ» затронуты сравнительно меньше (напр., дѣла о базилянскомъ орденѣ, въ частности о Иосафатѣ Жарскомъ, о протестахъ противъ воссоединенія (повоградскій протестъ почти цѣликомъ вошелъ въ текстъ книги), донесенія Скрипичина о ходѣ воссоединенія, извѣстія объ отношеніяхъ къ воссоединенію древне-православныхъ іерарховъ и гражданскихъ властей и т. д.). Эти архивныя разысканія нашего автора, несомнѣнно, внесутъ нѣкоторыя новыя данныя въ общую исторію воссоединенія литовско-бѣлорусскихъ униатовъ, восполняетъ кое въ чемъ, хотя бы и второстепенномъ, «Записки». — Но поистинѣ счастливымъ результатомъ занятій г. Кипріановича въ синодскомъ архивѣ слѣдуетъ названія слѣд. его находку. Въ большой неразобранной связкѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти митрополита Иосифа и переданныхъ оберъ-прокуроромъ гр. Д. А. Толстымъ (присутствовавшимъ на погребеніи митрополита въ Вильнѣ) синодскому архивариусу, въ особой тетради («тетради текущихъ исходящихъ бумагъ») г. Кипріановичъ нашелъ рядъ замѣтокъ митрополита Иосифа, составляющихъ дополненіе къ напечатаннымъ его «Запискамъ». Эти «Новооткрытыя Записки Иосифа, митрополита Литовскаго» напечатаны г. Кипріановичемъ въ приложеніи къ его книгѣ (во второмъ изданіи). Писаны онѣ болѣею частью рукою самого митрополита Иосифа, отчасти же рукою его секретаря Григи. Происхожденіе ихъ самъ митрополитъ Иосифъ объявляетъ такъ: «Въ Запискахъ моихъ, на скорую руку составленныхъ, естественно, не вошло множество фактовъ, не пришедшихъ въ свое время на память. Если что припомнится и будетъ охота, то я иное буду записывать здѣсь, въ тетради текущихъ собственныхъ моихъ исходящихъ бумагъ»

(стр. 528). Найденныя г. Кипріяновичемъ Записки важны для характеристики общаго міровоззрѣнія митрополита Іосифа, а также жизни и дѣятельности его въ послѣдніе скорбныя годы его жизни. Есть въ нихъ отчасти и воспоминанія о раннихъ годахъ жизни и дѣятельности Сѣ-машки¹⁾.

Наиболѣе обстоятельныя научныя разысканія произвелъ г. Кипріяновичъ въ Вильнѣ, въ архивахъ Литовской духовной консисторіи и Виленскаго архіерейскаго дома. Послѣ «Записокъ» митрополита Іосифа виленскіе архивы своими матеріалами болѣе всего помогли автору въ его дѣлѣ. Въ архивѣ Виленскаго архіерейскаго дома г. Кипріяновичъ, прежде всего, просмотрѣлъ двадцать шесть фоліантовъ «протоколовъ литовскаго епархіальнаго архіерея, относительно которыхъ самъ митрополитъ Іосифъ въ своихъ «Запискахъ замѣтилъ, что въ нихъ «можетъ быть, найдется что и замѣчательнѣе моихъ приложений (къ «Запискамъ»), иногда взятыхъ на выдержку». Въ эти «протоколы», кромѣ собственно протоколовъ литовской консисторіи, восходившихъ на утвержденіе митрополита Іосифа, внесены копіи большей части бумаги, писанныхъ Іосифомъ къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ архивѣ Литовской духовной консисторіи авторъ ознакомился съ особымъ отдѣломъ его, носящимъ названіе архива Іосифа, митрополита Литовскаго (328 дѣлъ). По преимуществу на основаніи матеріаловъ, самостоятельно извлеченныхъ авторомъ изъ этихъ архивовъ, написана имъ исторія послѣднихъ лѣтъ жизни и дѣятельности митрополита Іосифа. Но и для исторіи тѣхъ временъ, для которыхъ документы собраны въ «Запискахъ», онъ отыскалъ въ виленскихъ архивахъ новыя, дополнительныя данныя. Для самой исторіи воссоединенія извлечены имъ изъ этихъ архивовъ новыя свѣдѣнія, имѣющія значеніе далеко не лишннихъ деталей въ общей картинѣ воссоединенія (напр., по слабо вообще разъясняемому «Записками» вопросу объ отношеніи литовской епархіальной власти къ упорствовавшимъ въ униіи духовнымъ лицамъ, по вопросу о переустройствѣ униатскихъ церквей, измѣненіи одежды духовенства и т. п.). Болѣе же всего, конечно, данныя виленскихъ архивовъ послужили для воссозданія картины постепеннаго закрѣпленія въ жизни великаго дѣла воссоединенія.

Кромѣ виленскихъ, г. Кипріяновичъ счелъ нужнымъ ознакомиться для своихъ цѣлей съ нѣкоторыми другими архивами литовской епархіи. Въ

1) Кромѣ «Новооткрытыхъ Записокъ», г. Кипріяновичъ, вслѣдъ за ними помѣстилъ нѣсколько писемъ къ митрополту Іосифу и его писемъ за 60-ые годы (найденныхъ въ синодскомъ же архивѣ). Еще раньше, въ Вильнѣ, автору посчастливилось найти нѣсколько частныхъ писемъ митрополита Іосифа, относящихся къ тѣмъ же послѣднимъ годамъ его жизни (они нашли себѣ мѣсто на страницахъ уже перваго изданія его книги).

Гроднѣ, въ архивѣ архіерейскаго дома (отчасти въ архивѣ Борисоглѣбскаго монастыря) онъ просмотрѣлъ собственноручную черновую переписку по епархіальнымъ дѣламъ викаріевъ митрополита Іосифа — преосв. Михаила Голубовича и Игнатія Желѣзовскаго (съ 1840—1869 г.). Официальную переписку по епархіальнымъ дѣламъ предшественника ихъ, преосв. Антонія Зубки (1836—1838) г. Кипріяновичъ изучилъ въ литовскомъ консисторскомъ архивѣ, въ особомъ отдѣлѣ его, посвященъ названію архива Антонія Зубки (хотя тутъ она находится не вся). Въ архивѣ Пожайскаго монастыря (возлѣ Ковны) онъ отыскалъ интересныя подлинныя письма дѣятелей такъ называемаго почастнаго воссоединенія, преосв. Смарагда, Гавріила, Евгенія. Въ этихъ архивахъ оказалось не мало интересныхъ вещей, прежде всего, конечно, для характеристики непосредственныхъ сотрудниковъ и помощниковъ митрополита Іосифа, а затѣмъ для выясненія нѣкоторыхъ частныхъ церковно-общественнаго служенія и самого митрополита Іосифа.

Послѣ выхода въ свѣтъ «Записокъ» митрополита Іосифа были уже попытки изложенія, на основаніи ихъ, исторія его жизни и дѣятельности (Н. Кедрова, «Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко» въ Прав. Обозр. за 1887 г., о. Н. Извѣкова «Высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ Литовскій и Вплескскій», Вильна, 1889, и др. менѣе важныя). Но эти попытки представляютъ собой собственно популярное воспроизведеніе «Записокъ». Только о. Извѣковъ ввелъ въ кругъ своего изученія нѣсколько другихъ источниковъ и пособій. Вообще ни съ фактической, ни съ другой какой-либо стороны они не могли ничего дать нашему автору. Въ этомъ отношеніи для него, несомнѣнно, гораздо болѣе значенія имѣло извѣстное историческое изслѣдованіе о воссоединеніи униатовъ М. Я. Морошкина («Воссоединеніе униі», Вѣст. Европы, 1872), помимо удачнаго сдѣланнаго изложенія общаго хода этого воссоединенія заключающее въ себѣ немало документовъ (изъ синодскаго и другихъ архивовъ), не вошедшихъ въ «Записки» митрополита Іосифа, а также тѣ небольшія статьи-некрологи, которыя появились въ свое время въ печати по случаю кончины митрополита Іосифа (М. О. Кояловича, гр. Д. А. Толстого).

Но если передъ глазами у нашего автора было вообще немного спеціальныхъ работъ о митрополитѣ Іосифѣ, въ особенности такихъ, которыя чѣмъ-нибудь могли ему послужить, то этого никакъ нельзя сказать о печатной исторической литературѣ вообще, подлежащей его вѣдѣнію. Въ нашей литературѣ относительно современной митрополиту Іосифу эпохи западноевропейской церковной жизни успѣлъ уже накопиться обширный и разнообразный матеріалъ, по преимуществу въ видѣ разнаго рода писемъ, воспоминаній, замѣтокъ. Съ другой стороны, по нѣкоторымъ вопросамъ, такъ или иначе

затрогивающимъ дѣятельность Сѣмашки, особенно въ начальную пору его дѣятельности, успѣли уже появиться въ печати спеціальныя, болѣе или менѣе научныя, изслѣдованія. Г. Кипріяновичъ весьма внимательно отпеся ко всей этой печатной литературѣ о митрополитѣ Іосифѣ, о его дѣлахъ, о его времени вообще. Онъ воспользовался не только болѣе крупными, но и мелкими вещами. Въ предисловіи ко второму изданію своей книги г. Кипріяновичъ сдѣлалъ обзоръ болѣе важныхъ произведеній русской печатной литературы о митрополитѣ Іосифѣ и западнорусскихъ церковныхъ дѣлахъ въ его время. Обзоръ этотъ сопровождается критическими замѣчаніями автора о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ своемъ обзорѣ онъ не оставилъ безъ вниманія и нѣкоторыхъ произведеній польской литературы, посвященныхъ если не цѣликомъ, то отчасти, Сѣмашкѣ и воссоединенію униатовъ (Ликовскій, Пелешъ).

Цѣлью своего историческаго изслѣдованія г. Кипріяновичъ, какъ онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своего предисловія, поставилъ — дать «возможно полную и вѣрную картину жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго... въ связи съ общимъ ходомъ западнорусской церковно-исторической жизни его времени». Такимъ образомъ, авторъ (это вполне подтверждается и самымъ содержаніемъ книги) преслѣдовалъ въ своемъ трудѣ двѣ главныя цѣли — возможную біографическую полноту въ отношеніи къ самому Іосифу и возможно полное выясненіе тѣхъ общецерковныхъ западнорусскихъ и спеціально литовскихъ епархіальныхъ дѣлъ и отношеній, въ которыхъ ему пришлось принимать такое выдающееся, рѣшающее участіе.

Первая цѣль привлекаетъ къ себѣ вниманіе автора по преимуществу. Въ своемъ изложеніи онъ почти всюду слѣдуетъ хронологическому распорядку, отступая отъ него лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда извѣстные историческіе факты не укладывались въ рамки того или другого года личной жизни Сѣмашки, и ихъ по необходимости приходилось сводить въ одну, особую главу. Весь оборотъ жизни митрополита Іосифа, личной, частной жизни, и общественно-церковной дѣятельности, изображается въ интересующей насъ книгѣ во всѣхъ ея стадіяхъ съ такой полнотой и отчетливостью, какія только были возможны для автора при его научныхъ средствахъ.

Первая глава сочиненія г. Кипріяновича посвящена дѣтству и годамъ ученія Сѣмашки, сперва въ Немировской школѣ, потомъ въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ. Въ дополненіе къ этой главѣ, въ концѣ книги г. Кипріяновичъ помѣстилъ особое приложеніе объ отцѣ митрополита Іосифа, соборномъ протоіерей Іосифѣ Семашкѣ, гдѣ сообщаетъ свѣдѣнія о предкахъ и родственникахъ его, о строѣ жизни въ родительскомъ домѣ, о послѣдующихъ отношеніяхъ его къ родителямъ, —

свѣдѣнія, — почерпнутыя, помимо виленскихъ архивовъ, изъ мѣстныхъ источниковъ, изъ сообщеній живыхъ еще свидѣтелей жизни родителей Сѣмашки въ селѣ Дикишкахъ (Вилен. губ.). Въ тѣхъ отдѣлахъ первой главы, которые посвящены годамъ ученія Сѣмашки, особенно въ виленской главной семинаріи, авторъ (особенно во второмъ изданіи книги), съ одной стороны постарался охарактеризовать тогдашнюю учебную систему Виленскаго учебнаго округа, и въ частности общее направленіе Виленскаго университета и главной при немъ духовной семинаріи (воспользовавшись для этой цѣли тѣмъ, что уже сдѣлано по этому вопросу въ спеціальной литературѣ), съ другой стороны, на общемъ фонѣ учебно-воспитательныхъ и соціально-политическихъ вліяній западнорусскихъ той эпохи онъ достаточно отчетливо показалъ постепенное формированіе умственнаго и нравственнаго облика будущаго борца за вѣру православную и народность русскую. Правда, трудъ нашего автора тутъ облегчался самимъ митропол. Іосифомъ, обратившимъ на этотъ пунктъ спеціальное вниманіе въ своихъ «Запискахъ», но тѣмъ болѣе чести тутъ и нашему автору, — постаравшемуся возможно полнѣе его аргументировать и иллюстрировать, такъ какъ, очевидно, самъ митрополитъ Іосифъ, и уже въ концѣ своего историческаго поприща, искалъ первыхъ зародышей своей православно-русской дѣятельности въ этомъ своемъ далекомъ прошломъ.

Для начальнаго періода службы Сѣмашки — кратковременнаго его ассесорства въ Луцкой униатской консисторіи (1820—1822 г. г.) — у г. Кипріановича не было никакихъ иныхъ источниковъ, кромѣ тѣхъ немногихъ строкъ, которыя написалъ объ этомъ времени самъ Семашко въ своихъ «Запискахъ». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что и для исторіи этого, столь скуднаго фактами періода жизни Сѣмашки, ему удалось кое-что найти (рассказъ Сѣмашки о побѣздкѣ его въ Почаевскую лавру въ 1822 году, «Новооткрытыя Записки»). Для первой поры петербургской службы Сѣмашки въ должности ассесора римско-католической духовной коллегіи (до 1827 года, т. е. начала настоящаго историческаго поприща Сѣмашки) въ «Запискахъ» уже больше было данныхъ; кое-что объ этой порѣ можно найти въ воспоминаніяхъ Зубки. Но всетаки всего этого не вполне достаточно для детальнаго воспроизведенія «служебной» дѣятельности Сѣмашки въ первые пять лѣтъ его службы въ Петербургѣ. Вообще глава (III гл.), посвященная первому періоду церковно-общественной дѣятельности митрополита Іосифа, не даетъ такого точнаго curriculum vitae его, какое представляетъ дальнѣйшее въ книгѣ г. Кипріановича изложеніе жизни и дѣятельности Сѣмашки (послѣ 1827 года). Тутъ-то, какъ замѣтили мы выше, знакомство съ синодскими архивомъ могло бы быть для автора очень полезнымъ.

Третья глава въ книгѣ г. Кипріяновича имѣетъ значеніе введенія въ исторію воссоединенія литовско-бѣлорусскихъ униатовъ, двинутаго Сѣмашкою съ начала царствованія императора Николая I и завершившагося въ 1839 году. Эта глава, какъ мы замѣтили уже выше, представляетъ собою сводъ данныхъ, добытыхъ трудомъ позднѣйшихъ изслѣдователей исторіи униатской церкви въ первой четверти текущаго столѣтія, по преимуществу въ синодскомъ архивѣ (въ дѣлахъ униатскаго департамента римско-католической духовной коллегіи и канцеляріи оберъ-прокурора св. синода). Въ ней авторъ сначала обрисовываетъ дѣятельность митрополита Ираклія Лисовскаго и архіепископа Іоанна Красовскаго по преобразованію и устройству греко-униатской церкви, затѣмъ переходитъ къ дѣятельности въ томъ же направленіи членовъ брестскаго капитула, къ ихъ прошеніямъ и протестамъ, и останавливается, наконецъ, съ большимъ вниманіемъ на мѣропріятія высшаго правительства относительно униатовъ съ 1822 года. Для г. Кипріяновича въ третьей главѣ его книги главный вопросъ былъ объ отношеніи Іосифа Сѣмашки къ униатскимъ — преобразователямъ предыдущей эпохи — Лисовскому, Красовскому и «стріумвирамъ» брестскаго капитула Антонію Тупальскому, Антонію Сосновскому и Михайлу Бобровскому. Заслуга Лисовскаго и Красовскаго, по мнѣнію г. Кипріяновича, состоитъ въ томъ, что они сохранили свою паству отъ поглощенія латинянами, боролись съ горячими сторонниками латинянъ-базиліанами, поддерживали интересы бѣлаго духовенства и восстанавливали православные обряды въ униатской церкви, съ цѣлью придать ей больше самостоятельности по отношенію къ латинской церкви (стр. 42). Г. Кипріяновичъ признаетъ, что Сѣмашко въ своей исторической запискѣ отъ 5 ноября 1827 г. является явнымъ старонникомъ реформъ Лисовскаго и Красовскаго, но съ особенной силой ударяетъ на то, что цѣль этихъ реформъ у Сѣмашки была совсѣмъ другая, чѣмъ у Лисовскаго и Красовскаго: его цѣль — воссоединеніе съ православною церковью, прямо, безъ всякихъ обиняковъ заявленная уже въ этой первой его запискѣ, цѣль его предшественниковъ — упроченіе самостоятельности униатской церкви въ Россіи. Согласно съ Антоніемъ Зубкою, вопреки Василю Лужинскому, г. Кипріяновичъ отрицаетъ существованіе идеи воссоединенія у предшественниковъ Сѣмашки (стр. 40). Существованіе той же идеи онъ отрицаетъ и у продолжателей начинаній Лисовскаго и Красовскаго — членовъ брестскаго капитула, признавая въ то же время всю важность для дѣла Сѣмашки хорошаго его знакомства (пріобрѣтеннаго въ духовной коллегіи въ первыя пять лѣтъ его ассессорства въ ней) со всею предыдущею и современною ему работою по униатскому вопросу, особенно по вопросу о закрытіи базилианскихъ монасты-

рей и учрежденія училищъ для дѣтей униатскаго духовенства, лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ представителей бѣлаго униатскаго клира, во главѣ съ дѣятелями брестскаго капитула (стр. 60). Пока не представлено какихъ либо положительныхъ доказательствъ въ пользу существованія идеи возсоединенія у предшественниковъ Сѣмашки (кромѣ далеко не принудительнаго логически заключенія отъ тѣхъ средствъ, которыя употреблялись или предлагались униатскими дѣятелями въ извѣстный моментъ, къ той цѣли, которая якобы ими имѣлась въ виду), до тѣхъ поръ, оставаясь на почвѣ извѣстныхъ намъ теперь документальныхъ данныхъ, только и можно было рѣшить вопросъ объ отношеніи Сѣмашки къ его предшественникамъ такъ, какъ рѣшаетъ его авторъ разбираемой книги. Такое рѣшеніе его — не ново, но оно вновь продумано авторомъ въ виду высказанныхъ противъ него возраженій, подкрѣплено цѣлыми рядомъ положительныхъ данныхъ, отчасти заимствованныхъ имъ у предыдущихъ изслѣдователей того же вопроса, отчасти употребленныхъ въ дѣло самостоятельно.

Исторія подготовительныхъ къ возсоединенію униатовъ церковно-правительственныхъ дѣйствій и историческій ходъ самого возсоединенія сравнительно давно уже, до выхода въ свѣтъ «Записокъ» установлены въ нашей исторической литературѣ («Возсоединеніе уни» о. Морошкина). Четыре главы, посвященныхъ въ книгѣ г. Кириановича этому періоду дѣятельности митрополита Іосифа, представляютъ собой полное и детальное описаніе всего хода этого главнаго историческаго дѣла митрополита Іосифа, съ хронологически-точнымъ обозначеніемъ всѣхъ пунктовъ личнаго его участія въ этомъ дѣлѣ. Это описаніе составлено на основаніи не только всѣхъ имѣющихся въ печатной литературѣ матеріаловъ, но и цѣлага ряда архивныхъ данныхъ.

Четвертая глава въ книгѣ г. Кириановича посвящена началу дѣятельности Іосифа Сѣмашки по возсоединенію униатовъ съ православною церковью (1827—1832 г. г.). Глава начинается обстоятельнымъ разборомъ извѣстной записки Сѣмашки (5 ноябрю 1827 г.), представленной А. С. Шишковымъ имп. Николаю Павловичу и послужившей началомъ новому періоду въ жизни западнорусской униатской церкви, завершившемуся возсоединеніемъ 1839 года. Тутъ, приступая къ изображенію этого новаго періода активной реформаторской дѣятельности Сѣмашки, совпавшаго съ первыми годами царствованія имп. Николая, г. Кириановичъ неизбежно наталкивался на трудный вопросъ объ отношеніи Сѣмашки къ имп. Николаю въ униатскомъ вопросѣ. Г. Кириановичъ не отрицаетъ у имп. Николая идеи возсоединенія или — точнѣе сказать — желанія видѣть униатовъ Западной Россіи православными до знакомства его съ запиской Сѣмашки 1827 года. Но изложенный въ этой запискѣ, полный и впослед-

ствіи осуществленный, планъ постепеннаго, какъ бы незамѣтнаго, возвращенія западнорусскаго униатскаго народа въ лоно православной церкви онъ признаетъ всецѣло мыслью самого Сѣмашки, а отнюдь не воспроизведемъ имъ чужой мысли подъ чью-либо диктовку. Извѣстно, что въ этой повизмѣ предложеннаго Сѣмашкою для извѣстной цѣли плана и заключалась тогда вся сущность дѣла. Послѣ массоваго воссоединенія униатовъ въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II единичные, иногда довольно значительныя по числу присоединяемыхъ, случаи воссоединенія униатовъ съ православною церковью непрерывно повторялись вплоть до императора Николая I.

Въ пятой главѣ изображаются рѣшительныя дѣйствія литовскаго греко-униатскаго епископа Іосифа Сѣмашки по воссоединенію униатовъ (1833—1837 г. г.). Шестая глава посвящена Іосифу, какъ предсѣдателю греко-униатской коллегіи, и борьбѣ его съ противниками воссоединенія (въ 1838 г.). Въ седьмой главѣ разсказано самое воссоединеніе униатовъ въ 1839 году. Въ предѣлахъ Литовской епархіи, непосредственно зависѣвшей отъ Іосифа, какъ и естественно было ожидать, у автора болѣе детальное изложеніе дѣла, чѣмъ въ епархіи Бѣлорусской, гдѣ онъ останавливается только на болѣе выдающихся моментахъ. Относительно воссоединенія униатовъ въ Бѣлорусской епархіи авторъ ограничился тѣми свѣдѣніями (достаточно полными и точными), которыя онъ нашелъ (въ дополненіе къ «Запискамъ» Сѣмашки) въ «Запискахъ» Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго. Зато относительно униатовъ волынскихъ, подольскихъ и кіевскихъ онъ воспользовался архивными данными (дѣла о нихъ отчасти въ подлинникахъ, отчасти въ копіяхъ, сохранились въ виленскомъ консисторскомъ архивѣ).

Особую главу (VIII гл.) посвятилъ г. Кипріановичъ выясненію церковнаго и государственнаго значенія воссоединенія униатовъ, основнаго характера воссоединенія (воссоединеніе 1839 года онъ считаетъ іерархическимъ, а не народнымъ, по способу его осуществленія), его своевременности и заслуги митрополита Іосифа въ дѣлѣ воссоединенія.

Вообще, въ книгѣ г. Кипріановича и постепенная подготовка, и самый ходъ воссоединенія униатовъ, и его значеніе и характеръ, обрисованы ясно и съ знаніемъ дѣла. Ни одинъ существенный моментъ не упущенъ. Указано какъ все то, что облегчало дѣло, такъ и все то, что его тормозило, въ той или другой его стадіи. Съ особенною подробностію изложена дѣятельность противниковъ воссоединенія. Отведено повсюду должное мѣсто въ дѣлѣ воссоединенія представителямъ гражданской власти, особенно мощной поддержкѣ имп. Николая. Личное участіе Іосифа во всѣхъ перипетіяхъ дѣла рисуетъ живо и рельефно. Достаточно ясно выступаетъ и дѣятельность ближайшихъ его помощниковъ и сотрудинокъ.

Въ существующихъ о митрополитѣ Іосифѣ и возсоединеніи очеркахъ и изслѣдованіяхъ историческое изученіе доводится обыкновенно до общезвѣстнаго финала его — до 1839 года. Относительно того, что послѣдовало далѣе, за годомъ возсоединенія, въ нихъ можно найти только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ и сообщеній. Несомнѣнная заслуга автора (и, по моему мнѣнію, главный научный интересъ его книги) состоитъ въ томъ, что онъ въ своей книгѣ впервые даетъ болѣе или менѣе стройное, исторически-послѣдовательное изложеніе фактовъ дальнѣйшей (послѣ возсоединенія уніановъ) почти тридцатилѣтней дѣятельности митр. Іосифа, этого періода постепеннаго утвержденія и укрѣпленія имъ великаго дѣла возсоединенія, среди цѣлаго ряда препятствій и затрудненій, въ непрерывной почти борьбѣ за него. На этомъ нѣкѣмъ еще не изученномъ періодѣ жизни митрополита Іосифа г. Кипріановичъ сосредоточилъ преимущественное вниманіе и посвятилъ ему пять большихъ главъ (IX—XIII гл.), составляющихъ болѣе половины его книги. Въ IX главѣ изображается жизнь и дѣятельность архіепископа литовскаго Іосифа Сѣмашки до перенесенія епархіальнаго управленія изъ Жпровиць въ Вильну (1840—1845 г. г.), въ X главѣ — послѣ перенесенія этого управленія въ Вильну до возведенія Іосифа въ санъ митрополита (1845—1851 г. г.), въ XI главѣ — дѣятельность его въ санѣ митрополита (1852—1860 г. г.), въ XII главѣ — во время польскаго мятежа (1861—1864 г. г.), въ XIII главѣ — въ послѣдніе годы его жизни 1865—1868 г. г.).

Трудъ г. Кипріановича въ этой половинѣ его работы уже не облегчался ни самимъ Іосифомъ, ни кѣмъ либо изъ изслѣдователей его жизни и дѣятельности. Въ «Запискахъ» Іосифа изложеніе событій этого періода не имѣетъ уже характера систематически-послѣдовательнаго разсказа: третья, четвертая и пятая части «Записокъ» представляютъ собой собственно перечень и объясненіе важнѣйшихъ документовъ, приложенныхъ къ этимъ частямъ. На 1860 г. «Записки» и документы въ нихъ совершенно обрываются. А между тѣмъ съ 60-хъ годовъ въ жизни Западной Россіи и въ личной жизни митрополита Іосифа началась новая и чрезвычайно богатая событіями эпоха. Этотъ послѣдній, завершительный періодъ жизни и дѣятельности митрополита Іосифа написалъ г. Кипріановичемъ на основаніи почти исключительно собственныхъ архивныхъ его разысканій почти съ такой же полнотой, какъ и предыдущіе, насколько позволяла это близость его къ нашему времени. Многое въ этомъ періодѣ возрожденія Западной Руси для новой православно-русской жизни представляетъ громаднѣйшій интересъ и для социальнo-политической, и для религіозно-церковной исторіи сѣверо-западнаго края, и впервые въ трудѣ г. Кипріановича становится предметомъ спокойнаго историческаго изученія.

При изученіи тридцатилѣтней дѣятельности митрополита Іосифа, направленной къ закрѣпленію въ жизни великаго дѣла воссоединенія, авторъ главное вниманіе обратилъ на дѣятельность его, какъ литовскаго епархіальнаго архіерея. Этого требовало существо того дѣла, которому послѣ воссоединенія посвятилъ себя всецѣло митрополитъ Іосифъ и слѣд. изученіемъ котораго прежде всего и долженъ былъ заняться авторъ спеціальной о немъ монографіи. Съ уничтоженіемъ особаго высшаго управленія бывшею западнорусскою униатскою церковью, во главѣ котораго передъ тѣмъ стоялъ Іосифъ, съ точнымъ разграниченіемъ предѣловъ совершенно независимыхъ теперь одна отъ другой епархій сѣверо-западнаго края, практическая дѣятельность Іосифа по необходимости должна была изъ общей западнорусской все болѣе превращаться въ обычную епархіальную дѣятельность, въ предѣлахъ трехъ губерній, составившихъ литовскую православную епархію. Епархіальная дѣятельность Іосифа описана г. Кипріяновичемъ погодно, съ полной тщательностію, во всемъ многообразіи ея практическихъ обнаруженій. И внѣшняя, и внутренняя жизнь литовской епархіи одинаково внимательно изучены имъ по официальнымъ документамъ, приложеннымъ къ «Запискамъ», и дѣламъ виленскихъ архивовъ. Перенесеніе архіерейской кафедрѣ изъ Жировицъ въ Вильну, устройство епархіальнаго управленія во всѣхъ его видахъ на новомъ мѣстѣ, перемѣны въ высшемъ и низшемъ административномъ строѣ епархіи, въ связи съ заботами о поднятіи религіозно-нравственнаго уровня народа, все это—очень подробно разсказывается нашимъ авторомъ. Жизнь духовно-учебныхъ заведеній литовской епархіи, хотя и въ общихъ чертахъ, также обозрѣвается имъ въ соотвѣствующихъ отдѣлахъ его книги. Само собой разумѣется, что авторъ, въ первой половинѣ своей книги удѣлившій не мало вниманія противникамъ воссоединенія и борьбѣ съ ними Сѣмашки, и здѣсь, во второй половинѣ своей книги, съ достаточной полнотой излагаетъ борьбу его съ ними, а также съ разными остатками ушіи въ жизни духовенства и народа. На ряду съ этой борьбой въ книгѣ г. Кипріяновича ясно виденъ и другой процессъ — постепеннаго внутренняго жизненнаго возрожденія православія, хотя и замедленнымъ ходомъ совершавшійся среди тяжелыхъ условій тогдашней западнорусской дѣятельности.

Заботы митрополита Іосифа о тѣснѣйшемъ сблженіи бывшихъ униатомъ съ православною церковью не ограничивались одною, непосредственно ему подвѣдомственной, литовскою епархіею. Присутствовалъ ли онъ въ св. синодѣ, или нѣтъ, безъ совѣта съ нимъ не издавалось сколько-нибудь важныхъ узаконеній и распоряженій, касавшихся западнорусскихъ епархій. Не разъ, по порученію св. синода, митрополитъ Іосифъ производилъ ревизіи смежныхъ епархій. Авторъ разсматриваемой книги и на эту

сторону дѣла обратилъ не меньшее вниманіе, такъ что въ ней мы находимъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлый рядъ сообщеній относительно общихъ западно-русскихъ церковныхъ дѣлъ и отношеній и такого пли иного участія въ нихъ митрополита Іосифа. И эти сообщенія касаются западнорусскаго православія, какъ самого въ себѣ, такъ и въ отношеніяхъ его къ латинству, за которымъ митрополитъ Іосифъ всегда зорко смотрѣлъ. Тутъ многое, рассказанное авторомъ по архивнымъ даннымъ, впервые является въ печати въ настоящемъ историческомъ изложеніи (см., напр., IV отд. XIII гл. о массовомъ движеніи латинянъ въ православіе въ 60-хъ годахъ).

Церковной жизни г. Кипріановичъ не изучаетъ изолированно отъ всей остальной западнорусской жизни, а старается по возможности установить ея связь съ другими сторонами и явленіями внутренней жизни сѣверо-западнаго края. Съ одной стороны самое дѣло митрополита Іосифа — воссоединеніе униатскаго народа съ православною церковью и затѣмъ утвержденіе и укрѣпленіе его въ православіи — неизбѣжно ставило его постоянно въ самое близкое соотношеніе и съ высшимъ центральнымъ правительствомъ, и съ высшею мѣстною властью, отъ содѣйствія пли бездѣйствія которыхъ столь многое зависѣло во всемъ этомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, такой истинно-государственный человекъ, какимъ былъ митрополитъ Іосифъ, не могъ относиться равнодушно къ общему направленію русской государственной политики по западнорусскимъ дѣламъ, не могъ спокойно плыть по теченію, когда видѣлъ, что оно идетъ въ разрѣзъ съ русскими народными и государственными интересами. Г. Кипріановичъ совершенно справедливо счелъ одною изъ своихъ существенныхъ обязанностей обратить на эту сторону дѣятельности митрополита Іосифа Сѣмашки особенное вниманіе. Но тутъ положеніе его оказалось довольно затруднительнымъ. Въ нашей исторической литературѣ внутренняя соціально-политическая исторія сѣверо-западнаго края со времени присоединенія его къ Россіи всего менѣе выяснена, какъ ни нечально это не только съ точки зрѣнія русской науки, но и съ точки зрѣнія практическихъ потребностей русской здѣсь жизни. Даже въ позднѣйшихъ, наиболее полныхъ, трудахъ читатель найдетъ въ обзорѣ новой (подъ властію Россіи) исторіи Западной Руси (не включая сюда обоеихъ польскихъ возстаній съ вызвавшими и сопровождавшими ихъ историческими обстоятельствами), ссылки на одни почти спеціально-церковные источники этого времени, на тѣ же «Записки» Сѣмашки, Лажинскаго, Зубки. Конечно, и г. Кипріановичъ, занятый своею церковно-историческою работою, не могъ сдѣлать этого дѣла во всей желательной его широтѣ. Но во всякомъ случаѣ, по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней гражданской, такъ сказать, исторіи сѣверо-западнаго края въ его книгѣ можно найти болѣе фактовъ и указаній,

чѣмъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ западнорусскихъ историческихъ сочиненій общаго характера. Достигъ онъ этого по преимуществу самостоятельнымъ изученіемъ разбѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіемъ записокъ и воспоминаній о тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ современной митрополиту Іосифу эпохи. Вся эта литература оказалось очень полезной для лучшаго пониманія самыхъ «Записокъ», для ихъ восполненія и иногда исправленія (напр., по вопросу объ отношеніяхъ генераль-губернатора Назимова къ митрополиту Іосифу), а также для болѣе живой обрисовки той среды, тѣхъ людей, съ которыми митрополиту Іосифу приходилось дѣйствовать совместно, или — что чаще бывало — вести борьбу. Даже приводимые авторомъ неблагоприятные отзывы о митрополитѣ Іосифѣ нѣкоторыхъ неважныхъ самихъ по себѣ лицъ не лишены своего рода значенія для характеристики того непониманія и тѣхъ предрассудковъ своихъ же, русскихъ людей, съ которыми приходилось считаться митрополиту Іосифу, даже въ послѣднюю пору его жизни. Изъ числа вопросовъ внутренней западнорусской жизни тѣсныѣ другихъ связанъ былъ съ униатскимъ вопросомъ — вопросъ о народномъ образованіи. Авторъ достаточно воспользовался тѣмъ, что въ послѣдніе годы сдѣлано по уясненію хода просвѣщенія и образованія въ Западной Россіи вообще, и постарался и съ этой стороны выяснитъ значеніе дѣятельности митрополита Іосифа.

Послѣдніе годы дѣятельности митрополита Іосифа захватываютъ уже близкое къ намъ время, о которомъ на мѣстѣ ея сохраняются еще болѣе или менѣе живыя воспоминанія. Этими послѣдними и авторъ разсматриваемой книги пользуется по мѣстамъ. Въ особенности это нужно сказать о послѣднихъ главахъ книги, гдѣ рѣчь идетъ о шестидесятныхъ годахъ (XII—XIII гл.) и гдѣ характеризуется личный характеръ и частная жизнь митрополита Іосифа (XV гл.). Привнесеніе этого элемента — живыхъ, устныхъ разсказовъ современниковъ — едвали можно поставить автору въ вину, тѣмъ болѣе, что онъ вообще въ книгѣ г. Кипріяновича не великъ. Къ этому нужно прибавить, что, по отзыву самого митрополита Іосифа, его «Записки очерчиваютъ дѣятеля по общественному дѣлу, но личность этого дѣятеля и самый образъ его дѣйствій не довольно въ нихъ затронуты» (I, 268). Въ всякомъ случаѣ, только благодаря этой необорванной еще рукою времени нити живыхъ преданій, нѣкоторыя черты личнаго характера и частной жизни митрополита Іосифа и нашли себѣ мѣсто на страницахъ разсматриваемой книги).

Въ виду всего изложеннаго, книга г. Кипріяновича заслуживаетъ, по моему мнѣнію, преміи гр. Уварова.



Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796):

Е. І. Лихачевой.

Три книги, 8°, V+II+296+308+371 стр. Спб. 1890—1895 г.

Рецензія С. И. Пономарева.

«Мы всѣмъ одолжены женщинамъ» — писалъ 135 лѣтъ тому назадъ Бецкій — «за все одолжены: за первое предводительство, оказанное намъ какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся». Еще въ прошломъ вѣкѣ сознавали въ Россіи, что чѣмъ образованнѣе женщина, тѣмъ вліяніе ея сильнѣе и благодѣтельнѣе, а въ наше время значеніе образованія женщинъ въ развитіи народа ясно всѣмъ, какъ лучшій день весны. Но какъ шло оно, это образованіе, въ нашемъ отечествѣ, на этотъ вопросъ доселѣ въ литературѣ нашей не было полного отвѣта. Вотъ почему мы чрезвычайно радуемся появленію книгъ *Елены Иосифовны Лихачевой*,—это первыя у насъ книги въ своемъ родѣ и въ такой полнотѣ. Намъ невольно предупреждаетъ въ пользу автора его умѣнье выбрать предметъ для своего труда, его правильная постановка вопросовъ, его устойчивое трудолюбіе въ исполненіи, а особенно радуется то, что за такой серьезный трудъ взялась *сама женщина*. Сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ Тургеневъ говорилъ: «*мнѣнія, сердце, голосъ русской женщины все это для насъ дорого, все это намъ близко*»¹⁾, и это дорогое и близкое стало намъ еще дороже теперь.

Подъ скромнымъ заглавіемъ «*Матеріалы* для исторіи женскаго образованія въ Россіи» является добросовѣстный критическій трудъ многихъ

1) Современникъ 1852, № 1, критика, стр. 52.

лѣтъ, и къ этому труду приступило лицо, уже около 35-ти лѣтъ извѣстное своею литературно-педагогическою дѣятельностью. А въ настоящемъ трудѣ насъ поражаетъ еще обширная начитанность автора и его великое трудолюбіе. Посмотрите, въ какомъ множествѣ источниковъ пришлось ей собирать крупинками разбѣяныя свѣдѣнія: въ лѣтописяхъ, Степенной книгѣ, Полномъ собраніи законовъ, въ сборникахъ Р. Ист. Общества, въ трудахъ Арсеньева К. И., Бантыша-Каменскаго, Бестужева-Рюмина, Бецакаго, Библикова, Болотова, Буслаева, Владимірскаго-Буданова, Воропова, кн. П. А. Вяземскаго, Галахова, Георги, кн. Голицына, Голубинскаго, Греча, Грота, Данилова, кн. Дашковой, Державина, Дмитріевыхъ И. и М., кн. Долгорукаго, Дубасова, импер. Екатерины, митр. Евгенія, Есипова, Ешевскаго, Забѣлина, Кантемира, Карабанова, Карамзина, Карпова, Кеппена, Кирпичникова, Ключевскаго, Костомарова, Котошихина, Лавровскаго, Лешкова, Лонгинова, Лядова, Майкова Л., митр. Макарія, Макарова, Мертваго, Модзалевскаго, Морозова, Мухановой, Никитенко С., Олеарія, Пекарскаго, Петрова, Полевого Н., Ржевской, Ровинскаго, Семевскаго, Середошина, Соловьева, Сумарокова, Сухомлинова, Теплова, Тимковскаго И., Тихонравова, Толстого гр. Д. А., Трачевскаго, Трефолева, архіеп. Филарета, Флетчера, Фонвизина, Хмырова, Цвѣтаева, Чистовича, Шевырева, Щапова. Нерѣдко г-жа Лихачева объясняетъ свой вопросъ параллельно съ положеніемъ его въ другихъ государствахъ и для этого пользуется трудами Ампера, Берхгольца, Бокля, Брюнетьера, Ваттенбаха, Вольтера, герцога Де Лирія, Гизо, Жерара, Лавалле, Ла Мессеньера, леди Рондо, Ментэнонъ, Мишле, Мольера, Монтэня, Руссело, Севинье, Сегюра, Сентъ-Бѣва, Фенелона, Шлоссера. Прибавьте къ этому множество пересмотрѣнныхъ ею уставовъ учреждений, рѣчей профессоровъ, періодическихъ изданій, сборниковъ специальныхъ и общелитературныхъ; наконецъ, присоедините рукописные матеріалы, которыми она воспользовалась изъ архивовъ: Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода, — и вы будете имѣть понятіе о массѣ источниковъ, надъ которыми потрудились Е. І. Лихачева.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ эпохи Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Но эпоха Владиміра была для народа продолженіемъ старинной жизни, и намъ кажется, что введеніемъ, истиннымъ началомъ исторіи образованія (въ высшемъ смыслѣ), точнѣе — *развитія* русской женщины, должны бы явиться богатырскія *былины*, въ которыхъ народная память сохранила величественные и трогательные образы русскихъ женщинъ. Тамъ предъ нами проходятъ не только стрѣлки изъ женщинъ и поленицы, ничѣмъ не уступающія богатырямъ, но и свѣтлыя женскіе типы,

которые дышутъ сознаниемъ долга, чрезвычайнымъ мужествомъ и самопожертвованіемъ. Таковы — вѣрныя жены: Настасія Микулишна, жена Добрыни Никитича, и сестра ея Васплиса, жена боярина Ставра. Пусть даже эти образы — историческая *возможность*, а не историческая *дѣйствительность*, ихъ все же нельзя считать за вымыселъ, лишенный всякаго основанія. Но обратимся къ книгамъ нашего автора, который имѣетъ въ виду исключительно *образованіе* русскихъ женщинъ въ *историческую* эпоху.

Мы узнаемъ отъ него, что уже болѣе 900 лѣтъ идетъ у насъ обученіе женщины, и болѣе 130 лѣтъ существуютъ у насъ правительственныя женскія учебныя заведенія, но мы до сихъ поръ не имѣли *исторіи женскаго образованія*, исключая нѣсколькихъ монографій. Матеріалы для нея большею частію лежатъ въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ, отчасти разбросаны во множествѣ различныхъ изданій, въ видѣ мелкихъ, отрывочныхъ извѣстій. Собрать сколько возможно эти матеріалы и привести ихъ въ порядокъ—вотъ чтѣ было задачей Е. І. Лихачевой, вотъ почему труду своему она дала скромное заглавіе «*Матеріалы*». Три книги ея, *въ 875 страницъ*, ясно говорятъ о ея любви къ труду и къ избранному предмету. Послѣдуемъ же за нею и хотя въ сухомъ, сжатомъ извлеченіи представимъ сущность ея книгъ, *прибавляя кое-что и отъ себя*.

По мысли вв. кк. Владиміра и Ярослава, должны были учиться *все* дѣти бояръ, безъ различія пола. Дѣвочки учились въ теремахъ и монастыряхъ. Учителями ихъ были лица духовнаго званія. Грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ были первою ступенью въ образованіи ихъ. Но такъ какъ само христіанство очень медленно распространялось въ народной массѣ, то и ученіе въ ней разливалось очень медленно, и только женщины высшаго круга были не чужды скромнаго просвѣщенія, а великое большинство русскихъ женщинъ оставалось вовсе неграмотнымъ. Дочь в. кн. Всеволода Ярославовича, Анна, первая открыла въ 1086 г., при кievскомъ Андреевскомъ монастырѣ, училище для дѣвицъ и даже сама учила ихъ чтенію, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣльямъ. По примѣру ея стали учить дѣтей монахини въ обителяхъ и вообще женщины духовнаго званія у себя на дому; и тѣ и другія учили дѣтей не только знатнаго рода, но и низшихъ сословій. Такъ же учила въ XII в. въ Полоцкѣ дочь кн. Георгія, княжна Евфросинія, и въ XIII в. въ Суздальѣ дочь князя-мученика Михаила Черниговскаго, препод. Евфросинія, которая при томъ сама читала въ церкви и произносила такія наставленія, что множество богомольцевъ приходило ее слушать. Дѣтя, научившіяся такимъ образомъ грамотѣ, въ свой чередъ учили другихъ, становились мастерицами, переписывали священныя книги и расширяли свое образованіе. Въ два первые вѣка нашей исторіи удѣль-

ныя междоусобія и борьба съ половцами, печенѣгами, татарами, сопровождавшаяся нерѣдко захватомъ женщинъ и насиліемъ, побуждала ихъ жить въ затворѣ или идти въ монастыри. Но и въ монастыряхъ не многія изъ женщинъ оказались выдающимися по своему развитію и жизни. Обыкновенно насчитываютъ въ древнемъ періодѣ только *шесть* женщинъ, окруженныхъ сіяніемъ святости, но ихъ несомнѣнно было больше ¹⁾). Скромность и время сокрыли ихъ. Самая жизнь дома была распределена по монастырскому образцу, и высшими достоинствами женщинъ считались молчаніе и смиреніе. Въ правила воспитанія издавна входило — пріучать дѣтей къ послушанію, воздержанію, терпѣнію, чистотѣ, вообще нравственному поведенію, по наставленіямъ св. отцовъ.

Слѣды грамотности женщинъ сохранялись и при монголахъ; обученіе въ монастыряхъ продолжалось; букварь, часословъ, псалтырь, Евангеліе — оставались учебными книгами до конца XVII в.; по нимъ учились и въ княжескихъ дворцахъ. Общее образованіе сохраняло религіозное направленіе, наставляя учащихся въ истинахъ вѣры и укрѣпляя въ нравственности. Должно сказать, что во всей древней письменности нашей не сохранилось ни *одного* литературнаго памятника, составленнаго *женщиной*; это и не удивительно: дѣйствительная жизнь не давала простора русскимъ женщинамъ. Однако, едва ли можно рѣшительно утверждать, что женщины ничего не писали: иное изъ ихъ трудовъ могло быть оставлено безъ всякаго вниманія нашими лѣтописцами-монахами, иное пропало въ вихрѣ событій. Сохранилось же въ Степенной книгѣ длинное наставленіе в. княгини Маріи Всеволожей (XIII в.) ея сыновьямъ. Въ древней Руси имѣлись въ виду по преимуществу цѣли *спеціальныя* — образованіе священниковъ,

1) Вотъ женщины, чтимыя, какъ святыя, или всюю Русью, или мѣстно; располагаемъ ихъ по годамъ:

969. В. княгиня Ольга, память ея	іюля 11
1051. Анна, супруга вел. кн. Ярослава	февр. 10
1112. Анна, дочь Всеволода	ноября 3
1173. Евфросинія Полоцкая	мая 23
1228. Февронія Муромская	іюня 25
1243. Евпраксія Псковская	окт. 16
1250. Евфросинія Суздальская	сент. 25
1281. Харитина, княжна Литовская	окт. 5
1300. Марѳа Псковская	ноября 8
1378. Феодора Нижегородская	апрѣля 16
1406. Іуліанія, кн. Вяземская	дек. 21
1407. Евфросинія (Евдокія), вел. кн. московская	іюля 7
1473. Васса Псковская	марта 19
1540. Іуліанія Ольшанская	іюля 6
1542. Софія (Саломонида), супруга вел. кн. Василія	дек. 16
1572. Гликерія препод.	мая 13
1604. Іуліанія Лазаревская	янв. 2

подьячихъ, приказныхъ, а женщины не могли быть ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, и кромѣ того затворничество ихъ продолжалось до самаго Петра В. Памятникъ XVI в. — Домострой самую грамоту признавалъ нужною только для духовныхъ и приказныхъ, и женщины въ однихъ монастыряхъ могли научиться чему-нибудь. О женщинахъ изъ народа имѣемъ свидѣтельство Котошихина: «женскій полъ неученъ, и не обычай тому есть». Даже среди боярскихъ дочерей были такія, которыя выросли, не учась грамотѣ; впрочемъ, въ XVI в. было много и бояръ, не знавшихъ грамоты или полуграмотныхъ. Образованныя женщины являлись только въ семействахъ в. князей, да и тамъ извѣстны немногія: дочь в. князя Ивана III, Елева, царица Ксенія Годунова, царица Марѳа, мать царя Михаила. Царевны и боярыни въ XVII в. обучались учительницами: мужчины отнюдь не проникали въ терема. Между тѣмъ, званіе учителя уже стало хлѣбнымъ дѣломъ; учителями, кромѣ членовъ церковнаго причта, являлись и холопы. При Михаилѣ Федоровичѣ одинъ изъ стольниковъ упрекалъ дѣвицъ Плещеевыхъ въ обученіи грамотѣ и письму у *холопа*; мать дѣвицъ пожаловалась на него за *безчестіе*, и виновный, по царскому указу, былъ битъ батогами¹⁾.

За недостаткомъ умственнаго образованія не было и развивающихъ удовольствій для женщинъ. Едва ли не единственными удовольствіями были качели, а зимою — скатныя горы, которыя устраивались въ предѣлахъ терема. А въ теремахъ занимались рукодѣльемъ и вышиваньемъ золотомъ, серебромъ и шелками, въ чемъ достигали большихъ успѣховъ. При этомъ женщины высшаго круга, въ концѣ XVII в., могли читать, кромѣ божественныхъ, и другія книги, напримѣръ, сказки, повѣсти о рыцаряхъ и отчасти знакомились изъ нихъ съ міромъ, природой и другими народами. Но теремъ, какъ отрицаніе общественности и личной свободы, не въ состояніи былъ обезпечить ни умственную, ни нравственную жизнь русской женщины.

Самымъ замѣтнымъ лицомъ этого времени является царица Софія, воспитанная ученымъ Симеономъ Полоцкимъ. Она была знакома не только съ одними житіями, но и со свѣтскою литературою, читала и по-польски, училась пѣтикѣ, риторикѣ, сама писала стихи. Царицы и царевны уже выходили изъ терема, показывались народу, участвовали въ церемоніяхъ, разсуждали и спорили съ раскольниками. Въ движеніяхъ раскола женщины принимали дѣятельное участіе, даже въ тѣхъ сектахъ, которыя усвоили себѣ рационалистическое направленіе; иногда женщины занимали независимое положеніе и становились основательницами особаго религіознаго толка.

1) Иконниковъ. Русская женщина наканунѣ реформы. Кіевъ. 1874, стр. 38. Забѣлинъ: Бытъ царицъ, 265—266.

Но до самаго Петра у насъ была только грамотность, было церковное образованіе, и оно было удѣломъ общимъ для всѣхъ сословій обоого пола.

Различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ обозначилось при Петрѣ. Онъ обратилъ почти исключительное вниманіе на образованіе моряковъ, техниковъ, военныхъ и приказныхъ. Указъ его (1721 г.) о заведеніи малыхъ народныхъ школъ во всѣхъ городахъ остался неисполненнымъ; другой указъ (1724) предписывалъ монахинямъ воспитывать сиротъ обоого пола и обучать ихъ грамотѣ, а дѣвочекъ—пряжѣ, шитью, плетенію кружевъ; но этотъ указъ болѣе имѣлъ въ виду занять полезнымъ образомъ монахинь, чѣмъ дѣтей. Специальныя школы для дѣвочекъ, какъ не приносящія немедленной практической пользы государству, не входили въ планы Петра. Сестра его Наталія Алексѣевна была воспріимчивѣе самой Софіи къ литературному образованію и дѣятельности; она знала нѣсколько иностранныхъ языковъ, составляла піесы для театральныхъ представленій (которыя уже открылись при дворѣ) и приняла театръ подъ свое покровительство. Въ постановкѣ домашнихъ спектаклей у сестры царя нерѣдко участвовали знатныя дамы и дѣвнцы. Но если Петръ ничего не сдѣлалъ въ прямомъ смыслѣ для женскаго образованія, то сама уже реформа его (отмѣна затворничества, уничтоженіе многихъ старыхъ обычаевъ, поощреніе браковъ съ иностранцами и пр.) и любовь царя къ образованнымъ людямъ отразились и на образованіи женщинъ. Женщины охотно выходили изъ терема и вступали въ общество; между ними стали появляться и такія, которыя говорили по-нѣмецки, играли на лютнѣ, танцовали. Замѣчательно, что реформа Петра увлекла *крестьянина-самоучку* Посошкова; онъ оцѣнилъ ея образовательное значеніе и въ своемъ завѣщаніи внушалъ сыну, что «дѣвица такой же человекъ, какъ и ты... ничего не дѣлай безъ совѣта жены,—она дана тебѣ не для порабощенія, но для помощи». Одинокій примѣръ Посошкова, конечно, не имѣлъ значенія для народной жизни, и развитіе женщинъ сосредоточивалось исключительно въ высшемъ кругѣ. Но я здѣсь самымъ важнымъ дѣломъ въ воспитаніи считалось знаніе иностранныхъ языковъ, и достаточные родители начали приглашать учителей, чтобы обучать иностраннымъ языкамъ дочерей вмѣстѣ съ сыновьями. Царевны Елисавета Петровна, Анна Петровна, Наталія Алексѣевна (внука Петра I) и нѣкоторыя знатныя дамы знали языки французскій, нѣмецкій, итальянскій, шведскій. Наталія Алексѣевна (14 лѣтъ) является самымъ замѣчательнымъ лицомъ того времени. Манштейнъ писалъ о ней, что она обнаруживала умъ, превышающій несравненно 14-ти лѣтній ея возрастъ, говорила въ совершенствѣ на иностранныхъ языкахъ, любила науку, интересовалась рѣчами ученыхъ, покровительствовала иностранцамъ. «Въ моей жизни я не видалъ принцессы болѣе совершенной» — писалъ о ней герцогъ Лярійскій. Мы не имѣемъ точ-

ныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ наукамъ учили дѣвицъ при Петрѣ, кромѣ обученія языкамъ; но, судя по явившимся тогда учебникамъ, можно думать, что онѣ изучали священную исторію, грамматику, ариметику, всеобщую исторію, географію. Если прибавить къ этому игру на лютнѣ, клавесинѣ, танцы и фанты, то такое образованіе женщинъ было совершенно новымъ и блестящимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было до Петра. Въ домахъ вельможъ появлялись иностранныя наставницы, преимущественно французенки. Княгиня Н. Б. Долгорукова рассказываетъ: «мать моя старалась о воспитаніи моемъ, чтобы ничего не было упущено въ наукахъ, и всё возможности употребляла, чтобы мнѣ умножить достоинствъ». Слова ея показываютъ, что обученіе женщины въ высшемъ кругѣ считалось уже необходимою. Берхгольцъ писалъ, что русскіе ничего не щадятъ для образованія своихъ дѣтей; но онъ и другіе иностранцы разумѣли подъ этимъ хорошія манеры, пріятность обращенія, умѣнье разговаривать, танцовать и вообще свѣтскія качества. А старый внутренній строй и привычки, суевѣрія, грубыя замашки, дикость нравовъ все еще оставались удѣломъ женщинъ. Самыя царицы собственноручно били своихъ приближенныхъ, покровительствовали ханжамъ и святошамъ, любили слушать рассказы рыночныхъ бабъ. Знаніе иностранныхъ языковъ не служило средствомъ къ дальнѣйшему образованію женщинъ и, оставаясь почти единственною цѣлью ихъ обученія, заслоняло собою изученіе наукъ. Полезныя книги хотя и печатались при Петрѣ, но кругъ читателей былъ такъ ограниченъ, что книги почти не находили сбыта и потомъ продавались на вѣсъ. Отдѣльныя школы для дѣвочекъ находились исключительно въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, отвоеванныхъ Петромъ. Въ Россіи же, только въ Москвѣ открылась въ 1694 г. одна иноземная школа при лютеранской церкви для дѣтей обою пола, куда отдавали и русскихъ крѣпостныхъ дѣтей и татарскихъ плѣнныхъ. Въ Петербургѣ явилась въ 1703 г. евангелическо-лютеранская школа, гдѣ, кромѣ курса начальныхъ наукъ, жена учителя, за особую плату, обучала и рукодѣлю. Далѣе стали появляться въ Петербургѣ и частныя школы, гдѣ учили дѣвочекъ читать и писать, но обученіе письму еще не было обязательнымъ и давалось дѣвицамъ лишь для домашняго обихода. Возникали школы и въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ которыхъ учили дѣвчкы, ихъ жены; существовали школы и при монастыряхъ; но обо всѣхъ о нихъ дошли до насъ слишкомъ скудныя извѣстія. Грамотность въ народѣ распространяли по преимуществу школы раскольниковъ; учителя и учительницы ихъ разбѣзжали по Россіи, обучая чтенію, письму и ибнію. Въ 1729 г. былъ изданъ указъ, коимъ предписывалось *бѣглыхъ* помѣщичьихъ мальчиковъ и дѣвочекъ отдавать въ школы, до возвращенія ихъ владѣльцамъ. Въ 1736 г. видимъ въ Петербургѣ Аппенскую (нѣмецкую) школу, гдѣ вмѣстѣ съ мальчиками учи-

лись и дѣвочки. Въ 1754 г. императрица Елисавета издала указъ, повелѣвавшій учредить въ Москвѣ и Петербургѣ школы для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ (а до тѣхъ поръ бабки отправляли свое ремесло навывкомъ).

Вотъ всѣ заведенія, о которыхъ упоминаютъ законодательные акты въ теченіе всей нашей исторіи до Екатерины II. Правительственныхъ заведеній для дѣвочекъ все еще не было; существовали лишь частные пансіоны, содержимые преимущественно французами. Императрица Елисавета въ 1755 г. издала указъ, запрещающій обучать и воспитывать дѣтей иностранцамъ, не выдержавшимъ предварительнаго экзамена въ Академіи Наукъ; по и послѣ того являлись такіе наставники и наставницы: бывшіе дезертиры, банкроты, развратники, «*пѣна Франціи*», по выраженію секретаря французскаго посольства Ла-Мессельера. Были, конечно, и счастливыя исключенія, приличные пансіоны, сначала общіе, потомъ отдѣльные—для мальчиковъ или для дѣвочекъ. Въ этихъ пансіонахъ обѣщали учить французскому языку, географіи, исторіи, арифметикѣ, рисованію, музыкѣ, танцамъ, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ. Иногда дворяне отдавали въ ученіе дѣтей своей прислуги, не исключая и дѣвочекъ, съ тою впрочемъ цѣлію, чтобы эти крѣпостные грамотеи могли потомъ выучить чтенію и письму дѣтей своихъ господъ. Прислугу учили даже пѣнію, музыкѣ и танцамъ, чтобы имѣть своихъ актеровъ и актрисъ. Въ высшемъ кругѣ самое солидное образованіе было въ семьѣ канцлера графа М. И. Воронцова; тамъ воспитывалась будущая княгиня Дашкова, первая и очень долго единственная русская женщина, образованная въ европейскомъ смыслѣ. Питомцы Московскаго университета, основаннаго въ 1755 г., много послужили образованію русскихъ дѣвицъ. Въ манифестѣ 1762 г., изданномъ въ царствованіе Петра III, говорилось, что при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, а теперь уже нѣтъ этой необходимости.

Для оцѣнки дѣйствій императрицы Екатерины II по образованію женщинъ, г-жа Лихачева разсматриваетъ сначала положеніе этого дѣла на Западѣ: какія тамъ были теоріи женскаго воспитанія и были ли заведенія въ образецъ для Россіи. Здѣсь она излагаетъ взгляды Эразма Роттердамскаго, Амоса Коменскаго, Локка и, замѣчая, что Франція всегда шла впереди движенія въ пользу женскаго образованія, знакомить съ мнѣніями Монтеня, аббата Флерп, Фенелона и г-жи Мэнтенонъ, какъ основательницы Сен-Сира, перваго по времени общественнаго средне-учебнаго заведенія для женщинъ (1686 г.). Цѣлію Сен-Сира было устроить общину сестеръ, способныхъ воспитывать дѣвицъ въ страхѣ Божіемъ и дать имъ приличное

образование. Въ половинѣ XVIII в. вездѣ на Западѣ была признана несостоятельность какъ семейнаго, такъ и монастырскаго воспитанія женщинъ, но, кромѣ Сен-Сира, нигдѣ въ Европѣ не было ни одного средне-учебнаго заведенія для женщинъ. Императрица Екатерина II, воспитанная подъ вліяніемъ французскихъ идей о воспитаніи дѣвочекъ, пріѣхала въ Россію (1744 г.) на 15-мъ году своего возраста. Еще будучи великой княгиней, она первая пришла къ мысли — основать въ Россіи заведеніе, подобное Сен-Спру, но съ болѣе широкою задачей: она задумала образовать новую породу русскихъ отцовъ и матерей, ими перевоспитать весь свой народъ и этимъ поднять благосостояніе всего государства. Почти 20 лѣтъ она готовилась въ уединеніи къ своей дѣятельности на престолѣ. Ставши царицей, гениальная женщина «отозвалась широкою душою на все лучшіе призывы, какіе послышала вокругъ себя; она была одною изъ представительницъ тогдашняго гуманнаго европейскаго просвѣщенія и вмѣстѣ искренно любила Россію, вѣрно понимала и берегла интересы своего народа»¹⁾. Немедленно по воцареніи своемъ она задумала учредить во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ пансіонные дома и поручила Теплову составленіе плана ихъ, а Бецкому — изложить мысли объ основаніи Московскаго воспитательнаго дома и госпиталя. Оба эти лица явились вполне достойными исполнителями мыслей государыни. Начертаны были уставы: 1) для воспитательнаго общества 200 *благородныхъ* дѣвицъ (нынѣ Смольнаго монастыря) и 2) особливаго училища для воспитанія *мѣщанскихъ* дѣвушекъ. Одна и та же система воспитанія была положена во всѣхъ уставахъ заведеній какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ (въ корпусахъ); во всѣхъ уставахъ рекомендовалось пріучать дѣтей къ чтенію и для сего основать библіотеки при заведеніяхъ. Кромѣ того, дѣвочки должны были обучаться танцованію, рукодѣліямъ, а способныя изъ нихъ еще «голосной и инструментальной музыкѣ». Программа ученія благородныхъ дѣвицъ была даже шире и основательнѣе, чѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ. Главнѣйшею мыслию Екатерины было *оуцѣлѣть* *паче всего юношествоу окусъ къ чтенію, чѣмъ достигается самостоятельное образованіе*; чтеніе должно было служить ключомъ не только къ образованію, но и къ счастію. Счастіе человѣка Екатерина указывала не въ матеріальныхъ или внѣшнихъ условіяхъ, а во внутреннемъ довольствѣ человѣка, въ умѣннѣ стать выше обстоятельствъ жизни, найти въ себѣ опору противъ всевозможныхъ невзгодъ. Въ умственныхъ занятіяхъ она сама всегда находила спасеніе отъ всевозможныхъ непріятностей и горя. Другимъ важнымъ условіемъ воспитанія ставилось — возбуждать въ дѣтяхъ бодрость и веселость, какъ средства, облегчающія жизнь и содѣйствующія

1) Н. Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ (1883), II, 38.

сближенію людей между собою. Физическое воспитаніе дѣтей впервые при Екатеринѣ вводилось въ систему общаго воспитанія. Она понимала воспитаніе въ самомъ обширномъ смыслѣ и въ основу его положила самыя гуманныя принципы. Личныя взгляды и желанія Екатерины проведены ею полнѣе и ярче въ женскомъ воспитаніи, чѣмъ въ мужскомъ. Но, зная умственное и нравственное состояніе семейной и общественной среды своего времени, Екатерина не рѣшилась положиться на семью, а взяла все дѣло *въ свои руки* и приставила къ нему избранныхъ ею самую главнѣйшихъ руководителей. Она признавала *одинаковую* важность образованія мужского и женскаго для общаго благоденствія. И вельможи, разсматривавшіе уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ, справедливо признали въ немъ истинную государственную пользу, соединенную съ христіанскимъ челоуѣколюбіемъ.

Первымъ основаніемъ въ Воспитательномъ Обществѣ (будемъ называть его просто *Смольнымъ*) полагался законъ Божій и нравственное развитіе воспитанницъ; безъ этого образованіе въ глазахъ Екатерины не имѣло цѣны. Иностраннымъ языкамъ онѣ обучались такъ, чтобы умѣли говорить на нихъ. Въ отношеніи къ наукамъ постановлено было — не столько учить дѣтей, сколько внушать имъ любовь къ знанію, дабы онѣ сами искали умножить его. Въ то же время онѣ приучались къ хозяйству, обучались рукодѣлію до такой степени, чтобы съ 12 лѣтъ могли сами вязать себѣ чулки и шить себѣ платья. Воспитанницы старшаго возраста поочередно, по двѣ каждый день, обучали въ двухъ первыхъ классахъ маленькихъ воспитанницъ. Большое вниманіе было обращено на свѣтское воспитаніе дѣвицъ, такъ какъ онѣ были въ большинствѣ призваны для жизни въ свѣтскомъ обществѣ; поэтому умѣнье обращаться и держать себя въ свѣтѣ было постоянною заботою наставницъ. Для приученія воспитанницъ къ общественной жизни, въ Смольномъ назначались собранія городскихъ дамъ и кавалеровъ и другихъ *почтительныхъ людей*; въ этихъ собраніяхъ давались концерты, спектакли, балеты, исполняемые дѣвицами; на этихъ собраніяхъ роль хозяекъ должны были играть воспитанницы двухъ старшихъ возрастовъ. Кромѣ того, онѣ ѣздили въ сопровожденіи начальницы ко двору, играли въ Эрмитажѣ, обѣдали и бывали на вечерахъ у Бецкаго и у директора Шляхетскаго корпуса. Короче сказать, Екатерина хотѣла дать дѣвицамъ воспитаніе и образованіе, и притомъ образованіе общее. «Мы ихъ воспитываемъ—писала она Вольтеру—для того, чтобы онѣ были отрадою семействъ, въ которыя вступаютъ; мы не хотимъ сдѣлать ихъ ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать собственныхъ дѣтей и вести свой домъ».

Большимъ благомъ для русскихъ женщинъ было то, что Екатерина сама была просвѣщеннѣйшимъ лицомъ, гениальною женщиной, глубоко про-

никнутою здоровыми идеями и понимавшею важную роль женщинъ въ осуществленіи этихъ идей. Уставы, утвержденные ею, дышутъ такою гуманностію, такою сердечною любовію къ дѣтямъ, вниманіемъ къ ихъ природѣ, боязнью помѣшать ея развитію, что они и теперь не потеряли бы своей цѣны. И если ея благія намѣренія не получили должнаго осуществленія на дѣлѣ, если программы заведенія не выполнялись и на половину по неизмѣнню способныхъ лицъ,—все это нисколько не умаляетъ значенія трудовъ и работъ Екатерины. Учрежденіемъ Воспитательнаго Общества дѣвицъ Екатерина опередила Европу въ дѣлѣ женскаго образованія, и русскіе въ этомъ отношеніи стояли во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Отъ этого бѣлаго очерка взглядовъ Екатерины на дѣло женскаго воспитанія, обратимся къ самому дѣлу, къ историческому ходу заведенія въ общихъ чертахъ.

5 мая 1764 г. былъ объявленъ именной указъ о воспитаніи *благородныхъ* дѣвицъ при Воскресенскомъ монастырѣ, и дворяне приглашались отдавать туда дочерей своихъ. Воскресенскій монастырь находился за городомъ, построенный еще при Елисаветѣ по плану Растрелли. Сюда были переведены 18 монахинь, которыя должны были составлять церковный клирость, обучать малолѣтнихъ дѣвочекъ грамотѣ и ходить за больными. На первые расходы по устройству заведенія было опредѣлено 60,000 р., изъ которыхъ 40,000 р. были даны изъ частныхъ суммъ Екатерины. Черезъ два года, съ открытіемъ при томъ же монастырѣ училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ, государыня пожаловала 2.500.000 р., чтобы воспитаніе 200 благородныхъ дѣвицъ и 240 мѣщанскихъ производимо было процентами съ этой суммы. Управление дѣлами Смольнаго возложено на совѣтъ попечителей (четырехъ знатныхъ особъ) и начальницу; послѣдняя была почти полновластнымъ лицомъ по воспитанію, обученію и хозяйству; въ помощь ей опредѣлены были правительница и 4 надзирательницы, которыя были постоянно при дѣтяхъ. Для ученія назначено 12 учительницъ, кромѣ монахинь, и только въ крайнемъ случаѣ допускались учителя. Воспитанницы принимались 5-ти—6-ти лѣтъ, раздѣлялись на 4 возраста и оставались въ заведеніи 12 лѣтъ безвыходно, но родителямъ позволялось навѣщать дѣтей. Такъ было положено начало *закрытому казенному* воспитанію. Съ 1770 г. дѣвицъ стали возить въ придворныхъ экипажахъ по улицамъ Петербурга, на качели, устраниваемые на масляницѣ и на Святой. Въ 1773 г. дѣвицъ старшаго возраста вывозили въ Лѣтній садъ, и эта прогулка ихъ была цѣлымъ событіемъ для тогдашняго общества: ее описывали въ «Сиб. Вѣдомостяхъ», въ «Живописцѣ»; въ честь воспитанницъ писали и печатали стихи; за ними слѣдовала такая масса народа, что экипажи не могли двигаться. Чтобы внушить къ заведенію болѣе довѣрія въ обществѣ, начальни-

лица. При вступленіи каждой дѣвушки, ей опредѣлялось 50 р., которые вносились въ банкъ и хранились тамъ, пока она окончитъ курсъ; при выпускѣ эта сумма вмѣстѣ съ процентами отдавалась въ приданое. Воспитанницъ переводили и въ Воспитательное Общество *благородныхъ* дѣвицъ, когда родители ихъ получали чинъ штабъ-офицера. Въ двухъ старшихъ возрастахъ предписывалось «разсматривать у каждой воспитанницы природную склонность, понятіе и успѣхи и упражнять каждую въ томъ искусствѣ, художествѣ или знаніи, къ которому она оказала наибольшую способность, а во все время воспитанія неотмѣнно соблюдать чистоту, учтивость и благопристойность въ поведеніи дѣвицъ *мѣщанскихъ*».

Не смотря на всѣ эти благія мѣры, обнаружилось недовѣріе и къ этому училищу со стороны мѣщанъ-родителей, какъ со стороны дворянъ къ Смольному. Изъ Москвы и всей Московской губерніи оказалось только пять годныхъ къ приему мѣщанскихъ дѣвочекъ.

Съ 1766 г. Екатерина стала помѣщать на свой счетъ въ Смольный и въ училище *пенсіонерокъ*. Къ 1770 г. такихъ пенсіонерокъ было уже 12 въ Смольномъ, да въ училищѣ неопредѣленное число. Изъ Кабинета отпускалось по 300 р. на каждую благородную и по 100 р. на мѣщанскую воспитанницу. Въ то же время Бецкій содержалъ 40 пенсіонерокъ въ училищѣ и 20 въ Смольномъ. Этому примѣру послѣдовали графиня Штакельбергъ, вел. кн. Павелъ Петровичъ, Гр. Гр. Орловъ, Демидовъ. Явились наконецъ и своекоштные воспитанницы, всего 4. Изъ правилъ приема допускались иногда исключенія: дочь Суворова принята 11 лѣтъ; принимались дѣвочки 2-хъ лѣтъ, даже одного года, или разомъ 2 и 4 сестры, съ цѣлію помочь заслуженнымъ родителямъ и доставить возможность большому числу дѣтей получить воспитаніе; иногда дѣвицы оставались въ заведеніи 2—3 года, а иногда 14—17 лѣтъ. Екатерина сама часто посѣщала свои заведенія; иногда пріѣзжала она, по приглашенію воспитанницъ, не только въ торжественные, но и въ обыкновенные дни. Она допускала короткое обращеніе дѣтей съ собою, но никогда не роняла своего величія; знала многихъ дѣвицъ по имени и даже переписывалась съ нѣкоторыми. По поводу одного изъ посѣщеній ея, Бецкій писалъ воспитанницамъ старшаго возраста: «Все въ васъ понравилось и польстило Ея Императорскому Величеству, — ваше чистосердечіе, ваша скромность, ваши манеры, ваши выраженія, все въ васъ до мелочей нашло отголосокъ въ ея благожелательномъ сердцѣ». Въ другомъ письмѣ, по поводу публичныхъ экзаменовъ, Бецкій увѣрялъ, что «удовольствіе публики невыразимо». Журналъ 1769 г. «Полезное съ пріятнымъ» признавалъ, что «прекрасный полъ можетъ возникнуть въ важнѣйшія науки, просто и нѣжно изъясняетъ свои мысли, имѣетъ разумъ, способный къ произведенію въ дѣйство величайшихъ намѣреній».

Въ 1775 г. московскій профессоръ Десницкій въ рѣчи на актѣ проводилъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ и съ радостію замѣчалъ, что въ наши времена всѣми народами прилагается первое стараніе о воспитаніи женщинъ и при томъ съ великимъ успѣхомъ. И по отзыву самой Екатерины, воспитанницы Смольнаго превзошли всѣ ея ожиданія: «успѣхи ихъ удивительны; всѣ находятъ, что онѣ становятся столь же любезными, сколь обогащенными познаніями, полезными для общества и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ безукоризненною нравственностію» — такъ писала она Вольтеру. Г-жа Ляхачева приводятъ интересныя письма ея, Бецкаго и короля Шведскаго къ Смольянкамъ (1, 175—178).

Экзамены воспитанницамъ каждый разъ производилъ совѣтъ и постоянно находилъ, что очень многія изъ нихъ достойны награжденія, такъ что не хватало положенныхъ 8 наградъ и сверхъ ихъ еще было выдаваемо до 10 похвалъ. Встрѣчались дѣвицы такихъ равныхъ достоинствъ, что приходилось бросать жребій, кого изъ нихъ наградить. Въ первомъ выпускѣ (1776 г.) роздано было 8 шифровъ (вмѣсто положенныхъ 6-ти), 5 золотыхъ медалей первой величины, 3 второй величины, 4 третьей величины, 12 медалей серебряныхъ и 12 воспитанницъ объявлены достойными награжденія; только 15 не получили ничего. Шифры повелѣно было носить на груди навсегда. Первыхъ пять воспитанницъ Императрица взяла ко двору и заказала художнику Левицкому портреты четырехъ изъ нихъ. Любимою воспитанницею Екатерины и притомъ *первою по выпуску* была *Глаф. Ив. Алымова* (въ замужествѣ *Ржевская*); она оставила памятныя записки о своемъ пребываніи въ Смольномъ. По словамъ ея, Смольный — «это была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ, общимъ для всѣхъ правиламъ; единымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты». О своемъ пребываніи въ немъ Ржевская говоритъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни; о Бецкомъ отзывается, какъ объ удивительномъ человѣкѣ, котораго воспитанницы уважали, какъ отца и защитника, такъ какъ онъ былъ внимателенъ и справедливъ къ нимъ безъ исключенія. Начальница Де-Лафонъ замѣняла имъ мать, была не только руководительницей ихъ, но *другомъ* (и таковъ былъ о ней отзывъ многихъ смольянокъ). Воспитанницы были вообще очень скромныя, благонравныя дѣвицы, между которыми мало было лѣнивыхъ, непослушныхъ или упрямыхъ. Какъ довольна была Императрица первымъ выпускомъ ихъ, можно видѣть изъ того, что она тогда же пожертвовала 100,000 р. для раздачи ихъ воспитанницамъ въ приданое. Деньги эти были положены въ сохранныю кассу на 6%. Изъ нихъ были производимы ежегодныя выдачи, во 1-хъ, самымъ бѣднымъ воспитанницамъ, на всѣхъ 1,775 р., ежегодно по смерти; во 2-хъ, получившимъ первые 5 шифровъ по 250 р. каждой ежегодно и по смерти;

остальнымъ по 225, по 200, 150, 125 и по 100 р. Мѣщанскимъ воспитанницамъ были розданы при выпускѣ деньги, положенныя въ банкъ по 50 р. при ихъ пріемѣ въ училище; на долю каждой пришлось по 124 р.; часть этихъ денегъ была употреблена на платье и бѣлье имъ. Объ успѣхахъ мѣщанскихъ воспитаницъ извѣстно лишь то, что онѣ при выпускѣ превосходили въ знаніяхъ многихъ изъ пріѣхавшихъ французенокъ; а вообще — ихъ больше обучали рукодѣліямъ.

Безъ особыхъ измѣненій шла жизнь Смольнаго и далѣе. Но когда начальница Де-Лафонъ бывала больною, замѣнявшія ее дамы далеко не способны были продолжать дѣло ея съ тѣмъ же успѣхомъ. Въ 1782 г. Екатерина повелѣла положить въ банкъ семерымъ своимъ пенсіонеркамъ по 2,000 р. каждой на приданое, съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались имъ и до замужества. Въ 1783 г. признано полезнѣйшимъ — преподавать всѣ науки словесныя на *родномъ* языкѣ, опредѣлить классныхъ *учителей*, поручить благонадежнѣйшему изъ нихъ надзоръ за успѣхами дѣвицъ и докладывать о томъ. Тогда же учреждена была коммиссія пародныхъ училищъ, коей повелѣно было разсмотрѣть состояніе тогдашняго ученія въ заведеніяхъ, качества учителей, свойства книгъ, расположеніе занятій. Коммиссія не замедлила представить свой отчетъ, въ которомъ указала не мало замѣченныхъ ею безпорядковъ и особенно то, что дѣвицы не совершенно знаютъ языки и почти забыли свой родной; даже окончившія курсъ ученія воспитанницы едва могутъ выражать свои мысли о самыхъ простыхъ вещахъ, а многія изъ мѣщанокъ не умѣютъ правильно написать свое имя. Причиною этого былъ крайній *безпорядокъ въ расположеніи занятій*, который погашалъ ревность учащихся и приводилъ въ разсѣянность учащихся. Такое отсутствіе въ Смольномъ правильнаго ученія было весьма непріятно императрицѣ и усилило ея охлажденіе къ Бецкому. Коммиссія впрочемъ обвиняла несовершенство приставницъ, учителей и учительницъ, которые сами основательно не знаютъ своихъ предметовъ. Коммиссія указывала мѣры, какъ устранить замѣченные недостатки, рекомендовала преподаваніе наукъ по таблицамъ, субботнія повторенія при участіи всѣхъ учителей, программу занятій и способъ преподаванія: «онъ долженъ быть нагляднымъ, имѣть характеръ бесѣды учителя съ воспитанницами, развивать въ нихъ вниманіе, память, разсудокъ и волю». Въ заключеніе коммиссія указала цѣль, къ которой должно быть отнынѣ направлено воспитаніе дѣвицъ, именно — дѣлать ихъ *добрыми хозяйками, вѣрными супругами и почитательными матерями*. Такимъ образомъ, первоначальная идея *общечеловѣческаго* развитія въ Смольномъ умственныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ силъ дѣвицъ была сужена и специализирована въ *чисто-женскую*.

Осенью 1783 г. въ Смольный назначены были 14 учителей, всѣ рус-

скіе, кромѣ француза и нѣмца. Изъ бывшихъ 39 надзирательницъ оставлено 22, на нихъ было возложено обученіе воспитанницъ рукодѣлю и обязанность читать съ ними книги подъ руководствомъ учителей. Императрица потребовала отъ учителей и воспитательницъ, чтобы они представили ей письменныя свидѣтельства объ успѣхахъ дѣвицъ. Оказалось, что общій уровень знаній невеликъ: признаны были достойными медалей такія, которыя успѣли посредственно, въ однихъ предметахъ оказали нѣкоторые успѣхи, а въ другихъ нетвердые. Начальница и классныя дамы представили свои замѣтки о характерахъ дѣвицъ. 25 февраля 1785 г. императрица присутствовала при выпускѣ, сама раздавала награды, слушала рѣчь къ ней одной изъ воспитанницъ и трехъ выпускныхъ взяла ко двору. Послѣ выпуска нѣкоторымъ изъ пенсіонерокъ ея было выдано по 2,000 р., кромѣ слѣдовавшей имъ части процентовъ изъ 100 тысячъ, пожалованныхъ прежде на приданое. Этимъ выпускомъ закончился блестящій періодъ Воспитательнаго Общества ¹⁾.

Подъ конецъ своего царствованія Екатерина, утомленная, одряхлѣвшая и озабоченная, не проявляла уже такого горячаго интереса къ Смольному, какъ прежде, и не такъ часто пріѣзжала туда. Она приходила къ убѣжденію, что русское общество относилось къ новому воспитанію слишкомъ равнодушно, и что ей трудно передѣлать то, что слагалось вѣками. Къ тому же Бецкій въ 1785 г. ослѣпъ и отъ Смольнаго почти совсѣмъ былъ устраненъ. Съ введеніемъ новой учебной системы и ея пріемовъ составъ учителей началъ очень часто измѣняться, новая программа и новый методъ преподаванія не выполнялись, многое шло по старому. Недостатки въ ходѣ ученія, неудобство преподаванія наукъ по таблицамъ, непрактичность повтореній субботнихъ, при собраніи всѣхъ учителей и пр. были указаны уже послѣ смерти Екатерины. Въ 1795 г. видимъ въ Смольномъ *русскую* учительницу — дѣвицу *Климову* (которой поручено обучать французскому чтенію) и одну изъ мѣщанскихъ дѣвицъ — *Крепейнз*, въ качествѣ помощницы учителя. На мѣста надзирательницъ все еще назначались большею частью иностранки. Совѣтъ два раза представлялъ Екатеринѣ докладъ о необходимости прибавить на содержаніе Смольнаго еще 40,000 р., такъ какъ цѣны на всѣ предметы потребленія увеличились болѣе чѣмъ вдвое, и такъ какъ многіе наставники выходятъ изъ заведенія ради малаго жалованья, получая въ частныхъ домахъ несравненно болшую плату. Но государыня отложила прибавку до другого удобнѣйшаго времени, а на

1) Въ 1784 г. на средства Бецкаго было учреждено училище повивальнаго искусства и операторства, куда допускались лица обоюго пола, а съ 1794 г. повелѣно было учить повивальному искусству еще 12 воспитанницъ, выбранныхъ изъ Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

уплату долговъ повелѣла въ 1795 г. взять 100,000 р. изъ экономическихъ Государственнаго Заемнаго Банка суммъ. Долги заведенія возникли отчасти изъ роскошнаго содержанія воспитанницъ, отчасти изъ того, что въ послѣдніе годы Екатерины въ Смольномъ давалось не только воспитаніе начинающимъ жизнь, но и пріютъ желающимъ отдохнуть отъ нея. Князь Щербатовъ въ 1789 г. сурово отзывался о ходѣ дѣлъ въ Смольномъ, говоря, что изъ него не вышло ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, и воспитаніе ихъ болѣе состояло въ томъ, чтобы играть комедіи, нежели исправлять сердце, нравы и разумъ. Но Екатерина и не думала образовывать *ученыхъ* женщинъ, а желала только содѣйствовать смягченію грубыхъ нравовъ русскаго общества. И лица, избранныя ею, исполняли свои обязанности добросовѣстно, относились къ дѣтямъ ласково, съ любовью. Извѣстная уже намъ воспитанница Смольнаго Г. И. Алымова (Ржевская) въ запискахъ своихъ свидѣтельствуешь, что воспитаніе въ Смольномъ было хорошее, воспитанницы привыкали думать и разсуждать и жили дружно. Ея отзывы подтверждаютъ сенаторъ Соймоновъ и кн. И. М. Долгорукій, два раза бывшій женатымъ на смолянкахъ. Князь лично зналъ многихъ смолянокъ, подругъ своихъ двухъ женъ, встрѣчался съ ними въ свѣтѣ и въ провинціи и о большинствѣ ихъ отзывается, какъ о любезныхъ, добронравныхъ, милыхъ, веселыхъ и хорошихъ дѣвушкахъ, а о нѣкоторыхъ говоритъ даже съ благоговѣніемъ. Смолянка Е. И. Нелидова (по отзыву князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго) имѣла благотворное и безкорыстное вліяніе на самого императора Павла и не разъ спасала невинныхъ людей отъ его гнѣва. Во всякомъ случаѣ неоспоримо то, что воспитаніе въ Смольномъ было выше того, какое давалось въ частныхъ домахъ и пансіонахъ, и что смолянки были болѣе человѣчны, болѣе развиты, болѣе умѣли держать себя въ обществѣ, содѣйствовали смягченію его нравовъ и были подготовлены давать первыя наставленія дѣтямъ. Но конечно, онѣ вступали въ свѣтъ и въ жизнь не приготовленными къ нимъ; онѣ довольствовались настоящимъ и не думали о будущемъ. Воспитаніемъ ихъ едва ли было довольно тогдашнее общество, забывая, что никакіе учебники, никакіе методы преподаванія не могутъ научить дѣвушку тому, что придется ей встрѣтить въ жизни. Эта мысль высказывалась тогда же и печатно въ журналѣ «Собесѣдникъ»: *«оканчиваетъ же воспитаніе свѣтское обращеніе»*. «Живописецъ» Новикова *иронически* нападалъ на ученыхъ жещинъ; въ немъ «щеголиха» утверждала, что не географія, не математика, не исторія, не физика пужны для женщинъ, а *умъ и нравы*. Но встрѣчался и болѣе свѣтлый, вѣрный взглядъ на воспитаніе тогдашнее, и этотъ взглядъ выраженъ Карамзинымъ въ его «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ». Къ концу царствованія ея всѣхъ воспитанницъ въ Смольномъ было 503 (368 благородныхъ и 135 мѣщанскихъ,

зпачить 43-мя болѣе положеннаго уставомъ числа); а всего за 32 года существованія Воспитательнаго Общества получили въ немъ воспитаніе 1316 дѣвиць; окончили курсъ 440 въ Смольномъ и 410 въ училищѣ.

Что же касается частныхъ женскихъ пансіоновъ въ исходѣ XVIII в., то содержателями ихъ въ С.-Петербургѣ были иѣмцы, и пансіоновъ ихъ было въ 1784 году 26, да въ Москвѣ 10; но въ нихъ русскому языку не учили, всѣ науки преподавались на французскомъ языкѣ, котораго дѣти не понимали. Были и русскія школы — въ С.-Петербургѣ 17, въ Москвѣ 1; но онѣ были такъ плохи, что комиссія народныхъ училищъ закрыла ихъ, какъ совершенно бесполезныя.

Такъ шло образованіе женщинъ въ столицѣ, а въ провинціяхъ, въ среднемъ дворянскомъ кругу, даже грамотныхъ дѣвушекъ было мало; тамъ на образованіе женщинъ не было и запроса. И если появились въ нѣкоторыхъ городахъ пансіоны, то они были случайны и существовали недолго. Ихъ поддерживали, лишь бы дѣти научились французскому языку и танцамъ. Мелкія уѣздныя дворянки убѣждены были, по словамъ «Живописца», что грамота нужна *для поповъ*. Но уже появлялись и противоположныя мнѣнія, что не годится безъ грамоты выдать дочь замужъ, и женихи стали искать такихъ невѣстъ, которыя умѣли бы читать и писать. Читали, однако, женщины преимущественно романы, а всего болѣе увлекались французскими модами, французскими разговорами, французскою внѣшностію. Танцы считались важнѣе ученія, и даже образованный Болотовъ возплъ своихъ дочерей въ Москву для обученія танцамъ и не жалѣлъ платить за это немалыя деньги.

Какъ ни были неблагопріятны условія для женскаго образованія, все же оно, хотя медленно, подвигалось, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ общества. И если о московскихъ дамахъ 70-хъ годовъ встрѣчаемъ отзывъ иностранца не въ пользу ихъ, то о петербургскихъ дамахъ конца 80-хъ годовъ являются весьма благопріятные отзывы. Графъ Сегюръ писалъ, что онъ встрѣчалъ *много* дамъ и дѣвиць, говорящихъ на 4—5 языкахъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ извѣстнѣйшими писателями Франціи, Италіи, Англіи. Англичанинъ Кларкъ писалъ о женщинахъ, воспитавшихся при Екатеринѣ: «въ классѣ дворянъ, женщины гораздо выше мужчинъ: онѣ кротки, часто весьма образованы, прекрасны, обладаютъ всѣми совершенствами». А такъ какъ не всѣ же эти женщины воспитывались въ Смольномъ, то можно думать, что онѣ развили себя, по примѣру Екатерины, чтеніемъ и размышленіемъ. Въ концѣ ея царствованія столичныя женщины читали не только переводные романы, но и серьезныя книги, и отечественныхъ писателей, и вѣдомости. Подражая императрицѣ, онѣ стали и писать въ журналахъ, тѣмъ болѣе, что Новиковъ

всегда охотно печаталъ ихъ сочиненія и переводы, какъ бы они ни были слабы. Да и всѣ крупные авторы относились сочувственно къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ, иные и воспѣвали ихъ. Вотъ имена тѣхъ женщинъ, которыя *первыми* выступили въ печати: *М. В. Храповицкая* (*Сумикова*), получившая блестящее образованіе, знавшая языки Французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій; *Е. А. Сумарокова* (*Гняжнина*), пользовавшаяся вниманіемъ Шувалова и Ломоносова; княжна *Е. С. Урусова*, которую Державинъ называлъ *славною стихотворицей* и которой поэма шумѣла въ свое время и заставила московскихъ профессоровъ въ изумленіи говорить другъ другу: «смотри, пожалуй!»; *А. Ѳ. Ржевская*, упражнявшаяся въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ; ея рукописный романъ читался при Дворѣ Екатерины; *А. И. Вельяшсва-Волынцева*, переводчица «Бранденбургской исторіи» Фридриха II; княжны *Волконскія*, которыхъ переводъ («Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ») хвалили московскіе профессора и отдавали честь ихъ выбору; потомъ переводъ ихъ былъ представленъ самой Екатеринѣ, и она пожелала видѣть переводчицъ и приласкала ихъ въ маскарадѣ предъ всею публикой¹⁾; *М. С. Зубова*, любительница народныхъ пѣсенъ; *Е. В. Неронова* (*Хераскова*), поэтъ и переводчица, которую называли «Россійская Де-ла Сюзъ»; наконецъ, княгиня *Е. Р. Дашкова*, писавшая во всѣхъ родахъ литературы и бывшая президентомъ Академіи Наукъ, и *А. П. Хвостова*, которой «Каминъ», напечатанный въ 2400 экз., разошелся въ одинъ годъ.

Всѣ эти писательницы и другія (которыхъ въ царствованіе Екатерины насчитываютъ до 70) принадлежали большею частію къ сословію знатныхъ; среди нихъ были поэты, переводчицы, драматурги, беллетристки, историки, домоводки. Но кромѣ кн. Дашковой, ни одна изъ нихъ не создала себѣ имени, которое сохранилось бы въ исторіи литературы, и вліяніе ихъ литературной дѣятельности не отразилось на нашемъ языкѣ. А это произошло потому, что въ то время женское образованіе только возникало; женщины впервые получили возможность пользоваться имъ, и притомъ изъ немногихъ источниковъ: для нихъ не было ни университета, ни академіи, ни литературнаго общества, ни частныхъ образованныхъ кружковъ, ни посылки за границу, словомъ — ничего того, чѣмъ пользовались мужчины, которымъ гораздо легче было расширить свои познанія, обогатиться идеями и многосторонне наблюдать жизнь. Не смотря однако на то, что женщины не были поставлены въ равныя съ мужчинами условія, среди нихъ было не мало женщинъ (кромѣ писательницъ) съ отличнымъ умомъ, начитанностію, любовью

1) Екатерина вообще поощряла писательницъ, приглашала ихъ ко Двору, всегда интересовалась литературными произведеніями ихъ и хвалилась ими предъ иностранцами. Но русское общество ея времени еще не считало литературу за серьезную потребность.

къ литературѣ. Здѣсь мы можемъ назвать жепъ Державина и Хераскова, которые, по словамъ знавшихъ ихъ, отличались любовью ко всему прекрасному и выработали правильныя сужденія о разныхъ предметахъ. И. Ѳ. Тимковскій, кн. И. М. Долгорукій, кн. П. А. Вяземскій называютъ нѣсколько умныхъ, образованныхъ и начитанныхъ женщинъ того времени. Даже въ деревенской глуши встрѣчались иногда женщины, заявлявшія сочувствіе писателямъ, вступавшія съ ними въ переписку. Женщины могли воодушевляться и тою мыслию, что въ ихъ время цѣлымъ государствомъ править *женщина*, предъ которою съ благоговѣніемъ преклоняются всѣ умные мужчины.

Кромѣ Смольнаго и училища для мѣщанскихъ дѣвицъ, Екатерина намѣревалась (1776) основать по всѣмъ городамъ и многолюднымъ селеніямъ училища для всѣхъ тѣхъ, кои пожелаютъ учиться. Здѣсь, конечно, разумѣлись дѣти обоаго пола¹⁾. Въ 1781 году Екатерина открыла на свой счетъ Исаакіевское училище въ С.-Петербургѣ; по ея примѣру, тогда же возникло еще 6 училищъ, и въ числѣ учащихся были и дѣвочки, но число ихъ всегда было значительно меньше числа мальчиковъ. А во многихъ губерніяхъ число учащихся дѣвочекъ было совсѣмъ ничтожно; въ Вятской же (1784), въ Московской (1794), въ Тверской, въ Смоленской въ народныхъ школахъ не было *ни одной* дѣвочки! Повторяемъ еще разъ, что русское общество къ образованію женщинъ относилось съ недовѣріемъ. Большинство депутатовъ, вызванныхъ въ 1767 г. въ Комиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія, желало заведенія школъ и училищъ исключительно для мальчиковъ, и только депутаты Малороссійской губерніи выразили мысль, по уполномочію своему, что *и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ воспитаніи*, и указывали на монастыри, какъ наиболѣе подходящее мѣсто для воспитанія и обученія дѣвочекъ. Въ другихъ губерніяхъ отцы и матери держались того убѣжденія, что ихъ дѣтямъ нужно только чтеніе и письмо, а прочія науки не нужны. Въ 1786 г. изданъ былъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ. Но успѣхамъ народнаго образованія мѣшало и то, что не было сколько-нибудь подготовленныхъ учителей. Положено было готовить ихъ при С.-Петербургскомъ главномъ народномъ училищѣ, а для этого содержать и обучать на казенный счетъ 100 человекъ изъ бѣднаго класса. Учреждена была въ 1787 г. учительская семинарія, гдѣ главнымъ образомъ предполагалось упражнять въ способахъ ученія; но присланные въ нее молодые люди большею частію оказались непригодными по разнымъ причинамъ.

1) Въ 1776 г. вмѣнено было въ обязанность Приказамъ общественнаго призрѣнія заводить училища, но это ни къ чему не повело: Приказы не открыли почти ни одного училища, потому что ни учителей, ни книгъ не откуда было взять, и ученики не являлись.

А приготовленные не долго оставались въ своей должности и переходили на другія мѣста, лучше оплачиваемыя.

Важнымъ и едва ли не единственнымъ недостаткомъ женскаго образованія при Екатеринѣ было то, что *женщины не были привлечены правительствомъ къ обученію хотя бы въ малыхъ школахъ*, а вѣдь для народа нашего *учительницы* издавна были явленіемъ привычнымъ. Недопущеніе ихъ въ школы тѣмъ болѣе странно, что разрѣшали же имъ открывать пансіоны и частныя школы. Вѣроятно, учительницъ въ народныхъ школахъ не было потому, что не было для нихъ особой семинаріи, гдѣ бы онѣ подготавливались къ этому дѣлу. Какъ бы ни было, по это отсутствіе педагогическаго образованія женщинъ задержало ходъ образованія народнаго. Помимо этого недостатка, итоги женскаго образованія при Екатеринѣ состояли въ слѣдующемъ: до Екатерины въ Россіи не было *ни одного* правительственнаго учебнаго заведенія для женщинъ, кромѣ плохихъ частныхъ пансіоновъ; а въ годъ ея смерти, кромѣ Смольнаго и училища для мѣщанскихъ дѣвицъ, училось 1121 дѣвочка въ народныхъ училищахъ. За все же время существованія училищъ (за 16 лѣтъ) всѣхъ учившихся дѣвочекъ было 12,595. Пусть незначительны эти итоги, но важно то, что при Екатеринѣ женщины всѣхъ сословій получили доступъ къ образованію, что для нихъ явились мѣста, гдѣ онѣ могли учиться, что Екатерина вѣрно и широко понимала дѣло общаго образованія и признавала его, одинаково для обоого пола, дѣломъ государственнымъ, могущимъ доставить благоденствіе всему русскому народу.

Таково существенное содержаніе *первой* книги г-жи Лихачевой. Своимъ сжатымъ извлеченіемъ мы едва намекнули на богатство состава ея ¹⁾. Переходимъ ко 2-й книгѣ. Здѣсь Е. І. Лихачева работала преимущественно по рукописямъ архивовъ; а изъ печатныхъ источниковъ, *кромѣ нѣкоторыхъ прежнихъ писателей*, она пользовалась трудами Аладыной, графини Блудовой, фонъБрадке, Бутовской, Бѣликова, барона Бюлера, маркизы Вестминстеръ, Вигеля, протоіерея Воскресенскаго, кн. Вяземскаго П. П., Гаршина, Данилевскаго Гр., Жихарева, Закревской, Измайлова А., Кампе, Квитки, Колбасина, Лукашевича І., Макѣва, Нелединскаго, Никитенко А., Пелли, Пономарева, Пучковой, Пушкина, Рибопьера, Руссова, Селезнева, Смирновой, Спигирева, гр. Сперанскаго, Стоюнина, Тимченко-Рубана, кн. Хилковой, Шмида, Шугурова, Шумигорскаго, Щелкова и множествомъ журналовъ.

По кончинѣ Екатерины II (1796 г.), императоръ Павелъ назначилъ главною начальницею Воспитательнаго Общества императрицу Марію Тео-

1) Воспитательныхъ Домовъ, учрежденныхъ въ Москвѣ (1763 г.) и въ С.-Петербургѣ (1767) мы здѣсь вовсе не касались. См. о нихъ преимущественно во 2 кн., стр. 22—26, 32.

доровну. Императрица на другой же день извѣстила совѣтъ его, что она жалуетъ Обществу благородныхъ дѣвицъ по 15,000 р. ежегодно; своимъ примѣромъ увлекла она семь особъ Царскаго семейства, которыя также ежегодно жертвовали всѣ вмѣстѣ по 25,000 р. Императрица Марія немедленно познакомилась съ состояніемъ Воспитательнаго Общества во всѣхъ частяхъ его и проявила необычайную дѣятельность въ улучшеніи дальнѣйшаго хода его. Въ сотрудницы себѣ она пригласила и великихъ княженъ, поручивъ имъ завѣдываніе разными частями Общества и требуя отъ нихъ отчетовъ. Сама она входила во всѣ мелочи хозяйства, въ составъ служащихъ, въ положеніе дѣвицъ и особенно горячо заботилась о здоровьѣ ихъ; съ этою цѣлью она осматривала ихъ спальни, тюфяки, бѣлье, передѣлала театръ въ спальни, увеличила число классныхъ комнатъ. Растрату въ заведеніи она покрыла изъ своихъ средствъ, у государя испросила 22,000 прибавочныхъ на содержаніе заведенія и 73,215 р. на уплату долговъ его. Затѣмъ, самое живое вниманіе обратила она на осторожный выборъ надзирательницъ и учителей. А такъ какъ въ это время явилось уже много желающихъ отдать своихъ дѣтей въ Воспитательное Общество, то императрица потребовала къ себѣ списки всѣхъ поступающихъ дѣвицъ съ подробными свѣдѣніями о ихъ родителяхъ. Видя ростъ заведенія, она прислала совѣту свой проектъ переустройства Воспитательнаго Общества и просила обсудить его со всею свободою, обѣщая принять съ благодарностію всякое полезное замѣчаніе. Въ проектѣ своемъ она предложила принимать благородныхъ дѣтей 8-ми—9-ти лѣтъ и оканчивать воспитаніе ихъ черезъ 9 лѣтъ, мѣщанокъ принимать 11—12 лѣтъ и оставлять въ заведеніи 6 лѣтъ; выпуски такимъ образомъ будутъ чаще и число образованныхъ дѣвицъ скорѣе увеличится; благородныхъ дѣвицъ принимать 300, мѣщанокъ 100 и отнюдь не смѣшивать благородныхъ съ мѣщанками. Для пенсионерокъ она оставляла 40 вакансій. Совѣтъ одобрилъ всѣ предложенныя ею мѣры, но императоръ Павелъ не согласился на уменьшеніе числа мѣщанскихъ дѣвицъ и велѣлъ по прежнему принимать ихъ 200, а на содержаніе ихъ ежегодно выдавать потребную сумму. Перемѣны, введенныя императрицей Маріей, отчасти измѣняли систему прежняго воспитанія (которое отчуждало дѣтей отъ семьи, отбирая ихъ отъ родителей слишкомъ *рано* и возвращая *поздно*), но не отмѣнили закрытую систему воспитанія. Императрица, воспитанная въ духѣ Руссо и въ строгихъ нравственныхъ правилахъ, образованіе подчиняла воспитанію и первое мѣсто въ воспитаніи женщины давала развитію сердца и характера, придерживаясь убѣжденія своей матери, что по многимъ причинамъ не хорошо, чтобы женщина изучала и пріобрѣтала слишкомъ обширныя познанія. Она строго охраняла сословность, добросовѣстно вникала въ мельчайшія подробности заведенія, любила и умѣла водворить

во всемъ порядокъ и экономію и неустанно трудилась всякій день. Понимая общественную пользу, какую принесетъ воспитаніе и образованіе дѣвицъ, она поставила его на *практическую* почву, чтобы вѣрнѣе обезпечить будущность воспитанницъ. Широкая цѣль Екатерины — перевоспитать весь народъ замѣнена была цѣлями сословными и благотворительными.

При выпускѣ изъ Воспитательнаго Общества въ 1797 г. императрица Марія, кромѣ наградъ воспитанницамъ¹⁾, щедро осыпала наградами воспитателей, испросивъ у Государя однимъ крестьянъ съ землею, другимъ — знаки отличія, пенсіи, увеличеніе жалованья, полное содержаніе въ зданіяхъ Воспитательнаго Общества. При новомъ приѣмѣ дѣвицъ, императрица Марія главнымъ образомъ заботилась о томъ, чтобы доставить *настоящему бѣдному* дворянству способы къ воспитанію дѣтей. Въ мѣщанское же отдѣленіе Смольнаго принимались дочери купцовъ, священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, придворныхъ служителей. Въ составѣ воспитательницъ явились преимущественно пѣмки.

Ограничивъ приѣмъ въ Общество мѣщанскихъ дочерей, императрица Марія нѣсколько времени обдумывала мысль — завести для нихъ особенное учрежденіе и способнѣйшихъ изъ нихъ готовить въ классныя дамы. Лѣтомъ 1797 г. она открыла на свои средства сиротское училище для 40 бѣдныхъ сиротъ *не дворянъ* и кромѣ ихъ содержала въ немъ 10 пенсіонерокъ изъ дочерей придворныхъ служителей. Это было *первое* заведеніе, основанное ею. Черезъ 3 года это училище переименовано въ Маріинскій институтъ. Въ 1811 г. она дала ему уставъ и во всю жизнь свою содержала заведеніе на свои средства.

Въ 1798 г. открыто было въ С.-Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, на 60 воспитанницъ, которое содержалось преимущественно кавалерственными дамами ордена св. Екатерины и потому названо было Екатериинскимъ. Императрица Марія съ своимъ семействомъ ежегодно жертвовала на него 16,000 р., а императоръ Павелъ повелѣлъ отнискать ему 8,000 р., подарилъ Итальянскій дворецъ для помѣщенія, а впоследствии выстроилъ ему обширный домъ.

Въ томъ же году основано женское отдѣленіе Императорскаго Военно-сиротскаго дома (переименованное потомъ, при императорѣ Николаѣ, въ Павловскій институтъ). Домъ раздѣлялся на два отдѣленія — для благородныхъ дѣтей и для солдатскихъ, и въ обоихъ воспитывалось неограниченное число бѣдныхъ дѣтей и сиротъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, отдѣльно другъ отъ друга, и безъ различія вѣроисповѣданій. Законъ Божій преподавался

1) Первую изъ нихъ Черепанову она назначила фрейлинъ: единственный примѣръ во всей исторіи Смольнаго *при выпускѣ* изъ него.

здѣсь «по рожденію родителей». Учебная программа женскаго отдѣленія была шире мужской, и усиѣвшія въ наукахъ дѣвицы могли занимать мѣста учителей въ случаѣ болѣзни ихъ. По окончаніи курса, бѣднѣйшія дѣвочки оставались въ вѣдомствѣ заведенія и получали отъ него годовые паспорта; но, поступаая въ частныя дома въ услуженіе, обязаны были отдавать $\frac{1}{8}$ часть своего жалованья въ пользу заведенія, а если поступали въ учительницы его, то удерживали все жалованье за собою. При выходѣ замужъ получали денежное приданое изъ экономическихъ суммъ заведенія. Замѣтимъ при этомъ, что при имп. Екатеринѣ образованіе давалось даромъ, безъ всякаго возврата издержекъ; но при пей воспитанницы Смольнаго пазначались на мѣста учительницъ случайно, а теперь закопъ обезпечивалъ за ними право ученія, хотя пока только въ мѣстѣ воспитанія.

Въ 1801 г. учрежденъ былъ въ Москвѣ Практическій акушерскій Институтъ на пожертвованныя Демидовымъ 20,000 р.

Въ 1802 г. императрица Марія открыла въ Гатчинѣ Сельскій Воспитательный Домъ на 700 и болѣе младенцевъ обоого пола.

Въ томъ же году она составила планъ Училища св. Екатерины въ Москвѣ (подобно существующему въ С.-Петербургѣ) для московскаго бѣднаго дворянства, на 60 дочерей оберъ-офицеровъ; имп. Александръ I назначилъ на содержаніе его 18,000 р. ежегодно, а имп. Марія и другіе члены Царскаго Дома вносили по 16,000 р., также ежегодно. Училище было открыто въ февралѣ 1803 г. въ домѣ, подаренномъ ему императрицей Марією. (Въ 1830 г. въ институтѣ была устроена церковь, освященная митрополитомъ Филаретомъ).

Такимъ образомъ, во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ лишь въ столицахъ, могли получать образованіе 600 штатныхъ воспитанницъ, кромѣ пенсіонерокъ. Но всѣ эти заведенія еще не удовлетворяли потребностямъ недостаточнаго дворянства всей имперіи, и императрица Марія стала заботиться объ учрежденіи женскихъ учебныхъ заведеній для дворянъ въ губернскихъ городахъ — Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, а для мѣщанъ — въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ¹⁾. Государь одобрилъ ея мысли, но съ тѣмъ, чтобы прежде всего было основано училище въ Москвѣ, и оно было открыто въ день его ангела, 30 августа 1805 г. на 80 воспитанницъ. Въ него допускались дѣти мѣщанъ, записанныхъ въ гильдію, священниковъ, лѣкарей, учителей, художниковъ; училище это было названо Александровскимъ.

Въ 1807 г. императрица Марія приняла въ свое вѣдомство женское отдѣленіе Военно-Сиротскаго Дома, гдѣ воспитаніе оказалось въ крайнемъ

1) Мысль объ основаніи въ губерніяхъ общественныхъ училищъ для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ высказывалась и въ тогдашней журналистикѣ (с. 254).

упадкѣ (священника въ немъ не было 5 мѣсяцевъ, и цѣлыми годами совсѣмъ не бывало уроковъ) и образовала изъ него особое Дѣвичье Училище Военно-Сиротскаго Дома. Для содержанія его она испросила у Государя 25,000 р. въ годъ (кромѣ провіанта и одежды), увеличила выдачу приданого воспитанницамъ и купила для училища домъ. Оно назначалось для дочерей военныхъ, не исключая и нижнихъ чиновъ, по 50-ти въ каждомъ отдѣленіи — дворянскомъ и солдатскомъ. Мы уже сказали, что при императорѣ Николаѣ оно переименовано въ Павловскій институтъ.

Въ концѣ 1808 г. императрица обратила вниманіе на *недостатокъ хорошихъ наставницъ* и повелѣла готовить ихъ изъ способнѣйшихъ воспитанницъ обоехъ Воспитательныхъ домовъ; для этого она учредила въ нихъ по два особыхъ класса, каждый изъ 25 дѣвицъ, коимъ въ теченіе 6 лѣтъ преподавались Законъ Божій, арифметика, русскій, нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, чистописаніе, рисованіе, музыка, танцы и рукодѣлія. Выпускныя дѣвицы могли оставаться еще на годъ въ Домѣ, для практическихъ занятій съ младшими воспитанницами.

Въ 1811 г. въ одномъ изъ флигелей Воспитательнаго Дома въ С.-Петербургѣ открытъ былъ *Повисвальнѣй институтъ* на средства, оставленныя Бецкимъ, сначала на 12 воспитанницъ, потомъ еще на 18, на средства министерства полиціи.

Въ 1814 г., когда умножилось послѣ войны число воинскихъ сиротъ, императрица Марія образовала при мѣщанской половинѣ Воспитательнаго Общества отдѣленіе *военное*, для 50 дочерей воинскихъ чиновъ, при Смольномъ также для 50, а въ училищѣ ордена св. Екатерины для 15-ти. Императоръ Александръ принялъ съ чувствительною признательностію эти полезныя распоряженія.

Въ 1819 г. была введена въ особыхъ школахъ при Воспитательныхъ Домахъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ Ланкастерская метода взаимнаго обученія.

Въ 1820 г., по мысли императрицы Маріи, возникли *училища для солдатскихъ дочерей* при гвардейскихъ полкахъ, куда дѣти могли только приходять для ученія и работъ. Императрица собственноручно составила «Учрежденіе» для училищъ солдатскихъ дочерей, въ которомъ опредѣлена была цѣль училищъ: сдѣлать изъ ученицъ добрыхъ хозяекъ и честныхъ работницъ, способныхъ ко всякимъ домашнимъ упражненіямъ. По просьбѣ государя, она приняла и начальство надъ ними; но забота объ училищахъ главнымъ образомъ возложена была на генераль-инспектора. Въ 1820 г. открыто было первое училище въ С.-Петербургѣ, въ 1823 — второе, а въ 1826 еще два — въ Севастополѣ и Николаевѣ, въ каждомъ по 100 дѣвочекъ.

Уже изъ этого перечня видно, какъ обширна была дѣятельность императрицы Маріи по женскому образованію. Для всѣхъ классовъ общества, для всякаго званія, чина и положенія родителей она учреждала особыя заведенія для ихъ дочерей, съ точно опредѣленнымъ курсомъ ученія. Такимъ образомъ, для дворянскихъ дочерей существовало четыре учебныхъ заведенія, въ коихъ было назначено 470 штатныхъ вакансій (изъ нихъ 230 военныхъ); для не дворянъ также четыре заведенія, но пріемъ въ нихъ мѣщанокъ сталъ производиться строже, а большій просторъ давался дѣтямъ разнородныхъ сословій—оберъ-офицеровъ, докторовъ, профессоровъ, придворныхъ лакеевъ, коюховъ, протопоповъ, учителей, почтальоновъ и т. д. Правила пріема нѣсколько разъ измѣнялись, соотвѣтственно чинамъ отцовъ, такъ что наконецъ мѣщанское училище при Смольномъ превратилось въ заведеніе для низшаго дворянства и чиновничества. Собственно для мѣщанокъ существовалъ лишь Маріинскій институтъ на 40 штатныхъ воспитанницъ. Во все время своего управленія женскими учебными заведеніями императрица Марія зорко слѣдила за размѣщеніемъ воспитанницъ по разнымъ заведеніямъ, а на содержаніе своихъ 50 пенсіонерокъ и пенсіонеровъ въ 10 разныхъ учебныхъ заведеніяхъ завѣщала капиталъ въ 429,388 руб. (копѣекъ, вообще, не приводимъ).

Изъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній одно лишь Воспитательное Общество имѣло свой капиталъ, но процентовъ съ него еще при Екатеринѣ не доставало для содержанія. Императрица Марія значительно усилила его средства и сверхъ того испросила ему 30,000 кв. сажень земли. И всѣ другія учебныя женскія заведенія существовали большею частію на счетъ правительства, но стали появляться и пожертвованія. Интересно поступленіе ихъ по времени, и по лицамъ, и по цѣли¹⁾:

Въ 1797 г. отъ игумена Симонтовскаго 3,000 р., «на выдачу 21-го апрѣля, яко день основанія Воспитательнаго Дома, при выходѣ въ замужество дворянокъ, сиротствующихъ дѣвицъ».

Въ 1798 г. отъ графа Шереметева 200,000 руб. на воспитаніе 6 сиротъ.

Въ 1803 г. отъ статсъ-дамы Головкиной 12,790 р. на пенсіонерокъ.

Въ 1805 г. отъ Капитула ордена св. Іоанна Іерусалимскаго 2,000 р. для раздачи при выпускахъ 4-мъ бѣднѣйшимъ дѣвицамъ.

Въ 1805 г. отъ графа Шереметева 8,000 руб. на приданое дворянскимъ дѣвицамъ.

Въ 1805 г. въ теченіе 10 лѣтъ по 3,000 р. ежегодно отъ купца Гусева на содержаніе пенсіонерокъ.

1) Г-жа Е. І. Лихачева указываетъ ихъ по заведеніямъ.

Въ 1805 г. отъ кн. Долгорукаго 8,400 р. на содерж. пенсіонерокъ.

Въ 1807 г. отъ митрополита Сестренцевича 20,000 р., для приготовления гувернантокъ въ *блорусскій* край (потомъ это ограниченіе имъ же отмѣнено).

Въ 1807 г. отъ кн. Куракина 10,000 р. на содержаніе пенсіонерки.

Въ 1808 г. отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны 108,285 р. на содержаніе пенсіонерокъ и отъ камергера Свистунова 10,000 р. на пенсіонерокъ.

Въ 1810 г. отъ княгини Дашковой 8,766 р. на содержаніе пенсіонерки.

Въ 1810 г. отъ княгини Щербатовой 5,000 р. на награды воспитанницамъ.

Въ 1812 г. отъ дѣвицъ Еропкиныхъ капиталъ (?) на выдачу при выпускахъ сиротамъ, на одежду ихъ.

Въ 1816 г. отъ вдовы графа И. А. Безбородко 100,000 р. на образованіе сиротъ и дочерей бѣдныхъ дворянъ.

Въ 1820 г. отъ А. Н. Нарышкиной 150,000 р., въ пользу заведеній.

Въ 1820 г. отъ графа Шереметева 30,000 р. въ пользу заведеній.

Въ 1821 г. отъ графини А. Браницкой 350,000 р. на пенсіонерокъ и выдачу приданаго, и отъ г-жи Жуковой 35,000 р. на воспитаніе бѣдныхъ дворянокъ и выдачу имъ приданаго.

Въ 1825 г. отъ кн. Куракина 25,000 р. на пенсіонерку, съ выдачею награды.

Въ 1826 г. отъ графа Аракчеева 50,000 р. на пенсіонерокъ чиновниковъ въ военномъ поселеніи. Всего же *частныхъ* пожертвованій было 739,241 р. за тридцать лѣтъ (1797—1826).

Около того же времени продано было въ пользу женскихъ учебныхъ заведеній имѣніе, завѣщанное г-жей Хитрово.

Сама же императрица Марія въ духовномъ завѣщаніи своемъ назначила Маріинскому Институту 804,469 р., Московскому Екатерининскому училищу два капитала — въ 18,190 р. асс. и въ 37,200 р. сер., Александровскому училищу 5,801 р., Дѣвичьему училищу 13,600 р. сер., — не говоримъ уже о томъ, что она дарила имъ при жизни. Всего она пожертвовала *болѣе двухъ милліоновъ р.* и кромѣ того давала изъ своихъ средствъ до 50,000 рублей въ годъ на каждое изъ пяти столичныхъ заведеній, не считая платы за ея пенсіонерокъ. Изъ казны единовременно выдано было на женскія учебныя заведенія 1,653,616 р. и ежегодно по 537,064 р. Но всѣ эти цифры представляютъ мінімумъ дѣйствительныхъ суммъ.

Благодаря горячимъ заботамъ императрицы Маріи о женскомъ образованіи, ея личному въ немъ участію, умѣнью организовать его, ея матеріальной поддержкѣ и усиленнымъ стараніямъ доставить женскимъ учебнымъ за-

веденіямъ обильныя средства, образованіе женское при ней находилось, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія. И по сему самому оно составило особую часть, неподвѣдную начальству мужскихъ заведеній.

Мало по малу и въ губерніяхъ возникало желаніе содѣйствовать императрицѣ Маріи. Такъ, въ 1805 г. дворянство Тверской губ. постановило учредить въ Твери институтъ и жертвовало изъ своихъ суммъ 127,210 р.; тогда же игуменія тверского монастыря жертвовала для института землю, келліи и новую церковь, а монахини готовы были служить институту, чѣмъ только могутъ. Жертвователи просили одного лишь, чтобы институтъ ихъ состоялъ подъ начальствомъ императрицы Маріи. Но желаніе ихъ не осуществилось, по недостаточности суммы на устройство и содержаніе института, и только при Московскомъ Екатерининскомъ училищѣ открыто было особое отдѣленіе для 20 бѣдныхъ дворянокъ тверской губ.

Человѣколюбіе императрицы Маріи и императора Александра I выразилось и въ основаніи *Человѣколюбиваго Общества* въ 1802 г. и вызывало въ частныхъ лицахъ такія же идеи и стремленія. Въ 1806 г. основанъ былъ въ С.-Петербургѣ *Домъ Трудолюбія* подполковницей Гавриловой для 50 дочерей бѣдныхъ благородныхъ родителей. Обученіе въ немъ ограничивалось женскими рукодѣліями и начальными научными свѣдѣніями. Въ первый годъ Гаврилова содержала Домъ на средства отъ продажи работъ воспитанницъ и на частныя пожертвованія. Скудость этихъ источниковъ побудила ее просить Государя — принять Домъ въ вѣдѣніе *Человѣколюбиваго Общества*.

Событія 1812 г. вызвали въ С.-Петербургѣ появленіе *Женскаго Патриотическаго Общества*, для облегченія страданій и участи потерпѣвшихъ отъ войны. Общество принято было подъ особое покровительство императрицы Елизаветы; обѣ императрицы опредѣлили ему отъ себя по 3,000 р. ежегодно, а императоръ Александръ назначилъ 50,000 р. ежегодно. Въ февралѣ 1813 г. Патриотическое Общество устроило *Училище женскихъ сиротъ 1812 г.* на 80 воспитанницъ и давало на содержаніе его отъ 15,000 до 23,000 р. въ годъ. Въ вѣдѣніе Патриотическаго Общества поступилъ въ 1816 г. и *Домъ Трудолюбія* Гавриловой, преобразованный въ учебное заведеніе. Дѣла его пошли такъ успѣшно, что въ 1825 г. было въ немъ уже 80 *пенсіонерокъ*, и плата съ нихъ почти покрывала содержаніе дома. Въ немъ воспитывались дѣвочки *разночиннаго* состоянія. А на постройку зданія для *училища женскихъ сиротъ 1812 г.* императрица Елисавета подарила въ 1825 г. 100,000 р. и училище называлось уже *Институтомъ Патриотическаго Общества*. Программа ученія въ немъ была какъ и во всѣхъ институтахъ. Въ 1826 г. состоялся первый выпускъ изъ него 15 дѣвицъ, изъ которыхъ 12 по-

лучили золотыя и серебряныя медали. Дѣвочекъ, желающихъ поступить въ Патріотическій Институтъ, оказалось много, и вмѣсто 80 воспитанницъ положено было принимать 100. Кромѣ института Патріотическое Общество устроило въ 1816 г. въ разныхъ частяхъ Петербурга *женскія рабочія школы* для дѣтей бѣднѣйшаго населенія, которымъ давалось и начальное образованіе. На эти школы императрица Елизавета пожертвовала 10,320 р. Такимъ образомъ, дѣятельность Патріотическаго Общества сосредоточилась на воспитаніи бѣдныхъ дѣвицъ. По смерти императрицы Елизаветы, Патріотическій Институтъ и Домъ Трудолюбія взяла подъ свое покровительство императрица Александра Θεодоровна и переименовала Домъ Трудолюбія въ *Елизаветинское училище*. Въ 1827 г. Патріотическій Институтъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія Патріотическаго Общества по оскудѣнію средствъ его и преобразованъ въ учрежденіе *правительственное*, но за нимъ удержано названіе Патріотическаго Института Комитета 18 августа 1814 г. Императоръ Николай I назначилъ ему изъ суммъ императрицы Елизаветы 16,000 р. на содержаніе пенсіонерокъ ея имени, да еще прежде княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская 5,000 р., въ память своей дочери. Курсъ ученія воспитанницъ въ заведеніяхъ императрицы Елизаветы былъ ограниченъ и быть ихъ проще, чѣмъ въ институтахъ императрицы Маріи.

При такомъ развитіи женскаго образованія въ столицахъ, пробуждалась и провинція. Еще въ 1811 г. въ Харьковѣ дворяне основали Общество благотворенія, имѣвшее первоначальною цѣлю — призрѣніе страждущаго человѣчества — бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, несчастныхъ дѣвицъ, хроническихъ больныхъ. Потомъ оно стало воспитывать мальчиковъ въ пансіонѣ при гимназій, а по предложенію извѣстнаго писателя Гр. Ѳ. Квитки открыло въ своемъ помѣщеніи школу, въ которую набирали *дѣвочекъ, прямо съ моекъ и съ улицы*, а учитель гимназій *бесплатно* обучалъ ихъ. Въ школу стали поступать и дочери бѣдныхъ дворянъ, и въ 1812 г. на домѣ ея явилась надпись: *Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ Общества благотворенія*. Тогда же Общество рѣшило устроить заведеніе для воспитанія на первый разъ 20 дѣвицъ изъ бѣдныхъ дворянъ, собрало 7,000 р. и составило для своего института особенный уставъ. *Это была первая инициатива русскаго общества въ дѣль женскаго образованія*. Уставъ его въ основныхъ чертахъ взятъ былъ изъ устава Бецкаго, но отличался многими особенностями: во главѣ заведенія поставленъ былъ попечитель, избираемый Обществомъ; въ заведеніе принимались бѣдныя дѣвочки только по тщательному удостовѣренію о состояніи ихъ, выдашному особыми *господами-корреспондентами*; въ него допускались не только пенсіонерки, но и полупенсіонерки и даже приходящія; принимались и дѣти купцовъ и другихъ званій (кромѣ мѣщанъ и крестьянъ); иностранныя языки не были обя-

зательны; допущены были наказанія и даже исключенія; въ лицѣ соблюда-лась экономія, въ одеждѣ простота; въ рукодѣліяхъ позволялось брать заказы. Все это явилось существеннымъ отступленіемъ отъ строгой сословности, отъ закрытой системы воспитанія, отъ гуманныхъ началъ императрицы Екатерины, отъ увлеченія иностранными языками и отъ роскошной обстановки. Обученіе наукамъ харьковцы желали ввѣрять *учительницамъ* и только въ случаѣ недостатка ихъ—учителямъ, и посему заботились, чтобы учительницами явились воспитанницы Общества. Въ институтѣ допущены были праздничныя собранія почтенныхъ особъ, танцы, приличные спектакли. Каждый мѣсяць назначались испытанія, а въ концѣ года—публичныя. Награды полагались — одинъ серебряный знакъ, книги, похвальные листы, ноты, картины. Цѣль образованія поставлена была въ томъ, чтобы воспитанницы по выпускѣ изъ института могли быть учительницами въ домахъ помѣщиковъ и собственнымъ трудомъ доставлять себѣ пропитаніе. Общество благотворенія заботилось и о будущности ихъ, о доставленіи имъ мѣсть, о платѣ за ихъ труды и обращеніи съ ними хозяевъ, даже о замужествѣ ихъ и о выдачѣ имъ приданого. Не велики были средства института; но онъ, открытый 10 августа 1812 года, держался 5 лѣтъ, благодаря тому, что профессора и студенты университета и учителя гимназій преподавали въ немъ *даромъ*, а Г. О. Квитка истратилъ почти все свое состояніе на другія, неизбѣжныя въ новомъ заведеніи издержки. Онъ же печаталъ отчеты Общества и въ мѣстныхъ, и въ столичныхъ изданіяхъ, всячески стараясь заинтересовать читателей судьбою института. Осенью 1816 г. былъ въ немъ первый выпускъ, проведенный торжественно и сердечно. Когда начался аукціонъ работъ воспитанницъ, нѣкоторые гости за вещь, стоящую 5 рублей, платили по 100 и по 200 р. Выпускныхъ было только 3 дѣвицы, а всѣхъ 60 (20 штатныхъ и 40 пенсіонерокъ). Послѣ выпуска многіе родители пожелали отдать въ институтъ своихъ дочерей, и даже одна изъ выпускныхъ скоро приобрѣла себѣ довольно ученицъ. Въ 1816 г. Совѣтъ Общества купилъ землю и рѣшилъ приступить къ постройкѣ каменнаго дома.

Лѣтомъ 1816 г. посѣтилъ институтъ великій князь Николай Павловичъ и, осмотрѣвъ его, сказалъ: *«Подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ Россіи я не находилъ еще»*, и обѣщалъ писать императрицѣ Маріи, чтобы она припяла институтъ подъ свое покровительство. Императрица приняла на свой счетъ двухъ пенсіонерокъ, а на просьбу Совѣта о принятіи института въ свое вѣдомство предложила нѣкоторыя условія, которыя, разумѣется, были немедленно приняты харьковцами. Въ 1818 г. императрица Марія повелѣла Совѣту еженедѣльно доносить ей о занятіяхъ, прилежаніи и поведеніи воспитанницъ и благосостояніи заведенія. 10 мая 1818 г. по-

слѣдовало торжественное открытіе Харьковскаго Института. Принятіе его императрицею Маріею было счастливѣйшею и важнѣйшею эпохою въ существованіи его: не будь этого, пришлось бы закрыть его, по оскудѣнію средствъ для его содержанія. Теперь же, когда императрица стала во главѣ его и назначила отъ себя по 3,000 р. ежегодно, явились и частныя пожертвованія: отъ неизвѣстнаго 1,000 р., графа Каменскаго 1,000 р., Иваненка ежегодно по 1,000 р., Демидова 20,000 р. (Портретъ Демидова императрица повелѣла поставить въ залѣ института). Все-таки жалованья учителямъ его не полагалось на томъ основаніи, что и доселѣ учителя не получали его. Введено было преподаваніе французскаго языка, прибавлены нѣкоторые предметы, и вообще программа стала сходною съ программами столычныхъ институтовъ. Въ институтъ стали поступать не однѣ бѣдныя дѣвочки; плата за пенсіонерку возвышена до 825 р.; число пенсіонерокъ частныхъ возрасло въ 1825 г. до ста и болѣе (одной граф. Чернышевой было 27 пенсіонерокъ), и для института купленъ былъ просторный домъ. Въ 1828 г. состоялось Высочайшее повелѣніе Приказамъ Общественнаго призрѣнія пяти окрестныхъ губерній вносить ежегодно по 4,000 р. на содержаніе института, съ правомъ содержать въ немъ по 2 и по 3 дѣвицы отъ губерній. По духовному завѣщанію императрица Марія оставила ему 13,500 р. с., пока онъ существовать будетъ.

Можно думать, что проѣздъ въ 1816 г. великаго князя Николая Павловича изъ Харькова чрезъ *Полтаву* побудилъ полтавскихъ дворянъ основать свой благотворительный институтъ. Въ печати тогда же было заявлено, что харьковскій институтъ явился плодомъ благотворительности *несколькихъ* членовъ Общества, а полтавское дворянство *все* одушевилось ревностію къ просвѣщенію и благотворительности. Въ собраніи дворянства въ январѣ 1817 г. постановлено было—составить нужный капиталъ взносами по 50 коп. съ каждой владѣемой души. Комитетъ министровъ разрѣшилъ учрежденіе института, но съ тѣмъ, чтобы пожертвованія дворянъ пали не на крестьянъ ихъ. Собрано было 300,000 р. и составленъ проектъ устава. Но въ этомъ уставѣ не замѣтно того внимательнаго отношенія къ воспитанницамъ, какимъ дышетъ харьковскій. Курсъ ученія здѣсь опредѣлялся въ 9 лѣтъ, но предметы ученія не обозначались. Штатныхъ воспитанницъ полагалось 15, по числу уѣздовъ губерніи, а пенсіонерокъ—сколько позволить помѣщеніе; плата за пенсіонерку назначена въ 1,000 р., кромѣ одежды. Цѣль института ставилась не въ одномъ образованіи дѣвицъ, но и въ приготовленіи ихъ для воспитанія другихъ. Главное управленіе институтомъ ввѣрялось попечительницѣ—супругѣ начальника края, княгинѣ В. А. Репниной, Совѣту изъ предводителей дворянства и двухъ лицъ изъ среды родителей, по выбору дворянъ. Совѣтъ принималъ на себя заботу о воспи-

ташницахъ и по выпускѣ ихъ, *на всю ихъ жизнь*. С. М. Кочубей уступилъ для помѣщенія домъ, въ которомъ уже былъ женскій пансіонъ французенки Реньи; пансіонъ былъ преобразованъ въ институтъ, и Реньи назначена начальницею его. Открытіе его послѣдовало въ день рожденія государя — *12 декабря 1818 г.* По просьбѣ княгини Репниной отъ лица всего дворянства, императрица Елизавета приняла институтъ подъ свое покровительство, взяла на свой счетъ трехъ пенсіонерокъ, а для наградъ при выпускѣ назначила 3 шифра и 3 медали. Явился и частныя пожертвованія, которыя по 1825 г. составили 12,677 р., а плата за пенсіонерокъ—86,913 р. Въ 1826 г. былъ первый выпускъ 10-ти пенсіонерокъ изъ 83 воспитанницъ. Публичный экзамень состоялъ изъ множества предметовъ, въ томъ числѣ—статистики, естественной исторіи, физики, астрономіи, мпѳологіи и пр. Бѳольшую часть предметовъ преподавала, вмѣстѣ съ другими учительницами, выписанная изъ Франціи образованная женщина. Съ теченіемъ времени, какъ водится, образовалась значительная недоимка за дворянствомъ, уменьшалось и число пенсіонерокъ, и къ 1827 г. Институтъ былъ уже въ долгу на 58,000 р. Въ заботѣ о судьбѣ его, кн. Репнинъ полагалъ уменьшить плату за пенсіонерку до 800 р., и строго взыскивать недоимку, а до того просилъ у Государственнаго Совѣта 50,000 р. заимообразно на одинъ годъ и 200,000 р. на 10 лѣтъ, безъ процентовъ, для постройки каменнаго дома. Императоръ Николай повелѣлъ заимствовать изъ Приказовъ общественаго призрѣнія полтавскаго, черниговскаго и кіевскаго по 14,000 р. въ годъ, съ правомъ помѣщать въ институтъ 20 пенсіонерокъ, съ платою по 700 р.; въ число ихъ принимать и дочерей *купцовъ 1-й и 2-й имѳдн*, всего 10 изъ трехъ губерній; опредѣлить на счетъ государя 10 воспитанницъ навсегда и выдать сумму на постройку дома. И хотя полтавское дворянство уже не давало средствъ на содержаніе Института, но въ память того, что оно основало его, сохранено было за нимъ названіе — *Полтавскій институтъ благородныхъ дѣвицъ*, а въ 1828 г. составлено было для него Положеніе, подъ покровительствомъ императрицы Александры Ѳеодоровны.

Кромѣ институтовъ харьковскаго и полтавскаго, возникли въ Симбирскѣ и Москвѣ *Дома Трудолюбія*, по образцу петербургскаго. Въ Симбирскѣ Женское Общество христіанскаго милосердія, руководимое г-жей Ивановой, учредило въ 1820 г. Домъ Трудолюбія для воспитанія бѣднѣйшихъ дѣвицъ. Императрица Елизавета назначила ему отъ себя по 1,000 р. въ годъ и 5,000 р. изъ Шереметевскаго капитала. На счетъ Общества содержалось 10 воспитанницъ; пенсіонерки допускались съ платою 300 р. въ годъ. Всѣ науки въ домѣ преподавалъ *свящ.* Лука Крестовскій, *безъ всякой платы*. Черезъ 4 года Общество имѣло уже собственныи домъ и 55,671 р. капитала. Императоръ Александръ назначилъ ему отъ себя 5,000 р. ежегодно. Въ

1847 году Домъ былъ переименованъ въ *Симбирское Елизаветинское Училище*.

Въ Москвѣ Домъ Трудолюбія возникъ въ 1824 г. по мысли княгини Голицыной. Императрица Елизавета назначила ему по 1,000 р., государь опредѣлилъ по 13,020 р. ежегодно; Московское Городское Общество по 3,000 р. Въ домъ принимались бѣдныя дѣвицы, предпочтительно сироты, свободнаго состоянія, и оставались до 20 лѣтъ. Ихъ обучали преимущественно рукодѣліямъ, чтобы дать имъ возможность содержать себя трудами. Начальство Дома прискивало для нихъ мѣста. Домъ былъ заведеніемъ строго закрытымъ. Изъ пожертвованій ему замѣчательнъ даръ купца Губина—150,000 рублей на содержаніе 10 пенсіонерокъ и на выдачу имъ приданаго. Въ 1847 г. Домъ переименованъ въ *Елизаветинское училище*. Но императрица Елизавета стояла къ своимъ заведеніямъ гораздо дальше, чѣмъ императрица Марія къ своимъ; она не входила въ подробности воспитанія и мало заботилась о дѣвицахъ.

Почти въ то же время (въ 1823 г.) казанская помѣщица *М. Н. Родіонова* пожертвовала, для основанія института въ *Казани*, имѣніе, приносящее дохода до 20,000 р. и вслѣдъ затѣмъ жертвовала имѣніе своей дочери, такъ что все приношеніе ея было оцѣнено въ 283,600 р. Но наследники Родіоновой затѣяли процессъ, дѣло затянулось, и *Казанскій институтъ* былъ открытъ уже по смерти императрицы Маріи.

Въ Одессѣ еще съ 1806 г. существовалъ частный *дѣвичій пансіонъ* иностранца Вольсея, пріобрѣтенный потомъ правительствомъ. Въ 1814 г. городъ взялъ на себя плату за его помѣщеніе, а градоначальникъ Одессы, герцогъ Ришелье, назвалъ его *Дѣвичьимъ Институтомъ* и ввѣрилъ его особой Коммиссіи изъ семи лицъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Курсъ ученія продолжался 6 лѣтъ, пенсіонерная плата 600 р. и одновременно 100 р. на учебныя пособія. Заведеніе не было строго закрытымъ. Послѣ Ришелье институтъ пошатнулся и задолжалъ 17,000 р. Преемникъ Ришелье, графъ Ланжеронъ, привлекъ къ заведенію дворянство Екатеринославской и Херсонской губ. (которое обязалось содержать въ немъ 14 пенсіонерокъ), испросилъ разрѣшеніе на 16 казенныхъ пенсіонерокъ, повысилъ плату до 1,000 р., но все-таки долги института не уменьшились, а возрасли до 33,550 р.; дворянство въ 1824 г. отказалось отъ содержанія пенсіонерокъ. Новый начальникъ края, гр. М. С. Воронцовъ, просилъ императрицу Марію приять институтъ подъ свое покровительство; но смерть ея и турецкая война отвлекли вниманіе правительства отъ Одесскаго института, и уставъ его былъ утвержденъ только въ 1829 г.

Вотъ сколько заведеній, въ большей или меньшей степени, примыкало къ императрицѣ Маріи! Невольно удивляешься, какъ она находила возмож-

нымъ почти лично управлять по крайней мѣрѣ 20-ю вѣренными ей учебными и благотворительными заведеніями и постоянно проявлять горячую и всестороннюю заботливость, начиная съ программъ преподаванія до увольненія сторожей, трубочистовъ, прачекъ и до свалки снѣга и истребленія таракановъ! А такимъ образомъ трудиться она перестала лишь наканунѣ смерти. Въ этомъ смыслѣ она представляетъ собою единственный примѣръ, подобнаго которому никогда и нигдѣ во всемъ мірѣ не было. Высшее наслажденіе она находила въ трудахъ и работахъ «*о нашихъ прелестныхъ дѣтяхъ*». Во всѣхъ распоряженіяхъ ея, которыя касались воспитанницъ, проглядываетъ строгое сознаніе личной отвѣтственности за нихъ предъ родителями. Въ случаяхъ болѣзни дѣтей она посылала къ нимъ своего лейбъ-медика, а при извѣстіи о смерти ихъ она искренно и глубоко огорчалась. Въ Петербургѣ она требовала отъ начальницъ каждую недѣлю отчетовъ обо всемъ, что происходило въ заведеніи, о каждой воспитанницѣ, о каждой больной прислугѣ. Она не сближалась съ дѣтьми, какъ императрица Екатерина, но серьезно заботилась о ихъ судьбѣ въ настоящемъ и будущемъ, о ихъ нуждахъ и пользѣ, а не объ удовольствіяхъ. Надо прочесть всю IV главу (едва ли не самую лучшую) во 2-й книгѣ Е. I. Лихачевой, чтобы вполне оцѣнить внимательность императрицы Маріи къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ во всемъ ихъ составѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что система воспитанія въ институтахъ при ней оставалась строго закрытою; временные отпуска дѣтей къ родителямъ она считала очень вредными и убѣждена была вполне, что институтское воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ лучше домашняго, что оно можетъ привить дѣвицѣ твердыя нравственныя правила и поэтому она внимательно берегла ихъ отъ преждевременнаго знанія жизни. Программы во всѣхъ заведеніяхъ прпнаравливались къ званію воспитанницъ. Императрица Марія не только не сближала мѣщанскихъ дѣтей съ дворянскими, но и сама держалась отъ первыхъ въ замѣтномъ отдаленіи: на публичныхъ экзаменахъ ихъ она не присутствовала, знатныхъ особъ къ нимъ не приглашала и самихъ дѣтей не допускала даже на церковныя торжества въ Смольномъ; по городу возили ихъ въ *наемныхъ* каретахъ, а дворянскихъ — въ *придворныхъ*. *Внѣшняя* жизнь воспитанницъ дворянскихъ институтовъ проходила при императрицѣ Маріи такъ же весело и даже веселѣе, чѣмъ при Екатеринѣ: два раза въ мѣсяцъ бывали собранія съ танцами, а по большимъ праздникамъ давались балы съ угощеніемъ. На танцы обращено было большое вниманіе, такъ что воспитанницы исполняли балеты иногда лучше, чѣмъ записныя балерины. Очень большое значеніе придавала императрица и пріученію воспитанницъ къ занятію хозяйствомъ; назначеніе дежурною по хозяйству давалось въ видѣ награды. Въ учебной части, во всѣхъ заведеніяхъ, самое большое число уроковъ пазначалось на обученіе иностраннымъ язы-

камъ. А по всѣмъ другимъ предметамъ учебныя книги печатались въ *сокращенномъ видѣ*, или же давались учителями тетради уроковъ. Императрица сама просматривала многія тетради, а другія отдавала на пересмотръ авторитетнымъ лицамъ. Пособій учебныхъ большею частію не было. Учебное дѣло палаживалось трудно и вслѣдствіе недостатка въ учителяхъ; императрица сама старалась отыскивать ихъ и улучшать ихъ положеніе. Много заботилась она о составленіи библіотекъ и присылала книги для чтенія воспитанницъ. Г-жа Лихачева подробно разбираетъ книги, которыя обязательно читались тогда въ институтахъ (стр. 172—178). Замѣчательно, что переводчикъ одной изъ нихъ жаловался печатно (въ 1804 г.), что наши соотечественницы *«вовсе ничего не читаютъ и даже пренебрегаютъ чтеніемъ, не зная истинной его пользы»*.

При учрежденіи всякаго поваго учебнаго заведенія, императрица Марія давала инструкціи начальникамъ, съ нѣкоторыми отгѣнками въ отношеніи дворянскихъ и недворянскихъ заведеній. Но она требовала невозможнаго, настаивая, чтобы институтъ замѣнялъ дѣтямъ семью, чтобы всѣ начальницы и классныя дамы были матерями воспитанницъ, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ. Къ сожалѣнію, начальницами почти во всѣхъ заведеніяхъ были иностранки, и дѣти большею частію встрѣчали величавый, покровительственный видъ окружающихъ лицъ, впадѣли сухое, формальное отношеніе, иногда подвергались и тѣлеснымъ наказаніямъ. А императрица, даже въ путешествіяхъ своихъ за-границею, не забывала горячо любимыхъ дѣтей, истинно-матерински заботилась о мельчайшихъ ихъ пуждахъ, вездѣ и всегда находила время перечитать посылаемые за ней доклады начальницъ и отвѣчала имъ подробно, ничево не жалѣя для здоровья и блага дѣвицъ.

Какъ бы ни было, но при императрицѣ Маріи число желающихъ отдавать своихъ дочерей въ институты сильно увеличилось, и пріемъ дѣтей на штатныя вакансіи правительство считало уже наградою за заслуги родителей. Вѣроятно, въ томъ же вниманіи къ родителямъ, разрѣшалось (съ началомъ XIX в.) временныя отпуска къ нимъ дѣтей; а пенсіонерокъ, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, возвращали еще и до выпуска, даже постороннимъ лицамъ, если они обязывались устроить ихъ судьбу. Императрица не прекращала своей заботы о воспитанницахъ и послѣ выпуска ихъ, и сѣяла добро, какое только возможно было. Въ отношеніи благотворительности ее называли *«ненасытимую»* и *«министромъ благотворительности при трехъ государяхъ»*. «Дѣти во всѣхъ заведеніяхъ ее очень любили, а тѣ, которыя сознательно испытали на себѣ ея благотворное вліяніе, каждый день благословляютъ ея имя»—писала одна изъ воспитанницъ Смольнаго — княжна Волконская. И по истеченіи полувѣка послѣ своей смерти, императрица Марія еще возбуждала воспоминаія сердечной приверженности. Не

даромъ Жуковскій у гроба Ея говорилъ, что нѣкогда и потомки повторять

*«благодаримъ, благодаримъ
«За младость днѣвъ, за жизнь днѣтей!»...*

Показавъ главныя черты воспитанія и образованія въ заведеніяхъ императрицы Маріи, мы не станемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ учебной части—программахъ, инспекторахъ, учителяхъ, руководствахъ, экзаменахъ и пр. (все это достаточно полно изложено въ V-й главѣ 2-й книги г-жи Ляхачевой). Замѣтимъ одно лишь: такъ какъ главное вниманіе въ институтскомъ преподаваніи было обращено на обученіе языкамъ, то успѣхи воспитанницъ въ другихъ предметахъ были весьма слабы. Книги учебныя выдавались по одному экземпляру на двухъ ученицъ. Впрочемъ, съ 1820 г. императрица Марія усилила заботы о научномъ образованіи воспитанницъ и писала начальницѣ Смольнаго: *«мы должны хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность»*. Въ Смольный и Екатерининскій стали приглашать людей, пріобрѣтавшихъ себѣ извѣстность педагогическими способностями, напр., Мартынова, Арсеньева, Бутырскаго, Плетнева, Срезневскаго, Ободовскаго, Тимаева, Шульгина. Но все еще преподаваніе многихъ предметовъ шло на иностранныхъ языкахъ; даже въ часы досуга дѣвицы читали преимущественно иностранныхъ писателей. Однако, при всѣхъ недостаткахъ, тогдашнее образованіе въ институтахъ вполне отвѣчало требованіямъ правительства, и въ царствованіе Александра I оно стало распространяться и въ провинціи. Но никакъ нельзя утверждать, что воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній выходили изъ нихъ съ основательнымъ образованіемъ, съ умственнымъ широкимъ развитіемъ, съ запасомъ идей. Тогда и въ самомъ обществѣ еще немногіе понимали условія истиннаго образованія ¹⁾. И воспитанницамъ, внѣ заведенія, весьма рѣдко встрѣчалась возможность продолжать свое образованіе. Но вообще, институтское воспитаніе удовлетворяло тогдашнимъ взглядамъ. За сословность въ дѣлѣ образованія стояли и родители, и литература; обученія иностраннымъ языкамъ требовали и провинціалы; показная сторона ученія господствовала вездѣ — и въ гимназіяхъ, и въ народныхъ училищахъ, и въ частныхъ пансіонахъ. И только съ этою показною стороною институтскаго воспитанія знакомились тогдашніе журналисты: они видѣли институтокъ на публичныхъ экзаменахъ и отзывались о нихъ съ величайшей похва-

1) М. А. Дмитріевъ говоритъ, что до указа 1809 г., заставившаго насъ учиться, и самые просвѣщенные литераторы были не богаты основательными знаніями. («Мелочи изъ запаса моей памяти», 1869 г., стр. 78).

лою. Самые отвѣты дѣвицъ на публичныхъ экзаменахъ (большею частию подготовленные) заставляли думать, что онѣ имѣютъ достаточныя и правильныя понятія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Свищяина) печатали, что въ *цѣломъ свѣтъ нѣтъ подобнаго Екатерининскому институту, сему безпримѣрному заведенію*. Восторженно отзывались о воспитаніи и образованіи институтокъ въ журналахъ—«Благонамѣренномъ», «Московскомъ Телеграфѣ», въ «Современникѣ» (Пушкина). Въ «Современникѣ» Плетневъ писалъ, что воспитаніе въ Смольномъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное, что устройство заведеній для женскаго пола ни въ чемъ не требуетъ улучшенія, что молодая особа, вышедшая изъ какого-нибудь института, въ полномъ смыслѣ снабжена уже всѣмъ, чего потребууетъ будущая жизнь ея, что, наконецъ, институты гораздо выше другихъ (т. е. мужскихъ?) заведеній ¹⁾. Никитенко писалъ, что онъ доволенъ своими ученицами, что воспитанницы институтовъ гораздо образованнѣе барышень гостинныхъ. Но если мы вспомнимъ, что учености въ женщинахъ тогда избѣгали, что большая часть предметовъ преподавалась на французскомъ языкѣ, что главная цѣль при этомъ заключалась въ томъ, чтобы воспитанницы усовершенствовались въ языкѣ, а не въ томъ, чтобы онѣ основательно усвоили себѣ сущность науки, можно безошибочно утверждать, что институтки въ 17 лѣтъ выходили только съ нѣкоторымъ литературнымъ образованіемъ и знаніемъ французскаго языка; немногія — съ музыкой и пѣніемъ, а почти всѣ — съ танцами. Встрѣчались, конечно, даровитыя личности (даже въ провинціяхъ), которыя любили читать, переводить, учить дѣтей и распространять добрые нравы въ семействахъ. Въ 20-хъ годахъ, въ Харьковѣ, жена писателя Квитки, воспитанница Екатерининскаго института, принимала живое участіе въ литературныхъ работахъ мужа, слѣдила за французской литературой и даже за политикой. Харьковская писательница Л. Я. Кричевская (20-хъ годовъ) даже и на мѣдныя деньги не училась, а написала нѣсколько книгъ, которыя расходились хорошо ²⁾. А большинство дворянокъ училось, какъ говорится, на мѣдныя деньги и вовсе не получало никакого образованія. Въ Черниговской губерніи еще въ 20-хъ годахъ нѣныя дворянки выучивались писать, только вышедши замужъ. И въ самихъ столицахъ тогдашнее образованіе, внѣшнее образованіе встрѣчалось только у дворянскихъ воспитанницъ, такъ какъ о нихъ преимущественно заботилась императрица Марія, а мѣщанскія дѣвицы приготавливались къ тому лишь, чтобы сдѣлаться учительницами въ дворянскихъ домахъ. Для педагогической подготовки ихъ,

1) Соврем. 1836, т. I, с. 4—13; Сочиненія П. Плетнева, Спб. 1885 г., т. I, стр. 258—264.

2) Квитка, помѣщая переводы мѣстныхъ писательницъ, выражалъ надежду, что Харьковъ по многимъ отношеніямъ замѣняетъ столичное воспитаніе.

для образованія изъ ихъ классныхъ дамъ, императрица еще въ 1803 г. желала учредить пенинберъ—изъ выпускныхъ способныхъ и бѣдныхъ воспитанницъ, которыя оставались бы въ заведеніи еще годъ, учились бы математикѣ, исторіи, географіи (*на французскомъ языкѣ*) и могли бы замѣнять учителей въ случаѣ ихъ отсутствія, или хотъ обучать въ низшемъ возрастѣ чтенію, писанью, чистописанію. Но желающихъ остаться въ пенинберѣ оказалось немного, и только въ 20-хъ годахъ ихъ явилось уже столько, что были даже и своекоштные. По окончаніи курса, ихъ помѣщали на выгодныя мѣста, а оставленнымъ для службы въ заведеніи назначали жалованье (по 200 р. въ годъ). Но и курсъ пенинберокъ не принесъ столько пользы, сколько можно было бы отъ него ожидать, такъ какъ онъ главнымъ образомъ былъ направленъ къ усовершенствованію во французскомъ языкѣ. Болѣе успѣшнымъ дѣломъ явилась педагогическая подготовка *кандидатокъ*, воспитанныхъ въ классахъ наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ. Тамъ онѣ и на русскомъ языкѣ (съ 1827 г.) слушали практическіе уроки, изучали руководства, занимались преподаваніемъ въ младшихъ классахъ, подъ надзоромъ учителей, и опредѣлялись классными дамами въ институты. Учрежденіемъ классовъ наставницъ императрица Марія положила прочное основаніе *педагогическому* образованію женщинъ. Эти кандидатки были тогда самыми образованными дѣвками и распространяли образованіе по всей Россіи.

Кругъ и характеръ женскаго образованія, установленный при императрицѣ Маріи, надолго оставался неизмѣненнымъ и неприкосновеннымъ до того, что никто и не мечталъ выйти изъ него. А межъ тѣмъ образованіе дѣвицъ тогда не было направлено на *умственное развитіе*; да и по главному предмету ученія — по языкамъ — встрѣчались такія воспитанницы, съ золотою медалью, которыя и по-французски, и по-русски писали съ большими ошибками; а въ дѣлѣ воспитанія имъ старались привить сколько-нибудь скромность, покорность, довольство малымъ...

Но истинной благодѣтельницей явилась императрица Марія для тѣхъ воспитанницъ, которыя должны были собственнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе: имъ давалось пособіе при выпускѣ, имъ даровано право обращаться во всѣхъ случаяхъ за помощію къ Совѣтамъ заведенія и прямо къ самой императрицѣ; имъ давалось временное помѣщеніе и содержаніе въ Воспитательныхъ Домахъ, въ случаѣ потери мѣста; ихъ сильно защищали въ случаѣ притѣсненій отъ хозяевъ.

Обращаясь теперь къ частнымъ пансіонамъ въ Россіи за это время, видимъ, что судьба ихъ весьма мало извѣстна. Здѣсь мы представимъ только сжатый перечень ихъ. Еще при Екатеринѣ, графиня Чернышева устроила въ своемъ имѣніи, Могилевской губерніи, пансіонъ для 24 дѣвочекъ и нѣ-

сколькихъ мальчиковъ, гдѣ были учитель, учительница и музыкантъ. Здѣсь надобно сказать, что въ Западномъ краѣ, еще до присоединенія его къ Россіи, уже много было женскихъ учебныхъ заведеній: женскіе монастыри разныхъ орденовъ содержали школы низшія и среднія и маленькіе пансіоны, благодаря фундамамъ, завѣщаннымъ съ цѣлю воспитанія дѣвиць. Были тамъ и свѣтскіе школы и пансіоны, устроенныя конгрегаціями *свѣтскихъ* женщинъ. Впрочемъ, одинъ изъ визитаторовъ ихъ отозвался, что въ свѣтскихъ частныхъ пансіонахъ воспитываются *комедіантки и танцорки*. При князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ предполагалась была женская учительская семинарія въ Кременцѣ, но католическое духовенство воспротивилось, и женскія заведенія остались въ вѣдѣніи монастырей.

Слѣдую порядку времени, отмѣтимъ появленіе нѣкоторыхъ пансіоновъ и училищъ.

Въ Архангельскѣ уже въ 1800 г. было нѣсколько нѣмецкихъ пансіоновъ.

Въ 1803 г. встрѣчаемъ *русскій* пансіонъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, открытый русскимъ маіоромъ Константиновичемъ.

Въ 1805 г. въ Дерптѣ (гдѣ уже было не мало женскихъ пансіоновъ и частныхъ училищъ) открыто новое училище, на средства города, въ день рожденія императрицы Маріи.

Въ томъ же году графиня Чернышева учредила въ Могилевѣ *Александровское училище для дѣвиць*, на содержаніе котораго представила залогомъ недвижимыя имѣнія *съ крестьянами* въ разныхъ губерніяхъ, приносившія дохода до 15,000 р. въ годъ.

Въ 1808 г. въ Полтавѣ С. М. Кочубей устроилъ въ своемъ домѣ *даровой* пансіонъ для бѣдныхъ благородныхъ дѣвиць, гдѣ подъ надзоромъ его жены обучалось 12 сиротъ. (Этотъ пансіонъ былъ, какъ мы уже видѣли, зародышемъ Полтавскаго Института).

Въ 1811 г. открыто въ Витебскѣ училище для бѣдныхъ дѣвиць, при содѣйствіи Городской Думы и покровительницы училища, супруги военнаго губернатора, герцогини Виртембергской.

Въ 1817 г. основано въ Одессѣ городское дѣвичье училище для всѣхъ свободныхъ сословій, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, на средства города, отпускавшаго на содержаніе его по 10,000 р. Ученіе въ немъ было даровое.

Въ 1820 г. общество харьковскихъ учителей и другихъ чиновниковъ открыло на общественныя средства частное училище дѣвиць въ Харьковѣ, куда принимались дѣти всѣхъ сословій; учителя и учительницы сначала преподавали бесплатно, а потомъ явились средства, и училище пошло въ ходъ.

Въ 1821 г. кн. О. С. Голицынъ открылъ пансіонъ въ своемъ имѣніи, Саратовской губерніи, въ селѣ Зубриловкѣ, съ платою 600 р. въ годъ, и въ пансіонѣ скоро явилось 46 дѣвочекъ (и 66 мальчиковъ). Но со смертію князя въ 1825 г. пансіонъ закрылся.

Въ 1820-хъ годахъ въ Елисаветградѣ существовалъ уже очень хорошій пансіонъ г-жи Бурковской, о которомъ сочувственно воспоминаетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Е. О. фонъ Брадке.

Въ 1820-хъ годахъ появляется женскій пансіонъ въ Нѣжинѣ, г-жи Руссетъ, гдѣ преподавалась и *мифтологія*.

Въ 1825 г. открыто въ Варшавѣ частное училище для приготовленія гувернантокъ, преобразованное въ 1827 г. въ казенный *Александринскій Институтъ* для той же цѣли.

Въ 1825 г. воспитанница Смольнаго монастыря Савичъ открыла въ м. Пропойкѣ, близъ Могилева, женскій пансіонъ, въ которомъ сама преподавала на *русскомъ* языкѣ.

Въ 1825 г. открыла въ Петербургѣ школу извѣстная впоследствии писательница А. О. Ишимова, и своими занятіями въ школѣ и литературными трудами приобрѣла значительное вниманіе Плетнева, Жуковскаго, Пушкина, кн. Вяземскаго, а чрезъ нихъ явилась учительницею и въ Царскомъ Домѣ.

Вообще большая часть пансіоновъ находилась въ столицахъ. Въ Петербургѣ женскихъ пансіоновъ въ 1808 г. было уже 38, а въ 1828 г. — 45. Наибольше серьезное образованіе давалось дѣвцамъ въ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ св. Петра. Было нѣсколько блестящихъ пансіоновъ въ Москвѣ, гдѣ преподавались тѣ же предметы, что и въ институтахъ, и попечитель округа былъ весьма доволенъ отвѣтами воспитанницъ. — Провинціальныя пансіоны являлись преимущественно въ губернскихъ городахъ, и содержателями ихъ бывали большею частію французы. Программы пансіоновъ были вездѣ болѣе или менѣе одинаковы, и образованіе давалось въ нихъ самое поверхностное. Большая часть пансіоновъ существовала недолго. Родители ограничивались гувернантками: дѣло было дешевле.

Со включеніемъ Западнаго края, во всѣхъ женскихъ пансіонахъ Россіи въ 1824 году было всего 3,420 учащихся, а въ собственно-русскихъ губерніяхъ только 1,390. Въ провинціяхъ учились дѣвочки нѣкоторое время и въ приходскихъ, и въ уѣздныхъ училищахъ, и въ гимназіяхъ, вмѣстѣ съ мальчиками (особенно въ приходскихъ училищахъ). Въ 1824 г. число учившихся дѣвочекъ въ 29 губерніяхъ было 5,835 (мальчиковъ 55,021). А считая и институтокъ, находимъ, что въ 1828 г. всѣхъ учившихся дѣвочекъ было около 12,000, а народонаселеніе Россіи и тогда уже доходило до 50 милліоновъ.

Какъ развивались дѣвицы внѣ заведеній, по окончаніи курса?

Еще въ 1805 г. въ «Журналѣ Россійской Словесности» было сказано, что рѣдкая дама большого свѣта, до Карамзина, имѣла понятіе о русской словесности; Карамзинъ первый началъ писать пріятно и познакомилъ ихъ съ родной литературой, т. е. пріучилъ дамъ читать русскія книги. Но это знакомство началось еще до него и только упрочилось при немъ, и не одному Карамзину принадлежитъ эта заслуга; ее раздѣляютъ съ нимъ И. Дмитриевъ, Жуковский, Крыловъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ и болѣе всѣхъ ихъ Пушкинъ, Гоголь (не говоря уже о Нелединскомъ, Подшиваловѣ, Измайловыхъ).

Въ пользу или удовольствіе дамъ стали издавать журналы, и сами женщины болѣе прежняго участвовали въ нихъ. Все шире развивался просвѣщенный взглядъ на женщинъ, на участіе, которое онѣ могутъ принять въ общемъ стремленіи къ образованности, и въ отношеніяхъ къ нимъ писателей отражался характеръ французской любезности. Литераторы и даже государи ободряли женщинъ-авторовъ, принимали посвященія, дарили за нихъ. Императоръ Павелъ назначилъ Волковой пенсію за оду, изъявилъ благоволеніе Свиньиной и Поспѣловой; императоръ Александръ I далъ пенсію Бунинной за ея стихотворенія и подарокъ Титовой за ея драму «Густавъ Ваза»; императрица Марія пожаловала перстень Извѣковой за ея романъ. Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ и многіе другіе писали стихи поэтессамъ; Карамзинъ признавалъ удовольствіе и пользу читательницъ *«драгоценнымъ своимъ стикомъ»*; П. Макаровъ писалъ, что лавры изъ рукъ женщины всегда были драгоценнѣйшей наградой; Воейковъ говорилъ женщинамъ: «вы должны учить насъ языку и вкусу». Въ этотъ же періодъ времени (1796—1828) выходило нѣсколько журналовъ, посвященныхъ женщинамъ: 1) *«Московский Меркурій»*, 1803 г., П. И. Макарова; 2) *«Журналъ для милыхъ»*, 1804 г., М. Н. Макарова; 3) *«Московский Зритель»*, 1806 г. (гдѣ появился Крыловъ съ «Разборчивой Невѣстой»); 4) *«Алла»*, 1808—1812 гг. и 5) *«Дамскій Журналъ»*, съ 1823 г., всѣ три послѣдніе—кн. Шаликова. «Московский Меркурій» зывалъ къ женщинамъ, чтобы онѣ сдѣлали свои дома истинными школами вкуса и просвѣщенія, гдѣ всякій старался бы превзойти другого блескомъ ума: тогда бы женщины заставили всѣхъ учиться, сдѣлались нашими учительницами, измѣнили самыя нравы. Журналъ сожалѣлъ, что русскія женщины почти не посѣщаютъ лекцій профессоровъ, музеевъ; въ способностяхъ ихъ къ наукамъ онъ нѣсколько не сомнѣвался и признавалъ ихъ даже выше мужскихъ, по нимъ—моль—не достаетъ только развитія; журналъ надѣялся, что будетъ время, когда скажутъ: «женщины просвѣтили Россію!» Почти такъ же восторженно относился къ воспитанію женщинъ и другіе журналы. Но отъ поры до времени возникали пре-

достереженія, чтобы не пабивали женщинѣ голову наукой, что мужъ не любить въ женѣ соперника, а только ключницу, няньку; что женщины не должно быть писательницами («женщина въ печати то-же, что женщина въ худой славѣ»), и даже журналисты иные задумывались, какъ бы занятія науками не помѣшали женщинамѣ быть хорошею женою, матерью, хозяйкой. Нашлась даже одна знаменитая особа изъ прекраснаго пола, которая еще въ 1806 г. издала книгу «Другъ женщины» (Сониновъ II, 3488), гдѣ съ мыслями французскаго автора приводились взгляды переводчицы на вредъ, происходящій для женщинъ отъ занятій науками. Авторъ желалъ, чтобы женщины, почерпнувъ изъ наукъ полезныя совѣты, пользовались ими только для пріятнаго препровожденія времени и счастливой жизни.

Можетъ быть, такимъ препровожденіемъ времени было посѣщеніе московскими дамами публичныхъ лекцій, которыя читались въ университетѣ профессоромъ Политковскимъ по натуральной исторіи, профессоромъ Страховымъ по опытной физикѣ (1804 г.), профессоромъ Буле по исторіи, археологіи и изящнымъ искусствамъ (1807), профессоромъ Мерзляковымъ по русской словесности (1812—1816) и академикомъ Шереромъ, читавшимъ на *нѣмецкомъ* языкѣ курсы физико-химическій и минералогическій (1823). И слушательницъ у академика было 10 дамъ, и платили онѣ за полный курсъ по 100 р. Однако, ученыхъ женщинъ у насъ въ ту пору не явилось; были только женщины въ тогдашнемъ смыслѣ образованныя, которыя проявляли стремленіе къ умственнымъ интересамъ, къ литературѣ. Такими были А. А. Турчанинова (по отзыву Вигеля и кн. Долгорукаго), дочь графа Сперанскаго (въ замужествѣ Фролова-Багрѣева), которая много писала и печатала, но исключительно на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а по-русски писала съ большими ошибками. Отецъ ея писалъ ей о пензенскихъ женщинахъ, что почти всѣ онѣ говорятъ по-французски и — что еще горестнѣе — говорятъ весьма изрядно. Кн. И. М. Долгорукій въ своихъ путешествіяхъ по Россіи встрѣчалъ даже въ провинціальныхъ захолустьяхъ женщинъ образованныхъ, т. е. говорившихъ по-французски и умѣвшихъ поддерживать любезный свѣтскій разговоръ.

Въ обсужденіи вопроса о женскомъ образованіи принимали участіе и нѣкоторыя женщины: Е. Н. Пучкова (18 лѣтняя дѣвушка) печатаетъ въ 1810 г. статью *о женщинахъ*, гдѣ протестуетъ противъ мнѣнія о несправедливости въ умственномъ отношеніи мужчинъ и женщинъ, и статья ея, нанечатанная въ «Аглаѣ», перепечатывается потомъ въ 1823 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Еще болѣе замѣчательно письмо одной помѣщицы 1804 г., котораго содержаніе подробно передаетъ г-жа Лихачева (стр. 253—255), гдѣ главнымъ образомъ проводится мысль: «если образованные граждане нужны государству, то не менѣе того нужны для него и образованныя

женщины... Образованіе тѣхъ и другихъ должно быть равноцѣнно для правительства». А «домашнее воспитаніе женщинъ всюду недостаточно и пренебрежено... оно находится между двухъ крайностей: между совершеннымъ невѣжествомъ и пагубнѣйшей суетностію».

Литературная дѣятельность женщинъ пріобрѣла къ нимъ вниманіе со стороны цѣлаго общества писателей. Въ 1811 г., когда явилась извѣстная «Бесѣда Любителей Россійскаго Слова», почетными членами ея были избраны писательницы Бунина, Волкова, Пучкова, княжна Урусова. Развѣтіе женщинъ видно и изъ того, что въ салонахъ нѣкоторыхъ дамъ образовались литературныя собранія, — изъ которыхъ наиболѣе извѣстны въ С.-Петербургѣ у А. П. Хвостовой и С. Д. Пономаревой, въ Москвѣ у Елагиной, въ Рязани у кн. Волконской. Въ 20-хъ годахъ столичныя женщины могли уже образовывать себя въ окружавшей ихъ средѣ писателей — Карамзина, Дмятріева, Дашкова, Блудова, Жуковскаго, Плетнева, Пушкина. Карамзинъ съ самаго начала своей дѣятельности всячески поощрялъ женщинъ къ занятіямъ литературою, будучи убѣжденъ въ томъ, что участіе ихъ въ литературѣ полезно для всего общества въ смыслѣ распространенія образованности, болѣеи утонченности вкусовъ и облагороживанія нравовъ. Оба Макаровы (П. И. и М. Н.) развивали его взгляды, доводя свою любезность даже до смѣшного: они помѣщали въ своихъ журналахъ не только статьи женщинъ, но и свои примѣчанія къ нимъ, что статья — молъ — печатается *по приказанію* такой-то, благодарили автора, поздравляли съ успѣхомъ, хвалили. Даже Н. Полевой, относившійся къ писательницамъ серьезнѣе другихъ, цѣнилъ въ ихъ произведеніяхъ пламенныя чувства, нравственныя побужденія, всегда привѣтствовалъ хорошее произведеніе писательницы и жалѣлъ, что русскія женщины рѣдко появляются въ литературѣ. А если Пушкинъ около этого времени (1823) писалъ, что «*читательницъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ*», то это просто — минутное увлеченіе, и при томъ эти слова его были написаны въ частномъ письмѣ и объясняются его тогдашнимъ положеніемъ и видимымъ раздраженіемъ. Въ противность ему Полевой тогда же заявлялъ въ журналѣ, что чтеніе книгъ входитъ въ число любимыхъ занятій поваго поколѣнія, но не отрицалъ и того, что общество скупится на книги, и эта скупость выдумала *списывать* Пушкина, и его произведенія ходили по рукамъ обезображенныя ошибками. Въ этой скупости, однако, всего меньше можно обвинять женщинъ.

Какъ бы мы строго ни судили, но должны признать, что образованіе женщинъ къ 30-мъ годамъ нашего вѣка замѣтно распространилось и въ среднемъ кругу, и преимущественно средняго круга женщины являлись писательницами. Но такъ какъ ни одна изъ нихъ не обнаруживала крупнаго

таланта и большая часть ихъ не принадлежала къ высшему кругу и не искала связей у двора литературнаго, то къ нимъ стали холоднѣе относиться и даже съ ироніей — къ ихъ произведеніямъ и къ ихъ занятіямъ наукою. Самъ Пушкинъ избѣгалъ встрѣчи *«съ семинаристомъ въ желтой шали или съ академикомъ въ чернѣ»*. А когда князь Шаликовъ въ 1823 г. основалъ «Дамскій журналъ», на него панали почти всѣ журналы и называли журналъ его *анахронизмомъ*. И въ самомъ дѣлѣ, кн. Шаликовъ словно думалъ, что женщины не возвышаются понятіемъ далѣе водевильнаго куплета или жиденькаго мадригала. Полевой писалъ, что ему стыдно бывало читать журналы, назначаемые для женщинъ. Нашлась, однако, защитница «Дамскаго журнала» при самомъ его основаніи, которая писала, что *если* въ немъ будутъ пьесы занимательныя, хорошія, любопытныя, пріятныя, то онъ принесетъ и пользу и удовольствіе. Не оправдалъ этихъ надеждъ «Дамскій журналъ», а все-таки, хотя и съ пустенькимъ содержаніемъ, существовалъ болѣе 10 лѣтъ: значитъ, были читательницы и сотрудницы.

Содѣйствовали-ли наши писательницы выработкѣ русскаго языка? Пушкинъ, въ ироническомъ увлеченіи, говорилъ вообще о нашихъ женщинахъ въ 1824 году:

«Не всѣ-ли, русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?» (Е. Он. 3, XXVII).

Строгая справедливость требуетъ сказать, что тогдашнія писательницы владѣли несомнѣнно хорошимъ русскимъ языкомъ. Повліяли ли женщины на вкусъ и нравы тогдашняго общества? Этотъ вопросъ труднѣе разрѣшить. Ясно, что сами женщины много выиграли, сдѣлавшись образованнѣе, и стало быть, вліяніе ихъ было сильнѣе прежняго. Французскій писатель Ансело, посѣтившій въ 1826 году Россію, писалъ, что въ ней женщины образованнѣе мужчинъ, что многія изъ нихъ говорятъ на иностранныхъ языкахъ и знакомы съ литературою. Онъ замѣтилъ не только обширность познаній ихъ, но и превосходство нравственное. Полевой радовался, что иностранный писатель гласно призналъ преимущество образованности женскаго пола, и утверждалъ съ своей стороны, что если женщины замужемъ охлаждаются къ умственнымъ интересамъ, то по большей части виноваты въ этомъ мужья, которые не умѣютъ ихъ ни поддержать, ни цѣнить. Полевой по личнымъ наблюденіямъ своимъ говорилъ, что во многихъ мѣстахъ Россіи сумма мыслей, чувствъ, образованности всегда болѣе на сторонѣ женской. И самъ Пушкинъ признавалъ нашихъ женщинъ несравненно про-

свѣщеніѣ. Яркимъ примѣромъ серьезнаго образованія могутъ служить графиня А. Д. Блудова, княгиня З. А. Волконская, кн. Е. И. Голицына, Е. П. Фадѣева...

Третья и послѣдняя книга г-жи Е. І. Лихачевой оканчиваетъ исторію женскаго *закрытаго* образованія. (Источниками ей послужили, *кроме названныхъ прежде*, труды Аннепкова, Ахматовой, Барсукова, Быкова, Бѣлинскаго, Бѣльской, Великосельцева, Витберга, Вышнеградскаго, Глинки М., Говорова, Гоголя, Григорьева А., Добролюбова, Дол(гомость)евой, Дружинина, Еллисъ, Жиркевича, Жуковой, Захарченко, Земенцкой, Златковскаго, К. Л., Корсини, Краснова, Лѣскова, Маслова, Мацкевича, Милюкова, Норова, кн. Одоевскаго, Омеляненко, Н., Павловой, Папкова, Пассекъ, Плетнева, Раева, Семевского В., Семснова Д., Скабичевскаго, Смарагдова, Соханской, Старчевскаго, Сушкова Д., Тимофѣева, Тургенева, Федоровой, Шенрока, Языкова Д., а также журналы литературные и официальные и еще большее, чѣмъ въ первыхъ двухъ книгахъ, множество архивныхъ источниковъ).

Еще въ 1826 г., императоръ Николай I самъ занялся устройствомъ институтовъ Патріотическаго и Полтавскаго, самъ сдѣлалъ поправки въ Проектъ Положенія для перваго и указалъ цѣль для послѣдняго — «*въ обрусѣніи страны, чтобы она не отставала въ образованіи отъ прочихъ областей*». По кончинѣ императрицы Маріи всѣ воспитательныя и благотворительныя женскія заведенія были приняты подъ покровительство императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны. Для доклада по дѣламъ заведеній назначенъ особый статсъ-секретарь (Вилламовъ) и учреждено особое IV-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи; а по дѣламъ заведеній, состоявшихъ въ вѣдѣніи императрицы Елизаветы, былъ особый статсъ-секретарь (Лонгиновъ). Согласно завѣщанію императрицы Маріи, изъ подвѣдомыхъ ей заведеній Институтъ повивальнаго искусства и Маріинскій были ввѣрены покровительству вел. кн. Елены Павловны. Въ 1828 г. былъ учрежденъ *Маріинскій знакъ отличія* (двухъ степеней) для награжденія лицъ женскаго пола, служащихъ въ заведеніяхъ Имп. Маріи. Доселѣ институты управлялись мѣстными совѣтами, которые представляли свои донесенія императрицѣ; теперь донесенія ихъ поступали къ Вилламову, который докладывалъ ихъ государю и государынѣ. Отпускъ суммъ на нѣкоторыя женскія заведенія изъ государственнаго казначейства прекращенъ въ октябрѣ 1829 г., а нужныя средства повелѣно выдавать изъ доходовъ Воспитательныхъ домовъ. Въ Патріотическій инсти-

туть были принимаемы дочери только заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ, а пенсіонерки — изъ военныхъ дворянъ. Срокъ воспитанія назначень 6-ти лѣтній.

Въ 1830 г. государь повелѣлъ учредить въ Москвѣ *Домъ призрѣнія сиротъ*, оставшихся послѣ умершихъ отъ холеры родителей. Въ С.-Петербургѣ еще ранѣе существовалъ Сиротскій домъ. Изъ Московскаго дома образовался въ 1837 г. *Александринскій Сиротскій Институтъ*, гдѣ воспитывалось 300 дѣтей обоего пола и всякаго званія; къ приему допускались даже грудныя дѣти и не старше 13 лѣтъ. Дѣвочки въ немъ приготовлялись быть классными дамами и наставницами въ частныхъ домахъ; въ 1839 г. онѣ переведены въ учрежденныя при обоихъ Воспитательныхъ Домахъ убѣжища, гдѣ или приготовлялись въ кандидатки, или же учились музыкѣ и рукодѣліямъ. При выпускѣ, каждой оберъ-офицерской сиротѣ выдавалось по 300 р. Учебные классы эти, названныя Сиротскими институтами, заключали въ себѣ въ 1843 году 800 воспитанницъ въ Петербургѣ и 700 въ Москвѣ. Въ 1851 г. учреждены особыя отдѣленія для малолѣтнихъ.

Слѣдую порядку времени, обратимъ вниманіе на заведенія, основанныя въ провинціяхъ.

Въ 1829 году, іюля 28, былъ открытъ *Одесскій институтъ*, куда поступали дочери дворянъ, оберъ-офицеровъ и высшаго купечества. Въ составъ завѣдующихъ имъ лицъ введенъ былъ по учебной и хозяйственной части *инспекторъ*. Плата съ пенсіонерокъ опредѣлена въ 1000 р. и единовременно 250 р. Средства на содержаніе доставляли еще Бессарабская область, подать съ татаръ, города Таганрогъ, Кишиневъ, Измаиль, Одесса и Херсонскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Въ 1835 г. полковникъ *Куртъ* завѣщалъ институту свое движимое и недвижимое имущество, оцененное въ 150,000 р., на воспитаніе 6 дѣвицъ дворянъ и чиновниковъ Херсонской губерніи и на выдачу имъ при выпускахъ по 2,000 р. каждой, а получающей шифръ — 3,000 р.

Въ 1830 г. харьковскій профессоръ Гулакъ-Артемовскій приглашенъ былъ устроить въ *Полтавскомъ институтѣ* учебную часть. Ознакомясь съ заведеніемъ, онъ доносилъ, что воспитанницы его не получали никакого образованія, что всѣ части учебнаго дѣла требуютъ или рѣшительнаго преобразованія или значительнаго исправленія: воспитанницы распределялись по классамъ безъ всякаго отношенія къ ихъ успѣхамъ; въ одномъ и томъ же классѣ онѣ были разныхъ возрастовъ; русскій языкъ ни въ теоріи, ни въ практикѣ почти не существовалъ; всѣ предметы преподавались на французскомъ языкѣ; четыре предмета читались однимъ учителемъ, прочіе — классными дамами; воспитанницы переводились изъ класса въ классъ по

успѣхамъ во *французскомъ* языкѣ; русскую словесность преподавалъ протоіерей, ученицы его изучали тайны витійства съ величайшею скукою и потерю времени; единственное знаніе, какое выносили полтавскія институтки, было знакомство съ французскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, подобныхъ замѣтокъ о внутренней жизни заведеній мало встрѣчается въ книгахъ Е. І. Лихачевой. Неужели нельзя было ихъ почерпнуть изъ отчетовъ ревизоровъ?

Въ Кіевѣ генераль-губернаторъ графъ Левашевъ еще въ 1833 г. подалъ мнѣніе объ учрежденіи института, находя, что умственное образованіе будущихъ матерей еще болѣе необходимо, чѣмъ воспитаніе юношей: *«владычество женщинъ надъ сердцами и умами мужей и дѣтей своихъ все производитъ»*. Тогда же и попечитель округа фонъ Брадке писалъ, что правительству необходимо взять въ свои руки женское воспитаніе въ Юго-Западномъ краѣ. Въ живомъ вниманіи къ этимъ представленіямъ, въ 1834 г. повелѣно было Московскому опекунскому совѣту выдать 500,000 р. на устройство *Кіевского института*, а Приказамъ Кіевскому, Полтавскому и Черниговскому вносить для Кіевского института тѣ суммы, которыя доселѣ вносили они на институтъ Полтавскій (последнему, въ замѣнъ ихъ, отпущено 200,000 р. изъ Московскаго воспитательнаго дома). Цѣлію для Кіевского института было назначено — доставить *безденжное* воспитаніе дѣтямъ *бѣдныхъ* дворянъ губерній Кіевской, Вольнской и Подольской, а дочерямъ достаточныхъ родителей—за умѣренную плату. Число воспитанницъ опредѣлено въ 120, изъ коихъ 60 на счетъ Приказовъ, а 60 своекоштныхъ, съ платой по 800 р. асс. Учебная часть поручалась попечителю округа и инспектору классовъ. Институтъ былъ открытъ въ 1838 г., а въ 1843 перешелъ въ собственный домъ; въ 1852 г. число воспитанницъ увеличено до 170.

Въ 1834 г. дворянство *Тамбовской* губерніи постановило учредить институтъ для воспитанія 12 бѣдныхъ дворянскихъ дочерей и собрать 222,000 р.; но сборъ шелъ очень медленно, такъ что институтъ былъ открытъ только въ 1843 г., 6 августа, на 87 воспитанницъ дворянъ и высшаго купечества; въ числѣ ихъ было 8 пенсіонерокъ государя и государыни, 12 дворянскихъ (потомъ прибавлено еще 12), 27 на счетъ Приказовъ общественнаго призрѣнія и 40 своекоштныхъ. Институтъ получилъ названіе Александринскаго.

Въ 1835 г. градоначальникъ *Керчи* кн. Херхеулидзеви сталъ заботиться объ учрежденіи института въ Крыму. Заручась согласіемъ учителей Керченскаго уѣзднаго училища преподавать за самую умѣренную плату, князь ходатайствовалъ объ открытіи *Керченскаго института* и въ 1836 г. уже совершалъ его открытіе (8 марта). Въ него допускались дочери дворянъ,

оберъ-офицеровъ и кунцовъ, — пенсіонерки съ платою 400 р., полупенсіонерки по 150 р. и вольноприходящія по 50 р. въ годъ. Городъ отпускалъ по 8,000 р., съ тѣмъ, однако, чтобы $\frac{2}{3}$ институтскаго дохода поступали въ пользу города. Учебный курсъ полагался 3-хъ лѣтній. Государь посѣтилъ институтъ въ 1837 г. и нашелъ «небезвредною для нравственности смѣсь вольноприходящихъ съ пенсіонерками». Поэтому число пенсіонерокъ было увеличено до 60, а для приходящихъ рѣшено устроить особое заведеніе. Въ 1845 г. институту было пожертвовано 300,000 р. д. с. с. Кушниковымъ, предназначенныхъ было имъ для института въ Оеодосіи; но по смерти его деньги постушили въ Керченскій, гдѣ учреждено было 16 пенсіонерокъ имени Кушникова, и самый институтъ названъ *Керченско-Кушниковскимъ*.

Въ годъ открытія Керченскаго института было утверждено Положеніе института *Астраханскаго*. На содержаніе его завѣщано было еще въ 1824 г. кунцомъ Колнаковымъ все его состояніе — 90,000 р. Императрица Александра Оеодоровна повелѣла быть открытію 28 ноября 1837 г., почти на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Керчи, содержать въ немъ 10 пенсіонерокъ имени жертвователя и назначить курсъ ученія 4-хъ лѣтній. Здѣсь были и полупенсіонерки, съ платою 250 р., но приходящихъ не было. Городъ давалъ 8,310 р. Въ 1848 г. отмѣненъ приѣмъ полупенсіонерокъ, а число воспитанницъ увеличено до 60-ти.

Въ томъ же 1836 г. повелѣно составить Положеніе объ учрежденіи института въ городѣ *Владимірѣ*. Но дворянство повидимому не сочувствовало мысли объ учрежденіи на *его* счетъ *института*, а изъявило готовность открыть *пансіонъ*, съ содержаніемъ по 3,000 р. изъ дворянскихъ суммъ. Мысль о донушеніи дѣтей купцовъ была отринута государемъ: «*мѣшатъ купеческихъ дѣтей съ дворянскими не нахожу удобнымъ; поэтому и предлагать купечеству участвовать въ семъ дѣлѣ не должно*». Дворянство стало собирать на институтъ, но сборъ шелъ очень медленно, и въ 1853 г. составилъ всего 89,832 р.; скудость сбора объясняли тѣмъ, что большое число дворянскихъ имѣній отходило въ казну. Такимъ образомъ, нужная для института сумма не накопилась, и институтъ не былъ открытъ.

Въ 1841 г. былъ наконецъ открытъ *Казанскій институтъ* въ зданіи, построенномъ на 300,000 р., вырученные отъ продажи имѣній Родіоновой. Въ память ея положено содержать 21 воспитанницу изъ потомственныхъ дворянъ. На содержаніе института повелѣно было семи Приказамъ Общественнаго Призрѣнія сосѣднихъ губерній давать по 5000 р. ежегодно, съ правомъ помѣщать въ немъ 15 пенсіонерокъ. Въ своекоштные принимались дочери купцовъ 1-й и 2-й гильдіи и духовенства. Курсъ ученія 6-лѣтній.

Нижегородское дворянство еще въ 1839 г. положило сдѣлать сборъ изъ собственныхъ доходовъ номѣщиковъ на устройство своего института;

но самый сборъ начался только въ 1842 г., когда помѣщикъ М. Бреховъ завѣщалъ свои имѣнія въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ для воспитанія дочерей *самыхъ недостаточныхъ дворянъ*. Черезъ 10 лѣтъ сборъ дворянства, вмѣстѣ съ пожертвованіемъ Брехова, составилъ 250,000 р. сер., и *Институтъ Нижегородскій* былъ открытъ въ составѣ двухъ низшихъ классовъ. Въ немъ положено было имѣть 16 пенсіонерокъ Брехова и 20 дворянскихъ.

Съ 1839 г. начало собирать капиталъ Саратовское дворянство и къ 1853 г. собрано болѣе милліона ассигнаціями. Институтъ былъ открытъ въ 1854 г. на 30 бесплатныхъ воспитанницъ, принять иодъ иокровительство императрицы и, по особому ходатайству дворянъ, въ непосредственное завѣдываніе великой княгини Маріи Николаевны, почему и названъ *Саратовскимъ-Маріинскимъ*.

Послѣ польскаго возстанія 1831 г. правительство обратило особенное вниманіе на женское воспитаніе въ западныхъ губерніяхъ. Существовавшій съ 1825 г. близъ Могилева пансіонъ смолянки Савичъ правительство перевело на казенную дачу Пиппенбергъ, выдавало ежегодныя пособія, отпустило заимообразно 17,142 р. на постройку зданія, намѣревалось преобразовать его въ институтъ; но сборъ могилевскаго дворянства не достигъ и въ 1854 г. суммы, необходимой только на одну постройку дома, и открытіе института не послѣдовало до самой смерти императора Николая.

Въ 1837 г. утверждень уставъ *Бѣлостокскаго* института на 100 воспитанницъ, не однихъ бѣдныхъ, но вообще дворянъ, дабы распространять въ западныхъ губерніяхъ начала *русской* образованности. Для помѣщенія его, государь отдалъ тамошній дворецъ; начальницу и всѣхъ классныхъ дамъ повелѣлъ назначить *непрѣменно русскихъ*; 20 мѣстъ изъ ста предоставилъ дочерямъ *русскихъ* чиновниковъ. Своекштные пенсіонерки принимались съ платою 150 р. Курсъ ученія и программа тѣ-же, что въ Кіевскомъ. Учителей предписано приглашать самыхъ лучшихъ, въ особенности французскаго языка. Средства для содержанія назначены отъ Приказовъ Минской, Гродненской, Кіевской и Подольской губерній, изъ доходовъ дворцоваго Бѣлостокскаго имѣнія и платы съ пенсіонерокъ.

Существовавшій въ *Варшавѣ* институтъ для образованія *губернаторокъ* графъ Паскевичъ переименовалъ въ 1837 г. въ институтъ для воспитанія *дѣвицъ*. Въ немъ было 4 пенсіонерки государя, 30 казенныхъ, 6 экономическихъ, 10 частныхъ (по 1,500 золотыхъ) и 66 приходящихъ, воспитывавшихся *даромъ*, но съ обязательствомъ прослужить правительству годъ въ званіи учительницы. Главный надзоръ за всѣми частями института порученъ генеральшой *визитаторкѣ* и оставался за ней до 1840 г., когда управленіе имъ было передано совѣту. Воспитанницъ назначено 100 штат-

ныхъ и 100 пенсіонерокъ, съ платою по 1200 злотыхъ. Городъ содержалъ 12 стипендіатокъ. Предписано было — *устъхи съ поседеніи предпочитатъ устъхамъ съ ученіи*. Въ 1843 г. институтъ переведенъ въ Новую-Александрію, близь Варшавы.

Въ 1837 же году повелѣно было устроить *образцовые пансіоны* въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Винницѣ, Житомирѣ, Ровно и Каменецъ-Подольскѣ; содержательницами ихъ назначались *рускія*, и преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ; каждому пансіону назначено пособіе по 1500 р. сер. въ годъ. Но учрежденіе ихъ не было усиленно: содержательницы смотрѣли на пансіоны, какъ на частную собственность. Въ 1843 г. частный образцовый пансіонъ въ Вильнѣ преобразованъ въ *казенный*: въ немъ положено 50 пенсіонерокъ и 25 полупенсіонерокъ, курсъ ученія 4-лѣтній. На польскомъ языкѣ преподавался Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія и польскій языкъ; на французскомъ — всеобщая исторія и всеобщая географія; на русскомъ — все остальные предметы.

Въ 1840 г. по Высочайшей волѣ учрежденъ въ Тифлисѣ *Закавказскій институтъ* на 40 бесплатныхъ воспитанницъ и 20 пенсіонерокъ по 150 р. въ годъ. На содержаніе его назначено 24,500 р. изъ Государственнаго Казначейства и изъ мѣстныхъ суммъ.

Въ 1845 г. былъ открытъ *институтъ въ Восточной Сибири* — въ Иркутскѣ. Еще въ 1828 г. вдова купца 1 гильдіи Елиз. Мпх. Медвѣдниковъ назначила 70,000 р. асс. на устройство въ Иркутскѣ учебно-воспитательнаго заведенія для *сиротъ вообще*. Въ 1838 г. былъ открытъ Сиропитательный Домъ для призрѣнія *дѣвочекъ* и при немъ учрежденъ банкъ въ 50,000 р. Оба эти учрежденія были приняты подъ покровительство императрицы. На первыхъ порахъ въ заведеніе поступали дочери мѣщанъ и цеховыхъ, а вскорѣ затѣмъ, дочери дворянъ и даже богатыхъ. *Это было первое женское учебное заведеніе въ Сибири*. Въ 1845 г. оно преобразовано въ Институтъ, благодаря частнымъ пожертвованіямъ. Казенныхъ воспитанницъ назначено 40, пенсіонерокъ 30, съ платою 250 р. Городъ Томскъ изъ своего банка жертвовалъ ежегодно по 2000 р. на 20 стипендій. Въ 1855 г. разрѣшено принимать дочерей лицъ всѣхъ свободныхъ состояній.

Съ 1845 г. дворянство Войска Донскаго начало ходатайствовать объ учрежденіи въ *Новочеркасскъ института*. Государь нашелъ неужнымъ учить въ немъ, *какъ предметамъ обязательнымъ*, французскому языку, музыкѣ и танцамъ, и призналъ рѣшительно вреднымъ допущеніе полупенсіонерокъ. На постройку отпущено заимообразно 100,000 р. Институтъ открытъ въ 1852 г., въѣренъ попеченію Атамашки-Цесаревны Маріи Александровны, названъ *Маріинскимъ* и состоялъ въ вѣдѣніи Министерства

Народнаго Просвѣщенія. Воспитанницъ въ немъ полагалось 120, изъ нихъ 36 на средства войсковыя, а 84 своекоштныхъ, по 50 р. Курсъ ученія 6-лѣтній.

Кромѣ институтовъ, вновь учреждены или преобразованы нѣкоторыя дѣвичьи училища, пзмѣнены уставы и штаты нѣсколькихъ заведеній, определены новыя источники для содержанія ихъ, повышена должность начальницъ и директриссъ и производились періодическіе осмотры институтовъ статсъ-секретарями и другими лицами въ періодъ времени отъ 1828 по 1855 г.

Одесское училище, существовавшее съ 1817 г., для приходящихъ дѣвицъ всѣхъ классовъ общества, подчинено Совѣту Одесскаго института; программа его расширена, но посѣщеніе училища было бесплатнымъ.

Съ 1832 г. въ Оренбургѣ основано Дѣвичье училище для дочерей низшихъ воинскихъ чиновъ и бѣдныхъ всякаго званія; въ 1848 г. оно преобразовано въ училище для дочерей штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, священниковъ и купцовъ 1-й гильдіи, а въ 1855 г. преобразовано въ *Оренбургскій институтъ для воспитанія дѣвицъ*. Въ немъ 40 воспитанницъ содержалось на счетъ Уральскаго войска и 35 своекоштныхъ съ платою 130 р.

Въ 1834 г. въ *Кіевѣ* основано Обществомъ вспоможенія бѣднымъ, подъ предсѣдательствомъ графини Левашевой, *Училище для бѣдныхъ дѣвицъ, крумыхъ сиротъ всѣхъ сословій*. Уставомъ 1840 г. оно передано въ завѣдываніе Кіевскаго института и поступило подъ покровительство государыни. Преподаваніе иностранныхъ языковъ устранено было изъ него волею государя; воспитанницъ приготавливали преимущественно къ тому, чтобы онѣ могли поступать въ частныя дома надзирательницами за хозяйствомъ, наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обучать ихъ грамотѣ. Въ 1854 г. оно преобразовано въ заведеніе для дочерей недостаточныхъ чиновниковъ и дворянъ и *своекоштныхъ* пенсіонерокъ отъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдіи; училищу указана высшая цѣль — приготавливать домашнихъ учительницъ, и потому въ него введены были иностранныя языки. Въ память предсѣдательницы, устроившей его, оно получило названіе *Училища графини Левашевой*.

Въ Тобольскѣ еще съ 1837 г. задумали учредить школу для дѣвицъ, но сборъ ноступаль туго, и только въ 1854 г. школа была открыта въ двухъ отдѣленіяхъ для приходящихъ дѣвицъ, одно отдѣленіе для 100 дочерей мѣщанъ, другое — для 40 дочерей духовенства и купцовъ. Учители гимназій и уѣзнаго училища преподавали въ школѣ *даромъ*.

Въ 1842 г. статсъ-секретарь Гофманъ осматрѣлъ институты Варшавскій, Кіевскій, Бѣлостокскій, Харьковскій и Московскій. Вслѣдствіе его

отчета о нихъ, государь повелѣлъ составить особый Комитетъ, которому повелѣно было принаровить учебную часть въ женскихъ заведеніяхъ къ главной цѣли женскаго воспитанія и разсмотрѣть уставы ихъ. Комитетъ открылъ свои дѣйствія съ 1844 г., подъ предѣдательствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго. Въ лицѣ принца женскія учебныя заведенія пріобрѣли достойнаго преемника императрицы Маріи. Сынъ высокообразованной великой княгини Екатерины Павловны и самъ европейски воспитанный, принцъ Петръ Георгіевичъ обнаруживалъ до самаго конца своей жизни (1881 г.) неутомимую дѣятельность на пользу женскаго образованія, неусыпныя заботы о нуждахъ заведеній и гуманное отношеніе ко всѣмъ подчиненнымъ, особенно къ воспитанницамъ. Не только женскія учебныя заведенія, но и мужскія разнаго рода,—госпитали, пріюты, богадѣльни и тому под. учрежденія—видѣли въ немъ милостиваго покровителя и любящаго отца. Подъ его предѣдательствомъ комитетъ 1844 г. раздѣлилъ всѣ женскія учебныя заведенія на 4 разряда, сообразно съ званіемъ и происхожденіемъ воспитанницъ, и для каждаго разряда составилъ особую программу учебнаго курса. Къ 1 разряду и при томъ въ 1-е отдѣленіе выдѣлено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, а ко 2-му отдѣленію отнесены Екатерининскія училища, институты — Патріотическій, Харьковскій, Одесскій, Казанскій, Кіевскій, Бѣлостокскій, Закавказскій, Полтавскій, Александринскій въ Тамбовѣ и близъ Варшавы. Ко 2-му разряду причислены: 1-е отдѣленіе Павловскаго института, оба Александровскія училища, Дома трудолюбія, институты Астраханскій и Восточной Сибири. Къ 3-му разряду—солдатскія училища, городскія школы и т. п. заведенія, гдѣ преподавались только необходимые для бѣдныхъ дѣтей предметы, а главнымъ образомъ обучали рукодѣлію. Къ 4-му разряду—спеціальныя заведенія — сиротскія и повивальныя. Комитетъ измѣнилъ пріемный возрастъ (не моложе 10 лѣтъ и не старше 12), обратилъ вниманіе и на физическое воспитаніе, предлагалъ ввести занятія гимнастикой....

Въ 1845 г. учрежденъ Главный Совѣтъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній, которому подчинены были всѣ женскія учебныя заведенія, а ихъ мѣстные Совѣты ограничены тремя лицами — пачальницей, членомъ по учебной части и членомъ по хозяйственной. Назначая принца П. Г. Ольденбургскаго предѣдателемъ Главнаго Совѣта и поручая ему ближайшій надзоръ за всѣми женскими заведеніями, государь сказалъ ему, что принцъ въ этомъ дѣлѣ замѣняетъ его самого. Государь постоянно и самъ обращалъ вниманіе на всѣ части женскаго воспитанія и непремѣнно требовалъ, чтобы оно какъ можно больше было принаровлено къ будущему назначенію воспитанницъ, согласно съ званіемъ, состояніемъ и образованіемъ родителей ихъ.

Въ 1846 г. для большаго наблюденія за воспитаніемъ въ институтахъ была учреждена должность почетныхъ попечительницъ, которыя назначались императрицею. Тогда-же было утверждено Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями.

Въ 1848 г. при Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ былъ открытъ пансіонъ для 35 дочерей чиновниковъ института и мѣстнаго дворцоваго правленія.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Приказы Общественнаго Призрѣнія отпускали на разные институты 63,000 р. въ годъ и уже просили освободить ихъ отъ этой уплаты. А тамъ событія влекли къ Крымской войнѣ. И вотъ почему открытіе институтовъ, предложенныхъ въ Могилевѣ, Орлѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ, было отложено. Важнѣйшимъ источникомъ для содержанія институтовъ было повелѣно считать плату съ пенсіонерокъ.

Выше было замѣчено, что Дома Трудолюбія въ Петербургѣ, Москвѣ и Симбирскѣ были переименованы въ Елизаветинскія училища; государь посѣтивъ Симбирское въ 1836 г., отозвался о немъ: *«ничего лучше онаго я не нашелъ»*. Рязанскій Домъ Трудолюбія опредѣленъ былъ въ 1846 г. только для дѣвочекъ. Около сего времени появился Домъ Трудолюбія и въ Пензѣ.

Въ 1850 г. императрица пригласила цесаревну Марію Александровну и великую княгиню Марію Николаевну взять на себя ближайшее наблюденіе за воспитаніемъ въ институтахъ и доводить до ея свѣдѣнія свои замѣчанія.

Къ 1853 году, ко дню 25-лѣтія женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительствомъ императрицы Александры Оеодоровны, число ихъ возросло съ 14 до 31 (новыхъ возникло: 2 въ С.-Петербургѣ, 1 въ Москвѣ, 14 въ губерціяхъ), не считая предложенныхъ къ открытію. Въ 1853 г., по смерти статсъ-секретаря Лонгинова¹⁾, находившіеся въ его вѣдѣніи институты и училища были присоединены къ учрежденіямъ императрицы Маріи, такъ что въ вѣдѣніи Главнаго Совѣта состояло до 46 женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній (39 закрытыхъ и 7 открытыхъ). Учащихся въ нихъ было 6860; изъ нихъ на казенномъ содержаніи 3626, пенсіонерокъ 3234. Въ столичныхъ заведеніяхъ училось 4755 дѣвицъ, въ губернскихъ 2105. Въ заведеніяхъ 1-го разряда 2511, 2-го 1376, 3-го 1279, 4-го 1694. Къ концу царствованія Николая I купеческія дочери 1-й и 2-й гильдіи были допускаемы пенсіонерками даже въ перворазрядныя институты. Сумма

1) Н. М. Лонгиновъ род. 15 авг. 1780, ум. 21 дек. 1853 г. въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

на содержаніе заведеній увеличена противъ 1828 года почти вдвое. *Неприкосновенный* капиталъ всѣхъ женскихъ заведеній къ 1854 г. образовалъ 8,360,657 р. Въ 1848 году повелѣно составить общій *запасной* капиталъ (для покрытія сверхштатныхъ расходовъ) и къ 1853 г. онъ возросъ до 3,508,271; кромѣ того составленъ былъ общій *пенсіонный* капиталъ.

Кромѣ суммъ, пожертвованныхъ дворянствомъ разныхъ губерній, городами и обществами, явилось много частныхъ пожертвованій, а именно:

Въ 1827 г. отъ московскаго купца Губина	260,000 р. асс.
» 1828 » » Иркутск. купчихи Медвѣдниковой	70,000 »
» 1829 » » П. Демидова 50,000 р., Баташевой	85,800 »
» 1830 » » кн. Оболенскаго	60,000 »
» 1831 » » падв. сов. Калинина	311,789 »
» 1835 » » полковника Курта имѣніе въ	150,000 »
» 1837 » » княгини Е. Р. Вяземской	12,000 »
» 1838 » » майора Колокольцева	300,000 »
» » » г-жи фонъ-Мертенсъ	40,000 »
» » » » Логвиновой земля въ С.-Петербургѣ	
» 1840 » » жителей Варшавы	43,200 р. сер.
» 1841 » » неизвѣстнаго	20,000 »
» 1842 » » помѣщика Брехова имѣніе въ 566 душъ.	
» 1843 » » барона Штиглица	30,000 »
» » » Ярослаvsкаго дворянства	28,600 »
» 1844 » » Левинскаго	16,500 »
» 1845 » » Кушникова	300,000 »
» » » почетнаго гражданина Кузнецова	100,000 »
» 1849 » » княгини Трубецкой	12,000 »
» 1852 » » графа Шереметева	90,000 »
» » » купеч. вдовы Ушаковой	11,500 »
» 1853 » » барона Пирха	19,000 »
» 1854 » » княгини Радзивиллъ	16,000 »

Всего до 1,731,589 р. асс. и 224,800 р. сер., кромѣ имѣнія въ 566 душъ. Надо замѣтить при этомъ, что здѣсь показаны пожертвованія только *свыше 10,000 р.*, а мелкихъ суммъ множество несосчитанное....

Отдѣльно отъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній стояли институты Маріинскій и Повивальный, ввѣренные великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Маріинскому институту дано новое Положеніе (1834 г.), по которому дѣвочки въ немъ приготовлялись быть воспитательницами; число воспитанницъ въ немъ увеличено до 120 и до 180, число пенсіонерокъ до 80; курсъ ученія 6 лѣтъ; для малоуспѣвающихъ учреждено особое *рабочее* отдѣленіе; плата

за пенсіонерку возвышена до 500 р. асс., а съ 1841 года до 180 р. сер. По недостаточности институтскихъ средствъ, государь въ 1834 г. повелѣлъ выдать займообразно на 37 лѣтъ 360,000 р. и кромѣ того 120,000 р. Въ 1853 г. неприкосновенный капиталъ института составлялъ 318,902 р. сер.

Въ первые 6—7 лѣтъ своего управленія женскими учебными заведеніями, императрица Александра Ѳеодоровна часто посѣщала ихъ, особенно Смольный и Екатерининскій институты, присутствовала на ихъ экзаменахъ, очень ласково относилась къ воспитанницамъ, переписывалась съ нѣкоторыми начальницами; но съ 1833 г., по нездоровью своему, она всѣ свои распоряженія по женскимъ учебнымъ заведеніямъ передавала чрезъ статсъ-секретаря Вилламова¹⁾. За то самъ государь Николай Павловичъ весьма внимательно занимался всѣми дѣлами институтовъ, приказывалъ невзначай посѣщать ихъ статсъ-секретарямъ, самъ заѣзжалъ въ нихъ, слушалъ уроки, отвѣты воспитанницъ, наблюдалъ за добротою продовольствія и приготовленія, велѣлъ улучшить ихъ пищу, устраивать прогулки ихъ на свѣжемъ воздухѣ, даже зимою, назначалъ ежегодные осмотры губернскихъ институтовъ, требовалъ, чтобы въ этихъ поѣздкахъ статсъ-секретари и принцъ Ольденбургскій обращали преимущественно вниманіе на нравственное воспитаніе и религіозное образованіе воспитанницъ, велѣлъ учить ихъ церковному пѣнію; на докладахъ объ осмотрѣ заведеній писалъ свои резолюціи, дѣлалъ многостороннія замѣчанія, видимо стремясь упростить бытъ воспитанницъ, сократить объемъ преподаванія, принаровить образованіе ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, пріучить ихъ къ хозяйству и съ этою цѣлію завести почти во всѣхъ заведеніяхъ образцовыя кухни (съ 1844 г.). Въ 1845 г. статсъ-секретарь Лонгиновъ докладывалъ, что матеріальное положеніе губернскихъ институтовъ крайне скудно, особенно въ сравненіи съ Кадетскими корпусами, куда средства даруются щедро, и что въ дворянствѣ замѣчается холодность къ институтамъ, которые все-таки приносятъ несомнѣнную пользу ихъ дѣтямъ и что, напр., воспитанницы Полтавскаго института всегда встрѣчаемы были въ свѣтѣ похвалами и на чредѣ матерей охранили достоинство своего призванія. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ былъ причиною того, что только въ немногихъ институтахъ (даже въ 1853 г.) были глобусы, ландкарты, изображенія животныхъ, важнѣйшіе физическіе приборы; почти нигдѣ не было печатныхъ руководствъ, вполне примѣненныхъ къ образованію дѣвицъ, а библіотекъ въ большей части институтовъ совсѣмъ не существовало. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, общій ходъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, развиваясь и измѣняясь мало по малу, былъ таковъ: умственное воспитаніе въ нихъ было подчинено прав-

1) Григорій Ивановичъ Вилламовъ род. 1773, ум. 1842 г.

Звѣн. Ист.-Фил. Отд.

ственному; въ сочиненіяхъ воспитанницъ обращали особенное вниманіе на добрыя чувства; ношренія (шкурки и багты) въ 1853 г. признаны вредными въ нравственномъ отношеніи; тѣлесныя наказанія допускались; общественное воспитаніе удерживалось строго, и преимущество его указывали въ томъ, что оно возбуждаетъ и поддерживаетъ соревнованіе дѣтей. Начальницамъ дана была полная власть во всемъ, что касалось воспитанія, и онѣ пользовались ею такъ, что Совѣты оставались въ тѣни; нерѣдкія столкновенія съ губерскими властями всегда кончались въ пользу начальницъ. Въ 1847 г. были утверждены инструкціи всѣмъ начальницамъ, класснымъ дамамъ и членамъ Совѣтовъ, начертанныя въ гуманномъ духѣ; въ нихъ, между прочимъ, развитіе умственныхъ способностей воспитанницъ признано однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія: *«безъ образованія ума невозможно истинно достойное челоука образованіе и прочихъ духовныхъ способностей»*; при занятіяхъ и взысканіяхъ предписывалось соображаться съ развитіемъ душевныхъ способностей и съ природными склонностями каждой воспитанницы. (Инструкціи были прекрасны, но исполнители ихъ все еще не были подготовлены къ трудной своей задачѣ). По указаніямъ медицинскихъ авторитетовъ, составлены правила физическаго воспитанія дѣвицъ, опредѣлено время сна, ученія, прогулокъ. Допущены были опять театральныя представленія, и по прежнему устраивались балы и музыкальные вечера. Императрица однако желала, чтобы подобныя увеселенія происходили порѣже и не мѣшали ученію. По учебной части въ этотъ періодъ (1828 — 1855) было улучшено положеніе служащихъ, увеличено жалованье учителей за годовую часть (отъ 70 до 150 р. асс.¹⁾), всѣ учителя женскихъ учебныхъ заведеній были сравнены въ правахъ службы съ учителями мужскихъ заведеній; должность инспектора признана очень важною. Въ 1845 г. при IV Отдѣленіи учрежденъ Учебный Комитетъ, на который возложена разработка программъ во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ того-же года для нѣкоторыхъ предметовъ приглашались *учительницы*, съ меньшимъ, впрочемъ, вознагражденіемъ сравнительно съ учителями. Курсы въ институтахъ сокращены; отмѣнены особые уроки пепиньеркамъ; увеличены средства на бібліотеки; составлены нормальные каталоги книгъ на 3-хъ языкахъ для чтенія воспитанницамъ; отмѣнено преподаваніе геометріи, физики, особенно тамъ, гдѣ не было физическихъ кабинетовъ; по преподаванію всѣхъ предметовъ на *русскомъ языкѣ* еще не допускалось даже въ низшихъ классахъ. Выпуск-

1) Любопытно, что учителю танцевъ платили въ 1842 г. въ Полтавскомъ институтѣ 2500 р. сер., да столько же получалъ онъ и въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, и такой учитель считался *«безцѣнною случайностію, необыкновеннымъ счастіемъ института»*, по отзыву статсъ-секретаря. (III, 107).

нымъ воспитанницамъ изъ заведеній 1-го разряда предоставлены (еще въ 1834 г.) права на званіе *домашнихъ учительницъ*, а съ 1855 г. на званіе *домашнихъ наставницъ*, на основаніи аттестатовъ, полученныхъ ими изъ воспитавшаго ихъ заведенія. Преобразование коснулось и заведеній, состоявшихъ въ вѣдѣніи великой княгини Елены Павловны. Въ Маріинскомъ институтѣ расширена была программа и сравнена съ программой Смольнаго. Въ преобразованіи учебной части Повивальнаго института живое участіе принималъ князь Вл. Ѳ. Одоевскій; тамъ отмѣнены элементарные классы.

Въ 1847 г. были открыты педагогическіе классы при Александровскихъ училищахъ—Петербургскомъ и Московскомъ; воспитанницы поступали въ нихъ только по собственному желанію и, конечно, съ согласія родителей. Курсъ ученія продолжался два года; особенное вниманіе было обращено на педагогику, физика преподавалась на нѣмецкомъ, а естеств. исторія на французскомъ, единственно для большей практики въ иностранныхъ языкахъ; изъ 36 часовъ въ недѣлю 18 часовъ занимались воспитанницы съ ученицами младшихъ классовъ. По окончаніи курса, воспитанницы получали дипломъ на право преподаванія и въ частныхъ домахъ, и въ казенныхъ заведеніяхъ. Въ то-же время были преобразованы классы при Сиротскихъ Институтахъ. Прежній 17-лѣтній курсъ сокращенъ до 13 л. И здѣсь главное вниманіе было обращено на изученіе языковъ (знаніе которыхъ болѣе всего требовали отъ гувернантокъ родители), поэтому многіе предметы, даже русская исторія, преподавались на иностранныхъ языкахъ; прибавлены педагогика и дидактика; выпускныя кандидатки посылались въ разные институты на 2, на 3 мѣсяца для пріобрѣтенія навыка въ преподаваніи; въ 1849 г. былъ учрежденъ гимнастическій классъ, какъ полезный для учительницъ танцевъ.

Для эстетическаго образованія воспитанницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ по прежнему продолжалась декламация на трехъ языкахъ, какъ особый предметъ, и разучивались небольшія драматическія представленія. Музыкѣ обучали во всѣхъ институтахъ первыхъ двухъ разрядовъ, и для уроковъ въ спеціальному музыкальному классѣ приглашались первоклассные артисты; но ни одна воспитанница не должна была выходить только учительницей музыки, не выходя вмѣстѣ съ тѣмъ или кандидаткой или домашней учительницей; впрочемъ, курсъ наукъ ихъ былъ короче, чѣмъ другихъ дѣвицъ. Выпускныхъ музыкальныхъ воспитанницъ снабжали мебелью и фортепиано. Для рукодѣлій назначаемы были преимущественно канпикюлы; усилено было обученіе кройкѣ и шитью; по волѣ императрицы отмѣнены во всѣхъ институтахъ дорогія и роскошныя работы воспитанницъ для поднесенія ей.

Въ 1851 г. принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, осмотрѣвъ институты Кіевскій, Одесскій, Керченскій, Полтавскій и Харьковскій, остался недоволенъ ихъ учебной частью. Для улучшенія дѣла онъ, съ разрѣшенія государя, составилъ немедленно «*Наставленіе для образованія воспитанницъ*»; въ немъ о каждомъ учебномъ предметѣ и искусствѣ было показано: въ какомъ духѣ и объемѣ они должны быть преподаваемы для удовлетворенія существеннымъ потребностямъ женскаго воспитанія. Трудъ Принца былъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ, Главнымъ Совѣтомъ и самимъ государемъ. Понятно, что въ «*Наставленіи*» отразилось вліяніе тогдашняго времени и взгляды правительственныхъ лицъ, особенно генерала Ростовцева. Соотвѣтственно «*Наставленію*» принца, были составлены подробныя программы по каждому предмету и въ 1853 г. введены въ видѣ опыта на 3 года; въ томъ же духѣ писались учебники, пріобрѣтались книги для библіотекъ.

Что сказать въ заключеніе объ этомъ періодѣ женскаго образованія? Свѣтъ и тѣни были всегда и вездѣ; были они и здѣсь. Мы не позволимъ себѣ судить прошлое съ современной точки зрѣнія. Послушаемъ, что говорили о немъ тогда.

Бывшія воспитанницы оставили въ своихъ запискахъ не мало горькихъ воспоминаній объ отношеніяхъ къ нимъ начальницъ, классныхъ дамъ, о плохой пищѣ, о стѣсненіи свободы, о жизни взаперти и пр. Въ III-й книгѣ Е. І. Лихачевой приводятся отрывки изъ воспоминаній четырехъ бывшихъ воспитанницъ столичныхъ и провинціальныхъ институтовъ — Бѣльской, Н., Дол—евой, Кохановской, — въ нихъ жизнь институтская описывается темными красками, и причиною такой жизни ставится *система закрытаго воспитанія*... Мы затрудняемся дать полную вѣру этимъ рассказамъ; мы видимъ въ нихъ преувеличенную жесткость: это — обычная замашка молодежи хулить стариковъ и все старое. Были же несомнѣнно и свѣтлыя стороны въ прошедшемъ воспитаніи, сохранились и добрые отзывы о немъ авторитетныхъ людей (не говоримъ о журнальныхъ подцензурныхъ отзывахъ). Гоголь въ 1831 г., въ письмѣ къ матери, искренно называлъ *превосходными* заведенія для дѣвицъ, особенно институты Патріотическій и Екатерининскій. Анненковъ говоритъ, что еще въ 30-хъ годахъ въ Москвѣ были женщины, думавшія о разумной жизни въ обществѣ и вліявшія не только на окружающихъ, но, по своимъ связямъ, и на круги въ провинціи. Грановскій читалъ лекціи нѣсколькимъ дамамъ въ кабинетѣ Н. А. Герценъ. А вотъ что въ 1871 г. публично говорилъ вліятельный инспекторъ Кіевскаго института — В. Я. Шульгинъ: 1) «запросъ на институтское воспитаніе не упалъ до сихъ поръ, не смотря на размноженіе въ краѣ, въ послѣднее время, открытыхъ и полуоткрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, не смотря на

значительное возвышеніе платы за институтское образованіе; 2) воспитанницы кіевскаго института, сдѣлавшіяся матерями семействъ, большею частію *въ него же* отдавали *до сихъ поръ* своихъ дѣтей на воспитаніе, и институтъ воспитывалъ втеченіе 33 лѣтъ по нѣскольку дѣвицъ разнаго возраста изъ однихъ и тѣхъ же семействъ... *Для себя* институтъ, въ теченіе 33 лѣтъ, образовалъ изъ своихъ воспитанницъ до 20 воспитательницъ и учительницъ»¹⁾... Проходитъ еще 18 лѣтъ, и вотъ что говорилъ въ церкви высокообразованный педагогъ, архіепископъ Херсонскій Никаноръ (IV, 476): «Наилучшимъ образомъ приспособлены были сколько къ духу христіанства, столько же и къ потребностямъ общества, именно наши институты благородныхъ дѣвицъ,—хотя недавно прошло то время, что они подвергались *самому тяжкому, зловредному скалозубію*. Они возникли изъ христіанскаго строя, съ общечеловѣческимъ назначеніемъ готовить женщину для общественной жизни, съ строго христіанскимъ настроеніемъ. — Осмѣянная институтская наивность проходитъ черезъ полгода, черезъ годъ; а остается въ женщинѣ на весь вѣкъ высокоцѣнный и глубокопривлекательный залогъ сдержанности, и благовоспитанности, и страха Божія, который не всегда вывѣтривается и бурями современной жизни. Что заложено въ душу въ дѣтствѣ, съ колыбели, то скажется и у могилы». Были-же воспитанницы, которыя если не печатали, то вспоминали о своей школьной жизни съ благодарностію (III, 109); были и такіе случаи, что эта благодарность высказывалась искренно еще въ стѣнахъ заведеній (II, 235). Намъ вспоминаются въ «Москвитинѣ» 1851 г. три стихотворенія воспитанницъ Елисаветинскаго училища и Патріотическаго института на 50-лѣтній юбилей Н. М. Лонгинова; не все же въ нихъ риторика и ложь!.. Были и среди начальницъ свѣтлыя личности, о которыхъ и доселѣ не угасла память. О начальницѣ Воспитательнаго Общества М. П. Леонтьевой († 1874) вспоминалъ съ уваженіемъ, *спустя 15 лѣтъ послѣ ея смерти*, въ церковной проповѣди архіеп. Никаноръ (IV, 477): «Одну изъ наиболѣе высокодостойныхъ женщинъ я видѣлъ и зналъ на своемъ вѣку въ лицѣ Маріи Павловны Леонтьевой, которая сорокъ лѣтъ до глубокой старости свѣтила русскому міру, всѣмъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ и всему начальствующему и учащему въ нихъ составу, какъ велячавое свѣтило на свѣщницѣ начальствованія въ старѣйшемъ изъ русскихъ—Смольномъ институтѣ. Вотъ настоящій типъ матери десятковъ тысячъ дочерей: мѣрная, сдержанная, высокообразованная, высокотонная, высокобезукоризненная въ каждомъ словѣ и движеніи и въ тоже время истинная, непрятаяшаяся,

1) Рѣчь Шульгина на выпускѣ 1871 г.

Христа, неліцебѣрная до послѣдняго издыханія христіанка»¹⁾. Подражательницу Леоновой архіеп. Никаноръ указывалъ въ лицѣ умершей начальницы Одесскаго института — А. О. Чикуновой († 1889). И вообще начальницы того времени высказывались откровеннѣе въ своихъ допесеніяхъ и строже относились къ неуспѣхамъ воспитанницъ. Среди инспекторовъ классовъ и учителей встрѣчается не мало лицъ весьма извѣстныхъ — Бунге, Галаховъ, Гоголь, Гулакъ-Артемовскій, Иваншевъ, Иконниковъ, Ильенко, Костомаровъ, Никитенко, Павловъ, Петрушевскій, Плетневъ, Рѣдкинъ, Соколовскій, Стасюлевичъ, Чистяковъ, Шульгинъ, Яновичъ. Отъ такихъ преподавателей воспитанницы (какъ сами же онѣ печатно признавали) получали *«образование достаточное для нашего пола»*. И статсъ-секретари находили въ нѣкоторыхъ институтахъ *отличное преподаваніе* (даже слишкомъ пространное) и *очень хорошіе успѣхи* воспитанницъ, хотя все-таки рекомендовали преподавать исторію и географію на французскомъ; но государь на одномъ изъ докладовъ ихъ въ 1844 г. написалъ: *«съ этимъ я не согласенъ, ибо нѣтъ большой пользы въ томъ, чтобы хорошо болтали по французски, а по русски не умѣли хорошо говорить, а потому надо всячески стараться ихъ болѣе утверждать въ русскомъ языкѣ»* (II, 107 с.)²⁾. Къ изумленію, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на французскомъ и нѣмецкомъ яз. удержалось и въ 50-хъ годахъ. Какъ бы ни было, почтимъ добрымъ словомъ все то, что удалось институтамъ сдѣлать хорошаго, и признательно помянемъ горячее участіе въ жизни ихъ принца П. Ольденбургскаго и самого государя Николая Павловича. Но средствъ для *высшаго* женскаго образованія въ 1853 году еще не доставало и въ столицахъ. — Прекрасное предисловіе автора къ III книгѣ является ея заключительнымъ выводомъ о значеніи дореформеннаго образованія.

Во всѣ заведенія, о которыхъ доселѣ шла рѣчь, принимались дочери почти исключительно дворянъ, изрѣдка — купцовъ; дочери другихъ сословій неизмѣнно и настойчиво устранились; наконецъ, настала и имъ очередь получить систематическое образованіе. Прослѣдимъ развитіе его въ порядкѣ времени, начиная съ *духовнаго* сословія.

Училища для дѣвочекъ, или точнѣе сказать — пріюты, существовавшіе издавна при монастыряхъ, продолжались непрерывно, но монастыри ста-

1) Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и поясненія Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, т. IV. Одесса 1890 г.

2) Въ 1849 г. Евгенія Туръ, въ своей повѣсти «*Ошибка*», переводя французскій разговоръ матери съ дочерью, замѣтила: *Наши милыя дамы не умѣютъ двухъ словъ сказать по русски*. (Соврем. 1849, № 10, стр. 193). Но это тоже можетъ быть «*ошибка*», или обмолвка, если говорилось *вообще* о русскихъ свѣтскихъ дамахъ 40-хъ годовъ. Вѣдь тогда уже писали Закревская, Зинаида Р—ва, Зоввтагъ, Ишимова, гр. Ростопчина, Жукова, Дурова, Жадовская, Павлова и мн. друг.

рались этихъ дѣвочекъ приготовить для себя только; противъ этого возстало правительство, издавъ въ 1832 г. законъ, которымъ предписано было принимать въ женскіе монастыри малолѣтнихъ сиротокъ для воспитанія и обученія рукодѣліямъ, но непременно отпускать ихъ изъ монастыря, когда онѣ найдутъ случай благонадежно пристроиться. Самымъ значительнымъ изъ пріютовъ былъ *Московский*, открытый въ 1832 г. при Горихвостовскомъ Домѣ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія. Домъ этотъ былъ устроенъ на 400,000 р. асс., пожертвованныхъ капитаномъ гвардіи *Д. П. Горихвостовымъ*; при немъ-то было открыто воспитательное отдѣленіе, гдѣ давалось дѣтямъ нѣкоторое умственное образованіе; здѣсь же была устроена и церковь, освященная митроп. Филаретомъ. Отдѣленіе имѣло цѣлю — доставить истинно бѣднымъ сиротамъ женскаго пола разныхъ званій, преимущественно духовнаго, образованіе, приготовляющее ихъ ко вступленію въ общество. Оно было заведеніемъ строго закрытымъ; на содержаніе полагалось 64 р. въ годъ на каждую воспитанницу; выпуски дозволялись во всякое время; при выпускѣ давалось 150 р.

По уставу духовныхъ консисторій (1841), вмѣнялось въ обязанность каждому епархіальному начальству — заводить при церквахъ и монастыряхъ училища для обученія дѣтей не только духовенства, но и поселянъ; но духовенство почему-то было предубѣждено противъ этой мѣры, и въ данномъ году мы знаемъ училище только при Галичскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ было всего 6 воспитанницъ. Указъ былъ повторенъ въ 1846 г. Лучшимъ оказалось училище при Нижегородскомъ женскомъ монастырѣ; въ немъ было 10 дѣвочекъ разныхъ сословіи; всѣ онѣ жили въ монастырѣ, имѣли общую монастырскую трапезу и одежду, обучались чтенію, письму, священной исторіи, ариметикѣ и золотошвейному искусству. Въ 1848 г. епископъ Нижегородскій Іаковъ Вечерковъ просилъ Св. Синодъ — предначинать это училище исключительно для дѣвицъ духовнаго званія; однако, по недостатку помѣщенія, средствъ и людей, все осталось по прежнему. Но уже началось новое, успѣшное образованіе для дочерей духовенства.

Въ 1843 г. неизвѣстное лицо (думаютъ, что это была г-жа Н. Шульцъ) подала великой княжкѣ Ольгѣ Николаевнѣ записку, что въ провинціи дѣвицы духовнаго званія большею частію не получаютъ никакого образованія, и поэтому многіе сельскіе священники бѣдствуютъ, имѣя женъ глухыхъ, упрямыхъ, неспособныхъ быть имъ другомъ, и подвергаются разнымъ искушеніямъ. Посему крайне необходимо учредить особыя учебныя заведенія для дочерей священниковъ, особенно сельскихъ; тамъ должны воспитываться дѣвицы исключительно для семьи, быть достойными супругами служителей алтаря Господня, помогать имъ поддерживать порядокъ и чистоту въ церквахъ, шить свящ. одежды на престолѣ, воздуха, ризы

и проч., готовить лекарства для больных, хорошо воспитывать своих детей, вести хозяйство въ совершенствѣ. — Записка была передана оберъ-прокурору Св. Синода; разумѣется, прокуроръ не замедлилъ представить императрицѣ свой докладъ о томъ, что мысль устроить воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія постоянно озабочиваетъ духовное начальство, тѣмъ болѣе, что женское образованіе распространено на всѣ сословія, кромѣ одного духовнаго, имѣющаго въ томъ преимущественную нужду; а межъ тѣмъ ни одно изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не можетъ служить образцомъ для духовнаго женскаго училища: правила Церкви, образъ мыслей духовенства и самый народъ требуютъ, чтобы всѣ лица духовнаго званія не выходили изъ духовнаго вѣдомства, и воспитаніе дочерей священниковъ должно состоять подъ надзоромъ духовнаго начальства. Но и этому воспитанію необходимо животворное вниманіе императрицы и особое попечительство великой княжны Ольги Николаевны. Оберъ-прокуроръ предлагалъ учредить въ Царскомъ Селѣ образцовое воспитательное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія, въ видѣ опыта, на средства, какія духовное начальство само изыщетъ. Дѣло пошло быстро. Составленъ былъ и утвержденъ 15 августа 1843 г. проектъ устава училища; въ немъ опредѣлялся комплектъ въ 60 воспитанницъ только изъ бѣдныхъ и многочисленныхъ семействъ, но допускались и пенсіонерки съ платою по 60 р. въ годъ; на содержаніе училища повелѣно выдавать изъ духовно-училищныхъ капиталовъ по 10,169 р. ежегодно и отпущено 1,500 р. одновременно на обзаведеніе училища; а при выпускѣ воспитанницъ выдавать каждой по 75 руб. и необходимыя вещи въ приданое. 22 октября 1843 г. *Царско-Сельское училище* было открыто, въ присутствіи государя, государыни, всѣхъ великихъ князей, княгинь и княженъ; освященіе дома совершилъ митрополитъ Антоній; вел. княжна Ольга пожертвовала 15,000 р. асс. на награды воспитанницамъ. Черезъ два года училище въ умственномъ и нравственномъ образованіи дѣвицъ и въ хозяйственной части достигло такого благоустройства, что послужило образцомъ для учрежденія другихъ училищъ. Уставъ его разосланъ во всѣ епархіи.

Въ 1844 г. при Полоцкомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ открыто училище для священническихъ дочерей, на 21 воспитанницу; ихъ обучали монахини и духовникъ монастыря; воспитанницы помѣщались въ монастырѣ, готовили кушанье, доили коровъ, разливали молоко, дѣлали масло, работали въ саду и въ огородѣ, занимались удобреніемъ и обработкою земли и пр. Синодъ въ послѣдствіи оказалъ поддержку, назначивъ сумму на 20 спроть (по 30 р.) и 10 полупенсіонерокъ (по 15 р. въ годъ).

Въ 1846 году было открыто, по образцу Царско-Сельскаго, училище въ Солигаличѣ, переведенное потомъ въ *Ярославль*, по съ сокращеннымъ

штатомъ и на 45 воспитанницъ. Потомъ ему оказано пособіе въ 10,000 р. изъ пожертвованныхъ духовному вѣдомству денегъ. Многія изъ ярославскихъ воспитанницъ, будучи уже замужемъ, завели школы и повели дѣло въ нихъ такъ успѣшно, что сосѣдніе крестьяне обращались къ начальницѣ съ просьбами исходатайствовать имъ священника, женатаго на воспитанницѣ училища.

Въ 1847 г. положено основаніе такому же училищу въ Иркутскѣ, гдѣ почетный гражданинъ Кузнецовъ пожертвовалъ 44,000 р. и матеріалъ для постройки дома. Здѣсь комплектъ былъ на 24 воспитанницы и столько же пенсіонерокъ.

Въ 1847 же году основано училище *Симбирское* еписк. Θεодотіемъ при Спасскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь наставники семинаріи преподавали даромъ, врачъ лѣчилъ даромъ, аптекарь отпускалъ лѣкарства даромъ; монахини учили рукодѣліямъ, разумѣется, даромъ. Училище открыто въ видѣ пріюта на 12 сиротъ и принято населеніемъ хорошо. Изъ пожертвованій составилъ къ 1850 г. капиталъ въ 20,000 р. Преосвященный Θεодотій радовался, что дѣти цвѣли здоровьемъ, вели себя пристойно и учились весьма удовлетворительно. Казенныхъ воспитанницъ полагалось 20, принимались и пенсіонерки, и желающихъ было много. Воспитанницъ учили, между прочимъ, хожденію за большими въ устроенной при училищѣ больницѣ, и опытному домохозяйству. Выходящимъ замужъ выдавалось пособіе.

Въ 1848 г. открыто училище при Вяземскомъ монастырѣ для 20 воспитанницъ на суммы епархіальнаго вѣдомства, кромѣ своекоштныхъ допускались дѣвицы и другихъ званій. Уставъ былъ согласованъ съ Царско-Сельскимъ. Въ 1851 г. училище переведено въ Смоленскъ. Въ 1855 г. въ немъ было уже 65 воспитанницъ, въ томъ числѣ 4 дочери чиновниковъ, 1 мѣщанка. Капиталъ его возросъ до 14,000 р.

Въ 1850 г. государь повелѣлъ — изъ завѣщанныхъ графиней А. А. Орловой-Чесменской «свободныя 100,000 р. всѣ назначить на женскія училища духовнаго вѣдомства, но не при монастыряхъ, а по образцу Царско-Сельскаго, ибо они должны готовить дѣвицъ для свѣтской жизни, а не для затворнической». Въ исполненіе воли государя постановлено устроить училище въ Казани на 30 воспитанницъ и 30 пенсіонерокъ.

За отъѣздомъ вел. княжны Ольги Николаевны изъ Россіи, духовныя училища поступили въ вѣдѣніе цесаревны. По ея желанію, духовное начальство стало заботиться объ устройствѣ участи вынускаемыхъ воспитанницъ выдачею ихъ замужъ; для этого оно предлагало лучшія мѣста тѣмъ перворазряднымъ семинаристамъ, которые захотятъ жениться на царско-сельскихъ воспитанницахъ. Вслѣдствіе этого не осталось ни одной восни-

тапицы 1-го выпуска, которая не была бы устроена. Но съ учащеніемъ выпускковъ замужество становилось труднѣе.

Въ 1853 г. открыто *Харьковское* училище епископомъ Филаретомъ, который сталъ заботиться о немъ еще съ 1847 года, а къ 1853 г. уже успѣлъ собрать 23,000 р. Городской голова пожертвовалъ матеріалы и капиталъ на постройку 3-хъ этажнаго дома. Отъ постройки осталось 16,000 р., ежегодно собиралось въ пользу училища до 3,000 р., много поступило пожертвованій вещамъ, — и училище развивалось успѣшно.

Рязанскій архіепископъ Гавріилъ (Городковъ), въ заботѣ о сиротахъ послѣ холеры 1848 г., еще тогда пригласилъ духовенство къ пожертвованіямъ на устройство училища; собрано было 12,000, и обѣщанъ ежегодный взносъ по 2,325 р. Но Св. Синодъ замѣтилъ, что законъ не дозволяетъ производить сборъ съ подчиненныхъ, и предписалъ отмѣнить его, и даже суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія не позволялъ употребить на устройство женскаго училища. Однако, архіепископъ Гавріилъ неотступно ходатайствовалъ, настойчиво писалъ, что «суммы попечительства растутъ ежегодно, а потребности въ нихъ не предвидятся... *испрашивается не чужое, а свое и для своихъ; капиталъ попечительства могъ составиться и не составиться... между тѣмъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ — прямое назначеніе попечительства*». Синодъ согласился наконецъ, и училище было открыто въ 1855 г. Учителя согласились преподавать *даромъ*.

Мало по малу женскія духовныя училища, хотя большею частію въ видѣ пріютовъ, распространились по Россіи; въ 1855 г. мы видимъ ихъ даже по окраинамъ — въ Екатеринбургѣ, Каргополѣ, Перми, Астрахани. А пожертвованій въ пользу ихъ поступало немного. Кромѣ извѣстнаго уже пожертвованія Горихвостова, замѣчательно пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ и нищихъ отъ шапочнаго мастера Макушинова, которое къ 1852 г. возрасло до 75,294 р.; около половины его употреблено на монастыри, остальное — на духовныя женскія училища. Другое пожертвованіе маюрши Азанчевой въ 20,000 р. опредѣлено на богоугодныя заведенія, тюремныя замки и т. под. Наконецъ — пожертвованіе графини Орловой — въ каждую епархію по 6,000 р., въ 340 монастырей по 5,000 р., а Полоцкому монастырю 11,000 р. Конечно, изъ всѣхъ этихъ суммъ нѣкоторая доля перепала и на воспитаніе дѣвочекъ духовенства. Намъ гораздо пріятнѣе указать на то, что нерѣдко учителя гимназій, семинарій, училищъ изъявляли готовность учить въ женскихъ училищахъ *даромъ*. Такъ, напр., было въ Архангельскѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Рязани, Симбирскѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ, Харьковѣ, Яренскѣ; учителя яренскаго училища даже платили жалованье отъ себя надзирательницѣ.

Внутренній бытъ каждаго изъ духовныхъ женскихъ училищъ совершенно вѣрно очертилъ преосвящ. Іоаннъ, епископъ Смоленскій, въ одной изъ своихъ рѣчей: «Сама жизнь, наша сословная жизнь, устроила это училище такъ, что печѣмъ вознаграждать учителей за труды; сама жизнь шьетъ воспитанницамъ ихъ же собственными руками рубашки изъ грубѣйшаго деревенскаго полотна, которое поселанки приносятъ отъ своего усердія къ чудотворной Смоленской иконѣ Богоматери, а мы отъ Нея передаемъ сюда; сама жизнь водить здѣсь воспитанницъ на кухню и огородъ, гдѣ онѣ не иначе, какъ по ея указаніямъ, сами готовятъ себѣ незатѣйливую пищу. Не скажу, чтобы мы не желали лучшаго... но да не будемъ оторваны въ духѣ отъ жизни, отъ той жизни, которая живетъ въ средѣ, ожидающей нашихъ воспитанницъ. Желательно ли было бы, чтобы священнослужитель въ деревнѣ сдѣлался когда нибудь бояриномъ, а его жена — боярыней? Не думаю»¹⁾.

Въ спеціальному образованію женщинъ за этотъ періодъ отмѣтимъ преобразованіе въ 1836 г. Повивальнаго института: къ нему присоединенъ Родильный госпиталь; положено принимать 20 воспитанницъ крестьянскаго сословія, которыя по окончаніи курса опредѣлялись въ сельскія повивальныя бабки; допущены были къ бесплатному слушанію женщины всякаго званія и состоянія, и желающихъ явилось множество. Въ Петербургѣ женщины изучали и зубоврачебное искусство. Въ 1844 г. открытъ 2-хъ лѣтній курсъ повивальнаго искусства при Кіевскомъ университетѣ. Въ томъ же году, по мысли принцессы Терезіи Ольденбургской, основана въ С.-Петербургѣ *Община сестеръ милосердія*, состоявшая изъ семи отдѣленій; сестры, между прочимъ, принимали на себя уходъ за больными, исполняли обязанности фельдшерницъ, завѣдывали аптекою, приготавливали лѣкарства, перевязывали раны. Въ 1854 г. было учреждено при Воспитательномъ Домѣ особое отдѣленіе для приготовленія фельдшерницъ, что имѣло великую важность въ виду открывшейся войны. «Прибытіе сестеръ милосердія на театръ войны — говорила великая княгиня Елена Павловна Пирогову — лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства».

Для элементарнаго образованія дѣвочекъ существовали въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи *дѣтскіе пріюты*, основанные въ 1837 году, по мысли графа Г. А. Строгонова, и школы разныхъ благотворительныхъ

1) Бесѣды Іоанна, епископа Смоленскаго. Изд. 2. 1876, стр. 40—41.

Общество — Патриотическаго, Человѣколюбиваго, Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ. Къ 1853 г. такихъ приютовъ было 81, а школъ 29. Кромѣ того на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, было училище св. Нины, учрежденное въ 1846 г. княгиней Воронцовой для 29 дѣвицъ недостаточнаго состоянія; въ немъ въ 1850 г. было уже 89 ученицъ; явилось 2 училища въ Кутаисѣ, потомъ въ Ставрополѣ, Шемахѣ, Эривани, также основанныя благотворительнымъ Обществомъ.

Въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и при церквахъ иностранныхъ исповѣданій состоялъ цѣлый рядъ училищъ. Старѣйшему, нѣмецкому училищу св. Петра, имѣвшему 5 классовъ для дѣвочекъ, даровано право предоставлять своимъ выпускнымъ воспитанницамъ званіе домашней учительницы.

Были женскія отдѣленія при училищѣ св. Анны, при училищѣ св. Екатерины въ Петербургѣ и въ губерніяхъ. Нѣкоторыя содержались частными лицами, другія — дворянствомъ и городскими обществами и принимали дѣвочекъ купцовъ и мѣщанъ. Въ Архангельскѣ въ 1848 г. возникло училище съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ ученія. Однако, даже въ концѣ 50-хъ годовъ, все еще не было ни одного женскаго учебнаго заведенія въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

Для недостаточныхъ семействъ средняго класса также не было соответствующихъ заведеній въ самомъ Петербургѣ, гдѣ бы дочери небогатыхъ дворянъ и чиновниковъ могли получать образованіе за умѣренную плату; это признавалъ попечитель учебнаго округа и Главный Совѣтъ. Тѣмъ отраднѣе сказать, что еще въ 1823 г., въ Харьковской губерніи, въ Лебедянскомъ уѣздѣ, помѣщикъ *Н. С. Стремоуховъ* открылъ въ своемъ имѣніи школу для *крестьянскихъ* дѣвочекъ. Онъ руководился убѣжденіемъ, что необходимо обратить вниманіе прежде всего на обученіе женщинъ, приготовить образованныхъ матерей, и тогда легко и скоро распространится просвѣщеніе вездѣ въ Россіи; но при этомъ каждая женщина должна быть истинною христіанкою, т. е. получить религіозно-нравственное образованіе. Въ школѣ его учились дѣвочки чтенію, письму, закону Божію, первымъ дѣйствіямъ ариметики, церковному пѣнію, плели соломенные и корневья шляпы, сами себѣ готовили обѣдъ, работали въ саду и огородѣ; словомъ — имъ давалось образованіе, приуроченное къ потребностямъ ихъ быта. Учителями въ школѣ были семинаристы, а потомъ и выпускныя ученицы школы. Одна изъ нихъ была приглашена въ Ахтырскій уѣздъ, и тамъ всѣ остались ею очень довольны, выдали ей вознагражденіе и благодарили за нее Стремоухова; подъ благодарственнымъ письмомъ подписались священникъ, волостной старшина, засѣдатель, сельскій старшина и сборщикъ податей. Школа Стремоухова была великимъ дѣломъ помѣщика, но едва ли

она была согрѣта чьимъ либо вліятельнымъ участіемъ, такъ какъ до 1845 г. о ней почти вовсе не знали. Вообще медленно развивалось начальное *народное* образованіе; для дѣвочекъ почти совсѣмъ не существовало особыхъ училищъ; были только отдѣленія при нѣкоторыхъ мужскихъ училищахъ, куда дѣвочки приходили послѣ обѣда, по окончаніи классовъ мальчиковъ. По Уставу 1828 г. дѣвочки допускались только въ *приходскія* училища, которыя должны были содержаться на счетъ городскихъ обществъ; но общества эти были еще слишкомъ равнодушны къ женскому образованію и сборъ съ нихъ поступалъ очень вяло. Въ 1839 г. установлено званіе почетныхъ попечительницъ женскихъ училищъ, но едва ли онѣ что-нибудь сдѣлали. Въ 1849 г. встрѣчаемъ училище въ Рыбинскѣ, куда приходило до 70 ученицъ бѣднѣйшаго населенія, и Дума давала ему пособіе въ 200 р. въ годъ. Въ Тулѣ содержалъ училище на 35 дѣвочекъ почетный гражданинъ Маляковъ съ помощію дворянъ и городского общества. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ волостной старшина пожертвовалъ въ 1841 г. домъ для училища въ с. Раменье. Смотритель Пронскаго училища Барыковъ пожертвовалъ домъ для рязанскаго женскаго училища. Смотритель Яренскаго училища выстроилъ на свой счетъ флигель для двухкласснаго женскаго училища. Наиболее успѣшно развивались училища въ Вологодской губерніи, въ 50-хъ годахъ, такъ что министръ народнаго просвѣщенія въ отчетѣ своемъ писалъ: «Женскія приходскія училища въ Вологдѣ, Грязовцѣ, Кадниковѣ и Яренскѣ служатъ истиннымъ благодѣяніемъ для края». И вообще говоря, можно утверждать, что образованіе женское мало по малу подвигалось впередъ. Такъ, къ 1853 г. число учащихся дѣвочекъ въ одномъ только *Петербургскомъ* учебномъ округѣ было 1172 (а въ 1834 г. по *всей Россіи* было ихъ 1225). Открывались училища и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, но продержались недолго.

Волостныя училища были открыты въ 1830 г., сначала для приготовленія волостныхъ и сельскихъ писарей, а потомъ имъ назначено было распространять и утверждать между *государственными крестьянами* религиозно-нравственное образованіе и первоначальныя необходимыя свѣдѣнія. Училища содержались на общественный сборъ.

Въ *удѣльномъ* вѣдомствѣ появились въ 1832 г. два училища для дѣвочекъ — въ имѣніяхъ Алатырскомъ и Симбирскомъ, куда поступило 66 ученицъ. А въ Саратовскомъ, Оренбургскомъ и Пермскомъ имѣніяхъ у священниковъ училось (къ 1853 г.) 1,000 дѣвочекъ. Замѣчательно, что въ сельскихъ училищахъ число дѣвочекъ постоянно увеличивалось: къ 1853 г. въ сельскихъ училищахъ было ихъ 11,645. Въ селеніяхъ госу-

дарственныхъ крестьянъ въ 1845 г. было учащихся дѣвочекъ 100, а въ 1848 г. ихъ явилось до 2,000.

Этому увеличенію числа ихъ всего болѣе помогло *Московское Общество Сельскихъ Хозяевъ*, обратившее вниманіе на школу Н. С. Стремоухова. Подъ вліяніемъ убѣжденій Стремоухова, секретарь Общества С. А. Масловъ напечаталъ статьи, въ которыхъ предложилъ образовать при Обществахъ сельскаго хозяйства комитеты для распространенія грамотности между *крестьянками*; статьи свои онъ издалъ въ 1845 г. отдѣльною книжкою «*О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи*». Мысль о распространеніи грамотности *черезъ матерей* показалась повою, справедливою, и всѣ журналы обратили вниманіе на книжки Маслова. Разошлись онѣ такъ быстро, что Масловъ нѣсколько лѣтъ повторялъ ихъ, прибавляя статьи все новыя и новыя. Въ нихъ онъ настаивалъ на томъ, что крестьянокъ падо сначала обучать грамотѣ *церковной* и вести ихъ развитіе по Часослову, Псалтырю и Четь-Минеемъ. Къ мыслямъ его сочувственно отнеслись очень многіе, въ томъ числѣ министры внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, Вольно-Экономическое Общество, архіереи, начальницы институтовъ, кн. А. Шихматовъ, кн. В. Львовъ, гр. Комаровскій, Шабельскій и многіе помѣщики и помѣщицы, которые и не замедлили открыть въ своихъ имѣніяхъ школы для дѣвочекъ. Сами крестьяне-родители просили, чтобы дѣтей ихъ учили ежедневно. Въ имѣніи вдовы генерала Рѣпинской женскою школою завѣдывала сама дочь помѣщицы, при помощи воспитанницы Московскаго Воспитательнаго Дома. Въ дѣтскомъ пріютѣ княгини Барятинской дѣвочки обучались, кромѣ грамоты и закона Божія, пряденію льна и шерсти на улучшенныхъ прялкахъ, ткацкому искусству по новѣйшимъ способамъ и вообще домашнему хозяйству, сообразно съ бытомъ ихъ. Въ 1847 г. на Нижнетагильскихъ заводахъ Демидова училось 70 дѣвочекъ. Рвеніе нѣкоторыхъ помѣщиковъ доходило до того, что въ одной школѣ ученицамъ, не выдержавшимъ окончательнаго экзамена (1852 г.), не разрѣшалось выходить замужъ.

Для приготовленія *учительницъ* въ женскія сельскія училища положено было въ 1850 г. поручить священникамъ въ 6 губерніяхъ по 30 дѣвушекъ, съ платою отъ 15 до 30 р. за каждую. Въ 1855 г. число учительницъ доходило до 80, а число учащихся дѣвочекъ до 5,667-ми.

Что касается *частныхъ* учебныхъ заведеній, пансіоновъ, то для надзора за ними были назначены въ 1834 г. особые инспектора, а въ 1835 г. издано Положеніе, по которому всѣ пансіоны должны были, по курсу ученія, приближаться къ соотвѣтственнымъ имъ казеннымъ заведеніямъ. Дѣло въ нихъ шло обычной колеей; на первомъ планѣ стоялъ французскій языкъ

и приличныя манеры. Большинство содержательницъ по прежнему были иностранки. Сколько-нибудь замѣтные пансіоны явились въ 1835 г. въ Царскомъ Селѣ, въ 1836 г. въ Курскѣ, въ 1837 г. въ Черниговѣ, Конотонѣ, селѣ Крапивнѣ (полковницы Козаковой), въ 1842 г. въ Пензѣ, Вяткѣ, въ 1843 г. въ Вологдѣ, въ 1847 г. въ Харьковѣ, Петербургѣ (г-жи Чистяковой, жены М. Б. Чистякова, извѣстнаго педагога). Межъ всѣми ими выдавалось Училище принцессы Терезіи Ольденбургской, учрежденное ею на собственные средства (въ 1841 г.) для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ свободныхъ состояній, съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ. Принцесса купила для него домъ, пригласила наблюдать за ходомъ ученія Плетнева, Гензельта, сама принимала живое участіе, и желающихъ поступить въ ея училище было такъ много, что въ 1853 г. былъ выстроенъ новый 4-хъ этажный домъ, а въ 1855 г. воспитанницамъ даровано право на полученіе званія домашнихъ учительницъ. Въ пансіонѣ г-жи Чистяковой на первомъ мѣстѣ было поставлено преподаваніе *русскаго* языка, а въ опредѣленные дни воспитанницы должны были говорить на иностранныхъ, въ томъ числѣ и англійскомъ. Пензенскій пансіонъ (г-жи Кондратьевой, 1842 г.) такъ былъ хорошо поведенъ, что его въ 1843 г. охотно поддержало дворянство, поставивъ въ пользу его сборъ на содержаніе въ немъ 20 воспитанницъ и въ 1851 г. еще увеличило свой взносъ. Затѣмъ во многихъ городахъ, даже губернскихъ, до 1855 года не было еще ни правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ни частныхъ пансіоновъ.

Домашнее воспитаніе также было подчинено въ 1834 г. надзору правительства: утверждено *Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ*, по которому обученіе въ частныхъ домахъ дозволялось только тѣмъ лицамъ, которыя окончили курсъ съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, въ училищахъ принцессы Терезіи Ольденбургской, св. Петра и св. Анны; но они обязаны были каждый годъ представлять мѣстному директору отчетъ о своихъ занятіяхъ и свидѣтельства о поведеніи отъ тѣхъ, въ чьемъ домѣ онѣ учили. Министерство Народнаго Просвѣщенія относилось сочувственно къ учительницамъ. Въ обществѣ ходила мысль, что въ женскихъ заведеніяхъ должны преподавать *женщины*¹⁾, и что необходимо учредить женскую нормальную школу, въ которой женщины приготовлялись бы въ профессора. Число учительницъ замѣтно возрастало: въ 1838 году ихъ было 110, въ 1839 — 136, въ 1840 — 149, въ 1841 — 156, въ 1842 — 198, въ 1846 — 257; а занимавшихся обученіемъ грамотѣ и ариметикѣ въ томъ же году — 635.

1) Мысль эта была выражена печатно еще въ 1829 г. въ «Вѣстникѣ Европы», въ статьѣ, переведенной съ нѣмецкаго.

Въ западномъ краѣ, послѣ усмиренія польскаго возстанія, изъ имѣній римско-католическихъ монастырей 70,000 р. было назначено для устройства женскихъ учебныхъ заведеній. Всѣ существовавшіе при монастыряхъ женскіе пансіоны были подчинены надзору свѣтскаго училищнаго начальства. Открытіе новыхъ свѣтскихъ пансіоновъ Правительство разрѣшало лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ нихъ дѣвицы воспитывались въ чувствахъ преданности къ Престолу и любви къ Россіи.

Въ 1856 г. всѣхъ учащихся дѣвиць было 51,632 (въ 1834 г. — было 30,964).

Вниманіе императора Николая, его семьи и правительства къ институтамъ было, конечно, главной причиною развитія ихъ во все его царствованіе. Князь Одоевскій въ 1836 г. писалъ, что «просвѣщеніе у насъ съ такими усиліями поддерживается правительствомъ и — извините — *однимъ правительствомъ*».. Это значить, что общество безразлично относилось къ институтамъ и по привычкѣ отдавало въ нихъ дочерей своихъ.

Между тѣмъ начали уже раздаваться голоса, что воспитаніе женщинъ у насъ не соотвѣтствуетъ времени и назначенію ихъ. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ первой же его книжкѣ (1834) печатались извѣстія о ходѣ женскаго образованія на Западѣ, о парижскомъ женскомъ Атенеѣ, о журналѣ, издаваемомъ женщинами въ Лионѣ. Въ Московскомъ Наблюдателѣ (1835) говорили о необходимости самостоятельнаго развитія женской личности, сообщали извѣстія о женщинахъ-врачахъ въ Египтѣ. Съ другой стороны, въ повѣсти Погорѣльскаго «*Монастырка*» и въ «*Письмахъ совоспитанницъ*» (въ Современникѣ 1837 г.)¹⁾ наши институтки рисовались павными простушками, совершенно отрѣшенными отъ жизни. «Отечеств. Записки» называли тогдашнее воспитаніе женщинъ у насъ *сахарнымъ, аркадскимъ* (1842). Тогда же Бѣлинскій съ крайнимъ увлеченіемъ писалъ, что женщина создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина. А между тѣмъ, женщины (по его словамъ) «получали воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, и скованы по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій и считали за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому нибудь нравственному интересу, напр. искусству, наукѣ»... Въ то же время Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій глумились надъ самою мыслью о женской эмансипаціи и надъ старыми дѣвами... Но еще больше, что институтки и даже истинно-образованныя женщины

1) Это отрывокъ изъ повѣсти С. А. Закревской «Институтка», напечатанной потомъ вполнѣ въ Отеч. Зап. 1841 г., № 12.

не пользовались сочувствіемъ въ обществѣ, не встрѣчали себѣ поддержки въ немъ, особенно въ глухихъ городахъ провинціи. О такомъ отношеніи къ нимъ слышалъ Никитенко отъ одной изъ своихъ воспитанницъ. Ему даже пришлось защищать печатно Елисавету Кульманъ отъ титула «*ученой женщины*». О возмутительномъ отношеніи общества къ писательницамъ есть нѣсколько страницъ въ повѣстяхъ Зинаиды Р—вой. Въ защиту тогдашнихъ женщинъ «Современникъ» въ 1847 г. говорилъ: «Каковы бы ни были недостатки воспитанія женщины у насъ, нерѣдко она служитъ въ обществѣ прибѣжищемъ, опорой и мысли высокой, и одушевленія къ прекрасному. Она съ удивительною лѣткостью воспользовалась средствами общественнаго образованія, какія только существуютъ для нея въ Россіи, и умѣла внести въ суровыя нравы вкусъ къ знанію и смягченныя воззрѣнія». Но все таки образованіе женское «Современникъ» находилъ поверхностнымъ. Да и въ самомъ обществѣ все яснѣе и сильнѣе обнаруживались мишурный блескъ, лоценоя полуобразованность и внутренняя пустота закрытаго воспитанія. И въ обществѣ и среди писателей признавалась важность вопроса о положеніи женщины. Однако, увлекаясь примѣромъ нѣмцевъ, нѣкоторые ученые находили полезнымъ составлять для дѣвицъ особыя руководства. Въ 1843 г. вышли Арифметическія Записки для дѣвицъ, соч. Ф. Буссе. Смарагдовъ составилъ въ 1849 г. *Руководство къ всеобщей исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній*. Другой курсъ исторіи печатался въ журналѣ Ишимовой «*Звѣздочка*» еще въ 1847 г. В. Михельсонъ составилъ для дѣвицъ особый курсъ *по геометріи* (1849) и по арифметикѣ (1850). Каковы бы ни были эти курсы, но они вызваны были необходимостью улучшить женское образованіе и воспитаніе. Уже то важно, что эти курсы были на *русскомъ* языкѣ, тогда какъ до сихъ поръ иностранныя языки въ институтахъ отгѣспляли изученіе русскаго, а этимъ задерживалось развитіе мысли дѣвицъ. Нѣкоторыя женщины чувствовали тягость условій своей жизни, задумывались надъ нею, тосковали отъ ея пустоты, сознавали, что въ воспитаніи кроется одна изъ причинъ тяжелаго и унижтельнаго ихъ положенія въ обществѣ, которое не позволяетъ имъ внести въ свою жизнь какіе либо другіе интересы, кромѣ желанія правиться, прельщаться, увеселять досуги мужчипъ; ихъ отъ колыбели сковывали цѣпями приличій, опутывали самостоятельность ихъ ужаснымъ «*что скажетъ свѣтъ*», а ограниченное воспитаніе не давало имъ возможности посвятить себя серьезнымъ занятіямъ. Въ этомъ смыслѣ высказывались писательницы М. С. Жукова, Зинаида Р—ва, К. К. Павлова; послѣдняя даже слишкомъ сурово отзывалась о свѣтскомъ воспитаніи дѣвицъ, говоря, что «*вмѣсто духа имъ даютъ букву, вмѣсто живого чувства — мертвое правило, вмѣсто святой истины — нелпный обманъ*». Но

большинство женщинъ признавало свое положеніе въ обществѣ правильнымъ и не выступало въ защиту себя; мужчины являлись заступниками ихъ. Въ 1850—1854 г., въ брошюрѣ Д. Мацкевича «Замѣтки о женщинахъ» и въ журнальныхъ отзывахъ о ней проводились мысли, что приписываемые женщинамъ недостатки происходятъ отъ ихъ невѣжества, и поэтому, въ интересахъ ихъ, самого общества и молодого поколѣнія, необходимо давать женщинамъ основательное образованіе, обогащать ихъ умъ и сердце серьезными знаніями и чувствами, а не развивать въ нихъ только пріятные таланты. Доселѣ дѣвушку учили для того лишь, чтобы женихъ видѣлъ, какъ она граціозно танцуетъ или играетъ на фортепіано. Дѣвица выходитъ замужъ непріученная мыслить, а выйдя замужъ, вся погружается въ заботы о домѣ, о дѣтяхъ. Между тѣмъ разница въ умственныхъ способностяхъ мужчинъ и женщинъ скорѣе качественная, нежели количественная, и въ области человѣческихъ знаній нѣтъ ни одной науки, въ которой не нуждался бы умъ женщины. Только образованная женщина будетъ въ состояніи раздѣлять понятія супруга и руководить воспитаніемъ дѣтей. *Мать безъ знанія* — не въ полномъ значеніи слова *мать*. Такъ, мало по малу измѣнялся не только въ литературѣ, но и въ обществѣ взглядъ на женщину, какъ подругу жизни; лучшіе люди требовали отъ жены не однихъ внѣшнихъ качествъ и нравственныхъ достоинствъ, но и развитія и образованія. И развитіе женщинъ уже получало характеръ, направленный не только къ литературѣ, но и къ политическимъ и общественнымъ наукамъ, къ знанію во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Не мало женщинъ посѣщало публичныя лекціи, которыя въ 40-хъ годахъ уже становились условіемъ общественной жизни; но образованіе большинства дѣвушекъ развивалось скорѣе количественно, нежели качественно; ихъ развивала не столько школа, сколько чтеніе.

Въ этотъ періодъ времени явилось нѣсколько весьма замѣчательныхъ писательницъ, преимущественно романпстокъ, которыя обладали несомнѣннымъ умомъ и наблюдательностію. (Въ научные труды женщины еще не углублялись, потому что имъ не доставало серьезныхъ знаній). Писательницы появлялись, не смотря на то, что нные возставали противъ самой возможности быть женщиной писательницей. Такъ думали: гр. Сперанскій, Бѣлинскій въ первые годы, Рахманный, «Отеч. Записки», «Москвитянинъ», Дружининъ, даже сами писательницы — Корсини, Кохановская... Графъ Сперанскій въ 1820 г. писалъ дочери: «Трудно опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себя M-me Staël сидящею за большимъ бюро и за кипюю бумагъ... Все, что можно женщинамъ дозволить, это есть — быть m-me Sévigné; это ихъ родъ, *non plus ultra* женскаго генія; изрѣдка можно

написать и пѣсенку и стишки; но все не болѣе одного полулиста» (II, 293—294). А какія причины приводилъ Бѣлинскій въ доказательство своего молодого мнѣнія, что женщина не имѣетъ права и не можетъ быть писательницей! Онъ говорилъ: «знаемъ много женщинъ-поэтовъ, но ни одной женщины-генія; ихъ созданія недолговѣчны, ибо женщина только тогда поэтъ, когда любитъ, а не тогда, когда творитъ. Природа удѣляетъ имъ иногда искру таланта, но никогда не даетъ генія. Словомъ, женщина-писательница съ талантомъ—жалка, женщина-писательница бездарная — смѣшна и отвратительна» (Бѣл. I, 406). Черезъ семь лѣтъ онъ самъ осудилъ подобный взглядъ, говоря: «Дживый взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе. Русскія дамы могутъ писать — по крайней мѣрѣ не хуже мужчинъ. Для спасенія чести современной русской литературы, одно только средство — просить дамъ, чтобы онѣ побольше писали по-русски» (Бѣл. VII, 151; VI, 463—465). Нѣсколько позже онъ писалъ: «жизнь и дѣятельность въ сферѣ *общаго* есть необходимость не для одного мужчины, но *точно также* и для женщины... Миръ знанія, искусства, словомъ — миръ общаго долженъ быть столько же открытъ женщинамъ, какъ и мужчинамъ, на томъ основаніи, что и *она*, какъ и *онъ*, прежде всего — человѣкъ, а потомъ уже жена, мать, хозяйка и проч.» (VIII, 172, 173). А тогдашнее положеніе женщины въ русскомъ обществѣ, конечно, памятно всѣмъ, кто читалъ статьи Бѣлинскаго о Пушкинской Татьянѣ (VIII—565—593). Но далеко не всѣ писатели были такими искателями истины, какъ Бѣлинскій, и такъ жертвовали своимъ самолюбіемъ, какъ онъ. Они разъ навсегда говорили, что женщины не должны писать «въ скромности, ибо писательница сбрасываетъ съ себя покрывало стыда и этимъ перестаетъ быть женщиною». Ей разрѣшалось участвовать въ литературѣ лишь въ томъ случаѣ, если она своимъ трудомъ помогала мужу добывать средства къ содержанію семьи; но и тогда ей ставилось условіемъ, чтобы она ничего не писала противъ брака, общества и своего положенія въ немъ. «Отеч. Записки» утверждали, что едва ли женщины когда либо создадутъ что нибудь гениальное; имъ можно предоставить—брать сюжеты въ предѣлахъ семейства. На это было замѣчено, что наукамъ и искусствамъ обучались сотни тысячъ мужчинъ и пять-шесть женщинъ. Если изъ этихъ сотенъ тысячъ выходитъ одинъ гений, то неудивительно, что изъ шести женщинъ не выходитъ ни одного. Катковъ, писавшій въ «Отеч. Запискахъ» 1840 г. о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой, проводилъ мысли: «Назначеніе женщины — жить въ семействѣ... Безразсудно—на глухо заперать для женщины тѣ или другія житейскія сферы... Съ облагороживаніемъ женщины, съ возвышеніемъ ея достоинства, облагороживается и возвышается вообще природа человѣческая... Съ облагороживаніемъ женщины неразрывно соединено умноже-

ніе суммы ея правъ и уничтоженіе преградъ для свободнаго ея существованія... Правда, что не только въ наукѣ, но и въ искусствѣ женщина не можетъ достигнуть до степени генія, творящаго типическія произведенія и полагающаго эпохи въ развитіи своей сферы... по почему женщина не можетъ высказываться въ произведеніяхъ, заслуживающихъ удивленіе и способныхъ быть источникомъ самыхъ живыхъ наслажденій?... Семейство — вотъ міръ женщины, вотъ гдѣ сфера ея подвиговъ! Будучи вся создана для индивидуальной жизни, для жизни своею личностію, *женщина не обязана выходить на общественную арену для поденнаго труда*... Пусть она трудится надъ своею душою, искореняетъ изъ своей природы все темное и враждебное, просвѣтляетъ всѣ свои стремленія, одухотворяетъ свои побужденія и чувствованія,... чтобы могла пользоваться всѣми Божиими дарами, чтобы для свободнаго духа ея были отверсты всѣ сокровища разума, всѣ благороднѣйшія наслажденія образованной жизни. Все человѣческое должно быть доступно ей,... во всемъ можетъ участвовать она, кромѣ битвъ съ враждебными силами, за предѣлами ея тихой обители,... на все она имѣетъ законныя права... Истинно великая, геніальная женщина — есть по преимуществу религіозное существо, натура глубоко внутренняя. Ея не видно на аренѣ, но она живетъ не даромъ»¹⁾. Як. К. Гротъ (1842 г.) раздѣлялъ эти взгляды. Въ своемъ предисловіи къ роману Фредерики Бремеръ «Семейство» онъ писалъ: «Теперь женщина уже выходитъ иногда, хотя еще съ робостью, изъ тѣсныхъ предѣловъ салона, дѣтской и кухни. Уже ей не отказываютъ въ правѣ развивать въ себѣ всѣ человѣческія способности, позволяютъ наравнѣ съ нами искать въ наукѣ способовъ къ самоусовершенствованію и свободно употреблять слово на пользу или наслаженіе другихъ. Мы смѣемъ однако же думать, что и въ литературѣ лучшимъ призваніемъ женщины остается та дѣятельность, которая всего ближе къ ея прямому назначенію въ дѣйствительной жизни: *воспитаніемъ утверждать основу будущихъ поколѣній*. Удивляемся дамскому таланту, который счастливымъ творчествомъ или изящнымъ словомъ очаровываетъ душу и слухъ; но глубоко уважаемъ писательницу, которая свой даръ, свои труды и бдѣнія посвящаетъ благу человѣчества, которая матерямъ семейства, не столь щедро надѣленнымъ природою или судьбою, подаетъ новыя средства къ воспитанію и объясняетъ имъ тайны его. Мы смѣемъ думать, что какъ умственное воспитаніе рода человѣческаго всегда было плодомъ ума мужского, такъ нѣкогда нравственное его воспитаніе, которымъ первое должно увѣнчаться, довершено будетъ женщиною»²⁾. — Въ провинціяхъ же на писа-

1) «Отеч. Зап.» 1840, т. 12, № 10, стр. 21—29, въ извлеченіи.

2) «Соврем.» 1842, т. 28, № 4, Предисловіе къ «Семейству»; смлчи «Переписку Грота съ Плетневымъ», Спб. 1896, т. 1, стр. 566.

тельницу тогда смотрѣли какъ на что-то ненормальное, и даже въ 1851 году на нее смотрѣли какъ на диво, считали ее интересною игрою природы. Въ «Москвитяинѣ» 1852 г. нѣкто утверждалъ, что женщина не должна писать точно такъ же, какъ не должна поступать въ военную службу и ѣздить на мужскомъ сѣдлѣ. Писатель А. В. Дружининъ тоже питалъ постоянное предубѣжденіе къ литературной дѣятельности женщинъ и не разъ высказывалъ отрицательный взглядъ свой на писательницъ (Соч. его V, 333; VI, 217, 578, 748, 767—768; VII, 155—156; VIII, 297, 317, 728). Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что такая-то повѣсть писательницы «читалась бы съ удовольствіемъ, если бы не походила немного на булку изъ очень хорошаго тѣста, но испеченную на розовой водѣ». Въ другомъ мѣстѣ рассказываетъ (въ 1853 г.): «одна женщина, много говорящая о тонѣ, не постыдилась сказать мнѣ: «Я не дамъ читать моей дочери *вашего* Пушкина!» За то, какъ я обрадовался, черезъ два дня, заставъ чопорную матушку съ дочкой за чтеніемъ Февалевскихъ «Amours de Paris», съ приличными или отчасти неприличными иллюстраціями. Мать читала первый томъ, юная дѣвица пробовала свои силы на послѣднемъ». И еще: «Читать русскихъ писателей! какое несчастное занятіе!» два года тому назадъ говорила не одна дама». Въ «Сынѣ Отечества» 1856 г. былъ напечатанъ фантастическій рассказъ петербургскаго туриста (кажется, того же Дружинина) «Женщина-писательница», сродни героинямъ Чернопижникова. Въ 1861—1862 гг. «Отечественныхъ Записокъ» прочтите «Провинціальныя письма о нашей литературѣ» В. Порѣчникова (т. е. Н. Д. Хвоцинской), или вспомните, какъ относились журналы наши къ гр. Ростопчиной, Соханской и Хвоцинской, и вы будете имѣть грустное понятіе о литературной судьбѣ нашихъ писательницъ.

Какъ же отнеслись сами писательницы къ вопросу о женскомъ образованіи? Чѣмъ были заняты онѣ главнымъ образомъ въ данный періодъ?

Не знаемъ, простой ли случай, или счастливый тактъ побудилъ въ тридцатыхъ годахъ даровитыхъ писательницъ прежде всего посвятить себя дѣтской литературѣ. Почти въ одно время появились двѣ писательницы — А. П. Зонтагъ (1785—1864) и А. Ос. Ишимова (1804—1881), всю жизнь свою работавшія въ пользу дѣтей. Зонтагъ писала для нихъ повѣсти и сказки, Священную Исторію (выдержавшую девять изданій), комедіи, много переводила и приобрѣла себѣ настолько заслуженную извѣстность, что удостоена была избранія въ Почетные Члены Общества Любителей Россійской Словесности. Еще болѣе широкой дѣятельностію отличалась А. Ос. Ишимова, замѣчательная и самой жизнью. Дочь бѣднаго сосланнаго чиновника, 15-ти лѣтъ отъ роду, она отправилась изъ г. Кеми (арханг. губ.) въ Петербургъ, чтобы просить Государя о помилованіи отца

ея, и достигла своей цѣли. Въ Петербургѣ она сама себѣ проложила дорогу, открыла школу для дѣтей, уча ихъ, училась сама и замѣчательно образовала себя чтеніемъ, изученіемъ иностранныхъ языковъ и непрерывною литературною дѣятельностію. Въ 1837—1840 гг. она написала «Исторію Россіи въ разказахъ для дѣтей», которая отличалась такими достоинствами, что Академія Наукъ напечатала ее на свой счетъ, наградила писательницу Демидовскою премією, исхлопотала ей пожизненную пенсію. Исторією Ишимовой зачитывался Пушкинъ. (Изданія ея продолжались до 1890 года). Въ 1842 г. Ишимова основала журналъ для дѣтей «Звѣздочку», существовавшую 22 года. Бѣлинскій писалъ, что журналъ оправдалъ ожиданія публики, доставилъ пріятное, разнообразное и полезное чтеніе, и что слогъ статей его не оставлялъ желать ничего лучшаго. О слогѣ Ишимовой сохранились слова Пушкина: «*вотъ какъ надобно писать!*» Въ 1850 г. Ишимова преобразовала «Звѣздочку», раздѣливъ ее на два отдѣла — для дѣтей, подъ тѣмъ же названіемъ, и журналъ «*Лучи*» для дѣвицъ, которыя доселѣ не имѣли у насъ чтенія, соответствующаго ихъ возрасту. «*Лучи*» издавались отдѣльно 10 лѣтъ (1850—1860), потомъ опять слились съ «Звѣздочкой». Въ «*Лучахъ*» большая часть статей научнаго содержанія, имѣвшихъ своимъ предметомъ русскую исторію, литературу, естествовѣдѣніе, путешествія, всеобщую исторію, и всѣ онѣ были полезны для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ¹⁾.

Въ началѣ 30-хъ годовъ стали появляться стихотворенія и повѣсти графини *Евд. Петр. Ростопчиной* (1811—1858). Молодого автора отличали своимъ вниманіемъ Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, любезно хвалили Плетневъ, Шевыревъ, Никитенко. — Бѣлинскій видѣлъ въ ея произведеніяхъ наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость. Чаще всего она воспѣвала любовь, балъ, мечты; чувство сверкало болѣе въ отрывкахъ и частностяхъ; но талантъ ея не нашелъ себѣ болѣе обширной и достойной сферы; протестъ въ повѣстяхъ ея противъ правовъ большого свѣта былъ поверхностенъ и чуждъ серьезной мысли.

Съ 1837 г. стали появляться въ «Библіотекѣ для чтенія» повѣсти *Зеневиды Р—вой* (баронессы Е. А. Ганъ, 1814—1842). Родившись въ Екатеринославѣ и едва выучившись грамотѣ, она сама пополнила свое образованіе чтеніемъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, въ совершенствѣ знала музыку и, скитаясь постоянно въ походахъ за мужемъ, писала стихи и повѣсти, отличалась

1) Здѣсь справедливо было бы упомянуть о *Евд. П. Глинкѣ* (1795—1863), какъ авторѣ книги «Жизнь Пресв. Дѣвы Богородицы». Это былъ первый сводъ въ нашей богословской литературѣ четь-минейныхъ сказаній о Богоматери, и притомъ сдѣланный *свѣтской* женщиной. Книга эта съ 1840 г. до настоящаго времени выдержала болѣе *десяти* изданій.

блестящимъ и острымъ умомъ и оставила на 4 тома сочиненій, едва проживъ 27 лѣтъ! Сенковскій въ 1841 году называлъ ее первымъ прозаикомъ и талантъ ея считалъ равнымъ таланту Жоржъ-Зандъ; Бѣлинскій говорилъ, что это женщина не только чувствующая, но и мыслящая, что ея произведеніями русская литература по праву можетъ гордиться, что ея повѣсть «Теофанія Аббиаджіо» должна считаться однимъ изъ перловъ русской литературы, а повѣсти «Судъ свѣта» и «Напрасный Даръ» полны глубокой скорби объ общественномъ униженіи, невольничествѣ женщины и о тернистомъ пути писательницы. Пусть Тургеневъ въ 1852 г. справедливо замѣтилъ, что, при всей женственности ея дарованія и горячности убѣжденій, на языкъ ея наложилъ печать своей витіеватости Марлинскій; но яркій талантъ ея принадлежитъ ей самой, а недостатки — обстоятельствамъ жизни.

Въ одно время съ Зенеидой Р—вой писала повѣсти *М. С. Жукова* (1804—1855). Бѣлинскій въ 1840 г. признавалъ въ ней почетное и знаменитое имя по блестящему таланту, но повѣстей ея не считалъ художественными, потому что видѣлъ въ нихъ не произведенія творящей фантазіи, не саму *дѣйствительность*, а только *мечты* о дѣйствительности. Впрочемъ, эти мечты полны живого, горячаго чувства, отличаются вѣрностію въ изображеніи многихъ чертъ и отбѣнковъ женскихъ характеровъ, сказаны искусно и увлекательно, по растянуто. Женщины въ ея произведеніяхъ и умнѣе, и любящѣе, и истиннѣе ея мужчинъ; въ одной изъ повѣстей развивается мысль, что для женщины и вѣкъ брака есть цѣль высокая — въ жизни для другихъ, для отца, матери, братьевъ, сестеръ и быть счастливою, дѣлая счастье другого.

Въ тѣ же 30-е годы стала извѣстна *К. К. Павлова* (1805—1893). Она получила серьезное образованіе, основательно изучила нѣсколько языковъ и приобрѣла извѣстность какъ хорошая переводчица съ иностранныхъ языковъ на русскій и обратно. Въ 1848 г. она напечатала повѣсть въ стихахъ и въ прозѣ «*Двойная жизнь*». Эта двойственность особенно замѣтна въ большомъ свѣтѣ, гдѣ на первомъ планѣ внѣшняя, суетная жизнь, и только въ свѣтлыя минуты пробуждается, особенно ночью, возвышенная жизнь униженной житейскимъ круговоротомъ души; соответственно этому и жизнь въ повѣсти передается прозой, а уединенныя, полуночныя думы—стихами. Цѣль повѣсти высказать мечты о лучшей жизни. Авторъ обличаетъ ложь и пагубу свѣтскаго воспитанія, взрослое дѣтство свѣтскихъ дѣвушекъ, относится съ ироніей къ тѣмъ, для кого мысль—то же, что платье, взятое на прокатъ, и высказываетъ неподдѣльное сочувствіе къ созданіямъ поэзіи и мысли. Журналы признавали, что литература для Павловой была не праздною потѣхой, а дѣломъ внутренней потребности,

созданіемъ лучшихъ минутъ жизни. Къ достоинствамъ ея повѣсти относили простоту содержанія и совершенную естественность характеровъ. Въ стихотвореніяхъ ея находили звучность и мастерство мужественное, энергическое, рѣдкое въ женщинѣ—поэтѣ. Павлова также свидѣтельствуешь, что въ то время положеніе женщины-поэта было представляемо въ свѣтѣ какъ самое жалкое, ненормальное состояніе, какъ бѣдственная и опасная жизнь. Повѣсть ея — самая серьезная вещь по своей задачѣ и по тѣмъ отзывамъ, какіе она возбудила въ журналахъ и въ обществѣ въ 1848 г.; въ ней много энергии и стона, вырвавшася изъ самой глубины сердца, противъ ложнаго и унижтельнаго положенія женщины.

Въ 40-хъ годахъ начали появляться стихотворенія *Ю. В. Жадовской* (1824—1883) и въ 1846 г. вышло собраніе ихъ, встрѣченное сочувствіемъ почти всѣхъ тогдашнихъ журналовъ. Получивъ домашнее хорошее образованіе, она довершила его въ Ярославлѣ уроками у профессора Перевлѣскаго и чтеніемъ серьезныхъ, даже философскихъ книгъ. Въ стихахъ ея отражалось общественное положеніе женщины и борьба съ тѣмъ, что противодѣйствуетъ ея развитію... Она съ грустнымъ протестомъ писала:

«Миѣ падоѣли сплетни, вздоръ,
 Мужчинъ ничтожный разговоръ,
 Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
 Ихъ выписные бархатъ, шолкъ,
 Ума и сердца пустота
 И накладная красота.

Она увлекалась красотой природы, волновалась думами о бѣдствіяхъ въ жизни, страдала не только за себя, но и за другихъ. Говоря о *первомъ* изданіи ея стихотвореній, Бѣлинскій строго замѣчалъ, что талантъ ея не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею. Напротивъ, И. С. Аксаковъ еще о 1-мъ изданіи говорилъ: «Я досталъ себѣ стихотворенія Жадовской и обрадовался имъ чрезвычайно. Такъ все свѣжо, чисто, граціозно». Посылая ихъ роднымъ, какъ «*сладкіе, тихіе звуки*», онъ написалъ самъ стихи о нихъ, говоря, что онъ любитъ «*прелесть сихъ женскихъ стиховъ, поэзію чистую сердца*». У нея есть талантъ, безспорно, но талантъ небольшой; изъ старой своей колеи она выбиться не могла, какъ ни старался Аксаковъ заставить ее перемѣнить (расширить) свое направленіе. Ярославское общество очень мало интересовалось Жадовской и ея талантомъ. Новое изданіе стихотвореній ея (1858), значительно дополненное, встрѣчено было единодушными похвалами. Даже Добролюбовъ восхищался ихъ задушевностію, искренностію, простотою выраженія и считалъ ихъ лучшимъ явленіемъ нашей поэтической литературы. Писала она и повѣсти, но онѣ гораздо слабѣе ея стиховъ и прошли незамѣченными.

Въ томъ же 1846 г. вышли въ Одессѣ, подъ псевдонимомъ Т. Ч., повѣсти *А. Я. Марченко* († 1880) подъ заглавіемъ «Путевыя Замѣтки». Ихъ оцѣнили Бѣлинскій за ту сердечную теплоту, съ которою изображалась въ нихъ жизнь непреувеличенная, неискаженная, ненабѣленная, ненарушенная. Сердечное сочувствіе автора особенно сказалось въ повѣсти «*Гувернантка*», которая заставила читателей остановиться на участи гувернантокъ и учителей и ихъ страдальческой жизни. Журналы подняли рѣчь и о воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, откуда дѣвицы нерѣдко изъ блистательныхъ палатъ и полной удобствъ тишины попадали въ самую печальную обстановку.

Въ это время, когда писатели и критика, увлеченные созданіями Гоголя, стали требовать отъ повѣстей вѣрнаго изображенія дѣйствительныхъ людей, а не сочиненныхъ героевъ и героинь, и когда появился рядъ такихъ писателей, какъ Герценъ, Достоевскій, Григоровичъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, Л. Толстой, писательницы далеко отстали отъ нихъ. По тогдашнимъ условіямъ женской жизни, имъ недоступно было наблюденіе очень многихъ сторонъ дѣйствительности. Нѣкоторыя изъ писательницъ отличались склонностію къ моральнымъ сентенціямъ, вычурностію языка и многовѣщательностію. Такова была особенно плодовитая *М. А. Корсини*, воспитанница Екатериинскаго института († 1859). Она писала и для народа, и повѣсти для дѣтей, и рассказы, и комедіи; въ предисловіяхъ къ нимъ обѣщала представить современную и общественную жизнь, не стѣсняясь условіями состоянія, возраста и мѣстности; а на дѣлѣ произведенія ея отдавали старинною, являлись ходульными, пропитанными моралью и не встрѣтили сочувствія образованныхъ людей. Она — говорятъ — была женщина умная, и намѣренія ея — добрыя, да силы малыя и участь горькая.

Въ 1849 г. въ «Современникѣ» напечатана была «*Ошибка*», первая повѣсть *Евгеніи Туръ* († 1892). Редакція признала ее произведеніемъ замѣчательнаго таланта. Въ повѣсти выведена небогатая дѣвушка, развитая, съ жаждою знанія, зрѣлымъ умомъ и мыслию, далеко превосходящая свѣтскаго мужичку, своего жениха. «Современникъ» видѣлъ въ героинѣ повѣсти идеаль, которому трудно найти образецъ въ жизни. Женить ея, руководимый матерью своею, увлекся великосвѣтскою дѣвушкой и, конечно, въ оправданіе измѣны своей предъ невѣстою прежней, говорилъ: «женщины не нужно и даже вредно большое образованіе: она его не выноситъ и только жадно пожираетъ новыя идеи, безъ пользы для себя и для общественной жизни»¹⁾. Повѣсть эта была первымъ и лучшимъ произведеніемъ *Евгеніи Туръ*. Журналы признали въ ней *самобытный та-*

1) «Соврем.» 1849, № 10, стр. 259.

лантъ; Ап. Григорьевъ называлъ ее «мыслящею и живо чувствующею женскою натурою». Другой рецензентъ «Москвитянина» «А. О.» (Островскій?) называлъ повѣсть замѣчательной повѣстью, имѣвшею весьма значительный успѣхъ. Чрезвычайно простая интрига развита въ ней чрезвычайно искусно. Мать героя, умная и совершенно свѣтская женщина, была непримиримымъ врагомъ всѣхъ мыслей и поступковъ, выходящихъ изъ привычной колеи, и естественно, что она желала, чтобы сынъ совершенно походилъ на нее. Письмо матери къ сыну, по поводу его увлеченія бѣдной дѣвушкой, самое лучшее мѣсто во всей повѣсти по очерку свѣтской жизни и ея убѣжденій. Недостатокъ повѣсти — растянутость описаній; а художеству пужбы образы и сцены. О повомъ романѣ г-жи Туръ «Племянница» мнѣнія раздвоились: «Отеч. Записки» признавали романъ однимъ изъ рѣдкихъ исключеній въ нашей литературѣ, а Тургеневъ въ «Современникѣ» судилъ гораздо строже. Онъ опредѣлялъ талантъ г-жи Туръ лирическимъ, отъ нея пераздѣльнымъ, говорилъ, что книга ея написана сердцемъ и говоритъ сердцу, что г-жа Туръ способна передавать малѣйшія движенія души своей, но не въ силахъ создать самостоятельные характеры и типы, такъ что ни одно изъ лицъ ея романа не останется въ памяти читателей; наконецъ, г-жа Туръ нерѣдко вдаётся въ излишнія и не новыя разсужденія; рѣчь ея болтлива, водяниста. Съ появленіемъ дальнѣйшихъ повѣстей ея, журналисты стали говорить, что въ нихъ нѣтъ простоты, что онѣ типы придуманной экзальтаціи; Ап. Григорьевъ напрямикъ говорилъ о выводимыхъ ею герояхъ «скучныя лица скучныхъ романовъ» и о ней самой — «отживающая, какая нибудь г-жа Евгенія Туръ» (Соч. Григорьева, 258, 623). Не смотря на эти рѣзкіе отзывы, Е. Туръ не ослабѣвала въ своей любви къ литературѣ. Получивъ очень хорошее домашнее образованіе, она развила его въ кругу московскихъ профессоровъ и писателей, которые собиравшись въ домѣ ея отца, и свободно перешла отъ романовъ къ исторіи литературы и публицистикѣ, начала писать этюды о Жоржъ-Зандѣ, Флоберѣ, Чаннингѣ, Дюма-сынѣ, миссъ Бронте, Ожье, Мишле, Рекамье, Прудонѣ, Гюго, Свѣчной, Крашевскомъ, Тургеневѣ, Хвоцинской, Достоевскомъ, гр. Л. Толстомъ, писала рассказы для дѣтей, завѣдывала беллетристикою въ «Русскомъ Вѣстникѣ», сама издавала журналъ «Русская Рѣчь» (1859—61) и пользовалась едва-ли не самою громкою извѣстностію. Это былъ живой, отзывчивый талантъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ дебютировала въ литературѣ воспитанница Харьковскаго института — *Н. С. Соханская* (1823 — 1884). Начавъ писать въ духѣ модной французской школы, она, подъ вліяніемъ Плетнева, обратилась къ самой жизни, окружающей ее, и, по настоянію Плетнева, начала писать записки о своемъ воспитаніи, о своей жизни. Плет-

невъ съ истинно-родственнымъ участіемъ ободрялъ ее и имѣлъ утѣшеніе встрѣтить въ ней съ 1858 г. первоклассную писательницу. Особенно оцѣнили ее Аксаковы и Хомяковъ. К. С. Аксаковъ назвалъ ея повѣсть «Послѣ обѣда въ гостяхъ» *«истинно-русской повѣстью»*, Ив. С. Аксаковъ оцѣнилъ въ ней религіозность, теплоту чувства, любовь къ родной сторонѣ и къ стариѣ. Хомяковъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Русской Словесности призналъ въ ней «блестящій талантъ въ повѣствовательномъ родѣ. Никогда, можетъ быть, со времени нашего безсмертнаго Гоголя, не видали мы такой свѣтлой фантазіи, такого глубокаго чувства, такой художественной истины въ вымыслѣ, какъ въ произведеніяхъ Кохановской. Это—произведенія сильнаго художественнаго таланта, постоянно направляемаго и оберегаемаго тонкимъ и строгимъ анализомъ»¹⁾. Можетъ быть, отчасти и вслѣдствіе такихъ отзывовъ, а большею частію вслѣдствіе домашняго начальнаго воспитанія въ глубоко-религіозномъ духѣ, Соханская явилась единственною русскою писательницею, глубоко проникнутою славянофильскими убѣжденіями. Ее, впрочемъ, оцѣнили люди разныхъ лагерей: Катковъ, Погодинъ, Вельтманъ, Дружининъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, А. Григорьевъ, Гиляровъ, Анненковъ, Эдельсонъ, Н. Страховъ и др. «Современникъ», не смотря на рѣзкую разницу въ убѣжденіяхъ, на самые недостатки съ его точки зрѣнія, называлъ талантъ ея *очень симпатичнымъ*, говорилъ, что бытъ мелкопомѣстнаго дворянства описанъ въ повѣстяхъ ея ясными чертами, что нѣкоторыхъ страницъ нельзя прочесть безъ сладкаго внутренняго волненія, что въ русской литературѣ нѣтъ ничего выше, сладостиѣ нѣкоторыхъ высоко-поэтическихъ страницъ въ ея повѣсти «Послѣ обѣда въ гостяхъ». Московское Общество Любителей Русской Словесности избрало ее въ свои почетные члены. Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что изъ всѣхъ нашихъ писательницъ она была единственнымъ между ними *художникомъ*. Она дала намъ замѣчательные образы русскихъ женщинъ, какихъ не встрѣчаемъ въ произведеніяхъ другихъ писательницъ.

Нѣсколько раньше ея начала писать Н. Д. Хвощинская (1825—1889) и позже ея окончила. Она воспитывалась дома, въ Рязани, и своимъ развитіемъ обязала исключительно самой себѣ. Она была умна, чутка и по развитію стояла выше многихъ писательницъ. Въ повѣстяхъ своихъ она обнаружила живое сочувствіе къ женщинамъ обиженнымъ, страдающимъ, забитымъ, которыя, при всемъ своемъ умственномъ превосходствѣ, гибли среди угнетающей ихъ обстановки. Она говорила о себѣ: «Я просто описывала положеніе женщины... мученичество ея, какъ слѣдствіе всего окружаю-

1) Соч. Хомякова, т. 1, стр. 702.

шаго; я показывала жертву для того, чтобы виноватые видѣли, до чего они доводятъ и, одумавшись, стали бы жить толковѣе». Вмѣстѣ съ тѣмъ она подмѣтила и слабыя стороны новыхъ женщинъ съ ихъ вычурными претезіями на современное образованіе и развитіе. Но при всемъ своемъ дарованіи, она не имѣла полного успѣха, на который всѣ права давалъ ей яркій талантъ. Это произошло, кажется, оттого, что она не создала типовъ, что ни на одномъ героѣ ея не останавливается память, что она ограничивалась тѣсной рамкою міра семейнаго, что въ сочиненіяхъ ея преобладалъ психическій анализъ, а не живые образы, что ея жизненная обстановка не дала ей достаточнаго спокойствія для творчества, что въ ней ума было больше, чѣмъ таланта. «Новый Поэтъ» (Панаевъ) говорилъ, что повѣсти ея — благородныя и умныя диссертациі въ повѣствовательной формѣ. Чернышевскій писалъ: «Если бы въ ея повѣстяхъ было поменьше *книжности* и побольше жизни, онѣ поспорили бы съ лучшими произведеніями новѣйшей литературы. Резонерство и умъ, переходящій въ умничанье, — вотъ коренной ихъ недостатокъ, тѣмъ болѣе важный, что благодаря ему, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, повѣсти ея *скучны*». Салтыковъ замѣчалъ, что она постоянно стояла на почвѣ психологическихъ тонкостей и не пользовалась тѣмъ успѣхомъ, который принадлежалъ ей по праву таланта, и стяжала себѣ лишь почетную извѣстность. Нѣкоторая часть провинціальнаго общества считала ее помѣшанною за ея литературныя занятія и ея несочувствіе крѣпостному праву, а молодежь тамошняя сдѣлала ей овацію.

Вотъ немалый рядъ писательницъ, которыя почти всѣ составили собою украшеніе второй четверти настоящаго вѣка и вполне достойны нашей благодарной памяти. Замѣчательно, что почти всѣ онѣ обязаны не институтскому воспитанію, а самимъ себѣ, своимъ семействамъ, которыя не пожалѣли средствъ дать имъ возможно лучшее образованіе дома.

Разсматривая литературную дѣятельность нашихъ писательницъ со стороны ихъ міросозерцанія, видимъ, что въ данный періодъ времени (1828—1856) большая часть писательницъ, безъ сомнѣнія, сознавала тяжелья условія женской жизни, но или не ясно видѣла, что одна изъ главныхъ причинъ этого печальнаго положенія кроется въ недостаточности ихъ образованія, или не была настолько мужественна, чтобы гласно заявить объ этомъ и домогаться измѣненій и улучшеній въ женскомъ образованіи. И общество, и писатели относились къ нимъ небрежно и свысока, даже въ 60-хъ и 80-хъ годахъ нашлись неудержные литераторы, которые въ высшей степени оскорбительно относились къ женщинамъ-писательницамъ, даже къ такимъ, какъ графиня Ростопчина, Евгенія Туръ, Хвощинская, Соханская. Противъ женщинъ были и обстановка ихъ жизни, и тогдашняя система образованія, и нравы, и общественное мнѣніе, и, отчасти, самыя за-

коны. Женщины не были подготовлены, чтобы понимать и углубляться въ то, о чемъ кругомъ ихъ говорили люди, учившіеся въ университетахъ, за границею, совѣщавшіеся въ ученыхъ обществахъ, въ дружескихъ кружкахъ и выработывавшіе себѣ умственную зрѣлость. Такимъ образомъ, между женщинами не пашлось столько сильныхъ по уму и таланту, чтобы вступить за свое право учиться тому, чему учились мужчины. И только съ конца 50-хъ годовъ среди образованныхъ женщинъ стали раздаваться голоса о необходимости реформъ въ образованіи и воспитаніи ихъ, и въ молодомъ женскомъ поколѣніи закипѣла любовь къ труду, интересъ къ наукѣ, искусству и общественному дѣлу.

Таково *существенное содержаніе* всѣхъ трехъ книгъ Е. І. Лихачевой.

Чтобы вполне основательно произнести сужденіе о нихъ, надо бы имѣть подъ руками всю ту массу рукописныхъ источниковъ, которыми пользовалась г-жа Лихачева, и разсмотрѣть, въ какой степени и съ какою точностію она разработала ихъ, все-ли существенное, характерное извлекла изъ нихъ. Къ сожалѣнію, рецензентъ не только не могъ этого сдѣлать, но далеко не владѣлъ и тѣми *печатными* свѣдѣніями, какими пользовалась г-жа Лихачева. Вотъ почему онъ принужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что извлекъ сущность изъ ея книгъ и своимъ сжатымъ изложеніемъ содѣйствоваль ознакомленію читателей съ ея трудомъ.

Но есть область, въ которой рецензентъ считаетъ себя давнимъ работникомъ и позволяетъ себѣ, во имя правды, сдѣлать нѣсколько замѣчаній и частныхъ поправокъ. Область эта — библіографія. Обращаясь въ ея предѣлахъ, прежде всего скажемъ, что во всѣхъ трехъ книгахъ г-жи Лихачевой ссылки нерѣдко *очень глухи*, въ нихъ не указываются не только части и страницы, но даже годы изданія. Напр., что это за ссылки: «В. Аскоченскій. Кіевъ» (а томъ? а страница?), пли: «О древнихъ русскихъ училищахъ»; «Домашній бытъ р. царицы»; «Идеальные тѣни»; «Древне-русскія житія»; «Дневникъ»; «Мое опредѣленіе въ службу»; «Письмо изъ книги Улей»; «Пріятное и полезное препровожденіе времени»; «Монографія»; «Хроника недавней старины»; «Пятидесятилѣтіе» (чего? IV отдѣленія? Сиротскаго Института? или другого?). Извольте справляться по такимъ указаніямъ. Не лучше ихъ и такія: «Журн. М. Н. Пр. 1849»; «Вѣстникъ Европы 1813 г.»; «Современникъ 1850 г.». Встрѣчаются и досадныя опечатки въ цифрахъ. Чтобы не быть голословными, указываемъ страницы книгъ г-жи Лихачевой, гдѣ встрѣчаются эти глухія досадныя ссылки: I, 4, 24, 25, 28, 31, 35, 49, 135, 248, 274, 284;

II, 225, 282, 288, 293; III, 83, 85, 121, 136, 187, 202, 209, 220, 223, 226, 240.

За сямъ предлагаемъ нѣсколько поправокъ и замѣчаній.

Въ первой книгѣ:

I, стр. 65. Тимковскаго звали Илья Ѳедоровичъ, а не *А. И.*

— 69. О фрейлигѣ императрицы Елисаветы Петровны, М. Е. Шепелевой, со словъ «Русскаго Архива» говорится, что она написала *большую* комедію на *малороссійскомъ* языкѣ; но это показаніе (приведенное и въ книгѣ И. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, стр. 569—571) намъ кажется весьма сомнительнымъ: по малороссійски могла быть написана развѣ *одна роль*, а цѣлая большая комедія малороссійская *въ 1730 г.*—совершенно немыслимое дѣло. И самое авторство Шепелевой невѣроятно: стоитъ только прочесть ея письма къ императрицѣ Елисаветѣ (Р. Старина 1870, № 6, стр. 510—515; изд. 3-е, т. 1, стр. 410—414), чтобы убѣдиться въ полномъ отсутствіи въ ней авторскаго дарованія; думаемъ, что старое показаніе на нее сдѣлано облыжно, для отвода глазъ; авторомъ могъ быть ктонибудь другой.

— 204. Статья о Нелидовой въ «Русскомъ Архивѣ» написана княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.

— 247. «Подражатель», комедія въ 1 дѣйстви, сочинена въ Дмитровѣ (Моск. губ.). М., 8^о, 52 стр.

— 249. Опытъ о воспитаніи благородныхъ *дворянъ*, перев. Михаила Семчевскаго.

— 268. Державинъ писалъ Хераскову. (См. замѣтку академика Я. К. Грота въ IX томѣ Сочиненій Державина, Спб. 1883 г., стр. 237—238).

Во второй книгѣ:

II, стр. 35. Авторъ въ текстѣ говоритъ, что императрица Марія и другіе члены Императорской семьи пожертвовали 17,000 р.; но это число противорѣчитъ примѣчанію на той же страницѣ и тексту на стр. 62, гдѣ въ обонхъ мѣстахъ показано 16,000 р.

— 78, 183 и 184 и въ III книгѣ, стр. 252, фамилія показана Алабѣина, а надо: Аладѣина.

— 89. Вступленіе Наполеона въ Москву приурочено къ *августу* 1812 г., а оно послѣдовало *2 сентября*.

— 133. Нелединскаго звали Юрій Александровичъ, а не *М.* Выписка изъ письма къ нему императрицы Маріи приведена изъ «Хроникъ кн. Оболенскаго» не совсѣмъ точно.

— 154. «Записки знатной дамы» принадлежатъ А. О. Смирновой.

— 222. Статья въ Современникѣ 1836 г. въ I книжкѣ объ императрицѣ Маріи написана Плетневымъ, см. Сочиненія его, т. I, стр. 258—264. Авторъ, впрочемъ, потомъ самъ указалъ фамилію его въ III кн., стр. 219.

— 241. Въ текстѣ показано 11 губерній, а въ примѣчаніи названо ихъ *десять*.

— 253. Жихарева звали Степанъ Петровичъ.

— 258. Во 2-мъ примѣчаніи «Разказы бабушки, А. Я. Бутовской» указаны въ декабрьской книжкѣ Русской Старины. *А ихъ тамъ вовсе нѣтъ!*

— 263. Институтъ гувернантокъ открыть — Вильчковской, а въ III книгѣ, стр. 25-й сказано: Вильчинской: что же правильнѣе?

— 268. Макаровыхъ было *два*: Петръ Ивановичъ издавалъ «Московскій Меркурій» въ 1803 (а не 1805 г.) и Михаилъ Николаевичъ—издавалъ «Журналъ для милыхъ» (1804 г.).

— 274, 291 — 292 «Отрывокъ изъ записокъ *дамы*» принадлежитъ Пушкину (изд. 1880, IV, 121; изд. Литерат. Фонда IV, 110).

— 275. Примѣч. 2-е. Третью главу «Опѣгина» Пушкинъ писалъ не въ 1825, а въ 1824 г. съ 8 февраля по 2 окт. (См. Хронолог. книгу Я. К. Грота, 1888, стр. 14—16).

— 276. Въ стихахъ своихъ Пушкинъ сказалъ:

«Съ семинаристомъ въ *желтой шаль*», — а не черной.

— 278. Одному Макарову ошибочно приписаны два журнала.

— 290. Въ Украинскомъ Вѣстникѣ на обвиненіе, что женщины не читаютъ русскихъ книгъ, возражала *не* Шумлянская: подъ статьею поставлена буква *Г*. (стр. 255), которая несомнѣнно означаетъ одного изъ издателей журнала — Гонорскаго.

— 291. Примѣч. 3-е. Письмо Пушкина писано *не* къ Дельвигу, а къ Бестужеву (см. изд. Лит. Фонда VII, 50).

Въ третьей книгѣ:

III, стр. 43. Не видно, къ какому разряду отнесши Керченскій институтъ.

— стр. 55. Показано общее число учащихся 6860, а далѣе приведены числа ихъ по четыремъ разрядамъ и сумма чиселъ составляетъ только 5860. Вѣроятно, ошибочно показано число въ 3 разрядѣ, вмѣсто 279, надо бы 1279. (На стр. 27-й: $70 = 50 + 25!$!).

— 56. Въ числѣ пожертвованій опущенъ капиталъ Медвѣдниковой—70,000 р. (См. о немъ стр. 28 *ibidem*).

— 90. Какъ могло быть въ 1832 г. принято въ руководство сочиненіе Бажанова «Обязанности (*Объ обязанностяхъ*) христіанина», когда оно издано было только въ 1839, 1843 и 1862 г.?

— 94. Въ 1850 г. и далѣе Костомаровъ *не могъ быть въ Кіевѣ*.

— 95. Совершенно излишни страницы 95—98 объ учительствѣ Голя: давно извѣстно, что онъ былъ *плохой* педагогъ. Иное дѣло говорить о К. Н. Бестужевѣ-Рюмигѣ, о В. Я. Шулгинѣ, Н. Х. Бунге и *подобныхъ* имъ. Излишни также проническія выставки Норова, Ростовцева, Давыдова, кн. Одоевскаго, Маслова, Великосельцева, Шишкиной и другихъ; лучше было бы держаться Карамзинскаго правила: «гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все молчаніемъ». И отчего бы не привести было побольше *свѣтлыхъ* образовъ?...

— 120. Автобіографія Кохановской вовсе не коротенькая: въ печати она заняла 193 страницы.

— 127. Мимоходомъ упоминается о журналѣ Ишимовой «*Звѣздочка*» и совершенно умолчано о ея же журналѣ «*Лучи*»; ужели эти журналы не принесли ни малѣйшей пользы воспитанницамъ и не стояли ни одного добраго слова?

— *Тамъ же*. Арифметическія записки Буссе вышли не въ 1833, а въ 1843 году.

— 128. Какіе именно курсы печатались на счетъ суммъ вѣдомства (какого)? И въ какой степени достойны они?

— 143. О программѣ по русскому языку и словесности не сказано ни слова, даже сущности ея не приведено.

— 155, 158, 163, 168. Почему умалчиваются имена преосвященныхъ Евгенія, Іакова, Θεодотія, Гавріила?

— 173. Примѣч. 3-е. Архіепископъ смоленскій Тимоѳей никогда *не былъ Симбирскимъ*: онъ еще 16 мая 1859 г. уволенъ на покой, скончался въ 1862 г. (Списки архіереевъ Юрія Толстого, Спб., 1872, стр. 34 и 130).

— 222. Примѣч. 2-е. Введенскаго звали Иринархъ (а не Иреней).

— 225. Дѣвица «О—чъ» — Олескевичъ; ея статья въ Ж. М. Н. Пр. 1834, ч. 4, № 10, стр. 150 — 152; перевела она на франц. языкъ повѣсть Пушкина «*Пистолетный выстрѣлъ*».

— 226. Прим. 3-е. Панаева, редактора Современника, звали Иванъ Ивановичъ.

— 234. Повѣсть Евгенія Туръ «*Ошибка*» вышла въ первый разъ *въ 1849 г.*, въ 10-й книжкѣ Современника.

— 235. Примѣч. 2-е. Гдѣ это статья Софіи Панюты *по философіи*? (Софія Панюта—это псевдонимъ Степана Бурачка, сколько намъ помнится). Да и едва ли могла женщина писать въ началѣ сороковыхъ годовъ статьи «*по философіи*»; къ числу таковыхъ нельзя относить статьи: «*Демоны-гений-бѣсы*», «*Открытія въ царствѣ миссовъ*», «*Русское народное слово въ*

древнихъ духовныхъ писателяхъ», а именно всѣ эти статьи въ «Маякѣ» подписаны именемъ Софїи Панюты (1841 и 1842).

— *Ibidem.* О чувашахъ и черемпсахъ была не записка, а цѣлая книга «Записки», о которой съ похвалою отзывался не одинъ Ж. М. Н. Пр., но и Библиотека для Чтенія, и Литературная Газета, и Отеч. Записки и Сынъ Отечества.

— 237. Кошанскій издавалъ не Логику, а *Реторику*.

— 239. Авторъ говоритъ о сочиненіяхъ, въ которыхъ женщины дохдили до невозможныхъ нелѣпностей, и приводитъ нѣкоторые образцы ихъ. Вольно же было остановиться на однихъ нелѣпостяхъ! Тамъ онъ могъ бы найти и строки глубокознаменательныя, и въ высокой степени справедливыя. Напр., въ сочиненіи Викторины Л. (заглавія авторъ *не приводитъ*)¹⁾ мы читаемъ, между прочимъ, вотъ что: «*Разъ въ внутренней голосъ не говоритъ иногда женщины: вы рождены не для однихъ баловъ! не таково ваше назначеніе! сбросьте свою апатію, пробудитесь отъ сна! вы не должны заглушать своихъ способностей... васъ требуетъ нашъ вѣкъ; ему нужны артисты, полководцы, ученые; дѣтямъ вашимъ необходимы образованіе, доброе имя, а вы одна можете доставить имъ его, прославивъ себя трудами, заслугами*»²⁾). Это превосходныя, энергическія строки, въ нихъ видна жизнь и живыя потребности современной женщины.

— 240. Статья въ Современникѣ о Жоржъ-Зандъ принадлежитъ Земенцкой, *польской* писательницѣ, если не ошибаемся, а не русской.

— *Ibidem.* Жукову звали Марія Семеновна, а не А.

— 241. Взгляды г-жи Загряжской (это псевдонимъ Ал. В. Зражевской) интересно было бы прочитать, если они «*и теперь не утратили своего значенія*».

— 243. Прим. 2 и 3. Указаны Отеч. Зап. 1840, томъ X и Современникъ 1842, т. 27, но тамъ *ни слова нѣтъ изъ того, что приводится въ текстъ*. Надо: томъ XII и 28-й.

— 247. «Сенковскій писалъ въ *Утренней Звѣздѣ*, въ 1841 году»: Никакой *Утренней Звѣзды* въ 1841 году *не было*; была въ этомъ году *Утренняя Заря*, но тамъ *нѣтъ ни единого слова* Сенковского! *Утренняя Звѣзда* была издана въ Харьковѣ и въ Москвѣ въ 1834 г.; не думаемъ, чтобы и тамъ была хотя одна строчка Сенковского.

— 251. «Мертвыя Души» явились въ 1842 году, потомъ въ 1846.

— 253. Опять какая-то «*Утренняя Звѣзда*!» Чтѣ за разбѣяность!

1) А оно таково: «Секреты дамскаго туалета и тайны женскаго сердца». 1848 г. Было и 2-е изданіе, съ перемѣнами. М., 1855.

2) «Свѣтъ и во тьмѣ свѣтится», какъ видите.

Зап. Ист.-Фил. Отд.

— 257 и 259. Прим. 1 и 5. Не Бычковъ, а Быковъ П. В. — Дружининъ говорить о Кохановской *не въ VII т.*, а въ VI, 17.

— 264. Повѣсть Тургенева «Два *пріятели*», а не Два «*портрета*».

Среди писательницъ даннаго періода ни единымъ словомъ не упомянуто о Н. А. Дуровой, а между тѣмъ на нее обратили вниманіе и Пушкинъ, и Бѣлинскій. Еще до выхода въ свѣтъ записокъ Дуровой Пушкинъ печаталъ въ Современникѣ: «Мы будемъ издателями ея любопытныхъ Записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжныя пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, *владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ*». По выходѣ 1-й части Записокъ, подъ заглавіемъ «Кавалеристъ-Дѣвица», Пушкинъ опять печатаетъ замѣтку о прелести этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и обѣщаетъ, по выходѣ всего сочиненія, «подробнѣе разобрать книгу, *замѣчательную по вѣсѣмъ отношеніямъ*»¹⁾. Бѣлинскій говорилъ, что «первыя сочиненія Дуровой обнаружили *замѣчательное дарованіе*», (IV, 133); что «литературное достоинство ея Записокъ было такъ высоко, что нѣкоторые приняли ихъ за мистификацію со стороны Пушкина». «Что за языкъ, что за слогъ у Дѣвицы-Кавалериста! Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописною увлекательностью своего разсказа, всегда полнаго, проникнутаго какою-то скрытою мыслью» (III, 76—77). Дальнѣйшія произведенія Дуровой оказались гораздо слабѣе. Но не столько своими повѣстями, сколько самою жизнью увлекаетъ она насъ. Она доказала, что женщина способна на всякое великое дѣло въ такой же мѣрѣ, какъ и мужчина. Многіе, конечно, знаютъ, что она въ 1808 г. поступила рядовымъ въ уланскій полкъ, явилась на полѣ сраженій, отличилась, получила георгіевскій крестъ, произведена была въ офицеры, была извѣстна Кутузову, императору Александру. На бивакахъ она вела свой дневникъ, гдѣ, между прочимъ, писала: «Теперь каждый день, каждый часъ я живу и чувствую, что живу; о, въ тысячу, въ тысячу разъ превосходиѣ теперешній родъ жизни! *Балы, танцы, волокитства, музыка... о, Боже, какія пошлости, какія скучныя занятія!*» Дурова увлекаетъ насъ своею любовью къ свободѣ, къ самостоятельному труду, къ самостоятельному распоряженію своею личностью и своею волею. Г. Мордовцевъ справедливо говоритъ²⁾: «Дурова — это прародительница всѣхъ новыхъ русскихъ женщинъ, всего этого множества дѣвушекъ, ищущихъ

1) Въ книгѣ ея «Годъ жизни въ С.-Петербургѣ» заключается нѣсколько данныхъ для біографіи Пушкина, стр. 5, 27, 28—34, 40—44, 46—49, 168.

2) Русскія женщины новаго времени, Спб. 1874, стр. 142 и далѣе.

щихъ знанія, труда, посѣщающихъ публичную бібліотеку, лекціи профессоровъ, медицинскіе курсы, жаждущихъ поступленія въ университетъ, въ акушерки, въ доктора, оставляющихъ свои дома, свои примитивныя женскія занятія, бросающихъ родину, чтобы учиться тамъ, гдѣ болѣе удобствъ, больше приспособленности»... Дурова была первая русская женщина, которая своею собственною жизнью доказала, что съ твердою волею и для женщины, какъ и для мужчины, все достижимо... Послѣ невѣроятныхъ трудовъ боевой жизни, Дурова перенесла свою дѣятельность на другое поприще: самоучка — она стала однимъ изъ замѣтныхъ въ свое время писателей и всю свою остальную жизнь посвятила литературѣ. Если бы съ дѣтства она подпала вліянію умнаго человѣка и прониклась бы жаждою знанія, изъ нея могъ бы выйти крупный дѣятель мысли и слова¹⁾.

Вотъ все, что мы сочли возможнымъ сказать въ дополненіе къ книгамъ Е. І. Лихачевой. Изложеніе у нея — вездѣ ясное, литературное. Мы замѣтили только два-три галлицизма: II, 130—131, «заботясь обо всѣхъ, ея заботы... носили не одинаковый характеръ»; тамъ же, стр. 187: «Сравнивая новую программу,... разница между обѣими замѣчается»...; III, 82: «Лишенная своей воли,... ничему не радуясь,... не мудрено, что у институтъ создавался свой особый внутренній міръ»... Опечатокъ немного.

Мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ познакомились съ книгами Е. І. Лихачевой и глубоко радуемся тѣмъ успѣхамъ, какихъ достигли наши женщины въ своемъ образованіи и развитіи. Желаемъ отъ всей души, да продолжастъ г-жа Лихачева свой трудъ до настоящихъ дней; да развивается далѣе женское образованіе, не встрѣчая ни малѣйшей помѣхи, и да процвѣтаетъ женское сердце — этотъ первый и вѣчный проводникъ христіанства въ жизнь — все большей и большей дѣятельной любовью къ ближнему, во благо семьи, Россіи, человѣчества!...

Журнальная критика замѣтила уже нѣкоторые недостатки въ книгахъ г-жи Лихачевой и оспаривала нѣкоторыя заключенія ея. А мы пожелали бы болѣе полноты въ ея трудѣ; намъ желалось бы свѣдѣній о начальныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о ихъ взглядахъ на воспитаніе, о ихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, о дѣтскихъ книгахъ, журналахъ, помогавшихъ развитію воспитанницъ, объ устроеніи церквей, больницъ, бібліотекъ при заведеніяхъ; желалось бы болѣе связи съ общимъ ходомъ образованія, болѣе

1) Последнія повѣсти Дуровой скучны, полны небылицъ, — но это ужъ едва ли не общій удѣлъ р. писателей — начинать хорошо и кончать плохо.

строгаго соблюденія хронологическаго порядка, болѣе очерковъ изъ внутренней жизни заведеній, болѣе живыхъ лицъ, болѣе стройности изложенія, наконецъ указателя собственныхъ именъ и предметовъ, даже картъ женскихъ учебныхъ заведеній, появившихся въ каждую изъ трехъ эпохъ, на которыя дѣлится трудъ г-жи Лихачевой. Но отъ всѣхъ этихъ желаній насъ удерживаетъ самое заглавіе книги, и критическое отношеніе къ нимъ утихаетъ... Затѣмъ, принимая во вниманіе: 1) что матеріаловъ собрано г-жею Лихачевой, дѣйствительно, много; 2) что на приведеніе ихъ въ порядокъ положено очень много труда и любви къ дѣлу; 3) что у насъ доселѣ ничего подобнаго *въ такой полнотѣ* не было сдѣлано; и 4) что собранная масса свѣдѣній можетъ принести несомнѣнную пользу учащимся и самимъ педагогамъ, — рецензентъ съ полнымъ убѣжденіемъ признаетъ, что благородный, долгій и усердный трудъ Е. І. Лихачевой достоинъ быть почтенъ Уваровскою малою наградой.



ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 3.

Volume IV. № 3.

ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНИИ

ПРЕМИИ ИМЕНИ ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА

А. М. СИБИРЯКОВА.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1893 г.)



С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

Н. П. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasonof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 40 к. — Prix: 1 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ ИМЕНИ ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА А. М. СИБИРЯКОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ Н. Ф. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе преміи имени А. М. Сибирякова было представлено одно сочиненіе Н. Оглоблина — „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“ (1592—1768 гг.).

Оцѣнку этого труда приняли на себя академикъ В. Г. Васильевскій и профессоръ А. С. Лаппо-Данилевскій.

Недавно появившійся трудъ г. Оглоблина, посвященный „Обозрѣнію столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“ (2 вып., М., 1895—1898 гг.) и пока еще содержащій свѣдѣнія лишь о дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ учрежденій Сибири, значительно пополняетъ этотъ пробѣлъ въ нашей археографической литературѣ, ибо даетъ возможность нѣсколько оріентироваться въ громадной массѣ документовъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ очень плохо описанныхъ. Авторъ разбираемаго труда, по собственному его выраженію, желалъ дать „архивное руководство“ занимающимся дѣлами Сибирскаго приказа; слѣдуетъ замѣтить, однако, что онъ имѣлъ въ виду лишь большинство тѣхъ документовъ этого установленія, которыя можно найти въ Московскихъ архивахъ Министерства юстиціи. Задача труда г. Оглоблина состояла поэтому въ томъ, чтобы предложить читателямъ частью „указатели“ документовъ Сибир-

скаго приказа, частью „Обозрѣніе“ ихъ; ни тотъ, ни другой пріемъ, однако, не замѣняютъ точнаго описанія его дѣлъ.

Нельзя не пожалѣть и о томъ, что г. Оглоблинъ иногда глухо отзывается о цѣнныхъ матеріалахъ описываемаго имъ собранія, и, наоборотъ, считаетъ возможнымъ въ другихъ мѣстахъ своей книги останавливаться на подробностяхъ, едва-ли имѣющихъ существенное значеніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Оглоблинъ долго останавливается на обзорѣніи тѣхъ или другихъ документовъ, онъ не всегда удовлетворяетъ читателя: авторъ часто не даетъ полнаго перечисленія важнѣйшаго содержанія обзорѣваемаго имъ памятника, довольствуясь нѣсколькими примѣрами, послѣ которыхъ обыкновенно слѣдуетъ: „и друг.“ или „и проч.“; выборъ этихъ случаевъ остается обыкновенно безъ надлежащей мотивировки, что придаетъ случайный характеръ изложенію.

Въ предисловіи къ своему труду г. Оглоблинъ заявляетъ, что будетъ „чуждаться всего того, что носитъ названіе изслѣдованія“, а между тѣмъ въ текстѣ „Обозрѣнія“ встрѣчаются случаи, когда г. Оглоблинъ пытается объяснить описываемый имъ матеріалъ и дѣлаетъ изъ него выводы, нерѣдко представляющіе много спорнаго.

Не смотря на вышеуказанные недостатки, препятствующіе назвать „Обозрѣніе“ г. Оглоблина безусловно полнымъ и считать совершенно приноровленнымъ къ потребностямъ научно-исторической техники, всю работу въ цѣломъ слѣдуетъ признать полезнымъ вкладомъ въ современную русскую археографическую литературу. Авторъ пересмотрѣлъ значительное число документовъ; самый обширный отдѣлъ ихъ, а именно таможенные „приходныя и соболиныя“ книги обнимаетъ до 1114 номеровъ. Группировку этого матеріала въ обзорѣніи можно въ общихъ чертахъ признать довольно правильной; въ предѣлахъ каждой группы авторъ помѣстилъ однородный матеріалъ, нерѣдко разсыпанный по разнымъ столбцамъ и книгамъ, что, разумѣется, значительно облегчаетъ послѣдующую задачу изслѣдователя. Наконецъ, не довольствуясь указаніемъ на формальные признаки столбцовъ и книгъ Сибир-

скаго приказа, г. Оглоблинъ попытался ознакомить читателя съ ихъ содержаніемъ, что во всякомъ случаѣ будетъ принято съ благодарностью будущими изслѣдователями исторіи Сибири.

Имѣя же въ виду, что замѣченные въ трудѣ Н. Оглоблина достоинства значительно превышаютъ погрѣшности, рецензенты признають за г. Оглоблинымъ право на получение преміи имени А. М. Сибирякова.

При этомъ Академія постановила выразить глубокую благодарность Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому за его содѣйствіе въ оцѣнкѣ труда г. Оглоблина.



Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Оглоблина:
Обозрѣніе столбцевъ и книгъ Сибирскаго приказа
(1592—1768 гг.).

Ч. II. Документы таможеннаго управленія.

М. 1898.

Рецензія проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ акад.
В. Г. Васильевскаго.

Принимая на себя предъ Отдѣленіемъ обязанность представить отзывъ о сочиненіи г. Оглоблина, я заявилъ, что по совершенному моему незнакомству съ Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, да и вообще съ русскимъ архивнымъ дѣломъ, а также по малой моей компетентности въ экономической русской, въ частности Сибирской исторіи, мнѣ трудно будетъ обойтись собственными силами, и что я долженъ буду обратиться къ содѣйствію и помощи одного изъ своихъ младшихъ ученыхъ друзей. Дальнѣйшія обстоятельства приняла за тѣмъ такой видъ, что содѣйствіе обратилось въ исключительное авторство и моя роль свелась къ согласію и одобренію написаннаго другимъ. Это, впрочемъ, тѣмъ болѣе извинительно и понятно, что мой предполагавшійся сотрудникъ принадлежитъ къ числу (очень не большому) первыхъ знатоковъ дѣла и помимо меня сдѣлался уже, можно сказать, постояннымъ присяжнымъ оцѣнщикомъ трудовъ по экономической и социальной русской исторіи, представляемыхъ для соисканія премій въ Императорскую Академію Наукъ. Нѣтъ даже и нужды называть его имя. Замѣчу только, что сдѣланное имъ теперь, сдѣлано въ видѣ дружеской личной услуги, и что, хотя, по моему мнѣнію, этого вполне достаточно для цѣли, то

есть, для составленія сужденія и приговора о подлежащемъ сочиненіи, г. Ланно-Данилевскій, если бы ему пришлось подписаться собственною фамиліею подъ отзывомъ, представляемымъ Академіи Наукъ, еще внимательнѣе и подробнѣе написалъ бы его.

Въ дѣлопроизводствѣ Сибирскаго приказа сохранилось множество цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ; до послѣдняго времени, однако, за отсутствіемъ надлежащаго описанія ихъ, изслѣдователи не имѣли возможности приступить къ систематическому ознакомленію съ бумагами названнаго установленія. Лишь недавно г. Оглоблинъ принялся за составленіе «обозрѣнія столбцевъ и книгъ Сибирскаго приказа» (2 вып., М., 1895—1898 гг.), которое значительно пополняетъ указанный нами пробѣлъ въ русской археографической литературѣ и нѣсколько ориентировуетъ насъ въ громадной массѣ документовъ, оставшихся отъ дѣлопроизводства мѣстныхъ учреждений Сибири. Авторъ разбираемаго труда, по собственному его выраженію, желалъ составить «архивное руководство» для занимающихся дѣлами Сибирскаго приказа; по его словамъ, однако, «оно чуждо всего того, что могло бы придать ему характеръ изслѣдованія». Задача г. Оглоблина состояла поэтому въ томъ, чтобы предложить читателямъ частью «указатели» документовъ Сибирскаго приказа, частью «обозрѣніе» ихъ. Съ такой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать второй выпускъ архивной работы г. Оглоблина, дающій намъ «понятіе о документахъ таможеннаго управленія» (М., 1898 г.) и подлежащій краткой оцѣнкѣ въ предлагаемомъ отзывѣ.

Надо замѣтить прежде всего, что трудъ г. Оглоблина содержитъ свѣдѣнія лишь о тѣхъ столбцахъ и книгахъ Сибирскаго приказа, которые хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Хотя авторъ прямо нигдѣ не оговаривается, но, судя по ссылкамъ въ текстѣ своего обозрѣнія, онъ даже «вязками» этого приказа не пользовался, причемъ довольно случайнымъ образомъ мотивировалъ такой пріемъ (въ предшествующемъ выпускѣ) тѣмъ, что «онѣ въ связи съ дѣлами сената по исторіи Сибири XVIII вѣка составятъ въ будущемъ предметъ особаго обозрѣнія» (т. I); а между тѣмъ, тогда какъ столбцы и книги почти всѣ внесены въ инвентарь архива, большинство «вязокъ» остается до сихъ поръ почти безъ всякой описи¹⁾. Предоставляя себѣ право въ третьей части своего труда обозрѣть «документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія и населенія съ централь-

¹⁾ Описи имѣются только для 91 вязки изъ 251-ой.

нымъ управленіемъ и зачисляя сюда «самые многочисленныя, разнообразныя по содержанію и цѣнные документы Сибирскаго приказа — т. е. отписки» между прочимъ и по таможенному управленію¹⁾, г. Оглоблинъ оставилъ, конечно, безъ всякаго вниманія аналогичныя документы, которые не трудно было розыскать и въ другихъ хранилищахъ. Такъ напр., упоминая объ «отпискахъ», посылаемыхъ воеводскимъ и таможеннымъ управленіемъ въ Сибирскій приказъ (стр. 74), онъ совершенно игнорируетъ позднѣйшія донесенія двухъ важнѣйшихъ сибирскихъ таможенъ: Верхотурской и Кяхтинской, хранимыхъ въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ въ С.-Петербургѣ²⁾, хотя самъ же въ заглавіи своей книги указываетъ на то, что имѣетъ въ виду документы Сибирскаго приказа, относящіеся не только къ XVII вѣку, но и къ XVIII ст. до 1768 г. Итакъ, въ обзорѣ г. Оглоблина попали исключительно столбцы и книги, но не вязки Сибирскаго приказа, хотя бы по содержанію ихъ и не слѣдовало рѣзко отличать отъ остальныхъ документовъ таможеннаго управленія въ Сибири. Естественно, что при такомъ пониманіи своей задачи г. Оглоблинъ не обратился къ крайне затруднительному впрочемъ просмотру бумагъ тѣхъ установленій, въ производствѣ которыхъ, могли бы оказаться дѣла, касавшіеся Сибирскаго приказа, а можетъ быть, и таможеннаго управленія въ Сибири; соглашаясь съ тѣмъ, что обзорѣе ихъ «должно было бы» войти въ составъ его труда, авторъ, однако, отказался отъ выполненія имъ же самимъ признаваемой обязанности изъ боязни «значительную увеличить и безъ того большіе размѣры» своего сочиненія³⁾; надо замѣтить, однако, что вторая часть его объемлетъ всего только десять печатныхъ листовъ.

Цѣль, которую преслѣдуетъ г. Оглоблинъ, обзорѣвая произвольно ограниченный имъ матеріалъ, едва ли можно считать вполне ясно установленной. «Указатели», составленные авторомъ, не замѣняютъ, конечно, научнаго описанія рукописей Сибирскаго приказа, такъ какъ они оказы-

1) П. Оглоблинъ, Обзорѣе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, ч. I, М., 1895 г., стр. 11 и 12.

2) П. Кайдановъ, Систематическій каталогъ дѣламъ Сибирскаго приказа и пр., Сиб., 1888 г., стр. 20. Въ архивѣ имѣется до 12 вязокъ этихъ донесеній за 1755—1762 гг.

3) Самъ г. Оглоблинъ называетъ большинство такихъ установленій; въ томъ числѣ обращаютъ на себя вниманіе «Верхотурскій уѣздный судъ, Якутское областное правленіе, Иркутскій губернский судъ и другія упраздненныя учрежденія Тобольской, Томской, Енисейской и др. Сибирскихъ губерній; бумаги перечисленныхъ дѣлопроизводствъ относятся къ XVII—XVIII вв. (П. Оглоблинъ, *Op. cit.*, ч. I, стр. 4—5). Дѣла упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ XVIII ст. составители Памятной книжки Архива Министерства Юстиціи признаютъ «важнымъ источникомъ при изученіи мѣстной исторіи гораздо болѣе ранняго времени, такъ какъ въ дѣлахъ XVIII-го вѣка (особенно касающихся землевладѣнія) почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы XVI и XVII вв.» (Памятн. кн. Московскаго архива Юстиціи, М., 1890 г., стр. 149).

ваются простыми перечнями столбцовъ и книгъ данной группы по мѣсту ихъ происхожденія и по времени ихъ составленія; при томъ, нѣкоторые изъ документовъ, обозрѣваемыхъ г. Оглоблинымъ, вовсе не попали въ указатели, ибо «все перечислены въ его текстѣ» (стр. 47), а остальные точно не озаглавлены, да и объемъ ихъ (число листовъ) большею частью не означенъ (ср. стр. 41, 46). Вниманіе читателя, поэтому, должно быть въ одинаковой мѣрѣ устремлено какъ на «указатели», такъ и на текстъ обозрѣнія, въ известной мѣрѣ восполняющій указанные нами пробѣлы; для справокъ, однако, не всегда удобно пользоваться и текстомъ, такъ какъ книга г. Оглоблина не снабжена ни таблицей основныхъ разповидностей обозрѣваемыхъ имъ документовъ, ни предметнымъ указателемъ.

Въ самомъ обозрѣніи слѣдуетъ отмѣтить пропуски, которыхъ нельзя было бы ожидать въ строго выполненномъ описаніи, по которымъ, можетъ быть, естественны въ «архивномъ руководствѣ». Самъ г. Оглоблинъ замѣчаетъ, напримѣръ, что «спеціальное изученіе таможенныхъ приходныхъ книгъ откроетъ ихъ гораздо больше» того числа разповидностей, какія известны автору (стр. 28). Перечня «цѣнныхъ росписей ясака» онъ также не даетъ, ибо съ его точки зрѣнія эти документы «мелки и не существенны», а содержаніе ихъ всегда входитъ въ другія книги, уже ранѣе подвергнутыя «обозрѣнію». (стр. 74); такого же рода соображеніями авторъ руководствовался, «не подвергая подробному обозрѣнію таможенныхъ приходныхъ и соболинныхъ книгъ» (стр. 38). Нельзя не пожалѣть и о томъ, что г. Оглоблинъ иногда глухо отзывается о цѣнныхъ матеріалахъ описываемаго имъ собранія, и, наоборотъ, считаетъ возможнымъ въ другихъ мѣстахъ своей книги останавливаться на подробностяхъ, едва ли имѣющихъ существенное значеніе. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно кратко отмѣчены книги, содержащія записи о сборѣ «вѣнинныхъ» денегъ, тогда какъ въ нихъ сообщены свѣдѣнія о томъ, кто (имена лицъ, званія, занятія) откуда и куда везетъ свои товары (стр. 37, 48); 10 таможенныхъ книгъ Ирбитской ярмарки (7204—1706 гг.) также упомянуты мимоходомъ, тогда какъ именно о сибирскихъ ярмаркахъ XVIII-го ст. у насъ пока нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній (стр. 28)¹⁾. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Оглоблинъ долго останавливается на обозрѣніи тѣхъ или другихъ документовъ, онъ не всегда удовлетворяетъ читателя: авторъ часто не даетъ полного перечисленія важнѣйшаго содержанія обозрѣваемаго имъ памятника, довольствуясь нѣсколькими примѣрами, послѣ которыхъ обыкновенно слѣдуетъ: «и др.» или «и проч.» (стр. 26, 27, 36, 37, 49, 52, 53, 62, 67, 69, 73, 97, 102, 120—121). Само собою разумѣется, что въ дѣлахъ Сибирскаго приказа

¹⁾ А. И., т. V, № 192.

есть не мало матеріала, главнѣйшее содержаніе котораго намѣтить очень трудно; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, вѣроятно, возможно было бы подыскать типичные примѣры, иллюстрирующие его, г. Оглоблинъ порою оставляет такое впечатлѣніе въ читателѣ, что приводимыя имъ выписки сдѣланы нѣсколько на удачу (стр. 22, 32, 56, 62, 67 и 68). Тѣмъ болѣе досадно отмѣчать пробѣлы подобнаго рода въ трудѣ г. Оглоблина, что въ другихъ случаяхъ онъ едва ли не съ излишнею подробностью останавливается на мелочахъ, не имѣющихъ большого значенія; такъ, напр., при описаніи «обыскной книги» Тобольской таможенной избы 144 г. авторъ приводитъ рядъ выписокъ изъ объясненій осматриваемыхъ людей о томъ, почему ихъ мягкая рухлядь не занесена въ «проѣзжія» грамоты; такія объясненія, о существованіи которыхъ мы уже знаемъ и по печатнымъ актамъ¹⁾, весьма уклончивы, не внушаютъ довѣрія и представляютъ мало характернаго; на основаніи же одной «рѣдкости» подобныхъ случаевъ, приводитъ ихъ не стоило (стр. 57). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что и тотъ матеріалъ, который заслуженно подвергнуть г. Оглоблинымъ внимательному «обозрѣнію», не всегда ясно представляется читателю. Такъ, напримѣръ, «поживотныя книги, по мнѣнію автора, говорятъ (?) о сборѣ поживотныхъ денегъ съ товаровъ, животныхъ и капиталовъ торговыхъ и промышленныхъ людей». Далѣе авторъ «обозрѣваетъ» всего одну лишь «книгу приходную поживотную» Мангазейскихъ сборныхъ цѣловальниковъ 138 г., особенность которой состоитъ въ томъ, что «въ ней отсутствуетъ перечень товаровъ и животныхъ, а вмѣсто того указывается только стоимость ихъ въ одной общей цифрѣ для всей партіи товаровъ у каждаго лица. У нѣкоторыхъ повидимому не было ни товаровъ, ни животныхъ (т. е. подлежащихъ къ сбору) и они объявляли свои капиталы, пазначавшіеся на промыслы или торговлю и съ этихъ капиталовъ также брались поживотныя деньги» (стр. 33). Въ чемъ состояло различіе между «животами, товарами и капиталами» г. Оглоблинъ не разъясняетъ; во всякомъ случаѣ, изъ его же словъ слѣдуетъ, что «деньги» иногда вѣдали или съ товаровъ, или съ капиталовъ. При описаніи таможенныхъ (общихъ) приходныхъ книгъ также встрѣчаются замѣчанія, едва ли отличающіяся надлежащею точностью. Въ означенныхъ книгахъ напрямѣръ, по словамъ г. Оглоблина, содержатся свѣдѣнія о сборѣ «десятиной записной пошлины»; «записи этого сбора, продолжаетъ авторъ, говорятъ (?): кто (имя и званіе) откуда пріѣхалъ, что и сколько привезъ, сколько взято за товаръ десятой пошлины или не взято, если продавецъ заплатилъ десятую въ томъ городѣ, откуда пріѣхалъ и, если о томъ свидѣтельствовала его проѣзжая память» (стр. 22). Въ наказной

¹⁾ А. И., т. V, № 124 (стр. 206).

памяти Енисейскаго (?) таможеннаго головы одному изъ цѣловальниковъ на Ленскомъ волокъ 1639 года мы находимъ едва ли не болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какими довольствуется г. Оглоблинъ. «И будетъ, читаемъ мы здѣсь, съ той рухляди въ тѣхъ городѣхъ, откуда приѣдутъ, государева десятая пошлина не взята, и цѣловальнику Роспутѣ съ той рухляди имать на государя десятая пошлина; а будетъ съ того товару государева десятая пошлина взята въ тѣхъ городѣхъ, откуда приѣдутъ, и съ того ихъ товару съ мягкой рухляди имать на государя порублевая пошлина, съ Енисейскихъ служилыхъ людей съ рубля по двѣ деньги, а съ иногородныхъ со всякихъ людей съ рубля по алтыну». Въ виду малого количества печатныхъ матеріаловъ о таможенномъ управленіи въ Сибири, трудно сказать, должно ли считать вышеприведенное правило наказной памяти 1639 года типическимъ для того времени; во всякомъ случаѣ его можно встрѣтить и въ другихъ актахъ позднѣйшаго происхожденія. Впрочемъ въ концѣ XVII-го вѣка уже въ видѣ общаго правила дѣйствовали новыя «статьи». Въ 1693—1698 гг. таможенные головы Сибирскихъ городовъ должны были взимать десятую съ продажи товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи, хотя бы въ выписяхъ и было написано, что пошлина съ нихъ уже взята въ «русскихъ городѣхъ»; сверхъ того они брали десятую жъ «перекупную» пошлину, а при проѣздѣ черезъ границу въ Китай требовали отъ купцовъ уплаты «шти денегъ съ рубля»¹⁾. Въ Сибири десятичная пошлина, какъ видно, далеко не имѣла одного и того же значенія въ теченіе всего XVII-го вѣка и едвали можно предполагать, что бы при выше указанныхъ измѣненіяхъ ея «книги записной десятичной пошлины» оставались безъ всякихъ перемѣнъ. Далѣе такія же недоумѣнія вызываютъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Оглоблинымъ о «поанбарной пошлинѣ, т. е. сборѣ за наемъ лавокъ въ государевомъ гостинномъ дворѣ; размѣръ сбора, продолжаетъ нашъ авторъ, зависѣлъ отъ срока найма. Такъ, 19 сентября взято 5 алт. 2 деньги съ такого то поанбарныя пошлины сентября съ 1-го числа до сентября жъ по 19 число

¹⁾ А. И., т. V, № 124. Доп. къ А. И., т. II, № 67. П. С. З., т. III, № 1474. Въ наказѣ 1693 года статья 17-я редактирована не совсѣмъ ясно. Въ силу ея «люди, ѣхавшіе изъ Сибирскихъ порубежныхъ городовъ со всякими русскими товарами въ Китай или въ калмыцкіе улусы» и представившіе таможеннымъ головамъ выписи, въ которыхъ «тѣ товары написаны будутъ покупки русскихъ городовъ, а не Сибирскихъ», также должны были платить по десяти денегъ съ рубля; если выписи выдавали имъ при уплатѣ пошлины (о чемъ имѣются свѣдѣнія, напр., въ наказахъ того времени и въ статьяхъ 1698 г.; см. А. И., т. V, №№ 124 и 261; П. С. З., т. III, № 1654, стр. 511 и 515), то окажется, что и при провозѣ товаровъ изъ Россійскихъ городовъ въ Китай дѣйствовалъ тотъ же порядокъ, который былъ установленъ въ 1693 г. для Верхотурской таможи; память данная одному изъ Нерчинскихъ цѣловальниковъ въ 1697 г., не подтверждаетъ, однако, такого вывода (А. И., т. V, № 261). Какъ бы то ни было, наказъ 1693 г. былъ значительно измѣненъ въ 1698 г., когда между прочимъ пошлины: перекупная и по алтыну съ рубля были уничтожены; см. П. С. З., т. III, № 1654; А. И., т. V, № 284.

за 2 педѣля 4 дни» (стр. 23). Въ актахъ встрѣчаются, однако, указанія на существованіе въ Сибѣри «полавочной пошрины», (о которой г. Оглоблинъ, кажется, вовсе не упоминаетъ); ее иногда принимали въ размѣрѣ 8 денегъ съ человѣка на недѣлю, а за гостинный дворъ и за избу постоялаго съ приѣзду и по отъѣздѣ по 1 рублю съ человѣка»¹⁾. Въ такія же таможенные, приходныя книги, по замѣчанію г. Оглоблина, вносили записи и о сборѣ «помѣрные мелочи» съ хлѣбныхъ мелкихъ продажъ (стр. 24); но и этотъ сборъ точнѣе разъясняется однимъ изъ воеводскихъ наказовъ, въ которомъ прямо сказано: «а съ хлѣба съ всякаго имать помѣрнаго съ четьи по 4 деньги»²⁾. Трудно предполагать, что въ обширныхъ матеріалахъ, какими пользовался г. Оглоблинъ, не нашлось такихъ же, болѣе точныхъ указаній на упоминаемые имъ сборы, что, разумѣется, дало бы читателю его обзорѣнію болѣе ясное понятіе и объ описываемомъ имъ родѣ таможенныхъ книгъ.

Въ предисловіи къ своему труду г. Оглоблинъ заявляетъ, что будетъ «чуждаться всего того, что носитъ названіе изслѣдованія».

Не знаемъ, можно ли было г. Оглоблину на этомъ основаніи совершенно отстранить отъ себя пользованіе печатными матеріалами, аналогичными съ тѣми, какіе онъ описываетъ въ своей книгѣ. При обзорѣніи «рописныхъ списковъ», напримѣръ, не мѣшало бы обратить вниманіе на отписки Чичуйскаго таможеннаго цѣловальника Я. Котельникова Якутскому воеводѣ Ф. Бибикову о приѣмѣ Чичуйскаго острожка у прежняго цѣловальника и о посылкѣ въ Якутскъ собранныхъ въ таможи соборей и денегъ³⁾. Далѣе, перечисляя на нѣсколькихъ страницахъ своего труда рукописные сборники проѣзжихъ памятей, г. Оглоблинъ ни разу не указываетъ на то, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ такихъ актовъ можно найти въ общедоступныхъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи⁴⁾. Въ отдѣлѣ объ «обыскныхъ книгахъ» автору также слѣдовало бы упомянуть и о нѣсколькихъ «досмотрахъ» товаровъ, учиненныхъ таможенными головами и напечатанныхъ въ тѣхъ же изданіяхъ⁵⁾. Наконецъ, хотя таможенныхъ приходныхъ книгъ разныхъ видовъ въ общераспространенныхъ сборникахъ актовъ пока еще, если не ошибаемся, не появлялось въ печати, но все же нѣкоторое понятіе о десяти-

1) А. И., т. V, № 124 (стр. 206); Доп. къ А. И., т. II, № 67 (1639 г.). Е. Осокинъ, Внутр. тамож. пошрины, Каз., 1850 г., стр. 59.

2) Доп. къ А. И., т. II, № 67. Такія пошрины, можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ позднѣе были замѣнены другими: при продажѣ хлѣба своей пахоты платили по 10 денегъ съ 1 руб., а при продажѣ перекупного по 1 гривнѣ съ 1 рубля; см. П. С. З., т. III, № 1474 (1693 г.).

3) А. от. до Ю. Б., т. II, стр. 616—618; Доп. къ А. И., т. IX, № 54 (1679 г.); срав. Доп. къ А. И., т. VIII, № 75 (1630 г.).

4) А. от. до Ю. Б., т. III, стр. 80—81.

5) Доп. къ А. И., т. VIII, № 46; т. XII, № 28.

ныхъ книгахъ, напримѣръ, можно почерпнуть хотя бы въ напечатанныхъ росписныхъ спискахъ разныхъ воеводъ, гдѣ иногда встрѣчается отдѣль, озаглавленный: «таможенной десятишой мягкой рухляди сбору такого то таможеннаго головы съ таможенными цѣловальниками»¹⁾. Какъ ни ничтожны подобнаго рода указанія, они все же были бы умѣстны («въ архивномъ руководствѣ»), авторъ котораго стремится дать «понятіе» читателю не только о формальныхъ признакахъ обозрѣваемыхъ источниковъ, но и о содержаніи ихъ.

Слѣдуетъ замѣтить, притомъ, что пользование печатными матеріалами, быть можетъ, иногда повліяло бы и на болѣе правильную оцѣнку г. Оглоблинымъ рукописныхъ документовъ Сибирскаго приказа. Такъ, напр., по мнѣнію автора, «особенно любопытна» записъ объ осмотрѣ животовъ Березовскаго воеводы А. А. Плещеева-Мѣшкова, «ѣхавшаго съ Березова къ Руси черезъ камень»; у воеводы найдены были запретные мѣха въ подушкѣ, перинѣ, пуховикѣ, въ трехъ хомутикахъ «я пр.»; авторъ, очевидно, въ данномъ случаѣ забываетъ, что мы давно уже знаемъ о злоупотребленіяхъ подобнаго рода по печатнымъ актамъ, указывающимъ къ тому же на ихъ общераспространенность²⁾.

Охотно выступая въ своемъ сочиненіи не только въ качествѣ «руководителя», но и въ роли изслѣдователя, самъ г. Оглоблинъ даетъ намъ право и съ этой точки зрѣнія подвергнуть его «обозрѣніе» краткой оцѣнкѣ. Такъ, напримѣръ, группировка документовъ Сибирскаго приказа, хотя бы по одному мѣстному управленію, вызвала со стороны г. Оглоблина нѣсколько замѣчаній объ отношеніяхъ воеводъ къ таможеннымъ и кабацкимъ главамъ. «Таможенныя избы, читаемъ мы въ предисловіи къ его обозрѣнію, были подчинены въ Сибири воеводскому управленію, но съ значительною долею самостоятельности и какъ бы равноправности съ приказными избами» (стр. 3). Автору не мѣшало бы въ данномъ случаѣ припомнить, что указываемая имъ «самостоятельность» по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ дѣлъ возникла довольно поздно. Лишь въ одномъ изъ царскихъ указовъ 1646 года встрѣчаемъ мы распоряженіе о томъ, чтобы «шишѣ во всѣхъ Сибирскихъ городѣхъ, опричь Тобольска, воеводамъ нашимъ и діякамъ и подьячимъ торговыхъ и промышленныхъ людей проѣздомъ не вѣдать»; съ того времени таможеннымъ главамъ съ выборными цѣловальниками и поручено было выдавать и «печатать» проѣзжія грамоты такимъ людямъ, отпускать ихъ со всякими товарами и взимать съ нихъ печатныя пошлины. Какъ видно, однако, даже и послѣ указа 1646 г. за Тобольскими воеводами

¹⁾ Доп. къ А. И., т. VI, № 116 (стр. 358—359); ср. Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 12.

²⁾ А. И., т. V, № 30; Доп. къ А. И., т. VIII, № 64. II. С. З., т. III, № 1443.

все же осталось довольно существенное полномочіе по таможеннымъ дѣламъ, въ другихъ городахъ уже переданное въ вѣдомство таможенныхъ избъ¹⁾. Впрочемъ г. Оглоблинъ, конечно, признаетъ «подчиненность головъ воеводамъ», но упоминаетъ лишь о нѣкоторыхъ изъ ея частныхъ проявленій: она сказывалась, по мнѣнію автора, во 1-хъ, въ томъ, что «результаты дѣятельности таможенныхъ избъ обязательно сообщались воеводѣ; отчеты объ ихъ дѣятельности вносились воеводами въ ихъ финансовые отчеты по воеводству, а въ полномъ видѣ отсылались въ Сибирскій приказъ», и во 2-хъ «въ правѣ воеводъ привлекать головъ къ участию въ разныхъ хозяйственныхъ и торговыхъ операціяхъ воеводскаго управленія» (стр. 3—4). Приведенныя замѣчанія отличаются довольно случайнымъ характеромъ: головы, вѣроятно, вообще подчиненные надзору воеводъ, которые иногда выдавали имъ даже наказы и пошлинные тарифы²⁾, отвѣчали также передъ ними въ своихъ злоупотребленіяхъ³⁾. Г. Оглоблинъ счелъ нужнымъ не только выдѣлить дѣла по таможенному управленію изъ воеводскихъ, но и присоединить къ нимъ производства кружечныхъ дворовъ. Дѣйствительно, чаще всего таможенные головы были вмѣстѣ съ тѣмъ и кружечными (стр. 81); «когда именно это произошло, прибавляетъ авторъ, не знаю. . .»; во всякомъ случаѣ, примѣры соединенія обѣихъ должностей въ одномъ лицѣ на сѣверѣ Россіи можно подыскать еще въ первой половинѣ XVII в.⁴⁾ Въ дальнѣйшей группировкѣ обзорѣваемаго имъ матеріала по болѣе мелкимъ видамъ г. Оглоблинъ также старается придерживаться скорѣе научнаго дѣленія, описывая въ гл. XV «таможенные административные документы», въ гл. XVI таможенные приходныя и соборныя книги, въ гл. XVII отпускныя и обыскныя книги, далѣе, въ гл. XVIII разные таможенные документы (земскія приходныя и расходныя книги, таможенную расходную книгу, товарныя цѣновныя росписи, табашныя книги, мѣновныя книги, документы о китайскихъ товарахъ, книги выдѣльной рыбы, записныя книги судамъ, разные документы) и, наконецъ, въ гл. XIX—документы кружечныхъ дворовъ. Не вездѣ, однако, выдержалъ принципъ дѣленія; самъ авторъ признается, что «если бы группа земскихъ приходныхъ книгъ была болѣе значительныхъ размѣровъ, тогда слѣдовало бы выдѣлить ее въ самостоятельный отдѣлъ, присоединивши къ нему земскіе документы,

1) А. И., т. IV, № 8. А. Э., т. IV, № 294.

2) А. И., т. IV, №№ 8 и 150; т. V, №№ 30 и 124; Доп. къ А. И., т. VIII, №№ 75 и 111 ср. Н. Оглоблинъ, *Op. cit.*, ч. I, стр. 44. Впрочемъ, они часто получали ихъ и прямо изъ Сибирскаго приказа — «за дьячими приписями»; см., напр., А. И., т. IV, №№ 182 и 197 А. от. до. Ю. Б., т. I, стр. 355; П. С. З., т. III, №№ 1443 и 1474.

3) А. И., т. III, № 196; т. V, № 212.

4) Доп. къ А. И., т. III, № 55.

указанные въ первой части» (стр. 64) и, такимъ образомъ, смѣшиваетъ теоретическую точку зрѣнія съ практической. Въ большинствѣ изъ вышеприведенныхъ замѣчаній г. Оглоблина нельзя не видѣть слѣды предварительнаго изслѣдованія, которое онъ не желаетъ, однако, взять на свою отвѣтственность.

Въ обзорѣи, кромѣ того, встрѣчаются случаи, когда г. Оглоблинъ пытается объяснить описываемый имъ матеріалъ и дѣлаетъ изъ него выводы. Такъ, напримѣръ, малое количество росписныхъ списковъ авторъ «объясняетъ» тѣмъ, что «они имѣли для головъ значеніе оправдательныхъ документовъ и въ качествѣ таковыхъ увозились ими на родину» (стр. 6). Извѣстно, однако, что «пріемъ казны совершался обыкновенно подъ надзоромъ воеводы и росписной списокъ отдавался въ съѣзжую избу иногда въ двойномъ экземплярѣ, изъ которыхъ одинъ посылался въ Москву»¹⁾. Въ изданныхъ актахъ, мы находимъ свѣдѣнія о такомъ порядкѣ сдачи, что и заставляетъ насъ нѣсколько усумниться въ безусловной правильности, «объясненія», предлагаемаго г. Оглоблинымъ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги авторъ приводитъ извѣстія объ «артеляхъ» (стр. 31, 32, 34, 43, 104—105); едва ли, однако, сами документы оправдываютъ во всѣхъ случаяхъ его заключенія; одно изъ нихъ, напр., основано, повидимому, лишь на томъ, что люди, упоминаемые на извѣстномъ «кочю», «платятъ всѣ поровну 20 алтынъ, каждый за себя»; рѣчь идетъ о поголовныхъ деньгахъ (стр. 105), что едва ли достаточно для того, чтобы назвать такую группу лицъ «артелью»; да и самымъ терминомъ авторъ едва ли всегда пользуется съ должною осторожностью. Возьмемъ еще одинъ примѣръ толкованій г. Оглоблина: говоря о частой смѣнѣ лицъ, которымъ поручено было виновное куреніе, онъ разъясняетъ её тѣмъ, что дѣло подобнаго рода «поручалось тому или другому лицу какъ бы въ видѣ награды» (стр. 83); но, пожалуй, съ большимъ правомъ можно сказать, что при смѣнѣ чиновниковъ правительство имѣло въ виду не столько награду за ихъ службу, сколько контроль за ихъ дѣятельностью; по крайней мѣрѣ такъ оно поступало во многихъ случаяхъ подобнаго рода. «Объясненія» г. Оглоблина, тамъ, гдѣ онъ не ограничивается общими фразами (стр. 50), какъ видно, далеко не всегда можно признать удачными.

Предположенія его также мало обоснованы; такъ, напр., г. Оглоблинъ считаетъ невозможнымъ, чтобы крестьяне Н. и Д. Пахомовы торговали на сумму въ 1196 р. (стр. 31) а между тѣмъ самъ приводитъ указаніе на то, что у одного изъ крестьянъ ки. Я. К. Черкасскаго оказалось «мягкіе рухляди» на 983 р. слишкомъ; (стр. 59); можно было бы припомнить извѣ-

¹⁾ Б. Чичеринъ, Областныя учрежденія, стр. 424; см. еще: П. С. З., т. III, № 1443.

стія о пѣкоторыхъ изъ крестьянъ боярина Б. И. Морозова, торговые обороты которыхъ превышали только что указанные¹⁾).

Назначеніе выборныхъ людей въ чужіе имъ города г. Оглоблинъ признаетъ «очень разумнымъ правиломъ»... что «дѣлало таможенныхъ головъ болѣе независимыми отъ мѣстныхъ воеводъ и разныхъ мѣстныхъ вліяній» (стр. 4). Кто припомнитъ, что подобное мѣропріятіе «совершенно уничтожило вліяніе земскихъ людей, которые могли отвѣтствовать только за собственныхъ мѣстныхъ выборныхъ» и что оно вовсе не уничтожило злоупотребленій головъ, тотъ едва ли назоветъ такое правило «очень разумнымъ», если вообще согласится вмѣстѣ съ г. Оглоблинымъ съ нашей современной точки зрѣнія оцѣнивать старинные порядки.

Наконецъ, еще менѣе выигрываетъ трудъ г. Оглоблина отъ тѣхъ сужденій, какія онъ произноситъ *по поводу* сообщаемыхъ имъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, весьма подробно приводя опись архива Мангазейской таможи, г. Оглоблинъ присовокупляетъ къ своему «обозрѣнію» слѣдующее разсужденіе: «Мнѣ думается, что въ этомъ маленькомъ фактѣ изъ жизни этихъ маленькихъ людей кроется намекъ на нѣкоторую культурность ихъ... Оцѣнка всей ихъ дѣятельности на пользу государства внесетъ очень крупныя и во многомъ новыя штрихи въ характеристику русской жизни XVII вѣка... Любопытно особенно было бы провести параллель между службами земли этихъ государственныхъ сиротъ и службами государевыхъ холопей — служилыхъ людей; крайне поучительные получились бы выводы?» (стр. 8—9). Мы совершенно отказываемся понять, на что собственно намекаетъ здѣсь авторъ; въ такихъ отступленіяхъ онъ едва ли не выходитъ за предѣлы научнаго объясненія собраннаго имъ матеріала.

Не смотря на вышеуказанные недостатки, препятствующіе назвать «Обозрѣніе» г. Оглоблина безусловно полнымъ и считать его совершенно принаровленнымъ къ потребностямъ научно-исторической техники, всю работу въ цѣломъ слѣдуетъ признать полезнымъ вкладомъ въ современную русскую археографическую литературу. Авторъ пересмотрѣлъ значительное число документовъ, самый обширный отдѣлъ которыхъ, а именно таможенные «приходныя и соболинныя» книги, обнимаетъ до 1114 номеровъ и группировалъ рукописи въ своемъ «обозрѣніи» въ общихъ чертахъ довольно правильно; въ предѣлахъ каждой группы авторъ помѣстилъ однородный матеріалъ, не рѣдко разсыпанный по разнымъ столбцамъ и книгамъ, что, разумѣется, значительно облегчитъ послѣдующую задачу изслѣдователя. Наконецъ, не довольствуясь указаніемъ на формальные признаки столбцовъ

¹⁾ И. Забѣлинъ, Большой бояринъ въ его хозяйствѣ въ В. Е. за 1871 г., № 2, стр. 476—477.

и книгъ Сибирскаго приказа, г. Оглоблинъ попытался ознакомить читателя съ ихъ содержаніемъ, что, во всякомъ случаѣ, будетъ принято съ благодарностью будущими изслѣдователями исторіи Сибири.

Такъ какъ первая часть труда г. Оглоблина, посвященная обзорѣннѣю «документовъ воеводскаго управленія» и имѣющая совершенно однородный характеръ, была уже удостоена Академіею Сибиряковской преміи, то и нѣтъ повода разсуждать, на сколько подготовительная такого рода разработка матеріаловъ подходитъ подъ условія преміи, выраженныя въ положеніи. Для устойчиваго, прочнаго и твердаго движенія науки впередъ въ данной области, нужно, напротивъ, прямо пожелать, чтобы такія занятія продолжались и впредь, и находили себѣ въ будущемъ такое же признаніе среди возникающей ученой корпораціи Томскаго университета, — къ юридическому факультету котораго отнынѣ перейдетъ право присужденія премій Сибирякова, принадлежавшее доселѣ Академіи Наукъ. Само собою разумѣется, что и недостатки, съ тщаніемъ отмѣченныя въ трудѣ г. Оглоблина такимъ большимъ знатокомъ дѣла и такимъ всегда строгимъ судьей, какъ мой ученый другъ, — будемъ надѣяться, — легче будутъ избѣгаемы послѣ сдѣланныхъ опытовъ. Академія признаетъ за г. Оглоблинымъ право на полученіе искомой преміи.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 4.

Volume IV. № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)



С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:	Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:
П. П. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,	J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
П. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,	N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
П. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,	N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,	M. Klukine à Moscou,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,	E. Raspopof à Odessa,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,	M. Chechter à Kichinef,
П. Киммеля въ Ригѣ,	N. Kummel à Riga,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.	Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 40 к. — Prix: 1 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12):

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ Н. Ф. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе премій имени графа Д. А. Толстого было представлено пять сочиненій, по оцѣнкѣ которыхъ Академія постановила выдать преміи нижеслѣдующимъ двумъ:

І. Л. Бессеръ и К. Баллодъ. Смертность, возрастной составъ и долговѣчность православнаго народонаселенія обоого пола въ Россіи за 1851—1890 годы, съ приложеніями: Смертность, возрастной составъ и долговѣчность во Франціи за 1882—1886 г., — Прибалтійскаго края за 1880—1883 г., — Пруссіи и Баваріи за 1881—1890 г., и Англии, Бельгіи и Австріи за 1880—1890 г. Спб. 1897.

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя уважаемый нашъ сочленъ, академикъ К. С. Веселовскій.

Явившееся нынѣ на соисканіе преміи графа Д. А. Толстого сочиненіе гг. Бессера и Баллода, было представляемо Академіи еще въ рукописи, въ сентябрѣ 1895 г. и, по разсмотрѣннн его, найдено на столько заслуживающимъ вниманія, что удостоилось помѣщенія въ ея „Запискахъ“. Поэтому здѣсь достаточно лишь напомнить о тѣхъ качествахъ этого труда, которыя послужили основаніемъ для столь лестной оцѣнки его со стороны Академіи.

Вопросъ о величинѣ смертности въ странѣ, какъ наиболѣе прямою показателѣ степени народнаго благосостоянія, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. А между тѣмъ, въ примѣненіи къ Россіи, онъ представляетъ такую задачу, которая, по состоянію у насъ необходимыхъ для ея изслѣдованій матеріаловъ, еще не поддается точному рѣшенію. Неполнота и неточность статистическихъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ метрическихъ записей о родившихся и умершихъ, вынуждаютъ прибѣгать, при вычисленіи законовъ смертности, къ разнаго рода болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, допущеніямъ и интерполяціямъ, которыми хотя и удается восполнить въ нѣкоторой степени, гипотетически, недостающее въ основныхъ данныхъ, но никакъ не можетъ быть вполне устранено вліяніе ихъ недостаточности. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія задачи о законахъ смертности въ Россіи явилась та разнорѣчивость результатовъ сдѣланныхъ доселѣ изслѣдованій по этому предмету, которая потребовала новаго пересмотра вопроса. Извѣстно, что нашъ достославный математикъ, академикъ В. Я. Буняковскій, въ цѣломъ рядѣ записокъ, напечатанныхъ имъ въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ въ нашихъ изданіяхъ, представилъ какъ выводъ изъ своихъ вычисленій, что степень смертности въ православномъ народонаселеніи Россіи не болѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ намъ странахъ Европы, и въ особенности въ Пруссіи. Этотъ столь благоприятный выводъ не замедлил вызвать сомнѣніе, въ особенности въ медицинскихъ кругахъ, ближе знакомыхъ съ санитарными условіями у насъ народной жизни. Такое сомнѣніе получило для себя оправданіе въ изслѣдованіяхъ другого отличнаго математика: доцентъ Страсбургскаго университета, ученикъ и послѣдователь знаменитаго профессора Лексиса, Вл. Борткевичъ, въ двухъ статьяхъ, украсившихъ наши „Записки“ въ 1890 и 1891 годахъ, строгимъ математическимъ анализомъ имѣющихся у насъ статистическихъ данныхъ, приведенъ былъ къ выводамъ, по которымъ степень смертности того же народонаселенія менѣе выгодна, чѣмъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Такое существенное разногласіе по

отношенію къ столь важному вопросу требовало разъясненія путемъ новаго, подробнаго и обширнаго изслѣдованія; таковымъ и является работа, представленная нынѣ гг. Бессеромъ и Баллодомъ для соисканія преміи графа Д. А. Толстого.

Критически разобравъ и провѣривъ все методы, примѣненные доселѣ къ исчисленію русской смертности и произведя за болѣе продолжительный періодъ времени опредѣленіе этой смертности помощью пріемовъ, признаваемыхъ ими наиболѣе цѣлесообразными, они пришли къ выводамъ въ сущности близко подходящимъ къ выводамъ г. Ворткевича, такъ что разницы между полученными ими величинами русской смертности и выведенными симъ послѣднимъ менѣе значительны, чѣмъ между выводами ихъ и г. Ворткевича и опредѣленіями Буняковского. Это согласіе выводовъ, полученныхъ двумя, равно тщательными и независимо одно отъ другого произведенными изслѣдованіями, составляетъ важный шагъ къ точнѣйшему познанію русскаго народонаселенія съ біометрической стороны. Отнынѣ болѣе высокая смертность этого народонаселенія сравнительно съ другими европейскими странами получаетъ значеніе факта установленнаго наукою, факта важнаго, долженствующаго вызвать дальнѣйшія изысканія о причинахъ этого невыгоднаго для насъ явленія.

Къ этому должно прибавить, что при той полнотѣ, какую гг. Бессеръ и Баллодъ дали своей работѣ, введя въ нее, для большей поучительности, сравненіе Россіи по степени смертности, по возрастному составу народонаселенія и по долговѣчности съ другими странами Европы, ихъ сочиненіе представило собою и по размѣрамъ своимъ трудъ почтенный, достойный вниманія и поощренія.

На основаніи изложеннаго Академія постановила наградить сочиненіе гг. Л. Бессера и К. Баллода большою почетною золотою медалью.

И. П. Г. Мацокинъ. Метисы Забайкалья (рукоп.).

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя почетный членъ Академіи Д. Н. Анучинъ.

Изученіе помѣсей между человѣческими расами составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ антропологии. Къ сожалѣнію, это изученіе, можно сказать, только намѣчено; обстоятельныхъ, детальныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи произведено еще очень мало. Объясняется это отчасти позднимъ развитіемъ антропологии вообще, отчасти—трудностью выдѣлить различныя степени метисаціи и установить чистые расовые типы. Кровное смѣшеніе различныхъ племенъ и расъ происходило съ глубокой древности, вызывая варіаціи типовъ и содѣйствуя умноженію переходныхъ формъ. Въ особенности это примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ ставивалось большое число племенъ, то вступавшихъ между собою въ борьбу и подчинявшихъ одно другихъ силою, то сливавшихся постепенно въ одну народность и усваивающихъ себѣ общую культуру.

Смѣшеніе и метисація племенъ играли, несомнѣнно, важную роль и въ исторіи образованія русской народности. Съ глубокой древности славяно-русскія племена приходили въ соприкосновеніе съ племенами финскими и тюркскими, болѣе или менѣе смѣшивались съ ними, а также воспринимали ихъ въ себя. Смѣшеніе происходило отчасти кровнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, отчасти путемъ усвоенія инородцами русскаго языка, вѣры и образа жизни. Все это, несомнѣнно, должно было способствовать болѣе варіаціи типовъ въ предѣлахъ русской народности и измѣненію ея общаго облика въ теченіе ряда поколѣній. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое измѣненіе типа обусловливалось исключительно смѣшеніемъ и метисаціей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что типъ можетъ измѣняться съ вѣками, помимо метисаціи, подъ вліяніемъ условій жизни и процесса, соответствующаго естественному отбору. Съ другой стороны, результаты метисаціи могутъ быть весьма различны, въ зависимости отъ степени устойчивости типовъ, отъ преобладанія въ потомствѣ той или другой крови, отъ болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго возврата (реверсіи) къ типамъ производителей.

„Вліяніе метисаціи — говоритъ ученый рецензентъ — можетъ быть изучаемо всего удобнѣе въ такихъ областяхъ, гдѣ она нача-

лась сравнительно недавно, гдѣ смѣшивающіяся племена рѣзче обособлены между собою и гдѣ притомъ они представлены еще, каждое, довольно чистыми типами. Одною изъ такихъ областей является, безспорно, Сибирь, въ особенности же Забайкалье, гдѣ мы находимъ, съ одной стороны, коренное населеніе бурятъ, представителей монгольской расы, — съ другой продукты смѣшенія съ ними пришлыхъ колонизаторовъ, русскихъ, и, наконецъ, обособленное русское населеніе, въ лицѣ раскольниковъ, „семейскихъ“, явившихся въ область, какъ показываетъ самое прозвище, съ семьями, и сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, благодаря ихъ религіозной замкнутости, не допускающей брачнаго общенія не только съ бурятами, но и съ православными русскими. Присутствіе въ Забайкальи „семейскихъ“ значительно облегчаетъ здѣсь сравнительно-антропологическое изученіе типовъ. Конечно, можно было бы воспользоваться для подобнаго сравненія какою либо другою группою русскаго населенія, свободною отъ всякой бурятской примѣси и живущею въ отдаленіи отъ Забайкалья, напр., гдѣ либо въ Европейской Россіи, но это, во всякомъ случаѣ, затрудняло бы непосредственное сравненіе. Благодаря же присутствію „семейскихъ“, изслѣдователь можетъ изучать въ самомъ краѣ, иногда даже въ одномъ пунктѣ, представителей всѣхъ трехъ, антропологически различающихся между собою, категорій населенія области.

„До послѣдняго времени, однако, никому не приходило въ голову воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для сравнительно-антропологическаго изученія. Впрочемъ, и вообще научное изученіе восточно-сибирскаго населенія началось лишь весьма недавно“.

Главной задачей г. Мацокина было выясненіе типа метисовъ, продуктовъ кровнаго смѣшенія русскихъ съ бурятами, путемъ систематическаго изслѣдованія извѣстнаго числа мужскихъ особей, какъ изъ среды помѣсей, такъ и изъ двухъ категорій племень-производителей. Объектами изслѣдованій служили: для бурятъ — 50 нижнихъ чиновъ забайкальской № 1 казачьей конно-артиллерійской батареи и сборной сотни, состоящей исключительно изъ бурятъ I Военнаго отдѣла казачьихъ войскъ области;

для „семейскихъ“ — 65 нижнихъ чиновъ 4-го Восточно-сибирскаго линейнаго батальона, означенныхъ въ спискѣ раскольниками и подтвердившихъ это при распріосахъ; наконецъ, для метисовъ — 65 нижнихъ чиновъ того же батальона, не принадлежащихъ къ числу раскольниковъ, и которыхъ можно было признать за помѣсей, „какъ на основаніи отвѣта ихъ „я сибирякъ“, такъ равно и при наличности тѣхъ или иныхъ бурятскихъ особенностей въ типѣ“.

Г. Мацокинъ знакомитъ въ началѣ своего труда съ приемами своихъ антропологическихъ изслѣдованій. Эти приемы, по употреблявшимся при нихъ инструментамъ и выбору измѣреній, не вполне соотвѣтствуютъ нынѣ установившимся, какъ это и признаетъ самъ авторъ. „Самымъ большимъ мѣстомъ въ моей работѣ — говоритъ онъ — остаются нѣкоторые пробѣлы и недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что кое-какія измѣренія производились отличнымъ отъ общеустановленныхъ приемовъ способомъ; но единство такихъ способовъ, выдержанныхъ по отношенію ко всѣмъ 180 особямъ Забайкалья, нисколько, надо полагать, не умаляетъ достоинства итоговъ, которые по этому могутъ въ достаточной степени служить вопросу о разрѣшеніи намѣченной этюдомъ цѣли“.

Тѣмъ не менѣе, своеобразность принятой авторомъ схемы затрудняетъ сравненіе его данныхъ съ имѣющимися относительно другихъ племенъ и не даетъ отвѣта на нѣкоторые вопросы. Объясняется же эта своеобразность тѣмъ, что авторъ, приступивъ къ своимъ изслѣдованіямъ, не былъ достаточно знакомъ съ антропологическою литературою и съ антропометрическими инструкціями, и познакомился съ ними уже позже, при обработкѣ своего труда. Познакомивъ съ приемами своихъ измѣреній, авторъ даетъ краткій географическій и историческій обзоръ Забайкальской области, а затѣмъ переходитъ къ подробному антропологическому описанію избранныхъ имъ трехъ группъ, на основаніи результатовъ своихъ изслѣдованій надъ указаннымъ выше числомъ особей. Описаніе это весьма подробно и сопровождается детальными таблицами измѣреній.

Разсмотрѣвъ типы раскольниковъ и бурятъ, авторъ оставливается на сибирякахъ-метисахъ и отмѣчаетъ въ нихъ черты сходства съ бурятами съ одной стороны, и съ „семейскими“, съ другой. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что метисы представляютъ собою особый типъ, занимающій среднее положеніе между типами производителей.

„Несмотря на нѣкоторые недостатки и промахи, говорить Д. Н. Анучинъ, трудъ г. Мацокина представляетъ интересъ, какъ первая попытка систематическаго изученія продуктовъ метисаціи между русскими и инородцами (монгольской расы), при чемъ авторъ руководился раціональнымъ методомъ — сравненія типа помѣсей съ типами расъ производителей, въ ихъ болѣе чистыхъ группахъ. Если результаты изслѣдованій автора въ этомъ направленіи и нуждаются еще въ провѣркѣ, если группа сибиряковъ-метисовъ и требуетъ еще болѣе тщательнаго анализа, какъ по отношенію къ ея составу и образованію, такъ и ея отличительныхъ признаковъ, то, во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю нельзя будетъ игнорировать сопоставленій г. Мацокина, а въ особенности указанной имъ устойчивости этой группы и ея промежуточнаго положенія между типами производителями“.

Въ виду этого Академія постановила присудить П. Г. Мацокину малую золотую медаль и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить благодарность своему почетному члену Д. Н. Анучину.



Отзывъ о соч. П. Г. Мацокина:

Антропологическій этюдъ. Метисы Забайкалья.

1898. (Рукопись). 556+2 стр.

Рецензія Д. Н. Анучина.

• Изученіе помѣсей между человѣческими расами составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ антропологіи. Къ сожалѣнію, это изученіе, можно сказать, только намѣчено; обстоятельныхъ детальныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи произведено еще очень мало. Объясняется это, отчасти, позднимъ развитіемъ антропологіи вообще, отчасти — трудностью выдѣлить различныя степени метисація и установить чистые расовые типы. Кровное смѣшеніе различныхъ племенъ и расъ происходило съ глубокой древности, вызывая варіаціи типовъ и содѣйствуя умноженію переходныхъ формъ. Въ особенности это примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ сталкивалось болѣе число племенъ, то вступавшихъ между собою въ борьбу и подчинявшихъ одно другихъ силою, то сливавшихся постепенно въ одну народность и усваивавшихъ себѣ общую культуру.

Смѣшеніе и метисація племенъ играли, несомнѣнно, важную роль и въ исторіи образованія русской народности. Съ глубокой древности славяно-русскія племена приходили въ соприкосновеніе съ племенами финскими и тюркскими, болѣе или менѣе смѣшивались и сливались съ ними, а также воспринимали въ себя кровь другихъ народностей, западныхъ и восточныхъ, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, или представители коихъ усваивали себѣ русскую культуру. Смѣшеніе происходило отчасти кровнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, отчасти путемъ усвоенія инородцами русскаго языка, вѣры и образа жизни. Все это, несомнѣнно, должно

было способствовать бóльшей вариации типовъ въ предѣлахъ русской народности и измѣненію ея общаго облика въ теченіи ряда поколѣній. Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое измѣненіе типа обуславливалось исключительно смѣшеніемъ и метисаціей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что типъ можетъ измѣняться съ вѣками помимо метисаціи, подъ вліяніемъ условій жизни и процесса, соответствующаго естественному отбору. Съ другой стороны, результаты метисаціи могутъ быть весьма различны, въ зависимости отъ степени устойчивости типовъ, отъ преобладанія въ потомствѣ той или другой крови, отъ болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго возврата (реверсии) къ типамъ производителей.

Вліяніе метисаціи можетъ быть изучаемо всего удобнѣе въ такихъ областяхъ, гдѣ она началась сравнительно недавно, гдѣ смѣшивающіяся племена рѣзче обособлены между собою и гдѣ притомъ они представлены еще, каждое, довольно чистыми типами. Одною изъ такихъ областей является, безспорно, Сибирь, въ особенности Забайкалье, гдѣ мы находимъ, съ одной стороны, коренное населеніе, буряты, представителей монгольской расы, — съ другой — продукты смѣшенія съ ними пришлыхъ колонизаторовъ, русскихъ, и, наконецъ, обособленное русское населеніе, въ лицѣ раскольниковъ «семейскихъ», явившихся въ область, какъ показываетъ уже самое ихъ прозвище, съ семьями, и сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, благодаря ихъ религіозной замкнутости, не допускающей брачнаго общенія не только съ бурятами, но и съ православными русскими. Присутствіе въ Забайкальи «семейскихъ» значительно облегчаетъ здѣсь сравнительно-антропологическое изученіе типовъ. Конечно, можно было бы воспользоваться для такого сравненія какою либо другою группою русскаго населенія, свободною отъ всякой бурятской примѣси и живущею въ отдаленіи отъ Забайкалья, напр., гдѣ либо въ Европ. Россіи, но это, во всякомъ случаѣ, затруднило бы непосредственное сравненіе. Благодаря же присутствію «семейскихъ» изслѣдователь можетъ изучать въ самомъ краѣ, иногда даже въ одномъ пунктѣ, представителей всѣхъ трехъ, антропологически разнящихся между собою, категорій населенія области.

До послѣдняго времени однако никому не приходило въ голову воспользоваться этимъ условіемъ для сравнительно-антропологическаго изученія. Впрочемъ, и вообще научное изученіе восточно-сибирскаго населенія началось лишь весьма недавно. За послѣднее время появились однако диссертациі: д-ра И. И. Шендриковскаго — о бурятахъ-селенгинцахъ (1894) и д-ра М. Т. Поротова — о бурятахъ-аларцахъ (1895), которыя, съ присоединеніемъ къ нимъ монографіи А. А. Ивановскаго — о монголахъ-торгоутахъ (1893) и описаній бурятскихъ череповъ Н. М. Маліева, А. П. Богданова и др., даютъ достаточное понятіе о монголо-бурятскомъ

типъ. Гораздо скуднѣ данныя, имѣющіяся о русскомъ населеніи той же области. На замѣтную примѣсь въ немъ бурятской крови указывали еще Гмелинъ и Палласъ; подробнѣ говорилъ о томъ же, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Шаповъ; тѣмъ не менѣе, систематическихъ наблюдений не производилъ никто, и г. Мадокинъ былъ, повидимому, первымъ, рѣшившимся на спеціальное изученіе русскаго населенія Забайкалья.

Главной задачей г. Мадокина было выясненіе типа метисовъ, продуктовъ кровнаго смѣшенія русскихъ съ бурятами, путемъ систематическаго изслѣдованія извѣстнаго числа мужскихъ особей какъ изъ среды помѣсей, такъ и изъ двухъ категорій племенъ-производителей. Объектами изслѣдованій служили: для бурятъ—50 нижнихъ чиновъ Забайкальской № 1 казачьей конно-артиллерійской батарее и сборной сотни, состоящей исключительно изъ бурятъ I Военнаго отдѣла казачьихъ войскъ области; для «семейскихъ»—65 нижнихъ чиновъ 4-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона, отмѣченныхъ въ списокѣ раскольниковъ и подтвердившихъ это при распросахъ; наконецъ, для метисовъ—65 нижнихъ чиновъ того же батальона, не принадлежащихъ къ числу раскольниковъ, и которыхъ можно было признать за помѣсей, «какъ на основаніи отвѣта ихъ — «я сибирякъ», такъ равно и при наличности тѣхъ или иныхъ бурятскихъ особенностей въ типѣ». Къ сожалѣнію, у автора, даже въ подробныхъ спискахъ измѣреній, не указано, изъ какихъ именно селеній (или городовъ) были родомъ изслѣдованные имъ «семейскіе» и «сибиряки». Жаль также, что авторъ не постарался собрать возможно болѣе подробныхъ свѣдѣній (историческихъ, изъ мѣстныхъ преданій, изъ разспросовъ) относительно происхожденія и времени прибытія въ край обѣихъ этихъ категорій населенія. Авторъ называетъ тѣхъ и другихъ великоруссами, но считаетъ «семейскихъ» болѣе чистымъ типомъ, остающимся безъ примѣси со времени поселенія въ Забайкальи (около 1756 г.), и, вѣроятно, бывшимъ таковымъ и ранѣе, въ Европейской Россіи, гдѣ раскольники обособились еще въ половинѣ XVII вѣка. Авторъ, впрочемъ, упоминаетъ, что семейскіе принадлежатъ къ разнымъ толкамъ, и, дѣйствительно, между ними имѣются какъ пріемлющіе священство, такъ и неприемлющіе его, т. е. безпоповцы. Съ другой стороны, извѣстно, что переселеніе раскольниковъ въ Забайкалье происходило постепенно, въ періодъ времени съ 1733 по 1767 г., и что часть ихъ выселилась сначала въ западный край, въ тогдашнія польскія владѣнія, и уже позже двинулась за Уралъ. Самъ авторъ замѣчаетъ, что въ числѣ фамилій у семейскихъ встрѣчаются малорусскія, что свидѣтельствуетъ, повидимому, о примѣси малорусскаго элемента. Такимъ образомъ, группа «семейскихъ» не можетъ быть признана за вполне однородную, по во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, она состоитъ изъ великоруссовъ, сохранившихъ въ своемъ

типъ, изъ всего населенія Забайкалья, наиболѣе характерныя черты славяно-русскаго облика.

Затруднительнѣе опредѣлить происхождение «сибиряковъ». Г. Мацокинъ считаетъ ихъ продуктами смѣшенія великорусскихъ колонизаторовъ съ бурятскими жепщинами, — смѣшенія, вызывавшагося отсутствіемъ русскихъ жепщинъ среди поселявшихся здѣсь съ половины XVII в. русскихъ. Къ концу XVII в. русскихъ въ области насчитывалось только 7000 душъ мужского пола; къ 1761 г. оно увеличилось до 19542 душъ, но въ этомъ числѣ было до 5000 крещеныхъ бурятъ. Последнее извѣстіе показываетъ, что русское населеніе области увеличивалось не только путемъ браковъ съ бурятками, но и путемъ крещенія самихъ бурятъ, усваивавшихъ мало по малу русскій языкъ и формы быта. Съ другой стороны и самыя русскіе, являвшіеся сюда во второй половинѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка, могли уже заключать въ себѣ инородческую примѣсь. Впервые они пропикли въ Забайкалье изъ Якутской области, гдѣ уже ранѣе началась метисація, что доказываютъ какъ нѣкоторыя историческія свидѣтельства, такъ и тотъ фактъ, что новѣйшее русское населеніе Якутской области принадлежитъ по своему типу къ наиболѣе смѣшаннымъ. Вообще, есть основаніе думать, что забайкальскіе «сибиряки», выказывающіе слѣды инородческой примѣси, не представляютъ изъ себя однородной группы, а являются помѣсями различныхъ степеней, причемъ въ ряду расъ-производителей, кромѣ русской и бурятской, принимала также участіе якутская, а, можетъ быть, еще и другія инородческія. Во всякомъ случаѣ, по сравненію съ «семейскими», эта группа, несомнѣнно, гораздо менѣе чистая, заключающая въ себѣ болѣе или менѣе значительную примѣсь бурятской крови.

Г. Мацокинъ знакомитъ въ началѣ своего труда съ приѣмами своихъ антропометрическихъ изслѣдованій. Эти приѣмы, по употребленнымъ при нихъ инструментамъ и выбору измѣреній, не вполне соотвѣтствуютъ нынѣ установившимся, какъ это признаетъ и самъ авторъ. «Самымъ большимъ мѣстомъ въ моей работѣ -- говоритъ онъ — остаются нѣкоторыя пробѣлы и недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что кое-какія измѣренія производились отличныиъ отъ общеустановленныхъ приѣмовъ способомъ; но единство такихъ способовъ, выдержанныхъ по отношенію ко всѣмъ 180 особамъ Забайкалья, нисколько, надо полагать, не умаляетъ достоинства итоговъ, которые поэтому могутъ въ достаточной степени служить вопросу о разрѣшеніи намѣченной этюдомъ цѣли». Однородность способа изслѣдованій, примененнаго къ тремъ, сравниваемымъ между собою группамъ, конечно, есть необходимое условіе подобнаго сравненія, и при пользованіи своей подробной схемой наблюденій и измѣреній автору, дѣйствительно, удалось выяснитъ многія отличительныя черты изслѣдованныхъ имъ антропо-

логическихъ группъ. Тѣмъ не менѣе, своеобразность принятой имъ схемы затрудняетъ сравненіе его данныхъ съ имѣющимися относительно другихъ племенъ и не даетъ отвѣта на нѣкоторые вопросы. Объясняется же эта своеобразность тѣмъ, что авторъ, приступивъ къ своимъ изслѣдованіямъ, не былъ достаточно знакомъ съ антропологической литературой и съ антропометрическими инструкціями, и познакомился съ ними уже позже, при обработкѣ своего труда. Между описательными признаками у автора встрѣчаются такіе, которые оставляютъ слишкомъ много мѣста субъективной оцѣнкѣ; такъ, онъ говоритъ о «пріятныхъ» губахъ, о глазахъ, «кажущихся менѣе пытливыми, но за то болѣе привлекательными и открытыми», объ «уродливомъ» овалѣ лица и т. д. Волосы онъ дѣлитъ по цвѣту на черные и русые, а послѣдніе на темно-и свѣтлорусые, не упоминая совершенно о бѣлокурыхъ и рыжихъ, каковыя группы однако вообще выдѣляются при подобныхъ изслѣдованіяхъ. Измѣреніе носа производилось г. Мацокинымъ также иначе, чѣмъ другими изслѣдователями.

Познакомивъ съ приемами своихъ измѣреній, авторъ даетъ краткій географическій и историческій обзоръ области, а затѣмъ переходитъ къ подробному антропологическому описанію избранныхъ имъ трѣхъ группъ, на основаніи результатовъ своихъ изслѣдованій надъ указаннымъ выше числомъ особей. Описаніе это весьма подробно и сопровождается детальными таблицами измѣреній. Разсмотрѣвъ типы раскольниковъ и бурятъ, авторъ останавливается на сибирякахъ-метисахъ и отмѣчаетъ въ нихъ черты сходства съ бурятами, съ одной стороны, и съ «семейскими», съ другой. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что метисы представляютъ собою особый типъ, занимающій среднее положеніе между типами производителей и приближающійся въ однихъ признакахъ къ «семейскимъ», въ другихъ — къ бурятамъ. По словамъ автора, среди метисовъ не встрѣчается полной реверсін къ одному изъ типовъ производителей, и они имѣютъ наклонность къ образованію средняго, смѣшаннаго типа, отличающагося извѣстною стойкостью своихъ признаковъ. Впрочемъ, изъ данныхъ самого же автора видно, что различныя особи метисовъ выказываютъ далеко не одинаковое приближеніе къ типу бурятовъ. Съ другой стороны, изъ данныхъ о величинѣ головного показателя можно заключить, что метисы не только значительно удаляются, въ отношеніи къ этому признаку, отъ бурятъ (у которыхъ онъ, въ среднемъ, = 88,4), но даже уступаютъ семейскимъ (у послѣднихъ 82,6, у метисовъ — 81,1), выказывая болѣе число суббрахицефаловъ и мезоцефаловъ. Это обстоятельство способно наводить на мысль, не участвовали въ образованіи забайкальскихъ «сибиряковъ» менѣе короткоголовый элементъ, чѣмъ пышнѣшіе «семейскіе».

Слѣдуетъ однако замѣтить, что типъ «семейскихъ» нашелъ въ послѣднее

время новаго изслѣдователя, въ лицѣ Ю. Д. Талько-Грынцевича¹⁾, собравшаго данныя о 232 мужскихъ особяхъ изъ большого села Бичуры и нѣкоторыхъ другихъ селеній Верхнеудинскаго округа Забайкальской области. Въ виду того что г. Талько-Грынцевичъ уже ранѣ занимался антропологическими изслѣдованіями въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украинѣ²⁾, руководясь притомъ общепринятымъ методомъ, его выводы, несомнѣнно, заслуживаютъ вниманія, между прочимъ и по сравненію ихъ съ данными г. Мацокина. Сравненіе это указываетъ на нѣкоторыя довольно существенныя различія. Такъ, напр., г. Мацокинъ нашелъ у изслѣдованныхъ имъ семейскихъ 23% особей съ черными волосами, 43%—съ темпорусыми и 34%—съ русыми и свѣлорусыми, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ, среди изученныхъ имъ особей могъ констатировать только 1% брюнетовъ, 40% шатеновъ и 59% блондиновъ, откуда пришелъ къ выводу, что по своей бѣлокурости и преобладающему свѣтлому цвѣту волосъ семейскіе превосходятъ изслѣдованныхъ имъ ранѣ малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвино-латышей. Подобнымъ же образомъ, въ отношеніи къ цвѣту глазъ, г. Мацокинъ могъ отмѣтить 31% особей съ карими и свѣтло-кариими глазами, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ только 15%, хотя оба согласны въ томъ, что преобладающимъ цвѣтомъ глазъ у семейскихъ является сѣро-голубой и затѣмъ свѣтло-голубой. Г. Мацокинъ не соединяетъ цвѣтъ глазъ съ цвѣтомъ волосъ и кожи, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ выдѣляетъ типы блондиновъ (бѣлокурыхъ и свѣтлыхъ шатеновъ съ голубыми и сѣрыми глазами) и брюнетовъ (темно-шатеновъ и черноволосыхъ съ карими глазами) и находитъ, что у семейскихъ блондины составляютъ 77,4%, а чистые брюнеты только 3,9%. Ростъ семейскихъ былъ найденъ г. Талько-Грынцевичемъ=166,9 сант., значительно меньшимъ чѣмъ г. Мацокинымъ, — 170,5; головной указатель, напротивъ, нѣсколько большимъ (83,1: у Мацокина 82,6). Не будемъ приводить другихъ различій, которыя могутъ отчасти объясняться различіемъ мѣстностей, изъ которыхъ происходили изслѣдованные субъекты. Къ сожалѣнію, какъ уже сказано, у г. Мацокина не приведено указаній, изъ какихъ селеній были родомъ его «семейскіе». Замѣтимъ также, что и по отношенію къ бурятамъ нѣкоторыя данныя г. Мацокина замѣтно расходятся съ данными гг. Шендриковскаго и Поротова.

Не считая поэтому возможнымъ утверждать, что изслѣдованія г. Ма-

¹⁾ Ю. Талько-Грынцевичъ. Къ антропологии великоруссовъ. Семейскіе (старообрядцы) Забайкальскіе. Томскъ. 1898. (Съ двумя портретами).

²⁾ Его-же сообщенія въ «Протоколахъ» Рус. Антр. Общ. при Спб. Унив. за 1890—91 г. и въ «Трудахъ» Антр. Общ. при Военно-Медиц. Акад. Спб. 1893, а также въ *Materyjaly do antr. Kraj. Akad. Umiet. w Krakowie. T. XX. 1895.*

цоккипа въ состояніи быть признаны исчерпывающими вопросъ, и полагая, что они нуждаются еще въ провѣркѣ, я считаю однако необходимымъ отмѣтить, что г. Мацоккинъ первый обратилъ вниманіе на необходимость систематическаго изученія типа помѣсей между русскими и бурятами и первый занялся такими изслѣдованіями съ большимъ стараніемъ и любовью къ предмету. Недостаточное знакомство съ методами и антропологической литературой было причиною нѣкоторыхъ пробѣловъ въ его наблюденіяхъ, но онъ старался восполнить ихъ подробностью въ описаніяхъ и измѣреніяхъ, причемъ имъ придуманы даже нѣкоторые спеціальные инструменты (напр., для измѣренія глазной щели и вдавленія переносья). Несмотря на нѣкоторые недостатки и промахи, трудъ г. Мацоккина представляетъ интересъ, какъ первая попытка систематическаго изученія продуктовъ метисаціи между русскими и инородцами (монгольской расы), причемъ авторъ руководился рациональнымъ методомъ — сравненія типа помѣсей съ типами расъ-производителей, въ ихъ болѣе чистыхъ группахъ. Если результаты изслѣдованій автора въ этомъ направленіи и нуждаются еще въ провѣркѣ, если группа сибиряковъ-метисовъ и требуетъ еще болѣе тщательнаго анализа, какъ по отношенію къ ея составу и образованію, такъ и ея отличительнымъ признакамъ, то, во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю нельзя будетъ игнорировать сопоставленій г. Мацоккина и въ особенности указанной имъ устойчивости этой группы и ея промежуточнаго положенія между типами-производителями. Въ виду всего этого, я полагаю бы, что трудъ г. Мацоккина заслуживаетъ нѣкотораго одобренія Академіи въ формѣ небольшой преміи.

Д. Анучинъ.

На страницѣ 49, примѣчаніе 1, строка 2 снизу, послѣ слова «συρμεογραφεί» слѣдуетъ вставить: «онъ, сколько я знаю, встрѣчается еще только въ «Похвалѣ иг. Платону» св. Θεодора Студита, притомъ съ инымъ начертаніемъ и, кажется, инымъ значеніемъ, не совсѣмъ подходящимъ къ нашему мѣсту (см. Migne 99, ст. 820 A, и словари: Дюканжа, ст. 1492; Henrici Stephani Thesaurus linguae graecae, ст. 1514).

Стр. 50, прим. 2, строка 2 снизу слѣдуетъ читать: т. 2, ч. 2, 400 вмѣсто ч. 2, 400.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 5.

Tome IV. № 5.

Б. МЕЛИОРАНСКІЙ.

ПЕРЕЧЕНЬ

ВИЗАНТІЙСКИХЪ ГРАМОТЪ И ПИСЕМЪ.

ВЫПУСКЪ I. Документы 784—850 годовъ. Введеніе. Нѣ-
сколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преподобнаго
Феодора Студита.

СЪ ПЯТЬЮ ТАБЛИЦАМИ.

(Должено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 10 апрѣля 1896 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Император-
ской Академіи Наукъ:

Commissionnaires de l'Académie Impériale
des Sciences:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л.
Риккера въ С.-Петербургѣ,
И. П. Карбасникова въ С.-Петербур., Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ,
И. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
И. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 1 р. 20 коп. — Prix: 3 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Перечень византійскихъ грамотъ и писемъ.

Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преп. Θεодора Студита.

(Введеніе въ перечень писемъ Θεодора Студита).

По общему мнѣнію и церковныхъ и свѣтскихъ ученыхъ писателей, изъ всего богатаго литературнаго наслѣдія преп. Θεодора Студита для историка важнѣе и любопытнѣе всего его письма. Они-то, представляя собою громадное большинство всей суммы документальныхъ источниковъ по византійской церковной исторіи первой четверти IX вѣка, вошли въ 1-й выпускъ «Перечня византійскихъ грамотъ и писемъ», какъ главное содержаніе его.

Въ настоящее время всѣ письма преп. Θεодора, достовѣрно существующія въ рукописяхъ, напечатаны; но изслѣдована въ историческомъ отношеніи только половина; а о рукописяхъ и о редакціяхъ, которыя эти рукописи представляютъ, въ печать новыхъ свѣдѣній не попадало со времени Монфокона и затѣмъ Фабриція и Гарлеса: позднѣйшіе изслѣдователи даютъ лишь выписки изъ X-го тома Bibliothecae Graecae, и притомъ выписки, часто сокращенныя до потери всякаго значенія¹⁾. Между

1) Моя статья была окупчена весной 1896 г., полгода до выхода въ свѣтъ 2-го изданія «Gesch. d. byz. Litteratur» проф. Крumbaхера. Впрочемъ, оно немного измѣнило положеніе дѣлъ. Послѣ его появленія я внесъ въ свою рукопись нѣсколько замѣчаній, которыя читатель найдетъ ниже; большихъ же перемѣнъ не потребовалось.

тѣмъ, какъ увидимъ ниже, состояніе рукописнаго преданія въ нашемъ случаѣ немаловажно для установки хронологіи какъ самыхъ писемъ, такъ и упоминаемыхъ въ нихъ событій; а такъ какъ хронологическое, по мѣрѣ возможности, упорядоченіе каталогизируемаго документальнаго матеріала есть одна изъ задачъ, преслѣдуемыхъ «Перечнемъ», то я счелъ не лишнимъ сообщить во введеніи свѣдѣнія о редакціяхъ, представляемыхъ хотя главнѣйшими рукописными сборниками, и ходъ мыслей, приведшій меня къ предлагаемой «Перечнемъ» хронологіи. Болѣе полное, по возможности исчерпывающее изслѣдованіе этого предмета я надѣюсь дать въ особомъ трудѣ о Студійскомъ монастырѣ въ IX вѣкѣ, подготовляемомъ мною въ настоящее время.

Самыя древнія свѣдѣнія о собраніяхъ писемъ преп. Θεοδора находятся въ 2-хъ изданныхъ житіяхъ его¹⁾, обслѣдованныхъ г. Карломъ Тóмaсомъ въ диссертациі: *Theodor v. Studion u. sein Zeitalter* (Osnabrück 1892). Въ Греческой Патрологіи Мина читатель найдетъ ихъ на стр. отъ 113 — 328-й 99-го тома. Сличивъ вообще тексты житій и представляемыя ими, вполне ясныя, хронологическія указанія, г. Томасъ нашелъ, что первое изъ нихъ по времени напечатанія, надписываемое именемъ Михайла (вѣриѣ: Θεοδора) Дафнопата, по времени составленія моложе второго; оно относится къ 1-й половинѣ X вѣка и составлено главнымъ образомъ на основаніи второго житія, хотя и представляетъ нѣсколько независимыхъ, достовѣрныхъ дополненій; второе же (напечатанное впервые Мая въ *Nova Patr. Bibl.*, т. VI, стр. 293 — 363, у Мина т. 99, стр. 233 — 328), составленное монахомъ Михайломъ (несомнѣнно Студитомъ), принадлежитъ къ числу исторически наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ этого рода. И оно — не первая изъ существовавшихъ біографическая записъ о преп. Θεοδορѣ; однако авторъ его былъ еще младшимъ современникомъ своего героя²⁾ и писалъ по свѣжей традиціи и по первому краткому (стихотворному) житію. Какъ *terminus post quem* написанія г. Томасъ принимаетъ 19 февраля 842 г., такъ какъ праздникъ православія упоминается въ житіи³⁾; но изъ этого самаго мѣста (Migne стр. 328) вывести слѣдуетъ больше, такъ какъ тамъ говорится не только о торжествѣ православія, но и о торжественномъ перенесеніи останковъ преп. Θεοδора въ Студійскій монастырь, что произошло ἐν ὀκτῶ πρός

1) Въ рукописяхъ существуютъ еще двѣ редакціи.

2) Migne 233 A: ἐν τοῖς ἡμετέροις ἀνατεταλώς [Θεόδωρος] καὶ τόποις καὶ χρόνοις.

3) Эта дата теперь нуждается, кажется, въ поправкѣ, такъ какъ де-Бооръ, по нашему мнѣнію, убѣдительно доказалъ, что истинная дата православія есть 11 марта 843 г. (См. его статью: *Der Angriff der Rhos auf Byzanz*, *Byzantinische Zeitschrift*, 1895, Heft 3—4, стр. 445—466). Выкладки де-Боора гг. Крумбахеръ, Эргардъ и Гельцеръ признаютъ весьма правдоподобными (*Gesch. d. byz. Litteratur*, изд. 2-е, стр. 166, 969 и 1090).

δέκα ἔτεσι послѣ его кончины, а о патріархѣ Меодіи говорится, какъ объ умершемъ: о *правящемъ* патріархѣ авторъ не выразился бы просто ἀγιώτατος πατριάρχης, безъ ἀρχιερωμένη или ἀρχιερεὺς ἡμῶν или чего либо подобнаго; а выраженіе: καθαιρέτης τῆς τῶν Ἡμιχρίστων αἰρέσεως, такъ сказать, подводитъ итогъ дѣятельности Меодіи, излагаетъ сущность законченныхъ воспоминаній о немъ. Поэтому уже изъ цитованнаго г. Томасомъ мѣста слѣдуетъ нѣсколько болѣе поздній terminus post quem, именно 844 годъ, и даже едва ли не 14 іюня 847 г. (De Boor, der Angriff der Rhos auf Byzanz. Byz. Ztschr. 1895, 3—4, стр. 450—451).

Но г. Томасъ просмотрѣлъ другое мѣсто житія, которое вполне ясно устанавливаетъ еще болѣе поздній terminus post quem его составленія; разумѣемъ Migne 293, A, гдѣ о преп. Николаѣ Студитѣ говорится какъ о умершемъ уже, но ближайшемъ современникѣ автора: Νικόλαος δ' ἦν οὗτος ὁ πολύτλας ἀριστεύς . . . ὅστις ἐξ ἐκείνων καὶ μέχρι ἡμῶν τῶν ταπεινῶν ἐν τοῖς τῆς ὁμολογίας διαπρέφας ποικίλοις παθήμασι τέλειος ἄνθρωπος θεοῦ ἐν τῇ ἡμῶν χειρημάτικῃ γενεᾷ¹⁾. Преп. Николай скончался 3 февраля 868 г.; слѣдовательно можно считать достовѣрнымъ, что житіе преп. Θεодора составлено Михаиломъ во второй половинѣ IX в., послѣ 3 февраля 868 г., и показанія его о сочиненіяхъ преп. Θεодора рисуютъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ Студійскомъ монастырѣ въ это время.

О письмахъ преп. Θεодора Михайлъ говоритъ (Migne 264 D): Αἱ δ' ἔτι τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ βιβλοὶ πέντε μὲν ἕως τοῦ παρόντος σώζονται παρ' ἡμῖν; то же показаніе повторяетъ въ 1-й половинѣ X-го вѣка Дафнопатъ (Migne 153 B): Αἱ δὲ τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ βιβλοὶ πέντε αἱ παρ' ἡμῖν οὔσαι τέως. И такъ *изъ концы IX и изъ X вѣка изъ Студійскаго монастыря письма преп. Θεодора хранились изъ видѣ полнаго собранія всѣхъ упомянутыхъ, раздѣленнаго на 5 книгъ.*

Таково свидѣтельство IX и X вѣка. Несмотря на свою краткость, оно даетъ, какъ увидимъ, педурную точку опоры при изслѣдованіи исторіи писемъ преп. Θεодора по главнымъ существующимъ рукописнымъ сборникамъ. Теперь посмотримъ, что говорятъ по этому вопросу сами рукописи. Главныя изъ нихъ суть: 1) Vaticanus 1432, 2) Paris. Bibliothèque du roi № 709 или 1987 (теперь fonds anciens grecs № 894), 3) Paris. fonds du Coislin № 94, 4) Paris. fonds du Coislin № 269.

1) На это раньше меня въ печати указалъ проф. Эргардъ. См. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litter., изд. 2-е, стр. 151, 3).

Vaticanus 1432 ставъ извѣстенъ раньше и лучше всѣхъ остальныхъ, благодаря издателю посмертныхъ трудовъ Сирмонда, Де-ла-Бону, напечатанному списокъ съ этой рукописи, сдѣланный Сирмондомъ, буквально, съ сохраненіемъ всѣхъ заглавій и съ указаніемъ пропусковъ; Минъ перепечатавъ Сирмондово изданіе въ 99 г. своей *Patrologia graeca*, на страницахъ 903—1670, съ незначительными дополненіями, особо указанными, изъ *Vatic. 633* (первоначально у Анж. Маи, *Bibl. nova patrum*, t. IV, стр. 99—102). Такимъ образомъ изданіе Миня въ отношеніи текста и расположенія матеріала замѣняетъ ватиканскую рукопись. Эта рукопись (какъ и всѣ прочія) не датирована; по палеографическимъ признакамъ она относится, какъ любезно сообщилъ мнѣ д-ръ Грэвенъ, къ 1-й половинѣ XII вѣка (къ тому же времени Саккеліонъ относитъ патмосскую № 113, судя по его описанію, вполнѣ сходную съ ватиканской). Письма преп. Θεодора раздѣлены въ ней на два отдѣла или книги, снабженныя особыми заглавіями и особой нумераціей писемъ; первая содержитъ 54, вторая 219 №№¹⁾. Въ расположеніи матеріала ясно стремленіе къ хронологическому порядку, что и отмѣчалось издавна всѣми изслѣдователями: первая книга обнимаетъ время «первой и второй ссылки», или время правленія императоровъ: Константина VI, Ирины, Никифора I, Михаила I и Льва V до иконоборческаго собора (весной 815 г.); вторая «третью ссылку», т. е. эпоху отъ иконоборческаго собора до смерти самого преп. Θεодора, хотя обыкновенно подъ 3-ей ссылкой Θεодора въ тѣсномъ смыслѣ понимаются годы отъ иконоборческаго собора до освобожденія Θεодора изъ смирнской тюрьмы императоромъ Михаиломъ II-мъ. Однако въ предѣлахъ этихъ общихъ рамокъ изслѣдованіе открываетъ кое гдѣ погрѣшности противъ хронологическаго порядка (напримѣръ уже первыя 5 писемъ 1-й книги перепутаны); что, въ связи съ неизвѣстностью, насколько порядокъ ватиканской рукописи древнѣе, и извѣстной беззаботностью византійцевъ насчетъ хронологіи, заставляетъ относиться съ осторожностью къ этому порядку и тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія логики событій и прочихъ повѣрочныхъ средствъ явныхъ ошибокъ не открывается.

Общее мнѣніе изслѣдователей (впрочемъ высказанное мимоходомъ—спеціально литературной исторіей писемъ Студита никто не интересовался) касательно ватиканской рукописи—то, что ся 2 книги суть 2 первыя книги

1) Въ изданіи Сирмонда, взятомъ, какъ убѣдился изъ слишенія Анж. Маи, ad amussim изъ этой рукописи, первая книга содержитъ 57 писемъ; но это потому, что въ него вписаны издателемъ заглавія 3-хъ писемъ (45—47) изъ *Paris. 894*, о которомъ рѣчь ниже. Во второй книгѣ считать надо собственно 220 №№, такъ какъ № 183 содержитъ начало одного и конецъ сосѣдняго письма съ большимъ пропускомъ въ серединѣ.

того древняго полнаго собранія въ 5 книгахъ, о которомъ говоритъ Михайлъ монахъ²⁾.

Regius № 709 по нумераціи Сирмонда, 1987 по нумераціи Де-ла-Бона, теперь Fonds anciens grecs 894, которымъ также пользовался Де-ла-Бонъ, извѣстенъ намъ по примѣчаніямъ, сдѣланнымъ послѣднимъ къ приготовленному Сирмондомъ къ печати тексту, и по предисловію и послѣсловію къ изданію (Migne, Patr. gr. 99, стр. 78, 105/6, 1859/60 и примѣчанія подъ текстомъ писемъ). Тутъ о составѣ нашей рукописи и расположеніи въ ней матеріала сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, небрежность этихъ замѣтокъ, неточность, противорѣчивость и особенно безчисленныя опечатки чрезвычайно затрудняютъ пользованіе ими. Весьма важная двойная нумерація рукописи — ея собственная и ея оригинала — дана въ нихъ не съ желательной полнотой и не разграничена ясно; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, указывающихъ №№ писемъ въ самой рукописи, цифры поминутно повторяются, а попадаютъ и вовсе несуществующія въ греческой цифровой системѣ обозначенія; число писемъ и порядокъ, указанный въ Index'ѣ (Migne, стр. 1859/60) непримиримъ вполнѣ съ даннымъ подъ текстомъ, въ примѣчаніяхъ; въ разныхъ примѣчаніяхъ рукопись обозначается, безъ всякихъ объясненій, разными номерами, или просто, какъ «cod. Regius», вовсе безъ №, такъ что, при противорѣчивости сообщаемыхъ данныхъ, немало трудовъ надо, чтобы понять, что Reg. 709 и 1987 тождественны. И я и теперь не говорилъ бы о ихъ тождествѣ и вообще объ этой рукописи такъ рѣшительно, если бы не получилъ отъ г. Омона, его собственноручнымъ письмомъ, разъясненія этой путаницы.

Новаго матеріала сравнительно съ Vatic. 1432 Paris. 894 въ себѣ не заключаетъ, хотя его 6 отдѣловъ даютъ въ общей сложности 328 №№, а не 273 только, какъ Vatic.; перевѣсь этотъ произошелъ главнымъ образомъ отъ того 1) что Paris. даетъ 3 новыхъ *заглавія*, безъ текстовъ (Sirm. Lib. I, 45 — 47), 2) что 50 писемъ въ немъ переписаны дважды. При письмахъ 4-хъ послѣднихъ отдѣловъ, кромѣ цифръ, отвѣчающихъ порядку самой рукописи, стоятъ еще *цифры, указывающія мѣсто, занимавшееся даннымъ письмомъ въ прямомъ или косвенномъ оригиналѣ*

2) 2-е издание «Geschichte der byz. Litteratur» проф. Крумбахера говоритъ объ этомъ предметѣ осторожнѣе, но, какъ увидимъ, тоже не совсемъ вѣрно, такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду, кромѣ Мофокона и Фабриція, только еще VIII т. «Novae Patrum Bibliothecae», а именно: «Ursprünglich waren seine (Theodors) Briefe in 5 Büchern gesammelt. Davon scheinen nur die 2 ersten ganz vorhanden zu sein; bei weiteren 277 Briefen fehlt die Büchereinteilung. Es kann daher nicht entschieden werden, ob in diesen 550 Briefen etwa die ganze Korrespondenz Theodors vorliegt». (стр. 150). Всѣхъ писемъ и заглавій не 550, а 555; сверхъ 2 книгъ Минева изданія есть тексты не 277-ми, а 276-ти писемъ; слѣды 3-й и 4-й книги есть, но не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Эргардъ.

нашей рукописи; цифры эти даютъ возможность возстановить до извѣстной степени этотъ утраченный оригиналъ. Нижеслѣдующая таблица, составленная (насколько было возможно) на основаніи данныхъ Сирмондова изданія, даетъ возможность сравнить и усмотрѣть отношеніе Paris. 894 къ его оригиналу (назовемъ его Archetypus Paris. 894) и къ Сирмондову изданію, совпадающему, за указаннымъ исключеніемъ, съ Vatic. 1432. Читателю нѣтъ надобности изучать эту таблицу съ начала до конца (также какъ и другія, нижеслѣдующія); даемъ ее, чтобы желающіе могли контролировать дѣлаемые ниже изъ нея выводы. Она важна для установленія отношенія всѣхъ этихъ 3 рукописей къ Coisl. 269, которое, какъ увидимъ ниже, важно для хронологіи самихъ писемъ.

Вопросительный знакъ *безъ* цифры означаетъ, что въ данномъ случаѣ въ Paris. 894 цифры нѣтъ или издатель ее опустилъ; вопросительный знакъ *при* цифрѣ и цифра въ скобкахъ означаютъ, что цифра исправлена или скомбинирована мною; звѣздочкой отмѣчены невѣрныя или очень сомнительныя данныя и цифры Сирмонда-Миня.

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
Ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογὴ τῆς τρίτης ἐξορίας.	Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώ- ρου ἡγουμένου τῶν στουδίου ἐπιστολαί.	—
Слѣдуютъ 10 писемъ, съ отмѣткой при каждомъ: δογματικὴ περὶ τῶν εἰ- κόνων, соотвѣтствующи- хъ:	(Lib. II, №№ 1, 4, 6, 8, 10, 21, 23, 26, 33, 36).	
Τοῦ δευτέρου βιβλίου.	—	—
Слѣдуютъ 40 писемъ, съ отмѣткой при каждомъ: δογματικὴ περὶ τῶν ἀγίων εἰκόνων, соотвѣт- ствующи хъ:	(Lib. II, №№ 41, 42, 65, 72, 84, 85, 151, 198, 156, 158, 161—163, 166, 167, 169, *290 (вѣр. 190), 194, 199, 204, 212, 217, 218, 152—155, 157, 159, 160, 164, 165, 168, 170—173, 193, 215, 219).	

Paris. 894.

Sirm.

Arch. Paris. 894.

[Сряду послѣ перваго
заглавіа:]

[Вѣроятное заглавіе:]

Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν διαφό- Βιβλ. πρῶτον. Ἐκλογή
ρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν τῆς πρώτης καὶ δευτέ-
ἐκλογῆ τῆς πρώτης καὶ ρας ἐξορίας.
δευτέρας ἐξορίας.

Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν
καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώ-
ρου ἡγουμένου τῶν
στουδίου ἐπιστολαί.

1—56. При послѣднемъ,
по счету 57-мъ, писемъ
цифры нѣтъ.

1—57.

№№ 1—15 (какія то 8),
16 (= 9 Paris 894 и
Sirm.), 21, 22, 27, 29,
30, 32, (33 ?), 34, 35,
37, 38, (36 ? 39 ?),
40—42, 49, 45—48,
51, 58, ?, 72, 75 (σε',
м. б. изъ σε' = σε'), 76,
88, 95, 104, 106,
111, 122, 123, 131,
143, ?¹⁾ 212, 225,
228, 229, 250, 259,
274, 282, 296. Письмо
Sirm. I, 57 стояло по-
видимому, какъ и въ
Paris. 894, безъ по-
мера, внѣ счета, «tem-
pore prior iis, quae se-
cundo libro continen-
tur» (Migne 1111/2),
т. е. или передъ № 105,
и м. б. передъ № 78
(см. непосредственно
слѣдующія строки та-
блицы); или послѣ
296-го, по раньше
310-го №-ра.

Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν διαφό- Βιβλίον δεύτερον. Ἐκ τ.
ρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν δ. α. ἐπ. ἐκλ. τ. πρ. ἐξ.
ἐκλογῆ τῆς τρίτης ἐξο-
ρίας.

Index, содержаніи 201
заглавіе нижеслѣдую-
щихъ писемъ, съ име-
нами адресатовъ.

1) Сootв. №№ 45—47 Sirm.—3 заглавіа безъ текстовъ.

	Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
	Ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου (при началѣ 1-го письма).	—	* [Ἀρχὴ τοῦ πρώτου βι- βλίου].
Въ точности также, такъ у Sirm., или въ Vatic. 1432.	1—36.	1	?
		2	*209 (вѣр. 79; σθ' ≡ σθ')
		3 ¹⁾	?
		4	105
		5	115
		6	144
		7	148
		8, 9, 10	150, 151, 152
		11	154
		12	?
		13	201
		14—17	204, 205, 206, 207
		18	215
		19	221
		20	223
		21, 22, 23	230, 231, 232
		24	237
		25, 26, 27	242, 243, 244
		28	246
		29	251 ? (σνο' недописано σνα')
	30, 31	261, 262	
	32	269	
	33	288	
	34, 35	305, 306	
	36	309	
	Ἀρχὴ βιβλίου β' 37—86.		[Ἀρχὴ βιβλίου β']
То же, что Sirm.		37, 38, 39, 40	310—313
		41	317
		42	323
		43	325
		44	327
		45, 46	336, 337
		47	348
		48	351
		49, 50	353, 354

1) Текста этого письма нигдѣ нѣтъ. Vatic. и Paris. 894 даютъ заглавіе ἡγουμένω и ничего болѣе; въ Coisl. 269 этого заглавія нѣтъ. Не вышло ли оно. по недоразумѣнію переписчика, изъ неудачной глоссы къ заглавію слѣд. письма θεοφύλακτοῦ νικομηδείας (scil. ἐπι-σκόπῳ, что обыкновенно опускается)?

	Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
То же, что Sirm.		51	357
		52	?
		53	361
		54	*165 (вѣр. 365)
		55	368
		56, 57	382, 383
		58	406
		59	420
		60	425
		61	*404
		62, 63, 64, 65	436, 437, 438, 439
		66	445
		67	447
		68	471
		69	473
		70	476
		71	483
		72	485
		73	491
		74, 75, 76, 77	494, 495, 496, 497
	78	504	
	79, 80, 81, 82	506, 507, 508, 509	
	83	515	
	84	519	
	85	542	
	86	548	
			[Ἀρχὴ βιβλίου γ']
То же, что Sirm.		87, 88	568, 569
		89	579
		90	583
		91, 92	585, 586
		93	591
		94	592 ? (Paris. 894, какъ и Vatic., не имѣетъ начала этого письма).
		95	600
		96	?
		97, 98, 99	?
		100, 101	613, 614
	103	623 ? (Минь даетъ χηγ'; должно быть писецъ Paris. 894 принялъ строчное κ за η).	
	105	626	
	107, 108	628, 629	

	Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
	109	106	630
	111	107	633
	113	108	635
	115, 116	109, 110	637, 638
	*119, 120, *121, 128,	111, 112, 113, 114,	643, 644, 645, 646,
	*121, 124	115, 116	647, 648
	*121	117	*658
	*128, 126 ? (ραζ')	118, 119	653, 654
	131, 132, 133	120, 121, 122	656, 657, *658
	135	123	661
	136	124	667
	137	125	669
	138	126	*609 (вЪр. 670, ζθ' вМ. ζρ')
	139	127	671
	141	128	676
	143	129	680
	145, 146	130, 131	684, 685
	147, (148), 149	132, 133, 134	687, 688, 689
	150	135	691
	Дефектъ (151)	136	? (дефектъ 1 лстѣ въ Paris. 894)
	152	137	694
	153	138	696
	155, 156	139, 140	701, 702
	161	141	709
	162, 163	142, 143	711, 712
	165, *136 (вЪр. 166)	144, 145	721, 722
	170	146	726
	172	147	729
	173	148	731
	174, 175	149, 150.	734, 735.
	(№№ 150—173 см. ниже).		
	176—181	174, 175, 176, 177, 178, 179	738, 739, 740, 741, 742, 743
	182	180	745
	183	181	747
	184	182	749 ? (ψμν')
	185, 186 (Index)	183	750, 751
	187, 188	184, 185	754, 755
	189, 190	186, 187	*767, *768 (757, 758)
		188	759
		189	761
		190, 191	767, 768
		192, 193	771, 772
191—196			

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
	194	776
197—200	195	780
	196, 197	792, 793
112	198	? (634 ?)
201	199	795
202	200	803
204	201	? (805 ?)
206	202	814
205	203	811
	204	817
	205	821
207—220	206, 207, 208, 209	823, 824, 825, 826
	210	828
	211, 212, 213, 214	835, 836, 837, 838
	215	840
	216	843
	217	847
102	218	*642 (622 ? $\chi\mu\beta'$ вм. $\chi\mu\beta'$)
221 ? ($\sigma\kappa\theta'$).	219	849

№№ 154—173 включ. второй книги Сирмонда въ Paris. 894 читаются дважды: во второмъ отдѣлѣ рукописи, см. выше стр. 6 (не всѣ), и въ разсматриваемомъ отдѣлѣ, на слѣдующихъ мѣстахъ:

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
104	151	?
106	152	627
*153	153	632
114	154	*632
117	155	639
118	156	?
*119	157	649
*126	158	?
130	159	655
134	160	660
140	161	?
142	162	?
144	163	683
154	164	700
*147 (вм. 157)	165	*203 (вѣр. 703)
158	166	704
159 ? ($\rho\eta\theta'$)	167	?
*163	168	706
*168	169	714

*

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
167	170	723
168	171	724
169	172	725
?	173	728

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что содержаніе рукописей Paris. 894 и Vatic. 1432 совершенно тождественно — онѣ вовсе не дополняютъ другъ друга, ни однимъ письмомъ, ни однимъ отрывкомъ; распределеніе матеріала одинаково на пространствѣ всей I-й книги Vatic. Порядокъ писемъ II-й книги представляетъ слѣдующія уклоненія:

1) Paris. 894.	Vatic. 1432.
a) { 58	61}
{ 61	58}
b) 102	218
c) 112	198
d) { 205	203}
{ 206	202}

Итого 4 отдѣльныхъ уклоненія. Изъ нихъ въ случаѣ b) Paris. 894 расходится со своимъ оригиналомъ, въ d) согласуется съ нимъ, а въ a) и c) ничто не мѣшаетъ допустить такое согласіе.

2) 183-е письмо Vatic. индексъ парижской рукописи дѣлится на 2 №№.

3) Отдѣлу отъ 102 — 175 №-ра третьей книги Paris. 894 соответствуютъ въ Vatic. 1432 письма второй книги №№ 102—150, т. е. парижская рукопись даетъ тутъ 25-мя письмами больше; а именно, въ ватиканской, въ этомъ отдѣлѣ, недостаетъ слѣдующихъ №№ парижской:

102, 104, 106, 110, 112, 114, 117, 118, 125, 127¹⁾, 130, 134, 140, 142, 144, 154, 157, 158, 159, 160, 164, 167, 168, 169, 171.

Эти письма, за исключеніемъ №№ 102-го и 112-го (которымъ въ ватиканской соответствуютъ №№ 218 и 198), помѣщены въ ватиканской рукописи непосредственно послѣ этого отдѣла, составляя №№ 151—173; поэтому начиная съ № 176-го счетъ парижской рукописи опережаетъ счетъ ватиканской не на цифру 25, а лишь на 2. Это ясно изъ того, что по даннымъ Миня нумерамъ 151—173 ватиканской рукописи соответствуютъ слѣдующіе №№ парижской:

1) Собственно слѣдуетъ сказать: нѣтъ 2-хъ писемъ 3-го десятка второй сотни. Благодаря опечаткамъ Миня, можно лишь догадываться, что не хватаетъ именно 125-го и 127-го №№-въ.

104, 106, *153, 114, 117, 118, *119, *126, 130, 134, 140, 142, 144, 154, *147, 158, 1(5)9 (ρηθ'), *163, *168, 167, 168, 169, (171) (цифра опущена).

Такимъ образомъ, въ 16-ти случаяхъ изъ 23-хъ полное совпаденіе; въ одномъ — ему ничто не мѣшаетъ, а въ 6-ти отмѣченныхъ звѣздочкой его заставляютъ предполагать 2 причины: 1) Де-ла-Бопъ категорически заявляетъ, что ни одного новаго письма Reg. 1987 (т. е. Paris. 894) не дастъ; значитъ, эти 6 писемъ должны покрываться остающимися на соотвѣтствіе 6-ю письмами Vatic.; 2) опечатки Мпня (или ошибки рукописи) въ этихъ 6-ти цифрахъ очевидны, такъ какъ всѣ онѣ встрѣчаются по 2 и болѣе разъ въ одной нумераціи (такъ № 153 парижской равенъ, будто-бы, и 153 и 138-му номеру ватиканской; 119-й — 157 и 111-му, и т. д.), что видно изъ выше данной общей таблицы.

Paris. 894 кончается 221, Vatic. 1432 219-мъ номеромъ; это потому, что 1) одно письмо въ Paris. раздѣлено на 2 №, 2) въ Paris. по ошибкѣ со-всѣмъ пропущена цифра 203.

Въ пунктахъ 2) и 3) Paris. 894, уклоняясь отъ Vatic., слѣдуетъ несомнѣнно (см. таблицы) своему оригиналу.

Итакъ ватиканскій списокъ отличается отъ парижскаго не содержаниемъ, а лишь нѣкоторыми редакціонными подробностями, а именно: 1) отдѣлы «догматическихъ» писемъ уничтожены, какъ и дѣленіе писемъ τῆς τρίτης ἐξορίας на 4 книги; вмѣсто того всѣ письма раздѣлены на 2 книги, и хронологическій принципъ дѣленія, перепутанный въ Paris. 894 съ принципомъ дѣленія по содержанию, получилъ безраздѣльное господство; 2) уничтожена старая нумерація, сохраненная Paris. 894 отъ его оригинала ¹⁾, 3) письмо къ игумену Платону включено въ общій счетъ, какъ № 54 первой книги, 4) выпущены 3 заглавія, не представлявшія текстовъ (№№ 45—47 1-й книги Сирмонда), 5) расположепіе писемъ внутри книгъ измѣнено въ 27 случаяхъ изъ 273-хъ.

Ясно, что ни Paris. 894, ни Vatic. 1432 не тождественны съ полнымъ собраніемъ IX/X вѣка, о которомъ говорятъ житія, и что 2 книги Vatic. вовсе не 2 первые книги полного собранія. Обѣ рукописи суть и называютъ себя — ἐκλογαί, антологіи; при этомъ указанныя отличія ихъ говорятъ за то, что Vatic. представляетъ окончательную редакцію, а Paris. 894 — болѣе раннюю, можетъ быть, первоначальную.

1) Paris. 894 относится къ XIV в., т. е. онъ 2-мя вѣками моложе Vatic. 1432, хотя редакція его — старше; надо думать, что между нимъ и Arch. Paris. 894 лежитъ неизвѣстная рукопись X—XI вѣка, которую Paris. 894 списываетъ буквально или почти буквально.

Ранняя редакція сохранила слѣды полнаго собранія, изъ которыхъ ясно, что оно состояло minimum изъ 849 писемъ, нумерованныхъ въ одну линію, съ начала до конца; эти 849 писемъ составляли 4 книги. Первую (заглавіе неизвѣстно) составляли 309 писемъ, изъ которыхъ взяты 57 (потомъ 54) писемъ 1-й и 36 первыхъ писемъ 2-й книги антологіи; составитель послѣдней, для созданія своего хронологическаго порядка, вынужденъ былъ совершенно измѣнить порядокъ полнаго собранія, гдѣ съ 79—309 № первой книги были вперемежку помѣщены письма эпохъ до и послѣ 815 г. При этомъ стѣнать вниманія, что относительно другъ друга письма до и послѣ этого года расположены были безъ очевидныхъ хронологическихъ ошибокъ; словомъ, дѣло представляется такъ, будто *въ 1-й книгѣ полнаго собранія 2 хронологически расположенные сборника были, такъ сказать, одвинуты одинъ въ другой*, и составитель антологіи *разнимаетъ* ихъ и такимъ образомъ возстановляетъ этотъ первоначальный порядокъ. Второй отдѣлъ начинался отмѣткой при № 310: ἀρχὴ βιβλίου β' и обнималъ около 250 писемъ; далѣе, гдѣ-то между 549 и 568-мъ письмомъ (вѣроятно при послѣднемъ, по причинамъ, о которыхъ ниже), отмѣткой: ἀρχὴ βιβλίου γ' начинался третій отдѣлъ, а при 738-мъ, отмѣткой: ἀρχὴ βιβλίου δ' — четвертый.

Передъ второй книгой, или передъ 78-ымъ письмомъ первой, видѣ общей нумераціи, стояло письмо къ ирмуну Платону (Sirmond. lib. I, 57). Заглавіи: τῆς πρώτης καὶ δευτέρας и τῆς τρίτης ἐξορίας или не было, или они не соответствовали содержанію, а были механически списаны съ еще болѣе древняго, хронологически раздѣленнаго, собранія. Последнее, какъ увидимъ ниже, отнюдь не лишено вѣроятія. Отдѣла «догматическихъ» писемъ, сего томъ 50, стоящаго въ Paris. передъ ἐκλογαί, вѣроятно не было. Для составителя и читателей антологіи съ предположеннымъ хронологическимъ порядкомъ особый отдѣлъ «догматическихъ» писемъ имѣлъ смыслъ; но составитель полнаго собранія, не связывавшій себя хронологіей, могъ, если хотѣлъ, собрать вмѣстѣ догматическія письма, не переписывая ихъ дважды; да и отдѣлъ въ 50 №№ предположить странно въ собраніи, гдѣ средній размѣръ отдѣла — болѣе двухсотъ номеровъ.

Изъ 2-й книги полнаго собранія въ антологію выбраны письма Sirm. II, 37—86; изъ третьей — II, 87—173, изъ четвертой — II, 174—219, и взаимный ихъ порядокъ сохраненъ въ ранней редакціи за 3-мя (сомнительными — см. стр. 16 — 17), въ окончательной — за 27-ю исключениями.

Тутъ кетати отмѣтить, что, такъ какъ письма 2-й книги Sirmond-Migne или Vatic. 1432, начиная съ 37-го, расположены въ порядкѣ древняго полнаго собранія, а порядокъ этотъ, какъ видно по первой книгѣ, былъ

не хронологическіи: то, независимо отъ содержанія писемъ, онъ авторитета въ хронологическихъ вопросахъ *не имѣетъ*.



Согласно показаніямъ житій преп. Оеодора, полное собраніе его писемъ состояло изъ 5-ти книгъ; между тѣмъ послѣднія письма антологіи взяты изъ 4-й книги Arch. Paris. 894. Возможно поэтому, что полное собраніе заключало въ себѣ даже не 849 №№-въ, а еще значительно больше. На первый взглядъ такое огромное число можетъ показаться невѣроятнымъ; но только на первый. Прежде всего, оно не безпримѣрно вообще въ церковной литературѣ. Такъ отъ папы Григорія Великаго, правившаго 13½ лѣтъ (съ сентября 590 до марта 604 года), до насъ дошло 848 несомнѣнно подлинныхъ писемъ, и это почти навѣрное не первоначальное число (Bardenhewer, Patrologie, стр. 606). Далѣе, переписка Оеодора Студита обнимаетъ года отъ 796-го до 826-го; всего дошло до насъ отъ этого времени (включая письма Коаленевыхъ рукописей, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь) 555 писемъ; изъ нихъ 310, т. е. больше половины, падаетъ на 3 года, съ весны 815 до конца 818-го. Врядъ ли таково было первоначальное отношеніе. Конечно, обстоятельства этихъ годовъ требовали усиленной переписки; но года 796 — 798, 809 — 811 и 818 — 826¹⁾ въ этомъ отношеніи мало уступали означенному трехлѣтію, а въ 821 — 826 годахъ къ тому же вести переписку было гораздо свободнѣе. Существующія рукописи б. ч. сами себя называютъ *ἐκλογαί*; но и тамъ, гдѣ этого заглавія нѣтъ, или оно стоитъ не на мѣстѣ (Coisl. 94 листъ 1), неполнота рукописей несомнѣнна, такъ какъ онѣ не представляютъ ряда писемъ, извѣстныхъ по другимъ рукописямъ (таковы обѣ Coisl.: 94 и 269). Если признать, какъ это мы сдѣлали, что передаваемая Paris. 894 нумерація указываетъ на количество содержащихся въ его оригиналѣ писемъ, то всѣхъ писемъ было не менѣе 849, а вѣроятно, какъ увидимъ ниже, 1124, и письма 815 — 818 г. составляли около ¼ всего числа — отношеніе гораздо болѣе естественное. Да и какъ иначе объяснить эту нумерацію? Кромѣ принятаго объясненія, которое далъ еще Де-ла-Бонъ въ своемъ предисловіи, можно предположить только одно: именно, что неизвѣстныхъ намъ писемъ оригиналь Paris. 894 не представлялъ, а что извѣстныя были переписаны и подсчитаны по нѣскольку разъ (м. б. въ разныхъ редакціяхъ, извлеченіяхъ сокращеніяхъ и т. д.), или разбиты каждое на нѣсколько №№²⁾. Это явленіе

1) Между прочимъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ ни одно не говоритъ о незаконномъ бракѣ Михаила Косноязычнаго съ монахиней Евфросимой.

2) На возможность такого предположенія мнѣ указалъ проф. Болотовъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на тотъ же Paris. 894, гдѣ 50 писемъ находимъ дважды. Въ рукописи писемъ Оеодора Студита Coisl. 94 тоже 3 письма переписаны по 2 раза. Впрочемъ въ обѣихъ рукописяхъ эти дубликаты или выдѣлены въ особые отдѣлы и сосчитаны особо (Paris.) или оставлены безъ №, такъ что въ общій счетъ не входятъ.

не безиримѣрное; но въ нашемъ случаѣ его нельзя предположить. Никакихъ данныхъ, указывающихъ на зависимость Paris. 894 отъ редакціи Vatic. 1432 и др. рукописей нѣтъ; а между тѣмъ Paris. 894, изъ своихъ почти 300 писемъ не представляетъ ни одного въ отличной отъ прочихъ рукописей редакціи, и даже мелкихъ разночтеній даетъ крайне мало. Второе предположеніе еще менѣе правдоподобно. Единственное фактическое основаніе, которое можно бы привести въ его пользу — то, что Paris. 894 дѣйствительно раздѣляетъ на 2 №№ одно письмо, стоящее въ Vatic. подъ однимъ, именно дефектное Lib. II, 183. Но тоже дѣлаютъ всѣ рукописи, гдѣ данныя письма содержатся цѣликомъ, и уже изъ содержанія текста Vatic. ясно, что тутъ Vatic. начало одного письма контаминируетъ съ концомъ другого. Зато мы видимъ, что напримѣръ письма кн. II, №№ 36 и 37 изданія Миня въ Arch. Paris. 894 стояли, какъ и въ антологіяхъ, рядомъ подъ цифрами 309 и 310; а письма кн. II, №№ 32, 33 и 34 стояли тамъ подъ цифрами 269, 288 и 305. Выходитъ, что огромное письмо кн. II, 36, греческій текстъ котораго занимаетъ у Миня 6½ столбцовъ убористой печати, не было разбито на главы; а маленькія, въ 1 столбецъ, письма кн. II, 32 и II, 33 разбиты каждое на семнадцать №№! И подобныхъ примѣровъ читатель, съ нашей таблицей и изданіемъ Миня въ рукахъ, найдетъ сколько угодно. А что и всѣ наши большіе сборники вмѣстѣ не даютъ всѣхъ писемъ Феодора, извѣстныхъ въ средніе вѣка, ясно во первыхъ изъ заглавій безъ текстовъ, попадающихся въ нашихъ рукописяхъ (Paris. 894 Lib. I, 45 — 47, Lib. II, 3); во вторыхъ изъ того, что напримѣръ Vatic. 633 даетъ нѣсколько писемъ, о которыхъ въ большихъ сборникахъ и помину нѣтъ (Минь, Lib. II, 220, 221).

Относительно времени написанія Arch. Paris. 894 можно руководствоваться 1) тѣмъ, что Vatic. 1432, и Patm. 113, оба 1-й половины XII в., представляютъ собою уже окончательную редакцію антологіи, составленной по этому собранію 2) косвенными налеографическими данными, — впрочемъ крайне бѣдными и гадательными. Paris. 894 передаетъ №№ своего оригинала при письмахъ lib. I, 34, lib. II, 102, 126, 165 и 218 изданія Сирмонда такъ: $\zeta\epsilon'$, $\chi\eta\gamma'$, $\chi\vartheta'$, $\sigma\gamma'$ и $\chi\mu\beta'$. Первое число стоитъ между цифрами $\sigma\beta'$ и $\sigma\zeta'$, второе между $\chi\iota\delta'$ и $\chi\kappa\zeta'$, третье между $\chi\zeta\vartheta'$ и $\chi\alpha\alpha'$; четвертое между ψ' и $\psi\delta'$. Последнее соответствуетъ письму № 102 по Paris. 894, гдѣ ожидается цифра между 614 (= 101 Paris.) и 623 (= 103). Двѣ первыя цифры невозможны; а остальные три, хотя и возможны (цифры 609, 203 и 642 въ этомъ рядѣ не повторяются), но очень мало вѣроятны въ виду господствующаго вообще въ рукописи отношенія порядка выбранныхъ въ антологію писемъ къ порядку полного

собрания, и невозможности чѣмъ либо объяснить въ данномъ случаѣ его нарушение. Очевидно вмѣсто $\zeta\epsilon'$ слѣдуетъ читать $\sigma\epsilon'$, вмѣсто $\chi\eta\gamma'$ — $\chi\kappa\gamma'$, вмѣсто $\chi\theta'$ — $\chi\sigma'$, вмѣсто $\sigma\gamma'$ — $\psi\gamma'$, вмѣсто $\chi\mu\beta'$ — $\chi\kappa\beta'$. Эти ошибки (если только онѣ не опечатки, а находятся дѣйствительно въ Paris. 894) можно кое-какъ объяснить, если принять для начертаній цифръ въ Arch. Paris. 894 такъ называемыя строчныя формы. $\chi\kappa\gamma'$ и $\chi\eta\gamma'$ въ этомъ случаѣ смѣшать было очень легко, такъ какъ строчныя κ и η почти тождественны. Строчное $\chi\kappa\beta'$ также легко принять за $\chi\mu\beta'$, если χ и κ написаны связано и обѣ палочки κ вышли случайно почти равной высоты. Строчное ϵ иногда случайно имѣетъ по срединѣ выдавшійся влѣво уголь () , который можетъ придать поставленному близко слѣва σ сходство съ σ ; это σ писецъ Paris. 894 можетъ быть и передалъ чрезъ ζ . $\chi\theta'$ вмѣсто $\chi\sigma'$ стояло вѣроятно уже въ Arch. Paris. 894; но замѣчу, что въ ркп. Московской синодальной библіотеки № 197 по каталогу архим. Владимира, X вѣка, попадаются сочетанія χ и θ , по начертанію очень близкія къ $\chi\sigma$, такъ что и обратное смѣшеніе $\chi\sigma$ съ $\chi\theta$ не невозможное дѣло. Очень трудно объяснить, какъ писецъ Paris. 894 могъ въ четвертой изъ разсматриваемыхъ цифръ принять ψ за σ . Поперечная черта крестообразнаго строчнаго ψ обыкновенно начинается съ легкаго взмаха пера справа палѣво, и нѣсколько вверхъ () ; но я не знаю примѣровъ, чтобы эта деталь, въ связи съ высокимъ положеніемъ поперечины, придавала ψ сходство съ σ .

Какъ бы то ни было, ничто не заставляетъ насъ предполагать даже въ цифрахъ Arch. Paris. 894 уставныя формы письма для разобранныхъ буквъ, и значитъ ничто не препятствуетъ думать, что рукопись писана была въ IX—X вѣкѣ¹⁾, и что *ея редакція есть та самая, о которой говорятъ оба житія—редакція, составленная уже въ IX вѣкѣ, такъ какъ ее имѣлъ уже Михаилъ монахъ, и жившая въ X вѣкѣ, такъ какъ ее имѣлъ еще авторъ втораго житія преп. Θεодора*. Единственное возраженіе, которое я могу предвидѣть, есть то, что житія говорятъ о собраніи въ пяти книгахъ, а не въ 4-хъ. Но если въ антологію не попало писемъ изъ пятой книги, то это еще не значить, что ея вовсе не было. Сейчасъ мы увидимъ изъ разсмотрѣнія двухъ послѣднихъ рукописей, что и текстъ, и составъ этой пятой книги, и причина, почему она исключена изъ антологіи, вполне опредѣлимы.

Эти 2 послѣднія рукописи (fonds du Coislin, №№ 94 и 269; Omont, Inv. sommaire, III, стр. 131 и 166) отмѣчены и описаны были еще Монфокономъ,

1) Повторяемъ, что Paris. 894 есть не подлинникъ первой редакціи антологіи, а копія XIV вѣка съ рукописи *болѣе древней*, чѣмъ Vatic. 1432 (вторая редакція); такимъ образомъ высказанныя въ текстѣ палеографическія соображенія относятся собственно къ этой первой редакціи, завѣдомо относящейся, самое позднее, къ началу XII-го вѣка; ея оригиналъ, уже по одному тому, не моложе XI-го.

какъ самыя богатые матеріаломъ и едва ли не авторитетнѣйшія изъ всѣхъ существующихъ. Вотъ его сужденіе о нихъ (Bibl. Coisliniana, 325): «In primo codice [94] sunt epistolae quingentae quadraginta octo, quarum vix dimidiam partem edidit Jos. Sirmondus; ex iisque, quas publicavit, multae lacerae ex utroque codice sarciri possunt. In codice autem 269 antiquissimo noni saeculi non paucae reperiuntur, quae nec in edito Sirmondi nec in priore Coisliniano codice exstant». Въ подтвержденіе своего заявленія на страницахъ 312—325 Монфоконъ далъ описъ содержанія рукописи Coisl. 269, гдѣ приведены всѣ заглавія ея отдѣловъ, имена адресатовъ въ порядкѣ писемъ въ рукописи, и первыя слова каждаго письма; тутъ рукопись отнесена имъ къ X-му вѣку; а на страницахъ 144—150 находимъ описаніе Coisl. 94, гдѣ изъ перваго отдѣла писемъ, напечатанныхъ Сирмондомъ, указаны особо лишь тѣ, лакуны которыхъ пополняются этою рукописью, а изъ втораго отдѣла неизданныхъ (№№ 272—548) приведены, опять въ порядкѣ рукописи, имена адресатовъ и начальныя слова каждаго письма.

Приведенныя нами слова Монфокона были перепечатаны Фабриціемъ въ XIII т. *Bibl. graeca*, стр. 843 и слѣд.; въ новомъ изданіи труда Фабриція, сдѣланномъ Harles'омъ, прибавленъ былъ списокъ всѣхъ, изданныхъ и неизданныхъ, писемъ преп. Теодора (т. X, стр. 439 и слѣд.) въ алфавитномъ порядкѣ ихъ адресатовъ; при неизданныхъ Harles проставилъ №№, подъ которыми они стоятъ въ Coisl. 94. Наконецъ, аббатъ Минь перепечаталъ въ 99 томѣ своей Греческой Патрологіи изъ Фабриція — заявленіе Монфокона, а изъ Монфокона — списокъ ненапечатанныхъ Сирмондомъ писемъ въ порядкѣ Coisl. 94. Въ краткомъ *Inventaire Sommaire* г. Омона, въ отдѣлѣ «Fonds du Coislin», подъ № 94 находимъ: «Theodori Studitae epistolae 547 XV saec.»; подъ № 269: *Theodori Studitae epistolarum collectio. Parch. X Saec. M.* — и только. Такимъ образомъ со времени Монфокона въ печать не попадало никакихъ новыхъ свѣдѣній о интересующихъ насъ рукописяхъ, и особенно о главной, № 269.

Самыя письма оставались долго въ разрядѣ *opera inedita*. Въ началѣ 50-хъ годовъ Анж. Май списалъ изъ коаленевыхъ сборниковъ и перевелъ по латыни 282 письма, не найденныя имъ у Сирмонда, и нѣсколько дополнительныхъ текстовъ къ письмамъ, представляющимъ лакуны въ этомъ изданіи; но его кончина остановила дѣло; корректурные листы второй части его работы пропали, а первой — достались наслѣднику его изданія, базилианскому униатскому монаху Юсефу Cozza-Luzi (состоящему нынѣ бібліотекаремъ въ Ватиканѣ). Этотъ послѣдній и выпустилъ наконецъ въ свѣтъ его трудъ въ VIII томѣ *Novae Patrum Bibliothecae*, стр. 1—236. Письма напечатаны здѣсь въ порядкѣ Минева перечня, т. е. Coisl. 94, и снабжены, по обыкновенію, латинскимъ переводомъ; при каждомъ письмѣ

указаны соответствующіе листы Coisl. 269. Далѣе, на стр. 236 — 244, Коцда помѣстилъ, также съ латинскимъ переводомъ, обширныя дополненія къ 12 письмамъ Sirmond-Migne'я (по списку, сдѣланному по его просьбѣ г. Wescher'омъ, бібліотекаремъ Bibliothèque nationale), къ сожалѣнію, въ видѣ обрывковъ, безъ дополняемыхъ текстовъ, что затрудняетъ пользованіе изданіемъ. Коцда не ставилъ себѣ задачи — выяснитъ отношеніе вновь печатаемыхъ писемъ къ извѣстнымъ дотолѣ, и въ числѣ неизданныхъ напечаталъ 8 старыхъ (Migne, lib. II, 2, 9, 21, 24, 29, 56, 183 b, 211). Этотъ VIII-й томъ Novae Bibliothecae Patrum постигла странная, хотя отчасти заслуженная судьба: его хотя и зналъ аббатъ Tougard (см. его книгу «la persécution iconoclaste d'après la correspondance de saint Théodore», предисловіе), но врядъ ли отнесся къ нему вѣжливому — иначе онъ не повторилъ бы за Коцдой, что новыхъ писемъ тамъ 284 (и даже 285); а г. Томасъ, напечатавшій въ 1892 г. монографію «Theodor von Studion & sein Zeitalter», на которую мы не разъ ссылались и будемъ ссылаться¹⁾, совсѣмъ упустилъ это изданіе изъ вида, и рѣшительно считаетъ письма Минева index'a operum ineditorum до сихъ поръ ненапечатанными (стр. 21). Такимъ образомъ эти письма напечатаны были, и притомъ не совсѣмъ безукоризненно, лишь въ 1871 г., а научной обработкѣ не подвергались до сихъ поръ ни разу. (Пользуюсь случаемъ, чтобы заявить, что они составляютъ, между прочимъ, матеріалъ изслѣдованія, надъ которымъ я работаю въ настоящее время). Даже можно сказать, что вопросъ о коаленевыхъ рукописяхъ Θ. Студита послѣ Монфокона ушелъ назадъ: его подробное описаніе Coisl. 269 упукалось изъ виду позднѣйшими издателями и изслѣдователями, къ самымъ рукописямъ до Май и послѣ Май никто изъ нихъ не обращался, а единственное важное добавленіе, казавшееся очевиднымъ на основаніи *общицхъ* свѣдѣній и житія преп. Осодора, мало по малу, отъ тона и повторенія, приняло видъ якобы достовѣрнаго свѣдѣнія — а между тѣмъ это только догадка, и къ тому же, какъ увидимъ, вовсе невѣрная. Она состоитъ въ томъ, что 505 писемъ Coisl. 269, IX/X вѣка, представляютъ собою то самое собраніе въ пяти книгахъ, о которомъ говорятъ житія; Coisl. 94 представляетъ просто списокъ съ него, цѣнный въ виду мѣстъ, испорченныхъ временемъ въ Coisl. 269; изъ этихъ пяти книгъ Vaticanus и прочія рукописи даютъ первую и вторую, а 3 — 5 опускаютъ.

Въ виду противорѣчивости и бѣдности по содержанію этихъ извѣстій я рѣшилъ обратиться непосредственно къ самимъ коаленевымъ сборникамъ.

1) Ея цѣнность состоитъ главнымъ образомъ, на мой взглядъ, въ выясненіи отношенія между 2-мя житіями преп. Осодора и во внимательномъ разборѣ писемъ первой книги антологіи.

Благодаря драгоцѣнному содѣйствию гг. академикомъ Куника и Васильевскаго и извѣстной всякому любезности правленія Парижской Національной Библіотеки, рукописи были присланы изъ Парижа въ Библіотеку Императорской Академіи Наукъ и предоставлены въ мое пользованіе. Разсмотрѣвъ ихъ, я нашелъ слѣдующее.

4) Рукопись Коаленя № 94 писана на той плотной бумагѣ, которую прежде называли бомбициномъ¹⁾, въ большую четверть и въ 2 столбца. Всѣхъ листовъ 291. Листы 1 и 2-й заняты перечнемъ писемъ по именамъ адресатовъ съ нумераціей; перечень оканчивается 524-мъ письмомъ. Затѣмъ слѣдуетъ текстъ писемъ *безъ всякихъ подраздѣленій*, съ общимъ заглавіемъ: τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στουδίου ἐκ τῶν διαφορῶν αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογῆς (sic) τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας. Текстъ занимаетъ листы 3 — 290 a; листъ 290 b и 291 a пусты; на 291 b, значительно поврежденномъ сыростью и червями, сдѣлана рукою писца, но значительно небрежнѣе, приписка:

εὐχεσ(ι) τοῦ ἁγίου ἡμ(ῶν) πρὸ
θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στου
δίου (значекъ καὶ) πρεσβίαις σόσαν
με τὸν κατώπιχον — ἰὺ χ σ
θε εμδ β (= καὶ) δέσποινα θεε (καὶ)
παρθενε ογνη μρα

Почеркъ — четкая скоропись XV вѣка; чернила яркія, черныя. Нумерація писца красными чернилами, неполная и не совсѣмъ вѣрная; сбоку арабскими цифрами проставлена правильная нумерація позднѣйшей рукой, можетъ быть Монфокона. Вотъ опись содержанія рукописи и порядка матеріала въ ней сравнительно съ изданіемъ Миня:

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 1—47	См. ниже подъ Coisl. 269, № 1—47
» 48	Lib. II, 1
» 49	» 4
» 50	» 6
» 51	» 8
» 52	» 10

1) Откровенно говоря, я не знаю, почему бы не продолжать употреблять это названіе. Конечно, вѣрно, что по матеріалу и приготовленію это — также бумага; но тѣмъ не менѣе старинный способъ обработки этого матеріала давалъ ей такой видъ, что еѣ всякій легко отличить отъ современной бумаги; слѣдовательно, какъ *условный терминъ*, слово «бомбицингъ» и оправдано, и удобно, какъ всѣмъ привычное.

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 53	Lib. II, 21
» 54	» 23
» 55	» 26
» 56	» 33
» 57	» 36
» 58, 59	» 41, 42
» 60	» 65
» 61	» 72
» 62, 63	» 84, 85
» 64	» 151
» 65	» См. 45 (198)
» 66	» См. нач. 46 (156)
» 65 bis	» 158
» 66 bis, 67, 68	» 161, 162, 163
» 69, 70	» 166, 167
» 71	» 169
» 72	» 190
» 73 и 74 (цигата, = № 63)	» 194
» 75	» 199
» 75 bis	» 204
» 76	» 212
» 77 и 78	» 217 и 218
» 79, 80, 81, 82	» 152, 153, 154, 155
» 83	» 157
» 84, 85	» 159, 160
» 86, 87	» 164, 165
» 88	» 168
» 89, 90, 91, 92	» 170, 171, 172, 173
» 93	» 193
» 94	» 215
» (95)	» 219
» 96	Lib. I, 12
» 97	» 19
» 98	» 26
» 99, 100	» 35, 36
» 101, 102, 103, 104	» 38, 39, 40, 41
» 105	» 44
» 106	» 49
» 107	» 51
» 108, 190	» 54, 55
» 110 и лакуна	Lib. II, 2
» 111	» 5
» 112	» 7
» 113	» 9
» 114—123	» 11—20

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 124	Lib. II, 22
» 125 и 126	» 24, 25
» 127—132	» 27—32
» 133, 134	» 34, 35
» 135—138	» 37—40
» 139—160	» 43—64
» 161—166	» 66—71
» 167—176	» 73—82
» 177—183	» 86—92
» 184—189	» 97—102
» 190—209	» 105—124
» 210—234	» 126—150
» 235—251	» 174—189 (№ 183 въ Coisl. 94 раздѣленъ на 2 №№, какъ и въ Paris. 894).
» 252, 253	Lib. II, 191, 192
» 254—256	» 195—197
» 257	» 200
» 258	» —
» 259—261	» 201, 202 и 203 (съ перестановкой, какъ и Paris. 894 и его оригиналь).
» 262—268	Lib. II, 205—211
» 269, 270	» 213, 214
» 271	» 216
» 272—548	» — (Index Мня №№ 272—548).

Итого: всѣхъ разныхъ писемъ въ рукописи 548; дважды переписаны, но однажды считаны, 45, 46 и 63-тье письма (= 65 а, 66 а и 74-му). Сравнительно съ Vaticanus новы: № 258 и №№ 272—548. Напротивъ, нехватаетъ писемъ: Migne lib. I, 10, (45—47), 57; lib. II, 94, 96, 126, 156. Лакуны ватиканской рукописи Coisl. 94 пополняетъ въ письмахъ lib. II 98, 99, 183, 200. Такъ какъ Vatic. и Paris. 894 передаютъ письмо lib. II 200 безъ конца, то слѣдуетъ думать, что письмо Coisl. 258, стоящее между письмами 200 и 201 по Vaticanus, вышло въ парижской и ватиканской рукописяхъ просто случайно.

Такъ какъ мы знаемъ, что полное собраніе X вѣка заключало въ себѣ не менѣе 849 №№, то ясно, что Coisl. 94, подобно Vatic. и Paris., представляетъ собою антологию, хотя и другой редакціи; различіе между ними состоитъ 1) въ томъ, что выпущены 2 (или вѣрнѣе 1½) письма первой, 4 письма второй книги, 2) хронологическое дѣленіе на 2 книги, введенное въ Vatic., тутъ опять оставлено, и введена снова форма одного не хроно-

логически расположеннаго сборника, какъ было въ Arch. Paris. 894, безъ его заглавій и съ самостоятельнымъ расположеніемъ матеріала. Этотъ порядокъ въ первыхъ 47 письмахъ цѣликомъ взятъ изъ Coisl. 269; затѣмъ слѣдуетъ 51 письмо (считая двойныя отдѣльно), которыя выбраны на всемъ протяженіи второй книги Vatic., и по порядку могутъ быть раздѣлены на двѣ части (47—78 и 79—95), внутри которыхъ письма идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ ватиканской рукописи; затѣмъ, въ томъ же порядкѣ, идутъ 14 писемъ *первой* книги, не попавшихъ въ отдѣлъ 1—47, такъ какъ ихъ нѣтъ въ Coisl. 269, бывшей для этой части образцомъ; и наконецъ идетъ, въ сущности, вторая книга Vatic., за вычетомъ писемъ, уже переписанныхъ ранѣе. Къ такъ передѣланному Vatic., на послѣднемъ мѣстѣ, присоединено 277 писемъ, т. е. приблизительно объемъ одной книги древняго полнаго собранія Arch. Paris. 894 (849: 4 = 212; первая книга = 309 №-мъ), изъ которыхъ въ антологию, выбранную изъ 4-хъ первыхъ книгъ собранія, не попало *ни одного*. Сама собою напрашивается мысль: не это ли и есть цѣликомъ пятая книга, слѣдовавшая въ полномъ собраніи гдѣ-то за 849-мъ письмомъ? Это предположеніе получить высшую вѣроятность, когда мы рассмотримъ послѣдній, интереснѣйшій и древнѣйшій списокъ — Coisl. 269.

5) Рукопись Coisl. 269 харатейная и состоитъ теперь, какъ и при Монфокопѣ, изъ 457 листовъ размѣра 27,5 × 18 ст. Вся она по вѣншнимъ краямъ листовъ обожжена; послѣдніе листы пострадали очень значительно, обуглены и поломаны; нѣсколько листовъ въ концѣ совсѣмъ пропало, и текстъ поэтому обрывается въ серединѣ 8-го «отвѣта» письма къ монаху Меодію (Migne lib. II, 215). Кромѣ того, съ верхняго праваго угла рукопись пострадала еще отъ сырости: кое гдѣ буквы совершенно смыты и безъ помощи химическихъ пособій не различимы, особенно на листахъ, приблизительно 420—444; сильно попорчены также листы 92 и 93. Между листами 351 и 352 (цифры проставлены Монфокопомъ) одинъ листъ вырѣзанъ; между 35 и 36, 38 и 39, 74 и 75-мъ по листу вырѣзано самимъ писцомъ, такъ что въ этихъ 3 мѣстахъ текстъ не нарушенъ. Вообще никакихъ отрывковъ, лакунь и пробѣловъ въ рукописи при ея написаніи не было: всѣ, какіе теперь есть, произошли отъ позднѣйшей порчи рукописи¹⁾. Листъ 55 обрѣзанъ съ наружной стороны, такъ что послѣднихъ буквъ во всѣхъ строкахъ не хватаетъ. На листахъ 65—81

1) Монфокопъ, описывая Coisl. 94, сдѣлалъ при № 326 (Coisl. 269, второй нумераціи № 56) отмѣтку — *mitila est*. На это содержаніе письма не даетъ никакого права. Письмо вполне закончено, хотя кратко, и кончается обычно заключительною формулою. Монфокопъ былъ введенъ въ заблужденіе пробѣломъ, затѣмъ-то оставленнымъ послѣ этого письма писцомъ Coisl. 94.

текстъ перепутанъ и размѣченъ писцомъ крестами; онъ долженъ читаться въ порядкѣ: лл. 65 a, 73 a — 80 b, 65 b — 72 b, 81. Такіе же крестики, неизвѣстно зачѣмъ, проставлены на углахъ листовъ 9, 25, 41, 65 и др. Схолій очень немного; о важнѣйшихъ древнихъ будетъ рѣчь ниже. На поляхъ листа 9 а какимъ то читателемъ XIII/XIV вѣка сдѣлана болѣе черными чернилами мало разборчивая и плохо понятная приписка¹⁾, и далѣе 3 грубыхъ рисунка кораблей.

Даю таблицу содержанія Coisl. 269, въ ея порядкѣ съ ея нумераціей и заглавіями, en regard съ Vatic. 1432, или изданіемъ Миня.

Coisl. 269.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογη- τοῦ θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στου- δίου ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστο- λῶν ἐκλογὴτ (sic) πρώτης καὶ δευ- τέρας ἐξορίας.	Τοῦ ὁσ. π. ἡ. κ. ὁμ. θ. ἡγ. τ. σπ. ἐπιστολαί. Βιβλίον πρῶτον. Ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.

№№ 1—9	Lib. I, 1—9
» 10	» 11
» 11—16	» 13—18
» 17—22	» 20—25
» 23—30	» 27—34
» 31	» 37
» 32, 33	» 42, 43
» 34	» 48
» 35	» 50
» 36, 37	» 52, 53
» 38	» 56

Извилистая черта [обозначающая повсюду во рукописи конецъ отдѣла].

№ 39 — (Письмо къ Платону саккудионскому о почитаніи иконъ, Migne 99, стр. 499—505).

Извилистая черта.

№№ 40	Lib. II, 83
» 41	» 93

1) Вотъ что мнѣ удалось разобрать въ ней: νῦν δὲ χαίρων σὺν χαίροντι ταπεινῷ θυμῷ συνὼν μέμνησο σὺν αὐτῷ [περὶ τῶν κινῶν] δεσπότην ἧς ὑπὲρ ἠθλήσας τῆ ἐκκλησίας ὁμοίους κινῶν πόλεμον μ. (. .) ν καὶ ἀπαλλαγὴν αὐτῇ αὐτῆ . . . θ. ε. τ. . . συνεχούσ . . . θλίψεων. Кажется, испрашивается заступничество преп. Θεοδора Студита въ виду аналогичныхъ его эпохѣ невзгодъ, терпимыхъ церковью во времена автора приписки. Мнѣ думается, что она арсенитскаго происхожденія. (Въ соответствующемъ припискѣ текстъ рѣчь идетъ о первой ссылкѣ Θεοδора за разрывъ съ имп. Константиномъ VI по поводу его незаконнаго брака).

Coisl. 269.

Sirmond-Migne (Vatic. 1432).

№№ 42	Lib. II, 95
» 43, 44	» 103, 104
» 45	» 198
» 46	» 156
» 47	» 125
» 48	» 128
» 49	» 130
» 50	» 133
» 51	» 137
» 52	» 170

Конецъ листа 96 b. оставленъ пустымъ.

Листъ 97 a.

Τοῦ θεοῦ πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογη-
τοῦ θ. ἡγ. τ. στ. ἐπιστολαὶ διάφο-
ροι ἔξο [ρίας γ']

№№ 1	Lib. II, 1
» 2—78	» — (Index 272—348)
» 79	» 2
» 80—104	» — (349—373)
» 105	» 4
» 106—114 (2 письма означены 110-мъ №-мъ).	» — (374—383)
» 115	» 5
» 116—143	» — (384—411)
» 144	» 6
» 145—147	» — (412—414)
» 148	» 7
» 149 (Γπατίφ)	» — (415 ἰωάννη)
» 150	» 8
» 151	» 9 (416). Напечатано у Кощы за новое (по Coisl. 94).
» 152	Lib. II, 10
» 153	» — (417)
» 154	» 11
» 155—199	» — (418—462)
» 200, 201	» 12, 13
» 202, 203	» — (463, 464)
» 204—207	» 14—17
» 208—214	» — (465—471)
» 215	» 18
» 216—220	» — (472—476)
» 221	» 19
» 222—229	» — (477—483)

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 230, 231	Lib. II, 21, 22
» 232, 233	» — (484, 485)
» 234	» 23
» 235, 236	» — (486, 487)
» 237	» 24 (488. Напечатано у Кюццы за новое).
» 238—241	Lib. II, — (489—492)
» 242—244	» 25—27
» 245	» — (493)
» 246	» 28
» 247—251	» — (494—498)
» 252	» 29
» 253—260	» — (499—506)
» 261, 262	» 30, 31
» 263—268	» — (507—512)
» 269	» 32
» 270—287	» — (513—530)
» 288	» 33
» 289—304	» — (531—546)
» 305, 306	» 34, 35
» 307, 308	» — (547, 548)
» 309	» 36

Извилистая черта.

(Листъ 286 а).

Τοῦ αὐτοῦ βιβλίον β'.

№№ 1—24	» 37—60
» 25	» 62
» 26—45	» 63—82
» 46—54	» 84—92
» 55	» 94
» 56—62 (№ 60-му отвѣчаетъ лакуна въ 1 листъ, содержащая начало письма Ὑπάτω τέκνω).	» 96—102
» 63, 64	» 151, 152
» 65, 66	» 105, 106
» 67	» 153
» 68, 69	» 107, 108
» 70	» 154
» 71	» 110
» 72	» 155
» 73—77	» 112—116
» 78, 79	» 157, 158
» 80, 81	» 117, 119

Coisl. 269.	Sirmond. Migne Vatic. 1432.
№№ 82	Lib. II, 159
» 83—85	» 120—122
» 86	» 160
» 87—89	» 123, 124, 127
» 90, 91	» 161, 162
» 92	» 129
» 93	» 163
» 94—98	» 131, 132, 134—136
» 99	» 138
» 100	» 164
» 101, 102	» 139, 140
» 103, 104	» 165, 166
» 105	» 168,
» 106—108	» 142, 144, 145
» 109, 110	» 172, 173
» 111, 112	» 147, 148
» 113	» 150
» 114—116	» 174—176
» 117	» 193
» 118—119	» 180, 181
» 120—128	» 183—191 ¹⁾
» 129	» 194
» 130, 131	» 196, 197
» 132	» 200
» 133	» — (Coisl. 94 № 258).
» 134—145	» 201, 203, 202, 205, 207— 211, 213—215.

Рукопись обрываетъ въ серединѣ письма.

Итого: рукопись Коаленя № 269 содержитъ 507 писемъ, распределенныхъ по *тремъ* большимъ, ясно опредѣленнымъ отдѣламъ, каждый съ особымъ заглавіемъ и нумераціей. Изъ этихъ писемъ въ Paris. 894 и Vatic. 1432 не находится:

I отд. 39-ое письмо.

II отд. №№ 2—78, 80—104, 106—114¹⁾, 116—143, 145—147, 149, 153, 155—199, 202, 203, 208—214, 216—220, 222—229, 232, 233, 235, 236, 238—241, 245, 247—251, 253—260, 263—268, 270—287, 289—304, 307, 308 (Всего 275).

III отд. № 133.

1) Какъ выше не разъ указано, подъ № 183 Vatic. сливается начало и конецъ двухъ разныхъ писемъ, которыя правильно раздѣлены въ Paris. 894 и Coisl. 94.

Остающіяся 230 писемъ отвѣчаютъ 276-ти письмамъ, находящимся цѣликомъ, или въ видѣ отрывковъ или, наконецъ въ видѣ заглавій въ Vatic. 1432 и Paris. 894. Отсюда ясно, что 46 писемъ въ Coisl. 269 пехватаетъ; а именно:

Migne lib. I, №№ 10, 12, 19, 26, 35, 36, 38, 41, 44, (45—47 заглавій), 49, 51, 54, 55, 57; всего 19 номеровъ.

Migne lib. II, №№ 20, 61, 109, 111, 118, 126, 141, 143, 146, 149, 167, 169, 170, 171, 177—179, 182, 192, 194, 195, 199, 204, 216, 219; всего 27 номеровъ.

Не мало писемъ, дефектныхъ въ изданіи Сирмонда, Coisl. 269 даетъ въ полномъ видѣ (см. Nova P. Bibl. VIII, стр. 236 — 244), а именно: Migne lib. II, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 135, 136, 183, 201.

Порядокъ, въ которомъ расположенъ матеріалъ въ Coisl. 269, можно сравнительно съ прочими рукописями описать такъ:

Первыя 38 писемъ первой нумераціи, за вычетомъ вовсе непомѣщенныхъ, въ точности соотвѣтствуютъ порядку первой книги антологій.

39-е письмо Coisl. 269 позднѣе совѣмъ исключается изъ общаго счета и переписывается особо, какъ самостоятельное произведеніе.

40 — 52 письма первой нумераціи отвѣчаютъ разнымъ письмамъ второй книги антологій, и въ ихъ порядкѣ нѣтъ никакого соотвѣтствія съ порядкомъ прочихъ рукописей, не исключая Arch. Paris. 894. Они отдѣлены отъ «ἐκλογὴ πρώτη και δευτέρα ἐξορίας» двумя чертами (передъ и послѣ 39-го письма), и по содержанію относятся несомнѣнно къ позднѣйшему времени, чѣмъ №№ 1 — 39; такъ №№ 40 и 41 (Migne lib. II, 83 и 93) говорятъ о пребываніи Θεодора въ смирнской тюрьмѣ и его освобожденіи оттуда послѣ смерти имп. Льва V; № 50 (II, 133) говоритъ о смерти студита Лаврентія, упоминаемаго не разъ въ 815 — 818 годахъ, и рисуетъ положеніе иконочтителей при имп. Михаилѣ II и т. д.

Второй отдѣлъ съ особой нумераціей содержитъ подъ 309-ю нумерами 310 писемъ. Его заглавіе обѣщаетъ уже не ἐκλογή, а просто собраніе — «ἐπιστολαὶ διάφοροι ἐξο. . .» Это недописанное ἐξορίας γ' врядъ ли случайность въ такой тщательной рукописи, какъ наша; заглавіе вѣроятно намѣренно не дописано, такъ какъ писецъ не зналъ, не попадутъ ли далѣе въ рукопись письма болѣе раннихъ эпохъ. Составъ и расположеніе этихъ 310 писемъ таковы, что если выдѣлить тѣ, которыя есть въ антологіяхъ, то они составятъ начало 2-й книги Vatic. 1432, именно №№ 1—36 (кроме № 20, котораго въ Coisl. 269 нѣтъ вовсе); а въ остаткѣ получатся 275 писемъ, стоящихъ въ томъ же самомъ порядкѣ въ Coisl. 94, №№ 272 — 548, съ той только случайной разницею, что Coisl. 94 списалъ сюда, на соотвѣтствующихъ по Coisl. 269 мѣстахъ, два письма, списанныя имъ уже рalhе (lib. II, 9 и 24).

Наконецъ третій, съ пропавшимъ концомъ, отдѣлъ, съ общимъ заглавіемъ τοῦ αὐτοῦ (ἐπιστολαὶ διάφοροι) βιβλίον β' и особой (3-й) нумераціей, долженъ былъ по мысли составителя продолжать общее собраніе, обѣщанное заглавіемъ 2-го отдѣла; но онъ содержитъ только письма, попавшія въ антологию, именно ея вторую книгу, №№ 37—215, кромѣ 13-ти, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ, и еще 27-ми; ихъ порядокъ — извѣстный намъ по Paris. 894 и его оригиналу, то есть порядокъ Vatic. 1432 и Сирмондова изданія, съ тѣмъ отличіемъ, что №№ 151—173 Vatic. тутъ разсѣяны между №№ 102—150 Vatic., въ точности на тѣхъ же мѣстахъ, какъ въ Paris. 894.

Еще одно общее замѣчаніе: во всѣхъ случаяхъ отступленія порядка Coisl. 269 отъ Vatic. 1432 Coisl. помѣщаетъ ранѣе письма, стояція въ Vatic. позднѣе, но ни разу не вставляетъ впослѣдствіи разъ пропущенное письмо. Это даетъ право полагать, что вышеуказанныхъ 46 писемъ антологіи не было вовсе и въ утраченной части Coisl. 269, и что слѣдовательно не Coisl. 269 — источникъ антологій.


На поляхъ третьяго отдѣла писецъ сдѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ, мелкимъ полууставомъ, довольно много замѣтокъ; чаще всего попадаются отмѣтки ὥρ (т. е. ὥραϊον) и σημ (σημειωτέον). Среди этихъ замѣтокъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ, не замѣченныя Монфокономъ, а именно: при 49-мъ письмѣ сбоку стоитъ: ἀρχὴ βιβλίου γ', а при 114-мъ: ἀρχὴ βιβλίου δ'. Эти самыя замѣтки, при тѣхъ же самыхъ письмахъ (Migne lib. II, 87 и 174), въ Paris. 894 превращены въ полныя заглавія, такъ сказать, равноправныя заглавію при письмѣ lib. II, 37 по Мишо; и по ихъ образцу тамъ составлено заглавіе при письмѣ lib. II, 1: ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου.

Глубокая древность Coisl. 269 не подлежитъ сомнѣнію; достаточно даже бѣлаго взгляда на прилагаемые снимки его обѣихъ рукъ (табл. 1 и 4), чтобы убѣдиться, что ближе первой половины X вѣка и предполагать нельзя время его писанія. Монфоконъ, какъ мы видѣли, колеблется между IX и X вѣкомъ; въ Inventaire sommaire рукописей отнесена къ X-му. Итакъ независимость ея редакціи отъ Vatic. 1432 и прочихъ паличныхъ рукописей въ доказательствахъ не пуждается, и весь вопросъ только въ отношеніи ея къ извѣстіямъ житія Михаила Монаха и къ Arch. Paris. 894 Что такое Coisl. 269? Та редакція, о которой говоритъ Михаилъ Монахъ, или позднѣйшая, или, напротивъ, древнѣйшая? Иначе: гдѣ поставить Coisl. 269? Между Arch. Paris. 894 и самимъ Paris., и слѣдовательно отнести его къ X вѣку; или передъ Arch. Paris., и слѣдовательно отнести его къ IX-му? Я становлюсь рѣшительно на сторону послѣдняго предположенія.

По признанію специалистовъ, нѣтъ палеографическихъ признаковъ, отличающихъ съ полной несомнѣнностью строчное письмо конца IX и начала X вѣка отъ такового середины и даже первой половины IX вѣка.

Такимъ образомъ доказать истинность нашей хронологіи Coisl. 269 на палеографической почвѣ пѣтъ возможности. Однако всѣ указываемые относительные признаки, по меньшей мѣрѣ, не препятствуютъ принять ее.

1) Древнѣйшее строчное письмо, говоритъ Гардтгаузенъ (Griechische Paläographie, стр. 184 и 182), «hat den Hang, Buchstaben zu einem Zuge zu verbinden»; но «die Verbindung einzelner Buchstaben wird möglichst vermieden». Признакъ ослабѣваетъ уже къ концу IX вѣка. Это явленіе, въ почти той же степени, какъ Порфирьевское Евангеліе 835 г., представляетъ Coisl. 269, особенно вторая рука (см. табл. 4 и 5, passim).

2) Начертаніе  *ом. ου не встрѣчается въ Порф. Ев.,¹⁾ но есть въ Mosq. 880 года.* (Саввы Палеографическіе снимки, табл. $\bar{\epsilon}$, а). Есть и въ другихъ рукописяхъ, относимыхъ къ IX вѣку, напримѣръ, № 383 Императорской Публичной Библіотеки, въ словахъ ἡγουσ, ἰαννουαρίου. Въ 1-й четверти X вѣка мы имѣемъ эту форму, напр., въ Vatic. 1660, 916 г. (см. Palaeogr. Society, II, табл. 82). Coisl. 269 представляетъ эту форму, но *крайне рѣдко* и только въ *схоліяхъ*, а не въ текстѣ.

3) ξ и ζ. Первая рука Coisl. 269 имѣетъ только начертанія З и З , и не даетъ формъ вродѣ Z и Σ , встрѣчающихся въ Oхон. Bodl. Clark. 39 (896 года), и въ рукописи British. Museum, Additional 19,390, относимомъ къ IX вѣку (Palaeogr. Society, III, табл. 231); вторая рука даетъ для ξ подобную форму; но эта форма есть и въ Порфирьевскомъ Евангеліи, чего Гардтгаузенъ не зналъ, такъ какъ извѣстные ему снимки не представляли вовсе этой буквы (табл. 4 и 5). Съ X вѣка угловатыя формы ζ и ξ довольно обыкновенны, напримѣръ въ Vatic. 1660, 916 г., Публ. Библ. № 339, 927 г., въ словахъ δελεάζει, ἐορτάζομεν, λέξεως и пр., и въ очень сходной по почерку Laur. (Plut. LXX, cod. 3); см. Wattenbach, Specimina Scripturae, табл. XXI.

4) Древнѣйшее строчное письмо «hat nur ein geschlossenes σ.» Обѣ руки Coisl. вполне удовлетворяютъ этому важному условію; между тѣмъ уже Clark. 39, 896 г., и Paris. 1470, 890 г. (см. Omont, Facsimilés des manuscrits datés de la Bibliothèque Nationale, табл. 1) имѣютъ формы σ (σω) и σγρ (συγγρ), и заключительное C .

5) *Во второй половинѣ IX вѣка, именно въ Clark. 39²⁾, появляется вновь форма ττ (въ сочетаніяхъ ττο, ττω, τεττ, τττ и т. д.). Обѣ руки*

1) Это не вѣрно; оно тамъ есть и въ оглавленіи (напримѣръ, листъ 3^r, столб. 1-й, строка 6-я снизу ταλανισμοῦ, столб. 2-й, строка 10-я сверху μυστικῶν), и въ схоліяхъ (напримѣръ, листъ 13^v, τοῦ ἀγίου γρηγορίου), и въ текстѣ (напримѣръ, листъ 13^v, строка 6-я снизу σου), надъ строкой, какъ и въ Coisl.

2) Эта форма есть и въ Mosq. 880 г.; см. табл. 2, строка 8 сверху. Порфирьевское Евангеліе вездѣ даетъ вмѣсто ττ—σσ.

Coisl. 269 представляет эти формы (табл. 4, строка 3-я διττῶς, 7-я κατανύττεσθαι; схолия, строка 7-я, συντάττεται).

Кромѣ этихъ указанныхъ Гардтгаузеномъ примѣтъ, въ рукописяхъ, датированныхъ и недатированныхъ, относимыхъ къ концу IX и началу X вѣка, укажу на формы:

6) Уставное γ. Уже 896 г.: Clark. 39—γαρ, λογο. Такъ называемое «Евангеліе императрицы Θεодоры» Имп. Публичной Библиотеки, по Муральту 867 г., даетъ переходную форму $\alpha\gamma$ (= αγ, на примѣръ ἀγιασθη̅). Но надо замѣтить, помимо сомнительности самой датировки, 1) что очень схожая лигатура αγ обыкновенна въ IX вѣкѣ, 2) что эта, какъ и другія формы, необычныя въ строчномъ письмѣ IX вѣка, на примѣръ, β , уставныя τ и κ, могли быть вызваны особенностями писчаго матеріала (рукопись выполнена золотомъ по черному пергаменту). Въ X вѣкѣ уставное γ обыкновенно (Публ. Библ. 339 ὀλίγον, ἐράγομεν; ССХХ γυναῖκα, γένεσις; Wattenbach, Specimina Scripturae, табл. XVIII; Palaeogr. Soc. I, табл. 82 и пр.).

7) Уставное ε является уже на рубежѣ IX и X вѣка: Patm. 109¹⁾ и Paris. 451, 914 г. (Omont, Facsimilés, табл. II).

8) Уставное κ. Тоже съ конца IX вѣка. Уже Mosq. 117, 880 года, имѣетъ κ . Clark. 39 (896 г.) даетъ его въ сочтаніи κο. См. также Mosq. 184, 899 г. (Саввы Палеогр. снимки, т. $\bar{\epsilon}$, b), и Brit. Mus. Addit. 19,390. Тоже Patm. 109, 270 (IX—X в.) и пр.

9) Уставное η находимъ перѣдко въ 1-й половинѣ X вѣка, на примѣръ Публ. Библ. 339, 927 г.

10) Уставное υ. Укажу Brit. Mus., Additional 19,390 (IX вѣка), Paris. 781 и 492 (939 и 942 г.; у Омона табл. III и IV).

Въ 2-й половинѣ X вѣка эти формы обыкновенны: Patm. 50, 138, 270; Wattenbach, Scripturae specimina, табл. XVIII, XX и XXI; Саввы табл. $\bar{\alpha}$, b), $\bar{\alpha}$, c) и d) и пр.; Palaeogr. Society I, табл. 82, 953 г., табл. 25, 972 г.; Omont, табл. V и VI, 954 и 966 г.

Ни одного изъ начертаній нашихъ рубрикъ 6—10, возможныхъ въ IX, и перѣдкихъ въ X вѣкѣ, Coisl. 269 не представляетъ ни разу. Ея лигатуры обычны для IX—X вв.: ει, ευ, εστ, επ, στ, αγ, υσ, σσ и др. (Я всѣ ихъ отыскалъ въ Порф. евангелія. Cf. также Palaeogr. Society, т. I, табл. 65/6, 888 г., 81, 896 г.; Omont, Facsimilés, табл. I, 890 г.). Знакъ ζ (καί) тождественъ съ такимъ же Порф. евангелія; сокращеній, кромѣ обычныхъ сакральныхъ, нѣтъ.

Итакъ, всѣ 10 относительныхъ признаковъ говорятъ за IX вѣкъ, при чемъ одинъ (5) не засвидѣтельствованъ ранѣе 880 г.; но надо здѣсь замѣ-

1) Снимки съ патмосскихъ рукописей см. у Саккеліона, Πατριακή Βιβλιοθήκη, табл. 3 и 4.

тять, что прочіе опубликованные снимки вовсе не даютъ примѣра начертанія двойного τ. Прямо за X вѣкъ не говорятъ ничто. Это даетъ намъ право утверждать, что письмо Coisl. 269 во всякомъ случаѣ нимало не препятствуетъ относить рукопись къ IX вѣку, и даже не къ концу его, разъ мы побуждаемся къ этому другими данными.

Теперь воспользуемся этимъ правомъ, даваемымъ намъ палеографіей, и разберемъ поодиночкѣ, въ свѣтѣ извѣстія Михаила Монаха, всѣ пункты сходства и отличія Coisl. 269 и Arch. Paris. 894. За какое предположеніе изъ 3-хъ логически возможныхъ оны говорятъ? Зависитъ ли Coisl. отъ Arch. Paris., или наоборотъ, или, если они другъ отъ друга независятъ, которая редакція древнѣе?

По Михаилу монаху, повторяемъ, то есть въ концѣ 2-й половины IX вѣка, существовало *полное собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ* (ἔτι σώζονται) писемъ преп. Θεοδора, раздѣленное на 5 книгъ.

Отдѣлы или книги Coisl. 269 можно, руководясь разными примѣтами, считать различно и сообразно съ этимъ насчитать отъ трехъ до семи; въ числѣ этихъ счетовъ есть конечно одинъ, дающій цифру 5, а именно: 1 нумерація = 1 книга (52 №№); 2 нумерація = 2 кн. (310 №№); 3 нумерація письма 1—49 = 3 кн.; 49—114 = 4 кн.; 114 до конца = 5 кн. Но дѣлать такъ можно только нарочно, чтобы, во что ни стало, получить 5 книгъ. Приходится наряду съ такими яркими признаками, какъ отдѣлительныя орнаментальныя черты, бѣлыя строки, и 3 отдѣла, строго выдѣленные 3-мя, полностью выписанными, полууставными заглавіями и особыми нумераціями, поставить 2 мелкія, отрывочныя замѣтки писца на поляхъ, мелкія до того, что Монфоконъ ихъ просто не замѣтилъ. Кромѣ того, такой счетъ произвольно превращаетъ ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας и 2-й отдѣлъ въ 1-ую и 2-ую книгу, а книги, названныя 2-й, 3-й и 4-ой, — въ 3-ю, 4-ую и пятую.

Нѣтъ сомнѣнія, что Михаилъ Монахъ, какъ и всякій другой, кто захотѣлъ бы какъ можно короче описать Coisl. 269, назвалъ бы его собраніемъ въ *трехъ* книгахъ или отдѣлахъ, а не въ пяти. Равнымъ образомъ и собраніемъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ писемъ онъ врядъ ли бы его назвалъ, читая на 1-мъ же листѣ, въ заглавіи, слово ἐκλογή. Если письма хотя бы этого одного отдѣла откуда-то *выбраны*, то ясно, что въ рукописи нѣтъ всѣхъ существующихъ; именно въ этомъ первомъ отдѣлѣ процентное отношеніе представляемыхъ ею писемъ ко всѣмъ уцѣлѣвшимъ не только въ IX, но въ XIX вѣкѣ самое невыгодное для Coisl. 269; дается изъ 57 писемъ только 38.

Напротивъ, Arch. Paris. 894 отвѣчаетъ описанію Михаила какъ нельзя лучше. Его одна нумерація уравнивала заглавія: ἀρχὴ τοῦ πρώτου, δευτέρου и т. д. βιβλίου, и оправдывала счетъ отдѣловъ по нимъ; слова ἐκλογὴ τῆς

πρώτης καὶ δευτέρας ἔξορίας трудно въ немъ предполагать, такъ какъ въ его первой же книгѣ, отъ 77 до 309-го ея номера, письма перваго, второго и третьяго заточенія были перемѣшаны. Это дѣйствительно было собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ писемъ, и таковымъ вѣроятно и называло себя. Что касается числа книгъ — то, какъ уже упоминалось, всѣ шансы за то, что ихъ было пять, при чемъ послѣдняя содержала письма Coisl. 94 №№ 272—548, или бóльшую часть второго отдѣла Coisl. 269.

Coisl. 94 свидѣтельствуетъ, что эти письма переписывались какъ сплоченное цѣлое, и какъ таковое помѣщались въ самомъ концѣ сборниковъ, послѣ всѣхъ писемъ, взятыхъ въ антологіи изъ первыхъ четырехъ книгъ полного собранія. А изъ Coisl. 269 видно, что въ IX—X вѣкѣ они были соединены съ 36-ю первыми письмами второй книги позднѣйшихъ антологій. Естественно думать, что въ полномъ собраніи они стояли на какомъ либо изъ этихъ двухъ мѣстъ. Противъ перваго предположенія не говоритъ ничто; второе же арифметически невозможно. Первое письмо второй книги антологій стояло въ полномъ собраніи въ первой книгѣ, вѣроятно на 77-мъ или 78-мъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не дальше 103-го; отъ 77—309-го номера тамъ находилось minimum 21 письмо перваго и второго заточенія (если думать, что *всѣ* они взяты въ антологіи, что мало вѣроятно); слѣдовательно, принимая самыя благоприятныя для взятаго предположенія условія, мы для 275-ти писемъ получаемъ только 176 мѣстъ: $309 - (76 + 36 + 21) = 176$. Возможно конечно, что эти 275 писемъ были распределены по всѣмъ четыремъ книгамъ; но въ такомъ случаѣ трудно понять, какъ ни одно изъ нихъ, хотя бы случайно, не попало въ антологіи, тѣмъ болѣе трудно, что нѣкоторыя изъ нихъ по содержанію, времени и поводу написанія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ появившимися въ нихъ. Такъ въ антологіяхъ читаются письма къ папѣ Пасхалію (Migne lib. II, 12 и 13), но пропущено одновременно и по тому же поводу отправленное письмо къ архимандриту Римскому Василю (N. P. Bibl. VIII, стр. 164—166), тогда какъ въ совершенно аналогичномъ случаѣ въ первой книгѣ антологій письма къ папѣ Льву и тому же Василю стоятъ рядомъ, какъ и слѣдовало ожидать¹⁾.

Итакъ 275 писемъ второго отдѣла Coisl. 269 составляли послѣднюю, пятую, книгу Arch. Paris. 894. Какъ же шло дѣло? Arch. Paris. выбралъ изъ второго отдѣла Coisl. 35 писемъ, а остальные отнесъ на конецъ всего собранія, или писецъ второго отдѣла Coisl. вставилъ 35

1) Письма къ папѣ Пасхалію и архимандриту Василю стоятъ рядомъ въ Coisl. 269.
Зап. Ист.-Фил. Отд.

писемъ первой книги полнаго собранія въ пятую и такъ составилъ этотъ отдѣлъ?

Писецъ перваго и третьяго отдѣла Coisl. не заботится о хронологическомъ порядкѣ, какъ бы онъ ни запрашивался. Письма №№ 40—52 перваго отдѣла явно относятся къ эпохѣ послѣ 815 и даже 820 г., но это не помѣшало ему внести ихъ подъ заглавіе ἐκλογὴ πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.

Между тѣмъ, разсматривая по содержанію второй отдѣлъ, мы легко увидимъ, что *всѣ* его письма ограничены строго опредѣленной эпохой — отъ иконоборческаго собора имп. Льва V (1 — 8 апрѣля 815 г.) почти вплоть до перевода преп. Θεοδора изъ Вониты въ Смирну (май 819 г.). Среднимъ числомъ приходится по 80 писемъ на годъ, или 6—7 на мѣсяць. Такое ихъ число, при обиліи въ нихъ фактовъ и ихъ тѣсной взаимной связи по содержанію, позволяетъ опредѣлить ихъ хронологическое соотношеніе съ большою точностью. И если взяться за это дѣло, то оказывается ничѣмъ необъяснимымъ, какъ пришелъ къ своему порядку писецъ этого отдѣла Coisl., если онъ не былъ данъ ему впередъ. За немногими исключеніями, это порядокъ строго хронологическій; письма №№ 1—36 второй книги антологій являются такъ-же тѣсно связанными съ остальными 275-ю, какъ эти между собою. Сомнѣнія и запросы Θεοδора о епископѣ Петрѣ Никейскомъ, игумнѣ Никитѣ Мидикиотѣ и другихъ лицахъ, его тревоги и затѣмъ успокоеніе насчетъ ихъ православія; упоминанія о временахъ года и церковныхъ праздникахъ, въ связи съ трудами и исповѣдническими подвигами его корреспондентовъ; всѣ эти быстро несущіяся, перенутывающіяся, крупныя и мелкія событія, какъ переводы Θεοδора изъ тюрьмы въ тюрьму, бичеванія, угрозы и стѣсненія, терпимыя имъ и его соузникомъ Николаемъ, паденія нѣкоторыхъ учениковъ, недоразумѣнія насчетъ судьбы и поведенія другихъ, упоминанія о мученической смерти студита Θαδдея, Θεοφана Исповѣдника — все, до мелочей, вродѣ болѣзней желудка студита Навкратія, или несостоявшейся поѣздки студита Епифанія въ Римъ, согласовано, вообще говоря, съ необычайной, скрупулезной точностью, — если принять, что это порядокъ искусственно созданный. Я по опыту знаю, какая египетская работа — перемѣшавъ карточки «перечня» этихъ писемъ, возсоздавать порядокъ рукописи, и вмѣстѣ хронологическій, безъ помощи самой рукописи. Еще далеко труднѣйшую работу долженъ былъ предпринять писецъ второго отдѣла Coisl. 269, работу кропотливѣйшую, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по его византийскимъ понятіямъ, ни къ чему не нужную. Есть, напримѣръ, нѣсколько писемъ, гдѣ преп. Θεοδορὸς говоритъ о кончинѣ Θεοφана Исповѣдника; одно изъ нихъ стояло въ Arch. Paris., бывшемъ, по сдѣланному предположенію, оригиналомъ Coisl. 269, въ первой книгѣ (Migne lib. II, 29), другія въ

пятой, то есть черезъ нѣсколько *comz* нумеровъ (N. P. Bibl. VIII, стр. 187—188, 191 и др.); при томъ по имени Теофанъ названъ лишь въ письмахъ пятой книги; что письмо Migne lib. II, 29 говоритъ о немъ же, ясно изъ тождества выраженій о личности Теофана, о его болѣзни и жизни въ заточеніи, и о его личныхъ отношеніяхъ къ Теодору. Какая нужна память и какая внимательность, чтобы распутать это и свести все эти письма вмѣстѣ, какъ дѣлаетъ Coisl. 269! А если думать, что писецъ дѣйствительно съ такой памятью и тщательностью выполнилъ свою работу, то чѣмъ же объяснить, что въ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло было гораздо легче, онъ допускаетъ очевидныя ошибки, ставитъ на примѣръ на 10-е мѣсто въ своемъ сборникѣ письмо къ студитамъ Анатолю и Савватию, говорящее о паденіи брата Ореста и о переводѣ Теодора изъ Метопы въ Вониту — темы, тѣсно связывающія это письмо съ письмами 6-го и 7-го десятка? Далѣе, уже никакая тщательность не могла указать ему, что нѣсколько писемъ о смерти студита Таддея и о смерти Теофана Исповѣдника должны стоять хотя близко, но не совсемъ вмѣстѣ, а въ перемежку съ письмами, которыя по своему содержанию хотя вполне могутъ, но вовсе не должны тутъ стоять. Не проще ли объяснить такой порядокъ тѣмъ, что писецъ второго отдѣла Coisl. 269 создавалъ этотъ отдѣлъ не изъ двухъ книгъ полного собранія, а списывалъ по порядку сборникъ, или лучше книгу копій, а можетъ быть и подлинниковъ, которые лежали передъ нимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ накоплялись, т. е. въ хронологическомъ? Кое гдѣ листки были перепутаны и хронологическій порядокъ нарушенъ; въ большей части случаевъ онъ остался; и то и другое отразилось фотографически точно на спискѣ. А если такъ, то Coisl. 269 старше Arch. Paris. 894, то есть старше редакціи, описанной Михаиломъ Монахомъ, слѣдовательно относится не къ X-му, а къ IX-му вѣку, и даже не къ концу его.

Если мы это примемъ, и только въ этомъ случаѣ, все остальные пункты отличія и сходства между Coisl. 269 и Arch. Paris. 894 получаютъ удовлетворительное объясненіе. Почему Coisl. 269, давая полностью 10 писемъ, сильно дефектныхъ въ антологіяхъ, и 276 писемъ, не вошедшихъ въ нихъ, пропускаетъ 46 писемъ, находившихся въ Arch. Paris. 894 и взятыхъ потомъ въ антологіи? Потому, что Coisl. есть первый опытъ (можетъ быть первый *томъ*) полного собранія. Онъ списываетъ, что удалось собрать и какъ удалось собрать. Пропущенныя письма относятся частью (27) къ годамъ 815 — 826, частью (19) къ годамъ 802 — 811; еще точнѣе — 2 къ годамъ 815 — 820, 25 къ годамъ 821 — 826; 2 къ годамъ 802 — 806, 17 къ годамъ 806 — 811. Огромное большинство падаетъ такимъ образомъ на года 821 — 826 и 806 — 811, то есть, на двѣ эпохи, отъ

которыхъ, какъ ясно изъ біографіи автора, его переписка должна была остаться въ наиболѣе разрозненномъ, отрывочномъ видѣ¹⁾.

Года 821—826, и особенно 821—824 это то время, когда преп. Оеодору часто приходилось мѣнять мѣсто пребыванія, когда студійскій монастырь былъ въ рукахъ иконоборцевъ, православные студиты были разсѣяны, и некому было заяться систематически собирапіемъ и храненіемъ писемъ учителя.

Труднѣе сказать, почему въ Coisl. 269 нѣтъ цѣлаго ряда писемъ эпохи 797 (точнѣе: 802)—811 г. Порядокъ этихъ писемъ отличается, какъ мы видѣли, чрезвычайной устойчивостью; рукопись IX вѣка уже дѣлаетъ *выборку* — ἐκλογή — изъ этихъ писемъ; полное собраніе IX/X вѣка давало ихъ не больше 273-хъ (309 №№ первой книги, минусъ minimum 36, составившихъ въ антологіяхъ первые 36 номеровъ второй книги, и завѣдомо относящихся къ эпохѣ 815—819 г.); позднѣйшія антологіи выбираютъ 56. Я объясняю дѣло такъ: выборка Coisl. 269 сдѣлана изъ собранія *монастырскаго архива*, куда вкладывались коніи съ важнѣйшихъ писемъ знаменитаго игумна въ сравнительно спокойное время 799—806, 811—814 г., когда въ монастырѣ оставались и распоряжались, если не Платонъ и Оеодоръ, то ихъ ученики, православные студиты. Устойчивость порядка объясняется уваженіемъ къ порядку древняго архива (письма № 57 первой книги Миня, дошедшаго до насъ въ неполномъ видѣ, въ архивѣ несомнѣнно не было; оно стояло въ Arch. Paris. 894, безъ №, между первой и второй книгой, хотя хронологически несомнѣнно относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ № 56); его сравнительная хронологическая правильность — тѣмъ, что этотъ порядокъ — порядокъ накопленія; хронологическія ошибки въ первыхъ и послѣднихъ письмахъ — тѣмъ, что эти письма писаны или до 799 года, то есть до перехода Оеодора и братіи изъ Саккудіона въ Студіонъ, и внесены въ архивъ заднимъ числомъ, или въ смутные годы 806—811, когда веденіе архива было затруднено; наконецъ ихъ малое число — скромностью Оеодора, допускавшаго хранить въ архивѣ лишь самыя важныя въ догматическомъ и нравственномъ отношеніи свои писанія. Изъ этого архива Coisl. 269 дѣлаетъ ἐκλογή. Спрашивается, почему онъ не переписываетъ его цѣликомъ?

Возможности есть разныя. Во первыхъ, можетъ быть писецъ и не дѣлалъ выборки изъ архива, а самый этотъ отдѣлъ архива послѣ уже названіе ἐκλογή, вполне подходящее къ его содержанію; а Arch. Paris. 894 присоединилъ и по своему обычаю перемѣшалъ съ документами архива

1) Къ годамъ 815—819 это относится какъ будто еще въ большей мѣрѣ; но мы ниже увидимъ, что на дѣлѣ вышло и должно было выйти наоборотъ.

другія письма той же эпохи, отысканныя по одиночѣ, и изъ уваженія къ старинѣ, можетъ быть, сохранилъ заглавіе архива для своей первой книги, хотя оно и не подходило болѣе. По той же причинѣ оно повторяется во всѣхъ рукописяхъ, и даже стоитъ, какъ единственное, во главѣ всего списка Coisl. 94, хотя вовсе не отвѣчаетъ его содержанію. Изъ первой книги Arch. Paris. 894 уже сдѣлана ἐκλογὴ Paris. 894 и Vatic. 1432. Это одинъ ходъ дѣла. Но возможно и то, что архивный матеріалъ былъ полнѣе, чѣмъ представленный въ Coisl. 269, и писецъ послѣдняго намѣренно переписалъ оттуда не всѣ документы. Всѣ письма первой книги Миня, недостающія въ Coisl. 269, можно раздѣлить на два разряда: до 809 г. и послѣ него. Первый (Migne lib. I, 10, 12, 19, 26) — все письма къ частнымъ лицамъ, и характера случайнаго, или такъ сказать историческаго — этихъ могло и не быть въ архивѣ. То же слѣдуетъ сказать и о письмахъ Migne lib. I, 35, 44, 54, 55; остальные 9 писемъ второго разряда по содержанію вполнѣ стоили бы внесенія въ архивъ, и ихъ нѣтъ въ Coisl. 269 или потому, что въ эпоху 809—811 г. архивъ этотъ опять пришелъ, естественно, въ разстройство, или же потому, что эти письма, во время составленія нашего сборника, были такъ сказать не цензурны: они всѣ содержатъ нападки, и притомъ принципіальнаго характера, на соборъ 809 года и на патріарха Никифора; а мы знаемъ изъ письма патріарха Меодія (842—847 г.), что при немъ студиты, получивъ позволеніе перенести тѣла Θεодора, его брата Юсифа и Платона въ свой монастырь, должны были зато анаематетствовать всѣ писанія Θεодора противъ Никифора (см. Migne Patrol. graeca, т. 100, ст. 1293—8). Но лично мы скорѣе за первое предположеніе, такъ какъ, несмотря на отсутствіе этихъ писемъ, Coisl. 269 содержитъ еще немало нападокъ на Никифора.

Кромѣ порядка и числа писемъ, за первоначальность сборника Coisl. 269 сравнительно съ Arch. Paris. 894 говорятъ еще схолія. Ихъ вообще очень немного, и тѣ, которыя мы рассмотримъ сейчасъ, — единственныя, представляющія хотя нѣкоторую важность. Онѣ стоятъ на поляхъ обширнаго письма къ Навкратію, содержащаго догматическіи трактатъ объ иконопочитаціи, по поводу бесѣды адресата объ этомъ вопросѣ съ какимъ то важнымъ иконоборческимъ авторитетомъ, можетъ быть Іоанномъ Грамматикомъ (у Миня lib. I, 36; въ Arch. Paris. № 309, въ Coisl. 269 № 309 второй нумераціи). Эти схолія мы имѣемъ въ трехъ рукописяхъ: въ Coisl. 269, Paris. 894 и Coisl. 94; послѣднія двѣ рукописи даютъ ихъ съ нѣкоторыми отступленіями сравнительно съ Coisl. 269. Рѣчь въ схоліяхъ идетъ о святыхъ отцахъ, изреченія которыхъ приводились иконоборцами въ свою пользу. Вотъ эти схолія.

1) Въ текстѣ рѣчь идетъ о извѣстныхъ словахъ преп. Астерія: Μὴ γράφε τὸν χριστὸν и т. д.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
ιστέον ὡς ἔστιν ἀστέριος ὑπὸ τοῦ ἁγίου σωφρονίου ἐν τοῖς αὐτοῦ συνοδικοῖς ἀναθεματιζόμενος· καὶ ὑπὸ ἄλλου πρὸς ὡς ἀνέγνω ἀπολιναρίῳ καὶ εὐτυχεῖ συνταττόμενος.	Буквально то же, безъ словъ ὡς ἀνέγνω.	Нѣтъ.

2) Къ словамъ преп. Θεοδора: Εἰ δὲ εἷς καὶ οὐδέτερος κἄν μυριστῶς γράφοιτο σταυρός, καὶ ἐν καὶ οὐδέτερον κἄν ἀπείρως γράφοιτο εὐαγγέλιον, καὶ εἷς καὶ οὐ δύο κἄν ὡσαύτως γράφοιτο χριστός.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
Нѣтъ σχολіи.	Εἷς ἐστι χριστός κἄν γράφονται μύριοι· καὶ σταυρός οὕτως κἄν γίνονται πλείονες.	Буквально какъ Paris. 894.

3) Рѣчь идетъ о словахъ св. Епифанія: Νοήσει ἢ σὴ θεοσέβεια εἰ πρόπον ἐστι θεὸν ἔχειν ἡμᾶς ζωγραφητὸν διὰ χρωμάτων.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
ιστέον ὡς ἐπιφάνης ὑπὸ τοῦ ἁγίου ἐπιφανίου ἐν τῷ λβ' κεφαλ. τῶν αἰρέσεων οὐαλεντίνῳ καὶ ἰσιδόρῳ συντάττεται· ὑπὸ δὲ τοῦ ἁγίου σωφρονίου μετὰ καρποκράτην ἐπιφάνης (поправлено изъ ἐπιφάνιος) ἀναθεματίζεται.	То же, но еретикъ ἐπιφάνης оба раза называется ἐπιφάνιος.	Какъ Paris. 894; кромѣ того вмѣсто καρποκράτην стоитъ καρποκράτου.

4) Рѣчь идетъ о словахъ св. Θεοδοῦτα: Ἐὰς τῶν ἁγίων ιδέας οὐκ ἐν εἰκόσι ἐξ ὑλικῶν χρωμάτων ἀναμορφοῦν παρελάβομεν ἢ τ. δ.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
Ἰστέον ὡς Θεόδοται δ' ὑπὸ τοῦ ἁγίου σωφρονίου ἀναθεματίζονται· ἀλλ' οἱ μὲν τρεῖς πρόδηλοι, ὁ δὲ εἷς ἀνώνυμος· ὑπὸ δὲ ἐτέρου πρὸς ὡς ἀνέγνω Θεόδοτος ἀγύρων διαβέβληται.	Буквально то же, что въ Coisl. 269, до словъ ὡς ἀνέγνω включительно.	

Изъ данныхъ выше подробныхъ таблицъ содержанія ясно, что Paris. 894 и Coisl. 94 не списаны ни одинъ съ другою, ни съ Coisl. 269; трудно

думать, что оба писца самостоятельно сдѣлали однѣ и тѣ же ошибки и измѣненія въ текстѣ схолий, который имѣли передъ глазами, и тѣмъ болѣе составили сами буквально совпадающую глоссу № 2. Скорѣе должно думать, что эти измѣненія перешли въ нихъ, прямо или косвенно, изъ ихъ архетипа; а такъ какъ Paris. 894 есть антологія, взятая съ полного собранія X вѣка, то несомнѣнно схолія эти имѣлись уже тамъ въ этомъ самомъ видѣ. Теперь спрашивается, которую форму — Coisl. 269 или Arch. Paris. 894 — признаемъ мы первоначальной? Мнѣ кажется, текстъ Coisl. 269 несомнѣнно древнѣе, и по всей вѣроятности ни откуда не списанъ, а составленъ самимъ писцомъ рукописи.

1) Онъ самъ дважды свидѣтельствуетъ, что справка принадлежит непосредственно ему, словами $\omega\varsigma \acute{\alpha}\nu\acute{\epsilon}\gamma\gamma\omega\nu$. Легко могло случиться, что позднѣйшій переписчикъ первый разъ онустилъ эти слова, какъ не имѣвшія смысла подъ его перомъ, а второй разъ позабылъ это сдѣлать; но совершенно невѣроятно, чтобы такой переписчикъ, наоборотъ, внесъ эти слова изъ четвертой схолія въ первую: это было бы лишнимъ и бессмысленнымъ трудомъ; а если бы онъ это и сдѣлалъ, то конечно сначала списалъ бы первую схолію, какъ она стояла въ оригиналѣ, а уже потомъ, прочитавши и списавши четвертую, вставилъ бы эти слова въ первую схолію, — тогда они стояли бы гдѣ нибудь сбоку, въ видѣ выноски; а ничего подобнаго въ Coisl. 269 нѣтъ.

2) Схолія Arch. Paris. 894, излишняя сравнительно съ Coisl. 269, ясно говоритъ, гдѣ дѣйствовалъ переписчикъ, и гдѣ авторъ. Схолія Coisl. 269, безспорно, содержательны и независимы отъ комментируемаго текста — онѣ, такъ сказать, самостоятельный вкладъ въ полемику Θεοδωρα Студита противъ иконоборства; а схолія Arch. Paris. только и сумѣлъ, что второй разъ переписать, измѣнивъ порядокъ, двѣ фразы изъ того же письма, которое вздумалъ комментировать. Впрочемъ нѣтъ, онъ еще

3) *испортилъ* вторую схолію Coisl. 269 (у него третья), думая поправить ее. Авторъ схолий, повидимому не удовлетворяясь опроверженіемъ иконоборческихъ цитатъ, даннымъ въ текстѣ, искалъ, нѣтъ ли еретиковъ одного имени съ цитуемыми иконоборцами отцами; ему очевидно думается, нѣтъ ли въ иконоборческихъ ссылкахъ подлога. При этомъ онъ остороженъ и честенъ. Онъ не пишетъ, напримѣръ: $\sigma\upsilon\tau\acute{o}\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu \acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\varsigma \acute{o} \acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha\tau\iota\zeta\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ и т. д., а осторожно: $\iota\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega\nu \omega\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu \acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$ (есть *никто* еретикъ Астерій¹⁾); найдя еретика *Епифана*, онъ не превращаетъ его, хотя это

1) Что касается разночтенія $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \chi\alpha\rho\pi\omicron\chi\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon$ (им. $\chi\alpha\rho\pi\omicron\chi\rho\acute{\alpha}\tau\eta\nu$) въ Coisl. 94, то такъ какъ Paris. 894 даетъ $\chi\alpha\rho\pi\omicron\chi\rho\acute{\alpha}\tau\eta\nu$, то нельзя рѣшить, что стояло въ оригиналѣ. Можетъ быть тамъ имя это послѣ $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}$ было сокращено и писцы Paris. 894 и Coisl. 94 различно вскрыли сокращеніе.

было бы ему выгодно, въ Епифанія, и сдѣлавъ при второмъ уномишаніи ошибку въ имени, самъ исправляетъ ее. А переписчикъ тутъ захотѣлъ сдумничать, и только отступилъ отъ текста оригинала, какъ тотчасъ ошибся. Никакого еретика, Епифанія-гностика, наряду съ Валентиномъ, Исидоромъ и Карнократомъ, церковная исторія не знаетъ, а знаетъ именно Епифана, сына Карнократа (см. Епифанія Πανάριον, ересь 32; Климентъ Алекс., Στρωματεῖς, III 2,5; А. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, erster Teil, erste Hälfte, Ss. 161—162; zweiter Teil, erster Band, S. 297).

Итакъ и текстъ схолий подтверждаетъ мнѣніе, что Coisl. 269 древнѣе полного собранія Arch. Paris. 894.

Переходимъ къ пунктамъ сходства Arch. Paris. 894 и антологій съ Coisl. 269. Они показываютъ, что при составленіи этихъ рукописей Coisl. 269 былъ образцомъ для механическаго, можно сказать, подражанія, даже въ мелочахъ, откуда видно, насколько этотъ сборникъ считался авторитетнымъ.

Письмо «къ отцу своему Платону о почитаніи св. иконъ» въ XI вѣкѣ выдѣляется окончательнo изъ общаго счета и переписывается, какъ самостоятельное догматическое произведеніе (такъ оно переписано въ Paris. 894; о Vatic. 1432 мнѣ извѣстно только, что среди писемъ его глѣтъ). Мы не знаемъ, находилось ли оно еще въ полномъ собраніи Arch. Paris. 894 (мѣсто указать можно, между 296-тымъ и 305-тымъ письмами); но любопытно то, что какъ въ Coisl. 269, послѣ письма № 56 первой книги по Миню, стоитъ наше письмо къ Платону, хотя и съ цифрой, но уже, такъ сказать, на особомъ положеніи (см. выше стр. 24), такъ послѣ этого же самаго письма Paris. 894 (вѣроятно по примѣру своего оригинала) даетъ письмо lib. I, 57 Миня, адресованный тоже Платону, и тоже «extra aliarum seriem» по замѣчанію де-ла-Бона¹⁾. Это уже прямо подражаніе.

Далѣе, первую книгу своей второй части Paris. 894 кончаетъ 36-мъ письмомъ второй книги Миня; письмо это въ оригиналѣ его значилось подъ № 309; заглавіе ἀρχὴ βιβλίου β' стояло при 37-омъ письмѣ второй книги Миня, посвященъ въ Arch. Paris. № 310. Между тѣми же самыми письмами, тѣми-же словами: τοῦ αὐτοῦ βιβλίου β', починаетъ Coisl. 269 свою третью нумерацію, и послѣднее письмо передъ этой отмѣткой носитъ тотъ же № 309.

Далѣе, въ Coisl. 269 за письмомъ къ игумну Платону о почитаніи

1) Migne стр. 1111/2: Exstat haec epistola in manuscripto collegii nostri Parisiensis extra aliarum seriem: tempore prior illis, quae secundo libro continentur.

иконы (первой нумераціи № 39) идутъ, какъ продолженіе той же ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας, (подъ нумерами 40—52), нѣсколько писемъ позднѣйшей эпохи. Думается, не это ли дало примѣръ составителямъ первой книги полного собранія перемѣшать въ ней начиная съ восьмого десятка письма эпохъ до и при Львѣ V?

Далѣе, Paris. 894 дѣлаетъ свои заглавія ἀρχὴ βιβλίου γ' и ἀρχὴ βιβλίου δ' при тѣхъ же самыхъ письмахъ, что и Coisl. 269; а такъ какъ главнымъ оригиналомъ для него служило полное собраніе, то надо думать, и тамъ заглавія эти стояли при тѣхъ же письмахъ.

Наконецъ, при *выборѣ* писемъ изъ полного собранія въ антологию Coisl. 269 сыгралъ первенствующую роль: его письма какъ первой такъ и третьей нумераціи вошли въ антологию *ест*, за единственнымъ исключеніемъ (къ Симеону Монаху, Coisl. 94 № 258) объясняющимся, какъ уже указано (стр. 22), просто случайностью. Можетъ быть писецъ Paris. 894, списывая текстъ писемъ и выставляя номера съ полного собранія, при выборкѣ ихъ руководствовался Coisl. 269; но такъ какъ другихъ данныхъ утверждать это нѣтъ, и мы напротивъ знаемъ, что Arch. Paris. подражалъ Coisl. 269, то вѣрнѣе, что уже въ немъ эти письма были какъ либо отмѣчены, какъ достойныя особаго вниманія, почему они, а не другія, и попали въ антологию.

Но чѣмъ же руководился составитель полного собранія, выдѣляя въ послѣднюю, нятую книгу, 277 (собственно 275—см. стр. 25, 26 и 33) писемъ Coisl. 94 №№ 272—548? Припомнимъ, что на письма Θεодора Студита въ тѣ времена всѣ смотрѣли не какъ на документы по исторіи виднаго общественаго дѣятеля, а прежде всего какъ на творенія святаго отца, какъ на книгу для наученія и назиданія. Эти письма — письма второго отдѣла Coisl. 269, кромѣ 35-ти, попавшихъ въ антологию — съ указанной точки зрѣнія очень мало интересны. Это такъ сказать летучая переписка знаменитаго борца за православіе въ бурную эпоху 815—819 г., когда Θεодоръ Студитъ велъ корреспонденцію, по собственному свидѣтельству, почти ежедневно; она полна интереснѣйшихъ для насъ, по совершенно безразличныхъ для византійца, фактическихъ и бытовыхъ подробностей; догматическія указанія въ нихъ рѣдки, стилистически они однообразны и кратки, и по идейному содержанію своему это — бѣгло брошенныя намеки на мысли, широко развиваемыя въ письмахъ антологіи. Есть тутъ нѣсколько группъ писемъ, почти совершенно тождественныхъ и по содержанію и по языку, которыя однако всѣ передаются полностью; до какой степени тутъ нѣтъ выбора, а списано все, что было собрано, показываетъ особенно письмо къ студиту Καλλιшту (N. P. V. VIII стр. 194), строго говоря, лишешное всякаго содержанія:

авторъ извѣщаетъ только, что онъ живъ, здоровъ, но больше на этотъ разъ не пишетъ, потому что нѣтъ времени — надо писать другимъ.

Если читатель согласился съ нашимъ предположеніемъ, что въ архетипѣ Paris. 894 было пять книгъ, причемъ пятую составляли 275 писемъ Минева Index'а, то всѣхъ писемъ Θεодора Студита собрано было не менѣе, какъ $849 + 275 = 1124$.

Въ такомъ случаѣ, Coisl. 269, содержащій ихъ теперь 507 (или, за вычетомъ письма къ Платону объ иконахъ, 506) и содержавшій прежде нѣсколько болѣе, составляетъ почти половину. Не первый ли это томъ того первоначальнаго, хаотическаго полнаго собранія, изъ котораго возникъ уже Arch. Paris. 894 въ пяти книгахъ? Если такъ, то происхожденіе отмѣтокъ ἀρχὴ βιβλίου γ', δ' находитъ себѣ объясненіе. Въ IX вѣкѣ, по примиреніи студитовъ съ патріархіей, чтители памяти и дѣти по духу св. исповѣдника приступаютъ къ собранію его переписки. Сначала отыскивается въ студійскомъ архивѣ собраніе копій съ важнѣйшихъ писемъ эпохи имп. Ирины, Константина VI и Никифора; затѣмъ вписывается письмо къ игумену Платону о почитаніи иконъ; затѣмъ, по одиночкѣ, 12 писемъ поздней эпохи безъ заглавія, потомъ цѣльный сборникъ за года 815—819, съ особымъ заглавіемъ; затѣмъ, опять по одиночкѣ или тетрадами, письма, получаемыя отъ разныхъ лицъ. Пока рукопись писалась, отдѣловъ предполагалось три: въ два первые напрашивались оба сборника, изъ одиначныхъ находокъ предположено составить третій; но онъ оказался несоразмѣрно великъ. Тогда рѣшено раздѣлить его на нѣсколько книгъ; и при письмахъ, которыми рѣшено начать третью и четвертую книгу, сдѣланы соответствующія отмѣтки на поляхъ. Всѣ письма, въ вновь принятомъ порядкѣ, въ пяти книгахъ, сведенныхъ въ одну нумерацію, можетъ быть съ общимъ заглавіемъ вродѣ τοῦ ὀσίου πατρὸς ἡμῶν и т. д. ἐπιστολαὶ διάφοροι αἱ σώζονται ἔτι, составили Arch. Paris. 894.

Но если ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας возникла естественно изъ копій монастырскаго архива, то сборникъ 310 писемъ τῆς τρίτης ἐξορίας, разъ онъ даетъ порядокъ (за немпогими исключеніями, легко объясняемыми просто путаницей листовъ), въ какомъ послѣдовательно, по мѣрѣ писанія самихъ писемъ, снимались съ нихъ копии — то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ его составленіи преобладающее участіе принималъ ученикъ преп. Θεодора, св. Николай Исповѣдникъ: дать этотъ сборникъ, за эти года и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ Coisl. 269, можно смѣло сказать, *кроме преп. Николая не могъ буквально никто на свѣтѣ*; а преп. Николай, напротивъ, имѣлъ къ тому полную возможность и охоту.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратиться къ его біографіи, т. е. къ его житіямъ.

Житіе св. Николая Исповѣдника впервые напечатано по гречески и по латыни у Комбефиза по рукописи Reg. 2009, въ *Auctarium novum ad Bibliothecam patrum Graeco-latinam*, т. 2, стр. 889—953, а отсюда, перепечатано въ 105 т. *Patrologiae* Миня, ст. 863—925; болландисты, въ IV томѣ *A. SS.*, стр. 544—557 даютъ одинъ латинскій текстъ съ нѣкоторыми измѣненіями противъ Комбефиза, а въ *Commentarius praevius* сообщаютъ о другомъ, дефектномъ, списокѣ житія *Medicaeus Regis Franciae* (№ не указанъ), по которому они начали было печатаніе, но оставили, такъ какъ нашли у Комбефиза полный текстъ. Заглавіе житія по Комбефизу: *Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Νικολάου ἡγουμένου τῆς εὐαγεστάτης μονῆς τοῦ Στουδίου*. *Medic.* давалъ другое заглавіе: *Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ ἀοιδίου πατρὸς etc.*, и слѣдовательно, можетъ быть, другую редакцію¹⁾. Впрочемъ напечатанная редакція, кажется, первоначальная; авторъ ея довольно ясно говоритъ, что до него жизнь преп. Николая никѣмъ не была описана (*Migne 105, 864 B: μικρά τινα τῶν αὐτοῦ. . . διαζωγραφήσομεν. . . τὰ μακρῶ τῶ χρόνῳ τῇ σιωπῇ καλυπτόμενα*). Время составленія житія опредѣляется довольно точно. Авторъ (студитъ) пишетъ несомнѣнно до завоеванія Крита имп. Никифоромъ Фокой (*Migne 105, стр. 865, B. C*); онъ описываетъ исцѣленіе преп. Николаемъ его ученика, Антонія, совершившееся при второмъ преемникѣ преп. Николая, игумнѣ Иларіонѣ, и при этомъ сообщаетъ, что со времени чуда прошло 40 лѣтъ, а самъ Антоній еще живъ. Еще ближе время составленія житія опредѣляется указаніемъ автора, что оно составлено при игумнѣ студійскаго монастыря Анатоліи, его постриженникомъ и по его порученію. Изъ времени игуменства Анатолія мы имѣемъ двѣ точныя даты. Въ криптоферратской рукописи (теперь *Vatic. 1190*) житія св. Никиты Мидикиота, списанной съ датированной рукописи студійскаго монастыря, сообщается дата послѣдней; вотъ она (*A. SS. X стр. XXVII*): *Τετέλεσται ἡ παροῦσα βιβλος μηνὶ μαρτίῳ καὶ ἰνδικτιῶνι ἀ' ἔτους κόσμου ςυκδ', γραφεῖσα διὰ χειρὸς Ἰωάννου ταπεινοῦ καὶ ἐλαχίστου μοναχοῦ ἐπὶ Ἀνατολίου τοῦ ὁσιωτάτου ἡγουμένου τῶν Στουδίου*. Принявъ для года отъ Адама Александрійскую эру (иначе онъ не согласуется съ индиктомъ), получаемъ, что рукопись писана при игумнѣ Анатоліи въ 932 году. При томъ же студійскомъ

1) Въ *Inventaire sommaire* г. Омона житіе Николая Студита значится въ двухъ рукописяхъ: *Fonds anciens* № 1450, лл. 23—29 b. (*olim Bibl. du roi, 2009*), XI в., in f.^o и № 1452 (*olim Medic. Reg. 2010*), X в. Болландисты разумѣютъ вѣроятно послѣднюю рукопись. Это та самая февральская Миня, гдѣ находится изданное и изслѣдованное ак. В. Г. Васильевскимъ житіе Георгія Амастридекаго.

игумнѣ Анатоліи писана Минейя 916 г. (Vatic. 1660), см. *Palaeogr. Society*, II, табл. 82. Отсюда ясно, что житіе преп. Николая составлено въ первой половинѣ X вѣка, лѣтъ 50—70 послѣ кончины самого преп. Николая¹⁾. Реторики и невѣроятныхъ разказовъ въ немъ немного, фактовъ много, они внутренно правдивы и прекрасно согласуются съ другими историческими данными. Исторія совмѣстнаго исповѣдничества свв. Θεοδора и Николая при Львѣ V разказана здѣсь съ бѣльшимъ соответствіемъ перепискѣ Θεοδора, чѣмъ даже въ древнѣйшемъ житіи Θεοδора. Видно, что авторъ, хотя и не имѣлъ прямыхъ письменныхъ источниковъ, располагалъ хорошими косвенными и живымъ преданіемъ (припомнимъ ученика Николая, Антонія), и писалъ дѣйствительно, какъ обѣщалъ: *εἰ καὶ ἀτεχνῶς, πλὴν φιλαληθῶς*. Очеркъ жизни преп. Николая по житію представляется въ такомъ видѣ: онъ родился въ Критѣ въ 793 г., первое образованіе получилъ дома; десяти лѣтъ отъ роду былъ привезенъ родителями въ Византію къ дядѣ, Θεοфану, подвизавшемуся въ студійскомъ монастырѣ. Θεοфанъ представилъ ребенка преп. Θεοдору, а тотъ помѣстилъ его въ монастырскую школу (*πρὸς τὸ ἑναγχος τῆς μονῆς καταγώγιον τῶν παιδῶν . . . τὴν τῶν γραμμάτων ἐκπαιδευόμενον μάθησιν*)²⁾; и тутъ (Migne 105, 872 A—B):

1) Вторая редакція житія преп. Θεοδора Студита приписывается рукописями то Михаилу, то Θεοдору Дафнопату, а въ концѣ его стоитъ стихъ: Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ πόνος Ἰωάννου (см. Thomas, Theodor v. Studion, стр. 22—23). Житіе составлено въ первой половинѣ X вѣка, т. е. около того же времени, какъ оригиналъ Vatic. 1190, касается главнаго героя того же студійскаго монастыря, гдѣ писана послѣдняя; это даетъ право отождествить писца оригинала Vatic. 1190 и архетипа рукописей второй редакціи житія Θεοδора. Но вотъ вопросъ: не онъ ли, писецъ Іоаннъ, и авторъ этой редакціи, какъ думалъ Аллицій? Изъ записи самой по себѣ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ; но не странно ли думать, что студиты X вѣка, съ игумномъ Анатоліемъ во главѣ, составили житіе Николая, а переработку житія Θεοδора предоставили протасикриту и патрикію Дафнопату, не имѣвшему къ Студіону никакого отношенія, и ограничились тѣмъ, что списали его работу? Кстати: г. Эргардъ (въ *Gesch. d. byz. Litt.* Крумбахера, изд. 2, стр. 151) смѣется надъ мнѣніемъ Томаса, что въ словахъ Θεοῦ τὸ δῶρον скрывается имя автора. Мнѣ авторство Дафнопата тоже очень сомнительно; но что эту формулу могли употребить иной разъ и не по шаблону, а ради игры словъ, отрицать трудно. Укажу примѣры, гдѣ такой игрой словъ намекается на Θεοдора Студита. Paris. 891, содержащій *κατηχήσεις* преп. Θεοδора, имѣетъ запись: Θεοῦ τὸ δῶρον, ἡ γραφὴ δὲ Ἀρσενίου. Patm. 112 кончаетъ тѣже *κατηχήσεις* стихами, гдѣ встрѣчаются слова:

Ἄλλ' εὖγε, φερωνύμως δῶρον ἐκ Θεοῦ,
Πάτερ, λέλογχας τὴν χάριν κατ' ἄξιαν.

Въ стихотворной эпитаграммѣ Діонисія на преп. Θεοдора (Migne 99, стр. 1812) читается:

1. Δῶρον ἀειζώσιо Θεοῦ μεγάλοιο ἀνακτος

3. Οὐνομα Θεόδωρος ποιμνης ἡγεύμενος ἤκει.

2) Кое какія свѣдѣнія объ этихъ школахъ вообще и о студійской въ частности можно найти у Н. Соколова, въ книгѣ: «Византійское монашество», стр. 512—514.

ἐπει δὲ καθ' ἡλικίαν προβαίνων τὰς εἰσαγωγικὰς μαθήσεις εὐφυῶς ἄγαν καὶ φιλοπόνως ἐξήσκησεν, ἐχρῆν δὲ λοιπὸν καὶ γραμματικῆς, ὅσον πρὸς τὸ γράφειν ὀρθῶς, τὴν ἐπιστήμην πορίσασθαι, καὶ ταύτην προσεῖληφε, ταχυγράφος ἀποφανθεὶς χρησιμώτατος ὠκύτητι φύσεως. Объ этомъ искусствѣ быстрого и четкаго письма¹⁾, которымъ славился преп. Николай, въ житіи говорится не разъ, напримѣръ въ такихъ выраженіяхъ (Migne 876 A): Ἦν καὶ δέλτους ἄριστα συρμεογραφῶν εἰ καὶ τις ἄλλος, οἶμαι, τῆ ὠκύτητι χειρῶν . . . καὶ μαρτυροῦσιν αἱ τε βίβλοι καὶ τὰ ἐκείνου πονήματα.

Вскорѣ послѣ иконоборческаго собора (1—8 апрѣля 815 г.) св. Николай сопровождалъ своего учителя въ изгнаніе въ Метопу, и начиная съ этого времени вплоть до смерти Θεодора оставался при немъ почти безотлучно. Въ самые тяжелые года, время заключенія въ восточной оемѣ, въ м. Вопитѣ (816—819) и въ Смирнѣ (Май 819—Декабрь 820), кромѣ Николая, съ Θεодоромъ не было никого; даже случайныя свиданія ихъ съ прочими студитами были рѣдки и крайне кратковременны. Это какъ разъ эпоха писемъ второго отдѣла Coisl. 269, время, по свидѣтельству самого преп. Θεодора (письмо Migne lib. II, 39), оживленнѣйшей переписки его, ведшейся «почти ежедневно». Трудно сомнѣваться, что въ это время преп. Θεодоръ, имѣя постоянно къ своимъ услугамъ такого превосходнаго писца, какъ св. Николай, не пользовался его искусствомъ. А такъ какъ уже въ это время студиты принимали мѣры къ сохраненію этой переписки (см. N. P. Bibl. VIII, стр. 220), то ничего нѣтъ естественнѣе, что и въ этомъ дѣлѣ тотъ же Николай принималъ главное участіе; что онъ, написавъ подъ диктовку письмо, писалъ второй экземпляръ для себя и составлялъ такимъ образомъ собраніе копій, можетъ быть, при случаѣ, по частямъ, сдавая накопившееся навѣщавшимъ ихъ студитамъ. Сборникъ прекращается незадолго до изгнанія въ февралѣ 819 г. и перевода узниковъ въ Смирну, и это вполне естественно: съ февраля 819 г. Николай долженъ былъ прекратить эту работу, такъ какъ сначала нѣкоторое время не могъ писать некалѣченными пыткой руками (см. ниже), а въ Смирнѣ, по свидѣтельству опять таки самого Θεодора, надзоръ за узниками былъ усиленъ, и особенно строго стали препятствовать ихъ сношеніямъ съ вѣншимъ міромъ (см. напр. Migne lib. II, 66); писать приходилось рѣдко, и при этомъ дорожить и временемъ, и писчимъ матеріаломъ.

Но эти соображенія не только сами по себѣ естественны, но и засвидѣтельствованы источниками.

1) Врядъ ли слово ταχυγράφος слѣдуетъ тутъ понимать терминологически (= стенографъ), такъ какъ ниже въ житіи о томъ же предметѣ употребляются и другія выраженія.

Косвенно это говорятъ рассказы житія св. Николая о двухъ бичеваніяхъ преп. Θεοδора и Николая въ Вонигѣ. Первый разъ императорскіе чиновники перехватываютъ письмо преп. Θεοδора, гдѣ проповѣдуются поклоненіе иконамъ и осуждается безуміе царя (*ἐπιστολὴ διαγραφοῦσα προσκύνησιν εἰκόνων καὶ τοῦ βασιλέως παράνοιαν*); когда преп. *Николай* и Θεοдоръ признали письмо *своимъ*, то дается сто ударовъ *βουλεύροις сначала Николаю*, а потомъ Θεοдору.

Невдолгѣ вслѣдъ затѣмъ, когда еще не прошли слѣды этого наказанія, было перехвачено еще письмо, осуждавшее императора, и снова преп. Николай подвергается жестокому наказанію: его, давно уже потерявшего отъ побоевъ сознание, оставляютъ зимней порой (3 февраля) обнаженного на дворѣ; затѣмъ стражникъ пытается «лестью» отвлечь Николая отъ преданности Θεοдору, и послѣ неудачи подвергаетъ его мучительной пыткѣ — терзаетъ веревками и выворачиваетъ кисти рукъ. Уже отсюда видно, что въ перепискѣ Θεοдора преп. Николай какъ-то активно участвовалъ, если считался наравнѣ съ преп. Θεοдоромъ, и даже болѣе чѣмъ Θεοдоръ, въ ней виновнымъ. А житіе преп. Θεοдора, писанное гораздо раньше житія Николая, и ни слова не говорящее о искусствѣ послѣдняго какъ писца, описывая тоже истязаніе, уже прямо говоритъ, что Николая приказано было пытать перваго «*ὡς τούτων γραφέα*».

Въ житіи преп. Николая русской сокращенной Минеи (л. *χϛ* об.)¹⁾ находится тоже извѣстіе: чиновникъ спрашиваетъ исповѣдниковъ, ихъ ли письмо перехвачено: «они же непотайша дѣла своего; преподобный бо Θεοдоръ повелѣваше, а блаженный Никола писаше». Слова житія преп. Θεοдора позволяютъ видѣть тутъ болѣе, чѣмъ удачную глоссу славянскаго переводчика — слѣдъ другой редакціи житія. Нѣтъ ли этого извѣстія въ дефектномъ житіи Paris. 1452?

Итакъ полный, компактный, хронологически правильный сборникъ писемъ за эпоху отъ иконоборческаго собора до мая 819 г. существовалъ въ IX вѣкѣ; въ эти годы при преп. Θεοдорѣ былъ безотлучно одинъ Николай, а съ лѣта 816 года только онъ одинъ; онъ, славный тахиграфъ, писалъ подъ диктовку Θεοдора эти письма; въ письменныхъ матеріалахъ недостатка не было. Кто же, какъ не Николай, могъ составить сборникъ? Кто, какъ не онъ, первый собиратель писемъ наставника, знатокъ патристической литературы (см. житіе: *ἦν δὲ ἀκοήν ὑποκλίτων ταῖς πατέρων διηγήσεσι καὶ τούτων βίους ἀνελίπτων ἐκάστοτε ἐφωτίζετο*), могъ составить выше разобранныя схоліи? Понятно и раболѣпное подражаніе полнаго собранія нашему сборнику, если принять, что его окружалъ ореолъ

1) Кіевъ, 1695 (?) г.

высокочтимого, признаннаго еще въ IX вѣкѣ святымъ, сподвижника преп. Θεοδора. Но интересъ рукописи Coisl. 269 и этимъ еще не исчерпывается. Въ высшей степени вѣроятно (для меня лично — несомнѣнно), что во второмъ отдѣлѣ Coisl. 269 мы имѣемъ не только сборникъ, составленный преп. Николаемъ, но его автографъ; имъ скопленныя копіи переписаны сюда его же собственной рукой.

Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ одинъ почти несомнѣнный автографъ преп. Николая въ рукописи, извѣстной многимъ читателямъ, именно въ Порфирьевскомъ Четвероевангеліи 835 г. На послѣдней страницѣ этой рукописи стоитъ записъ, что рукопись окончена 5 мая 6343 г. руками грѣшнаго монаха Николая; а на лицевой сторонѣ л. 344 стоятъ его же рукою сдѣланныя хронологическія записи (онѣ разобраны г. Церетели въ статьѣ сборника *Στέφανος*, посвященнаго учениками проф. О. О. Соколову, Спб. 1895, стр. 76—80, гдѣ и указано, что писецъ — студитъ) о дняхъ и годахъ кончины трехъ великихъ святыхъ студитовъ: Платона, Θεοδора и архіеп. Ιωσήφ; въ нихъ монахъ Николай называетъ второго *ὁ κοινὸς πατὴρ ἡμῶν*, откуда ясно, что самъ онъ монахъ студійской обители; замѣтка писана вѣроятно въ 844 г., по случаю перенесенія мощей Платона, Θεοδора и Ιωσήφ въ студійскій монастырь. О составѣ студійской обители въ 835 г. мы имѣемъ достаточно точное понятіе. Въ письмѣ Migne lib. I, 41 самъ преп. Θεοδоръ даетъ намъ списокъ всѣхъ студитовъ, имена которыхъ, по его мнѣнію, могли понадобиться въ перепискѣ членовъ монастыря другъ съ другомъ во время гоненія; второй богатый источникъ именъ студитовъ мы имѣемъ въ упоминаніяхъ его 555 сохранившихся писемъ; а такъ какъ съ 815 г. до самаго возстановленія православія студиты были разсѣяны и монастырь находился въ рукахъ иконоборцевъ, то новыхъ православныхъ членовъ въ него въ это время вступать не могло.

Оба эти источника говорятъ лишь объ одномъ студитѣ съ именемъ Николая — именно св. Николаѣ Исповѣдникѣ. Онъ въ изобрѣтенномъ преп. Θεοдоромъ условномъ письмѣ обозначается буквой ζ; къ нему, вѣроятно въ память совмѣстнаго исповѣдничества, преп. Θεοдоръ, по освобожденіи изъ смирнской тюрьмы, написалъ единственное письмо (Migne lib. II, 72); отъ него передается поклонъ почти во всѣхъ письмахъ, писанныхъ изъ тюрьмы въ Воинѣ и Смирнѣ. Кромѣ него во всей перепискѣ преп. Θεοдора встрѣчаются три Николая; одинъ изъ нихъ (Migne lib. I, 32) — патріархій хартуларій; другой (N. P. Bibl. VIII, стр. 143 и 180) — свѣтское лицо; а третій (Migne lib. I, 10) 1) ясно отдѣленъ отъ студитовъ названіемъ *μαθητής*, такъ какъ студиты въ письмахъ всегда называются *τέχνα* 2) избранъ на игуменство въ другой монастырь между 801 и 806 г., и потому не могъ бы назвать себя и лицъ своего монастыря (*κοινὸς πατὴρ*

ἡμῶν) студитами послѣ 835 года. Можетъ показаться, что Николай, извѣстный исповѣдникъ иконопочитація, не имѣлъ возможности писать книги въ 835 г., т. е. въ разгаръ гоненія императора Оеофила. Однако житіе отвѣчаетъ на это недоумѣніе вполне удовлетворительно. Оказывается, что когда разразилось гоненіе Оеофила, пѣкая благочестивая Ирина спрятала Николая отъ иконоборцевъ въ своей усадьбѣ близъ Византіи, Фирмополѣ; тутъ онъ жилъ уединенно на покоѣ до смерти студійскаго игумна Навкратія (18 апрѣля 848 г.), и слѣдовательно находился въ наилучшихъ условіяхъ для занятія своимъ любимымъ дѣломъ — писаніемъ книгъ.

И вотъ, почеркъ второго отдѣла Coisl. 269 представляетъ такое разительное сходство съ почеркомъ Порфирьевскаго Евангелія, какое можетъ быть объяснено только тождествомъ писавшаго лица. Графологическіе вопросы этого рода по самому существу дѣла не допускаютъ математически точныхъ доказательствъ; но пусть читатель самъ, и чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше, сличитъ приложенные снимки 4 и 5, и я надѣюсь, онъ согласится со мною. Строчное греческое письмо, въ противоположность унциальному, даетъ значительный просторъ развитію индивидуальности въ почеркѣ; руку Николая такъ же легко изучить и узнать повсюду, какъ напримѣръ извѣстную красивую руку «кодексовъ Ареобъ». Можно даже сказать, что не только никакихъ явныхъ отличій (какія бросаются въ глаза при сличеніи напримѣръ первой руки Coisl. 269 съ рукой Николая въ буквахъ ξ, ζ, φ, и въ общемъ характерѣ письма — болѣе угловатаго и вытянутаго въ вышину) тутъ нѣтъ, но даже можно удивляться, какъ мало измѣнился почеркъ Николая за время, прошедшее между написаніемъ обѣихъ рукописей. Мои впечатлѣнія провѣрилъ г. Церетели, и онъ безъ всякихъ колебаній узналъ во второй рукѣ Coisl. 269 подробно изученный имъ почеркъ Николая. Къ сожалѣнію я не могу дать читателю возможности продѣлать сличеніе на всемъ томъ огромномъ пространствѣ, на какомъ обѣ рукописи позволяютъ это сдѣлать. Мы сличали почерки на всемъ пространствѣ обѣихъ рукописей (Coisl. 269 листы 97а — 286а, Порфирьевское Евангеліе содержитъ 344 листа), и оба въ то время были подъ вліяніемъ неблагопріятно предвзятаго взгляда (я исходилъ, по г. Омону, изъ представленія, что Coisl. 269 писанъ въ X вѣкѣ, и по Гардтгаузену, что Порфирьевское Евангеліе писано въ Лаврѣ Саввы Освященнаго); я пересличилъ, чтобы не ограничиваться въ сличеніи отдѣльными буквами или словами, всѣ цитаты Coisl. изъ Четвероевангелія — и не могъ не преклониться передъ очевидностью. Шрифтъ схолій, росчерки, титла, характерный значекъ *ς* (χαί) не говоря уже о буквахъ и ихъ лигатурахъ, совпадаютъ до многихъ мелкихъ подробностей. Крайне жалѣю, что страницы Coisl. 269, гдѣ цитируется Евангеліе, оказались неудобны для фотографированія, что

лишило меня возможности сдѣлать для читателя сходство столь же очевиднымъ, каково оно для меня и для другихъ, кому я показывалъ подлинныя рукописи¹⁾. При сличеніи надо только имѣть въ виду, что листъ Coisl. 269 по площади слишкомъ втрое превосходятъ Порф. евангеліе; вѣроятно въ связи съ этимъ буквы въ Coisl. крупнѣе и вообще почеркъ писца нѣсколько разгонистѣе и свободнѣе, чѣмъ въ евангеліи.

Если второй отдѣлъ Coisl. 269, какъ мы старались убѣдить читателя, писанъ св. Николаемъ Исповѣдникомъ, то этимъ данъ terminus, ante quem писана рукопись — 4 февраля 868 г., что находится въ полномъ согласіи съ всѣми раньше высказанными соображеніями.

Г. Церетели, рассмотрѣвъ, по моей просьбѣ, Coisl. 269, сообщилъ мнѣ, что почеркъ и другой руки, которой писаны листы 1 — 96 b и 286 a — 457 b, тоже весьма характерный, хорошо извѣстенъ палеографамъ, и указалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ на двѣ рукописи Московской Синодальной Библіотеки. Снимки съ этихъ рукописей en regard съ первой рукой Coisl. 269 я даю на таблицахъ 1 — 3 (см. также у Саввы, Палеогр. снимки, табл. ѣ, а и b). Первая рукопись (по описанію архим. Владимира № 117) имѣетъ на 470-мъ листѣ записъ:

ἔτελειώθη ἡ βίβλος αὐτῆ διὰ χειρὸς ἀθανασίου μοναχοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ
μηνὶ ἀυγούστῳ α ἰνδ. ιγ ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ΣΤΠΝ.

Вторая (у архим. Владимира № 184) имѣетъ на оборотѣ 294-го листа записъ:

ἔγγραφη ἡ δέλτος αὐτῆ διὰ χειρὸς ἀθανασίου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου ἔτους
ΣΥΖ ἰνδικτιῶνος β' ἔτελειώθη μὴνὶ μαίῳ κδ ἡμέρα ε'.

Итакъ первая рукопись окончена монахомъ Аонасіемъ 1 августа 880 г., вторая 24 мая 899, когда онъ былъ уже игуменомъ. Если, какъ

1) Тутъ замѣчу кстати, что выраженіе τὸ σурμεογραφεῖν, «протяженно-писаніе», употребленное въ житіи о книгахъ, писанныхъ преп. Николаемъ, мнѣ кажется, указываетъ именно на строчное письмо. Комбе-физъ толкуетъ его: Velut longo litterarum ductu pro ratione scribendi illius temporis, qua passim libros uncialibus litteris exarabant. Въ словарѣ Е. А. Софоклиса σурμεογραφέω переведено: «to write in uncials?» Эти слова основаны кажется именно на мнѣніи, будто во времена преп. Николая книги писались passim uncialibus litteris. Стоитъ пересмотрѣть хотя бы снимки въ общезвѣстныхъ изданіяхъ, чтобы убѣдиться, что уставныя и особенно полууставныя буквы по абсолютной величинѣ, вообще говоря, ничуть не крупнѣе строчныхъ; а между тѣмъ въ уставномъ письмѣ каждая буква пишется съ особаго почерка, или, чаще, съ нѣсколькихъ; почему же къ нему подходит терминъ: «протяженно-писаніе»? Несравненно лучше это выраженіе подходит къ строчному письму, гдѣ съ одного почерка пишутся (уже съ половины IX вѣка) двѣ и болѣе буквы, и слѣдовательно штрихъ пера гораздо длиннѣе. Впрочемъ, предоставляю эти соображенія вполнѣ на судъ специалистамъ. Гардтгаузенъ вовсе не упоминаетъ термина σурμεογραφεῖν; можетъ быть вмѣсто него просто надо читать σημειογραφεῖν?

мы думаемъ¹⁾, образцы письма табл. 1—3 принадлежатъ одному лицу, то ясно, что Coisl. 269 писалъ преп. Николаемъ гораздо позже, чѣмъ четверо-евангеліе, такъ какъ трудно допустить, чтобы Аонасій, бывший игуменомъ въ 899 г., могъ принять постриженіе раньше напрымѣрь 850 г. Остается поискать въ житіи преп. Николая, когда въ періодъ 848—868 г. могъ онъ всего удобнѣе писать книги. Біографія его за это время представляется въ такомъ видѣ:

848—852 г. Николай игумень студійской обители.

852—856 г. Николай въ уединеніи въ Фирмополѣ; за него въ Студіонѣ править Софроній.

856—858 г. Николай снова игумень.

858—865 г. Николай уклоняется отъ общенія съ патр. Фотіемъ, сначала въ *καταχώγιον ἐν Πραινέτω*, потомъ у нѣкоего Самуила, въ югозападной части Византіи (тутъ основывается впоследствии его ученикомъ, Еварестомъ, коккоровійскій монастырь)²⁾; потомъ въ Проконнисѣ и Митиленѣ; *ἐφ' ἰκανόν δὲ ταύτη διατρίψας* въ 865 г. удаляется отъ Фотія съ братомъ *ἐν τῷ Ξαμηλίῳ πρὸς τὴν Χερρόνησον*. *Ἐπταετίαν δὲ ἐν τῷ προρρήθέντι τόπῳ διαμείβοντος* онъ время отъ 865-го до 25 сент. 867 г. проводитъ въ студійскомъ монастырѣ, въ заточеніи, за упорное непризнаніе Фотія.

867—868. Николай въ третій разъ игумень студійскій; 4 февраля 868 года †.

По этой таблицѣ видно, что написаніе Coisl. 269 можно относить скорѣе всего или къ годамъ 848—857, или къ семилѣтію 858—865; въ первомъ случаѣ рукопись написана въ студійскомъ монастырѣ, во второмъ въ Митиленѣ или Ксамиліи на Херронисѣ (изъ текста житія не совсѣмъ ясно, въ какомъ мѣстѣ онъ провелъ наибольшее время сподрядъ; тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ быть помогли бы нарижскія рукописи другой редакціи); наименѣе вѣроятнымъ временемъ представляются годà 858 и 865—868, то есть года странствій, заточенія и предсмертной болѣзни преп. Николая. На которомъ изъ этихъ предположеній остановиться — сказать трудно. Съ одной стороны естественно думать, что первоначальный, какъ и послѣдующіе, сборникъ писемъ преп. Θεοδора былъ составленъ въ его монастырѣ,

1) Почерки рукописей Моск. Синод. Библіотеки № 117 и № 184 нѣсколько различны; г-ну Церетели разница эта теперь кажется настолько значительной, что онъ считаетъ писцовъ ихъ за разныхъ лицъ (см. въ его книгѣ: «Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ, преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы», Спб. 1896, стр. 163). Первая рука Coisl. подходит къ Mosq. 117 несомнѣнно больше, чѣмъ къ Mosq. 184; если г. Церетели правъ, то Coisl. можетъ быть еще древнѣе, чѣмъ принято въ текстѣ.

2) Анонимъ Бандури (*Imperium Orientale* I, ч. 3, 57) говоритъ, что Еварестъ основывалъ коккоровійскую обитель при Михаилѣ II; ему слѣдуютъ Штадлеръ и архим. Сергій (См. Полный мѣсяцесловъ Востока, ч. 2, 400). Изъ житія преп. Николая видно, что тутъ ошибка: Михаилъ III смѣшанъ съ Михаиломъ II.

гдѣ память его конечно наиболѣе чтилась; если такъ, то Coisl. 269 написанъ въ 852—858 гг. Въ такомъ случаѣ Аванасій былъ въ 899-мъ г. студійскимъ игумною, послѣ Иларіона и передъ Анатоліемъ II; но это трудно помирить съ данными житія патр. Евонмія, по которымъ около 882—886 г. студійскимъ игумною былъ Анатолій I, а около 900 г. — Аркадій (Vita Euthymii, ed. de Boor, II. 10 и IX. 27); и остается нѣсколько страннымъ, почему житіе преп. Николая, говоря о его письменной дѣятельности и ея памятникахъ — книгахъ монастырской бібліотеки, не упоминаетъ о такомъ видномъ его трудѣ въ этой области, какъ сборникъ писемъ преп. Θεοδορα¹⁾.

Результаты нашего изслѣдованія по вопросу, насколько традиціонный порядокъ писемъ Θεοδορα можетъ быть принятъ во вниманіе при установленіи ихъ хронологіи, сводятся къ слѣдующему.

1) Въ концѣ 1897 г. въ Парижѣ вышла книга аббата E. Marin: «Les moines de Constantinople jusqu'à la mort de Photius». Въ этой книгѣ, на стр. 441—442, стоитъ примѣчаніе, которое имѣетъ для предмета нашего «Введенія» такую важность, что мы приведемъ его почти цѣликомъ въ переводѣ.

«Я обязанъ» пишетъ E. Marin, «любезности г. аббата Тугара сообщеніемъ мнѣ трехъ писемъ D. Toustain, опубликованныхъ впервые въ Mélanges de la Société de l'Histoire de Normandie, III-me série, 1895, стр. 189—230. D. Toustain упоминаетъ тамъ слѣдующія, доселѣ ненапечатанныя, творенія св. Θεοδορα: 1) (стр. 196 и 206) всемірная исторія въ ямбическихкихъ стихахъ, отъ Адама до иконоборцевъ; 2) *πρὸς ἡμετέρας περὶ τῆς κηθόλου οἰκονομίας*, противъ «прелюбодѣйной ереси»; 3) трактатъ подъ заглавіемъ *στηλιτευτικός*, противъ иконоборцевъ, съ собраніемъ свидѣтельствъ св. Отцовъ противъ этихъ еретиковъ; 4) (стр. 206) «Жизнь монаховъ» въ ямбическихкихъ стихахъ; 5) (тамъ-же) *полное собраніе писемъ, числомъ около 700, изъ которыхъ доселѣ напечатано всего 560.*

«Во второмъ письмѣ Toustain выполняетъ 4 лакуны письма Θεοδορα къ Платону» (Migne I, 57) (слѣдуютъ тексты). «Извѣстно (говоритъ далѣе Marin), что D. Toustain и D. Tassin дѣлали многочисленныя розыски для изданія твореній св. Θεοδορα Студита. Папки съ результатами поисковъ составляютъ теперь № 416 du Supplément grec Парижской Национальной Библіотеки. Ceillier (Histoire des auteurs ecclésiastiques XVIII, 517) сказалъ объ этомъ изданіи, которое никогда не видѣло свѣта: «тамъ найдутъ около 200 доселѣ ненапечатанныхъ писемъ, и матеріалъ для выполненія около 20 лакунъ, безобразящихъ изданіе де-ла-Бона ...»

Къ сожалѣнію я не нашелъ въ первоклассныхъ петербургскихъ бібліотекахъ означенныхъ Mélanges, а данныя примѣчанія Marin очевидно неполны и противорѣчивы: Tougaard въ 1895 г. говоритъ о 700 письмахъ, изъ которыхъ напечатано (де-ла-Бономъ и Cozza-Luzi) 560; а Ceillier, сочиненіе котораго явилось въ 1729—1763 гг., говоритъ, что Toustain далъ бы сравнительно съ де-ла-Бономъ лишь около 200 новыхъ писемъ, т. е. значительно меньше, чѣмъ далъ Cozza-Luzi. Кромѣ того неясно, почему Toustain считалъ свои 700 писемъ полнымъ собраніемъ — на основаніи показаній рукописей, которыми располагалъ, или по собственному соображенію. Во всякомъ случаѣ ясно, что Toustain имѣлъ рукописный матеріалъ отличный отъ разобраннаго въ нашей статьѣ, такъ какъ онъ выполнялъ при его помощи такія лакуны, какія съ разобранными рукописями выполнить нельзя; и что этотъ матеріалъ позволилъ ему еще въ прошломъ вѣкѣ установить наличность гораздо большаго числа писемъ, чѣмъ ихъ считаютъ обыкновенно теперь. Мы, на основаніяхъ, изложенныхъ въ этомъ изслѣдованіи, не были удивлены извѣстіемъ о 700 письмахъ, хранящихся въ папкахъ Toustain, но думаемъ, что и эти 700 писемъ — лишь часть грандіознаго собранія IX—X вѣка.

Письма, слывущія подъ заглавіемъ: «ἐκλογή τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας» (первая книга Vatic. 1432) состоятъ:

1) изъ остатка современнаго событіямъ монастырскаго архива — это суть тѣ письма, которыя есть въ Coisl. 269 и нѣсколько другихъ, по содержанію несомнѣнно относящихся къ этому времени. Ихъ порядокъ, какъ порядокъ накопленія копій, вообще заслуживаетъ довѣрія; но онъ могъ быть и спутанъ и нарушенъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій годовъ 796—799, 809—811, 815—821, 829—843; поэтому, гдѣ ошибки ясны изъ содержанія, мы можемъ исправлять его, не стѣсяясь;

2) изъ писемъ, смѣшанныхъ съ архивными въ древнемъ полномъ собраніи. Среди этихъ писемъ, именно съ № 79 по № 309 полнаго собранія были завѣдомо позднѣйшія; поэтому мы обязаны относить къ эпохѣ до 811 г. лишь тѣ изъ нихъ, время которыхъ ясно опредѣляется ихъ содержаніемъ; остальные же могутъ относиться и къ позднѣйшему времени.

Письма эпохи третьей ссылки состоятъ:

1) изъ современнаго событіямъ сборника Coisl. 269, листы 97a — 286 b, порядокъ котораго есть опять таки порядокъ накопленія копій, лишь кое-гдѣ случайно нарушенный. Его слѣдуетъ принять, какъ хронологическій, исправляя лишь тамъ, гдѣ это непременно слѣдуетъ изъ связи упоминаемыхъ событій;

2) изъ множества писемъ, собранныхъ по одиночкѣ или небольшими сборниками неизвѣстнаго происхожденія, и приведенныхъ въ наличный порядокъ уже составителями полнаго собранія. Не только нѣтъ доказательствъ, что они для достиженія этого порядка располагали лучшими средствами, чѣмъ мы, но сомнительно даже, чтобы они заботились о его хронологической правильности. Поэтому при опредѣленіи хронологіи этихъ писемъ мы не можемъ руководствоваться ничѣмъ, кромѣ ихъ содержанія; рукописный же порядокъ авторитета не имѣетъ. Письма этого отдѣла, безъ историческихъ упоминаній частнаго характера, могутъ быть относимы почти съ равнымъ правомъ къ любому году отъ 796—826-й — даже къ годамъ 815—819-й, такъ какъ извѣстно, напримѣръ изъ письма N. P. Bibl. VIII, стр. 220, что и другіе студиты въ это время собирали и переписывали письма Θεодора; а изъ письма N. P. Bibl. стр. 50—51, что и въ это время преп. Θεодоръ иногда писалъ письма собственноручно, и Николай могъ и не сохранить съ нихъ копій; встрѣчаются въ эти годъ также, хотя крайне рѣдко, ссылки на письма, которыхъ въ сборникѣ не оказывается (въ N. P. Bibl. VIII, стр. 9). Этими выводами я и слѣдовалъ, устанавливая порядокъ писемъ преп. Θεодора въ предстоящемъ первомъ выпускѣ «Перечня византійскихъ грамотъ и писемъ».

Приложеніе.

Къ примѣчанію на стр. 16.

Исторія монахини-императрицы Евфросины сообщается намъ источниками въ двухъ, отчасти несогласимыхъ, версіяхъ. Первая передается кратко Генесіемъ (*Regum lib. II*, стр. 50 боннскаго изд.), затѣмъ продолжателемъ Теофана и Зонарой; другая — преимущественно хрониками такъ называемаго логооетова цикла (по В. Г. Васильевскому, см. его статью: Хроника Логооета на славянскомъ и греческомъ, *Виз. Врем.*, т. II, стр. 78—151) — Симеономъ Магистромъ, Львомъ Грамматикомъ, Георгіемъ Мнихомъ московской редакціи; но впервые мы встрѣчаемся съ нею у Георгія Мниха коаленевыхъ рукописей №№ 134 и 310, такъ что весьма вѣроятно, что она восходитъ къ первоначальному Георгію. Этой же, второй, версіи слѣдуетъ также житіе св. императрицы Теодоры, изданное въ 1891 году В. Э. Регелемъ въ *Analecta byzantino-russica*, стр. 1—19.

По продолжателю Теофана и Зонарѣ (*Theoph. contin. 78—79* боннскаго изданія; *Zonaras, ed. Dindorf, III*, 349—350) дѣло представляется такъ. Вскорѣ послѣ подавленія возстанія стратига Оомы, т. е. въ концѣ 823 года, вдовый императоръ Михайль II задумалъ вступить во второй бракъ. Наружно показывая видъ, будто даже мысль о женитьбѣ ему противна, онъ подъ рукой далъ понять вліятельнѣйшимъ членамъ синклита, что онъ хотѣлъ-бы, чтобы они сами просили его о ней. Синклитъ понялъ и исполнилъ его желаніе; Михайль, послѣ долгихъ притворныхъ отказовъ, отобралъ съ челобитчиковъ писемшныя клятвенныя обѣщанія, что они будутъ чтить ту, кого онъ изберетъ себѣ въ супруги, до и послѣ его смерти, какъ царицу, и дѣтей его отъ нея, какъ царей. Затѣмъ онъ женился на Евфросинѣ, которая слыла (*ἑσμενύμετο εἶναι, ἐλέγετο*) дочерью императора Константина VI и августы Маріи, и давно уже была пострижена въ одномъ монастырѣ на Прищевыхъ Островахъ.

Далѣе, по этой версіи (*Theoph. contin. 86, Zonaras III*, 353), императоръ Теофилъ, пасынокъ Евфросины, сынъ императора Михаила отъ его первой жены, Теоклы (дочери фригійскаго воеводы, подъ начальствомъ котораго Михайль началъ свою военную карьеру) вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ изгналъ свою мачеху изъ дворца и водворилъ ее снова въ томъ же монастырѣ, гдѣ она жила до замужества, такъ что печестивыя рукоприкладства и клятвы остались втупѣ.

Такова эта версія въ ея пространной, позднѣйшей формѣ. У Генесія вмѣсто этого подробнаго повѣствованія находимъ лишь краткое извѣстіе, что императоръ Михаилъ, въ началѣ своего правленія, послѣ извѣстныхъ распоряженій относительно иконопочитанія, «удвоилъ, безумствуя, свое нечестіе», и Евфросину, дочь казеннаго чрезъ ослѣпленіе Константина, приступившую къ монашеской жизни, взялъ себѣ въ супруги и перевелъ во дворецъ (Genes., loco citato).

Вмѣсто этого разсказа, у Симеона Магистра и Льва Грамматика мы читаемъ, что императоръ Михаилъ, дѣйствительно, женился (или: былъ женатъ?) на дочери императора Константина VI, которую взялъ изъ монастыря; время событія съ точностью не опредѣляется, и не упоминается о томъ, что это былъ второй его бракъ. Теофилъ у названныхъ писателей зовется много разъ не пасынкомъ, а роднымъ сыномъ Евфросины. По смерти Михаила II Евфросина устроила для Теофила смотрины невѣсть и дала ему золотое яблоко для врученія избранницѣ его сердца; послѣ женитьбы его она, своей охотой, ушла на покой въ ея устроенный Гастрійскій монастырь; однако и тамъ она сохранила связи съ императорскимъ домомъ: въ монастырѣ у нея гостили ея внучки, дочери Теофила и Теодоры, и она наставляла ихъ въ благочестіи и иконопочитанія (см. Sym. Mag. стр. 620, строка 9; 621, 3; 624, 15; 625, 12; 628, 8 боннскаго изданія и соотвѣтствующія мѣста Льва Грамматика).

Обращаясь къ древнѣйшему представителю этой версії, Георгію Мниху, находимъ, что у него Евфросина упомянута три раза, и всѣ три раза названа матерью Теофила (кн. IV, стр. 694, 700 и 703 изд. Муральта; всѣ эти мѣста есть и въ Coisl. 134 и 310 — см. Βίαι τῶν νέων βασιλέων Георгія Мниха по боннскому изданію стр. 783, строка 12; 789, 10—790, 23). По сличенію оказывается, что у Симеона Магистра сравнительно съ Георгіемъ добавлено 1) что Евфросина была монахиня, 2) что она была или слыла за дочь Константина VI, 3) о ея отношеніяхъ къ дочерямъ Теофила.

Непримиримое разногласіе этихъ двухъ версій, какъ въ ихъ первоначальной, такъ и въ позднѣйшей формѣ, состоитъ въ томъ, что Теофилъ по первой версії былъ пасынокъ, по второй — родной сынъ Евфросины. Если принять, что онъ былъ ея родной сынъ, то значить Михаилъ II женился на ней не въ 823 году, и вообще гораздо раньше, чѣмъ сталъ императоромъ; и слѣдовательно весь разсказъ Генесія и продолженнаго Теофана о ея судьбѣ долженъ быть отвергнутъ, какъ ошибочный или легендарный. Дѣло въ томъ, что императоръ Ософилъ вступилъ на престолъ несомнѣнно уже въ зрѣлыхъ годахъ. По Генесію, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ отца уже въ эпоху возстанія Оомы (822/3 годъ); по Георгію Мниху,

онъ во время своего правленія (829—841) выдалъ замужъ, и потомъ похоронилъ свою любимую дочь¹⁾—откуда ясно, что женился онъ на Теодорѣ въ 830-мъ году вторымъ, а не первымъ бракомъ.

Считая, что въ эпоху возстанія Оомы ему было даже только 18 лѣтъ, мы получаемъ годъ его рожденія — 805-й, и слѣдовательно бракъ Евфросины и Михайла аморейскаго не могъ состояться позже 804 года; а гораздо вѣроятнѣе, что Теофилъ былъ еще значительно старше.

Итакъ, если принять, согласно второй версiи, что Евфросина была родная мать Теофила, то наше примѣчаніе на стр. 16, указывающее, что изъ послѣднихъ годовъ жизни преп. Теодора нѣтъ писемъ, говорящихъ о ея противоканоническомъ, или, по меньшей мѣрѣ, предосудительномъ бракѣ съ императоромъ Михайломъ, падаетъ само собою, такъ какъ вся исторія этого брака оказывается легендой: онъ относится на дѣлѣ къ гораздо болѣе раннему времени, когда Михайлъ былъ еще весьма невиднымъ лицомъ, и его бракъ, хотя бы и на бывшей монахинѣ, мало кого могъ соблазнить и взволновать.

Но болѣе того: нетрудно убѣдиться, что вторую версію можно удержать лишь въ ея первоначальной формѣ, въ какой она является у Георгія Мниха; что добавленія, внесенныя въ нее Симсономъ Магистромъ и др. изъ первой версiи, съ нею несогласимы. Если Евфросина — мать Теофила, то она не дочь Константина VI, и до 830 года никогда не была монахиней.

Вопервыхъ, едва ли начинающій свою карьеру, незнатный и небогатый офицеръ, какимъ былъ Михайлъ около 800 года, могъ добыть себѣ въ невѣсты царевну и монахиню. И наименѣе возможно предположить это въ срокъ, идущій въ расчетъ, именно съ 797-го по 806-й годъ, то есть въ тѣ года, когда и общество и правительство окружало разведенную императрицу Марію и ея дѣтей отъ Константина VI особеннымъ, такъ сказать, демонстративнымъ уваженіемъ; когда разводъ Константина съ Марією и бракъ его съ Теодотой были официально признаны незаконнымъ, священникъ, его вѣпчавшій, изверженъ изъ клира, а Марія, живя въ монастырѣ, носила императорскія одежды (см. Зонара III, 358). Во вторыхъ, мы знаемъ, что Константинъ VI былъ въ сожительствѣ съ Марією 7 лѣтъ, и развелся въ 795-мъ году; слѣдовательно женился онъ на ней въ 788-мъ г., и Евфросина родилась не раньше 789-го г. Выходитъ, что въ 804 г. ей не могло быть болѣе 15-ти лѣтъ. Итакъ, чтобы удержать вторую версію въ ея позднѣйшей, распространенной формѣ, приходится принять: 1) что Евфросина вышла замужъ 15-ти лѣтъ, 2) что она родилась въ первый же

1) См. Георгій, Βίαι τῶν νέων βασιλέων, стр. 703.

годъ брака Константина VI, 3) что Теофилъ родился въ первый же годъ ея брака съ Михаиломъ, 4) что Теофилъ женился въ первый разъ 15—16-ти лѣтъ, 5) что его любимая дочь родилась въ первый годъ его брака, — или что она вышла замужъ тоже 15—16-ти лѣтъ и умерла не старше 18-ти, 6) что Теофилъ былъ на 18-мъ году жизни правой рукой отца-императора, и вступилъ на престолъ 25-ти лѣтъ, — вопреки указаніямъ источниковъ, что онъ былъ уже немолодъ въ это время. Конечно, всѣ эти предположенія въ отдѣльности не невозможны¹⁾; но разъ приходится допустить шесть такихъ совпаденій подрядъ, то ясно, что версія Симеона завела насъ въ жестокия хронологическія тиски. Но и это еще не все. Если Евфросина вышла замужъ 15-ти лѣтъ, то спрашивается, когда же она успѣла постричься? Правда, трульскій соборъ дозволилъ произносить монашескій обѣтъ съ 10-лѣтняго возраста (правило 40-е); но обычнымъ срокомъ въ восточной церкви, по св. Василию Великому, считалось 16 или 17 лѣтъ (см. Вас. Вел. второе каноническое посланіе, правило 18); первый аскетическій авторитетъ эпохи, преп. Теодоръ Студитъ, слѣдуетъ Василию Великому. На дѣлѣ однако даже люди съ ясно выраженнымъ аскетическимъ призваніемъ очень рѣдко постригались раньше двадцати лѣтъ (преп. Теодоръ постригся двадцати двухъ). А императрица Марія, постриженная насильно и имѣвшая, послѣ сверженія Константина и Ирины, много шансовъ на возвращеніе къ блестящему положенію, конечно, не торопила Евфросину въ монашество.

Все это заставляетъ насъ признать въ версіи Симеона неудачную контаминацію извѣстій, идущихъ отъ Генесія и отъ Георгія Мниха. Выборъ можетъ быть лишь между такими изложеніями дѣла: или (по Генесію и продолженному Теофану) Евфросина, дочь Константина VI и Маріи, постриглась въ срокъ отъ с. 810—820 г., взята замужъ Михаиломъ II въ концѣ 823 г.; Теофилъ — ея пасынокъ; или (по Георгію): Евфросина, супруга Михаила II и мать Теофила; замужемъ съ с. 800 года, происхождение ея неизвѣстно.

Которое изъ двухъ предположеній вѣроятнѣе внутренно и внѣшне? Дочери Константина VI въ 823 г. было около 30 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно и по возрасту и по происхожденію она какъ нельзя болѣе подходила въ невѣсты пожилому вдовому императору. Порогнаться съ домомъ Константина VI было для Михаила тѣмъ желательнѣе, что въ только что подавленное возстаніе ему много хлопотъ надѣлало самозванство стратига Оомы, выдававшего себя за Константина VI. Мнѣніе продолжателя Тео-

1) Константинъ V женился на 14-мъ году; см. Theoph. I, стр. 614 и 631 боннскаго изданія; Niceph. Breviarium ed. de Boog, стр. 55 и 58/9.

фана, будто Михайлъ хотѣлъ устранить отъ престола Теофила въ пользу дѣтей Евфросины, плохо вяжется съ тѣмъ, что онъ вѣнчалъ на царство Теофила, какъ достовѣрно извѣстно изъ современныхъ источниковъ (письмо Теодора Студита къ императорамъ Михайлу и Теофилу, Migne 99, II, 199). Но еслибы у Михайла и была эта мысль — воцареніе Теофила объяснялось-бы просто тѣмъ, что отъ Евфросины у него дѣтей не было вовсе. Къ тому же Генесій и не говорятъ ничего подобнаго, такъ что вся исторія о рукоприкладствахъ, вообще не внушающая довѣрія, можетъ быть и вовсе устранена, какъ домысль позднѣйшаго времени, или слухъ, возведенный въ фактъ легковѣрнымъ писателемъ.хлопоты по устройству (второго) брака имп. Теофила Евфросина могла взять на себя и какъ императрица-мачеха. Что она скорѣе удалилась въ монастырь — въ этомъ согласны всѣ источники. По своей, или противъ своей воли она это сдѣлала — трудно рѣшить. Продолжатель Теофана связываетъ этотъ фактъ съ клятвами сенаторовъ Михайлу; если эти клятвы — вымыселъ, то мотивировка очевидно не годится. Истина скорѣе всего въ томъ, что честолюбивая мачеха удалилась изъ дворца, гдѣ не могла ужиться съ крутымъ и властнымъ пасынкомъ, — удалилась безъ прямого виѣшняго понужденія, но и не по любви къ монашеской жизни. Словомъ рассказъ Генесія не только правдоподобенъ самъ по себѣ, но и вполне совмѣстимъ со всѣми данными Георгія, если только въ текстъ послѣдняго внести всюду поправку: «мачеха» вмѣсто «мать». Даже рассказъ Симеона о сношеніяхъ Евфросины съ дочерьми Теофила можно сохранить. Разъ она учила ихъ иконопочитанію, то сношенія должны были происходить тайкомъ отъ императора, безразлично, сынъ или пасынокъ ея онъ былъ; и императрица Теодора могла поощрять эти сношенія, впервыхъ какъ ревностная иконопочтительница, союзница Евфросины по убѣжденіямъ; вовторыхъ изъ благодарности, такъ какъ своимъ престоломъ она была обязана отчасти ей.

Другой ходъ дѣла, тотъ, который рисуется Георгіемъ Мнихомъ, самъ по себѣ, безспорно, столь же возможенъ. Трудно объяснить только одно: откуда въ такомъ случаѣ взялась у Генесія вся исторія о второмъ бракѣ императора Михайла, исторія настолько популярная, что позднѣйшіе хронисты, слѣдующіе въ главной сути дѣла за Георгіемъ, вносятъ въ свой рассказъ черты изъ этой исторіи? Развѣ такой фактъ, какъ второй, по обстановкѣ своей сенсационный, бракъ императора и вѣнчаніе повои августы, такъ мелокъ, что его можно выдумать, и всѣ повѣрять? Да и къ чему было выдумывать? Скажутъ: но и упустить изъ вида такой фактъ тоже было нельзя писателю-современнику, каковы Георгій и авторъ житія Теодоры. Именно эта-то виѣшняя причина — большая хронологическая близость Георгія къ событіямъ, и совпаденіе его показаній съ данными

тоже древняго житія Теодоры (это житіе было, по В. Э. Регелю, главнымъ источникомъ самого Георгія въ отдѣлѣ о императорѣ Теофилѣ), располагають повѣйшихъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ К. Крумбахера, считать Евфросину матерью Теофила¹⁾. Но если за Георгія и житіе Теодоры говорить близость хронологическая, то за Генесія — близость, такъ сказать, реальная. Первоначальная лѣтопись Георгія была, какъ извѣстно, типичнымъ монастырскимъ произведеніемъ; извѣстія ея по политической и придворной исторіи были весьма немногочисленны, сухи и сбивчивы. Что касается ея источника въ данномъ случаѣ — житія имп. Теодоры, то для назидательной и панегирической цѣли его автора и подавно было все равно, *μήτηρ* или *μητρική Θεοφίλου* будетъ у него названо эпизодическое лицо — Евфросина, когда онъ и относительно своихъ ближайшихъ героевъ допускаетъ нѣсколько довольно грубыхъ ошибокъ (см. W. Regel, *Analecta byzantino-russica*, стр. XL—XLII). Авторъ житія зналъ, что императрицей при Михаилѣ II была Евфросина; зналъ, что послѣ него правилъ сынъ его, Теофилъ; можетъ быть, слыхалъ и молву, что Михаилъ хотѣлъ, чтобы ему наследовалъ сынъ Евфросины — и написалъ, долше не думая и не справляясь: *Εὐφροσύνη, μήτηρ Θεοφίλου*. Разбираться въ семейной исторіи аморейской династїи у него не было охоты, да для него не имѣло и смысла. Напротивъ, Генесій, хотя писалъ гораздо позднѣе (житіе Теодоры писано въ IX вѣкѣ, послѣ смерти героини, то есть послѣ 867 года, а лѣтопись Генесія въ 945—959 годахъ), но зато *располагалъ обильными и достоверными источниками, именно для придворной исторіи, въ своихъ фамильныхъ преданїяхъ*; и политическая и династическая исторія есть вообще *главный* предметъ его разсказа.

Однимъ словомъ, если бы только нашелся источникъ, хронологически столь же авторитетный, какъ житіе Теодоры, но подтверждающій разсказъ Генесія — то вопросъ о Евфросинѣ былъ бы безповоротно рѣшенъ въ пользу генесіевой версіи.

Такой источникъ есть; онъ давно извѣстенъ; авторитетностью онъ далеко превосходитъ житіе Теодоры; и только по невниманію къ нему могъ вообще возникнуть въ наукѣ споръ о монахинѣ-царицѣ Евфросинѣ. Этотъ источникъ — письма преп. Теодора Студита, и прежде всего его письмо къ императрицѣ Марїи, матери Евфросины, Миге II, 181. Вотъ полный его текстъ въ возможно точномъ переводѣ:

Къ императрицѣ Марїи.

Кто и что такое мы, ничтожные, что твое высокочтимое владычество удостоило оправдываться передъ нами за происшедшія прискорбныя собы-

1) См. К. Krumbacher, *Gesch. der byz. Litt.* изд. 2, стр. 715.

тія и сверхъ мѣры превознесло насъ похвалами? Что мы всетаки приняли готовность твоего благочестія снизойти (до насъ), покажетъ самая истина вещей; тѣмъ болѣе, что такъ и необходимо было, чтобы ты освободила народъ (τοὺς πολλούς) отъ ложнаго предположенія, какое обыкновенно является въ подобныхъ случаяхъ, что и неудивительно. Текущая молва распространяется въ народной массѣ, хотя нѣтъ вовсе правды въ томъ, что каждый говорить. Намъ же что сказать, какъ попытаться излечить страданіе твоего многоболѣзненнаго сердца? какъ сможемъ нѣжнѣе прикоснуться и исцѣлить твою израненную душу? Ты перенесла уже, чтобы начать сначала, незаконное разлученіе отъ супруга, и была оторвана вмѣстѣ съ тѣмъ отъ державства — дѣло, потрясшее міръ! О, жалостное зрѣлище! прелюбодѣйца носить пурпуръ, царица — черныя одежды; раба господствуетъ, госпожа повинуется. И, чтобы миновать все прочее — вѣдь ты, терпѣвшая, лучше это знаешь, чѣмъ мы, невѣдающіе — ты перенесла изгнаніе за истину, причѣмъ была отрѣзана отъ собственнаго нѣдра (т. е. отъ родныхъ дѣтей). И отсюда и скорбь великая, и похвала тебѣ большая отъ Бога и всѣхъ благочестивыхъ (православныхъ). Третій ударъ — нынѣшній; по поводу его-то ты велишь намъ дать совѣтъ, что дѣлать. Другіе конечно скажутъ, что мать должна пойти вслѣдъ за дочерью. Такъ-де дѣлаютъ и животныя, по естественному влеченію. Пусть такъ иной посмотреть; мы же, ипчтожныя, (скажемъ) слова Господа: *Кто есть мать моя? и кто братья мои?* И паки: *Если кто приходитъ ко мнѣ и не возненавидитъ дочери своей, тотъ недостоинъ меня.* Что слѣдуетъ отсюда? что твое благочестіе должно оставаться на прежнемъ мѣстѣ (σῆμα), а августа — обитать во дворцѣ; тутъ явился мечъ, приносящій раздѣленіе, о которомъ говоритъ евангеліе. Это, прости, госпожа, съ великимъ тщаніемъ и тревогой сердечной дерзнули мы написать, какъ бы на ухо бесѣдуя, и молимъ (у Бога) обѣимъ всего лучшаго и ведущаго ко спасенію и нынѣ и впредь».

Письмо это писано несомнѣнно при Михаилѣ II-мъ, такъ какъ въ числѣ «ударовъ судьбы», постигшихъ Марію, тутъ упоминается не только о ея разводѣ и постриженіи, но и о ея «заточеніи за истину», т. е. за иконопочитаніе, постигшемъ ее при Львѣ V и кончившемся лишь съ воцареніемъ Михаила II-го. Итакъ изъ письма непосредственно слѣдуетъ, что дочь Маріи была августой при Михаилѣ II, была замужемъ за этимъ императоромъ. Этимъ вопросъ собственно уже рѣшенъ, такъ какъ выше мы доказали, что если Евфросина, жена Михаила, была дочь Маріи армянки, то она не могла быть матерью Оеодила. Ситуацію письма возстановить не трудно. Оеодоръ Студитъ получалъ отъ Маріи письмо, въ которомъ она слагала съ себя вину за «происшедшія печальныя событія», въ виду того,

что на этотъ счетъ уже успѣла распространяться ложная молва, и спрашивала у Θεодора совѣта, какъ ей быть? Должна ли она слѣдовать за дочерью-августой изъ монастыря во дворець? Очевидно, «прискорбныя» (съ враждебной мірскому величію точки зрѣнія Θεодора, на которую ex officio, какъ монахиня, должна была встать и Марія), «событія» суть переходъ дочери Маріи изъ монастыря во дворець, и приглашеніе отъ нея къ матери послѣдовать ся примѣру; «ложная молва» состояла, конечно, въ томъ, что де Марія не только не горюетъ о такой перемѣнѣ въ судьбѣ ея дочери, но можетъ быть сама хлопотала о ней. Таково единственно-естественное объясненіе письма, какъ видитъ читатель, подтверждающее версію Генесія. Правда, въ письмѣ прямо о недавнемъ бракѣ Евфросины не говорится, а говорится лишь о томъ, что она стала августой и разлучилась съ матерью. Можно значить съ натяжкой предположить, что де уже раньше она была замужемъ, и стала теперь только августой просто потому, что теперь только мужъ ея сталъ императоромъ. Но это объясненіе, натянутое само по себѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается вовсе несостоятельнымъ. Предполагаемые преп. Оеодоромъ дурные совѣтники ссылаются на то, что мать должна слѣдовать за дочерью; самъ Оеодоръ говоритъ, что теперь на Маріи долженъ явиться евангельскій мечъ, раздѣляющій мать и дочь. Значить раньше онѣ были вмѣстѣ, принадлежали къ одному классу людей; а жена начальника экскубиторовъ не ближе къ матери-монахинѣ, чѣмъ жена императора.

Далѣе, если дочь Маріи не была монахиней до того, какъ стала августой, то что же прискорбнаго и компрометирующаго для Маріи могло быть въ восшествіи ея дочери на престолъ? Надо бы только радоваться. Итакъ отъ чего же отрывается Марія? Отъ участія въ заговорѣ, возведшемъ Михайла и ея дочь на престолъ? Но рядъ ликующихъ писемъ Θεодора по поводу гибели Льва V явно говоритъ, что такое участіе, съ его точки зрѣнія, могло идти Маріи только въ похвалу. Замужество ея дочери съ еретикомъ-иконоборцемъ? Но, хотя трульскій соборъ 72-мъ правиломъ призналъ такіе браки недѣйствительными, передовые борцы за православіе никогда не ставили православнымъ женщинамъ въ вину замужество съ иконоборцами, а скорѣе радовались такимъ бракамъ, надѣясь (совершенно какъ христіане трехъ первыхъ вѣковъ радовались бракамъ христіанокъ съ язычниками), что онѣ будутъ вліять на мужей въ пользу православія. Такъ относится Оеофанъ Исповѣдникъ, Платонъ саккудіонскій и тотъ-же преп. Оеодоръ къ браку Ирины и Льва Хазара (несмотря даже на иконоборческіе обѣты, взятые съ Ирины передъ вѣчаніемъ)¹⁾; также относится авторъ житія

1) Можно указать еще, наиримѣрь, на отзывъ Оеофана о Иринѣ, супругѣ Константина V, Theoph. I, стр. 631.

имп. Теодоры къ ея замужеству съ иконоборцемъ-Теофиломъ (см. также многочисленныя письма Теодора къ разнымъ православнымъ женамъ иконоборцевъ). Если бы Марія и ошибалась здѣсь на счетъ мыслей Теодора и сочла нужнымъ оправдываться, то его-то отвѣтъ былъ бы совсѣмъ не тотъ, какой мы теперь читаемъ.

Итакъ версія Георгія Мниха и житія Теодоры несомнѣнно ошибочна: Евфросина была не мать, а мачеха Теофила; она была дочь Маріи армянки, и вышла за Михаила II лишь около 823 г., во всякомъ случаѣ уже по воцареніи его. Приведенное письмо Теодора Студита писано прямо по поводу этого брака, по свѣжимъ слѣдамъ его.

Имени Евфросины въ нашемъ письмѣ случайно нѣтъ; но оно дается единогласно всѣми другими источниками. Весьма близкое отношеніе къ Маріи и ея семьѣ имѣютъ еще письма Теодора къ «Иринѣ патрикіи», «Иринѣ игуменьѣ», «Иринѣ и Евфросинѣ монахинямъ» и «Евфросинѣ игуменьѣ». (Migne I, 55; II, 68, 192, 203, 104, 113, 115, 118, 196 и др.—цитруемъ тѣ, изъ которыхъ взяты нижеприведенныя данныя). Эта Ирина — несомнѣнно сестра Маріи армянки; а эта Евфросина — почти навѣрно дочь Маріи, позднѣйшая императрица. Въ этомъ насъ убѣждаютъ данныя самихъ писемъ, сличенныя съ данными житія св. Филарета Милостиваго, дѣда Маріи и Ирины.

Біографія Ирины патрикіи по письмамъ Теодора рисуется такъ: она родомъ изъ Арменіи, царской крови (какъ и Марія), была женой стратига и димагога; первую стратигію и вмѣстѣ санъ патрикія мужъ ея получилъ въ Арменіи, потомъ перешелъ въ Грецію. Единственный ребенокъ Ирины была дочь, дѣвушка, которая около 810 г. была тяжело больна; эта дочь не была замужемъ, а основала монастырь «Львы», была тамъ настоятельницей и умерла задолго до матери, которая хотѣла обратить этотъ монастырь въ мужской, но преп. Теодоръ совѣтовалъ ей оставить его въ прежнемъ положеніи. Гоненіе на иконы имп. Льва V застало Ирину уже вдовою. Въ это гоненіе она сперва было пала, но потомъ возстала за православіе; была бичевана, оторвана отъ единственной дочери, столицы, друзей и блестящаго положенія и заточена куда то далеко на островъ. Она всегда отличалась любовью къ иноческому чину и благотворительностью. Когда то въ періодъ 815—820 г., по смерти дочери, она сама стала монахиней и игуменьей, и тутъ къ пей присоединилась ея родственница — Евфросина. Будучи игуменьей, она искусно сумѣла оберечь Евфросину и всѣхъ сестеръ отъ всякаго общенія съ еретиками. Около 821 г. Ирина умерла и Евфросина замѣстила ее въ санѣ игуменьи. Около 823 г. эта Евфросина извѣстила Теодора Студита письмомъ, что одна изъ сестеръ хочетъ оставить монастырь, и спрашивала, какъ ей быть въ этомъ случаѣ?

Марія императрица выводила свой родъ отъ армянскихъ царей; по житію Филарета Милостиваго у нея была сестра, почти въ одно время съ нею вышедшая замужъ за патрикія Константинакія. Такимъ образомъ тождество получается полное. Г. Хрусановъ Лопаревъ (изъ его статьи «Описаніе нѣкоторыхъ греческихъ житій святыхъ», помещенной въ Визант. Врем., т. IV, стр. 337—401, заимствованы наши свѣдѣнія о житіи св. Филарета), кажется просто по опискѣ, называетъ (въ примѣчаніи къ стр. 350—351), Ирину, жену патрикія Арменіи и Греціи, сестрой Евфросины, а не Маріи: судя по его контексту, онъ беретъ свои данныя у Θ. Студита; а по послѣднему эта Ирина дочерью Маріи никакъ не можетъ быть, такъ какъ у нея самой уже въ 810-мъ году была дочь-дѣвушка. Что касается Евфросины писемъ Θεодора, то есть одно препятствіе видѣть въ ней дочь Маріи, августу письма II, 181. Въ письмѣ II, 113 она названа *νύμφη ἐν σαρχί* — сноха по плоти — Ирины, тогда какъ слѣдовало бы ожидать *ἀνεψία* — племянница. Евфросина — имя настолько обыкновенное, что предположить у Ирины, кромѣ племянницы, еще сноху Евфросину было бы весьма естественно; но трудность тутъ въ томъ, что по письму II, 68 у Ирины не было другихъ дѣтей, кромѣ одной дочери, умершей въ дѣвушкахъ; откуда же могла взяться сноха?.. Если Евфросина писемъ тождественна съ дочерью Маріи, то письмо II, 196 получаетъ особое освѣщеніе: думается, не разумѣла ли здѣсь Евфросина подъ «сестрой, хотящей оставить монастырь» саму себя? не зондировала-ли она, такъ сказать, почву, какъ отнесется преп. Θεодоръ къ ея выходу замужъ за императора?

Такимъ образомъ наше примѣчаніе неточно: одно письмо, упоминающее о предосудительномъ бракѣ императора Михаила II, существуетъ. Однако, несмотря на эту неточность, примѣчаніе сохраняетъ свою силу: хотя преп. Θεодоръ рѣшился, какъ видно, извинить этотъ бракъ Евфросинѣ, признавъ его за вынужденный; но тѣмъ не менѣе ясно, что онъ видѣлъ въ немъ «ударъ», «прискорбное событіе», и ему не было никакихъ причинъ извинять его и насильнику-императору, и молчать о немъ *«σὶχνοσικῶς»* — особенно когда его надежды на благопріятный поворотъ въ церковной политикѣ новаго правительства окончательно рушились. Итакъ весьма вѣроятно, что были и другія письма, обличавшія бракъ Михаила; но они не вошли въ антологию, и потому не сохранились.

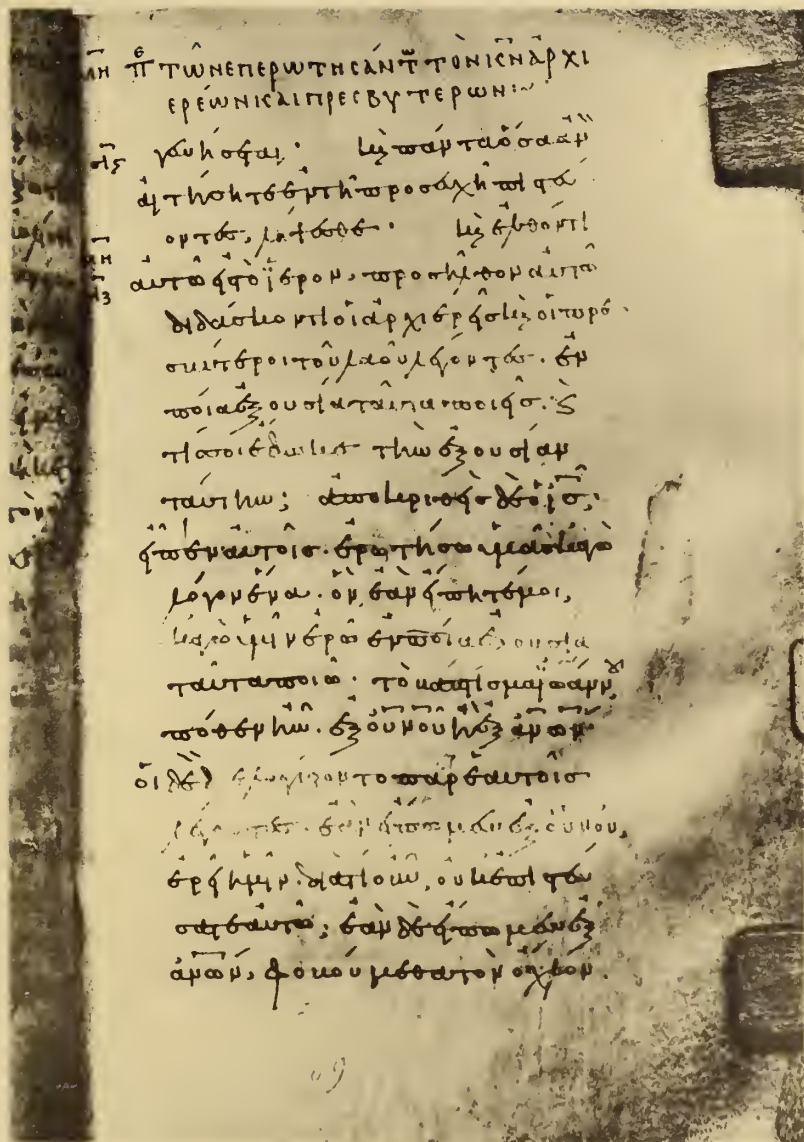
ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
15	16 сверху	3	4
»	19 »	трехлѣтію	четырехлѣтію.
»	1 снизу въ прим. 2.	(Paris.)	(Paris.),
18	3 снизу	, стр. 1—236	, отдѣлъ I, стр. 1—236.
20	1 снизу, прим. 1.	«бомбицинъ»	«бомбицинъ» (или «бомби- цина» = charta bomb.)
27	1 сверху	Sirmond. Migne	Sirmond-Migne
»	27/28 сверху	207, 211	207—211
28	5 сверху	38, 41	38—41
»	9 »	216, 219	216—219
29	9 снизу	Paris. 894	Paris. 894.
31	1 сверху	представляетъ	представляютъ.

Ссылки на Acta Sanctorum стр. 43 слѣдуетъ дополнить: строка 7 сверху: «въ IV (Februarii I) томѣ»; строка 6 снизу: A. SS. X (Aprilis I) стр. XXVII.

ο αμαδζητημ. θελασμηκου κραματος. γρα
 τηγλα και δημοφια. και θραμφια λιζβ γρα
 ματρου μοζυ γουλα. διαζ λιζ τησωρω τηωφρα
 τηγλα αζβ ρβ ρταισα. ω αυβ ριζ τηωφ ριμο
 τη τα ο αφ ρ. ου, δια ο ρ ρ α ζ σα δια θα ρ α του, ου
 λιη ρ μ ο ρ α ζ υ ζ μ β ρ η μ. α λ λ α ζ μ η η η ρ α. τη γ α
 α ρ α. ου το ρ δ και το ρ δ α ρ χ ο ρ τ α η ν α σ η λ α
 σ ο η τ ω ρ ο λ λ ω ρ β ρ ο τ ο σ α ρ λ ι ζ α ι μ α τ ι π ο ρ ο
 κ ε ρ μ ρ α ρ. α λ λ α τ ο ρ μ ο ρ ο ρ α ι ο ρ μ υ μ φ ο ρ.
 το ρ α ρ χ ο ρ ι α τ η ο ρ η ρ η ο. δι ο λ ι ζ ρ η ρ ο ρ μ ο ρ
 η ρ υ μ η. το ρ τ ο ρ ο λ ο ρ μ α σ η λ α χ η ρ ο ρ η ρ η ο
 δ ο ζ η ο. και του το ρ δι α τ ο ρ μ ο ρ α δ ι κ ο υ δ α ρ ρ ο
 μ α τ ο σ η ρ η ρ ο σ α μ α ν η. ε φ ω ο τ ω σ η ρ ι ρ ο ν
 σ α ι ω α ρ ο σ α ι τ ο υ β ρ α ρ ο υ. π ο ρ ο δ ε δ η λ ω
 κ ε κ ω ο ρ ο σ ο σ β ρ ο λ ι γ ρ α φ ι α. τ α υ τ η ο, η
 α ρ ρ α μ ο ρ ο σ α π ρ ο σ β η η. η κ α τ α ρ υ ζ ι ο. η τ ο ρ δ α
 κ ε ρ μ ρ ο ρ ο. η α λ α τ α λ α ο ρ η ο τ τ α. η
 α ι α ρ ρ η ο τ α ρ ο σ β ζ ι ο. η χ ρ ι σ τ ο μ η τ ο ο. τ α ι σ ρ
 ρ ο φ ρ ο σ α η. η φ ι ρ ο τ ο ρ ο σ β ζ ι α. η ρ ο ρ η
 ρ ρ ο σ δ ι α ρ ο ι α. η κ α ο μ α ν η τ ο ρ ο σ ο υ α τ η ο ρ η
 π ο ρ ι κ α ρ δ ι α. λι ζ β ρ ο λ ι ζ ρ ο δ ο ζ ο σ α ρ ρ α
 και το ω β ρ υ λ α μ ο ρ. η ο α ρ ρ η η ο λ ο ι μ ο ρ ι
 α ο ρ η α ρ ν α ο ρ ο λ ο τ α ρ ρ η ο τ α ο. λι ζ θ α υ μ α
 ω ο β ρ ι τ ω π α ρ ι π ο ρ ο σ α ρ τ ι δ ι ω ρ η ο υ μ ο
 ρ ο ρ β α λ η η η. α λ λ α και ο β λ η ρ ι α λ ι ζ ο ρ η ο σ ο υ
 τη ω φ ρ α ρ ο ρ ο δ ι α ρ α μ ο σ β ε λ η ο ρ ο σ ω τ ω τ α ι

Coisl. 269, листъ 368^b. Образчик почерка первой руки (монаха Аθανасія?).



Ркн. Имп. Публ. Библ. 219 (Четвероевангелие, 835 г.). Образчик почерка монаха Николая (Исповедника?).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 6.

Volume IV. № 6.

SAHIDISCHE BRUCHSTÜCKE

DER LEGENDE VON

CYPRIAN VON ANTIOCHIEN

VON

Dr. Oscar von Lemm,

Conservator am Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.

(Vorgelegt der Akademie am 10. Februar 1899.)



C. - ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST. - PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггера и Номп. и Н. Л. Ринкера
въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Ключина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Киевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & C^{ie}. et C. Ricker
à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Var-
sovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 1 р. — Prix: 2 Mk. 50 Pf.

HERRN PROFESSOR

IGNAZIO GUIDI

GEWIDMET

VOM VERFASSER.

Die Legende von Cyprian von Antiochien, dem «Faust des kirchlichen Alterthums»¹⁾, gehört ohne Zweifel zu den interessantesten Legenden des frühen christlichen Mittelalters und ist wohl mit Recht als «die grossartigste Schöpfung der alten Legendenlitteratur überhaupt»²⁾ bezeichnet worden. Wie anziehend der Stoff dieser Legende und welch' einen besondern Reiz er auf die Gemüther auszuüben im Stande ist, beweist schon der Umstand, dass dieselbe von den ältesten Zeiten an, schon bald nach ihrer Entstehung und bis in die neueste Zeit hinein mehrfach poetisch bearbeitet worden ist. Die älteste derartige Bearbeitung unserer Legende ist die der Eudocia³⁾, der Tochter des griechischen Philosophen Leontius. Als Heidin führte sie den Namen Athenaïs, nahm später das Christenthum und mit demselben den Namen Eudocia an und wurde als solche die Gemahlin des Kaisers Theodosius II (408—450)⁴⁾.

Die poetische Bearbeitung der Eudocia⁵⁾ ist für uns wichtig, weil sie «einen sicheren Ausgangspunkt für die literargeschichtliche Untersuchung

1) Theod. Zahn, Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage. Erlangen, 1882, pag. 133.

2) Albrecht Wirth, Danaë in christlichen Legenden. Wien, 1892, pag. 63.

3) Zuerst herausgegeben von Bandini in «Graecae ecclesiae vetera monumenta ex bibliotheca Medicea». I. Florentiae, 1761, pagg. 130—188, mit einer lateinischen Übersetzung, — wiederabgedruckt bei Migne, Patrol. Graeca 85, p. 827—864, zuletzt — von Ludwig Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum Graecorum reliquiae. Lipsiae, 1897, pagg. 24—79. — Ders., Zu den Fragmenten der Kaiserin Eudokia. (Berl. Philol. Wochenschrift. XIII. 1893, 770—772).

4) Ferd. Gregorovius, Athenaïs. Geschichte einer byzantinischen Kaiserin. 2. Aufl. Leipzig, 1882. Hier findet sich auf pagg. 267—284 eine freie Übersetzung vom II. Buche der Dichtung. — G. Aldenpenning, Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885, pagg. 244—249, 253 ff., 318—326 und 423. — Ludwig, Eudokia, die Gattin des Kaisers Theodosius II, als Dichterin. (Rhein. Museum f. Philol. N. F. 37, 1882, pagg. 206—225).

5) Leider ist dieselbe nicht vollständig erhalten: nur 322 Hexameter, «dem Inhalt nach zu urtheilen, etwa die letzten drei Viertel des ersten Buches, und die 479 ersten Verse des zweiten Buches». Doch besitzen wir den Bericht des Photius, unter cod. 183 und 184 (ed. Bekker, p. 128/129) über den Inhalt der drei Bücher, und das Vorhandene zusammen mit dem Berichte des Photius «genügen vollkommen, um zu erkennen, dass wir die prosaischen Vorlagen der Eudocia noch heute besitzen». S. Zahn, l. l. pagg. 16 u. 17, und Ludwig in der Einleitung zu seiner Edition der Eudocia pag. 16 ff.

der Cyprianslegende bietet⁶⁾, indem sie sich aufs engste dem Prosatext der Legende anschliesst: der Prosatext ist nur in Hexameter umgesetzt, die nur «die Paraphrase fremder Gedanken»⁷⁾. Selbständig dagegen hat die Legende verwerthet Calderon in seinem Drama «Il magico prodigioso» — «Der wunderthätige Magus»⁸⁾. In neuester Zeit hat Ernst Wildenbruch die Legende seiner Prosadichtung «Der Zauberer Cyprianus. Eine Legende»⁹⁾ zu Grunde gelegt. Fürs Volk erzählt findet sich die Legende in der kleinen Schrift: Vita di Santa Giustina vergine e martire e di San Cipriano vescovo e martire. Monza, 1887. (Collana di vite di santi, 1887. — Anno XXXVII. Dispensa 219). [Mit einem Titelbilde: Justina mit einem Kreuz und einer Palme in der Hand; zu ihren Füßen liegt ein Schwert]¹⁰⁾.

Die Legende zerfällt in drei Bücher, von denen das erste die eigentliche Legende enthält. Der Inhalt desselben ist folgender: Ein vornehmer Jüngling, Namens Aglaïdas, verliebt sich in eine heilige Jungfrau Justina und macht ihr zu wiederholten Malen Heirathsanträge. Wie sie ihn aber nicht erhören will, wendet er sich an den Zauberer Cyprianus, um durch teuflische Künste ihre Liebe zu gewinnen. Doch vermag auch dieser grosse Zauberer nichts auszurichten und wie letzterer nun sieht, dass die dämonischen Mächte gegen die Macht des Kreuzeszeichens nicht aufkommen können, schwört er dem Teufel ab und wird Christ¹¹⁾. Das zweite Buch enthält die Busse des Cyprianus, wo er berichtet, wie er alle Teufelskünste erlernt habe und in die Tiefen des Wissens eingedrungen sei und welche Schandthaten er verübt habe. Er thut nun Busse und verbrennt alle seine Schriften. Das dritte Buch enthält die Geschichte von Cyprians und Justinas Märtyrertod¹²⁾.

Den ethischen Gehalt der Legende charakterisiert Wirth¹³⁾ mit folgenden Worten: «Indem Justina dem Versucher obsiegt und den Geliebten, der

6) Zahn, l. l. pag. 15.

7) Ludwig in Berl. Philol. Wochenschrift XIII, 770.

8) Vergl. dazu Zahn, l. l. pag. 1—9 und 122—127. Am besten übersetzt von I. D. Gries, Schauspiele von Calderon übers. Bd. 2. Berlin, 1816, S. 227 ff. Neuerdings abgedruckt in «Meyers Volksbüchern», № 923, 924. Leipzig und Wien.

9) Berlin, 1896.

10) Andere Darstellungen von Cyprian und Justina s. bei Wessely, Iconographie Gottes und der Heiligen. Leipzig, 1874, pag. 138 und 256. «Die Scene der Incantation, seine Busse und beider Marterthum ist dargestellt in einem griech. Manuscript der Pariser Bibliothek vom J. 867» (l. l. pag. 138). — Detzel, Christliche Iconographie. II. Die bildlichen Darstellungen der Heiligen. Freiburg i. Br. 1896, pag. 282 u. 469.

11) Der griechische Text des 1. Buches der Legende ist zum ersten Male herausgegeben von Zahn, l. l. pag. 136—153. Das 2. und 3. Buch s. Acta Sanctorum. September. T. XII (XLVII). Paris, 1867, pagg. 204—228.

12) Die ganze Legende findet sich meisterhaft übersetzt bei Zahn, l. l. pagg. 21—72.

13) Wirth, l. l. pag. 63.

in unbändigem Drange nach Erkenntnis und Genuss den finsternen Mächten verfallen war, vom Banne des Bösen erlöst und ihn läutert und zu ihrer Reinheit emporzieht, ist sie die wahre Verkörperung des ewig Weiblichen, und mit vollstem Rechte hat daher Zahn behauptet, dass der Zypriansroman edler gedacht sei als Goethes «Faust».

Wie Zahn¹⁴⁾ bewiesen hat, können Buch I und II nicht von demselben Verfasser herrühren, da der Inhalt von Buch II vieles voraussetzt, was sich in Buch I nicht findet. Buch I und III zeigen dagegen einen innigen Zusammenhang und rühren von einem Verfasser her. Zahn kommt zu dem Schlusse, dass von Buch I eine ältere Form existiert haben müsse, die von Buch II in der uns vorliegenden Gestalt vorausgesetzt wird, die durch die neuere Form von Buch I verdrängt worden und dann verloren gegangen ist. Auch rein äussere Umstände bestätigen diese Annahme, da die syrische Übersetzung¹⁵⁾ nur Buch I und III umfasst und Symeon Metaphrastes und die Menologien nur diese beiden Bücher verarbeiteten; auch der Umstand ist wichtig, dass noch in keiner griechischen Handschrift B. II mit B. I und III verbunden gefunden worden sind¹⁶⁾. Buch I und III in der uns vorliegenden Fassung sind gegen Ende des vierten Jahrhunderts, Buch II und die in demselben vorausgesetzte ursprüngliche Gestalt von Buch I um 360—370 entstanden¹⁷⁾.

Über die Entstehung und weitere Geschichte unserer Legende, so wie ihren Einfluss auf andere Legenden und litterarische Erzeugnisse und ihre Beziehungen zu denselben, ferner über die Verwechslung unseres Cyprians von Antiochien mit dem grossen Cyprian von Karthago, verweise ich den Leser auf Zahn's Schrift, wo alle diese Fragen in erschöpfender Weise behandelt sind.

Die im Folgenden veröffentlichten Bruchstücke des koptischen (sahidischen) Textes der Cyprianslegende befinden sich in der Bibliothèque Nationale zu Paris und bilden foll. 1—16 des Cod. Copt. 129¹⁵⁾. (Martyrs I.). Diese Blätter gehören zwei ganz verschiedenen Handschriften an¹⁸⁾: fol. 1—10 aus A, fol. 11—16 aus B. In A hat sich die Paginierung nur theil-

14) L. I. pag. 73—85.

15) Cf. Wright, Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum. № 944, 1 [Addit. 12,142], fol. 74—86; am Anfang defect. VI. Jahrh.; № 951, 2 [Add. 14,629], fol. 30a.—31; № 970 [Add. 14,738], fol. 106, 107; № 960, 19 [Add. 12,174], foll. 175 a.—119 a., und Zahn, l. I. pag. 19, Anm. 2. — Ausserdem findet sich noch die syrische Übersetzung im Cod. Sachau № 222 der Königl. Bibliothek zu Berlin; nach letzterer ist der Text herausgegeben bei Bedjan, Acta martyrum et sanctorum. III. Paris, 1892, pagg. 322—344.

16) Zahn, l. I. pag. 79.

17) Zahn, l. I. pag. 105 und 106.

18) Der Kürze wegen bezeichne ich die beiden Handschriften mit A und B.

weise erhalten: die ersten sechs Blätter tragen die Zahlen $\overline{\tau}$ — $\overline{\iota\alpha}$, auf den zwei folgenden Blättern ist nichts mehr davon zu entziffern, auf dem 9. und 10. Blatte hat sich wenigstens die Bezeichnung der Quaternionen erhalten: auf dem Verso des einen Blattes steht $\overline{\epsilon}$, auf dem Recto des andern — $\overline{\xi}$; ausserdem ist auf dem Verso des 10. Blattes noch $\overline{\eta}$ (80) erhalten und da folglich der 6 ($\overline{\xi}$) Quaternion mit pag. $\overline{\sigma\sigma}$ (79) beginnen musste, muss das erste Blatt im ersten Quaternion unbeschrieben gewesen sein. Danach zu schliessen muss diese Handschrift wenigstens aus sechs Quaternionen (= 48 foll. = 96 Seiten) bestanden haben. — Grösse der Handschrift: 33×25 cm. Die Schrift nähert sich bedeutend der Schrift von Zoëga's Cl. VI. № XXIV. Der Text umfasst grössere Bruchstücke von Buch II und III. Ob Buch I überhaupt ins Koptische übersetzt worden ist, wird schwer zu entscheiden sein; jedenfalls hat letzteres in dieser Handschrift nicht gestanden, da sie mit pag. $\overline{\tau}$ (3) beginnt und die beiden fehlenden Seiten nur den Anfang von Buch II enthalten haben können. Der Text ist vielfach schlecht überliefert, wimmelt von Schreibfehlern und enthält auch mehrere Auslassungen. — In B ist die Paginierung ganz erhalten ($\overline{\text{co}\alpha}$ — $\overline{\text{c}\eta\beta}$, 271—282). Grösse der Handschrift: 34×27 cm. Die Schrift ist der Cl. II. № VIII bei Zoëga ähnlich. Der Text umfasst einen grösseren Abschnitt aus Buch II und gehört seinem Inhalte nach zwischen fol. 8. und 9. von A. Diese Handschrift ist ohne Zweifel sehr alt; leider hat sie, wie es scheint, durch Feuchtigkeit sehr gelitten: an vielen Stellen ist die Schrift derartig verwischt, dass Manches sehr schwer, Einiges gar nicht mehr zu entziffern war. Der Text ist aber trotzdem von grossem Werthe, da er an vielen Stellen bessere Lesungen, an manchen Stellen ganz andere Lesungen, als der überlieferte griechische Text bietet. Jedenfalls muss unserem Texte, sowohl der einen wie der anderen Handschrift, eine andere Vorlage zu Grunde liegen, da an vielen Stellen beide Handschriften ganz andere Bilder aufweisen, als der überlieferte griechische Text.

Ich gebe den Text genau so, wie ihn die Handschriften darbieten und etwaige Textconjecturen gebe ich in den Erläuterungen. Aus practischen Gründen habe ich den griechischen Text der betreffenden Abschnitte unter dem koptischen Texte mit abdrucken lassen; einige Verbesserungen habe ich aus Zahn's Schrift aufgenommen. Dem Texte lasse ich die Übersetzung und die Erläuterungen folgen.

Ausser unserem Texte scheint noch ein Blatt des Cod. Borgian. CCXCIV. (Zoëga 635) ein Stück der Cyprianslegende zu enthalten. « $\overline{\eta\theta}$ · $\overline{\xi}$ · fragmen est epistolae ad Cyprianum aliquem, quem ad poenitentiam hortatur auctor». Sonst ist mir an koptischen Quellen unserer Legende weiter nichts bekannt. Nur auf das arabische «Synaxarium der koptischen Chri-

sten»¹⁹⁾ mag noch hingewiesen werden, das unter dem 21. Thot von unserem Cyprian berichtet²⁰⁾. Doch ist hier, wie schon im 5. Jahrhundert durch Gregor von Nazianz, Cyprian von Antiochien mit Cyprian von Karthago zu einer Person verschmolzen.

Zu den litterarischen Nachweisen über die spätere Entwicklung der Legende bei Zahn²¹⁾ wäre noch nachzutragen, dass «Gebete Cyprians» sich im Aethiopischen erhalten haben.

Brit. Mus. Add. 16,245²²⁾. «Preces magicae» 7. Preces ob solutionem incantationis. fol. 95/96. Tit. ጸሎት : በአንተ : ጭፋትሐ : ሠራይ : ዘተድሐ : አዎ : ፲፱፬ ፀጭጸከፋት : ዘፀጸአት : አጭሊሳሌጭ : ዘጭፀጭ : ለጭሳርዖን : ወኛጉብዖን : ወደጋጭዖን : አረጋ : ወ'ዳርሱገዖን : ዘረከሐ : ቆጆርዖን :: «Preces de solvenda incantatione, ex 81 scriptis (sc. biblicis) haustae, Hierosolymis emissae, quibus devincuntur incantatores, aurifices et repetitores, ethnici et Christiani, a Cypriano compositae». — Brit. Mus. Add. 16,247²³⁾ «Circulus regum». ሐፀድ : ንገሠት :: 3. Preces S. Cypriani, fol. 62—64. Tit. ጸሎት : ዘቆይስ : ቆጆርዖን :: finis deest. — Bibl. Nationale zu Paris (Éth. 75. Saint-Germain 521. Séguier²⁴⁾ «Prière de S. Cyprien par la vertu de laquelle on chasse les démons, le mauvais œil, les mauvaises pensées, les ensorcellements et les mauvais rêves. በስጭ : . . . ሣገ : ጸሎት : ዘቆይስ : ቆጆርዖን : ወሣገ : ጸሎት : ጸኅዕ : ለንገሠት : ወስደት : ለሰይጣን : ወሚድን : አ'ቡይ : ወረኃይ : አ'ቡይ : ወጭፋትሐ : አሠራን : (ሠራይ?) ወስደት : አከላጭ : አ'ቡዖን :: Commencement: ከሶሐት : ለአንዚአብሔር : በሰጣዖት : ወበጭዖ[C] :: (répété trois fois) ወበሀለተ : ሰንበት : አንተ : ቀደሳ : ወበረገባ : አንዚአብሔር : ወሣገ : ሰሀረ : 'ቡሎ : ጭገሳረ : አ'ቡይ :: ወአን : ቆጆርዖን : ጉብረ : ለአዖሱስ : 'ዳርሱስ : አኅሳብ : ጭሰሆት : ወከሊኅዖ : ኅብ : አንዚአብሔር :

Die Cyprianslegende scheint im Aethiopischen nicht erhalten zu sein, wenigstens lassen die kurzen Berichte über Cyprian und Justina, die sich

19) Übersetzt von Wüstenfeld, pag. 37 ff., s. unten pag. 72 ff.

20) Ausserdem ist das Gedächtniss dieser beiden Heiligen am 7 Paophi, wozu man vergl. das aethiopische Synaxar unterm 21. Maskaram und 7. Tēkēmt s. Zotenberg, Catalogue des manuscrits éthiopiens de la Bibliothèque Nationale pag. 157. Die griech. und die russ. Kirche feiern diese Heiligen am 2. October, vergl. Полный мѣсяцесловъ Востока Архимандрита Сергія. II: Святой Востокъ. Москва, 1876, pag. 315 (= Archimandrit Sergius, Vollständiger Kalender des Orients. II. Der heilige Orient. Moskau, 1876, pag. 315); das Martyrologium Romanum erwähnt sie am 26. September (s. AA. SS.), s. Nilles, Kalendarium manuale utriusque ecclesiae. Ed. II. a. I, 294 u. II, 708.

21) L. I. pag. 127.

22) Dillmann, Catalogus codd. mss. orientalium qui in Museo Britannico asservantur. P. III. London, 1847. № LXXVIII.

23) L. I. № LXXXII.

24) Zotenberg, l. I. pag. 60/61, № 57, 4, fol. 45. Das ganze Gebet ist übersetzt von Basset, Les Apocryphes éthiopiens traduits en français. VI. Les prières de S. Cyprien et de Théophile. Paris, 1896, pag. 6—24.

auf kaum 2 Seiten erstrecken, vermuthen, dass sie nicht mehr bieten, als der kurze Bericht des arabischen und äthiopischen Synaxars²⁵). Das Martyrium enthält ein Pariser Codex²⁶).

Unter den arabischen Handschriften habe ich nur bei Slane ein Gebet des h. Cyprian finden können. № 309,14: «Prière de S. Cyprien (قبريانوس), qui, d'abord magicien, se convertit à la religion de Jésus le Messie, devint évêque de Carthage (قرطاجنة), et subit la mort du martyr par le glaive. Cette pièce, traduite du grec en arabe, est une bonne amulette pour chasser les démons et neutraliser le mauvais oeil»²⁷).

Ausser der koptischen und syrischen Version existiert noch eine alt-russische Version der Cyprianslegende. Dieselbe findet sich in der unter dem Namen «Die grossen Četji-Mineï» (Великія четъи миней) bekannten Menäensammlung des Metropolitens Makarius²⁸), im II. Bande zum 2. Octo-

25) Wright, Cat. of the Ethiopic Mss. in the British Museum acquired since the year 1847. London, 1877. — CCLIII, № 8. Φῶς, Ρῶς, ἦ, ἦ, Φῶς, Ρῶς, ἦ, ἦ: fol 45 a. XV. Jahrh. [Orient. 689]; CCLVII. № 8, fol. 43 b. XVIII. Jahrh. [Orient. 686]; CCLVIII. № 9, fol. 61 a. XVIII. Jahrh. [Orient. 687, 688].

26) Zotenberg, l. l. pag. 196, № 131, № 3 [Éth. 59].

27) Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Catalogue des manuscrits arabes par le Baron de Slane. Paris, 1883—1895, pag. 84. — Dies Gebet ist übersetzt von Basset, l. l. pagg. 38—52.

28) Zu diesen aus dem 16. Jahrhunderte stammenden russischen Acta Saucorum vergl. Reinholdt, Geschichte der russischen Litteratur pag. 84 (Geschichte der Weltlitteratur VII). — Пыпинъ, Исторія русской литературы II (1898), pag. 205, 208, 219. — Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Ergänzungsheft (1890), pag. 23. — Bis jetzt sind erschienen: September und October vollständig und vom November die ersten 12 Tage. Ein vollständiges Inhaltsverzeichnis dieser Menäensammlung, verfasst vom Archimandriten Joseph, erschien 1892 in Moskau, unter dem Titel: Подробное оглавление Великихъ Четихъ Миней Всероссийскаго Митрополита Макарія. — Über die späteren ähnlichen Sammlungen des Demetrius von Rostow (17. Jahrh.), s. Шляпкинъ, Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.), СПб. 1891. (Записки Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. XXIV), bes. pagg. 38, 181, 237, 240, 246 und 247.

S. Palauzov (С. Н. Палаузовъ), der die Ausgabe des II. Bandes der Menäen bis zum 70. Bogen geleitet hat, nennt im Vorworte, wo er die Hauptstücke desselben aufzählt, auch: Покаяніе св. Кипріяна, епископа Карфагенскаго — «Die Busse des h. Cyprianus, des Bischofs von Karthago». Und weiter heisst es dort: «Покаяніе священномученика Кипріяна» († 258), переведенное неизвѣстно кѣмъ и когда съ греческаго на славянекій, помѣщено, сколько извѣстно, только въ одномъ парижскомъ изданіи твореній св. Кипріяна (S. Cypriani opera. Paris. 1726, ed. St. Baluzii) и озаглавлено Μετάνοια τοῦ ἁγίου Κυπριανοῦ. Нѣтъ также указаній, когда былъ сдѣланъ греческій переводъ этого Покаянія съ латинскаго языка, на которомъ писаны всѣ дошедшія до насъ сочиненія св. Кипріяна . . .», d. h. «Die Busse des heiligen Märtyrers Cyprianus († 258), von der unbekannt ist, von wem und wann sie aus dem Griechischen ins Slavische (Slavonische) übersetzt worden ist, findet sich, soviel bekannt, nur in der Pariser Ausgabe der Werke des h. Cyprianus (S. Cypriani opera. Paris. 1726, ed. St. Baluzzi) und führt den Titel Μετάνοια τοῦ ἁγίου Κυπριανοῦ. Es existieren auch keine Angaben darüber, wann die griechische Übersetzung dieser Confessio aus dem Lateinischen gemacht worden ist, in welcher Sprache alle auf uns gekommenen Werke des h. Cyprianus geschrieben sind . . .». Aus dem oben mitgetheilten russischen Titel und dem angeführten Passus kann man deutlich erkennen, welchen Standpunkt der Herausgeber einnimmt, nämlich, dass

ber col. 41/42 und 45—80. In col. 41/42 heisst es in der Überschrift: Мѣсяца того же в 2 день, страсть святаго священ'номучеяника Киприана и Устины d. h. «Desselben Monats am 2. Tage — Martyrium des h. Märtyrers Cyprian und der Justina». Der Text selbst enthält hier nur einen ganz kurzen Bericht über die beiden Heiligen. Das Martyrium wird hier unter Decius (при Декіи цари) gesetzt. Die eigentliche Legende mit der Busse und dem Martyrium findet sich in coll. 45—80 in drei Abtheilungen. Die erste (45—52) hat die Überschrift: В той же день житіе свята Устины дѣвицы — «An demselben Tage das Leben der heiligen Justina der Jungfrau». Dieser Theil entspricht dem I. Buche der griechischen Legende von Cyprian und Justina. Darauf folgt (52—56) die zweite Abtheilung mit der Überschrift: В той же день мучение святаго Киприана, Іустины дѣвы — «An demselben Tage das Martyrium des heiligen Cyprianus [und] der Justina der Jungfrau». Dieser Theil entspricht dem III. Buche des griechischen Textes und schliesslich kommt in coll. 56—80 die dritte Abtheilung mit der Überschrift: В той же день, покааніе Киприаново — «An demselben Tage, die Busse des Cyprianus». Dieser letzte Theil entspricht dem II. Buche des griechischen Originals. Ohne Zweifel muss schon in der Vorlage diese Anordnung der 3 Bücher gewesen sein. Wie wir schon oben sahen, dass noch in keiner griechischen Handschrift Buch I und II zusammen gefunden worden ist, dagegen Buch I und III, wie auch im Syrischen nur Buch I und III zu finden sind, so folgt im altrussischen Texte auf Buch I (Legende) unmittelbar Buch III (Martyrium) und dann erst Buch II (Confessio). Jedenfalls gewinnt durch diese Anordnung Zahn's Ansicht, dass Buch I und III von einem, Buch II dagegen von einem anderen Verfasser herrühre, an grösserer Wahrscheinlichkeit. Der altrussische Text schliesst sich aufs engste dem

Cyprianus von Karthago und Cyprianus von Antiochien eine und dieselbe Person sei und dass ersterer der Verfasser der Confessio und dass folglich dieselbe ursprünglich in lateinischer Sprache verfasst worden sei. — Anderer Meinung ist der Archimandrit Sergius l. l. pag. 315.

Beiläufig sei hier noch auf ein Versehen in demselben Bande der Menäen hingewiesen. Col. 1060 werden mit Козма и Даміанъ (Kosmas und Damianos) zusammen genannt: Ан'фимъ, Леонтии, Еуврепи и col. 1107 steht für letzten Namen Утропи. In der Anmerkung zu col. 1060 wird für Еуврепи vorgeschlagen Евтропи Εὐτρόπιος zu lesen. Das ist nicht richtig. Еуврепи ist nicht = Евтропи Εὐτρόπιος, sondern ist in Еуврепи oder Еврепи = Εὐρέπιος zu verbessern. Dies Versehen ist leicht zu erklären. Im Original steht ohne Zweifel Еуврепи. Da aber π und в in den altrussischen Handschriften zum Verwechseln ähnlich sind (в ist genau wie π, nur dass es auch unten geschlossen ist), hat der Herausgeber das π für в gelesen und dadurch den Irrthum herbeigeführt. Dass hier wirklich Εὐρέπιος das einzig Richtige ist, geht zweifellos hervor aus dem Cod. Copt. Borgianus CLIII (Fragment aus dem Martyrium des Kosmas und Damianos), wo neben КОСМА МІ ДАМІАНОС auch ihre Freunde genannt werden, nämlich АНΘΙΜΟΣ, ΛΕΟΝΤΙΟΣ und ΕΥΠΡΕΠΙΟΣ d. i. Ἀνθιμος, Λεόντιος und Εὐπρέπιος, und ferner aus dem arabischen Synaxar p. 132, wo zum 24. Natur genannt werden Cosmas, Damian und ihre Brüder Anthimus, Leontius und Euprepius.

griechischen Texte an: oft finden sich im russischen Texte dieselben Fehler des Originals. Nur an einer Stelle der «Confessio» hat der altrussische Text eine Erweiterung erfahren, die in dem überlieferten griechischen Texte fehlt, in der Vorlage aber gestanden haben muss. Der Passus findet sich in der Rede des Eusebius und steht zwischen: Тѣм' же престани, и разумѣй, како человекъ еси, разумѣй невѣсть, прелесть²⁹⁾ — Λοιπὸν οὖν κατὰστα Κυπριανέ, σύνες ὅτι ἄνθρωπος εἶ, νόησον τὴν πλάνην, τὴν ἄγνοιαν³⁰⁾, und (col. 74) Аще бо бы увидѣлъ Господню сплу, въ нечестіи пребывалъ, васнь убо к'то бы твое ненадежіе пріялъ? — Εἰ γὰρ ἐπιγνοῦς Χριστοῦ τὴν δύναμιν τῆ ἀσεβείᾳ ἐπέμεινας, τάχα ἂν τις τὴν ἀνελπιστίαν σου ἀπεδέξατο. Nachdem schon etwas früher gesagt worden war: Κυπριανέ, не отчаѣся: сѣмъ бо всѣмъ едино есть раздрѣшеніе, како не вѣдый еси сѣтворилъ — Κυπριανέ, μὴ ἀπελπίσης, τούτων γὰρ πάντων ἡ λύσις ἐστίν, ὅτι ἄγνοῶν ἐποίησας, werden in diesem Passus allerlei Beispiele von Personen aus dem griechischen Heidenthum angeführt, die durch Unwissenheit allerlei Übelthaten verübt haben. Es ist da die Rede von Orestes (Орестъ) und seiner Mutter, von Medea (Мидіа) und ihren Kindern, von Paris (Парисъ) und Helena (Елена), von Agamemnon (Агамемнь) und Aegisthos (Егястъ), von Perdikkas (Пердикіи) und schliesslich noch von Oedipus (Дипусъ). Schon der Umstand, dass hier ausschliesslich Personen aus dem Heidenthume genannt werden spricht dafür, dass dieser Abschnitt erst in späterer Zeit eingeschoben worden ist.

So viel über die altrussische Version, die ich an einigen Stellen der Erläuterungen zum Vergleiche herangezogen habe.

Zum Schluss ist es mir eine angenehme Pflicht, allen denen meinen verbindlichsten Dank auszusprechen, die mich beim Studium des vorliegenden Textes gefördert haben. Mein Dank gebührt zunächst der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, die mir die Mittel zu einer längeren Studienreise bewilligte; ferner schulde ich Dank der Verwaltung der Bibliothèque Nationale zu Paris, die mir durch das liebenswürdige Entgegenkommen der Herren Maspero, Delisle und Omont die Möglichkeit gab, die herrlichen Schätze dieses Instituts nicht nur an Ort und Stelle, sondern auch mehrere Codices in St. Petersburg zu benutzen; schliesslich — last not least — spreche ich meinen herzlichen Dank meinem lieben Freunde, Herrn Akademiker Carl Salemann aus, der meine Sache bei der Akademie vertrat und auf dessen Fürsprache mir die Mittel zu meiner Studienreise bewilligt wurden.

Oscar von Lemm.

St. Petersburg, d. 5./17. October 1899.

29) L. I. col. 73.

30) AA. SS. I. I. pag. 220.

Cod. Copt.
Par. 129,15. **μοτ νε · ψας** 1
ψαχε εσοτεп
 Recto. **τλ ιηκισε**
ηνεροοτ η
ψατσωπε 5
κατα οτφαι
τασια : ~
 * **Αηατ ρμ πμα**
ετμματ επ
τπος ηνε 10
ψηη · ρως ε
ρε ηποττε οη
σωψτ εχω
οτ · ετεπερτετ
 * **Αηατ οη ρμ π** 15
μα ετμματ
εϋτοοτ ησιοτ
ερε ηεηηα η
ψηε ητλ ια
τωχη ηνε 20
καρπος ετη
ρητοτ · μη
ρηροοτ ετ^{sic}
ψεβιητ · ετ
ταρο μμοοτ 25
ερατοτ · ριτη
τεπερτια μ
πανδινιμε
πος : ~
 * **Αηατ δε οη ε** 30
ρηχορος ηδε
μων · ροηε
ετπωλτμει
ρηκοοτε ετετ

ρε ηρηδορβε · 1
αηατ εττα
ζις εσαρερατε ·
οτποττε η
ροοττ · μη 5
οτποττε ηε
ριμε · αιερω
με ηροοτ ρμ π
μα ετμματ
ειοτωμ ρμ 10
πηη ηνε
ψηη · ρη ησα
ηεμμα η
ρωπη μη^{sic}
 * **ρη · ηψατ** 15
τηηοοτ εβολ
ρμ πμα ετμ
ματ ηρηη
ηα μποηη
ρων μπεε 20
μοτ ηρημα
τοτ · εβολ ρι
τη ηερωοτ
ερε ποτα ποτα
ερε ποτεπερ 25
τια ριχμ η
καρ · μη η
ρεπος : ~
Ατω ητερπερ
μητη ηρομ 30
ηε · εττσαβο
μμοτ ριτη
σαψη ποτηηη

AA. SS. September T. VII. (XLVII.) 26 Sept. pag. 205 . . . 'Εγενόμην καὶ ἐν τῷ Ὀλυμπίῳ ὄρει, τῶν θεῶν, ὡς λέγουσιν, οἰκητηρίῳ, καὶ ἐμυθήθη ἦχος ὀμιλιῶν καὶ ψόφων διήγησιν. Εἶδον ἐκεῖ φαντάζοντα πρέμνα, καὶ πᾶς ἐνεργεῖν δοκούσας θεῶν ἐπισκοπὰς. Εἶδον ἐκεῖ ὠρῶν διαδοχὰς, πνευμάτων ὑπαλλασσόντων, καὶ ἡμερῶν διαφορότητα ὑπότινων ἐνεργειῶν ἐναντίων συνισταμένην. Εἶδον ἐκεῖ χοροὺς δαιμόνων ὑμνούντων, καὶ ἄλλων πολεμούντων, καὶ ἐτέρων ἐνεδρευόντων, ἀπατώντων, συγχρόντων, καὶ ἐκάστου θεοῦ καὶ θεᾶς ἐθεασάμην ἐκεῖ τὴν φάλαγγα, μείνας αὐτόθι ἡμέρας τεσσαράκοντα· ὁπόθεν ὡς ἐκ βασιλείων ἀποστέλλονται τὰ πνεύματα, ἐνεργεῖν ἕκαστον αὐτῶν ἐν τῇ γῇ καὶ πᾶσι τοῖς ἔθνεσι. 2. Καὶ ἐσιτούμην ἀκρόδρυα μόνον μετὰ δύσιν ἡλίου, καὶ δὴ ὦν ἔτι ἐτῶν πεντεκαίδεκα ἐμυούμην τὴν ἐκάστου αὐτῶν ἐνέργειαν ὑπὸ τῶν ἐπτά ἱεροφαντῶν·

<u>α</u>				
Cod. Copt. Pag. 129, 15. f. 1. Verso.	<p>μη̄ νε̄προ φ̄ιτις μη̄ δᾱβολο̄ς ε̄τε̄νε̄τε̄σᾱϥ σᾱχε̄ μη̄ μᾱτ̄ νε̄ η̄τᾱπ ρο̄ · ρ̄ῑ τᾱπρο η̄το̄ο̄τ̄ τᾱρ νε̄τ̄ρω̄β̄ μη̄πο̄τᾱ πο̄τᾱ η̄νε̄δᾱῑμο̄ η̄ιο̄η̄ : ~</p> <p>✧ Δ̄ῑσο̄τε̄η̄ νε̄ μη̄τ̄ε̄τη̄ρ̄ιο̄η̄ μη̄ τ̄βο̄μ̄ τη̄ ρε̄ μη̄πᾱδᾱ β̄ωλο̄ς · ᾱϥ τ̄σᾱβο̄ῑ ε̄θε̄ ε̄τε̄ρε̄ η̄κᾱρ τᾱχη̄η̄ ρ̄ῑ χη̄η̄ νε̄ϥ̄ση̄ τε̄ · ᾱϥ̄τ̄σᾱ βο̄ῑ ε̄π̄τω̄ϥ μη̄παν̄ρ · μη̄ πε̄θη̄ρ : ~</p> <p>✧ Δ̄ῑμο̄τ̄ϥ̄τ̄ η̄ θᾱλᾱσ̄σᾱ · μη̄ η̄νο̄τη̄ · μη̄ η̄τᾱρ̄τᾱρο̄τ̄ χο̄ς · μη̄ πᾱρ δᾱω̄ς : ~</p> <p>✧ Δ̄ῑε̄ρε̄ μη̄ψ̄ᾱ μη̄η̄ρᾱ : ~</p>	1 5 10 15 20 25 30	<p>✧ Δ̄ῑτ̄σᾱβο̄ ε̄θε̄ η̄ψ̄ᾱτ̄η̄ε̄ρε̄χ η̄ε̄ρ̄ιο̄με̄ ε̄ η̄ε̄ρ̄ᾱῑ · ᾱτω̄ η̄θε̄ η̄ψ̄ᾱτ̄ η̄ο̄τ̄χε̄ μη̄ μο̄στε̄ · ε̄τ̄μη̄ τε̄ η̄ρ̄η̄ση̄η̄ μη̄ ρ̄η̄ψ̄η̄η̄ρ̄ ·</p> <p>✧ Δ̄ῑε̄ῑμε̄ ε̄τ̄ μη̄η̄το̄τᾱ μη̄ πᾱη̄ρ · μη̄ η̄ θη̄ρ · ᾱτω̄ η̄ θε̄ ε̄τε̄ρε̄ η̄ κᾱρ ο̄ η̄κο̄η̄ο̄ η̄ο̄ς μη̄ η̄μο̄ ο̄τ̄ · ᾱτω̄ η̄μο̄ ο̄τ̄ μη̄ η̄ε̄θη̄ρ η̄η̄ε̄ῑρε̄ δ̄ᾱπο δᾱτ̄μ̄ε̄ῑ ψ̄ᾱ ο̄τ̄ η̄ο̄β̄ μη̄πο̄λῑς χη̄ε̄ θε̄λλᾱς · λᾱκε̄δᾱῑ μ̄ω̄η̄ · Δ̄ῑσο̄η̄ η̄ε̄μη̄ε̄τη̄ρ̄ῑ ο̄η̄ μη̄η̄λῑο̄ς μη̄ πο̄τ̄λη̄ η̄η̄ · ε̄τε̄ η̄η̄ μη̄ η̄ο̄ο̄ρ̄ η̄ε̄ · Δ̄ῑε̄ῑμε̄ ε̄π̄τω̄[ψ̄] μη̄πο̄τ̄ο̄εῑη̄ μη̄ η̄κᾱκε̄ μη̄ η̄ε̄σῑο̄τ̄ ·</p>	1 5 10 15 20 25 30

λίαν γὰρ οἱ ἐμοὶ γονεῖς ἔσπευδόν με ἐπιγνώναι τὰ γῆς, ἀέρος καὶ θαλάσσης, οὐ μόνον τὰ κατὰ φύσιν φθορᾶς καὶ γενέσεως ποῶν καὶ πρέμων καὶ σωμάτων, ἀλλὰ καὶ ἐν πᾶσιν αὐτοῖς ἐνεργείας, ἃς ὁ ἄρχων τοῦ αἰῶνος τούτου ἐνετύπωσεν, ἐναντιούμενος πρὸς τὴν τοῦ θεοῦ διατύπωσιν. Ἦλθον καὶ ἐν Ἀργεῖ ἐν τῇ τῆς Πρασ τελετῇ, ἐμυήθην ἐκεῖ βουλᾶς ἐνόητος, ἀέρος πρὸς αἰθέρα, καὶ αἰθέρος πρὸς ἄερα, ἄμκ δὲ καὶ γῆς πρὸς ὕδωρ, καὶ ὕδατος πρὸς ἄερα. Ἐφθασα καὶ ἐν τῇ Ἠλίδι, καὶ τὴν ταυρόπολιν Ἀρτεμὶν κατέλαβον ἐν Λακεδαίμονι, ἵνα μάθω ὕλης σύγχυσιν καὶ διαίρεσιν, καὶ μετεωρισμοὺς λοξῶν καὶ ἀγρίων διηγήσεων,

ε				
Cod. Copt. Par. 129,15. f. 2. Verso.	<p>π̄σατωλ̄η̄ π̄σεερβαχῑϛ μη̄ π̄σαχε π̄σατε̄ῑ ε̄ρᾱῑ ρη̄ τ̄τᾱπρο μη̄ρω̄με̄ ε̄ζα φ̄η̄νᾱ · ᾱῑε̄ῑ με̄ ο̄η̄ ε̄νε ψ̄ω̄νε̄ π̄νο̄τ̄χ ρ̄ω̄ς̄ ε̄ρη̄φ̄τ̄ σῑκ̄ω̄η̄ η̄ε̄ ᾱτω̄ ρ̄η̄με̄ η̄ε̄ * ᾱτω̄ τ̄ε̄τ̄μ φ̄ω̄η̄ᾱ ε̄ς ε̄ῑνε̄ πο̄τ̄ϛ των̄ · ᾱτω̄ ο̄τ̄ πο̄λ̄τ̄μο̄ς̄ ε̄ϛ ο̄ η̄ο̄ε̄ πο̄τε̄ρη̄ η̄η̄ · μη̄ε̄ λᾱ ᾱτ̄ ρ̄ω̄π̄ ε̄ρο̄ῑ ρη̄ η̄ε̄τ̄ρη̄χ̄μ̄ π̄κᾱρ̄ · μη̄ πᾱ η̄ρ̄ · ο̄τ̄δε̄ η̄ε̄τ̄ ρη̄ θᾱλᾱσσᾱ μη̄ π̄νο̄τ̄η̄ μη̄ ρ̄ω̄β̄ η̄η̄μ̄ μη̄φ̄αν̄τᾱ σῑᾱ · μη̄ ρ̄ω̄β̄ η̄η̄μ̄ μη̄με̄χᾱ η̄η̄κ̄ω̄η̄ · μη̄ ρ̄ω̄β̄ η̄η̄μ̄ μη̄ μη̄τ̄ρε̄ϛ̄ρη̄ο̄</p>	1 5 10 15 20 25 30	<p>πε̄ · φαρ Πᾱτ̄ιᾱ η̄η̄μ̄ π̄σαρε̄ η̄ε̄ φᾱρμᾱτο̄ς̄ ᾱᾱτ̄ · ᾱῑε̄ῑμε̄ ε̄ρο̄ο̄τ̄ · ᾱτω̄ ο̄η̄ ᾱῑϛ̄ μη̄πᾱρη̄τ̄ ε̄ρο̄ο̄τ̄ · ᾱιᾱᾱτ̄ τη̄ρο̄τ̄ · ᾱῑ πω̄τ̄ δε̄ ο̄η̄ ε̄μη̄β̄η̄ε̄ · μη̄ ω̄η̄ · η̄τε̄ π̄ κᾱρ̄ η̄η̄κ̄η̄με̄ ᾱῑχῑσῑβ̄ω̄ χ̄ε̄ κᾱς̄ ε̄ε̄ρ̄σᾱρ̄ ε̄ρο̄τε̄ ε̄ιᾱη̄ η̄η̄ς̄ · μη̄ τᾱμ̄ β̄ρη̄ς̄ · η̄ε̄ῑ β̄η̄ χ̄ο̄τ̄ω̄τε̄ η̄ ρο̄μη̄ε̄ · ᾱῑχῑ π̄ρᾱ η̄η̄ε̄ μη̄αν̄ψ̄ω̄ω̄ πε̄ η̄κᾱνε̄ ε̄τ̄ρᾱρο̄ϛ̄ μη̄ κᾱρ̄ · κᾱῑ η̄ ψ̄αρε̄ η̄ᾱδᾱῑ μη̄ων̄ μη̄αν̄ρ̄ ᾱᾱτ̄ : ~ ᾱτω̄ χ̄ε̄ κᾱτᾱ ᾱψ̄ η̄ε̄μο̄τ̄ ψ̄ατ̄η̄πο̄τ̄ς̄ ε̄ η̄ε̄ρω̄με̄ : ~</p>	1 5 10 15 20 25 30

μυρμηχιασμῶν συστάσεις καὶ ἀνατάσεις, καὶ μεταβολὰς λόγων καὶ ἀριθμῶν εἰς λόγους, καὶ λόγων εἰς ἀριθμούς. καὶ ἐπιπολαίους κακώσεις σωμάτων, ὡς φυσικὰς, καὶ τὰς φυσικὰς ὡς ἐπιπλάστους, καὶ ὄρκους ἀκουσμένους καὶ μὴ ἀκουσμένους, καὶ συμφωνίας εἰς ἐναντίωσιν. Καὶ οὐδὲν ἐν γῆ καὶ ἐν θαλάττῃ καὶ ἐν ἀέρι με ἔλαθεν, οὔτε φασματικόν, οὔτε γνωστικόν, οὔτε πολύτροπον, οὐ μηχανικόν, οὐκ ἔντεχνον, ἄχρι τῆς τῶν γραφῶν μεταφορᾶς μαγγανικῆς, καὶ τῆς τοιούτων ἀπάντων. 3. Μετὰ τὰ τοιαῦτα εἴκοσι γενόμενος ἐτῶν, παρ' Αἰγυπτίαις εἰς Μέμφιν ἦλθον, καὶ κεῖ τῶν ἀδύτων λαμβάνω πείραν, ἐν οἷς πρὸς τὰ περίγεια ἐνοῦνται, καὶ κατὰ ποῖον ἀποτρόπαιόι εἶσι τόπον,

		<u>3</u>
Cod. Copt. Par.129,15. f. 3. Recto.	<p>Ⲱ ⲁⲩⲛⲉ ⲛⲉⲥⲓⲟⲩ 1</p> <p>ⲛⲩⲱⲁⲩⲟⲩⲧⲁ</p> <p>ⲛⲉ ⲉⲣⲣⲁⲓ ⲉⲭⲱ</p> <p>ⲟⲩ · ⲁⲩⲱ ⲭⲉ</p> <p>ⲁⲩⲩⲛⲉ ⲛⲉⲣⲃⲏⲛⲧⲉ 5</p> <p>ⲙⲏ ⲏⲛⲟⲙⲟⲥ</p> <p>ⲉⲩⲟⲩⲟⲩⲱⲟⲩ ·</p> <p>ⲏ ⲩⲱⲁⲩⲛⲱⲧ</p> <p>ⲉⲃⲟⲗ ⲙⲙⲟⲟⲩ</p> <p>ⲉⲧⲃⲉ ⲟⲩ : ~ 10</p> <p>Ⲱ ⲏⲁⲩⲩⲛⲉ ⲩⲣⲉ ⲩⲱⲁⲩ</p> <p>ⲛⲉⲣⲥⲉ ⲏⲧⲟⲣ</p> <p>ⲧⲏ ⲉⲣⲣⲁⲓ ⲉⲥⲣⲏⲛ ·</p> <p>ⲁⲩⲱ ⲭⲉ ⲏⲁⲩⲩ</p> <p>ⲏⲣⲉ ⲏⲉⲛⲏⲁ ⲉⲧⲧ 15</p> <p>ⲟⲩⲃⲏⲛⲧ : ~</p> <p>Ⲱ ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ ϩⲙ ⲏ</p> <p>ⲙⲁ ⲉⲧⲙⲙⲁⲧ</p> <p>ⲭⲉ ⲟⲩⲏ ⲟⲩⲏⲣ</p> <p>ⲏⲁⲣⲭⲱⲏ ⲏ 20</p> <p>ⲧⲉ ⲏⲏⲁⲕⲉ</p> <p>ⲩⲱⲟⲟⲛ : ~</p> <p>Ⲱ ⲁⲩⲱ ⲏⲉ ⲉⲧⲉ</p> <p>ⲟⲩⲉⲛⲧⲁⲧ ⲛⲉ</p> <p>ⲏⲱⲏⲏⲁ ⲙⲙⲁⲧ 25</p> <p>ⲙⲏ ⲧⲉⲩⲧⲭⲏ</p> <p>ⲙⲏ ⲏⲉⲱⲙⲁ</p> <p>ⲏⲁⲗⲱⲧⲱⲏ</p> <p>ⲩⲱ ⲉⲣⲣⲁⲓ ⲉⲛⲉ</p> <p>ⲧⲃⲧ ⲉⲧⲣⲏ 20</p> <p>ⲏⲉⲙⲟⲟⲩ : ~</p>	<p>ⲁⲩⲱ ⲭⲉ ⲁⲩⲩ 1</p> <p>ⲛⲉ ⲏⲉⲧⲣⲱⲃ</p> <p>ⲉⲩⲟⲩⲧⲁⲣⲟ</p> <p>ⲙⲙⲟⲩ ⲉⲣⲁⲧⲩ</p> <p>ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ ⲉⲛⲉ 5</p> <p>ⲟⲉⲙⲕⲟ ⲏⲟⲩ^{sic}</p> <p>ⲙⲟⲩ ⲏⲣⲱⲟⲩ</p> <p>ⲙⲏ ⲟⲩⲏⲕⲁⲣ ⲉⲧⲧ</p> <p>ⲟⲩⲱ · ⲙⲏ</p> <p>ⲟⲩⲟⲁⲗⲁⲥⲥⲁ 10</p> <p>ⲉⲥⲧⲣⲟⲉⲓⲙ ·</p> <p>ⲉⲧⲉⲛⲉⲣⲧⲉⲓ ⲙ</p> <p>ⲙⲟⲟⲩ ⲕⲁⲧⲁ</p> <p>ⲟⲩⲫⲁⲏⲧⲁ</p> <p>ⲥⲓⲁ · ⲏⲉ ⲏⲟⲧⲁ 15</p> <p>ⲉⲧⲃⲏ ⲉⲣⲣⲁⲓ ϩⲁ</p> <p>ⲟⲩⲏⲟⲥ ⲏⲉⲧ</p> <p>ⲏⲱ ⲉⲥⲣⲟⲣⲉⲩⲩ ·</p> <p>ⲁⲓⲏⲁⲧ ⲉⲛⲉⲃⲣⲁ</p> <p>ⲏⲱⲏ ⲉⲧⲟ ⲏ 20</p> <p>ⲏⲟⲙⲟⲏⲟⲥ</p> <p>ⲙⲏ ⲏⲉⲃⲁⲓ</p> <p>ⲙⲟⲏⲏⲟⲏ : ~</p> <p>ⲁⲩⲱ ⲧⲉⲛⲏⲕ</p> <p>ⲣⲓⲁ · ⲙⲏ ⲧ 25</p> <p>ⲙⲁⲧⲟⲩ ⲉⲧ</p> <p>ⲏⲏⲧ ⲉⲃⲟⲗ ⲏ</p> <p>ⲣⲏⲧⲟⲩ · ⲉⲧⲣⲉⲥ</p> <p>ⲣⲱⲧⲃ ⲏⲏⲉ</p> <p>ⲧⲟⲩⲏⲣ ϩⲓⲭⲙ 30</p> <p>ⲏⲏⲕⲁⲣ · ⲧⲁⲓ</p> <p>ⲏⲩⲩⲁⲣⲉ ⲏⲉⲛ</p>

καὶ τίσιν ἐπιτέρπονται ἄστροις καὶ θεσμοῖς καὶ πράγμασι, καὶ ἐν τίσι φυγαδεύονται πῶς σκότος τηροῦσι, καὶ ἐν τίσι πράγμασιν ἄλλοις τὴν ἀντίστασιν ἔχουσι. Ἐγνων ἐκεῖ πόροι ἄρχοντες σκότους εἰσὶ, καὶ πῶς ἐν ψυχαῖς κατορθοῦσι καὶ σώμασιν ἑαυτῶν κοινωνίαν ἔχουσι, καὶ ποία ἐνέργεια δι' αὐτῶν κατορθοῦται, δρόμος, γνῶσις, μνήμη, φόβος, τέχνη ἐνδολος, ἀθύρλλητος ὀρμή, λήθη καὶ ὄχλον παίγματα, καὶ τὰ τοιοῦτότροπα. Ἐκεῖ ἔγνων σεισμῶν καὶ ὑετῶν ὁμοιότητα, καὶ γῆς καὶ θαλάσσης ἐπιτετηδευμένην ὀρμὴν, ὡς ἂν εἰς ἐναντίωσιν τῆς ἐποπτικῆς κινήσεως τοῦ θεοῦ. Ἐκεῖ εἶδον γιγάντων φυχὰς ὑπὸ σκότους τηρουμένας, καὶ φασματικῶς ὀρθούσας γῆν, ὡς ἂν τις ἐπ' ὤμων φέρῃ φορτίον βαρύτερον. Ἐκεῖ εἶδον δρακόντων κοινωνίας μετὰ δαιμόνων, καὶ τὴν ἐξ αὐτῶν προἰεμένην πικρίαν εἰς ὄλεθρον τῶν ἐπιγείων. Ὄθεν μετέχοντα

H			
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 3. Verso.	<p>на етꝛм̄ панꝛ 1</p> <p>ⲭⲓ ⲉ̀βολ̄ η̄ρη̄τε̄ .</p> <p>η̄σεε̄ιρε̄ μη̄</p> <p>πεθοο̄τ̄ η̄νε</p> <p>ρω̄με̄ . ρ̄ιτη̄ 5</p> <p>τ̄βω̄η̄βιᾱ ε̄</p> <p>το̄τ̄ⲭⲓ̄ μ̄μο̄ς</p> <p>ε̄βολ̄ ρ̄ιτο̄ο̄</p> <p>το̄τ̄ η̄νε̄θη̄</p> <p>ρ̄ιων̄ ε̄τ̄ρᾱ 10</p> <p>ροϥ̄ μη̄καϩ</p> <p>* Ᾱνατ̄ οη̄ επ̄</p> <p>καϩ̄ ε̄τ̄ω̄ο̄τη̄</p> <p>ϩαροϥ̄ ρ̄ιτε̄κ̄</p> <p>η̄ε̄πη̄νᾱ . πᾱῑ 15</p> <p>ε̄το̄τε̄ῑϣε̄ μ̄</p> <p>μοϥ̄ η̄σᾱ π̄</p> <p>ϣω̄ῑ μ̄μο̄ο̄τ̄</p> <p>ε̄τ̄η̄ε̄ πε̄τ̄τᾱⲭ</p> <p>ρο̄ μη̄φ̄τ̄εῑ 20</p> <p>κω̄η̄ ε̄τ̄τᾱ</p> <p>ρο̄ μ̄μοϥ̄ ε̄</p> <p>ρᾱτ̄ϥ̄ : ~</p> <p>* Ᾱτ̄ⲭ̄ιτ̄ οη̄ ε̄τ̄</p> <p>το̄πο̄ς . η̄μᾱ 25</p> <p>ε̄τε̄ρε̄ η̄δᾱῑ</p> <p>μω̄η̄ ϣ̄η̄β̄ε̄</p> <p>η̄ρη̄η̄τ̄ϥ̄ μη̄ε̄τ̄</p> <p>ε̄μο̄τ̄ . η̄αῑ η̄</p> <p>τᾱ πε̄δ̄ρᾱ 30</p> <p>κω̄η̄ τᾱμ̄ῑο̄</p> <p>ο̄τ̄ . κᾱτᾱ ο̄τ̄</p>	<p>φ̄αν̄τᾱς̄ιᾱ 1</p> <p>η̄ε̄μο̄τ̄ η̄τε̄</p> <p>τε̄η̄λᾱνη̄ .</p> <p>ε̄ϥ̄†̄ μη̄ η̄ε̄</p> <p>τω̄ϣ̄ μη̄η̄ο̄τ̄ 5</p> <p>τε̄ . ⲭ̄ε̄κᾱς</p> <p>ε̄βολ̄ ρ̄ιτο̄ο̄</p> <p>το̄τ̄ . ε̄ρε̄ η̄ε̄η̄</p> <p>η̄ᾱ μη̄ω̄η̄η̄</p> <p>ρ̄ω̄η̄ ϣ̄ε̄μ̄ 10</p> <p>ϣ̄ε̄ η̄η̄ε̄ρω̄</p> <p>με̄ . ε̄τ̄κο̄η̄νω̄</p> <p>η̄ε̄ῑ η̄μ̄μᾱτ̄</p> <p>ε̄η̄ε̄ῑμη̄η̄τᾱ</p> <p>ε̄ε̄β̄η̄ς̄ πο̄τω̄τ̄ . 15</p> <p>†̄Τ̄μη̄τε̄τε̄σε̄</p> <p>β̄η̄ς̄ τ̄αρ̄ . ε̄το̄ η̄</p> <p>ᾱε̄β̄η̄ς̄ . ᾱτ̄</p> <p>ε̄ῑρε̄ μ̄μο̄ς̄ ρ̄μ̄</p> <p>η̄μᾱ ε̄τ̄μ̄ 20</p> <p>μᾱτ̄ . ε̄τε̄ῑρε̄</p> <p>η̄ο̄τ̄λω̄τ̄ῑς̄</p> <p>μο̄ς̄ ε̄μη̄η̄τᾱϥ̄</p> <p>μη̄μᾱτ̄ η̄ο̄τ̄σο̄</p> <p>ο̄τη̄ . μη̄ ο̄τ̄ 25</p> <p>δᾱῑκᾱῑω̄ς̄ε̄τ̄</p> <p>η̄η̄ . ο̄τ̄ⲭ̄ῑη̄</p> <p>βο̄η̄ς̄ . μη̄ ο̄τ̄</p> <p>κᾱτᾱστᾱς̄ῑς̄</p> <p>ε̄ς̄με̄ϩ̄ η̄ᾱτᾱκ̄ 30</p> <p>τ̄ιᾱ ε̄ς̄ο̄μ̄ η̄μ̄[ᾱ]</p> <p>ε̄τ̄μ̄μᾱτ̄ : ~</p>	

τὰ ἀέρια πνεύματα τοὺς ἀνθρώπους τὰ πάνδεινα διατίθενται, ὡς βοηθείας ὑλικῆς ἀπολαύοντα, Εἶδον καὶ γῆν βαρουμένην ὑπὸ πνεύματος, 206. καὶ μὴ χαλωμένην ἐπὶ τοῦ ὕδατος, διὰ τὴν ἐπαναφορὰν τῶν στηριγμάτων αὐτῆς τῶν φυσικῶν [Ἐπὶ τὸν ἐν χώρῳ ὅπου αἱ ἰδέαι τῶν μεταμορφώσεων τοῖς δαίμοσι γίνονται] ἢ ὁ δράκων ἀντιδιατασσόμενος τῇ θείᾳ διατυπώσει πρὸς τὴν τῆς πλάνης παράταξιν ἐπετήδευσε· δι' ὧν τὰ πονηρὰ πνεύματα λειτουργοῦσι τοῖς συσπόνδοις αὐτῶν ἐν ἀσεβείᾳ ἀνθρώποις. Ἐκεῖ εἶδον πῶς συνίσταται ἀσεβῆς εὐσέβεια καὶ ἄλογος γνῶσις, καὶ ἄδικος δικαιοσύνη, καὶ συγκεχυμένη κατὰστασις.

	Ⲫ			Ⲫ
Cod. Copt. Par.129,15. f. 4. Recto.	ⲁⲓⲛⲁⲧ ϣⲙ ⲡⲙⲁ	1	ⲉⲧⲏⲙ ⲛⲥⲁ	1
	ⲉⲧⲙⲙⲁⲧ ⲉ		ⲛⲉⲧⲉⲣⲏⲧⲟⲩ ·	
	ⲛⲉⲥⲙⲟⲧ ⲏⲧ		ⲡⲉⲡⲏⲁ ϣⲱⲱϥ	
	ⲙⲏⲧⲏⲟⲩⲭ		ⲙⲡⲙⲟⲥⲧⲉ	
	ⲉⲧⲉⲛ ⲟⲩⲙⲱⲣ	5	ⲉϥⲟ ⲙⲡⲉⲥ	5
	ϫⲏ ⲙⲙⲟϥ ⲉⲥ		ⲙⲟⲧ ⲙⲡⲏⲃⲏⲗ	
	ⲟ ⲛⲟⲩⲙⲏⲏ		ⲭⲉ · ⲉϥⲧⲏⲟ	
	ⲩⲉ ⲏⲥⲙⲟⲧ ·		ⲙⲏ ⲡⲡⲉⲛⲏⲡⲉ	
	ⲁⲧⲱ ⲡⲉⲡⲏⲁ		ⲉⲧⲉⲛ ϣⲏⲃⲁⲗ	
	ⲏⲧⲡⲟⲣⲏⲁ	10	ϣⲏⲡⲁⲣⲟⲩ ⲏⲧⲉϥ	10
	ⲁϥⲭⲏ ⲏⲩⲟ		ⲁⲡⲉ · ⲉⲧⲡⲏⲧ	
	ⲙⲏⲧ ⲙⲡⲣⲱ		ⲛⲟⲩⲟⲉⲓⲩ	
	ⲥⲱⲡⲱⲏ · ⲟⲩⲁ		ⲏⲏⲙ ϣⲁⲃⲟⲗ	
	ⲡⲡⲁⲧⲁⲏ ⲙⲡⲉⲥ		ⲙⲡⲟⲩⲟⲉⲓⲏ	
	ⲛⲟϥ · ⲕⲉⲟⲩⲁ	15	ⲉⲧⲏ ϣⲏⲟⲩⲉⲣⲏ	15
	ⲏⲉⲉ ⲛⲟⲩⲟⲙⲉ		ⲧⲉ ⲙⲙⲟϥ ⲉⲩⲁ	
	ⲏⲗⲟⲓⲣⲉ : ~		ⲩⲉ ⲏⲥⲁ ⲭⲱ	
	ⲕⲉⲟⲩⲁ ⲏⲉⲉ ⲛⲟⲩ		ⲟⲩ · ⲁⲧⲱ ⲉⲙⲏ	
	ⲩⲱⲣ ⲏⲕⲱⲣⲧ		ⲙⲁⲣⲧ ⲙⲙⲟϥ	
	ⲁⲓⲛⲁⲧ ⲉⲡⲉⲡ	20	ⲉⲡⲧⲏⲣϥ ⲉⲧ	20
	ⲏⲁ ⲏⲧⲡⲱ		ⲃⲉ ⲛⲉⲣⲟⲏⲧⲉ	
	ⲏⲏⲣⲏⲁ · ⲉϥⲟ ⲏ		ⲉⲧⲉϥϥⲓⲣⲉ ⲙ	
	ⲟⲉ ⲛⲟⲩⲡⲉⲧ		ⲙⲟⲟⲩ ϣⲏ ⲟⲩ	
	ⲣⲁ ⲉϥⲭⲁⲭⲱ		ⲙⲏⲧⲁⲧⲏⲁ	
	ⲉϥⲟ ⲏⲥⲁⲓⲉ ⲙ	25	ⲡⲉⲡⲏⲁ ⲗⲉ	25
	ⲛⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛⲟⲩ		ⲙⲡⲉⲩⲑⲱ	
	ⲟⲏⲣⲏⲱⲏ : ~		ⲏⲱⲥ · ⲉϥⲉⲓ	
	ⲡⲉⲡⲏⲁ ϣⲱⲱϥ		ⲏⲉ ⲙⲡⲕⲱⲣ ·	
	ⲙⲡⲉⲕⲣⲟϥ ⲉⲧ		ⲉϥⲩⲉⲃⲏⲏⲧ	
	ⲉⲏ ϣⲏⲗⲁⲥ ⲉⲧ	30	ⲉⲣⲟϥ · ⲉⲃⲟⲗ ⲭⲉ	30
	ⲭⲁⲭⲱ ⲙⲙⲟϥ ·		ⲟⲩⲉⲏ ⲟⲩⲗⲁⲥ	

4. Ἐκεῖ εἶδον εἶδος τοῦ ψεύδους, μορφήν ἔχον παμπούκιλον, καὶ τὸ εἶδος τῆς πορνείας τρίμορφον, αἰμακτῶδες, ἀφρώδες, ἥπακτῶδες. Εἶδος ὀργῆς, πετρῶδες, ἔρημον, καὶ τραχὺ καὶ θηριωδέστατον· Εἶδος δόλου, πυκνόν, σύμφυτον, πολλαῖς γλώσσαις κατάκομον. Εἶδος μίσους τυφλόν, ἔχον τέσσαρας ἐν τῷ ὀπισθοκρανίῳ ὀφθαλμούς, φεύγοντας ἀεὶ τὸ φῶς, καὶ πόδας ἔχον πολλοὺς εἰθὺς ἠρτημένους ἀπὸ τῆς κεφαλῆς, καὶ μὴ ἔχον κοιλίαν διὰ τῆν ἀσπλαγχνον ὀρμῆν· εἶδος φθόνου ὅμοιον τῷ ζήλῳ, διαφερόμενοι δὲ ὅτι τὴν γλῶσσαν

1			
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 4. Verso.	<p>1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043 1044 1045 1046 1047 1048 1049 1050 1051 1052 1053 1054 1055 1056 1057 1058 1059 1060 1061 1062 1063 1064 1065 1066 1067 1068 1069 1070 1071 1072 1073 1074 1075 1076 1077 1078 1079 1080 1081 1082 1083 1084 1085 1086 1087 1088 1089 1090 1091 1092 1093 1094 1095 1096 1097 1098 1099 1100 1101 1102 1103 1104 1105 1106 1107 1108 1109 1110 1111 1112 1113 1114 1115 1116 1117 1118 1119 1120 1121 1122 1123 1124 1125 1126 1127 1128 1129 1130 1131 1132 1133 1134 1135 1136 1137 1138 1139 1140 1141 1142 1143 1144 1145 1146 1147 1148 1149 1150 1151 1152 1153 1154 1155 1156 1157 1158 1159 1160 1161 1162 1163 1164 1165 1166 1167 1168 1169 1170 1171 1172 1173 1174 1175 1176 1177 1178 1179 1180 1181 1182 1183 1184 1185 1186 1187 1188 1189 1190 1191 1192 1193 1194 1195 1196 1197 1198 1199 1200 1201 1202 1203 1204 1205 1206 1207 1208 1209 1210 1211 1212 1213 1214 1215 1216 1217 1218 1219 1220 1221 1222 1223 1224 1225 1226 1227 1228 1229 1230 1231 1232 1233 1234 1235 1236 1237 1238 1239 1240 1241 1242 1243 1244 1245 1246 1247 1248 1249 1250 1251 1252 1253 1254 1255 1256 1257 1258 1259 1260 1261 1262 1263 1264 1265 1266 1267 1268 1269 1270 1271 1272 1273 1274 1275 1276 1277 1278 1279 1280 1281 1282 1283 1284 1285 1286 1287 1288 1289 1290 1291 1292 1293 1294 1295 1296 1297 1298 1299 1300 1301 1302 1303 1304 1305 1306 1307 1308 1309 1310 1311 1312 1313 1314 1315 1316 1317 1318 1319 1320 1321 1322 1323 1324 1325 1326 1327 1328 1329 1330 1331 1332 1333 1334 1335 1336 1337 1338 1339 1340 1341 1342 1343 1344 1345 1346 1347 1348 1349 1350 1351 1352 1353 1354 1355 1356 1357 1358 1359 1360 1361 1362 1363 1364 1365 1366 1367 1368 1369 1370 1371 1372 1373 1374 1375 1376 1377 1378 1379 1380 1381 1382 1383 1384 1385 1386 1387 1388 1389 1390 1391 1392 1393 1394 1395 1396 1397 1398 1399 1400 1401 1402 1403 1404 1405 1406 1407 1408 1409 1410 1411 1412 1413 1414 1415 1416 1417 1418 1419 1420 1421 1422 1423 1424 1425 1426 1427 1428 1429 1430 1431 1432 1433 1434 1435 1436 1437 1438 1439 1440 1441 1442 1443 1444 1445 1446 1447 1448 1449 1450 1451 1452 1453 1454 1455 1456 1457 1458 1459 1460 1461 1462 1463 1464 1465 1466 1467 1468 1469 1470 1471 1472 1473 1474 1475 1476 1477</p>		

1b				
Cod. Copt. Pap. 129, 15. f. 5. Verso.	<p>ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲧⲙⲟⲣ ⲛⲓ ⲡⲧⲙⲏⲧ ⲙⲁⲓⲉⲟⲟⲩ ⲉⲧ ϣⲟⲩⲉⲓⲧ ⲙⲓ ⲧⲁⲣⲉⲧⲏ ⲡⲏⲉ ⲫⲁⲓⲧⲁⲥⲓⲁ : ~ ⲁⲩⲱ ⲙⲓⲛⲥⲁ ⲛⲁⲓ ⲡⲧⲣⲓⲉⲣⲙⲁ ⲁⲃⲉ ⲡⲣⲟⲙⲡⲉ ⲁⲓⲡⲱⲧ ⲉⲧⲉ ⲭⲱⲣⲁ ⲡⲏⲉ ⲭⲁⲗⲗⲁⲓⲱⲥ ⲭⲉⲕⲁⲥ ⲉⲓⲉⲓ ⲙⲉ ⲭⲉ ⲉⲣⲉ ⲛⲉ ⲑⲏⲣ ⲕⲏ ⲉⲟⲣⲁⲓ ⲛⲁϣ ⲡⲣⲉ ⲛⲉ ⲧⲟⲩⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉ ⲣⲟϥ ⲭⲉ ϥⲣⲓ ⲭⲙ ⲡⲏⲱⲟⲧ . ⲛⲉⲥⲟⲫⲟⲥ ϩⲱ ⲟⲩ ⲉⲧⲉⲛⲟⲏ ⲧⲟⲩ ⲉⲧϣⲱ ⲙⲙⲟⲥ . ⲭⲉ ⲁϥⲁ ⲟⲣⲉⲧⲁⲧϥ ϩⲓⲭⲏ ⲡⲟⲩⲟⲉⲓⲛ . ⲁⲓ ⲉⲓⲙⲉ ⲗⲉ ⲟⲏ ⲉ ⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟ ⲧⲟⲩ ⲡⲧⲗⲓⲁ ⲫⲱⲣⲁ ⲛⲉⲛ ⲉⲓⲟⲩ ⲡⲏⲉ ⲡ ⲟⲏⲧⲏⲓⲃ : ~</p>	1 5 10 15 20 25 30	<p>ⲃⲟⲓⲛⲉ ⲗⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲡⲣⲏⲧⲟⲩ ϣⲁⲧ ⲃⲗⲁⲛⲧⲉⲓ . ϩⲏ ⲕⲟⲟⲧⲉ ⲗⲉ ⲟⲏ ϣⲁⲧⲱⲫⲉⲗⲉⲓ ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲣⲉ ϩⲏ ⲭⲱⲣⲟⲥ ⲉⲛⲣ ⲉ ⲃⲟⲗ ⲡⲏⲉ ⲛⲟⲩ ⲡⲱⲗⲧⲙⲱⲥ ⲁⲩⲧⲥⲁⲃⲟⲓ ⲗⲉ ⲟⲏ ⲉⲡⲟⲧⲁ ⲡⲟⲧⲁ ⲙⲏ ⲧⲉϥ ⲕⲟⲓⲛⲱⲛⲓⲁ ⲧⲁⲓ ⲧⲉ ⲑⲉ ⲉⲧ ⲣⲉⲧⲥⲁⲟⲱⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ⲡⲧⲉⲫⲁⲓ ⲧⲁⲥⲓⲁ . ⲡⲥⲉⲕⲱ ⲡⲥⲱⲟⲩ ⲙⲓ ⲛⲟⲩⲧⲉ ϩⲉⲙ ⲛⲉⲧⲟⲣⲏⲧ ⲡⲥⲉ ⲗⲟ ⲉⲧϣⲙⲱⲩⲉ ⲛⲁϥ : ⲁϥⲥ ⲡⲟⲧⲗⲁⲩⲉ ⲉⲣ ⲕⲟⲧⲥ ⲛⲓⲙ ϩⲏ ⲟⲩⲡⲗⲁⲛⲏ . ⲁϥⲧⲣⲉⲧϣⲱ ⲛⲉ ⲉⲧⲧⲏⲟ ⲟⲏ ⲛⲉⲧⲏⲟⲃⲉ . ⲡⲧⲟϥ ⲗⲉ ⲛⲉϥ ⲟ ⲡⲉⲣⲟ ϩⲏ ⲧⲁ ⲛⲟⲙⲓⲁ : ~</p>	1 5 10 15 20 25 30

καὶ τῆς κενοδοξίας καὶ κενῆς ἀρετῆς καὶ κενῆς σοφίας, καὶ κενῆς δικαιοσύνης, ἐν οἷς πλανῶσι τοὺς Ἑλλήνων φιλοσόφους. etc. . . . Τριάκοντα ἐτῶν ἤδη γεγονώς, παρ' Αἰγύπτου στέλλομαι πρὸς τοὺς Χαλδαίους, ἵνα μάθῃ τοῦ αἰθέρου τὴν ἀρμῆν, ἣν αὐτοὶ οὗτοι ἐπὶ πυρὸς λέγουσιν, οἱ δὲ ἀκριβεῖς αὐτῶν ἐπὶ φωτός. Παρ' αὐτῶν ἔγνων ἀστέρων ὡς ἐπὶ βοτανῶν διαφορὰς, καὶ χοροὺς ἀστέρων, ὡς ἐπὶ πολέμων διαταγαῖς. Οὗτοί μοι κατέλεξαν οἴκους ἐνὸς ἐκάστου, καὶ κοινωνίας καὶ τροφὰς, καὶ πόματα, καὶ συνουσίας νοερὰς ἐπὶ φωτός ἀνθρώποις τελομένους . . . 207. 6. . . καὶ οὕτως ἀπῆσχόλησε τὸν πάντα χρόνον, ἀποστῆναι πίστεως καὶ Θεοῦ καὶ τῆς εὐσεβείας αὐτοῦ Πάντα ἐν τῇ πλάνῃ ἐνεπορεύσατο πάντα συνέχεε, καὶ αὐτὸς ἐν πηγῇ ματαιότητος βασιλεύει τῆς ἀνομίας.

		1c
Cod. Copt. Par.129,15. f. 6. Recto.	<p>Ⲭⲱⲭⲉ ⲧⲉⲧⲓ̄ 1</p> <p>ⲛⲓⲥⲧⲉⲧⲉ ⲛⲁⲓ̄</p> <p>ⲁⲛⲁⲧ̄ ⲉⲡⲁⲓ̄ⲁ</p> <p>ⲉⲟⲗⲱⲥ ⲡⲣⲟ</p> <p>ⲣⲓ̄ ϣⲟ · ⲁⲓⲧ̄ 5</p> <p>ⲣⲉϣⲟⲧ̄ⲱⲛⲉ̄</p> <p>ⲉⲣⲟⲓ̄ ϣⲓ̄ ϣⲛⲟⲧ̄</p> <p>ⲥⲓⲁ : ~</p> <p>Ⲭⲱⲭⲉ ⲧⲉⲧⲓ̄</p> <p>ⲭⲓ̄ ⲙⲡⲁⲩⲱⲁ 10</p> <p>ⲭⲉ ⲁⲓⲁⲥⲡⲁⲗⲉ</p> <p>ⲙⲙⲟϥ̄ ⲡⲓⲧⲁⲡ</p> <p>ⲣⲟ · ϣⲓ̄ ⲧⲁⲡⲣⲟ</p> <p>ⲁϣⲱⲁⲭⲉ ⲛⲙ</p> <p>ⲙⲁⲓ̄ · ⲁϣⲙⲉⲉⲧⲉ̄ 15</p> <p>ⲉⲣⲟⲓ̄ ⲭⲉ ⲁⲛⲟⲕ</p> <p>ⲟⲧⲁ̄ ϣⲓ̄ ⲛⲉⲛⲟⲥ̄</p> <p>ⲉⲧⲁⲣⲉⲣⲁⲧⲟⲧ̄</p> <p>ⲙⲛⲉϥⲙⲓⲧⲟ</p> <p>ⲉⲃⲟⲗ̄ : ~ 20</p> <p>Ⲙⲥⲟⲧⲧⲉ̄ ⲉ̄</p> <p>ⲣⲟⲓ̄ ⲛⲉⲭⲁϥ</p> <p>ⲛⲁⲓ̄ · ⲭⲉ ⲛⲱⲛ</p> <p>ⲣⲉⲩⲛⲓⲙ ⲛⲉⲧ̄</p> <p>ⲫⲓⲛⲥ̄ · ⲉϥⲙⲟ 25</p> <p>ⲧⲓ̄ ⲉⲧⲥⲁ</p> <p>ⲃⲟϥ̄ · ⲡⲓⲕⲟⲧⲓ̄</p> <p>ⲡⲥⲟⲓ̄ ⲛⲓⲁⲛ</p> <p>ⲛⲓⲛⲥ̄ · ⲙⲓ̄ ⲓ̄ⲁⲙⲃ̄</p> <p>ⲣⲓⲛⲥ̄ · ⲉϥⲉⲙⲓ 30</p> <p>ⲱⲁ̄ ⲡⲓⲧⲕⲟⲓ̄</p>	<p>ⲛⲱⲛⲓⲁ · ⲁⲧⲱ 1</p> <p>ⲛⲁⲩⲙⲉⲣⲓⲧ̄ · ⲁϥⲁ</p> <p>ⲁⲧ̄ ⲛⲁϥ̄ ⲛⲁⲣ</p> <p>ⲭⲱⲛ · ⲉⲭⲉⲛ</p> <p>ⲡⲁⲓⲁⲓⲙⲱⲛⲓ̄ 5</p> <p>ⲱⲛ ⲧⲓⲣⲟⲧ̄</p> <p>ⲙⲓ̄ ⲛⲉϣⲟⲧⲥⲓⲁ</p> <p>ⲡⲓⲛⲓⲥⲁ ⲛⲉϣ</p> <p>ⲃⲓⲛⲧⲉ̄ ⲡⲓⲧⲁϥⲉ̄</p> <p>ⲣⲓⲛⲧ̄ ⲙⲙⲟⲟⲧ̄ 10</p> <p>ⲛⲁⲓ̄ ⲭⲉ ⲫⲓⲛⲁⲧⲁ</p> <p>ⲁⲧ̄ ⲉⲧⲟⲟⲧⲓ̄ ·</p> <p>Ⲉⲧⲃⲉ ⲛⲁⲓ̄ ⲁⲓ̄</p> <p>ⲱⲱⲡⲉ ⲉⲓⲧⲁ</p> <p>ⲉⲓⲛⲧ̄ ⲛⲁⲣⲟⲣⲁϥ 15</p> <p>ⲙⲙⲁⲧⲉ · ⲁⲧⲱ</p> <p>ⲟⲓ̄ ⲁϥⲧⲁⲉⲓⲟⲓ̄</p> <p>ⲛⲁⲣⲁ ⲧⲧⲁ</p> <p>ϣⲓⲥ̄ ⲉⲧⲣⲁⲣⲁⲧϥ̄</p> <p>Ⲙⲧⲱ̄ ⲡⲓⲧⲉⲣⲓⲉⲓ̄ 20</p> <p>ⲉⲃⲟⲗ̄ ϣⲓ̄ⲧⲟⲟⲧϥ̄</p> <p>ⲛⲉϥⲱⲱⲱ̄ ⲉⲃⲟⲗ̄</p> <p>ⲣⲁⲣⲁⲧ̄ ⲉϥⲭⲱ</p> <p>ⲙⲙⲟⲥ̄ · ⲭⲉ</p> <p>Ⲣⲓ̄ ⲛⲉⲥⲡⲟⲧ̄ 25</p> <p>ⲁⲓⲁⲓⲱⲥ</p> <p>ⲉⲛⲉⲣⲟⲧⲟ̄</p> <p>ⲕⲉⲧⲓⲣⲓⲁⲛⲟⲥ̄</p> <p>ⲱⲱⲡⲉ ⲛⲟⲧ̄</p> <p>ⲣⲱⲙⲉ̄ ⲡⲓⲭⲱ 30</p> <p>ⲱⲣⲉ̄ ⲡⲓⲧⲟⲧⲱⲣ̄</p>

Ἐμοὶ πιστεύετε, ὅτι αὐτὸν τὸν διάβολον ἔθεασάμην, ἐμοὶ πείθεσθε, καὶ ἡσπασάμην αὐτὸν, καὶ συνελάλησα, καὶ τῶν παρ' αὐτῷ τὰ πρῶτα ἐχόντων ἐνομίσθην. Εὐφυῆς με μειράχιον προσεῖπε, νέον Ἰαμβρῆν, εὐτονον εἰς λειτουργίαν, ἄξιον τῆς κοινωνίας ἐκεῖνου. Ἐπηγγείλατό με ἄρχοντα ποιήσειν μετὰ τὴν τοῦ βίου τελευτὴν, ἐν πᾶσι τοῖς κατὰ τὸν βίον συνεργεῖν. Διὸ ὡς τιμὴν ἔχοντί μοι παρ' αὐτῷ, καὶ φάλαγγα δαιμόνων ἐνεπίστευσεν. Ἀνδρίζου μοι ἐξίοντι ἀνεβόησε σπουδαιότατε Κυπριανέ,

12			
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 6. Verso.	εϱραῖ ε̅χῆ̅ παϱ βῆτῆ : ~	1	
*	ⲁⲩⲱ ἡⲧεϱῖⲧⲱ ⲟⲩῆ ⲁⲧεϱϣ πῆρε τῆροϩ ἡ βῖⲛεϱⲁϱϭⲱⲛ εϱⲟⲩⲟ ⲙⲙⲟῖ εβⲟλ εϱῆε πϵⲟ ⲟⲩ ἡⲧⲁϭⲧⲁ ⲁϭ ἡⲁῖ : ~	5	
*	Ⲡερε πεϱεῖⲛε ϭⲁϱ ⲟ πϵε Კ παϱⲁⲛ Კⲡεϱ ϱῆρε Კⲡⲏⲟϩῆ εϭⲱⲟⲟⲟⲙεῖ ϱᲙ παϱⲁⲛ Კἡ ⲛⲟϩῆ . εϭεῖ ⲛε Კⲡⲟⲩⲏϱⲧ Კἡ ϱῆⲱⲛε εϱ ⲧⲁεῖⲛⲧ Კⲙⲁϱ καϱῖⲧⲏⲥ : ~	15	
*	Ⲅⲧεⲛ ⲟⲩῆ̅λοⲙ ϱῖⲭῆ̅ ⲧεϭⲁ ⲛε . εϭϣⲟⲛῖⲧ εβⲟλ ϱῆ ϱεⲛῶ ⲛε ἡϱⲧⲁⲛῆ ⲟῖⲛⲱⲛ . ϱῖ Χ ϱῆⲟⲱλῆ ⲟⲩⲟⲥ . ϱῖ ⲙⲁϱ καϱῖⲧⲏⲥ . ⲛⲁῖ ἡⲧε πϵϱ ⲟⲩⲟεῖⲛ πῶ	20	
		25	
		30	
			1
			5
			10
			15
			20
			25
			30

καὶ προέπεμψέν με ἀναστάς, ὅπερ καὶ πάντες ἐθαύμασαν. Διὸ καὶ πάντες οἱ ἄρχοντες αὐτοῦ ὑπήκουόν μοι, εἰδότες τὴν τιμὴν μου τὴν παρ' αὐτῷ. Ἦν δὲ τὸ εἶδος αὐτοῦ ὡς ἀνθος χρυσοῦ τιμίσις λίθοις κεκοσμημένον, καὶ τὴν κεφαλὴν ἐστεφάνωτο λίθοις συμπλεκόμενοις, ὧν αἱ ἐνάργεια τοπαδίον ἐκεῖνο κατηύγαζον· καὶ ἡ στολὴ οὐκ ἀνόμοιος· καὶ ἔσειε τὸν χόρτον περιστεφόμενος. 7. Πολλὴ δὲ ἡ περὶ τὸν θρόνον αὐτῷ παράττασις διαφόρων ταγμάτων κεκλικῶτων πρὸς ὑποταγὴν αὐτῷ τὰς εἰδέας καὶ ἐνεργείας. Ἀλλὰ καὶ ἐνεδείκνυτο ὡς τὸν τόπον φωτίζει καὶ ἐφάνταζεν, οὐ μετρίως καταπλήττων ἅπαντας. Καὶ γὰρ ἐν πᾶσιν ἄστροις καὶ ἐν φυτοῖς, καὶ ἐν τοῖς τοῦ Κυρίου κτίσμασιν ὁμοιότητος ἑαυτῷ παρέπλεξεν πρὸς πόλεμον Θεοῦ καὶ τῶν ἀγγέλων αὐτοῦ παραταττόμενος. Δι' ὧν ἐδόκει τοῦ ἀνθρώπου πλανᾶν ὡς Θεός,

[εω]

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 7. Recto.	τ̄μ̄ ḡ̄ω̄ν αἰ̄ τ̄ᾱκο ḡ̄νᾱχ̄ ρ̄η̄μα · μ̄η̄ νᾱ ρ̄σ̄πᾱρχ̄ων̄τα ᾱτω̄ αἰ̄χο̄ ε̄ ḡ̄ολ̄ νᾱκ̄ως̄ ḡ̄ το̄τ̄σῑᾱ ḡ̄νᾱεἰ̄ο̄ τε̄ · ο̄τοἰ̄ ναἰ̄ Ἀ̄νο̄κ̄ πε̄ π̄ε̄ ḡ̄ῑνη̄ · νε̄ν̄ταἰ̄ τᾱκο̄ο̄σ̄ ε̄τ̄β̄η̄ η̄τ̄η̄ · ε̄νε̄ν̄ ταἰ̄τᾱᾱτ̄ ḡ̄νε̄ ρ̄ῑνε̄ μ̄η̄ νε̄ε̄ ḡ̄ῑνη̄ · νεἰ̄νᾱχ̄ πο̄ ναἰ̄ πο̄τ̄ ρ̄ε̄λ̄π̄ῑς : ~ Ο̄τοἰ̄ ναἰ̄ χ̄ε̄ αἰ̄ τᾱκο̄ · ᾱτω̄ αἰ̄ψ̄ω̄ω̄βε̄ μᾱτᾱᾱτ̄ ρ̄εῑ ο̄σ̄π̄λ̄τ̄τη̄ νᾱτ̄ τᾱλ̄σο̄ : ~ Ο̄τοἰ̄ ναἰ̄ χ̄ε̄ νεἰ̄με̄ε̄τ̄ε̄ ε̄ροἰ̄ πε̄ χ̄ε̄ φ̄ο̄νᾱρ̄ πε̄ · ḡ̄φ̄ε̄ο̄ο̄σ̄η̄ αἰ̄ ρ̄ω̄ χ̄ε̄ ρ̄ ρ̄αἰ̄ ρ̄η̄ νᾱχ̄ρη̄ μᾱ · αἰ̄ψ̄ω̄η̄ ναἰ̄ πο̄τ̄τᾱ	1 5 10 15 20 25 30	φ̄ος̄ ρ̄η̄ ᾱμε̄ν̄ τε̄ · ε̄ḡ̄ολ̄ χ̄ε̄ αἰ̄ψ̄ω̄πε̄ ḡ̄ρ̄μ̄ ρ̄ᾱλ̄ μ̄π̄η̄ο̄βε̄ πε̄τε̄ψ̄ῡε̄ τ̄αρ̄ ε̄ροἰ̄ πε̄ν̄τα ο̄τᾱρ̄τ̄ η̄σᾱ ἰ̄ο̄τ̄ε̄τ̄η̄νᾱ · χ̄ε̄ νᾱς̄ ε̄σε̄β̄η̄προ̄ ο̄τ̄ψ̄ ḡ̄τᾱψ̄τ̄ χ̄η̄ · π̄ω̄τ̄ ε̄ ḡ̄ολ̄ μ̄μοἰ̄ ω̄ π̄λ̄ιᾱβ̄ω̄λο̄ς̄ π̄χᾱχ̄ε̄ ḡ̄τ̄ με̄ · ε̄τεἰ̄ χ̄ε̄ εἰ̄χ̄ω̄ ḡ̄ ναἰ̄ · ᾱγ̄φ̄ μ̄ πε̄φ̄ο̄τοἰ̄ ε̄ρ̄ραἰ̄ ε̄χ̄ωἰ̄ ḡ̄β̄ῑ π̄ χ̄ᾱβ̄ω̄λο̄ς̄ ε̄φ̄ο̄τ̄ω̄ψ̄ ο̄η̄ ε̄ρ̄ω̄τ̄ḡ̄ μ̄μοἰ̄ ρ̄η̄ ο̄σ̄η̄ο̄σ̄ πο̄ρ̄ τ̄η̄ · ḡ̄τε̄ρη̄ Νᾱτ̄ β̄ε̄ χ̄ε̄ ε̄φ̄ο̄τ̄ ω̄ψ̄ ε̄β̄ῑ ḡ̄το̄ ο̄τ̄ ḡ̄ε̄λλ̄η̄ς̄ μ̄πᾱω̄η̄ρ̄ : ~ Ἀ̄τε̄ρη̄μ̄ε̄ε̄τ̄ε̄ μ̄π̄ μᾱεἰ̄η̄ ḡ̄ψ̄ᾱ	1 5 10 15 20 25 30
---	---	--------------------------------------	---	--------------------------------------

213. 13. ἀπόλεσά μου χρήματα καὶ πράγματα ἐξακολουθήσας σου τῇ ἀπάτῃ. Μετὰ γὰρ τῆς πατρικῆς οὐσίας, καὶ τὴν ψυχὴν μου προσεζημίωσας, Εἶδ' ἔνειμα χρήζουσι τὰ ἐν σοὶ ἀπολλόμενα, εἶχον κἄν γοῦν βραχεῖαν σωτηρίας ἐλπίδα· οὐαὶ μοι, τί πεπόντα; Δεινῶς κατεφθάρην, ἀνιάτως ἐτραυματίσθην, νεκρὸς ὢν ζῆν ἐνόμιζον καὶ ἐλάνθανον πολλῶν χρήματι τάφον ὠνησάμενος, ζῶν ἐπικινδύνως σοι προσεδρεύσας. Δεῖ με παρακαλέσαι Χριστιανούς, ἵνα με ἐλεήσωσι· χρή με ὑποπεσεῖν τοῖς εὐσεβέσιν, ἵνα με οἰκτειρήσωσι· δεῖ με καὶ τῆς Ἰουστίνης τῶν ποδῶν ἐφάψασθαι, ἵνα μου προνοήσῃ τῆς σωτηρίας. Ἄπελθε ἀπ' ἐμοῦ ἄνομε, βέβηλε, ἀποστάτα· ἀποχώρει μου ἐχθρὲ τῆς ἀληθείας καὶ τῆς εὐσεβείας ἀναντίε. Ὁ δὲ ἀκούσας καὶ ἐπιδραμών μοι, ὥρμησε τοῦ ἀνελεῖν με, καὶ ἐπιπεσῶν πνίγειν με ἐπειράτο. ὡς δὲ οὐκ εἶχον ἰσχὺν λεαινόμενος αὐτοῦ τῇ βίῃ, καὶ πᾶσα ἐλπίς μοι περιήρητο τοῦ ζῆν· ὑπεμνήσθην τοῦ σημείου,

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 7. Verso.	<p>ρε τπαρθε 1</p> <p>нос даг· айωш</p> <p>εβολ · κε π</p> <p>πορτε ιτπαρ</p> <p>θεнос ιοτсѣ 5</p> <p>на βωιωει ε</p> <p>ροι · πεχс ιс ε</p> <p>кеβωιωει ε</p> <p>ροι · наї δε</p> <p>⌘ Πτεριχοοτ α τα 10</p> <p>бдм ποтс ε</p> <p>ροι πнесон</p> <p>ατω ιπτεθποτ</p> <p>αγсаρωωγ ε</p> <p>βολ μμοι ησι 15</p> <p>пдгавωλος</p> <p>εφο ηθε ποτ</p> <p>шар· πκωрт·</p> <p>⌘ Несадератγ</p> <p>εροι πε · ере 20</p> <p>отснве токм</p> <p>ρη τεγбїх·</p> <p>εγαπλε εροι</p> <p>εγχω μμος</p> <p>κε φнаρωтн 25</p> <p>μμοκ ω κтп</p> <p>ριανос : ~</p> <p>⌘ Πτεριερпме</p> <p>εте δε ιтбдм</p> <p>μπεчс· айωш 30</p>	
		<p>εβολ επεροτο 1</p> <p>ειχω μμος</p> <p>κε ιс πεчс π</p> <p>πορτε μме</p> <p>βωιωει εροι · 5</p> <p>⌘ Αγοτωшβ εγ</p> <p>χω μμος наї</p> <p>ησι пдгаво</p> <p>λως · κε мпе</p> <p>чс павωιωει 10</p> <p>ερον ан · пасе</p> <p>внс тар ти</p> <p>рот шармес</p> <p>τωот · егна</p> <p>βωιωει ερον 15</p> <p>тепот ρη отн</p> <p>рог : ~</p> <p>⌘ Πηνατ тар ρω</p> <p>ωγ егнава</p> <p>ак ηсωγ · κпа 20</p> <p>εїме κε отн</p> <p>таї теζотсїа</p> <p>εротн· епете</p> <p>· ποτι пе : ~</p> <p>⌘ Пентарнаρ 25</p> <p>· те тар ерог</p> <p>ηгнаωфе</p> <p>λει μμοκ</p> <p>· ан ηлаат·</p> <p>⌘ Наї δε ιπτερι 30</p> <p>сωтм εроот</p> <p>εβολ ριτοотγ</p>

οὐ ἡ Παρθένος ἐγράτο, καὶ λέγω· ὁ Θεὸς Ἰουστίνης βοήθησόν μοι, καὶ μετὰ τῆς φωνῆς εὐθέως ἐνισχύθην, καὶ τὴν χεῖρα κινήσας κατασφραγίζομαι· Ὁ δὲ ὡς βέλος ἀπορρίφεις ἀπέστη μου, καὶ στάς ἐπειράτο ἀπείλιν, ξίφος κατ' ἐμοῦ χρησάμενος· καὶ δὲ πείραν λαβὼν διὰ τῆς σφραγίδος Χριστοῦ, θαρσαλιώτερος γέγονα πλέον ἔτι καὶ συχρὸν Χριστὸν ἐπιβώμενος. Τότε οὖν ἀπήει ἀπειλῶν μοι καὶ λέγων· Οὐ μὴ σε σώσῃ ἐκ τῶν χειρῶν μου ὁ Χριστός· καὶ γὰρ βδελύσσεται ἀσεβεῖς· καὶ δόλω νῦν σοι βοήθει, ἵνα τῷ ὀλέθρῳ σε παραδῶ· ὅτε οὖν σε ἀπόσῃται, ἐγὼ σοι δείξω τί ποιεῖ τὸ καταφρονεῖν τοῦ κράτους μου· ὅτι καὶ ὁ Χριστὸς οὐ προσίεται τοὺς ἐμοὺς· ἐστερήθης γοῦν καὶ τῆς ἐμῆς διαθέσεως, ἀκχεῖνος οὐδὲν σε ὠφελήσειεν. 14. Ἐπὶ τούτοις τοῖς λόγοις

Cod. Copt.
Par. 129, 15.
f. 8.
Recto.

αἰψωπε ρῆ οὔ 1
 ноб̄ нроте
 ēbol̄ же аψω
 же н̄маг̄ ρῆ
 οταπ̄λη : ~ 5

✧ Ἐτθε παг̄ †
 сопс̄ м̄мо
 т̄и насниг̄ ет̄
 ретет̄исопс̄
 ех̄ωг̄ · аτ̄ω 10
 он̄ ӣтет̄ит̄
 сабог̄ же оὔ
 аψ̄ м̄м̄не пе
 пеχ̄с̄ · ӣтет̄и
 сепс̄ωп̄г̄ 15
 ерраг̄ ех̄ωг̄ ·
 жекас̄ ег̄ен̄ω
 наг̄ ебол̄ · еге

✧ Ἄρα εἰψ̄ан̄ме
 т̄аног̄ · ч̄наκω 20
 наг̄ ебол̄ · ӣте
 ре ραг̄ δε ρῆ пе
 реψ̄ωμ̄ше
 нот̄те с̄ωт̄м̄
 енаг̄ : ~

✧ Ἄ οτ̄ᾱ δε ӣρη
 тоὔ ψ̄αхе̄ н̄м̄
 маг̄ еψ̄ω м̄
 мос̄ · же τ̄ωκ
 ӣρηт̄ ω̄ κт̄п̄ 30

ρῆαν̄ος̄ · αλη 1
 ὅως̄ πεχ̄с̄ на
 ψоп̄н̄ ε̄ρογ̄ ·
 нер̄β̄н̄те τ̄ар
 ӣтанааг̄ ρῆ 5
 οτ̄μ̄ӣт̄ат̄со
 οт̄и : ~

✧ Ἄноκ̄ δε αἰοτ̄ω̄
 ψ̄б̄ εἰχ̄ω м̄
 мос̄ · же ара 10
 οт̄ме пе пен̄
 та п̄αг̄αβ̄ω
 лос̄ χ̄οογ̄ ε̄ροг̄
 же пеχ̄с̄ на
 нох̄ек̄ ебол̄ · 15

†εσοот̄и τ̄ар̄ же
 †ρ̄οοσ̄т̄ м̄пара
 οτοӣ н̄ӣм̄ · ара
 п̄ноот̄те на
 κω наг̄ ебол̄ · 20
 а οτ̄ᾱ δε οτ̄ω
 ψ̄б̄ п̄εχ̄αγ̄ наг̄
 же ӣεσοот̄и
 аӣ ω̄ κт̄п̄ria
 нос̄ · же οт̄реγ̄ 25
 жебол̄^{sic} пен̄
 διαβολ̄ос̄ ·
 аτ̄ω м̄πεγ̄
 жеме̄ е̄неγ̄ ·
 наγ̄ӯ ӣре он̄ 30
 е̄κ̄наӣст̄ετε

ἐφοβήθην σφοδρῶς· δεινῶς γάρ μοι ἀπεκρίνατο. Διὸ ὑμῖν τοῖς παροῦσι λέγω· ἐλεήσατέ μου τὴν ἀθλιότητα, εἵπατέ μοι περὶ Χριστοῦ, εἰ δύναμαι αὐτὸν ἐξιλεώσασθαι, εἰ μετανοοῦντά με δέχεται, εἰ ἐπιδίδωσί μοι βοήθειαν εἰς τῆς ἔμπροσθεν ἀσεβείας ἀπαλλαγὴν. Ὡς δὲ οἱ πλείονες ἠσύχασαν, εἰς τις διάφρας τὸ στόμα λέγει· θάρσει Κυπριανέ, ὅτι δέχεται σε ὁ Χριστός, ἀγνοῶν γὰρ ἐποίησας· καὶ πρὸς αὐτὸν, μὴ ἄρα ὡς εἶπέ μοι ὁ διάβολος, οὕτω μοι ὁ Χριστός ποιήσειεν, ἔσχατόν μου ἀπωθούμενος; Ὁ δὲ εἶπε πρὸς με· ἔγνωσ, ὅτι ψεύστης ἐστὶν ὁ διάβολος, καὶ τοῖς ἐκείνου λόγοις πιστεύεις;

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 8. Verso.	<p> ναϣ · μερε 1 κροϣ ψωπέ ρ̄μ πεϣ̄ς · νε τοῑτε · π̄νοϣ τε πε μ̄πιη 5 ρ̄ϣ̄ · ᾱτω π̄ᾱϣ μιο̄τρ̄τος πε νο̄τον η̄μ αϣ̄ωπε η̄ ρ̄ωμε ε̄τ̄η̄η̄ 10 τεη · αϣ̄ϣ̄ π̄ωμ̄η̄ επ μο̄ϣ ρ̄αρον ψ̄αντεϣ̄ροη τεη ε̄ροϣ ρ̄ι 15 τ̄μ πεϣ̄σταϣ ρ̄ος : ~ * Τενο̄ϣ Δε ω̄ κ̄τη̄ρῑανος μ̄π̄ρ̄η̄ρο̄ο̄ϣ̄ 20 ρ̄ι πεη̄τακα ᾱτ · ο̄τ̄δε μ̄ περ̄ϣ̄τορ τερ · τ̄ωο̄τη σε τενο̄ϣ η̄ϣ̄ 25 η̄ωκ ψ̄α πεη̄ ε̄ιωτ η̄ε̄η̄ς κ̄οπος · ᾱτ̄ω̄ ψ̄αϣ̄ταμοκ ε̄τερ̄η̄ μ̄ 30 πο̄τ̄χᾱι : ~ </p>		<p> Πᾱι Δε η̄τερῑ 1 σω̄τ̄μ ε̄ρο̄ο̄ϣ ᾱ πᾱρη̄τ τᾱχ ρ̄ο · πε̄χᾱι ναϣ · χε ω̄ Δ̄ι 5 μω̄θεω̄ς πᾱϣ η̄η̄ρ · ᾱρα ρ̄εη̄ με ηε̄ ψ̄α χε η̄τακ̄αο ο̄ϣ ε̄ρο̄ι : ~ 10 Η̄τοϣ Δε αϣ̄ η̄θε̄ μ̄μο̄ι ρ̄εη̄ ρ̄αϣ μ̄μα ρ̄η̄ η̄ε̄ρᾱφ̄η Το̄τε ᾱνοκ 15 κ̄τη̄ρῑανος ᾱῑχ̄ω η̄η̄α μ̄η̄τᾱσε̄η̄ς μ̄πε̄μτο ε̄βο̄λ νο̄τον η̄μ 20 ᾱτ̄ω̄ ᾱῑε̄ρ ρ̄αϣ μ̄ μ̄η̄τ̄σᾱη̄τε ρ̄η̄ τᾱη̄ϣ̄ο̄χ̄η̄ η̄αι η̄η̄η̄ᾱε̄ϣ ο̄ϣο̄ο̄τ ᾱη̄ : ~ 25 Η̄ε̄ρ̄η̄ο̄με η̄τᾱι πε̄ρ ρ̄η̄το̄ϣ · ᾱῑτᾱλο μ̄η̄ κ̄αρ̄πος η̄ρη̄ το̄τ ε̄ρ̄ρᾱι η̄η̄ 30 Δε̄μω̄η̄ιοη̄ · </p>	
---	--	--	---	--

Οὐκ ἔστι δόλος παρὰ Χριστῷ, Κυπριανέ, ὅτι αὐτός ἐστιν ἀλήθεια· οὐκ ἔστι ψεῦδος παρ' αὐτῷ, ὅτι ἐξ αὐτοῦ πηγάζει ἡ δικαιοσύνη. "Ἴνα δὲ μάθῃς ὅτι πηγὴ ἐστὶ χρηστότης, ὁ Θεὸς πάντων ὧν καὶ δημιουργός, ἄνθρωπος γέγονε δι' ἡμᾶς, καὶ ὑπὲρ ἡμῶν κατεδέξατο θανεῖν, ἵνα ἡμεῖς θανάτου ἁμαρτιῶν ὑπεράνω γενώμεθα δι' αὐτοῦ· etc. 214. Μὴ φοβοῦ μηδὲ δειλία, ἀλλ' ἀναστάς, ἄπελθε πρὸς τὸν ἐπίσκοπον ἡμῶν, καὶ ὑποδείξει σοὶ τὴν προσέλευσιν τὴν πρὸς τὸν Χριστόν· Ταῦτα οὖν αὐτοῦ εἰπόντος, ἦλθον εἰς ἐμαυτόν, καὶ ψυχὴν ἔλαβον· ἠρξάμην οὖν ὀμιλεῖν μετὰ θάρσους καὶ λέγειν· Ἐὰρ ἐταῖρε Τιμόθεε, οὕτως ἔχει ὡς λέγεις μοι; Ὁ δὲ πολλοῖς λόγοις με ἐτέροις ἐπιστώσατο. 215. 15. Τότε ἠρξάμην ἔμπροσθεν πάντων ἐξαγγέλλειν μοι τὰς ἀσεβείας, καὶ λέγειν ἄρα ἀφίησί μοι ὅσα διεπραξάμην, ἄνδρες Ἀντιοχεῖς; πολλὰ γὰρ ἠσέβησα, καὶ οὐκ ἔστιν ἀριθμὸς, οὐδὲ λόγος εἰς ἐξήγησιν τῶν κακῶν μου· ἐν γαστρὶ ἐχούσας τοῖς δαίμοσιν ἀνέτεμον,

			σοα
Cod. Copt.	πετριο[φρε]	1	φн ετοσααβ.. 1
Par. 129,15.	πατ·	 εεε
f. 11.		 ε· τ
Recto.	Ανοκ ρωω[τ]		ριχ.....
	ανοκ πεχαϊ		ειμε ποτασε 5
	ναυ· χε ηφνα	5	βнс ιπαρε η
	λο αν ειριμε		ται ημετα
	εβολ χε παρηт		ноеї... ηноτ
	βηαριке εροι		τε ηακω ηαυ
	·χε αϊναρωϊ ε		εβολ ηηεу
	ηερβηητε ηη	10	ηοβε·
	ροτ ενταϊαατ		Τοτε αφοτωρ
	μπειτατοοτ·		οη ετοοτϗ
Προοτυ ρμ πα			ηβї ετσεβει
ρηт εтβε ιοτ			οс πεχαу ηαї
ετιηα ετο η	15		χε ηαποστο
ηοβ εηαї ηη			λος μπεχс
ροτ εβολ χε αї			ηατλος ηαη
επιβοτλετε			εуηε ηοτμα
ερος ηακωс			тос αη ηε·
αηα ηεχс ρω	20		αλλα ηε οτδιω
ωу επ... ερτ?			ηтηс ηε·
се ηηκω ηαї			αηуωηε η
εβολ· ταї επ			τωρμ ηηεу
ταϊρωτβ ηηε			ρμραλ· ηαι ταη
уηρεуηημ	25		ηεуεтηετ
εтβηηηε εї			αοβει ρωωу
ρμαηια ρη ηετ			ηε επρωтβ
ρτπαη ρε[η]			ηετεφαηос
ηερβηητε ε[τ]			ηуωρη μμαη
χαρμ αї... ε	30		ттрос· ατω
μα ε... φηα			ρραї ρη ηεсραї
ραηαλ[εї σ]ε μ			ηηαηχιεηετс
μoη ω ηαεї			ηεуηηη ηε
ωт εтσεβει			ηса ηεтημ
οс ματαμοї	35		уе μπεχс
εβολ ρη ηεуρα			

pag. 220. 22. ούτω γάρ ἂν πλείονας ὢν ἀπόλεσας προσενέγκαι δυνήσῃ Χριστῶ, πᾶσιν ὑποτιθέμενος τὰ συνοίσοντα. Κἀγὼ ἔφην· δακρύειν οὐ πάύομαι τῷ συνειδῶτι πληττόμενος· τὸ δὲ τὰ πολλὰ λέγειν παρείς, (μίαν γὰρ πάλιν φροντίδα ἔχω τῆς ἀγίας Ἰουστίνης ἐπιβουλῆς, εἰ περόψεται Χριστὸς τὴν αὐτῆς καταπόνησιν, καὶ ἐμοὶ συγγώσεται, δι' ἣν καὶ παιδοκτονίαν καὶ ἡπατοσκοπίαν ἐν γυναίξϊ, καὶ τὴν λοιπὴν 221. Ἔθεσμον τέχνην πεποίημαι,) παρακαλῶ οὖν, πάτερ Εὐσέβιε, παῦσόν μοι ποθοῦντι ἐκ τῶν γραφῶν τοῦ Χριστοῦ, εἴ τινα τῶν κατ' ἐμὲ ἀσεβῶν ἐπιστρέψαντα ἐγκλημάτων ἀπήλλαξε. — 23. Καὶ ὁ Εὐσέβιος ἔφη· καὶ ὁ ἀπόστολος Χριστοῦ, Παῦλος τοῦνομα, εἰ καὶ μὴ μάγος ἦν, ἀλλὰ διώκτης γέγονε τῶν δούλων αὐτοῦ ἀκροθίνιος ἀμέλει· συνευδόχησε τῇ ἀναίρέσει Στεφάνου· ἀλλὰ καὶ δημοσίοις γράμμασι· τοὺς κατὰ Δαμασκόν Χριστῶ λατρεύοντας

<u>сoñ</u>				
Cod. Copt.	ετρη ταμας	1	ασειβνε · εατ	1
Par. 129,15.	κoc · εφιοτ		ρρηρε ετuo	
f. 11.	· xe μμοοτ ε		λαςιc ετοτμ	
Verso.	βολ ρη τεχω		πυα μμοc ε	
	ρα тирс ми	5	тβηнтоτ ·	5
	тпoлic · ητε		εϣxe ψψe δε	
	peφкoтy δε		oп eпaвoтxо	
	αψωπε ηαψ		Δoнoсop' ε	
	ποτκεετc ^{sic} η		тpαpпeψme	
	cωтп · ατω	10	ετε πεтμματ	10
	ρμ παї αφρομο		μппca тpeψ	
	λοτει εψω		coтп ппoтte	
	μμοc xe пе		паї eптаψ	
	χc αφна παї xe		нат epoψ ρη те	
	ηтаїαατ ρη oт	15	ρpω eпта пψω	15
	μптaтcooт ·		μпт ηψпpe	
	Чcнo' δε oп ρpαї		ψпμ пpαгтic	
	ρη пeпpαзeic	•	pβoл' epoc xe	
	ηпaпocтo		μпcбμбoμ	
	λoc xe oтμн	20	epoтп epooт ·	20
	ηψe ηпeп		ατω μппca	
	таτeиpe ηpεп		паї αψpαceβнe	
	μптпepпe		αтпoхψ eβoл	
	poc α[тп] ηψω		ρη тμптepo	
	ωme ημματ	25	αψωπε η	25
	αтpоκpоoт e[т]		тβηпн ρη ηpω	
	μερ μμαгia		me · μпп	
	α пeχc κω ηατ		cωc ηтepεψ	
	eβoл αψxι тeт		[μ]eтaпoεи'	
	μεтaпoиa η	30	Δ пп[oт]тe xac	30
	тоoтoт ·		тψ ρ[ω]cтe	
	ηтepoтxїβaп		пeθpопoc	
	тicμα δε oп		μп пaμaρтe	
	αψκω eβoл		ηтeψμптe	
	ηατ ηпeтпo	35	pδ eпe oтпн	35
	βe μп ηeтμпт		таψψ ^{sic} ηψopп	

ἐξεδίωκε τῆς χώρας καὶ πάσης πόλεως· ἀλλ' ἐπιστρέψας σκευῶς ἐκλογῆς αὐτοῦ ἐγένετο, ὡς καὶ ὁμολόγησεν εἰπών· Ἠλεήθην ὑπὸ Χριστοῦ, ὅτι ἀγνοῶν ἐποίησα· Ἐν δὲ ταῖς πράξεσι τῶν ἀποστόλων αὐτοῦ περιέχει, ὅτι ἱκανοὶ τῶν τὰ περίεργα πραξάντων ἐμπρήσαντες τὰς μαγικὰς βίβλους αὐτῶν προσεδέχθησαν Χριστῷ, καὶ βαπτισθέντες ἀφέσεως ἁμαρτιῶν ἔτυχον, τῆς δὲ ἀσεβείας καὶ τῆς δι' αὐτὴν κολάσεως ὑπεράνω γερόμενοι. Εἰ δέ σοι χρῆ καὶ τὸν Βαβυλωνίων Ναβουχοδονόσωρ εἰς μέσον ἐνεγκεῖν, οὗτος μετὰ πείραν Θεοῦ, ἣν εἶδεν ἐν καμίνῳ πυρὸς κατηρηγμένης ῥυσθέντων τριῶν παίδων Θεοῦ, ἀσεβήσας, καὶ ἐκδιωχθεὶς ἀπὸ τῶν ἀνθρώπων, κτήνος γεγονῶς, μετανοήσας ἐδέχθη, ὥστε τὸ ἐξ ἀρχῆς κράτος

	1	5	10	15	20	25	30	35
Cod. Copt. Par. 129,15. f. 12. Recto.	αϥκοϥϥ εροϥ εροϥ οη ηκε σοη . Μανασση δε οη πρρο̄ μ̄πηνλ μη ρενκερ ρωοϥ εναϣω οϥ . μη κε μνηϣε / εμη ταϥ αζιωμᾱ μ̄ μαϥ μ̄πικα τρεισοτη πσοοτη μ̄με ητε πποϥτε ησεερε η̄ ρωβ̄ ημ̄ εθο οϥ . ατω̄ ητε ροϥρητη̄ αϥ μετανοεῑ α πποϥτε κω̄ ηαϥ εβολ̄ ατω̄ τποϥ ηκολασῑ ε τοϥηαποχοϥ ερος . ατηποϥ ρη̄ ερος ατω̄ ατοϥχᾱῑ εβολ̄ ηρη̄τε . και περ' ασεωκ ημ̄μαϥ ει[ε] σιτ̄ επτακω̄ ηρη̄ν[κ]εϣη μοϥ εροτοϥ μ̄πρ[οϥ]η̄η̄ς αϥμο[ϥ]οϥτοϥ . ατω̄ μ̄μα' ετ οϥααβ̄ αϥχαρμοϥ .	Πηνλ δε οη τη ρϥ ϣαορᾱῑ ε τηροϥσιᾱ μ̄ πεχ̄ς . εαϥ ρ̄ϣαϥτε η̄ραϥ πσοη . ατω̄ αϥμετανο̄ῑ οη η̄ραϥ η̄σοη α πποϥτε κω̄ ηαϥ ρ̄μ̄ περη̄οϥ η̄ηᾱ μη̄ τεϥ μη̄ταγαθοϥ ετηαϣωϥ . ϣαορᾱῑ ετε ποϥ τ̄μετα ηο̄ιᾱ β̄μ̄δομ̄ ε ματε ρ̄η̄ τεκ̄ κλη̄σιᾱ εϣη̄πο̄ η̄β̄ρη̄ μ̄μη̄ πε . ρω̄στε ετρειϣω̄η̄ ερος η̄η̄εν ταϥρᾱτδομ̄ ε πτηρη̄ ρ̄η̄ η̄ ηο̄βε . ατω̄ αϥκᾱ τοοτοϥ εβολ̄ . Τδομ̄ δε η̄τμε ταηο̄ιᾱ η̄ε η̄εϥ αυτε̄λλοη̄ η̄ τοϥ ταρ̄ η̄ετ χο̄ μ̄πμαη̄ η̄ᾱ μ̄πεχ̄ς ρ̄η̄ τεχᾱρη̄ ρ̄η̄μ̄ η̄καϥ . ρω̄ς εροτοϥεη̄ η̄ε .	1 5 10 15 20 25 30 35	1 5 10 15 20 25 30 35				

ἀπολαβεῖν. Καὶ τὰ ἐπὶ τούτοις Μανασσῆς δὲ ὁ βασιλεὺς Ἰσραὴλ, καὶ πολλοὶ ἄλλοι βασιλεῖς καὶ ἰδιῶται, καὶ μετὰ θεογνωσίαν τὰ πάντα δεινὰ δράσαντες, καὶ μεταμελιθέντες ἐδέχθησαν, ἀνεθύντες τῆς διὰ τὰ εἰδῶλα βαρυτάτης κολάσεως· καίπερ ὁμοῦ σὺν αὐτοῖς δῆμους ὀλοκλήρους συγκαταπάσαντες, καὶ προφήτας ἀνελόντες, καὶ τὰ ἱερά μίαναντες. Ἀλλὰ καὶ πάντα τὸν Ἰσραὴλ ἄχρι τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας συχνῶς ἀσεβοῦντα καὶ συχνῶς μετανοοῦντα πελάγει ἀνεξικακίας καὶ ἐλέους προσεδέξατο· καὶ ἐπὶ τῆς Ἐκκλησίας ἡ κουροκόμος μετάνοια ἰσχύει πολλὰ ἕως νῦν· ὥστε καὶ τοὺς λίαν ἐξασθενήσαντας ἀμαρτίας προσέειπαι ἐπιστρέφοντας· ἡ δὲ δύναμις αὐτῆς ἐστὶ τὸ εὐαγγέλιον· αὐτὸ γάρ ἐστὶ τὸ μάννα τῆς τοῦ Χριστοῦ χάριτος,

<u>COZ</u>				
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 12. Verso.	<u>χεκας πετρ</u>	1	<u>εϋϋοοη εχη</u>	1
	<u>μητϋαϋτε</u>		<u>сарз нм · ере</u>	
	<u>εϋενα πατ ρραϊ</u>		<u>οτ παϋωπε</u>	
	<u>ηρητε ησε</u>		<u>ητοϋ εϋϋα</u>	
	<u>т.мтбаеиоот ·</u>	5	<u>ϣχριστος</u>	5
	<u>ετθε παϊ ϣρω</u>		<u>ημμακ ρωωκ</u>	
	<u>ετοοϋ μ</u>		<u>ηρμμηετη</u>	
	<u>петрос · χε</u>		<u>αϣροριζε ποτ</u>	
	<u>κω εβολ μ</u>		<u>προθεσμα</u>	
	<u>πεκσον ησα</u>	10	<u>ετθηητοτ ·</u>	10
	<u>ϣϣ αν ησον ·</u>		<u>ετρεϣτακο</u>	
	<u>αλλα ησαϣϣ η</u>		<u>οτ · ατω ατρ</u>	
	<u>ϣϣε ησον ·</u>		<u>ασεβης εροτε^{sic}</u>	
	<u>ηαϋ δε ηρε</u>		<u>ροκ · ηττα</u>	
	<u>ϣνακω ηαν ε</u>	15	<u>· χоос ан χε η</u>	15
	<u>βολ' αν' ηβι πετ</u>		<u>τεκρε οττε</u>	
	<u>† ηοε' ηηρω</u>		<u>ηοτρωμε αν</u>	
	<u>με ετρετμα</u>		<u>ηοτωτ ηε · αλ</u>	
	<u>τε ητεινοσ</u>		<u>λα ητοοτ τη</u>	
	<u>μμητχρη</u>	20	<u>ροτ ρι οτсон</u>	20
	<u>στος · χεκας</u>		<u>ατκοτοτ ατ</u>	
	<u>εκεεμε χε</u>		<u>μεταηοει ·</u>	
	<u>ηηα μηηοτ</u>		<u>ατω μηϣει</u>	
	<u>τε ηαϋωϣ</u>		<u>ηε εϣωοτ μ</u>	
	<u>παρα тμηт</u>	25	<u>птако ·</u>	25
	<u>ηανт ηηρω</u>		<u>ητοκ ρωωκ</u>	
	<u>με ·</u>		<u>ω ητπριηε</u>	
	<u>ϣρμηтρε ηβι</u>		<u>παρακαλει μ</u>	
	<u>οτα' εϋωϣ ε</u>		<u>[πει]ωτ ρη οтηноσ</u>	
	<u>βολ εϋϣω μ</u>	30	<u>ησονε ηϣηα</u>	30
	<u>μος · χε ηηα</u>		<u>καα[κ αν] ηεωϣ ·</u>	
	<u>μηρωμε εϣ</u>		<u>ηλη[ετ]ηε αϣχα</u>	
	<u>ϋοοη εϣμ</u>		<u>ριζε [ηα]ϣ μπηα</u>	
	<u>ηετρητοτωϣ</u>		<u>ραδε[ιc]οc η</u>	
	<u>μματα · ηηα'</u>	35	<u>οтκοτї ηαηρη</u>	35
	<u>δε μηηοττε</u>		<u>τε εтθε τε[ϣ]</u>	

ὅπως οἱ ἀσεβοῦντες ἐν αὐτῷ ἐλούμενοι μὴ κατακρίνονται διὰ τοῦτο λέγει τῷ Πέτρῳ· "Ὅτι οὐ μόνον ἐπτάκις ἐπτά ἀφήσεις τῷ ἀδελφῷ σου, ἀλλὰ ἐβδομηκοντάκις ἐπτά. Πῶς οὖν σοι οὐκ ἀφήσει ὁ ἀνθρώποις ἐπιτρέπων ἔχειν τοσαύτην χρηστότητα; "Ἴνα δὲ μάθης τὴν σύγκρισιν τοῦ ἐλέους Θεοῦ πρὸς ἀνθρώπους, μαρτυρεῖ τις βοῶν· "Ἐλεος ἀνθρώπου ἐπὶ τὸν πλησίον αὐτοῦ, ἔλεος δὲ Θεοῦ ἐπὶ πᾶσαν σάρκα. — 24. Τί οὖν εἶ σύ πρὸς πᾶσαν σάρκα, ὅτι νομίζεις ἔκκενουσθαι αὐτὸν, ἐὰν εἰς σὲ χρηστεύσῃται; Ἐπὶ Νινευίτας ὥρισε θάνατον, ἀσεβήσαντας ὑπὲρ σε, οὐ λέγω καθ' ἓνα, ἀλλὰ τοὺς πάντας ὁμοῦ· καὶ ἐπιστρέψαντας οὐκ ἀπόλεσε· καὶ σύ εὐτόνως αὐτὸν παρακάλεσον, ὅτι οὐ μὴ σε ἀπώσῃται. Τῷ ληστῇ ῥοπή τὸν παράδεισον δωρεῖται διὰ τὴν

			coe
Cod. Copt. Pap. 129,15. f. 13. Recto.	πιστις ετνα ϣως · ητοκ ρωωκ οη μη εκομς ρραϊ ρμ ππελατος ητε τρακια εκϣανεπινα λει μμοϣ ρη οτμε ϣνακω νακ εβολ ·	1 5 10	
	Шϣ ηπερο φитис · κηα σοτη τεϣμηт χριστος · αϣχοος ταρ μ πημα ριτη ω сне χε φηα κακ ηεε πα δαμα ατω η θε ηεεβω ειμ' · ητετ ποτ αϣεηε εχμ πϣαχε εϣταμο μμο ετεϣμηта ταθος χε α πα ρηт τετοϣ ρραϊ ηρηт · ητετ ποτ α παμее[τε] ϣтортρ · еϣ οτωηρ μμοϣ εβολ ητετ ποτ ρμ παϊ · χε ϣεβτωτ εϣωп' еροϣ ηηεтнаме	15 20 25 30 35	
			1 1 5 10 15 20 25 30 35
			1 1 5 10 15 20 25 30 35

ὕπερβολὴν τῆς πίστεως, καὶ σοὶ οὐ συγχωρεῖ κἄν εἰς πελάγη κακίας καταφυγμένος ἦς, εἰάν γνη-
σίως αὐτὸν ἐπιχαλέσῃ; Ἀνάγνωθι τοὺς προφῆτας, καὶ εἶση αὐτοῦ τὴν χρηστότητα. Λέγει Ὁσηὲ τῷ
Ἰσραήλ: Ὡς Σόδομα θήσομαί σε, καὶ ὡς Σεβωείμ· καὶ εὐθύς ἐπάγει· καὶ ἐστράφη ἡ καρδία μου
καὶ ἐν τῷ αὐτῷ συνεταράχθη ἡ μεταμέλειά μου· σημαίνων ὅτι ἔτοιμός ἐστι τοὺς μετανοῦντας
προσδέχεσθαι. Λέγει τῷ Ἰλίου: Ἴδες πῶς κατηνύγη ὁ Ἀχαάβ ἀπὸ προσώπου μου; οὐ μὴ ἐπάξω ἐν
ταῖς ἡμέραις αὐτοῦ τὰ κακὰ, καίπερ δι' αὐτοῦ τοῦ Ἰλίου ὀρίσας αὐτῷ θάνατον περὶ τινος Ναβουθαί,
δὸλφον ἐφόνευσε Ἰεζάβελ ἡ γυνὴ αὐτοῦ·

СОС			
Cod. Copt. Par. 129,15. f. 13. Verso.	ⲛⲁⲩⲩ ⲛⲣⲉ ⲧⲉ	1	ⲛⲭⲟⲓⲥ · ἈΛΛΑ
	ⲛⲟⲩ ⲛⲛⲁⲙⲉ		ⲣⲏ ⲟⲩⲱⲛⲟ ⲛⲛⲁ
	ⲉⲧⲉ, ⲉⲣⲟⲛ' Ἀⲛ		ⲱⲛⲟ ⲛⲉⲭⲉ ⲛⲭⲟ
	ⲛⲭⲉ ⲟⲩⲛⲃⲟⲙ ⲙ		ⲉⲓⲥ ⲙⲡⲁⲙⲧⲟ
	ⲙⲟⲕ ⲉⲟⲩⲭⲁⲓ	5	ⲉβⲟⲗ · Ἦⲧⲟϥ
	ⲉⲣⲉ ⲛⲉⲓⲙⲓⲧ		ⲛⲉ ⲧⲙⲉ Ἀⲩⲱ
	ⲩⲱⲁⲛⲟⲩⲛⲥ ⲉ		ⲧⲓⲛⲧⲏ ⲙⲡⲱ
	ⲧⲏⲁⲩⲱⲟⲩ		ⲛⲟ · Ἀⲩⲱ ⲙⲏ
	ⲕⲱⲧⲉ, ⲉⲣⲟⲛ		βⲟⲗ ⲩⲱⲟⲛ ρⲁ
	ⲛⲭⲉⲕⲁⲥ ⲉⲛⲛⲉ	10	ⲟⲩⲛⲥ · ⲙⲏ ⲉϥ
	ⲕⲁⲁⲩ ⲭⲟⲟⲥ ⲉⲣⲟϥ		ⲛⲁⲩⲩⲃⲉ ⲙⲛⲉϥ
	ⲛⲭⲉ ⲙⲏⲧⲁⲓ ⲥⲱ		ⲩⲱⲁⲭⲉ ὦ ⲕⲟⲩⲣⲓ
	ⲧⲏⲣⲓⲁ ⲙⲙⲁⲩ		Ἀⲛⲉ, ⲉⲧⲃⲏⲛⲧⲕ ·
	Ϫⲱⲣⲏ ⲟⲛ ⲣⲏ ⲟⲩ		ⲛⲉⲧⲉ ⲙⲛϥⲧ
	Ἀⲛⲁⲩⲩ ⲭⲉ ⲧⲟⲩⲟ	15	ⲥⲟ ⲉⲛⲉϥⲩⲏ
	Ἀⲛⲟⲕ ⲛⲉⲭⲉ		ⲣⲉ ⲙⲙⲏ ⲙⲙⲟϥ
	ⲛⲭⲟⲓⲥ ⲭⲉ ⲏ		ⲉⲧⲃⲉ ⲛⲉⲛⲟⲥ
	ⲧⲟⲩⲉϥ ⲛⲙⲟⲩ		ⲏⲣⲱⲙⲉ ·
	Ἀⲛ ⲙⲓⲣⲉϥⲣ		ⲉⲧⲏⲁⲭⲣⲟ ⲉⲧⲉϥⲙⲏⲧ
	ⲛⲟⲃⲉ' ⲛⲟⲉ ⲉ	20	ἈⲦⲁⲑⲟⲥ ρⲣⲁⲓ ⲏ
	ⲧⲣⲉϥⲕⲧⲟϥ		ⲟⲩⲛⲧⲕ ⲙⲁⲧⲁⲁⲕ ·
	ⲛϥⲉⲓⲣⲉ ⲛⲟⲩ		Ἀⲧⲉⲧⲟⲩ ⲙⲙⲟϥ
	Δⲓⲕⲁⲓⲟⲩⲧⲏⲏ		ⲉⲧⲃⲉ ⲛⲣⲱⲙⲉ ·
	ⲉⲛϥⲉⲓ ⲉⲧⲉ		ⲉⲓⲉ ⲛⲁⲩⲩ ⲛⲣⲉ
	ⲟⲩⲏ ⲙⲡⲱⲛⲟ ·	25	ϥⲏⲁⲭⲏⲟ ⲉⲧⲁ
	ⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ ⲃⲉ		Ἀϥ ⲙⲙⲏ' ⲙⲙⲟϥ
	ⲟⲙ ⲛⲉⲕⲣⲏⲧ ⲧⲏ		ⲛⲟⲩⲁⲥⲉⲃⲏⲥ
	ⲣϥ · ϥⲏⲁⲭⲟⲟⲥ		ⲉⲓⲧⲉⲧⲉⲧⲉ ⲉ
	ⲛⲁⲕ ⲭⲉ ⲉⲛⲩⲁ		ⲣⲟϥ ·
	ⲱⲛⲟ ⲏⲩⲥⲉ ⲏ	30	Ϫⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲛⲁ
	ⲣⲟⲙⲛⲉ ⲟⲩⲏ ⲛⲉⲕ		ⲥⲉⲃⲏⲥ ⲩⲱⲣⲟϥ
	ⲙⲏⲧⲁⲥⲉⲃⲏⲥ ·		ⲉⲧⲥⲁⲣⲟⲩ ⲙⲙⲟϥ ·
	ⲏⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟ		ⲏⲧⲟⲕ ρⲱⲱⲕ
	ⲉⲓ ⲟⲙ ⲛⲉⲕⲣⲁⲉ		ⲉⲕⲧⲉⲟⲩⲟⲩ ⲛⲁϥ
	ⲏⲣⲟⲟⲩ ⲏⲛⲉⲕ	35	ⲙⲏ ϥⲏⲁⲛⲟⲭⲏ
	ⲙⲟⲩ ⲛⲉⲭⲉ		ⲉβⲟⲗ ⲙⲙⲟϥ

καὶ δι' αὐτὸν πῶς σεαυτὸν ἀπελπίσεις σωθῆναι τοσούτῳ πελάγει οἰκτιρμῶν περιβληθσόμενος; Οὐ μόνον λιπῶς σοι δείκνυμι Θεὸν χρηστευόμενον· ἵνα γὰρ μηδεὶς ἑαυτὸν σωτηρίας ἀπαγορεύσῃ, ὁμνυσι λέγων· Ζῶ ἐγώ, λέγει κύριος, εἰ θελήσει θέλω τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ, ὡς τὸ ἐπιστρέψαι, καὶ εἰς ζωὴν ἔλθεῖν. Ἐξ ὅλης καρδίας μετανόησον, καὶ ἔρεῖ σοι· Ἐὰν ζῆς ἔτη ἑκατὸν ἐν ἀσεβείᾳ, καὶ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ μετανοήσῃς, οὐ μὴ ἀποθάνῃς, λέγει κύριος, ἀλλὰ ζωὴν ζήσεις ἐνώπιόν μου· οὐ δύναται Θεὸς ψεύσασθαι, αὐτὸς 222. γὰρ ἐστὶν ἡ ἀλήθεια· μὴ διὰ σε ἔχει παλιλλογήσαι, Κυπριανέ, ὅς γε τοῦ ἰδίου υἱοῦ οὐκ ἐφείσατο διὰ τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος, καὶ ἐπί σοι ἔχει νικηθῆναι ἢ ἀγαθότης αὐτοῦ;

25. Διὰ τὸν ἀνδρῶπον ἐσταυρώθη, καὶ ὀκνεῖ ἀσεβεῖ ἐπιστρέφοντι ἑαυτὸν ἐπιδοῦναι; λοιδορούμενος τοὺς ἀσεβεῖς προσκαλεῖται, καὶ δοξαζόμενος ἀπώσεται σε;

	_____	_____	_____	_____
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 14. Recto.				СОЗ
	πρεϑρηνοβε	1	κ̄π̄ριανε · χε	1
	ϑ̄ϑωπ̄ μμο		π̄τα πε̄χε̄ ϑαρ	
	ο̄τ̄ εροϑ̄ ετο		αν̄ εῑ ετε̄ρμ̄	
	π̄ᾱτ̄νᾱο̄τε̄ ε		π̄ᾱδικ̄αῑο̄ς̄ ᾱλ	
	ροϑ̄ · η̄τοκ	5	λᾱ η̄ρεϑ̄ρη̄νοβε	5
	ρ̄ωωκ̄ κ̄πισ̄τε̄τε̄ε		ε̄τ̄με̄τᾱνο̄εῑ	
	ε̄ροϑ̄ · η̄ᾱϑ̄ η̄		μο̄νο̄η̄' η̄τοκ	
	ρε̄ ϑ̄νᾱρη̄αν̄τ̄		με̄τᾱνο̄εῑ η̄	
	αν̄ η̄μ̄μᾱκ̄ ·		θε̄, ε̄τε̄ϑ̄ϑ̄ε̄ ·	
	Π̄π̄ϑ̄κ̄το̄' πεϑ̄	10	Κ̄η̄ᾱνᾱτ̄ ε̄ροϑ̄	10
	ρο̄ ε̄βο̄λ̄ μ̄π̄λη̄		ε̄ρε̄ πεϑ̄δ̄ῑχ̄	
	στῑνε̄ ε̄ϑ̄χῑο̄τᾱ'		πο̄ρ̄ϑ̄ ε̄βο̄λ̄'	
	ε̄ροϑ̄ · η̄ᾱϑ̄ η̄		ε̄ϑ̄ϑ̄ωπ̄ μ̄μοκ̄	
	ρε̄ ϑ̄νᾱκ̄τοϑ̄		ε̄ροϑ̄ ρ̄η̄ ο̄τ̄η̄ο̄β̄	
	ε̄βο̄λ̄ μ̄μοκ̄	15	η̄τε̄λη̄λ̄' · η̄	15
	ε̄κο̄τ̄ω̄ϑ̄ϑ̄τ̄		τε̄ρεϑ̄ρε̄ ϑαρ	
	η̄ᾱϑ̄ ε̄τ̄ρεϑ̄κ̄ω̄		ε̄πε̄σο̄ο̄τ̄ η̄ε̄τ̄ ^{sic}	
	η̄ᾱκ̄ ε̄βο̄λ̄ ·		σο̄ρ̄μ̄ · ο̄τ̄ μ̄ο̄ ^{sic}	
	ε̄ϑ̄ϑ̄ε̄ η̄η̄ο̄τ̄		✦ χε̄ ᾱϑ̄ρᾱϑ̄ε̄ ε̄	
	τε̄ ο̄ η̄η̄ο̄β̄ ε̄η̄	20	ρ̄ρᾱῑ ε̄χ̄ωϑ̄ ·	20
	ᾱτ̄τε̄λο̄ς̄ η̄ᾱη̄		ᾱλλ̄ᾱ ᾱϑ̄τᾱλοϑ̄	
	τω̄ς̄ ϑ̄ο̄ η̄η̄ο̄β̄		ε̄χ̄η̄ τε̄ϑ̄η̄ᾱρ̄η̄	
	ο̄η̄ ε̄ρο̄ο̄τ̄ ρ̄η̄		μ̄μ̄η̄ μ̄μοϑ̄	
	τε̄ϑ̄μ̄η̄τ̄χ̄ρη̄		η̄θε̄ η̄ο̄τ̄ϑ̄η̄	
	στο̄ς̄ ·	25	ρε̄ μ̄με̄ρη̄τ̄ ·	25
	Ε̄ϑ̄ϑ̄ε̄ ϑ̄ᾱρε̄ ο̄τ̄		✦ χε̄κᾱς̄ ρ̄μ̄ η̄ᾱῑ	
	ρᾱϑ̄ε̄ ϑ̄ω̄η̄ε̄		ε̄κε̄εῑμε̄ χε̄	
	η̄η̄ᾱᾱτ̄μᾱ τη̄		ϑ̄ρᾱϑ̄ε̄ ε̄ρ̄ρᾱῑ	
	ρο̄τ̄ η̄η̄ᾱτ̄τε̄		ε̄χ̄ωϑ̄ πᾱρᾱ η̄	
	λο̄ς̄ ε̄ρ̄ρᾱῑ ε̄χ̄η̄	30	ᾱτ̄τε̄λο̄ς̄ ·	30
	ο̄τ̄ρεϑ̄ρη̄νοβε̄		ᾱτ̄ω̄ η̄η̄τοκ̄ ρ̄ω̄	
	η̄ο̄τ̄ω̄τ̄ ε̄ϑ̄		κ̄χ̄ω̄ μ̄μο̄ς̄	
	ϑ̄η̄ᾱη̄με̄νο̄εῑ ^{sic}		✦ χε̄ ϑ̄η̄ᾱτ̄ε̄το̄ῑ	
	ε̄ῑε̄ η̄ᾱϑ̄ η̄ρε̄ η̄ϑ̄η̄ᾱ		ε̄βο̄λ̄ · μο̄η̄ο̄	
	ϑ̄ρη̄ϑ̄η̄ αν̄ ε̄ροκ̄ ·	35	εῑρε̄ η̄ο̄τ̄κᾱρ	35
	Τ̄ω̄κ̄ η̄ρη̄τ̄ ω̄		η̄ο̄ς̄ ε̄ϑ̄μ̄η̄ϑ̄ᾱ	

ἀπιστεύμενος τοὺς ἁμαρτωλοὺς προσεκαλέσαστο, καὶ πιστεύόμενος οὐ χρηστεύεσται σε; πάσχων οὐκ ἀπεστράφη τὸν ληστήν, καὶ προσκυνούμενος πρὸς σε οὐκ ἐπιστραφήσεται εἰς ἰλασμόν; εἰ μείζων τῶν ἀγγέλων ὁ Θεός, πάντως ὅτι μειζόνος χρηστεύεται· πάντα τὰ ἐπουράνια χαίρουσιν ἐπὶ ἁμαρτωλῶ ἔνι μετανοοῦντι, καὶ πῶς ὁ Θεός σε ἀποστραφήσεται; Θάρσσε Κυπριανέ, οὐκ ἦλθεν ὁ Χριστὸς καλέσαι δικαίους, ἀλλ' ἁμαρτωλοὺς εἰς μετάνοιαν· μόνον σὺ μετανόησον ὡς γρή, καὶ ὄψει αὐτὸν περιπτυσσόμενόν σε. "Ὅτε εὔρε τὸ ἀπολωλὸς πρόβατον οὐ μόνον ἐχάρη, ἀλλὰ καὶ ὡς τέκνον αὐτὸ ἐπὶ τῶν ὤμων ἐβάστασεν, ἵνα ἔργῳ μάθῃς τὸ ὑπερβάλλον Θεοῦ πρὸς ἀγγέλους, καὶ σὺ λέγεις ὅτι ἐμὲ περιόψεται; Σὺ μόνον ποίησον καρπὸν ἄξιον

Cod. Copt.
Par. 129, 15.
f. 15.
Recto.

ετοσααβ... οτ 1
 η. τ... α ... με
 ρος μετ...
 ... ελαατ· ατω
 εσαττ̄ τετ 5
 βίχ νοτον
 ημ̄ ετοτωω
 ρη̄ οτραψε·
 μη̄ μητχασι
 ρητ̄ γαρ̄ ρατητ̄ 10
 οττε̄ μη̄ στο
 λη̄ σοολε̄ μ̄
 μοοτ̄· χε̄ ε
 ρε̄ ηρωμε
 βωστ̄ εροοτ̄ 15
 εσταμο̄ μμο
 οτ̄ ετεοοτ̄
 εψωτετ̄
 μετ̄ μεετε
 ✕ χε̄ ανοη̄ ρην̄ 20
 σοφος̄· μετ̄
 ✕ χοος̄ η̄ ηετ̄
 ηᾱ τ̄ εβω̄ ηατ̄
 ✕ χε̄ ηᾱ ρηρο̄
 οτ̄ εβολ̄ ητε̄ 25
 ηηεῑ· ετρελ̄
 ηιζε̄ ρμ̄ πᾱι ε
 τ̄ρετ̄χῑ ηοτ̄
 βεκε̄ η̄ τοο
 τοτ̄· ψατ̄ρ̄ 30
 ψορη̄ η̄ σετσα
 βοοτ̄ εηηοσ̄
 η̄ κεφαλαιον̄
 ετηοτ̄χε̄ μ̄
 μοοτ̄ εβολ̄ η̄ μ̄ 35
 μεετε̄

σοθ
 μο... ατ... 1
 χε̄
 κηᾱ τ̄θε̄ ηοτ̄
 ρμοτ̄ ηε̄
 τ̄εψ̄ε̄ εροτ̄ 5
 ετεκρηηις
 η̄ τσοφιᾱ σε
 ηαπαρακαλει
 μμοκ̄ ετσο
 οτη̄ χε̄ ταηατ̄ 10
 κη̄ εταχρε̄
 τ̄σητε̄, εβολ̄
 ✕ χε̄ ητοσ̄ ηε̄
 ηταχρο̄ η
 ηκωτ̄ ατω̄ ε̄ 15
 κω... τατε̄
 ✕ χω... η̄ ηερωβη̄
 οτε̄ ετ̄σηρ̄
 ηοτ̄εψ̄ η̄ τ̄ο
 σε· 20
 Κηηαηατ̄ ρμ̄ ημα
 ετ̄ματ̄ ετ̄
 λιτοτ̄ρηιᾱ ες
 οσααβ...
 αη̄ εβολ̄ 25
 ... ο... ρη̄ ρην̄
 κ̄ τ̄ μ̄ βαλον̄
 μη̄ ρηηκεορ̄
 γαηοη̄
 σμη̄ ετ̄ 30
 α... ε̄
 ... ατερε̄
 ... ηρο̄ ε...
 . η̄
 35
 ρηησητ̄ε̄ η̄

καὶ γὰρ ἄφθονοὶ εἰσιν, καὶ χαίροντες χεῖρα ὀρέγουσιν· οὐκ ἔστι παρ' αὐτοῖς τύφος, οὐ στολὴ περίβλεπτος ἐπίδειξις σημαίνουσα, οὐ σοφιστικὴ οἴησις, οὐκ ἐλπίδι μισθῶν ὑπέρθεσις ἀνελεύθερος. Καὶ γὰρ ἀπὸ τῶν κεφαλαίων ἀρχονται, πᾶσαν λήψεως ὑπόνοιαν ἐξορίζοντες· οὐχ ὡς οἱ σοφισταὶ ἀπ' ἐλαττόνων ἀνάγονται τὸν νοῦν, ἀλλὰ χωρὶς, ὡς ἔπος εἰπεῖν, τῇ κρηπίδι πλησιάσαι τῆς σοφίας παρκαλοῦσιν· εὐειδότες δεῖν πρῶτον τὸν θεμέλιον ὀρίζειν ὅτι κράτιστον, εἶθ' οὕτως ἀζημίως ἐποικοδομεῖν τὰ ἀκόλουθα. Ὅφει ἔχετ' σεμνὴν λειτουργίαν, οὐ κυμβάλοισι καὶ ὀργάνοις περιηχομένην, οὐ κρότον ἀκοήν ἐκθελύνοντα, οὐκ αὐλοῦς

СП				
Cod. Copt. Par. 129,15. f. 15. Verso.	ⲭⲱ ⲉⲧⲧⲁⲧⲟ̅ ⲛ	1	ϩⲣⲏⲛⲏⲉⲟ̅ⲛⲟ	1
	ϩⲣⲏⲱⲁ̅ ⲛ̅ ⲉⲧ		ⲣⲟⲥ ⲉⲧⲉⲓⲣⲉ	
	ⲃⲛⲓⲗ ⲉⲃⲟⲗ .		ⲛⲣⲏⲛⲟⲧⲉ	
	ⲙⲛ ϩⲣⲏⲧⲧⲙ		ⲉⲧⲣⲉⲧⲭⲣⲟ̅ ⲉ	
	ⲛⲁⲛⲟⲛ ⲉϣⲁⲧ	5	ⲧⲟⲃⲙ ⲛⲣⲏⲛⲙⲁ	5
	ⲟⲧⲱϣϣ ⲙⲛⲟⲧ		ⲥⲉ ϣⲁⲛⲧⲟⲧ	
	ⲣⲟⲧ ⲛⲧⲙⲛⲧ		ϣⲁⲧⲟⲧ . ⲟⲧ	
	ϩⲁⲛ . ⲛⲛⲁⲛⲁⲧ		Ⲙⲉ ⲛⲧⲏⲥⲁⲥⲟⲧⲙ	
	ⲁⲛ ⲉⲧⲭⲟⲣⲟⲥ		ⲁⲛ ⲉⲛⲱⲁⲭⲉ	
	ⲉϣⲧ ⲛⲟⲧⲏϣ	10	ⲉϣⲭⲁⲣⲙ ϩⲏ	10
	ⲉⲛⲣⲟⲧⲟ ⲉⲛⲉ		ⲧⲧⲁⲛⲣⲟ̅ ⲛⲟⲧⲁ' .	
	ϩⲣⲟⲟⲧ ⲛⲣⲏ		ⲟⲧⲁⲉ ⲟⲧⲥⲟⲃⲉ	
	ⲙⲟⲧⲥⲏⲕⲟⲛ .		ⲉϣⲟ̅ ⲛϣⲓⲗⲟϣ .	
	ⲉⲧⲛⲟⲙⲟⲥ ⲁⲛ		ⲙⲛ ⲟⲧⲃⲁⲗ ⲉϣ	
	ⲉϣⲣⲟⲟⲧ ⲟⲧⲁⲉ	15	ⲃⲱϣⲧ ⲉⲭⲙ	15
	ⲉⲧⲥⲙⲛ ⲛⲁⲫⲧ		ⲛⲙⲛⲏϣⲉ .	
	ⲭⲟⲛ ⲧⲁⲓ ⲉϣⲁⲥ		ⲛⲛⲁⲛⲁⲧ ⲁⲛ ⲉ	
	ⲧⲣⲉ ⲛⲣⲏⲧ ⲛ		ⲟⲧⲟⲣⲉ ⲉⲧⲟⲧ	
	ϩⲣⲟⲓⲛⲉ ϣⲧⲟⲣ		ⲱⲙ ⲙⲙⲟⲥ	
	ⲧⲣ . ⲟⲧⲧⲉ ⲛⲧ	20	ϩⲏ ⲟⲧⲧⲣⲟⲛⲣⲉⲛ .	20
	ⲛⲁⲛⲁⲧ ⲁⲛ ⲉⲣⲏ		ⲟⲧⲁⲉ ⲟⲧⲙⲟⲥⲧⲉ	
	ⲟⲧⲥⲓⲁ ⲙⲛ ϩⲣⲏ		ⲛⲧⲣⲥⲁⲛⲏⲧ	
	ⲥⲟⲧ' ⲉⲧⲉⲓⲱ̅		ⲁⲛ . ⲁⲗⲗⲁ ⲛⲛⲁ	
	ⲙⲙⲟⲟⲧ ⲉⲃⲟⲗ		ⲛⲁⲧ ⲉⲛⲧⲏⲣϣ	
	ⲟⲧⲁⲉ ϩⲣⲏϣⲉ'	25	ⲉϣϣⲟⲟⲛ ϩⲏ	25
	ⲙⲛ ⲟⲧⲛⲱⲣⲧ		ⲟⲧⲙⲉⲉⲧⲉ ⲉϣ	
	ⲉϣⲟⲧⲱⲙ' ⲛⲏ		ⲥⲃⲣⲁⲣⲧ ⲙⲛ ⲟⲧ	
	ⲥⲱⲙⲁ' ⲛⲏⲁⲗⲟ		ⲛⲁⲧⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ	
	ⲧⲟⲛ . ⲟⲧⲧⲉ		ⲉⲥⲟⲃⲃⲏⲏⲧ .	
	ⲉⲣⲉⲛⲟⲧⲏⲛⲃ	30	ⲛⲁⲓ ⲉⲧⲉ ⲟⲧⲏ	30
	ⲉⲧⲣⲏⲛ' ϩⲱⲥ		ⲟⲧⲁ ⲛⲁⲭⲓⲥⲃⲱ	
	ⲉⲧϣⲟⲟⲛ ϩⲏ		ⲉⲣⲟⲟⲧ ϩⲏⲧⲟⲟ	
	ⲟⲧⲛⲟⲗⲉⲙⲟⲥ .		ⲧⲟⲧ ⲉϣⲛⲁⲧ ⲉ	
	ⲉⲧⲧⲟⲧⲃⲉ ⲛ		ϩⲣⲏϣⲏⲏⲣⲉ	
	ⲧⲏⲛⲟⲟⲧⲉ ⲛⲁⲧ	35	ⲁⲧⲱ ⲉϣⲟⲉⲱ	35
	ϣⲁⲭⲉ . ⲟⲧⲁⲉ		ⲣⲉⲓ ⲛⲣⲏϣⲏⲣⲉ	

ἡχοῦντας λελυμένας ᾠδὰς, οὐ τύμπανα ὀρμήν κλῶντα ἐπιεικείας, οὐ χορὸν μουσικῇ τὸ πλεόν προσέχοντα, καὶ οὐκ εὐνομία' οὐ φωνὴν ἀλόγων δονοῦσαν διάνοιαν, οὐ θύματα καὶ κόπρους καθαιρομένους, οὐ ξύλα καὶ πῦρ ἀλόγων σωμάτων ἀλιτήρια' οὐχ ἱερέα οἰονεὶ ἀλόγῳ πολέμῳ καθοπλισμένον, οὐ νεωκόρους ταύρων τροποῦντας ἰσχύν' οὐ λόγον ἀκόλαστον, οὐ γέλωτα αἰσχροτάτον, οὐ βλέμμα μετέωρον, οὐ θοίνην ἄτακτον, οὐ τρόπον ἀσχήμονα' ἀλλὰ τὸ πᾶν ἡσυχίας γνώμην, καὶ κατάστασιν ἄτυπον· δι' ὧν παιδευθεῖη τις ἂν ὀρῶν κομιδῇ νηπίους

			спа	
Cod. Copt.	ϣημ εματε	1	εϋρωκ μμο	1
Par. 129,15.	ρη ρηλκια εοτ		οτ ετρομοποα	
f. 16.	ητατμματ		ηψτχη· εϋ	
Recto.	τεϊταζειс ποτ		καθαριζε ητετ	
	ωτ ετναποτс	5	тапρō μη ηετ	5
	μη ηολλοῑ·		μααχε εβολ ρη	
	ρωστε, ετρεϋ		ηχω ηκocμi	
	μεετε επκοτεi		κoη ετρετ	
	ετηρητοτ		сωτμ ρη οτ	
⊕	χε εϋκocμeι	10	†οτηϋ εηe	10
	ρη οτcτνατω		τοτναοωτοτ	
	τη ηαττελοс·		ρη ηετpαφη	
	εταρε δε еpατοτ		μη ηεταττε	
	μπεсκωте·		λιoη· μπpρ	
	κηанаτ ερεη	15	щпнpe δε e	15
	ρλλο ετοτααβ		тpeк† ηeκοτ	
	ηpμнским		oει εροτη e	
	ετωτμ ηса		poc· αλλα θηoη	
	οτρητεμωη		ητοϋ εροτη	
	ποτωτ ете	20	εпаτ ρη οτ	20
	οταρχιεpεтс		παρρηcia·	
	ηe· κηанаτ		τωoτη ητβωλ	
⊕	δε οη ερεη		εβολ ητεκ	
	ηeοκopoc		ηηcтeгa εβολ	
	ποτ . . . η εт	25	χε ηeκщoмт ^{сiо}	25
	ο ποτκлом e		ηooт емпeк	
	тетpαпeза e		oтoм· ηтп	
	τοτααβ ρη οτта		βωκ тeωс	
	ζειс εoтптac		μη ηeпepηт	
	μματ ποταηo	30	εтeкκλнcia	30
	λοτoia· ατω		ηтпщлпλ' м	
	ηeтψαλλeι		ηпаτ ηpοтpε	
	ηαχω μпeй		μηηсωс η	
	ψαλλmoс ηтeй		тпβωк eппaт	
	pe, epе ηeϋщa	35	ηpтooтe e	35
⊕	χε oтoпp εβολ		тeтпaзic eт	

τὴν αὐτὴν πρεσβύταις ἔχοντας εὐταξίαν, ὡς ἐκ τινός θειώδους συνθήματος οἶσθαι τὸ νέον αὐτῶν καταβραβεύσθαι. Πάντων οὖν ἐν κύκλῳ ἐστώτων, ἴδοις ἂν πόλιν ἱερὰν ἐνὶ πειδαρχοῦσαν ἡγεμόνι, ἐτέρους δὲ νεωκόρους ἀκολουθίᾳ τάξεως τὴν ἱερὰν τράπεζαν περιβάλλοντας· εἶθ' οὕτως ὁ ψαλμωδὸς ἀφελὴς τῷ λόγῳ καὶ ὕμνῳ κατανουκτικὸς εἰς παράκλησιν, οἷον εἰ περικαθαίρων τὰ στόματα καὶ τὰς ἀκοὰς ὕδῶν κοσμικῶν πρὸς τὰ μέλλοντα ἀναγνώσματα. — 223. 27. Μὴ αἰδεσθῆς οὖν τὴν πρόσσodon, ἀλλ' ἐν παρρησίᾳ προσπέλαζε, καὶ ἀναστὰς ἀπονήστεσαι, τρίτην ταύτην τὴν ἡμέραν ἄσιτος ὦν· καὶ κοινωνητέως ἴωμεν τέως πρὸς τὴν τῆς ἐσπέρας εὐχὴν· ἐξῆς δὲ τῆ πανεόρτω συνάξει ἐπιμέμοντες.

επὶ				
Cod. Copt. Par. 129,15. f. 16. Verso.	μ . . . η	1	τελος ετμ	1
	πσωνт τар		ματ · ητοу μη	
	πε · εειρε . . .		πεψиρε еу	
	ροοτ ηθεβηο		π ρηλια .	
	μαс прпме	5	ατω οη επρη	5
	ετε ηταναστα		τεϊανσηβε η	
	сис мπεχс ·		οτωт епхи	
	μηса перо		сβω мпеснат ·	
	οτ δε ετμματ		ατω ητοοτ δε ατ	
	ητεκτριακη	10	χιτ εροτη е	10
	ητηβωκ е		πετιη · ειρη	
	ροτη епнι πα ^{sic}		τετμντε м	
	пас ηтпейре		песнат ειμο	
	ηηερβητε η		οψε ημματ	
	τηтаго ηша	15	ατсμνте наї	15
	χε ешаотато		ηηетешше	
	οτ ρη ρσμнос		εтраотомот	
	εβολ · τωκ η		μηпсωс αη	
	ρηт ηтшопе		βωκ ηтеїре	
	ηοτρωμε η	20	ετεκκληсiα ·	20
	χωρε ω ηт		ατω псшoop	
	припe με		μματ епма' е	
	шак τар η[τωκ]		тμματ ηθε η	
	[η]θε ηт[ακτα]		тпе ρα пссг	
	[κ]ο[οτ] κηα	25	οτ · ρραї ρμ	25
	τοτχε ροτο		Πεχορος ηη	
	εροοτ ματαак ·		αττελος εт	
	Κηприане · αї		ρσμпете ет	
	τωοτη ηтеτ		смот епнот	
	ηοτ αїамарте	30	те · ατω етоτ	30
	ηтечале		ωшб ρη οт	
	ατω тецмес		сμη ηοτωт	
	οηт αїтосс е		ηтлезиc м	
	ροτη еτωї ·		μη[т]ρεβραι	
	αїаспа[ze] ω . .	35	οс χе αλληλοσїа ·	35
	ωт ατω πατ		ρωсте етра	

ἔθος γὰρ τῶν ἑπτὰ ἡμερῶν τῇ πρώτῃ ποιεῖν ἀναστάσεως Χριστοῦ μνείαν, μεθ' ἣν τῷ πάπῃ προσελθόντες τὰ εἰκότα δρωμέν καὶ λέγομεν. Σαυτοῦ γενοῦ Κυπριανέ τάχα γὰρ πλείονας σώσεις, παρ' οὓς ἀπόλεσας, καὶ μου μνησθήτι ὅταν εὖ σοι γένηται, μεθ' ἡμερινά σοι ἐνύπνια διακρίνοντι πρὸς πολλῶν ὀφέλειαν. Ἐγὼ οὖν ἀναστάς ἀπρὶξ εἰχόμεν αὐτοῦ τῆς κεφαλῆς, καὶ στέρνα αὐτοῦ τοῖς ἐμοῖς προθέμενος, πατέρα καὶ ἄγγελον ἀπεχάλου· Κἄμὲ μέσον ἔχοντες ἑαυτῶν αὐτὸς καὶ ὁ τούτου υἱὸς συνηλικιώτης μου ὦν, καὶ τῆς αὐτῆς μοι τῶν γραμμάτων διατριβῆς γεγωνῶς, εὐσεβείᾳ δὲ προύχων, εἰ καὶ τις ἄλλος, οἴκαδε ἀγαγόντες, παρετίθουν τὰ πρέποντα. Βεῖθ' οὕτως ἀπήειμεν εἰς τὴν ἐκκλησίαν, καὶ ἴδον τὸν χορὸν οὐρανίων εἰκότα Θεοῦ ἀνθρώπων, ἢ χορῶ ἀγγέλων Θεῶ ἀναμέλλοντι, Ἐβραϊκὴν τε λέξιν ἐκάστῳ στίχῳ ἐπαγαγόντες μιᾶ φωνῇ, ὡς πείθεσθαι αὐτοὺς μὴ εἶναι ἀνθρώπους

			ε	
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 9. Verso.	ερχοε̄ις ερρᾱι ε̄χωϋ : ~ Ατω̄ η̄τερο̄τ ⋆ ᾱ η̄ετο̄ μηεϋ ρο̄τη̄ τιρο̄τ πω̄ω̄νε̄ εβολ̄ ᾱ η̄ρω̄τ̄ ερ χοε̄ις ερρᾱῑ ε̄ χωϋ̄ · ᾱμο̄τ η̄τερο̄τ ·	1	ο̄τπετ̄σοο̄π μπε̄ικακο̄τρ το̄ς ε̄σοο̄τ : ~ Ᾱμο̄τ̄ω̄η̄β̄ η̄β̄ῑ ρ̄ρε̄ντῑος ⋆ η̄ μπε̄ρρ̄ λᾱᾱτ̄ μπε̄σοο̄τ̄ μπε̄ῑ ρω̄με̄ η̄δ̄ῑκε̄ ω̄ς · μη̄ τε̄ῑ πᾱρθε̄νο̄ς · ε̄βολ̄	1
	⋆ Π̄μακᾱρῑος̄ Δ̄ε ρω̄ωϋ̄ η̄τη̄ ρῑᾱνο̄ς̄ με̄ν ιο̄τ̄ε̄τῑνᾱ τ̄ πᾱρθε̄νο̄ς̄ ε̄ η̄ε̄ρο̄η̄ε̄σῑτ̄ ε̄τλᾱνε̄ῑτ̄ ε̄τ̄ω̄βε̄ μ̄μο̄ϋ ·	5	⋆ η̄ η̄νο̄τε̄ η̄νε̄χ̄ρη̄στῑᾱ νο̄ς · ο̄τη̄νο̄τε̄ η̄ε̄ο̄τη̄σο̄μ μ̄μο̄ϋ · ᾱλ	5
	⋆ Π̄κω̄μῑς̄ Δ̄ε̄ η̄ τε̄ρε̄ϋνᾱτ̄ η̄ε̄ ⋆ ρ̄ᾱϋ̄ η̄ᾱτ̄ · ⋆ η̄ε̄ ᾱ ρη̄τ̄ ο̄τᾱτ̄ᾱρο̄ ε̄ρο̄ς̄ τε̄ τ̄σο̄μ μπε̄χε̄ς̄ · ε̄ῑς πᾱκε̄ο̄τη̄νῑβ̄ ᾱϋρω̄η̄ϋ̄ ᾱϋ μο̄τ̄ : ~	10	λᾱ ε̄κ̄σᾱη̄ᾱχο̄ ο̄τ̄σο̄τ̄ μ̄η̄ρ̄ρο̄ ϋ̄η̄ᾱε̄ῑμε̄ ε̄τε̄τε̄ τῑᾱ · η̄κω̄ μ̄ῑς̄ Δ̄ε̄ ᾱϋ̄ε̄ρᾱῑ ρᾱρο̄ο̄τ̄ η̄ο̄τᾱ η̄ᾱφ̄ω̄ρᾱ μ̄ ⋆ η̄ε̄ῑτ̄η̄ω̄ς̄ · ⋆ η̄ε̄ η̄λᾱτ̄ᾱδ̄ιο̄ς̄ ⋆ η̄κε̄σᾱρ̄ · ε̄ϋ̄ς̄ ⋆ ρ̄ᾱῑ μ̄η̄νο̄ς̄ η̄ρ̄ ⋆ ρ̄ο̄ · η̄χο̄ε̄ῑς̄ η̄ ⋆ το̄η̄νο̄τ̄με̄νη̄ ⋆ τη̄ρ̄ς̄ · Δ̄ιο̄κ̄ ⋆ λῑτῑᾱνο̄ς̄ χ̄ε̄ ⋆ ρ̄ε̄τε̄ · η̄ᾱτᾱ	10
	⋆ Π̄κω̄μῑς̄ Δ̄ε̄ η̄ τε̄ρε̄ϋνᾱτ̄ η̄ε̄ ⋆ ρ̄ᾱϋ̄ η̄ᾱτ̄ · ⋆ η̄ε̄ ᾱ ρη̄τ̄ ο̄τᾱτ̄ᾱρο̄ ε̄ρο̄ς̄ τε̄ τ̄σο̄μ μπε̄χε̄ς̄ · ε̄ῑς πᾱκε̄ο̄τη̄νῑβ̄ ᾱϋρω̄η̄ϋ̄ ᾱϋ μο̄τ̄ : ~	15	⋆ η̄ε̄ο̄τη̄σο̄μ μ̄μο̄ϋ · ᾱλ	15
	⋆ Ᾱτω̄ η̄κω̄μῑς̄ ᾱϋμο̄τ̄τε̄ ε̄ρ ρε̄ντῑος̄ · η̄ε̄ ⋆ ρ̄ᾱϋ̄ η̄ᾱϋ̄ · ⋆ η̄ε̄	20	⋆ η̄ε̄ο̄τη̄σο̄μ μ̄μο̄ϋ · ᾱλ	20
	⋆ Ᾱτω̄ η̄κω̄μῑς̄ ᾱϋμο̄τ̄τε̄ ε̄ρ ρε̄ντῑος̄ · η̄ε̄ ⋆ ρ̄ᾱϋ̄ η̄ᾱϋ̄ · ⋆ η̄ε̄	25	⋆ η̄ε̄ο̄τη̄σο̄μ μ̄μο̄ϋ · ᾱλ	25
	⋆ Ᾱτω̄ η̄κω̄μῑς̄ ᾱϋμο̄τ̄τε̄ ε̄ρ ρε̄ντῑος̄ · η̄ε̄ ⋆ ρ̄ᾱϋ̄ η̄ᾱϋ̄ · ⋆ η̄ε̄	30	⋆ η̄ε̄ο̄τη̄σο̄μ μ̄μο̄ϋ · ᾱλ	30

ὕπὸ τοῦ πυρός, καὶ ἡ γαστήρ αὐτοῦ διερράγη, καὶ τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ ἐγυμνώθησαν, καὶ τὰ ὀστά αὐτοῦ διεσπαράθησαν, καὶ ἐξεχύθησαν· ὁ δὲ μακάριος Κυπριανὸς ἄμωμος ἔμεινε σὺν τῇ Παρθένῳ δοξάζων τὸν Θεόν. 5. Τότε ἀνέκραξεν ὁ κόμης λέγων· Τάχα ἀνίκητός ἐστιν ἡ δύναμις τοῦ Χριστοῦ. Τοῦτο δὲ μόνον μέλει μοι ὅτι τὸν ἱερέα, καὶ μόνον ὄντα φίλον μου ἀπέκτεινεν. Καλέσας οὖν Τερέντιον τὸν συγγενῆ αὐτοῦ, λέγει· τί ποιήσω τοῖς κακούργοις τούτοις; Λέγει αὐτῷ ὁ Τερέντιος· Μηδέν σοι πρὸς τοὺς ἁγίους τούτους. μὴ δὲ ἀντίπιπτε τῇ ἀληθείᾳ, ἀνίκητος γάρ ἐστιν ὁ Θεὸς τῶν Χριστιανῶν· ἀλλὰ παρὰπεμψον αὐτοὺς τῷ βασιλεῖ, δηλῶν τὰ κατ' αὐτούς. Ὁ δὲ κόμης γράφει ἀναφορὰν τοιαύτην· Κλαυδίῳ καίσαρι τῷ μέγιστῳ γῆς καὶ θαλάσσης δεσπότῃ Διοκλητιανῷ χαίρειν· Κατὰ

ⲉ			
Cod. Copt. Par. 129, 15. f. 10. Recto.	ⲛⲟⲩⲉⲣⲉⲁⲓⲛⲉ ⲃⲉ	1	ⲭⲉ ⲙⲡⲟⲩⲥⲱⲧⲙ
	ⲛⲧⲉⲕⲙⲏⲧⲣ		ⲛⲥⲁ ⲡⲁⲡⲣⲱⲥ
	ⲛⲣⲟ · ⲁⲓⲣⲉ ⲉⲕⲧⲡ		ⲧⲁⲧⲙⲁ : ~
	ⲛⲣⲓⲁⲛⲟⲥ ⲡⲙⲁ		ⲁⲗⲟⲩⲱⲩⲱⲃ̅ ⲛⲃ̅
	ⲛⲧⲟⲥ ϩⲏ ⲛⲉⲭ	5	ⲡⲣⲟ ⲉϥⲭⲱ ⲙ
	ⲛⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ·		ⲙⲟⲥ · ⲭⲉ ⲕⲧⲡ
	ⲛⲙⲏ ⲟⲩⲡⲁⲣⲟⲉ		ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ ⲡⲥⲁⲗ
	ⲛⲟⲥ · ⲭⲉ ⲓⲟⲩⲥⲧ		ⲛⲏⲉⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁ
	ⲛⲁ · ϩⲏ ⲛⲥⲁ ⲛ		ⲛⲟⲥ · ⲙⲏ ⲓⲟⲩⲥⲧ
	ⲛⲧⲁⲛⲁⲧⲱⲗⲏ	10	ⲛⲁ ⲧⲡⲁⲣⲟⲉ
	ⲛⲁⲓ ⲁⲉ ⲟⲩⲉⲛ		ⲛⲟⲥ : ~
	ⲛⲟⲙ ⲙⲙⲟⲕ ⲉ		Ⲉⲡⲉⲓⲁⲉ ⲙⲡⲟⲩ
	ⲛⲉⲓⲙⲉ ⲉⲧⲉⲧⲉ		ⲥⲱⲧⲙ ⲛⲥⲁ
	ⲛⲧⲓⲁ : ~		ⲡⲁⲡⲣⲱⲥ
	ⲡⲣⲟ ⲁⲉ ⲛⲧⲉⲣⲉϥ		ⲧⲁⲧⲙⲁ · ⲧⲏⲉ
	ⲱⲩ ⲙⲡⲉⲧ		ⲗⲉⲧⲉ ⲛⲥⲉⲃⲓ ⲛ
	ⲣⲧⲡⲱⲙⲏⲏ		ⲧⲉⲧⲁⲡⲉ ϩⲏ ⲧⲉ
	ⲙⲁ · ⲁϥⲣⲱⲡⲏ		ⲥⲏⲃⲉ : ~
	ⲣⲉ ⲛⲏⲉⲣⲟⲧⲡⲟⲙ		ⲡⲣⲁⲧⲓⲟⲥ ⲁⲉ ⲕⲧⲡ
	ⲏⲏⲙⲁ · ⲙⲏ ⲛⲉ	20	ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ · ⲙⲉⲓ ^{sic}
	ⲃⲁⲥⲁⲛⲟⲥ ⲛⲧⲁⲧ		ⲓⲟⲩⲥⲧⲓⲛⲁ ⲧ
	ⲃⲓ ϩⲁⲣⲟⲟⲩ ⲛⲃⲓ		ⲡⲁⲣⲟⲉⲛⲟⲥ · ⲁⲧ
	ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ		ⲭⲓⲧⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ
	ⲕⲧⲡⲣⲓⲁⲛⲟⲥ		ⲣⲏ ⲏⲓⲱⲙⲏ
	ⲙⲏ ⲓⲟⲩⲥⲧⲓⲛⲁ ·	25	ⲧⲓⲁ ⲧⲡⲟⲗⲓⲥ
	ⲁⲧⲱ ⲁϥⲭⲓⲩⲱⲭ		ⲉⲭⲉⲏ ⲕⲁⲗⲗⲟⲥ
	ⲛⲉ ⲙⲏ ⲛⲉϥⲱ		ⲛⲏⲉⲣⲟ : ~
	ⲃⲏⲣ ⲉϥⲭⲱ ⲙ		ⲁⲧⲱ ⲁⲧⲉⲧⲉⲓ
	ⲙⲟⲥ · ⲭⲉ ⲟⲩ		ⲛⲟⲩⲕⲟⲩⲓ ⲛⲣ
	ⲣⲏⲧ ⲛⲁⲏ ⲛⲉ ⲛ	30	ⲙⲟⲧ ⲏⲧⲟⲟⲧⲟⲩ
	ⲧⲏⲧⲁⲡⲟⲧⲁ		ⲛⲏⲉⲙⲁⲧⲟⲓ
	ⲥⲓⲥ ⲉⲣⲟⲟⲩ · ⲉⲃⲟⲗ		ⲉⲧⲥⲱⲏ ϩⲁ
			ⲭⲱⲟⲩ · ⲭⲉⲛⲁⲥ

τὸν δεσμὸν τῆς βασιλείας σου συνέλαβον Κυπριανὸν τὸν διδάσκαλον τῶν Χριστιανῶν ἅμα Παρθένῳ ἐν τῇ Ἀνατολῇ, ὡς διὰ τῶν ὑπομνημάτων γνώσῃ, ὅτι τοσαύταις βασάνοις ὑποβληθέντες οὐκ ἐπέισθησαν· δι' ὃ τῷ σῶ κράτει τούτους ἀπέπεμψα. Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐγκύψας τοῖς σκρινίοις, καὶ τὰς βασάνους τοῦ μακαρίου θαυμάσας, ἐλογίσατο μετὰ τῶν φίλων αὐτοῦ καὶ λέγει· Κυπριανὸς ὁ τῆς Ἀντιοχείας διδάσκαλος, καὶ ἡ παρθένος Ἰουστίνα, ἐκλεξάμενοι τὴν ματαίαν αἴρεσιν τῶν Χριστιανῶν, καὶ παραλιπόντες τὸ ζῆν, τὸν Θεὸν αὐτῶν προετίμησαν, τὴν διὰ ξίφους τιμωρίαν ἐνενεχθῆναι. — 6. Ἀνεπεχθέντων δὲ αὐτῶν ἐπὶ τὸν ποταμὸν Γάλλον εἰς τὴν Νικομηθεῶν πόλιν μικρὰν διορίαν ἠτήσαντο

π			
Cod. Copt. Par.129,15. f. 10. Verso.	ε̄ε̄ᾱη̄ῑχ̄ε̄ μ̄ μοο̄σ̄ η̄σε̄ῡ λη̄η̄ · ᾱτω̄ η̄ τε̄ῑρε̄ ᾱϑ̄ε̄φ̄ ρᾱϑ̄ῑζε̄ μ̄μο̄ῡ η̄β̄ῑ π̄μᾱκᾱρῑ ο̄ς̄ κ̄η̄π̄ρῑᾱνο̄ς̄ ρη̄ῑ τε̄σ̄φ̄ρᾱ ε̄ῑς̄ μ̄πε̄χ̄ε̄ : ~	1 5 10 15 20 25 30	
	* Ᾱγᾱμᾱρ̄τε̄ η̄τ̄ β̄ῑχ̄ η̄τ̄πᾱρ̄ θ̄ε̄νο̄ς̄ · ᾱϑ̄ε̄ν̄ τ̄ε̄ η̄σᾱ ῑο̄τ̄η̄ᾱμ̄ ^{sio} μ̄μο̄ῡ · ᾱϑ̄ᾱ ζ̄ιο̄σ̄ μ̄π̄μᾱ το̄ῑ ε̄τ̄ρε̄ϑ̄η̄ῑ η̄τε̄σᾱπε̄ η̄ ϑ̄ο̄ρη̄ : ~	10 15	
	* Ᾱτω̄ η̄τε̄ρε̄ς̄ χ̄ω̄κ̄ ε̄β̄ο̄λ̄ · ᾱϑ̄ο̄τ̄ω̄ϑ̄η̄ η̄ β̄ῑ π̄μᾱκᾱρῑο̄ς̄ κ̄η̄π̄ρῑᾱνο̄ς̄ πε̄χᾱϑ̄ · χ̄ε̄	20	
	* Γ̄ε̄μο̄σ̄ ε̄ρο̄κ̄ * πᾱχ̄ο̄ε̄ῑς̄ ῑς̄ πε̄ * χ̄ε̄ · χ̄ε̄ ᾱνε̄ν̄τ̄ * ε̄ρ̄ρᾱῑ ε̄τε̄ῑο̄σ̄ * η̄ο̄τ̄ · ᾱη̄ο̄κ̄ * μ̄η̄ τ̄πᾱρ̄θ̄ε̄ * η̄ο̄ς̄ ῑο̄τ̄ε̄τ̄η̄ᾱ · Ᾱτω̄ η̄τε̄ῑρε̄ ᾱτ̄	25 30	
	η̄ῑ η̄τᾱπε̄ μ̄π̄ μᾱκᾱρῑο̄ς̄ κ̄η̄π̄ρῑᾱνο̄ς̄ : ~ Ο̄τ̄ρω̄με̄ Δ̄ε̄ ο̄η̄ ε̄πε̄ϑ̄ρᾱη̄ πε̄ θ̄ε̄ω̄κ̄η̄τῑς̄ τω̄ς̄ · ε̄πε̄ϑ̄ β̄η̄ρ̄ πε̄ μ̄π̄μᾱ κᾱρῑο̄ς̄ κ̄η̄π̄ ρῑᾱνο̄ς̄ · ᾱϑ̄ᾱς̄ πᾱζε̄ μ̄μο̄ῡ ε̄τ̄η̄ᾱβ̄η̄ η̄τε̄ϑ̄ ᾱπε̄ : ~ Η̄ε̄ρε̄ προ̄τ̄ρη̄ῑ νο̄ς̄ · πε̄τ̄η̄κᾱ θ̄ε̄ᾱρο̄ς̄ μ̄π̄ρ̄ ρο̄ · η̄ε̄ϑ̄η̄ η̄ο̄ τη̄ϑ̄ ε̄πᾱῑ η̄τᾱ π̄ρ̄ρο̄ χ̄ο̄ο̄τ̄ϑ̄ ε̄ η̄ῑ η̄τε̄ϑ̄ᾱπε̄ · Η̄τε̄ρε̄ϑ̄η̄ᾱτ̄ ο̄η̄ ε̄θ̄ε̄ω̄κ̄η̄τῑς̄ τω̄ς̄ ε̄ϑ̄ρ̄η̄με̄ ᾱϑ̄η̄ε̄λε̄τ̄ε̄ ε̄τ̄ ρε̄τ̄η̄ῑ η̄τᾱπε̄ η̄η̄ε̄το̄τᾱᾱβ̄ · * Ᾱτω̄ η̄τε̄ρε̄ μ̄ μᾱρ̄τ̄τρο̄ς̄ χ̄ω̄κ̄ ε̄β̄ο̄λ̄ η̄τε̄τ̄μᾱρ̄τ̄ο̄ ρη̄ᾱ · ᾱϑ̄η̄ε̄ λε̄τ̄ε̄ ε̄η̄ο̄τ̄χ̄ε̄	1 5 10 15 20 25 30	

τοῦ προσεύξασθαι, καὶ μνησθῆναι τῶν κατὰ κόσμον ἐκκλησιῶν καὶ πάντων τῶν πιστῶν, καὶ τὴν ἐν Κυρίῳ ποιήσας σφραγίδα ὁ ἅγιος Κυπριανός, ἐκ δεξιῶν λαβὼν τὴν Παρθένον, πρὸ αὐτοῦ τελεωθῆναι ἡξίου. Καὶ τούτου γενομένου εἶπεν ὁ μακάριος Κυπριανός· Δόξα σοι Χριστέ. Θεόκτιστος δέ τις διαβαίων ἐξ ἀποδημίας ἠσπάσατο τὸν ἅγιον Κυπριανόν. Φουλεανός δὲ ὁ συγχάδεδρος... Ἐκέλευσεν αὐτῶν εἰς βορρᾶν τοῖς κυσὶ ῥιφῆναι.

[II. Die Busse des heiligen Cyprrianus.]

1. welche spricht um zu erkennen die Erzählung der Stimmen, 1
welche entstehen in der Phantasie. Ich sah an jenem Orte die Gestalt der
Bäume, gleichsam als ob die Götter auf sie schauen und sie wirksam seien.
Ich sah ferner an jenem Orte vier Sterne, in denen die wechselnden Winde
sind, und die Aufeinanderfolge [der Jahreszeiten und] die Früchte, die in
ihnen sind, und Tage, die verschieden sind, bestimmt durch die Wirksamkeit
des Widersachers. Ich sah ferner Chöre von Dämonen, die einen, die Krieg
führten, andere, die im Hinterhalte lagen. Ich sah das Heer stehen, einen
männlichen Gott und einen weiblichen Gott (?). Ich verbrachte vierzig Tage
an jenem Orte,

2. indem ich mich von dem Mark der Bäume nährte aus den Gegen-
den des Westens. Aus jenem Orte wurden durch die Könige böse Geister
ausgesandt, in der Gestalt von Kriegeren, von denen ein jeder ein Werk auf
der Erde und unter den Völkern thut. Und als ich fünfzehn Jahre alt war,
wurde ich durch sieben Priester | und die Propheten des Teufels unter- 2
wiesen, mit denen er von Mund zu Mund sprach, denn sie sind es, die ei-
nem jeden von den Dämonen Arbeit geben. Ich kannte die Mysterien und
die ganze Kraft des Teufels. Er lehrte mich, wie die Erde auf ihren Fun-
damenten befestigt sei; er lehrte mich das Gesetz der Luft und des Aethers.
Ich durchschritt das Meer und die Tiefe und den Tartarus und das Paradies
[ich kam nach Argos]; ich feierte das Fest der Hera. Ich lernte, wie man
die Weiber von den Männern trennt und wie man zwischen Brüdern und
Freunden Hass ausstreut. Ich lernte die Einheit der Luft und des Aethers
kennen und wie die Erde Gemeinschaft habe mit dem Wasser und das Wasser
mit dem Aether. So brachte man mich bis zu einer Stadt, nämlich Elis; in
Lacedaemon lernte ich kennen die Mysterien des Helios und der Selene,
das sind die Sonne und der Mond. Ich kannte das Gesetz des Lichts und die
Finsterniss und die Sterne und die Bahnen | und die Pleiaden und den *Téér-* 3
stern und das ganze Heer des Himmels. Ich kannte sie und wie ihre Wir-
kung sei und ihre Gestalt und wie das Gestirn des Mars und des Schwans
grösser seien, als alle Sterne und warum einige unter ihnen verkehrte
Bahnen einschlagen. Darauf gieng ich zu den Völkern, Thracier genannt;
ich lernte die Wahrsagerei, ich kannte die Sprache der Raben und der

Barbaren und die Vogelschauer, die auf sie achten und die Zeichen (sprache) der Thiere und Zeichendeuterei von seiten der Priester, welche die Menschen wissen lassen die Ursache(?), die sein wird; und jene Hölzer, die Süßigkeit geben und jene Steine, welche auf den Gräbern sind, kannte ich; einen jeden einzelnen von ihnen kannte ich, die darin waren; ich kannte die Glieder, welche zucken und die Blutungen, die herauskommen aus der
 4 Harnröhre durch Zauberei; und die Muskeln (Sehnen), | die sich zusammenziehen und jucken, und die Worte, die plötzlich aus dem Munde des Menschen hervorgehn; ich kannte die fingierten Krankheiten, wie natürliche und wahre; und die Übereinstimmung ähnlich einem Widerspruche und einen Krieg wie ein Friede. Nichts blieb mir verborgen von dem, was auf der Erde und in der Luft, noch was im Meere und in der Tiefe ist und alle Dinge der Phantasie und alle Dinge der Mechanik und alle Dinge der Kunst. Alle Zaubersäfte, die die Quacksalber bereiten, kannte ich, ich schenkte ihnen mein Herz und machte sie alle (nach).

3. Ich gieng ferner nach Memphis und Heliopolis im Lande Aegypten; ich lernte, damit ich verständiger werde, als Iannes und Iambres. Als ich zwanzig Jahre alt geworden war, lernte ich die Wohnstätten der Finsterniss kennen, welche die Dämonen der Luft gemacht hatten und in welcher
 5 Gestalt sie den Menschen zürnen | oder welches die Sterne sind, an welchen sie sich ergötzen und welches die Dinge und die Gesetze sind, die sie lesen oder weshalb sie vor ihnen fliehen, oder wie sie verborgenen Zorn erwecken und wie die Geister mit ihnen streiten. Ich erfuhr an jenem Orte, wie viele Fürsten der Finsterniss es giebt und wie sie Gemeinschaft haben mit der Seele und dem unvernünftigen Leibe, bis zu den Fischen, die in den Wassern sind und welches ihr Werk sei, das sie aufstellen. Ich kannte die Erdbeben und den Regen und die entfesselte Erde und das bewegte Meer, was sie bewirkten durch ein Trugbild. [Da sah ich Seelen von Riesen, die in Finsterniss gefangen gehalten wurden und dem Schein nach die Erde aufrechterhielten,] wie einer, der eine schwere Last trägt. Ich sah die Drachen, die Gemeinschaft hatten mit den Dämonen und die Bitterkeit und das Gift, das aus ihnen hervorgieng, damit es tödte die auf der Erde wohnen, wovon
 6 die | Geister, die in der Luft sind, nehmen und den Menschen Böses anthun durch die Hülfe, die sie empfangen durch die Thiere, die auf der Erde sind. Ich sah ferner die Erde emporgehoben durch die Winde, welche über dem Wasser hieng und wegen ihrer natürlichen Kraft sich aufrecht hielt. Man führte mich ferner an einen Ort, an welchem die Dämonen ihre Gestalten ändern, welche der Drache gemacht hat durch ein Trugbild der Gestalt des Irrthums, gegen die Gesetze Gottes kämpfend, damit durch dieselben die bösen Geister den Menschen dienen, die mit ihnen Gemeinschaft haben in

denselben Gottlosigkeiten. Denn die gottlose Frömmigkeit machten sie an jenem Orte, indem sie eine Erkenntniss machten, die keine Vernunft hatte und eine Gerechtigkeit, die eine Ungerechtigkeit, und eine Ordnung voll von Verwirrung, die sich an jenem Orte befand. | Ich sah an jenem Orte das 7 Bild der Lüge, das die Gestalt hatte vor einer Menge von Formen, und den Geist der Unzucht, der drei Gesichter hatte, das eine von der Farbe des Blutes, das andere wie kothiger Schlamm, das dritte wie eine Feuerflamme. Ich sah den Geist der Bosheit, wie einen harten Stein, öde, in der Gestalt eines wilden Thieres. Den Geist aber der Arglist mit rauhen Zungen, die an einander geschärft waren. Der Geist aber des Hasses vom Ansehen der Thonerde gemischt mit Eisen, hatte Augen hinten an seinem Kopfe, die beständig vor dem Lichte flohen; er hatte Füße, die hinten an seinem Kopfe hiengen, und er hatte überhaupt keinen Bauch wegen der Werke, die er ausführte in Unbarmherzigkeit. Den Geist des Neides, ähnlich der Eifersucht, jedoch sich unterscheidend von ihm, denn er hatte eine Zunge | von 8 dem Maasse einer Sichel; und den Geist der Unersättlichkeit, mit einem schmalen Kopfe, mit neidischen Augen und mit einem anderen Auge auf dem Kopfe und auf der Brust, welche waren wie einer, der die Erde und die Steine schleppt. Ich sah das Bild der Schamlosigkeit in der Gestalt eines Vogels, Räuber (Harpax) genannt, dessen Pupillen in seinem Kopfe versanken. Ich sah den Geist des Handels mit einem Leibe wie ein Zwerg, mit einer Feuerscheibe auf seinem Kopfe, in dem sich seine ganze Habe befand. Ich sah den Geist der Eitelkeit wie einen geschundenen und zerschlagenen Leib, wie einen Tempelaufseher, der überhaupt keine Knochen hat. Das Abbild des Götzendienstes war ein Geist, der unterhalb des Himmelsgewölbes schwebte, mit Flügeln an seinem Kopfe, mit denen er jedermann zu bedecken glaubte, | er aber sich selbst zu bedecken nicht im Stande war. Den 9 Geist der Heuchelei in der Gestalt eines Sackes, sehr ermüdet, und mit grossen Sorgen, aber sie kamen heraus aus ihm unbemerkt und umgaben ihn, indem sie verschiedene Gestalten annahmen. Den Geist der Thorheit, wie ein junges Mädchen, nackt und ohne jegliche Ruhe; den Geist der Verrätherei, mit einer grossen Zunge, das Maass seines ganzen Leibes habend. Auch den Geist der Dummheit sah ich mit einem kleinen Kopfe wie eine Mandel, sein Gesicht aber war schwach und löste sich auf und er hatte überhaupt keine Kraft seinen Kopf zu tragen. Ich sah dreihundert Arten von Leidenschaften und die übrigen Laster, von denen ein jedes ein Laster erzeugt, ein Dämon in seiner Gestalt seiend. | Ich sah die Gestalt der eitlen 10 Ruhmsucht und die Tugend der Einbildungen.

4. Und danach, als ich dreissig Jahre alt war, gieng ich in das Land der Chaldäer, damit ich erfahre, wie der Aether hingestellt sei, von dem

man sagt, dass er sich über dem Feuer befinde. Die Weisen aber unter ihnen sagen: er steht auf dem Lichte. Ich lernte ferner durch sie den Unterschied der Sterne wie den der Pflanzen. Einige von ihnen schaden, andere dagegen nützen, und Chöre [von Sternen] sind vertheilt (geordnet) wie im Kriege. Man unterwies mich über jeden einzelnen und seine Gemeinschaft; dies ist die Art und Weise, wie sie veranlasst werden zu verlassen die Phantasie, und zu verlassen Gott in ihrem Herzen und aufzuhören ihm zu dienen. Er ist eifrig dabei gewesen, einen jeden Plan durch einen Irrthum auszuführen und hat sie versinken lassen in ihren Sünden. Er aber war König in der Gesetzlosigkeit.

- 11 5. Wenn ihr mir glaubt, habe ich den Teufel von Angesicht zu Angesicht gesehen, ich habe ihn mir in Opfern erscheinen lassen. Wenn ihr meine Rede annehmt, habe ich ihn begrüsst von Mund zu Mund. Er redete mit mir und achtete mich für einen unter den Grossen, die vor ihm stehn. Er rief mich und sprach zu mir: «Talentvoller Jüngling, leicht zu unterweisen, du kleiner Bruder des Iambres, der Gemeinschaft würdig». Und er liebte mich und machte mich zu einem Fürsten über alle Dämonen und Mächte, nachdem er mir die Dinge versprochen hatte, also: «Ich werde sie dir geben». Darum ward ich bei ihm sehr geehrt und ferner ehrte er mich vor dem Heere, das da stand. Und als ich von ihm hinausgieng, rief er mir zu: «O
- 12 überaus strebsamer Cyprianus, sei ein starker Mann und vermehre | meinen Besitz!» Und als ich mich erhob, verwunderten sich alle seine Fürsten und gaben mir das Geleite um der Ehre willen, die er mir zu Theil werden liess. Sein Aussehen aber hatte die Farbe der Goldblume, geschmückt mit der Farbe des Goldes, er glich der Rose und kostbaren Steinen und Perlen. Er hatte einen Kranz (Krone) auf seinem Haupte, geflochten aus Sapphiren und Topasen und Perlen, deren Glanz sich über den ganzen Ort verbreitete, an dem er sich befand. Und danach standen grosse Heere bei ihm, die ihm unterworfen waren in dämonischem Gehorsam; doch machte er das durch ein Trugbild, indem er jedermann fürchten machte. Denn er machte auch grosse Sterne und grosse Bäume und stritt wider das Göttliche und wider Gottes Engel, in der Meinung dadurch vielleicht die Menschen irrezuführen und sie glauben

- 13 12. «. . . . indem ich dir folgte, habe ich mein Geld und Gut verloren und das Vermögen meiner Väter habe ich vergeudet. Wehe mir Elenden! Wenn ich das, was ich deinetwegen verloren, den Armen und den Elenden gegeben hätte, hätte ich mir eine Hoffnung erworben. Wehe mir! denn ich bin zu Grunde gerichtet und ich allein bin verwundet mit einer unheilbaren Wunde. Wehe mir! denn ich glaubte bei mir selber, dass ich lebe, und ich

selbst wusste nicht, dass ich mir für mein Geld ein Grab in der Hölle gekauft, denn ich war ein Knecht der Sünde geworden. Was mir aber geziemt zu thun, ist, dass ich der Justina nachfolge, damit sie für meine Seele Sorge trage. Fliehe von mir! o Teufel, du Feind der Wahrheit». Während ich das sagte, trat der Teufel an mich heran und wollte mich tödten in grossem Zorn. Als ich nun sah, dass er mir die Hoffnung meines Lebens rauben wollte, erinnerte ich mich des Zeichens, | das die Jungfrau zu machen ¹⁴ pflegte und schrie: «Gott der Jungfrau Justina, hilf mir! Jesu Christe, du sollst mir helfen!» Als ich das gesagt hatte, kehrte meine Kraft wieder zu mir zurück und sofort verfluchte mich der Teufel und ward wie eine Feuerflamme. Er stand mir gegenüber mit gezücktem Schwerte in der Hand, indem er mir drohte und sprach: «Ich werde dich tödten, o Cyprianus!» Als ich mich der Kraft Christi erinnerte, schrie ich noch mehr und sprach: «Jesu Christe, wahrer Gott, hilf mir!» Es antwortete und sprach zu mir der Teufel: «Christus wird dir nicht helfen, denn er hasst alle Gottlosen; er wird dir jetzt aus Arglist helfen, zur bestimmten Stunde aber wird er dich verlassen und du wirst erfahren, dass ich Macht habe über die, die mein sind. Denn dir, der du an ihn geglaubt hast, wird er in nichts beistehen. «Als ich das von ihm hörte, | gerieth ich in grosse Furcht, weil er mit mir sprach, indem er mir drohte. ¹⁵

Deshalb bitte ich euch, o meine Brüder, dass ihr für mich bittet und ferner, dass ihr mich lehret, welcher Art Christus ist und dass ihr ihn anfleht für mich, damit er mir vergebe. Wird er mir denn nicht vergeben, wenn ich Busse thue?

13. Als eine Menge von den Gottesdienern das hörten, sprach einer mit mir und sagte: «Fasse Muth, o Cyprianus; wahrlich, Christus wird dich annehmen, denn die Dinge hast du in Unwissenheit gethan». Ich antwortete und sagte: «Ist denn das keine Wahrheit, was der Teufel mir gesagt hat: Christus wird dich hinausstossen? Denn ich weiss, dass ich schlechter als Alle bin. Wird denn Gott mir vergeben?» Es antwortete einer und sprach zu mir: «Weisst du denn nicht, o Cyprianus, dass der Teufel ein Lügner ist und nie eine Wahrheit gesprochen hat; wie kanst du ihm glauben? | Es ist keine ¹⁶ Arglist bei Christus; fürwahr er ist der Gott des Weltalls und der Schöpfer der Menschen; er ist Mensch geworden um unsretwillen, er hat den Tod für uns erduldet, bis er uns versöhnte mit sich an seinem Kreuze. Jetzt nun, o Cyprianus, mache dir keine Sorge um das, was du gethan hast, noch beunruhige dich. Erhebe dich nun und gehe zu unserem Vater, dem Bischof und er wird dich den Weg des Heils lehren». Als ich das hörte, fasste ich mich, und ich sprach zu ihm: «O Timotheus, mein Freund! Siud denu die Worte, die du zu mir sprachst, Wahrheit?» Er aber überzeugte mich durch viele Stellen aus den Schriften.

14. Da erzählte ich Cyprianus meine Gottlosigkeiten vor jedermann; und eine Menge von Übelthaten habe ich in Antiochien verübt, die ich nicht sagen kann. Den Weibern habe ich den Leib aufgeschnitten und die Frucht ihrer Leiber den Dämonen geopfert

17 was ihnen nützt».

19. Ich aber sprach zu ihm: «Ich werde nicht aufhören zu weinen, denn mein Herz klagt mich an; ich habe geschwiegen über alle Dinge, die ich gethan habe und sie nicht verkündigt. Die Sorge in meinem Herzen um Justina ist grösser als alle jene, denn ich habe ihr in Bösem nachgestellt; ob Christus vielleicht (sie) nicht [rächen] wird und mir verzeihen wird, um derentwillen ich auch Kinder getödtet und Zauberei mit ihrer Leber und andere schändliche Dinge getrieben habe . . . Ich bitte dich nun, o mein Vater Eusebius, unterweise mich aus den heiligen Schriften, [ob du] einen Gottlosen wie mich kennst, der Busse gethan hat und dem Gott seine Sünden vergeben wollte.

20. Da fuhr Eusebius fort und sprach zu mir: «Der Apostel Christi Paulus, war, wenn auch kein Magier, so doch ein Verfolger, der seinen Knechten nachstellte; denn er hatte auch Wohlgefallen an der Ermordung des Stephanus, des ersten Märtyrers und durch Briefe der Hohenpriester 18 stellte er den Verehrern Christi, | die in Damascus waren, nach und vertrieb sie aus dem ganzen Lande und der Stadt. Als er sich bekehrte, wurde er sein auserwähltes Gefäss und als solcher bekannte er und sprach: «Christus hat sich meiner erbarmt, weil ich es unwissend gethan habe.» Es steht ferner in den Thaten der Apostel geschrieben: «Eine Menge von denen, die die falschen Künste getrieben hatten, brachten ihre Bücher mit sich und verbrannten sie, die voll von Zauberei waren.» Und Christus vergab ihnen und nahm ihre Busse an. Als sie sich ferner taufen liessen, vergab er ihnen ihre Sünden und ihre Gottlosigkeit, indem sie der Strafe ledig wurden, deren sie würdig waren wegen ihrer Sünden. Es gehört sich ferner, dass ich Nebukadnezars gedenke. Jener, nachdem er Gott erkannt hatte, den er in dem Ofen gesehen hatte, aus dem die drei heiligen Jünglinge errettet wurden, denn er (der Ofen) war machtlos ihnen gegenüber, und nachdem er gottlos gelebt hatte und aus seinem Reiche verstossen worden und zum Thier geworden war unter den Menschen und nachdem er Busse gethan hatte, erhob ihn Gott, so dass er den Thron und die Macht seiner Herrschaft die er zuerst 19 besessen hatte, | ihm wieder zurückgab. Ferner Manasse, der König von Israel und viele andere Könige und eine Menge anderer, die kein Amt hatten, nachdem sie die wahre Erkenntniss Gottes erkannt, verübten sie allerlei Böses und als sie Reue empfanden und Busse thaten, vergab ihnen Gott und

von der grossen Strafe, die über sie verhängt war, wurden sie errettet und wurden von ihr erlöst, obwohl sie andere freie Völker mit sich ins Verderben gezogen, Propheten getödtet und heilige Orte geschändet hatten. Auch ganz Israel, das bis zur Ankunft Christi viele Male gottlos gewesen und auch viele Male Busse gethan hatte, Gott vergab ihnen in seiner grossen Barmherzigkeit und Güte. Bis jetzt ist die Busse von grosser Kraft in der Kirche zur täglichen Wiedergeburt, so dass sie zu sich aufnimmt, die ganz kraftlos geworden sind durch die Sünden und aufgehört haben (zu sündigen). Die Kraft aber der Busse ist das Evangelium; denn dieses ist es, welches das Manna Christi in der Gnade auf die Erde aussäet, als ob es ein Landmann sei, | damit er sich derjenigen, die Gottlosigkeiten verüben, erbarme durch die- 20 selbe und sie nicht verdammt werden. Darum befiehlt er dem Petrus: «Vergieb deinem Bruder nicht sieben mal, sondern sieben mal sieben mal.» Wie sollte er dir nicht vergeben, der den Menschen angiebt die Weise, wie sie diese grosse Milde gebrauchen sollen? Damit du wissest, dass das Erbarmen Gottes grösser ist als die Barmherzigkeit der Menschen, so bezeugt einer, ausrufend und sprechend: «Das Erbarmen des Menschen ist nur über seinem Nächsten; das Erbarmen Gottes aber über allem Fleische.» Was ist denn das, wenn er nur gegen dich gütig ist? Für die Niniviten hatte er eine Frist bestimmt, sie zu verderben, und sie waren gottloser als du; ich will nicht sagen, dass wie du kein einziger da war, sondern sie alle zusammen bekehrten sich und thaten Busse, und nicht brachte er über sie das Verderben. Auch du, o Cyprianus, bitte den Vater in einer grossen Bitte, und er wird dich nicht verstossen. Dem Schächer schenkte er das Paradies in einem Augenblicke wegen seines | grossen Glaubens. Und du, versinkst du 21 etwa im Meere der Schlechtigkeit? Wenn du ihn bittetst in Wahrheit wird er dir vergeben.

21. Lies die Propheten und du wirst seine Güte erkennen. Denn er hat gesagt an einer Stelle durch Hosea, also: «Ich werde dich verlassen wie Adama und wie Zeboim». Und sogleich setzt er seine Rede fort und thut uns kund seine Güte: «Mein Herz ward umgewandelt in meinem Leibe und in demselben Augenblicke ward mein Denken erregt»; indem er damit zugleich offenbarte, dass er bereit sei die Bussfertigen anzunehmen. Ferner spricht er zu Elias dem Propheten: «Hast du gesehen, wie Achab vor meinem Angesichte getrauert hat? Nicht werde ich das Unglück herbeiführen über sein Haus in seinen Tagen», obgleich er durch ihn gesagt hatte: «Ich werde den Tod über dich bringen wegen einer Sache, weil Isebel sein Weib den Naboth, den Jesreeliter deswegen durch Arglist getödtet hatte». Er spricht ferner durch Jeremias den Propheten: «Wendet euch zu mir, ihr Kinder, die ihr fern seid, denn ich bin der Herr und ich werde enre Schwachheit

22 heilen.» | Wie kannst du jetzt nicht daran denken, dass du errettet werden kannst, da dich so viele Barmherzigkeit umgiebt? Auf dass niemand zu ihm spreche: «Ich habe kein Heil», schwört er ferner in einem Schwure: «Ich lebe, spricht der Herr, denn ich will nicht den Tod des Sünders, (sondern) dass er sich bekehre und übe Gerechtigkeit und wandle auf dem Wege des Lebens». Thue nun Busse von ganzem Herzen und er wird dir sagen: «Wenn du hundert Jahre lebst in deinen Gottlosigkeiten und an deinem letzten Tage Busse thust, wirst du nicht sterben, spricht der Herr, sondern du wirst des Lebens leben, spricht der Herr, vor meinem Angesicht». Er ist die Wahrheit und die Quelle des Lebens und keine Lüge ist an ihm. Wird er etwa um deinetwillen sein Wort verändern, o Cyprianus? Welcher seinen eigenen Sohn nicht verschonte um des Menschengeschlechts willen, dessen Güte sollte durch dich allein besiegt werden? Er wurde um des Menschen willen gekreuzigt; wie sollte er da noch fragen, sich selbst hinzugeben für einen Gottlosen, der an ihn glaubt. Er ruft die Gottlosen zu sich, die ihn schmähen, dich aber, der du ihn preist, sollte er von sich
 23 stossen? | Die Sünder nimmt er an, die an ihn nicht glauben, wie sollte er da deiner, der du an ihn glaubst, sich nicht erbarmen? Er wandte sein Antlitz nicht ab von dem Schächer, der ihm fluchte; wie sollte er sich von dir abwenden, der du ihn anbetest, damit er dir vergebe? Wenn Gott grösser ist, als die Engel, wahrlich, so ist er grösser als sie durch seine Güte. Wenn Freude ist bei allen Schaaren der Engel über einen einzigen Sünder, wenn er Busse thut, wie sollte er da auf dich nicht achten?

22. Sei getrost, o Cyprianus! Denn Christus ist nicht gekommen, zu rufen die Gerechten, sondern die Sünder, die Busse thun. Thue nur Busse, wie es nöthig ist. Du wirst ihn sehen mit ausgebreiteten Armen und er wird dich annehmen mit grossem Jubel. Als er das verirrte Schaf fand, freute er sich nicht nur darüber, sondern trug es auf seiner eigenen Schulter wie ein geliebtes Kind, damit du dadurch erkennest, dass er sich darüber mehr freut, als die Engel; und du sagst: «Er wird mich verachten!» Bringe
 24 nur eine Frucht, die der Busse | würdig ist, und dann wirst du allein erkennen, dass du werden wirst wie ein Sohn und wie ein Erbe seines Königreiches. Denn er lässt regnen über die Gerechten und die Sünder und lässt seine Sonne aufgehen über die Guten und die Bösen; und du sagst: «Er wird meiner vergessen!» Er thut Gutes denen, welche an ihn nicht glauben und dich, der du über deine Sünden seufzest, sollte er nicht annehmen? Er spricht im Jesaias: «Wenn du dich bekehrst und seufzest, wirst du errettet werden»; und dir, wenn du Busse thust durch die Frucht der Werke, wie sollte er dir nicht die Gnade schenken zum Genusse und ewiger Freude?» Der heilige Apostel Paulus sagt: «Dieser will, dass alle Menschen leben und zur Erkenntniss der Wahrheit kommen».

23. Dies sind nur wenige Worte, die ich dir aus der Fülle mitgetheilt habe, o Cyprianus. Wenn du aber an den Ort der Lehrer kommst, wirst du von ihnen genau hören von der Busse und wirst dich verwundern und sagen, dass ich ein Schüler bin in der Lehre der Unterweisung und in dem heiligen Glauben | Nicht [sind sie neidisch] gegen irgend jemand und 25 sie geben ihre Hand jedem, der es wünschst, mit Freuden; denn kein Hochmuth ist bei ihnen, noch umhüllt sie ein (kostbares) Gewand, damit die Leute auf sie schauen und dasselbe ihnen eitlen Ruhm verkünde; nicht denken sie: «wir sind Weise;» nicht sprechen sie zu denen, die sie belehren wollen: «schiebet die Tage hinaus und geht», hoffend dadurch von ihnen einen Lohn zu erhalten. Sie beginnen sie zu unterweisen in den grossen Kapiteln (Hauptsachen), wegwerfend alle Gedanken [an Gewinn. Nicht führen sie wie die Sophisten den Geist (langsam) vom Geringeren (zum Höheren) hinauf, sondern] sie ermuntern dich dazu, was sich zum Fundament der Weisheit eignet, wissend, dass es eine Nothwendigkeit ist zu befestigen das Fundament, weil es die Stärke des Baues ist, um zu bauen und zu vollenden die Dinge, die vorgeschrieben sind, ohne Gefahr. Du wirst an jenem Orte sehen einen heiligen Gottesdienst, nicht von Cymbeln und anderen Instrumenten (umrauscht), nicht eine Stimme, [die das Ohr entnervt], [nicht] Flöten, | die weichliche Lieder ertönen lassen; keine Pauken, welche 26 die Fröhlichkeit der Nüchternheit stören; du wirst keinen Chor sehen, der sehr auf den Laut der Musik achtet, kein schlechtes Gesetz noch eine Stimme ohne Seele, welche das Herz erbeben macht; weder wirst du sehen Opfer und Mist, der ausgefegt wird, noch Holz und Feuer, das die unvernünftigen Leiber verzehrt, noch Priester, gepanzert, als ob sie im Kriege wären und die mit dem sprachlosen Vieh kämpfen; noch Tempeldiener, die ihre Pläne machen, damit sie die Kraft der Stiere besiegen, bis sie sie schlachten; weder wirst du ein zügelloses Wort in einem Munde hören, noch ein gemeines Lachen, noch ein Auge, das auf die Menge schaut; du wirst nicht sehen ein Mahl, das verzehrt wird in Unordnung(?), weder einen unziemlichen Hass, sondern du wirst sehen das Ganze in einem ruhigen Sinn und bescheidenem Zustande. Dadurch kann man belehrt werden, wenn man sieht, die Jünglinge und schaut kleine Kinder | in ihrer Ju- 27 gend, dass sie dieselbe Ordnung mit den Greisen halten, dass man meinen möchte, dass der kleinste unter ihnen geschmückt sei mit einer Engelschaar, die dastehen in seiner Umgebung. Du wirst sehen heilige Greise mit grauem Haar, die auf einen einzigen Führer hören, der ein Erzbischof ist; du wirst ferner sehen Tempeldiener . . . die wie ein Kranz den heiligen Tisch umgeben in einer Anordnung nach einer bestimmten Reihenfolge. Und der Psalmsänger wird ein solches Lied singen, dessen Worte offenbar sind, sie

führend zu einer Eintracht der Seelen, reinigend ihren Mund und ihre Ohren von den weltlichen Liedern, dass sie hören mit Andacht was sie lesen sollen in den Schriften und den Evangelien. Wundere (?) dich nicht hinzutreten, sondern nahe dich in Freimüthigkeit. Erhebe dich und löse dein Fasten, denn heute sind es drei Tage, dass du nicht gegessen hast. Und lass uns derweilen mit einander gehen zur Kirche, und beten in der Abend-
 28 stunde, danach in der Morgenstunde in die (Fest)versammlung | gehen. Denn es ist Sitte (bei uns), [am crsten] Tage der Woche das Gedächtniss der Auferstehung Christi zu feiern. Nach jenem Sonntage wollen wir in das Haus des Bischofs gehen und thun die Sachen und reden Worte, die hervorgehen lassen Lobgesänge(?). Fasse Muth und sei ein starker Mann, o Cyprianus; denn vielleicht wirst du in der Weise wie du zu Grunde gerichtet hast allein mehr retten, Cyprianus! Sofort stand ich auf und ergriff sein Haupt und seine Brust drückte ich an die meinige; ich begrüßte ihn als meinen Vater und Engel. Jener aber und sein Sohn, mein Altersgenosse (?) — auch waren wir in derselben Schule und lernten zu zweien; — dieselben nahmen mich in ihr Haus, während ich in der Beiden Mitte war, ich gieng mit ihnen und sie bereiteten mir Speisen, damit ich esse. Darauf giengen wir in die Kirche, und es war dort an jenem Orte wie der Himmel unter seinen Sternen, durch den Chor der Engel, welche zur Ehre Gottes sangen, und einstimmig antworteten mit einem hebräischen Worte, nämlich Halleluja, so dass ich [glauben möchte, sie seien nicht Menschen, sondern ein in Eins zusammengeflossenes Vernunftwesen].

[III. Martyrium des hl. Bischofs Cyprianus und der hl. Jungfrau Justina.]

29 3. . . . den wohlriechenden Duft unseres Opfers als einen kostbaren Weihrauch (aufnimmest). Als aber der *Comes* das hörte, antwortete er und sprach zu ihnen: «Ihr seid im Irrthum und ihr seid verdammt in euren Handlungen.»

4. Es antwortete Athanasius der Beisitzer des *Comes*, der sein Freund war und sprach zu ihm, also: Befiehl mir selbst, dass ich mich dieser Pfanne nähere, damit du erfahrest, dass ich die Kraft Christi besiegen werde». Der *Comes* befahl, dass gemacht werde was er gesagt hatte, zu einer Verherrlichung seiner Götter. Er aber trat an die siedende Pfanne und rief, indem er sprach: «Grosser Gott Herakles, der Vater aller Götter, der Sieg und Leben jedermann schenkt. Asklepios, der die Gesundheit schenkt den Menschen, offenbare deine Kraft an dieser Pfanne!» Und als er sich der
 30 Pfanne näherte, bemächtigte | sich seiner die Gluth der Pfanne. Und sofort

wurden alle seine Eingeweide ausgeschüttet. Die Flamme bemächtigte sich seiner und er starb sofort. Der selige Cyprianus aber und Justina die Jungfrau, während sie innerhalb der Pfanne waren, spotteten über ihn. Als aber der *Comes* das sah, sprach er zu ihnen: «Vielleicht ist doch die Kraft Christi unüberwindlich. Siehe, auch mein Priester ist verbrannt und gestorben. Und der *Comes* rief den Hrentius und sprach zu ihm: «Was ist nun mit diesem schlechten Bösewichte?» Es antwortete Hrentius: «Thue nichts Böses diesem gerechten Manne und dieser Jungfrau, denn der Gott der Christen ist ein mächtiger Gott, doch wenn du sie zum Könige schickst, wird er ihre Angelegenheit kennen lernen.

5. Der *Comes* aber schrieb über sie einen Bericht dieses Inhalts: «Claudius, der Caesar, schreibt dem grossen König, dem Herrn der ganzen Welt Diokletianus. Seid gegrüsst! Nach | dem Befehle deiner Königs- 31
macht habe ich Cyprianus den Magier unter den Christen und eine Jungfrau, nämlich Justina, in den Gegenden des Orients gefunden, und du kannst ihre Angelegenheit erfahren». Als aber der König ihre Acten las, verwunderte er sich über die Ausdauer und die Foltern, welche erduldet hatten die heiligen Cyprianus und Justina. Und er berieth sich mit seinen Freunden und sprach: «Es ist für uns von Nutzen, dass wir ihr Urtheil fällen, denn sie haben meinem Befehle nicht gehorcht». Es antwortete der König und sprach: «Cyprianus der Lehrer der Christen und Justina die Jungfrau, da sie nicht gehorcht haben meinem Befehle, befehle ich, dass man sie mit dem Schwerte enthauptet». Den heiligen Cyprianus aber und Justina die Jungfrau brachte man nach der Stadt Nicomedia am Flusse Gallos. Und sie baten die Soldaten, welche vor ihnen herzogen, um eine kleine Gnade, | ihnen zu gestatten 32
zu beten. Und also bezeichnete sich der selige Cyprianus mit dem Zeichen Christi. Er ergriff die Hand der Jungfrau und stellte sie zu seiner Rechten hin und bat die Soldaten, sie zuerst zu enthaupten. Und als sie vollendet hatte, antwortete der selige Cyprianus und sprach: «Ich preise dich, mein Herr Jesus Christus, denn du hast mich und die Jungfrau Justina bis zu dieser Stunde geführt». Und so enthaupteten sie den seligen Cyprianus. Ein Mann aber mit Namen Theoktistus, ein Freund des seligen Cyprianus, grüsste ihn, als man ihn enthaupten wollte. Phurbinus, der Beisitzer des Königs, beobachtete diesen, welchen der König geschickt hatte um ihn (den Cyprianus) zu enthaupten. Als er ferner den Theoktistus weinen sah, befahl er die Heiligen zu enthaupten. Und als die Märtyrer vollendet hatten ihr Martyrium, befahl er sie [den Hunden zum Frass] vorzuwerfen . . .

Erläuterungen.

1. a. 20. hinter $\Delta\iota\alpha\tau\omega\chi\eta$ ist sicher $\bar{\eta}\nu\epsilon\sigma\tau\omicron\upsilon\epsilon\iota\omega$ oder etwas Ähnliches ausgefallen, wie der griechische Text zeigt: $\acute{\omega}\rho\omega\bar{\nu}$ $\delta\iota\alpha\delta\omicron\chi\acute{\alpha}\varsigma$; statt $\bar{\eta}\nu\epsilon\kappa\alpha\rho\eta\sigma$ wird wohl $\bar{\mu}\bar{\eta}$ $\nu\epsilon\kappa\alpha\rho\eta\sigma$ zu lesen sein.

1. a. 23. $\bar{\rho}\bar{\eta}\bar{\rho}\rho\omicron\sigma$ $\epsilon\tau\psi\epsilon\beta\eta\iota\eta\tau$ ist in $\bar{\rho}\bar{\eta}\bar{\rho}\rho\omicron\sigma$ $\epsilon\tau\psi\epsilon\beta\eta\iota\eta\tau$ zu verbessern auf Grund des griechischen $\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\alpha\phi\omicron\rho\acute{\omicron}\tau\eta\tau\alpha$.

1. a. 28. $\delta\eta\Delta\iota\kappa\iota\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$, π . $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\acute{\alpha}\iota\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$.] Hier aufzufassen wie 2 Thess. 2. 4. «der Widersacher», vom Teufel gesagt: $\nu\alpha\eta\tau\iota\kappa\iota\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$ $\epsilon\tau\chi\iota\varsigma\epsilon$ $\mu\mu\omicron\upsilon$ $\epsilon\chi\eta$ $\omicron\sigma\theta\iota$ $\nu\eta\mu$ $\epsilon\tau\omicron\tau\mu\omicron\tau\epsilon$ $\epsilon\rho\omicron\upsilon$ $\chi\epsilon$ $\nu\omicron\tau\tau\epsilon$, $\acute{\omicron}$ $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\acute{\alpha}\iota\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\alpha\iota\rho\acute{\omicron}\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ $\lambda\epsilon\gamma\acute{\omicron}\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$ $\Theta\epsilon\acute{\omicron}\nu$. Ebenso: Pap. Berolin. 8327, l. 24/25. $\mu\eta\alpha\tau\epsilon$ $\omicron\sigma\theta\iota\omicron\upsilon$ $\psi\omega\eta\epsilon$ $\eta\tau\epsilon$ $\nu\epsilon\omicron\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}$ $\acute{\epsilon}\bar{\iota}$ $\eta\tau\alpha\beta\omicron\lambda$ $\epsilon\beta\omicron\lambda$ $\nu\epsilon\mu\eta\rho\epsilon$ $\tau\eta\rho\omicron\upsilon$ $\eta\eta\alpha\eta\tau\iota\kappa\iota\mu\epsilon\eta\omicron\sigma$ ^{sic 1)} «bevor eine Stunde vergangen und die zweite gekommen ist, löse ich alle Fesseln des Widersachers».

Triadon 339 (89):

$\bar{\tau}\bar{\lambda}\bar{\omicron}$ $\chi\acute{\omicron}\omicron\sigma$ $\tau\epsilon\eta\omicron\upsilon$ ω $\tau\alpha\psi\epsilon\epsilon\rho\epsilon$
 $\chi\epsilon$ α $\bar{\eta}\bar{\sigma}\bar{\tau}$ $\tau\alpha\psi\epsilon\epsilon\rho\epsilon$
 $\mu\eta$ $\nu\alpha\iota$ $\alpha\tau\omega$ $\alpha\psi\chi\epsilon\epsilon\rho\epsilon$
 $\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\omicron}\bar{\sigma}\bar{\tau}$ $\eta\kappa\omicron\tau\epsilon$ $\mu\eta\delta\iota\alpha\beta\omicron\lambda\omicron\sigma$ ²⁾.

«Sprich jetzt, o meine Tochter:
 Der Herr hat Grosses
 An diesen gethan und hat
 zerstreut die Schliche des Widersachers».

1) Aegypt. Urkunden aus den Königl. Museen zn Berlin. Kopt. u. arab. Urkunden. (Im Folgenden citiert U. B. M.) № 6. Aegypt. Zeitschr. XXXIII (1895), pag. 44. Hierzn vergl. noch: Manuserits coptes du Musée d'antiquités des Pays-Bas à Leide, publiés par W. Pleyte et P. A. A. Boeser. Leide, 1897. (Im Folg. citiert «Leyden») pag. 459 l. 2 ff. $\dagger\tau\alpha\rho\kappa\omicron$ $\bar{\mu}\bar{\mu}\bar{\omega}\bar{\tau}\eta$ $\bar{\mu}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\chi}\bar{\eta}\bar{\sigma}$ $\bar{\eta}\bar{\rho}\bar{\alpha}\eta$ $\chi\epsilon\kappa\alpha\varsigma$ $\epsilon\tau\epsilon\tau\eta\alpha\kappa\alpha\tau\alpha\lambda\eta$ $\bar{\eta}\bar{\tau}\bar{\sigma}\bar{\omicron}\bar{\mu}$ $\tau\eta\rho\epsilon$ $\bar{\mu}\bar{\eta}\bar{\Delta}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\beta}\bar{\omicron}\bar{\lambda}\bar{\omicron}\bar{\sigma}$ $\bar{\eta}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\tau}\bar{\eta}\bar{\beta}\bar{\omega}\bar{\lambda}$ $\epsilon\beta\omicron\lambda$ $\bar{\mu}\bar{\mu}\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}$ $\bar{\eta}\bar{\mu}$ $\mu\alpha\rho\epsilon$ $\nu\alpha\alpha\acute{\iota}\tau\eta\mu\alpha$ $\chi\omega\iota\kappa$ $\epsilon\beta\omicron\lambda$ $\epsilon\tau\eta\alpha\omega\psi$ $\bar{\mu}\bar{\nu}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\zeta}\bar{\omicron}\bar{\rho}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\sigma}\bar{\mu}\bar{\omicron}\bar{\sigma}$ $\epsilon\mu\eta\alpha\tau\epsilon$ $\omicron\sigma\theta\iota\omicron\upsilon$ $\psi\omega\eta\epsilon$ $\alpha\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\eta}$ $\bar{\mu}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\omicron}\bar{\sigma}$ $\tau\alpha\eta\omega\rho\epsilon\kappa$ $\nu\epsilon\eta\bar{\nu}\bar{\omicron}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\epsilon}$ $\bar{\mu}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\sigma}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\alpha}\bar{\varsigma}$: $\bar{\mu}\bar{\eta}$ $\bar{\mu}\bar{\mu}\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}$ $\bar{\mu}\bar{\eta}\bar{\Delta}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\beta}\bar{\omicron}\bar{\lambda}\bar{\omicron}\bar{\sigma}$. «Ich beschwöre eneh in seinem grossen Namen, damit ihr auflöset die ganze Kraft des Teufels und löset alle Fesseln Möge mein Wunsch in Erfüllung gehen, wenn sie meine Beschwörung lesen, bevor eine Stunde vergangen ist; danach bitte und ich löse die Wurzeln des Satans und alle Fesseln des Teufels».

2) Vergl. Ephes. 6, 11. $\eta\kappa\omicron\tau\epsilon$ $\mu\eta\delta\iota\alpha\beta\omicron\lambda\omicron\sigma$ «die Schliche des Teufels».

L. I. 427 (173).

ⲟⲩⲕⲓ ⲡⲁⲥⲟⲛ ⲁⲙⲟⲩ ⲛⲩⲭⲓ ⲛⲧⲟⲟⲩ ⲙⲛⲉⲓⲧⲟⲙⲟⲥ
 ⲛⲧⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲧⲁⲥⲟⲛⲉ ⲁⲧⲱ ⲛⲩⲧⲁⲙⲟⲥ
 ⲉⲧⲏⲉ ⲧⲉⲡⲉⲓⲟⲩⲙⲓⲁ ⲙⲛⲏⲟⲩⲉ ⲉⲧⲙⲁⲁⲥ
 ⲧⲁⲣⲉⲥⲛⲟⲩⲟⲩⲙ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲏ ⲧⲃⲓⲭ ⲙⲡⲁⲛⲧⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲛ.

«Mein Bruder, komm und nimm von mir dies Buch
 Und rufe meine Schwester und sage ihr
 Von der Lust der Sünde, sie nicht zu begehen,
 Damit sie errettet werde aus der Hand des Widersachers».

Leyden 120. ϩⲙ ⲛⲧⲣⲉⲧⲉⲓ ⲉϩⲟⲩⲏ ⲉⲣⲟⲓ ⲛⲉⲭⲁϩ ⲛⲃⲉⲓ ⲛⲉⲓⲙⲟⲛⲙⲉⲛ
 ⲉⲃⲟⲟⲩ. ⲁⲧⲱ ⲛⲧⲟⲩⲧⲟⲩⲏⲓ ⲛⲃⲓ ⲛⲁⲧⲏⲁⲙⲓⲥ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲁⲛⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ ⲛⲉⲓ
 ⲛⲁⲧⲁⲕⲟ ⲛⲉⲉⲃⲓⲗ ⲭⲉ ⲁ ⲛⲉⲕⲏⲟⲙⲟⲥ ϩⲱⲡⲉ ⲛⲁⲓ ⲛⲧⲁⲭⲣⲟ «Als in mich
 eindringen, spricht er, die bösen Gedanken und mit mir stritten die Kräfte
 des Widersachers, wäre ich zu Grunde gegangen, wenn nicht dein Gesetz
 mir eine Stütze gewesen wäre».

L. I. 343. ⲁϩⲧⲱⲕ ⲉϩⲟⲩⲏ ⲁϩϩⲟⲩⲏⲙⲓⲛⲉ · ϩⲱⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ
 ⲃⲱⲧⲓ ⲙⲓ ⲛⲉϩⲉⲕⲉⲟⲥ ⲛⲟⲣⲧⲓ³⁾ ⲛⲓⲥⲟⲱⲭⲉⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲃⲓ ⲛⲥⲟⲧⲉ. «Er harrte
 aus, bis der Widersacher überwunden war und seine Gefässe des Zorns und
 Pfeile verlöschten»⁴⁾.

L. I. 401. ⲡⲓⲙⲟⲟⲩ ⲧⲏⲏⲉ ⲧⲉⲫⲧⲩⲭⲏ ⲙⲓ ⲛⲥⲱⲙⲁ ⲛⲧⲉ ⲧⲉⲥⲫⲣⲁⲧⲓⲥ ϩⲱⲱⲥ
 ⲙⲓⲃⲁⲛⲧⲓⲥⲙⲁ · ⲛⲟⲩⲭ ⲛⲉⲁⲃⲟⲗ ⲙⲓⲙⲟⲛ ⲛⲓⲛⲉⲛⲉⲓⲃⲟⲩⲗⲏ ⲛⲓⲙ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ
 «Das Wasser reinigt die Seele und den Leib, das Siegel aber der
 Taufe vertreibt von uns alle Anschläge des Widersachers».

L. I. 468. (Abgar) ⲛⲓⲛⲉ) ⲗⲁⲁⲩ ⲛⲁⲧⲏⲁⲙⲓⲥ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲁⲛⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ
 ⲟⲩⲭⲉ ⲗⲁⲁⲩ ⲙⲓⲛⲓⲁ ⲛⲁⲛⲁⲃⲁⲣⲟⲟⲛ · ⲉϩⲱⲃⲙⲃⲟⲙ ⲉϩⲟⲩⲏ ⲉϩⲟⲩⲏ ⲟⲩⲭⲉ
 ⲉⲭⲱϩ ⲉϩⲟⲩⲏ ⲉⲓⲧⲟⲡⲟⲥ ⲉⲧⲙⲁⲩ «es soll keine Kraft des Widersachers,
 noch irgend ein unreiner Geist sich nähern jenem Orte oder denselben be-
 rühren können».

Révélations de St. Barthélemy⁵⁾: ⲙⲁ ⲛⲓⲙ ⲛⲧⲁⲕⲧⲁⲭⲣⲟ ⲙⲓⲗⲟ-
 ⲧⲟⲥ ⲙⲓⲁⲩⲱⲛⲣⲉ ⲛⲟⲩⲧϩ, ⲛⲓⲛⲉ ⲗⲁⲁⲩ ⲛⲁⲧⲏⲁⲙⲓⲥ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ

3) Rom. 9, 22.

4) ⲥⲟⲧⲉ kann auch Flamme bedeuten, vergl. jedoch Eph. 6, 16. ⲉⲉϩⲱⲙ ⲥⲟⲧⲉ ⲛⲓⲙ
 ⲙⲓⲛⲏⲓⲛⲣⲟⲥ ⲉⲧⲭⲉⲣⲟ, *δυνήσεσθε πάντα τὰ βέλη τοῦ πονηροῦ τὰ πεπυρωμένα σβέσαι*. Mission
 archéolog. au Caire IV, 789 steht ⲉϩⲱϩⲱⲙ ⲥⲟⲧⲉ ⲛⲓⲙ ⲉⲧⲭⲉⲣⲟ^{sio} ⲛⲧⲉ ⲛⲓⲛⲏⲓⲛⲣⲟⲥ, was
 Amélineau übersetzt «ayant éteint tout feu victorieux du méchant»; ⲉⲧⲭⲉⲣⲟ ist doch
 sicher in ⲉⲧⲭⲉⲣⲟ zu verbessern und dann zu übersetzen «auslöschend alle feurigen Pfeile
 des Bösen»

5) Dulaurier, Fragment des révélations apocryphes de Saint Barthélemy. Paris, 1835.
 pag. 41.

εμρων εροτι εροϋ. «Und einem jeden Orte, in welchem du das Wort meines Sohnes befestigt hast, soll sich keine Kraft des Widersachers nähern können».

Vita des Samuel von Kalamon⁶⁾. ατχρο ετσομ τηρε μπαντιμενος «Sie haben besiegt die ganze Kraft des Widersachers».

2. a. 6. ἵτανρο ρι τανρο «von Mund zu Mund»]. Vergl. 2. Joh. 12. αλλα φρελιζε εει ψαρωτη̄. ατω ἵταψαχε η̄μμητη̄ ἵτανρο ρι τανρο; 3. Joh. 14. φρελιζε εει ψαροκ ρη̄ οσβειη ἵτεψαχε μη̄ νεκερητ ἵτανρο ρι τανρο. Im Boheir. lautet die Form ἦρω οσβε ρω Num. 12, 8. φηασαχῑ ηεμαϋ ἦρω οσβε ρω. Es entspricht genau dem griech. στόμα πρὸς στόμα. Vergl. unten 11. a. 4. das analog gebildete ἦρο ρι ρο.

2. a. 29. ταρταροϋχος, ταρταροϋχος] Hier vielleicht Fehler für ταρταρος, oder steht hier absichtlich ταρταροϋχος d. h. der Tartarus als Person gedacht? Vergl. U. B. M. № 3, P. 8314, l. 15 ff. τμαδωκ επεσιτ αμ̄ιτε ταεμερραι επαρταροϋχος ταχοοο χ̄ητη̄ οσηοτε ρω. Ägypt. Zeitschr. XXXIII, 1895, pag. 46 «ich steige hinab in die Unterwelt und bringe den Tartarusherrscher hinauf und sage: «du bist auch ein Gott». Zoëga 334. ᾱ πεον̄ σωψτ̄ αφνατ̄ επαρταροϋχος ηαμητε εαϋει ερε οσψλις̄ ηκωρτ̄ ητοοτϋ̄ ησωμητ̄ ηταρ «der Bruder blickte auf und sah den Tartarusherrscher des Amentes, wie er kam mit einem feurigen dreizackigen Speer in seiner Hand».

2. a. 30. παρδωο]. Man kann hier nur an παράδεισος denken, obgleich nach dem griechischen Texte man leicht in Versuchung kommt, παρδωο in παρτωο d. i. Ἄργος zu verbessern ("Ἦλθον καῑ ἐν Ἄργει ἐν τῇ τῆς Ἥρας τελετῇ), wozu auch das folgende «ich feierte das Fest der Hera» passen würde, da ηιρα zweifellos in τηρα zu verbessern ist⁷⁾. Wir müssen jedoch hier annehmen, dass vor λιερε̄ μ̄ψᾱ μ̄ηρᾱ etwas ausgefallen ist.

2. b. 20. οσηοσ̄ μ̄πολις̄ χε̄ οελλας̄ · λακεδαίμων «eine grosse Stadt, nämlich Hellas, Lacedämon»]. Nach dem griech. Texte kann das unmöglich da gestanden haben und wir müssen hier für οελλας̄ οηλις̄ d. i. Ἦλις̄ mit dem weiblichen Artikel τ̄ lesen. Vor λακεδαίμων̄ muss ρη̄ ausgefallen sein (ἐν Λακεδαίμονι). Statt οσηοσ̄ μ̄πολις̄ χε̄ οελλας̄ · λακε-

6) Mémoires Mission archéolog. au Caire IV, 789.

7) Der Schreiber unserer Handschrift muss eine besondere Vorliebe für den männlichen Artikel gehabt haben, da er denselben schonungslos auch vor Feminina setzt. Vergl. neben ηηρᾱ für τηρᾱ d. i. Ἥρα mit dem Artikel weiter unten ηοσ̄ληνῑ für τεσ̄ληνῑ Σελήνη.

ΔΑΙΜΩΝ wird also zu lesen sein: ΟΥΝΟΣ ΜΠΟΛΙΣ ΧΕ ΘΗΛΙΣ · ΟῩ ΛΑΚΕ-
 ΔΑΙΜΩΝ «eine grosse Stadt, nämlich Elis; in Lacedämon» etc.

2. b. 27. ΠΟΥΛΙΝΝΙ zu verbessern in ΤΟΥΛΙΝΝΙ Σελήνη.

3. a. 1. 2. ΣΙΜΡΟΥΤ, Τ «die Pleiaden, das Siebengestirn»]. Die vor-
 liegende Lesart ist etwas auffällig; vielleicht liegt hier ein Schreibfehler und
 Verwechslung mit ΣΙΜΡΩΟΥΤ «imber» (Sir. 43, 18) vor, ist aber ΣΙΜΡΟΥΤ
 = hebr. שִׁמְרִי, womit Lepsius⁸⁾ und Bsciai⁹⁾ ΣΙΜΜΟΥΤ zusammen-
 stellen, dann ist freilich das ρ am Platze. Dass wir es hier mit einem Stern-
 namen zu thun haben, lehrt der Zusammenhang. ΣΙΜΡΟΥΤ ist dasselbe was
 ΣΙΜΜΟΥΤ oder ΣΙΜΜΟΥΤ, boh. stets ΣΙΜΟΥΤ. Vergl. Hiob 38, 31. ἀρεμε
 δε ἐτμῶρε ἡτσίμμουτ· ἀτω ἀροτων' μηεκτο' ἡπσοτηρωρ'. «Hast
 du gekannt das Band der Pleiaden und hast du gelöst die Fesseln des Hunds-
 sterns?» und ib. 9, 9 πενταγματιε τσίμμουτ μη πεισο προτρε μη
 πωωπυ μη ηταμιον μηρηс «der die Pleiaden gemacht hat und den
 Abendstern und den Schenkel¹⁰⁾ und die Kammern des Südens». An beiden
 Stellen dient ΣΙΜΜΟΥΤ resp. ΣΙΜΟΥΤ zur Wiedergabe von Πλείας. Sonst
 ist mir ΣΙΜΜΟΥΤ noch an folgenden Stellen begegnet. Pap. Berol. 8322.
 τῖνασωϣ[τ ηρη] ρῖ ἡῖνϣτ ποορ ρῖ πεμῖντ τσίμμουτ^{sic} [ρῖ τ]μητε
 ητπε¹¹⁾ «ich werde die Sonne im Osten aufhalten und den Mond im Westen
 und die Pleiaden in der Mitte des Himmels». Pap. Berol. 5565. τῖμμουτ
 ἡτμητε ἡτπε «die Pleiaden in der Mitte des Himmels»¹²⁾. Hierher zu ziehen
 ist auch Pap. Berol. 8314. τῖνασωϣτ ευρη ρῖ περραμα ποορ ρῖ
 πετρωμος πεκλωμ ειοοτ ετροιχῖ ταπε¹³⁾ «ich werde die Sonne auf
 ihrem Wagen aufhalten, den Mond in seinem Laufe und den Sternkranz,
 der auf dem Haupte ist»¹⁴⁾. Was ist nun aber dieser Sternkranz? Ich glaube
 nicht zu irren, wenn ich in letzterem auch eine Bezeichnung für die

8) Chronologie pag. 143.

9) Recueil de travaux etc. VII (1886), pag. 29.

10) Der Schenkel ist eine Bezeichnung für den grossen Bären oder die Bärin. Vergl.
 Lepsius, l. l. pag. 143. — Ebers, die Körpertheile, ihre Bedeutung und Namen im Alt-
 ägyptischen, pag. (159) 81. (Abhandl. der k. bayr. Akad. d. Wiss. I Cl. 21 Bd., Abth. I. 1897).

11) U. B. M. I. № 7, l. 14. 15.

12) U. B. M. № 22, l. 8, und Aegypt. Zeitschr. XXXIII, 1895, pag. 51. Der in diesem
 Zauberstücke vorkommende Name ἀβτιμελλεχ ist nicht Abimelech, wie Erman meint,
 sondern Abdimelech. Letzterer findet sich Jer. 45, 7. (38, 7). 46, 16. (39, 16) in der Form
 ἀβδ εμελεχ, 'Αβδεμέλεχ, hebr. אֲבִדְמֶלֶךְ, wozu Ges. Wörterb. s. v. arab. عَبْدُ الْمَلِكِ
 vergleicht.

13) Vielleicht ist statt ταπε — τηε zu lesen und dann zu übersetzen «der am
 Himmel ist».

14) U. B. M. № 3, l. 26—29.

Pleiaden sehe. Dazu würde auch passen, dass die orientalischen Dichter die Pleiaden häufig mit einem Halsband oder Juwelen-Bouquet vergleichen¹⁵⁾.

Auch das «Triadon»¹⁶⁾ erwähnt die Pleiaden:

ἄνῃ Παι νε πνοῦτε ετε οἰκισὸν μμοῦ ετανρο δῶ εμοῦτ
 δῶ πτοῦ οἱ πενταγμαεῖο κτῆνμοῦτ
 εἴψυε ερον εκέλχ κενανε μι κενμοῦτ
 εκοῦωστ παρ ρη οἴμε μι οἴπνα κρατιον·

452. «Dieser ist der Gott, der lebendig machen und tödten kann¹⁷⁾

(198) Und er ist's auch, der gemacht hat die Pleiaden¹⁸⁾.

Es geziemt uns zu beugen unseren Kopf und unseren Hals

Und ihn anzubeten in Wahrheit und im heiligen Geiste»¹⁹⁾.

Schliesslich möchte ich hier noch eine Stelle aus dem Pap. Berolin. 8313 zum Vergleiche heranziehen: πετσαρῆι πρε επεμῖτ κῆι ποορ
 εεινῆτ κῆι κσοοτ κσιοτ κρῖλαστριον «der die Sonne zum Westen trägt
 und den Mond zum Osten trägt und die sechs Sterne der Versöhnung (?)
 trägt, die unter der Sonne stehn»²⁰⁾. In diesen 6 Sternen möchte ich auch
 die Pleiaden erkennen. Vergl. dazu, was Ideler²¹⁾ sagt: «Aratus²²⁾ sagt
 v. 257, man nenne die Pleiaden ἐπτάφοροι, die in sieben Bahnen wan-
 delnden, ob man gleich nur sechs Sterne sehe. In gleichem Sinn
 äussert sich Ovid:

Pleiades

Quae septem dici, sex tamen esse solent.

Fast. IV, 170.

Hipparch behauptet dagegen (in Arati Phaen. I, 14), man bemerke in einer
 heitern, mondleeren Nacht wirklich sieben Sterne. Die Verschiedenheit dieser
 Angaben erklärt sich leicht. Die Gruppe besteht aus einem Stern dritter
 Grösse, aus dreyen fünfter, zweyen sechster, und vielen kleinern. Es ist also
 ein sehr scharfes Auge erforderlich, um in derselben mehr als sechs Sterne

15) Delitzsch, Das Buch Hiob. 2. Aufl. Lpg. 1876, pag. 127, 500 flg. (Bibl. Commentar
 über die poët. Bücher des A. T. Band II). — Ideler, Untersuchungen über den Ursprung und
 die Bedeutung der Sternnamen. Berlin 1809, pag. 137, 143 flgde.

16) Cod. Borg. CCCXII (jetzt I B. 19 der Biblioteca Nazionale zu Neapel), cf. Zoëga,
 Catalogus pagg. 642—659, und Stern, Artikel «Kopt. Sprache u. Literatur» in Ersch u.
 Gruber, II. Section, Bd. 39, pag. 36.

17) Deut. 32, 39.

18) Hiob 9, 9.

19) Joh. 4, 24. οἴπνα νε πνοῦτε δῶ κενιδουῦστ παρ· εἴψυε εροοῦτ
 ετρεοῦωστ παρ ρη οἴπνα μι οἴμε·

20) U. B. M. № 1,2. Verso 3—5. Aegypt. Zeitschr. XXXV, 1895, pag. 49, 50.

21) L. I. pag. 144 ff.

22) In seinem astronomischen Gedichte Φαινόμενα um 270 v. Chr. Geb.

deutlich zu unterscheiden. Da man nun im Alterthum gewöhnlich nicht mehr wahrzunehmen glaubte, und doch, wie bey uns, von einem Siebengestirn — einer Πλειάς ἑπτάστερος, wie Eratosthenes c. 14 sagt — die Rede war, so entstand der Walm, gegen den sich schon Aratus a. a. O. erklärt, dass sich ein Stern der Gruppe verloren habe. Einige meinten (s. die Scholien zu diesem Dichter), dass derselbe vom Blitz getroffen sey; andere, dass er sich zum mittlern im Schwanz des grossen Bären geschlichen habe, wesshalb sie dessen kleinen Begleiter, unsern Reuter, den Fuchs — Ἀλώπηξ nannten; noch andere gaben der Sache einen mystischen Anstrich, wie man aus der citirten Stelle des Ovid ersehn kann». — Suidas s. v. Πλειάς nennt sie τὸ ἐξάστερον. Bei Kircher 51 u. 562 findet sich εἰσαστραπ.

3. a. 3. ἡτηρη] wie der Zusammenhang lehrt, muss dies Wort auch der Name eines Sterns oder vielmehr einer Sterngruppe sein, da es im Plural steht. Möglich ist, dass τηρη fehlerhaft für αστηρ (ἀστήρ) steht, das neben σιου gebraucht wird und vielleicht eine besondere Sterngruppe bezeichnet. Man vergl. Cod. Borgian. CXCIV²³) πειρε οη ποορ ατω ποσητοοτε μη ηχορος τηρη ηκειου, μαλιετα ηαστηρ ετηερε ποσοειυ ηη, ετερε ηετςβηρ ρη θαλασσα βωυτ εροοτ ετσοοτη ηπετςβηρ, ατω ηεηε ηεταρομος σοττωη ηηημον. «Desgleichen auch der Mond und der Morgenstern und die ganze Schaar der Sterne (σιου), besonders die Sterne (αστηρ, ἀστήρ), die zu allen Zeiten glänzen (leuchten), auf welche die auf dem Meere fahren sehn und ihre Fahrt (nach ihnen) richten und (sehn), ob ihr Curs richtig sei oder nicht». Zoëga vergleicht dazu Il. 18, 489 οἷη δ' ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὀκεανοῖο, was dort von der Bärin gesagt wird. Wir hätten also in den αστηρ ετηερε ποσοειυ ηηη etc. eine andere Bezeichnung für den sonst ηωηηηη genannten Stern (s. oben). Auch Preller, Griech. Mythologie I, 3. Aufl., pag. 385, sagt: «Die ganze Gruppe war für die Schifffahrt sehr wichtig».

Nach anderer Auffassung kann übrigens das von den αστηρ Gesagte auch auf die Pleiaden bezogen werden. Vergl. Ideler, l. l. pag. 144: «Woher die Benennung Plejaden komme, erklären die alten Grammatiker verschieden und zum Theile sehr gezwungen. Unter mehreren Etymologien, die der Scholiast des Aratus zu v. 254 aufstellt, verdient nur Eine Rücksicht, die Ableitung ἀπὸ τοῦ πλεῖν, vom Schiffe; denn da die Schifffahrt in der Regel mit dem heliakischen Aufgange der Plejaden in der ersten Hälfte des May anfing, und sich mit ihrem kosmischen Untergange in den ersten des November endigte, so konnten sie füglich das Schifffahrts-Gestirn heissen»²⁴).

23) Zoëga 465.

24) Salemann erinnert bei τηρη an das pers. تير «Mercur».

Зап. Ист.-Фил. Отд.

3. a. 4. τεστρατία τιρε̄ μιστραιος «das ganze Heer des Himmels»]. Vergl. Act. 7, 42. τεστρατια ἦτις, στρατία τοῦ οὐρανοῦ; Jer. 7, 18. ἑστρατια ἦτε τφε; Turiner Fragment: ποορ μη ησιου μη τεστρατεια τιρε²⁵⁾ «der Mond und die Sterne und das ganze Heer».

3. a. 12. π̄σιου παρης μ̄η περκος «der Stern des Mars und der Schwan»] αρης Ἄρης Mars; περκος ist verderbt aus περκμος oder περκμος Κύκνος. Lev. 11, 18. περκμος.

3. a. 20. ρ̄ηρῑ^{sic} μμοο̄υε ετσοοτ̄ «verkehrte, falsche Bahnen»]. Vergl. Jud. 5, 6. ατωϣ̄η̄ η̄σῑ περρωοτ̄ ατκᾱ ηε̄ρ̄ιοοτε̄ ε̄βολ̄ ατω̄ ατμοο̄υε ρ̄η̄ μμοο̄ε̄ιτ̄ ετσοοτ̄ ατω̄ ετσοομε, — ἐξέλειπον βασιλεῖς, ἐπορεύθησαν τρίβους, ἐπορεύθησαν ὁδοὺς διστραμμένας. — Prov. 22, 14. ῡυε̄ δε̄' εκτοκ̄ ε̄βολ̄ ρ̄η̄ ρ̄η̄ η̄μ̄ ετσοοτ̄ ατω̄ ετσοοτ̄, ἀποστρέφειν δὲ δεῖ ἀπὸ ὁδοῦ σκολιᾶς καὶ κακῆς; ρ̄η̄ μμοο̄υε findet sich Thren. 2, 19.

3. a. 27. θραξ̄ Θραξ̄ «Thracier»] vielleicht verschrieben für Φρυξ̄, da der griechische Text von Φρύγες spricht.

3. a. 29. μ̄ητρεϣ̄υμε «Wahrsagerei, Prophezeihung»] bis jetzt nicht belegt, nur ῡυμε Jer. 14, 14 μαντεία, ρεϣ̄υμε Act. 16, 16 Πύθων. Canon. eccles. 75, 14²⁶⁾ boh. ρεϣ̄υμε²⁷⁾ und μᾱη̄υμε Ming. 116 sind belegt. ρεϣ̄υμε ist = μάντις, wie aus folgender Stelle hervorgeht, wo beide Ausdrücke nebeneinander stehen: η̄μαντις̄ η̄ρεϣ̄υμε̄ ετσομοτ̄τε̄ εροϣ̄ ϣε̄ απολλων²⁸⁾ «der Wahrsager (Seher) genannt Apollo». Wir haben hier einen von den Fällen, wo das koptische und das griechische Wort nebeneinander gebraucht werden. Vergl. Stern, Kopt. Gramm., Einleitung pag. 5.

3. a. 31. ᾱσπε̄ ηαβο̄ο̄κε «die Sprache der Raben»]. Die Raben spielen bekanntlich in der Mythologie eine Rolle als Götterboten; man denke nur an die beiden Raben des Odin, Hugin und Munin²⁹⁾. Auch sind sie die unheilverkündenden Vögel des Teufels. Vergl. Goethes Faust, Scene in der Hexenküche, wo die Hexe zu Mephistopheles sagt:

«Wo sind denn Eure beiden Raben?»

Und im 2. Theil des «Faust» (4. Akt. Hempels Ausgabe pag. 195) sagt Mephistopheles:

«Da kommen meine beiden Raben,
Was mögen sie für Botschaft haben?
Ich fürchte gar, es geht uns schlecht».

25) Mélanges d'arch. égypt. III. (1875.) pag. 42.

26) Lagarde, Aegyptiaca 282.

27) Tattam, The Apostolical Constitutions or Canons of the Apostles in Coptic. London, 1848 pag. ϩ̄ϩ̄.

28) Guidi, Di alcune pergamene saidiche della Collezione Borgiana. Roma, 1893. pag. 18. (= Rendiconti della R. Accad. dei Lincei. Vol. II. 528).

29) Simrock, Deutsche Mythologie. 4 Aufl. (1874) pag. 174, 521.

4, 16. ἔωσε, ἔωσ absol. oder ἔωσ- mit dem pron. reflex. bedeutet «springen, aufspringen» wie griech. ἄλλομαι, was aber, von den Gliedern gesagt, auch «zucken» bedeutet; so wird denn auch ἔωσ-γ hier zu fassen sein. Der griech. Text hat hier καὶ παλμούς μελῶν ἔγνων, wozu unser Text sehr gut stimmt. Vergl. Melampus in seinem Buche περὶ παλμῶν μαντικῆς⁴⁰⁾ p. 485. "Ονυχες τῆς δεξιᾶς χειρὸς ἐὰν ἄλλωνται, κέρδος δηλοῦσιν ἀπροσδόκητον "Ονυξ τοῦ μικροῦ δακτύλου τῆς δεξιᾶς χειρὸς ἐὰν ἄλληται, ἢ μυρμηκιᾶ, κακαπάθειαν δηλοῖ. 498: "Ονυχες δεξιῶ ποδὸς ἐὰν ἄλλωνται, ἢ μυρμηκιῶσι, μαλακισθῆναι πρὸς ὀλίγον δηλοῖ. Canon. ecclesiastici 75, 14⁴¹⁾ steht: σπρεψῶλ ἄπριμ ἄμμελος εσψαηῶσε «einer der die Bewegung der Glieder deutet, wenn sie zucken». Zu dem im ganzen Oriente verbreiteten mit dem Gliederzucken verbundenen Aberglauben vergl. Fleischer, Ueber das vorbedeutende Gliederzucken bei den Morgenländern⁴²⁾ und Chwolsohn, Die Ssabier u. des Ssabismus II, pagg. 266—272, Anm. 326. — Herr Sam. Wiener macht mich noch darauf aufmerksam, dass bei Steinschneider⁴³⁾ ein jüdisches Buch des Gliederzuckens oder Juckens unter dem Titel רבב ליהפך angeführt sei.

3. b. 29. μαηερμη [Harnröhre]. Bis jetzt nur einmal belegt. Vergl. Kabis in seinem «Auctarium»⁴⁴⁾, wo er sagt: «μαηερμη proprie locus ex quo mingitur, seu οὐρήθρα: καρε ηιγεντ ταρ φριει ἄπεγμαστ πεμαλιετα ἄπεγμαηερμη· εα πεγεμοτ ἰρωοστ λοφλεγ εβολ αφεργεντ· Cod. Vat. LXII. Vermes enim cruciabant intestina eius, maxime vero eius οὐρήθραν, quoniam eius virilia corrosa fuerunt et vermibus scatebant». — ρμη «mingere» findet sich Z. 568 (Cod. Borg. CCXXXII). ρμη εοραῖ εσθατρκαλιον η εοραῖ εσψωμοστ η εοραῖ εσελαασ ηοηαασ εσψητωη εναῖ⁴⁵⁾. Z. 533 (Cod. Borg. CCXIV). οση ραζ ερε πεσκανροση λομε ηθε μπψαμοστ ετε ψατρμη εοραῖ ερογ· Encomium auf den h. Victor: ρη⁴⁶⁾. α ηιοσττε ρωωγ χικβα μμογ· αφῆοτγ εβολ

40) Scriptores physiognomici veteres Graece et Latine ed. Franz. — Altenburgi, 1780.

41) Lagarde, Aegyptiaca 282. — boh. Tattam, The Apostolical Constitutions or Canons of the Apostles in Coptic. London, 1848. pag. ρζθ.

42) Berichte üb. die Verhandlungen der k. sächs. Gesellsch. d. Wissensch. zu Leipzig. Philol.-hist. Classe. 1849. pagg. 244—256, wieder abgedruckt in Fleischer, Kleinere Schriften III, pagg. 199—211. Leipzig, 1888.

43) Die hebr. Übersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des Mittelalters. . . . Gekrönte Preisschrift der Académie Française. Berlin, 1893. pag. 893. § 539. Vergl. auch Gudemann, Gesch. des Erziehungswesens und der Cultur der abendländischen Juden I. pag. 201.

44) Aegypt. Zeitschr. XIII, 1875. pag. 86.

45) εσψητωη εναῖ ist bei Zoëga ausgelassen. Die vollständige Abschrift von S. τρκα und flgde verdanke ich Herrn Dr. Carl Schmidt.

46) Bouriant, Éloges du martyr Victor. (Mém. de la Mission archéol. au Caire. VIII. 2. fasc. pag. 155.).

ⲙⲛⲓ ⲛⲉϥⲛⲓ ⲡⲓ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉⲛⲉⲧⲉⲣⲙⲛⲓ ⲉϩⲟⲧⲛⲓ ⲉⲧⲭⲟ mit Bezug auf Jerobeam (III Reg. 14, 10 Ἰδοὺ ἐγὼ ἐξολοθρεύσω τοῦ Ἱεροβοάμ οὐροῦντα πρὸς τοῖχον); diese Stelle ist koptisch nicht erhalten, dagegen die Parallelstelle IV Reg. 9, 8. ⲁⲧⲱ ⲫⲛⲁϩⲱⲧⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲙⲛⲛⲓ ⲛⲁⲭⲁⲁⲃ ⲙⲛⲉⲧⲣⲙⲛⲓ ⲉϩⲟⲧⲛⲓ ⲉⲟⲧⲭⲟ etc. και ἐξολοθρεύσεις τῷ οἴκῳ Ἀγαθάβ οὐροῦντα πρὸς τοῖχον. ⲙⲛ «urina» findet sich in einem medicinischen Recepte (Cod. Borg. CCLXXVIII). ⲭⲓ ⲛⲟⲧⲕⲟⲧⲓ ⲙⲙⲛⲓ ⲙⲛ ⲟⲩⲣⲁⲥⲙ ⲙⲛ ⲟⲩⲣⲙⲭ 47), ausserdem noch in der Form ⲙⲛⲙⲟⲟⲩ bei Jes. 36, 12 ⲭⲉⲣⲁⲥ ⲉⲧέοⲩⲧⲉⲙ ⲧⲉⲧⲙⲛⲟⲩⲉⲓⲛ ⲁⲧⲱ ἵⲥⲉⲥⲉ ⲧⲉⲧⲙⲛⲙⲟⲟⲩ, (ἵνα φάγωσι κόπρον και πῖωσιν οὖρον), wo der boh. Text einfach ⲙⲱⲟⲩ hat, doch findet sich daneben auch ⲙⲛ ⲙⲙⲱⲟⲩ in dem Cod. LXX bei Zoëga 556 not. 29. Kircher 161 führt noch ⲉⲣⲥⲓⲙⲱⲟⲩ, ⲛⲓ ⲁⲣⲃⲱ ⲁⲗⲃⲱⲓ mit derselben Bedeutung an. Hierher gehört wohl auch ⲟⲩⲣⲓⲁⲓⲛ : ⲧⲙⲛⲓⲛⲓⲟ̅ ⲟ̅ⲩⲓⲣⲟⲓⲟ̅^{sic} 48).

3. b. 32 — 4. a. 2. ⲛⲉⲙⲟⲟⲧⲧ ⲛⲱⲁⲧⲱⲗⲛ ⲛⲥⲉⲣⲃⲁⲭⲓϩ «die Muskeln (Sehnen), die sich zusammenziehn und jucken». ⲱⲗⲛ «sich zusammenziehen», wozu man vergl. Rossi I. 5, 48 (Mart. des Ptolemaios) ⲁϩⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩ̅ⲙ ⲛⲕⲱⲣⲟⲧ̅ ⲙⲛⲛ̅ⲣⲱⲛⲟⲩⲉⲛⲉⲛⲉⲧⲣⲙⲛⲓ ⲉⲣⲟⲩⲟⲩⲭ. ⲙ̅^{sic} ⲙⲛⲉⲧⲙⲟⲟⲧⲧ ⲱⲗ ϩ̅ⲙ ⲛⲉϥⲱⲙⲁ · ϩⲱⲥ ϣⲱ ⲉϫⲱⲭⲉ ⲙⲛ[ⲟⲩ]ⲣⲟⲕ[ϩ̅ϩ̅ ⲉⲛⲧⲛⲉⲣϩ̅] «Er gieng heraus aus dem Feuer und hatte überhaupt nicht gebrannt und war heil; und keine Muskel hatte sich zusammengezogen an seinem Leibe, als wenn man ihn überhaupt nicht gebrannt hätte»; ⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲟⲩⲣⲱⲙⲓ ⲥⲉⲛ ⲫⲛⲟⲗⲓⲥ, ⲉⲣⲉ ⲛⲉϩⲥⲓⲭ ⲟⲗⲛ Cod. Vat. LXII «Erat homo quidam in civitate, cuius manus contractae erant» 49); — ⲉⲣⲃⲁⲭⲓϩ «jucken», zusammengesetzt aus ⲉⲣ «machen» und ⲃⲁⲭⲓϩ «Ameise» 50), wie das griechische μυρμηκίζω und μυρμηκιάω von μύρμηξ und das lateinische formicare von formica mit der Bedeutung «jucken, als wenn Ameisen auf der Haut herumliefen, kribbeln»

47) Zoëga 630.

48) Mitth. Pap. Erzherzog Rainer. IV. (1888.) pag. 128.

49) Aegypt. Zeitschr. XIV. (1876.) pag. 19.

50) Beiläufig sei hier bemerkt, dass eine Form ⲥⲓⲭⲓϩ, die sich bei Bouriant, Éloges du martyr Victor pag. 171 findet und von dort auch in Steindorff's Koptische Grammatik (pag. 45* u. 94*) gekommen ist, überhaupt nicht existiert. Die Handschrift hat ganz deutlich ⲃⲁⲭⲓϩ. — Neben ⲃⲁⲭⲓϩ kommt auch ⲕⲁⲭⲓϩ vor s. Guidi, Frammenti copti pag. (47.) (Mart. des Simon). Simon sagt zur h. Theonoe: «Welcher den Holofernes zu jener Zeit schlug... wird jetzt auch diesen gottlosen König schlagen durch deine Hand. Es antwortete die Jungfrau und sprach: Mein Vater, wie (ⲛⲁϫⲱ [ⲛⲉⲣⲉ]) soll ich das machen? Ich habe noch nie meine Hand gegen Jemanden geführt, bis zu einer Ameise» (ϫⲱⲣⲁⲓ ⲉⲧⲕⲁⲭⲓϩ.) Zum Wechsel von ⲕ und ⲥ innerhalb des Sahidischen vergl. man ⲃⲉ neben ⲕⲉ, ⲕⲓⲙⲟⲟⲧⲧ neben ⲥⲓⲛⲙⲟⲟⲧⲧ, und die folgenden der Sophonias-Apocalypse entnommenen Beispiele: ⲥⲱⲣⲧ So. 14, 23 neben ⲕⲱⲣⲧ 14, 24; ⲧⲁⲃⲟ 13, 30 neben ⲧⲁⲣⲟ 13, 11; ⲥⲓⲙ = ⲕⲓⲙ 11, 13; ⲃⲉⲗⲉⲧⲉ 10, 14 neben ⲕⲉⲗⲉⲧⲉ 8, 32; ⲧ̅ⲗⲁⲣⲟ 5, 12 für ⲧⲁⲗⲃⲟ; ⲥⲥⲓⲙ 5, 29 für ⲥⲕⲓⲙ und ⲥ̅ⲗⲗⲉ 1, 10 für ⲕ̅ⲗⲗⲉ.

und *μυρμηχίασις* und *μυρμηχισμός* bei den griechischen Ärzten und «formicatio» «das Ameisenlaufen, das durch Würzchen erzeugte Hautkribbeln, Hautjucken». Vergl. die unter *ἔωσε* angeführten Stellen aus Melampus und Plinius, *Hist. Nat.* 28, 7 (20), 71 *formicationes corporum*, 30, 13 (41), 120 *donec formicet cutis*.

4. b. 9. *ἀπὸτ δε οἱ ἐμνήθε* «ich gieng ferner nach Memphis»]. Zu vergleichen ist hier eine Geschichte, die sich in der *Vita S. Hilarionis* erhalten hat und in manchen Zügen lebhaft an die Cyprianlegende erinnert. Rossi I, 4 pag. 21 Migne, *Patrologia lat.* 23, 29. 40 § 21 Es heisst dort unter Anderem: *πυριρε βε θυμ . . . ἀφωοτη ἀφῶκ ἐμνήθε' ἕνας εφεεμε ῥμ πμα ἐτμματ ερεντεχνη μματια ἡγεῖ ἡγῆρε ππαρ-φενος ῥ πεφωωυ εαφεμε δε ερεντεχνη μματια εβὸλ ριτωοτῆ μπασκλιπιοσ etc.* «der Jüngling erhob sich nun und gieng nach Memphis, damit er erlerne an jenem Orte die magischen Künste und wiederkomme und veranlasse die Jungfrau seinen Wunsch zu erfüllen, nachdem er die magischen Künste durch Aesculap erlernt haben würde» etc. «perrexit Memphim, ut confesso vulnere suo, magicis artibus rediret armatus ad virginem. Igitur post annum doctus ab Aesculapii vatibus, non remediandibus, sed perdentibus animas, venit praesumptum animo stuprum gestiens» etc.⁵¹⁾.

4. b. 21. *νεμανιωωῶνε ἡρακε ετραοῦ μπκαρ . καὶ ἡπυαρε ἡδαῖμων μπανρ αατ* «die Wohnstätten der Finsterniss, die unter der Erde sind, die die Dämonen gemacht hatten»]. Vergl. dazu 5. b. 32 *νεπῆα ετῶμ πανρ* «die Geister, die in der Luft sind» und Ephes. 2, 2 *παρχων ἡτεροσια μπανρ νεπῆα καὶ ετενεργει τενοσ ῥμ πυριρε ἡτμητα-καρτε* «der Herrscher des Reiches der Luft, der Geist, der jetzt wirkt in dem Sohne des Unglaubens» *ὁ ἄρχων τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀέρος*; Ephes. 6, 12 *νεπνεματικον ἡτῆονηρια ετρα μπιτε* «die Geisterwesen der Bosheit unter den Himmeln». Vergl. noch: *νεπῆα ἡτῆονηρια ετρα μπιτε*⁵²⁾ «die Geister der Bosheit unter den Himmeln». Der Aufenthaltsort der bösen Geister ist theils in der Unterwelt unter der Erde, theils in der Luft gedacht⁵³⁾. Vergl. auch noch den dem Götzen Kothos (*κοθος*) beigelegten Titel *παρχιναστρατιγος μπανρ*⁵⁴⁾ «der Oberbefehlshaber der Luft». Bei Lueken⁵⁵⁾ finde ich noch folgende hierher gehörige Stelle aus Theodorus

51) Migne, *Patrol. lat.* 23, 29.

52) *Mém. Mission archéolog. au Caire IV*, pag. 789.

53) Roskoff, *Geschichte des Teufels. I.* Leipzig, 1869. pag. 207.

54) Amélineau, *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IV^e et V^e siècles.* pag. 177. (*Mém. Miss. archéolog. au Caire. IV* (1888.)).

55) Michael. *Eine Darstellung und Vergleichung der jüdischen und der morgenländisch-christlichen Tradition vom Erzengel Michael.* Göttingen, 1893, pag. 119.

Studita angeführt: ἄγγελοι τῷ ἀέρι ἐρίπτανται τὰς ψυχὰς τῶν ἁγίων ἐκ τῶν πνευμάτων τοῦ ἀέρος διασώζοντες.

4. b. 20. χῖπῖρα «versuchen, durch Versuch kennen lernen, erfahren»] nachgebildet dem griech. πείραν λαμβάνειν, boh. σῖπῖρα. Éloges du martyr Victor: ἀμιητῖ σε τενοσ ω κερῖωμε τηροσ ἡτασχιπῖρα ἄπερλοσ πεμψηρε⁵⁶⁾ «Kommet nun jetzt, o alle ihr Weiber, die ihr erfahren habt die Süßigkeit der Kinder»; Sap. Sal. 12, 26 σεναῤῥῖσα ἡχιπῖρα ἡτερ[ρι]σε ἄπποσ τε ἀξίαν θεοῦ κρίσιν πειράσουσιν. Hebr. 11, 29 σεη οσκαρϣ ἀσμη ἐβολ σεη φιο.μ ἡσῖαρι ἄφρηϣ ηε ἐβολ σεη οσκαρι εμψοσῶσο φνε-τασῖπῖρα ἡσῖητῖ ἡσε ηπεμῖχῖμη ἀσω.με ἐσρηη πίστει διέβησαν τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν ὡς διὰ ξηρᾶς ἡς πείραν λαβόντες οἱ Αἰγύπτιοι κατεπόθησαν. L. l. 11, 36. ρηκρεχωσθη δε σεη ρησῶηη με ρημαστιστος ἀσῖ-πῖρα ἐτι δε με ρηκεσῖασρ με ρησῖτεκῶσ ἔτεροι δὲ ἐμπαιγμῶν καὶ μαστίγων πείραν ἔλαβον, ἐτι δὲ δεσμῶν καὶ φυλακῆς. Sahidisch sind diese beiden Stellen leider nicht erhalten. σῖπῖρα findet sich noch Rossi, Cinque manoscritti coṗti pag. 86 Ἰωηαε δε ηασῶσθη ἄμετασασοο ἡτε φϣ με με τεμμετῖηητ ἡτα εῶηη ηηέτασῖπῖρα ἄμῶσο ἡτοσῖ «Jonas aber kannte die Güte Gottes und seine Barmherzigkeit nach dem, was er durch ihn erfahren hatte».

5. a. 2. ρσδανε = ἡδύνην und ἡδέσθαι] etwas seltsam ist diese Form, die sicher durch Anlehnung an ἡδονή entstanden ist; doch ist sie noch zu belegen aus Ps. 146 (147), 1 ηε.μοσ εμρηδανε ἄπποσ τε ἡδυνθείη ἡ αἰνεσῖς Sir. 37, 4 ἡσῖαρε οσῖβηρ ρηδανε ἄπερψῖηρ ρῖ οσοσῖοσῖ ἐταῖροσ φίλου ἐν εὐφροσύνῃ ἡδέσται. Vergl. noch ρηδῖηεσῶ Vita Johannis Colobi⁵⁷⁾. Der altrussische Text liest hier «повѣлеваютъ» «sie befehlen».

5. b. 12. εσνερετῖ ἄμῶσο κατα οσφῖασῖα «was sie bewirkten durch ein Trugbild». Vergl. dazu Vita Moysis (Cod. Borg. CCXIV*): ητερεηαρ[χει δε] (ῖ)εμῖηηη ἀ ημα κη.μ ραροη, ἀσω ἀ ρηηηοσ ηοροσο σῖωηη ρῖηη μμοη ηῶε ηρηνεῖρησε μη ρηοροσῖβῖαι ηεξε πεηεωτ, ξε μηρρροτε, ρησφῖασῖα ηδαιμοηηηη ηε⁵⁸⁾ «Als wir zu beten anfiengen, erbehte die Erde unter uns und laute Töne erschollen vor uns wie Blitze und Donner. Es sprach unser Vater: «Fürchtet euch nicht, es sind dämonische Trugbilder». — Johannesacten (Prochorus): ηερῖηηε τηροσ ἡτα ηοητῖηοσ δασ ηρηνεῖηηε ἀη ηε κατα ηηοσ τε ηεη-τασῖωηηη εβολ ρητοοσῖ ἀλλὰ ρῖ οσφῖασῖα ἡδαιμῖηη ἡτασ-

56) Mém. Mission archéolog. au Caire. VIII, pag. 183.

57) Annales du Musée Guimet XXV, 320.

58) Zoëga 534 = Miss. arch. au Caire IV, 690.

πῶς πῆρωμε πτερε⁵⁹⁾ «alle Dinge, die Noëtianos that; es war nichts Göttliches, was durch ihn entstand, sondern durch ein dämonisches Trugbild suchte er die Menschen auf diese Weise zu überzeugen».

5. b. 6. θεμκο ποτμοτηρωσ] hier offenbar verschrieben für кемто мн̄ отмоτηρωс. ἐκεῖ ἔγνων σεισμῶν καὶ ὑετῶν ὁμοίότητα.

5. b. 15. hinter φαντασία ist etwas ausgefallen, wie der griechische Text zeigt: Ἐκεῖ εἶδον γιγάντων ψυχὰς ὑπὸ σκότους τηρουμένας, καὶ φασματικῶς ὀρθούσας γῆν, was auch der altrussische Text bietet: Тамо видѣхъ чудов'скы душа т'мою держимы и мечт'нѣ подѣдер'жаща землю, такоже се нѣкто на плещю пося бремя тяж'ко.

6. a. 24. ἀρχιτ̄ οἱ ἐτοπος· πμᾱ етере̄ н̄δᾱιμων̄ ш̄ibē н̄рнт̄ц̄ м̄п̄ε̄с̄мот̄ «man brachte mich ferner an einen Ort, den Ort, an welchem die Dämonen ihre Gestalt ändern». Vergl. Vita Moysis (Cod. Borg. CCXVI*) επ̄εῑзд̄н̄ н̄та̄ от̄δᾱιμον̄ион̄ ѡ̄к̄ ε̄ρο̄т̄ӣ е̄п̄р̄не̄ е̄то̄с̄мо̄т̄е̄ е̄ро̄ц̄ х̄е̄ ѡ̄не̄ не̄ ш̄аре̄ ρ̄а̄ρ̄ τ̄ар̄ н̄а̄т̄ е̄ро̄ц̄ е̄ц̄ѡ̄бе̄ е̄п̄ес̄н̄т̄ ρ̄м̄ н̄р̄не̄ е̄ц̄ш̄ibē м̄мо̄ц̄ н̄ра̄ρ̄ н̄с̄м̄[от̄]⁶⁰⁾ «weil ein Dämon in den Tempel hineingegangen war, genannt *Bés* ihn sahen viele, wie er hinuntersprang in den Tempel und sich in viele Gestalten veränderte». De morte Josephi 21, 1 τότε αἰδῶντ̄ м̄п̄са̄ м̄п̄р̄не̄ м̄п̄ро̄, ἀπ̄ᾱт̄ е̄п̄мо̄т̄ а̄ц̄е̄ е̄ре̄ а̄м̄н̄те̄ от̄н̄ρ̄ н̄с̄ѡ̄ц̄, е̄те̄ н̄а̄г̄ н̄е̄то̄ н̄с̄т̄м̄ѡ̄с̄л̄ос̄ а̄т̄ѡ̄ н̄п̄а̄но̄т̄р̄т̄ос̄, н̄д̄а̄ѡ̄л̄ос̄, х̄ӣп̄ т̄ε̄ρο̄ѡ̄ε̄ῑте̄, е̄ре̄ от̄м̄н̄ӣше̄ н̄ш̄а̄ѡ̄ н̄ро̄ н̄т̄ε̄к̄а̄но̄с̄ от̄н̄ρ̄ н̄с̄ѡ̄ц̄ е̄т̄х̄ӣ ρ̄ѡ̄к̄ н̄к̄ѡ̄р̄т̄ т̄ӣро̄т̄, е̄м̄н̄ н̄п̄е̄ е̄ро̄о̄т̄, е̄ре̄ от̄ѡ̄н̄ӣ м̄н̄ от̄к̄а̄п̄ӣос̄ н̄к̄ѡ̄р̄т̄ н̄н̄т̄ е̄ѡ̄л̄ ρ̄н̄ т̄ε̄т̄а̄п̄ро̄⁶¹⁾ «da schaute ich gen Süden, von der Thür aus und sah den Tod kommen; es folgte ihm die Hölle, die ihm ein Berather ist, und der Betrüger von Anfang an, der Teufel; es folgte ihm eine Menge von Dekanen von verschiedenem Aussehen, alle mit Feuer bewaffnet, ohne Zahl, aus deren Munde Schwefel und feuriger Rauch kam». Die Dämonen treten in den verschiedensten Gestalten auf. Am häufigsten tritt der Teufel in der Gestalt eines grossen Aethiopiens auf: ᾱ н̄д̄а̄ѡ̄л̄ос̄ от̄ѡ̄н̄ρ̄ е̄ро̄ц̄ е̄ѡ̄ м̄п̄ε̄с̄мот̄ н̄от̄н̄ос̄ н̄ε̄ѡ̄ш̄ е̄ѡ̄ н̄ѡ̄л̄е̄ е̄ма̄те̄⁶²⁾ «der Teufel erschien ihm in der Gestalt eines grossen Aethiopiens, der sehr schrecklich war». Н̄т̄ε̄т̄н̄ос̄ а̄ц̄п̄ѡ̄т̄ н̄ѡ̄е̄ н̄о̄т̄т̄ӣр̄ н̄к̄ѡ̄р̄т̄ · а̄ц̄х̄ӣ м̄п̄е̄ӣне̄ н̄от̄н̄ос̄ н̄ε̄ѡ̄ш̄ е̄ц̄х̄ос̄е̄ е̄ма̄те̄ · е̄ре̄ н̄ε̄ѡ̄ѡ̄л̄ м̄ε̄ρ̄ н̄ε̄но̄ц̄⁶³⁾ «sofort floh er wie ein Feuerfunke und nahm die Gestalt eines grossen Aethiopiens an, der sehr hoch war, während seine Augen mit Blut ange-

59) Mingarelli 302 und 304.

60) Zoëga 533 = Mém. Mission au Caire. IV, 689.

61) Lagarde, Aegyptiaca pag. 23.

62) Mém. Mission au Caire. IV, 827.

63) Martyrium S. Claudii (Cod. Borg. CXLV).

«Siehe auf mein Elend, mein Gott, und blicke auf meine arme Seele, die versunken ist in dem Schlamm der Sünde. Der Feind ist nahe dran sie zu verschlingen, denn er brüllt wie ein Löwe und er ist die Schlange».

ὄμε und λοιρε sind, wie man sieht, synonyme Ausdrücke; ersteres hat die Bedeutung «Lehm», dann auch «Koth, Schlamm», letzteres bedeutet «Koth, Schlamm»; sie werden zur Verstärkung verbunden wie im Hebr. לִיִּי וְשׁוֹ. Im Griechischen ist σιπῶδες überliefert, was in den ΛΛ. SS. in λιπῶδες geändert und mit «pinguem» übersetzt ist. Sollte nicht σηπεδονῶδες zu emendieren sein? Zahn schlägt auf Grund von Eudocia (ἀφροῖ καὶ ἥπατι ἴσον) ἥπατῶδες «leberähnlich» vor. Der altrussische Text der Menäen hat «кrove и пѣнь согнилъ», was in der Publication in «кrove, пѣпъ, согнилъ» geändert ist; согнилъ (krsl. сѣгнилъ, putridus) würde unserem Texte nahe kommen.

7. a. 30. ῥῆλας εἴχααω εἴτημ ἦσα πετῆρητ. «rauhe Zungen . . . die aneinander geschärft waren». Vergl. dazu Ps. 139 (140), 4 αἰτωμ ἦνεῖλας ἦε ἦνεῖροτ. ἡκόνησαν γλῶσσαν αὐτῶν ὡσεὶ ὄφραω.

7. b. 3. πεπῆα ῥωωτ μμμοτε εἴῶ μπεμοτ μῆμῆλαε εἴτητ μῆ μπεῖπε. «der Geist aber des Hasses hatte das Ansehen von Thonerde gemischt mit Eisen»]. Auf Grund des griech. Textes, der hier τυφλός bietet, könnte man leicht versucht sein, ἔηλαε für einen Schreibfehler statt ἔλλαε «blind» zu halten, doch passt nicht dazu was auf ἔηλαε folgt. Die Vorlage unseres Textes muss eine andere Lesung gehabt haben. Das τυφλός der Confession wird durch ὀλαωπήν bei Eudocia (II, 128) gestützt. Auch der altrussische Text hat: видъ ненавистный слѣпъ «das Bild des Hasses — blind». Das Bild, das unser Text vom Hasse entwirft, ein Gemisch von Thonerde und Eisen, zwei Dingen, die sich überhaupt nicht mischen lassen, ist recht charakteristisch; dasselbe findet eine Analogie im Traume Nebukadnezars von dem Kolosse mit Füßen, theils von Eisen, theils von Thon, wodurch dort ja auch die Uneinigkeit ausgedrückt werden soll. Vergl. Daniel 2, 33. 41—43.

- | | |
|---|--|
| 33. πεπενβι ἦρατε ρανβενμι
πε πεσφατ οσα μεν εφοι
μῆβενμι οσα μεν εφοι μ-
ἔελα | 33. Die Schenkel waren Eisen, seine Füße theils von Eisen, theils von Thonerde. |
| 41. οσοτ οη χε ακηατ ἐνεφατ
πεμ πεστηῆ οσα μεν εφοι
μῆελα οσα δε εφοι μῆε-
νμι εσεῦωμι ἦχε οσμετοτ-
πο εσφιντ οσαι ἐῆολ zen | 41. Und ferner, dass du sahst seine Füße und seine Zehen, theils von Thon, theils aber von Eisen, [bedeutet]: es wird ein getheiltes Reich sein, ein Theil darin |

- ὄνοτι μῆνεπι εὐναυωπι
 ἦσῆτε μῆρρη† ἕταρνατ ἕ-
 πιβενπι εἰμοτχτ nem πι-
 βελχ.
42. πῆτιβ ἦτε necφατοτοκοτσα 42. Die Zehen seiner Füße waren
 мен εἰοι μῆνεπι πικеса δε theils von Eisen, theils aber von
 εἰοι μῆβελχ ἕρε σμερος Thonerde; [das bedeutet]: ein
 ἦτε †μετοτρο ψωπι εἰχορ Theil des Reiches wird stark
 οτορ πικεμερος εἰέμωπι sein und der andere Theil zer-
 εἰσεμδωμ. brechlich.
43. οτορ χε ἀρνατ ἐπιβενπι 43. Und dass du sahst das Eisen,
 εἰμοτχτ nem πιβελχ εἰ- gemischt mit Thonerde [bedeu-
 ψωπι εἰμοτχτ σεπ ἦχροχ tet]: sie werden sich vermischen
 ἦτε πῆρωμι ἕφαι nem φαι durch den Samen der Menschen
 μῆρρη† ἕτε μῆαρα πιβενπι in der Weise, wie sich das Eisen
 μοτχτ nem πιβελχ. mit Thonerde nicht vermischt».

Hitzig⁷³⁾ bemerkt zu dieser Stelle: «Sie (d. h. Thon und Eisen) sind durch äussere Macht zusammengefügt, aber sie selbst verbinden sich nicht mit einander, so dass eine wirkliche Einheit und Verschmelzung zu Stande käme».

S. a. 18. *πесмот* ἡτμῆτατῆμε «das Bild der Schamlosigkeit». Die AA. SS. lesen *λυπότης*, was mit «tristitia» übersetzt ist, während nach Zahn dort *γριπότητος* steht, was er durch «Gewinnsucht» übersetzt. Der griechische Text liest weiter: ὅξυ ὄλον τὸ σῶμα ἔχον κατὰ τὴν ἄρπην «am ganzen Körper scharf wie eine Sichel», der koptische Text dagegen — «in der Gestalt eines Vogels genannt *ραρνας* (*ἄρπαξ* «Räuber»). Hier ist zu beachten, dass *ἄρπη* ausser «Sichel» auch noch einen Raubvogel bezeichnet II. 19, 350⁷⁴⁾. Sollte der koptische Übersetzer *ἄρπη* als Vogelnamen aufgefasst und dann daraus *οτραλιτ ἡψατμοττε εροχ χε ραρνας* combinirt haben oder hat hier in der Vorlage des koptischen Textes etwas anderes gestanden? Ich wage es nicht zu entscheiden. Vielleicht hat der Übersetzer auch an *ἄρπια* gedacht. Der altrussische Text hat «видъ скровества, остро все тѣло нмыѣ, акн серпѣ» «das Bild der Hehlerei, den ganzen Leib scharf wie eine Sichel»; *скровество* hängt wohl mit *krsl. съкровьнѣ* *κρυπτός* *съкровѣствовати* *abscondere*⁷⁵⁾ zusammen und wird wohl kaum anders als «Hehlerei» zu übersetzen sein.

73) Das Buch Daniel. Lpg. 1850. pag. 36. (Kurzgefasstes exeget. Handbuch zum Alten Testament. Lief. 10.)

74) Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie. 5. Aufl. (1879) pag. 263 № 331 u. 332. — Edlinger, Erklärung der Tier-Namen aus allen Sprachgebieten. Landshut, 1886. pag. 38. «lat. falco gehört zu *falx* «Sichel» wie griech. *ἄρπη* zu *ἄρπάγη* «Haken».

75) Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, pag. 929.

8. a. 25. παροστε ηνεγβαλ, κόραι τῶν ὀφθαλμῶν «die Pupillen seiner Augen»]. αροστε ist bis jetzt nicht belegt, wenigstens nicht in dieser Bedeutung, denn αροστε, ρη, das Gen. 3, 18. Hos. 10, 8. Matth. 7, 16. Hebr. 6, 8 und Ming. 207 vorkommt, hat wohl mit unserem αροστε nichts zu schaffen, denn jenes entspricht einem griechischen τριβόλοι «Disteln» und der boheirische Text hat dafür κορυι. Auch mit αρω, η «faba Aegyptiaca» hat es wahrscheinlich nichts zu schaffen. αροστε ist eine Pluralform, die einen Singular *αρω voraussetzt⁷⁶⁾, der bis jetzt aber nicht zu belegen ist; doch findet sich in der Homilie des Johannes Chrysostomus auf den Patriarchen Joseph⁷⁷⁾ ἡαλω ἡνεγβαλ für κόραι τῶν ὀφθαλμῶν des griechischen Originals und die Pluralform dazu αλοστε steht in einem Pariser Fragment der Vita Johannis Lycopolitani: [ερέ ποσοειν ἡ]τεγρομε ρτατωμ εα ρειλετρωμ αωηε ρη ηεαλοστε⁷⁸⁾ «das Augenlicht seines Weibes war verdunkelt, indem sich weisse Flecke auf ihren Pupillen gebildet hatten».

Es ist bekannt, dass im Koptischen nicht nur zwischen den verschiedenen Dialecten, sondern auch innerhalb eines Dialects, besonders des sahidischen, ein Wechsel zwischen λ und ρ⁷⁹⁾ stattfindet und so können wir neben αλω ganz sicher eine Form *αρω annehmen, die vielleicht mit αρω «faba» identisch ist. Wir hätten dann αλω plur. αλοστε, *αρω plur. αροστε. Im Boheirischen haben wir bekanntlich αλλοτ, † «pupilla». Deut. 32, 10. Ps. 16, 8., das zweifellos dasselbe ist, was unser αλω, resp. *αρω. Im Sahidischen entspricht dem αλλοτ häufig κεκε oder κακε, auch mit dem Zusatze ἡβαλ «pupilla oculi». Sir. 17, 22 ατω περμοτ μπρωμε εγνααρερ εροϋ ἡε ἡοτκακε ἡβαλ (Lagarde 17, 16) και χάριν ἀνθρώπου ὡς κόρην συντηρήσει. Ps. 16, 8 sah. ραρερ εροῖ ἡε ἡοτκακε ἡβαλ; boh. αρερ έροι, ἡωις, ἡφρη† ἡταλλοτ ἡοτβαλ φύλαξόν με ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ. Prov. 20, 20 ηκεκε ηνεγβαλ ηαηατ οτκακε⁸⁰⁾ αἱ δὲ κόραι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ ὄφονται σκοτός. Das Sahidische macht hier einen feineren Unterschied, indem κεκε speciell «das Schwarze im Auge», — τὸ

76) Stern, Kopt. Gramm. § 213. Steindorff, Gramm. § 117.

77) Rossi, I papiri Copti del Museo Egizio di Torino. II. 2, 21.

78) Mission archéolog. au Caire IV. pag. 651. Ergänzt von mir auf Grund von Zoëga 392. α ηεσοσοειν ρτατωμ η αϋτωρ, εβολ ξε ηεεβαλ μεν οτηη ηεηατ ξε εβολ αη.

79) Stern, L. I. § 33. Sah. ἡρωμ und οτλωμ, αρηχ neben αληη. Ein deutliches Beispiel, wo einem sahidischen ρ ein boheirisches λ entspricht, ist das Wort εηρα mit seinen Zusammensetzungen: μηηηρα, boh. μετεφληοτ Ps. 23, 4. 61, 9. ρηηρα^{sic} boh. ρανεφληοτ Jes. 59, 4.

80) Rossi, L. I. II. 2. 8. und Zoëga 516.

μέλαν τοῦ ὀφθαλμοῦ, wie Plutarch⁸¹⁾ sagt, — bezeichnet, αλω, resp. *αρω dagegen den «Augapfel», obgleich beide Wörter auch promiscue gebraucht werden; im Boheirischen ist bis jetzt nur der eine Ausdruck für «Pupille, Augapfel» αλλοσ nachzuweisen. — Man vergl. noch Gal. 4, 15⁸²⁾ ενε σπενωσομ εψαπε ατεππερκ πεππαλοσ εατεππαασ καϊ· boh. éne σποπυχομ άμωτεп éφepк пeтeпáл éβoл пapетeпнaтптoт ппп пe· εἰ δυνατόν, τοὺς ὀφθαλμοὺς ὑμῶν ἐξορύξαντες ἂν ἐδώκατέ μοι. Statt αλοσ möchte ich hier αλοσπε lesen und mit «Augapfel, Pupille» übersetzen. — De morte Josephi Cap. 22⁸³⁾ ρωме ппм. ершан р̄ пeчoσopeш тпр̄ егаше ерраи п̄са пeлoσтe п̄пeчáл, егшанеи егпaмoσ, г̄р̄χpиa м̄ппа м̄пaеиoт етp̄и м̄пптe «jeder Mensch. . . . wenn er sein ganzes Leben verbringt, hängend an seinen Augäpfeln, und wenn er zum Sterben kommt, bedarf er der Gnade meines Vaters im Himmel». Der boheir. Text hat für егаше ерраи п̄са пeлoσтe п̄пeчáл — егáшп п̄са п̄бoσтpи п̄тe пeчáл «hängend an den Wimpern seiner Augen». Stern⁸⁴⁾ übersetzt пeлoσтe mit «Wimper» und бoσтpи mit «Lider», doch glaube ich, dass пeлoσтe fehlerhaft für пaлoσтe steht und «Augapfel, Pupille» bedeutet.

8. a. 29. пeппá п̄тм̄п̄тeшoт· ēpe пeчoωмa o п̄oε пoткoλω-
 бoс «der Geist des Handels, dessen Leib wie ein Zwerg war». κωλωбoc,
 κoλoβός, wofür der griechische Text ein unverständliches κόνδoн hat, was
 Zahn in κόνιον «staubig» verbessert. Sollte nicht im Griechischen auch κoλo-
 βόν gestanden haben. Der altrussische Text hat: видъ куп'чества кpатoкъ,
 cкoръ, cквepнeпъ «das Bild des Handels kurz, rasch in der Bewegung,
 schmutzig».

8. b. 3. π̄п̄кoс, δ̄т̄кoс] im Griechischen steht δεσμὸν «Bündel». Der
 altrussische Text liest: п̄м̄п̄и на плeщу узoль п̄ вce п̄м̄п̄иe cвoе тy п̄м̄п̄и
 «auf der Schulter ein Bündel und darin sein ganzes Eigenthum habend».

9. a. 11. м̄мaтe] fehlerhaft für eмaтe; ebenso 11. b. 16.

9. a. 23. пeппá п̄тм̄п̄тaтoпт «der Geist der Thorheit». Der alt-
 russische Text hat hier wie der griechische: видъ безумiа, уп̄, мужъ п̄
 жeп̄ пaг̄, бeстудeп̄, бeзaстyпa «das Bild des Unverständes, jung, man-
 weiblich, nackt, schamlos, ohne Schutz».

9. b. 9. пeппá. . . п̄тм̄п̄тeоσ «der Geist der Dummheit». Der altruss.
 Text: видъ уpодьcтвa «der Geist der Dummheit».

81) Isis und Osiris ed. Parthey. Cap. 33.

82) Recueil de travaux etc. V. (1884.) pag. 136.

83) Lagarde, Aegyptiaca 26 = Zoëga 227.

84) Zeitschr. f. wissenschaftl. Theologie XXVI. (1883) pag. 286.

9. b. 11. *οτανε εσσοβεν η̄οε η̄οσκαρεα* «ein Kopf klein wie eine Mandelb]. *καρεα* «Mandel, Nuss»; *κάρυον, κάρυα* «Nuss, Mandel»; *καρύα* «Nussbaum». Vergl. die überlieferten koptischen Formen: sah. *καροια* Gen. 30, 37, 43, 11. Num. 17, 8 (hebr. 17, 23), *καραϊα* Cant. 6, 10 (Ming. 146 *καρτα*); boh. *καρτα* Gen. 30, 37, *καρια* Gen. 43, 11. Exod. 25, 33. 34. 37, 20 (16). Num. 17, 8. Jer. 1, 11. Vergl. noch Triadon:

Χζή Γαι τε τ̄παρθενος ᾱτω η̄κλικτη^{sic} κ̄ρια

ήτος οι τε τερρηρε η̄στοποτ̄γε ᾱτ̄^{sic} η̄δερωθ̄ η̄κοιρια
662. «Dies ist die Jungfrau und auserwählte (ἐκλεκτή) Herrin (*κυρία*); (361) Und sie ist ferner die wohlriechende Blume und der Mandelzweig»

von der Jungfrau Maria gesagt, wozu zu vergleichen ist Num. 17, 8 *ᾱτω ε̄ις ρη̄ντε ᾱψ̄οτω η̄σι η̄δερωθ̄ η̄ααρων ε̄θ̄ν̄η̄ η̄λετε̄ῑ· ᾱψ̄ατο ε̄βολ̄ η̄οσ̄φοτω· ᾱψ̄τεκ ρη̄ρε ε̄βολ̄· ᾱψ̄ατο ε̄βολ̄ η̄ρη̄καρο̄ια· καῑ ιδοῡ ε̄βλᾱστησεν̄ η̄ ρ̄ᾱβδος̄ Ἰααρων̄ εις̄ ο̄ικον̄ Λεῡι, καῑ ε̄ξη̄νεγχε̄ βλᾱστον̄ καῑ ε̄ξη̄νθησεν̄ αν̄θη̄ καῑ ε̄βλᾱστησε̄ κ̄ρυᾱ. In der LXX kommt *καρύα* nur Cant. 6, 10 vor; Gen. 43, 11 und Num. 17, 8 steht *κάρυον*. Im Koptischen sind beide Formen zusammengefallen, wenn vielleicht nicht die eine davon auf ein *κάρυα* zurückgeht, das sich bei Suidas und Hesychius findet. Suid. 568. *καρύα τὸ δένδρον, κάρυα δὲ ὁ καρπός*. Hesych. *κάρυαι* (Heracleo Ephesius) *τὰς ἀμυγδάλους, καῑ καστανούς*. Der altrussische Text hat hier: *главу имѣя овню* «einen Widderkopf habend»; der Text muss also in der Vorlage *κρίου* gelesen haben.*

11. a. 4. *η̄ρο ρ̄ι ρ̄ο* «von Angesicht zu Angesicht» (*πρόσωπον πρὸς πρόσωπον*)] Gen. 32, 30. *ᾱινασ̄ τ̄αρ̄ ε̄π̄νοσ̄τε η̄ρο ρ̄ι ρ̄ο*, boh. *ᾱινασ̄ τ̄αρ̄ ε̄οσ̄ποσ̄τ̄ η̄ρο ρ̄ι ρ̄ο*. Vita Hilarionis, pag. *η̄ε*⁸⁵) *οσ̄οη̄ η̄ιμ̄ ε̄οσ̄τη̄ μμοϋ ρ̄ο̄η̄ε̄ με̄ν η̄ρη̄τοσ̄ ε̄νε̄τ̄σω̄τ̄μ̄ ε̄νε̄ψ̄σο̄ε̄τ̄ ρ̄ε̄κκο̄ο̄τε̄ δε̄ η̄ρο ρ̄ι ρ̄ο* «multi illum et opinione, et vultu noverant»⁸⁶). Rossi I. 3, 48 *ᾱρη̄ασ̄ τ̄αρ̄ η̄σῑ ᾱνᾱ θεο̄φιλος̄ μη̄ η̄ρη̄ο̄ ε̄πᾱτ̄τε̄λος̄ η̄ρο ρ̄ι ρ̄ο* «denn Ara Theophilus und der König sahen die Engel von Angesicht zu Angesicht».

11. a. 9. *ε̄ψ̄χε̄ τε̄τη̄χῑ μῑᾱψ̄ᾱχε̄* «wenn ihr meine Rede aufnehmt]. Dieselbe Redensart Prov. 2, 1 *πᾱψ̄η̄ρε̄ εκ̄ψ̄ᾱη̄χῑ η̄η̄ψ̄ᾱχε̄ η̄τᾱεντο̄λη̄ ῡῑε̄, ε̄αν̄ δε̄ξ̄ᾱμε̄νος̄ ρ̄η̄σιν̄ ε̄μ̄η̄ς̄ ε̄ντο̄λη̄ς̄*.

11. a. 23. *π̄η̄ρη̄ε̄ψ̄η̄μ̄ η̄ε̄τ̄φ̄η̄ις̄* «talentvoller Jüngling»]. Vergl. Sap. 8, 19 *χε̄ αν̄τ̄ ο̄δ̄η̄ρη̄ε̄ψ̄η̄μ̄ η̄ε̄τ̄φ̄η̄ις̄, ε̄π̄η̄ταῑ μ̄μασ̄ η̄οσ̄ψ̄τ̄χη̄ ε̄νᾱπο̄τε̄ πᾱις̄ δε̄ η̄μ̄ην̄ ε̄ῡφῡης̄, ψ̄υχη̄ς̄ δε̄ ε̄λᾱχον̄ ᾱγᾱθη̄ς̄*.

11. a. 25. *ε̄ψ̄μο̄τη̄ ε̄τ̄σᾱβοϋ* «leicht zu unterweisen»] entspricht genau einem griechischen *εὐδίδακτος*, *docilis*, *docibilis*. Vergl. das analoge *πετ̄μο̄τη̄ ε̄τᾱκοϋ*, *εὐάλωτος*, *captu facilis* bei Peyron (Cod. Par. 44, fol. 73).

85) Rossi I, 4. 38. col. 3.

86) Hieronymus, Vita S. Hilarionis. Migne, Patrol. lat. 23, 48.

11. a. 28. [ἰάννης μὴ ἰαμβρῆς]. Cf. Triadon (Neapel 312):

τῆ Συαχε τονοῦ εἵθε πεπροφῆτης ἰωνας
 πεττιτων επετμε πωαnings
 εττιτων επεταυχρο εἰαμβρῆς μὴ ἰάννης
 κητφ οὔβη ενεϋπире πῶατμαστοп.

τῷ Πειρωме снаῶ ммагос мпонирон
 итаππαραδигματιζε мμωтснс ми аарон
 аτω ката теттеге^{sic} сιμων ми нирон
 атогегм оубе петрос ми паулос δετдерон.

306 (56). «Ich spreche jetzt von dem Propheten Jonas,
 Welcher gleicht dem, der Johannes liebte,
 Welcher gleicht dem, der besiegte den Iambres und Iannes,
 Welche widerstanden den bewundernswürdigen Wundern».

307 (57). «Diese beiden bösen Magier
 Verspotteten Moses und Aaron,
 Und nach ihrer Weise auch Simon und Nero
 Widersprachen dem Petrus und Paulus zum anderen Mal».

Cod. Borgian. CCXLVI⁸⁷⁾ καὶ γαρ ἡτα πχοεις πηοῦτε ψααρ
 ефарав ми пецминише аτω аур̄ ἰάννης ми ἰαμβρῆς πῶωβ ми
 петенергеи πηητοῦ πηαβολοс «dem Gott der Herr schlug den Pharoo
 und seine Schaar und liess den Iannes und den Iambres schwach werden
 und den, der in ihnen wirksam war, den Teufel». 2 Tim. 3, 8 (sah. nicht
 erhalten) μφρητ δε ἡαννης нем ἰαμβρῆς εἵατφ εἶσοτη εῶρεп
 мωтснс пайρητ ρωοῦ ηαι κεχωοηи сετ εἶσοτη εῶρεп тмеоми
 ρанρωми ере ποгρηт тапηοῦт ετοι ἡαδουиμοс. μηκωτ μппагφ
 ὄп τροπόп δὲ Ἰαννῆс καὶ Ἰαμβρῆс ἀντέστησαν Μωυσεῖ, οὔτως καὶ οὔτοι ἀνθί-
 στανται τῇ ἀληθεία, ἄνθρωποι κατεφθαρμένοι τὸν νοῦп, ἀδόκιμοι περὶ τὴп πίστιп.
 — Evangelium Nicodemi (Acta Pilati)⁸⁸⁾ ἰάννης μὴ ἰαμβρῆς аτω
 аτєре ρωοῦ ἡμмаеи ἡта мотснс ааῶ ψαатῆ ροῖне ммаτε'
 мпогешааῶ' аτω ере ἡрμннне' етῆтагсоῦ ммаῶ ἰаннєс' мн
 ἰаμβрῆс' ἡε ἡгениоῦте «Iannes und Iambres thaten auch die Zeichen,
 die Moses that, nur mit Ausnahme von einigen, die sie nicht thun konnten
 und die Aegyptier verehrten den Iannes und Iambres wie Götter». V, 1.
 καὶ ἦσαν ἐκεῖ ἄνδρες θεράποντες Φαραῶ Ἰανнῆс καὶ Ἰαμβрῆс, καὶ ἐποίησαν καὶ
 αὔτοι σημεῖα οὐκ ὀλίγα ἃ ἐποίηε Μωυсῆс, καὶ εἶχον αὔτους οἱ Αἰγύπτιοι ὡс

87) Zoëga 591.

88) Rossi I, l. 27.

Gerechten, freut er sich und spricht in dieser Weise zu unserm Herrn: «Sieh doch, welche mein sind, dass sie sich sehr vermehrt haben. — Ich

 Hand wie du. Jetzt nun, siehe, welche mein sind haben sich vermehrt im
 Vergleiche zu denen, welche dein sind».

15. b. 4. $\overline{\text{neq̄h̄nt̄e}} \overline{\text{c̄ap}} \overline{\text{h̄takaāt}} \overline{\text{q̄h̄}} \overline{\text{ot̄m̄h̄tat̄coost̄h}}$ «denn die Dinge hast du in Unwissenheit gethan»]. Vergl. dazu 18. a. 14 $\overline{\text{neq̄c}} \overline{\text{aq̄na}} \overline{\text{nāi}} \overline{\text{x̄e}} \overline{\text{h̄tāīaāt}} \overline{\text{q̄h̄}} \overline{\text{ot̄m̄h̄tat̄coost̄h}}$ «Christus hat sich meiner erbarmt, denn ich habe es in Unwissenheit gethan»; ferner 1 Tim. 1, 13 $\overline{\text{eio}} \overline{\text{h̄x̄at̄ota}} \overline{\text{h̄w̄orp̄}} \overline{\text{at̄w̄}} \overline{\text{h̄zīwt̄ane}} \overline{\text{at̄w̄}} \overline{\text{h̄req̄w̄w̄}}$ ἀλλὰ ἀθνα ναῖ [x̄e h̄tāī]aāt ēio nāt[coost̄h] τὸν πρότερον ὄντα βλάσφημον καὶ διώκτην καὶ ὑβριστήν. ἀλλὰ ἠλέηθην, ὅτι ἀγνοῶν ἐποίησα. Ps. 24 (25), 7 $\overline{\text{h̄nōbe}} \overline{\text{h̄tam̄h̄tkōt̄i}} \overline{\text{m̄h̄}} \overline{\text{natām̄h̄tat̄coost̄h}} \overline{\text{m̄h̄r̄h̄iōt̄meete}}$. ἀμαρτίας νεότητός μου καὶ ἀγνοίας μου μὴ μνησθῆς. Tob. 3, 3 $\overline{\text{ar̄h̄meete}}$. $\overline{\text{h̄c̄}}$ $\overline{\text{w̄w̄t}}$ $\overline{\text{eoz̄ai}}$ $\overline{\text{ex̄w̄i}}$ $\overline{\text{h̄t̄m̄x̄ik̄ba}}$ $\overline{\text{m̄mōi}}$ $\overline{\text{q̄h̄}}$ $\overline{\text{h̄anōbe}}$. $\overline{\text{m̄h̄}}$ $\overline{\text{natām̄h̄tat̄coost̄h}}$. μή με ἐδικήσῃ ταῖς ἀμαρτίαις μου καὶ τοῖς ἀγνοήμασί μου. — Zoëga 472 (Cod. Borg. CXCVI) $\overline{\text{at̄ota}}$ $\overline{\text{rot}}$ $\overline{\text{h̄w̄q}}$ $\overline{\text{q̄h̄}}$ $\overline{\text{tm̄h̄tat̄coost̄h}}$ $\overline{\text{h̄t̄em̄h̄t̄w̄h̄rewn̄h}}$ «sie folgten ihm in der Unwissenheit ihrer Jugend». — Turiner Papyrusfragment⁹²⁾ $\overline{\text{ot̄eiōne}}$ $\overline{\text{ēt̄mōste}}$ $\overline{\text{m̄mōc}}$ $\overline{\text{q̄it̄m}}$ $\overline{\text{h̄iōste}}$ $\overline{\text{m̄h}}$ $\overline{\text{h̄w̄me}}$. $\overline{\text{m̄h̄r̄kōh̄w̄nēi}}$ $\overline{\text{ēros}}$ $\overline{\text{at̄w̄}}$ $\overline{\text{m̄h̄r̄f}}$ $\overline{\text{ēbōl}}$ $\overline{\text{q̄m}}$ $\overline{\text{h̄m̄t̄ēt̄h̄riōh}}$ $\overline{\text{h̄laāt}}$ $\overline{\text{ēim̄h̄t̄i}}$ $\overline{\text{q̄h̄}}$ $\overline{\text{ot̄m̄h̄tat̄coost̄h}}$. $\overline{\text{tm̄h̄tat̄coost̄h}}$ $\overline{\text{c̄ap}}$ $\overline{\text{ot̄h̄tas}}$ $\overline{\text{m̄māt}}$ $\overline{\text{h̄ot̄kw}}$ $\overline{\text{ēbōl}}$. $\overline{\text{pet̄ēire}}$ $\overline{\text{x̄e}}$ $\overline{\text{q̄h̄}}$ $\overline{\text{ot̄coost̄h}}$ $\overline{\text{at̄x̄ik̄ba}}$ $\overline{\text{m̄mōq}}$. «(die Zauberei) ist eine bei Gott und den Menschen verhasste Kunst; habe keine Gemeinschaft mit ihr und theile keinem (Zauberer) etwas von dem Mysterium mit, ausser aus Unwissenheit; denn die Unwissenheit hat eine Vergebung, wer aber wissentlich handelt . . . an dem wird man Rache nehmen».

15. b. 25. $\overline{\text{ot̄req̄x̄ēsōl}}$ ^{91o} $\overline{\text{ne}}$ $\overline{\text{h̄zīāh̄ōloc}}$. $\overline{\text{at̄w̄}}$ $\overline{\text{m̄peq̄x̄e}}$ $\overline{\text{me}}$ $\overline{\text{eneq}}$ «ein Lügner ist der Teufel und hat nie eine Wahrheit gesagt»]. Vergl. Joh. 8, 44 $\overline{\text{ot̄req̄x̄īsōl}}$ $\overline{\text{ne}}$. $\overline{\text{m̄h̄}}$ $\overline{\text{peq̄rēīwt}}$ «er ist ein Lügner und auch ihr (der Lüge) Vater» ὅτι ψεύστης ἐστὶ καὶ ὁ πατὴρ αὐτοῦ.

16. a. 14. $\overline{\text{w̄an̄teq̄rōnt̄en}}$ $\overline{\text{ēroq}}$ $\overline{\text{q̄it̄m}}$ $\overline{\text{neq̄stāt̄ros}}$ «bis er uns versöhnte mit sich an seinem Kreuze». $\overline{\text{rōnt̄en}}$ steht wohl für $\overline{\text{rōt̄nen}}$, von $\overline{\text{rōwt̄i}}$ per metathesis; wie oben $\overline{\text{man̄w̄ont}}$ für $\overline{\text{man̄w̄ot̄i}}$. Vergl. dazu: Matth. 5, 24 $\overline{\text{kw}}$ $\overline{\text{m̄h̄ma}}$ $\overline{\text{ēt̄m̄māt}}$ $\overline{\text{m̄pek̄x̄w̄ron}}$ $\overline{\text{q̄iōh}}$ $\overline{\text{h̄pēot̄c̄īast̄h̄riōh}}$. $\overline{\text{h̄t̄h̄wk}}$ $\overline{\text{h̄w̄orēh}}$ $\overline{\text{h̄t̄z̄wt̄i}}$ $\overline{\text{ēur̄con}}$ (Leyden 24.) ἄφες ἔχει τὸ ὄδῶρόν σου ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου, καὶ ὑπαγε, πρῶτον διαλλάγηθι τῷ ἀδελφῷ σου; ferner: Révélationes de St. Barthélemy⁹³⁾: $\overline{\text{aq̄ot̄w̄w̄h}}$ $\overline{\text{h̄si}}$ $\overline{\text{h̄w̄t̄h̄r}}$

92) Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne. III. (1876.) pag. 43.

93) Dulaurier, l. I. pag. 37.

κλαων̄ πεχε κχοεις μᾱμο εβολ. «wenn du hundert Jahre lebst in deinen Gottlosigkeiten und an deinem letzten Tage Busse thust, wirst du nicht sterben, spricht der Herr, sondern du wirst des Lebens leben, spricht der Herr, vor meinem Angesicht». Diese merkwürdige Stelle, die wie ein Bibelcitat aussieht, worauf schon Zahn⁹⁸⁾ aufmerksam gemacht hat, findet sich nicht in der Bibel; vielleicht stammt sie aus einem unbekanntem Apokryphon. Im altrussischen Texte ist sie ebenfalls überliefert: аще живешн сто лѣтъ в нечестнн, н в' послѣдннй день покаешнся, не умрешн, глаголетъ Господь, но в' жнзни живешн предо мною. — Zur Redensart κλαων̄ πεχε κχοεις μᾱμο εβολ, εαν ζης ετη εκατον vergl. Eccl. VI, 3. 6 ερσαν πρωμε χπε ψн ψнρε ατω κων̄ ποσ̄н̄ промне. — ⁶ και εψωπε αων̄ ψω̄ промне ρн кер̄ооτε. εан γεννήση αν̄ηρ εκατον, και ετη πολλα ζησεται. — ⁶ και εζησε χιλων̄ ετων̄ καθόδους.

23. b. 35. μον̄ ερε ποτκαρнос εμ̄ψα нтметаноїа «Bringe nur eine Frucht, die der Busse würdig ist». Vergl. Matth. 3, 8 ερε σε ποτκαρнос εμ̄ψα нтметаноїа. σῡ μονον ποιησον καρπον̄ αξιον̄ τ̄ης μετανοїας. — Éloges du martyr Victor⁹⁹⁾: мпекερε ποτκαρнос εμ̄ψα нтметаноїа. «du hast keine Frucht gebracht, die der Busse würdig ist».

24. a. 9. φρωσ̄ тар ехн нδικαїος м̄ прερ̄нобе. ατω φtre πεφρη̄ ψα ехн нαταθος м̄ ннонрос. «denn er lässt regnen über die Gerechten und die Sünder und lässt seine Sonne aufgehen über die Guten und die Bösen». Matth. 5, 45. Sahidisch bis jetzt nicht bekannt. οτι τον̄ η̄λιον̄ ᾱυτοϋ ανατέλλει ε̄πῑ πονηρους̄ και αγαθους̄, και βρέχεῑ ε̄πῑ δικαїους̄ και ᾱδίκους̄. — Vergl. Ps. 10 (11), 6 φναδ̄ωσ̄ ε̄хн̄ прερ̄нобе̄ η̄ρεп̄п̄ш, ε̄πῑβρέξεῑ ε̄πῑ ᾱμαρτωλους̄ παρίδας.

24. a. 30. εκσανκροτη̄ нтаψαρομ̄ tote κ̄наοσ̄χαї «wenn du dich bekehrst und seufzest, wirst du errettet werden». Jes. 13, 15. Sahidisch nicht erhalten. Όταν̄ αποστραφεις̄ στενάξης, τότε σωθήση. — Cod. Borgian. CLXVII¹⁰⁰⁾ εрσαν̄ πρωме ρε ρм̄ ннобе̄ κ̄κ̄тоϋ κ̄κ̄μεταноεις, ψаре нпос̄те̄ κω̄ κ̄αϋ̄ εβολ̄ нпек̄нобе, ατω̄ ψαφ̄ρε̄ нтаφ̄ε̄ εβολ̄ ρн̄ οσ̄μнτρ̄нκε̄ ε̄σ̄μнτρ̄μ̄маο. «wenn der Mensch in der Sünde fällt und sich bekehrt und Busse thut, so vergiebt ihm Gott seine Sünden und er wird wie einer, der aus Armuth zu Reichthum gelangt ist».

24. b. 12. ναї̄ ετοσεψ̄ τρε^{sio} ρωме нм̄ ω̄н̄ρ̄ ατω̄ η̄сеε̄т̄ еисоσ̄н̄ нтме. «dieser der will, dass alle Menschen leben und zur Erkenntniss der

98) .1. pag. 58. Anm. 94.

99) Mém. Mission au Caire VIII. pag. 188.

100) Zoëga 284.

Wahrheit kommen»]. 1 Tim. 2, 4 ὅς πάντας ἀνθρώπους θέλει σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν.

24. b. 19. ρενκοσι мен нѡахе не наї ептаїтамоκ εροοσ εβολ ρη ραρ. «dies sind nur wenige Worte, die ich dir aus der Fülle mitgetheilt habe»]. Vergl. Bouriant, Éloges du martyr Victor¹⁰¹⁾: εἰς καὶ мен аηχοοσ ѡа нма ω нлаос ммаїнеχс. εαїѡ ερωτι ηρηκοї εβολ ρη ραρ ρη неετρωμιон мпратіос ѡктωρ. «siehe bis hierher, o christusliebendes Volk, habe ich dieses gesagt, indem ich euch Weniges aus der Fülle in den Encomien des heiligen Victor mitgetheilt habe».

25. a. 30 ff. ѡаτρωρη ηсе тсабоос еннос ηκεφαλαіон «sie beginnen sie zu unterweisen in den grossen Kapiteln»]. Vergl. Cod. Borgian. CLXVII¹⁰²⁾ тинатамоти де он енекерωѡ ηκεφαλαіон «ich werde euch ferner auch jene wichtigen Dinge mittheilen» und ib. ηεіоωу мен аη екаρωі ероѡ епезн относ ηκεφαλαіон не «ich will nicht darüber schweigen, denn es ist eine wichtige Sache».

25 b. 21. ff. vergl. ein Citat aus Jes. (5, 11. 12) im Cod. Borg. CCCIII pag. ρзѡ. οδοει ηнетωοτη εртоοде етѡїне ηса ηεікерон етаре ѡа ροде πετηρη τар наτμροοσ. [ετω м]ηρη [ρη отκїѡ]ара мη от[ψ]αληριон мη ρенкоσкм мη ρененѡе ηѡѡ. ούαї οї εγειρόμενοι τὸ πρωї καї τὸ σίκερα δїώκοντες, οї μένοντες τὸ ὄψе· ὁ γάρ οїνος αὐτοῦс συχαῦσει. 12. μετὰ γάρ κидάρας καї ψαληρίου καї τυμπάνων καї αὐλῶν τὸν οїνον πίνουσι.

26. b. 17. κηαηατ аη εοτρε етоσωм ммос ρη отτροпρη^{sic} «du wirst nicht sehen eine Speise, die verzehret wird in Unordnung (?)»]. Das Wort τροпρη ist bis jetzt nicht belegt, im Griech. entspricht dem ρη отτροпρη ἀτάκτως und in der altrussischen Übersetzung lautet der Satz: ни жрете бесчїнїно. τροпρη hängt wohl mit τωρη «rapere» oder mit τорп «ictus» zusammen.

27. a. 17. ρμηкерим «Mann mit grauem Haar, Greis»]. Ein seltenes Wort. Vergl. Sir. 15, 6. (4) еѡѡе несе фал ηηρμηкерим, ὡс ὡраїон πολιаїс κрїсїн. — Lev. 19, 32 ερετωοτη ελο ммаσ. ρа ηρο ηотрм-енкерим, ἀπὸ προσώπου πολїοῦ ἐξанаστήση.; керим «graues Haar» findet sich Sap. 2, 10 мпртреѡїне ρнтоσ ηηескерим ηотρлло ηнос ηаре-μηδє пресбѡту ентрапѡмен полїас πολυχρονїоус. Sap. 4, 9 тμηтрμηρηт не некерим ηррωме. полїа δє ести фрѡншїс ἀνθρώποїс. Apocalypse des Elias¹⁰³⁾ achmim. 33, 17 оттаїе ηкерим ρїтгї ηѡѡѡ «vorn an seinem

101) Mém. Mission au Caire VIII, 254.

102) Zoëga 284.

103) Ed. Steindorff pag. 90 u. 120. (Texte u. Untersuchungen zur Geschichte der altchristl. Literatur. N. F. II. (XVII). № 3 a.

Kopfe eine Stelle von weissem Haar», sahid. 5, 29 *οττοε ἰςβίμ ριθн ἰκωϥ*. Das Verbum *ἰςβίμ* — «grau, weiss, alt werden», findet sich in einem Turiner Codex: *α ἰνομος δε ρωωϥ ἰπαρηт ἰςβίμ*, «das Gesetz aber meines Herzens ist alt geworden» (Rede des Joh. Chrysostomus auf den Patriarchen Joseph¹⁰⁴).

27. a. 26. *ετο ποτκлом ететрапеза етотараδ* «wie ein Kranz am heiligen Tische». Vergl. Sir. 50, 12 *ετο ἰποτκлом εϥἰπρωτε ἰπеспηт κυκλόθεν αὐτοῦ στέφανος ἀδελφῶν*. Cod. Clarend. b. 3. 15 *αηῖ οτκлом еροϥ епκωте*¹⁰⁵) «wir bildeten einen Kranz um ihn herum».

28. b. 5. *ερη̄ теїακше ἰποωт епжгсѡ ἰпеспаш*. «wir waren in derselben Schule und lernten zu zweien». Vergl. Bouriant, Éloges du martyr Victor¹⁰⁶): *ἰташеї ерраї ρη̄ οташнѡ ἰποωт ἰп нетернт* : *етеї ετο ἰψнрешнм*. «sie waren mit einander in dieselbe Schule gegangen, als sie noch Kinder waren». Cod. Borgian. CCXXIV¹⁰⁷) *пашет де неϥо иψѣнр естмфроніос етотωм ἰп нетернт аτω етмооше ἰп нетернт етѣнк еташнѡе* «Panéu aber war ein Freund des Symphronios; sie assen mit einander und giengen mit einander während sie die Schule besuchten».

28. b. 35. *αλληλοῦα*]. Zahn's Vermuthung, dass mit dem hebräischen Worte «Hallelujah» gemeint sei¹⁰⁸), wird durch den koptischen Text bestätigt. Im altrussischen Text fehlt das «Hallelujah»; es steht dort nur: «еврейскимъ языкомъ во страсѣхъ припирающимъ единомъ гласомъ».

29. a. 25. *λακент̄*, т. «Pfanne, Kessel»]. Ebenso 29. b. 8. 26. 29; 30. a. 17 stets mit dem weiblichen Artikel. Vergl. II Reg. 6. 9 *λακннт̄*. Ez. 4, 3 *λακнт̄*. Auch hier stets Femininum. Merkwürdiger Weise führen es die Lexica als Masculinum an. Vermuthlich ist es ein Lehnwort und = *λεκάνη*.

30. a. 4. *α нето мпечротн тнрот̄ поωне ебол* «und alle seine Eingeweide wurden ausgeschüttet»]. Vergl. Act. 1, 18 *αϥпωϥ ρη̄ теϥмнте α нетмпечротн тнрот̄ поωне ебол και прηνης γενόμενος ἐλάκησε μέσος, και ἐξεχύθη πάντα τὰ σπλάγγνα αὐτοῦ*. Cod. Borgian. CLX¹⁰⁹) *α неϥμαρτ тнрот̄ ἰп нетмпечротн аτег епеснт* «alle seine Eingeweide fielen herunter».

30. a. 29. *ρρηптос*]. Der griech. Text hat *Τερέντιος* oder *Τερέντινος*, der altrussische Text — *Терентіиу* (acc.), als Femininum behandelt, wozu

104) Rossi II. 2, 26.

105) Forbes Robinson, l. l. pag. 76.

106) Mém. Mission au Caire. VIII, pag. 260.

107) Zoëga 549.

108) L. l. pag. 62. Anm. 3.

109) Zoëga 261.

man vergl. die Anmerkung 3 bei Zahn pag. 67 u. 69. Die kopt. Form ist wohl eine Abkürzung, ähnlich wie $\chi\alpha\mu\lambda$ für $\mu\chi\alpha\mu\lambda$, $\zeta\epsilon\tau\epsilon\lambda$ für $\tau\epsilon\zeta\epsilon\tau\epsilon\mu\lambda$ und $\lambda\iota\sigma\alpha\beta\epsilon\tau$ für $\epsilon\lambda\iota\sigma\alpha\beta\epsilon\eta\tau$.

30. b. 24. $\bar{\kappa}\lambda\alpha\sigma\alpha\iota\omicron\varsigma$ $\pi\kappa\epsilon\sigma\alpha\rho$ «Claudius der Caesar»]. Abweichend von allen griechischen und dem altrussischen Texte ist «Claudius Caesar» im koptischen Texte Subject; das Schreiben ist an Diocletianus gerichtet. Hier wird wohl unser Text das Ursprüngliche bewahrt haben.

31. a. 17. 19. An beiden Stellen steht $\varrho\sigma\pi\omicron\mu\eta\mu\alpha$, wovon jedoch das erste in $\varrho\sigma\pi\omicron\mu\omicron\eta$ ($\upsilon\pi\omicron\mu\omicron\eta$) zu verbessern ist.

32. b. 14. $\pi\rho\omicron\sigma\tau\epsilon\mu\omicron\varsigma$, Phurbinos]. Die koptische Form kommt am nächsten dem Par. Codex 1468 (P.) $\Phi\omicron\upsilon\lambda\beta\iota\omicron\varsigma$, während der Codex 1485 (B.), der dem Text der AA. SS. zu Grunde liegt, $\Phi\omicron\upsilon\lambda\epsilon\alpha\omicron\varsigma$, die Handschriften des Symeon Metaphrastes $\Phi\epsilon\lambda\kappa\iota\omicron\varsigma$, $\Phi\epsilon\lambda\beta\iota\omicron\varsigma$ und $\epsilon\lambda\beta\iota\omicron\varsigma$ lesen. Die syr. Übersetzung hat «Fulvus»¹¹⁰). Der altrussische Text liest ganz corrumpiert $\Phi\upsilon\mu\eta\eta\eta$. In dem $\text{Μαρτύριον Ματθαίου}$ führt der König der Menschenfresser (Μυρμηκίον) den Namen $\Phi\omicron\upsilon\lambda\beta\alpha\omicron\varsigma$, während Nikephoros Kallistos ihn $\Phi\omicron\upsilon\lambda\beta\iota\alpha\omicron\varsigma$ nennt¹¹¹). Alle diese Formen gehen wahrscheinlich auf das lat. Fulvius $\Phi\omicron\upsilon\lambda\beta\iota\omicron\varsigma$, *Fulvianus zurück oder vielleicht steckt in $\pi\rho\omicron\sigma\tau\epsilon\mu\omicron\varsigma$ das lat. Rufinus, Ρουφίνος .

(Synaxarium das ist Heiligen-Kalender der Coptischen Christen. Aus dem Arabischen übersetzt von Ferd. Wüstenfeld. Göttingen, 1879, pag. 37 ff.)

Der einundzwanzigste Tag des Monats Tut.

An einem solchen Tage erlitt den Märtyrertod der grosse Heilige Cyprianus und die heilige Justina. Dieser Cyprianus war ein ungläubiger Zauberer, er hatte die Zauberei in Magrib gelernt und übertraf alle, die in Magrib waren; da bewog ihn der Dünkel über sein Heidenthum und seine Zauberei nach Antiochia zu gehen, um zu sehen, ob dort noch mehr Wissenschaft sei, die er lernen könnte; wo nicht, so wollte er sich bei ihnen mit seiner Kunst rühmen. Nachdem er sich einige Zeit in Antiochia aufgehalten hatte und seine Sache bekannt geworden war, hörte von ihm auch ein junger Mann, der Sohn eines angesehenen Einwohners, der in eine christliche Jungfrau Namens Justina verliebt war. Er hatte sie gesehen, wie sie zur

110) cf. Zahn, l. l. pag. 70. Anm. 9.

111) Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden. II, 2. pag. 124.

Kirche ging, war in Liebe zu ihr entbrannt, konnte sich aber weder durch Geldversprechungen, noch durch Drohungen mit dem Tode, noch durch Zauberkünste in ihren Besitz setzen. Als er nun von der Ankunft dieses heiligen Cyprianus hörte und dass er alle Welt durch seine Kunst überträfe, ging er zu ihm, klagte ihm seine Lage, indem er hoffte, durch ihn seine Absicht zu erreichen. Der heilige Cyprianus versprach ihm die Erfüllung seiner Hoffnung und setzte alle möglichen Arten seiner Kunst gegen sie in Bewegung, richtete aber nichts gegen sie aus; so oft er eine von den Kräften der Teufel nach ihr aussandte, fanden sie sie beten, sie vermochten nicht vor ihr zu stehen, sondern ergriffen die Flucht. Als er endlich müde war und verzweifelte, rief er die Teufel herbei und sagte ihnen: wenn ihr mir die Justina nicht herschafft, so werde ich Christ. Da ersann der Anführer der Teufel eine List, womit er ihn täuschen wollte; er liess nämlich einen seiner Teufel ihre Kleidung anziehen, ihre Gestalt annehmen und zu ihm gehen, indem er selbst voraufging und Cyprianus benachrichtigte, dass sie, wie er gewünscht hatte, kommen würde. Er freute sich darüber und nachdem er einige Zeit auf sie gewartet hatte, trat der ihr ähnliche Teufel bei ihm ein; Cyprianus freute sich, stand auf um sie zu umarmen und in seiner grossen Freude rief er: willkommen, hohe Frau, Justina! Sowie er nur ihren Namen aussprach, wurde der ihr ähnliche Teufel wie Rauch und löste sich auf in einen übelriechenden Dunst. Da erkannte Cyprianus, dass er von dem Teufel hintergangen sei und dass dieser nicht einmal bei der Erwähnung ihres Namens Stand halten könne, ungeachtet er sie täuschend nachgeahmt hatte; er machte sich sofort auf, verbrannte seine Bücher und liess sich durch den Patriarchen von Antiochia eigenhändig taufen. Dieser nahm ihn dann in den Priesterstand auf, machte ihn nach kurzer Zeit zum Messdiener und nachher auch zum Priester, und nachdem er in seiner tugendhaften Ausbildung und den Wissenschaften der Kirche weitere Fortschritte gemacht hatte, wurde er Bischof von Carthago. Er nahm die heilige Justina mit sich und machte sie zur Oberin der Nonnen, und als das heilige Concil sich in Carthago versammelte, war unser Heiliger unter den Theilnehmern. Als der Kaiser Decius von den beiden hörte, liess er sie zu sich holen und verlangte von ihnen, dass sie ihren Glauben verleugneten, und als sie ihm nicht gehorchten, liess er sie mit schweren Strafen belegen und befahl zuletzt ihnen die Köpfe abzuschlagen.



INDEX.

I. Koptische Wörter.

- α
- *αβωκ m. plur. αβωοκε 3. a. 31.
 αμεντε m. 13. b. 1.
 αμαρτε cc. $\bar{\eta}$ ($\bar{\mu}\mu\sigma\zeta$) 28. a. 30;
 32. a. 10; subst. m. 18. b. 33.
 ανειβε f. 28. b. 6.
 αναϣ m. 22. a. 15.
 απε f. 7. b. 11; 8. a. 5. 11. 28. b. 5. 28;
 9. b. 12; 12. a. 23; 28. a. 31; 31. b. 17;
 32. b. 13. 20. 25.
 απριτε 20. b. 35.
 арит 30. a. 21.
 *арω m. plur. арооѳе 8. a. 25.
 арпке in бн-арпке 17. a. 8.
 аспе f. 3. a. 31.
 ат-, in атпа in м̄татпа 7. b. 24.
 атпарте cc. еро ζ 23. a. 4.
 атсеї in м̄татсеї 8. a. 4.
 атсоотн in м̄татсоотн
 15. b. 6; 18. a. 16.
 атталбо 13. a. 22.
 атщпне in м̄татщпне
 8. a. 19.
 атщаже 26. a. 35.
 аѳнт in м̄таѳнт 9. a. 23.
 ат̄хро cc. еро ζ 30. a. 22.
 атбом in \bar{p} -атбом 19. b. 23.
 атан m. 7. a. 14; 12. a. 13. 16.
 ащ 3. a. 8. 11; 4. b. 30; 5. a. 1. 5. 11. 14.
 b. 1; 10. a. 16; 15. a. 13. b. 20;
 20. a. 14; 22. a. 1. b. 24; 23. a. 7. 13.
- αρε ерат- 27. a. 13; αρεрат- 1. b. 3;
 10. a. 23; 11. a. 18; 12. b. 7; 14. a. 19.
 αροm in ащ-αροm 24. a. 24. 31. cc.
 ерраї ехп̄.
- β
- βг (*ϣг) cc. $\bar{\eta}$ ($\bar{\mu}\mu\sigma\zeta$) 31. b. 16; 32. a. 17.
 b. 1. 12. 20. 25; cc. ρα (ραρο ζ)
 31. a. 22; βг ерраї 9. b. 19; cc. ρα
 5. b. 16; βг-рооѳщ 16. a. 20 cc. ρг;
 βг-прооѳщ cc. $\bar{\eta}$ (па ζ) 13. b. 9;
 βг п̄тоот- cc. $\bar{\eta}$ ($\bar{\mu}\mu\sigma\zeta$) 13. b. 26.
 βене m. 25. a. 29.
 βωκ 3. a. 24; 16. a. 26; 27. b. 28. 34;
 28. a. 11. b. 19.
 βал m. 7. b. 9; 8. a. 8. 26; 25. b. 14.
 βол in \bar{p} βол 18. b. 18.
 βωл еβол cc. $\bar{\eta}$ ($\bar{\mu}\mu\sigma\zeta$) 27. b. 22;
 part. βнл еβол 26. a. 3.
 βнлхе m. 7. b. 6.
 βерβер 29. b. 8.
 β̄рре 19. b. 19.
 *βωсе, βо ζ (*ϣо ζ) 3. b. 26.
- ε
- εβни 13. a. 9. 14.
 ελρωωϣ m. 29. b. 30.
 емате 19. b. 16; $\bar{\mu}$ мате 9. a. 11;
 11. b. 16.
 енеρ 15. b. 29; 24. b. 7.

ērit сс. ḡ(ḡmo) 11. b. 9.
 ʿesoʿot m. 23. b. 17.
 etḡmaʿ in petḡmaʿ 18. b. 10.
 etpʷ f. 5. b. 17.
 eoʿot m. 12. a. 8; 25. a. 17; in mīt-
 maḡeoʿot 10. a. 2; in ʿeoʿot сс.
 ḡ(ḡa) 22. b. 34.
 ešpʷt in mītešpʷt 8. a. 30.
 ešpʷe 11. a. 1. 9; 17. b. 19; 18. b. 6;
 23. a. 19. 26.

н

nī m. 21. b. 12; 28. a. 12. b. 11.

ѳ

*ѳḡḡio, — part. ѳḡḡinʿ 26. b. 29.
 ѳemko^{sio} v. kemto.
 *ѳno, ѳno (suff. reflex.) eʿoʿti 27.
 b. 18.
 ѳno eḡol сс. ḡ(ḡmo) 12. a. 7.

г (ei)

eī 4. a. 4; 22. a. 24; 24. b. 16. 24;
 25. a. 26; ei eḡol 3. b. 28; 11.
 b. 20.
 eīw eḡol сс. ḡ(ḡmo) 26. a. 24.
 eīme сс. ḡ(ḡmo) 10. a. 26; 17. b. 5;
 сс. e(eʿo) 2. b. 10. 30; 3. a. 7. 30.
 b. 21. 24; 4. a. 7. b. 5; 5. b. 5;
 30. b. 18; 31. a. 13; seqq. xē
 5. a. 17; 10. a. 13; 14. b. 21; 20.
 a. 22; 23. b. 27; 24. a. 3.
 eīne сс. ḡ(ḡa) 4. a. 15; 7. b. 27;
 12. a. 17; subst. m. ene 12. a. 11;
 me 8. a. 21. b. 19.
 eīne сс. eḡḡ et ḡ(ḡmo) 20. b. 23;
 21. a. 22. b. 9. 16; ḡ- 18. a. 24;
 entʿ 32. a. 12. 27.
 eīone in mītreʿeīone 4. a. 32.
 eīre сс. ḡ(ḡmo) 1. a. 34. b. 25;
 2. a. 32; 3. a. 20; 6. a. 3. b. 19. 21;
 7. b. 22; 9. b. 28; 12. b. 14; 18. a. 22;
 19. a. 15; 22. a. 22; 23. b. 35; 26.

b. 2; 28. a. 3. 13; 29. b. 1; ḡ- 1.
 b. 7; 10. b. 23; eḡ- 1. b. 29; 10. a. 8;
 16. b. 21; 30. b. 6.

ḡasevne 18. b. 22; 20. b. 12.
 ḡatʿom 19. b. 23.
 ḡḡol сс. eḡo) 18. b. 18.
 reīone in mītreʿreīone 4. a. 32.
 ḡpmeeʿe 18. b. 9; eḡpmeeʿe сс. ḡ
 13. b. 29; 14. a. 28; subst. m.
 ḡpmeeʿe 28. a. 8.
 ḡmatia 17. a. 27.
 ḡmītre 20. a. 28.
 ḡnoʿe in reʿḡnoʿe 22. a. 19; 23.
 a. 1. 31. b. 5; 24. a. 11.
 eḡmi in maḡermi 3. b. 29.
 ḡnāt сс. mī 23. a. 8.
 ḡnoʿre сс. ḡ(ḡa) 17. a. 1.
 ḡḡre сс. e 18. b. 2.
 reʿaʿ 4. b. 15.
 ḡxristos 20. b. 5.
 ḡšpire 24. b. 30; 27. b. 14; eḡ-
 špire 12. a. 4; сс. ḡ(ḡa) 31. a. 18.
 ḡšorpi 25. a. 31.
 ḡšaqte 19. b. 5.
 ḡoti) 19. a. 18.
 eḡxoeis сс. eḡraḡ eḡw) 30. a. 1. 7.
 eḡbaḡiq 4. a. 2.
 aḡ) 4. b. 5. 8. 28; 11. b. 2; 14. a. 2;
 15. b. 5; 16. a. 21; 17. a. 11; 18.
 a. 15; part. o 2. b. 15; 4. a. 18;
 5. b. 20; 6. b. 17; 7. a. 7. 22. 25.
 b. 5; 8. a. 13. 20. b. 1. 12; 9. a. 24;
 10. b. 30; 12. a. 12; 14. a. 17; 17.
 a. 15; 23. a. 3. 20. 22; 26. b. 13;
 27. a. 26; 30. a. 4; ω 3. a. 14; 9.
 a. 8. b. 29.
 *eīero, iero m. 31. b. 27.
 eīot m. 16. a. 27; 17. a. 33; 20. b. 29;
 29. b. 14; plur. eīote 13. a. 7.
 eīwe сс. ḡ(ḡmo) 6. a. 16; part. ašwe
 7. b. 16.

к

ke 17. a. 24. 29; 19. a. 6. 8. 31; 30. a.
 25; plur. koʿte 1. a. 34; 10. b. 4;
 in ḡkeson 14. a. 12; 19. a. 3.

коти 11. а. 27; 20. б. 35; 24. б. 18;
31. б. 29; котеи 27. а. 8.
кω сс. н, ка^с 19. б. 9; 25. б. 16;
ка- in карω^с сс. е 17. а. 9; каа^с
21. а. 18; part. ки in кикари^т
9. а. 27; кω ебол сс. н, ка^с et
н, ммω^с 15. а. 17. 20. б. 20; 17. а.
22. б. 9; 18. а. 28. 34; 19. а. 20;
20. а. 9. 15; 21. а. 9; 23. а. 17;
ка- ебол 25. а. 24; катот^с ебол
19. б. 26; part. ки ебол 9. б. 17;
кω нсω^с et н (ммω^с) 10. б. 17;
каа^с нсω^с 14. б. 19; 20. б. 31;
part. ки ерраи 10. а. 15.
*кωн, part. кнн 9. б. 16.
каке м. 2. б. 32; 4. б. 23; 5. а. 22.
клом м. 12. а. 22; 27. а. 26.
кемто м. (Нс. ѳемко) 5. б. 6.
крос м. 7. а. 29; 14. б. 16; 16. а. 2;
21. б. 25.
кас м. 8. б. 17.
кωт м. 25. б. 15.
кωте сс. еро^с 9. а. 19; 22. а. 9; subst.
м. 27. а. 14; кот^с 14. а. 11; 18. а. 7;
20. б. 21; 24. а. 31; сс. еротн еро^с
19. а. 1.
*кто, кте- 21. б. 29; кто^с 22. а. 21;
кто ебол 23. а. 10; кто^с ебол
23. а. 14.
котс 10. б. 24; 26. б. 3.
*кωωше, part. кооще 8. б. 13.
кар м. 1. б. 27; 2. а. 19. б. 15; 4. а. 22.
б. 13. 25; 5. б. 8. 31; 6. а. 11. 13;
8. а. 16; 19. б. 35.
кωр м. 7. б. 28.
кωрт м. 7. а. 19; 8. б. 4; 10. а. 19;
14. а. 18; 26. а. 26; 30. а. 7.
*кари^т in кикари^т 9. а. 27.

λ

ло 10. б. 21; 17. а. 6.
ламент f. 29. а. 24. б. 7. 26. 29. 31;
30. а. 17.
лас м. 7. а. 30. б. 31; 9. б. 5.
лоиде 7. а. 17.

лаа^т 4. а. 19; 9. а. 28; 14. б. 29;
22. а. 11; 25. а. 4; 30. б. 6.

м

ма м. 1. а. 8. 16. б. 9. 17; 5. а. 18;
6. а. 25. б. 20. 31; 7. а. 1; 12. б. 1;
16. б. 13; 19. а. 35; 21. а. 16;
24. б. 25; 28. б. 22; манерми
3. б. 29; маншωωпе 4. б. 23;
маншопт^{sic} 1. б. 18.
ме f. 4. а. 12; 13. б. 15; 14. б. 4;
15. б. 11. 29; 16. б. 8; 19. а. 13;
21. а. 9; 22. б. 6.
*ме, мерит^с 11. б. 2; part. мерит
23. б. 25; маї- in митмаїе^{оо}
10. а. 2.
ми f. in манерми 3. б. 29.
мот 22. а. 36; 30. а. 9. 27; subst. м.
16. а. 13; 21. б. 17; 22. а. 18.
магаа^с 13. а. 21.
*маа^н м., маа^не f. 10. а. 8.
маейн м. 13. б. 30; in речхїмаейн
3. б. 3.
мвар прнт 21. б. 6; емвар прнт
9. а. 13.
ммате 20. а. 35.
мн in † мн 6. б. 4.
мннса 10. а. 7; 11. б. 8; 12. б. 4;
18. б. 21; 19. а. 11.
мннсωс 3. а. 23; 18. б. 27.
мн 22. б. 8; 25. а. 21; сс. ммω^с
7. б. 18; 8. б. 17; 9. а. 28; мен
сс. ммω^с 9. б. 18; мнт^с ммат^с
6. б. 24; 19. а. 9; 22. а. 12.
мине in ммине 19. б. 19.
мине 2. б. 23; 15. а. 13.
мит in митага^{оо}с 19. б. 12; 21. а. 25;
22. б. 19.
митасейнс 6. б. 14; 16. б. 18;
18. а. 36; 22. а. 32.
митатна 7. б. 24.
митатсеї 8. а. 4.
митатсоотн 15. б. 6; 18. а. 16.
митатшине 8. а. 19.
митаонт 9. а. 23.

м̄ит̄ετ̄се̄в̄ис 6. b. 16.
 м̄ит̄εш̄ωт 8. a. 30.
 м̄ит̄ма̄ге̄о̄о̄т 10. a. 2.
 м̄ит̄но̄т̄х̄ 7. a. 4.
 м̄ит̄нан̄т 20. a. 25.
 м̄ит̄о̄та 2. b. 11.
 м̄ит̄пер̄пер̄ос 18. a. 23.
 м̄ит̄нет̄ш̄о̄т̄е̄ит 8. b. 10.
 м̄ит̄пр̄ω̄д̄ω̄т̄ис 9. b. 2.
 м̄ит̄р̄ро 31. a. 2; м̄ит̄ер̄о
 18. b. 24. 34; 24. a. 8.
 м̄ит̄ре̄ӯре̄ӣо̄не 4. a. 32.
 м̄ит̄ре̄ӯш̄ӣне 3. a. 29.
 м̄ит̄ре̄ӯш̄ш̄е̄е̄ѣ̄д̄ω̄лон 8. b.
 20.
 м̄ит̄ре̄ӯх̄ис̄ѡ 24. b. 34.
 м̄ит̄ре̄ӯх̄ӣш̄н̄м 3. b. 9.
 м̄ит̄со̄с 2. b. 10.
 м̄ит̄х̄р̄ис̄т̄ос 20. a. 20; 21.
 а. 13; 23. a. 24.
 м̄ит̄ш̄ан̄от̄ӣч̄ 22. a. 6.
 м̄ит̄ш̄а̄г̄те 20. a. 2; м̄ит̄-
 ш̄а̄ѣ̄те 16. b. 22.
 м̄ит̄ре̄ѡ̄ра̄і̄ос 28. b. 34.
 м̄ит̄р̄а̄к 26. a. 7.
 м̄ит̄р̄ѡ̄кр̄ит̄ис 9. a. 7.
 м̄ит̄х̄а̄с̄ӣнт 25. a. 9.
 м̄ит̄ре in р̄м̄ит̄ре 20. a. 28.
 м̄ӣща сс. н̄, м̄мо̄с 18. b. 3. 23. b. 36;
 е̄мӣща 11. a. 30.
 мас̄е m. 26. b. 5.
 *мо̄сте, мес̄т̄ω̄ 14. b. 13; мо̄сте
 subst. m. 2. b. 7; 7. b. 4; 26. b. 21.
 мес̄ѡ̄нт f. 8. a. 12; 28. a. 32.
 ма̄те сс. н̄, (м̄мо̄с) 20. a. 18.
 ма̄то̄і m. 1. b. 21; 31. b. 31; 32. a. 15.
 ма̄то̄ѡ f. 5. b. 26.
 *мит̄ m. *мӣте f. in м̄ит̄и 1. b. 30.
 мӣте f. 2. b. 7; 28. b. 12.
 мо̄т̄т 3. b. 32.
 мо̄т̄и сс. е сс. inf. 11. a. 25.
 мо̄т̄те сс. е, е̄ро̄с 3. a. 26; 8. a. 23;
 10. a. 17; 11. a. 21; 22. b. 30;
 30. a. 29.
 мо̄о̄т m. 2. b. 16; 5. a. 31; 6. a. 18;
 мо̄ѡ̄ in мо̄ѡ̄н̄ѡ̄о̄ѡ̄т 5. b. 7.

ме̄е̄те сс. х̄е 8. b. 29; 11. a. 15;
 12. b. 26. 31; 13. a. 25; 22. a. 2;
 25. a. 19; 27. a. 8; subst. m. 21. a.
 29; 25. a. 36; 26. b. 26; in р̄п̄ме̄е̄те
 18. b. 9; е̄р̄п̄ме̄е̄те 13. b. 29;
 14. a. 22. сс. н̄, (м̄мо̄с); in subst.
 m. р̄п̄ме̄е̄те 28. a. 5.
 м̄нӣше m. 7. a. 7; 9. a. 21; 18. a. 20;
 19. a. 9; 26. b. 16.
 мо̄о̄ше 3. a. 21; 28. b. 13.
 ме̄ш̄а̄к 12. b. 27.
 мо̄ѡ̄ш̄т̄ сс. н̄ 2. a. 26.
 *мо̄ѡ̄ѡ̄ сс. н̄ (м̄мо̄с), part. ме̄ѡ̄ 6. b. 30;
 18. a. 27.
 ма̄р̄т 7. b. 19.
 ма̄а̄х̄е m. 27. b. 6.

н

на сс. н̄ (на̄с) 18. a. 14; 20. a. 3;
 subst. m. 19. b. 11; 20. a. 23. 31. 35;
 а̄тна in м̄ит̄а̄тна 7. b. 24; на̄нт
 in р̄нан̄т сс. м̄ӣ 23. a. 8.
 на̄ѡ̄ absol. 27. b. 20; 30. a. 20; сс. е,
 е̄ро̄с 1. a. 8. 15. 30. b. 2; 5. b. 19;
 6. a. 12; 7. a. 1. 20; 8. a. 18. 29.
 b. 9; 9. b. 11. 22; 10. a. 1; 11. a. 3;
 13. b. 25; 18. b. 14; 21. b. 5; 23.
 b. 10. 17. 24. 33; 25. b. 21; 26. a. 8;
 27. a. 15. 23; 32. b. 21.
 на̄ѡ̄ m. 14. b. 18; 27. b. 32. 34.
 но̄ѡ̄ѡ̄ m. 12. a. 14. 17.
 но̄ѡ̄е m. 10. b. 28; 13. b. 4; 17. b. 11;
 18. a. 35; 19. b. 25; 24. a. 26; in
 ре̄ӯр̄но̄ѡ̄е 22. a. 19; 23. a. 1. 31.
 b. 5; 24. a. 11.
 н̄м 4. a. 26. 29. 31. b. 2; 7. b. 13; 8.
 b. 6; 9. a. 1; 10. b. 14; 12. b. 18;
 15. b. 18; 16. a. 8. b. 20; 19. a. 16;
 29. b. 19.
 *на̄не, на̄но̄ѡ̄с 24. a. 20; 27. a. 5.
 но̄ѡ̄и m. 2. a. 28; 4. a. 25.
 но̄ѡ̄те m. 1. a. 12. b. 4. 6; 6. b. 5;
 10. b. 19; 12. b. 24; 14. b. 4; 15.
 b. 19; 16. a. 4; 17. b. 8; 18. b. 12.
 30; 19. a. 14. 20. b. 9; 20. a. 23. 36;
 23. a. 19; 28. b. 29; 29. b. 4. 12.

15; 30. b. 11. 13; in речш̄мше-
 ноте 15. а. 24.
 *п̄тиб̄, ентиб̄ 10. а. 31.
 нн̄т евол̄ 5. b. 27.
 наще 29. а. 3; нащ̄ω 12. b. 7; 19.
 а. 7. b. 13; 20. а. 24; 21. а. 1; 22.
 а. 8.
 нощре in р̄нощре сс. н̄, на̄ 17. а. 1.
 нащ̄б̄ f. 23. b. 22.
 нощ̄м̄ сс. еро̄ 19. а. 24.
 нерсе ерра̄т̄ сс. н̄ (м̄мо̄) 5. а. 12.
 нарте сс. е̄ 14. b. 25; subst. m. in
 атнарте сс. е̄ 23. а. 4.
 нощ̄ 4. а. 9; in м̄тнощ̄ 7. а. 4.
 нощ̄е сс. н̄ (м̄мо̄) 2. b. 6; 32. b. 32;
 нощ̄ 19. а. 23; нощ̄е евол̄ сс.
 н̄ (м̄мо̄) 18. а. 2; 25. а. 34; нощ̄
 евол̄ 15. b. 15; 18. b. 23; 22. b. 35.
 ноб̄ 2. b. 21; 5. b. 17; 9. а. 13. b. 5;
 11. а. 17; 12. b. 20. 22; 13. b. 23;
 15. а. 2; 17. а. 16; 19. а. 21. b. 10;
 20. а. 19. b. 29; 23. а. 20. 22. b. 14;
 25. а. 23.
 нощ̄с̄ сс. е̄ 4. b. 31.

о

ом̄е m. 7. а. 16.
 осе in ф̄осе 25. b. 19.
 оор̄ m. 2. b. 29.
 оор̄с̄ 8. а. 2.

п

пе f. 8. b. 26; 28. b. 24.
 п̄ω̄не евол̄ 30. а. 6.
 пен̄не m. 7. b. 8.
 п̄ореш̄ 12. а. 32; part. пор̄ш̄ евол̄
 23. b. 12.
 *п̄ор̄х̄, пер̄ех̄- 2. b. 2.
 пот̄ 4. b. 10; 10. а. 10; пот̄ евол̄ сс.
 н̄ (м̄мо̄) 5. а. 8; 13. b. 11; part.
 пнт̄ сс. н̄са 17. b. 34; пнт̄ равол̄
 сс. н̄ (м̄мо̄) 7. b. 11.
 *п̄ω̄, пер̄- 16. b. 26.
 пех̄е 22. а. 16. 36. b. 3; пех̄а̄ 11.
 а. 22; 15. b. 22; 16. b. 4; 17. а. 4.

b. 15; 29. а. 21; 30. а. 20. 30; 32.
 а. 24.

р

ри m. 1. b. 15; 2. b. 28; 24. а. 13.
 р̄ω̄ in ка-р̄ω̄ сс. е̄ 17. а. 9.
 р̄ω̄к̄ 30. а. 26; р̄ω̄к̄с̄ 18. а. 26.
 р̄ме 17. а. 6; 32. b. 23.
 р̄ω̄ме m. 3. b. 14. 30; 4. а. 6. b. 32;
 6. а. 5. b. 11; 11. b. 30; 12. b. 30;
 16. а. 10; 18. b. 26; 20. а. 17. 26. 32.
 b. 17; 22. b. 18. 23; 24. b. 14; 25.
 а. 14; 28. а. 20; 29. b. 23; 30. b. 8;
 32. b. 4.
 р̄м̄ in р̄м̄п̄ск̄м̄ 27. а. 17.
 р̄м̄п̄п̄ет̄н̄ 20. b. 7.
 реч̄ in реч̄регоп̄е in м̄т̄реч̄регоп̄е
 4. а. 32.
 реч̄р̄но̄е 22. а. 19; 23. а. 1.
 31. b. 5; 24. а. 11.
 реч̄ш̄не in м̄т̄реч̄ш̄не
 3. а. 29.
 реч̄ш̄м̄ше̄е̄ѣ̄ ω̄лон in м̄т̄-
 реч̄ш̄м̄ше̄е̄ѣ̄ ω̄лон 8. b.
 20.
 реч̄ш̄м̄шен̄оте 15. а. 23.
 реч̄ш̄ма̄ет̄н̄ 3. b. 3.
 реч̄ш̄ш̄н̄м̄ in м̄т̄реч̄ш̄-
 ш̄н̄м̄ 3. b. 9.
 реч̄ш̄с̄ω̄ in м̄т̄реч̄ш̄с̄ω̄
 24. b. 35.
 реч̄ш̄е̄вол̄^{sic} 15. b. 25.
 ром̄не m. 1. b. 30; 4. b. 20; 10. а. 9;
 22. а. 31.
 р̄м̄ре in р̄р̄м̄ре сс. е̄ 18. b. 2.
 р̄ан̄ m. 32. b. 5.
 р̄ро m. 19. а. 5; 30. b. 17. 26; 31. а. 15;
 b. 5; 32. b. 16. 19; in м̄т̄р̄ро 31.
 а. 2; plur. р̄ро̄ω̄ 19. а. 6; еро̄
 10. b. 30; plur. еро̄ω̄ 1. b. 23; in
 м̄т̄теро 18. b. 24. 34; 24. а. 8.
 ро̄ω̄ш̄ m. 17. а. 13; in в̄т̄ро̄ω̄ш̄ сс.
 р̄ї̄ 16. а. 20; in в̄т̄ро̄ω̄ш̄ сс. н̄
 (на̄) 13. b. 9.
 раще сс. ерра̄т̄ ех̄ω̄ 23. b. 19. 28;
 subst. m. 23. а. 27; 25. а. 8.
 р̄ощ̄е m. 27. b. 32.

с

са 1. b. 12; 31. a. 9.
 сеї in мп̄татсеї 8. a. 4.
 сѣω f. in †сѣω сс. н̄(на̄) 25. a. 23;
 in †сѣω 28. b. 8; сс. е, еро̄
 3. a. 28; 4. b. 14; 26. b. 31; in
 мп̄треӯхсѣω 24. b. 34.
 сн̄ве (сн̄це) f. 14. a. 21; 31. b. 18;
 сн̄це н̄хω 25. b. 36.
 сωве сс. н̄, м̄мо̄ 30. a. 18; subst.
 m. 26. b. 12.
 *сѣок, part. сѣок 9. b. 13.
 *сѣѣте, part. сѣѣтот 21. a. 34.
 сѣок сс. н̄, м̄мо̄ 27. b. 1; сѣок еп̄е-
 снт сс. н̄, м̄мо̄ 19. a. 29; сѣок
 ерраї сс. н̄, м̄мо̄ 8. a. 14; сс.
 р̄ахω̄ 31. b. 32.
 сѣм in р̄м̄н̄сѣм 27. a. 17.
 сѣн 25. b. 30; 26. a. 16; 28. b. 32.
 сѣнте сс. н̄ (м̄мо̄) 28. b. 15.
 сѣот m. 1. b. 20; 4. b. 30; 6. a. 29.
 b. 2; 7. a. 3. 8. 26. b. 5; 8. a. 18;
 9. a. 9. 21. b. 31.
 сѣот сс. е 28. b. 29; 32. a. 25.
 сѣот m. 11. a. 28; 20. a. 10; plur. сѣн̄т
 2. b. 8; 15. a. 8.
 сѣнте 2. a. 21.
 сѣнт m. 28. a. 2.
 сѣн̄т m. 28. b. 13; сѣнте f. 25. b. 12.
 сѣн̄ц m. 3. b. 27.
 сѣн in н̄кесѣн 14. a. 12; 19. a. 3; in
 р̄г̄ о̄тсѣн 20. b. 20; in н̄р̄а̄р̄ н̄-
 сѣн 19. b. 8.
 сѣн̄с сс. н̄, м̄мо̄ 15. a. 7; сс. ехω̄
 15. a. 9; subst. m. 20. b. 30.
 *сѣн̄сеп, сѣн̄сѣн̄ сс. ерраї ехω̄
 15. a. 15.
 *сѣр̄ еѣол, part. сѣр̄ еѣол 10. b. 7.
 *сѣр̄м, part. сѣр̄м 23. b. 18.
 сѣт m. 26. a. 23.
 сѣт̄м 27. b. 9; сс. е, еро̄ 14. b. 31;
 15. a. 24; 16. b. 2; 26. b. 8; 29. a. 5;
 сс. ет̄не 24. b. 26; сс. н̄са 13. a. 1;
 27. a. 18; 31. b. 1. 13.
 сѣтн 18. a. 10.

сѣт m. 1. a. 17; 2. b. 33; 3. a. 12. 16;
 5. a. 1; 10. a. 30; 12. b. 21; 28. b. 24.
 сѣотн сс. х̄е 13. a. 27; 15. b. 16. 23;
 сѣтен- 1. a. 2; 2. a. 13. b. 24;
 сѣтн- 18. b. 12; 19. a. 12; 21. a. 13;
 сѣтен̄т 29. a. 4; сѣотн subst. m.
 6. b. 24; 19. a. 13; 24. b. 16; 25.
 b. 9; in мп̄татсѣотн 15. b. 6;
 18. a. 16.
 сѣщ̄ц 1. b. 33; 20. a. 10. 12.
 сн̄це v. сн̄ве.
 сн̄це н̄хω 25. b. 36.
 сѣр̄ 24. b. 25; 31. b. 7; in р̄са̄р̄ 4.
 b. 15.
 *сѣр̄аг, part. сн̄р̄ 18. a. 17; 25. b. 18;
 subst. m. сѣр̄аї 17. b. 32.
 *сѣро, сѣр̄ω̄ еѣол сс. н̄, м̄мо̄
 14. a. 14; сѣр̄ω̄ еѣол сс. н̄, м̄мо̄
 10. b. 15.
 сѣрот сс. н̄ (м̄мо̄) 22. b. 32.
 сѣр̄ме f. 1. b. 6; 9. a. 26; 21. b. 20;
 plur. р̄ю̄ме 2. b. 3; 16. b. 26.
 сѣс in мп̄тсѣс 9. b. 19.
 *сѣр̄агт, part. сѣр̄агт 26. b. 27.

т

† сс. н̄ (м̄мо̄) 4. b. 7; †- 2. a. 9;
 25. a. 5; та̄а̄ сс. е̄тоот̄ 11. b. 11;
 сс. н̄ (на̄) 12. a. 9; 13. a. 13.
 †апофасис 31. a. 31.
 †еѣот сс. н̄ (на̄) 22. b. 34.
 †м̄н̄ 6. b. 4.
 †осе 25. b. 19.
 †сѣω сс. н̄ (на̄) 25. a. 33.
 †печ̄от̄ 13. b. 17; — от̄от̄ 29.
 a. 23. b. 6.
 †от̄ω 5. b. 8.
 †от̄не 5. a. 15; 12. b. 23; 26. a. 34.
 †ро̄ем̄ 5. b. 11.
 †рот̄е 12. b. 17.
 †р̄тн̄ сс. е, еро̄ 23. a. 35; † н̄р̄тн̄
 сс. е, еро̄ 26. a. 10; 32. b. 17;
 subst. †р̄тн̄ц 27. b. 10.
 та̄ею, сс. н̄ (м̄мо̄) 29. b. 3; та̄ею̄
 11. b. 16; part. та̄ем̄т̄ 11. b. 14;
 12. a. 20.

- таѣо сс. \bar{n} (\bar{m} мо) 26. а. 1; 28. а. 15;
таѣо 17. а. 12; таѣо еѡл 28.
а. 16.
- *ѣот, ти in мѣти 1. б. 30.
- тѣни 18. б. 26; plur. тѣноотѣ 3. б. 8;
26. а. 35.
- тѣт m. 5. а. 30.
- тако transit. сс. \bar{n} (\bar{m} мо) 13. а. 2;
тако 13. а. 11; 20. б. 11; 28. а. 24.
- тако intransit. 13. а. 19; subst. m.
19. а. 30; 20. б. 25.
- тѡк \bar{n} онт 15. а. 29; 23. а. 36; 28. а. 18.
- *тѡкм, part. тѡкм 14. а. 21.
- талѡ ерраї сс. \bar{n} (\bar{m} мо) et \bar{n} (на) 16. б. 28; талѡ сс. еж \bar{n} 23. б. 21.
- тѣлнл m. 23. б. 15.
- *талѡ, талѡе- 21. б. 35; subst.
талѡ in атталѡ 13. а. 22.
- тамѡ сс. \bar{n} (\bar{m} мо) 12. б. 19; тамѡ 6. а. 31.
- тамо сс. \bar{n} (\bar{m} мо) et е (еро) 3. б. 13;
21. а. 24; 25. а. 16; тамѡ 17. а. 35;
сс. е (еро) 16. а. 29; 24. б. 20.
- *тѡм, part. тнм 7. б. 1.
- тенот 14. б. 16; 16. а. 18. 25; 19. б. 14;
22. а. 1.
- тѣноот 1. б. 16. сс. \bar{n} (\bar{m} мо)
- теназ m. 8. б. 27.
- тапро f. 4. а. 5; 26. б. 11; 27. б. 5;
 \bar{n} тапро ои тапро 2. а. 6; 11. а. 12.
- типр m. 3. а. 3.
- тропреп, — \bar{r} \bar{n} оттропреп, \acute{a} та-
ктѡс. 26. б. 20.
- тирч m. 16. а. 5.
- ѣсо сс. \bar{n} , \bar{m} мо 22. б. 15.
- тѡѡ сс. \bar{n} , \bar{m} мо 1. б. 31; сс. е,
еро 2. б. 1; тѡѡ 11. а. 26; сс.
е, еро 2. а. 18. 22; 10. б. 10; 25.
а. 31; сс. же 15. а. 11.
- *тѡно, part. тѡнит 26. б. 22.
- *тѣто, тѣто (pron. reflex.) 21. а. 27;
тѣто еѡл 23. б. 33.
- тоот in катѡот еѡл 19. б. 26;
отѡз етоот 7. б. 12.
- ѣтѡн 4. а. 15.
- тѡоти 12. а. 3; 16. а. 24; 27. б. 22;
28. а. 29; сс. \bar{r} а 6. а. 13.
- *тѡтѡ, тѡтѡе- 28. а. 26.
- тѡщ m. 2. а. 33. б. 30; 6. б. 5.
- таѡ сс. \bar{n} , \bar{m} мо et ерат 1. а. 25;
5. б. 3; 6. а. 21.
- *тѡз, part. тнз сс. м \bar{n} 7. б. 7; сс.
 \bar{r} \bar{n} 10. б. 27.
- тѡзм сс. \bar{n} (\bar{m} мо) 17. б. 24; тѡзм-
23. б. 3.
- таѡро 16. б. 3; таѡре- 25. б. 11;
part. таѡрит 2. а. 20; subst. m.
таѡро 6. а. 19; 25. б. 14; 29. б. 17.
- *тѡѡ, тѡѡ 28. а. 33.
- *тѡѡею, тѡѡею 20. а. 5; part. тѡѡ-
ѣит 29. а. 12.

т (от)

- отѡ 5. б. 15; 7. а. 13; 11. а. 17; 15.
а. 26. б. 21; 20. а. 29; 26. б. 11. 31;
- пѡта пѡта 1. б. 24; 2. а. 10;
3. б. 22 9. б. 27; 10. б. 11; кѡта
7. а. 15. 18; 8. а. 10; мѣтѡта 2.
б. 11; отѡт 6. б. 15; 27. а. 4. 20.
б. 7.
- оте еѡл 21. б. 32.
- отѡеи m. in ѣ-пѡѡотѡеи 27. б. 16;
- отѡи m. in ѣ-пѡѡотѡи 13. б. 17;
29. а. 23. б. 6.
- отѡї сс. \bar{n} , на 13. а. 8. 18. 24.
- отѡеи m. 19. б. 36.
- отѡѣи m. 2. б. 31; 7. б. 14; 10. а. 25;
12. а. 32.
- отѡ in ѣотѡ 5. б. 8.
- *отѡп, отѡп n. part. отѡп 17. б. 1;
19. а. 35; 24. б. 10; 25. а. 1. б. 24;
27. а. 16. 28; 31. а. 23; 32. б. 26.
- отѡниѡ m. 1. б. 33; 3. б. 12; 26. а. 30,
- отѡм 1. б. 10; 27. б. 27; сс. \bar{n} .
 \bar{m} мо 26. а. 27. б. 19; отѡм 28.
б. 17.
- отѡн 3. а. 18; 5. а. 19; 7. б. 9; 8. б.
26; 12. а. 22. б. 5. сс. \bar{n} , \bar{m} мо 7.
а. 5. 29. б. 15. 31; 8. а. 5. 7; отѡн
сс. \bar{m} мо 9. б. 4; отѡнта сс.

ммаѣ 5. а. 24; от̄пта̄ 14. б. 21;
 18. б. 35; сс. ммаѣ 27. а. 2. 26.
 *от̄нам, іот̄нам in нса іот̄нам
 мм̄о̄ 32. а. 13.
 от̄нб̄ом сс. мм̄о̄ 22. а. 4.
 отон in отон ним 8. б. 30; 12. б. 18;
 15. б. 18; 16. а. 8. б. 20; 25. а. 6;
 29. б. 18.
 отноѣ f. 32. а. 28; п̄тег̄ноѣ 14. а. 13;
 21. а. 21. 28. 32.
 отноѣ m. 24. б. 7.
 от̄онѣ сс. е, еро̄ 11. а. 6; от̄онѣ
 ебол̄ мм̄о̄ (сс. pron. refl.) 21. а. 31;
 29. б. 24; part. от̄онѣ ебол̄ 27.
 а. 36.
 от̄нр 5. а. 19.
 от̄нрт̄ m. 12. а. 18.
 от̄ер̄нте 7. б. 15.
 от̄рот m. 26. а. 6.
 от̄оеѣ in н̄от̄оеѣ ним 7. б. 12.
 от̄оѣ сс. е сс. inf. 13. б.
 22. 25; от̄еѣ- 22. а. 18; 24. б. 13.
 от̄еѣ in н̄от̄еѣ н̄ 25. б. 19.
 от̄оѣ̄ 14. б. 6; 15. б. 8. 21; 28. б.
 30; 29. а. 8. 15; 30. б. 4; 31. б. 4;
 32. а. 21.
 от̄оѣ̄т̄ сс. н̄ (на̄) 23. а. 16.
 от̄оѣ̄ѣ 26. а. 6. сс. н̄ (мм̄о̄); subst.
 m. 21. б. 36; part. от̄оѣ̄ѣ 8. б. 15.
 от̄оѣ сс. ер̄га̄ ех̄н̄ 11. б. 31; от̄оѣ
 етоот̄ 17. б. 12; от̄оѣ сс. нса
 13. б. 7; part. от̄нѣ 5. б. 30.
 от̄ер̄сар̄не 29. а. 29; subst. m. 31. а. 1.
 от̄ха̄ 22. а. 5; 24. а. 33; сс. ебол̄
 н̄онт̄ 19. а. 26; subst. m. 16. а. 31;
 29. б. 22; part. от̄оѣ 19. а. 32.

ω

*ωѣ̄. ѣ̄ѣ̄ (pron. refl.) сс. е 24. а. 19.
 ωл̄н̄ 4. а. 1.
 *ωм̄с̄, part. ом̄с̄ сс. р̄га̄ р̄н̄ 21. а. 4;
 сс. ерот̄н̄ ē 8. а. 27.
 ωне m. 3. б. 19; 8. а. 16; 12. а. 19. 25;
 subst. m. 13. б. 28; 22. а. 25; б. 2. 7;
 ωнаѣ 29. б. 17; part. онаѣ 13.
 а. 26.

ωр̄н̄ 22. а. 14.
 ωр̄ѣ m. 24. б. 27 in р̄н̄ от̄ωр̄ѣ.
 ωѣ сс. н̄ (мм̄о̄) 21. а. 11; 31. а. 16;
 ωѣ ебол̄ сс. р̄ар̄ат̄ 11. б. 22;
 14. а. 2. 30; 20. а. 29; 29. б. 9;
 оѣ̄ 5. а. 7; 27. б. 11.
 *ωр̄с̄, subst. ор̄с̄ 8. а. 2.

ψ

(ψ), еѣ- 16. б. 14; in ѣ̄с̄м̄б̄ом 9. а. 3.
 ѣ̄а 24. а. 13. сс. ех̄н̄.
 ѣ̄а m. 2. а. 32.
 ѣ̄е 9. б. 23; 22. а. 30.
 ѣ̄е m. 3. б. 17; 26. а. 25.
 *ѣ̄, part. ѣ̄нѣ 8. а. 1; 9. б. 6.
 ѣ̄нѣ сс. н̄ (мм̄о̄) 6. а. 27; 22. б. 11;
 subst. m. 1. а. 19; part. ѣ̄нѣ
 1. а. 24; сс. еро̄ 7. б. 29.
 ѣ̄нр m. 2. б. 9; 16. б. 6; 29. а. 30;
 31. а. 27; 32. б. 7.
 ѣ̄аѣте (ѣ̄аѣте) in м̄н̄ѣаѣте 16.
 б. 22.
 ѣ̄л̄нл̄ 27. б. 31; 32. а. 2.
 ѣ̄лоѣ 26. б. 13.
 ѣ̄нм in ѣ̄нр̄ѣнм 11. а. 23; 17. а.
 25; 18. б. 16; 27. а. 1; in ѣ̄ере-
 ѣ̄нм 9. а. 25.
 ѣ̄ом̄н̄т̄ 7. а. 11; 9. б. 22; ѣ̄ом̄н̄т̄
 18. б. 15; ѣ̄ом̄т̄^{sic} 27. б. 25.
 ѣ̄м̄ѣ сс. н̄, на̄ 10. б. 21; ѣ̄ем̄ѣ
 6. б. 10; part. ѣ̄м̄ѣ сс. н̄, на̄
 17. б. 35; ѣ̄м̄ѣноѣте in р̄ѣ-
 ѣ̄м̄ѣноѣте 15. а. 23; ѣ̄м̄ѣеѣ-
 ѣ̄олон in м̄н̄тр̄ѣѣм̄ѣеѣѣ-
 ѣ̄олон.
 ѣ̄нн m. 1. а. 11. б. 12; 12. б. 22.
 ѣ̄нѣ in м̄н̄тр̄ѣѣнѣ 3. а. 29; ѣ̄аѣ-
 ѣ̄нѣ in м̄н̄ѣаѣнѣ 22. а. 6.
 ѣ̄оне m. 4. а. 9.
 *ѣ̄он̄т̄, part. ѣ̄он̄т̄ 12. а. 24.
 ѣ̄нѣ in м̄н̄т̄ат̄ѣнѣ 8. а. 19.
 ѣ̄он сс. н̄, мм̄о̄ 13. а. 30; 19. б. 21;
 21. а. 35; 23. а. 2. б. 13; ѣ̄он̄
 15. б. 3; 24. а. 27.
 ѣ̄опе 1. а. 5; 3. б. 16; 10. б. 26;
 11. б. 14. 29; 13. б. 3; 15. а. 1;

16. a. 2. 9; 17. b. 23; 18. a. 8.
b. 25; 20. b. 3; 23. a. 27; 24. a. 4;
28. a. 19; $\omega\omega$ не in $\mu\alpha\eta\omega\omega$ не
4. b. 23; part. $\omega\omega\pi$ 5. a. 22; 8. b. 7;
20. a. 33. b. 1; 22. b. 9; 26. a. 32.
b. 25; 28. b. 21; 30. b. 1.
 $\omega\pi$ ре f. in $\bar{\rho}\omega\pi$ ре 24. b. 30; 27.
b. 14; in $\epsilon\rho\omega\pi$ ре 12. a. 4.
 ω ре m. 22. b. 15; 23. b. 24; 28. b. 3;
 ω нре f. 26. b. 34; ω нрешнм m.
11. a. 23; 17. a. 25; 18. b. 16;
26. b. 36; ω еерешнм 9. a. 25.
* ω рп̄, ω рп̄ 17. b. 30; in $\bar{\eta}\omega$ рп̄
18. b. 36; 32. a. 18; in $\bar{\rho}\omega$ рп̄
25. a. 31.
* $\omega\omega$ т, - ω т̄ 26. b. 7.
 ω торт̄р 21. a. 30; 26. a. 19; ω тор-
тер 16. a. 23.
 ω то̄ елеснт 9. a. 16.
 ω тоет part. 10. a. 4; 25. a. 18; in
 $\mu\eta\tau\epsilon\tau\omega$ тоет 8. b. 10.
 ω ще 18. b. 6 сс. е; е ω ще 23. b. 9;
петешще сс. еро̄ 13. b. 5; 25. b. 5;
нетешще 28. b. 16.
 ω че 20. a. 13.
 ω цте in $\mu\eta\tau\omega$ цте 20. a. 2; in
 $\rho\omega$ цте 13. b. 5 (v. etiam ω а̄цте).
 ω р m. 7. a. 19; 14. a. 18.
 ω торне 29. a. 2.
 ω ахе 1. a. 2; сс. $\eta\mu\mu\alpha$ ̄ 2. a. 5;
11. a. 14; 15. a. 3. 27; subst. m.
4. a. 3; 11. a. 10; 16. b. 8; 22. b. 12;
24. b. 19; 26. b. 9; 27. a. 35; 28.
a. 15; а $\tau\omega$ ахе 26. a. 35.
 ω ахе in $\chi\omega$ ахе 31. a. 26.
 ω ахп̄ m. 9. b. 25.
 ω ах̄е 13. a. 20.

Ч

* $\chi\gamma$ v. s. $\beta\gamma$.
 χ тоот 1. a. 17.
* $\chi\omega$ v. s. $\beta\omega$.

Ѡ

ω ае 22. a. 34.
 ω аг m. 2. b. 4.
 ω е сс. е 23. b. 16; 31. a. 3.
 ω е f. c. art. ω е. 2. a. 18. b. 1; 5. a. 23;
10. b. 14; 21. b. 5; ω е 25. b. 3;
 η е η 2. b. 5. 13; 4. a. 18; 5. b. 15;
7. a. 16. 18. 22; 8. a. 2. 13. b. 1. 12;
9. a. 24. b. 14; 10. a. 30. b. 8; 12.
a. 12; 14. a. 17; 20. a. 17; 21. a.
18. 19; 29. a. 2; η е етре̄ 22. a. 20;
 η теге 2. b. 19; 27. a. 34; 32. a. 4.
32; η таге 17. b. 6; η теге 20.
b. 16; η аш η е 3. a. 11; 5. a. 11.
14; 10. a. 16; 15. b. 30; 20. a. 14;
22. a. 1. b. 24; 23. a. 7. 13.
* ω н, ω нт̄ 16. b. 27. 29.
 ω н̄ f. 3. a. 1; 16. a. 30; 22. a. 25;
 ω га 3. a. 20.
 ω о m. 9. b. 15; 23. a. 11; η ро ω ї ω о
11. a. 4.
 ω а̄ m. 2. a. 9; 4. a. 26. 28. 31; 5. b. 2;
8. b. 6; 19. a. 16; 21. b. 18; plur.
 ω а̄не 5. a. 5. 7. b. 21; 11. b. 8;
12. a. 1; 15. b. 4; 17. a. 10. 29;
24. b. 2; 28. a. 14; ω а̄не 25. b. 17.
 ω а̄с сс. η , $\mu\mu\alpha$ ̄ 8. b. 30; 9. a. 4.
 ω оегм in ω роегм 5. b. 11.
 ω о̄не 1. a. 32; 3. a. 18; 10. b. 1.
 ω ак in $\mu\eta\tau\omega$ ак 26. a. 7.
 ω нке 13. a. 14.
* ω ак, part. ω нк 26. a. 31.
* ω ал, part. ω нл 8. b. 23.
 ω лло m. 27. a. 16; plur. ω ллої 27. a. 6.
 ω алнт m. 8. a. 22.
 ω ло̄с in ω рло̄с 3. b. 18.
 ω ме 1. b. 7.
 ω мот m. 25. b. 4; 31. b. 29.
 ω мрал m. 13. b. 3; 17. b. 25.
 ω нне in ω торне 29. a. 2.
 ω он сс. етоотч η 20. a. 6.
 ω он̄ еротн сс. е 29. b. 28.
 ω отн in нето̄ $\mu\eta\epsilon\chi$ ротн 30. a. 4.
 ω он сс. еро̄ 4. a. 20; part. ω нп̄
5. a. 13; in п̄онп̄ (Нс. п̄онт̄^{sic}),
 ω п̄ отп̄онп̄ 9. a. 18.

* $\rho\omega\pi\tau$, $\rho\omega\pi\tau$ сс. $\epsilon\rho\omega$ 16. а. 4.
 $\rho\omega\pi\tau$ ¹⁰ in $\mu\alpha\iota\eta\rho\omega\pi\tau$ 1. b. 13.
 $\rho\rho\epsilon$ f. 26. b. 8.
 $\rho\rho\omega\sigma$ m. 1. а. 4. 23; (l. $\rho\rho\omega\sigma$.) 26.
 а. 12.

$\rho\rho\omega$ f. 18. b. 15.

$\rho\rho\eta\rho\epsilon$ m. 12. а. 13.

* $\rho\rho\omega\sigma$, part. $\rho\rho\omega\sigma$ 5. b. 18.

* $\rho\rho\iota\epsilon$, part. $\rho\rho\iota\epsilon$ 9. а. 11.

$\rho\rho\tau$ m. 1. b. 11; 10. b. 20; 16. b. 3;
 17. а. 7. 14; 21. а. 27; 22. а. 27;
 26. а. 18; $\mu\kappa\alpha\rho$ $\rho\rho\tau$ 21. b. 6;
 $\epsilon\mu\kappa\alpha\rho$ $\rho\rho\tau$ 9. а. 13; $\mu\eta\tau\alpha\omega\tau$
 9. а. 23; $\mu\eta\tau\chi\alpha\sigma\rho\tau$ 25. а. 9;
 $\mu\epsilon\sigma\omega\tau$ f. 8. а. 12; 28. а. 32; $\tau\omega\kappa$
 $\rho\rho\tau$ 15. а. 29; 23. а. 36; 28. а. 18;
 $\rho\rho\tau\iota$ in $\rho\rho\tau\iota$ 19. а. 18; $\rho\rho\tau\iota$
 (reflex.) сс. $\epsilon\rho\omega$; $\rho\rho\tau\iota$ сс. ϵ
 26. а. 10; $\rho\rho\tau\iota$ subst. 27. b. 10;
 $\mu\eta\tau\chi\alpha\sigma\rho\tau\iota$ f. 22. а. 6.

$\rho\rho\tau\epsilon$ m. 15. а. 2; in $\rho\rho\tau\epsilon$ 12. b. 17.

$\rho\rho\tau\epsilon$ сс. η , $\mu\mu\omega$ 5. b. 29; 13. b. 22;
 14. а. 25; 17. а. 24; subst. m. 17.
 а. 28.

$\rho\rho\tau\omega\tau\epsilon$ 27. b. 35.

$\rho\rho\sigma$ m. 1. а. 23. (Hs. $\rho\rho\omega\sigma$); b. 8;
 21. b. 12; 22. а. 35; 25. а. 24; 28.
 а. 4. 8.

$\rho\rho\sigma$ 15. b. 17; part. $\rho\rho\sigma$ 19. а. 16;
 26. а. 15; 30. b. 3; in $\mu\epsilon\theta\omega\sigma$
 6. а. 4; 9. b. 26. 28; 21. b. 10; 30.
 b. 7.

$\rho\rho\sigma\omega$ in $\epsilon\mu\epsilon\rho\omega\sigma\omega$ 11. b. 27; 14. b. 1;

$\epsilon\rho\omega\tau\epsilon$ ϵ , $\epsilon\rho\omega$ 4. b. 16; 20. b. 13.

$\rho\rho\omega\tau$ сс. $\epsilon\chi\eta$ 24. а. 9; subst. m. in
 $\mu\omega\tau$ $\rho\rho\omega\tau$ 5. b. 7.

$\rho\rho\omega$ 15. а. 22; 16. b. 13. 21; 24. b. 22;

$\rho\rho\omega$ $\eta\sigma\omega\tau$ 19. b. 8.

Ϡ

$\rho\rho\iota$ сс. η , $\mu\mu\omega$ 6. а. 7; 7. а. 11; 9. а. 20;
 11. а. 10; 25. а. 28; сс. $\epsilon\beta\omega\lambda$ $\rho\rho\iota$
 $\rho\rho\iota$ 6. а. 2; $\rho\rho\iota$ 18. а. 29; $\rho\rho\iota$
 сс. ϵ 6. а. 24; 31. b. 23; $\rho\rho\iota$ ϵ
 $\rho\rho\iota$ сс. ϵ 28. b. 10.

$\rho\rho\iota\alpha\pi\tau\iota\sigma\mu\alpha$ 18. а. 32.

$\rho\rho\iota\alpha\epsilon\iota\eta$ in $\rho\rho\iota\alpha\epsilon\iota\eta$ 3. b. 3.

$\rho\rho\iota\alpha$ 4. b. 20.

$\rho\rho\iota\omega$ 4. b. 14; 28. b. 7; — сс. ϵ
 ($\epsilon\rho\omega$) 3. а. 28; 26. b. 31; $\mu\eta\tau\rho\epsilon\upsilon$
 $\rho\rho\iota\omega$ f. 24. b. 34.

$\rho\rho\iota\omega$ сс. ϵ ($\epsilon\rho\omega$) 23. а. 12.

$\rho\rho\iota\omega$ in $\mu\eta\tau\rho\epsilon\upsilon\rho\rho\iota\omega$ 3. b. 9.

$\rho\rho\iota\omega$ 31. а. 26.

$\rho\rho\iota\omega$ subst. 6. b. 27.

$\rho\rho\iota$ сс. η ($\mu\mu\omega$) 19. b. 32; $\rho\rho\iota$ $\epsilon\beta\omega\lambda$
 сс. η ($\mu\mu\omega$) 13. а. 5.

$\rho\rho\iota$ 10. а. 22; 11. b. 23; 14. а. 24.
 b. 2. 7; 15. а. 28. b. 9; 18. а. 12;
 20. а. 30; 21. b. 2. 26; 23. b. 32;
 24. а. 18. 28. b. 11; сс. η ($\mu\mu\omega$)
 13. b. 16; 16. b. 17; 27. а. 33; $\rho\rho\iota$
 subst. 27. b. 7; $\rho\rho\iota$ 25. b.
 36; $\rho\rho\iota$ 14. а. 10; 16. b. 25; 20.
 b. 15; 21. а. 15; 24. b. 31; сс. ϵ ,
 $\epsilon\rho\omega$ 15. b. 13; 16. b. 9; 22. а. 11;
 с. η , $\rho\rho\iota$ 21. b. 14; 22. а. 28; 25.
 а. 22.

$\rho\rho\iota$ 15. b. 29; $\rho\rho\iota$ in $\rho\rho\iota$
 $\rho\rho\iota$ 15. b. 25.

$\rho\rho\iota$ $\epsilon\beta\omega\lambda$ сс. η ($\mu\mu\omega$) 32. а. 20.
 b. 29.

$\rho\rho\iota$ 4. b. 14.

$\rho\rho\iota\omega$ m. 18. а. 24.

$\rho\rho\iota$ сс. ϵ сс. inf. 22. b. 25.

$\rho\rho\iota$ 19. b. 18. сс. η ($\mu\mu\omega$) 13. а. 15.

$\rho\rho\iota$ сс. ϵ ($\epsilon\rho\omega$) 22. b. 19; 26. а. 4;
 29. а. 26; $\rho\rho\iota$ сс. ϵ , $\epsilon\rho\omega$ 30.
 а. 22.

$\rho\rho\iota\omega$ 11. b. 30; 28. а. 21.

* $\rho\rho\iota$, $\rho\rho\iota$ 18. b. 30.

$\rho\rho\iota$ in $\mu\eta\tau\chi\alpha\sigma\rho\tau$ 25. а. 9.

$\rho\rho\iota$ m. 21. b. 33; 22. а. 17. b. 1. 3;
 30. b. 27; 32. а. 26; $\rho\rho\iota$ 30.
 а. 1. 7.

$\rho\rho\iota\omega$ f. 4. b. 19.

* $\rho\rho\iota$, $\rho\rho\iota$ η ($\rho\rho\iota$) 30. b. 16.

* $\rho\rho\iota$, $\rho\rho\iota$ 19. а. 36; part. $\rho\rho\iota$
 17. а. 30; 26. b. 10.

$\rho\rho\iota$ m. 13. b. 14.

$\rho\rho\iota$ part. 7. а. 24. 31,

σ

βαλε 7. a. 25.
 *σοοσ, part. σησ 8. a. 6.
 σολ m. 22. b. 9; рсѣхесоλ^{sic} 15. b. 25.
 σοολε cc. η, μμο 25. a. 12.
 сом f. 2. a. 15; 14. a. 11. 29; 19. b. 28.
 26. b. 5; 29. a. 27; 30. a. 23; р-
 атсом 19. b. 23; οσηсом μμο 22. a. 4; cc. ε cc. inf. 31. a. 12;
 менсом μμο 9. b. 18; см-сом
 cc. ε cc. inf. 19. b. 16; cc. εροση

ερο 18. b. 19; ѡσμсом cc. η
 inf. 9. a. 3.
 σιμροστ f. 3. a. 2.
 ση-арике cc. ερο 17. a. 8.
 σοηс in χηησοηс 6. b. 27.
 сорсс f. 1. b. 1.
 σωѡт cc. εχη 1. a. 13; 26. b. 15;
 cc. ερο 25. a. 15.
 σix f. 14. a. 22; 23. b. 11; 25. a. 6.
 σαχic in ερσαχic 4. a. 2.
 *σωοσс, — part. σοοσс 3. a. 22.

II. Griechische Wörter.

- αγαθος, ἀγαθός. 24. a. 14; in μητ-
 αγαθος 19. b. 12; 21. a. 25; 22.
 b. 19.
 αγγελος, ἄγγελος. 12. b. 25; 23. a. 21.
 29. b. 30; 27. a. 12; 28. a. 36. b. 27.
 ανηρ, ἄηρ. 2. a. 24. b. 12; 4. a. 22. b. 27;
 6. a. 1; 23. a. 21. 29. b. 30; 27. a. 12;
 28. a. 36. b. 27.
 ακολοθεια, ἀκολουθία. 27. a. 30.
 αληως, ἀληθώς. 15. b. 1.
 αλλα, ἀλλά. 9. a. 15; 12. b. 13; 17. b.
 21; 20. a. 12; b. 19; 22. b. 1; 23. b.
 4. 21; 26. b. 23; 27. b. 18; 30. b. 15.
 αλληλοτια, ἀλληλουία, η̄ η̄η̄η̄ 28.
 b. 35.
 αλοση. ἄλογος. 26. a. 28; αλωση
 5. a. 28.
 ανатки, ἀνάγκη. 25. b. 10.
 ανασταיע, ἀνάστασις. 28. a. 6.
 ανατωλη, ἀνατολή. 31. a. 10.
 αναфора, ἀναφορά. 30. b. 21.
 ананименос, ἀντικείμενος. 1. a. 28.
 аниче, ἀνέχειν. 32. a. 1.
 аномια, ἀνομία. 10. b. 30.
 азиос, ἀξιού. 32. a. 14.
 азиωμα, ἀξίωμα. 19. a. 10.
 апиле. ἀπειλείν. 14. a. 23.
 апили, ἀπειλή. 15. a. 5.
 аподаσмей, ἀποδημεῖν. 2. b. 19.
 απολατεις, ἀπόλαυσις. 24. b. 5.
 αποστολος, ἀπόστολος. 17. b. 16; 18.
 a. 19; 24. b. 9.
 αποφасие, ἀπόφασις in фαпофасие
 31. a. 31.
 ара, ἄρα. 15. a. 19. b. 10. 18; 16. b. 7;
 17. a. 20.
 арети, ἀρετή. 10. a. 5.
 архiereтс, ἀρχιερέυς. 17. b. 33; 27.
 a. 21.
 архони, ἄρχων. 5. a. 20; 11. b. 3;
 12. a. 6; 20. a. 6.
 асеһис, ἀσεβής. 14. b. 11; 17. b. 5;
 22. b. 27. 30; in мптасеһис 6. b. 14;
 16. b. 18; 18. a. 36; 22. a. 32; in
 расеһис 18. b. 22; 20. b. 12.
 асеως. ἀσός. 9. a. 10.
 аспазе, ἀσπάζεσθαι. 11. a. 11; 28. a.
 35; 32. b. 10.
 атактиа, ἀταξία. 6. b. 30.
 аψтхон, ἄψυχος. 26. a. 16.
 баптисма, βάπτισμα in χηβαптисма
 18. a. 32.
 барбарос, βάρβαρος. 3. b. 2.
 басанос, βάσανος. 30. a. 21.
 блатптеи, βλάπτειν. 10. b. 3.
 бонсиа, βοήθεια. 6. a. 6.
 бонсiei, βοηθεῖν. 14. a. 5. 8. b. 5. 10. 16.

- ραρ, γάρ. 2. a. 8; 12. a. 12; 13. b. 5;
 14. b. 12. 18. 26; 15. b. 4. 16; 19.
 b. 31; 21. a. 15; 23. b. 2. 16; 25. a. 10.
 γενος, γένος. 22. b. 16.
 γραφн, γραφή. 16. b. 14; 17. a. 36;
 27. b. 12.
 δαγμα, τάγμα. 23. a. 28.
 δαιμονιον, δαιμόνιον. 2. a. 11; δαι-
 μωνιον 5. b. 22; 11. b. 5; 12. b. 12;
 δεμωνιον 16. b. 31.
 δαιμων, δαίμων. 4. b. 26; 6. a. 26;
 9. b. 30; δεμων 1. a. 31.
 δε, δέ. 1. a. 30; 9. b. 16. 30; 10. a. 26.
 b. 1. 4. 10. 29; 14. a. 9. 29; 15. a. 22.
 26. b. 8. 21; 16. a. 18. b. 1. 11; 18.
 a. 7. 17. 33. b. 6; 19. a. 4. b. 1. 28;
 20. a. 14. 36; 28. b. 9; 29. a. 28.
 b. 6; 30. a. 11. 19.
 δημος, δῆμος. 19. a. 31.
 διαβολος, διάβολος. 2. a. 3; 15. b. 27;
 διαβολως 11. a. 3; 13. b. 20; 14.
 b. 8; διαβωλος 2. a. 16; 13. b. 13;
 14. a. 16; 15. b. 12.
 διατωχη, διαδοχή. 1. a. 19.
 διαφωρα, διαφορά. 10. a. 28.
 δινησεις, διήγησις. 1. a. 3.
 δικαιος, δίκαιος. 23. b. 4; 24. a. 10;
 δικεως 30. b. 8.
 δικαιοστην, δικαιοσύνη. 22. a. 23;
 δικαιωστηн 6. b. 26.
 дискос, δίσκος. 8. b. 3.
 διωκτηс, διώκτης. 17. b. 21.
 δογμα, δόγμα. 24. b. 34.
 драκων, δράκων. 5. b. 19; 6. a. 30.
 δημιουργος, δημιουργός. 16. a. 6.
 εοηρ, αἰθήρ. 2. a. 25. b. 13. 18; 10. a. 14.
 ειδωλον, εἶδωλον in μητρεψμηше-
 ειδωλον 8. b. 20.
 ειρνη, εἰρήνη. 4. a. 18.
 εκκλησια, ἐκκλησία. 19. b. 17; 27. b.
 30; 28. b. 20.
 ενεργει, ἐνεργεῖν. 1. a. 14; 5. b. 12.
 ενεργια, ἐνέργεια. 1. a. 27. b. 25; 3. a. 8.
 εξαφна, ἐξάπινα. 4. a. 6.
 εξουσια, ἐξουσία. 11. b. 7; 14. b. 22.
 επειδε, ἐπειδή. 31. b. 12.
 επιβοσλετε, ἐπιβουλεύειν. 17. a. 18.
 επικαλει, ἐπικαλεῖν. 21. a. 7.
 επισκοπος, ἐπίσκοπος. 16. a. 27.
 етеи де, ἔτι δέ. 13. b. 15.
 етпа, αἰτία. 3. b. 15; 30. b. 18; 31. a. 18.
 етеи, αἰτεῖν. 31. b. 28.
 етаттелион, εὐαγγέλιον. 19. b. 29;
 27. b. 13.
 етсеһнс, εὐσεβής in μηтρεсеһнс 6.
 b. 16.
 етфһнс, εὐφυής. 11. a. 24.
 и, ἦ. 5. a. 1. 8. 11.
 θαλασσα, θάλασσα. 2. a. 27; 4. a. 24;
 5. b. 10.
 θεωρει, θεωρεῖν. 26. b. 35.
 θηριων, θηρίων. 6. a. 9; 7. a. 27.
 θρονος, θρόνος. 18. b. 32.
 θтсiа, θυσία. 11. a. 7; 26. a. 22; 29.
 a. 1.
 καθаризе, καθαρῖζειν. 27. b. 4.
 και ραρ, και γάρ. 12. b. 19; 17. b. 5.
 капер, καίπερ. 19. a. 27; 21. b. 13.
 каѳiа, καχία. 21. a. 6.
 какотртос, κακοῦργος. 30. b. 2.
 каѳос, καχῶς. 13. a. 6; 17. a. 19.
 каи, καὶ. 17. b. 18. (каи ешхе =
 καὶ εἰ).
 карма, κάρυα. 9. b. 14.
 карпос, καρπός. 1. a. 21; 16. b. 29;
 23. b. 35; 24. b. 1.
 ката, κατά. 1. a. 6; 4. b. 29; 5. b. 13;
 6. a. 32; 12. b. 10. 15; 30. b. 31.
 катастасис, κατάστασις. 6. b. 29; 9.
 a. 29; 26. b. 28.
 келете, κελεύειν. 2. b. 15; 29. a. 22;
 31. b. 15; 32. b. 24. 30.
 кесар, Καῖσαρ, Caesar. 30. b. 35.
 кетоите, καίτοιγε. 16. a. 3.
 κεφαλαион, κεφάλαιον. 25. a. 33.
 κληροкомос, κληρονόμος. 24. a. 6.
 κομнос, κοινωνός. 2. b. 15; 5. b. 21.
 κομνωει, κοινωνεῖν. 6. b. 12.
 κομνωиа, κοινωνία. 10. b. 13; 11. a. 31;
 κенωиа 5. a. 24.

- κολασίς, κόλασις. 18. b. 2; 19. a. 22.
 κοσμεῖ, κοσμεῖν. 27. a. 10; κωσμεῖ
 12. a. 15.
 κοσμικόν, κοσμικός. 27. b. 7.
 κρηπίς, κρηπίς. 25. b. 6.
 κύμβαλον, κύμβαλον. 25. b. 27.
 κυριακή, κυριακή. 28. a. 10.
 κωλώθως κολοβός. 8. b. 1.
 κωμῖς, κόμης, comes. 29. a. 7. 18. 28;
 30. a. 19. 28. b. 19.
 λέξις, λέξις. 28. b. 33.
 ληστῆς, ληστής. 20. b. 32; 23. a. 11.
 λιτοσύρτια, λειτουργία. 25. b. 23.
 λωγισμός, λογισμός. 6. b. 22.
 μαγία, μαγεία. 3. b. 31; 18. a. 27; in
 ῥμαγία. 17. a. 27.
 μαγός, μάγος. 17. b. 19; 31. a. 4.
 μαθητής, μαθητής. 24. b. 32.
 μακαρίος, μακάριος. 30. a. 11; 32. a.
 6. 22. b. 2. 8.
 μάννα, μάννα, ἰῆ 19. b. 32.
 μαργαρίτης, μαργαρίτης. 12. a. 20. 29.
 μαρτυρία, μαρτυρία. 32. b. 30.
 μάρτυρος, μάρτυρος. 17. b. 30; 32.
 b. 28.
 μέν, μέν. 24. b. 18.
 μέρος, μέρος. 3. b. 25; 25. a. 2.
 μετανοεῖ, μετανοεῖν. 17. b. 7; 18. b. 29;
 19. a. 19; 20. b. 22; 21. a. 36; 22.
 a. 26. 33; 23. b. 6. 8; 24. a. 35; με-
 νοεῖ^{σι} 23. a. 33; μετανοῖ 15. a. 19;
 19. b. 7.
 μετάνοια, μετάνοια. 18. a. 30; 19. b.
 15. 28; 24. a. 1. b. 28.
 μηχανικῶν, μηχανικός. 4. a. 29.
 μή, μή. 21. a. 3; 22. b. 10. 35; 24. a. 26.
 μόνον, μόνον. 23. b. 7. 18. 24.
 μορφή, μορφή. 10. a. 1; μωρφή 7.
 a. 5.
 μουσικόν, μουσικός. 26. a. 13.
 μυστήριον. μυστήριον. 2. a. 14. b. 25.
 νεωκώρως, νεωκώρως. 8. b. 16; νεο-
 κωρος 26. b. 1; 27. a. 24.
 νηστεία, νηστεία. 27. b. 24.
 νόμος, νόμος. 5. a. 6; 26. a. 14.
 οἰκοσμενῆ, οἰκουμένη. 30. b. 28.
 ὄργανον, ὄργανον. 25. b. 29.
 ὄρτη, ὄργη. 5. a. 12; 13. b. 23.
 οὐδέ, οὐδέ. 4. a. 23; 16. a. 22; 26. a.
 15. 36. b. 12. 21.
 οὐρανός, οὐρανός. 3. a. 6.
 οὐσία, οὐσία. 13. a. 7.
 οὔτε, οὔτε. 20. b. 16; 25. a. 11; 26. a.
 20. 29.
 πάθος, πάθος. 9. b. 24.
 πάπας, πάπας. 28. a. 12.
 παρά, παρά. 3. a. 15; 9. b. 7; 11. b. 18;
 20. a. 25; 23. b. 29; in ῥπαρά 15.
 b. 17.
 παράδεισος, παράδεισος. 20. b. 33;
 παρῶς 2. a. 30.
 παρακαλεῖ, παρακαλεῖν. 17. a. 31;
 20. b. 28; 25. b. 8.
 παρθένος, παρθένης. 14. a. 1. 4; 30.
 a. 15. b. 10; 31. a. 7. b. 10. 22; 32.
 a. 11. 30.
 παρουσία, παρουσία. 19. b. 3.
 παρρησία, παρρησία. 27. b. 21.
 πικνός, κύκνος. 3. a. 13.
 πέλαγος, πέλαγος. 21. a. 5.
 πέρπερος, πέρπερος in ῥπτηρπερος
 18. a. 23.
 πέτρα, πέτρα. 7. a. 23.
 πηγή, πηγή. 22. b. 7.
 πῆθε, πείθειν. 16. b. 12.
 πικρία, πικρία. 5. b. 24.
 πῆρα, πῆρα in ῥπῆρα. 4. b. 20.
 πιστεύειν, πιστεύειν. 11. a. 2; 15. b. 31;
 22. b. 28; 23. a. 6; 24. a. 22.
 πίστις, πίστις. 21. a. 1; 24. b. 36.
 πλανά, πλανᾶν. 12. b. 29.
 πλάνη, πλάνη. 6. b. 3; 10. b. 25.
 πλάνος, πλάνος. 29. a. 11.
 πληγή, πληγή. 13. a. 22.
 πῆμα = *πῆμα, πνεῦμα. 1. a. 18.
 b. 18; 5. a. 15. b. 32; 6. a. 15. b. 3;
 7. a. 9. 20. 28. b. 3. 25; 8. a. 3. 29.
 b. 9. 22; 9. a. 6. 22. b. 2. 9.
 πολέμει, πολεμεῖν. 1. a. 33.
 πόλεμος, πόλεμος. 26. a. 33; πολτ-
 мос 4. a. 17; πωλτμωс 10. b. 9.

- πολις, πόλις. 2. b. 21; 18. a. 6; 31. b. 25.
 πονηρία, πονηρία. 7. a. 21.
 πονηρος, πονηρός. 24. a. 15; πονη-
 ρων 1. b. 19; πωνηρος 8. a. 8;
 πωνηρων 6. b. 9.
 πορνια, πορνεία. 7. a. 10.
 πραξις, πράξις. 29. a. 13; πραξειс,
 πράξεις. 18. a. 18.
 προεσμα, προδεσμία. 20. b. 9.
 προφήτης, προφήτης. 2. a. 1; 19. a. 33;
 21. a. 11. b. 3. 28.
 πρωωτης, προδότης in μηтρω-
 ωτης 9. b. 2.
 πρωσταγμα, πρόσταγμα. 31. b. 2. 14.
 πρωσωπων, πρόσωπον. 7. a. 12.
 сарξ, σάρξ. 20. b. 2.
 σημιον, σημείον. 3. b. 6.
 скеυс^{сио}, σκευός. 18. a. 9.
 σοφια, σοφία. 25. b. 7.
 σοφος, σοφός. 10. a. 20; 24. a. 21;
 25. a. 21.
 спотдазе, σπουδάζειν. 10. b. 23.
 спотдаиωс, σπουδαίωс. 11. b. 25.
 стаτροс, σταυρός. 16. a. 16.
 сѣот = *стаτροс, σταυροῦν. 22. b. 22.
 стереωμα, στερέωμα. 8. b. 24.
 столн, столή. 25. a. 11.
 στραпа, στρατιά. 3. a. 4.
 стмфωνα, συμφωνία. 4. a. 13.
 стнагωтн, συναγωγή. 27. a. 11.
 стназис, συναξίς. 27. b. 36.
 стнетдокеи, συνευδοχεῖν. 17. b. 26.
 стнкаѳедрос, συγκάθεδρος. 29. a. 17;
 32. b. 14.
 сфрагизе, σφραγίζειν. 32. a. 4.
 сфрагис, σφραγίς. 32. a. 8.
 счнма, σχήμα. 3. a. 10.
 сωма, σῶμα. 5. a. 27; 8. a. 32. b. 13;
 9. b. 7; 26. a. 28.
 сωтнрия, σωτηρία. 22. a. 13.
 таγμα, τάγμα. 12. b. 6; даγμα
 23. a. 28.
 тазис, τάξις. 1. b. 2; 11. b. 18; тазис
 27. a. 4. 28.
 тартаротсчос, тартароῦχος. 2. a. 29.
- таφος, τάφος. 3. b. 20; 13. a. 31.
 теωс, τέωс. 27. b. 28.
 топос, τόπος. 6. a. 25.
 тоте, τότε. 16. b. 15; 17. b. 17; 24. a.
 2. 32.
 трапеза, τράπεζα. 27. a. 27.
 тѣмпанон, τύμπανον. 26. a. 4.
 тѣпос, τύπος. 1. a. 10; тѣпωс 30. b. 23.
 фантасия, φαντασία. 1. a. 6; 4. a. 27;
 5. b. 14; 6. b. 1; 10. a. 6. b. 16; 12.
 b. 16.
 фармагия, φαρμακία. 4. b. 1.
 фармагос, φαρμακός. 4. b. 4.
 фѳонωс, φθόνος. 7. b. 26.
 фтсикωн, φυσικός. 4. a. 10; 6. a. 20.
 харизе, χαρίζεσθαι. 20. b. 32; 29. b. 21.
 харис, χάρις. 19. b. 34; 24. b. 5.
 херете, χαίρετε. 30. b. 30.
 хорос, χορός. 1. a. 31; 25. a. 9; 28.
 b. 26; хѳωрос 10. b. 7.
 хрнма, χрῆμα. 13. a. 2. 29.
 хрнстннос, хрнстннос. 30. b. 12;
 31. a. 5. b. 6.
 хрнстос, χρнстός in μηтхрнстос
 20. a. 20; 21. a. 13; 23. a. 24; in
 рхрнстос 20. b. 5.
 хрнсѳωлннѳωс, χρυσόλιθος. 12. a. 27.
 хѳора, χῳра. 10. a. 11; 18. a. 4.
 ψаллеи, ψάλλειν. 27. a. 32.
 ψалмос, ψαλμός. 27. a. 34.
 псчн, ψυχή. 5. a. 26; 13. b. 10; 27.
 b. 3.
 ѳ, ѳ. 11. b. 25; 13. b. 12; 14. a. 26;
 15. a. 30. b. 24; 16. a. 18. b. 5; 17.
 a. 33; 20. b. 27; 22. b. 12; 23. a. 36;
 24. b. 22.
 ѳдн, ῳδή. 26. a. 2.
 ѳфелеи, ѳφελεῖν. 10. b. 5; 14. b. 27.
 гатгое, ἅγιος. 18. b. 17; 31. b. 19.
 гарпаз, ἄρπαξ. 8. a. 24.
 *геѳдомас, ἐβδομάς in ѳеѳдомас
 = тгеѳдомас 28. a. 4.
 геѳнос, ἔθνος. 1. b. 28; 3. a. 24.
 гелнзе, ἐλπίζειν. 25. a. 26.

ρέλπισ, ἐλπίς. 13. a. 17. b. 27.
 ρηγεμωνη, ἡγεμών. 27. a. 19.
 ρηλικια, ἡλικία. 27. a. 1; ρηλικια
 28. b. 4.
 ρομολογει, ἔμολογεῖν. 18. a. 11.
 ρομονοια, ἑμόνοια. 27. b. 2.
 ροριζε, ἑρίζειν. 20. b. 8.
 ρτακινθωνη, ὑακίνθινον. 12. a. 26.
 ρτανε, ἡδύνειν. 5. a. 2.
 ρτμνος, ὕμνος. 28. a. 17.
 ρτпар, ἦπαρ. 17. a. 28.
 ρτпарχωνта, ὑπάρχοντα. 13. a. 4.

ρτπωκριтис, ὑποκριτής in μητρωπω-
 критис, 9. a. 7.
 ρтπωμине, ὑπομένειν. 16. a. 11.
 ρтπωμннма, ὑπόμνημα. 31. a. 17.
 *ρтпоμонн (Hs. ρтпоμннма), ὑπο-
 μονή. 31. a. 19.
 ρтпотаκн, ὑποταγή. 12. b. 11.
 ρтпотассе, ὑποτάσσειν. 12. b. 9.
 ρωс, ὡς. 1. a. 11; 4. a. 10; 19. b. 35;
 24. a. 5.
 ρωстe, ὥστε. 18. b. 31; 19. b. 20; 27.
 a. 7; 28. b. 36.

III. Eigennamen.

a. Götter- und Personennamen.

αθανασιος, Ἀθανάσιος 29. a. 16.
 αρне, Ἄρης in πειστ парне 3. a. 12.
 ασκληπιος Ἀσκληπιός. 29. b. 20.
 αχααβ, Ἀχάαβ, אַחַאב 21. b. 7.
 τιμωθεωс, Τιμόθεος. 16. b. 5.
 διοκλιτianos, Διοκλητιανός. 30. b. 29.
 εтсеβегос, Εὐσέβιος. 17. a. 34. b. 14.
 ηλιос, Ἡλιος. 2. b. 26.
 ηра, Ἡρα. 2. a. 33.
 θεωκτιστωс, Θεόκτιστος. 32. b. 6. 22.
 iambrne, Ἰαμβρῆς (אִימְרֵי oder אִימְרֵי
 Levy, Neuhebr. u. chald. Wörter-
 buch II, 246) 4. b. 17; 11. a. 29.
 ianнe, Ἰαννῆς (אִינִי (אִינִי) Levy I. 1.)
 4. b. 16; 11. a. 28.
 iezehel, Ἰεζάβελ, אֵצְבֵּל (3. Reg. 21, 5)
 21. b. 19.
 iernmias, Ἰερεμίας, אִירְמִיָּהוּ 21. b. 27.
 iostina, Ἰουστίνα. 13. b. 8; 17. a. 14;
 30. a. 14; 31. b. 21; 32. a. 31; iost-
 eна 14. a. 5; 31. a. 8. 25. b. 9.
 ic пexс = *incote пexристос, Ἰη-
 соὺς Χριστός. 14. b. 3; 33. a. 26.
 κλαудιος, Κλαύδιος. 30. b. 24.
 киприанос, Κυπριανός. 11. b. 28; 14.
 a. 26; 15. a. 30. b. 24; 16. a. 19. b. 16;
 30. a. 12; 31. a. 3. 24. b. 7. 19; 32.

a. 7. 23. b. 3. 9; voc. киприане
 20. b. 2. 7; 22. b. 12; 23. b. 1; 24.
 b. 22; 28. a. 28.
 манасен, Μανασσῆς, מַנְשֵׁן. 19. a. 4.
 набуотай, Ναβουθαί, נַבְּוּתַי (3. Reg.
 21, 1). 21. b. 22.
 набуотхороносор, Ναβουχοδονόσορ
 נַבְּוּתַחְרֹוֹנוֹסֹר 18. b. 7.
 патлос, Παῦλος. 17. b. 16.
 петрос, Πέτρος. 20. a. 8.
 протрѣнос, Φουλεανός, Fervinus,
 Fervius. 32. b. 15.
 стeфанос, Στέφανος. 17. b. 29.
 *сѣлннн (Hs. сѣлннн), Σελήνη. 2.
 b. 27.
 Xc = *Xристос, Χριστός. 14. a. 30.
 b. 10; 15. a. 14. b. 2. 14; 17. a. 20.
 b. 17. 36; 18. a. 14. 28; 23. b. 2; 28.
 a. 7; 29. a. 27; 30. a. 34; 32. a. 9;
 Xc ic = *Xристос incote, Χρι-
 стός Ἰησοὺς 14. a. 7; 23. b. 2.
 ωснe, Ὠσηέ, וְשִׁי. 21. a. 16.
 ρηλιαс, Ἡλίας, אִיְלִישׁ 21. b. 3.
 ρрентιος, Τερέντιος, Terentius 30. a. 29.
 b. 5.
 ρтраклинс, Ἡρακλῆς. 29. b. 13.

b. Geographische und Völkernamen.

αδαμα, Ἀδαμά, πρῆς (Hos. 11, 8)
 21. a. 18.
 ἀνφοχια, Ἀντιόχεια. 16. b. 23.
 εσεβωειμ, Σεβοσίμ, ⲉⲥⲃⲱⲛⲉⲓⲙ (Hos. 11, 8)
 21. a. 20.
 θραζ, Θραζῆ. 3. a. 27.
 ⲓⲛⲗ = *Ἰσραήλ, Ἰσραήλ ⲗⲥⲣⲏⲩ 19. a
 4. b. 1.
 Ἰσραηλιτικ (verwechselt mit *Ἰεζραη-
 λιτικ) Ἰεζραηλιτικός. ⲓⲗⲥⲣⲏⲩ (3 Reg.
 21, 2) 21. b. 22.
 καλλος, Γάλλος. 31. b. 26.

ⲕⲏⲙⲉ 4. b. 13.
 λακεδαίμων, Λακεδαίμων. 2. b. 23.
 μῆβε, Μέμφις. 4. b. 11.
 ⲛⲓⲕⲱⲙⲏⲧⲓⲁ, Νικομήδεια. 31. b. 24.
 ⲛⲓⲛⲉⲧⲏ ⲓⲛ ρ̄ⲙⲏⲛⲉⲧⲏ, Νινευίτης. 20.
 b. 7.
 ταμασκος, Δαμασκός. 18. a. 1.
 χαλδαίως, Χαλδαίος. 10. a. 12.
 ων, Ὦν = Ἡλιούπολις. 4. b. 12.
 ρεβραιος, Ἐβραῖος, Დⲛ ⲙⲏⲧⲣⲉβⲣⲁⲓⲟⲥ.
 28. b. 34.
 *ρελλας Დⲛ θελλας = τρελλας, Ἐλ-
 λας. 2. b. 22.

IV. Bibelstellen.

Gen. 30, 37. 9. b. 11.
 » 32, 30. 11. a. 4.
 » 43, 11. 9. b. 11.
 Exod. 15, 23. 25. 3. b. 17.
 » 25, 33. 34. 9. b. 11.
 » 37, 20. (16). 9. b. 11.
 Lev. 11, 18. 3. a. 13.
 » 19, 32. 27. a. 17.
 Num. 12, 8. 2. a. 6.
 » 17, 8 (23). 9. b. 11.
 Jud. 5, 6. 3. a. 20.
 II Reg. 6, 9. 29. a. 25.
 III » 21, 1-28. 21. b. 13-25.
 III » 21, 29. 21. b. 5-13.
 IV » 20, 21. 19. a. 4 ff.
 IV » 21, 1 ff. 19. a. 4 ff.
 II Chron. 33, 1 ff. 19. a. 4 ff.
 Hiob 9, 9. 3. a. 1.
 » 38, 31. 3. a. 1.
 Ps. 10 (11), 6. 24. a. 9.
 » 24 (25), 7. 15. b. 4.
 » 39 (40), 3. 7. a. 16.
 » 59 (60), 2 (4). 21. b. 34.
 » 68 (69), 3. 7. a. 16.
 » 68 (69), 15. 7. a. 16.
 » 139 (140), 4. 7. a. 30.
 » 146 (147), 1. 5. a. 2.

Prov. 2, 1. 11. a. 9.
 » 6, 9. 10. 20. b. 34.
 » 22, 14. 3. a. 20.
 » 24, 48. 30. b. 34.
 Eccl. 6, 3. 6. 22. a. 29.
 Cant. 6, 10. 9. b. 11.
 Ies. 13, 15. 24. a. 30.
 » 45, 22. 21. b. 29.
 Ier. 1, 11. 9. b. 11.
 » 5, 11. 12. 25. b. 21ff.
 » 7, 18. 3. a. 4.
 Thr. 2, 19. 3. a. 20.
 Ez. 4, 3. 29. a. 25.
 » 33, 11. 22. a. 16.
 Dan. 2, 33. 41-43. 7. b. 3.
 » 4, 25-34. 18. b. 3-19. a. 3.
 Hos. 11, 8. 21. a. 17. 26.
 Amos 1, 13. 16. b. 26.
 Iona 1, 2. 3, 1. 2. 10. 20. b. 7-25.
 Sap. 2, 10. } 27. a. 17.
 » 4, 9. }
 » 8, 19. 11. a. 23.
 » 12, 26. 4. b. 20.
 Sir. 14, 2. 17. a. 7.
 » 15, 6 (4). 27. a. 17.
 » 18, 11 (13). 20. a. 31.
 » 37, 4. 5. a. 2.

Sir. 50, 12.	27. a. 26.	Act. 19, 19.	18. a. 20.
Tob. 3, 3.	15. b. 4.	Gal. 4, 15.	8. a. 25.
Matth. 3, 8.	23. b. 35.	Ephes. 2, 2.	4. b. 21.
» 5, 24.	16. a. 14.	» 4, 16.	3. b. 24.
» 5, 45.	24. a. 9.	» 6, 12.	4. b. 21.
» 9, 34.	11. b. 3.	II Thess. 2, 4.	1. a. 28.
» 12, 24.	11. b. 3.	I Tim. 1, 13.	15. b. 4.
» 18, 22.	20. a. 8.	I » 1, 13.	17. b. 21.
» 20, 30. 31.	14. a. 30.	I » 1, 13.	18. a. 13.
Joh. 8, 44.	15. b. 25.	I » 2, 4.	24. b. 12.
Act. 1, 18.	30. a. 4.	II » 3, 8.	11. a. 28.
» 7, 42.	3. a. 4.	Hebr. 11, 29.	4. b. 20.
» 7, 60.	17. b. 26.	» 11, 36,	4. b. 20.
» 9, 1. 2.	17. b. 32.	II Petri 2, 22.	7. a. 16.
» 9, 15.	18. a. 9.	II Joh. 12.	2. a. 6.
» 16, 17.	16. a. 29.	III Joh. 14.	2. a. 6.

BERICHTIGUNGEN.

- Seite 3 a. 11 lies $\eta\alpha\psi$ $\eta\sigma\epsilon$ statt $\alpha\psi$ $\eta\sigma\epsilon$.
 » 8 griech. Text l. 4 lies $\acute{\alpha}\rho\pi\eta\nu$ statt $\acute{\alpha}\rho\pi\eta\nu$.
 » 13 b. 13 lies $\alpha\lambda\alpha\beta\omega\lambda\omicron\varsigma$ statt $\lambda\iota\alpha\beta\omega\lambda\omicron\varsigma$.
 » 29 b. 21 » $\eta\epsilon\tau\chi\alpha\rho\iota\zeta\epsilon$ » $\eta\epsilon\tau\chi\alpha\rho\iota\zeta\epsilon$.
 » 35 l. 8 » hässlich ($\sigma\alpha\iota\epsilon$) » öde.
 » 80 a. l. 14 v. u. lies $\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\kappa\tau\omega\varsigma$ statt $\acute{\alpha}\tau\alpha\kappa\tau\acute{\omega}\varsigma$.



ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 7.

Volume IV. № 7.

DES KGL. DÄNISCHEN ENVOYÉ

GEORG GRUND'S

BERICHT ÜBER RUSSLAND IN DEN JAHREN 1705—1710.

NACH DEM IM KGL. DÄNISCHEN REICHSARCHIV ZU KOPENHAGEN
BEFINDLICHEN ORIGINALE MITGETHEILT

VON

G. L. Grove.

Archivsecretär daselbst.

(Der Akademie vorgelegt am 20. September 1895.)



C.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской
Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и Н. Л. Ринкера
въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Ключина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & C^{ie}. et C. Ricker
à St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Var-
sovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 60 к. — Prix: 1 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *П. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

VORWORT DES HERAUSGEBERS.

Im nordischen Kriege waren, wie bekannt, Russland, Polen und Dänemark infolge des Tractats von 1699 Alliierte gegen Schweden. Doch wurde Dänemark von seinem überlegenen Feinde sehr bald gezwungen, die Feindseligkeiten einzustellen und den Frieden in Travendal (im Jahre 1700) zu schliessen. Indessen gab Dänemark noch nicht den Gedanken auf, bei günstiger Gelegenheit den Kampf mit Schweden wieder aufzunehmen, um die alten dänischen Provinzen jenseits des Öresunds wiederzuerlangen, welche Schweden im Jahre 1658 von Dänemark erobert hatte.

Unter diesen Verhältnissen versteht man, wie angelegen es dem dänischen Könige sein musste, der mit dem mächtigeren Schweden nicht allein anbinden konnte, möglichst genaue Aufklärungen über die Macht zu erhalten, auf welche er hauptsächlich angewiesen war um seine Zwecke zu erreichen, nämlich Russland, diese neu auftauchende Grossmacht im Osten, deren Kräfte bisher in Europa noch nicht recht bekannt waren.

Die drei dänischen Gesandten, die im ersten Decenium des XVIII. Jahrhunderts am Hofe Peters des Grossen accreditiert waren, nämlich Paul Heins, der die Allianztractate i. J. 1699 abgeschlossen hatte und in Moskau i. J. 1705 starb, sein Nachfolger Georg Grund von 1705—1709, und dessen Nachfolger Just Juel von 1709—1711, hatten daher auch ihre besondere Aufmerksamkeit darauf gerichtet, möglichst umfassende und genaue Nachrichten über dieses Land zu geben. Ihre in sehr bedeutender Anzahl im dänischen Reichsarchiv aufbewahrten officiellen Relationen zeugen noch von dem angewandten Fleiss, und die Herausgabe derselben würde manche neue Aufklärungen über diese interessante und unruhige Periode der russischen Geschichte bringen.

Ausser diesen officiellen Rapporten, die am meisten die Begebenheiten und Reflexionen darüber nur mehr stückweise umfassen, hinterliess Viceadmiral Just Juel noch ein vollständig geführtes Tagebuch. Seine inhaltreichen und höchst anziehend verfassten Aufzeichnungen über seinen Aufenthalt in Russland von 1709—1711, die im Jahr 1891 im «Русскій Архивъ» von J. Schtscherbatschef im Auszuge (wie auch früher in Dänemark theilweise citirt und benutzt), und i. J. 1893 von mir im dänischen Originaltext¹⁾ vollständig und mit erklärenden Anmerkungen veröffentlicht worden, und gegenwärtig auch russisch²⁾ von J. Schtscherbatschef vollständig und mit Benutzung meiner Anmerkungen herausgegeben werden, dürften von nicht geringem Werthe sein.

Auch Georg Grund hat einen zusammenhängenden (bisher ungedruckten) Bericht über die Zustände in Russland während einer fünfjährigen Periode unmittelbar vor der Ankunft Juels hinterlassen, der ein vorausgehendes Supplement zu des ersteren Aufzeichnungen bildet. Während Juels Aufzeichnungen eher den Charakter eines unterhaltenden Reisetagebuches tragen, giebt aber Grund eine Art Relation oder einen Generalbericht, worin er nach dem Rücktritt von seinem Amte nicht allein Rechenschaft von seiner amtlichen Thätigkeit ablegt, sondern auch seine Beobachtungen über den Zustand Russlands in commerzieller, ökonomischer, militärischer u. a. Beziehung, über den Tzaren, dessen Familie, die hervorragenden Staatsbeamten, u. s. w. übersichtlich mittheilt. Gewiss war dieser Gesamtbericht, der im Jahre 1710 dem Könige überreicht wurde, nicht nur geeignet, den König über den Werth Peters des Grossen als Bundesgenossen aufzuklären, sondern wird auch als gleichzeitiges Zeugnis einer verhängnissvollen Übergangszeit in der Geschichte Russlands stets Beachtung verdienen.

Der Bericht ist in deutscher Sprache niedergeschrieben, und ist hier nach dem im dänischen Reichsarchiv befindlichen Original wörtlich abgedruckt worden. Da die in diesem Documente erwähnten russischen Persönlichkeiten grösstenteils dieselben sind, über welche ich in meinen Anmer-

1) «En Rejse til Rusland under Tsar Peter, Dagbogsoptegnelser af Viceadmiral Just Juel, dansk Gesandt i Rusland 1709—11. Med Illustrationer og oplysende Anmerkninger ved Gerhard L. Grove. København, Gyldendalske Boghandels Forlag, 1893». Ein Bericht über diese Ausgabe wurde vom Prof. Alex. Brückner in der Hamburger Correspondenz (20^{ten} Jan., 3^{ten} u. 17^{ten} Febr. 1894) gedruckt, wie dieselbe auch von Alfred Rambaud im Journal des Débats (3^{ten} Apr. 1894), von W. R. Morfils in der «English Historical Review» (Okt. 1893), und von T. Westrin in der schwedischen «Historisk Tidsskrift» (1894, S. 79—87) u. a. besprochen ist.

2) Записки Юста Юль, датскаго посланника при Петра Великомъ (1709—11), извлекъ изъ Копенгагенскаго Государственнаго Архива и перевелъ съ Датскаго Ю. П. Щербачевъ. Примѣчанія заимствованы у Г. Л. Грове.

kungen zu Juels Journal näheres mitgetheilt habe, so beschränke ich mich hier nur auf wenige Anmerkungen über einige Verhältnisse, welche vielleicht weiterer Aufklärungen bedürfen.

Von dem Verfasser dieses Berichts soll schliesslich noch mitgetheilt werden, dass er in seinen jüngeren Jahren sich auf langen ausländischen Reisen gebildet hatte. Von 1692 bis 1693 hatte er nämlich Christian Gyldenlöve, einen natürlichen Sohn des dänischen Königs Christians V, und in den Jahren 1696—1698 den Prinzen Carl von Dänemark auf ihren Reisen in's Ausland begleitet. Im Jahre 1704 wurde er Mitglied des neu errichteten dänischen Kommerzkollegiums, und i. J. 1705 zum titulären Etatsrath ernannt und als Envoyé extraordinaire nach Russland geschickt. Grund hatte nicht die Genügthuung, den Wiedereintritt Dänemarks als activen Bundesgenossen Russlands durchzusetzen, der durch den russischen Botschafter Vasilij Lukitsch Dolgorukij in Kopenhagen d. 22. Oct. 1709 zu Stande kam. Mit der Ordre, die Ankunft seines Nachfolgers in Moskau abzuwarten, wurde Grund am 18. Dec. 1708 zurückgerufen, worüber er sich in einer Relation vom 20. Febr. 1709 bitter beklagt. Vom Conseil wurde er am 3. Apr. mit folgenden Worten getröstet, dass er sich «gar keine sorgliche oder wiedrige Gedanken zu machen Ursache habe, anerwogen das Motiv zu dieser Entschlieszung an Seiten Ihr. Königl. Mayt. gar nicht dero Disgrace oder Malcontentement über seine Conduite, sondern vielmehr aus angebohrner hohen Königl. Generositet und Clemence auch in allergnädigster Zurückerinnerung dero . . . Königl. Worthes, Krafft deszen die Zeit seines Verbleibens zu Moskow nur auff drey Jahre limitiret worden, zu deszen Soulagement bewogen worden». Doch mag das Hauptmotiv wohl in einer königlichen Resolution vom 22. Okt. 1708 zu suchen sein, in welcher der König, um dem Tzaren seine ernsthaften Absichten betreffs eines Bündnisses zu zeigen, dem russischen Gesandten verspricht: *d'envoyer bientot quelq'un extraordinairement vers Sa Majesté le Tsar*. Auch hat man gewiss dänischerseits diesmal einen Militär vorgezogen, welcher mit grösserem Nutzen dem Tzaren im Felde folgen konnte; erst wurde nämlich Oberst Sprengel zu dieser Mission ausersehen, nachher der damalige Kommandor zur See Just Juel abgeschickt. Grund wurde indessen lange zurückgehalten und erhielt erst am 2. Febr. 1710 seine Abschiedsaudienz mit den gebührenden Ehrenbezeugungen. Doch zeigt er sich (infolge Relation vom 13. Febr. 1710) wenig vergnügt mit seinen Abschiedsgaben, einigen Dutzend Zobelpelzen und dem Bildnisse des Tzaren in Diamanten, da er die ersteren an Beamte aus der Kanzlei und andere, die ihm darum baten, abgeben musste, und das Portrait «n'avait pas d'autre beauté que celle du Représentant». — Nach seiner Rückkehr wurde Grund Praeses der Gesundheitskommission in Kopenhagen,

welche eine sehr traurige und höchst anstrengende aber verdienstvolle Thätigkeit während der Pest ausübte, die im Jahre 1711 c. 23000 Menschen oder über ein Drittel der städtischen Bevölkerung hinwegraffte. Später wurde er zum Landesvogt in Bredstedt und Mitgließe des Obergerichts in Gottorp ernannt, wo sein Tod am 18. Sept. 1729 erfolgte.

Kopenhagen, December 1899.

Gerhard L. Grove,

Archivsekretär im kgl. dänischen Reichsarchiv.

Ann. Der Druck dieser Schrift wurde noch zu Lebzeiten des weiland Akademikers E. Kunik, der ihn angeregt hatte, begonnen, konnte aber erst jetzt beendet werden.

Allerdurchleuchtigster Groszmächtigster

Allergnädigster König und Herr!

Nachdem es Ew: Königl: Mayst: allergnädigst gefallen, mich mit dero ^{Meine} hohem Creditif und Instruction als dero Envoyé Extraordinaire im Jahr ^{Abreise.} 1705 im Monat Septembr. an die jetzt noch regierende Czarische Mayestet 5 Peter Alexewitz alhier zu versehen¹ und solchen importanten Post in allen Gnaden anzuvertrauen, habe Ich, meiner obliegenden Pflicht nach, gleich allen Fleisz angewand umb mich fordersahmbst auf die Reyse zu begeben, und bin also mit der mir dazu allergnädigst verordneten Fregatte, der Postillon genandt, am 3^{ten} Octobr: von der hiesigen Rehde im Nahmen 10 Gottes zu Seegel gegangen. Da den so fort einen so groszen Sturm gehabt, das meinen sonst nach der Pillau eingerichteten Cours ändern, und in den kleinen Haffen Christiansöede bei Bornholm auf etliche Tage einlauffen müssen, also das Ich nicht ehe als den 12. ditto zu Pillau und den 13. zu Königsberg angelanget, da Ich einige tage mit Einrichtung meiner Equi- 15 pagie zugebracht, und mich nicht ehe als den 24^{ten} Ditto weiter zu Lande auf die Reyse begeben können, da ich meinen Weg durch Preusen über Johannesburg nach Lithauen zugenommen, weiln Ich benachrichtiget ward, das der Czar für seine Person zu Tycochin befindlich, das Hauptquartier aber zu Grodno wäre. Weshalben Ich dan von den Preusischen Gräntzen 20 meine bagage nach diesem Orth geschicket, für meine Persohn aber mich nach dem Czaren begeben, den Ich auch das glück gehabt am 4^{ten} Novembr: ^{Ankunfft bey dem Czaren.} zu gedachten Tycochin einzuhohlen, und habe daselbst alsofort meine An- kunfft dem damahligen Czarischen Grosz Cantzler Graffen von Gallowin vermelden und ersuchen laszen, Ihm daselbst zu sprechen, umb von der mir 25 allergnädigst anvertraueten Commission weiter part zu geben, damit Er solches Ihre Czarische Mayestet hinterbringen, und mir bey derselben audience verschaffen könnte. Worauf der Grosz Cantzeler mir ein gegen Compliment wegen meiner glücklichen ankunfft machen laszen und des

folgenden Tages in aller Frühe seinen Wagen geschicket, umb zu Ihm zu kommen, da Er sich sogleich entschuldiget, dasz sie an einem so unbequemen Orthe nicht mehr Ceremonien macheten, sondern desfalls bis zur andern beqvemern Zeit dilation bitten müsten, weiln Ihre Königl: Mayst von 5 Pohlen auch eben des vorigen tages alda angelanget, die sie ebenfals nicht nach willen und gebühr bewirthen könnten. Indeszen aber wäre Ich doch von Hertzen willkommen, und würde wegen der genauen alliance² und guthen Vernehmens von selbst erachten, dasz sie diese excuse aus keinen bösen Willen hervor sucheten, und offerirten mir deswegen das, wan Ich bey Ihre

Audience. Czarische May^t ein privat audience haben wolte, es so gleich geschehen 10 könnte, worauf, wie Ich geantwortet, das an den Ceremonien bey solcher Conjunction im Felde endlich nicht viel gelegen, in dem Ich persuadiret wäre, das sie mir, als einem Ministro von einem in so genauer alliance mit dem Czaren stehenden Könige darin nichtes, was Herkommens versagen 15 würden, und es also für eine Gnade achtete, wan Ich Ihre Czar: May^t: je ehe je lieber die Reverence machen könnte. Welches, wie es sehr wohl aufgenommen ward, so kahmen auch nicht lange darnach Ihre Czaarische Mayst: ins Zimmer getreten, zu der mich der Grosz-Cantzler führete, und mir Gelegenheit gab, mein Gewerbe³ anzubringen, wie in meiner aller- 20 unterthänigsten Relation vom 6 Nov: A^o 1705 mit mehren vermeldet, worin damahls alle Complimenten von meiner reception bestanden, nur dasz Ich, weiln der Czar des 3^{ten} tages darauf von dar nach Grodno gereyset, und Ich dahin gefolget, daselbst Ihre Czaarische Mayst: mein Creditif in beysein des gantzen Hoffes präsentiret und darauff zur antwort bekommen: Es 25 solten mir hinführo Ihre Czaar: Mayst: Hoff und der Zutritt zu ihnen alle-

Conference. zeit offen stehen, und wan Ich weiter etwas vorzubringen oder zu conferiren hette, so solte Ich mich nur an den Grosz Cantzler adressiren, der mir in allem gutte Antwort und Nachricht zu geben befehliget wäre. Welchem nach Ich dan auch zu gedachtem Grodno einige Conferenzen mit dem Herrn Grosz 30 Cantzler und anderen dazu Deputirten Bojaren gehabt, umb zu vernehmen, was des Czaarn Gedanken und Intention von dem dahmaligen Zustande der Sachen wären, da man mir gleich proponiret, wie Ihre Czarische Mayst sehr wünschet, das Ew: Königl: Mayst: je ehe je lieber der Sachen mit beytreten, und den Krieg gegen Schweden declariren möchten, nicht zwar 35 wie der Grosz Cantzler mir expresse dabey sagete, umb Ihrent willen, indem sie vermeineten, der Macht des Königs von Schweden mit Ihrer und der aus Sachsen damahls erwartenden Armée von $\frac{m}{24}$ Mann genugsahm gewachsen zu sein, sondern wegen Ew: Königl: Mayst: eigenem Interesse, dieweil sie schwerlich eine so gute Gelegenheit wieder finden würden Ihre Gerechtig- 40 sahme⁴ zu vindiciren. Welches wie es mit Ew. Königl: Mayst: allergnädigsten

Instruction, vermöge welcher Ich alle engagements bisz fernere ordre decliniren solte, gar nicht übereinkahm, so habe Ich auf dergleichen propositiones nur generaliter geantwortet, und von Ew: Königl: Majst guten und aufrichtigen Intention versicherung gethan; im übrigen aber des Czarn und deszen armée damahligen Zustand, so viel möglich gewesen, observiret, da 5 dan fürs erste befunden, das die Moscovitische Armée dazumahlen aufs höchste $\frac{m}{40}$ Mann starck gewesen, wie die davon überschickte Liste, welche alhie nochmahls in aller unterthänigkeit mit beyfuge, solches specificiret. Und wahr dieselbige von Churland an bisz an die Weichsel verleget, jedoch das das gros von der Infanterie sich zu Grodno befand, alwo man eine 10 Retrenchement von fachinen sambt einen ziemlichen Graben gemacht hatte, so hernach mit groszer reputation von dem Feld Marschal Ogilby gegen den König von Schweden defendiret ward.

Damahliger Zustand von der Czaren Armée.

SPECIFICATION

Ihro Gross Czaar: May st : regulirten Reg ^{mten} :		15
Infanterie und Cavallerie A ^o 1705.		
Preobrasinskij	4 Bataillons	
Simonofskij	3 »	
Ingermanlandskij	3 »	
Feld M: Schermetoff	2 »	20
Feld M: Ogilbij	2 »	
General Reppenin	2 »	
General Chambers	2 »	
General Scharpf	2 »	
von Schweden	2 »	25
Buttirski	2 »	
Gülitz	2 »	
Augustoff	2 »	
Meves	2 »	
Ridder	2 »	30
Angler	2 »	
Deduit	2 »	
von Delden	2 »	
Powisch	2 »	
Kelling	2 »	35
Assenius	2 »	
Balck	2 »	
Gollofki	2 »	
Butterer	2 »	
Lange	2 »	40
Major Schermetoff	2 »	

Summa Reg^{mten}: 25:

54 Bataillons

Dragoner Regimenter Litthauer und Pohlen.

	Rönne	5 Esquadrons
	Hensken	5 »
	Pflug	5 »
5	Schauenburg	5 »
	Nettelhorst	5 »
	Ostafski	5 »
	Ger[s]torff	5 »
	Alexander Wolchonskij . .	5 »
10	Stoltz	5 »
	Hein	5 »
	<hr/>	
	Summa . . .	50 Esquadrons

In Churland.

	Rosen	5 Esquadrons
15	Bauer	5 »
	G: Wolchonskij	5 »

Es waren aber diese $\frac{m}{40}$ noch dabey in sehr schlechten Zustande, weilm es noch an der discipline und erfahrenen Officieren fehlete, die deszen ohngeachtet doch schon anfangen allerhand Jalousie unter sich spühren zu laszen, und sich also in zwey partheyen theilten, dadurch den Feld Marschalch Ogilbij auch ausgedrungen, und der Fürst Menchikoph zum General von der Cavallerie gesetzt ward. Doch hetten der Czaar und seine Generals dabey guten Muth, und getraueten sich dem König von Schweden den Kopf zu bieten, sprachen auch deswegen von nichtes anders, als batailliren, und dasz sie zu dem Ende dahin gekommen, da sie sonst wohl hetten Reuel und Pernau wegnehmen können, aber man hette darin dem König von Pohlen einen Dienst thun wollen, umb die Crönung des Stanislai zu wehren, als bey welcher, bey so gestalten Sachen, wohl niemand von den Pohlnischen Magnaten assistiren würde. In der that aber wüsten sie noch selbst nicht, was sie thun würden, wan es da zu kommen solte, und Ihre meiste Zuversicht war auf des Königs von Pohlen seine Armée in Sachsen, welche dem König von Schweden so fort nach seinem Aufbruch von Blonie in den Rücken marchiren solte; auf welche Art, Ihrem Erachten nach, der König von Schweden gegen beyde nicht würde subsistiren können. Weshalben sie dan auch dem König von Pohlen sehr caressirten und damahls viel Geld auszahlen lieszen, damit ja der Aufbruch selbiger Armée nicht manqviren mögte.

Es war aber dabey zu spühren, dasz die bezeigende vertraulichkeit von beyden Seiten nicht gar mit denen innerlichen Gedancken überein kahn, davon das fundament dieses war, das der König von Pohlen mit denen nach dem Birsischen Tractat stipulirten Subsidien nicht zu frieden wahr, sondern dieselbige vergrößert wiszen wolte, der Czaar aber glaubete, das die schon bezahlte Subsidien niemahls zu verpflegung seiner Trouppen wären angewand worden, Insonderheit, da Er solches in Grodno selbst sahe, dasz die alda ausgezahlete $\frac{m}{200}$ Rubels mehrentheils den favoriten durch presenten, abzahlung Ihrer Gage, und das Spiel zu theil würden; weszwegen dan auch der Czar gegen weynachten davon nach Moscow reysete, und der König Augustus in das Dessen der seinigen, den Geheimbten Rath Patcul in arrest zu nehmen, heimlich consentirte; worauf Pfingsten anfang sich bey Ihm ein zu finden, deszen Unterhandlung dem Czarischen Ambassadeur zwar etwas verdächtig vorkahm, man wolte sich aber nichtes mercken laszen; wie aber darauf die bataille bey Frauenstadt verlohren ward, und die Schweden der Czarischen Armée im Früh Jahr 1706 aus Lithauen bis fast nach Kiof folgten und bald von dar sich wieder zurück nach Sachsen wendeten, so trat man zwar nochmahls zusammen, und ward am 18 Octobr. selbigen 1706^{ten} Jahres eine ansehnliche Victorie bey Kalisch in Grosz Pohlen befochten, aber unter der Hand hatte der König von Pohlen den alt Ranstätschen Frieden schon geschlossen, also das kurtz darauf die 2500 gefangene Schweden von dem König von Pohlen wieder los gelaszen, und die gute Freundschaft mit dem Czaren dadurch gantz unterbrochen ward. Worauf dan der Czar, nach dem Er benachrichtiget worden, dasz der König von Schweden eine sehr considerable Armée in Sachsen beysammen zu bringen trachtete, und überdehm das Liefländische Corpo wieder durch transporten und werbungen sehr verstärcken liesz, auch sich keine Gelegenheit für Ihm ereugen wolte, durch Vermittelung von anderen Puissancen als Franckreich oder der hohen Aliirten aus der Sache zu kommen, die Resolution faszete, den Krieg allein gegen Schweden zu continuiren und deszfals seine Armée aufs möglichste so viel man Gewehr, Mundierung und Officier würde beysammen bringen können, zu augmentiren, und solchem nach kahn des Czaren Armée in Jahr 1707 auf den Fues von 65000 Mann effectif, wie beygeschlossene Liste mit mehrem ausweiset.

Übeles Verständniß zwischen dem Könige von Pohlen und dem Czaaren.

Von Ihre Czaarische Mayst Haupt Armée in Pohlen A^o 1707,

Infanterie.

	Regimenter:	1. Preobrasinski	4	Bataillons	2400	Mann
5		2. Simonofski	3	»	1800	»
		3. Ingermanlandski	3	»	1800	»
		4. Schermetoff, Petersburg	3	»	1800	»
		5. Gollofkin	3	»	1800	»
		6. Graf Friese Brigad.	3	»	1800	»
10		7. Repnin, G: v: der Inf:	2	»	1200	»
		8. Allard, Gen: Lieut:	2	»	1200	»
		9. Jambers, Gen: Major	2	»	1200	»
		10. Belling, Gen: Major	2	»	1200	»
		11. Dedit, Gen: Major	2	»	1200	»
15		12. von Schweden, Gen: Maj:	2	»	1200	»
		13. Butteler	2	»	1200	»
		14. Butterski, Obr:	2	»	1200	»
		15. Meus, Obr:	2	»	1200	»
		16. Augustoff, Obr:	2	»	1200	»
20		17. Lang, Obr:	2	»	1200	»
		18. Hering, Obr:	2	»	1200	»
		19. Gallitzin, Gen: Maj:	2	»	1200	»
		20. Gollowin	2	»	1200	»
		21. Jung Schermetoff	2	»	1200	»
25		22. Kelling, Obr:	2	»	1200	»
		23. Hassenius, Obrist	2	»	1200	»
		24. Schlüsseb: Obrist	2	»	1200	»
		25. Seillenheimb	2	»	1200	»
		26. Dolgoroucki	2	»	1200	»
30	Summa 26 Regiment		59	Bataillons	35400	Mann

T E

so damahls auf den teutschen Fus gekleidet und exerciret wahr.

Cavallerie.

Regiment	1. Gardes du Corps. Kn: Menschikoph	2 Esqu.	500 Mann	
	2. Moscofski. Gen: L ^t : Rönne	2 »	1000 »	5
	3. Kiofski. Gen: L ^t : Bauer	2 »	1000 »	
	4. Trojetski. Pr: v: Darmstadt	2 »	1000 »	
	5. Casanski. Obr: Heidenreich	2 »	1000 »	
	6. Astracanski. Obr: Milerfels	2 »	1000 »	
	7. Sibirski. Gen: May: Pflug	2 »	1000 »	10
	8. Smolenski. Kn: Gagarin	2 »	1000 »	
	9. Wlodomirski. Obr: Miserski	2 »	1000 »	
	10. Novogorodski. Obr: Wolcofski	2 »	1000 »	
	11. Pleskofski. Obr: Ifland	2 »	1000 »	
	12. Twerski. Obr: Schultz	2 »	1000 »	15
	13. Permski. Obr: Gorbow	2 »	1000 »	
	14. Nisigrodski. Gen: Maj: Behm	2 »	1000 »	
	15. Czernikofski. Br: Stolz	2 »	1000 »	
	16. Wiotskij. Obr: Walicofski	2 »	1000 »	
	17. Resianski. Gr: M. Hein	2 »	1000 »	20
	18. Rostofski. Obr: Com: Streschnef	2 »	1000 »	
	19. Jareslauvski. Obr: Wolconski	2 »	1000 »	
	20. Bialosirski. Obr: Apraxin	2 »	1000 »	
	21. Petersburgski. Gen: Lt: Hensken	2 »	1000 »	
	22. Schermetoff	2 »	1000 »	25
	23. Menchikoph	2 »	1000 »	
	24. Iwan Iwanowitz. Obr:	2 »	1000 »	
	25. Fasman. Obr:	2 »	1000 »	
	26. Wernick. Obr:	2 »	1000 »	
sind noch im march anhero be- griffen.	27. Gagarin	2 »	1000 »	30
	28. Wolcofski	2 »	1000 »	
	29. Wlodomier Schermettoff	2 »	1000 »	
	30. Pluskin	2 »	1000 »	
	31. Rensch	2 »	1200 »	

Summa 31 Regiment:

62 Esqu. 30700 Mann 35

LISTE

von der Generalität in Pohlen dieses Jahr.

Infanterie.

Feld M: Schermetoff.
 5 Gen: v: der Inf: Knees Repnin.
 Gen: Lieut: Allard.
 Gen: Major Chambers.
 Gen: Major Dedit.
 Gen: Major Schweden.
 10 Gen: Major Belling.
 Gen: M: von Werden.
 Gen: M: Gelchin.
 Gen: M: Nostitz.
 Brigad: Graff Friise.
 15 Brig: Butterer.

Cavallerie.

Gen: v: der Knees Menschikoph.
 Gen: Lt: Pz: von Darmstadt.
 Gen: Lieut: Rönne.
 Gen: Lieut: Bauer.
 Gen: Lieut: Hensken.
 Gen: Major Pflug.
 Gen: Major Hein.
 Gen: Major Corboff.
 Gen: Major Böhm.
 Gen: Major Rensch.

Artillerie.

Gen: Lieut: Bruce.
 Obrist: Günther.
 Obrist L: Janson.

20

Ingenieurs.

Oberst C: Colomb.
 Oberst Z: Heinsohn.
 Brille.
 Scharbeck.
 Roose.
 Holtzmann.

Svite von
 meiner
 Negotiation.

Mit meiner Negotiation hatte es indeszen seit meiner abreyse aus Grodno die Bewandnisz, das wie damahls die Euthinische Sache⁵ einige mouvements
 25 in Holstein veranlaszete, und dasz Ruszische Ministerium nach des Königs von Schweden passagie von der Weichszel und heraufrückung in Litthauen bald sahe, dasz sie sich in Ihrer Rechnung dem Feinde allein widerstand zu thun, zu viel flattiret, so fing der Sehl: Grosz Cantzler Gallowin in Moscow an, von einer neuen alliance, die Er zuvor in Grodno Ew: Königl:
 30 May^t: eigenem Guttbefinden anheimb gestellet mit Ernst zu reden, wovon Ich damahls allerunterthänigsten raportt abstattete und darauf allergnädigsten befehl erhielt, zu sondiren, was man Ew: Königl: Mayst: den eigentlich für conditiones offerirte. Worauf mir von dem Sehl: Grosz Cantzler unter seiner Hand die Antwort zugestellet würde, wie sie auch gleich
 35 darauff allerunterthänigst überschicket, nemlich das man 1., niemahls keinen als gemeinschaftlichen Frieden eingehen 2., Auf Ew: Königl: May^t: begehren, deroselben eine gewisse anzahl wohl disciplinirte Krieges trouppen zu-

schicken, und 3^{tens} dero flotte mit einem regulirten qvanto von vivres oder victualien versehen wolte, welches man dem ansehen nach, noch wohl verbeszert hette, aber von dem Geld punct wolte man allezeit, als einer Ihnen unmöglichen Sache abstrahiren. Welches, weiln es der Hautb Articul sein solte, und die Euthinische Sache kurtz darauf⁶ verglichen ward, zu dem 5 auch der Schweden grosze Verlaszung in Sachszen sehr bedenecklich fiel, so bekam Ich ordre mich ferner in keine negotiation, weder schriftlich noch mündlich einzulaszen. Worauf wie kurtz hernach der Sehl: Graff Gollowin auf der hinreyse nach Kiof starb und man mich ferner zu keiner Explication in der Sache bringen könnte, so fing man an mich zu negligiren und den 10 übrigen Envoyès von Engelland und Preuszen gleich die gantze Campagne übersitzen zu laszen unter dem vorwand, man könnte bey denselben, so lange Ich nichts vorzubringen hette, keine Jalousie veranlaszen, womit mich das Jahr A° 1706 so müste zu frieden geben. Doch brachte Ich es im Winter noch wieder so weit, dasz Ich im Früh Jahr 1707 die Erlaubnisz bekam 15 wieder nach Pohlen zu kommen, woselbst Ihre Czaar: Mayst: im Junio zu Lublin antraff; weiln Ich aber wiederumb nichts vorzubringen hette, so fingen sie auch von neuen wieder an Ihr Miszvergnügen spühren zu laszen, weile sie täglich gefährlichere zeitungen von des Königs von Schweden armatur bekahmen, und auch in groszen Streitigkeiten mit den conföderirten 20 Pohlen, so wohl wegen der Wahl eines neuen Königes, als auch derselbigen nation stipulirten Subsidien gegen die wiederumb prætendirende verpflegung von Ihrer Armée, vorfiehlen. Ohn allein weiln Ich doch einige Nachricht geben könnte von desz Königs von Schweden occupationes in Sachszen wegen der mit dem H^{rn} Geheimbten Rath von Jessen⁷ habenden Correspondence, 25 item den Czarn zu erst warnete, das sich auf die negotiationes von den Frantzösischen Ministris, als Bonac, Besewal, und des Alleurs, wie auch von Madame Senafski gantz nicht zu verlaszen, sondern das der Czar ferner den Krieg continuiren müste, weiln der König von Schweden von keinen anderen Frieden hören wolte, als das der Czar alles restituiren, von Pohlen 30 ganz abstrahiren, den Stanislaum erkennen, und die Krieges Umkosten bezahlen solte, so ging es noch so hin, dasz Ich nicht gleich dem Preusischen Envoyé Kayserling brusqviret, sondern nur gegen weynachten, da die Schweden wieder aus Sachszen in Pohlen einzurücken beginneten, nach Moscow zu reysen ersuchet ward, da Ich indeszen schon einiger maszen ersehen kön- 35 nen, was man gegen selbigen Feind für mesüres genommen, wie selbiges auch dazumahl in aller Unterthänigkeit vermeldet: nemlich, das alles, was man von Defendirung der Weichsel und anderen Ströhmen in Pohlen, als der Nerve des Bugs und der Memel spargirete, nur kleine Aufhaltungen sein dürfften, und das der Czar es nimmer zu battallie würde kommen laszen, 40

ehe der Feind bisz an die Gräntzen seiner Lande würde gekommen seyn; zu welchem Ende dan auch die ordres schon ergangen waren, an der Niepre, zu Kopitz, und Kiof, und an der Düne, zu Polotzko, grosze retrenchementen aufzuwerffen, davon Ich das erste zu Kopitz noch im Rückwege besehen und
 5 solcher gestalt im Januario 1708 wieder in Moscau angelanget. Von welcher zeit an meine Negotation in nichtes anders bestanden, als dasz nur gegen einen heimblichen und præcipirten Frieden einige Vorstellungen durch Brieffe gethan, wie es Insonderheit zu der zeit von nöthen war, da der König von Schweden in der Ukraine stand, und sich umb selben durch den
 10 von Klinten mit Ernst bewerben liesz, auch zu Lebedinof vielleicht zum Schlusz damit gekommen wäre, wan nicht dazumahl Ew: Königl: Mayst: angefangen hetten den hiesigen Czaarischen Ambassadeur beszer Gehör zu geben, welches die rosolutiones von dem Czarn verzögert, also das sie der König von Schweden nicht abwarten können, sondern weiln es Ihm unmög-
 15 lich wahr, bey Haditz, zwischen den Ströhmen im Frühling zu subsistiren, sich nach Pultava wenden müssen, da Er A^o 1709 d. 27 Junij wie bekand totaliter geschlagen worden. Welches wie es den gantzen zustand der dortigen affairen glücklich verändert, und Ich kurtz vorher von Ew: Königl: Maj^t: in allen Gnaden rappelliret worden, so habe solches dazumahl Ihre
 20 Czar: Mayst: und den neuen Grosz Cantzler Gollofkin durch Schreiben vermeldet, und folglich von allen negotiationen aus mangel fernerer Instruction bisz zur ankunfft meines Successoris des H^{rn} Commendeur Jueln⁸ abstrahiret, auch mich weiter umb nichtes beworben, als das mit Reputation aus der Sache kommen, und zu dem Ende mich bey Ihre Czaarische Mayst: durch
 25 eine publique audience formlich beuhrlauben mögte, wohin es den auch endlich im Januario 1710 in der Czarischen Residens Moscow gebracht, wie solches an Ew: Königl: May^t: mit allen umbständen, meiner allerunterthänigsten schuldigkeit nach, vermeldet und alhier zu wiederhohlen zu weit-
 30 weilig gewesen, in dem wegen der Pest und des Krieges mit Schweden meinen weg über Kiof, durch ganz Pohlen, Schleszien, Böhmen, Sachszen und langst der Elbe nach Hamburg nehmen müssen, aber doch Gott lob! so glücklich geendet, das am 4^{ten} Julij dieses Jahres mich Ew: Königl: May^t: wieder nähern und die Versicherung dero hohen Königlichen Gnade aus dero eige-
 35 nem Munde in allen Gnaden vernehmen können.

Fernere
 Erfolg des
 Krieges.

Da aber indeszen, nach meiner wiederkunfft aus Pohlen, die rechten Operationes des Königs von Schweden erst angefangen, und der Bericht davon bis zum Triumph des Czaaren in Moscov auch vielleicht zu einigen Gedancken dienlich sein kan, so wende mich wieder zu denselben, und lieffen
 40 also gleich im Januario 1708 davon die Nachrichten in Moscow ein, dasz

der König von Schweden mit seiner in Sachsen formirten considerablen Armée von etliche $\frac{m}{40}$ Mann schon in Anmarsch wäre; da es dan zu erst das Ansehen hette, weiln der Feind seinen Marsch über Grodno nach Vilna Smergognen und Berezena nahm, als das er durch forcirung des retrenchements bey Polotsko ins Land dringen wolte, weiln Novogrod, Veliki Lucki und Pleskow nicht weit von dannen, da er fürs erste hette Sedem belli etabliren, und nach dem er die beyden considerablen Corpo von Lewenhaupt aus Lief-land und von Lübecker aus Finlandt erwartet, Narva wiedernehmen, die Czarische flotte sambt Petersburg ruiniren und so mit aller force in Rusz-land einbrechen können. Welches dan, wie es an sich selbst sehr gefährlich wahr, noch schlimmer würde gewesen seyn, wan wieder Unser vermuthen Mazeppa mit im Spiel gekommen wäre. Aber damahls scheint es, das Gott sonderlich die Hand mit im Spiel gehabt. Dan weiln an der Düna im Früh Jahr die wege was impracticables wegen der Moraste sind, und der Feind al zu hitzig in seinen Anschlägen war, so Resolvirte Er selbigen Ströhm zu verlaszen und nach der Niepre zu marchiren, ehe Lewenhaupt und Lübecker mit Ihren trouppen zu Ihm stoszen könnten, marchirte also in aller Eile dahin, aber Er verfiel nicht allein daselbst ebenfals in grosze morastische Örter an der Bobbe, sondern es begonnete ihm auch an Lebens Mitteln zu Manqviren, wodurch deszen Macht am ersten geschwächet ward! dan es 20 begunten nicht allein die teutschen trouppen zu desertiren, sondern es sturben auch viele davon und wurden marodé, also das man Russischer Seiten einige Hoffnung von gutem Succes der Sachen bekamh, Insonderheit da indeszen auch der Gen: Lieutenant Bauer mit seinem an der Düna zurück erbliebenem detachment des Obristen Brömsen Cavallerie sambt dem Livischen Regiment Infanterie bey Wesenberg totaliter schlug.

Doch aber hatte der Feind die Nachricht erhalten, wie die Czaarische Armée an der Niepre eingetheilet war, und das eine division davon den post bey Hollotzin unter Commando des General Fürsten von Replin occupirte, welchen er daselbst eines zu versetzen vornahm und am 12^{ten} Augustij ins Werck stellte, auch so viel ausrichtete, das die Moscowiter in confusion kahmen und also den post abandonniren müsten, worüber wohl his 1500 Mann verlohren gingen; welches zwar einiger Maszen von Importantz wahr, wie es dan auch der Feind als eine grosze Victoire ausgeschrien, aber doch hat Er auch keine seyde dabey gesponnen, sondern ebenfals viel Leuthe verlohren, wie es der General Adjutant Canifer, der bald darauf gefangen ward, ausgesaget.

Der Czar aber müste sich doch mit seiner Armée darauf, nachdehm er alles zu Mohilow ruiniret, vor der Niepre nach Horcki gegen Smolensko zurück ziehen, da der Feind die Niepre in der Eile ohne Widerstand passirte, 40

aber dadurch dergestalt von Lebens Mitteln entblöszet wardt, dasz es ihm
 unmöglich wahr, die Ruszen zu verfolgen, sondern müste sich nach Circassen
 und folgendes Cosaqven Land wenden, da Er dan erstlich zwischen die beyde
 Ströhme biella und schorna Nappa oder weise und schwartze Nappa zu ste-
 5 hen kam, nachdem Ihm die Ruszen allenthalben, wegen Ihrer leichten Ca-
 vallerie, vorgebeuget und in der Stadt Mizirslau posto gefaszet hatten. Wo-
 rüber die Ruszen auch zweymahl, als den 30^{ten} und 31^{ten} Augustij St: ve-
 teri Gelegenheit bekahmen den Feind zu attaqviren, und Ihm ziemlichen
 schaden zu thun, also dasz Er sich weiter hinunter an die Desa ziehen müste;
 10 da man sich Ruszischer seiten ihm'entgegenstellete, umb die passage davon
 samt den Cosaqven, denen man damahls noch alles zutrauete, zu verwehren.
 Es presireten sich aber die Schweden damahls nicht, sonder zweiffel umb die
 Ankunfft von Leuenhaupt erst zu erwarten, von deszen anmarch aber der
 Czar Nachricht bekam und deszwegen mit einem Corpo von $\frac{m}{10}$ Mann Ihm
 15 entgegen ging, auch zugleich an den Gen: Lieut: Bauern die ordre schickte,
 mit seinem corpo von 3000 pferden, die man von der Düne hinweg gezogen,
 cito zu Ihm zu stoszen, welches auch so wohl reussirte, dasz sie nach einen
 5 tägigen March den Feind bei Propoisch antreffen und folgenden tages nem-
 lich d. 9. Octobr: totaliter schlugen, so das von dem Leuenhauptischen Corpo
 20 von $\frac{m}{14}$ Mann, die er aufs wenigste bey sich hatte, nicht zwey rechte Regi-
 menter und in allen nicht $\frac{m}{6}$ Mann, die sich über den Sost Strohm salviret,
 gesund ankahmen, und indeßen alle ihre bagage von etliche 1000 wagen
 sambt allen Canonen im stiche lieszen, wie die am 24^{ten} Octobr. davon al-
 lerunterthänigst gethane Vermeldung solches mit mehrem ausweiset; worauf
 25 aber bald hernach die Verrätherei von dem Mazeppa ausbrach, dadurch Je-
 dermänniglichen Erachten nach, des Czaaren waffen wiederumb in gröszer
 Gefahr gesetzt wurden, aber damahls thate die Vigilance des Fürsten Men-
 chikophs das beste, der selbige nicht allein am ersten entdeckte, sondern
 auch zugleich einige Regimenter zu sich nahm und damit den Residentz von
 30 Mazeppa Baturien bestürmete, worin Er allen für den Feind verwahreten
 Vorrath von vivres, ammunition, sambt einer Artillerie von 70 Metallene
 Canonen fandt; welche Entreprise viele Cosaqven stutzig machte, also das
 der Feind die Desna zu späte passirete, und sonder zweiffel von der zeit
 an gespühret, dasz Er seine Mesures falsch genommen. Dan darauf kahn
 35 bald der starke Winter, da das feindtliche Haupt quartier zu Romno und
 des Czaarn zu Lebedinof wahr, woselbst man Moscowitischer seiten obser-
 virte, dasz die feindtliche absichten auf Wipritsch und die dahinter liegende
 Stadt Aftyreki gerichtet waren, weshalben man in beyde Garnisons legete
 und insonderheit den letztern Orth zu fortificiren befahl. Der feind aber säu-
 40 mete auch nicht, sondern rückte für dem ersten und resolvirte selbigen mit

Bataille bey
 Propoisch
 d. $\frac{9. \text{ Sbr.}}{28. \text{ Sept.}}$

den degen in der Faust zu forciren, verlor aber dafür über 1200 Mann; die beyden Obristen Sperlings und der Feld M: Rheinschild ward in der Seiten blessiret, doch ward der Orth solcher gestalt bezwungen, und die darin sich befindende Garnison sambt dem Obristen Ferber zu Kriegesgefangene gemacht. Weiln aber Aftyрки etwas weiter endlegen, und der Feind durch die erste entreprise nichtes gewonnen, die fourage auch bey Ihn gänzlich consumiret wahr, so ward darauf von Ihm in der größten Kälte der March nach Halitsch vorgenommen, auf welchem der Gefangenen einhalligen vernehmen nach, über $\frac{m}{3}$ Mann gestorben oder solcher gestalt ruiniret worden, dasz sie nimmermehr einige Dienste thun können. Des Czaarn Armée rückte darauf nach Carkoff, und weiln man sichere Nachricht erhalten, das die Schwedischen Generals Crassau und Ritterhelm mit einem corpo von $\frac{m}{10}$ Mann Schwedischer und Polnischer trouppen im anzuge waren, so wurden der Feld Marschal Lieut: Goltze, der General Lieut: D'albon, Gen: Major Gallitzin und Gen: Major Gordon mit einem Detachement von $\frac{m}{12}$ Mann nach Wolinien geschicket, die sich erst bey Bialazerski setzten, den Orth auch, worin der Mazeppa noch viele Sachen hette, wegnehmen, und so weiter bis Polona avancirten, da eine von Ihnen aus commandirte Parthey ohnweit Ostrog und Dubno einige Sappianer in den quartieren überrumpelte, und viele Gefangen davon nach Kiof schickete, worauf der Feind, sich über den Prepetz zurück zog, und dem Feld Marschalck Goltzen also gantz Wolinien überliesz. Bey der Haupt-Armée aber in der Ukraine passirete weiter nichtes, als was die Partheyen ausrichteten, davon eine nahe bey Aftyрки bald sehr übel für den Fürsten Menschikoph ausgeschlagen wäre, indem Er mit seinem bey sich habenden Leuthen des Nachtes in einem Kloster verweilet, und daselbst von dem Feinde wahr ausgekundschaftet worden, worauf derselbe des Morgens das Kloster berennete und so starck besetzte, das die Ruszen nur kaum endkamen und alle Ihre Bagagie in stiche laszen müsten, welches den Gen: Major Schaumburg am meisten betroffen, in dem Er nichtes als das pferd, darauf er gesessen mit zurück brachte. Auch wäre der Fürst Menschikoph und die übrigen sonder zweiffel alle gefangen genommen worden, wan nicht der grosze Schnee den Fein[d] gehindert, Ihnen vorzubeugen, weshalben Er sich mit einigen von den letzten vergnügen müszen.

Indeszen hatte der Czar den besten theil der Stadt Moscow fortificiren, viele neue Recruten verschrieben, und das Corpo, welches der General Apraxin bis dahin in Ingermanland commandiret, auch nach der Ukraine kommen laszen, also das Er im anfang des 1709^{ten} Jahres daselbst eine Armée von 93000 Mann regulirter trouppen auf den beinen hette, wie beygefügte Liste mit mehrem ausweiset.

von Ihre Czaarische Mayst: Haupt Armée, welche anjetzo in der Ukraine oder Cosaqven lan

Infanterie

Regimenter			Bataillons	Mann
	1. Prebrasenski Garde		4	2400
5	» 2. Simonofski Garde		3	1800
	» 3. Ingermanlandski Garde		3	1800
	» 4. Moscovski		2	1200
	» 5. Buttnrski		2	1200
	» 6. Kiofski		3	1800
10	» 7. Casanski		3	1800
	» 8. Sibirski		4	2400
	» 9. Narwski		3	1800
	» 10. Astracanski		2	1200
	» 11. Rosanski		2	1200
15	» 12. Wetski		2	1200
	» 13. Schernikofski		2	1200
	» 14. Lutski		2	1200
	» 15. Weroniski		2	1200
	» 16. Olonietski		2	1200
20	» 17. Schlüsselburgski		2	1200
	» 18. Novogorodski		2	1200
	» 19. Pskofski		2	1200
	» 20. Belgorodski		2	1200
	» 21. Kargopolski		2	1200
25	» 22. Rostofski		2	1200
	» 23. Tobolski		2	1290
	» 24. Kaporski		2	1200
	» 25. Peterburgski		2	1200
	» 26. Permski		2	1200
30	» 27. Troitski		2	1200
	» 28. Lafortski		2	1200
	» 29. Rentzel		2	1200
	» 30. Ingliski		2	1200
	» 31. Fichtenhejm		2	1200
35	» 32. Apraxin		2	1200
	» 33. Nisegrodski		2	1200
	» 34. Twerski		2	1200
	» 35. Bollobonoff		2	1200
	» 36. Borkenoff		2	1200
40	» 37. Beravski		2	1200
	» 38. Casanski		1	600
	» 39. Archangelgorodski		2	1200
	» 40. Bellozerski		2	1200
	» 41. Ustuski		2	1200
45	» 42. Jamburgski		2	1200
	» 43. Gollitzki		2	1200
	» 44. Asophski		2	1200
	» 45. Smolenski		2	1200
Summa Reg. 45.			Bataillons 98	58800 Mann

T E

standen, und in dem 1709^{ten} Jahr alda complett im Monat Majo ist gemunstert worden.

Cavallerie

Regimenter	1. Gardes du Corps. Obr: Geheim	1 Esquadron	500 Mann	
	2. S ^r . Excell: Feld M: Scheremetoffs Leib Esquad. . .	1 Esquadr.	500 »	5
	3. Das Leib Regiment. Brigadier Jescow	2 »	1000 »	
	4. Moscovski. Gen: L ^t : Rönne. Obr: Peter Jamlow . .	2 »	1000 »	
	5. Kiowski. Gen: L ^t : Bauer. Obr: Levontij	2 »	1000 »	
	6. Trozetskoi. Obr: Sisschof	2 »	1000 »	
	7. Ingermanlandskoi Obr: Polonski	2 »	1000 »	10
	8. St. Peter Burgski. Gen: Lieut: Heinski. Obr ^t : Jsupoff	2 »	1000 »	
	9. Wlodomirskoi. Obr: Peter Musirski	2 »	1000 »	
	10. Novogrodskoi. Gen: Maj: Wolconski	2 »	1000 »	
	11. Casanskoi. Obr: Heidenreich	2 »	1000 »	
	12. Astracanskoi. Feld: M: L ^t : Goltz: Obr: Roop . . .	2 »	1000 »	15
	13. Sibirskoi. Gen: L ^t : Pflug. Obr: Jeske	2 »	1000 »	
	14. Pskovskoi. Gen: Major Ifland	2 »	1000 »	
	15. Smolenskoi. Brigad: Gagarin	2 »	1000 »	
	16. Twerskoi. Obr: Rosanof	2 »	1000 »	
	17. Permskoi. Gen: Maj: von Stolz. Obr. Brümse . . .	2 »	1000 »	20
	18. Wiatskoi. Alexander Iwanowitz Wolchonski . . .	2 »	1000 »	
	19. Nisigorodskoi. G: M: Böhm. Obr: Siskow	2 »	1000 »	
	20. Schernikofskoi. Obr: Campel:	2 »	1000 »	
	21. Rosanskoi. G: M: Hein. Obr Zeutkoff	2 »	1000 »	
	22. Rostovskoi. Obr: Kruuse	2 »	1000 »	25
	23. Jareslavskoi. Obr: Gregori Wolchonski	2 »	1000 »	
	24. Bieloserskoi. Obr: Gregorie Weisback	2 »	1000 »	
	25. Asophskoi. G: M: Mikusch	2 »	1000 »	
	26. Archangelskoi	2 »	1000 »	
	27. Ingermandlanskoi. wie vorher	2 »	1000 »	30
	28. Lutskoi. Schaunburg	2 »	1000 »	
	29. Wologodski. Monasteriof	2 »	1000 »	
	30. Narvskoi. Felsin	2 »	1000 »	
	31. Olonietskoi. Nariskin	2 »	1000 »	
	32. Caporskoi. De Vesnick	2 »	1000 »	35
	33. Jamburskoi. Fassmann	2 »	1000 »	
	34. Cargopolskoi. Musino Putzkin	2 »	1000 »	
	35. Tobolskoi, Gagarin	2 »	1000 »	
	36. Ustuskoi. Wolchonski	2 »	1000 »	
Summa	36 Regiment	70 Esqu.	35000 Mann	40

LISTE

von der Generalitet deszelben Jahres.

Infanterie.

Feld M: Schermetoff.
 5 Gen: von der Inf: Repnin.
 General Hallard.
 General Lt: Gallitzin.
 General Lt: D'albon.
 Gen: Lt: Belling.
 10 Gen: M: v: Werden.
 Gen: M: Gordon.
 Gen: M: Nostiz.
 Gen: M: v: Kirchen.
 Brigad: Balck.
 15 Brigad: Staff.
 Brigad: Gollowin.

Cavallerie.

Gen: v: der Cavallerie Fürst Menschikoph.
 Feld M: Lt: Goltze.
 Gen: Lieut: Rönne.
 Gen: Lieut: Bauer
 Gen: Lieut: Henschen
 Gen: Lieut: Rensel.
 Gen: Maj: Schaunburg.
 Gen: Maj: Böhm.
 Gen: Maj: Wolchonski.
 Brigadier: Jeskow.
 Brigadier: Gagarin.
 Brigadier: Weisback.

Artillerie.

Gen: Lieut: Bruce.
 Gen: Maj: Günther.
 20 Obr: Lieut: Janson.

Ingenieurs.

Obrist Colomb.
 Brigad: Staff.
 Brille.
 Scharbeck.
 Roose.
 Holtzmann.

Da nun solcher gestalt das Früh Jahr herannahete, und der Feind, al-
 25 lem ansehen nach, sich nicht getrauen dürffte, zwischen denen vielen klei-
 nen Ströhmen, die alsdan sich sehr ergieszen, stehen zu bleiben, so war man
 Russischer Seiten sehr vigilant, umb deszen ferners Absehen zu observiren,
 da dan die meisten Russischer Seiten vermeineten, der Feind würde Aftyrecki
 angreifen, weiln Er alsdan nach Bielgorod und Veronisch kommen könnte,
 30 da Er sich eigentlich auf des Czaren Boden würde befunden haben, und
 hette also ohne einige Hindernisz bis an die Ocka avanciren können, als was
 eine bataille darin anders decidiren möchte.

Ohn allein es hatte dem Feind damahlsz schon seit etlichen Monathen
 an allen Nachrichten gefehlet, und die Manschafft begonnete bey Ihm sol-
 35 cher gestalt abzunehmen, dasz Er nothwendig einen Secours erwarten müste,

ehe Er sich so weit von den Polnischen Grentzen entfernen dürffte; zu dem so hatte der Mazeppa grosze Hoffnung von der Conjunction der donnischen Cosaqven und Crimischen Tartarn gemachet, welche aber dazu keine Gelegenheit haben konten, als durch Pultava zu kommen, welchen Orth die Ruszen mit einer guthen Garnison besetzt hatten, weshalben es dan bey dem Feinde proponiret ward, solchen Orth zu forciren und sich solcher gestalt mit Volck aus der Tartarey und Pohlen zu verstärcken, ward auch bald darauf als ein gutes enpediens angenommen, insonderheit da der Mazeppa den Orth wegen seines Überfluszes von allen Lebens Mitteln sehr rühmete und versprach, Ihn mit seinen Cosacken und seiner Artillerie wegzunehmen, wan Er nur indeszen von der Schwedischen Armée gegen die Ruszen gedecket würde; alsz also das der Feind resolvirte seinen Lager dorthin zu rücken, dem des Czaren Armée folgete, und zwar erstlich bisz Carpoff, weile der Czaar nicht zugegen wahr, sondern sich nach Veronisch und von dar gar nach Asoph begeben hatte, auch nicht ehe als medio Maij wieder zu rück kahme, welche Zeit inzwischen auf beyden seiten mit Marchiren verlohren ward. Wie aber der Czaar gleich nach seiner Wiederkunfft bey der armée vernahm, das Pultawa würclich vom Feinde belagert wahr, so resolvirete Er mit seiner Armée an die Worskla zu rücken und den belagerten Orth wo möglich zu secundiren, woselbst es dan verschiedene rencontres gab, als die, da der Schwedische General Major Kruse den Gen: Lieut: Rönnen, der die avantgarde von Ihre Czaar. Mayst: Armée hatte, aus seinem posto vertreiben wolte; Item da der Brigadier Gollowin sich mit 1200 Mann, deren Jeder einen guten Sack Pulver auf den Rücken hatte, in Pultawa warff. Ferner da der Gen: Lieut: Hensken über die Moræste bis Semzara nova kahn, und den Schwedischen General Major Creutzen von dannen verjagete, wodurch die Russische Gefangene Garnison von Wipritsch wieder befreyet ward, und andere mehr, welche alle zu der Schweden grössten Nachtheil ausfielen. Weile es aber doch inpracticable gefunden ward, die communication mit Pultawa von der Seiten durch den Morast zu erhalten, so ward endlich resolviret die Worskla zwey Meilen von der Stadt auf der rechten seiten zu passiren, und den Feind alsdan, so viel möglich, in die Enge zu treiben.

Zu welchem Ende dan sogleich, da man die rivièrè passiret, eine halbe Meile von den Brücken ein retrenchement aufgeworffen ward, welches man aber bald wieder verliesz, und abermahl eine kleine Meile näher an den Feind rückte, und sich daselbst retranchirte. Ferner auch mit auffwerffung einiger Schantzen so nahe an Ihn kahn, das die Vorwachten von beyden theilen einander klärlich sehen, und zur Noth zuruffen könten, welches wie es die Schweden so sehr contraigniret, dasz sie auch fast keine weyde mehr

für die Pferde hatten, in dehm die Cosaqven Ihnen täglich eine ziemliche Anzahl derselben wegnahmen, der König auch selbst am 12^{ten} Junij, da Er aus recognosciren gewesen, durch eine parthej Cosaqven, die man in embuscade geleet, war im Fuesz blessiret worden: so wahr dan nichts mehr
 5 übrig, als entweder über die Niepre zu entweichen, oder auch durch eine bataille von denen alzu nahe angekommenen Ruszen sich zu befreyn, wovon wie der König das letzere erwählet, so ist auch am 27^{ten} Junij St: v: dieselbe geliefert worden, aber mit sehr schlechtem Succes für den König von Schweden, wie es in denen genugsahm beandten relationen enthalten. Wor-
 10 auf der Krieg wieder nach Pohlen und Liefland transportiret worden, dadurch zwar nach das Jahr die Schweden aller Orthen vertrieben, und Riga belagert worden, aber das Fieber, so den Czaarn zu Kiov im Julio überfiel, ist sonder zweiffel mit Uhrsache gewesen, das der Succes davon daselbe Jahr nicht erfolget, und Crassau nach Pommern entkommen, so sonst wohl
 15 hette verhüttet werden können.

Worin dan also die Krieges expeditiones gegen Schweden in den 4 Jahren von A^o 1705 bis Vltimo Dec: 1709 bestanden, welche dieses Jahr mit solchem Glücke continuiert worden, das gantz Liefland und Carelen darüber für dem Feinde erobert worden, weil Gott denselben zugleich mit der pest
 20 gestraffet, und Ewer Königl. Mayt dem selben zu Waszer und Lande eine so importante diversion gemachet, also das der Czaar anitzo derselben schon solcher gestalt von seinen Gräntzen entfernet siehet, das selbiger nicht weiter zu spühren, als Er Ihn selbst jenzeit des Waszers in Finlandt wirdt aufsuchen wollen,

Russische
Armée.

Wozu es Ihm dan auch an Waffen nicht fehlet, den der Czaar hat anjetzo eine wohl regulirte Armée von $\frac{m}{100}$ Mann, auf den Beynen, welche Er ohne das Land zu beschweren mit Recruten Jährlich versehen kan, obschon das man in Ruszland noch nicht weisz, was ein Mensch wehrt ist, sondern dieselbe öftters mehr als die pferde negligiret, und bey tausenden aus Mangel
 30 von Lebens Mitteln dahin fallen und verderben lässet.

Russische
Fuez
Knechte.

Auch fehlet es dem gemeinen Knechte nicht an tüchtigkeit zum Kriege, in dem Er nicht allein die Handgriffe des Gewehres über aus wohl und geschicklich machet, sehr wohl ausziehet, und bey sehr kümmerlichen Unterhalt von Zwieback und Saltz die gröszen Marchen, die man verlanget,
 35 zu Fuesze thun kan, sondern Er ist auch nun schon des Feuers gewohnt und lässet sich dadurch nicht mehr so bald wie für diesem in Unordnung bringen, da man diese Leuthe wie die Schaffe erschlagen oder binden können.

Russische
Cavallerie.

Mit der Cavallerie aber wird es was mehr Schwürigkeit haben, selbe recht einzurichten, weile Ihre Pferde so alle tartarischer arth gahr zu hitzig und wild sind, umb Schuszwewehr darauf zu gebrauchen, und mit den

Degen wollen die Ruszen allezeit hauen und nicht stechen, wodurch die Glieder geöffnet und die Esquadrons leicht überm Hauffe geworffen werden.

Beydes aber so wohl der Infanterie als Cavallerie wird es jederzeit schwer fallen tüchtige Officiers aus der Nation vorstellen zu können, dan die Ruszische Noblesse ist zwar an sich selbst stolz und Hoffvörtig genug, aber hat doch keine rechte gloire und Liebe zum Kriege im Hertzen, und will deswegen lieber auf den Güthern sitzen oder sich umb civile Bedienungen durch Spendages bewerben, als fürs Vatterland aus eigenem trieb fechten. Weshalben der Czaar auch von Sie zu sagen pflegt, wie Ich selbst gehöret, das Er es dem Sehl. Gollowin, Schermetoff, Gollofkin und Apraxin vorgesaget, das wann aus Ihren oder anderen Geschlechten dan und wann sich ein einziger durch etwas hervorthäte, so wäre es alles, und der rest Läuter Narren, wie es Ihre eigene Brüder bezeugeten.

Ruszische Noblesse.

5

10

Mit dem Frembden Officiren aber hat es unterschiedliche Beschaffenheit, dan ein grosz theil derselben werden sich daselbst aus Noth anheisch machen, weile sie darauszen nicht wohl in Bedienung bleiben können, andere wird der Geitz dazu antrieben, in dem man Ihnen darauszen viel verspricht, so nachmals nicht kan gehalten werden, und alle habensich biszher gar zu grosze characters geben laszen, davon sie die function wenigstens im anfange nicht verstanden, wodurch viele fauten geschehen, aber die Versehung Gottes und des Czarn Glück hat dennoch alles übele bis dahin abgewendet. Zu dem so sind auch viele dadurch in ihrer Hoffnung betrogen, dasz sie die Rubels für 2 Rdhl^r gerechnet, als zum Exempel ein Capitain genieszet monatlich 18 Rubels, welches seiner Rechnung nach 36 Rdhl^r sein solten, da es nachmals nicht 22 ausmachet, hingegen kostet ihm die Equipage im felde, wegen der groszen Marchen, sehr viel, dan in den Garnisonen, als Kiof, Smolensko und Petersburg ist es auch, was die Kleidung betrifft, sehr theuer, also dasz auch Mancher dadurch das dortige Leben müde wird, es sey dan, dasz Er ein favorit von dem Czaaren, Fürsten Menschikoph oder andern Russischen General werden kan, dan alsdan findet Er schon Rath zu allem was Er benöthiget ist, ohne seine Gagie zu employren.

Frembde Officierers.

20

25

30

Die Festungen an den Gräntzen haben Ihre Czarische Mayt seit diesem Kriege sehr verbeszern und vermehren laszen, den Kiof und Smolensco, welches die beyden Festungen an der Niepre sind, befinden sich anjetzo in einen gantz andern Zustande, wie für diesem; Welicki Lucki und Pleskow an der Düne sind ebenfahls wohl fortificiret, und zu Petersburg spahret der Czaar gantz keine Unkosten, umb davon eine importante Festung zu machen. Nowa Dwincka für dem Haven zu Archangel ist auch gantz fertig, und an der Schwartzten See nicht weit von Asoph hat der Czaar doch eine Festung, Tagandruph genandt, bauen laszen, mit sehr groszen Unkosten, in dem 18

Festungen.

35

40

gemaurete Casematten darin zu finden; aber bey selbiger Festung ist dieser fehler begangen, das man die Situation des Orths nicht recht judiciret, also das selbige Festung zur Defension des Havens für die dorttige Flotte wenig contribuiren kan. Sonst ist das Land allenthalben voller von Holtz gebaue-
 5 ten Festungen, wie es bey den Schwedischen Einfahl in der Ukraine zu spühren gewesen, welche aber in Friedens Zeiten, nimmer mit einiger Garnison besetzt sind, sondern dienen nur gegen den Einfahl der Tartarn, wan selbige mit Ihren herumbstreiffen, das Land beunruhigen, da die Land Leuthe, Ihre retraite dahin suchen. Auch ist der Czaar noch gewillet in einem jeden
 10 Gouvernement, wie Er sein gantzes Land anjetzo in acht grosze Craysen oder Destructen eingetheilet, eine Haupt-Festung bauen zu laszen, worin aber wie in vielen Absichten noch grosze hinderungen kommen können.

Die Hauptstadt Moscow ist auch bey diesem Kriege mit einem neuen Wall meistentheils umbgeben worden, wozu man aber nicht eben die Er-
 15 fahrnesten Ingenieurs gebrauchet, so das es dahin stehet, weile die Gefahr für über, ob man ferner daran arbeiten, oder es wieder fallen-laszen werde, wie man den Wall gethan, welcher in denen Zeiten vor den falschen Demetriis aufgerichtet worden, davon man annoch einige Linien und Bollwercke siehet.

Czarissche
 Flotte.

Die Czarissche Flotte ist zweierley, eine die auf der schwartzen See, und die andere, so auf der Ost-See etabliret ist. Zu der ersten hat der Krieg gegen den Türcken im Jahr A^o 1697 Gelegenheit gegeben, da man resolviret Asoph zu belägern, wozu man einige Fahrzeuge nothig gehabt, weshalben man zu Moscow 4 Galeeren bauen, selbige nachmahls wieder von
 25 ein andern nehmen, und auf Schlitten bis an die Don führen laszen, da man sie wieder zusammen gesetzt, und in dem Palludem Meotim gebracht. Welches weile es die bezwingung von Asoph viel facilitiret, und Ihre Czaar: Mayst. ohne dem eine naturliche Inclination zur Schiff-Bauerey, wie zu allen mechanischen Künsten gehabt, so hat man den Anschlag einiger Främb-
 30 dern gefolget, die da gerathen, man solte eine Schiffbauerey zu Veronick, welches ein kleines Städtgen an den gräntzen zu der Ukraine nach der Süder seiten, an einen Flusz deszelben Namens gelegen ist, etabliren, weile selbiger strohm sich in den Don ergeuszet und im Früh Jahr so hoch aufschwellet, dasz grosze Schiffe darauff können hinunter gebracht werden,
 35 Insonderheit wan man einige Schlüeszen daselbst wolte verfertigen laszen; welches mit vielen Unkosten geschehen, und sind darauff Schiffszimmerleuthe von allen Orten entbohten worden, nach deren Ankunfft man auch über 20 grosze Schiffe zu bauen angefangen, davon die Liste mit in des Kayserl. Envoyé Graffen Gvarients gedruckten relation enthalten. Aber sie stehen
 40 daselbst noch seit allen denen Jahren meist auf dem Stapel, da Sie weile

Flotte zu
 Veronick.

das Holtz ohne dem zu frisch verarbeitet worden, gantz verdorben, und also anjetzo wenig mehr nütze sind. Doch sind 3 à 4 derselben würcklich bisz Asoph hinunter gebracht, welche daselbst auch gemeinlich alle Jahr eqvipiret worden, umb an den Küsten herumb zu fahren, und Saltz zu hohlen, aber weiter in die Schwartze See dürften sie nicht kommen, weile die 5 Türcken solches durch aus nicht gestatten wollen.

Die andere Czaarische Flotte befindet sich zu Petersburg am Ende der Finnischen See, welchen Orth der Czaar selbst bauen laszen, und nach seinen Nahmen genennet, seitdem er neuen Schantz, so eine Meile davon gewesen, erobert hatte. Diese Flotte ist in etwas beszeren Zustande, indem 10 die daselbst sich befindende Krieges Schiffe doch alle Jahr so weit auslegen, das sie den Haven mit Hülffe der batterien vom Lande bedecken, so das der Feind Ihnen bis Dato nichts anhaben können. Auch befindet sich daselbst eine grosze menge kleine Fahr Zeuge, als 5 à 6 Galleeren, einige Snauen, und 30 à 35 Brigantins, womit die Ruszen die Finnische Küsten bisweilen 15 beunruhigen, aber sonst sind die Schiffe nur schlecht conditioniret, in dem sie alle von dem Admiral Schiffe an zu rechnen nur von Feuren oder Feuchten Holtz gebauet, und mit schlechtem Eisen versehen sind, also das der Czaar noch selbst diesen verwichenen Wintter A^o 1710 in Moscau bekandte es, wurden nicht 4 von den alten Schiffen in See gehen können, Er hette aber 20 4 neue wieder zu bauen befohlen, womit es auch noch diese beschwerlichkeit hat, das weile sie zu Alonitz an der Ladoger See gebauet, und also mit groszer Mühe, wan dasz Eysz vorbey den Fall, auf der seiten liegend müszen herunter gebracht werden, einige davon sehr schadhafft sind, und alle das erste Jahr spähte in See kommen.

Flotte zu
Petersburg.

25

An See Officiren haben Ihre Czarische Mayst bis Dato einen Admiral, einen Vice Admiral, einen Schoutbynacht, und 12 Captains, wie der Envoyé Juell davon die beste Nachricht vermelden wird. Auch lassen Ihre Czaarische Mayst einen groszen Eiffer spühren, umb selbige Flotte, weil sie selbige gestiftet, ferner nach Ihrem todte in Ruszland zu erhalten, wie sie dan auch 30 zu dem Ende noch Jährlich viele von Ihrer Noblesse ausschicken umb die Navigation auf den Englischen und Holländischen Schiffen zu erlernen, aber im übrigen ist die Nation dazu gar nicht geneiget, sondern consideriret vielmehr dieses alles als unnöthige Unkosten, weile man keine Landungen bey Ihnen thun kan, als nur im Hafen selbst, den seine Bollwercke genugsahm defendiren können, also das die Flotte vielmehr für eine passion von dem Czaren, als eine nöthige Krieges armatur für Rusland consideriret wird.

Czarische
See Officiers.

An Ammunition, und übrigen zum Kriege benöthigten Sachen, kan es dem Czaren nicht leicht fehlen, den er hat Salpeter, Swefel und Eysen selbst im Lande, und die Manufacturen dazu schon solcher gestalt eingerichtet, 40

Ammunition.

dasz er diesen gantzen Krieg über niemahlen pulver, kugeln, Bomben und Granaten aus frömdden Landen kommen laszen. Man verfertigt auch schon daselbst allerhand Gewehr, als Musqvetten, Degens, Bajonetten, und dergleichen, aber noch nicht in der Menge, das es für etwas kan gerechnet werden, weshalb man solche Gewehr von Holland verschreibet und selbige mit andern Wahren bezahlet, umb das bahre Geld im Lande zu behalten.

Handlung in
Russland.
1.
Über
Archangel.

Was nun ferner den innerlichen Zustand von Russland, und also fürs erste der Handlung oder Negoce desselben Reiches betrifft, so ist gewiss, dasz selbe sehr grosz ist, und sich jährlich auf etliche Millionen belauft, die dadurch verkehret, und zu bahres Geld gemacht werden; davon bisz Dato der Europäische Handel der vornehmste ist, welcher über Archangel wegen der Riviere Dwina und das schönen Hafens geführet wird, woselbst jährlich über zwey Hundert Schiffe von Engelländern, Holländern, Hamburgern und anderen Nationen ankommen, denen die Retour Ladhung mehr dan zweymahl so viel grosze Pramen auf der Dvina, und viele Schlitten im Winter zu führen, und auf solche weise daselbst auf einmahl mehr Wahren zusammen bringen, als auf der Franckfurther oder Leipziger Mesze das gantze Jahr durch verkehret werden. Die vornehmste Wahren aber, die von dort ausgeschiffet werden, sind folgende: Hempf, Lehder, Wax, Talg, Korn, Kornbrandewein, Butter, Pech, Theer, Potasche, Silberglede, Castor, Cavejard, Matten, Gesaltzene Fische und Fleisch, Peltzwerk, Rhabarbre, Schweins Bürsten, Hauszblasze, grobe Leinwand etc., so alle das Land produciret, und dafür wieder Silber, Kupfer, Zinn, Messing, Bley, allerhand Manufacturen, als Lacken, Gewehr, fein Leinwand, Wein, Brandewein, und andere Wahren mehr empfanget; davon dan die Capitalien, wie oben erwehnet, sich auf etliche Millionen belaufen. Welches unter andern aus dem Czarischen Zoll mit zu ersehen, der in denen 4 Jahren, die ich solches beständig observiret, allezeit über $\frac{m}{300}$ Rubel ausgetragen, da Er doch sehr leicht, nemlich nur 7 pro C^{to} ist, wan die Wahren den naturalisirten Unterthanen zugehörig sein, worin der unterschleif so grosz ist, das fast nichts für andere angegeben wird, damit die übrigen 10 pro Cento mögen gewonnen werden, so doch auszerdehm schon ein Capital von mehr als 4 Millionen supponiret. Dieses ist nun der Handel, welchen der Czaar gedencket gröszerntheils nach Pettersburg an der Ost See zu verlegen, dan etliche Wahren als ein ziemlicher theil von Hempf, Item Korn, Theer und Pech, werden doch allezeit müszen von Archangel gehohlet werden wegen der commodität von den reviren der Occa und Dvina, wodurch sie dahin können zugefahren werden; und das dieses Wahren sind, die keine grosze Unkosten von transport leyden können, hingegen aber doch von den Provintzen Smolensko,

Novogrod und Pleskow nach Petersburg einiger maszen könnenourniret werden. Es ist aber diese Veränderung der Negoce den Holländern und Engelländern nicht sonderlich mit, weile sie in der That wenig dadurch gewinnen werden, den was die Fracht umb nach Petersburg zu seegen gegen die vorige nach Archangel weniger kosten könnte, das würden der 5 Zoll im Sunde, und die Assurantz Gelder in der Finnischen See, so allezeit sehr grosz gewesen, wieder consumiren; und indeszen werden die Kauffleuthe viele gröszere Mühe haben, die Wahren zu Lande nach Petersburg zu schaffen, weilen solches über sehr viele brücken und moräste geschehen mus, wobey noch die Beschwerde von Mücken und Wespen für die reysende im Sommer 10 unbeschreiblich sein wird; auch dürffte es schwer fallen, die Kauffleuthe dahin zu bewegen, dasz sie Ihre beständige wohnung nach Petersburg transportiren, wegen des Einkaufs der Wahren, da man in der Stadt Moscow mit viel weniger Mühe zugelangen kan.

Die andere grosze Handlung, so aus Ruszland geführet wird, ist die 5 Chinesische Handlung. Chinesische, als mit welchem Reiche es auf der Ostlichen seiten gräntzet, und dahin insonderheit allerhand Pelswerke schicket, hingegen Edelgesteine, Damaschen, Seidene Decken und stoffen, Kitai und andere Baumwollene fabriqven wieder herhohlet, wodurch Jährlich über $\frac{m}{600}$ Rubels verkehret werden, und kömt die Caravana davon alle 3 Jahre in Moscow an, welche 20 alsdann bey $\frac{m}{1800}$ Rubels austräget.

Die dritte grosze Handlung ist über Astracan nach Persien, wohin die 25 Persianische Handlung. Ruszen ebenfalls viel pelswerck bringen, und 'grosze partheyen von rohe Seiden, Persianischen stoffen, Baumwolle, weisen Cattun und dergleichen wieder zurück hohlen, wiewohl das dieser Handel meist unter der Armenischen Kaufleuthe Direction ist, welche zu dem Ende grose privilegia haben und versichern, dass Jährlich mehr als eine Million wahren durch Ihre Hände gehen.

Die Vierdte grosze Moscowitische Handlung ist mit den Türcken, denen 5 Türkische Handlung. sie auch Pelswerck, Item Honig, Korn, Hempf und Wachsz zuführen, und mehrentheils bahr geld wieder mit zurücknehmen. Es ist aber diese Handlung zweyerley, die eine die Niepre hinunter durch Cosackenland, und die andere auf der Wolga und den Don nach Asoph, wodurch die Ruszen sich Jährlich $\frac{m}{800}$ rubels an Bahren Gelde zu zubringen wiszen, und würde Insonderheit diese letztere von noch viel gröszerer Importantz sein, wan das projectirte Canal, umb den Donflusz mit der Wolga zu conjugiren, seinen Fortgang gewinnen könnte, wozu zwar der Czaar zu verschiedenen mahlen schon verständige Baumeister und Mathematicos verschrieben, auch noch zu dem Ende einen gewissen Engelländer, Nahmens Perry, Jährlich eine pension von 500 rubels zahlen läszet, aber der vormahlige Gouverneur 40 Canal zwischen den Don und der Wolga.

von Astracan Gallitzin ist allezeit unter der Hand dagegen gewesen und hat den ersten Directeur von diesem wercke, so ein Franzose gewesen, so viel steine in den weg geleet, dasz Er sich nach Persien salviren müssen. Diesem aber hat er auch schon so schein gemacht, dasz Er sich wieder nach
 5 Moscau begeben und dem Czarn seine Noth geklaget, der zwar den Gouverneur deszwegen removiret, aber das Werck lieget doch noch bisz Dato unter dem Gouvernement des Kneesen Andre Michalowitz Apraxin ebenfalls stille aus Ursachen, wie man saget, das viele Leuthe dazu erfordert werden, welche man bey diesen Krieges Zeiten nicht wohl entbehren kan. Indeszen
 10 wachsen aus obigen vier Handlungen, Ruszland über 6 Millionen rubels Jährlich aus Ihrem eigenen Lande zu, und wan ja noch etwas an der Summe fehlen solte, so kan selbige gewisz aus dem, was von Pferden so aus Calmucken und Ochsen so aus Cosaqven Land nach Pohlen und Preussen, ja gar bisz in die Schleszie nach Breslau verkauffet wird, ergäntzet werden.

Wie der
 Rusische
 Handlung
 einge-
 richtet.

Es ist aber die Handlung in Ruszland also eingerichtet, das fürs erste der Czaar in Jede Sorten, als Lehder, Peltzwerk, Honig, Wachsz, Hempf und Korn, einen groszen Antheil hat, andere Sorten aber als pottaschen, Rhabarbara, Cavejard, Silbergläde, und Schweinsbürsten, ganz allein, für seine Rechnung verhandlen laszet. Woraus leicht zu ersehen, dasz Er auch
 20 das meiste, nachgehends die Bojaren, welche Gütter auf dem Lande besitzen, ein ziemliches, und endlich die Bürger in den Städten nur das wenigste dabey gewinnen, weile sie nicht das vermögens sind, eigene Handlung selbst zu treiben, sondern nur des Czaaren und der Bojaren Gevollmächtigte sein, für welche sie zu Marcke reysen und daselbst mit den Frömbden die Con-
 25 tracten schlieszen, folglich Ihren Herren Rechnung thun, und von delro Gnade Dependiren müssen. Weshalben dan auch kein Ruszischer Kaufman, wie reich er auch sein mag, grose figur machen, sondern nur allezeit, in einem Höltzernen Hause wohnen, und schlechte Meublen darin haben wird, damit der Bojar nicht zugreifen, und Ihm dasz Seinige nehmen möge, wie
 30 er allezeit den Vorwand dazu haben, und er für den Gerichten Justificiren kan, weile auch der Czar gleicher gestalt mit den Bojaren verfähret, wan sie ihren Reichthumb übel gebrauchen, oder bey Ausrichtung seiner Befehle, einigen bösen willen spühren laszen.

Manu-
 facturen.

Die Manufacturen in Ruszland sind noch nicht ferner perfectioniret, als das sie mit denen so nothwendig, nemlich Leinen, grobes bauren Tuch, einiger Eisen arbeit als Schlöszer und Thürhängen etc: das Land bedienen können. Auszer was die Lehder Bereitung betrifft, darin sie mit den Jufften einen sonderlichen Handgriff, sie zu färben und den Geruch zu geben, haben, der zwar an sich selbst nicht schwer ist, in delm es in gewissen Ruszischen
 40 Provintzen alle Bauren wiszen, Insönderheit in den Destrict von Jareslaw,

und Wolgoda: aber das Kraut, so sie dazu gebrauchen, hat sich bis Dato nirgends, auch in Preusen nicht einmahl gefunden. Und dan so ist es nicht eigentlich die Güthe von diesem Lehder, welche die Handlung conserviret, sondern der Einkauf deszelben, in dem eine Ochsen Haut, so anderwerths 2. bis 3. Reichsthl^{er} gilt, in Ruszland allemahl für einen Reichthaler kan 5 gekauffet werden, weswegen dan das Lehder auch so guth Kauf ist, das man es zu stiefelen, Geschirren etc: beszer Preis als geschmieretes Teutsche Leder haben kan. Sonsten aber hat der gegenwärtige Czaar viele grosze Unkosten gethan, umb allerhand Europäische Manufacturen in seinen Landen zu etabliren, theils mit guthem Succes, als die Manufactur von 10 Segeltuch und Anckertauen zu Archangel, die pulver Mühlen auf den Rivieren bey Muscow, die Guswerke von Kugeln, Bomben und Granaten, an den Ladoger und Oneger Seen, die Salpeter Kochung bei Cassan und in Cosacken Land und dergleichen; wodurch man sich deszen, was das Land selbst produciret, bedienet, und zum Gebrauche Täglich mehr und mehr 15 aptiret. Andere Manufacturen aber, dazu man die Materien erst aus frömbden Landen verschreiben wollen, als feinere Tücher zu machen, wie die Einländische und Benachbahrte Pohlnische Wolle es permitteret, Spiegelgläser zu giesen nach der arth zu Berlin, Frantzösische Stoffen und Englische Strümpffe zu machen aus Persianischer Seide, Soulinger stahl aus 20 Ruszischem Eysen, Holländische Leinwand aus dort im Lande gewachsenen Flachs etc: haben bis Dato nur grosze Unkosten in verschreibung und Jährlicher Lohnung der Meister, und Bauung vieler fabricq Häuser veranlaszet, aber sehr wenigen Nutzen oder vergnügen geschaffet: den er hat sich gefunden, das der Mangel von sothaner Materie den Profit consumiret, In- 25 sonderheit wan die Angeber und Directeurs von denen Sachen nicht eben alle benöthigte Erfahrung dabey gehabt; weshalben man auch viele von sie wieder abgeschaffet, und stehet also dahin, wie weit es ferner damit wird können befördert werden, dan der Czaar läszet doch bey allen sich ereugenden Gelegenheiten nicht nach, die Sache wieder zu reassumiren, wie dan zu 30 meiner Zeit noch etliche Hundert Wollen Webers und Spinners von Lissa aus Grosz Pohlen sind nach Moscau gebracht worden, umb daselbst zu arbeiten, nach dem Ihre Stadt A^o 1708. verbrand worden. Und wie der General Goltze A^o 1709 aus Pohlen vermeldet, das Er im Nachhauen ein gantz Regiment Frantzosen von dem Crassausischen corpo gefangen bekom- 35 men, hat der Czaar gleich ordre gestellet, man solte sie nach Astracan schicken, umb alda die Weinberge zu pflanzen und die trauben nach Ihrer Landes Arth zu keltern. Gleicher gestalt permitteret Er allen denen aus Narva und Dörpt weggeführten Bürgern, Ihre Handwerker frey zu treiben, wo es Ihnen in Ruszland beliebt, wan sie nur auf der Canceley von aus- 40

wertigen Sachen caution stellen, dasz sie nicht entweichen wollen; wodurch viele Handthierungen, als Barbierer, Schuster, Schneider, Stellmacher, und dergleichen, sehr verbeszert werden. Auch hat der Czaar die alte Buchdruckerey gänzlich verändern, und die Buchstaben, zu der neuen in Hol-
 5 land gieszen laszen, die ein Holländischer Meister überbracht, und den Ruszen dan Fernisz, oder die schwartze Druck Farbe, nach der besten Arth zu kochen gelehret, auch das Pappier auf der neuen mühlen in allerhand format verfertigen läszet, also das nun in Moscow schon allerhand Schuel Bücher zu erlernung der Lateinischen Sprache gedrucket werden. Wobey
 10 eine ordentliche Schuele, von acht Teutschen Preceptoribus in Moscou aufgerichtet worden, darin die Jugend, so viel erlernen kan, das sie folgendes nach Kiof auf die Universität reysen, und daselbst die alda sich befindende Professores in Theologiae und Philosophiae mit nutzen hören kan.

Civile Regie-
 rung von
 Ruszland.

Die Civil Regierung und Administration der Justice in Ruszland, welche vormahls durch 24 Pricacen oder Canceleien geschehen, wie solches in des Olearii Reyse Beschreibung Specificeret worden, hat der Czaar wegen der vielfältigen daraus entspringenden verwirrungen, zu verändern getrachtet, aber damit nicht ehe den Anfang machen können, als nach dem Er von dem hereindringenden Feind durch die bataillie bey Pultava befreyet worden, da
 20 Er zwar die Cantzeleien noch bis weiter bey Ihren expeditionen gelaszen, auszer dasz Er darin eines und das andere nach seinen Absichten verändert, aber übrigens hat Er das gantze Reich unter Acht grosze Gouvernements gesetzt, davon

1.
 Gouverne-
 ment von alt
 Ruszland.

Das erste ist das Gouverment von Moscau oder Alt Ruszland, welches sich erstrecket von Drogubusch an der Niepre bisz hinter Veronich an den Don in die breite, und von Novgorod Sewirski an der Desna bis Wolgoda an der Dwina in die Länge, und solcher Gestalt auf beyde Manier bey Hundert Teutsche Meyl Weges Land in sich begreift, worin viele grosze Städte befindlich, die etliche Tausend Häuser und Einwohner haben, dabey auch an
 30 Dörffschaften eine sehr grosze Anzahl ausmachtet, die alle mit Einwohnern reichlich angefüllet, wegen des guten Bodens, der dieselbe leicht ernehret, und der berühmten Ströhme als der Occa, der Volga und Niepre die allein Ihren Ursprung darin nehmen, und also selbiges Land zum Handel und Vihsucht sehr geschickt machen.

2.
 Gouverne-
 ment von
 Cassan und
 Astrachan.

Das andere Gouvernement ist das Casan und Astrachansche, welches von Wolgoda an Bisz an die grosze Tartarey über 150 Meilen in die Breite, und von Astrachan bisz an grosz Perma an den Flusz Kama über 200 Meilen in der Länge hat, aus welchen Lande grosze Revenuen von klein und grosz Vieh, Zöllen, Saltzwercken, Wachsz und Honig, Item Schaffpeltze und der-
 40 gleichen gezogen werden, aber die Mannschaft ist in diesem Lande nicht so

sehr grosz, auch mit Cosacken und Tartarn sehr gemischt, welche den Ruzsischen Herrschaft feind sind, daherro die vielen Rebellionen selbiger gegend kommen, und darf der Czaar deswegen nicht viele Ruszen daher zur Armee ziehen. Doch werden zwey Regimente aus selbigen lande recrutiret, und wan der Czaar die Calmuckische Tartarn zum Dienst fordert, kan er bis $\frac{m}{20}$ derselben haben.

Das dritte Gouvernement ist das von Siberien, welches die vorigen an grösze noch weit übertreffen soll, wie es alle dahin aus Ruszland handlende Kauff Leuthe versichern, die davon Jährlich grosze Schätze an Peltzwerk, Kitaische Leinwand, allerhand seidenen Stoffen, die dorthin aus China gebracht werden, und sonderlich guthes Eisen und Kupfer hohlen, wovon der Czaar allezeit den Zehenden Theil empfängt, ohne was seine eigene Handlung einbringet. An Mannschaft aber zum Kriege fourniret selbiges Reich nichts, sondern weile es nur mit Ruzsischen Colonien, eben wie Cassan und Astrachan an den vornehmsten Örthern besetzt ist, so müszen Jährlich noch Leuthe dahin geschicket werden, weswegen man den auch alle Delinquenten darunter mit enrolliret.

3.
Gouvernement von
Sibirien.

Das vierdte Grosze Gouvernement ist die Ukraine sonst Cosacken Land genand, welches sich A^o 1650 von der Cron Pohlen, wegen des übeln tractaments und Verachtung Ihrer Nation, von den Pohnischen Magnaten gäntzlich separiret, und wegen der gleichförmigkeit von der Griechischen Religion der Ruzsischen Bottmäsichtigkeit untergeben, doch mit gewissen privilegien, als dasz Ihr Hettmann oder Feldt Herr kein Rusze sondern einer aus Ihren Mittelen sein solte, Item das der Czar nicht mehr als 4 Regimente Ruszischer Infanterie in Friedens Zeiten in Ihren Lande halten, und keine Festungen darin bauen solte, Drittens das der Czaar Ihre Contributiones nicht verhöhen, sondern sich mit einem gewissen Jährlichen Tribut vergnügen, und Ihnen den freyen Handel nach Ruszland verstatten wolte. Dagegen sie verpflichtet sein solten in Krieges Zeiten auf die erste Anforderung mit $\frac{m}{20}$, auf die andere mit $\frac{m}{40}$, und auf die dritte mit $\frac{m}{60}$ Mann zu pferde gegen alle des Czaaren Feinde zu dienen, und Jährliche Feldzüge von 6 Monaten zu thun. Welches aber in diesem Kriege den Effect nicht gehabt, wegen des Betriegers Ihres Hetmans Mazeppa, auf welchen sich der Czaar so sehr verlaszen, dasz er auch nicht einmahl einige gegen remonstration seinentwegen anhören wollen, sintemahl Er es für unmöglich gehalten, das ein Mann von so hohen Alter, und den er mit Gnade und Wolthaten überschüttet, ein so falsches Hertze im Busen hegen könte, wie es die That ausgewiesen. Er hat aber gedachter Mazeppa die Gelegenheit daher genommen, das wie man dem Czaaren vorgebracht, es könte füglich geschehen, das der Czaar auch in der Ukraine alle Bier und Brandweinsschenken, verkauffung

4.
Gouvernement von
Cosacken
Land.

Mazeppa.

des Tobacks und dergleichen als ein Regale wie in Ruszland hette, ohne dasz die Cosacken sich darüber als eine Schwächung von Ihren privilegien beschweren könnten, Er solches gegen den Czaren bejahet, und zu dem Ende die Ihm zugeschickte ordres mit violence exequiret, unter der Hand aber
 5 seinen Landes Leuthen Insinuiren laszen, wie nunmehr die Zeit bald kommen würde, sich von solchen violencien zu befreyen, und der Nation einen eigenen König zu schaffen, welches zwar wie alle Rebellionen einigen ingels gefunden, aber so schlecht abgeloffen, wie jetzo zu Tage lieget, in dem das Land alle privilegien dadurch verlohren, und vermuthlich ins Künftige mit
 10 starcken Festungen und Garnisons wird im Zaum gehalten werden. Sonsten aber ist es ein sehr herliches fruchtbahres und Volkreiches Land, von Kiof bisz Kudach 60 Meilen lang, und von der Desna bis an die Niepre 30 Meilen breit, voller guten Handels Städte darin Reiche Kaufleuthe wohnen, so nach Breslau, Dantzig und nach Constantinopel handeln.

15 Zu diesem Ukrainischen gehören auch die Donnischen Cosaquen, welche gleichfals den Schutz des Czaren Ihren Capitulationen nach agnosciren sollen, aber in der That sich mehrentheils widerspenstig erzeigen, und Insonderheit in diesem Kriege bezeigt haben, weshalben der Gouverneur von der Ukraine bey itzigen Zeiten Ihnen auch fast keine Befehl zuschicket, sondern die
 20 Sache so hinstehen läszet, bisz der Czaar aus diesem Kriege eluctiret, und Zeit haben wird, Sie völlig zu paaren zu treiben, wie Er durch dahin geschickte Detachements schon öfters gethan, da er Ihre Redelsführer gefangen bekommen, und als Verräther straffen laszen.

Noch rechnen sich auch zu der Ukraine die sogenannte Zaporovische
 25 oder Eyländische Cosacken, welche auf den Insuln wohnen, die die Niepre unter Kudach bisz an dasz Schwartzte Meer formiret, deren eine grosze Zahl sein soll, so das etliche $\frac{m}{100}$ Menschen darauf wohnen, welches aber ein sehr rohes und ungeschicktes, von Pohlen, Tartarn, Ungarn, Türcken, Walachen, und andern Gesinde gesamletes Volck ist, welches sich auf nichtes als Rau-
 30 ben und plündern leget, und deswegen zu den Rebellionen sehr geneiget ist, also das der Czaar auch in guten Zeiten nichtes von Ihnen, als einen Schwarm gegen die Türcken und Pohlen zu vermichten hat, dafür Er Ihnen noch Jährlich ein gewiszes an prouiant und $\frac{m}{10}$ Ellen Tuch giebet, weile sie selber keine Handthierungen treiben, und blosz von der Jacht und Vihsucht
 35 leben: dahero sich dan auch der Czaar wohl vernehmen laszen, Er wolte alles dieses Gesindel von solchen Orthen vertreiben, und diese Inseln lieber wüste stehen laszen, als Ihre capricen zu befürchten haben.

5.
 Gouverne-
 ment von
 Archangel.

Das fünfte grosze Gouvernement ist das von Wolgda und Kargapol oder wie es anjetzo genandt wird, das von Archangel, welches von der Stadt Wologda zu rechnen, bisz an das Fürstenthumb Juchorien an das Petzorsche

Meer, über Hundert Teutsche Meilen in die Länge, und von dem Oneger See bis zu den Östlichen Gränzen von Ostiga, fast eben so viel in die breite hat, und eines der Volck Reichsten von gantz Ruzland ist, wegen des groszen Handels auf den Dvina Strohm, wodurch derselbe sehr mit Städten und Dörffern angebauet, und die Anzahl der Einwohner in selbiger Provintz 5 Ungemein grosz ist. Zu dem so sind in selbigen Bey den Ladoger, und Oneger Seen die groszen Eiszenwercke, wodurch gleichfalls viele Menschen Ihren Unterhalt gewinnen.

Das Sechste Gouvernement ist das von Smolensko, welches auch von Ziemlicher etendue wan es von Novogrod Sewirski bis an Elmer See, so über 80 Meilen Distantz ist in der Länge, und von der Niepre bisz Mosaisko so über 60 Meilen in die breite, gerechnet wird. Zu dem auch von ziemblichen Einkommen sein musz, weile darüber $\frac{m}{18}$ Edelleute, so Haus und Hoff nach Ihrer Arth haben, wohnen; aber gegen die vorigen zu rechnen, ist es doch nur das geringste, und bringet in diesem Kriege wenig bahr 15 Geld ein, sondernourniret nur die fouragie für die armée, und herumb liegende festungen, wie auch die fuhren dazu, welches die Bauren wegen des groszen Misbrauchs, in dem sie durch gantz Liefland, Litthauen, und die Ukraine, ja auch bisz Moscow öfters dazu employret werden, gantz Ruiniret. 20

6.
Gouvernement von
Smolensko.

Das siebende Gouvernement ist das von Ingermanland, wozu man die grosze Destricten von Pleskov, Novogrod, Twer und Narwa geleet, welche selbiges sehr important machen, weile die beyde ersten Städte nach Moscau die grösesten und Volckreichsten von gantz Ruzland sind, daherodas, das Einkommen von diesen Destricts sehr considerable ist. Man kan aber die 25 eigentliche etendue deszelben nicht Specificeren, in dem man die Schwedischen Conquesten noch täglich dazu geleet, welche durch den Frieden erstlich reguliret werden müsen.

7.
Gouvernement von
Ingermanland.

Das Achte Gouvernement ist das von Asoph, so zwar von sehr groszem begriff, nemlich von 130 Meilen in die Länge, wan man von Bielogorod an den Cosakischen Gränzen bisz ans astrachansche Gebirge an der Wolga rechnet, und über 100 Meilen in der breite, wan man Asoph bis Nisi Novogrod miszet, aber bey alle dem trägt es nur wenig ein, weile es nicht allein nur wenig Städte hat, sondern auch noch mehrentheils unbebaut lieget, in dem die Ceremischen Tartarn so den Obertheil, und die Circassischen Tartaren, die den Untertheil davon bewohnen, flüchtige Völcker sind, so sich bald hie, bald dort mit ihren Horden oder Colonien hinziehen; Weszhalbend an auch der Czaar keine Geld Contributiones aus diesem Destrict empfänget, auszer was die Krüge und Schencken bezahlen; aber an Pferden und Camelen kan sich der Czaar von dar nach aller Nothdurft versehen, 40

8.
Gouvernement von
Azoph.

auch viele Mannschaft zu seinem dienste haben, wan Er mit Türcken oder Pohlen zu fechten hette.

Aus diesen Acht Gouvernements bestehet nun das Ruzsische Reich, und gränztet also gegen Morgen mit den Chinesern und Persianern; gegen Abend
5 mit Pohlen, Litthauen und Liefland; gegen Mittag mit den Türcken; gegen Mitternacht aber mit Schweden, und hat solcher gestalt, wan es von den Schwarzen Meer bisz an das Petzorische gerechnet wird, über 300 Meilen, in die Längde, und von der Ladoger See, bisz an den euszersten Siberischen Gränzen 360 Meilen in die breite, welches zu qvadrat Meilen gerechnet,
10 eine grosze etendue Landes austräget. Worauf dan auch über 300 grose wohnete Städte, fünff Hundert kleinere, und viele Tausend Dörffer gebauet sind, aber mit diesem Unterscheide von andern Europæischen Ländern, das gantze Destricten und Nationen, darunter welche zum Kriege nicht tüchtig sind, als die Mongolen, Samojeden und National Siberier, und das andere,
15 als die Tatern und Cosacken, nur einen gewiszen Jährlichen tribut an Gelde, Vieh oder Wahren geben, wiewohl das der Rest der rechten Ruszen, doch so grosz bleibet, das es dem Czaaren an Volck zum Kriege nicht fehlet, und Er wegen des gegenwörtigen Krieges noch nicht in einige considerable Schulde vertieffet ist.

Des Czaaren
Jährl: Einkommen.

Von der Revenuen oder Jährlichen Einkommen des Czaaren, habe ich aus den verschiedentlichen deswegen ausgezogenen Nachrichten keine weitere Ausrechnungen machen können, alsz daselbige sich bisz Dato mit allen
extraord: Auflagen Jährlich höchstens auf 12 Millionen Rubels belauffen, welches wan das Geld noch von derselben Intrisiqven bonitæt, wie für den
25 Kriege wäre, sich auf 24 Millionen Rthlr belauffen würde, davon man anjtzto so weit es auszerhalb Landes, zu Subsidiën oder Einkaufung des Gewehrs mus employret werden, $\frac{1}{5}$ wieder abrechnen mus, in dem der Rubels, nur für 4 Gülden Hollendische Cassa-Geld kann employret werden. Es bestehen aber solche einkommen der 12 Millionen in folgenden Articlen, aus
30 denen vorher Specificirten Acht Gouvernements nach der Ausrechnung der dazu bestellete Pricacen oder Cantzeleyen:

	Rubels
1. Gouvernement von Moscow.	
woran die ordinairen Collecten, wan sie zu Gelde geschlagen werden, austragen	3 000 000
35 Die verpachtungen von Bier und Brand Weinschencken	200 000
Die Geistliche Gütter	200 000
Die Zölle	100 000
Gouvernement von Cassan und Astrackan Nach der Ausrechnung der Pricase von obigen posten in allem	1 200 000

Gouvernement von Siberien	1 600 000	1
Gouvernement von der Vkraine	300 000	
Gouvernement von Archangel.	1 400 000	
Gouvernement von Smolensko	300 000	
Gouvernement von Ingermanland.	500 000	5
Gouvernement von Asoph.	300 000	
Der Import: von Saltz	600 000	
Des Czaren Handlung	2 000 000	
Die Czarische Müntze.	100 000	
	11 800 000	10

Weiter habe ich nichts von diesen puncten in Erfahrung bringen können, bin auch versichert, das Er nicht von Importantz ist, wan noch etwas zurück gelaszen, als was die Manufacturen von Pulver, Eisenwerck, und Segeltuch bis Dato einbringen können, welches doch nicht mehr, als was noch, an der 12 Million mangelt ausmachtet wird.

15

Die Ruzsische Religion ist die Grichische wie bekand, also das es überflüzig hier zu raportiren worin Ihre Glaubens articul bestehen, oder worin sie von der Lateinischen oder von uns sogenandten Römischen Kirchen unterschieden sind: Desgleichen, welche man von selbiger Kirchen, nach dem Sinne der Catholischen Unianten, oder pure Griechen nennet; sondern Ich erachte es, in Allerunterthänigkeit genug zu sein, alhie zu erwehnen, dasz die Religion in Ruzsland, durch Ihren Patriarchen, Metropolitens und Archimandriten, als durch ein Haupt mit seinen Ertzbischoffen und Bischoffen regieret wird, doch solcher Gestalt, das der Czaar Summus Pontifex in seinem Lande, und daher die Handhabung alles deszen hat, worin die Weltliche Macht der Geistlichen in einem Reiche zu hülffe kommen mus, damit es ordentlich darin zugehe. Wobey die Ruszen dan diese besondere politiqve haben umb in dem bisherigen Stand unverändert zu verbleiben, dasz sie die Bekandte Ignorantz der Münche und Pfaffen sehr dulden, damit durch vieles Scrupuliren und gegensprechen, so aus der Lesung vielerley Schrifften und Bücher, öffters herrühret, nicht neue Secten unter Ihnen aufkommen, und also Ihrer Meinung nach mehr Unheil als Nutzen daraus entspringen möge; Weshalben auch keinem Pfaffen, wan er gleich dazu tüchtig wäre, erlaubet ist, nach seinem selbst eigenem Guthachten an den Sonn und Feyertagen die Evangelien oder andere texte dem Volck zu erklären, sondern, Wo es an einigen hohen Feyertagen gewöhnlich, dasz öffentlich musz gelehret und die Bibel ausgeleget werden, da gebrauchet man da zu die homelien oder

Ruzsische
Religion.

.

25

30

35

predigten, des Chrysostomi, davon der Pfaffe alsdan, eine ablieset, und weiter
 von dem seinigen nichtes dar zu thun, sondern die Ruzsische Liturgie im
 singen und bethen folgen musz, bisz der Gottesdienst zum Ende ist. Jedoch
 sind auch einige unter den Mönchen in den Klöstern, die die Studia excoli-
 5 ren, und werden solcher gestalt, wan sie dabey von gutter probitet und
 sitten sind, auch die Jugendliche Jahre passiret haben, zu Archimandriten
 und Metropolitnen erwehlet, wie es gegenwertig, die Exempel der Metro-
 politnen von Rostoff und Kiof beweisen, die beyde gar gelährte Prelaten sein,
 und weile sie alle Gradus Theologicos passiret, auch die Erlaubnus haben,
 10 nach unser Arth an Hohen Feyertagen zu predigen und mit frömbden von
 Glaubens Articulen zu reden; da sie dan sehr wohl wissen alles nach Ihrem
 hypothesi vorzubringen, und zu bescheinigen, worin man Ihren groben Aber-
 glauben sonst zu spühren erachtet. Das aber öfters die vermeinete Gelahrt-
 heit der Pfaffen Schismata und hereses zu wege gebracht, dasz beweisen sie
 15 auch mit dem gantz neuen, und bey Ihnen sehr berühmten Exempel Ihres
 Patriarchen Nicons, welcher für 60 Jahren zur Zeit des Czaaren Alexii
 Michalowitz des jtzigen Czaarn Herrn Vatters gelebet, der wegen seiner
 Gelartheit so voller ambition gewesen, das Er sich zum Pabst von Ruzland
 hat wollen declariren laszen, auch den Czaarn dazu schon so weit induciret
 20 gehabt, das es zur öffentlichen declaration damit würde gekommen seyn,
 wan nicht des Czaaren damahligen Schwester, so auch Sophia, wie dieses
 Czaren verstorbene Schwester geheiszen, und im Kloster gelebet (sonder
 Zweiffel aus Instigation eines andern Geistlichen) dem Czaren diesen Einwurf
 gemachet hatte: das nach solcher declaration in der Lateinischen Kirchen,
 25 die Römischen Kayser Rom bald hatten qvitieren und denen Päbsten über-
 laszen müszen. Welches zwar den Czaarn so sehr frappiret, dasz Er von
 solchem project auf einmahl gantz wieder abgegangen, Aber doch hatte die
 Ambition dieses Pfaffen in Ruzland viel Unheil und Schaden Verursachet;
 Dan der Patriarch soll über diese Hintertreibung seines Anschlags so verboszet
 30 geworden, dasz Er den Czaaren excommuniciret, und sich in ein Kloster
 reteriret, also das der Czar wegen des Anhanges von dem Gemeinen Mann,
 an denselben Pfaffen, fast nicht gewust, was Er thun sollen, bis Ihm endlich
 der Raht gegeben worden, Er solte drey andere Geistliche Patriarchen, als
 den von Alexandria, den von Antiochia, und den von Constantinopel nach
 35 Moscow kommen laszen, umb die Sache zu untersuchen, und den Ruzsischen
 Patriarchen zu condemniren, welches auch mit groszen Unkosten geschehen
 müszen, also das der Czar zwar seinen Zweck auch bis dahin erreicht,
 aber nachmahls sind diese Prelaten auch wieder zu weit gegangen, in dem
 sie gleichfalls zu Beweisung ihrer Gelartheit einen Synodum zur Berath-
 40 schlagung in Geistlichen Sachen ausgeschriben, und in selbigem die sich

selbst Segnung, mit dem Zeichen des Kreuzes, worin der Ruszen gröseste Andacht bestehet, solcher Gestalt zu verrichten befohlen, daselbe mit Drey fingeren, zur Erinnerung der Heyligen Dreyfaltigkeit, und nicht mit zweyen, wie bey den Catholischen, gebräuchlich geschehen solte. Ferner haben sie auch etliche wörter in der Ruzsischen Version von der Bibel corrigiret und einige Dispensationes in Ihren sehr strengen Fasten decretiret. Woran sich ein Theil Leuthe so sehr gestoszen und geärgert, das selbige (anjetzo Roscolsken genand) noch deswegen sich bisz auf diesen Tag von der Ruzsischen Kirchen separiret und mit keiner Gewalt, als wegnehmung Ihrer Habe und Güther, Strafe an Leib und Leben, haben wieder können herbey gebracht werden, sondern sich lieber in die Wüsteneyen retiriret, und wan man sie bis dahin verfolget, sich in Ihren Kirchen gesamlet und darin selbst verbrennen laszen. Weshalben dan der Itzige Czaar auch in diesem Stücke seine besondere Maximen hat, und umb allen Gestand von Geistlichen zu vermeiden, nach dem absterben des Letzteren Patriarchen für 8 Jahren keinen wieder erwehlen Laszen, sondern sein Amt durch den Resansken Metropolitzen verwalten lászet, dabey aber selbst alle übrige Geistliche Versamlungen öffters besucht und sich in ihren Kirchen bey öffentlichen Gottes Diensten und Administrirung der Sacramenten einfindet, Folglich auch allen Frömbden die permission gegeben die Ruzsischen Kirchen zu besuchen und Ihren Gottes Dienst anzusehen, da für dem dieselbe nicht einmahl auf die Kirchhöffe kommen dürften. Ferner das Umbtauffen derer, die zu der Ruzsischen Religion treten wollen, verboten, viele adiophora abgeschaffet und seine Kirche so viel möglich gewesen mit anderen conformiret, Woraus zwar einige von sothanen frömbden Religionen, Insonderheit aber die Catholischen schlieszen wollen, als wan des Czaarn Intention dahin ginge, sich mit Ihnen zuvergleichen, wie es dan auch die Schweden in Ihren Placaten, die Sie in Kosacken Land publiciren laszen, mit angeführet, umb daselbst die Rebellion zu vermehren. Aber der Czaar hat dagegen in seinen gegen placaten sehr indigniret und solches als eine grobe Calomnie verfluchet. Diceses aber erhellet wohl daraus, das der Czaar es gerne dahin bringe[n] wolte, dasz die Ruszen, den Catholischen und Protestantzen nicht mehr so feind sein solten, als sie bishero gewesen, und das man es nicht als eine Schwächung der fundamental Gesetze des Reichs ansehen mögte, wan Er seinen Cron Printzen mit einer Princessin von anderer Religion verheurathete, oder auch seines Sehl. Bruders hinterlaszene Princessinnen an Printzen von anderer Religion Christliches Glaubens zu verheurathen bewilligte, wie es das Exempel anjetzo beweiset. Doch aber ist die frage noch, ob es wegen dieses Exempels ins Künfftige etwas beständiges sein wird, oder ob es nicht nur ein tollerantz in des Czaaren Leben sey, dan meines wenigen Erachtens, wird es sehr schwer sein,

es dahin zu bringen, dasz eine auswertige Princessin jemahls als eine Czarin, Insonderheit von dem Itzigen Cron Printzen erkandt werde, Sie habe sich dan zu seiner Religion bekand, wie es dan auch alle, so deszen humeur kennen, versichern, und darunter mit mehrem in Allerunterthänigkeit soll
5 deduciret werden.

Rusische
Müntze.

Die Rusische Müntze ist aus zwölf $\frac{3}{4}$ Löthigen Silber gemachet und dabey in so weit sehr wohl eingerichtet, das sie ohne viele Ausrechnungen multipliciret und Dividiret werden kan; Dan der so genandten Copeqven, welche mit unseren Lß. sollen gleich sein, gehen 50 auf einen halben Rubel
10 oder Reichsthlf, 100 auf einen Rubel oder Ducaten, und 10 auf einen Griefven, also das wan Ich die Summa von 100000 Copequen setze, so weisz ich gleich, dasz ich Hundert Rubels oder tausend Griefven habe; nach welcher Arth alle Rechnungen im Lande eingerichtet werden und solcher Gestalt nicht leicht irrig seyn können. Mit dem Gewichte von dieser Müntze
15 hat es solche Beschaffenheit, das in Friedens Zeiten in Ruszland die Copeqven auf dem Fuesz geschlagen worden, das zwischen 50 derselben und 48 Lß. Alberttus wenig Unterscheid gewesen, weszhalben man auch den Gebrauch gehabt, das man alle die Rthlf: Species, so für Wahren aus Holland und Hamburg dahin gebracht worden, nur mit einem Adeler oder Ritter
20 von St: Iörgen gestempelt, und alsdann für halbe Rubels angenommen. Bey jtzigen Krieges Zeiten aber hat man zwar daselbe Schrot und Korn von dem Gelde bey behalten, aber das Gewicht davon fast bis auf die helffte verringert, so das 100 Rubels, welche für dem 16 bisz 17 Russische \mathfrak{R} gewogen, anjetzo kaum 9 \mathfrak{R} mehr wegen, wodurch die Reichsthlf: Alb: bisz
25 auf 80 Copeqven, und die Ducaten bisz 180 Copeqven im preisz gestiegen, und dafür angenommen werden. Auszer dem ist der Czaar der erste, welcher Rubels von Silber in nat: pregen laszen sambt anderen förmlichen runden Müntzen mit seinem Bildnisze, als halbe Rubels, Grivens und Altinen, so nur 3 Copeqven sind, weszhalben die Tartaren und Calmucken, wan
30 sie mit Ihren pferden und Wahren Jährlich nach Moscow kommen, selbe noch nicht gerne nehmen wollen, weiln Ihnen solche Müntz Sorten noch unbekand sind. Eines aber ist fast zu verwundern, wo alle die Specie Thalers, welche Jährlich nach Ruszland aus Holland und Hamburg geführet und daselbst verschmeltzet werden, sich noch finden? in dem es noch mehren
35 theilsz alte Burgundische, Cöllnische, Lü[be]cker und Schweitzer Thaler sind, deren man Jährlich über $\frac{m}{400}$ Ihnen zubringet, ohne die neuen Holländischen Rthlf, derer auch nicht wenig überkommen. Worzu der Czaar ferner noch viele L \mathfrak{R} Silber einkauft, und auf solche weise seine beyde Müntzen versiehet, worin täglich über 400 Persohnen arbeiten, also das, wan sie
40 darin einen Gusz thun, selber von 5 à 600 \mathfrak{R} ist, umb so vielen Menschen Arbeit zu verschaffen.

Man münzet aber fast allezeit lauter Cop., welche von dieser Besonderen Beschaffenheit sind, das fast nicht zwey derselben von einer form zu finden, aber doch alle von einem Gewicht sind, wozu sie diese Methode gebrauchen, das sie erstlich von der Materie einen Dratth machen, so etwas dicker als ein starcker strohhalm ist, von welchem nachgehends die stücken 5 mit einem scharffen Eisen in der Länge, wie es das Gewicht erfordert, abgeschlagen werden; worauf man diese Stücken andern Arbeitern zu bringet, deren zwey bey einem kleinen Ambosz sitzen, und der eine den Hammer führet, der andere aber Ihm ein stück von solchen Drat, nach dem andern darauf leget, umb es mit dem Hammer plat zu schlagen, welches mit groszer 10 geschwindigkeit verrichtet wird, weilm man nicht achtung giebet wo nachmahls solche stücke hinfallen, sintemahl der Ambos mit einem Ledernen Sack umgeben, darin sich alles samlen musz, und von daraus werden diese stücke wieder anderen Arbeiteren hingebacht, die sie auf eben die Weise stempelen, woraus leicht zu erachten, das eine Ungleichheit in der form end- 15 stehen müsze.

Güldene Müntze hat der Itzige Czaar und sein Herr Vatter Sehl. auch einige schlagen laszen, so mit unseren Ducaten eines sein sollen, aber was die von vorigen Zeiten zu schwer, dasz sind dieses Czaren seine zu leicht, und beyde Sorten zimlich rahr, also das sie mehr für Medaillen als Gang- 20 bahre Müntze zu achten sind. Denen falschen Müntzern gieszen sie geschmoltzen bley in den Halsz, bisz Er davon stirbet, wodurch solche delinquenten öfters sehr geqvälet werden, ehe sie den Geist aufgeben können.

Von den Ruzsischen Gesetzen und Straffen ist alhier zu weitlaufftig zu Handeln, und nur dieses zu erwehnen, das die Justice in selben Landen, 25 Leyder! noch nicht gahr zu aufrichtig administriret wird, in dem sich alle Richters corruppiren laszen, und alles gestohlene und wieder ausgefundene Geld oder Sachen den Eigenthümern vorenthalten, ja solches gar zu sich nehmen und öfters die delinquenten lauffen laszen, welches dem Czaren zwar wohl bewust, wie Er dan deswegen schon viele Richters hencken und 30 absetzen laszen, aber die Justice recht im schwange zu bringen ist Ihm wegen dieses schweren Krieges noch nicht möglich gewesen, also dasz bey so gestalten Sachen es noch ein groszer Verdrusz in Ruzland ist, für Gerichte zu thun zu haben, weilm der Kläger, wan Er Geld hat, der glücklichste ist, und den Beklagten auf leichte indicia, die Er mit verEhrungen gültig 35 machet, kan in verhafft nehmen laszen, bis Er Ihm der Anklage nach vergnüget hat. Sonst sind die Ruzsischen Gesetze an sich selbst klar und billig genug, und also den Rechten anderer Völcker in den meisten puncten gleich, aber in der Observantz von denselben sehr unterschieden, welches durch einige Exempel wohl könte vorgestellet werden, wan Ich nicht be- 40

Ruzsische
Gesetze.

dencken tragen müste, Ew. Königl: Maj^{te}: Gnade und Gedult zu miszbrauchen, wan in diesem Articul so weitläuffig seyn solte, in dem noch verschiedene andere, von hoher Importantz zurück, die Ich in diesen Allerunterthänigsten Bericht werde mit schlieszen müszen, Als

Ihre 5
Czarische
Mayst:
Persohn.

Erstlich und Insonderheit, von Ihre Czaarische Mayst: Hohen Persohn, welche dan gleichfalls nach Ihrer taille, und euszerlichem Ansehen zu beschreiben unnöthig erachte, weile selbige Ew: König: Mayst. aus denen vielfältigen Nachrichten genugsahm beandt ist, Was aber dehro Innerliche Gemühts Neigungen betrifft, solche finden zwar alle und Jede ungemein und besonders unter Ihrem Volcke zu seyn, aber weil Ihre Czaarische Mayst: von sehr facilen Umgang sind und ohne denen bey groszen Herren sonst gewöhnliche Ceremonien von einen Jeden können angeredet werden, auch Ihnen kein Hausz verächtlich und unbeqvem düncket, wan sie nur die Leuthe darin finden, die sie zu sprechen verlangen, ja für Ihre Persohn
10 von keinen reichen Kleidungen, Magnifiquen meublen, equipagen, und Hofhaltung etwas wiszen wollen, dabey auch auf Ihre Sitten nicht eben allezeit reflectiren; so düncket manchem, das Ihnen die Natur in dieszen stücken etwas versaget, und das Ehre und Rnhm bey der Welt gantz nicht die Tugenden sind, so in Ihren Gemüthe herrschen, sondern das vielmehr der
20 Umgang mit geringen Leuthen Ihr bestes Vergnügen sey, insonderheit weiln sie auch die Wiszenschafften derselben, als Drehen, Zimmeren, Feuerwercken, Uhrmachen, pitschierstechen und dergleichen sehr lieben, auch selbst öfters mitarbeiten. Aber wann mann im gegentheil höret, wie dieser Herr, von seiner ersten Kindheit auf, so viele Zeichen ungemeiner Zuneigung etwas zu sehen, und zu lernen, von sich gegeben, als dasz Er alle Ihm vorgekommene Historische Ahbildungen mit groszem fleisz angesehen, und nicht nach der damahligen auferziehungs Arth der Jungen Ruszischen Printzen auf dem Schlosze eingesperret bleiben wollen, sondern wan man auf Ihm als auf dem damahligen dritten Printzen nicht alzu genau achtung
30 gegeben, sich öfters verkleidet umb sich in der Stadt bey allen Gewerben umbzusehen. Fürs andere dasz dieser Herr, gleich nach seiner Erhebung auf den Thron die Frömbden an sich gezogen, umb sich von Ihres Landes Beschaffenheit zu Informiren. Drittens dasz Er bald darauf sich mit in die damalige Alliance gegen den Türcken begeben, und ob man gleich
35 Ihm darin abandoniret, doch feste gehalten, und einen glorieusen Frieden gegen selbigen Feind befochten. Viertens, bald nach diesem eine Reyse von noch gröserm Absehen nach Engelland und Holland gethan; und da er fünftens solche wegen die angesponnenen groszen Rebellion von seiner eigenen Schwester und so vieler Bojaren verkürtzen müszen, diese so gefährliche
40 Aufwiegung mit so groszer Courage und verstande gedempfet, dasz er

dadurch ein Schreck aller die seinigen geworden, die sich seit dem für Ihm Beugen und seine Befehle mit der grösesten Demuth von der Welt annehmen müssen: So siehet man wohl, das es nicht aus schlechten Ursachen geschehen, wan er die Krieges Wissenschaft zu fassen von einem Mousquetier auf dienen und seine Lehrbrieffe von der Schiffbauerey und Feuer 5 Werck Kunst annehmen wollen, sondern dasz es vielmehr seinen sonst sehr faulen und hoffärtigen Ruszen zum Exempel dienen, und keiner sich ferner entschuldigen sollen, dasz solche Verrichtungen für Ihm zu geringe seyn, weiln sie es für dem Czaaren nicht gewesen, der da will, das ein Jeder seinen Exempel folgen soll. Woraus dan auch ferner abzunehmen ist, warumb 10 der Czaar bis Dato nicht in seinen Schlosze logiret und sich daselbst als ein groszer Herr bedienen lászet? nemlich weiln er sehr grosze projecten auszuführen im Sinne hat, und also diese Unkosten Lieber auf eine Zeitlang spahren, als aus Mangel des Geldes selbe limitiren will, Insondernheit weiln die alten Czaren eine so grosze Hofstatt gehalten und Svite 15 mit zu felde geführet, das dazu ein groszes Jährlich würde erfordert werden, wan sie selbigen gleich sein solte. Und auf selbige weise ist es durch die Erfahrung wiederleget worden, was man von diesem Herrn auch zu frühzeitig Judiciret, nemlich dasz die bravoure bey Ihm nicht zu grosz, oder wenigstens der von dem König von Schweden nicht entgegen zu setzen 20 wäre, weiln Er in der Belagerung von Asoph viel zu gegen gewesen, und von der ersten belagerung von Narva sich Zwey tage für der Bataille retireret, da man die sichere Nachricht erhalten, der Feind wäre im Anzuge den Platz zu entsetzen, und was man für kleine Exempel mehr debitiret; Dan dieses hat sich nachmahlsz gantz anders gezeiget, wie Er den Krieg durch 25 seine Intrepidite und courage, wieder die Sentiments der Seinigen, ja fast aller Auswärtigen Souteniret, und lieber als ein Soldat sterben, als aus Verzachtheit sich seinem Feinde unterwerffen wollen, wie es sein damahliger Sprichwort wahr. Zwar ist es nicht ohne, dasz der Herr nicht eben allezeit von so promter resolution ist, wie manches naturel dazu Incliniret, so gleich 30 ins Feuer zu lauffen und sich zu exponiren bereit ist, aber wan eine Sache vorher bedacht und resolvirt ist, so ist es gewis ein Herr von groszer Va leur, der sein Leben nicht schonet, und sich von keiner Gefahr vertreiben lászet, wie man vielfältige Exempel davon anführen könte. Wan es aber doch könte erlaubet seyn, an einem so groszen Herrn etwas zu remarqviren, 35 so obigen Tugenden entgegen stehen könte, so müste es das durch seine favoriten Ihm eingepflanzete Misztrauen und die daherö öftters entstehende unzeitige Kargheit sein, welche vieler Sachen unbeständigkeit verursachen: als ungleiches Wohlwollen seiner Diener, Veränderung vieler Rahtschläge oder Absichten, wenige Reflexion auf gethanes Versprechen, Erhebung 40

derer, so etwas neues vorbringen, oder weit auszehende gefährliche Dinge
 unter dem Schein des Rechtes vorstellen können, und was ferner daraus
 gemeinlich entstehet. Aber durch die Mainteinung eines Mannes hat der
 Herr auch solches wiederleget, nemlich durch die beständige faueur, mit
 5 welcher Er den Fürsten Alexander Danielowitz Menchikoph zugethan ist,
 der nicht allein öfters selbst durch eine irreguliere Conduite Anlasz gege-
 ben, solches zu verändern, sondern es haben auch vielfältig die Bojaren,
 Frömbden Ministri, die Princessinen und Verwittibten Czaarinen, ja gar
 auswertige Potentaten, daran gearbeitet, wie sie Ihn stürzen mögten: Also
 10 das es wenigstens dem Czaarn nicht unmöglich ist, beständig zu sein. Wo-
 runter dan auch, was den Fürsten Menchikoph betrifft, diese politique mit
 zu Versiren scheinet, dasz der Czaar sich bey der Maxime wohl befindet,
 dasz Er durch diesen favoriten alle Sachen exequiren läset, die mehr mit
 seinem Nutzen als der Generositaet überein kommen, als wan Er dem Stro-
 15 genoff das Einkommen von den Ruzsischen Saltzwercken, gegen seine
 Väterliche und Grosz Vätterliche privilegia, beschneiden, dem Rosenbusch
 seine Eysen wercke wegnehmen, ein und anderen Bojaren, die Gouverneurs
 von eine Province, Chefs von einer Pricasce sind, und dergleichen zur De-
 muth und Unterthänigkeit bringen will, dan in solchem fall Läszet der
 20 Czaar sich nichtes mercken, sondern scheinet sehr gnädig zu seyn, Fürst
 Menchikoph aber befiehet alles, wie Er es haben will, und sagen indeszen
 zu dem Czaaren, wan Er Ihm der Leuthe wegen zu Rede stellet, Ihre
 Czaar. Mayst. mögen Ihm nur gewähren laszen, Er repondire dafür bey
 Straffe seines Lebens, und wolle, wan es bewerkstelliget, dem Czaaren schon
 25 von allem Rede und antwort geben, Welches pouvoir der Czaar nicht leicht
 jemand anders von seinen Bojaren geben dürffte, wegen des Anhanges von
 Ihrer familie, auch schwerlich jemand sonst finden würde, der solche faueur
 mit gleichem fleisze und Valeur Soutenirete. Welches dan auch diese affec-
 tion so beständig gemachet, das Ihm der Czaar schon längst das Commando
 30 von der armée anvertrauet, und den Fürstl. titul beylegen laszen, wornach
 anjetzo seine Hoffstat vollenkomlich eingerichtet, also dasz er von allen
 Ruzsischen Kneesen und Bojaren mehr distingviret ist, als diese von ordi-
 nairen Ruzsischen Edelleuthen immer seyn können. Sonst hat der Czaar
 auch zu Ausrichtung seines Willens in Sachen, da Er nicht in will erkand
 35 werden, noch diese Maxime, das wie es unter der Nation ins gemein her-
 kommens, das niemand, der einigen Vermögens ist, verabsäumet, an Arme,
 Wahnsinnige und gebrechliche Leuthe guttes zu Thun, und wan Er nur
 die Gelegenheit dazu findet, derselben wenigstens einen bey sich ins Haus
 zu nehmen, dieselben an seinem Tische zu speiszen, mit Kleidung und sonst
 40 überiger Nohtdurft zu versorgen, damit sein übriges Hausz diescr Barm-

hertzigkeit wegen ferner gedeyen möge: So hat auch der Czaar allezeit wenigstens drey oder vier solche wahnwitzige Leuthe umb und bey sich, die mit bey seiner Tafel speiszen, in seinen Zimmern frey aus und eingehen, und folglich sich allezeit bei Hoffe befinden. Unter denselben aber stecken auch zugleich grosse Schalcks Narren, die sich bey groszen Convi- 5 viis vollsaufen, alsdann die grösesten Bojaren öftters sehr verhöhnen, Ihnen Ihre Miiszhandelungen mit groben Worten verhalten und mit des Czaaren Ungnade bedrohen, da indeszen sich der Czaar ansetzet, als wan Er nichts höre, bisz endlich die Bojaren sich zu seinen Füszten werffen, da Er Ihnen dan wohl ein und anders zu verstehen giebet, aber endlich doch des 10 Narren Alberheit entschuldiget, und Ihm als einen trunckenen Wahnsinnigen Menschen wegbringen läszet, womit selbige Sache dem Ansehen nach wieder geschlichtet ist. Was man aber von des Czaaren Grausahmkeit in Europa debittiren wollen, solches findet sich gantz und gar nicht, in dem es sonst in denen vier Jahren, die Ich in seinen Landen gewesen, wegen der 15 vielfältigen dazu gehabten Gelegenheiten, an Rebellen, Verräthern und Widerspenstigen wohl würde sein zu spühren gewesen, die Er aber alle-mahl an die ordinaire Justitz verwiesen, und von derselben Ihr Urtheil sprechen laszen, auch niemahls einiger execution mehr mit zugesehen, auszer was die hinrichtung des letztes Redelsführers der Donnischen Cosaquen be- 20 trifft, davon die Ursache eben dieselbe wie in denen groszen Rebellionen zu Anfange seiner Regierung gewesen, nemlich das bey solchen hinrichtungen Ihm öftters erstlich die beste Nachricht von den bösen Absichten solcher Schelme gegeben worden, die man Ihnen auch mit den gröszesten Peinigungs- 25 nungen nicht zuvor abzwingen können, weiln die Natur von der Ruzsischen Nation in solchen fällen sehr hart ist. Derohalben auch der Czaar die unter Ihnen gewöhnliche Straffen der Padoggen oder grausahmen Zerprügelung mit stocken auf den bloszen Leib und der Knuth oder peitschen mit einer Langen peitschen am Kurtzen stiel, nicht verändern will, ausgenommen bey 30 der Armée, da man die sonst in Europa gebräuchlichen Straffen unter denen Soldaten schon mehrentheils aufgebracht. In den Consiliis giebet der Czaar auch gemeinlich durch sein votum den Ausschlag, weiln nach aller Aus- 35 zagge, die mit Ihm in deliberationibus gewesen, das gröseste Iudicium darin zu finden, wie es auch seine Feinde nach denen Antworten, die Er auf Ihre propositiones öftters extempore gethan, gestehen müszen, auch die viel- fältige öffentliche repliquen, die der Herr mehrmahlen gegeben, einen Jeden umbstehenden davon convinciret, wovon noch viele Blätter könten angefüllet werden, wan die Vermäldung davon nicht zu weitlaufftig erachtete.

Weiln der Czaar aber nur einen einzigen Printzen hat, den man Czarewitz, oder nach unserer Arth den Cron Printzen nennet, und Er gerne

Der Czare-
witsh oder
Czarische
Printze.

wünschete, das seine Reglen und Maximen auch nach seinem Tode in seinem Reiche zur Conservation und Gloire deszelben beybleiben möchten, so hat Er, nach dem Er gesehen, dasz die Clergé Ihm nicht erlauben wolten, zur anderen Ehe zu tretten, ehe Er von seiner noch im Closter Lebenden Gemahlin durch Ihren Consens, den sie bis Dato refusiret, geschieden wäre, und es Ihm solcher Gestalt unmöglich fält, einen anderen seines Leibes Erben auf dem Throne zu beförderen, alle ersinliche Mittel angewand, diesem Herrn solche principia beybringen zu laszen, die Ihm dazu leiten könnten, und hat Ihm zu dem Ende nebenst dem Ruzsischen Informatore auch zugleich einen Teutschen verordnet, der auf des Printzen Sitten achtung geben, Ihm die Sprache lehren, und zu dem Umgange mit den Teutschen gewehnen solte, Ferner auch in der Historie, Fortification, und allen exercitiis, als Fechten, Tantzten, Handgriffen von Gewehr, und dergleichen informiren laszen. Nachgehends mit den anwachsenden Jahren unter der Milice als unter Officier, und so per gradus einschreiben laszen, bisz Er Ihm eine Compagnie, und bald darauf ein Regim^{mt}: anvertrauet, darunter sich viele von der Noblesse in Dienst begeben. Worauf der Czaar den Printzen mit nach der Armee genommen, umb Ihm mehr Lust zum Kriege beyzubringen, weiln aber selbe nicht sonderlich verspühret worden, und der Printz auch die fatigven nicht ausstehen können, sondern in viele grosze Krankheit verfallen, so hat Ihm der Czaar die Commission als General Inspecteur von allen Magazinen aufgetragen, Insonderheit aber deszen, welches bey dem Anmarsch der Schweden A^o 1707 in Smolensko aufgerichtet ward; da Er mehr als für eine Million Korn und fourage zusammen bringen liesz. Und da man nachgehends in der Stadt Moscow eine verborgene Verrätherei besorgete, so schickte der Czaar den Printzen wieder dort hin, umb in allen Berathschlagungen zu presidiren, die ordres und Nachrichten selbst zu unterzeichnen, und also von allen und jeden Sachen vollkommene Information einzunehmen. Wovon sich der Herr dasmahl mit groszem Fleisze acqvitiret, bisz die Gefahr vorüber war, und der Czaar für guth befand, Ihn wieder zu sich kommen zu laszen, aus der Uhrsache mit, wie einige sagen, weiln der Czaar vernommen, das der Printz sich in des Kneesen Gagarin Tochter verliebet hatte, die auch gleich darauf mit des Grosz Cantzlers Golofkin Sohn verheurathet ward, und weiln Er solcher Gestalt, der Ruzsischen Religion nach, wieder das Gewiszen lieffe, den Printzen das Heurathen zu verwehren, so kamen des Czaaren Absichten in diesem Stücke ferner an den tag, nemlich das der Printz eine frömbde Gemahlin heurathen solte, weshalb Er Ihn dan auch nach Teutschland geschicket, umb sich alda eine Braut auszusuchen, worunter Ihre Königl: May^t wie bekandt, nach aller Freundschafft, mit an die Hand gegangen.

Indeszen ist man doch in Ruszland Generalement der Meinung, das der Czarewitz nimmer solche Vigoreuse Consilia, wie der Herr Vatter amplectiren, und die Veranlaszete Veränderungen lieben werde, sondern dasz er nur bloz in allem dem, was der Czaar befiehet, nach Ihren principiis den kindlichen Gehorsam zeige, naturellement aber ein eingezogenes Leben 5 nach der Arth desz Herrn Grosz Vatters und Alter Vatters Liebe, die Ihre Armêen niehmals selbst commandiret und den meisten Umgang mit den Geistlichen gehabt, welche dan auch schon mehrentheils umb Ihn sind, und Ihm das vollenkömlich beygebracht haben, das Ruszland, schon an sich selbst mehr dan zu grosz, und keine Conquesten bedarff, auch keine Flotte 10 zu seiner Defension von nöthen habe; und das die Frömbden zwar einige Reglen von Krieges Disciplin mögen in die Observantz gebracht haben, aber im übrigen dem Lande sehr schädlich sein, weiln sie dem Knesen und Bojaren die Freyheit, dem Gemeinen Mann aber die Üppigkeit, und das wohlleben in den Kopf bringen, wodurch Rebellionen und Zertrennungen müsten 15 fomentiret werden, weiln die Mittel der Eingeseszenen dazu nicht proportioniret seyn, das sie auf Ausländische Manieren sich Meubliren, Kleiden, Eszen und Trinken können, also das Betrug und Ungerechtigkeit dadurch überhand nehmen müsten; wovon sie schon viel Exempel zu Citiren wiszen; also das der Printz viele Sachen mit gantz anderen Augen ansiehet, wie 20 einige wohl gedencken und hoffen mögen.

Das übrige Czarische Haus bestehet aus nachfolgenden Persohnen, als Die Czarische Familie. den beyden Czarrischen Wittiben, des Czaren Foedor und Czaren Iwan des jtzigten Czaren gewesenen Gebrüdern, davon die erste Wittibe aus dem Hause à Praxin keine Kinder gehabt, die andere aber aus dem Hause Sol- 25 tikow drey schöne Princessinnen hat, deren die Mittelste Princessin Anna, anjetzo mit den Printzen von Churland soll vermählet werden. Ferner hat der Czaar noch vier Schwestern, die sein Herr Vatter mit der ersten Gemahlin gezeuget, und die Princessin Natalia seine Leibliche Schwester, die Er sehr liebet, und Ihr auch ein gutes auskommen nemlich $\frac{m}{20}$ Rubels zu 30 Ihrem Jährlichen Unterhalt auszer die presenten und Victualien giebet, dahingegen die Verwittibte Czarin Soltikown nur so viel für sich und Ihre drey Princessinnen bekömmt, und Czarin àpraxin sich mit der helffte vergnügen musz. Von den übrigen halb Geschwistern, wohnen die zwey Ältesten in einem groszen Pallatzo, so aber auf die Kloster Arth eingerichtet, 35 in Moscow, und die dritte Catharina welche mit Complice von der Conspiration der verstorbenen halb Schwester Sophia gewesen, befindet sich noch in eben dem Jungfern Closter eine halbe Meile von der Stadt Moscau, worin die andere gestorben, doch mit dem Unterscheide, seit zwey Jahren, das sie auf den festiviteten herausfahren und bey der anderen Herrschafft mit 40 erscheinen darff.

Czaren
Gemahlin.

Des Czaren Gemahlin, ein La Pouchine von Geschlecht, befindet sich auch in einem Jungfern Kloster, aber ist daselbst mehr wie eine Gefangene, als eine Religiöse consideriret, in dem sie nicht in die Ehescheidung mit dem Czaren consentiren und zum Zeichen deszen die Schere zur Abschneidung der Haupt Hare nach ihrer Gewohnheit hergeben will, also das der Czaar nicht nach den Ruzsischen Gesetzen wieder Heurathen kan, welches die unüberwindliche Eifersucht dieser Damen anzeiget, dan die Ursache der Zweyhung in diesem Ehestande rühret daher, dasz wie der Czaar seit Er zur Einseitigen Regierung gekommen viel in der teutsche ScLabode gewesen, umb die Teutschen Kauff Leuthe in Ihren Haußern zu sehen, so hat seine Gemahlin Ihm ungescheuet gesaget, dasz Er daselbst mit den Heiden Unzucht triebe, auch solches so offte, und mit solcher Vehementz, dasz wie der Czar einesmahls des Abends spähte von dannen wieder Zurück gekommen und, umb die Csaarin zu ergötzen, viele Galanterien, so er von denen Kauf Leuthen erhandelt hatte, als ein present für sie mit gebracht, und auf den tisch setzen laszen, Sie voller Eyfer hin Zugetreten, und alles in des Czaren Gegenwart auf die Erde geworffen, sagende: Sie wolte solche presenten nicht haben, und denen Teutschen H . . . auch nicht gönnen, sondern lieber wie sie auch gethan, mit füszen zertreten; Worüber der Czaar sehr entrüstet aus der Cammer gegangen, und ein Gelübde gethan, seiner Gemahlin nimmer mehr zu nähern, welches Er auch bisz Dato gehalten.

Fürst
Menchikoph.

Nach des Czaren bisz hie zu Specificirten familien (dan die Vettern und Oheimbs von der Mutter und Gros Mutter Seiten haben weiter keinen Vorzug) ist der erste von den Czarischen Unterthanen der Fürst Alexander Danielowitz Menchikoph, der immediatement für den Czaaren in Conseil sein Votum giebet, und bey des Czaaren Armèen en chef commandiret, des Cron Printzen Hoffmeister ist, und deszen Hand und Befehl in allen Sachen, ausgenommen bey der flotte, so wohl als des Czaren eigene Hand und Siegel consideriret und gehorsamet werden musz.

Dieses Herren Abkunfft ist aus Litthauen, von wannen sein Grosz Vatter, in den alten Ruzsischen Kriegen, als ein Gefangener nach Moscow soll gebracht worden seyn, der umb die Freyheit wieder innerhalb Landes zu gewinnen die Ruzsische Religion angenommen, und seine Kinder folgendts darin erzogen, wiewohl in groszer Armuth, also das der Vatter auch diesem Sohne nichtes hinterlaszen als einige adresse bey Hoffe, wodurch es Ihm soweit geglückt, dasz Er dem Jtzigen Czaren uud dahmahligen Printzen als ein Denschick oder page zugegeben worden, da Er in allen Verfolgungen grosze Treue spühren laszen, auch nachmahls so viel Witz und Verstand geeuszert, dasz Ihm der Czar stets zu Vermeldung aller Befehl und Botschafften an die Bojaren gebrauchet, wobey seine Erinne-

rungen dan und wann nicht undienlich gewesen, also dasz die faueur seines
 Herren dadurch Täglich zugenommen. Insonderheit weiln er auch in Me-
 chanicis fleiszig mit gearbeitet und fast nimmer aus des Czarren Augen
 gekommen. Doch hat Ihm der Sehl. Admiral Lefort, so lange Er gelebet,
 allezeit dergestalt wiszen zurück zu halten, dasz er nicht praetendiren 5
 dürffte, Ihn in einigen Sachen vorzugreifen. Nach deszen Tode aber, da
 der jtzige Krieg angegangen, und Alexander Danielowitz auch darin grosze
 application spühren laszen, Insonderheit aber da durch seinen Anschlag,
 wieder des Czaren Vermuhten, die Festung Noteburg, nunmehr Schlüszel-
 burg genandt, sich ergeben müssen, so hat Ihn der Czaar bald darauf zum 10
 Obristen Declariret, und seinen Regiment unter den Nahmen des Ingerman-
 landischen den ersten Rang unter der Infanterie nach seinem zwey Garden
 Prebrasinski und Simonofski gegeben, auch gleich darauf zum Graffen
 Declariren und A° 1705 durch den Römischen Kayser den titul eines Teut-
 schen Reichs Fürsten Beylegen laszen. Worauf Er weiter noch in selbigem 15
 Jahre als General von der Moscovitischen Cavallerie vorgestellet worden,
 und wie Er A° 1706 die bataille bey Kalisch gewonnen, auch A° 1708
 und A° 1709, da der König von Schweden die Niepre passiret, und sich
 wegen des Verraths von Mazeppa nach der Ukraine gewendet, viel contri-
 buiret, dasz die Bataillie von Propoisch gegen Lewenhaupt ist engagiret 20
 worden, insonderheit aber bald darauf die Cosackische Residentz Staat Ba-
 turien mit weniger Manschafft bestürmet, 6000 Cosacken darin niederhauen
 laszen, in der Bataille bey Pultava die Cavallerie commandiret, den Schwed-
 dischen Gen. Major Tauben eigenhändig gefangen genommen, auch endlich
 zwey Tage hernach den General Lewenhaupt bey Prevolosch an der Niepre 25
 wieder eingehohlet, und mit denen bey sich habenden $\frac{m}{18}$ Mann, das Gewehr,
 ohne es vorher zu gebrauchen, nieder zu legen gezwungen, so hat Ihn der
 Czar des folgendn Tages als General Feld-Marschal aller seiner Armèen
 und trouppen declariret, folglich Ihm alle die confisqvirte Cosackische
 Gütter geschencket, also das Er anjetzo wie der Reicheste und vornehmste 30
 Herr von allen Ruszischen Kneesen nnd Bojaren zu consideriren, auch da-
 rin vermültlich, so lange der Jtzige Czaar lebet, keine veränderung be-
 fürchten darff, wie es der Czar Ihm öffters mit vielen Eyden versichert hat,
 und auch sonst wie schon oben erwehnet, alle seine Maximen würde zu-
 gleich ändern müssen. Biszdalin aber haben noch Ihrer viele dafür halten, 35
 dasz es des Fürsten grözstes Unglück würde mit gewezsen seyn, wan die
 Schweden die Ruszen geschlagen, und in selbiges Reich sich eingedrungen
 hatten, weiln alsdan für dem Czaren kein ander Mittel, umb sich mit sei-
 nen Unterthanen auszusöhnen und die Rebellionen zu dempfen, würde ge-
 wesen seyn, als die Schuld so vieler neuen Anschlagen eines andern Geitz 40

und Unbedachtsamkeit zu Imputiren und Ihm deroselben Wunsch nach auf zu offern.

Grosz
Cantzler
Gollofkin.

Der andere von des Czaren vornehmsten Unterthanen ist der Grosz Cantzler Graff Gabriel Iwanowitz Gollofkin, dem der Czaar dieselbe Charge A^o 1707 nach des Sehl. Grosz Cantzlers Graffen Gollovins Tode conferiret, welcher zugleich der President von der Posolsken oder Reichs Gesandten Cantzelei ist, und also über alle die anderen Pricasen einigen Befehl mit hat. Dieser Herr ist für dem schon lange des Czaren Ober Cammer Herr und Ritter vom St. Andreas Orden gewesen, und hat sich durch seine douceur und Höflichkeit stets so beliebt gemacht, dasz Ihm alle und Jede diesen post gerne gönnen. Insonderheit aber hat der Fürst Alexander Danielowitz dazu contribuïret, weile er wohl gewust, das Er an Ihm keinen Antagonisten haben würde. Von auszwärtigen affairen aber hat dieser Herr weiter keine Connoissance, als die Er aus den täglichen Berichten erlernet, und wie weit die Gesunde vernunft Ihm darin zustatten kommen kan, dan Er weisz keine als die Ruzsische Sprache, und kan also sich durch nachleszen darin nicht helfen.

Admiral
à Praxin.

Die Dritte Persohn ist der itzige Reichs Admiral Graff Fiedor Matwewitz Apraxin, der für dem in den Türkischen Kriege als Obristen gedienet, folgendes lange Admiralitetz Rath gewesen, da Er sich durch seinen Fleisz sonderlich in des Czaren Gnade fest gesetzt, also das Ihm der Czar nach der Sehl. Graffen Gallovins tode, diese Charge conferiret hat. Nach der Zeit aber hat Ihm das Glück sonderlich favorisiret, dan da die grosze Armée von dem Czaaren A^o 1708 an die Niepre und in Cosacken Lande, gegen die Schweden stand, hat A Praxin die trouppen, die an der Düne und in Ingermanland geblieben waren, gegen den Schwedischen General Lübeckern Commandiret, und damahls fast Anfangs nicht gewust, wie Er die Sachen regieren solte, aber zu seinem Glücke, kam dem General Lübecker damahls auf einmahl die furcht so starck an, dasz er alle pferde von dem bey sich habenden corpo, an der Zahl über $\frac{m}{6}$ todt, stechen liesz und sich mit seiner Manschafft auf die Schwedische Flotte, die damahls unter Commando des Admiral Anckerstierns bey Capurien lag, retirirte, auch mehr nicht als etwan 800 Mann Sachsische Knechte, die in Thorn waren gefangen genommen worden, zurück liesz, die der Admiral in Ihren retranschement forcirte, und dadurch den Nahmen eines guten Generals mit bekam; den Er nun diese verwichene Campagne durch die Eroberung von Wiburg und Kexholm mainteniret, und also sambt anderen davon in possession ist. Von der Marine aber verstehet Er weiter nictes, als das Er die Unkosten davon zu berechnen weis, wozu der Czaar eine eigene Pricace verordnet, davon Er der President ist.

Nach diesem hat der Czaar noch verschiedene Geheimbte Rätthe, die Er stets in seinen geheimen deliberationibus, nach dem sie sich zur stelle befinden, oder die affaires es erfödern, mit zuziehet, als den Bojaren Muzin Puskin, den Kneesen Gregorii Dolgorouski, den Gouverneur von Moscow Gagarin und andere mehr; Der Jenige aber, so anjetzo das Archiv und die Expedition von dem ausländischen affaires unter Händen hat, ist der so genannte Reichs Vice Cantzler Schaphiroph, welcher eines bekehrten Juden Sohn ist, deszen Vatter nur für 4 Jahre gestorben; und hat dieser Mann sein Glück dem Sehl. Grosz Cantzler Gollovin zu dancken, der Ihn, weile Er der Ruzsichen und Teutschen Sprache kündig war, in die Reichs Gesandten Cantzeley erstlich als einen Translateur gesetzt, und auch dazu etliche Jahre gebrauchet, worin er insonderheit nützliche Dienste auf des Czaren Reyse geleistet, und sich solcher Gestalt hinauf gearbeitet, das Er endlich A° 1706 den Character als Estats Secretarius bekommen, worauf Er nach des Sehl. Gollowins tode allezeit mehr und mehr gebrauchet worden, und nach der Zeit, da man resolviret, den jtzigigen Grosz Cantzler Gollofkin solche Charge zu conferiren, fast unentbehrlich geworden, daher man Ihm auch seinen Character und Revenues solcher gestalt verbessert, dasz Er anjetzo als würcklicher Geheimbter Raht zugleich sein Votum mit hat und, seiner Charge wegen, sehr mit zu menagiren ist.

Czarische Ge-
heime Rätthe.

5

10

15

20

Ferner sind die vornehmsten in Ruzland die Gouverneurs, von denen Acht groszen Destricten, dan die Generals von den Arméen, mit welchen andere Civil Bediente wieder competiren, wiewohl dasz der Czar noch keine rechte Rang Ordnung hat publiciren laszen, sondern noch immer zu das project davon revidiren läszet, also das er damit noch wohl bisz zum Frieden anstehen wird.

25

Bevor Ich aber diese Allerunterthänigste Relation schliesze, so musz ich noch etwas über voriges zu Anfange derselben von dem Zustande der Czarischen Armée vermelden, so den detail und Jtzigigen Zustand derselben noch beszer vorstellen kan. Welchem nach dan erstlich bekand ist, das der jtzige Czaar dieselbe gänzlich verändert, in dem solche zu Anfang seiner Regierung bestanden aus Strelitzen oder Schützen und Dworniks oder Reutern, da von den ersten Hauptsächlich vier Regimenter oder Polcks gewesen, welche in vier unterschiedenen Vorstädten vor der Stadt Moscow, die man Expresse für sie gebauet, Ihre beständige quartier gehabt haben, als Prebrasinski, Simonofski, Butirski und das 4^{te}, so nach dem Commandirenden Gen: en Chef seinen Nahmen gehabt und also zu letzt das Lefortische Regiment geheiszen. Auszer diesen aber sind in allen Garnisonen noch â parte Regimenter von Strelitzen gewesen, aber die sind ordinaire nicht zur armée beruffen worden, auch nicht von der Anzahl wie die vorigen

Additiones
des Czaaren
Armee und
Flotte.

30

35

40

gewesen, dan ein Regiment von den 4 vorigen hat wohl $\frac{m}{10}$ Man ausgemachet, auf die Manier, das ein Strelitz 3 à 4 Knechte gehabt, die aber fast kein ander Gewehr als barditschen, piqven, und tobinen oder Morgensterne gehabt, und im dritten oder vierten Gliede stehen müssen, umb also die Anzahl mit auszumachen.

Die Ruzsische Cavallerie ist bestanden in ausgeschriebenen Edelleuthen, mit Ihren Knechten, derer Anzahl sehr grosz gewesen, und haben nach den Destricten, davon sie ausgeschrieben wahren Ihre Nahmen gehabt, deszen Hautb, oder Ambt Mann sie auch als Obrister commandiret hat, auf welche weise sie auf eigene Unkosten dienen müssen. Wobey sich ferner die Auxiliar trouppen als die Donnische und Ukrainische Cosacken, die Calmuckische und andere Tartaren einfinden müssen, woraus zu erachten, das aus diesen so groszen Landereyen bald eine Armée von etliche $\frac{m}{100}$ Mann ist zusammen zu bringen gewesen, aber ohne Ordnung, und von schlechten Gegenwehr wie Bekand. Wovon, wie der Czaar A^o 1700 in der Belägerung und bataille bey Narva den effect gesehen, obgleich in der Infanterie schon damahls einige Veränderung geschehen war, so hat Er nachgehends sich mehr und mehr umb Frömbde Generals beworben, und zugleich den Nahmen von Mousqveteren und Dragoners eingeführet, die Er auf die in Europa gewöhnliche Arth armiren, exerciren, und eintheilen laszen, auch dabey einerley mundirung gegeben. Welches dan auch gleich einen andern effect gethan; aber weiln die Unkosten davon zugleich vergrößert worden, und die Anschaffung des Gewehrs, Mundirung etc. einige Zeit erfordert, so ist die Regulirte armée noch bisz Dato nicht über $\frac{m}{100}$ Mann angewachsen, wie aus oben Allerunterthänigst Beygefügtten Listen zu sehen, welches aber doch noch wird geschehen müssen, wan der Krieg mit den Türcken angehen solte.

Von der Flotte habe Ich schon oben in Allerunterthänigkeit erwehnet, was davon observiren können, also das weiter nichtes dabey zu fügen ist, als die Liste derselben, wie sie A^o 1706 gewesen, in welchem Stande sie noch vermuthlich nur sein wird, dan was von neuen Schiffen seit dem angebauet, das ist an alten wieder abgegangen, auch sind seit dem keine See Capitains oder Matrossen verschrieben oder im Lande angenommen worden.

Liste¹³ von Ihre Czaarische May^{tz}: Flotte, wie sie in Junio 1706 unter Croon Schlosz für Ancker gelegen:

Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschafft.
Vice Admiral Creutz . . .	der Elephant	30	200
Cap. Peter Fock	Ertz Engel Michael .	24	120

Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschaft.
Joseph Vicum	Petersburg	24	120
Johan Pag	Dorpt	24	120
Wibrand Schilting	Narva	24	120
F. W. Willimofski	Standart	24	120
J. H. Roos	Triumph	24	120
Peter Sivers	Croon Schloth	24	120
W. Hania	Ivanogrod	24	120
Benjamin Eduwarts	De Faam	24	120
Joh. Hanssen	een praem	16	} ²⁴ und . 70
	een praem	16	

5

10

S n a u e n.

Ihre Czaar. May ^{tz} Jacht.	mon Coeur	14	120
Lieut. Joh. Hess		14	70
Zacharias Witstock		14	70
Berend Schmitt	de Haas	14	70
Christ: Hands		14	70
Corn Sugens	Jamburg	14	70
Claes Plut		14	70
Simon Schorn		14	70
Peder Pridnal:	St. Jochim	14	70

15

20

B r a n d e r s.

Erasmus Harboe	Caporia	4	30
Thomas Traan	Vesuuius	4	30
Joh: Bontje		„	20
Jacob Cornelis		„	20

25

B o m b a r d i e r S c h i f f e.

Lorentz Cornelis }	2 Mortiers	25
Issack Lorentz . }		

G a l e e r e n.

Sing ^r : Conti	Aquila doro	5	400
Alex: Mosino	St: Pedro	5	350
Luca de Litha	Fedro Stratilat	5	350
Gio Maria	Alexander	5	350
Nicola Wano	De Hoop	5	350
Luca Damano	t! Gelove	5	350
Pedro Sichia	de Lofde	5	350

30

35

Prouiant Schiffe.

	Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschaft.
	Peter Meyer	de wil mit.		20
	Hans Jürgen Schilling. . .	de Lastdrager		20
5	Thomas Bok			20
	Hinrich Copenhagen . . .	de Onega		20
	Schipp ^r : Peter Klinck . . .	de Lustige		20
	Frid: Hanon	Ich hebbergewest		20

A d v i s G a l i o t s.

10	Christoph: Dollyn	De Loos		10
	Peter Trunwick	de Courier		10
	Dat post boot		6	10

S u m m a.

	Fregatten	10
15	Praemen	2
	Snauen	9
	Branders	4
	Bombardier Schiffe	2
	Galeeren	7
20	Proviant Schiffe	6
	advis Galiots	3
	Canons	453
	Mannschaft	4875.

Absehen des
Czaren in
diesem
Kriege.

Was nun endlich bey allen diesen mouvements die Absichten von Ihre Czaar. Mayst. gewesen, und auf welche weisze sie wohl gerne die Sachen durch den Frieden Schlusz mögten reguliret sehen, davon habe Ich folgendes aus denen vielfältigen Unterredungen und oftmahligen Veränderungen der Zeiten und des Glücks wahr nehmen können. Dasz weiln der Czar nach seinem vorbeschriebenen Naturel vornehmlich zu Vergnügung seiner ambition sich zu diesem Kriege resolviret, in dem Ihm erstlich die Bojaren, nach Arth der Hoff Leuthe, in seiner Jugend sehr grosze ideas von seiner Macht und Reichthum gemachet, fürs andere die Schweden Ihm und allen Ruszen nicht allein verachtet und gantze Provintzen abgezacket, sondern auch in gantz Europa so abgemahlet, das wenig Potentaten auf des Czarn
30 Freundschaft reflectiret, wie es der Carolwitzsche Frieden, nach der A^o 1687 gegen den Tyrcken gemachte alliance bezeuget: so ist der Zweck
35 dieses Krieges von Anfange her gewesen, das der zuvor eingebildete Reich-

thumb ins künftige durch Einrichtung seiner Länder sich würcklich finden, und der Credit in Europa beszer werden mögte, welcher Gestalt wie es fest gestellet worden, dasz der Degen solte gezogen werden, wan sich nur Zeit und Gelegenheit dazu finden würde, so hat der Czaar bald angefangen, auf alles zu Reflectiren, was die vorhabende Ruptur mit Schweden facilitiren 5 könte, wozu die damahls in Schweden angeordnete reductions Kammer den ersten Anlasz gegeben. Dan wie die von dem Lieflandischem Adel dagegen gethane remonstrationen so übel zu Stockholm aufgenommen würden, dasz der Sehl Herr von Patkul darüber ins Gefängnus geworffen, der Land Rath Stripe aber gahr von dem Könige Carel den 11^{te} mit Stockschlägen begnä- 10 diget würde, so hat der Czaar nicht allein davon durch den Sehl. Lefort alle Kundschaft über Königsberg einziehen laszen, sondern dem Adel auch einige Hofnung unter der Hand gemachet, das die Zeit wohl kommen dürffte, Sie bey Ihren privilegiis maintainiren zu können, wann Ihnen daran gelegen wäre, welches man dem Hertzog Ferdinand von Churland zu Insi- 15 nuren anvertranet, Der es dan auch so wohl anzubringen gewust, das das gantze Land unter der Hand die Augen dahin gewendet, und der Herr von Patkul nach seiner Befreyung angefangen, sich durch Briefe bekand zu machen. Worauf des Czaarn Reise durch Liefland nach Holland gefolget, da der damahlige Schwedische General Gouverneur Dahlberg den Czaaren 20 in Riga, sonder Zweiffel aus einigen schon habenden Argwohn, so übel begegnet, da Er die Festung besehen wollen, das der Czaar solches nachgehends in seinem Krieges Manifest mit allegviret; und wie der Czaar ferner in Amsterdam vernommen, das Ew. Königl. Maj^{ts} Envoyé, der Sehl. Heins in Moscow angekommen, und die dort zurück gelasene Bojaren auf 25 Schwedischen Anstiftungen Ihm so viel Verdrieslichkeiten zu machen bedacht waren, das Er darüber ermüden und zurück reysen solte, hat der Czaar rescribiret man solte den angekommenen Königl. Envoyé von Denemarck unmolestiret laszen und bisz zu seiner wiederkuufft verpflegen, Worauf die entrevue des Königes von Pohlen mit dem Czaarn auf seiner rück- 30 reyse dieses werck noch mehr befordert, so dasz man schon einige Hofnung von der Sachen haben können, aber doch möchte es wohl bey den Gedanken geblieben seyn, wan nicht der König von Schweden durch seine Mouvements und Ruptur in dem Holsteinischen zu dem Schlusz von der Sachen Anlasz gegeben hatte, und der Herr Lefort, der dem Werke gantz zu- 35 wieder war, indeszen gestorben wäre. Dan der Sehl. Graff Gollowin, welcher damahls als Grosz Cantzler denominiret ward, hat darin nicht contradiciren dürffen, weshalben die Alliance mit Ew. Königl. Maj^t geschloszen, und der Krieg gegen Schweden declariret werden. Worauf der Sehl. Patkul bald unter seinem Nahmen in Moscow erschienen, und das Werk zu Regieren

Geh. Rath
Patkul.

angefangen, bald aber hernach auch solcher gestalt umb sich gegriffen und sich so viele Pouvoirs und Tituls geben laszen, auch so viel Geld nach Dresden remittiret, dasz die Ruszen, so ohne dem Geitzig, glaubet haben, dasz sie bloz durch Ihn, und seiner Absichten wegen, in diesem gefährlichen Krieg embarqviret worden, und haben deszwegen angefangen dem Czaaren vorzubringen, dasz der Herr Patkul mehr für dem König von Pohlen, und für sich selbst, als für seinem Herren den Czaren portiret wäre; haben also alle seine Mouvements und Discoursen fleiszig observiret, und wan sie etwas ambigues darin finden können, es dem Czaarn gleich vermeldet; als das Er einmahl einem gewissen Sächsischen Officier, der Ihn gefraget, wie Er doch mit so barbarischen Leuthen zurecht kommen konte? zur Antwort gegeben, Acht Tausend Ducaten Jährliche pension wären keine Narrenposzen, wan man gleich sich mit Narren schleppen müste, Item das Er sich vernehmen laszen, Er wäre in Ruszland gewesen, gedachte aber nicht wieder dahin zu kommen, Ferner dasz Er eine Sächsische Frau nehmen, und vom Kayser den Graffen Titul annehmen wollen, und dergleichen mehr: also dasz des Sehl. Mannes Credit bey dem Czaarn, wan Er gleich gelebet, nicht so grosz mehr würde gewesen sein, weiln man schon persvadiret war, Er hette den Krieg zwar gerathien, wäre ihm aber schon müde, und liesze sich deszwegen mehr angelegen seyn, wie Er selbst als wie der Czaar daraus kömmen könnte. Weshalben dan auch seine Sache nachgehends nimmer mit Ernst bey dem Könige Augusto getrieben worden, sondern es hat der Czaar von der Zeit an selbst angefangen, das Ende von dem Kriege zu wünschen, wegen der groszen Last desselben, die Er wohl sahe, dasz sie Ihn allein auf dem Halse liegen würde, so dasz Er, nach dem Kurtz darauf erfolgten alt Ranstädischem Frieden angefangen, von seinem vorigen principio abzugehen, und sich vernehmen laszen, Er wäre zu frieden, wan Er nur mit einem Schein von Reputation denselbigen endigen und etwan Petersburg von seinem Feinde für Geld erhandelen konte. Aber damahls wolten die Schweden zu des Czaaren Glücke von dieser proposition nichtes wiszen, also das beyde, der König von Franckreich und der König von Preuszen sich umbsonst, wiewohl ein jeder à part darin bearbeiten, bisz endlich Gott der Schweden Hochmuth gestürtzet, und der Czaar anjetzo Hoffnung haben kan, den Krieg zu seinem und seiner hohen Aliirten vergnügen zu schlieszen; Da dan sein Absehen, so viel Ich den damahligen Zustand der Sachen nach erachten können, dahin gehet: das die Niepre und die Düne die Gräntzen seines Reichs gegen Pohlen, der Peipus aber sampt der Narva und Nive gegen Schweden sein mögen, an welche Ströhme oder Gewässer, von Kiof an bis Narva und Petersburg Er nochmahls gedencket, den meisten Theil seiner Armée zu verlegen, und also

eine fortificirte linie gegen Pohlen und Schweden als seine Nachbahren zu Unterhalten.

Liefland gedencket vielleicht der Czaar dem Hertzog von Curland abzutreten und solcher Gestalt auf gewisse conditiones mit Pohlen zu Incorporiren, damit es wegen seiner sonst eigenen innerlichen Schwäche nicht 5 von Schweden wieder möge emportiret werden, ehe Jemand dahin zu hülffe eilen könne. Zwar sind wohl viele in den Gedancken, dasz es dem Czaaren selbst am besten anstehen dürffte, weilm Er das Absehen hat, anf der Ost See einigcs dominium mit zu pretendiren. Aber dieses wäre erstlich wieder die tractaten mit dem Könige von Pohlen und der Confoederirten Repu- 10 blique darin expresse enthalten, das der Czaar nicht praetendire Liefland für sich zu conqveriren, auch ist zu versicherung deszen darin schon Stipuliret worden, Derpt, so damahls eben erobert war, auf Begehren an die Republik Pohlen abzutreten.

Fürs andere würde sich der gantze Liefländische Adel dadurch sehr 15 betrogen, und in noch schlimmeren Zustand, als unter Schweden befinden, in dem die Russen von keinen privilegirten Unterthanen etwas wissen wollen, wie es die Ukraine bezeiget, und drittens, so würde die Religion sehr darunter leiden, wie es das Exempel von Narva beweiset, da man die Kirchen den Griechen eingegeben, und die Lutheraner aufs Rathhausz 20 gewiesen, ihren Gottes Dienst zu halten, da sich auch die wenige alte Einwohner, die noch daselbst verhanden, bisz diese Stunde versamlen müssen; Wiewohl dasz es auch nicht zu leuchnen, das die Gelegenheit und facilitact eine Sache zu maintainiren, auch hierin wie in vielen anderen dingen, eine veränderung des Willens veranlassen kan. 25

Careelen und Finnland, sollen Ew: Königl: Majt: Friedens Conditiones verbeszern, und solcher gestalt alles zur Richtigkeit nach den Inhalt der Alliancen bringen helffen. Wie aber Ihre Königl: Majst: von Pohlen sich endlich mit dem Czaaren vergleichen werden, ist fast am schweresten abzu- 30 sehen, dan zu der Souverainite in Pohlen wird der Czaar nimmermehr contribuiren, wie Ich selbst aus seinem Munde mehr als einmahl gehöret habe, dasz man es Ihm zur Thorheit rechnen würde, wan Er es thäte, in dem Er sich solcher gestalt einen Mächtigen Nachbahren zur Seiten setzen würde, anstaat das Er anjetzo deszen Kräfte und Absehen allemahl mit $\frac{m}{100}$ Rubels moderiren könnte. Auszer diesem aber wird der König von Pohlen wohl 35 wenig Satisfaction für seine grosze Unkosten haben können, es wäre dan das die Succession für seine rechtmäszige Leibes Erben als künftige Könige von Pohlen, sein Vergnügen sein könnte, dazu aber auch noch ohne amplexirung der Catholischen Religion von denselben nicht zu gelangen. Dan zur Bezahlung der groszen Rechnungen und pretensionen, die der jtzige 40

Envoyé Vitzthumb zwar mit gebracht, aber bis dato, dem vernehmen nach, noch nicht übergeben dürffen, wird sich der Czaar schwerlich verstehen, weilm sie mehr auff wieder Erstattung des Schadens, so bey diesem Kriege in Pohlen und Litthauen sambt unbilligen Auflagen in selbigen Landen, wie auch der verpflegung der $\frac{m}{10}$ Moscowiter, die zuletzt bey Frauenstadt geschlagen worden, als auf den klaren Buchstaben der Alliancen beruhen, und deswegen fast zu besorgen, das da ohne dem die Pohlen des Krieges so müde sind, als jemahls eine Nation sein kan, Sie sich leicht darin en faueur des Czaarn erklären dürfften, wan es nun sicher wäre, das sie dadurch zur Ruhe kommen und der Moscowiter endlöset sein könnten.

Wan aber doch endlich der Schlusz in allem gefunden worden, so das der Czaar den König von Pohlen wegen obiger pretensionen und die Republique wegen der Örther Witepsko, Sklof und Orsa an der Niepre vergnügete, oder seine Gräntzen an der Seiten etwas zurück gezogen, weilm es vielfältige Gelegenheit hat auf seinen eigenen Boden, an seiner Seite, nahe an der Niepre Festungen bauen zu können, so wolte auch der Czaar noch gerne die Unkosten des Krieges bezahlet haben; weshalben Er sich dan auch wohl vernehmen laszen, dasz Er alsdann gewillet wäre, den Krieg mit Persien anzufangen, umb von selbigen Reiche, die Provintz Keilan so an dem Caspischen Meere gelegen, und von dem Persischen Reiche durch das grosze Gebirge separiret ist, wegzunehmen, welches dem Ansehen nach sehr leicht geschehen könnte, in dem der Czaar seine Armée unvermercket auf der Wolga nach Astrachan schicken, und von dar an die passagen der Persianischen Gebirge rücken laszen kan, umb alle Gegenwehr, die Er ohne dehnen von den Persianern nicht sonderlich vermuthet, zu verhindern, und sich also von dieser provintz in possession zu setzen, che man einmahl die rechte Nachricht von diesem Kriege in Europa erhalten kan. Wodurch Er alle Unkosten dieses Krieges reichlich gewinnen würde, in dem das selbe Land an bloszer Seide Jährlich $\frac{m}{3}$ ballen ausgiebet, davon jeder Ball bisz 800 Rdhlf in Amsterdam verkauffet wird, ohne was Öhl, Wein, Toback, und andere Wahren austragen, davon man den Gewinu wenigstens auf ein drittel von der vorigen Summe mit zu nehmen kan. Womit dan auch der Czaar, wie es von Ihn selbst vernommen, alle seine Ambition in dieser Welt borniret, sagende: dasz wie solches eine Sache sey, die, wan es Gottes wille, in wenig Jahren geschehen könnte, so wolte Er alsdann die übrige Zeit des Lebens zur innerlichen Einrichtung seines Reiches anwenden, und weiter an keinen Offensiven Krieg gedencken.

Ew. Königl.
Mayts. Hohes
Interesse.

Was nun bey sothaner Situation der Sachen, und denen Absichten des Czaren Ewrer Königl: Mayestet Hohes Interesse betrifft, wegen der genauen alliance und Offensiven Krieg in welchem man anjetzo gemeinschaftlich

begriffen, davon werden Ew: Königl: Mayst: dero Hoherleuchtetem Verstande nach, aus obigem selbst den besten Schlus machen können, und masze mir also nicht zu, davon einige Vorstellung zu thun. Nur das Ich dieses in aller Unterthänigkeit erwehne, dasz weiln die beharliche Freundschaft bey der Hohen Posteritaet, zur Erhaltung deszen, was durch diese 5
 Armatur wird können vindiciret werden, auch sonder Zweiffel ein Augenmerck mit seyn mus, und es den Schweden an Wohlgesinneten in Ruszland nicht fehlet, ob sie sich gleich anjetzo nicht äuszern dürffen, als da sind eine gute Anzahl der frömbden Officir und Kaufleuthe, Item die Ruszen so durch den Handel mit Ihnen bekand sind, welche wegen Ihres Eigen- 10
 nutzes nicht ermangeln werden, sich dahin zu bearbeiten, dasz das Band der Freundschaft zwischen Ew: Königl: May^{stet}: und dem Czaarn möge unterbrochen werden: So mögte es wohl dienlich seyn die Wohlgesinnete in Ruszland mit allem Fleisz zu Conserviren, und weiln dieselbe bey einigen Officirern und zwar unter der Generalitaet bey dem Gen: Halaerd, Gen: 15
 Lieut: Nostitzen¹¹, Gen: Lieut: Osten¹² schon naturel ist, also auch unter den Kaufleuthen, nach dem Absterben des Sehl. Commertz Raths Isebrands¹³ und Commissaire Roszenbusch¹⁴, selbige stellen durch solche Persohnen wieder zu ersetzen, die bey dem Czaaren und seinen Bojaren gleichen Zutritt wie die vorigen hetten, umb die Handlung von Ewer Königl: Mayestatt Unter- 20
 thanen zu vermehren und die Inclination unter den Czaarischen Ministris bey zu behalten: Wozu aber wie zu allem, was in Ruszland soll negotiiret werden, einiger Vorschub von Gelde gehöret, mit welchem auch ein ordinaurer Mann daselbst viele sonst unmögliche Dinge ausrichten kan, da sonst auch dem Klügesten gantz leichte Sachen unmöglich werden. 25

Womit wie alles und Jedes Kürztlich in Allerunterthänigkeit vermeldet, was Ich an den Czaar: Hoffe in denen vier Jahren, die ich daselbst, nach Ew: Königl: Maj^{stet}: allerguädigsten befehl. als dero Envoyé Extraordinaire zur Stelle gewesen, observiren können, als haben sothanen bericht hiemit aus Treuer Devotion, demüthigst offeriren, und meine Wenigkeit 30
 Ew: Königl: Majst: beharlichen hohen hulde und Gnade empfehlen wollen, der Ich bisz in mein Grab verharre.

Copenhagen den 31 X^b. 1710.

Ewer Königlichen Maystet
 Allerunterthanigster, pflichtschuldig- 35
 ster und gehorsamster Knecht
 Georg Grund.

ANMERKUNGEN.

1) (Seite 1, 6) Grund's Vorgänger als dänischer Gesandter in Moskau Paul Heins war den 7. Juli 1705 gestorben.

2) (S. 2, 7). Im J. 1699 war eine offensive und defensive Allianz zwischen Russland und Dänemark geschlossen worden, Dänemark wurde indessen schon 1700 im Frieden in Travendal von den Schweden gezwungen, alle Feindseligkeiten einzustellen. Erst im J. 1709 wurde das Bündniß zwischen Dänemark und Russland factisch erneuert.

3) (S. 2, 19). Hauptsächlich war es nur ein freundlicher und brüderlicher Gruss und ein Glückwunsch zu einer guten Campagne. Fals der Tsar aber fragte, ob Grund keine Ordre hätte, inbetreff der Eutin'schen Sache etwas zu vermelden, von der Ambassadeur Ismailow in Kopenhagen geschrieben hätte, dass Grund darüber instruiert werden sollte, konnte dieser nicht anders antworten, als dass ihm bis dato Nichts darüber zu Händen gekommen wäre (Grund: Orig. Relation vom 6. Nov. 1705 im Königl. Dänischen Reichsarchiv).

4) (S. 2, 40). Hauptsächlich die seit alter Zeit dänischen Provinzen Schouen, Halland, Blekingen, welche Dänemark im Kriege gegen Schweden im J. 1658 verloren hatte.

5) (S. 8, 24). Es handelte sich um die Frage, ob der dänische Prinz Karl, ein Bruder des Königs Friedrich des IV-ten, oder Christian August von Holstein-Gottorp dem am 2. Oct. 1705 verstorbenen Bischof von Eutin August Friedrich succediren solle. Die Streitigkeiten darüber veranlassten den Czaren und den König von Polen Dänemark wieder einen neuen Vorschlag zu machen (Cf. A. Höjer: König Friedrichs des Vierten glorwürdigstes Leben. Tondern 1829, I, p. 112).

6) (S. 9, 5). Den 6. März 1706. Cf. A. Höjer: König Friedrichs des Vierten glorwürdigstes Leben, I, p. 114.

7) (S. 9, 25). Der dänische Diplomat Thomas Balthazar von Jessen (geb. 1698, gest. 1731) war seit December 1703 Minister am polnischen Hofe. Cf. C. F. Bricka: Dansk biogr. Lex.

8) (S. 10, 22). Der Commandeur (später Viceadmiral) Just Juel wurde schon im Monat April 1709 beauftragt, als Envoyé extraordinaire nach Russland zu reisen, aber erst im Monat November konnte er in Narva landen. Seine Tagebuchaufzeichnungen über seinen Aufenthalt in Russland 1709—1711 sind 1893 in Kopenhagen im Druck erschienen, herausgegeben von Gerhard L. Grove (cf. Vorwort).

9) (S. 10, 25). Dieselbe Audienz ist auch in des erwähnten Juel's Tagebuch beschrieben.

10) (S. 46, 35). Durch mehrere der hier genannten Namen wird die Liste der von dem im J. 1890 verstorbenen Admiral Wesselago angeführten Flottoffiziere (Общій морской Сводокъ Ч. I. С.-Иер. 1885) hie und da vervollständigt. Aus diesem «Spisok», einem der vorzüglichsten Hilfsmittel zur Geschichte der russischen Flotte, ergibt es sich zur Genüge, wie sehr man sich bei deren Erbannung aufangs der Hülfe ausländischer Seeleute bedienen musste. Es verdient

aber hervorgehoben zu werden, dass eine nicht geringe Anzahl von ihnen ihrer Abstammung nach dem damaligen dänisch-norwegischen Staate angehörten, obgleich sie, weil sie in Holland zum Eintritt in russische Dienste geworben waren, zu den Söhnen dieses Seestaats gerechnet wurden. Allein von den hier genannten Seeofficieren ist erstens der berühmte Admiral Cornelius Cruys in Stawanger in Norwegen geboren (cf. «G. L. Grove: Nogle Oplysninger om Admiral Cruijs's Herkomst» in der Dän. Zeitschrift für Seewesen 1899, p. 71 ff.). Peter Sievers, welcher nach dem Tode Peters des Grossen zum Admiral erhoben wurde, war nicht nur der Sohn eines im dänischen Dienste stehenden Flottoffiziers, sondern diente anfangs auch selbst als Offizier in der dänischen Flotte. Von den übrigen oben genannten Offizieren waren mindestens Joh. Hess, Erasmus Harboe, Thomas Tran (s. Tónnes Trane), Peter Meyer, Thomas Bok, wie wahrscheinlich noch J. H. Roos, Joh. Hanssen, Zacharias Wittstock, Heinrich Copenhagen, Peter Klinck etc. Dänen oder Norweger.

11) (S. 53, 16). Friedrich Hartwich von Nostiz war bis 1707 Oberst im Dänischen Dienst gewesen. Cf. C. F. Bricka.

12) (S. 53, 16). Christian Georg von Osten war dänischer Generalmajor, ehe er 1709 nach Russland ging. Cf. C. F. Bricka.

13) (S. 53, 17). Isbrandt Ydes, welcher den Handelstractat mit China abgeschlossen hatte

14) (S. 53, 18). Der aus der Geschichte Peters des Grossen bekannte dänische Resident in Moskau Henrik Butenant de Rosenbusk war im J. 1701 gestorben.





ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 8.

Tome IV. № 8.

ÜBER

EINE VON DEN UNBEKANNTEN

LITERATURSPRACHEN MITTELASIENS.

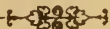
VON

Prof. Dr. E. Leumann

in Strassburg i. E.

Mit 2 Tafeln.

(Der Akademie vorgelegt am 16/28. Februar 1900).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Император-
ской Академіи Наукъ:

П. И. Глазунова, М. Эггера и Кошп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
П. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
П. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
П. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цена: 60 коп. — Prix: 1 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

Ueber eine von den unbekanntenen Literatursprachen Mittelasiens.

[Der nachfolgende Aufsatz ist die Erweiterung einer im November 1898 gedruckten Studie, welche für die Abhandlungen der Göttinger Gesellschaft der Wiss. (Phil.-hist. Kl. N. F. Band II, 8) bestimmt war, aber nicht zur Veröffentlichung gelangte. Man wusste damals noch bloss von dem ersten der beiden hier zur Besprechung gelangenden Blätter. Erst als ich die letzte Correctur der genannten Studie an Sergius von Oldenburg gesandt hatte, erfuhr ich von ihm, dass vor einiger Zeit noch ein zweites Blatt in St. Petersburg eingetroffen sei. Beide Blätter erhielt ich dann im April 1899 nach Strassburg geliehen, worauf ich zunächst im October am Orientalisten-Congress in Rom über den nunmehrigen Stand der Untersuchung referirte und alsdann im December dem Aufsatz die nachfolgende Form gab. — Nachträglich (im Februar 1900) hat mir Hoernle einige Facsimile's zukommen lassen, die mich auf Seite 10 f. den Schlussabschnitt von Fussnote 12 und die Fussnoten 13 und 14 beizufügen veranlassten].

Aus der westlich von Tibet gelegenen Gegend von Kashgar sind im Lauf der letzten acht Jahre eine grosse Anzahl von meist ungemein verwahrlosten Handschriften nach Calcutta und St. Petersburg gekommen, wo sie in Rudolf Hoernle und in Sergius von Oldenburg hervorragend tüchtige Bearbeiter gefunden haben. Besonders der Erstgenannte hat sich der überraschenden Funde, da sie ihm reichlicher zuflossen, mit einer ganz aussergewöhnlichen Hingebung, die uns zu grösstem Danke verpflichtet, angenommen. Einige Handschriften gleicher Art hat der berühmte Reisende Sven Hedin vor ein paar Jahren in Chotan und in der Umgebung dieser Stadt erworben. Proben daraus sind photographirt in seinem grossen Werk «Durch Asiens Wüsten» Band II p. 53 und dabeistehende Tafel. Die meisten von all diesen Funden scheinen aus buddhistischen Klöstern zu stammen, die ungefähr vom vierten Jahrhundert an gegründet wurden und nach mehreren Jahrhunderten wieder verfielen. Es handelt sich also um Literatur-Reste, die grösstentheils weit über tausend Jahre alt sind.

Es sind da eine Reihe von neuen Alphabeten zu Tage getreten, von denen einige aus Indien stammen und desshalb bald gelesen werden

konnten, während die anderen noch der Entzifferung harren. Unter den Alphabeten indischer Herkunft kann man zwei Gruppen unterscheiden: solche, die wirklich indisch sind — sei es nun, dass die betreffenden Handschriften aus Indien importirt oder von indischen Schreibern in Kashgar geschrieben wurden — und solche, die indo-kashgarisch genannt werden mögen, indem darin die indische Schrift sozusagen kashgarisirt worden ist¹⁾.

Die indo-kashgarischen Fragmente enthalten grösstentheils wie die indischen verschieden grosse Stücke und Spuren von buddhistischen Sanskrit-Werken; bloss einige sind in nicht-indischen Sprachen abgefasst, die alle noch unbekannt zu sein scheinen. Welches darunter die eigentliche Landessprache, also die Sprache von Kashgar sei, ist natürlich unsicher. Indessen wollen wir der Kürze halber diejenige so heissen, welche wir, um einen Anfang zu machen, für die gegenwärtige Studie herausgegriffen haben. Nur ein einziges auf zwei Blättern erhaltenes Textstück kann vorläufig unserer Sprache mit Sicherheit zugewiesen werden. Wir beabsichtigen, im Folgenden eine Transcription desselben sammt den nöthigen Erörterungen und einem Index der Worte und Worttheile vorzulegen. Damit soll erstens den Gelehrten, welche mit den zur Zeit bekannten Sprachen Mittelasiens vertraut sind, Gelegenheit geboten werden, eine allfällige Verwandtschaft zwischen unserm Idiom und jenen Sprachen nachzuweisen. Zweitens aber soll unsere Transcription, da sich bei der Besprechung derselben herausstellen wird, dass das Textstück die kashgarische Uebersetzung der Strophen 64^b—77^d eines buddhistischen Sanskrit-Gedichtes darstellt, die Kenner der buddhistischen Literatur in Stand setzen, entweder jenes Sanskrit-Gedicht oder wenigstens eine tibetische oder eine chinesische Uebersetzung davon nachzuweisen. Drittens hoffen wir, die aufgezeigte Möglichkeit, dass ein ganz neues Literaturgebiet für die buddhistische und die mittelasiatische Philologie erobert werden könnte, werde Europäer, welche die Gegend von Kashgar bewohnen oder bereisen, veranlassen, sowohl nach weitem Blättern der gleichen Handschrift wie überhaupt nach Handschriften derselben Art zu fahnden. Eine Transcription des ersten der beiden Blätter hat schon Hoernle veröffentlicht. Doch gibt derselbe nur Silbe um Silbe wieder, ohne Zusammengehöriges zu vereinigen; auch ist es uns möglich, in mehreren Punkten, besonders in der

1) Für «indisch» setzt Hoernle «Northern Indian Gupta» oder «North Western Gupta» oder «Indian Gupta», wobei Gupta auch gelegentlich durch «Brāhmī» oder «Nāgarī» ersetzt oder einfach weggelassen wird.

Für «indo-kashgarisch» setzt Hoernle «Central Asian Brāhmī» oder «Central Asian Nāgarī» oder kurzweg «Central Asian». Der Symmetrie wegen erwartet man hier auch das Synonym «Central Asian Gupta»!

Bestimmung des Metrums und der für die Ermittlung des Sanskrit-Originals vor Allem wichtigen Lehnworte, Genaueres zu bieten, ausserdem aber durch Mitbehandlung des zweiten Blattes der Untersuchung eine umfassendere Grundlage zu geben.

Die besagten zwei Blätter gehören zu der reichen Sammlung von Alterthümern, die Petrovski, der aus dem obengenannten Reisewerk Sven Hedin's rühmlich bekannte russische Consul in Kashgar, nach St. Petersburg geschickt hat. Beide Blätter sind mit 6+6 Zeilen, deren Enden verloren sind, beschrieben. Eine Photographie des ersten Blattes — das zweite traf erst viel später in St. Petersburg ein—schickte im Herbst 1892 Sergius von Oldenburg mit einigen einleitenden Bemerkungen²⁾ als Congress-Gabe nach London, wo es Bühler und besonders mich lebhaft beschäftigte. Zunächst war es indessen nicht lesbar, da noch keine im gleichen Alphabet geschriebene Sanskrit-Texte bekannt geworden waren. Doch zeigte mir bald eine genaue Durchsicht, dass einige Gruppen von Zeichen, die nicht zu erkennen waren, Sanskrit-Worte ergaben; am wichtigsten unter diesen war das Wort *brāhmaṇa*, das mich zu Wahrnehmungen führte, die ich damals in folgenden Worten zu Papier brachte.

Wir gehen aus von dem Worte *brāhmaṇa* und constatiren, dass das Zeichen *ṇa* auf dem ganzen Blatte nicht mehr vorkommt. Dieses Zeichen begegnet also offenbar (ähnlich wie *ç* in *Façon* u. s. w.) in jenem Worte bloss deshalb, weil es Lehnwort in einem fremdsprachigen (kashgarischen) Zusammenhang ist. Nun erscheinen aber noch die beiden andern Schreibungen *brāhma . . a bram . a* mit einem hier durch einen Punkt wiedergegebenen uns zunächst unbekanntem Zeichen, das im ersten Falle doppelt steht. Die Wahrnehmung, dass auch *br* und *hm* auf unserem Blatte nicht weiter auftreten, gibt uns einige Sicherheit anzunehmen, dass diese Lautverbindungen dem Kashgarischen ebenfalls fremd sind, jene beiden Schreibungen also zwei mehr oder weniger kashgarisirte Umbildungen von Sanskrit-Worten darstellen werden. Ist dies angesichts der Aehnlichkeit des unverändert übernommenen *brāhmaṇa* zugegeben, so kann der Doppelconsonant nur *ṇṇ* sein, und damit wäre der Lautwert eines häufig erscheinenden Zeichens gewonnen. Die Form *brāhmaṇṇa* repräsentirt wohl das Sanskrit-Wort *brāhmaṇya* «Brahmanenwürde», während *bramṇa* eine kashgarische Kürzung für *brāhmaṇa* sein könnte.

2) Separatabzug aus vol. VII der Abhandl. der orient. Abtheilung der K. russischen archäol. Gesellschaft 1892 (Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества VII. 1893, S. 81—82)

Die Scheidung zwischen indischen und kashgarischen Lauten an der Hand des Wortes *brāhmaṇa* weiter verfolgend bemerken wir, dass *h* auf dem Blatte sonst nur noch in *mahākara* vorkommt, wesshalb dies offenbar auch ein Lehnwort ist, dem in der That im Sskr. das Wort *mahākara* als Bezeichnung eines Buddha entspricht. Sonach ergibt sich, dass das Kashgarische ausser dem *ṇ* auch kein *h* besitzt. Auch ist klar, dass das Wort *brāhmaṇa*, wenn es im Kashgarischen in allgemeineren Gebrauch kam, sein *h* fallen lassen und den lingualen Nasal in den palatalen umwandeln, also der Aussprache *bramṇa* nahekommen musste. Befremdlich ist nur, dass die Schluss-Silbe *ṇa* mit der folgenden Silbe (*kte*) zusammenzugehören scheint, weil dieses Silbenpaar (*ṇakte*) häufig vorkommt, ohne dass *bram* vorausginge. Man wird also vielleicht eher *bram* (nicht *bramṇa*) als ein Lehnwort ansehen müssen, das dann dem Nominativ *Brahmā* «Gott Brahman» entsprechen müsste.

Einen viel wichtigeren Beitrag zum Verständniss des Zeichengewirrs lieferte mir die Beobachtung, dass in regelmässigen Abständen ein Interpunktionszeichen wiederkehre. Hierüber schrieb ich damals Folgendes nieder.

Unser Interpunktionszeichen ist ein horizontal in die Mitte der Zeile gesetztes Komma, das je vom nächsten Komma in den Zeilen 6, 7 und 9—12 durch 13 Silben getrennt ist. Wenn daneben die Zeile 4 ein Intervall von 14 Silben bietet, so ist offenbar entweder eine Vocalverschleifung oder eine ähnliche Anomalie anzunehmen. Un-erklärt dagegen bleibt einstweilen, warum das Trennungszeichen an manchen Stellen fehlt, wo man es ebenfalls erwarten sollte. Ist es in diesen Fällen vergessen oder besteht unser Text aus einem Gemisch von Prosa und Versen?

Zur Beantwortung dieser Frage suchen wir auf Grund des dreizehnsilbigen Interpunktionsintervalls die Anzahl der an den Zeilenenden fehlenden Silben zu bestimmen. Man sieht bald, dass auch in den vollständigst erhaltenen Zeilen 4—8 (abgesehen davon, dass an den Rändern manche Zeichen nicht mehr genau erkannt werden können) noch je fünf Silben gänzlich verloren gegangen sind. Berechnet man in entsprechender Weise die Verluste der übrigen Zeilen, so ergibt sich bei Ausmessung aller Abstände das verblüffende Resultat, dass zwar in sechs Fällen die Rechnung stimmt, in den sechs andern aber (zwischen den Zeilen 2 und 3, 4 und 5, 6 und 7, 7 und 8, 9 und 10, 11 und 12) noch weitere fünf Silben zu fehlen scheinen! Glücklicherweise zeigt uns die Silbenabzählung gleichzeitig, dass

gewisse Zeichen, die uns schon immer befremdlich waren, Verszahlen sind.

Diese Ermittlung ergibt in der ersten Zeile ein gesichertes Intervall von 21 Silben, und es steht der Annahme nichts im Wege, ebensolche Intervalle auch in jenen sechs Zeilenübergängen, die sich vorhin nicht fügen wollten, zu vermuthen: sie boten ja eben statt 2×13 Silben fünf zu wenig, also deren 21.

Gleichzeitig löst sich nun die Schwierigkeit hinsichtlich der vermissten Interpunktionszeichen. Meistens handelt es sich dabei nämlich nicht um 13-, sondern um 21-silbige Intervalle. Nur an zwei Stellen (in Zeile 2 hinter *ñela* und in Zeile 8 hinter *śaitṣa*) bleibt der Mangel noch unerklärt.

Untersuchen wir nunmehr, in welchem Wechsel die 13- und 21-silbigen Verszeilen auftreten, so finden wir, dass sie fünfzeilige Strophen mit je 13+13+13+13+21 Silben bilden.

Die Feststellung hievon wiederum gestattet uns zu ermitteln, dass die im Bisherigen in Anlehnung an die dem Congress zugesandte Photographie angenommene Reihenfolge der beiden Seiten unrichtig ist. Wir haben die Zeilen 7—12 vor 1—6 zu setzen. Zufällig könnte sich zwar der Silbensumme nach an Zeile 6 auch Zeile 7 anschliessen; aber in diesem Falle würden wir anstatt der fünfzeiligen eine vierzeilige Strophe erhalten, während beim Anschluss von Zeile 1 an Zeile 12 Alles in Ordnung kommt.

Schliesslich lässt sich nach einer nähern Prüfung der Zahlzeichen, die jedenfalls auch aus Indien stammen, behaupten, dass auf unserm Blatt die Strophen 64^b—70^o des im Uebrigen vorläufig noch unbekanntes Gedichtes erhalten sind.

Im Zusammenhang mit den vorstehenden Ermittlungen hatte ich natürlich eine Transcription, die indessen viele Lücken aufweisen musste, anzufertigen gesucht. Die so auf Grund der erwähnten Photographie erzielte Erkenntniss erfuhr dann bald eine Erweiterung von anderer Seite. Es waren mittlerweile in Calcutta und St. Petersburg Sanskrit-Texte gleicher Art angekommen. Diese ergaben mit Sicherheit den Lautwerth für alle im Sanskrit vorkommenden Zeichen; unsicher blieben bloss noch die dem Kashgarischen eigenthümlichen Zeichen. Sonach publicirte Hoernle bereits im Sommer 1893 auf Grund der bis dahin in Calcutta eingetroffenen Kashgar-Funde die schon erwähnte (an mehreren Stellen zu berichtigende) Transcription der auf dem einen Blatte stehenden Silben, wobei er gleichzeitig das Vorhandensein von ein paar sanskritischen Lehnworten constatirte sowie

über die Verszahlen und das Metrum einige nicht ganz zutreffende Bemerkungen machte³⁾.

Ich vervollständigte meinerseits nun meine eigene Transcription des Blattes und versuchte sodann vor Allem, das im Original und bei Hoernle ungeschiedene Silben-Chaos, soweit dies möglich war, in einzelne Worte zu zerlegen und gleichzeitig die mehr oder weniger sicher zu ermittelnden Worte und Worttheile in einem alphabetischen Index zu vereinigen. Dieses Unternehmen wurde durch den Text selber ermöglicht auf Grund der folgenden vier Indicien:

erstens gibt sich Alles, was zweimal oder mehrmals wiederkehrt, als etwas irgendwie Zusammengehöriges kund; besonders mehrfache Wiederholungen verrathen uns fixe Sprachbestandtheile.

zweitens darf man ohne Weiteres annehmen, dass am Anfang jeder Verszeile ein Wort beginnt und am Ende einer solchen ein Wort schliesst. Dieses Indicium lässt in Verbindung mit dem vorhergehenden z. B. erkennen, dass *gāni* in 70^d ein Wort für sich bildet.

drittens sind zahlreichen Silben vocallose Consonanten angehängt. Die Fälle sind unten p. 15¹⁶⁾ verzeichnet. Wie in Sanskrit-Handschriften werden die vocallosen Consonanten im Allgemeinen das Wortende bilden. Dass dies überall der Fall sei, zeigt die gleichzeitige Befragung der vorhergenannten beiden Indicien. Es ergibt sich hieraus z. B., dass *jaṭ* in 68^c ein selbständiges Wort darstellt.

viertens liegt da, wo auf eine vocalisch schliessende Silbe ein selbständiges Vocalzeichen folgt, offenbar eine Wortscheide vor, da wir um so weniger Grund haben einen Hiatus innerhalb eines Wortes vorauszusetzen, als die Annahme eines solchen in den meisten Fällen durch die bereits aufgeführten Indicien direct ausgeschlossen wird. Es sind also z. B. die letzten sechs Silben in 69^d und 70^d je in zwei dreisilbige Complexe, diese selbst übrigens wohl noch weiter zu zerlegen. Meine Transcribierungs- und Zerlegungs-Bemühungen wurden dann erst wieder entschieden gefördert, als sie sich auf das zweite Blatt, dessen

3) Das Ganze bildet einen Anhang (p. 39 f.) zu Hoernle's Arbeit über die «Weber-Manuscripts» (vgl. die folgende Fussnote). Hoernle sieht — nur dies Eine sei hier erwähnt — in der Versziffer 60 vielmehr das Zeichen für 70. Da ich von meiner eigenen Auffassung aus palaeographischen Erwägungen nicht abgehen zu können glaubte, so erkundigte ich mich bei S. v. Oldenburg (dem ich im Juni 1893 den ungedruckten Aufsatz, der oben verwerthet ist, mittheilte) darnach, ob nicht ein anderes Fragment mit gleicher Schrift die Zahlzeichen für 60 und 70 enthielte. Mein Freund antwortete unter dem 13. Juli 1893: In your guess about 60, which Hoernle read 70, you are quite right. I have in a fragment the figures for 50, 60 and 70 on the same leaf, so there can be no doubt that 70 is **३** and 60 simply **१**.

Die vorstehende Auskunft wird jetzt durch das zweite Blatt, welches die Zahlen 71—74 und 76 bietet, durchaus bestätigt.

Vorhandensein mir Sergius v. Oldenburg im Januar 1899 mittheilte, erstrecken konnten. Ein besonderer Gewinn stellte sich da ein, als es mir auf Grund der gemachten Zusammenstellungen und Schlussfolgerungen gelang, zu den vier genannten Indicien noch ein fünftes hinzuzufinden. Es zeigte sich nämlich

fünftens, dass die Verszeilen in bestimmte Silbengruppen zerfallen, deren jede mit einem Wort beginnen und schliessen muss. Die 13-silbige Zeile ist gebaut nach dem Schema:

- 1 - 1 - 1 - 1 - | 1 - 1 - 1 - 1 - 1 - |

die 21-silbige Zeile nach dem Schema:

1 - 1 - 1 - 1 - | 1 - 1 - 1 - 1 - | 1 - 1 - 1 - 1 - | 1 - 1 - 1 - 1 - | - 1 - 1 - 1 - 1 - ||

Unter Anderm folgt aus dieser Thatsache, dass das 14-silbige Intervall, von dem oben p. 4 die Rede war, dadurch in ein 13-silbiges verwandelt werden muss, dass man *nervān-ṣai* statt *nervānā-ṣṣai* liest; d. h. *nervān-ṣai* ist offenbar eine metrisch erlaubte Kürzung, an deren Stelle der Schreiber die Normalform *nervānā-ṣṣai* eingesetzt hat.

Da nun übrigens Hoernle und v. Oldenburg von 1893 an auch die sonstigen Funde aus der Gegend von Kashgar genau beschrieben und grossentheils durch Photographien und Transcriptionen der Forschung zugänglich gemacht haben⁴⁾, so können wir ungefähr erkennen, welche Rolle nunmehr unserm Fragment innerhalb der ganzen Materialien zufällt. Dasselbe ist, wie sich zeigt, vielleicht immer noch einzig in seiner Art. Jedenfalls sind nur wenige andere Fragmente vorhanden, die ebenfalls in einem indokashgarischen Alphabet einen nicht-indischen Text bieten, und es scheinen darin, nach den bisher veröffentlichten Proben zu schliessen, zwei besondere Sprachen, die von der unsrigen verschieden sind, vorzuliegen. Uebereinstimmen wird — wenn wir von zwei unbedeutenden und vermuthlich belanglosen Fragmenten⁵⁾ absehen — höchstens das Idiom eines Fragmentes⁶⁾, das aus 25 halberhaltenen ursprünglich mit je 12 × 20 Silben

4) Hoernle, The Bower-Manuscript, Part I 1893.

Part II Fasc. I 1894, Fasc. II 1895.

Part III—VII 1897.

Part VIII (Introduction and Indexes) steht noch aus.

Hoernle, The Weber-Manuscripts, Journal As. Soc. Bengal LXII 1—40. 1893.

Hoernle, Three further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia, Journal As. Soc. Bengal LXVI 213—260. 1897.

v. Oldenburg, Fragmente von kashgarischen Sanskrit-Handschriften aus der Petrovskischen Sammlung, 21 Seiten (russisch) in vol. VIII der genannten Abhandl. der russ. archäol. Gesellschaft. 1893.

5) Godfrey-MS. III (ein Blatt mit 10 × 10 erhaltenen Silben) und IV (ein Blatt mit etwa 30 Silben). — Hoernle's dritte Arbeit p. 228 und 233 f.

6) Weber-MS. IX. — Hoernle's zweite Arbeit p. 7 f. und 34—39.

beschriebenen Blättern besteht. Wenn auch der Umfang dieses Fragmentes ein sehr beträchtlicher ist, so dürfte doch der stark mit sanskritischen Pflanzennamen durchsetzte Inhalt — offenbar liegt eine wesentlich aus Listen und Notizen bestehende Medicamentenlehre vor — zu grammatischen und syntactischen Ermittlungen nur wenig Gelegenheit geben; dagegen ist allerdings z. B. möglich, dass darin verschiedene Zahlwörter häufig wiederkehren, was für die Auffindung einer sprachlichen Verwandtschaft natürlich sehr willkommen wäre. Sicher von unserer Sprache zu trennen ist diejenige, in welcher das Godfrey-Manuscript VII [mit 3 vollständigen und 5 unvollständigen Blättern nebst 51 Blattstücken]⁷⁾ geschrieben ist. An einige Worte der ebengenannten Handschrift erinnert ein Wort, das im Godfrey-Manuscript VIII neben chinesischen Zeichen vorkommt⁸⁾.

Nunmehr zu unserer auf p. 16 und 17 folgenden **Transcription der beiden Blätter** übergehend bemerken wir, dass dieselbe erstens das Metrum und die Silbenzahl und zweitens die Worte und kleineren Sprachelemente möglichst deutlich erkennen lassen möchte. Damit dem ersten Zweck Genüge geleistet sei, ist jede Verszeile für sich gestellt und jede fehlende Silbe durch drei Punkte sowie jeder fehlende Laut durch einen Punkt wiedergegeben worden. Der zweite Zweck erforderte, dass die fertigen Worte und Ausdrücke ganz getrennt und die sich zu einer Einheit ergänzenden Sprach-Bestandtheile durch Bindestriche geschieden wurden. Eine Begründung der einzelnen Zerlegungen wird man dem an die Transcription sich anschliessenden Index und den diesem beigegebenen Bemerkungen entnehmen können.

Was die Umschreibung der einzelnen Zeichen betrifft, so kennt man zunächst natürlich nur von denjenigen den Lautwerth, die auch in ähnlich geschriebenen Sanskrit-Texten vorkommen, und selbst unter ihnen gibt es einige (wie *t* und *n*, *ś* und *p*, *ś* und *g*), welche Verwechslun-

7) Hoernle's dritte Arbeit p. 229 f. und 234—236.

8) l. c. p. 230 und 236²⁵. — Wie mir Dr. Tokiwai mittheilt, sind die chinesischen Zeichen wie folgt zu übersetzen.

Erste Columne: Die Sklaven (oder «Barbaren») haben dargebracht neuen Tribut [und] Proviant-Magazine¹⁾ ein

Zweite Columne: hundert [und] zwanzig [und] sechs . . .²⁾ gross (oder «sehr») ³⁾ Figur (oder «bilden») . . .²⁾

Dritte Columne:⁴⁾ Vortrefflichkeit [und] Festigkeit⁵⁾.

1) Das Zeichen kommt nur in Ortsnamen vor; es mag verwechselt sein mit einem Zeichen, welches «Magazin» bedeutet. — Die unsichern Wörter setzen wir in Cursivdruck, die des Zusammenhangs wegen zu ergänzenden in eckige Klammern. 2) Hier ist ein unklares Zeichen. 3) Dieses Zeichen vertritt die Stelle eines andern, das durchgestrichen ist. 4) Hier stehen drei unklare Zeichen. 5) Die beiden Substantiva bezeichnen zusammen «Gedeihen» oder «Gesundheit».

gen zulassen, solange der Inhalt, der die Entscheidung geben würde, unbekannt ist. Ueberdies sind gerade von jenen Sanskrit-Texten bisher nur kleine Specimina, in denen begreiflicherweise die seltenen Buchstaben grösstentheils fehlen, auf photographischem Wege veröffentlicht worden; so hat man denn immer noch bloss an den paar Orten, wo die betreffenden Handschriften aufbewahrt werden, Gelegenheit zu ermitteln, wie in unserer indo-kashgarischen Schriftart die Vocale \bar{u} r ai o au und gewisse Consonanten aussehen⁹⁾. Unter den specifisch-kashgarischen Zeichen bemerkt man zunächst einen Vocal, der durch zwei verkleinerte e -Haken, die über dem Consonantenzeichen schweben, bezeichnet wird. Graphisch kann man ihn sonach für eine Modification des ungeschriebenen Silbenvocals a oder des mit zwei unverkleinerten e -Haken geschriebenen Diphthongs ai halten. Wir umschreiben ihn möglichst in Anlehnung an die Originalschrift mit \ddot{a} , um so mehr, als der Lautwerth unserm \ddot{a} nicht unähnlich sein wird, da der mittlere Vocal des sanskritischen Lehnwortes *mañjīsthā* sowohl durch jenes \ddot{a} wie durch a ersetzt wird¹⁰⁾. Ungefähr zweimal so oft wie die beiden freischwebenden Bestandtheile des \ddot{a} kommt ein solcher Bestandtheil einzeln vor, im Ganzen etwa 50 mal. Es handelt sich dabei, da mehrfach gleichzeitig ein besonderes Vocalzeichen erscheint, um eine allgemeine Vocal-Modification und zwar offenbar um die im Sanskrit ebenso bezeichnete **Nasalirung**. Wenn in *eṅku* einmal das e und in *tan̄* einmal das a in der angegebenen Weise modificirt wird, so dürfte dies eine Art Dittographie sein, weil der Nasal \tilde{n} die Nasalirung des vorausgehenden Vocals bereits implicirt. Wir geben die beschriebene Vocal-Modification wiederum in Anlehnung an die Originalschrift durch einen übergesetzten Punkt wieder. Hinsichtlich der im Sanskrit fehlenden Consonanten sei bemerkt, dass die Ligatur ts , da sie auch verdoppelt wird, einen einfachen Laut bezeichnen muss, also am besten mit unserm z umschrieben wird. Die mit kh th dh transcribirten Zeichen weichen von den entsprechenden Sanskrit-Zeichen ziemlich ab und bezeichnen desshalb vermuthlich nicht genau die gleichen Laute; es werden eher z. B. die entsprechenden **Reibelaute** (γ β δ) gemeint sein. Dass das Kashgarische eigentliche Aspiraten wie das Sanskrit habe, ist schon desshalb nicht wahrscheinlich, weil ihm, wie p. 4, 1—7 gezeigt wurde, das h fehlt. In Pflanzennamen, die dem Sanskrit entlehnt sind¹¹⁾, verwandelt ka (zuweilen auch ga) im Wort-










9) Das Zeichen für ai kommt immerhin in unserm Fragment vielleicht vor; über dem am Anfang von 74^e stehenden e scheint nämlich die Spur eines e -Hakens, der aus dem e ein ai machen würde, sichtbar zu sein.

10) Vgl. Hoernle's zweite Arbeit p. 5 und 37 f. — Für *mañjīsthā* findet man im Pāli sowohl *mañjetṭha* als *mañjatṭha*, letzteres in Hardy's Ausgabe von Dhammapāla's Commentar zum Vimānavatthu (Pāli Text Society 1901) p. 373^a.


11) Vgl. Hoernle l. c. p. 37 f.

schluss stets, sonst aber nie, das *k* (resp. *g*) in den obigen Laut *kh* (*ɟ*); auch *da* wird in gleicher Stellung zu *dha* (*ʃa*), während dagegen *dh*, offenbar weil ihm das kashgarische *dh* (*ʃ*) nicht genau entspricht, öfter durch *t* oder *d* wiedergegeben wird. Etwas verschieden von den drei in Rede stehenden Zeichen sind einige andere, die wir versuchsweise ebenso, aber in Cursivdruck, umschreiben¹²⁾. Den Cursivdruck nehmen wir in unserer Transcription ferner noch in ähnlichem Sinne zu Hülfe, um ein viermal (in 68^d, 72^e, 76^{ab}) erscheinendes Zeichen wiederzugeben, das wie eine um das Anfangsstück gekürzte Variante des Zeichens für *ña* aussieht; man beachte also, dass *ñ* den palatalen Nasal, dagegen *ñ̄* einen vermuthlich ähnlichen Laut bezeichnet. Die Wahrnehmung, dass in unserm Document *ñu* als Zeichen für 9 fungirt, wird vielleicht einmal dazu verhelfen, den Lautcharakter von *ñ* genauer zu bestimmen¹³⁾. Etwas unsicher ist der Lautwerth eines nur in 74^a vorkommenden Zeichens, das identisch ist mit dem obern Theil des für die Zahl 6 ge-

12) Wir unterscheiden also die folgenden beiden Gruppen von graphisch verwandten aber der Bedeutung nach möglicherweise verschiedenen Zeichen:

		kha 64 ^{ce} . 65 ^{ae} . 66 ^{abddo} &c.		kha 69 ^a . 71 ^{ab} . 73 ^{ce} . 74 ^e . 75 ^e . 76 ^{ce} .
	khā 64 ^b . 65 ^c .	[76 ^{bd} . 77 ^d .		khā 67 ^e . 73 ^b . 75 ^a . 76 ^{ae} .
	tha 69 ^b (<i>dha?</i>). 69 ^e . 70 ^{bb} . 71 ^e . 72 ^{ab} . 73 ^c . 75 ^d .			khā 69 ^e . 70 ^b .
	dha 64 ^d . 66 ^e . 69 ^{de} . 71 ^{abe} . 72 ^e . 74 ^{bd} . 77 ^b .			dha 65 ^e . 72 ^{bc} .

Weil kha oben abgerundet oder eckig sein kann, so sollte man denken, dass auch *dha* einfach eine eckige Variante zu *dha* ist. Allein die oben eckige Form von kha findet sich bloss in Ligaturen (wo sie graphisch besonders motivirt ist), während *dha* genau wie *dha* nur isolirt vorkommt.

Wie man sieht, liegen eine Form für *khā* und zwei Formen für *khā* vor. Eine zweite Form für *khā* () mit einem säulenförmigen *ā*-Strich, der auch sonst vorkommt, zeigt sich je am Anfang von zwei noch nicht veröffentlichten Blättern, die mir Hoernle freundlichst facsimilirt hat. Hier muss, wie ich bald erkannte, *khā* beidemale den Lautwerth *o* haben (es liegt das Sanskrit-Wort *om* vor)! Infolge dieser überraschenden Wahrnehmung tritt die Möglichkeit an uns heran, auch in unserm Fragment *khā* oder *khā* oder beides zugleich als *o* aufzufassen. Man gewahrt aber gleich, dass höchstens *khā*, und auch dieses kaum an allen Stellen, sich durch *o* ersetzen lässt; nur in 76^e würden wir eine Lesung (*om-taṅ*) gewinnen, die sich stützen liesse (durch *taṅ-om* in 76^b).




13) Wie ich nachträglich sehe, wäre es wohl genauer, den fraglichen Laut mit *l* statt *ñ* wiederzugeben. Zwar ist das beschriebene Zeichen, so sehr es sich mit dem Zeichen für *ña* berührt, ganz verschieden von dem für *la*; allein der Laut kommt — wiederum stehen mir durch Hoernle's Güte Fascimile's zu Gebote — im Weber-MS. Part IX (Hoernle's zweite Arbeit p. 34—39) mehrfach an Stelle von indischem *l* vor. Hoernle glaubte in dem Zeichen ein *u* zu erkennen, was nicht angeht; statt *trphan* &c. lese man bei ihm *trphal* & *trphāl* (= Sanskrit *trphala*, genauer *triphala*), *pippāl* (= Sanskrit *pippala*), *nilntpāl* (= Sanskrit *nīlōtpala*), *sukṣmel* (= Sanskrit *sūkṣmaila*). Es ist hier, wie man bemerken wird, stets der Wortschluss, der das indische *l* im Kashgarischen zu dem bewussten Laut werden lässt. Da in gleicher Stellung *k* zu *χ* wird, so dürfte auch *l* eine Reibelaut-Modification des *l* darstellen.

Wenn ich trotz dieser nunmehrigen Erkenntniss in der Transcription und im Index *ñ* nicht durch *l* ersetze, so geschieht dies, weil aus den Bemerkungen zum Index hervorgehen wird, dass der in Rede stehende Laut in gewissen kashgarischen Worten mit *n* und *ñ* zu alterniren scheint.

brauchten Zeichens, wesshalb wir es, weil die indische Ziffern-Reihe an der entsprechenden Stelle *pha* schreibt, mit *pha* wiedergeben; sollte diese Transcription das Richtige treffen, so würde natürlich wie bei den bereits genannten Aspiraten genau genommen wohl der entsprechende Reibelaut (*f*) gemeint sein ¹⁴).

Das den Schluss einer der Verszeilen a bis d anzeigende Komma umschreiben wir mit einem europäischen Komma, und am Schluss der Verszeile e, der im Original bloss durch die Versziffer kenntlich gemacht ist, setzen wir nach indischer Weise zwei Verticalstriche. Das Komma fehlt am Ende der Verszeilen 65^a, 68^c, 72^a, 73^b. Da die ersten drei Male eine Verszeile folgt, in der statt des fünfsilbigen Eingangs wohl ein viersilbiger abgetrennt werden muss, so fragt es sich, ob und wie Beides mit einander zusammenhängt. Wir vermögen noch keine Antwort zu geben. Auch das bleibt vorläufig dunkel, warum 76^c aus 20 statt aus 21 Silben besteht. Hingegen hat sich die umgekehrte Anomalie, dass 69^d vierzehn statt dreizehn Silben enthält, oben p. 7 vollständig aufgeklärt.

Um die indischen Lehnworte, die unser Textstück bergen mag, zu ermitteln, haben wir einfach die oben p. 3 und 4 über *brāhmaṇa* etc. angeestellten Erörterungen planmässig weiterzuführen. Einerseits handelt es sich darum, zu bestimmen, welche unter den vorhandenen Lauten und Lautverbindungen als unkashgarisch zu bezeichnen sind, also auf das Vorhandensein von Lehnworten hindeuten. Andererseits muss man im Auge behalten, dass gewisse Lehnworte dem kashgarischen Lautbestand angepasst sein oder auch ohne Veränderung wie ächt-kashgarische Worte aussehen mögen. Unsere auf das erste Blatt gegründete Schlussfolgerung, dass der kashgarischen Sprache das *h* abgehe, wird durch das zweite Blatt durchaus bestätigt. Wir finden da den Laut höchstens in 71^a, wo man, weil auf dem Blattrand thatsächlich bloss noch die rechte Hälfte des Zeichens für *ha* vorhanden ist, anstatt dessen auch *h* mit einem übergeschriebenen Vocal oder *ḥ* mit *a* oder einem übergeschriebenen Vocal vermuthen kann. Ist *ha* gemeint, so entspricht das damit beginnende Wort dem Sanskrit-Nominativ *Hanumān*, was der Name des im Rāmāyaṇa und sonst vielgepriesenen Affenfürsten ist. Es sei aber beigefügt, dass statt *nu* auch *tu* gelesen werden kann, so dass

14) Dass das fragliche Zeichen in der That *pha* zu lesen ist, zeigen nachträglich die in der vorigen Note erwähnten Facsimile's. Das Wert *ṛphāl* bietet da die für *pha* eigentlich erwartete Buchstabenform (mit dem rechts an *pa* angefügten Zusatz). In *ṛphāl* liegt eine den graphischen Zusammenhang mit *pa* bereits aufgebende, nämlich links abgerundete, aber immerhin noch geöffnete, Abart des Zeichens *pha* vor. Unsere Handschrift endlich entfernt sich einen weitem Schritt von der Normalform, indem sie die linke Seite des Zeichens nicht bloss abrundet, sondern schliesst, sodass dieselbe das gleiche Aussehen bekommt wie die rechte Seite. Wir haben also:  in *ṛphāl*  in *ṛphā*,  in 74^a und in der Verszahl 76.

auch das Lehnwort *hetu* «Ursache» vorliegen mag. In den erwähnten Erörterungen wurden wir darauf geführt, dem Kashgarischen auch den Laut η abzusprechen. Wir finden nun aber auf dem zweiten Blatt (in 71^a) einmal *maṇḍālmē*, was wir, da mehrere kashgarische Worte auf *lme* endigen, nur zögernd mit dem Sanskrit-Wort *maṇḍala(m)* 'Kreis, magischer Kreis, Erdkreis' zusammenzubringen wagen. Wir thun dies bloss, weil auch die übrigen vier Laute der Lingual-Reihe (ṭ ṭh ḍ ḍh) dem Kashgarischen zu fehlen scheinen, indem *jaṭ* in 68^e offenbar das Sanskrit-Wort *jaṭā* «die den brahmanischen Asketen charakterisirende Haarflechte» wiedergibt. Das Kashgarische besitzt ferner, wie es scheint, keine Medien. Alle Worte, in denen solche erscheinen, sind entweder zweifellos oder wahrscheinlich Lehnworte. Ueber *jaṭ bram. brāhmaṇṇai brāhmaṇē maṇḍālmē* ist schon gesprochen; *bhr̥ṅgār* und *vāj̥r* sind offenbar die Sanskrit-Worte *bhr̥ṅgāra* «der (zu den königlichen Insignien gehörende) goldene Wasserkrug» und *vajra* «der Diamant»; in *gāṇ* und *sāgari* dürften die Sanskrit-Worte *gaṅgā* «der Ganges» und *sāgara* «das Meer» zu erkennen sein. Als einziges eine Media enthaltendes Wort, dem wir kein Sanskrit-Aequivalent zur Seite setzen können, bleibt *khāj̥r*; möglicherweise ist dies nicht dem Sanskrit, sondern einer andern jener Sprachen, die in Kashgar zusammentrafen, entnommen. Dem kashgarischen Alphabet mag schliesslich auch der Laut *v* gefehlt haben. Wir finden ihn bloss an vier Stellen, einmal in dem vorhingenannten *vāj̥r*, zweimal in *nervān*, was höchst wahrscheinlich für «Nirvāṇa» steht, und einmal in 71^a in einer Verbindung, über die wir keine Vermuthung wagen wollen. Auffallend selten ist im Kashgarischen der Vocal *i*, während dagegen der Vocal *e*, den wir uns wohl, wie auch *o*, meist als kurz zu denken haben¹⁵⁾, durchaus vorherrscht. Hierauf begründen wir die Annahme, dass in dem vorhingenannten *nervān* das *e* an Stelle eines *i* getreten sei; es wäre dies eine Kashgarisirungs-Erscheinung, wie in dem gleichen Worte die Ersetzung des η durch *n*. Was ferner die Lautverbindungen betrifft, so sei hier bloss die Thatsache hervorgehoben, dass die in indogermanischen Sprachen so beliebte Consonantengruppe «Muta cum Liquida» dem Kashgarischen trotz seines auffallenden Consonanten-Reichthums ziemlich ungewohnt ist. Die Worte *sāstrē* und *āstrē* sprechen nicht eigentlich dagegen, da sie metri causa für

15) Ausgenommen natürlich

erstens da, wo *e* resp. *o* für *ai* resp. *au* stehen; vgl. *ona* unten p. 25, 11.

zweitens da, wo *e* resp. *o* aus dem Sanskrit übernommen sind; vgl. *khemacitrē* oben im Verlauf.

drittens da, wo *e* resp. *o* in Befolgung einer sanskritischen Sandhi-Regel(!) aus *a+i* resp. aus *a+u* entstanden und dann von uns mit *ê* resp. *ô* umschrieben sind. Ein sicheres *ô* liegt vor in 73^e, wo *nma* und *upāy*, vermuthlich metri causa, zu *nmôpāy* zusammengezogen sind.

sastaré und *astaré* (cf. *astaryai*) zu stehen scheinen. Wir werden also *kleśa* unbedenklich für den buddhistischen Terminus *kleśa* «Sünde» halten, vielleicht auch in *khemacitré* einen indischen Eigennamen *Hemacitra* oder *Khemacitra* (für *Kṣemacitra*), der allerdings weder in der einen noch in der andern Schreibweise belegt ist, und in *prayoka* das Sanskrit-Wort *prayoga* «Gebrauch, Praxis» vermuthen dürfen. Wo der Lautbestand ebensowohl kashgarisch wie sanskritisch sein kann, wird man nur zögernd Lehnworte suchen; doch darf man in *sāsār* gewiss das bekannte Sanskrit-Wort «Samsāra», möglicherweise auch in *upāy kalpa kuś* die Sanskrit-Worte *upāya* «Mittel», *kalpa* «Weltperiode», *kuśa* «eine bekannte Gras-Art» oder «Name eines Jātaka-Helden» erkennen. Unter denjenigen Lehnworten schliesslich, welche sich den kashgarischen Lautverhältnissen angepasst haben, werden höchstens solche zu ermitteln sein, bei denen die Anpassung keine vollständige ist. So durften wir oben p. 3 f. und im Vorigen *bram*, *brāhmaññai* und *nervān*, zweifelnd auch *prayoka* und *khemacitré* als Lehnworte auffassen, weil da Laute und Lautverbindungen, die im Kashgarischen entweder unmöglich oder unbeliebt sind, theils durch die nächststehenden kashgarischen Aequivalente ersetzt, theils aber beibehalten zu sein scheinen. Vollständig kashgarisirte Lehnworte könnten etwa *akāś*, *nermit* und *pūc* sein, wenn sie für *ākāśa* «Raum, Aether», *nirmita* «erschaffen» und *pūjā* «Ehrung» stehen.

Da *gān* und *sāgari*, in denen wir oben die indischen Bezeichnungen für den Ganges und das Meer zu erkennen glaubten, in unserm Textstück neben einander stehen, so handelt es sich an der Stelle offenbar um einen jener in indischen Gedichten nicht seltenen Sätze, die zugleich vom Ganges und vom Meer sprechen. Man mag darum die beiden Entlehnungen ansehen als einen Beweis für die ohnehin wahrscheinliche Thatsache, dass das Werk, dem unser Fragment angehört, nicht ein Original-Gedicht, sondern die Uebersetzung eines nordbuddhistischen Sanskrit-Textes ist. Wir dürfen weiter annehmen, dass diese Uebersetzung, wie dies bei den tibetischen Uebersetzungen von Sanskrit-Werken der Fall ist, dem Original Vers für Vers entspricht, dass man also, um jenes Originals und damit des Schlüssels zum Verständniss unserer kashgarischen Sprache habhaft zu werden, vor Allem die Strophen 64^b—77^d der verschiedensten Gedichte der nordbuddhistischen Sanskrit-Literatur daraufhin nachzusehen hat, ob sie an den erforderlichen Stellen unsere Lehnworte enthalten. Wir stellen hier für diejenigen Gelehrten, welche, sei es in Cambridge oder in Paris, sei es in Calcutta oder in Nepal, entsprechende Nachforschungen nach dem postulirten Original anzustellen geneigt sein sollten, die Fremdworte in der Reihenfolge, wie sie in unserm kashgarischen Textstück begegnen, zusammen, wobei wir die weniger gesicherten in Klammern setzen. Das sei noch

vorausgeschickt, dass das Original jedenfalls entsprechend dem Umfang der kashgarischen Strophen ein Versmaass von besonderer Länge, also z. B. das Śārdūlavikrīḍita- oder das Sragdharā-Metrum bieten wird. Auch Tibetani-
sten nehmen sich vielleicht der Sache an und untersuchen die mit den ge-
nannten Ziffern belegten Strophen von solchen tibetischen Gedichten, deren
Sanskrit-Original nicht mehr erhalten ist.

64° Mahākara.

65^d kleśa. 65° Hemacitra.

66^a vajra. 66^d brāhmaṇya.

67^d nirvāṇa.

68° jaṭā. 68° bhr̥ṅgāra.

69^a (pūjā) Brahman. 69° (nirma). 69^d nirvāṇa. 69° brāhmaṇa.

70° sāgara. 70^d Gaṅgā.

71^a (Hanumant & maṇḍala). 71^b Brahman. 71^d kalpa.

72^a (kuśa). 72^b kleśa. 72° upāya.

73° upāya.

74° (ākāśa).

75° prayoga.

76° (ākāśa) saṃsāra.

77^b (ākāśa).

Da nun nicht bloss aus sprachlichen und palaeographischen Gründen, sondern auch wegen der Verwischtheit mancher Zeichen, unsere Transcription an vielen Stellen unsicher sein muss, so kann sie nicht etwa als völliger Ersatz für das Original, sondern nur als Wegweiser zur Benutzung desselben gelten. Um diese Benutzung zu ermöglichen, führen wir dem Leser eine photographische Wiedergabe der beiden Blätter auf zwei Tafeln vor, und zwar in der Weise, dass auf der ersten Tafel die Verszeilen des ersten Blattes in Uebereinstimmung mit unserer Transcription untereinander gestellt sind, während auf der zweiten Tafel das zweite Blatt einfach in seiner natürlichen Gestalt zu sehen ist. Unsere Wiedergabe des ersten Blattes, welche die Vergleichung desselben mit der Transcription ausserordentlich erleichtert, kam zu Stande, indem aus der von Sergius von Oldenburg publicirten Photographie des Blattes die einzelnen Verszeilen ausgeschnitten und der Transcription gemäss geordnet wurden, um von Neuem photographirt zu werden. Obschon es erwünscht gewesen wäre, das gleiche Verfahren auch beim zweiten Blatt einzuschlagen, so haben wir doch darauf verzichtet, damit diejenigen Leser, welche S. von Oldenburg's mehrfach erwähnte Photographie nicht zur Hand haben, der zweiten Tafel entnehmen können, wie ein Blatt in Wahrheit aussieht.

Im Einzelnen sei zur Transcription bloss noch erwähnt, dass die vierte Silbe in 67^b vielleicht nicht *skkha* sondern *sakkh* lautet, indem *kkh* durch den an vielen Stellen¹⁶⁾ deutlich vorhandenen Verbindungsstrich als vocallos an das Zeichen *sa* angehängt sein könnte.

Der hinterher folgende **Index** sowohl wie die sich daran anschliessenden **Bemerkungen** sind nach dem Sanskrit-Alphabet geordnet, wobei die specifisch-kashgarischen Laute (*ä, kh* etc.) hinter den nächstverwandten indischen Lauten (*a, kh* etc.) an die Reihe kommen; *z* ist natürlich da untergebracht, wo *ts* stehen müsste. Verwandte Bildungen (wie z. B. die auf *āsta* und *ska*) sind zuweilen unter dem ersten Beispiel vereinigt. Einige Eintragungen (wie *mo* und *lme*) sind nur als charakteristische Silben, nicht als besondere Worte oder Suffixe zu verstehen.

16) In 67^e *nīs*, 68^c *jaṭ*, 69^a *nākh*, 70^b *nātth* & *skātth*, 71^e *lmētth*, 72^a *lmētth*, 72^b *ntātth*, 74^b *dbarc*, 74^d *dharc*, 75^a *tañ*, 75^b *tañ*, 76^a *tañ*, 76^d *śmotth*, 77^b *tañ*, 77^d *matth* & *yārm*.

Enthält die Silbe den Vocal *u*, so fehlt der Verbindungsstrich, weil er da überflüssig wäre. Das einzige Beispiel ist *kuś* in 72^a.

Transcription.

- 64b s . a . ai gñenta-ṣṣe eñku-khājr akauta-cce,
 c mahākarú-ṣe khaipe peñya-cce peṣpitu,
 d dharyā ykne yme-tze śmo-ñā-ṣṣe na nāmo,
 ep. yainust mauṣ-ñā tkhalñe-ṣṣe pi sumer-tze mrācne ||
- 65a poyśiññe-ṣṣe-tkhe ylai-ñāktene styalze śai-tza
 b lkā ṣṣeñcānai śai . . . preścya-ṣṣe
 csya-ṣṣe āstré ñakte-tza khakhārpau,
 d kleśa-nma-ṣṣecé lātnasūrēz po-nāk ṣeñcai,
 e dhalsko-ṣṣe cau khemacitré ś . . . e-ṣṣeñcai . ai nmausa ||
- 66a ñāk cyēye tkhēza yainu vājr-eñku ṣarnene,
 b ylai-ñāktñe kheṣ-sa karpāsta khro-cce telkīne,
 c krét pelaikne yṣasta,
 d khismai klyaun-kasta brāhmaññai kher-zyai po-śaiṣṣe,
 e yādha ṣṣeñcai ilai-ñākté po ylai-ñākte-tz' āṣga pralyay parkhes ||
- 67a pelaikne-ṣṣana khro-ḡḡana,
 b khār-porméskkha-nma pālsko-ṣṣana tausnayāke,
 c śai-ṣṣe-tze khāttre ārskorśé yā
 d rś . rīne nervān-ṣai,
 e khārasta ñiś ykhārc laklene tñaknopkhāñm-za yamśarāne po śaula nma-sa ||
- 68a āñmālāṣñe-ṣṣé uspā
 b pe-ṣṣe khas-zy āstre nausu peñya-cce,
 c nkhā-tza-ññe jaṭ snai ykorñe-ṣṣa po kekzeñela
 d laṣ kasta-rya poyśiññe-ṣṣ' aurza ñakzauña-ṣ . .
 e bhṛngār-eñku śūke sāstré itemaittar-ṣṣe ||
- 69a pūc-ñākte-ṣṣe-tkhe bram-ñākte śpālmé snai menākh,
 b yainmu thaktauñe
 c nermit yām-ṣeñcai khnolme nokt yakne sasta-ré,
 d nervānā-ṣṣai-ke-tza śai-ṣṣe dharkaucai eṣke-ḡḡe,
 e tantha . . . ai pelaikne dhsakhakoy . . khāspa brāhmañé ||
- 70a empre nma-ṣṣana nmaśtkhāra akṣāsta,
 b klainātth śamaśkātth karsa ḡi . n . mc . khār . á . . .
 c k . rutme pi . . . sāgari,
 d gāñ pelaikne-ṣṣai-kēza cārkaṣta asta-ryai,
 e po-pi-śaiṣṣe kalloyn' āṣḡi pelaikne-ṣṣai . . . ñai ||

- 71a hanumānavéškau *nākh*dhaññ' āstrē maṇḍālmé,
 b pākritakāsta bram-*nākh*dhaññāna ersna-sa,
 c yakne kakze . ʒ sta ne
 d su kalpa tañ cīne maiyyā-cce,
 e ykhāreckher-zyaine plyekhsiprerne...com posdhāzem-ʒa cīne khnolmētth tañkhrocce ||
- 72a khaiptār po khnolmētth kuś nta
 b *dhalskontātth* ymaitpoysoyāmornta kleśa-nma,
 c yketta preściyāṣa*ñdha*ṣle-ṣṣana upāy-nta,
 d ysomo alāltte,
 e aṅmālaṣke dhānkha-ññēñca kṛtanike-tkheknestauspa pontāʒ ṣaṅ ṣaumo ||
- 73a po pelaiknenta
 b . . . rmekīta-ʒñe *khā*kottacmelāʒ putkalñe
 c *pkhantenmōpāy*nta khaiptārnta-ññenta ṣe-ʒñe-nta,
 d yām khayāmtona ṣaṅ ṣaṅī
 e p . e lykaśketre_kte *pokharsauca* po klaun-ketʒa po traiprekenne ||
- 74a tūykne sanai śai po pelaikne-nta pharsāsta,
 b palse sportodhare,
 c snai skeyēka-tkhe po krentauna yneś yām-ṣeñca,
 d rita-lñe yarm-ka po nekhānkālʒñe sportodhare,
 e etāñ-*khatte* ka ʒ . ra ymīye akāśne ||
- 75a *khā*lypo-ʒʒene stai khāttre yneśka tañ sportotr,
 b śankaira lauke atʒaikispe tañ somonkñe,
 c po tañolāntu,
 d snai keś-ra-ta-pre atʒaikette tañhasketṛ,
 e *kharsanalyē* khāntarkhane snai prayoka sportotr. ||
- 76a *khār*kmora khāttre kaūra tañ *ñak*ʒe-ʒʒe,
 b sklok-sa yauš mauṣ-ra ṣe nkhātkā-ñttha-ññe tañomte,
 c snaipʒa*khat* krera n rṣke
 d śmōtth cēs trai śam-ñe-ṣṣe cāmpam-ñe,
 e *khām* tañthankau pokarsa . nā akāśe po sāsār-ne ṣe ketāñ-*khatte* ||
- 77a tā ykalñe pelaikne ,
 b prunkoytr'akāśe tañ krentauna sayke posdhā,
 c ykāk tañ krentauna placyē snai yārm-keś-sai mkhāsta,
 d matth snai snai yārm s

Index der Worte und Worttheile.

- akāše 76°. 77^b. akāś-ne 74°.
- atzaikette-tañ 75^d. atzaikispe-tañ 75^b.
- ātth 70^{bb}. -āz cf. lāt.
- ntātth cf. *dhalsko*. -ntāz 72°. -ntā... cf. *pelaikne*.
- ētth cf. *khnolme*. -ēz 65^d.
- ōtth cf. *śam*.
- matth 77^d.
- alāltte 72^d.
- asta-ryai 70^d. āstrē 65°. 71^a. āstre 68^b. asta 67°.
- sasta-rē 69°. sāstrē 68°.
- kasta-rya 68^d. kasta cf. *klaun*.
- yṣasta 66°.
- akṣāsta 70^a. karpāsta 66^b. kāsta 70^d. 71^b. pharsāsta 74^a.
- mkhāsta 77°. ...sta 71^c.
- āñm 67°. āñm-ālāṣ 68^a. āñm-ālaṣ 72°.—lāṣ 68^d.
- ār cf. *dhalsko*. er 71^b.
- āl cf. *alāltte* und *āñm-ālāṣ*.
- āṣ-za 66°. āṣ-zi 70°. cf. *āñm-ālāṣ*.
- upāy-nta 72°. 73^c.
- eñku-khājṛ 64^b. vājṛ-eñku 66^a. bhṛṅgār-eñku 68°.
- etāñ-*khatte* 74°. ketāñ-*khatte* 76°. ke dhañ-khaññeñca 72°. khāntarkhane 75°.
- cf. *tañ*.
- karsa 70^b. 76°. cf. *kharsana*.
- kalpa (= skt *kalpa* «Weltperiode»?) 71^d.
- kuś 72^a.
- ke 67^b. 68°. 69^d. 73°. 75^b. 76°. ka 75^a. cf. *etāñ yke ske*.
- ke-kze 68°. ka-kze 71°. cf. *yke*.
- ke-tañ cf. *etāñ*.
- ke-tkhe 72°. ka-tkhe 74°.

-ke-tʒa und -kəʒa cf. klaun und -ʒʒai.

ke-tre cf. khättre.

-kñe 75^b.

kze cf. ke-kze und ñäkte.

kne 72°. cf. pelaikne yakne ykne.

krét 66°. krentauna 74°. tañ-krentauna 77^b. krerau... 76°.

kleśa-nma 72^b. kleśa-nma-ʒʒécé 65^d.

klaun-ke-tʒa 73°. klyaun-kasta 66^d.

khä cf. asta (letzte Zeile) etañ tkalñe.

khättre 67°. 75°. 76^a. ke-tre 73°.

khär-po 67^b. cf. kher und khāra.

khāra 70^a. khakhārpau (cf. khär-po) 65°. cf. ykhāre.

khis-mai 66^d. kis-pe cf. atʒai. kheʒ-sa 66^b. keś-sai cf. yarmka. keś-ra 75^d.

khes... 66°. khas 68^b. khsi 71°.

khemacitré (= skt *Hemacitra*?) 65°.

kher-ʒyai 66^d. 71°.

khaipe 64°. khaiptār 72^a. 73°.

khnolme 69°. khnolmētth 71°. 72^a.

khro-cce 66^b. 71°. khro-ʒʒana 67^a.

khāt 76°. khatte cf. etañ. khante 73°.

kharsana 75°. kharsau 73°. cf. karsa.

gāñ (= skt *gaṅgā* «Ganges»?) 70^d.

cīne cf. tañ. telkīne 66^b. rīne 67^d.—kīta-ʒñe 73^b. rīta-lne 74^d. ite 68°.

-cce 64^b. 71^d. cf. khro-cce peñya-cce.

cyé 66^a. 77°. yé 74°. lyé 75°.

jaṭ 68°.

ñäk 66^a. cf. po-näk.

ñäkte-ʒʒe-tkhe 69^a. ñäkte-tʒa 65°. ñäkʒe-ʒʒe (cf. thaktaune) 76^a. cf. bram
und ylai.

ñäkhdhaññ' 71^a. ñäkhdhaññana cf. bram und ylai-ñäktñe.

-ñä-ʒʒe 64^d. [68^d].

-ñe 68°. 76^d. -ñe-ʒʒe 76^d. rñe-ʒʒa 68°. lñe-ʒʒé (cf. cīne tkalñe) 68^a. cf. ʒñe
und ylai-ñäktñe.

-ñca cf. ññeñca und ʒeñca.

-ññana cf. ñäkhdhaññana.

-ññe cf. ñäkhdhaññ' nthaññe po-yśiññe.

-ññeñca cf. etañ.

ta 64^b. 71^b. 72°. 75^d. cf. cīne.

tañ-cīne 71^d. cīne...tañ 71°. cf. etañ.

tañ 75^{ab}. 76^a. taño 75°. 76^b. tañtha 75^d. 76°. tantha 69°. cf. krét.

te cf. *khatte* cine (am Schluss) *näk-te*. — *kte* 73°.

tkalñe 73^b. *tkhalñe-ṣṣe* 64°. *ykalñe* 77^a. *nekhänkälzñe* (cf. *nkhätkā*) 74^d.

tkhe cf. *ke-tkhe* *näkte* *po-yšiññe*.

tkhèza 66^a.

-*tta* und -*tte* cf. *yketta*.

tza 1. *tza* cf. *klaun* *näkte* *ylai-näkte-tz'* *sai-tza*.

2. *tza* oder *nza* cf. *nervānā* *nkhä*. — cf. *atzai*.

tze 1. *tze* 64^d. *ze* (cf. *kze*) 65^a. *zze* (cf. *näkte*) 69^d.

2. *tze* oder *nze* 64°. cf. *saiṣṣe-tze*.

tra 73°. 76^d. cf. *ke-tre* *ske-tr* *sporto-tr*.

za 1. nach Consonanten 67°. 68^d. cf. *āṣ-za* *zem-za* *snaip-za*.

2. mit Nasalirung des vorhergehenden Vocals cf. *tkhèza* *preṣcya* *ṣṣai-kèza*.

zi 70^b. *zy* 68^b. cf. *āṣ-zi* *kher-zyai*.

ze cf. *tze*.

zem-za 71°.

zñe-nta-ṣṣe 64^b. *ṣe-zñe-nta* 73°. cf. *cīne* *tkalñe*.

-*zṣana* cf. *khro*. -*zze* cf. *tze*. -*zṣene* 75^a.

thaktañe (*dhakt*?) 69^b. *nakzauñā* (*dhakz*°? cf. *näkte*) 68^d.

dhar 64^d. 69^d. *dhar* cf. *sportotr*. *dha* (für *dhar*?) 66°. *dhan* cf. *etān*.

dhalsko-ntātth 72^b. *dhalsko-ṣṣe* 65°. *pālsko-ṣṣana* 67^b. *ārskorṣé* 67°.

...*na* 64^d. -*tona* (= -*tauna*?) 73^d. cf. *krèt* *nñana* *zṣana* *ṣṣana* *sna*.

nākh 69^a.

nāmo 64^d.

ne 64°. 67°. 71°. *rñe* 76°. *rne* 66^a. -*rne*...71°. cf. *akāse* *etān* *cīne*

tkalñe *zṣana* *ylai-näktene*.

nervān-ṣai 67^d. *nervānā-ṣṣai-ke-tza* (vergl. oben p. 7 und unten p. 23) 69^d.

nokt 69°.

nkhä-tkā-ñttha-ññe 76^b. *nkhä-tza-ññe* (vergl. unten p. 24) 68°. cf. *tkalñe*.

nta 72^{ab}. cf. *upāy* *etān* *zñe* *nthaññe* *pelaikne*, — *krentauna*.

ntātth und *ntāz* cf. -*ātth*.

nthaññe-nta 73°. *ñtthaññe* cf. *nkhä*.

nma 67^b. 73°. *nmašt* (cf. *yainust*) 70^a. cf. *kleśa*.

nma-ṣṣana 70^a. *nma-ṣṣecé* cf. *kleśa*.

nma-sa 67°. *nmau-sa* 65°.

pālsko cf. *dhalsko*.

pi 64°. 70°. *pī* 64°. cf. *po-saiṣṣe*.

pūc (= skt *pūjā* «Ehrung»?) 69^a.

pe 64°. 68^b. cf. *khismai* und *khaipe*. *p'* für *pe* cf. *khaiptār* und *snaipza*.

peñya-cce 64°. 68^b.

pelaikne... 66°. 69°. 77^a. *pelaikne-ṣṣai*... 70°. *po-pelaikne-ntā*... 73^a.

pelaikne-ṣṣana 67^a. pelaikne-ṣṣai-kéza 70^d. śai-po-pelaikne-nta 74^a.
 po 66^o. 67^o. 68^o. 72^{ae}. 73^{ooo}. 74^{cd}. 75^{ac}. 76^{eo}. cf. khār pelaikne.—pu 73^b.
 po-nāk 65^d.
 po-yśiññe-ṣṣe-tkhe 65^a. po-yśiññe-ṣṣ' 68^d.
 po-ysomo 72^b. ysomo 72^d. somo 75^b.
 po-śaiṣṣe 66^d. po-pi-śaiṣṣe 70^o. cf. śai-po.
 posdhā 71^o. 77^b.
 pra 66^o. 75^o.
 pre 70^a. 71^o. 73^o. 75^d.
 preścya 65^b. preściyāza 72^o.
 bram-ñākte 69^a. bram-ñākhdhaññana 71^b.
 brāhmaṇe 69^o. brāhmaññai 66^d.
 maṇḍālmé 71^a.
 mahākarū-ṣe 64^o.
 mait 68^o. maiy 71^d. cf. khismai ymait.
 mo cf. nāmo po-ysomo yāmo śmo (und śaumo), ausserdem ārāmo im Titel
 des *Nagarōpama vyākaraṇa*. — nmau cf. nma-sa. mauṣ 64^o. 76^b.
 yakne 69^o. 71^o.
 yarm-ka 74^d. yārm-keś-sai 77^o. yārm-s...77^d.
 yā 64^d. 66^o. 67^b. 71^d. yā...67^o.
 yām 73^{ad}. yāmo 72^b. yām-ṣeñca 74^o. yām-ṣeñcai 69^o. — yam 67^o.
 yainu 66^a. yainust (cf. nmaśt) 64^o. yainmu 69^b.
 yke 77^b. ykāk 77^o.
 yke-tta 72^o. cf. atzaikette alāltte etān-khatte.
 ykne 64^d. 74^a.
 ykhārc 67^o. 71^o.
 yneś 74^o. 75^a. ñiś 67^o.
 ymait 72^b. mit 69^o. yme 64^d. ymī 74^o.
 ylai-ñākte-tz' 66^o. ylai-ñāktene 65^a. ylai-ñāktñe 66^b. ilai-ñākté 66^o. —
 lyay 66^o.
 ysomo cf. po-ysomo.
 -ra 74^o. 75^b. 76^{aabc}. cf. khismai.
 lāt 65^d. lāz 73^b.
 lme cf. khnolme maṇḍālmé śpālmé solme.
 śam 70^b. 76^d. śmo 64^d. śmōtth 76^d. śaumo 72^o.
 śai...65^b.
 śai-tza 65^a.
 śai-po cf. pelaikne.
 śai-ṣṣe 69^d. śaiṣṣe-tze 67^o. cf. po-śaiṣṣe.
 śpālme 69^a.

ṣaṅ 72°. 73^{ad}. ṣṅa (ṣ-ṅa?) 64°.

ṣe 76^{be}. cf. zṅe.

ṣeṅca cf. yām. ṣeṅcai (cf. yām) 65^d. ṣṣeṅcai 65°. 66°. ṣṣeṅcānai 65^b. cf. nma-ṣṣecē.

ṣle-ṣṣana 72°.

-ṣṣana cf. *dhalsko* nma pelaikne ṣle.

-ṣṣe 65^b. 68^{be}. cf. ṅākte ṅa-ṣṣe ṅe tkalṅe zṅe *dhalsko* po-yṣiṅṅe ṣaiṣṣe, — mahākarū-ṣe.

-ṣṣē 65°. cf. ṅe und kleśa. -ṣē cf. *dhalsko*.

ṣṣeṅcānai ṣṣecē ṣṣeṅcai cf. ṣeṅca.

-(ṣ)ṣai(-ketza) cf. nervān(ā).

-ṣṣai(-kēza) cf. pelaikne.

sa 71^b. 76^b. 77^b. cf. karsa khismai nma-sa.

sāsār (= skt *samsāra*) 76°.

sana und sanai cf. sna.

sāgari (= skt *sāgara* «Meer»?) 70°.

su 64°. 68^b. 71^d.

sai (zu sa) cf. khismai.

somo cf. po-ysomo.

solme im Titel des *Nagarôpama vyākaraṇa*.

ske 74°. ske-tr 75^d.

sna 67^b. 71^b. snai 68°. 69°. 74°. 75^{do}. 77^{edd}. snai-p-za 76°. sana cf. *kharsa*-na. sanai 74^a.

sportotr 75^a. sportotr...75°. sportodhare 74^{bd}.

hanumāna (vergl. oben p. 11 f.) 71^a.

Bemerkungen zum vorstehenden Index.

atzai. Die Ligatur, welche wir mit *tz* wiedergeben, kommt im Ganzen elfmal vor: 64^{de}. 65^{ac}. 66°. 67°. 68°. 69^d. 73°. 75^{bd}. Der erste Schrägstrich ist verschieden lang. An sechs Stellen (64°. 67°. 68°. 69^d. 75^{bd}) ist die Länge eine solche, dass sie uns nöthigen würde, hier *nz* statt *tz* zu lesen, wenn gleichzeitig der Schrägstrich weniger geneigt wäre. Da diese zweite Bedingung nicht erfüllt ist, so ergibt sich höchstens die Möglichkeit, in jenen sechs Fällen *nz* einzusetzen. Man kann also beidemal *anzai* statt *atzai* lesen.

-ätth. Die verschiedenen Formen lassen eine an Vocale antretende und deren Nasalirung verlangende Endung *tth* oder *z* erkennen. In *matth* scheint der Anusvāra nur vergessen zu sein. Da *tth* und *z* (geschrieben *ts*) alterniren, so muss *th* ein dem *s* ähnlicher Laut sein, was die oben p. 9 versuchte Präcisirung des Lautwerths von *th* bestätigt.

asta-ryai. Hier liegt überall eine Endung *sta* vor, die fast stets an *ā*, nur einmal an *ä* antritt. Ein häufig an *asta* angehängter Appendix lautet *ryai*, *rya*, *rē*, *re*; vor dem letztern Formen-Paar wird *asta* gewöhnlich durch Ausfall und Ersatzdehnung zu *āst*.

ānm. In *ñm* liegt, wie sich unter *ynes* zeigen wird, nur eine graphische Variante der Lautverbindung *nm* vor, welche in *nma* und, mit einfachem *n* alternirend, in *yainmu* begegnet.

ketza und kēza. Da *n* und *t* ähnlich sind, so möchte man *kenza* statt *ketza* lesen und ersteres einfach für eine graphische Variante von *kēza* halten. Es könnte ja dieselbe Doppelheit der Schreibung wie in den Sanskrit-Handschriften möglich sein, wo stets der Anusvāra den vor einem Explosivlaut stehenden Nasal vertreten kann (*āga* = *aṅga*, *āta* = *anta* etc.). In 69^d wird denn auch, weil da vor *ketza* dieselbe Silbe *ṣṣai* wie in 70^d vor *kēza* steht, *kenza* gelesen werden müssen, was nach dem unter *atzai* Gesagten angeht. Dagegen liegt kein Grund vor, *ketza* in 73° zu beanstanden.

Wir werden also durch die Thatsachen darauf geführt, ein einmaliges *ketza* und ein davon verschiedenes Wort, das einmal *kenza* und einmal *kéza* geschrieben ist, zu postuliren. Eine solche Scheidung würde, wenn es sich bloss um die drei Schreibungen handelte, recht wenig für sich haben. Allein die Zuziehung der übrigen Zusammensetzungen, in denen der Laut ζ auftritt, zeigt, dass in der That zwei verschiedene Suffixe, die jenen Laut sammt einem nachfolgenden Vocal enthalten, vorliegen:

1. ein Suffix *za*, das nach Vocalen *tza z̄za(na)* geschrieben wird und das mit *ze tze z̄ze(ne)* verwandt oder identisch ist;
2. ein Suffix, das in voller Schreibung *nza* oder *nttha* lautet und in gekürzter Schreibung die Formen «Anusvāra + *za*» oder «*nttha*» annimmt.

Das zweite Suffix unterscheidet sich von der unter *-ätth* besprochenen Endung bloss durch ein beigefügtes *a*. Sollte eine entsprechende Endung auch dem ersten Suffix zur Seite stehen, so müsste sie ebenfalls *tth* oder ζ lauten, dürfte aber keinen Anusvāra vor sich haben. Eine erforderliche Bildung (*matth*) haben wir zwar unter *-ätth* kennen gelernt; aber da der Anusvāra darin zufällig fehlen kann, wird sie allein nicht genügen, um das Vorhandensein der geschilderten Endung zu erweisen.

Gleichermaassen unsicher ist es, ob auch das zweite Suffix, wie das erste, eine Parallelform mit *e* aufweist. Die Parallelform würde gegeben sein, wenn in 64° und 67° *-nze* statt *-tze* gelesen wird, was, wie wir unter *-ätth* sahen, möglich, aber nicht geboten ist.

Genau wie mit *ketza* in 69^a steht es mit *nkhätza* in 68°. Weil in 76^b bei gleicher Umgebung *nttha* an Stelle von *tza* begegnet, werden wir statt der letztern Silbe *nza* zu lesen haben, was unsere Bemerkungen zu *atzai* erlauben.

Die nach Alledem zum zweiten Suffix zu ziehenden Formen wären in folgender Weise tabellarisch zu ordnen.

Grundwort	Grundwort mit Suffix	
	volle Schreibungen	gekürzte Schreibungen
ke	kenza	kéza
tkhe		tkhéza
preścya		preściyāza
nkhä	nkhä-nza	
nkhä-tkā	nkhä-tkā-nttha	
khaiptār		khaiptār-ntha tantha, tañtha

Den beiden ζ -Suffixen genau parallel stehen zwei *t*-Suffixe, die wir als drittes und viertes bezeichnen wollen.

3. ta tta te tte.

4. nta.

Auch hier ist die Scheidung mit einigen Schwierigkeiten verbunden, weil die Ligaturen *tta* und *tte* nicht sehr verschieden sind von *nta* und *nte*. Indessen glauben wir doch den betreffenden Artikeln des Index keine Erörterungen über verschiedene Lesungsmöglichkeiten folgen lassen zu müssen.

Das vierte Suffix erlaubt, wie oben unter *-ätth* ersichtlich ist, den Antritt der daselbst besprochenen Endung, was zusammen *ntätth* oder *ntät̃* ergibt. Wie die genannte Endung mit dem zweiten Suffix in Beziehung steht, so gibt es anscheinend auch eine dem vierten Suffix entsprechende Endung «Anusvāra + t»; vgl. im Index *krét* und *lät*.

Alle vier genannten Suffixe haben anscheinend eine Weiterbildung neben sich, die den Vocal durch *auna auña auñe ona* ersetzt. Die spärlichen Beispiele — eines für das zweite Suffix fehlt — sind folgender Liste zu entnehmen.

Grundwort	mit Suffix 1	mit Suffix 3	mit Suffix 4
ñāk, nāk	ñāk̃e, ñāk̃auña	ñākte, ñākte	krét, krentauna
kre		yāmtona	
yām		thaktauñe	

ñāk nāk ñāk ñāk ñāk̃h. Dieses vielgestaltige Wort steht wohl in Zusammenhang einerseits mit *nāk̃h*, andererseits mit *nkhā* und *nekhā*. Es könnte im einen Fall eine Dehnung, im andern eine vor Doppelconsonanz eintretende Umformung vorliegen. Auf den zweiten Zusammenhang wird man geführt durch die Zusammensetzungs-paare:

ñāk̃h-dhaññ' und nkhā-t̃zaññe (nkhā-ñzaññe?),
 ponāk-ṣeñcai » ponekhā¹⁷⁾-nkāl̃ñe.

Gewöhnlich verbindet sich *ñāk* mit *te* zu *ñākte*, und da dieses vor weiter antretendem *ne* den Schlussvocal abwerfen kann — wir finden sowohl *ñāktene* wie *ñāktñe* —, so wird auch *nokt* mit *ñākte* in Beziehung stehen.

Was ferner die vorher vermuthete Umformung von *ñāk* betrifft, so beruht sie offenbar darauf, dass in zwei benachbarten Silben der eine Vocal zu Gunsten des andern zurücktritt; wir würden also von *nekhā* auszugehen haben, was, je nachdem sich der Accent auf der ersten oder zweiten Silbe festsetzt, zu *ñāk̃h* oder *nkhā* werden könnte. Dass dieser Hergang vorausgesetzt werden darf, ergibt sich daraus, dass andere Umformungen ähnlicher Art theils offenkundig vorkommen und theils vermuthet werden dürfen. Das übliche *ylai* verhält sich zu dem einmaligen *ilai* wie *nkhā* zu

17) Man kann allerdings auch *pi nekhā* lesen.

nekhä. Eine zweite Silbe wird zu Gunsten der ersten aufgegeben in *āst* aus *asta* (oben p. 23). Weitere Umformungen dürften in der nachfolgenden Liste, die alphabetisch geordnet ist, zu finden sein:

cme 73 ^b	cäm 76 ^d	com 71°
traī etc.		(khaip)tār
nma, mnau		nāmo
pra, pre	par 66°	
mrā 64°	mer 64°	
ykne	yakne	
ymait etc.	yam	yām
śmo	śam	śaumo
śra 75 ^d	śar 67°	
ṣña	ṣañ	
sna etc.	sana etc.	

Die Liste liesse sich leicht noch vergrössern. Hinter den Silben, die nicht in den Index aufgenommen sind, ist die entsprechende Versstelle angemerkt.

tkhe. Dieses Suffix ist offenbar lautgesetzlich aus *tke* (= *te* + *ke*) hervorgegangen. Wenn *tkalñe* und *tkhalñe* neben einander vorkommen, so scheint ersteres die etymologische und letzteres die lautgerechte Schreibweise zu sein.

pelaikne. Dieses Wort ist offenbar zusammengesetzt aus *pe* + *ylai* + *kne*. Wahrscheinlich weil man bei der Verbindung wegen ihrer Ueblichkeit nicht mehr an die einzelnen Theile dachte, schrieb man hier *lai* statt *ylai*, was, wie wir unter *yneś* sehen werden, angeht.

Wenn wir *nervān(ü)* mit Recht = «Nirvāṇa» setzen, so wird *pelaikne*, da es in 70^d dieselben Suffixe angehängt bekommt wie das erstgenannte Wort in 69^d, einen ähnlichen Begriff bezeichnen und auf alle Fälle ein Substantiv sein.

po. Dieses Wörtchen verbindet sich stets oder fast stets mit dem Folgenden. Oft wird die Verbindung so eng, dass *po* das Aussehen eines Präfixes annimmt. Auch die um das seltene Suffix *pi* verstärkte Nebenform *po-pi* lehnt sich an der einen Stelle, wo sie vorkommt, an das Folgende an. Nur in 72^b gehört *po* vielleicht zum Vorhergehenden; die Entscheidung hängt hiebei davon ab, wie man die oben p. 11, 12 f. aufgeworfene Frage beantworten wird.

mo. Wegen des hier und unter *solme* erwähnten *Nagarôpama vyākaraṇa* sei auf Hoernle's dritte Arbeit p. 242 f. verwiesen. Die daselbst ausgeschrieben Seiten müssen in umgekehrter Reihenfolge gelesen werden. Der Zusammenhang ist folgender:

.... nyaṣīdat, niṣadya Bhagavāṃ bhikṣūn āmantrayati:

...yenâhaṃ tenôpasamkrāntaḥ . . . Brahmā Sanatkumāro . . . idaṃ vāditvā Brahmā Sanatkumāraḥ triḥ pradakṣiṇī-kṛtvā tatraivāntarhitāḥ. atha catvāro mahā-rājāno . . . yenâhaṃ tenôpasamkrāntāḥ . . . idaṃ vāditvā catvāro mahā-rājāno mama pādau śirasā vanditvā triḥ pradakṣiṇī-kṛtvā tatraivāntarhitāḥ.

udgrhṇata bhikṣavo *Nagarôpamaṃ vyākaraṇaṃ* dhārayata¹⁸⁾ svadhyaṃyata paryavāpnuta manasi kuruta . . . *Nagarôpamaṃ vyākaraṇaṃ* . . . dhārayitavyaṃ udgrāhayitavyaṃ vācayitavyaṃ svadhyaṃyitavyaṃ

|| Nagarôpama ārāmosolme . . . ||¹⁹⁾

evaṃ mayā śrutam. eka-samaye Bhagavāṃ viharati Jetavane Anāthapiṇḍad'ārāme. atha khalu Māṇibhadraḥ mahāyakṣa-senāpatiḥ

ynes und ñis. Dass die beiden Formen nur verschiedene Schreibungen für das gleiche Wort sind, vermuthen wir nicht bloss, weil *e*, wie schon oben p. 12 bemerkt, wohl meist kurz, also dem *i* ähnlich sein wird, sondern auch, weil *yn* und *ñ* den gleichen Laut wiederzugeben scheinen. Dass die verschiedensten Consonanten häufig in Verbindung mit *y* auftreten, fällt Jedem auf, der das Kashgarische genauer prüft. Sieht man ab von den betreffenden Ligaturen, so ist eigentlich der Consonanten-Reichtum gar nicht so bedeutend, wie man auf den ersten Blick meint. Man darf daher vermuthen, dass es mit jenen überraschenden Verbindungen seine besondere Bewandtniss habe. Wie, wenn es gar keine Verbindungen, sondern einfache Consonanten besonderer Art wären? Die geschleifte (moullirte) Aussprache hätte veranlassen können, dass dem nächstverwandten Sanskrit-Zeichen noch ein *y* beigegeben wurde. Wo *ñ* geschrieben ist, wird schon deswegen nicht genau der entsprechende Sanskrit-Laut gemeint sein, weil, wie es sich z. B. auf der vorletzten Seite gezeigt hat, oft *n* an Stelle von *ñ* auftritt. Dass wir für das moullirte *n* nur ausnahmsweise *yn* geschrieben finden, würde sich leicht daraus erklären, dass *ñ* ein bequemerer Nothbehelf zur Wiedergabe des Lautes war, während man dagegen bei andern Consonanten nur die Wahl hatte, entweder die Moullirung gar nicht oder aber mit Hülfe des *y* anzudeuten. Dass wir mit unserer Auffassung auf dem richtigen Wege sind, zeigt schliesslich das Vorkommen der folgenden sich an *ynes* und *ñis* anschliessenden Formen-Paare:

t-kalñe und ykalñe		ṣe und ṣyai
ke » yke		mait » ymait
kne » ykne		re » rya(i) oben p. 23
klaun » klyauñ		lai » ylai oben p. 26
		somo » ysomo

18) Oder *vācayata*.

19) Halb-kashgarische Unterschrift. Es folgt ein neuer Text, der von Māṇibhadra handelt.

ra. Dieses Suffix kommt in den ersten drei Zeilen der Strophe 76 viermal vor. Offenbar handelt es sich da um einen besondern Zusammenhang, da das Suffix im Uebrigen selten begegnet.

ṣṣe. Die unter *ñe* verzeichnete Form *-ṣṣa* steht offenbar für *-ṣṣe*. Weil in der Handschrift die darüberstehende Silbe *ñmza* tief herunterreicht, hat der Schreiber keinen Platz gehabt, um den *e*-Haken anzubringen. Raum-mangel hat auch die gedrückte Form des *ā*-Bogens in *añmālaṣ* veranlasst, wo die Silbe *ntātth* von oben her in die Zeile hereinragt.

Die vorstehenden Bemerkungen würden sich natürlich leicht vermehren lassen. Auch der übrige Inhalt unserer Abhandlung liesse sich wohl noch da und dort erweitern. Das Wesentlichste aber, was ohne eine Kenntniss von mittelasiatischen Sprachen vorläufig über unser Fragment gesagt werden kann, dürfte doch erschöpft sein. Anstatt unter Abwägung vieler Möglichkeiten weitere Thatsachen zu ermitteln und neue Vermuthungen zu äussern, glauben wir eher nun abwarten zu sollen, ob nicht von anderer Seite, sei es durch Auffindung von andern Blättern der gleichen Handschrift oder auf irgend einem andern Wege, neues Licht auf die ganze Sache fällt.

Ernst Leumann.

Strassburg im Elsass, den 3. Januar 1900.

64,b

c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

65,a

b
c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

66,a

b
c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

67,a

b
c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

68,a

b
c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

69,a

b
c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

70,a

b
c
d
e

Fragment of ancient script, likely cuneiform, showing several lines of text.

Handwritten text in a cursive script, likely Indic, on a fragment of aged paper with a hole. The text is arranged in approximately six lines, sloping downwards from left to right. The characters are dark and somewhat faded, with some ink bleed-through visible from the reverse side of the page.

Handwritten text in a cursive script, likely Indic, on a fragment of aged paper with a hole. The text is arranged in approximately six lines, sloping downwards from left to right. The characters are dark and somewhat faded, with some ink bleed-through visible from the reverse side of the page.

Tafel II.

Fragment of a papyrus scroll with approximately 10 lines of ancient Greek text. The script is a cursive hand, likely from the Hellenistic or Roman period. The fragment is heavily damaged, with significant portions missing from the right edge and some characters obscured by ink bleed-through or staining.

Fragment of a papyrus scroll with approximately 10 lines of ancient Greek text, similar in script to the fragment above. This fragment also shows signs of age and damage, with irregular edges and some loss of text. The characters are dark and well-defined against the lighter, textured background of the papyrus.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII^e SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 9 и послѣдній.

Volume IV. № 9 et dernier.

ÜBER DAS

НАИНАУЕНДРАСАРИТА

DES

HARIKAVI

VON

Th. von Schtcherbatskoi,

Privatdocent an der Universität St. Petersburg.

(Der Akademie vorgelegt am 30. März 1894.)



С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской
Академіи Наукъ:

Н. П. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л.
Риккера въ С.-Петербургѣ,
П. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Мо-
сквѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale
des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Rieker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Var-
sovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цена: 1 р. 20 к. — Prix: 3 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

INHALT.

	Seiten.
Einleitung	I—XI
Haihayendracarita I, II	1—40
Uebersetzung	43—101
Appendix A.	103—105
Appendix B.	106—110
Nachträge und Verbesserungen	111—112

EINLEITUNG.

Die vorliegende Schrift ist aus einer Seminararbeit hervorgegangen, die der Herausgeber im orientalischen Institut der Universität Wien unter der Leitung des verstorbenen Hofrath Bühler im Jahre 1896 ausgeführt hat. Verschiedene Umstände haben das Erscheinen des Werkes verzögert, trotzdem glaubt der Herausgeber, dass es doch ein gewisses Interesse beanspruchen könnte, da noch kein Werk des Dichters Hari bis jetzt publiciert worden und wir im Haihayendracarita das Specimen einer besonderen eigenthümlichen Richtung der späteren indischen Dichtkunst haben; auch enthält es einige Notizen über die Städte Surat und Nandurbar im Kāṭhiavād, deren älteste Geschichte bis jetzt unbekannt ist.

Die Handschrift des Haihayendracarita ist von Professor Bühler im Jahre 1876 in Surat angekauft worden¹⁾ und gehört jetzt zur Sammlung der Bibliothek des Deccan College in Poona; es sind die №№ 827, 828 und 829 der Collection 1876 (unica). №№ 827 und 828 enthalten den Text der ersten beiden Sarga's, sowie auch ein einzelnes Blatt, worauf nach dem Ende des achten Sarga's eine Glosse des Abschreibers mit einem Datum aufbewahrt ist. Die № 829 enthält den Commentar zu dem ersten Sarga und zu den 20 ersten Strophen des zweiten. № 828 ist im Report irrthümlicher Weise einem Autor Çambhu zugeschrieben. Die Handschrift ist abgesehen von einigen Lücken und den in Gujarāt gewöhnlichen Verwechslungen der Sibilanten, des ra und ri, sowie der ṭa, ṭha und ḍha durchaus leserlich und frei von Fehlern.

1) Report 1877 p. CLXX.

Das Blatt am Ende des achten Sarga's enthält folgende Nachschrift:

ग्रष्टमः सर्गः समाप्तः ॥ श्रीः ॥

॥ श्रीरस्तु ॥ संवतः १७७९ वर्षे फाल्गुनशुदि १ रवौ ॥

समाप्तिमगमत् ॥ श्रीरस्तु ॥

यादृशं पुस्तके दृष्टं तादृशं लिखितं मया ।

यदि शुद्धमशुद्धं वा मम दोषो न दीयते ॥

वचस्पतिसमो वक्ता बुद्ध्या चोशनसा समः ।

लिखन्संमुह्यते सोपि किं पुनः स्वल्पवृद्धयः ॥

Das Datum — samvat 1779, am ersten Tage der lichten Hälfte des Monats Phālguna, oder Sonntag den 24. Februar 1723 A. D. — bezieht sich wie alle Daten nach dem Schlusse eines Werkes nicht auf den Verfasser, sondern auf den Abschreiber; diesem scheinen nur acht Sarga's vorgelegen zu haben, während das Gedicht ursprünglich aus 12 Sarga's bestand.

Der Dichter, seine Zeit und seine Werke.

Was zunächst die Person des Dichters anbetrifft, so enthalten darüber die einleitenden Strophen des Commentars zum Haihayendracarita und die Schlussverse seines Çambhurājacarita folgende Angaben.

Hari stammte aus einem Brahmanengeschlechte, welches ursprünglich im Dekkan ansässig war. Dass alle seine Vorfahren, wie auch er selbst dem Viṣṇucultus ergeben waren, ersieht man sowohl aus ihren Namen, als auch aus dem Umstande, dass im maṅgala des Haihayendracarita unmittelbar nach Gaṇeça zuerst Viṣṇu gepriesen wird und Brahma in seinem Gefolge erscheint. Uebrigens unterlässt es der Dichter nicht, bei Erwähnung jedes seiner Vorfahren ausdrücklich zu betonen, dass er ein Viṣṇuīt sei. Von seinem Grossvater erwähnt der Dichter, dass er ein grosser Kenner des Viṣṇupurāṇa gewesen ist. Sein Vater Nārāyaṇasūri war ein berühmter Rechtsgelehrter, verliess den ursprünglichen Sitz seiner Familie und siedelte nach Sūryapura, dem modernen Surat, der Hauptstadt des südlichen Gujarāt, über; wahrscheinlich bekam er da irgend eine Anstellung im juridischen Dienst. Hier wurde ihm sein Sohn Hari, anders Bhānubhaṭṭa genannt, geboren. Für seine litterarische Ausbildung

sorgte Nārāyaṇa selbst; ausserdem genoss er den Unterricht eines berühmten Dichters Ṣamīkara. Welcher von den vielen Ṣamīkara's es war, lässt sich vorläufig nicht sagen. Die Composition des Haihayendracarita ist so angeordnet, dass in jedem Sarga unmittelbar nach dem maṅgala irgend ein Dichter speziell erwähnt und gepriesen wird, und zwar ist es im ersten Sarga Ṣamīkara, im zweiten Jagannātha. Unter den Werken Ṣamīkara's wird im Commentar ein Saptāṣṭi genanntes Werk erwähnt.

Von den Werken Hari's ist ausser dem Haihayendracarita noch das schon erwähnte Ṣaṁbhurājacarita¹⁾ hervorzuheben, ein historisches Kāvya, welches das Leben des Königs Ṣaṁbhū von Nandidvāra schildert. Aus Ṣaṁbhurājacarita XII, 161 scheint hervorzugehen, dass Hari noch zwei Werke über Poetik und viele Gedichte geschrieben habe. Ueber die Fächer, die er studiert hat, theilt uns Hari nicht viel mit. Die Poetik studierte er nach dem Lehrbuche Sarasvatikaṇṭhābhāraṇa des Königs Bhoja von Dhārā; seine häufigen Citate aus der classischen und sonstigen Sanscrit-Litteratur und aus den Wörterbüchern beweisen, dass er dieses Gebiet gründlich beherrschte. Ausserdem citirt er im Commentar zum Haihayendracarita eine Reihe wenig oder gar nicht bekannter Werke aus der tantristischen Litteratur.

Der Gönner unseres Dichters war Ṣaṁbhū Sohn des Königs Ṣiva von Nandidvāra. Daraus, dass Vater und Sohn in den beiden Kāvya's den Titel *deṣānām pati* führen, lässt sich schliessen, dass sie keinesfalls unabhängige Fürsten gewesen, sonst hätte es der Dichter schwerlich unterlassen, ihnen den Titel *mahārājādhirāja* oder einen ähnlichen zu geben. Es waren wahrscheinlich sogenannte *deṣāis*, d. h. Beamte, welche die Landessteuern für die Regierung eintraben, deren Macht aber im südlichen Gujarāt eine sehr grosse war²⁾. Ṣaṁbhū und Ṣiva waren Ṣivaiten, wie schon aus ihren Namen zu ersehen ist, und ihre Stadt Nandidvāra war durch den Ṣivacultus berühmt. Nach der Angabe des Rao Saheb G. G. Ṣāstri³⁾ ist sie mit Nandurbar im westlichen Khandesh, 2—3 Meilen nordöstlich von Kātargām, identisch und der im Haihayendracarita I, 23 erwähnte Tempel des Yaṭāṣamīkara ist noch heutzutage dort zu sehen. Hari wurde von seinem Patron Ṣaṁbhū jedenfalls sehr reichlich belohnt, denn er rühmt schon im Haihayendracarita dessen Freigebigkeit; für

1) vgl. Report 1877, page XIII, № 191.

2) siehe darüber, Gazeteer of Surat, page 214.

3) in einem Briefe an Prof. Bühler.

das Çambhurājacarita habe er so viel bekommen, dass der Lebensunterhalt seiner Familie und Nachkommenschaft dadurch völlig gesichert gewesen sei. Das Datum Hari's steht ziemlich fest, da er in einer çārdūlavikrīḍita-Strophe am Ende des zwölften Sarga's des Çambhurājacarita den Tag der Vollendung dieses Gedichtes für uns aufzubewahren gesorgt hat. Die Strophe lautet:

पीयूषांशुसमुद्रसप्तवसुधाविद्योतिते विक्रमे
 वर्षे मासि च पौषनाम्नि वङ्गले पते द्वितीयादिने ।
 सद्दारे ¹⁾द्विजनायकस्य पितृभे चापूर्णापच्छ्रीहरिः
 काव्ये शोभनशंभुराजचरितं नानागुणोद्भूम्भितम् ॥

d. h. der ehrwürdige Hari hat das von allerlei Vorzügen strotzende Gedicht über den glänzenden Lebenslauf des Königs Çambhu Sonntag am zweiten Tage der dunklen Hälfte des Monats Pauṣa des Vikrama-jahres 1741 zu Ende gebracht, als der Mond im Nakṣatra der Pitr̥s (Maghā) stand. Nach Professor Jacobi's Berechnung stimmt das Datum — Sonntag den 13. December 1684 A. D. — nicht vollständig, denn der 13. December 1684 A. D. war ein Sonnabend und kein Sonntag; allerdings fällt das Ende der zweiten Tithi Pauṣabadi 1684 A. D. sehr nahe vor den Sonnenaufgang, aber immerhin stricte gerechnet auf Sonnabend; dazu kommt noch, dass der Wochentag in der Handschrift undeutlich geschrieben ist; es ist wahrscheinlich «itvar» Sonntag (= ādityavāra). Danach lebte also Hari in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts unserer Aera.

Der Inhalt des Werkes.

Den Inhalt des Haihayendracarita bildet die Geschichte des mythischen Königs Arjuna Kārtavīrya. Diese war in Indien sehr populär, da sie im Mahābhārata und in den meisten Purāṇa's erzählt und auch sonst in der classischen Litteratur Kārtavīrya häufig erwähnt wird. Nach einem viel verbreiteten Glauben soll ein Gebet an Kārtavīrya Sicherheit gegen Diebstahl verleihen²⁾. Im Viṣṇupurāṇa wird Folgendes von ihm erzählt. Arjuna war der Sohn des Kṛtavīrya aus dem Geschlechte der Yādava's,

1) der erste Buchstabe undeutlich, vielleicht ङ, itvār = ādityavāra, hindi Sonntag.

2) siehe Viṣṇupur. IV, 11, Randglosse.

er besass tausend Arme und beherrschte die ganze Welt. Der göttliche Weise Dattātreya, dessen Gunst er gewonnen hatte, verlieh ihm tausend Arme und ausserdem noch folgende Wunschgaben: dass er nie gegen die Religion verstossen und dass er die Welt gerecht erobern und regieren werde, dass er von keinem Feinde besiegt, aber von einem in der ganzen Welt berühmten Manne getödtet werden solle. Mit solchen Gaben versehen regierte Arjuna, mächtig und gerecht, über die ganze Erde fünfundachtzig Tausend Jahre hindurch. Seine Regierungszeit war eine Zeit des Friedens und des Gedeihens, niemand wurde bestohlen und niemand verletzt. Als Rāvaṇa, der König von Laṅkā, auf seinem Welteroberungszuge an die Hauptstadt Arjuna's Mahiṣmatī kam, ergötzte er sich in der Narmadā badend und schmausend; da nahm ihn, den nie besiegt, Arjuna gefangen und sperrte ihn in seiner Stadt wie ein Thier ein. Am Ende seiner Regierungszeit wurde er von Paraçurāma getödtet. — Im Mahābhārata¹⁾ und im Vāyupurāṇa²⁾ wird die Geschichte etwas anders erzählt; im Vāyupurāṇa nämlich ist Arjuna als Angreifer gegen Rāvaṇa dargestellt, er besiegt ihn in Laṅkā und nimmt ihn dort gefangen. Als Viṣṇuīt folgt unser Dichter der Geschichte, wie sie im Viṣṇupurāṇa erzählt ist, soweit wenigstens man aus den ersten zwei Sarga's sehen kann und namentlich aus der ganzen Reihe von Lobsprüchen auf Arjuna, in denen seine Geschichte als Material zum Aufbau von rhetorischen Figuren benutzt wird.

Der erste Sarga hat den Titel «Schilderung der Vorzüge Arjuna's» und enthält zuerst ein umfangreiches *māṅgala*, Segenswünsche und Lobsprüche auf Gaṇeṣa, Viṣṇu, Brahma etc. Darauf folgt die herkömmliche *sujanastuti* und *durjananindā*, d. h. Lob des wohlwollenden Lesers und Tadel des bösen Kritikers. Nachdem er noch den König Çambhu gepriesen, geht der Dichter zur Schilderung Arjuna's und seiner Liebe zu Campā, Tochter des Königs Kaccha von Surat über.

Der zweite Sarga enthält die Schilderung der Liebe der Campā zu Arjuna, was den gewünschten Anlass zur ausführlichen Behandlung des Kāmaçāstra, namentlich der zehn Stufen der Liebe, giebt. Was der Inhalt der übrigen zehn Sarga's gewesen ist, lässt sich ungefähr denken, da der Dichter offenbar bemüht war, den ganzen in der Poetik vorgeschriebenen *apparatus poeticus* eines mahākāvya in den Rahmen seiner Erzählung zu bringen. Die Hochzeit Arjuna's mit Campā, der Zug

1) III. 115 ff., XII. 152, XIV. 29.

2) II. 32.

Rāvaṇa's gegen Mahiṣmati, die Schilderung der Narmadā, die verschiedenen Amusements während des Feldzuges, das Blumenpflücken und Baden in der Gesellschaft von Hetären, Sonnenuntergang, Mondesaufgang, Liebesgenuss und endlich die Schlacht mögen etwa zu mehreren Sarga's das Material geliefert haben, denn es sind das die gewöhnlichen, vorgeschriebenen Gegenstände eines mahākāvya¹⁾.

Character und Anlage des Werkes.

Das Haihayendracarita ist, wie uns der Dichter selbst im Commentar sagt, ein Mahākāvya oder Sargabandha, d. h. ein nach den Regeln der Poetik verfasstes, in Sarga's eingetheiltes grösseres Gedicht. Es bestand ursprünglich aus zwölf Sarga's, von denen nur zwei uns erhalten sind. Aus dem erhaltenen Theile und dem Commentar ist zu entnehmen, dass das Werk in seiner Anlage einige Eigenthümlichkeiten aufwies, die sonst nicht immer vorkommen. So ist es an Segenswünschen besonders reich; nicht nur, dass es mit dem Worte ṛi anfängt und ein grösseres *maṅgala* für das ganze Werk am Anfange hat, es enthält noch einen Segenswunsch am Anfange jedes Sarga; ihm folgt ein Lobspruch auf die Poesie im Allgemeinen und, wie schon erwähnt, ein anderer auf einen berühmten Dichter: im ersten Sarga ist es Ṣamkara, im zweiten Jagannātha. Dann schliesst jeder Sarga mit einer Ṣardūlavikrīḍita-Strophe, welche ebenso wie im Naiṣadhīya dazu bestimmt ist, die Zahl der Sarga festzustellen. Der vorletzte Vers jedes Sarga's enthält Segenswünsche und Lobsprüche auf die sich in der Poesie Hari's manifestierende Göttin der Rede. Der zweitvorletzte Vers in jedem Sarga enthält den Preis von je einer besonderen Kraft (ṣakti) des Kārtavīrya, und es wird dabei sein Schutz für je eine besondere Himmelsgegend verlangt. Im ersten Sarga wird seine Kraft, Sicherheit gegen Diebe zu gewähren, gepriesen und sein Schutz für den Osten erbeten, im zweiten wird er als Feind der Mörder und Beschützer des Südens angerufen.

Um den Leser über die Interpretation nicht im Zweifel zu lassen, hat unser Dichter selbst einen Commentar zu seinen Versen verfasst, von dem grössere Stücke erhalten sind. Dieser Commentar verleiht dem Werke einen besonderen Werth, da es in der indischen Litteratur sonst selten vor-

1) Kāvyaḍarṣa, I. 14—19.

kommt, dass authentische Erklärungen von Gedichten durch ihren Verfasser erhalten sind. So erscheint es nach dem Commentare zweifellos, dass der Dichter selbst sich die Aufgabe gestellt hatte, einen Çleṣa mit fünffachem Doppelsinn zu componiren und dass dies nicht eine willkürliche Interpretation eines späteren Commentators ist, wie es bei anderen Dichtern und ihren Commentatoren häufig angenommen wurde.

Eine interessante Uebereinstimmung in der Anlage mit unserem Gedicht bietet ein seit einiger Zeit in der Kāvya-mālā erscheinendes Werk, das Hīrasaubhāgyam. Der Autor Devavimalagaṇi war ein Jaina und stammte auch aus Gujarāt; er beschreibt in seinem Werke das Leben des Mönches Hīra, dessen Weihe unter dem Kaiser Akbar, Mitte des XVI Jahrhunderts, stattfand. Devavimalagaṇi kann also nicht viel früher als Hari gelebt haben; er war sein Landsmann und vielleicht auch Zeitgenosse. Ebenso wie Hari hat er selbst zu seinen Versen einen Commentar gemacht, und schliesst ebenso nach dem Vorbilde Çrīharṣa's jeden Sarga mit einer Çārdūlavikrīḍita-Strophe, in welcher er seinen Namen und Abstammung, den Titel des Werkes und die Nummer des betreffenden Sarga's angiebt. Das Hīrasaubhāgyam ist noch nicht vollständig publiciert, aber soweit man aus dem erschienenen Theile sehen kann, ist es viel sorgfältiger, als das Haihayendracarita ausgearbeitet und war offenbar nicht auf Bestellung geschrieben. Die merkwürdige Uebereinstimmung in der Anlage eines mahākāvya lässt vermuthen, dass dies die zeitgenössische Manier in Gujarāt war.

Der innere poetische Werth des Haihayendracarita ist nicht sehr gross. Der Dichter gehört einer Zeit an, in der es an guten Dichtern in Indien durchaus nicht fehlte (wie z. B. Jagannātha), aber die classische Blüthezeit der Litteratur war schon längst vorüber und die Epigonen hatten die frühere Höhe nie mehr erreichen können. Die Litteratur in Gujarāt hat sich später als in anderen Theilen des indischen Continents zu entwickeln begonnen, sie ist dort erst durch Hemacandra zur Blüthe gelangt und nach ihm durch seine Glaubensgenossen, die Jainas, gepflegt worden. Dem Gujarāt gehören viele berühmte Poetiker, z. B. Nami, der Commentator des Rudraṭa, die beiden Vāgbhaṭa's, die beiden Autoren der Kāvya-kalpalatā etc. Doch hat die Dichtkunst in Gujarāt auch die verhältnissmässige Höhe, auf der sie in der älteren und der classischen Zeit näher liegenden Schule der Kaçmirer stand, nicht erreicht. Es lässt sich nicht in Abrede stellen, dass Hari eine gewisse Be-

gabung besass. Von seinen Einfällen sind einige gelungen und wenigstens vom indischen Standpunkte aus betrachtet schön, auch in der Versification ist er ziemlich gewandt. Wenn sich trotzdem seine Kunst nirgends über das mittelmässige Niveau erhebt, so ist es nicht dem Mangel an Begabung allein zuzuschreiben, sondern vielleicht noch mehr einer ganzen Reihe von äusseren und inneren Umständen, welche die Entwicklung der Dichtkunst in Indien überhaupt auf falsche Bahnen gelenkt hatten.

Da der Stoff vorschriftsgemäss einer alten Legende genau¹⁾ entsprechen soll, so dient die Handlung blos als Rahmen für allerlei Naturschilderungen, Naturvergleiche, rhetorische Figuren, dhvani's u. s. w. In diesen sollte der Dichter seinen Geschmack, seine Phantasie und seine Kunstfertigkeit zeigen, und da befriedigt er uns nicht immer; seine Bilder sind häufig entweder Gemeinplätze der indischen Poesie oder zeigen wenig Erfindungskraft, sind wenig massvoll, sogar abgeschmackt. Seine Fertigkeit lässt auch zu wünschen übrig, obschon er vor den schwierigsten Aufgaben, wie z. B. der Composition eines Çleṣa mit fünffachem Doppelsinn nicht zurückgeschreckt ist. Stylistische, ja sogar grammatische Fehler lässt er sich häufig zu schulden kommen.

Von den Metren gebraucht unser Dichter in dem erhaltenen Theile seiner Gedichte nur die umfangreichen Çikharinī, Harinī und Çārdūlavikriḍita. Eine Vorliebe für umfangreiche Metra characterisiert überhaupt die spätere indische Dichtkunst. Man hielt offenbar die grossen Metra für schwieriger und jeder Dichter wollte seine Fertigkeit gerade in solchen zeigen. Dabei kam es häufig vor, dass der Dichter im Metrum mehr Platz hatte, als er mit seinen Gedanken ausfüllen konnte. Dadurch war er gezwungen, um das Metrum zu füllen, zu allerlei nichts-sagenden Wörtern wie api, kila u. s. w. Zuflucht zu nehmen und auch lange Composita, deren einzelne Glieder dem Sinne nach ganz überflüssig sind, zu gebrauchen.

Von den stylistischen Fehlern, welche nach den indischen Poetikern sorgfältig vermieden werden müssen, seien hier erwähnt:

1) ekārthatā¹⁾ oder Tautologie, wie z. B. I, 58 steht vayam und I, 104 iva zweimal, obgleich die Wiederholung überflüssig und schlimmer als nichtssagend ist;

2) nirarthatā²⁾ oder Füllwörter wie ca, tu, hi, atha, api, kila,

1) Kāvyaḍarça III, 145.

2) Sāhityadarpaṇa VII, 574.

idānīm, sutarām, welche geradezu auf Schritt und Tritt vorkommen, ohne dass sie durch den Sinn geboten wären;

3) akramatā¹⁾ oder falsche Wortstellung; so z. B. I, 20 steht tu und I, 13 api (encl.) nach der Cäsur. Im letzteren Falle steht api nach jīvanto offenbar um einen Hiatus (visāndhi) zu vermeiden;

4) ardhāntaraikapadatā²⁾ oder die Uebertragung eines einzelnen Wortes aus einem Halbverse in den anderen; so gehört I, 57 das Wort vadānyā in den ersten Halbvers;

5) apratītātā³⁾ oder Gebrauch eines terminus technicus, der ausserhalb seines eigentlichen Gebietes selten vorkommt, so ist I, 6 von triṇayanasahasrokti, I, 49 von einer Dīpa-regel, I, 111 von einer vīrāsana-Stellung die Rede;

6) asamarthatva und nihatārthatva⁴⁾, d. h. ungebräuchliche und selten gebräuchliche Wörter und Wortbedeutungen; folgende Wörter, die auch theilweise im St. Petersburger Wörterbuch fehlen, seien hier erwähnt:

suṣumā, f., Glanz, = suṣamā, I, 26.

ābhūṣaṇa, n., Schmuck, = bhūṣaṇa, I. 53.

vimudra, adj., frei, = anuparuddha, I. 58.

carama, n., Wahrheit, = satyam, I. 72.

rucaka, m. n., Ring., I. 87.

saraṅga, adj., freudig, = sotsava, I. 90.

kuhariṇī, f., Höhle, I. 108.

apaghana, m., Glied, I. 109.

pramada, m., = prapada, Fussknöchel, II. 33.

cetoratha, m., Herzenswunsch, = manoratha, II. 51.

ali, f., Freundin, = āli, II. 74.

çampā, Blitz, II, 105.

bhasala, m., Biene, Comm., 9.

7) çabdahīnatā⁵⁾ oder Fehler gegen den Sprachgebrauch:

kamani, f., Weib, I. 73 und II. 11, obschon einmal Çiçupālavadhā als adj. in der Bedeutung «verliebt» belegt, aber hier offenbar statt des gebräuchlichen kāmīnī metri causa.

1) Kāvyaḍ III, 144. Sāh. darp. VII 575.

2) Sāh. darp. VII, 575.

3) Sāh. darp. VII, 974.

4) Sāh. darp. VII, 574.

5) Kāvyaḍ. III, 148.

ābhidha, adj., genannt, II. 116 von abhidhā grammatisch richtig gebildet, aber ungebräuchlich. In diese Kategorie fallen auch grammatische Fehler, wie puṣpadhanuṣā, I. 119 und II. 32¹⁾ und falsche Composita, wie aniṣamṛti-yukta, I. 13.

8) yatibhraṣṭa oder Vernachlässigung der Cäsur: so sind 1.8 nārāyana, I. 26 prātas-tana, I, 124 sañjī-vayitum getrennt. Dass sogar am Ende eines pāda ein Wort zerrissen wird, kommt nicht selten vor: I, 40 cora-prabṛtikā—ṣṭakam, I, 88 kalikā-kṛtī etc.

Der Musterdichter, den Hari nachzuzahlen bemüht war, ist Ṣṛīharṣa. In den einleitenden Versen des Commentars vergleicht er selbst sein Dichten mit dem Berge Mandara, dessen Aufgabe es ist, den Milch-ocean der schönen Poesie Ṣṛīharṣa's zu quirlen. Nun war Ṣṛīharṣa unter den Classikern derjenige, der die ausschweifendste Phantasie besass. Seine erkünstelten Naturvergleiche, die in eine tadellose äussere Form gekleidet waren, machten auf den indischen Leser tiefen Eindruck. Ein weitausgeholtter Naturvergleich, über welchen der Leser erst nachdenken, den er kauen (carvanā) muss, imponirte dem Inder; denn wenn man endlich dazu kommt sich das Bild zu vergegenwärtigen, erregt es Verwunderung, und bereitet künstlerischen Genuss (camatkāra). Hari vergleicht²⁾ selbst die gute Poesie mit einem Stück Crystallzucker, dessen Süsse erst dann vollständig genossen werden kann, wenn man es längere Zeit auf der Zunge herumdreht. Weniger begabten Dichtern könnte es dabei leicht passieren, dass ihre erkünstelten Bilder zwar Verwunderung erregen, aber keinen künstlerischen Genuss darzubieten vermöchten. Es scheint überhaupt, dass in der späteren indischen Poesie zwei Richtungen vertreten waren, von denen die eine Kālidāsa für den grössten indischen Dichter hielt und ihn nachahmte (z. B. Jagannātha), für die andere aber Ṣṛīharṣa als Muster galt³⁾. In manchen Gegenden des modernen Indiens sollen diejenigen, die sich dem Dichterberuf widmen wollen, einen ganz eigenthümlichen Lehr-cursus durchmachen. Nachdem sie, wie üblich, Grammatik und Wörterbuch auswendig gelernt, gehen sie sofort zum Ṣṛīharṣa über. Am Naiṣadhīya können die künftigen Dichter am besten die eigenthümliche Auffassung der Naturerscheinungen, als eines passenden Materials für dichterische Vergleiche und rhetorische Figuren, sich aneignen. Nachdem sie dann die

1) vergl. jedoch Pāṇini 5. 4. 133.

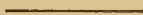
2) Haih. II, 2.

3) Interessant darüber ist der Bericht Duṇḍirājaṣṭri's im Paṇḍit, Juni, 1, 1876, s. 48.

Poetik gründlich erlernt, gelten sie als fertig für den Dichterberuf. Schon dieser Umstand allein mochte ungünstig auf die Ausbildung des guten Geschmacks wirken; dazu kam nun aber noch die gesellschaftliche Abhängigkeit der Dichter: die indische Kunstpoesie war vor allem Hofpoesie, die Dichter — auf die Gunst der weltlichen Machthaber angewiesen und haben ihre Gedichte nicht selten auf Bestellung gemacht. Dabei mussten sie häufig rasch arbeiten, was zur Folge hatte, dass eine ganz eigenthümliche Art des Extempore-Dichtens, die sogenannte *çighrakavitā*, sich entwickelte. Wir besitzen sogar ein Lehrbuch des Extempore-Dichtens, die *Kāvya-Kalpalatā* von Amaraçandra und Arisimha. Unter solchen Umständen konnte sogar ein begabter Dichter nichts Gutes leisten, das Beispiel Bilhana's, von dem wir die *Karṇasundarī* besitzen, die er angeblich an einem Tage geschrieben hat, beweist das zur Genüge. Dass auch Hari sein auf Bestellung geschriebenes *Carita* rasch fertig machen musste, darauf spielt er im Anfangsverse an, indem er sich von Ganeça vollen und raschen (*tūrṇām*) Erfolg erbittet. Im complicierten Style *Çrīharṣa*'s zu schreiben und dabei rasch zu schreiben, war keine leichte Sache. Dass diese Umstände der Entwicklung des guten Geschmacks nicht förderlich waren, ist leicht zu sehen. Die feine, gefühlvolle, bis in die kleinsten Kleinigkeiten sorgfältig abgeschliffene, schöne Arbeit der Classiker hat der Production bezahlter Handwerkspoetaster allmählich den Platz räumen müssen und das *Haihayendracarita* ist ein charakteristisches Specimen dieser Gattung.

Wie sehr ich in dieser Arbeit von meinem unvergesslichen theuren Lehrer, dessen Verlust die gesammte Indologie tief betrauert, unterstützt und wie tief ich ihm zu Dank verpflichtet bin, lässt sich kaum in Worten ausdrücken. Professor H. Jacobi, der meine Uebersetzung durchzusehen und bei der Einleitung mir zu helfen die Güte hatte, bin ich ebenfalls zu tiefstem Dank verpflichtet. Mein Freund Dr. Th. Bloch hatte die Liebenswürdigkeit eine Correctur durchzulesen und auch die Schlussverse des *Çambhurājacarita* für mich in London abzuschreiben.

Endlich muss ich den gefälligen Leser um Nachsicht für die zahlreichen Druckfehler bitten, wie auch für die Verstösse gegen die deutsche Sprache, die in einem Werke, das gerade an die Sprache die grössten Anforderungen stellt, bei einem Fremden nur zu leicht erklärlich sind.



॥ अथ ह्येन्द्रेण चरिताख्यं महाकाव्यम् ॥

अश्रयं पूर्णां तूर्णां गिरमपि स देवो गिरिशतो
निजां सिद्धिं बुद्धिं दिशतु मयि कर्तुं सकरुणः ।
पयोर्देव्योः प्रौढायतनयुगजोभां ^{१)} वरुति य-
द्यदीयोद्यद्गङ्गावलिशिखरिणी ^{२)} कुम्भयुगली ॥ १ ॥
समुद्यद्ब्रह्माद्यामरपरिवृष्टश्रेणिमुकुटो ^{३)}-
दयान्निप्रोदच्चन्मणिखमणिमालात्रिकसितम् ।
हरेः पादाब्जं मां नखकिरणकिञ्जल्करुचिरं
विनिर्गच्छद्गङ्गासलिलमकरन्दं मदयतु ॥ २ ॥
सुवर्णाभाकर्णापतनयनराज्ञीवयुगला
विनिर्घञ्चन्द्रास्या रमणमणिमञ्जीरचरणा ।
हरिद्रत्नधातद्वसनपरिवीता कटितट-
क्वणत्काञ्चीदामा वसतु हरिवामा मनसि नः ॥ ३ ॥
मदानन्दाधूर्णात्कुटिलनयनः पद्मनयनः
प्रियङ्गुष्ण्यामाङ्गः क्षणरुचिलसत्पोतवसनः ।
कृशाङ्गीसंयोगो जगदिदमुदच्चद्रसवरं ^{४)}
धनुर्धुन्वंस्तन्वन्मधुसमयबन्धुर्विजयते ^{५)} ॥ ४ ॥
जटाजूट गङ्गां निटिलभुवि कात्तां शशिकलां
शरोरार्धे गौरीं कुमुदकलिकाविधमकरीम् ।
त्रिलोक्याः संतापं त्रिविधमिव हर्तुं दधत्सा-
वपापान्नः पायान्निपुरद्वमेघस्त्रिनयनः ॥ ५ ॥

1) Ms. प्रौठा°. 2) Ms. °द्गङ्गावलि°. 3) Ms. °ब्रह्माद्यामरपरिवृष्टश्रेणि°. 4) Ms. °द्रसवरं.
5) Ms. धनुधुन्वस्त°.

सकृन्नाद्यान्नद्वरतरसकृन्नाकृतिधरः
 सकृन्नाकारः समुदितसकृन्नांशुरुचिरः ।
 सकृन्नाणां नेता त्रिनयनसकृन्नाक्तिगदितः
 सकृन्नां दुःखानां स कृतु सकृन्नाद्भुतभुजः १) ॥ ६ ॥
 गिरां देवी सात्तान्मम वदनमासाद्य २) सद्वा
 विलासं सोल्लासं भुवनललितं कन्दलपताम् ।
 पदीयामुन्मीलच्छरदमलचन्द्रावलिनिभां
 तनोः शोभां चेतोनिशमिह यतो मे कलयति ३) ॥ ७ ॥
 नमः श्रीमन्नारायणगुरूपदाम्भोजरत्ने
 चिरपैताः कात्ता मम यदनुभावाद्गणितयः ।
 लसद्वर्णाः कर्णामृतवितरपौकात्तनिपुणाः
 प्रकाशत्ते कामं कविवरकृतानिकनुतपः ॥ ८ ॥
 सभाशोभां दातुं कथमपि दुर्वहं परमनः
 परिज्ञानुं वक्तुं जगद्घरं सूक्तिसरणीम् ।
 श्रियं प्राप्तुं मङ्गुं ४) विबुधजनचेतोन्नतनिधौ
 कवित्वानां कर्ताखिलभुवनभर्ता ५) च निपुणः ॥ ९ ॥
 शरङ्गयोत्सनाकारा मधुरमधुराः सूक्तिलहरी-
 परीरम्भोदाराः कठिनहृदयद्रावचतुराः ।
 जयन्ति स्वच्छन्दाः ६) सकलजगदानन्दजनका
 महामायास्तन्यप्रभवविभवाः शंकरगिराः ॥ १० ॥
 अमुष्मिन्विष्मिन्विमलगुणपीयूषललितो ७)
 विनाभिज्ञं विज्ञः क्व किल गुणपूरं प्रथयति ।
 अपारेकूपरे मधुरतरपानीयकलितो
 विना श्रुक्तिं ८) मेघः क्व खलु जलधारां विकिरति ॥ ११ ॥
 सुधाधाराकाराः सरसतरमाकण्ठकुहरे
 कवीनामापीय अचणचलुकैः सूक्तिलहरीः ९)
 अमात्तं पच्छेपं नयनसलिलस्यन्दपदतः १०)
 किरन्ति स्वच्छन्दं किल कतिपये सूह्रममतपः ॥ १२ ॥

1) Ms. ओद्भुतभुजः. 2) Ms. वदनमासाद्य. 3) Ms. कलयती. 4) Ms. मङ्गुं. 5) Ms. कर्ता°. 6) Ms. स्वच्छन्दाः. 7) Ms. अमुष्मिन्वि°. 8) Ms. श्रुक्तिं. 9) Ms. लहरी. 10) Ms. स्पंद°.

पशोदेहो येषां कविचचनपीयूषनिवृद्धैः
 समासिक्तो जीवत्यगद्गर्माकल्पममलः ।
 त एव श्रीभाज्ञो जगति वक्रुभाग्याश्च मनुजा-
 स्तदन्ये जीवन्तोऽप्यनिशमृतिपुक्ता निगदिताः ॥ १३ ॥
 न गीतैः कोऽप्यासीद्बुवनत्रलये ध्यातमहिमा
 कवोनामाकल्पं हृचिरवचनैरेव भवति ।
 घृतो यत्नः कार्यो जगति सुपशःसंचयकैर-
 नैरैः काव्यश्रेणीकरणचतुरप्रीणानविधौ ॥ १४ ॥
 कवीन्द्रैर्यैः कस्याप्यमलगुणमुक्ताफलपुतै-
 र्ना काव्याख्यं सौधं स्ववचनसुवर्णैर्वरचितम् ।
 स्वकीर्तिः १) कात्ताया ललितमिह रत्नं प्रतिदिनं
 न ते विज्ञैरुक्ताः किल मुक्त्वयः किं तु कपयः ॥ १५ ॥
 तमध्वं मे सत्तः त्णामिह मद्वासाहसमिदं
 कवीनां प्रौढानां यद्दहममितां कीर्तिमखिलाम् ।
 परिप्राप्तुं कुर्वे स्वमतिसदृशं काव्यमपि य-
 न्नभोमार्गं याति स्वगतिसममेते २) खगतयः ॥ १६ ॥
 यदज्ञानाद्यद्वा र्भसवशतोऽस्मिन्खलु मया
 मद्वाकाव्येवद्यं सकलमलनिर्षाशनिपुणाः ।
 क्रियेत श्रीमतस्तदखिलमलं ३) शोधयममला-
 स्तमः शान्तिं नैति स्वयमिह यतो भास्करमृते ॥ १७ ॥
 सतां लोके लोलत्पलमनिशमौत्पत्तिकगुणाः
 पेरषां यन्नित्यं नियतमुपकारव्यसनिता ।
 यदेदेत्पन्थेषां जगति परमोत्कर्षनिवह ४)-
 स्तदा ५) तेषामृधत्पविरतमहोत्तर्यविभवः ६) ॥ १८ ॥
 गभीरप्रौढैर्घृतिनिपुतसंख्येष्वपि बुधा
 मद्वाकाव्यौघेष्वपतिविलसमानेषु भवतः

 ----- ॥ १९ ॥

1) Ms. स्वकीर्तिः. 2) Ms. स्वगतिसममेते. 3) Ms. श्रीमतस्त^०. 4) Ms. परमोत्कर्ष^०. 5) Ms. स्तदास्तेषा^०. 6) Ms. °होत्तर्यविभवः.

खला नाहं साहं कृति किमपि युष्मान्प्रति वदे
 यतो यूयं शक्ताः परगुणमहापर्वतमपि ।
 घणुं कर्तुं दोषं लणुमपि सुमेरुं रचयितुं
 यद्रीशेहंकारः सकलग्ननृसाय भवति ॥ २० ॥
 परद्रोहासक्तिः सततपरपैगुणवकथनं
 परच्छिद्दालोकः १) परगुणकथामौनकरणम् ।
 परोत्कर्षामिषो नियतपरनिन्दाविरचनं
 स्वभावो दुष्टानां यद्यमनिशं कोपि जयति ॥ २१ ॥
 पुरं नन्दिद्वारं निखिलगुणसारं त्रिजगति
 सुखानामाधारं भुवनवलये संविलसति ।
 यदस्मिञ्जायते २) सकलसंतुष्टमनसां
 जनानामानन्दाः किल सुमनसां मोहनकराः ॥ २२ ॥
 यदत्रास्ते साक्षात्सकलग्नतासंजनयिता
 स वै देवो गौरीपतिरपि जनार्ति शमयितुम् ।
 जटाजूटालोकाद्भवति जगतां शं ३) बद्धविधं
 तदाष्यति विधत्त्रिजगति जटाशंकर इति ॥ २३ ॥
 इहासीन्नासीरं हचिरतनुभावां त्रिभुवने
 शिवाख्यो देशानामधिपतिरनेकाद्भुतगुणः ।
 यमालोक्योत्फुल्लद्विपुलनयनोद्गीर्णनिमिषाः
 समुत्कीर्णा भित्ताविव समभवत्सर्ववनिताः ४) ॥ २४ ॥
 सुधासिन्धुं प्राप्य श्रवणविवराद्यद्गुणमयी-
 मिमामस्मद्वक्तं किरति रमणीं ५) वाक्यसरणीम् ।
 सुधीरो गम्भीरो विपुलधिषणोत्यत्तरमणो
 वदान्यो नेहान्यो जगति शिवभूषाद्विजयते ॥ २५ ॥
 ततः कात्तः प्रातस्तनवनजविस्फारिनयनः
 समुन्मीलद्वाकाङ्क्षिकरतिरस्कारिवदनः ।
 त्रिलोकीलोकानां नियतनयनापेयसुषुम-
 शलत्कात्पुल्लोलप्रथमरसपायोनिधिरिव ॥ २६ ॥

1) Ms. परच्छिद्दालोकः. 2) Ms. यदस्मिन्जायते. 3) Ms. रं. 4) Ms. समभवत्सर्व°. 5) Ms. मरणीं.

प्रदीपो दीपाङ्गादिव गगनरत्नादिव मन्दा-
 मङ्कःपुञ्जः पद्मादिव परमसौरभ्यनिवहः ।
 सुधांशुः क्षीराब्धेरिव हरितरुर्नन्दनवना-
 दिवायं संभूतः¹⁾ किल शिवनृपाङ्कभुनृपतिः ॥ २७ ॥
 वदन्त्येके कीर्तिं कुमुदिनीं यस्य विमला-
 महो मल्लीवल्लीमपि कतिपयेभ्ये सुरधुनीम् ।
 वयं ब्रूमो यस्मादखिलसुकलानामधिपते-
 रिमां ज्योत्स्नां जातां सुजनकुमुदानन्दजननीम् ॥ २८ ॥
 यदीयस्तापाग्निर्बह्वलपरराजन्यललना-
 समुन्मीलल्लोलन्नयनजलदालीविगलितैः ।
 प्रवह्वैरिं यः प्रसरतितरामौर्वदह्नं
 ततो मन्ये यस्माद्गुणगणसमुद्रात्समुदितम् ॥ २९ ॥
 अमुष्याज्ञां प्राप्य स्वकसकलपापप्रकृतये
 तथा साफल्यार्थं ललितललितानां निजगिराम् ।
 सहस्रारंशस्याप्यमरजयिलङ्केशजयिनो
 वरं राज्ञां राज्ञश्चरितमहमोषत्परिगृणे²⁾ ॥ ३० ॥
 अस्तौ रेवा देवावलिविहितसेवा विजयते
 स्रवती सर्वासामुपरि तटिनीनां त्रिभुवने ।
 यदस्या नीरस्यामलतरलवस्पर्शविभवा-
 दपि स्यात्पाषाणः शिव इव³⁾ तपस्याफलकरः ॥ ३१ ॥
 पुरी माह्विष्मत्याकृतिविजितसुत्रामनगरी
 गरीयस्यास्तेत्र त्रिभुवनवरीयस्यपि गुणैः ।
 येदेषा निर्मात्रा निखिलसुखसंवाप्तवसतिः⁴⁾
 कृता स्वं चातुर्यं त्रिजगति तुरीयं प्रथयितुम् ॥ ३२ ॥
 सिताश्रयेतभाः शिवगिरिसमूहा इव बला-
 दधःकर्तुं प्रायः सितकरमिवाधंलिकृशिखाः ।
 यदीयाः प्रासादास्तनुललितवातायनयुता⁵⁾
 लसन्तः⁶⁾ स्पृहन्ते विबुधनगरीसौधनिवहैः ॥ ३३ ॥

1) Ms. संभूतं. 2) Ms. °मीष्यत्परिगृणे. 3) Ms. इह. 4) Ms. सवासवसतिः. 5) Ms. प्रासास्तनु. 6) Ms. लसन्त.

धमं संविधाणाः तणरुचिलसत्काञ्चनलता
 शरःयोत्सनाजातं कमलदलदीर्घानियुगलाः ।
 पदाम्भोजध्वजद्रणितमणिमञ्जीरुचिरा
 विराजते यस्यां पथि पथि मद्रा चन्द्रवदनाः ॥ ३४ ॥
 मङ्गावोर्याधारदिह च कृतवीर्यान्नरपते-
 रभूदाविः स्फूर्जदशशतभुजस्तम्भमुभगः ।
 मङ्गतिजोरशिः सकलभुवनव्यापिसुयशा
 मङ्गायोगी ष्वातो जगति जगतीशोर्जुन इति ॥ ३५ ॥
 सकलार्कज्योतिःप्रकरसुतिरस्कारिविभवं
 सकलारं विष्णोः सकलभुवनावन्दितपदम् ।
 यदास्ते तस्यैव प्रवरभुजसाकृत्परिघो-
 वतारो यः श्रीमानिति गदति शंभुः स्वयमपि ॥ ३६ ॥
 यथा तन्त्रे सद्यःस्मरणनिहृतानेकत्रिपदं
 पदं सप्तद्वीपाकृतिधरिणिलक्ष्म्याः प्रभुवरम् ।
 वरं सर्वेभ्योपि स्वयमिह कुरुः शंसति परं
 परं त्यक्त्वा दमेशं जगति कृतवीर्यात्मजममम् ॥ ३७ ॥
 अमूर्हिष्णोरंशो मुनिवरनुतो यस्य स मुनि-
 र्मङ्गायोगी दत्तो गुरुरिह गभीराद्भुतगुणः ।
 यमारुध्य प्राप्तिरमितगुणसंघैः स्म तनुते
 लसत्पौषुधैरिव हि जगतां रञ्जनमतौ ॥ ३८ ॥
 य आसीन्निःसीमाद्भुतबलनिधिः द्वापतिरहो
 रहोनिर्वृत्तानामपि हि सङ्घितानां त्रिजगताम् ।
 विनेता पापानामपरिमितदेहावलिधरः
 सकलैर्देहिभिः स्वैरपि सशरकोदण्डकलितः ॥ ३९ ॥
 सकलैःशुप्रख्यं दशशतभुजं स्थूलवपुषं
 जपावस्त्रावोतं यमिह जगतीर्षं भजति यः ।
 विनश्यत्येतस्य प्रचुरमपि चौरप्रभृतिका-
 ष्टकं वेगाडुद्यात्यपरमणिमाद्याष्टकमपि ॥ ४० ॥
 य आसीद्योगेशो विलसद्गणिमाद्यष्टमुगुण-
 प्रगल्भः पर्जन्यः स्वयमखिललोकप्रभुरपि ।

अत्रि ब्रह्माण्डोर्वाखिलमक्तिरत्नास्पदमहो
 म्हासंख्ये चोद्यद्दशशतभुजप्रोद्भूतरः ॥ ४१ ॥
 समाकर्ता संराडभवदपि यो द्वोपनिकोर
 क्रतूनां प्रत्येकं कनकमययूपावलिनुषाम् ।
 समुद्यत्सौवर्णाखिलपरिकरधाजितभुवां
 मनोभीष्टातीतप्रवर्तरदानौघसुयुजाम् ॥ ४२ ॥
 प्रवेगं सामुद्रं कमलनयनः प्रावृषि परं
 भुजानामैधिन व्यरूपादपि यः प्रौढतरसा ।
 प्रलोलत्कल्लोलप्रकरविसरप्रोद्धततरा
 विरावा रेवापि व्यवलदिह यच्छुद्धितमनाः १) ॥ ४३ ॥
 दिगंशैरिन्द्राद्यैरपि च मुकुटैरञ्जितपदो-
 नुवेलं यो लङ्काधिपतिरभवद्विञ्चविजयी ।
 तमुद्दामं रेवाञ्जलविलसने २) मर्कटमिवा-
 प्रकृत्सारोदारो य इह भुजदण्डेन तरसा ॥ ४४ ॥
 इह द्वीपेशानैरपि पद्भुगं यस्य निखिलैः ३)
 स्वमौलिप्रस्फूर्जत्प्रवरमणिकोटिप्रचलितैः ।
 महःपुञ्जोल्लोलैर्ललितललितैरञ्जितमभू-
 ततो राज्ञां राज्ञेत्यपि ४) जगति विख्यातिमगमत् ॥ ४५ ॥
 गुणौघो यस्यासीदपि च विमलः कीर्तिरपि च
 स्फुरञ्ज्योत्स्नाशुभा मतिरपि च गङ्गौघनुभगा ।
 सुविद्यापि क्षीराम्बुधिविपुलकल्लोलललिता-
 भवत्तस्मात्ख्यातः सकलभुवने योर्जुन इति ॥ ४६ ॥
 स्मृतिर्वस्योदारो त्रिभुवनमलनालनपटुः
 स्रवत्तो देवानामिव सकलशोकप्रशमनी ।
 धमघ्नो संसारेभिमतवर्दानैकनिरता
 वृता सर्वेशानैरपि जगति जगर्ति जयिनी ॥ ४७ ॥
 अहो यस्याद्यापि प्रवरविरुदालीमुललिताः ५)
 सुगाथाः सद्दोषाविरविवृता गापतितराम् ।

1) Ms. यच्छुद्धितमनाः. 2) Ms. रेवाञ्जलसने. 3) Ms. मखिलैः. 4) Ms. राज्ञेत्यपि. 5) Ms. प्रवरविरुद.

मुहुःकण्ठान्दोलप्रमदजलरोमाञ्चसहितः
 समाप्ते सर्वेषामपि जगति देवर्षिरपि सः ॥ ४८ ॥
 तथानष्टद्वयस्मरणविभवो योतिसदयः
 सदाकल्पं कल्पप्रचितविधिना दीपविधिना ।
 प्रयच्छन्भोगानामपि सकलमिष्टं प्रभुवरो
 निराकुर्वन्सर्वं जगति यदनिष्टं विजयते ॥ ४९ ॥
 गुणानामाधारस्त्रिभुवनभवानामिह परं
 यदेकोयं राजा विलसतितरां कैहयपतिः ।
 कवीन्द्राः १) प्रोत्तिङ्गा बद्धतरमितीमं सुमतयो
 वचोभिः २) प्लाषते त्रिभुवनचमत्कारचतुरैः ॥ ५० ॥
 यदीयं सौन्दर्यं ३) कुसुमशरकोटिद्युतिहरं ४)
 महोदारं वर्णैः कथमिव कवीन्द्रैः कतिपयैः ।
 यदाकर्ण्यार्कण्यप्रचलितस्रोतस्मिन्नयना
 महामोहं प्रापुस्त्रिभुवनभुवो वामनयनाः ॥ ५१ ॥
 अभिष्यामाधातुं कमलनिलयायाः स्ववपुषि
 स्वयं वार्चा देवो वदनकमले यस्य वसति ।
 विलसिर्वद्वाचामपरिमितवैदग्ध्यमधुरैः ५)
 विनिद्रं दारिद्र्यं ६) कथमिव लयं याति विडुषाम् ॥ ५२ ॥
 विभूतिं सभूतां कथमिव वदामोस्य नृपते-
 मुनेरात्रेयस्याप्यमलपरिचर्यापरिणताम् ७) ।
 यदासोद्दासोनाममितकनकाभूषणभूतां
 प्रभाणामुल्लोलेर्भुवनमिदमुद्गोतितमिव ८) ॥ ५३ ॥
 यदीये कृस्ताब्जे नवजलधरे वर्षति ततां
 सुवृष्टिं ९) सौवर्णीमिमितविभवां विश्वविषये ।
 तदा दुर्वर्णा ये कगिति ससुवर्णाः समभव-
 न्श्चमादुर्वर्णादिः १०) सपदि स सुवर्णाद्विरभवत् ॥ ५४ ॥

1) Ms. कविन्द्राः. 2) Ms. वचोभिः. 3) Ms. सौन्दर्यं. 4) Ms. कुसुमशर°. 5) Ms. वैदग्ध्यमधुरैः.
 6) Ms. दारिद्र्यं. 7) Ms. रात्रेयस्याप्य°. 8) Ms. मुद्योतितमिव. 9) Ms. सुवृष्टिं. 10) Ms. चमादुर्वर्णादिः.

ददाने दीनेभ्यः प्रचुरधनराशिं नरपता- 1)
 वमुष्मिन्विश्वस्मिन्मुकुलपुलकव्याप्तवपुषः 2) ।
 सदा देवोद्याने कृतसमनुद्धैकफलदा
 मकार्शयं ब्रह्मस्त्रिदशमहिताः स्वर्गतरवः ॥ ५५ ॥
 स भूमिशोत्राभूद्भिनवतरुः पञ्चसुदला
 पदस्यैका शाखाधरपदपि पञ्चामरतड्डन् ।
 षड्दतीया स्वच्छायामुललितविलासेन ब्रगतां 3)
 [हरतो तार्याशा]प्रथपदमिताह्लादनिवहम् 4) ॥ ५६ ॥
 इहास्मिन्त्रिशे चितरति वयं 5) के समभव-
 न्विचर्यैव 6) लीनाः सुरतरुमुखाः कुत्रचिदपि ।
 वदान्या यद्दातुं मम सदनदारा धनधराः
 मुनाः प्राणाश्चेदं क्रियदिति नृपोनावगणयन् 7) ॥ ५७ ॥
 यदीये दानाम्भस्यतिसरति लोके सरभसं
 समुद्राः कम्पन्ते दिशि दिशि विमुद्राश्च करिणाः ।
 भविष्यामो नूनं वयमिह निमेषैः कतिपयैः
 समालोच्यात्मानो वयमपि निमग्नश्च सपदि ॥ ५८ ॥
 प्रतापं मार्तण्डं कतिचन गिरत्ते कविधराः
 कियतो धीमतो दहनममितं यस्य ब्रह्मदुः ।
 मकारुद्रं विद्युत्स्वलनरविनेत्रं 8) यममुखं
 समुद्रुतं मन्ये सकलरिपुलोकान्दलयितुम् ॥ ५९ ॥
 प्रतापगिर्यस्य प्रवलपरिपन्थिब्रह्मवने 9)
 प्रवृत्तो निर्दग्धुं त्रिभ्रगति तदोत्तस्युरपि ये ।
 कणास्तेमी मन्ये गगनमणिवैश्वानरतडि-
 तस्वभूचक्रौर्वाष्यस्वलनयमत्रपैः परिणताः ॥ ६० ॥
 प्रतापे पापेषु प्रवितरति संतापममितं
 यदीये तच्चासादिव 10) सपदि लीनाः समभवन् ।
 भुङ्गताः श्रीखण्डे गरुलमपि गङ्गाधरगले
 तत्रैर्वाग्निर्वाधावपि 11) च तडिदाली जलधरे ॥ ६१ ॥

1) Ms. °सशिरपता°. 2) Ms. °पुलकाव्याप्त°. 3) Ms. ब्रगता. 4) Ms. °पीशाप्रथप°. 5) Ms. रयं.
 6) Ms. न्विचर्यैव. 7) Ms. नृपोनावगणयन्. 8) Ms. °विद्युत्स्वल°. 9) Ms. प्रब्रह्मवने. 10) Ms. तच्चासा°.
 11) Ms. °वाद्वावपि.

प्रतापाग्नौ यस्य त्रिभुवनपरितापशमनं
 प्रवृत्ते निर्द्गुं प्रव्रयति जगद्भ्रोकृन्नटिलान् १) ।
 सहस्रैः स्वैर्नत्रैर्गलदमितघ्राष्पाम्बुकलितैः
 सुधर्मायां कृष्यं प्रकटयति देवो कृरिर्पि ॥ ६२ ॥
 प्रतापो यस्यैन्नन्मुन्ननपरितापोपशमनो- २)
 भिमातीनां क्लीनमपि च विद्धानो जनिभुवम् ।
 प्रकाशो लोकेस्मिन्विहित इति मत्वेव रविणा
 ह्यलोकैष्यालोकं ३) स्वयमिह वितन्वन्विजयते ॥ ६३ ॥
 सुधासिन्धोभङ्गो यदि भवति संगीतसङ्घिता
 प्रभा पोषूपांशोरपि च सुरसा सभवति चेत् ।
 कवीन्द्रिगीतानाममृतलहरीविधमनुषां ४)
 तदा यत्कीर्तनामपि जगति साम्यं विलसति ५) ॥ ६४ ॥
 कृरात्कुन्दाञ्चन्द्राच्चिदशकरिदेहात्सुरनदी- ६)
 समुच्छ्रोलाद्गुग्धाम्बुधमलिललोलाञ्च ७) विमलम् ।
 यशो यस्योन्मीलत्प्रविगलितवेद्यात्तरमुखं
 स्फुरद्दीणानादं दिशि दिशि च गायन्ति गणिकाः ॥ ६५ ॥
 यदीयां सत्कीर्तिं कुमुदकलिकाविधमकरि
 शरद्भ्रुकेशाभामिव भुवि समास्वाद्य विबुधाः ।
 सदा जीवन्तीवा इव सकलपायोधय इव
 प्रहृष्यं प्रोद्वेलं दधति सतनोत्फुल्लवपुषः ॥ ६६ ॥
 करण्डः कार्पूरः शिशिरकिरणः नीरजलाधिः
 सरस्तारा कृरावलिरपि टुकूलं सुरधुनो ।
 कविर्नासामुक्ताफलमपि सखो वागयमहो
 सुयोग्यो यत्कीर्तिलसति ललनायाः परिकरः ॥ ६७ ॥
 सुमूलं व्यालेशो लसति किल नालं सुरधुनो
 स्रवन्तो स्वर्लोकादमलदलमाला ८) च रदनाः ।
 गन्नानां दिग्भासाममृतकरत्रिम्बं मधुकरो
 यशोब्जं तद्यस्य त्रिभुवनतटोके विकसति ॥ ६८ ॥

1) Ms. जगद्भ्रोकृन्नटिलान्. 2) Ms. यस्यैन्नन्मुन्नन. 3) Ms. ह्यलोकैष्यालोकं(sic!). 4) Ms. कवींगोता°. 5) Ms. विलसतो. 6) Ms. कृरिदेवहात्सुर°. 7) Ms. समुच्छ्रोलाद्गुग्धाम्बुध°. 8) Ms. स्वर्लोकाद°.

पशःपद्मस्याहो त्रिभुवनतटाके विकसतो
 पदीयस्यानतो ब्रजति सिनमूलवमवनौ ।
 पतन्तो नालीवं द्युसरिदपि दिङ्गागर्दना-
 वली पत्रालिबं वरमधुकरवं ह्मिक्करः ॥ ६९ ॥ पाठात्तरम्
 पशःपूरं तारागलकमलमुक्ताफलसुधा-
 सुधांशुनीरोदप्रमथगिरिहीर्युतिहरम् ।
 पदीयं नेदीयो भुवनमिदमापूर्य चलितं
 नवाम्भोधिं १) व्याप्तुं परमकललोकान्प्रकलये ॥ ७० ॥
 रसाम्भोधेर्यस्मात्समुद्यमनुप्राप्य सकला-
 न्स्त्रधिह्यस्रान्देवान्वर्यितुमित्रालोच्य जगति २) ।
 गृहीत्वा पाणिभ्यां गुणकुमुदमालां मुललितं
 पदीया वैकुण्ठं समगमदहो कीर्तिकमला ॥ ७१ ॥
 गुणा वृद्धिं पश्य प्रतिपदमिहायान्ति न पदं
 विपर्यासं गत्या विधिविहितया ज्ञातु भजते ।
 भजते नासिद्धिं चरममुकृतत्र्यङ्गिविधयो
 विधत्ते वं राज्ञा दशमुखजयो ३) पाणिनिजयम् ॥ ७२ ॥
 कदाचित्सास्यासौच्छूवणतलपर्यङ्कनिलया
 कुलीना नालीक्युतिहरमुखो कापि कमनी ।
 समाख्यां चम्पेति व्यगमदिह वा शोभनतमां
 तमांस्पृश्यत्कात्या शमयति हि चाम्पेयसमया ॥ ७३ ॥
 चलाभा चन्द्रास्या ४) चपलनयना चम्पकलता-
 मुमोदा सा कात्ता जयति जगतां मोहनकरौ ।
 विधाता चम्पाख्यां त्रिभुवनपताकामिव हि यां
 विधायासौ कम्पां ५) कलयति परानन्दजलधौ ॥ ७४ ॥
 नपां लोलाकारा नणमपि च लज्जाकुलमुखो
 नपां क्रीडासक्ता नणमपि च नेपथ्यनिरता ।
 नपां निद्रातान्ता नणमपि च कात्ता सहृदया
 वयःसंधावेषा ६) विलसति सुवेषा पदधुना ॥ ७५ ॥

1) Ms. नवाम्भोधिं. 2) Ms. जगती. 3) Ms. दशमुखजयि. 4) Ms. चान्द्रा°. 5) Ms. कुम्पां. 6) Ms. वयसंधावेषा.

किमस्याः कामिन्याः प्रविलसति वेणी घनतरा
 सुदीर्घा वा फुल्लत्कमलचनिता भृङ्गपटलो ।
 इनीमामाशङ्कां सकलजनतायाः समुदिता-
 मनिच्छादा सैवोद्धरति नित्रया निश्चलतया ॥ ७६ ॥
 ललाटे सौवर्णी लसति कलिका चञ्चलदृशः
 प्रदीपञ्चालेव प्रकटितकणात्कारललिता १) ।
 यदस्या धम्मिल्लो धमरत्रयमल्लो वङ्कतरां
 समाधत्ते शोभां वङ्कलविलसत्कञ्जलभवाम् ॥ ७७ ॥
 धुव्री भुग्रे यस्या घनवङ्कलनीलव्युत्थियुते
 दधाते पुष्पेषोर्हरितमणिकोदण्डसुपुमाम् ।
 ललाटस्या यस्मात्कनककलिका कन्दलयति
 प्रभां तन्मध्यस्थस्फुटपुरटनालीकफलत्राम् ॥ ७८ ॥
 श्रुतो यस्याः पूर्णे कनककुसुमाभ्यां मयि नवां
 धियं धत्ते धूम्यां वरनित्रधनुर्भ्यां त्रिभुवनम् ।
 स्मरिणेद् नित्रया तदनु वलयीकृत्य मशरं
 लसन्मौर्वीयुग्मे कनकरचितं स्थापितमिति ॥ ७९ ॥
 कपोलौ कात्तायाः कनकफलकाभौ वररुचौ
 चिरान्ते कर्णाभरणयुगसंक्रान्तिमुभयौ ।
 स्वभूमायावत्योः २) स्वमुदितमुखालोकरतयो-
 रिमावादर्शौ द्वाविव वदनबिम्बाच्चिततलौ ॥ ८० ॥
 घपीमे नेत्रेस्याः कुवलयदले वा विलुलिते
 चले वा राजीवे स्थलचपलिते वा शफरिके ।
 चकोरौ वा लोलाविति हि वङ्कधा केचन जगु-
 र्बुचेहं सोत्फालं चलनचतुरौ खञ्जनवरौ ३) ॥ ८१ ॥
 शुकः शोभां यस्माद्भजति न यदा किंशुक इह
 ब्रजेत्तस्याः सारी न हि भवति सा रीतिसचित्रा ।
 तिलो नासीत्तुल्यो ४) भवति ननु नीचो मुनितरू-
 र्न साम्यं नासाया विलसति ततोऽस्याच्चिन्नगति ॥ ८२ ॥

1) Ms. °लत्कार्. 2) Ms. स्वभूमायावत्योः. 3) Ms. चलन्नवरौ. 4) नासीत्तुल्यो.

विलोलो लोलादयाः पृथुलवरनासामणिरसौ १)
 मुहुश्चित्तेस्माके धियमभिनवामङ्कुरयति ।
 न काव्यो नव्योयं किमु किमुदयन्पार्वणशशो
 नवो वा नैवास्या मुखरुचिमुपेतो वरयितुम् ॥ ८३ ॥
 यदीयी बिम्बोष्टौ मनसि मम शङ्कां वितनुतः
 स्फुटद्वन्द्वकस्याप्यति न खलु सिद्धात्तितमिदम् ।
 यदेतौ पीयूषद्वभरितमाणिक्यकुतुप-
 श्रितां शोभाश्रेणीमपि हि जयतः स्वीयरमया ॥ ८४ ॥
 मुखं सारङ्गादया कूरति शतपत्रश्रियमद्वो
 शरद्गाकानाथं परिक्रमति ज्ञातोदयमपि ।
 इदं नैवाश्रये यदिदमधरोद्यन्नवसुधा-
 समुह्योलावल्वाधरयति सुधाम्भोनिधिमपि ॥ ८५ ॥
 मुखं यस्याः केचित्कमलमपरे चन्द्रमुदितं
 रतेः स्वर्णादर्शं कतिचन वदन्ते वयमपि ।
 वदामः संफुल्लधारयुगसरोजं सितकरो-
 ह्यसन्नासारत्वं स्फुरदमृतपूरं २) सर इव ॥ ८६ ॥
 भुजे यस्या धातृत्कनककलिकाभासुरतेरे
 लसन्नानारत्नाकररुचकराजत्करयुगे ।
 रमाया विष्णोश्च स्फुटपूरुलीलाकमलजा
 कूरत्यौ सत्कात्तीरपि कथय केनेह तुलये ॥ ८७ ॥
 घमुष्या वन्तोन्नौ प्रथममिह चाम्पेयकलिका-
 कृती ज्ञातौ पश्चात्कनककलशी कात्तिललितौ ।
 ततो ३) दीर्मुलात्तं विपुलपरिणाहेन ललना-
 मभिव्याप्य स्वस्थां स्थितिमक्रूरतां निस्तुलतया ॥ ८८ ॥
 कुचौ यस्याः कात्तौ कनककलशी केचिद्वद-
 न्कियत्तः प्रोद्भिन्नौ कनककदलीपुष्पमुकुलौ ।
 अहं कुम्भौ मन्ये मदनकरिणाः कञ्जरजसा
 परोतवैतस्यां लवणिमसरस्यां विलसतः ४) ॥ ८९ ॥

1) Ms. प्रथुलवरनाम०. 2) Ms. स्फुरदमृपूरं. 3) Ms. ततो. 4) Ms. विलसतः.

गभीरा यत्राभो लसति कलधौतप्रघटिता
 मुद्यापी सत्कात्तिप्रकरमलिला नूनमिह यत्- ।
 लसद्भोमश्रेणीहिरितमणिसोपानसरणी-
 पथेनेत्यानङ्गो रचयति सरङ्गो विलसतिम् १) ॥ ९० ॥
 न मध्ये मन्यन्ते कति चलदृशोगोचरतया
 समुन्नेयं स्थित्या कुचकलशयोः केचन जगुः ।
 स्फुरत्या सत्कात्या कनकरुशनायाः स्वसमया
 समन्ताद्यालुप्तावयवमहमेनं त्वभिद्धे ॥ ९१ ॥
 वलोन्नेये मध्ये लसति चपलाद्या मणिगण-
 प्रभापुञ्जानद्वा पुरदृशनाभोगसुभगा ।
 स्थलप्रोन्मीलत्याः कनकक्रमालिन्या हि परितः
 कृतोपूर्वो रत्नापरिधिरिव कामेन कृतिना ॥ ९२ ॥
 मङ्गाभोगं सक्थिद्वितयसहितं रत्नरुशनं २)
 नितम्बप्राग्भारं तदिह तुलयेस्याः करिपतेः ।
 चलच्छुपाडापुग्मा कनकदलशङ्कारिततनु-
 र्लसन्नत्राली यदि भवति कुम्भद्वयतटी ३) ॥ ९३ ॥
 यदूच्च संराजत्कनकदलीकाण्डसुभगौ
 बलादालम्बेते गतिमिह मदान्धस्य करिणाः ।
 अतो व्यर्थं नूनं चलति कलकंसः सललितां
 यदीयां ह्य मन्दां सुगतिमनुकर्तुं मदकलः ॥ ९४ ॥
 घनौ पीनौ वृत्तौ सुगतिमहितावप्यतितरां
 यदूच्च संधत्तः कथमिव सुमन्दां गतिमिह ।
 तदा ज्ञातं पीनस्तनजघनसंयोगविलस-
 न्निताम्बप्राग्भारोदहनविपुलाश्चात्पुद्वयनः ॥ ९५ ॥
 प्रवृत्ताप्यज्ञेतुं कनकदली कौमलतया
 स्वया कात्या चापि श्रियमिह यदूर्वेरनुपमाम्
 न ज्ञानीते ज्ञाने निन्नजडतया स्वात्मनि गते-
 रभावं सेयं ह्य मदकरिगतिन्यक्कतिकृतः ४) ॥ ९६ ॥

1) Ms. सरगोविलसितिं. 2) Ms. रत्नरुसनं. 3) Ms. ंताटी. 4) Ms. न्यक्कति०.

किमेतत्संशिक्षल्ललितपद्योः १) पद्मलदशो
 गतिं मन्दामाप्तुं परिचरदहो हंसमियुनम् ।
 घहो वा माञ्जरीं युगलमिह संगीतकलया
 स्वया लोलनेत्रं भुवनवलयं २) कुर्वदखिलम् ॥ ९७ ॥
 पद् पद्मश्रेणीरुचिररुचिवेणीरुचिकरे
 किमस्या गौराङ्गा वयमिह वदामः सरभसम् ।
 यदाभ्यां संवेतुं स्वनखकिरणैरेव विजिता
 स्वयं माणिक्यश्रोरपि सविधमाप्ता कतिपयैः ॥ ९८ ॥
 घनावृत्त मध्यं तदुपार लसन्नाभिविवरं
 सुरोमालीं पीनस्तनयुगलयुक्तां चलदशः ३) ।
 समालोच्याशंसे मुनिपुष्पाधिया भाति करिणाः
 करे सिंहस्तस्मिन्नसलिलसरस्तत्र च गतः ॥ ९९ ॥
 हरिद्रागौराङ्गी धवलममलं सूक्ष्मवसनं
 दधाना ४) संदत्ते मनसि धिषणां या मम नत्राम् ।
 समन्तात्खेलती सुललितसुदाम्नः समुदिता
 तडिद्राकाड्योत्सन्नानिचयपरिवीतेति किमहो ॥ १०० ॥
 इमां प्रोचुः केचित्तडितमपरे काञ्चनलतां
 नताङ्गीं केप्यन्ये कनककदलीमद्भुतकरीम् ।
 अहं त्वेवं ५) मन्ये प्रथयितुमियं कामपि कलां
 स्वकां गौरी धात्रा निरूपमतमश्रोरिह कृता ॥ १०१ ॥
 विनिर्यञ्चन्दास्यां कुवलयदलद्रोहिनयनां
 समुद्यन्माणिक्यव्युतिविजयिबिम्बाधररुचिम् ।
 इमां निर्मायाञ्चत्कनककदलीभासुरविभां ६)
 विधात्रा पाण्डित्यं निजमिह समुद्दिष्टतमिव ॥ १०२ ॥
 इतीमां निःसीमप्रवरगुणागम्भीरवसति ७)
 कुरङ्गातीं श्रोमन्मिहिरनगरोद्घोतनकरीम् ।
 प्रभाश्रेणीं मुक्तामिव खमणिना स्वीयनगरे
 स राजा कस्माच्चित्तसमवहितचेताः समशृणोत् ॥ १०३ ॥

1) Ms. ०त्संसिञ्ज०. 2) Ms. भुवने वलयं. 3) Ms. चलदशां. 4) Ms. दधा संदत्ते. 5) Ms. त्वेवं. 6) Ms. निर्मायाञ्चन्कनका०. 7) Ms. निःसीमी, mit kākāpāda über dem I.

ततो रात्रा चम्पां हिमकरकरालीमिव मतां
 श्रुतिद्वाराञ्चिते गृह्ण इव गवाक्षादिव नवाम् ।
 विनीयत्रिकात्ते मुनियततया ह्या परिमृश-
 न्प्रदष्टोनेङ्गेन प्रकटितमुरङ्गेन सुभगः ॥ १०४ ॥
 तदास्यां संधाय वरितमयमम्भोजविशिखा-
 न्धनुर्वल्ल्यां पञ्चाप्यमरविजयो तं समद्विनोत् ।
 तदाघातानुद्यद्गदपमुकुलो १) मोहविकलो
 महीनाथो ह्यथोद्धतमकरकेतोर्वशमगात् ॥ १०५ ॥
 स्वजेतारं कात्या परममभिमातिं नरपतिं
 पुरारिस्मर्तारं २) तमिह परिचिह्यापि च पुनः ।
 स पञ्चेष्टुस्तस्मिन्नपि दश दशास्ताः परिणय-
 न्दर्शाङ्गैः स्वैर्बाणैर्द्विगुणतर्रोपः ३) समभिनत् ॥ १०६ ॥
 तदारभ्य तुभ्यञ्जलधिरिव दुःस्यः समभव-
 त्स ४) भूपञ्चन्द्राभामिव मनसि चम्पां परिदधत् ।
 न लेभे शर्मापि क्वचिदपि मधर्मावनिरूहं
 तदेकभूदस्यानुगतममुपास्या खलु सदा ॥ १०७ ॥
 चलापाङ्गीमङ्गीकृतभुवनसौन्दर्यसरणी- ५)
 मणीयस्यामत्तःकरणकुहुरिण्यां खलु यदा ।
 न सेनेतुं शक्तोखिलभुवनकेतुः ६) स तु तदा
 समन्दार्त्तोद्गान्नीद्वहिरवकितस्तां स्वपरितः ॥ १०८ ॥
 प्रभाकल्लोलायां लवणिमतटिन्यां नरमणिः
 स तस्यां स्वं चेतोपवपि ७) किल तदा साहसपुतः ।
 प्रवेष्ट्यासीच्छून्यो यदतिरपशीभामृतभरे
 तदीये कस्मिंश्चित्तदपघनपूरे गतमभूत् ॥ १०९ ॥

कुलं शोभायुक्तं विहितमनया कस्य विमलं
 यमावासं प्राप्य कथमियमनङ्गस्य वसतिः ॥ ११० ॥

1) Ms. ०त्तुद्यद्गदपमुकुलो. 2) Ms. ०स्मर्तारं. 3) Ms. ०रोपाः (sic!). 4) Ms. समभवत्. 5) Ms. चल्लोपाङ्गी. 6) Ms. ०केतोः. 7) Ms. चेतोवपि.

न वा निद्रा मुद्रां घटयति यदीयतिपुगल
 न तन्द्वा सान्द्रापि प्रथयति शरीरे शिथिलताम् ।
 यतोयं तन्वङ्गीममृतरसभङ्गीमिव लवं
 मह्वावीरः स्वात्ताद्द्रव्यति न वीरासनधरः ॥ १११ ॥
 अनेनेयं वामा नयनकुमुदोद्बोधनकरी
 कला चान्द्रोवातःकरणकमलोत्तासन्ननी ।
 कराली सौरीव द्रुतकनकगौरी ¹⁾ ननु वृता ²⁾
 विचार्यैवं निद्रा व्यगमदिव तन्द्वा च ³⁾ नृपतेः ॥ ११२ ॥
 शरीरं यद्गौरं कनकनिभमासीन्नरपते - ⁴⁾
 मृणालश्रीलीलां प्रकृतदिह् ज्ञातं तदधुना ।
 अमृद्यञ्चोद्दामद्विरदपतिगाम्भीर्यहरण-
 प्रगल्भं तद्वत् ⁵⁾ किमकरकलातोपि मुञ्जघ्नु ॥ ११३ ॥
 न चन्द्रे साह्लादं न च कमलपुञ्जे विकसितं
 न मालायां लोलं न च मधुनि रक्तं सुमधुरं ।
 विपद्भ्यां ⁶⁾ नासक्तं सकलसुरसस्यन्दिरिया ⁷⁾
 तथा तृप्तं चेतोर्मत नृपतेर्न क्वचिदपि ॥ ११४ ॥
 मुखं चेतः स्मृत्वास्य तु ललितमस्याः किल यदा
 स्थितं वत्तोलक्ष्मणे परिकलयदासीद्विलुलिता ।
 प्रवृत्तेस्मिन्ध्यातुं वरमवयवं कंचिदपि ह्य
 तदा तस्माल्लज्जा स्वयमतिमलञ्जेत्र निरगात् ॥ ११५ ॥
 प्रलोलत्पुद्गाम्यत्यनुन्दति गायत्यनुपत-
 त्यनूत्तिष्ठत्यत्तः ⁸⁾ प्रलपति मुर्ङ्गगच्छति वद्विः ।
 समन्तीकृत्येवोद्दति [मदिरातीं स] ⁹⁾ मदिरा-
 मित्रापीयोन्मत्तः समन्नानि विज्ञाने नरपतिः ॥ ११६ ॥
 अये कात्ते ¹⁰⁾ कात्तं मपि कुरू दृगत्तं तव मुद्रा
 अलक्षं ह्य धातं मदनदृक्नात्तर्निपतितम् ।
 नितात्तं मां शातं ¹¹⁾ स्ववदनमुधाभिः कुरू मुधा
 विलम्बं मा कार्पीरिति स निगदन्मोहमगमत् ¹²⁾ ॥ ११७ ॥

1) Ms. सौद्रुतकनकः. 2) Ms. वृतां. 3) Ms. व. 4) Ms. नरपतेर्मृ. 5) Ms. तद्वत्. 6) Ms. विपद्भ्यां.
 7) Ms. शिर्या 8) Ms. °त्यनुत्ति° 9) Fehlt im Ms. 10) Ms. कात्तं 11) Ms. शातां 12) Ms. निगदन्मोहमगमत् (sic!).

तदा सर्वे राजानुचरनिचया धातुहृदयाः
 समाकार्य प्रेष्ठं कगिति नृपतेर्नर्मसचिवम् ।
 ग्रयेवस्त्रा केयं नृपसख नृपस्येति विकला
 वदन्स्ते मोक्षं ययुरमितमुद्विग्नमनसः ॥ ११४ ॥
 तदा राज्ञः प्राज्ञां १) किमिदमिति चित्तन्म सचिवः
 पुरोदीर्णां तूर्णं वचनरचनां केनचिदपि ।
 परामृष्याज्ञासीद्गचितमचिरात्पुष्पधनुषा
 धनुश्चम्पां कृत्वा रूचिरतनुशोभामिदमिति ॥ ११५ ॥
 ततोवादीद्गान्प्रियसख २) महामोक्षविभव-
 स्तवाकाण्डे कोयं कुसुमशरकोदण्डरचितः ।
 स चाम्पैवैर्वाणैर्निर्जरिपुसमारुधनपरं
 भवत्तं यज्ञात्वा तुदति नितरां क्रूरचरितः ॥ १२० ॥
 ततो देवं कामोद्दलनकर्तातीपिनयनं
 भवं भक्तश्रेणीसमुदितमहापन्निरसनम् ।
 निधाय स्वात्ते स्वे रिपुमतुलमीशस्य च निजं
 विज्ञेतुं युष्यस्व त्रिभुवनज्ञयप्रोद्धतमतिम् ॥ १२१ ॥
 इति श्रुत्वा वाचं विकचयति यावत्स नयने
 नराणामीशानः प्रियसखमुखाभोजगलिताम् ।
 करीं पीयूषोत्थामिव नवतमां तावदसहो
 महोद्दामः कामः परममिह संरम्भमकरोत् ॥ १२२ ॥
 ततः कौपाविष्टं निजवचनभङ्ग्येव नितरां
 दशामह्यमेतां गमयितुमिवोद्युक्तमनसम् ३) ।
 मनोज्ञं विज्ञाय व्यथितहृदयो नर्मसचिवो
 गुरुं दत्तं देवं शिवमिव तदाकारयदिह ॥ १२३ ॥
 अमुष्मिन्कालेस्मिन्परमदयिना मृत्युज्ञयिना
 रिपोश्चेतोज्ञस्याचरितमिदमालोच्य विभुना ।
 सुपत्रो ४) तं संजीवयितुमिव त्रैवातृककलां
 निजां दत्तां कश्चिद्विज्ञ ५) इह समादाय समयात् ॥ १२४ ॥

1) Ms. प्राज्ञा. 2) Ms. राजत्प्रि. 3) Ms. गयितमिवो. 4) Ms. सुमात्री. 5) Ms. कश्चिद्विज्ञ.

यदा योगीशानः सकलसुखन्धो मुनिवरः
 समागच्छद्द्वारं १) नरपतिमणोः शोभनतमम्।
 तदा तत्रापश्यत्करनिहितपत्रे नवतरं
 स तं विप्रं श्रीमन्मिहिरनगरादागतमिह ॥ १२५ ॥
 ततो राजागारं त्वरितममुनाविश्य सक्तितः
 सदा लक्ष्मीकात्तस्मरणविहितोद्दाममहिमा ।
 स्वदृष्ट्या तं दृष्ट्वा प्रसरदमृतासारभरया
 स्वशिष्यं राजानं चपलमयमाज्ञोवपद्रहो ॥ १२६ ॥
 नताङ्गीं तां स्वोपामिव सुललितां [कार्मुकलतां] २)
 मनस्यस्य न्यस्य त्वरितममुतो निक्लवपरः ।
 ततो दत्तस्वात्तस्थितमधुरिपोः स्वीयजनका-
 त्प्रकामं प्रथुम्नः किमगमदसौ ३) लज्जित इव ॥ १२७ ॥
 त्रिलोकीभञ्जेता निरतिशयवीर्योद्भटतरः
 स्मरोप्यस्मिन्राज्ञि त्वरितमफलाशः समजनि ।
 इदं नैवाश्चर्यं द्वित्रगुरूगवां सेवनपरे
 नेर यत्संभूताः ४) सपदि विलयं याति विपद्ः ॥ १२८ ॥
 ततोसौ राजेन्द्रो लसितवदनाम्भोजमुकुलः
 समुत्थाय स्वस्थात्तरसरणिरेनं गुरुवरम् ।
 ववन्दे सानन्दं करयुगलमावध्य विबुधः
 शरच्चन्द्रज्योत्स्नाप्रकरविलसन्मन्दकृतितम् ॥ १२९ ॥
 तदा तत्रत्वानामनुचरजनानामनुपमः
 सरोमाञ्चोत्कम्पः प्रभवति यथा हृष्यविभवः ।
 तथाकस्मादासीदममरसनिःस्पन्दमधुरो
 लसद्वाचां पूरो गुरुवरमुखादेश रमणः ॥ १३० ॥
 सुवर्णोद्यद्वर्णा विकसितमुखो मञ्जुवलयो
 सुनेत्राभा ५) तारासितललितगात्रा सुरमणी ।
 श्यं पत्री मित्रोक्तगिरिशनैवातृककला
 तवामन्दं मोदं विरचयतु चम्पेव जगति ॥ १३१ ॥

1) Ms. समागच्छद्द्वारं. 2) Fehlt im Ms. 3) Ms. किमगमदसौ. 4) Ms. यत्संभूता. 5) Ms. सनेत्राभां.

श्त्युक्ता १) विद्युधेन्द्रशेखरमणिस्तां चक्रिणे चक्रिणे
 प्रादायाशु द्वाविहृद्वन्नकरात्मत्पत्रिकाचन्द्रिकाम् ।
 यामादाय नृपालमौलिविजयी सन्मन्त्रिणे मन्त्रिणे
 दत्त्वा केलिकराय वाचय सखे प्रोच्येति वाचं स्थितः ॥ १३२ ॥
 यो दीर्घउसकृन्मभृतलसत्कोर्णउकाण्डात्रलि-
 शौराणां मदभञ्जनः प्रविलसत्तेमंकारीसंयुतः ।
 प्राच्यामद्भुतविक्रमः स भगवांश्चक्रावतरो हरेः
 पायादम्बुहेक्षणास्त्रिभुवनं श्रीकार्तवीर्योर्जुनः ॥ १३३ ॥
 श्रीनारायणपादपङ्कजरजःपुञ्जप्रसङ्गादियं
 वाणी विश्वविमोहिनी हरिकवेः कण्ठात्समुन्मीलति ।
 यामापीय मुधानिधानकलशीसंवाधिविम्वाधरा-
 न्वालानां व्युभुवां पिबन्ति न बुधाः सानन्दमुत्कण्ठिताः ॥ १३५ ॥
 श्रीमत्सूर्यपुरस्थितिकृत्तिकविर्विद्याविनोदोऽखिलः ३)
 श्रीनारायणसूरिसूरिपि यः सदान्निष्ठात्यन्वयः ।
 उद्योगादनव्यपय्यरचनाचातुर्यविद्योतिते
 तत्काव्ये खलु हृदयेन्द्रचरिते सर्गो निसर्गोऽखिलः ॥ १३५ ॥

श्रीमत्सूर्यपुरस्थितश्रीनारायणसूरिसूनु [हरिकवि] ४) विरचितं विजयाङ्कै हृदयेन्द्रचरिताख्ये महाकाव्ये
 हृदयेन्द्रगुणवर्णनो नाम प्रथमः सर्गः ॥

॥ अथ द्वितीयः सर्गः ॥

मरुक्तमणिश्यामं कामं ५) विशालमनारत-
 स्फुरितहरिणीनेत्रावीतानमन्त्रयनद्वयम् ।
 विपदिव सक्षोदच्चञ्चललातपचन्द्रिकं
 रचयतु परामृद्धिं वल्लशिरं मुरवैरिणः ॥ १ ॥

1) Ms. श्त्युक्ता. 2) Ms. दत्त्वा. 3) Ms. ओदोऽखिल. 4) Fehlt im Ms. 5) Ms. कामं.

अचणकठिनाकाराप्यत्तर्निवेशविधाविहा-
 नुपममधुरोद्गारा वाणी विभात्यनुभावतः ।
 दशनकलिकाखण्ड्याप्यास्याङ्कुराग्रविलोचन-
 सद्मृत्तरसस्यन्दानन्दा सितेव ततेतुतः¹⁾ ॥ २ ॥
 कविर्विमहोत्कर्षान्दृषात्प्रपञ्चय²⁾ पञ्चषा-
 न्खलसि³⁾ रसने किं त्वं सर्वान्प्रवक्तुमनीश्वर ।
 गणयति पदप्येतान्धाता दिनाचलिमालया
 तदपि भगवानेषामन्नं⁴⁾ कदापि न विन्दति ॥ ३ ॥
 कमलपटलस्फारस्फूर्त्नन्मनोद्वरसौरभो-
 न्मदमधुकरश्रेणीशिञ्जासमुद्गतमाधुरी⁵⁾ ।
 न हि सुभगतां लोके विन्दत्यनेकगुणाद्भुतां
 कविवरुणगन्नाथोदञ्चद्वचोरचनावलेः ॥ ४ ॥
 अथ चतुरया चम्पासख्या - - - निवेशितां
 गतवति गुरौ पत्रां मित्रीकृतामृतमञ्जरोम् ।
 प्रणयविनयप्रेमाधारामुदारपदक्रमां
 स रभसभृतो नमी⁶⁾ वक्तुं समारभतादतः ॥ ५ ॥
 सलिलमनिलः पृथ्वी पृथ्वी रथाङ्गवियोगहा⁷⁾
 शिशिरकिरणः कीलामाली वितानकृदम्बरम् ।
 अग्निशमनिशं दिव्यं भव्यं सुधाकरशेखरः
 प्रथयतु⁸⁾ तस्मैरेताः स्फोता⁹⁾ दधद्विबुधर्षभः ॥ ६ ॥
 किमलमधुनावेद्यं योगिन्मया मधुरं पुन-
 स्त्रिभुवनभुवां माधुर्याणामपीह निकेतने ।
 चतुरमपि किं चातुर्याणां धुरीणनिधौ त्वपि
 प्रणयमधुरां वाचं राज्ञश्चृणुष्व¹⁰⁾ तथापि नः ॥ ७ ॥
 परमिह पुरं सौरं श्रीम[त्समु]ल्लसति¹¹⁾ त्रिषा
 रुचिरतरया तापीभङ्गावलीवलयपावृतम् ।

1) Ms. रतेततः. 2) Ms. °महोत्कर्षार्हर्ष°. 3) Ms. सखलसि 4) Ms. °नेपामेतं. 5) Ms. सिञ्जा.
 6) Ms. नमी°. 7) Ms. °वियोगहा. 8) Ms. प्रथयतु. 9) Ms. स्फोता. 10) Ms. राज्ञश्चृणुष्व. 11) Ms.
 श्रीमल्लसति.

अमरनगरी शोभामङ्गीकरोति यद्भवां
 कगिति १) जगतीं यातीं २) गङ्गां निवेश्य निजाङ्गणे ॥ ८ ॥
 अथसदमलः श्रोकच्छाड्यो ३) नृपोत्र विहाय ४)
 स्वन्ननिजगतीं तार्पीमेवापराय[ण]मानसः ५) ।
 सुरभिरभितस्तापीकालाड्ययाभवदुद्धटः ६)
 सुभटनिकरसेव्यस्तस्यां महोन्नतया तथा ॥ ९ ॥
 नरपरिवृढः पूर्वं योभूमकेन्द्रकुलाचल-
 स्थितिरतिमहानानारत्नाकरप्रभुद्भुतः ।
 अगणितगुणोदारः सारोन्नतो वरविक्रमः
 स्वविभवलवक्रीडाक्रीतालकाधिपशेषधिः ॥ १० ॥
 किल तनुभवा तस्यादित्योद्भवानुतिसंभवा
 चपलनयना चम्पाड्येयं सखी मम वर्तते ।
 त्रिभुवनकृता यां निर्माय स्वनिर्मि[ति]शोभिनी ७)
 कनककमनीं स्वं चातुर्यं परं प्रकटीकृतम् ॥ ११ ॥
 भुवनसुभगां तां चार्चङ्गीं किमत्र निरूपये
 निरवधिगुणां कर्णायातां तत्रापि निरतरम् ।
 किमिह बहूनि प्रोक्ते यस्यास्तुला जगदत्तरे-
 खिलन्ननिकृता नान्या धन्या कदापि विनिर्मिता ॥ १२ ॥
 लवणिमनिधे निर्व्याजं [लत्] ८) प्रभूतगुणाकरं
 मम खलु सखी ९) सेयं गेये चकार कदाचन ।
 श्रवणविषयं घञ्जे यस्मिंस्तदा गतिविह्वला
 क्वचिदपि न ह्या याति श्रीमन्रतिं हि पतिंवरा ॥ १३ ॥
 श्रवणविचरद्वारा या त्वां विधाय क्कदम्बुजे
 लवणिसुधाम्भोधिं मध्योदितास्यसुधानिधिम् ।
 व्रजति परमं संतापं यस्सलस्सलनोपमं
 गुणगणनिधे नेदं ज्ञाने किमद्भुतमुद्भुतम् ॥ १४ ॥

1) Ms. जगिति. 2) Ms. याती. 3) Ms. श्रोकच्छाड्यो. 4) Ms. विहायै. 5) Ms. अपरायमानस. 6) Ms. रभितः स्तापी°. 7) Ms. स्वनिर्मिशोभिनी. 8) Fehlt im Ms. 9) Ms. सखि.

स्वरिपुमजितं स्वीये गेहे निवेशितमेतया
 रतिज्ञयकृता तामालोक्य प्रकोपभराकुलः ।
 धनुषि विनिधायघ्न्यं स्वं शिलीमुखमुत्कटं
 प्रदहति बली क्वाविज्ञातं सखीं ¹⁾ म[क]र्धजः ²⁾ ॥ १५ ॥
 किमिह कथये पैद्रेण स्मरेण विचेष्टितं
 भवति नृपते तस्यां तन्व्यां दशा दश कुर्वता ।
 यदिमनिर्णं चान्द्रं सान्द्रं विकामि ³⁾ च पङ्कजं
 सरतिज्ञमुखी संपश्यती प्रयाति परं स्वरम् ॥ १६ ॥
 अयि सखि दिनं यातं सर्वं स्फुटा नलिनावली ⁴⁾
 परिमलभरकूरं दूरं सुखं मम वर्तते ।
 इति सरभसं सोत्का यावत्स्थिता ⁵⁾ कुवलेक्षणा ⁶⁾
 तदनु सहसा तावज्योत्स्रा ⁷⁾ ददाह समुद्रता ॥ १७ ॥
 मलयज्ञरज्ञो भस्माकारं बिभर्ति ⁸⁾ हस्त्यसौ
 विरहदहनोत्पङ्गा ⁹⁾ वेणीजटा तडिदाकृतिम् ।
 दरदतिलकः पाकाक्कुभ्रः ¹⁰⁾ मुधाकरतामधा-
 दिति हि विकलाप्येषा कान्ता सदाशिवतां गता ॥ १८ ॥
 वदनकमलाद्यातायतिर्विनिश्चसितानिलि-
 र्विरहदहनञ्चालामालाविदाहिविसर्पणैः
 कुसुमरचितः प्रावारोस्या ज्वलन्दहति प्रियां
 प्रियजनविधौ ¹¹⁾ वक्रे स्वात्माप्यरातिवरायते ॥ १९ ॥
 कमलशयनं भस्मीभावं भग्नत्यपि चन्दनं
 वपुषि निहितं तूर्णं यस्या सकृत्कृति दह्यते ।
 प्रियसख मद्दार्श्यं नैतद्विचार्यमहो पतो
 हृदयनिहितो हारो लाजा इव स्फुटति स्फुटम् ॥ २० ॥
 प्रियवर वयं किं जानीमः परं सुदृशो स्वरं
 यदिह बिसिनीशय्या ¹²⁾ नेयं निवेदयति स्म नः ।

1) Ms. सखी. 2) Ms. मर्धजः. 3) Ms. विकामि. 4) Ms. स्फुटान्नलिन°. 5) Ms. यावत्स्थिता.
 6) Ms. कुवलेक्षणा. 7) Ms. तावज्योत्स्रा. 8) Ms. बिभर्ति. 9) Ms. ंदहनोत्पङ्गा. 10) Ms. पाकाक्कुभ्रः.
 11) Ms. प्रियजनविधौ. 12) Ms. बिसिनीशय्या.

पदकरघनश्रीणीविणीललाटतटस्तन-
 स्तत्रकघटनस्रष्टेदेशप्रकाशिकर्मरा ॥ २१ ॥
 घपि गुरुजनाद्गोपायती भवद्विरहोद्भवं
 हृदयतुहोरयं^{१)} संतापं सरोजमुखी स्थिता ।
 कमिह परमं किं ज्ञानीमो वयं वहिरास्थिता
 हृदयसदनस्यायी नूनं भवानवगच्छति ॥ २२ ॥
 हृदयनिहितं ज्ञातं भस्म तणान्मलयोद्भवं
 कुसुमरचिता मालाः शुष्का इवलन्ति दहन्ति च ।
 व्यजनपवनैर्वृद्धस्यास्या वियोगहृविर्भुज-
 स्वधररसादन्योपायं शमाय न विद्महे^{२)} ॥ २३ ॥
 बकुलमुकुलं रक्ताशोकं लसत्पिकवह्नभं
 विमलकमलं फुल्लं मल्लीं कुरुष्व हृदि स्वके ।
 इति सक्चरीवाक्यं श्रुत्वा चकार तथाङ्गना
 दलितहृदया तैरेवासीत्किमेतदयेद्भुतम् ॥ २४ ॥
 विरहजनितं बाष्पोद्रेकं सरोजनिभानना
 प्रियसक्चरीवृन्दाद्गोपायतीह मुधा कियत् ।
 यदुत विगलद्वारा [नारा]^{३)} मरन्दसमुद्भवा
 बकुलविसर्तापो^{४)} स्नानो भवत्यपि पल्लवः ॥ २५ ॥
 लसतु च सुधारश्मिर्लीलद्वनावलिसंवृत-
 श्रलति पवनशण्डो वक्त्राच्छुकस्य तद्भुताम् ।

 ----- ॥ २६ ॥
 कमलमुकुले सोमस्तिष्ठत्यहो^{५)} प्रिय खिद्यते
 मिथुनमचलं यस्मिन्निर्यञ्जलं खलु खाननम् ।
 रमणकरूपाः कीरशास्मिन्कुलसमीरणां
 किरति विपुलं वारं वारं किमद्भुतमुच्यताम् ॥ २७ ॥
 तनुरतितनुर्वक्त्राभोजं विषाङ्कुरपाण्डुरं
 बकुलविगलद्वाष्पे नेत्रे विनिर्गतकञ्जले^{६)} ।

1) Ms. हृदयं तुहोरयं. 2) Ms. दिद्महे. 3) Fehlt im Ms. 4) Ms. °तापं. 5) Ms. °स्तिष्ठत्यहो.
 6) Ms. विगत°.

विषयविरतिर्भूषात्यागः¹⁾ समाकुलतात्तरे
 तदपि सुतनोरेषाप्यास्ते दशा हृदयंगमा ॥ २८ ॥
 अथ दश दशाः। तत्र चतुःप्रोतिः।
 नरवरजनश्रेणीवक्त्राद्यव्याश्रुतमद्भुतं
 फलकलिखितं त्वां पश्यतो मनोजमनोहरम् ।
 नयति निखिलं कालं सालङ्कृतिर्भुवनस्य ह्य
 वद ननु ततः कान्या वपर्या दशा हृरिणीदशाम् ॥ २९ ॥
 सुख[मुख]विधुं²⁾ संपश्यन्वाश्चकोरदृशो भृशं
 ब्रजति परमानन्दं युक्तं युगं नयनस्य पत् ।
 इमिह महाश्चर्यं लोके तनोति विक्राशि प-
 द्भवति हृदयाम्भोजं तस्या मनोभवसुन्दरम् ॥ ३० ॥
 प्रियसख सखी संपश्यती³⁾ भवत्यपि मन्मथे
 फलकलिखिते साम्बं वामेत्तणा स्मरसुन्दर ।
 धममिह परं यापादेव प्रसन्नतराकृते
 किल कलुषता तस्मिन्कोपोच्छ्रिता⁴⁾ न भवेद्यदि ॥ ३१ ॥
 चित्रविलोकनजनितचतुःप्रोति स्तम्भादिसात्त्वकभावकयनम् ।
 तत्र स्तम्भः प्रथमम् ।
 फलककालितं तामालोक्य त्रिलोकविलोचनो-
 त्पलवनसुधारिणं नानागुणैकमहोदधिम् ।
 सरसिजमुखी सेधं निर्यान्नमेपसमोत्तणा
 कुसुमधनुषा चित्रोत्कीर्णाङ्गकेव विभाव्यते ॥ ३२ ॥
 हृचिरनयनं चित्रन्वस्तं भवत्तमनिन्दिता
 चरणकमले स्पृष्टुं⁵⁾ यावत्करोति कराम्बुजम् ।
 तदनु सक्तता तां चार्वङ्गी स्वशत्रुरिवोद्धतः
 प्रमदनिभृतस्तम्भस्तावद्गुणद्धि समुद्रतः ॥ ३३ ॥
 अथ स्वेदः ।
 कथमपि शर्द्दाकानायप्रभं वदनाम्बुजं
 करकिसलयेनाम्भोजानी⁶⁾ तत्रामृशती स्थिता ।

1) Ms. विषयविरतिः. 2) Ms. मुखविधुं. 3) Ms. संपसंपश्यती. 4) Ms. तस्मिन्कोपोच्छ्रिता. 5) Ms. स्पृष्टुं. 6) Ms. °किसलयेना°.

सुभग सहसा तावत्तस्याः समार शरीरतः
शिशिरशिशिरः स्वदेहेद्दः प्रमोद्भराद्भुतः ॥ ३४ ॥

अथ रोमाञ्चः ।

चकितनयनं त्वां पश्यती त्वां रसनिर्भरा
पुलकमुकुलांछाञ्जालीला विभर्ति निरुत्तरम् ।
भवति विलसद्भावोच्छोले रसोत्तमनीरघौ
रमण विहितस्नाना^{१)} शीताकुलवे चलेत्तणा ॥ ३५ ॥

अथ स्वरभङ्गः ।

कमलनयनः प्रङ्गाराख्यो रसः सखि मूर्तिमा-
निव सरभसं कोयं गुग्धे युवाद्य विलोक्यते ।
प्रियसखि मम प्राणत्रेत्याद्युदीरयितुं सखीं
कृतमतिमिमां तूर्णं कण्ठे हरोद्य रसोदयः ॥ ३६ ॥

अथ कम्पः ।

भुवनरमणं त्वां पश्यन्त्याः सुपद्मलचतुषो
ननु तनुरहो वातोद्धृता लतेव विकम्पते ।
विगलदपरिविद्यानन्दामृताब्धिगतात्तर-
ल्लवनविसरञ्जाञ्जोत्तिकप्रकामविसंस्थुला ॥ ३७ ॥

अथ वैवर्ण्यम् ।

कनककमनं कन्दर्पालीपराज्ञयपारगं
नरवरमाणं त्वामाधाय स्वकीयवह्दम्बुजे ।
कमलवदना वैवर्ण्यं ह्य जगाम जवादिपं
कथय किमिदं ज्ञातं कामो निकामनिरङ्कुशः ॥ ३८ ॥

अथाम्बु ।

स्तिमितनयनं स्वियद्वात्रं सरोमकुलाङ्गकं
स्खलितवचनं प्रेङ्खत्कायं विवर्णमुखाम्बुजम् ।
रमणावदनं ते पश्यन्त्याः सरोजदृशी^{२)} दृशः
स्वयमपि रसादभ्रूद्भेदीसरन्नु तदीक्षितुम् ॥ ३९ ॥

1) Ms. विहितस्नाना. 2) Ms. सरोजदृशीः.

अथ प्रलयः ।

चरणकमलं वक्त्राम्भोजं विलोचनपङ्कजं
करसरसिङ्गं¹⁾ सारङ्गाक्षी न चालयति प्रिय ।
तव नवनवामाङ्गी शोभां विभाव्य रसास्रुता
स्तिमितकरणा योगात्रुहेव सा परिबुध्यते ॥ ४० ॥

अथ चित्तासङ्गः ।

लवणिमसुधाम्भोधौ मग्नं मनो हरिणीदृश-
स्त्वयि किल बह्निर्नो निर्याति क्षितिश करोमि किम् ।
यदिह सुचिरं सधोचोभिः प्रतिक्षणबोधिता-
प्यहृह् रुमणी सेयं निद्रां गतेत्र न भाषते ॥ ४१ ॥
लिखति धरणीमङ्गुल्यग्रैरणीयसि जल्पिते
मृषयति तथा सधीचीभिर्व्रीति न किञ्चन ।
रमयति न वा सारो वैषा सुमञ्जुलभाषिणीं
सुभग भवताकृष्टस्वात्ता सरोजनिभेक्षणा ॥ ४२ ॥
नलिननयना त्वां ध्यायन्ती सुधाकरमुन्दरं
प्रिय सदिवसां सर्वा रात्रौ न वेद् गतामपि ।
स्वगलचलितं गान्धारं नावधारयति²⁾ स्वयं
भवति हि गलद्वेद्यं चेतो वराभिनिवेशिनाम् ॥ ४३ ॥
हृदयकमलाविष्टं सेयं त्रिलोकमनोहरं
रक्षयति ततो न त्वां तन्वो निर्मोलितलोचना ।
क्षणमपि विभो ग्रीवंत्रीवाङ्मना परिनिर्वृता³⁾
विगलदमृतासारं राकासुधांशुमिवामलम् ॥ ४४ ॥
वदननिहिता सख्या वीठो तथैव चितिष्ठते⁴⁾
करयुगकृता वीणा तूर्णं पतत्यपि विप्लवा ।
नयनयुगली यस्मिंश्छया ततो न चलत्यलं
कुवलयदृशो मग्नं चेतो यतस्त्वयि वर्तते ॥ ४५ ॥
हृदि विकलता वक्त्रे मौनं तनौ तनुता तथा
नयननलिनद्वेधे धारा जलस्य निरुत्तरा ।

1) Ms. °धरसिङ्ग. 2) Ms. वावधारयति. 3) Ms. परिनिवता. 4) Ms. चितिष्ठते.

अरतिरखिले रम्ये स्फूर्तिर्न कस्यचिदप्यहो
नरवर तनोः किं ज्ञातं ह्य वयं न विदामहे ॥ ४६ ॥

अथ संकल्पः ।

अपि नरपतिर्वाचं^{१)}मेङ्गीकरिष्यति^{२)} किं न वा
प्रहसनपरो लीलामन्त्री कुतोप्यनुमंस्यते ।
क्लिमकरशिलापुत्रीवाहे सुधांशुमिवामलं
रसकरवती तं प्राप्याहो रहो भविता न वा ॥ ४७ ॥

मदनदहनल्लुष्टं मेङ्गं सुधाकरवर्षिणा
करकिसलयेनामृष्याहो^{३)} करिष्यति शीतलम् ।
कमलनयनः किं वा हार्दं^{४)} विदाहमपीह मे-
धरमधुरसासेकोद्रिकैर्विनेष्यति किं न वा ॥ ४८ ॥

सुरतरुमिवामन्दमोदं प्रियं स्वभुजात्तेर
रहसि विनिधायाहो गाढं रसात्परिचुम्ब्य^{५)} च ।
किमु गतपरिज्ञानाह्लादामृताम्बुधिसंगता^{६)}
स्तिमितहृदया पृथ्वीवेषं जडत्वमिहैष्यति ॥ ४९ ॥

कमलनयने कात्ते मुग्धे रसाम्बुधिचन्द्रिके
विधुमुखि [सखि]^{७)}प्राणत्राणीषधि प्रि[य]भाषिणि^{८)} ।
इति करदले कृत्वा वक्त्राम्बुजं मम वल्लभो
रहसि मधुरान्वाचःपेशान्करानुवदिष्यति ॥ ५० ॥

वत कथमसावङ्गीकुर्यादिमं^{९)} जनमञ्जसा
नृपतिरपि वा कं ह्य कुर्यामुपायमिहादृता ।
इममकलितोदर्कं चेतोरथं कथयाम्यहं
किमिति ब्रह्मधा चित्तानद्धा सखी मम ताम्पति ॥ ५१ ॥

अथ निद्राह्निः ।

प्रियसहचरी यैनां निद्रा विनेतुमुपागता
न खलु गणिता कात्तश्रीमहृताशययानया^{१०)} ।

1) Ms. नरपतिर्वाचं. 2) Ms. मंगीकरिष्यति. 3) Ms. °किसलयेना°. 4) Ms. हार्दं. 5) Ms. रसात्परिचुम्ब्य. 6) Ms. गतपरिज्ञाना°. 7) Fehlt im Ms. 8) Ms. प्रिभाषिणि. 9) Ms. कथमसायंगी°. 10) Ms. हुताशययानया.

इति हि सुतरां सक्रोधा सा गता १) भवदत्तिकं २)
 न विशति पुनस्तस्मादेषानिशं प्रतिबुध्यते ३) ॥ ५२ ॥
 निशि च दिवसे निद्रा नैनामुपैति समाकुलां
 मदनदहनञ्चालाज्ञालावलीढतनुं तनुम् ।
 विपुलविलसत्संतापोद्यद्विषेव न वेद् सा
 हृद्यकमले नास्यास्तापस्तव स्मृतिशीतले ॥ ५३ ॥
 बहिरपि मनस्येकं कात्तं भवत्तमनन्यधी-
 र्ललितललितं संपश्यती दिवानिशमङ्गना ।
 क्षणमपि मनाङ्घ्रिणां नैषा समेति तत्राकृतिं
 प्रति लवसमालोकाह्लादप्रह्लाणभिवेव किम् ॥ ५४ ॥
 तव मुखशरद्भक्तेशानं सुधारसवर्षिणं
 प्रियकृशतनोः संपश्यत्या बहिः किल सर्वतः ।
 निविडनिविडा ४) निद्रामुद्रा विहाय समीक्षणी-
 त्पलयुगमहो वक्त्राम्भोजं श्रितेत्यवधारये ॥ ५५ ॥
 अपि वत तया नेत्रद्वंदादलादिनिवारिता ५)
 भुवनरमणं त्वां पश्यत्या हरित्सु दशस्वपि ।
 कपटकुटिला सा तां निद्रा प्रतार्य कलावतीं ६)
 ग्लानचतुरा सर्वाङ्गोणा सखे समभूदिव ॥ ५६ ॥
 अथ तनुता ।
 सुतनुमतनुमुक्त्वा बाणं विशोषणमोषणं
 निजमयमहो तन्वीं तन्वीं करोति करोमि किम् ।
 कथमपि सखे जीवत्येका कलेव कलानिधे-
 र्लक्षणासलवायुष्मद्धानामृताश्रयज्ञीविता ७) ॥ ५७ ॥
 सुभगविभगः कामः ८) कामं ९) क्षिणोति गुणोन्नता-
 मनिशमदयः क्रोधादेनां रतेर्जयकारिणीम् ।
 तदपि विपुलं लावण्यौघं त्रिलोकविमोहिनं १०)
 विमृञ्चति ११) निजं नैषा योषा विशालविलोचना ॥ ५८ ॥

1) Ms. गते. 2) Ms. तवदत्तिकं. 3) Ms. प्रतिबुध्यते. 4) Ms. निविडनिविडा. 5) Ms. नेत्रद्वंदा बलादिः.

6) Ms. कुलावत. 7) Ms. ष्वायुष्मदधानाः. 8) Ms. कामःकामं 9) Ms. मनिषम. 10) Ms. ष्विमोहिनो

11) Ms. विमृञ्चति.

अग्निमिषदृशं वीक्ष्यन्मूढ्नां मृणाललतागतां
 विरह्विभवतीणामेनां न वेद [स]खीजनः १) ।
 न किल मरुदाश्चर्यं चेतद्दिनोपदृशं यतो
 न खलु समभूद्देहं कामोप्यलं कनलेत्तणाम् ॥ ५९ ॥
 प्रथमतिथिज्ञां चान्द्रो लेखां वियोगकृशां सखी-
 मपि च रुरुदुर्दृष्टा सख्यः समां बद्धदुःखिताः ।
 न खलु बुबुधुस्ताः सादृश्या २) मरुदाध्ववशात्कृशा ३)
 पुनरनुदिनं वर्धिष्णुर्ह्य सखी न तथेति च ॥ ६० ॥
 करिकरसमाव्यूह तस्या मृणालतुलां गतौ
 कनककलशप्रौढौ ज्ञातौ स्तनौ कुमुदाकृतौ ।
 प्रमदकरिणी गम्भीराभूतडिछतिकानिभा
 प्रियविरहज्ञं कार्ण्यं वपर्यं तनोः किमतः परम् ॥ ६१ ॥
 विरहजनितं सौहमं तन्व्या न वर्णयितुं क्षमा
 वचनविषयाभावं प्राप्तं तथापि प्रमुष्य नः ।
 अपि किल सखीदानो ज्ञाता मनोणुगृह्णात्तरे
 तव नर्मणे योग्या कर्तुं ४) विहारमसंकटम् ॥ ६२ ॥

अथ विषयनिवृत्तिः ।

न लगति मनः सान्द्रे चन्द्रे न वा नवपल्लवे
 न च विचिक्रिलामोदानन्दे वने वनज्ञानन ।
 न खलु विलसन्मार्धुर्यञ्जन्मधुव्रतगुञ्जिते
 न च सुमधुरे नानास्वादे चलाचलचक्षुषः ॥ ६३ ॥
 शिशिरकिरणाः पूर्णाः तूर्णं कठोरकरायते ५)
 कमलमुकुलामर्शः ६) स्फूर्जद्गुणंगमुखायते ।
 मलयन्नरसः कर्पूरारुः समीर[स]खायते ७)
 प्रियसख तवालाभि तन्व्याः स्मरोपि यमायते ॥ ६४ ॥
 विरह्विधुरा चैका बाला कदाचिदियं वनं
 विचिक्रिलमरुदामोदं ८) याता विनोदयितुं मनः ।

1) Ms. वेदखीजनः. 2) Ms. बुबुधास्तेदृश्या. 3) Ms. °वशाकृशा. 4) Ms. कर्तुं. 5) Ms. कपठोर°. 6) Ms. °मुकुलामर्षः. 7) Ms. समीरखायते. 8) Ms. °मरुदामोदां.

नधुकरत्रधूर्गातिनीता १) परामियमापदं २)
 किमिव हृदये दुःखोद्विगे भवेत्सुखदं खलु ॥ ६५ ॥
 विकृति न ह्यमन्दामोदस्फुरन्नवमालिके ३)
 परिमलभ्रप्रौढोह्यासस्फुटद्वयपुण्ड्रके ४) ।
 बह्वलवकुलासाराधारे सुगन्धसुधेधुना ५)
 यदह भवतोद्योने ब्रानि सखी विमुखीकता ॥ ६६ ॥
 रमयति सखी सारिं नैव प्रसारवतीं सतीं
 सकलन्नगदानन्दां द्योत्स्नां न वा प्रिय सेवते ।
 अपि च विलसन्महोमालां न धारयति प्रिया
 यदखिलसुखाधारे तन्व्या मनस्वपि वर्तते ॥ ६७ ॥
 तव ननु महाशोभालोकोत्सुकं नयनद्वयं
 फलाति निखिले रम्ये दृश्ये गतादरताम्यम् ।
 त्वदधरसुधापानोत्कण्ठा रसेषु पराञ्जुषी
 भवति रसना तस्या नूनं मनोभवमोहन ॥ ६८ ॥

अथ त्रपानाशः ।

विधुमुखि ६) विधुं पश्योग्रहं प्रिये न विधुस्त्वयं
 विधिर्यमहो वामो वामे विधुत्तुद एव वा ।
 हृदयगगनं द्योतिः पूर्णा विमोक्तमिन्नया
 कथमिव मम व्याप्तं कुर्वात्र चेतसुभयाकुलम् ॥ ६९ ॥
 सरसचितिनोपत्रं ७) रम्यं गृह्णाण वधान च
 प्रियसखि हृदि स्वालाशात्स्यै स्मराद्यहृविर्भुजः ।
 सखि सरसं शुष्कोभूय त्रणादिदमेव मे
 अलदतितरां ह्य संतापं करोति ८) करोमि किम् ॥ ७० ॥
 कनकरुचिराकारः कातः किशोरवया मया
 अत्रणविषयं वीर्यं नीतो वरः स्मरसुन्दरः ।
 तमिह रमणं नाहं प्राप्स्ये यदा खलु ह्य तदा
 सपदि सखि मे त्रीवो त्रीवेश्वरं प्रतिपास्यति ॥ ७१ ॥

1) Ms. गौतैनीता. 2) Ms. परामिहमापदं. 3) Ms. स्फुरन्नव. 4) Ms. पुण्ड्रके. 5) Ms. सुगन्धसुधाधुना.

6) Ms. मुखी. 7) Ms. विशिनी 8) Ms. करोति.

प्रियसखि विषञ्जालाधारां निवारय क्लृप्ता-
 विकलवचने सर्पत्येष स्वयं मधुमारुतः ।
 किमिति विदहृत्येवं दुःखाकुलामपि मामयं
 सहचरि पारज्ञातं वामे विधौ घटतेखिलम् ॥ ७२ ॥
 क्रकचनिचपाकीरिः पत्रोच्चैररूपाप्रभै-
 स्तरूणरुधिरश्रेणीलितैरिवोपतराकृतिः ।
 विरहविधुरा बाला दीनाननाः सखि दारय-
 न्कथमिव सुशोकोयं लोकेरशोक इतीर्यते ॥ ७३ ॥
 अयनय शरङ्ग्योत्सनां कृत्स्नां कुक्षुः सखि वर्तते १)
 तदिदममलं किं क्वा मेङ्गं परीत्य दहृत्यहो ।
 किमिति विदहृन्महता वस्त्रं हिमं कुरु दूरत-
 स्तदपरमले २) कामस्येदं यतः शरपञ्जरम् ॥ ७४ ॥
 यदमरगणैः पीतो नित्यं चकोरकुलैस्तथा
 तदपि विलयं नायं सोमः प्रयाति यया पुनः ।
 गिरिशनिटिलस्वयिन्वेक्रे कलां किल तां स्थितां
 त्वदुपरि कृपापूर्णास्तूर्णं दह्वाङ्गविदाहृनीम् ३) ॥ ७५ ॥
 अथोन्मादः ।
 धमति परितो दीर्घोच्छ्वासं विमुञ्चति मञ्चके
 पतति सहसोत्तिष्ठत्यङ्गाङ्गां प्रतिगच्छति ।
 लिखति धरिणीं बाष्पश्रेणीं प्रसारयति क्षणं
 मदनदहनध्वालाजालाकुला कुवलेक्षणा ॥ ७६ ॥
 प्रलपति तथोत्तिष्ठत्युच्चैर्नदत्यनुसंविश-
 त्यहृत् चलति प्रोच्चैर्दांसं करोत्यपि रोदिति ।
 निपतति मुहुः पृष्ठ्यां पर्याकुला परिचेष्टते
 नयगुणसुधापानोन्मत्तेव क्वा कमलेक्षणा ॥ ७७ ॥
 धन धन किमाटोपैरैतैः कृतैरबलाजने
 कुरु यदि सखे शक्तिर्वक्तानिले ४) गिरिकन्यके ।

1) Ms. वर्तते. 2) Ms. °स्तदपरमले. 3) Ms. दह्वाङ्गविदाहृनीम्. 4) Ms. शक्तिर्वक्तानिले.

भवति परमोत्कर्षो लोके महोन्नतिशालिनां
 समधिकसमाक्रान्ती यस्मान्न दुर्बलमर्दने ॥ ७८ ॥
 विधुरयुवतोक्तयापापोदयान्मलिनाननो-
 प्यकृद् बलदोर्द्धस्त्वं यत्सखे न विलब्धसे ।
 तदिदमुचितं मन्ये नूनं बडत्वभृतां नृणां
 न भवति घृणा लोके नापि त्रया सकृपा यतः ॥ ७९ ॥
 किमिह चपले लोलस्येवं मुकुर्मुकुरुद्धता
 प्रियसकृदरीनारीभावे समेपि यदावयोः ।
 न खलु ब्रगति १) स्वायी सोयं जनस्य समागमो २)
 भवति सुचिरं यस्मात्तस्माद्विमुञ्च विलोलताम् ॥ ८० ॥
 प्रसर्दमितामोदस्फूर्जन्मरन्दसुतुन्दिल
 भ्रमर्निकरोद्गीत श्रीमन्विशालरसाल ३) हे ।
 मदनदहनश्वालाबालावलीढतनौ मयि
 त्रिभुवनमुखं त्वं प्रोच्छासं करोपि करोमि किम् ॥ ८१ ॥
 पिकवर सुधामुग्धां वाचं मुधा किमु रे गिर-
 स्पकृद् रमणी वाणी ते मे भवत्यतिदुःसहा ।
 अपि किल भवान्जानातीदं ४) न ह्य किमु यद्वव-
 त्परमणमहो ५) सर्वं रम्यं मनस्वतिदुःखिते ॥ ८२ ॥
 प्रियमधुरया वाचा त्वं मां पिकोत्तम दुःखितां
 रमयितुमिहायातो ह्य ते प्रियं कर्वाणि किम् ।
 मम खलु मनोयुक्ताः प्राणाः प्रियं प्रतियाह्यहो ६)
 यदिह वचनैरुत्तलिस्ते मनोभवनोदकैः ॥ ८३ ॥
 अदयकृदय ७) प्रौढं कोपं समीरण [माधव] ८)
 प्रियविरहिते ह्य किं पापिनकरोऽथवलाग्ने ९)
 त्वयि समुचितं १०) चेदं ज्ञाने यमप्रियवान्धवे
 विषधरगलप्रोद्यद्दालाह्लावावलिसेगते ११) ॥ ८४ ॥

1) Ms. ब्रगती. 2) Ms. समागमो. 3) Ms. °विपाल. 4) Ms. भवान् जानातीदं. 5) Ms. °त्परमणमहो. 6) Ms. प्रतियाह्यहो. 7) Ms. °कृदया. 8) Fehlt im Ms. 9) Ms. °थवलाने. 10) Ms. समुदितं. 11) Ms. °दालाह्लावा.

त्रिपुलसुपुमासिन्धो देवद्विजेण कलानिधे
 स्थिरचरत्रगतप्राण श्रीमन्मुधाभरसंभृत ।
 मपि किल तवाकाण्डे कोपं निपीडनसंघ्नो
 न खलु मरुतां योग्यं लोके भवेन्मृतमारणम् ॥ ८५ ॥
 चपलहृदयो भृङ्गः केको कठोरमना भृशं
 परभृतयुवा धूर्तः सोप्यं शुकः श्रुतपाठकः ।
 अपि मलिना सारो चापं पयोदपतिर्नाडः
 कमिह कमनस्याग्रे दुःखं निषोड्य निवेदये ॥ ८६ ॥
 अथ मूर्च्छा ।

मदनकदनस्वान्ते कात्तं विधाय विधा . .
 न [खलु] 1) विशिखं संप्रोच्यैवं [मु]मूर्च्छवती 2) वरा ।

----- 3) ॥ ८७ ॥

नय सखि गृहस्यात्तर्मा पत्कठोरकरस्त्वयं
 दहति बहलज्वालासैरिर्निनातपसंचयैः ।
 तुहिनकिरणो नापं सूर्यः सखीभिरितीरिते
 विधुमुख सखे पाहीत्युक्ता विमोहवशं गता ॥ ८८ ॥
 कथमपि सखी निद्रां प्राप्ता मनोभवशीभनं
 भुज्युगगतं स्वप्ने [दृष्ट्वा] 4) भवत्तमबुध्यत ।
 तदनु शयनं त्वां पश्यति 5) यदा न दर्श सा
 तदिह सहसा निद्राणोव प्रमोहयुतभवत् ॥ ८९ ॥
 कमलममलं चन्द्रे सान्द्रे मधुव्रतगुञ्जितं
 नलदपवनं वीणावाणीं प्रपञ्चितपञ्चमीम् 6) ।
 तदखिलमिदं मूर्च्छाकारि प्रकारमिवाप्य सा
 सुभग सुदतो मूर्च्छामृच्छत्यहो स्मरवामता ॥ ९० ॥
 विरहविकलां संतापाद्यामुदश्रुमुखीं कृशा-
 मरतिविधुरां दीनां श्वातोत्करान्किर्तीं मुहुः॥

1) Fehlt im Ms. 2) Ms. मूर्च्छपति. 3) Der ganze Vers verstümmelt und unvollständig.
 4) Fehlt im Ms. 5) Ms. पश्यति. 6) Ms. तपंचितपंचमं.

प्रियसकृच्चरिवियं मूर्च्छालिलिङ्ग १) समागता
 सुभग सकृत्ता दुःखान्मन्ये विमोचयितुं सखीम् २) ॥ ९१ ॥
 रतिविज्ञयिनीं लावण्यैषैर्विभाव्य विलासिनीं
 विषमविशिखः क्रुद्धो वाषां मुमोच विमोहनम् ।
 प्रियतम तदाघातात्तुव्यद्दम्बुजकोरका
 विकलकरणा मुग्धात्तीयं मुमूर्च्छं मुकुर्धुवम् ३) ॥ ९२ ॥
 अथ मृतिदृशोदपारम्भनिरासः ४) ।
 त्वयि कृतरतिं स्वयि वैरिण्यनेकगुणाकरे ५)
 रतिज्ञयकरीमालीं ज्ञात्वा व्यलीकपरायणः ।
 घट्टदहदयः कामो नेतुं यमस्य निकेतनं
 समधित निजं पात्रं वाषां धनुष्यत्र नारणम् ॥ ९३ ॥
 तदनु मदनं बुद्ध्वा मुग्धां महापदमुत्सुकं
 गमयितुमहे दुः खोद्विधा नितान्तभयाकुला ।
 न खलु हृदयेपश्यं चित्तत्युपायमिहापरं
 प्रियतम तदावोचं वाचं सखीमिति सुन्दरीम् ॥ ९४ ॥
 चपलनयने चम्पे देवीमिहार्तिविनाशिनीं
 मृतिविज्ञयिनः पत्नीं दुर्गां विचिन्तय चेतसि ।
 शमयति सकृद्घाता यार्तीः ६) प्रणाशकरीरपि ७)
 प्रथयति ८) परामृद्धिं सिद्धिं ददाति दयावती ॥ ९५ ॥
 इति मम क्लिप्तां वाचं श्रुत्वा समाहितचित्तया
 चतुरतरया ध्याता देवी शिवा शिवकारिणी ।
 सदयहृदया सख्यां तस्मिन्निरपौ पुरभेदिनो
 धमगभिनयं तूर्णं धातुं दधार धियं हृदि ॥ ९६ ॥
 इह हि समये गाढं कृष्ट्वा धनुष्यतिमुक्तने
 मधुकरमयीं मौर्वीं दर्पाधुरी ९) मकरधनः ।
 शतदलशरं मुञ्चन्प्राणप्रक्षणाकरं सखीं
 क्लिमकरमुखीं निर्वाप्याहो मुमोच न तं कृती ॥ ९७ ॥

1) Ms. मूर्च्छालिलिङ्ग. 2) Ms. सखीम्. 3) Ms. मुकुर्धुवम्. 4) मृतिदृशोदपारम्भ-
 5) Ms. गुणाकरे.
 6) Ms. यार्तीः. 7) Ms. प्राणाश. 8) Ms. प्रथयति. 9) Ms. दर्पाधुरी.

अथ प्रतदलं त्राणं तं ह्य विहाय तदा स्वयं
 कमलनिलया तस्या नेत्रोत्पलद्वयगभवत् ।
 अमृतज्ञलधेर्जातस्यास्या मुखामृतर्धिते-
 रनुज्ञनिभृतः स्वस्याः १) श्रीमन्ध्रुवं प्रियकाम्यया ॥ १८ ॥
 तदनु सक्तुसा मत्वा वाणद्वयं नयनोत्पल-
 द्वयमपि धनुर्ध्रुवोयुग्मे नित्रे विनतध्रुवः ।
 धुकुटियुगले ताभ्यां वीरं भवत्तमनन्यधीः
 न्नितिपज्ञयिनं जेतुं वाञ्छन्महाशयशेखरम् ॥ १९ ॥
 कनककमनीं स्वीयां नीचीमिवाम्बुजमालिनी-
 मिव कमलिनीं शोभापूर्णात्तरां नगरीमिव ।
 भुवनज्ञयिनोमेकां शक्तिं परामिव संततं
 सकलविज्ञयी देवो मोनधनः परिपाति ताम् ॥१००॥ युग्मम् ॥
 इति दशदशाकथनम् ।

तदिह जगतां जेत्रावित्रा मुखस्य मनोभुवा
 नरपतिमणे सख्यं कृत्वा सखीं परिपालय ।
 परमियमतस्वत्प्राप्त्याशामुर्नितज्ञोविता
 ज्ञणमपि न ह्य सोढुं शक्ताभवद्विरुद्ध्वरम् ॥ १०१ ॥
 रमण कर्णामिन्धो वन्धो निज्ञामिह मामहो
 वरद वरय श्रीमन्नान्यं मनस्यपि चित्तये ।
 स्वकरकमलेनेदं लेखे विलिख्य २) तदादि या-
 कुलतरुहृदोवस्या तस्याः शृणु प्रिय तां ब्रुवे ॥ १०२ ॥
 सोमः मूर्ति चन्द्रकं दहनति प्राणो हि फूत्कारति
 श्रीखण्डे ज्वरति प्रियं गर्लति स्थानं परद्वीपति ।
 पद्मं पन्नगति स्वयं ३) विकलति व्योमायतेदो जग-
 त्कामः कालति कामकात् विरुहं ह्य ह्ये ननाङ्गास्तव ॥ १०३ ॥
 सर्वस्वं रतिवृत्तभस्य नगरीं सौन्दर्यचारां निधेः
 पारस्यां रज्ञनीपतेः प्रविसरत्पीयूषधारास्रुतिम् ।

1) Ms. स्वस्योः. 2) Ms. विलिख्य°. 3) Ms. स्वयं.

मञ्जूषां गुणतारमौक्तिकतनेः संजीवनोपोपधिं
 निर्दग्धस्य मनोभवाम्ब्रनिचयैश्चम्पां त्वमङ्गीकरु ॥ १०४ ॥
 चञ्चलचञ्चरीकनिचयस्फारस्फुरल्लोचना
 फुल्लञ्चम्पकदानधामलक्ष्मीलोलच्छरीरव्युत्तिः ।
 निर्पत्पार्वणशर्वरोश्चरमुखी शम्पेव पाथोधेर
 वय्येवास्तु निरत्तरं नरवरे चम्पा जगन्मोहिनी ॥ १०५ ॥
 प्राप्यैवं नृपतिः स नर्मसचिवात्सत्पत्रिकाचन्द्रिकां
 माधुर्याञ्चितपद्यपग्रचनाचातुर्यशोभाद्भुताम् ।
 संफुल्लद्वरेत्रनीलनलिनः प्रतीभिचिताम्बुधिः
 कात्तान्जीवनहेतुर्हृद्विलसत्पद्यामृतं प्राक्किणोत् ॥ १०६ ॥
 बाले बालमृणालकोमलभुजे त्रैलोक्यासंमोहिनि १)
 प्राणत्राणकरौपथे प्रियनमे प्रेमानृतस्यन्दिनि २) ।
 ज्ञानीहि त्वमसंशयं किल जनः सोयं त्वयाङ्गीकृत-
 स्वत्प्रेमाभिधयाशत्रुद्वयो जीवेतिकमुत्सा^३चिना ॥ १०७ ॥
 इत्थं राजमणिः स मन्मथमते स्थित्वा प्रिययै मङ्गा-
 मत्तं स्मारमिवामृतं नवमिव श्लोकं तु लोकोत्तरम् ।
 संप्रेष्याथ तदास्त्युपापरचनाचित्ताब्धिजगत्तर-
 स्तस्यै मुद्दितलोचनात्पलयुगो योगीच चेष्टोक्तितः ॥ १०८ ॥
 एतस्मिन्समये त्रीमिव मङ्गाचित्ताब्धिसंसारिणीं
 सत्कात्तामिव चित्तकारिवचनश्रेणीविलामोऽञ्जलाम् ।
 कश्चिद्भ्रातृवराय सूर्यनगरादागत्य सत्पत्रिकां
 चित्ताग्रात्तिजुषे मुदा किल ददावाचार्यनामाङ्किताम् ॥ १०९ ॥
 स्वाचार्यं [म]^४ किलार्यवर्यचरितं चाकार्यं तस्मै नृपः
 पत्रं मित्रमिव प्रकामकृतकृद्दत्त्वा विभो वाध्यताम् ।
 इत्युक्त्वा विरराम तद्गुरुवरः पापौ गृहीत्वा स्फुटं
 कृत्वा वाचयति स्म कृपनिचयप्रोक्षासिक्ताम्बुजः ॥ ११० ॥
 स्वस्ति श्रीमद्रमणकमलाकात्तपादार्चिन्द-
 स्वादानन्दधमणार्चितस्वात्तपुष्पधयेषु ५) ।

1) Ms. °संमोहिनी. 2) Ms. °स्यन्दिनी. 3) Ms. त्यां. 4) Fehlt im Ms. 5) Ms. °रहितं°.

प्राप्तिनास्तिप्रमुखमुगुणापूर्णमद्वैतकेषु
 श्रोतस्मार्तागम्भवसदाचारसंचारकेषु ॥ १११ ॥
 स्फूर्जद्विद्याविभवविज्ञिताशेषविन्मण्डलेषु
 स्वैरोन्मीलितमुललितमहभाग्यभूमीरुहेषु ।
 नानाविद्यामृतनिधिपरीरम्भसंभूतकृष-
 स्फारोद्वेहद्विपुलधिपणास्वर्धुनोबन्धुरेषु ॥ ११२ ॥
 निर्यत्पत्रामृतकर(कर)स्पर्शचर्द्धिष्णुवार्धि- १)
 प्रौढप्रोच्यन्नहरिनिकरप्रोच्यन्नद्वागकरेषु २) ।
 शास्त्रादित्योदयविदलितप्राज्ञराज्ञीचरज्ञो-
 लीलोन्मीलद्वचनरचनावाससंवासितेषु ॥ ११३ ॥
 हीरतीरप्रशमरशरच्चन्द्रकुन्दावदात- ३)
 ब्रह्माण्डात्तर्बहुलविलसत्कीर्तिचन्द्रोदयेषु ।
 सर्वोपायस्वजनसुकृतासक्तकृतपङ्कजेषु
 तीराम्भोधिप्रधिवसुमतीमण्डलीमण्डनेषु ॥ ११४ ॥
 सुत्रामेन्दुप्रमुखविबुधश्रेणिकोटीरकोटि-
 रत्नज्योतिःस्फुरणविलसत्कात्तपादाम्बुजेषु ।
 विश्वोद्भूतिस्थितिलयकरश्रीनिवासावतारि-
 घञ्चयोगप्रभवपरमैश्वर्यविधाज्ञितेषु ॥ ११५ ॥
 माह्विष्मत्याभिधपुरवराध्यासिताध्यासनपु
 स्फूर्जद्वेष्टेपागणितरसनागणनानागुणेषु
 श्रीमद्वताभिधगुरुवरेषु विज्ञप्तिपुक्ती
 नानामूक्तोच्चति नतियुतस्तापिकाकात्तलेखः ॥ ११६ ॥
 किं चास्माकं भवद्विरतध्यानधारासुधाना-
 मापानेनागलबिलमलं चित्तभृङ्गारकेण ।
 दिव्यं भव्यं भवति बह्वलानन्दसंदोहभाजां
 यौष्माकीणं तदिह सततं संततं चिन्तयामः ॥ ११७ ॥
 विज्ञाप्यं च प्रतिपदपतत्रेमपीषवृष्ट्या
 चेतोष्योत्स्रारसिकविहगाह्लादसंपादकेन ।

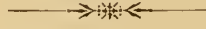
1) Ms. निर्यत्पत्रामृतकरस्पर्श°. 2) Ms. °लहरनिकर°. 3) Ms. हीरतीरप्रशमर°.

युष्मद्रूपोर्धिसमुदयल्लेखपीपूषधाम्ना-
 ज्ञस्र्द्यस्मन्नयनकुमुदद्वन्द्वमानन्दनीयम् ॥ ११८ ॥
 एतच्चेयं चपलनयना चम्पकश्रेणिर्मया
 चम्पेत्याख्या मम हि दुःखिता राजराजाय दत्ता ।
 तन्मे पूयं विशदधिषणाधारिणो १) विज्ञवर्षा
 मान्या लोकैर्विपुलकरूपासिन्धवोङ्गीकुरुधम् ॥ ११९ ॥
 अन्यच्चेदं पिकवरकलोतालवाणीविलासे
 मासे राधे हिमकरकलापूर्तिदत्ते सुपत्ने २) ।
 वैवाच्यर्त्ते नरपतिमणेश्चन्द्रतारानुकूल्ये
 ह्यागतव्यं विबुधमणिभिस्तं गृह्णीत्वा सुसैन्यम् ॥ १२० ॥
 किं संलेख्यं बद्धु किल मया सर्वलोकोपकारा-
 सक्तस्वात्तेष्वखिलविबुधश्रेणिसंमानितेषु ।
 युष्मास्वेतां मम हि महितां प्रार्थनां साधयित्वा
 सोयं दासः किल करुणया पूर्णकामो त्रिधेयः ॥ १२१ ॥
 राज्ञि श्रीमत्पखिलजगतीनाथनोराजिताङ्घ्रौ
 पत्रोमेवं विबुधमुकुटः संप्रकाश्यादिदेश ।
 प्रातर्यानिं मिहिरनगरं प्रत्यहो राजवर्ष
 प्रोद्घोष्यं ते निजपुरि तथा वाहिनोसंनिवेशे ॥ १२२ ॥
 श्त्युक्तो गुरुणा नरेन्द्रविजया संग्रानर्षोच्चयो-
 त्कर्षोत्फुल्लविलोचनो ह्यनुचरान्प्रोवाच वाचं कर्ता ।
 घदिशं ३) त्वरितं कुरुधमधुना सतिउपिमोद्घोषणैः ४)
 रार्याणां नगरात्तरेपि च महामेनानिवेशे मम ॥ १२३ ॥
 मारीणां मदभञ्जनः खलु रिपुः स श्रीकरीसंपुतः
 स्फूर्जद्वाणशरामनोचतुतरां मां दक्षिणस्यां दिशि ।
 यस्मिन्गर्जति संपतन्ति विसर्द्वाप्याकुलं प्रोहस-
 त्प्रोत्कम्पं चलदतिरावकरुणां गभीस्तु देवदुकाम् ॥ १२४ ॥
 बुधाः सोहं नारायणगुरुपदाम्भोरुद्धरते-
 र्विज्ञानीधं ज्ञातो जगति कमनीयः कवयिता ।

1) Ms. विषद०. 2) Ms. °पूर्तिदत्तपुपत्त. 3) Ms. घदिशं. 4) Ms. सतिउपिमोद्घोषणैः.

यदीयानापीयामृत्सकरिं श्रोत्रपुटै-
 गिरं गम्भोरार्था दधति विवुधाः कानपि मुदम् ॥ १२५ ॥
 श्रीनारायणमूरितो कूरिकविं देव्यत्रपूर्णा स्वयं
 यं चामूत सुधासमानवचनं सत्पादपद्माश्रयम् ।
 पूर्णोभूदनव्यपद्यरचनाचातर्पुविद्योतिते
 तत्काव्ये खलु क्लृप्तेन्द्रचरिते सर्गे द्वितीयाभिधः ॥ १२६ ॥

श्रीमत्सूर्यपुरस्वितश्रीनारायणमूरिमूनुकूरिकविचिरचिते विज्ञयाङ्के श्रीक्लृप्तेन्द्रचरिताव्ये महाकाव्ये
 [द्वितीयः सर्गः समाप्तः] ॥



ÜBERSETZUNG.

ERSTES KAPITEL.

1. Es möge der mitleidvolle Sohn des Giriça¹⁾ [den Göttinnen] des vollen Glückes²⁾ und der gewandten³⁾ Rede befehlen, mir ausserordentlichen⁴⁾ Erfolg und Einsicht zu gewähren; denn seine zwei Stirnbuckel⁵⁾ tragen [gleichsam] prächtige hohe Tempel dieser Göttinnen, weil sie [gleichsam] Kuppeln aus emporfliegenden Bienenschwärmen haben⁶⁾.

2) Es möge der Fusslotus des Viṣṇu⁶⁾ mich erfreuen; [er] blüht durch eine Menge von sonnengleichen Edelsteinen auf, welche auf den aufgangsbergartigen Diademen einer Reihe von Götterfürsten, die mit

1) I. e. Gaṇeṣa.

2) Dass श्रियं gleich im Anfange steht, ist bedeutungsvoll: चिरुद्धगणादिदोषनिवारणार्थं प्रथमं श्रीशब्दप्रयोगः कृतः ।

3) Comm. तूर्णां त्वरितां गिरं कविताङ्गणं वाचं च ।

4) Comm. निनां स्वीयामसाधारणामित्यर्थः ।

5) Gaṇeṣa hat die Gestalt eines Elephanten und die Götinnen (Ṛi und Sarasvatī) befinden sich in seiner Nähe: तयोः (i. e. श्रीसरस्वतयोः) स्वसमीपस्थत्वं प्रकाशयति । ययोरिति ।

6) Comm. उच्यदुद्धच्छती या भृङ्गालिर्पटुभयभृङ्गपङ्क्तिस्तया शिवरं शृङ्गमस्यामस्ति सा शिवरिणी । देवतागारं हि शृङ्गसङ्घितं भवतीति प्रसिद्धम् । अतः शृङ्गवत्त्वात्तदालयशोभाधारकमुक्तमिति भावः । Das Wort शिवरिणी ist zu gleicher Zeit eine Anspielung auf das Metrum des 1-ten Sarga: अस्मिन्प्रथमपद्ये शिवरिणीति तन्नामनिर्देशः सर्वसर्गवृत्तज्ञापनार्थं कृत इति ज्ञेयम् ।

7) Comm. bemerkt, dass der Dichter ein Visnuit ist und deshalb nach Gaṇeṣa sofort den Viṣṇu preist: अथ स्वोपास्यत्वेन पुरुषोत्तमत्वेन च पूर्वं श्रीमद्विष्णुचरणप्रार्थनाशीघ्रप मङ्गलाचरणमुपनिबध्नाति [Ms. °निबन्धाति].

Brahma an der Spitze [um Viṣṇu zu sehen] kommen¹⁾, hervorragend; [er] glänzt durch Staubfäden, die aus Viṣṇu's Nagelstrahlen bestehen, und sein Blumensaft ist das strömende Wasser der Gaṅgā²⁾.

3. Es möge Viṣṇu's Gattin³⁾ in meinem Herzen wohnen; sie hat ein Paar goldfarbige, bis an die Ohren lang gezogene, lotusähnliche Augen, ihr Antlitz ist dem aufgehenden Monde ähnlich, ihre Füße tragen mit schönen Edelsteinen geschmückte Fussringe, sie ist in ein Gewand gehüllt, welches wie ein Sapphir schimmert, einen klingenden Gürtel trägt sie auf den breiten Hüften.

4. Der Freund des Frühlings⁴⁾, der lotusäugige [Liebesgott], dessen mandelförmige Augen vor toller Freude⁵⁾ rollen, dessen Körper schwarz wie Fenchel ist, dessen Gewand wie der Blitz glänzt, der Gemahl der schlanken⁶⁾ [Rati], der seinen Bogen schüttelnd die Entstehung der Liebe⁷⁾ verursacht — der möge diese Welt beherrschen.

5. Möge der dreiäugige [Gott Īiva], der wie eine Wolke auf den Feuerbrand-Tripura⁸⁾ [wirkte], uns vom Tode⁹⁾ retten: gleichsam um das dreifache Elend¹⁰⁾ der Dreiwelt zu vernichten, trägt er auf der Masse seiner

1) Comm. समुच्चतः श्रीमद्भगवद्दर्शनार्थमाविर्भवत इत्यर्थः ।

2) Nach den Lehren der Visnuiten strömt die irdische Gangā aus dem Fusse Viṣṇu's hervor; da dieser Fuss hier mit einem Lotus verglichen wird, so wird das Wasser der Ganga mit dem Blütensaft des Lotus zusammen gestellt: beide sind nämlich weiss.

3) In diesem Verse wird Lakṣmī in der Form der महालक्ष्मी, welche die कुलेद्वता unseres Dichters war, beschrieben und gepriesen: अथ स्वकाव्ये शब्दार्थप्रज्ञारदिसंपत्समृद्धये भगवता वहिर्हृदयवासितायाः स्वकुलेद्वतायाः स्वसेव्यायाश्च श्रीमहालक्ष्म्याः स्वहृदयात्तर्निवासाशंसित्वं मङ्गलमाचरति ।

4) Comm. मधुसमयवन्धुः वसन्तवान्धवः काम इत्यर्थः ।

5) Comm. मर्दो विविधोन्मादस्तेन य आनन्दः ।

6) Comm. कृशाङ्गी तन्वङ्गी रतिरित्यर्थः ।

7) Comm. उदञ्चद्रसवरं समुद्रपक्कङ्गारं ।

8) Comm. त्रिपुरो लोकादिनगरत्रयाधिपोसुरविशेषस्तच्छत्रपो यो द्वो दावानलः । युगपद्नेकपोडकत्वादिति भावः । तस्य मेघः शापतः । मेघो हि वर्षन्दावानलं शमयति । तद्वदयमपि शर्वर्षणे त्रिपुरं नाशितवानिति मेघत्वोक्तिः ।

9) Comm. अयायाहिनाशान्मरणादित्यर्थः ।

10) Comm. त्रिविधं त्रिःप्रकारकम् । आधिभौतिकमाध्यात्मिकमाधिदैविकं चेत्यर्थः । संतापं दुःखं हर्तुमिवोत्प्रेता । त्रिगमन्निविधतापहरणाय त्रिनयनस्यैतच्चित्तपहरणास्योचितत्वादिति भावः ।

Haarflechten die Gaṅgā, auf seiner Stirne die liebliche¹⁾ Mondsichel und als Hälfte seines Körpers die Gaurī, welche mit einer Lotusknospe kokettiert.

6. [Arjuna], der tausend wundervolle Arme hat, der tausend Gestalten trägt, glänzend wie der tausendspeichige Discus [Viṣṇu's], der eine Incarnation²⁾ dieses Discus ist, wie die aufgehende Sonne strahlt, Anführer von Tausenden ist, in den tausend Zaubersprüchen des Śiva beschrieben wird³⁾ — möge er das tausendfache Elend von uns nehmen⁴⁾.

7. Es möge die mitleidvolle Göttin der Rede in eigener Person in meinem Munde Platz nehmen und ihr munteres Treiben, das mit Entzücken die Welt erfüllt, reichlich entfalten, denn meine Phantasie stellt sich jetzt fortwährend den Glanz ihres Körpers vor, welcher rein weiss erglänzt, wie eine Reihe von aufgehenden Herbst-Monden.

8. Preis dem Staube des Fusslotus [meines] ehrwürdigen Lehrers Nārāyaṇa⁵⁾: diese meine lieblichen Verse, deren lustige Töne vollkommen geeignet sind, dem Ohre Ambrosia zu spenden⁶⁾ und die [auch] Loblieder

1) Die Bezeichnungen कात्ता und कुमुदकलिकाविधमकरा will der Autor auf jedes der drei Attribute Śiva's bezogen haben: गङ्गादित्रयमेककलया विणिनष्टि. Auf die Gaṅgā angewendet würde die erste Bezeichnung bedeuten «diejenige, die am Kopfe (Śiva's) ihr Ende findet»: कं शीर्षमन्ते प्राप्ते यस्याः सा, die zweite — «welche [den Leuten] wie eine Lotusknospe [auf dem Kopf Śiva's] vorkommt»: weil die Gaṅgā weiss ist und Śiva's Kopf viel grösser ist. Bei der Mondsichel bedeutet die erste Bezeichnung — मनोहरा । अमृतमयत्वादिति भावः । die zweite — कुमुदकारकस्य विधमो विलासो त्रिकाश इति यावत् । तत्करौ । कुमुदवाधत्रत्वादिति भावः । Bei Gaurī bedeutet कात्ता नाया.

2) Comm. सहस्रारकारः सुदर्शनायनारः । श्रोमच्चक्रं देवेशाद्वतीर्णं महात्रलमित कवचोक्तिः

3) त्रिनयनस्य श्रोमहादेवस्य याः सहस्रसूक्तयः कल्पकवचपञ्चराद्योनेकलोकोरूपा वाच इत्यर्थस्ताभिर्गदितो निरूपितः ।

4) Durch diesen Vers will der Dichter den Inhalt seines Gedichtes andeuten: अथ वस्तुनिर्देशात्मकं मङ्गलमाचरन्सर्वजनज्ञानशानाशमाशस्ते ।

5) Der Comm. giebt an, dass Nārāyaṇa der Lehrer und Vater des Dichters war: अथ स्वपितुरूपदेष्टुश्च नमस्काररूपं मङ्गलमाचरति ।

6) I. e. angenehm zu hören waren, weil sie Complimente oder Loblieder enthielten: कर्णामृतं श्रवणमुखं स्तुतिः [Ms. श्रवणमुखं].

der besten unter den Dichtern enthalten¹⁾, werden gewiss auf lange Zeit erglänzen dank seiner Macht.

9. Der Verfasser eines grossen Gedichtes²⁾ und [Brahma], der Herr der ganzen Welt, verstehen³⁾ [beide], einer Versammlung Glanz zu verleihen (resp. die Lakṣmī zu erschaffen⁴⁾, den unbegreiflichen, höchsten Geist zu erkennen, eine Reihe von Hymnen⁵⁾ (resp. den Veda), welche die Sünden der Welt reinigen, zu recitieren, Geld⁶⁾ (resp. die Lakṣmī) zu erreichen und in den Ocean des Geistes der Weisen⁷⁾ (resp. in den Milchoccean, welcher tief ist wie der Geist der Weisen) einzutauchen.

10. Heil der Poesie des [Dichters] Çaṁkara⁸⁾, welche wie der Glanz des Herbstmondes [klar] ist, sehr süß und edel, [weil] sie mit schönen Aussprüchen umspannt ist, welche ein hartes Herz erweichen kann, natürlich ist die ganze Welt erfreut, und ihre Kraft von der Milch der Mahāmāyā⁹⁾ hat.

11. Wo fürwahr in dieser ganzen [Welt] kann ein Weiser, der am Nectar der reinen Tugend seine Freude hat, ohne einen, der ihn versteht die Fluth seiner Vorzüge ausbreiten? — wo im grenzenlosen Ocean kann

1) Unser Dichter hat wahrscheinlich in jedem Kapitel seines Gedichtes, wie in I, 10 und II, 4, einen Vers zum Preise eines berühmten Dichters verfasst.

2) Comm. कवित्वानामिति वक्रुवचनप्रयोगान्महाकाव्यस्वेत्यर्थः ।

3) Brahma ist der Herr der vierzehn Welten und der Dichter kennt die vierzehn Wissenschaften: ब्रह्माण्डे चतुर्दशभुवनानामिव महाकाव्यबन्धे चतुर्दशविद्यानां [Ms. विद्यानां] संचारः संभवतीति चोत्पत्ते ।

4) Comm. पत्ने । सभायाः शोभां लक्ष्मीं दातुमुत्पादयितुम् ।

5) Comm. सूक्तिर्वेदलता । काव्यलतणा च वाष्पी । वदेस्य स्वतः परमपवित्रत्वात्काव्यस्य तदर्थशालिवाङ्गदधकृत्वमिति भावः ।

6) Comm. श्रियं । महालक्ष्मीं । धनसंपदं च ।

7) Comm. पण्डितसमूहचित्तसमुद्गीपम्बेन विबुधचित्तानां गभीरत्वं चोत्पत्ते । पत्ने तच्चित्तवदति-गभीरतीरसागरे । मध्यत्रल्लवनबन्धकरणादि[ति] भावः ।

8) Comm. एवं साधारणनिर्देशेन सर्वकवीन्प्रशस्य विशिष्टनिर्देशेन कविशेषं प्रशंसति ।

9) Comm. महामाया भवानी । तदुक्तं सप्तशत्यां । तं वैष्णवी शक्तिरित्यादि । तदुक्तमाचार्यैः स्वयं । तव स्तन्यं मत्पे इति ।

eine Wolke, auch mit dem süssesten Wasser gefüllt, ausser wenn sie eine Muschel sieht, ihre Schauer entsenden ¹⁾?

12. Einige Leute von feinem Verstande trinken mit ihren Ohrenbechern die Wogen der Hymnen der Dichter, welche wie Nectarströme [rein] sind, mit grösster Wonne aus, bis ihre Kehle voll wird; den Rest, für den kein Platz ²⁾ mehr ist und der nicht zu halten ³⁾ ist, streuen sie freiwillig in der Form ⁴⁾ eines Thränenstromes aus ⁵⁾.

13. Diejenigen, deren reiner Ruhmkörper, von Nectarströmen der Poesie benetzt, bis zum Ende des Kalpa ohne Krankheit und Alter fortexistiert, sind glorreich und haben viel Glück; von allen übrigen sagt man, sie seien zwar am Leben, aber auf immer mit dem Tode verbunden ⁶⁾.

14. Nicht durch kleine Lieder wird einer im Erdkreise gross und berühmt, er wird es bis zum Ende des Kalpa nur durch gefällige Worte [echter] Dichter ⁷⁾; darum müssen die Leute, die in dieser Welt guten Ruhm sammeln wollen, trachten, Mittel zu haben, die meisterhaften Verfasser vieler Kunstgedichte ⁸⁾ zufrieden zustellen.

15. Diejenigen grossen Dichter, welche aus irgend einem Stoff ⁹⁾ durch das Gold ihrer Worte und durch die Perlen ihres tadellosen Talentes einen

1) In der orientalischen Poesie überhaupt ist die Vorstellung verbreitet, dass wenn ein Regen in das Meer fällt, die Tropfen in Muscheln hineinkommen und zu Perlen werden. Hier wird mit der Wolke ein Weiser verglichen und mit der Muschel, einer, der ihn versteht: *मत्र प्रस्तुतस्याभिन्नप्रशंसनद्वयस्वार्थस्य समर्थनायाप्रस्तुतस्य शुक्तिप्रशंसनद्वयस्वार्थस्य साम्यत्रोधनं । दृष्टा-
तालङ्कारः ।*

2) Comm. न माति नावतिष्ठते । इतमात्मनवतिष्ठत्तमवस्थानावकाशाभावादिति भावः ।

3) Comm. स्वच्छन्दमुद्धृतं धारयितुमशक्यमित्यर्थः ।

4) Comm. स्वन्दः प्रसन्नवर्णां तस्य पदतः मियतः ।

5) In diesem Verse wird wiederum der Kenner der Poesie gepriesen: er hat viel Poesie studiert, und weiss auch anderen aus seiner reichen Erfahrung zu erzählen: *पुनरप्यभिन्नं प्रशंसति ।*

6) In diesem Verse bemerkt der Comm. *कविवरवर्णिताब्जार्धस्तद्नादतामिन्दति ।*

7) In diesem Verse wird der Lob eines Kenners der Poesie beendet: *तदेव समर्थयति ।
न गीतिरिति ।*

8) Comm. काव्यश्रेणिकर्णचतुराः न तु कतिपयकवित्करणप्रवीणा इत्यर्थः ।

9) Comm. कस्यापि । स्वावर्तज्ञमज्ञगन्मध्ये स्वस्य वर्णनीयत्वेनोद्दिष्टस्य पदार्थस्मित्यर्थः ।

Palast, i. e. ein Gedicht, geschaffen haben, nur um sich darin an einer Geliebten, i. e. ihrem Ruhme, täglich zu ergötzen¹⁾, — die werden fürwahr von kundigen Leuten nicht Dichter, sondern vielmehr Affen genannt²⁾.

16. O, ihr Guten! verzeiht mir das grosse Wagnis, dass ich jetzt, um allen den unermesslichen Ruhm grosser Dichter, wenn auch nur für ein Moment, zu erlangen, ein Gedicht, das [nur] meiner Begabung entsprechend ist, verfasse: gehen doch auch die Vögel den Weg zum Himmel, nur je nach ihrem Fluge.

17. Wenn ich aber in meinem Kunstgedichte entweder aus Unwissenheit, oder aus Übereilung Fehler mache, möget ihr, vornehme, tadellose Leute, die ihr jeden Fleck zu beseitigen versteht, alle Fehler corrigieren, denn die Finsternis schwindet auf dieser Welt nicht von selbst, sondern nur durch die Sonne.

18. Unter guten Leuten ist nämlich immer stark verbreitet eine angeborene Tugend: ein Hang, einem anderen auf jeden Fall immer zu helfen³⁾; darum, wenn in der Welt eine Menge von hohen Talenten bei anderen sich zeigt, so wächst bei diesen⁴⁾, o Wunder! unaufhörlich der Reichthum der Freundschaft.

19.⁵⁾.

20. O, ihr Schlechten⁶⁾! Ich werde nicht mit Hochmut irgend etwas zu euch sagen⁷⁾, denn ihr seit mächtig [genug], um einen hohen Berg

1) Comm. रत्ने विकर्तुम् ।.

2) Hier giebt der Dichter die Ursache an, warum er ein Kunstgedicht zu schreiben sich anmasst: श्रीमत्कालिदासादिमहाकविनिर्मितवृद्धविधमहाकाव्यसत्रेषु किमिति त्वया महाकाव्या रम्भः क्रियत इत्याकाङ्क्षायां स्वस्य महाकाव्यनिर्माणकरणमाह... विज्ञविज्ञायमानस्वकपितनिरासार्थं मया महाकाव्यमारभ्यते । इति स्वस्य महाकाव्यकरणप्रवृत्तिप्रयोजनमुक्तम् ।.

3) Zu diesem Vers bemerkt der Comm.: तत्कृतमस्माभिः किमर्थं शोधयमित्याकाङ्क्षायां कारणमाह ।.

4) Nämlich bei guten Leuten, denn bei schlechten würde bloss Neid entstehen; aber gute Leute erwerben dadurch, dass sie jungen Talenten Hilfe leisten, ihre Freundschaft. Dieser Sinn ergibt sich bei der von Prof. Bühler vorgeschlagenen Correctur घनर्थं statt घर्ह्यं, welche letztere Lesart keinen Sinn giebt.

5) Da nur die Hälfte des Verses erhalten ist, so ist eine Uebersetzung nicht möglich.

6) Hier werden die bösen Kritiker ironisch angesprochen: साधून्संप्राथ्यं सर्वापिकारिण खलान्वक्रोतया प्रार्थयते । खला इति ।.

7) Comm. वदे कथनप्रयत्नं करोमीत्यर्थः ।.

fremder Tugend in ein Atom zu verwandeln und aus einem kleinen Fehler einen Sumeru [zu machen]: der Stolz einem [so] mächtigen gegenüber, verursacht Gelächter bei allen Leuten.

21. Denn die Neigung, einen anderen zu schädigen, fortwährend mit Tücke von anderen zu sprechen, auf die Mängel anderer zu schauen, still zu sein, wenn von den Vorzügen anderer gesprochen wird, die Ueberlegenheit eines anderen nicht ertragen zu können, fortwährend einen anderen zu tadeln — das sind die Characterzüge böser Menschen: ein solcher, wer er auch sein mag, wird immer die Oberhand behalten¹⁾.

22. Die Stadt Nandidvāra²⁾ glänzt auf dem Erdkreise — die Essenz alles Guten in der Dreiwelt, der Sitz von Genüssen³⁾; denn in ihr entstehen für alle zufriedenen Leute Freuden, welche fürwahr Götter⁴⁾ berücken können⁵⁾.

23. Der Gott [Śiva] selbst, der Gemahl der Gaurī, der Schöpfer der Menschheit weilt hier sichtbarlich, um die menschliche Qual zu stillen; ein vielfaches Glück finden die Menschen beim Ansehen seiner dichten Haarflechten, deshalb trägt er in der Dreiwelt den Namen «Jatācamkara⁶⁾».

24. Hier wohnte der schönste Mann der Dreiwelt, Śiva genannt, ein Herr von Ländern⁷⁾, mit vielen wundervollen Eigenschaften begabt: wenn

1) Comm. कोप्यनिर्वचनीयो जपति विराजते अत्र च साधून्भिभवति [Ms. साधुः].

2) In dieser Stadt wohnte der König Śambhu, der Gönner unseres Dichters: अत्र स्वसंभावनाक्रमेतत्काव्यकरणहेतुभूतं शंभुनामकं राजविशेषं द्वाघंस्तन्नगरादिकं वर्णयति । Der Name der Stadt kommt von Nandin dem Stiere Śiva's; noch zur Zeit unseres Dichters soll eine Statue des Nandin bei dem Thore des Tempels Jatācamkara gestanden haben: अद्यापि जटाशंकरद्वारे पाषाणद्वयप्रतिकृतिः स महानन्दो दृश्यते ।

3) Comm. आधारं । आश्रयः । लोकाश्रयत्वान्निङ्गस्वेति भाष्योक्तिराधारशब्दस्य वाच्यत्विङ्गत्वं ज्ञेयम् ।

4) Comm. सुमनसां देवानाम् । अत्र च सुमनसा शोभनचेतसां सारासारविवेकिवादिति भावः ।

5) Im ersten Pāda des zweiten Halbverses fehlen zwei kurze Sylben, man könnte sie vielleicht so ergänzen: यद्स्मिन्नायत्तेनिशमकलसंतुष्टमनसां. Dass unser Dichter solche Composit gebraucht zeigt अनिशमृतिसंतुक्ताः im Vers 13.

6) Comm. यस्य जटाजूटालोकाङ्गतां लोकानां शं मुखं भवति तस्मद्दिनोर्जटाशंकर इति व्यातिमभिधां त्रिधदिति शिवविशेषणम् ।

7) Hier wird der Vater des Königs Śambhu erwähnt: तत्पितरं वर्णयति. Der Titel देशानामाधपतिः, der ihm hier gegeben wird, bezeugt, dass er in keinem Falle ein unabhängiger Fürst und wahrscheinlich nur ein sogenannter Desāi war.

die Frauen ihn sahen, [konnten sie] ihre grossen offenen Augen nicht mehr schliessen¹⁾, und sahen [desshalb] wie Statuen²⁾ an den Manern aus.

25. Mein Mund, in welchen durch die Ohrenöffnungen [gleichsam] ein aus seinen Tugenden bestehender Nectarstrom hineingeflossen ist, giebt diese liebliche Reihe von Worten³⁾ von sich: der König Çiva, der tapfere, tiefe, von grossem Verstande, ausserordentlich schöne, freigiebige — er, und kein anderer, möge in dieser Welt siegen.

26 — 27. Darauf wurde vom König Çiva der König Çambhu geboren, schön, mit Augen, welche, wie eine blaue Lilie in der Frühe, weit geöffnet waren, mit einem Gesicht, das den aufgehenden Vollmond [an Schönheit] übertraf, sein ausserordentlicher Glanz, von Millionen von Augen der Menschen in der Dreiwelt aufgefangen, glich einem hochwogendem Meere der Liebe von schimmerndem Glanz; [er wurde von Çambhu geboren], wie das Licht von einer Leuchte, wie vom himmlischen Juwel [der Sonne] die grosse Masse des Lichtes, wie von einem Lotus eine Fülle von reichem Duft, wie der Mond aus dem Milchocean, wie der Parijāta-baum⁴⁾ aus dem Nandanawalde.

28. Einige vergleichen seinen reinen Ruhm mit einem weissen Lotusbeete, andere mit einem blühenden Jasmin⁵⁾, wieder andere mit dem Götterstromen; ich [aber] sage: von ihm, dem Herrn sämtlicher schönen Kalā's⁶⁾ kommt dieses Mondlicht, welches die guten Menschen, [also ob] sie Nachtlotuse wahren, erfreut.

1) Comm. उद्गीर्णनिमियाः गतनिमियाः.

2) Comm. समुत्कीर्णा लिखिताः ।

3) Comm. वाकामर्णा वचनधारा [Ms. ०धारं].

4) Comm. कृशितरूः परिजातः । इन्द्रवल्लभत्वात् । श्रीकृष्णानीतत्वोदिति भावः ।

5) Comm. महत्याः कुमुदं महती । महतीप्रचुरा वल्ली महतीवल्ली । धवलस्वकुमुदसंवृता मालतीत्यर्थः ।

6) Die Kalā's bedenten, in Bezug auf den Mond, dessen 16 Theile, in Bezug auf den Fürsten die 64 Künste, die er bemeistert hat: मुक्लानां चतुःषष्टिकलानामधिपतेः स्वामिनः । अथ च मुक्लानां षोडश (Ms. शोडश) कलानामधिपतेश्चन्द्रस्येत्यर्थः । इदं शब्दच्छ्लेन कीर्तियोग्येत्साम्भावप्रतिपादनसमर्थकम् । Das tertium comparationis zwischen Çambhu's Ruhm und den 4 Gegenständen, mit denen er verglichen wird, ist die weisse Farbe, denn sowohl das Wasser der Gangā, wie die Strahlen des Mondes sind weiss.

29. Weiter halte ich das Feuer seiner Tapferkeit für das unterseeische Feuer, das aus dem Meere seiner vielen Tugenden herausgekommen ist¹⁾; es breitet sich sehr stark aus, wenn es von einem Regenschauer, der von einer Masse wolken gleicher [schwarzer], offener, furchtsamer²⁾ Augen der Frauen der Krieger seiner vielen Gegner niederfällt, [gleichsam begossen wird].

30. Auf seinen Befehl³⁾, um alle meine Sünden zu tilgen und einen Gewinn durch meine überaus liebliche Poesie zu erzielen, werde ich das schöne Leben [Arjuna's⁴⁾] des Königs der Könige, der ein Theil der Sonne war, und Rāvaṇa, den Besieger aller Götter, besiegt hat⁵⁾, ein wenig besingen.

31. Preis dem Flusse Revā, dem eine Reihe von Göttern dient, der über allen Flüssen der Dreiwelt erhaben ist; denn durch die Macht der Berührung mit einem Tropfen seines reinsten Wassers kann ein Stein⁶⁾, als ob er Cīva [selbst] wäre, den Lohn für Busse geben⁷⁾.

1) Comm. समुदितं सागराद्दहिर्निर्गतम् ।

2) Comm. समुन्मीलति विकसति त्रिलोलति भयेन सर्वतः प्रचलति पानि नयनानि तान्येव जलदात्यो मेघश्रेण्यः । नीलोत्पलश्यामत्वादिति भावः ।

3) Comm. अस्वाज्ञां । दैक्येन्द्रचरिताख्यं महाकाव्यं कुर्वित्यनुज्ञां ।

4) Der Comm. citiert dazu aus dem स्तवराज —

योगीराजकार्तवीर्यो राजराज्ञोर्जुनस्तथा ।

दैक्येन्द्रश्चक्रवर्तो दत्तात्रेयप्रियस्तथा । १ ।

सकृत्वाङ्गुलङ्केशदर्पघ्नो नर्मदाप्रभुः ।

सप्तद्वीपपतिः प्रोक्तस्तथा महिष्मतीपतिः । २ ।

5) Durch diese Worte will der Autor angedeutet haben, dass in seinem Gedichte der Sieg Arjuna's über Rāvaṇa beschrieben werden wird; अनेनात्र तच्चरितलङ्केशदानं तस्य वर्णनातिशयं च सूचयति [Ms. तच्चरितलशा^०].

6) Comm. पाषाणोपि शिवरूपो भवति । शिवरूपत्वं कथं ज्ञातमित्याह । तपस्येति । तपस्या तपस्तस्य फलदता । प्रतिष्ठां विनापि यत्पाषाणपूजनेभोष्टफललापाच्छिवरूपत्वं ज्ञापते । इति भावः ।

7) Steine in der Narmadā waren Gegenstand der Verehrung; dazu citiert der Comm. aus dem Vāyupūrāṇa; तदुक्तं वायव्ये रेखाखण्डे व्यासतीर्थमाहृत्ये । यथा ।

सरस्वती तथा गङ्गां नर्मदा तपनोद्भवा । (Ms. तपनोभवा).

तापो पापीयसा शुद्धिमावहृत्यपि च स्मृता । १ ।

तत्रापि परमा शक्तिर्नमदायां नरेश्वर ।

यञ्जलस्रुतपाषाणः पूजितो वाङ्कृतार्थदः । २ ।

प्रस्फूर्जति मरुः शैवं शिलायां यञ्जलाश्रयादिति ।

32. Dort [an den Ufern der Narmadā] liegt eine Stadt, Māhiṣmatī genannt, welche die Stadt Indra's [Amarāvati] an Schönheit übertrifft, die grösste und an Vorzügen reichste Stadt in der Dreiwelt: dieser gemeinschaftliche Wohnsitz aller Freuden wurde nämlich von Brahma geschaffen, um eine vierte¹⁾ [neue] Art seiner Geschicklichkeit in der Dreiwelt berühmt zu machen.

33. Die Paläste dieser [Stadt] gleichen einer Masse von Gipfeln des Berges Kailāsa²⁾, weil sie von Kampfer³⁾ [resp. von weissen Wolken] weiss sind und ihre Kuppeln [resp. Spitzen] den Himmel⁴⁾ berühren, als ob es ihre Absicht wäre, mit Gewalt den Mond geringer erscheinen zu lassen; [sie sind] mit Fenstern versehen, welche reizend durch [daran stehende] Frauen⁵⁾ sind; im Glanz wetteifern sie mit den Palästen der Götterstadt [Amarāvati].

34. In jeder Strasse dieser Stadt erscheinen immer mondantlitzige [schöne Frauen], anmuthig durch die mit Juwelen versehenen, klingenden Fussspangen, welche an ihren Lotusfüssen erglänzen; [sie sind schlank und goldfarbig], wie die goldenen Streifen des Blitzes, ihre Augenpaare sind lang, wie die Blätter einer Lotosblume, sie machen einen glauben, [es schein hier] das Herbstmondlicht⁶⁾.

35. Und hier entspross dem König Kṛtavīrya⁷⁾ — einem Besitzer von grossem Heldenmuth — ein Sohn, der als «Arjuna, Herr der Erde» in der Welt berühmt wurde; [er war] ein grosser Büsser, schön mit seinen tausend hervorragenden starken Armen, eine Fülle von grossem Muth; sein schöner Ruhm durchdraug alle Welten.

1) Brahma schuf in jeder der drei Welten ihre Freuden, da aber in Mahismati alle Freuden zusammen waren, so hat er dadurch eine neue, vierte Art seiner Kunst bekundet; तुरीये चतुर्थे । ब्रह्मणः पृथक् सुखनिर्माणचातुर्याणि त्रिभुवने न्यस्तानि । एतस्याः सर्वसुखाश्च यत्वात्तिसुखनिर्माणचातुर्यं तुरीयमित्यर्थः ।

2) Comm. शिवगिरिः कैलासः ।

3) Comm. सितान्धं शुभमेवः । अथ मेघो वारिवाह इत्यमरः । यद्वा । सितान्धं कर्पूरम् ।

4) Comm. अथं व्योम लेढि स्पृशतीत्यर्थः । अथंलिङ्गा । आकाशस्पर्शिनो अतिदीर्घेत्यर्थः शिखा शिखरमथं येषां ते ।

5) Comm. तनुभिस्तन्वङ्गोभिः ।

6) Comm. ध्रममिति । ध्रमं धान्ति संविधाणाः पोषयन्त्यः कुर्वन्त्य इत्यर्थः ।

7) In diesem Verse fängt die Beschreibung der Hauptperson unseres Gedichtes an: अथ काव्यनायके भगवन्ते सहस्रवाक्कुं वर्णयितुमुपक्रमते ।

36. Çiva¹⁾ selbst sagt, dass dieser edle Herrscher eine mit tausend mächtigen, wie Thorriegel²⁾ starken Armen umgebene Incarnation von Viṣṇu's Discus ist, welcher mit einer Pracht erscheint³⁾, die leicht den Glanz von Tausend Sonnen verdunkelt und ein Gegenstand der Verehrung für die ganze Welt ist.

37. Auf dieser Welt preist Çiva selbst, der keinen anderen König beachtet⁴⁾, nur diesen Sohn des Kṛtavīrya, als den besten unter allen, den einzigen König der Könige⁵⁾ in der Welt, als die Stätte des Glücks der Erde, welche aus sieben Inseln besteht, als denjenigen, durch dessen Andenken jedes Unglück sofort schwindet, just wie im Tantra⁶⁾ [beim Andenken an Çiva jedes Unglück sofort schwindet].

38. Der Einsiedler Datta, ein grosser Jogin, eine Incarnation Viṣṇu's, von den besten unter den Einsiedlern gepriesen und mit wundervollen, hohen Tugenden versehen, war sein Lehrer in dieser Welt; [Arjuna] machte den Menschen Freude⁷⁾, weil er, dank einer Fülle von trefflichen, unschätzbaren Eigenschaften, welche wie ein Nectarstrom glänzten, [Datta's] Herz gewann.

39. O, dieser König war eine Fundgrube von grenzenloser, wundervoller Macht, denn er züchtigte⁸⁾ sogar die im Geheimen vollbrachten schlechten Thaten aller [lebender] Wesen⁹⁾ der Dreiwelt; er hatte eine unbegrenzte

1) Comm. शंभुर्महेश्वरोपि स्वयं निगदति । तदुक्तं कवचे । श्रीमन्नक्रं ह्यैरंशाद्वतोर्णं महाबलमिति ।

2) Comm. परिघोगलः ।

3) Comm. घ्रास्ते व्रगति व्रागन्नकं वर्तते ।

4) Comm. इह व्रगति स्वयं ह्यरोपि परमन्यं ह्येशं पृथ्वीपतिं त्यक्तानादृत्य ।

5) Comm. प्रभुवरं राजराजं परं केवलां यदा । परं परमेश्वरं । श्रीनारायणावतारत्वात् । तदुक्तं कवचे ।

कृतवीर्यसुतो राजा सहस्रभुवनमण्डितः ।

अवतारो ह्यैः सान्नात्पालयेत्सकलं ममेति ।

6) Comm. उद्दामराष्ट्रे तन्मत्तादिप्रतिपादके शिवप्रणीते घ्रागमे इत्यर्थः ।

7) Comm. व्रगतां रञ्जनं प्रीणनं तनुते स्म ।

8) Comm. विनेता निराकर्ता ।

9) Comm. त्रिन्नगतां त्रिभुवनस्यप्राणिनामित्यर्थः । संहितानामेककालावच्छेदेन ज्ञातानामित्यर्थः ।

Anzahl von Formen und sogar in [jeder] seiner tausend Hände hielt er Pfeil und Bogen¹⁾).

40. Wer diesen König, der der Sonne ähnlich²⁾ ist, weil er Tausend Arme, einen grossen Körper, und ein rothes³⁾ Kleid hat, in dieser Welt verehrt, der tilgt bei sich, die, wenn auch noch so oft begangenen, acht Sünden⁴⁾, wie Diebstahl u. s. w., und erlangt sofort acht andere Eigenschaften⁵⁾, wie Feinheit u. s. w.

41. Er war ein Meister des Joga, ein Donnergott⁶⁾, der auf seine acht glänzenden, guten Eigenschaften — Feinheit und andere — stolz war, und ein Selbstherrscher der ganzen Welt; weiter, o Wunder! war er der Ort, wo, [wie in der Sonne] alle berühmten Juwelen der Welt sich fanden, und in einer grossen Schlacht war er der heftigste unter allen mit seinen hervorragenden tausend Armen.

42. Dieser Oberkönig vieler Continente war auch ein Darbringer von Opfern, von denen jedes eine Reihe von goldenen Opferpfosten erfor-

1) Dazu citiert der Comm. aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

सप्तदशोपेषु स विभुः खड्गो चर्मो शरासनी ।
रथी सर्वानुनचर(?)योगी संदृश्यते नृभिरिति ।

2) Comm. प्रख्यं सदृशम् ।

3) Comm. त्रयायाः कुमुदं त्रया । तद्व चस्त्रं । रक्तवस्त्रमित्यर्थस्तेनावीतं वेष्टितं । रक्तवासा धनुर्धर इत्युक्तत्वात् ।

4) Comm. चोरं चोरशब्दः प्रभृतिर्मुख्यं आदावित्यर्थः यस्य तच्चोरप्रभृतिकं पदष्टकमष्टसंख्याकं । चोरमार्षरिसुरारिपदाद्य दुष्टदुःखदुरितामयपूर्वा इति कल्पोक्तं पदार्थपटलमित्यर्थः (?) ।

5) Comm. अणिमामन्दिमा चैव लघिमागरिमा त धा । इशत्वं च वशित्वं च प्राकाम्य प्राप्तिरेव च ॥ इत्युक्तमणिमाद्यष्टकमष्टमकृत्सिद्धिपटल]मुच्यति प्रकाशते इत्यर्थः ।

6) Comm. citiert aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

स एव वृष्ट्या पर्जन्यो योगित्वाद्भुनोभवत् ।
अणिमाम्बृष्टिसिद्धोः सर्वरत्नाश्रयो विभुः ॥ १ ॥
स वै वाकुसहस्रेण व्याघातकठिनेन च ।
भाति रश्मिसहस्रेण शार्दनेनैव भास्करः ॥ २ ॥
तस्य वाकुसहस्रं वै युध्यतः किल
रथश्च यो ध्वजयुक् प्राडुर्भवति माययेति ॥ ३ ॥

derte, [jedes] durch alle dazu nöthige, goldene Gerätschaften die Erde beleuchtete, [jedes] an ausgezeichneten Opfergaben, welche über die Herzenswünsche hinausgingen, reich war¹⁾.

43. Er, der lotusäugige, hat mit ausserordentlicher Kraft²⁾ durch die Menge seiner Arme sogar die hohe Fluth des Meeres in der Regenzeit gehemmt, und die mit einer Menge von wogenden Wellen hoch angeschwollener Revā³⁾, zog sich lautlos und furchtsam vor ihm zurück.

44. Den mächtigen König von Laṅkā, dessen Füsse durch die Diademe der Götter, nämlich Indra und anderer, verehrt wurden, [weil er] bei verschiedenen Gelegenheiten sie alle besiegt hatte, hat [Arjuna], der ihm an Kraft überlegen war, mit seinem starken Arme, während er sich, wie ein Affe, im Wasser der Revā ergötzte, ohne weiteres gefangen genommen⁴⁾.

45. Seine Füsse wurden hier verehrt von allen Herrschern der Contiente, welche mit einer Menge ausgezeichneter Edelsteine, die aus ihren Diademen hervorragten, sich hin und her bewegend, eine Masse von Licht ausstrahlten, und sehr schön waren; darum wurde er berühmt in der Welt als ein König der Könige.

46. Die Masse seiner Tugenden war rein; sein Ruhm, wie das schimmernde Mondlicht, glänzend; seine Seele schön wie die Wogen der Gaṅgā; seine grosse Gelehrsamkeit anmuthig, wie die grossen Wellen des Milch-

1) Comm. citiert aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

तेन सप्तमु द्वीपेषु सप्तयज्ञानानि च ।
कृतानि विधिना राज्ञा श्रूयन्ते व्रतमेव च ॥
तत्र यज्ञा महावाहो तद्वृक्षगतदत्तिणः ।
तत्र काञ्चनयूषाश्च सर्वे काञ्चनवेद्य ॥ इति ।

2) Comm. प्रौढतरसा महाबलेन ।

3) Comm. citiert aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

लुलिता क्रीडिता तेन हेमम्रगदामगलिना ।
उर्मिभृकुटिसंभेदा शङ्कितभ्येति नर्मदा ॥

4) Comm. citiert aus dem Rāmāyana: तदुक्तं रामायणे ।

महेन्द्रव्रतसंज्ञदर्पं सर्पमिवोद्धरम् ।
रेवाविलासे लङ्केशं भुजेन तस्माग्रहीत् ॥
वद्धा रशनया तं वै कारागारे समन्तिपदिति ।

oceans: desswegen wurde er in der ganzen Welt «Arjuna» (der Weisse) genannt¹⁾.

47. Die Erinnerung an [seinen Namen] ist erhaben [und] für die Tilgung der Sünden der drei Welten wirksam; wie der Strom der Götter, stillt sie jeden Schmerz; die Irrthümer im Kreislauf des Lebens beseitigend, nur darauf bedacht, Wünsche in Erfüllung zu bringen²⁾, sogar von allen Königen beherzigt³⁾, wacht sie, als Siegerin, in der Welt⁴⁾.

48. O, Wunder der göttliche Seher [Nārada⁵⁾] singt noch jetzt sehr häufig in den Versammlungen aller [Götter] der Welt, immer mit einem [freudigen] Sträuben der Härchen, mit Freude-Thränen und wiegender Bewegung des Halses, die schönen Gesänge, welche durch eine Reihe herrlicher Heldenthaten⁶⁾ des [Arjuna] lieblich und durch die schöne Begleitung seiner Laute⁷⁾ zu erkennen sind.

1) Comm. अथास्यार्जुननामनिर्वचनं करोति । गणौघ इति । एतत्संवन्धिनां गुणादीनां सर्वेषां पदार्यानामुल्लसत्त्वादर्जुन उल्लसत् इति नाम्नाख्यातः ।

2) Comm. अभिमतवरदानिकनिरता । स्वभक्ताभीष्टपूर्णासक्ता ।

3) Comm. सर्वेशानैः सत्त्वराजभिवृताङ्गीकृता ।

4) Comm. अनेन येषां सद्यः स्वाभीष्टप्राप्तोच्छ्वा तैस्तस्मृतिः स्वानुभवेन परिह्वयेति भावो व्यज्यते । तदुक्त स्तवराज्ञे ।

यस्य स्मरणमात्रेण सर्वदुःखक्षयो भवेत् ।

सद्यः स्वाभीष्टसंप्राप्तिस्तं स्मेरदर्जुनं सदा ॥ इति ।

5) Comm. देवायिनारिदः । तथा वायुपुराणे ।

यज्ञे यस्य जगौ गाथा गन्धर्वैः सह नारदः ।

चरितं चारु राजर्षेर्महिमानं निरीक्ष्य स ॥

न नूनं कार्तवीर्यस्य गतिं यास्यति पार्थिवाः ।

यज्ञैर्दानैस्तपोभिर्वा विक्रमेण श्रुतेन च ॥

पञ्चाङ्गीतिसहस्राणि वर्षाणि जगदत्तरे ।

सप्तद्वीपपतिः सम्राट् चक्रवर्ती बभूव ह ॥ इति ।

6) Comm. प्रवराण्यनन्यसाध्यानि यानि विरूदान्यवदानानि महत्कर्माणीत्यर्थः । प्रतिज्ञातेवदाने च चिद्रे च विरूदं स्मृतमित्यभिधानरत्ने ।

7) Comm. कीदृशा सती समीचीना सप्ततन्त्री विषञ्चो तद्विष्वे शब्दे चिन्ताः प्रकाशिताः । कण्ठ इव वीणारवेपि ताः स्फुटतश्चा सर्वज्ञयित्ते तथेति भावः ।

49. Preis dem sehr mitleidsvollen Oberherrscher [Arjuna], dessen Reichtum¹⁾ nie versiegt, und der ein starkes Gedächtniss hat²⁾! Immer gewährt er nach der *Dīpa-regel*, welche in den Vorschriften des *Kalpa*³⁾ gelehrt wird, bis zum Ende des Kalpa jeden Besitz, den man wünscht, und beseitigt alles, was man nicht wünscht.

50. Die grossen klugen Dichter preisen ihn unablässig in Versen, welche von der Dreiwelt bewundert zu werden geeignet sind⁴⁾; denn dieser Herr der Haihaya's erglänzt ganz ausserordentlich, als einzige Stütze der Tugend in der Dreiwelt.

51. Nicht viele grosse Dichter können wohl seine grosse Schönheit, welche die Schönheit einer ganzen Masse von Liebesgöttern übertrifft, schildern; denn die schönäugigen Frauen der Dreiwelt, wenn sie von ihm hören, werden ganz berückt und ihre Augen [bleiben] stets geöffnet [gleichsam] bis an die Ohren aufgerissen.

1) Comm. अन्नष्टमविनाशि द्रव्यं यस्माद्धेतोः सोऽनष्टद्रव्यः स्मरणविभवश्चित्तनप्रभावो यस्य सः ।

2) Comm. तदुक्तं श्रीमद्भागवते । नवमस्कन्धे ।

न नूनं कार्तवीर्यस्य गतिर्यास्यति पार्थिवा ।

पन्नदानतपोयोगश्रुतवीर्यज्ञयादिभिः ॥

पञ्चाशीति सकृन्नाणि ह्यव्याकृतवलः समाः ।

अन्नष्टवित्तस्मरणो वृभुज्जेन्नयपडुस्विति ॥

3) Comm. कल्पः शिवप्रणीतो दीपविधिग्रन्थस्तत्र प्रचितः सपरिकरः समुदितः विधिर्दानप्रकारो यस्य तेन । दीपविधिना दीपविधानेन ।

4) Comm. तथा च कालिदासः ।

अन्नन्यसाधारणाराजशब्दो

वभूव योगी किल कार्तवीर्य इति ॥

वाल्मीकिकालिदासमुरारिमुष्याः कवीन्द्राः । प्रोत्रिन्ना अन्नलसाः । वचोभिः स्वकविलैः श्लाघते स्तुवन्ति ।

वाल्मीकिकालिदासवचनानि पूर्वमुक्तानि । मुरारिवचनं यथा ।

न दूये नः पूर्वं नृपतिमनरण्यं यद्वधो-

र्जयो वा मृत्युर्वा यदि भुज्जभृतां कः परिभवः ।

इदं तु त्वां कारागृह्णन्को ह्यैक्यपतेः

पुलस्त्यो यद्विनामकृत स पुनस्तद्यग्रयतीति ॥

52. In seinem Lotusmunde wohnt die Göttin der Rede selbst, um sich der auf einem Lotuse thronenden [Göttin des Reichtums] ähnlich zu machen¹⁾; wie könnte [denn anders] die unablässige Armuth der Gelehrten ein Ende nehmen, wenn der Strom seiner Reden nicht so unermesslich angenehm und klug wäre²⁾.

53. Wie sollen wir seine Wohlfahrt, welche durch den tadellosen Dienst des Asketen aus dem Geschlechte der Atra's³⁾ sich steigerte, beschreiben? Durch die Wogen des Glanzes, der vom reichen, goldenen Schmuck seiner Sklavinnen ausging, wurde die Welt gleichsam erleuchtet.

54. Wenn aus seiner Lotushand, welche [stets neue Gaben, just wie der Lotus stets] frisches Wasser⁴⁾ enthält, ein ununterbrochener⁵⁾, heftiger Goldregen, von unermesslicher Fülle, auf sein ganzes Reich niederfällt, dann werden in der Vorstellung [der Menschen]⁶⁾ die armen augenblicklich reich⁷⁾ und der berühmte⁸⁾ goldene Berg [Sumeru] wird [unbedeutend wie] ein schlecht aussehender Berg⁹⁾.

1) Bei ihm gleicht die Sarasvatī der Lakṣmī, welche letztere in der Form von Mahā-lakṣmī als reichthumgebende Göttin verehrt wurde; Comm. महालक्ष्मीर्हि सर्वदारिद्र्यं नाशयतीति प्रसिद्धम् ।

2) D. h. er gab häufig Befehle, unter den Gelehrten grosse Summen zu vertheilen: comm. वाचां विलासैः प्रसरित्तं दशलक्षं कोटिर्दातव्येत्यादिद्वैरित्यर्थः ।

3) D. h. Datta's, seines Lehrers: Comm. अत्रैरपत्यमात्रेयस्तस्य मुनेर्दत्तस्य परिचर्या सेवा । तथा परिणतां समुदितामित्यर्थः ।

4) Comm. नवजलधरे नवनवजलग्राहके । प्रतिदिनं भिन्नभिन्नानेकदानदातृत्वादिति भावः ।

5) Comm. ततां निरन्तरामविच्छिन्नामित्यर्थः ।

6) Oder «in der Vorstellung von Arjuna», weil er überall nur Gold sah: comm. लोकानामिति शेषो धमात् । यदा । स्वस्यैव धमात् । अतिदानार्थिभिस्तत्र मार्गे पुञ्जीकृतसुवर्णसमूहादिति भावः ।

7) Oder «diejenigen, die schlechte Kleider trugen, bekamen gute Kleider»: comm. तदा ये दुर्वर्णाः कुवेषाः । दरिद्रत्वादिति भावः । ते केगिति समुवर्णाः सुवेषाहताः सुवस्त्राभरणगन्धमाल्यधारणादिति भावः । अथ च सकाञ्चना ग्राह्या इत्यर्थः ।

8) Comm. सोद्धितोयत्नेन प्रसिद्धः सुवर्णादिर्मेरुः ।

9) Weil das Gold des Sumeru mit dem Reichtum des Königs verglichen unbedeutend schien. Comm. दुर्वर्णाद्भिः । शिकृष्टवर्णपर्वतो ज्ञातः । बहुव्यलक्ष्यत्वादानाकाङ्क्षत्वाच्चेति भावः । अथ च विच्छायाताश्रेयाञ्जातः तत्र तत्राधीकृतसुवर्णपर्वतेषु स्वस्याद्धितोयताविनाशादिति भावः । — Wenn auf einen Regen bezogen, hat die zweite Hälfte der Strophe folgende Bedeutung: वृष्टिपते

55. Weil der König den Armen in der ganzen Welt eine grosse Masse Geld gab, erstaunten sehr im Göttergarten die himmlischen Bäume, deren Stämme mit Knospen wie mit gestäubten Härchen bedeckt sind, die [aber] immer nur eine der That entsprechende Belohnung geben.

56. Dieser Herrscher war da [gleichsam] ein junger Baum, dessen einer Ast (Hand) mit fünf Schösslingen (Fingern) [gleichsam] fünf Wunschbäume trug; der zweite [aber] rettete durch seinen angenehmen Schatten (durch seinen Schutz) die Menschen vor Hitze (Qual) und verbreitete eine grosse Fülle von Frische (Sicherheitsgefühl).

57. Als dieser Oberherrscher Gaben spendete, da dachten sich die Götterbäume und andere Gewährer¹⁾ von Wünschen: «was sind wir?» und versteckten sich irgendwo, denn der [König] meinte: «mein reicher Palast und meine reich geschmückten Frauen, meine Söhne und mein Leben — wie [wenig] ist [alles] das zum Geben».

58. Wenn [das Wasser] seiner Wasserspenden stürmisch die Welt überfluthet, so zittern [vor Furcht] die [sieben] Oceane, und die freien²⁾ Elephanten der Himmelsgegenden, [indem sie denken:] «in einigen Augenblicken werden wir plötzlich hier [gemeinsam] im Wasser versinken und man wird unsere Körper suchen müssen³⁾».

59. Einige grosse Dichter rufen seine Tapferkeit als Sonne an, die grossen Weisen preisen sie als ein unermessliches Feuer; ich [aber] halte

सुवर्णा अमलिनास्ते ध्रमाद्रमणात्तत्र तत्र संचारादित्यर्थः । दुर्वर्णाः मालिनाः ज्ञाताः शरीरवसनादिषु कर्दमसंपर्कसंभवादिति भावः ॥ तथा दुर्वर्णाद्भिर्धूल्यादिना मलिनः पर्वतो ध्रमात्पुनः पुनर्वृष्टिपर्यावर्तनादित्यर्थः । सुवर्णाद्भिः शोभनवर्णपर्वतो ज्ञातः । सर्वतो मलप्रतालनादिति भावः । सुवर्णाद्भिः कनकपर्वतः कथं दुर्वर्णाद्भिः । रजतपर्वतो ज्ञातः इति विरोधस्तथा ये सुवर्णास्ते कथं दुर्वर्णा ज्ञाता इति विरोधः ।

वर्णा विप्रादिके कीर्तो व्युत्तौ गीतक्रमे व्रते ।

शुक्तादिस्तुतिवेषेषु चित्रात्तरकथास्वपि ।

इति मन्त्रोपः ।

1) Comm. सुरतरुमुखाः कल्पवृक्षप्रभृतयः वदान्याः दातारः (Ms. दाकारः) । मुखशब्देन चित्तामणिकामधेन्वादयः संगृह्यन्ते ।

2) Comm. विमुक्ता अनुग्रहः करिणो दिग्गजाश्चेत्यर्थः ।

3) Comm. समालोच्यात्मानो गवेयणाय स्वप्नाः । सर्वैक्यसंभवादिति भावः । निमग्नाः प्रलीनाः । दानजलानां समुद्रैक्यस्वशरीरप्रमाणातिक्रमादिति भावः । कम्पते भीता भवतीत्यर्थः । उभयोः स्वप्नप्रहानिस्वप्ननाशसंभवादिति भावः । अत्रातिशयोक्तिरलङ्कारः ।

sie für einen Mahārudra¹⁾, der mit dem Rachen Yama's, mit [drei] Augen, die aus dem Blitz, dem Feuer und der Sonne bestehen, in die Welt gekommen ist, um die Schaaren aller seiner Feinde zu vernichten.

60. Das Feuer seiner Tapferkeit war geeignet die einem Walde vergleichbaren Schaaren²⁾ seiner Feinde in der Dreiwelt zu verbrennen³⁾; darauf wurden die Funken, welche von diesem [Brande sich erhoben], wie ich glaube, in die Form von Sonne, Feuer, Blitz, Viṣṇu's Discus⁴⁾, Aurva-feuer⁵⁾ und Yama verwandelt.

61. Weil seine Tapferkeit den Bösen⁶⁾ gegenüber ungeheure Qualen verursachte, so versteckten sich aus Furcht vor ihm die Schlangen in Sandelbäumen⁷⁾, das Gift⁸⁾ in der Kehle Īiva's, das Höllenfeuer im Meer, die Blitze in den Wolken.

62. Wenn das Feuer seiner Tapferkeit diejenigen, welche voll von bösen [Absichten] gegen alle sind, versengt, so verbreitet es eine Stillung des Schmerzes⁹⁾ in der Dreiwelt; sogar Gott Indra giebt in der Götterversammlung seiner Freude Ausdruck, [und] seine tausend Augen sind mit einer Menge niederfallender Thränen gefüllt.

63. Preis seiner rührigen Tapferkeit, welche die Leiden der Guten stillt, und sein Geburtsland von Feinden frei macht, welche sogar die jen-

1) Īiva in der Form von Mahārudra vernichtet alle Welten durch das Feuer, das aus seinen drei Augen kommt. Arjuna vernichtet seine Feinde. Das Wort लोक ist doppelt zu nehmen: einmal als Welt und einmal als [Feinden-] Menge.

2) Comm. व्रजः समूहः स एव वनमरणम् ।

3) Comm. निर्दग्धं प्रस्वालयितुं प्रवृत्तो स्वालनक्रियानुकूलो जात इत्यर्थः ।

4) Comm. स्वभूचक्रं सुदर्शनम् ।

5) Comm. धौर्वाण्यस्वलन वडवानलानामवैश्वानरः ।

6) Comm. पापेषु पापिषु परपोडकत्वादिति भावः ।

7) Comm. श्रीखण्डे चन्दने । तापहृत्कत्वादिति भावः ।

8) Comm. गरलं क्वालकलं । गङ्गाधरगले । गङ्गापदे तापहृत्कत्वाद्योतनार्थम् ।

9) Der Dichter spielt hier mit dem Doppelsinn des Wortes परिताप (resp. परीताप) परितापकर्तुस्तच्छामकत्वकथनेन विरोधः । वस्तुतस्तु परीतापशब्देन दुष्टकृतं दुःखमुच्यते । Diese rhetorische Figur wird विरोधालङ्कार genannt.

seitige Welt selbst beleuchtet, indem sie gleichsam denkt: «diese Welt wird [schon] durch die Sonne beleuchtet¹⁾».

64. Wenn eine Welle des Milchoceans von einem Gedicht begleitet sein wird²⁾; und wenn auch der Glanz des Mondes süß³⁾ sein wird, erst dann wird es selbst für seinen Ruhm ein Gleichniss in der Welt geben, denn er wird von grossen Dichtern [in süßen Versen] besungen und er besitzt den Glanz einer Nectarwelle [des Milchoceans]⁴⁾.

65. Seinen wachsenden Ruhm, der reiner ist als der Hara⁵⁾, der Jasmin, der Mond, der Leib des Elephanten der Götter, die hohen Wellen der Gaṅgā, die Wogen des Milchoceans, — besingen in allen Weltgegenden die Tänzerinnen mit Begleitung einer zitternden Laute, wobei jede andere fühlbare Wonne vergeht⁶⁾.

66. Sein schöner Ruhm gleicht dem Glanze des Herbstvollmonds, welcher die Nachtlotusknospen auf der Erde aufblühen lässt; als die Weisen ihn [gleichsam] schlürften, wurden sie immer im höchsten Grade erfreut, und ihre Körper stets mit gestäubten Härchen bedeckt, just wie alle Oceane⁷⁾, und just wie die Cakoras⁸⁾.

67. O, Wunder! der Nymphe seines Ruhmes scheint, zu ihrer gezie-

1) Seine Tapferkeit wird hier mit einem Lichte verglichen, welches über alle anderen ist und deshalb auch jenseits des Berges Lokāloka, im Aloka, Licht verbreiten kann: comm. अलोकं लोकालोकद्वयात्पर्वतपरमदेशे । स्वयमलोकं प्रकाशं विस्तारयन्विजयते । सर्वोत्तमो भवतीत्यर्थः । अनेनैतत्प्रतापस्य लोकालोकपर्वतपरप्रदेशगामित्वमुक्तम् ।

2) Comm. तीरसमुद्रस्य भङ्गी लक्ष्मी । यदि संगीतं कविवरविक्रितप्रशस्तिश्लोकवृन्दमित्यर्थः । Der Dichter giebt hier im comm. die Möglichkeit einer anderen Lesart des ersten Pāda an: यदि भवति संभावितरसेति पाठः ।

3) Comm. अयि वसुधांशोः प्रभा ज्योत्स्ना । सुरसा मधुरा स्वादसङ्किता चेतसंभवति ।

4) Comm. तदा यत्कीर्तिनां साम्यमौपम्यं विलसति कर्तुं शक्यते इत्यर्थः । तीरसागरलक्ष्मीणां शुभ्रत्वेन मधुरत्वेन च साम्ये भासमानेषु कविकृतप्रशस्तिपद्यवर्णनभावेन ।

5) Comm. क्षरात्कर्पूरगौरत्वात् ।

6) Comm. उन्मीलदुदयत्प्रविगलितमभासमानं वेद्यात्तरमन्यञ्ज्ञेयमित्यर्थः । यस्मिंस्तत्सुखमाह्लादो यस्य यथा भवति तथा स्फुरद्दीपानादम् ।

7) Welche beim Vollmonde gleichsam vor Freude aus den Ufern (प्रेदिह्य) treten.

8) Welche sich von Mondstrahlen nähren.

menden Ausstattung, der Mond als ein Kästchen Kampfer zu dienen, der Milch-ocean als Rahm¹⁾, die Sterne als Perlenschnur, die Gaṅgā als weisses Gewand, die Venus als die Perle in der Nase und Sarasvatī als Zofe.

68. Der Lotus seines Ruhmes blüht in dem Teiche der Dreiwelt: als dessen gute Wurzel erscheint [die Schlange] Ṣeṣa²⁾, als dessen Stengel die Gaṅgā³⁾, die vom Himmel herunter fliesst, als dessen weisser Blätterkranz die Zähne der Elephanten⁴⁾ der Weltgegenden und als Biene [darauf] — die Mondscheibe⁵⁾.

69. O Wunder! wenn der Lotus seines Ruhmes in dem Teiche der Dreiwelt aufblüht, so wird [die Schlange] Ṣeṣa zu seiner Wurzel in der Erde, der herabfallende Götterstrom zu seinem Stengel, die Zähne des Elephanten der Weltgegenden zu seinen Blättern, und der Mond zu einer schönen Biene [darauf]⁶⁾.

70. Ich glaube, dass, nachdem der Strom seines Ruhmes, der an Glanz die Sterne, die weisse Wasserlilie, die Perlen, den Nectar, den Mond, das Milchmeer, den Berg Kailāsa und die Diamanten übertrifft, diese nähere Welt erfüllt hatte, ergoss er sich weiter um einen neuen Ocean — alle ferneren Welten — zu füllen⁷⁾.

71. Die Lakṣmī seines Ruhmes, aus ihm, [gleichsam] aus einem Meere von Freude⁸⁾, erwachsen, sah sich in der Welt alle Götter in ihren Palästen an, gleichsam um eine Selbstwahl zu treffen; und siehe! da nahm sie mit beiden Händen einen lieblichen Kranz⁹⁾, der aus den Lotusen seiner Tugenden [gemacht ist], und kam zum Viṣṇu.

1) Wahrscheinlich eine Art Salbe.

2) Comm. व्यालेशः शेषनागः । पातालस्थत्वान्मूलवोक्तिः ।

3) Comm. सुरधुनी गङ्गा । ब्रह्मलोकपातेन दीर्घवान्नालवोक्तिः ।

4) Comm. दिग्भाजामष्टदिक्स्थानानामित्यर्थः । रटनाः दन्ताः । सर्वदिक्स्थितत्वाद्भवोक्तिः ।

5) Comm. चन्द्रस्य मध्यस्थत्वाद्भवोक्तिः ।

6) Das ist der vorige Vers, anders ausgedrückt; comm. bemerkt dazu: पूर्वपद्येन्वयरोषश-
ङ्कया पाठान्तरकरणमिति ज्ञेयम् ।

7) Comm. व्याप्तुं पूरयितुं ।

8) Comm. रसाम्भोधेरानन्दसमुद्रात् । समुद्राद्धि लक्ष्मीर्जातेति पुराणप्रसिद्धिः ।

9) Comm. यस्येति शेषः गुणाः शीलाद्यस्ते समुच्चलत्वात्कुसुमानीव । तेषां मालां स्रजं गृहीत्वा स्वयंवरा हि मालाकृस्ता भवति.

72. Dieser König, der den Rāvaṇa¹⁾ besiegte, bereitete auch dem Pāṇini eine Niederlage; denn bei ihm sind die Tugenden²⁾ immer steigend, (bei Pāṇini aber³⁾ wird der *Guna* nicht bei jeder Wortbildung zum *Vṛddhi*; sein Entschluss⁴⁾ wurde nie durch Umstände, welche das Schicksal herbeigeführt hatte, geändert, (bei Pāṇini⁵⁾ aber wird der Modus der Verba durch Präpositionen, welche den Vorschriften gemäss hinzutreten *manchmal* geändert); [bei ihm] kam die Erfüllung der drei Pflichten und der Wahrheit immer zu Stande⁶⁾, (bei Pāṇini⁷⁾ aber haben die am Ende stehenden Regeln, nämlich die der drei [letzten] Kapitel [des achten Buches] für das vorhergehende *keine* Geltung).

73. Einst⁸⁾ wurde eine Jungfrau [gleichsam] im Bette⁹⁾ seines Gehöres schlafend¹⁰⁾ [gefunden]; [sie war] aus einem edlen Geschlecht, und ihr

1) Durch seine Tugenden: comm. अयं पूर्वोक्तसर्वगुणादशमुखज्ञयी राज्ञा श्रीकार्तवीर्यार्जुनः ।

2) Comm. यस्य गुणाः शीलादयः । प्रतिज्ञाणां । वृद्धिमुपचयं यान्ति प्राप्नुवन्ति.

3) Comm. पाणिनेस्तु गुणा अदेडः (I, 1, 2) प्रतिपदं प्रति सुवर्तं तिडन्तं च वृद्धिमादिकं न प्राप्नुवन्ति । किं तु क्वचिदेवाशिष्टा इत्यादौ ।

4) Comm. यस्य पदं । स्थानं । यद्वा व्यावसितं । उद्योग इति यावत् । विधिविहितया दैवदिष्टया गत्या दशया विपर्यासं विपरीत्य ज्ञातु कदाचिन्न भजते ।

5) Comm. पाणिनेस्तु पदं । परस्मैपदात्मनेपदरूपं । विधिविहितया । ते प्राग्धातोरिति (I, 4, 80) विधायकसूत्रविहितया गत्या । प्रादयः । उपसर्गाः क्रियायोगे गतिश्चेत्युक्तया प्रादिरूपया विपर्यासमन्यथात्वं भजते ।

6) Comm. यस्य । चरमः सत्यं । तत्सहिताः । सुकृतस्य धर्मस्य त्रयद्वयो दमद्यादानरूपस्त्रिपादास्तेषां विधयो विधानानि । आचरणानीत्यर्थः । असिद्धिमनिष्पत्तिं । ज्ञातु न भजते । दमद्यादानसत्यरूपाश्चत्वारो धर्मचरणाः प्रसिद्धाः ।

7) Comm. पाणिनेस्तु चरमाः । अस्तिमाः सुष्टुकृता त्रयद्वयविधयस्त्रिपादोविधयः (Ms. त्रिपादां विधयः) । असिद्धिं । पूर्वत्रासिद्धिम् (VIII, 2, 1.) इत्यसिद्धिभावं भजते ।

8) Comm. कदाचित्कस्मिंश्चित्समये । साप्रवक्ष्यमाणगुणा । काप्यनिर्वचनीया रूपदिग्गुणा कमनी (Ms. नमनी) कामिनीत्यर्थः ।

9) Comm. तलः स्वरूपम् ।

10) Comm. तदेव पर्यङ्को मच्चस्तस्मिन्निलयो निद्रा यस्याः सासीत् । श्रुतेत्यर्थः । निलयपदेन श्रुतायां तस्यामस्य श्रवणसाम्नात्कारमात्रजनितपरमासक्तिसमुद्भयो ध्वन्यते ।

Antlitz übertraf eine Lilie an Schönheit; sie hatte den allerschönsten Namen¹⁾ auf der Erde²⁾ — «Campā», weil sie [gleichsam] durch den von ihr ausstrahlenden³⁾ und Gold- (resp. einer Campakablume-) — ähnlichen⁴⁾ Glanz die Finsterniss vertrieb.

74. Preis dieser Schönen! sie glänzt wie der Blitz, ihr Antlitz gleicht dem Monde, ihre Augen sind lebhaft, sie duftet wie eine Campaka-pflanze und bezaubert alle Menschen; als der Schöpfer diese «Campā» — gleichsam die Fahne der Dreiwelt — schuf, that er einen Sprung in den Ocean der höchsten Freude⁵⁾.

75. Bald ist diese Schöne⁶⁾ in lebhafter Bewegung⁷⁾, bald wird ihr Gesicht aus Scham verlegen; bald ist sie mit Spiel beschäftigt, bald findet sie an Putz Gefallen, bald ist sie [durch Träume] im Schlafe erschöpft⁸⁾, bald ist sie [wiederum] lieb und gefühlvoll: denn sie steht jetzt im jungfräulichen Alter⁹⁾.

76. Was erscheint [uns da] auf der Schönen¹⁰⁾: «ist es eine sehr dichte Haarflechte oder ein sehr grosser Bienenschwarm, der von einem blühenden Lotus auffliegt». Dieser Zweifel entsteht bei allen Leuten, aber die [Haarflechte] beseitigt ihn ohne ein Wort zu reden¹¹⁾, allein durch ihre Unbeweglichkeit.

1) Comm. (व्यगमत्) समाख्यामभिधां प्राप्ता ।

2) इह भूलोके ।

3) Comm. उद्यत्काल्या स्वशरीरसमुद्यद्भासा ।

4) Comm. चाम्पेयसमया सुवर्णसदृशया । यद्वा । चम्पककुसुमसमया ।

5) Dieser Vers soll eine Anspielung an einen damals berühmten Vers enthalten: comm. तद्गुणातिशयं वर्णयिन्कस्यचिदाप्तस्य वचनमुपतिपति ।

6) Comm. एषा चम्पाख्या । सुवेया सुन्दरोत्पर्यः ।

7) Comm. लोलाकारा । चपलशरीरा किशोरभावचाञ्चल्येनेतस्ततो धावनादिति भावः ।

8) Comm. तात्ता ज्ञाना व्याकुलेत्पर्यः । कमनीयपुरुषाकृष्टचित्ता । परमसुन्दरवाराभिलाषिनी-
त्पर्यः ।

9) Comm. वयः सन्धौ किशोरयौवनवयोत्तराले विलसति । न निवृत्तकिशोरा न प्राप्तयौवनेत्पर्यः
षोडशवर्षिकीति यावत् । वर्तते ।

10) Hier fängt die Schilderung der Campā, der weiblichen Hauptperson an, und zwar wird sie vom Kopf bis zur Zehe beschrieben; अथैनामापादं वर्णयिष्यन्नस्या वेणी वर्णयति ।

11) Comm. अनिर्हृदा । अगुञ्जारवा । अथवा । अभाषनाया सा वेणी ।

77. Auf der Stirne der Schönen mit lebhaftem Blick erglänzt eine goldene Knospe¹⁾, gleichsam die Flamme einer Lampe, welche lieblich ist und ein Knistern²⁾ vernehmen lässt, denn ihr Haar, welches Bienen [an Schwärze] übertrifft, ist ausserordentlich schön mit viel glänzendem Lampenruss [geschminkt].

78. Ihre gebogenen Augenbrauen sind stark dunkelblau gefärbt [und] haben denselben herrlichen Glanz, wie der aus Saphiren [gemachte] Bogen³⁾ des Liebesgottes; denn die goldene Knospe, welche sie auf der Stirne hat, glänzt ebenso stark, wie die hervortretende⁴⁾ goldene Spitze des Nalika-pfeiles⁵⁾ in der Mitte jenes [Bogens].

79. Ihre Ohren, die mit goldenen Blumen geschmückt⁶⁾ sind, rufen bei mir die [folgende] neue Vorstellung hervor: nachdem der Liebesgott die Dreiwelt mit zwei seiner schönen Bogen — ihren Augenbrauen — besiegt hatte, hat er [die beiden Bogen] rund gemacht⁷⁾ und zusammen mit den [Blumen-]Pfeilen und den beiden glänzenden Bogensehnen als Ohringe angehängt.

80. Die Wangen der Schönen haben einen grossen Reiz⁸⁾ [und] glänzen wie zwei goldene Platten, verschönert durch die Spiegelung der beiden Ohringe⁹⁾; sie sind gleichsam zwei Spiegel, welche unten mit dem rothen Munde geschmückt sind¹⁰⁾ [und in welchen] Kāma und Rati¹¹⁾ leidenschaftlich ihre eigenen freudigen Gesichter anschauen.

1) D. h. ein Stirnzeichen: comm. कलिकाकारा सुवर्णपत्रिकेत्यर्थः । Dieses ist in der Form einer Blumenknospe und wird mit der Flamme einer Lampe verglichen. Die Haare, welche sich über dem Stirnzeichen erheben, werden mit einem Bienenschwarm, der von der Knospe sich summend erhebt und mit Lampenruss verglichen; der Lampenruss wurde als Haarschminke gebraucht.

2) D. h. Summen in Bezug auf einen Bienenschwarm, mit dem das obenliegende Haar immer verglichen wird.

3) Die beiden Augenbrauen und das Stirnzeichen in der Mitte machen zusammen die Form des zweifach gekrümmten indischen Bogens mit einer Blumenpfeilspitze in der Mitte aus.

4) Comm. कार्मुकस्य मध्यं तत्रस्थं स्फुटं प्रत्यक्षं यत्पुरतन्नालीकफलम् ।

5) Comm. नालीको (Ms. नालिको) नलिकावापोनलीकः सत्यवादिनीत्यभिधानरत्ने ।

6) Comm. पूर्णे व्याप्ते युक्ते । इत्यर्थः ।

7) Comm. वलयीकृत्य संकुचितं कृत्वा ।

8) Comm. वररूची बद्धकाती ।

9) Comm. कर्पाभरणयुगयोः कनककुण्डलयुगलयोः संक्रान्तिः संक्रमणं । प्रतिबिम्बनमित्यर्थः ।
तेन सुभगौ सुन्दरौ ।

10) Comm. वदनमण्डलमण्डिताधोभागौ ।

11) Comm. स्वभूमायावत्योः कामरत्योः ।

81. Ihre Augen werden freilich¹⁾ von einigen [Dichtern] in verschiedener Weise gepriesen: als bewegliche Lotusblätter, oder als sich wiegende Lotusblumen, oder als kleine Fische die auf dem Trocknen hüpfen, oder als unruhige Cakora's; ich aber sage: es sind zwei ausgezeichnete Bachstelzen die in sprunghaften Bewegungen geschickt sind.

82. In der Dreiwelt [gibt es] kein Gleichniss für die Nase²⁾ dieser [Schönen], denn: wenn ein Papagei an der Schönheit [seines Schnabels] ihr nachsteht, wie sollte die Knospe einer *Butea* ihr da gleichkommen³⁾, auch der bekannte Star ist das nicht, dessen [Schnabel] gelb wie Messing ist⁴⁾; nicht ist ihr die Knospe der Sesamblüthe⁵⁾ ähnlich, und gewiss ist [auch die Blume] des Baumes des Einsiedlers [Agastya] unbedeutender⁶⁾.

83. Die bewegliche, grosse, ausgezeichnete Nasenperle [der Schönen] mit lebhaftem Blick lässt wiederholt in uns die wunderbare⁷⁾ Idee aufkeimen: «ist dies nicht ein neuer [Planet] Venus⁸⁾, — was denn? — etwa ein neuer [fleckloser] Vollmond⁹⁾, der aufgeht und sich [mehr] Glanz von ihrem Antlitze zu erbitten kommt».

84. Ihre wie die Bimba-frucht [rothen] Lippen erwecken stark in

1) Comm. अपिशब्दः संदेहवाचकः सर्वत्र संबध्यते ।

2) Die Nase wird hier mit dem Schnabel des Papagei's und des Stars, und mit verschiedenen rothen Blumenknospen verglichen: अत्र शुकादयः शब्दाः क्रमेण चञ्चुकोरकयोर्लातणिकाज्ञेयाः ।

3) Oder: der Schnabel eines schlechten Papageis Comm. तदा किंशुकः पलाशकोरकः । अथ च । कुत्सितः शुकः । वाग्विरहितत्वादिति भावः किं व्रजेदपि तु न व्रजेदित्यर्थः ।

4) Comm. सा प्रसिद्धा सारो सारिका चञ्चुस्तस्याः नासिकायाः । रीतिसचिवा (Ms. रतिसचिवा) संनिवेशविशेषसदृशो न हि भवति । किञ्चिद्गु[ह]त्वादिति भावः (?)

5) Weil sie weiss ist: तस्याः तिलः तिलकुसुमकोरकः तुल्यो नासीत् । वक्रत्वेपि शुभ्रत्वादिति ।

6) Comm. मुनितरुर्गस्त्यवृत्तकोरकः ननु निश्चितं नीचो न्यूनो भवति । वक्रत्वेप्यतिरक्तत्वाच्चुभ्रत्वादिति भावः ।

7) Comm. अभिनवामद्गतां धियं बुद्धिम् ।

8) Comm. नव्यो गगनस्थादन्यः । कुरुविन्दकलिकाभाधरप्रभारञ्जितत्वेनारुणत्वेन भासमानत्वादिति भावः । काड्यः शुक्रनामा ग्रहो न किमु । एवं भातीति भावः ।

9) Comm. नवो व्योमस्थाद्विन्नः । निकलङ्कत्वादिति भावः । समुदयन् । सद्यः समुद्रमारुणरञ्जित इत्यर्थः । Der Planet Venus hat einen weissen glanz, während wir für das Gleich-

meinem Herzen den Zweifel, ob das keine offene Bandhūkablume ist¹⁾; freilich ist das nicht ganz sicher²⁾: denn diese [Lippen] übertreffen gewiss durch ihre Pracht, rothe Farbe und Süsse³⁾ [sogar] die grosse Schönheit⁴⁾ der mit Rubinen besetzten, mit Nectar gefüllten Schläuche⁵⁾.

85. O Wunder! das Antlitz dieser Gazellenäugigen übertrifft an Schönheit eine Wasserrose, und verspottet⁶⁾ sogar den Herbstvollmond im Moment seines Aufganges [aus dem Nectarmeere]; [und] doch ist das kein Wunder, denn es übertrifft sogar das Nectarmeer durch eine andere [Art von] Nectarwellen (ihr Speichel), die von ihren Lippen herausströmen⁷⁾.

86. Einige [Dichter] nennen ihr Antlitz einen Lotus, andere einen aufgehenden Mond, [wieder] andere den goldenen Spiegel der Rati; wir⁸⁾ [Kenner] aber sagen: es gleicht einem Teiche, wo blühende Lotuse ihre Lippen sind, wo der Mondwiederschein ihre schöne Nasenperle⁹⁾ ist, und wo ein rauschender Nectarstrom [ihr Speichel] ist.

87. Sag mir mit was soll ich auf dieser Welt ihre Arme vergleichen;

niss einen gelb-rothen, so wie ihn der aufgehende Vollmond hat, haben müssen; weiter ist die Venus nicht gross genug (पयुल) und breitet keine Lichtwellen (कात्तिकछोल) aus; der Vollmond soll aber dazu noch fleckenlos sein, und dennoch muss er sich bei dem Antlitz der Schönen mehr Glanz erbitten; erst dann wird sein Glanz dem Glanze des Nasenringes ähnlich.

1) Denn beide sind roth und die weissen Staubfäden des Bandhūka (Pentapetes phoenicea) gleichen den weissen Zähnen in der Mitte zwischen den Lippen. Comm. दशनरूचिकिञ्जल्करूचिरत्वादिति भावः.

2) Comm. सिद्धात्तितं निश्चितम् ।

3) Comm. स्वीयरमया स्वकीयारूपयमाधुर्यसंपदा । . . . रमापदं माधुर्यादिसंप्रहार्थम् ।

4) Comm. शोभाश्रेणी लक्ष्मीवितति । हि निश्चितम् ।

5) Die Nectarschläuche sind roth und enthalten weissen Nectar, die Lippen roth und enthalten weissen Speichel Comm. कुतुपपदं सदाभूतस्रावस्थानीचित्यद्योतनार्थम् ।

6) Comm. परिहसति । विगीतं करोति । कुङ्कुमामृष्टकनककमनोयस्वशोभायास्तिरस्कारादिति भावः ।

7) Comm. रसिकैकवेद्यत्वादिति भावः । मा सुधा स्वाधरामृतं । तस्य ये समुद्योलाः कद्योलास्तेषामवली श्रेणी तथा । सुधाम्भोनिधिं त्रीरसागरमित्यर्थः । अधरपति तिरस्करोति । Eine Leidenschaftliche Frau (रसिका) hat immer Speichel an den Lippen, welcher hier mit Nectarwellen verglichen wird. Der Vollmond ist roth und geht aus dem Nectarmeere auf. Das Antlitz der Schönen ist mit Safran (कुङ्कुम) angestrichen und hat Nectarwellen.

8) Comm. वयमभिज्ञा अपि । बद्धवचनमभिज्ञात्वं द्योतयति ।

9) Comm. सितकर इवोत्सवक्रीभनं नासारत्नं नासामुक्ताफलं यस्मितत् ।

sie sind viel glänzender, als prangende goldene Lianen, ihre Hände haben glänzende mit einer Masse verschiedener Edelsteine geschmückte Ringe¹⁾, sie übertreffen sogar den schönen Glanz, welcher von den aufgeblühten goldenen Spiellotusen der Laksmī und des Viṣṇu kommt²⁾.

88. Ihr Busen hatte früher die Form von Campaka-Knospen³⁾, später wurde er zu goldenen Töpfen von reizendem Glanz, endlich als er durch seinen enormen Umfang die Schöne ringsum bis an die Achsel bedeckt hatte⁴⁾, machte er ruhig Halt, weil kein Gleichmiss mehr möglich war.

89. Ihren schönen Busen haben einige [Dichter] mit goldenen Töpfen verglichen, bessere [Kenner⁵⁾] mit ganz aufgebrochenen Knospen von gelben Bananen; ich⁶⁾ [aber] glaube, es sind die mit Lotusblumenstaub bedeckten Stirnbuckeln des in einen Elephanten [verwandelten] Liebesgottes, der sich im Lotusteiche ihrer Schönheit ergötzt.

90. Ihr tiefer Nabel glänzt hier ganz wie eine schöne, aus Gold⁷⁾ ausgeführte, Cisterne, deren Wasser eine Fülle von lieblichem Glanz hat; denn der freudige⁸⁾ Amor kommt durch die [beim Nabel] erglänzende Reihe von Härchen, welche als eine aus Saphiren [gemachte] Treppenreihe [dient, in diese Cisterne hinein, und] fängt an sich zu ergötzen⁹⁾.

1) Hier sollen die Ringe erwähnt sein um die Möglichkeit des Vergleiches der Arme mit Lotusen anzudeuten: अनेन रत्नमाणाकमलसाम्यसमर्थं किञ्चत्कं ललितदलशोभाशालित्वं व्यज्यते तथा ।

2) Viṣṇu und Laksmī werden mit goldenen (gelben) Lotusen in der Hand dargestellt. Die Gesichts- und Körperfarbe einer indischen Schönheit ist gelb, drum sind die Gegenstände mit welchen sie verglichen wird, auch gelb.

3) Comm. चम्पककोरकसदृशा ।

4) Comm. ललनां कात्तमभिव्याप्य परित आक्रम्य ।

) Comm. स्वस्थामव्याकुलाम् ।

5) Comm. कियत्त श्रौचित्याभिज्ञाः कवयः ।

6) Comm. स्वयमन्यदौचित्यमाह ।

7) D. h. gelbe, der Hautfarbe der Schönen entsprechend; comm. तच्छरीरस्य सुवर्णसवर्णत्वादिति भावः ।

8) Comm. अनङ्गो मनोभवः सरङ्गः सोत्सवः ।

9) Comm. संनिहित- (Ms. सन्निकृ)- नाभ्यां लसती या रोमश्रेणी सा वै कूरितमणिषोपानसरूपयारोहणपरंपरासौ च पन्थास्तेनागत्य विलसतिं क्रीडां रचयति । करोति । यदर्शनेन पूर्वा मनोभवादिति भावः । अनङ्गपदं चानुषसनात्कारायोग्यतां सूचयति ।

91. Einige grosse [Dichter] glauben diese Schöne mit lebhaftem Blick habe keine Taille, weil man die nicht sieht; andere dichten, sie kann nur erschlossen werden [auf Grund] der Lage ihres runden Busens; ich aber sage: die Form [der Taille] ist ganz verborgen¹⁾ durch den strahlenden, schönen Glanz des goldenen Gürtels, der mit ihr gleichfarbig ist.

92. Auf der schwer zu erkennenden Taille der Schönen mit lebhaftem Blick erglänzt ein goldener Gürtel, mit einer stark strahlenden Reihe von Edelsteinen besetzt, schön durch seinen Umfang, gleichsam ein noch nicht da gewesener Panzer, der durch den geschickten Kāma mit einem goldenen Lotusbeete, welcher [gleichsam] im Trockenem aufblüht²⁾, von allen Seiten umgeben wurde.

93. Ihre mächtigen ungeheuer grossen Hüften, die mit zwei Schenkeln verbunden sind und einen mit Diamanten [geschmückten] Gürtel³⁾ [tragen] — die würde ich mit einem mächtigen Elephanten vergleichen, wenn nur dessen zwei grosse Stirnbuckeln mit zwei grossen beweglichen Rüsseln [verbunden wären], ihre Oberfläche mit goldenen Blättern geschmückt wäre, und wenn auf ihnen eine Reihe von Sternbildern erglänzte⁴⁾.

94. Ihre Schenkel, schön wie glänzende, goldfarbige Bananen-stämme, können nur mit Mühe den Gang eines von Brunst blinden Elephanten nachmachen; auch wird [sogar] der im Liebesrausch leise singende

1) Comm. व्यालुतावपत्रमपक्रुतत्रपमेनमेतन्मध्यमकृमभिदधे कथयामीत्यर्थः ।

2) Comm. स्थले भूमौ न तु जले प्रोन्मीलत्याः समुद्रयत्याः कनककमलिन्याः ।

3) Comm. रत्नानि क्रीकभणयस्तत्स्वच्चित्तरशना काञ्ची ।

4) Comm. शुण्डपुग्मे करपुगे यस्याः सा । कुत्रापि करिणः शुण्डपुग्मेऽद्वयासंभवादिति भावः । तथा ।

कनकदलानि सुवर्णपत्राणि तैः शृङ्गारिता भूयिता । तडपरिदानेन सुवर्णमयी कृतेति यावत् । तनुः स्वत्र-
पं यस्याः सा । करिणः श्यामत्वात्तस्याश्च सुवर्णगौरत्वादिति भावः । तथा । लसन्ती शोभमाना नत्त्राली
ताराश्रेणी यस्यां सा । गमनविराजमानायास्तस्याः करिकर्त्रिलसनासंभवादिति भावः । एवंविधेकृत्तगति
करिपतेर्गन्धिस्व न तु कलभस्य कुम्भद्वयतरी । शिरःपिण्डस्वली । यदि यदा भवति । इत्यत्रैतस्यास्त-
डुपमानत्वमनुपपन्नमिति भावः । Die Stirnbuckeln eines grossen Elephanten müssten mit zwei Rüs-
seln verbunden sein, gelb sein, und Diamantenschmuck tragen um mit den Hinterbacken der
Schönen vergleichbar zu sein.

Schwan gewiss vergebens ihren langsamen schönen¹⁾ Gang nachzuahmen suchen.

95. Warum haben da ihre starken, dicken, runden²⁾, sich schön bewegenden Schenkel einen so ausserordentlich langsamen Gang? Erst dann wird das begreiflich, [wenn man bedenkt], dass sie sehr müde sind durch das Tragen der runden³⁾ Hinterbacken, die [besonders schwer] werden, weil sie mit den dicken Hüften und Busen verbunden sind.

96. Der goldfarbige Banan unternimmt die unvergleichliche Schönheit ihrer Schenkel durch Zartheit und Lieblichkeit zu übertreffen; ach! ich glaube, er weiss es nicht, dass er, weil er unbeseelt ist⁴⁾, einen Gang, der den Gang eines brünstigen Elephanten übertrifft, unmöglich haben könnte.

97. Was klingt denn da an den reizenden Füßen der Schönen mit langen Wimpern? ist es nicht ein Paar Schwäne, welche ihre Aufwartung machen — vergeblich!⁵⁾ — um den langsamen Gang sich anzueignen, oder [vielleicht] ein Paar Fussringe, welche durch ihr leises Concert allen Leuten die Augen wenden machen⁶⁾.

98. Die Füße der goldfarbigen Schönen übertreffen die reizende grosse Schönheit eines Lotusbeetes; wie soll ich hier in der Eile sie schildern? Selbst der Rubinenglanz, welcher um die zu übertreffen in der Nähe [auf ihren rosigen Fussnägeln] erschienen ist, wird durch etliche Strahlen der Fussnägel übertroffen⁷⁾.

1) Comm. यदीयां मन्दां सललितां धूनेत्रादिक्रियाशालिकृस्तपादाङ्गविन्यासत्रपललिताग्र्यहावस-
कृितां सुगतिमनुकर्तुमनुसर्तुम् ।

2) Comm. वृत्तौ वर्तुलौ ।

3) Comm. कुचकुम्भपुरोभागस्थले तस्य संयोगेन संबन्धेन विलसन् । विशिष्टगुरुत्वमङ्गीकुर्वन्नि-
त्यर्थः । यो नितम्बप्राग्भारः पश्चाद्भागमण्डलं । यद्वा । यो नितम्बः पश्चाद्भागस्तस्य प्राग्भागो (Ms.
प्राग्भारो) मूढभारस्तस्योद्वहनम् ।

4) Comm. स्वज्ञडत्वेनास्या तदज्ञानमस्तीति मया स्मृतमित्यर्थभावः । अन्यथा स्वात्मनि तद-
भावज्ञानवत्यास्तद्विज्ञये कथं प्रवृत्तिः स्यादिति भावः ।

5) Comm. अहो इति संदेहे व्ययम् ।

6) Und deshalb können die Leute nicht recht sehen, was da klingt; comm. लोलत्रेत्रं ।
प्रेतपाय पारिप्लवनयनमित्यर्थः ।

7) D. h. ihre Fussnägel waren noch besser roth gefärbt, als Rubinen; comm. नखमगूळप्र-
सारस्यैव माणिक्यारूपात्वात्किमुत नखानामारूपमधिकं भवतीति ।

99. Wenn ich bei der Schönen mit lebhaftem Blick die dicken Schenkel, auf ihnen die Taille, [höher¹⁾] die glänzende Nabelöffnung, [noch höher] eine schöne Reihe von Härchen, die mit einem Paar riesiger Brüste verbunden ist — mit Künstlerischem Sinn betrachte, sage ich: [das gleicht] einem Löwen, der auf dem Rüssel eines Elephanten erscheint, auf jenem ist ein wasserloser Teich, und im letzteren ein Elephant²⁾».

100. Sie hat einen safrangelben Leib und trägt ein weisses, fleckenloses, feines Gewand; [desshalb] erweckt sie in meinem Herzen einen neuen Gedanken: «O Wunder! was ist das? der Blitz, der vom schönen Berg Sudāman sich erhebt, zuckt ringsum [und ist dabei] von einer Fülle Vollmondlichtes umgeben³⁾».

101. Einige vergleichen diese Schöne mit dem Blitze, andere mit einer goldenen Liane, einige andere auch mit einem wundervollen, goldfarbigen Banan; ich aber glaube, dass der Schöpfer, um irgend eine neue Kunst von sich in der Welt berühmt zu machen, diese unvergleichliche Schönheit zu einer Goldfarbigen gemacht hat⁴⁾.

102. Ihr Antlitz ist dem aufgehenden Monde ähnlich, ihre Augen übertreffen [an mandelartiger Form] Lotusblätter, der Glanz ihrer rothen Lippen übertrifft den Glanz von Rubinen, sie hat die goldene Schönheit eines ausgezeichneten, goldfarbigen Bananes — als der Schöpfer eine

1) Comm तदुपरित्यग्रे सर्वत्रान्वेति ।

2) D. h. der Rüssel des Elephanten gleicht den Schenkeln der Schönen, denn sie sind so dick, dass sie mit einander verbunden und als ein Stamm erscheinen; der Löwe, der auf den Rüssel gesprungen ist, ist verhältnissmässig so mager, dass er der Taille ähnlich ist; höher befindet sich ein wasserloser Teich — der Nabel, und darin badet ein Elephant, dessen Stirnbuckeln mit ihrem Brunstsastreifen den mit Härchen umgebenen Brüsten der Schönen gleichen; comm. करिषो गजस्य करे शुण्डादृष्टे । घनत्वेन मिलितयोः सनितम्बयोस्तदूर्वोः सकुम्भकुञ्जरकरदृष्टवद्भ्रामानत्वादिति भावः । सिद्धो मृगेन्द्रः । सक्रियगोर्द्ध्रविकाशयुतकृशकटेस्तथा भासमानत्वादिति भावः । तस्मिन्सिद्धे मल्लमरः । नाभिविवरस्य (Ms. वरिरस्य) तथा भासमानत्वादिति भावः । तत्र नाभिवरे । गजः लम्बमानरोमलतिकासंवलितकुचकुम्भयुगलस्य सशुण्डगजकुम्भवद्भ्रामानत्वादिति भावः ।

3) Das Wunder besteht darin, dass es beim Mondlicht blitzt; das Gleichniss darin, dass der Blitz gelb, wie der Körper nuserer Schönen, das Vollmondlicht aber weiss, wie ihr Gewand, ist.

4) Oder: die Göttin Crī in die Göttin Gaurī verwandelt. Comm. निरूपमश्रीरियं गौरी गौराङ्गी कृता ।

solche Schönheit schuf, so wurde die ihm innewohnende Kunst in dieser Welt vollständig offenbart¹⁾.

103. Und so hörte der König mit Aufmerksamkeit von einem Manne²⁾ über diese Gazellenäugige, welche ein grosses Heim von unzähligen ausgezeichneten Tugenden war, welche die herrliche Sonnenstadt³⁾ stark beschien, welche einem Strahle glich, den die Sonne in ihre eigene Burg fallen liess.

104. Darauf führte der schöne König die Campā durch die einer Thür [vergleichbaren] Ohren in sein Herz hinein; [sie konnte] als eine Mondstrahlenbinde, welche plötzlich⁴⁾ durch ein Fenster in das Haus [kommt], aufgefasst werden. Als er einsam, mit grösster Selbstbeherrschung [darüber] nachdachte, bemerkte ihn der Liebesgott mit grösster Freude.

105. Dann legte [Kāma] der Besieger der Götter auf die⁵⁾ [Campā, welche ihm da als] ein zarter Bogen diente, seine fünf Lotuspfeile⁶⁾ [und] schoss auf ihn los. Der König, dessen Hérzenslotus durch diesen Anprall getroffen wurde, fiel da ach! ohnmächtig und betäubt in die Gewalt des stolzen Liebesgottes.

106. Als der Liebesgott sich erinnerte, dass der König ein Verehrer des Çiva⁷⁾, sein grösster Feind, sein Besieger durch Schönheit war, durchbohrte er ihn zum zweiten Male mit verdoppeltem Unmuth, indem er die zehn Stufen der Liebe⁸⁾ durch seine fünf Pfeile in ihm entwickelte.

1) Comm. समुद्रपिडतं सम्यक् प्रकाशितमिवावधारय इति । इवैपम्ये परिभ्रुव ईषदर्थेवधारण इति हेमः ।

2) Comm. कस्माच्चित् । सूर्यनगरान्माहृष्मतीं प्रति गतात्पयिकात्पुरुषादित्यर्थः ।

3) I. e. Sūryapura: comm. खमणिना क्षुमणिना । स्वीयनगरे कात्तारस्वामिसंज्ञां धृत्वा स्वयमङ्गीकृते इत्यर्थः । सूरपुरमितिकृतनाम्नि तत्स्ये पत्ने दशक्रोशात्मके कात्तारवने । कात्तारस्वामिसंज्ञामङ्गीकृत्य खे सान्नात्सिद्यतत्वादिति भावः । मुक्ता स्यापिता प्रभाश्रेणीमिवेत्युत्प्रेना । शाणोच्छ्रीढः सुवर्णोऽवलत्वादिति भावः । Weiter citiert der Dichter das Skandapurāna, Tāpikhaṇḍa, wo diese Legende erzählt wird.

4) Comm. नवी सद्यः समुद्रताम् ।

5) Comm. अस्यो तद्विभावितरूपायां चम्पायामित्यर्थः ।

6) Comm. सर्वानेकैकबाणेन पराजयन्नप्येनं दुर्जयं मत्वा पञ्चभिरपि वापैस्ताडितवानित्यर्थः । Die fünf Pfeile des Liebesgottes sind im Kāmaçāstra angegeben: तडुक्तं कामशास्त्रे ।

रौचने मादनश्चैव शोषणश्च तृतीयकः ।

मोहनो मारणश्चैव पञ्चबाणाः प्रकीर्तिताः ॥

7) Comm. पुरारेः पूर्वैरिषोद्य च त्रिपुरात्कस्य स्मत्तारं चित्तनकरं भक्तमित्यर्थः ।

8) Comm. तस्मिंस्ताश्चतुःप्रीत्याद्याः शास्त्रप्रसिद्धाः दशसंख्या दशा अथवस्थाः । परिणयन् । प्राप-पिष्यन्नवर्तमानसामीप्ये वर्तमानवत् ।

107. Von dieser Zeit an befand sich der König in übler Verfassung, die Campā im Herzen tragend, just wie das wogende Meer, das das Mondlicht [in sich trägt¹⁾]. Obgleich er [an Standhaftigkeit] einem Baume ähnlich war, fand er nirgends Ruhe; darum [musste] er beständig durch die Diener [gepflegt werden]²⁾.

108. Als aber er — eine Leuchte der ganzen Welt — fürwahr nicht im Stande war die Schöne mit unsteten Augenwinkeln, welche die [ganze] Fülle der Schönheit der Welt sich angeeignet hatte, in die ganz kleine Höhle seines Herzens hineinzubringen, — verschämt³⁾ aufpassend sah er sie überall um sich herum⁴⁾.

109. Dieser muthige, ausgezeichnete Mann liess dann sein [wie ein Atom] kleines⁵⁾ Herz in sie — einen Strom von Schönheit mit glänzenden Wellen — aufgehen; er wurde starr⁶⁾, denn [sein Herz] verschwand in einer Art von grossem Strom, der, aus den Gliedern [der Schönen bestand] und [gleichsam] eine Stromschnelle des Glanzes war⁷⁾.

110.⁸⁾

1) Durch den Vergleich mit dem Meere wird die Tiefe des Geistes des Königs angedeutet; durch das Mondlicht, welches die Ebbe verursacht, die erfrischende Wirkung der Erinnerung an Campā: comm. चन्द्रिकीपम्येनास्याः परमाह्लादकत्वं योत्यते । . . . समुद्रौपम्येन राज्ञः परमगम्भीरत्वं योत्यते ।

2) Hier fängt die Beschreibung der zehn Stufen der Liebe an: Comm. अथ तस्य दशावस्थारम्भावस्थामाह ।

3) मन्दातः सलज्जः ।

4) Hier ist die erste Stufe der Liebe — die Augenweide (चतुःप्रीति) beschrieben: comm. अथ तस्य तदासक्तिसमुदिता दशावस्था वर्णयंस्तत्रादौ तस्य तस्या नयनसात्कारेणैव श्रवणसात्कारेणापि स्वप्नावस्थायामिव ज्ञानद्वयस्थायामपि ज्ञातां वक्तिस्तदाकारस्फुरणजनितमुखरूपं चतुःप्रीतिमाह ।

5) Comm. अथैवपि परमाणुप्रमाणमपि स्वं चेतः ।

6) Comm. निश्चितशून्यो ब्रह्मवत्सर्वस्फूर्तिविरहित आसीत् । मनसस्तदावेशात्सकलकरणानां मनोधीनत्वात्तत्स्फूर्तेर्ज्ञायमानत्वादिति भावः ।

7) Comm. अतिरयशोभामृतभरे । परमवेगशालिशोभात्प्रसलिलसमूहे कस्मिंश्चिदकथनीये । सर्वावयववर्त्तेन रहस्यत्वादिति भावः । तदपघनपूरे तदवयवप्रवाहे गतमभूत् । . . . हेतूपन्यासाद्धेवलङ्कारोपि । अणुपदे प्रवहणयोग्यतां योत्यति । पूरपदे प्रवाहणयोग्यतां समर्थयति । Hier ist die zweite Stufe der Liebe — der चित्तासङ्ग — geschildert.

8) In diesem verloren gegangenen Vers war die dritte Stufe der Liebe — der संकल्प — geschildert.

111. Weder kann er im Schlaf die Augen schliessen¹⁾, noch verbreitet sich Ermüdung durch seine Glieder in Folge grosser Schläfrigkeit²⁾, denn dieser grosse Held sitzt in der virāsana-Stellung³⁾, [und] lässt nicht auf einen Moment⁴⁾ die Schöne, die wie ein Nectarstrom [wirkt]⁵⁾, aus seinem Herzen weg.

112. Der Schlaf und der Schlummer verliessen ihn, indem sie [gleichsam] dachten: «er hat sich gewiss⁶⁾ die Schöne⁷⁾, welche gelb wie flüssiges Gold ist, zu eigen genommen⁸⁾; [und sie] öffnet seine Lotusaugen, just wie die Mondsichel [die Nachtlotuse], sie macht sein Herzenslotus aufblühen, just wie die Sonnenstrahlen [die Taglotuse]».

113. Der Körper des Königs, welcher gelb wie Gold war, wurde jetzt [so weiss], dass er den schönen Glanz einer Lotussprosse verspottete; er, der an Mächtigkeit einen grossen Elephanten zu übertreffen im Stande war⁹⁾, wurde dünner, als die Mondsichel¹⁰⁾.

114. Das Herz des Königs fand nirgends ein Vergnügen, obschon es von der [Schönen¹¹⁾], gleichsam] von einer Ader, welche von allen Genüssen

1) Hier und in dem folgenden Verse wird die vierte Stufe der Liebe: Schlaflosigkeit निद्राच्छेद) beschrieben und der Held mit einem Manne verglichen der beständig Nectar trinkt und deshalb nicht mehr schlafbedürftig ist: comm. यथानवरतामृतपानकरस्य पुंसो निद्रातन्दाशिक्षिततादिदोषा न भवन्ति तथा तामहर्निशं भावयतस्तस्य निद्राद्यो न भवन्तीति भावः ।

2) Comm. तन्द्वा तद् (i. e. निद्रा —) घारम्भत्रनिता जडता । सान्द्रा भूपस्यपि । शिथिलतां ग्रथिलतां निःसहतामित्यर्थः ।.... तन्द्वा प्रमीलित्यमरः ।

3) Comm. वीरासनं संनिवेशविशेषं धरतीति सः ।

4) Comm. लवं निमेषमात्रमपि ।

5) denn derjenige, der Nectar trinkt ermüdet nie.

6) Comm: ननु निश्चितम् ।

7) oder «diese welche ihm ungünstig ist»: comm. इयं चम्पाख्या वामा सुन्दरी । अथ च विपरीतकारिणी ।

8) Comm. वृत्ता स्वीकृता । एवं विचार्य निद्रा तन्द्वा च नृपतेर्व्यगमदिवेत्युत्प्रेक्षा ।

9) Comm. प्रगल्भं समर्थं वृत्तं ज्ञातं ।

10) Hier wird die fünfte Stufe der Liebe — die Magerheit तनुता geschildert.

11) Comm. तथा । श्रुतगुणगुम्फया कात्तपेत्यर्थः ।

traf¹⁾, gesättigt wurde: am Monde erfreute es sich nicht²⁾, es empfand nicht [den Geruch] eines Lotusbouquets, nach einem Kranze sehnte es sich nicht³⁾, am süßen Wein hatte es keine Freude und an der Laute hing es nicht.

115. Als nun sein Geist sich ihres Antlitzes erinnerte und langsam⁴⁾ die Schönheit ihres Busens sich vergegenwärtigte, so wurde sein Schamgefühl verwirrt⁵⁾; als er aber sich das beste ihrer Glieder vorzustellen anfang, so verschwand, ach! dasselbe, gleichsam aus grosser Scham vor sich selbst⁶⁾.

116. Ich glaube, der König verlor seinen Verstand⁷⁾, als ob er ein berauschendes Getränk getrunken hätte: er ist verwirrt, er irrt umher, er schreit⁸⁾, er singt, er rennt nach, er steht auf, spricht zu sich selber⁹⁾, geht wiederholt hinaus, spricht die Schöne¹⁰⁾ an, als ob sie vor ihm wäre.

117. «Ach, Geliebte! wende freudig zu mir dein liebliches Auge, beruhige mich durch den Nectar deines Antlitzes, — mich den brennenden, betäubten, tief in Kāma's Feuer hineingefallenen¹¹⁾ — zögere nicht umsonst»; indem er so sprach, wurde er ohnmächtig¹²⁾.

1) oder «von Liebe und schönen Künsten traf»; comm. अथ च । कलाभिश्चतुःषष्टिसंख्याभिश्चातुरीभिरित्यर्थः । सहवर्तमानः सुरसः शृङ्गाराख्यस्तत्स्यन्दिनी तत्प्रवाहिनीःया सिरा प्रणाली तद्रूपया । दर्शनामात्रेण त्रैलोक्यस्य विलक्षणशृङ्गारसप्रवर्तित्वादिति भावः । तथा ।

2) Es ist hier die sechste Stufe der Liebe der विषयनिवृत्ति geschildert, und die Unempfindlichkeit des Verliebten gegen die Objecte der fünf Sinnesorgane nach der Reihe angegeben; wenn die Menschen den Mond sehen, werden sie erfreut, er aber nicht: अनेन चतुरिन्द्रियविषयनिवृत्तिरुक्ता ।

3) Comm. मालायामतिमृडुलनवमालिकातिमुक्तकादिकुसुमदग्नि । न लोलं हृदये तदर्पणाभिलाषचपल[वं] न ज्ञातमित्यर्थः । अनेन त्रिगिन्द्रियविषयनिवृत्तिरुक्ता ।

4) Comm. स्थितमविलम्बितम् ।

5) Comm. विलुलिता व्याकुलासीत् ।

6) Hier ist die siebente Stufe der Liebe — Schwinden des Schamgefühls त्रपानाश geschildert.

7) Hier ist die achte Stufe der Liebe — das Rasen उन्माद — beschrieben.

8) Comm. नदति किमहो किमहो इति शब्दं करोतीत्यर्थः ।

9) Comm. अतः प्रलपति स्वात्मनैवानन्वितां वार्तां करोतीत्यर्थः ।

10) मदिरातीं स ist hypothetisch ergänzt.

11) Comm. मदनदहनात्तः कामाग्निमध्ये नितातमत्यन्तं निपतितम् ।

12) Das ist die neunte Stufe der Liebe मूर्च्छा genannt.

118. Alle königlichen Dienerschaaren riefen dann in der Verwirrung den sehr geliebten Hofnarren zum Könige herbei [und] sagten: «O Liebling des Königs, was ist das für ein elender Zustand [unseres] Herrschers!» [und] unendlich erschrocken fielen sie in Ohnmacht¹⁾.

119. Der Hofnarr dachte dann: «was soll das sein!» und als einer [unter den Anwesenden] sich geschwind eines früher gemachten gescheidten Ausspruches erinnerte²⁾, da erkannte er rasch: «das hat der Liebesgott gethan, indem er die Campā mit der glänzenden Schönheit ihres Körpers zu seinem Bogen³⁾ machte».

120. Darauf sagte er in grosser Aufregung: «O, König! O lieber Freund! wer ist der Grausame, der in dir einen Verehrer seines Feindes⁴⁾ erkennend, mit Blumenpfeilen und Bogen versehen, unerwartet dich heftig verwundet mit seinen aus Campakablumen (oder aus der Campā) bestehenden Geschossen⁵⁾»?

121. «Darum trage in deinem Herzen den Gott Çiva, der mit seinem dritten Auge Kāma vernichtete, und der der beste Schutz gegen Unheil für die Schaaren seiner Verehrer ist⁶⁾, und rüste dich diesen deinen und Çiva's unvergleichlichen⁷⁾ Feind, der stolz auf seinen Sieg über die Dreiwelt ist, zu besiegen».

122. Als der Herrscher der Männer diese Rede, welche einem ganz frischen⁸⁾ Nectarstrom, der aus dem Lotusmunde seines Liebblings kam, ähnlich war, gehört hatte, machte er die Augen auf und da gerieth der unbezwingliche, grossmächtige Kāma in die grösste Wuth⁹⁾.

1) Comm. मोहं मूर्च्छाम् । मूर्च्छा तु कम्पलं मोहोपीत्यमरः (II, 8, 2).

2) Comm. परामृष्य स्मृत्वेदमचिरात्वरितं कामेन कृतमित्यज्ञासीदित्यन्वयः । परामृष्येत्यनेन तत्समये तत्स्थितिः सूच्यते ।

3) Im Text ist hier ein grammatischer Fehler gemacht: पुष्पधनुषा statt पुष्पधन्वना.

4) Comm. निन्नरिपुः स्मरारिः शम्भुरित्यर्थः ।

5) Comm. चम्पाख्यनायिकायाश्चम्पकतरोश्चैव चाम्पेयाः । प्रबलपवनपरिप्लवत्तलितनलिनावली-विलासचम्पानयनद्वया इत्यर्थः । अथ च चम्पककुसुमद्वया इत्यर्थः । तैर्बाणैः कुसुमेषुत्वादिति भावः ।

6) Comm. स्मरणमात्रेण मृत्युंजयत्वादिति भावः । ईशस्व शंभोरथ च स्वप्रभोराराध्यत्वादिति भावः ।

7) Comm. अथ चासमं । भवतः शिवध्यानेन द्विगुणबलत्वादिति भावः ।

8) Comm. नवतनामपूर्वाम् । सङ्कृतिभूषितत्वादिति भावः ।

9) Comm. संरम्भं क्रोधं यद्वा । चरमदशोत्पादने समुद्यममकरोत् ।

123. Darauf als der in seinem Herzen betrübte Hofnarr erkannte, dass Kāma durch die Art seiner Rede noch mehr zornig geworden sei und dass er wirklich beabsichtige [den König] zu tödten¹⁾, dann rief er seinen Lehrer Datta herbei, als ob dieser Gott Çiva [selbst] wäre.

124. Zu dieser Zeit, als der sehr mitleidsvolle Gott [Çiva], der Besieger des Todes, dasjenige was dem [König] von Seiten seines Feindes des Liebesgottes widerfahren war, bemerkte, gab er irgend einem Brahmanen, um diesen [König] zu beleben, einen schönen Brief — gleichsam seine eigene belebende Mondsichel; und dieser kam damit herbei.

125. Als der beste unter den Einsiedlern²⁾, der Herr der Yogins, der von allen Göttern gepriesen war, zur sehr schönen Pforte des ausgezeichneten Königs kam, da sah er dort diesen anderen Barhmanen, der aus der herrlichen Stadt Sūryapura³⁾ gekommen war und einen Brief in der Hand trug.

126. Dann ging Datta geschwind mit dem anderen in den Palast des Königs hinein — er, der immer unermessliche Würde durch Anbetung von Lakṣmī's Gemahl besass; und, O, Wunder! als er seinen ohnmächtigen Schüler, den König, mit einem Blicke betrachtete, der [gleichsam] voll von einem niederfallenden Nectarschauer war, belebte er ihn.

127. Dann warf Kāma die Schöne, als ob sie sein schöner Bogen wäre⁴⁾, in des Königs Herz hinein und ging eilends von ihm fort um sich zu verbergen, sehr beschämt vor seinem Vater, dem Vāsudeva⁵⁾, der in Datta's Herzen wohnte, [indem er dachte:] «was bin ich!⁶⁾».

128. Der Besieger der Dreiwelt, der allermächtigste von unübertroffenem Muthe Gott Kāma verlor bei diesem Könige rasch jede Hoffnung;

1) Die letzte (zehnte) Stufe der Liebe ist der Todt: comm. अहंया मृतिकां चराम् ।

2) D. h. Datta; comm. योगीशानः । योगीश्वरो दत्तात्रेय इत्यर्थः ।

3) Comm. श्रीमन्मिहिरनगरात् । शोभमानसुर्वपुरात् ।

4) कार्मुकलतां ist auf Grund des Commentars ergänzt: नताङ्गीपदं कार्मुकलतात्रपकं समर्थयति ।

5) Comm. स्वीयजनकात् । स्वपितुः । दत्तस्वातस्थितमधुरिपोः वासुदेवात् । पद्मनाभो मधुरिपूर्वासुदेवस्त्रिविक्रम इत्यमरः ।

6) Comm. अमुतो नरपतेरगमन्निर्गतोभूत् । किमहमित्युत्प्रेता । गुर्वागमने कामावेशविह्वलतां विहाय गुरुवद्धमानवशात्मावधानोभूदिति भावः ।

das ist kein Wunder, denn ein Unglück, welches einem Manne passiert, der die Brahmanen, den Lehrer und die Kühe verehrt, schwindet sofort¹⁾).

129. Dieser weise Oberkönig stand dann auf mit einem Gesicht, das wie eine Lotusknospe glänzte, weil der Weg zu seinem inneren Organ frei wurde²⁾; [er] verehrte freudig jenen besten Lehrer, die beiden Hände faltend mit einem sanften Lächeln, welches so wie die Fülle des Herbstmondlichtes strahlte.

130. Dann empfanden die dortigen Diener die grösste Freude, indem sie zitterten und ihre Härchen sich sträubten; ebenso unerwartet kam aus dem Munde des verehrten Lehrers dieser liebliche Strom von glänzenden Worten, der von Liebe³⁾ traf und süß war:

131. «[O, König!] möge die Campā [dir] grosse Freude bringen⁴⁾; [auf ihm] sind Buchstaben mit [flüssigem] Gold [geschrieben]⁵⁾, er hat einen gelösten Siegel⁶⁾, er ist in einem schönen Couvert⁷⁾, [beschreibt] den Glanz eines schönen Mannes⁸⁾, er sieht

1) Comm. citiert hiezu den Sikatāsetu (?) तडुक्तं ।

गुरुगोविप्रदेवानां सेवके पुरुषे क्षणात् ।

विपदो विलयं [या]न्ति सिकतासितवो मते । इति ।

2) Comm. स्वस्थानुद्विग्राह्यत्वरसर्षिरत्तःकरणमार्गो यस्य सः ।

3) Comm. असमरसनिःस्यन्दमधुरः । असमोनुपमो यो रसः शृङ्गाराख्यस्तस्य निःस्यन्दः समुद्यस्तेन मनोहरः ।

4) oder «die Campakablume viel Duft verbreiten.» Comm. चम्पायाश्चम्पकाख्यवृत्तस्य पुष्पं चम्पा । ... सेव । अथ च चम्पाभिधनयिकेवातश्चामन्दं बहुलं मोदं । सैरभ्यमथ च हर्षं । रचयतु करोत्त्वित्याशीः ।

5) jedes von den folgenden Composita hat drei Bedeutungen, die für den Brief, die Campakablume und die Campā passend sein sollen; die gelbe Campakablume glänzt wie Gold, und die Campā ist goldfarbig vom goldenen Schmuck; comm. पत्रो । सुवर्णेन सुवर्णरसेनोद्यत्तः प्रकाशतो वर्णा अन्नराणि यस्यां सा । चम्पककुसुमपत्रे । सुवर्णस्वेवोद्यन्प्रकाशन्वर्णः कात्तिर्यस्याः सा । नापिकापत्रे । ... कर्णाद्यलङ्कारेण परिणतैः सुवर्णैः कनकैरुद्यद्वर्णः शोभा यस्याः सा ।

6) oder «sie (die Blume) hat eine geöffnete Spitze (Knospe)», oder «sie (Campā) hat ein freudiges Gesicht».

7) oder «sie (die Blume) bildet einen schönen Kreis (ist rund)», oder «sie (Campā) hat schöne Armringe».

8) Comm. सुनेत्रा शोभमाननायकेनाभाति सा । रमणीयनायकस्य वरार्यत्वेन विराजमानत्वादिति भावः ।, oder «sie (die Blume) glänzt durch die guten Augen [des Gärtners geschützt]: comm. पत्रकेसरादिभङ्गभयेन निश्चलतया मृदुपत्रवेष्टनादिनां संरक्ष्यमानत्वादिति भावः । आह्वरणकरिणा माला-

schön aus, weil er weiss wie eine Perle ist¹⁾, er entzückt das Herz²⁾, er ist [an Glanz] der Mondsichel auf [dem Kopfe] Īiva's ähnlich³⁾).

132. Nachdem [Datta], ein Edelstein im Diadem der Gelehrten, so gesprochen hatte, nahm er rasch aus der Hand des Brahmanen den glänzenden schönen Brief und gab ihn da dem Viṣṇu gleichen Weltherrscher⁴⁾. Dieser — ein Besieger von ausgezeichneten Königen — nahm ihn, gab seinem Freunde und Begleiter⁵⁾ dem Hofnarrn, sagte «dies vor, Freund» und setzte sich nieder.

133. Möge der herrliche lotusäugige Arjuna Kārtavīrya⁶⁾, der eine Menge glänzender Bogen und Pfeile in seinen Tausend Händen trägt, der

कारिणेत्पर्यः । अखण्डितत्वेनानयनादाभाति । सा ।, oder «sie (die Campā) glänzt durch ihre schönen Augen».

1) oder «sie (die Blume) ist durch Bienen schwarz (असित) wie ein Augensterne gemacht», oder «sie erglänzt durch Bienen, welche herumsummen»; comm. तारा नेत्रकनीनिका . . . तद्वदसिताः श्यामा धमरा तैर्ललितं सुन्दरं गात्रं स्वतूपं यस्याः सा । धमराणां श्यामत्वे स्वस्याः पीनत्वेनेभयसंयोगे परभागोद्यादिति भावः । यद्वा । तारा दीर्घरावः कंकारइत्यर्थस्तेन युक्ता । असिता धमरास्तैर्ललितगात्रा ।, oder «sie (die Campā) hat einen wie die Sterne weissen (blassen), schönen Körper», oder, «sie hat einen schönen Körper, der überall weiss ist (vom Glanze) der Perlen-schnur (तार + आ + सित . . .)»; comm. तारा नन्नत्रं तदिव सितं शुभं । सूदमं च । तथापि ललितं रमणीयं गात्रं शरीरं यस्यां सा . . . यद्वा । तारैः शुद्धमुक्ताफलैः शतपष्टिकं द्दारं कृत्वा . . . आ समतात्सितं सर्वत्रामलमुक्ताव्यो[ति]ष्यतादिति भावः । अत्र एव ललितं गात्रं यस्याः सा । So hat der Dichter nicht weniger als fünf Bedeutungen in dieses Compositum hineingelegt.

2) oder «er ist sehr lieblich»; comm. असूंप्राणान् रमयति सा सुरमणीति पदच्छेदः । यद्वा । सुरां रमणीया ।; oder «sie (die Blume) ist reizend», oder sie (die Campā) ist ausserordentlich schön».

3) Comm. मित्रीकृतानुकृता । गिरिशललाटस्यचन्द्रकला यया सा । तद्वद्वासमानेत्पर्यः । शुभत्वादाकुञ्चितवलयत्वाच्चेति भावः ।; oder «sie (die Blume) machte sich die Mondsichel Īiva's zur Freundin, oder «welche als Knopf [in der Mitte von Īiva's Turban] erscheint, just wie die Mondsichel» (?): comm. मित्रीकृता सुहृदीकृता । शिवेन सह वैरनिरासार्थं । तद्विद्वरःस्यचन्द्रकला यया सा । शङ्कुङ्कनोपस्थिता या पत्रवेष्टनेनालिङ्गस्थितत्वेन भाममानत्वादिति भावः । यद्वा । मित्रीकृताङ्गीकृता । मध्ये धृतत्वादिति भावः । गिरिशनिवानुकृ इव कला कलिका शङ्कुरित्यर्थः ।; oder «sie (die Campā) war [blass] wie das Licht der Mondscheibe Īiva's»: comm. विरुद्धनितकार्ष्यादिवशादिति भावः ।

4) Comm. चक्रिणे चक्रायुधाय । . . . पुनश्चक्रिणे सार्वभौमाय ।

5) Comm. सन्मन्त्रिणे । समीचीनविचारकारिणे । केलिकराय नर्मकराय । मन्त्रिणे सचिवाय ।

6) Der Dichter macht am Ende jedes Sarga ein Paar Verse, welche als glückbringende Segenswünsche wirken sollen; in jedem der zwölf Sargas wird eine besondere Kraft (शक्ति) des

wunderbar tapfer ist, den Übermuth der Räuber bricht, und die Kraft ¹⁾ hat die vollste Sicherheit zu gewähren — möge diese verehrungswürdige Incarnation von Viṣṇu's Discus die Dreiwelt im Osten hüten.

134. Dieses Gedicht ²⁾, welches alle entzückt kommt aus dem Munde des Dichters Hari infolge seiner Berührung mit dem Staube der Lotusfüsse des berühmten Nārāyaṇa; als die Götter es gehört hatten, schnten sie sich freudig nach ihm [und] küssten nicht mehr die rothen Lippen der himmlischen Frauen, welche die mit Nectar gefüllten Krüge [an Süsse] übertreffen.

135. Im «Haihayendracarita» ³⁾ welches durch die Kunst tadellose Verse mühevoll zu verfassen erglänzt, -- in diesem Gedicht des berühmten Dichters Hari, der in Sūryapura wohnt, ein Sohn des berühmten Nārāyaṇasūri, Nachkomme eines edlen südlichen ⁴⁾ [Brahmanen]-Geschlechtes ist, und berühmt dadurch, dass die Wissenschaft sein [einziges] Vergnügen ist, ist nun das erste Kapitel in glänzender Weise abgeschlossen.

Das ist das erste Kapitel «Schilderung der Vorzüge des Königs der Haihayas», des Gedichtes Haihayendracarita, welches durch [das Wort]

Arjuna gepriesen (hier z. B. seine Kraft Sicherheit gegen Diebe zu gewähren) und für eine Himmelsgegend (hier für den Osten) sein besonderer Schutz verlangt; comm. अथ कविः क्रमेण द्वादशसर्गेषु सर्गान्ते द्वादशात्मस्वरूपश्रीमहत्सवाहोः पृथग्द्वादशशक्तिसहितद्वादशनानादिगुणनिबन्धनपूर्वकं सर्वेषां द्वादशदिग्वनप्रार्थनाशीतूपं मङ्गलमाचरिष्यन्प्रथमसर्गान्ते प्रथमदिग्वनप्रार्थनाशीतूपं मङ्गलमाचरति ।

1) Comm. नैमंकरि नामिका प्रथमा शक्तिस्तया संयुतः । चोरमद्भञ्जन इति प्रथमं गौणं नाम । कार्तवीर्य इति मुख्यनाम ।

2) Auch personificiert, als Göttin der Dichtkunst, welche aus dem Munde des Dichters Hari erscheint, zu nehmen; comm. वाणी त्रिविधविद्याग्रन्थग्रथनरूपा सर्स्वती समुन्मीलति प्रकाशते । Am Ende jedes Kapitels seines Gedichtes macht Hari einen Vers um die Göttin der Dichtkunst zu preisen; comm. द्वादशसर्गेषु सर्गान्ते स्वोद्भूतवाग्देवताप्लाघनं करिष्यंस्तदुपक्रमते । श्रीनारायणेति ।

3) Comm. द्वादशसर्गेषु सर्गान्ते तत्समाप्तिबोधकं तत्संख्यायुक्तं श्लोकमुपन्यस्यत्रैतत्सर्गसमाप्तिबोधकमेतत्संख्यायुक्तं श्लोकमुत्तिपति ।

4) Comm. दान्तिणाट्येषु महाराष्ट्राभिधदन्तिणादिग्भत्रब्राह्मणेषु अन्वीयते युज्यते इत्यन्वयो वंशो वस्यासौ ।

«Sieg» markirt ist, und von dem Dichter Hari, dem Sohne des ehrwürdigen Nārāyaṇasūri, aus der herrlichen Stadt Sūryapura gebürtig, — verfasst ist ¹⁾).

ZWEITES KAPITEL.

1. Möge der Leib des Feindes des Mura [uns] auf lange Zeit das höchste Glück gewähren; [er ist] dunkelblau, wie ein Smaragd, unendlich breit ²⁾, sein Augenpaar senkt sich, um die immer strahlende [Schönheit] der Lakṣmī anzusehen ³⁾, er gleicht einem Himmel, auf dem der Blitz, die Sonne und der Mond gleichzeitig erscheinen und glänzen ⁴⁾.

2. Es erglänzt hier die Stimme des phantasievollen [Dichters ⁵⁾], die

1) Das Commentar zum ersten Sarga schliesst so: इति श्रीसूर्यपुरस्थितश्रीमन्नारायणसूरिसूनुप्रसिद्धभानुभटापरभिधहरिकविविचितायां स्वकृतकैक्येन्द्रचरिताख्यकाव्यव्याख्यायां श्रीशुभुविलासिकाख्यायां प्रथमः सर्गः समाप्तः ।

2) Comm. काममत्यन्तं विशालं पृथुलं ।

3) Comm. घनारतं सततं । . . . स्फुरिता दीप्यमाना या हरिण्याविव नेत्रे यस्याः सा हरिणीनेत्रा महालक्ष्मीस्तस्या या चीत्ता भगवत्क्रयमाणप्रेक्षणं तत्र नमन्नमोभवन्नयनद्वयमर्थाद्भगवन्नेत्रयुग्मं यस्मितत् । . . . मुरवैरिणो मुरारेर्वक्तो हृद्यं । कविपाद्यपाठकेभ्य इत्युपरितो ज्ञेयं । — Das Wort हरिणी entbält zu gleicher Zeit eine Auspielung an das Hauptmetrum — *harinī* — des zweiten Kapitels: हरिणीति पदं हरिण्याख्यं समग्रसर्गवृत्तं बोधयति ।

4) Denn der Himmel ist blau, unendlich breit, hat zwei Augen — Sonne und Mond. Die Lakṣmī wird mit dem Blitze verglichen, weil sie im Himmel wohnt und einen goldfarbigen Körper hat. Sonne und Mond zusammen mit dem fortwährend am Himmel zuckenden Blitze zu gleicher Zeit scheinend und einander nicht störend, würden ein Gleichniss für Viṣṇu's Leib sein; comm. सैहिककालावच्छेदेनोद्बुद्धद्वयस्रच्छेदोभमानमन्योन्यनिरासमकुर्वदित्यर्थः । चलात्पचन्द्रिकं विद्युत्सूर्यद्युतिकौमुदीत्येकवयस्मिंस्तदेवत्रिधं नियदाकाशमित्रोत्प्रेक्षा । त्रियदपि श्यामं विशालमस्ति भगवन्नेत्रयोः सूर्यचन्द्रात्मकत्वेन तयोश्च लक्ष्मीलावण्यवीक्षणमन्नेन . . . तस्य च लक्ष्मीनिवासगृहत्वेन तस्यास्तत्र सुवर्णसवर्णतनुकान्तिकल्लोलैरनवरतस्थिरतडिद्धत्स्फुरणात्तस्य तथात्वकथनस्योचितत्वादिति भावः ।

5) Comm. अनुभावतः परमप्रतिभाशालिनः कवेरित्यर्थः ।

beim [ersten] Hören¹⁾ schwer verständlich ist, doch wenn sie ins Herz gedrungen ist unübertreffliche Süsse verbreitet; in gleicher Weise kann der Krystallzucker²⁾, der vom Zuckerrohr entsteht, sogar durch scharfe Zähne nicht zermalmt werden, doch durch das Herumdrehen auf der Spitze der Zunge³⁾ erregt er Wonne durch Ausströmen von ausgezeichnetem Nectar.

3. Beschreibe uns, o Zunge! scherzend⁴⁾ fünf oder sechs Vorzüge der Leuchten unter den Dichtern. Warum stolperst⁵⁾ du? Alle kannst du doch nicht erwähnen: sogar der mächtige Schöpfer der Welt, wenn er sie durch eine lange Reihe von Tagen zählt, findet nie ein Ende.

4. Der Reiz des Summens eines Bienenschwarmes, welcher durch den stark von einem Lotusbeete entstrahlenden schönen Duft erfreut ist, kann in dieser Welt dem wundervollen Reize vieler Vorzüge, welche die zahlreichen Werke des ausgezeichneten Dichters Jaganuātha haben, nicht gleich kommen⁶⁾.

1) Comm. अत्रणमात्रेण सद्यः स्फुटार्थाभानादिति भावः ।

2) Comm. सिता शर्करा इति ।

3) Comm. आस्याङ्कुरो रसना तस्या अग्रमञ्जलस्तेन विलोलेने चालनसमये ।

4) Comm. कूर्पोत्स्वतः स्वात्तसंभवसमुल्लासात् । ननु मद्गुरोर्दोहवद्विःप्रकाश्यमानसमुल्लासाभासादिति भावः ।

5) Comm. किं स्वल्पमि । स्वल्पाः किं वक्तव्या इति संकोचं करोषीत्यर्थः ।

6) Wie im ersten Sarga folgt dem allgemeinen Preise grosser Dichter der spezielle Preis eines mit Namen erwähnten Dichters. Jaganuātha, anders Paṇḍitarāja genannt, wurde in Jayapura im Süden geboren, war unter Shah Jahan in der ersten Hälfte des siebzehnten Jahrhunderts in Benares und Delhi thätig; unter seinen vielen Werken ist besonders die Bhāminivilāsa berühmt. (s. Kāvya-mālā, II Band). Das Summen der Bienen ist nur süß klingend, Jagannāthas Poesie hat aber noch viele andere Vorzüge, aber es wird durch diesen Vergleich angedeutet, dass sie besonders durch ihre Süsse berühmt war, was auch Jagannātha selbst (im vierten Vilāsa des Bhāminivilāsav. 41) erzählt; comm. धमरशिञ्जायां केवलमाधुर्यगुणवत्त्वादितद्वचनरचनायां नानागुणवत्त्वान्नैतच्छोभावगाहनं तस्या ज्ञातमिति भावः । अनेनास्याः सर्वगुणवत्त्वेपि माधुर्यातिशयो द्योत्यते । अत एवानेन स्वयमेवोक्तम् ।

विदांसो वसुधातले पर्वचः श्लाघासु वाच्यमा

भूषालाः कमलाविलासमदिरोन्मीलन्मदाघूर्णिताः ।

आस्ये धास्यति कस्य लास्यमधुना धन्यस्य कामालस-

स्वर्वाभाभृशमाधुरीं विधुर्यन्वाचां विलासो मम ॥

5. Darauf, nachdem der Lehrer sich entfernt hatte, fing der Hofnarr an mit Freude¹⁾ aufmerksam den Brief zu lesen, den eine geschickte Freundin der Campā auf. . .²⁾ geschrieben hatte, der einem nectartriefenden Strauss ähnlich war, von Liebe, Artigkeit und Freundlichkeit voll war und eine Reihe von prächtigen Versen enthielt:

6. «Das Wasser, der Wind, die weite Erde, die Sonne³⁾, der Mond, das Feuer⁴⁾, der Opferdarbringer⁵⁾ und der Himmel, [das sind die acht] weit verbreiteten⁶⁾ Formen, die Çiva, der beste unter den Göttern⁷⁾, besitzt; möge er [dir] ein stetes preiswürdiges Glück⁸⁾ schenken.

7. «O, Yogin⁹⁾! was kann ich dir viel¹⁰⁾ anderes¹¹⁾ süßes jetzt erzählen, [da du] ein Heim der Süsse bist, und was elegantes, wenn du der Hauptschatz aller Eleganz bist; trotzdem, o König! lausche meiner Stimme, die durch Liebe zu dir süß ist.

8. «Die herrliche Sonnenstadt¹²⁾ prangt ausserordentlich in dieser Welt

(Ms. °स्वर्वामाधरमाधुरी) Bhāminīvilāsa, IV, 41) तथा च ।

या मूलाद्रत्नसिनोर्मलयत्रलयितादा च कूलात्पयोधे —

यावत्तः सन्ति काव्यप्रणयनपटवस्ते विशङ्कं वदन्तु ।

मृद्वीकामध्यनिर्यन्मसृणमदधुरीमाधुरीभाग्यभाजां

वाचामाचार्यतायाः पदमनुभवितुं कीदृशं धन्यो मदन्यः ॥ (ibid. IV, 38).

1) Comm. रभसभृत कृष्यव्याप्तः ।

2) die fehlenden √—√ könnten durch सुभूर्त्^० oder सुपत्र^० ergänzt werden, jedenfalls durch ein Wort, welches das Material bezeichnet, worauf der Brief geschrieben war.

3) Comm. रथाङ्गवियोगहृत् । चक्रवाकवियोगहृत्: सूर्यः । तडुश्ये रथाङ्गसंयोगादिति भावः ।

4) Comm. कीलामालो ज्वालाधरो वक्रिरित्यर्थः ।

5) Comm. वितानकृष्यन्नकर्ता ।

6) Comm. स्फीता व्यापकाः ।

7) Comm. त्रिबुधर्षभः देवश्रेष्ठो महेश्वरत्वात् ।

8) Comm. दिव्यं स्तुत्यं । . . भव्यं सुखं शर्म ।

9) d. h. Arjuna; comm. योगेन सर्वज्ञो योगीराजकार्तवीर्यो राजराज्ञोर्जुनस्तथा ।

10) Comm. अलं पर्याप्तं बद्धित्यर्थः ।

11) Comm. पुनरन्यत् ।

12) i. e. Sūryapura; comm. सूरस्य सूर्यस्येदं सौरं । सूरतः प्रसिद्धाभिधमित्यर्थः । सुवर्णमणिभूषणादिभूषितसकललोककान्तिः पुरे तूपचरात्कव्यते ।

durch ihren schönsten Glanz, von dem Armbande der Wogenreihen der Tāpī — umschlossen; die Stadt der Götter lässt plötzlich in ihrer Nähe die Gaṅgā, welche zur Erde floss, stehen bleiben¹⁾ und erreicht dadurch [dieselbe] Schönheit, die jener [Stadt Sūryapura] eigen ist²⁾.

9. «Dort wohnte nachdem er seine Heimat verlassen hatte der tadellose, stolze, herrliche König Kaccha, dem eine Menge Soldaten dienten; er hatte sich ganz der Verehrung der Tāpī gewidmet, und³⁾ wegen dieser übermässigen Anbetung⁴⁾ wurde er überall unter dem Namen des «Geliebten der Tāpī» hochberühmt.

10. «Früher weilte dieser König⁵⁾ [Kaccha] auf dem ewigen Berge Mahendra; [er war] ein sehr grosser, wundervoller Besitzer verschiedener Fundgruben von Juwelen, zeichnete sich durch unzählbare Tugenden aus, hatte ein Übermaas von Kraft⁶⁾, war sehr tapfer und [so reich], dass er mit einem kleinen Theile seines Vermögens scherzend die Schätze des Kubera kaufen konnte.

11. «Seine Tochter ist fürwahr die Campā, meine Freundin mit lebhaftem Blick, welche dem Preise der Tochter der Sonne⁷⁾ ergeben ist. Als der Schöpfer der Dreiwelt sie — die goldfarbige Schöne, die seine Schöpfung verziert⁸⁾ schuf, zeigte er seine grösste Kunst.

12. «Warum soll ich jetzt diese Weltschönheit mit reizenden Gliedern, unermesslichen Tugenden, von der du unaufhörlich gehört hast, noch beschreiben? Wozu da noch viel reden? Der Schöpfer aller Frauen hat noch nie in dieser Welt eine andere glückliche geschaffen, die ihr gleich wäre.

1) Comm. निवेश्य स्थापयित्वा ।

2) nämlich sie — die Götterstadt Amarāvati wurde dann auch durch einen Fluss umschlossen; comm. यद्गङ्गां सुर्यपुरोद्भूतां शोभामङ्गीकरोति । स्वीकरोति । स्वपर्यवसाने (? Ms. स्वपर्यवे) सरित्संचाराभावे तापीपरिवारितसूरपुरशोभाया दुर्लभत्वादिति भावः ।

3) Comm. गङ्गाया सर्वनदीर्विहाय तापीसेवापरत्वादिति भावः ।

4) Comm. तस्यां ताप्यां महोन्नतया । अत्युत्कृष्टया तया सेवया ।

5) Comm. तस्य जन्मभूमिकथनपूर्वकं संपन्निवासस्थानत्वमाह ।

6) Comm. सारोन्नतो बलाधिकः ।

7) d. h. der Revā.

8) Comm स्वप्रत्यक्षत्वादियमिति निर्देशः त्रिभुवनकृता ब्रह्मणा स्वनिर्मितस्त्रैलोक्यं तत्र शोभिनीं सौन्दर्यशालिनीं निरूपमसौन्दर्यमित्यर्थः ।

13. «An dem Tage, o du herrlicher Schatz der Schönheit! an welchem diese meine Freundin dentlich von deinen vielen Tugenden im Liede gehört hatte, da fand sie, die zur Wahl [des Bräutigams bereite], schwankend nirgends ein Vergnügen, o, du Glorreicher!

14. «Die Schöne, welche dich durch die Pforte der Ohren in ihr Herzenslotus eingeführt hat, — dich, der du einem Nectarocyan der Schönheit, in dessen Mitte [dein] Antlitz als Mond erscheint, gleichst — gelit den grössten einem lohenden Feuer ähmlichen Qualen entgegen. O, Schatz von vielen Tugenden! ich weiss nicht was für ein Wunder hier geschehen ist.

15. «Als der starke Liebesgott dich, seinen unbesiegten Feind, durch diese Besiegerin der Rati¹⁾ in sein Haus²⁾ eingeführt sah, von grossem Zorne erfüllt, legte er, ohne dass man es gemerkt hatte, auf den Bogen sein schreckliches Feuergeschoss und ach! setzte die Freundin in Brand.

16. «Soll ich hier, o König, erzählen, was dein Feind der Liebesgott angerichtet hat, indem er bei dieser Zarten die zehn Stufen der Leidenschaft verursachte; denn indem diese Mondantlitzige [dich, der du] ein starkes Mondlicht, welches Lotuse öffnet, bist, anschaut, geräth sie in das höchste Fieber.

17. ««O, Freundin! der ganze Tag ist vorüber, geöffnet sind die Nachtlotuse, so dass sie einen starken Duft verbreiten³⁾, gross ist meine Wonne»» während die Lotusäugige so voll grosser Sehnsucht [sprechend] stand, da erschien plötzlich das Mondlicht und fing an sie zu quälen.

18. «Durch das Feuer der Trennungsqual nimmt [bei ihr] der Sandelstaub die Form von Asche an, die gelben Haarflechten verspotten die Form des Blitzes, und ihr Stirnzeichen aus Menning wird zum Monde, weil er durch Hitze glänzend geworden ist; so erlangte diese Schöne, obschon sie unglücklich war⁴⁾, die Gestalt des Sadāçiva.

19. «Das mit Blumen geschmückte Kleid flammt auf von dem Hauche ihres Aus- und Einathmens, das aus ihrem Lotusmunde kommt und versengend mit den grossen Flammen des Feuers ihrer Trennungsqual sich ausbreitet; [durch dieses wird meine] Freundin gequält. Wenn das Schicksal in der Gestalt des Geliebten ungnädig wird, dann wird das eigene Herz zum grössten Feinde.

1) d. h. die Schöne.

2) denn der Liebesgott ist मनोभव.

3) परिमलभरकूर als Adverb.

4) im Worte क विकला steckt eine Zweideutigkeit: «obschon sie keine Mondsichel [auf ihrem Kopfe] hatte».

20. «Ihr Lotusbett wird zur Asche, der Sandelstaub auf ihrem Leibe brennt rasch knisternd. O, lieber Freund! das ist noch nicht für ein grosses Wunder zu halten, denn [sogar] die Perlen auf ihrem Herzen bersten deutlich, wie Körner [welche in das Opferfeuer geworfen werden].

21. «O, lieber Bräutigam! woran [könnten] wir das stärkste Fieber der Schönäugigen erkennen, wenn es dieses Lotuslager hier uns nicht anzeigte: ein Knistern entsteht auf den Stellen [des Lagers], welche brennen durch Berührung mit [ihren] Füßen, Händen, starken Hüften, breiter Stirne und blumenstraussähnlichem Busen.

22. «Diese Lotusantlitzige verbirgt fortwährend in der Höhle ihres Herzens vor ihren Eltern die höchste Qual, welche durch die Trennung von dir verursacht wurde. Wir, die wir draussen sind, was können wir [davon] wissen? du, der du in [ihrem] Herzen wohnst, kennst das sicher.

23. «Die Sandelsalbe, die auf das Herz gegeben wurde, wurde sofort zur Asche, Blumenkränze wurden trocken, flammten auf [und] brannten. Das Feuer der Trennungsqual, welches durch Fächeln [nur] grösser wird, zu löschen sehen wir kein anderes Mittel, als die Feuchtigkeit deiner Lippen.

24. ««Lege auf dein Herz Bakula - Knospen, rothe Açokablumen, glänzende Mangoblüthen, weisse Lotuse, aufgeblühte Jasminen»»; als die Jungfrau diese Worte der Dienerinnen hörte, that sie das. Aber ach! welches Wunder! das Herz wird dadurch nur gequält.

25. «Wie sehr es die Lotusantlitzige den Strom von Thränen, welche durch die Trennung hervorgerufen sind, vor der Schaar ihrer lieben Freundinnen zu verbergen sucht, [es ist doch] vergeblich; denn sowohl die tiefenden Ströme des Blumensafts sind salzig¹⁾, als auch die Schösslinge die durch viel Wärme durchdrungen sind, werden welk.

26.

27.

28. «Ihr Körper ist sehr mager, ihr Lotusantlitz bloss wie die Sprosse des *Aconitum*, ihre Augen voll mit hervorquillenden Thränen, welche das *Collyrium* abwischen. Die Schöne fühlt Abneigung gegen Genüsse, den Schmuck legt sie ab, im Inneren ist sie unruhig: dieser Zustaad geht uns zu Herzen!

[Beschreibung] der zehn Stufen [der Liebe]

Augenweide.

29. «Diese Zierde der Welt verbringt ihre ganze Zeit damit, dass sie dich — den Wunderbaren, von dem sie von einer Menge von Männern und

1) Das Wort क्षार is hypothetisch ergänzt.

Weibern gehört hat, den wie der Liebesgott schönen, — auf einem Bilde gemahlt, anschaut. Ach! sage doch, welchen anderen Zustand der Gazellen-
ägigen soll ich beschreiben.

30. «Das Augenpaar der Cakora-ägigen empfindet heftig die höchste
Wonne, wenn sie [dein] schönes Mondenantlitz anschaut. Das bringt in dieser
Welt eine grosse Verwunderung hervor: ihr Herzenslotus blüht auf und
wird schön durch Liebe¹⁾).

31. «O, lieber Freund! der du schön wie der Liebesgott bist; meine
schönägige Freundin merkt, dass zwischen deinem Bilde und dem Liebes-
gotte eine Aehnlichkeit existiert; sie könnte sich sogar vollständig irren, wenn
bei diesem nicht eine Trübung durch Zorn bemerkbar wäre, o, du,! der du
ein ruhigeres Aussehen hast!

Beschreibung der Lähmung und anderer äusserlichen Zustände bei
der Augenweide, welche beim Anschauen des Bildes entsteht;

unter ihnen ist die Lähmung der erste.

32. «Als die Lotusantlitzige dich auf dem Bilde sah, dich der du ein
Mond für die Lotusbeete der Augen der Dreiwelt und ein Ocean, in dem
verschiedene Tugenden [sich vereinigen] bist, da gab sie das Blinzeln auf
und sah wie das Bild einer Frau, das Kāma gemahlt hätte, aus.

33. «Als die Keusche ihre Lotushand vorstreckt um dich, der du mit
schönen Augen auf dem Bilde gemahlt bist, an [deinem] Lotusfuss zu be-
rühren, da kommt plötzlich, wie ein übermüthiger Feind, die Lähmung
hervor, die sich in [deinem] Fussknöchel versteckt hatte [und] hält die
Zarte zurück.

Der Schweis.

34. «Als die Lotusägige mit Mühe dein Lotusantlitz, welches den
Glanz des Herbstvollmondes hatte, mit ihrer zarten Hand berührend da
stand, o, Schöner! dann floss sofort von ihrem Leibe ein ganz kalter wun-
derbar duftender Schweisstrom herab.

1) Das innere Organ, das Herz wird sowohl in der Philosophie, als in der Poesie als ein
Lotus dargestellt. Es blüht auf, wenn die Augen der Schönen das Gesicht des Geliebten sehen,
weil der Mond die Nachtlotuse aufblühen macht. Ihre Augen werden mit den Augen eines
Cakora verglichen, weil dieser sich von Mondstrahlen nähren soll.

Das Sträuben der Härchen.

35. Wenn die Schöne von Leidenschaft erfüllt [und] vor Scham verlegen dich mit schüchternem Auge einen Moment anschaut, wird sie sofort mit gesträubten Härchen, [wie ein Baum] mit Knospen bedeckt; o, liebster! die Schöne mit lebhaftem Blick badet sich in einem Meere von Liebe, welches von zur Erscheinung kommenden Affecten hoch aufwogt, [und] wird von Kälte überwältigt.

Das Stottern.

36. «Als sie die Absicht hatte [ihre] Freundin zu fragen «O, liebe Freundin, Retterin meines Lebens, meine junge Gefährtin! wer ist der junge Mann, den ich heute unerwartet erblickte, er gleicht einer Incarnation der Liebe mit Lotusaugen?» — da schnürte plötzlich die Fülle des Gefühls ihre Kehle zusammen.

Das Zittern.

37. «Als sie mit [ihren] schön bewimperten Augen dich den Herrn der Welt erblickte, o! da zitterte ihr Körper ganz wie eine Liane, die vom Winde geschwungen wird; denn sie war sehr erschrocken durch die grosse Kälte, welche in Folge des Bades in dem Nectaroceane der Wollust sich [durch ihre Glieder] verbreitete, wobei jedes andere Gefühl schwand.

Die Blässe.

38. «Als die Lotusantlitzige, dich den besten unter den Werbem — der du [gleichsam] ein goldner Liebesgott bist und eine Reihe von Liebesgöttern [durch deine Schönheit] zu besiegen verstehst — in ihrem Herzenslotuse eingeschlossen hatte, ach! da wurde sie sofort blass. Sage, ist es bekannt, dass der Liebesgott so sehr zügellos ist!

Thränen.

39. «Starr sind die Augen der Lotusäugigen, ihre Glieder schwitzen, die Härchen sind gesträubt, die Stimme stottert, der Körper zittert, das Lotusantlitz ist blass; als ihre Augen dein schönes Gesicht erblickten, floss da nicht von selbst [aus ihnen] ein Sturm von Thränen, [gleichsam] um [dich] anzusehen?

Versenkung.

40. «O lieber! die Gazellenäugige bewegt nicht die Lotusfüsse, den Lotusmund, die Lotusaugen, die Lotushände; die stets frische Schönheit deines Körpers sich vorstellend, von Liebe bewältigt, mit starren Organen, sieht sie so aus, als ob sie in der Yoga-Versenkung wäre.

Concentration der Gedanken. [Zweite Stufe der Liebe].

41. «Das Denkkorgan der Gazellenäugigen ist in dich, [wie] in ein Nectarmeer von Schönheit, eingetaucht und kommt fürwahr gar nicht heraus; o, König! was soll ich thun? Denn ach! die Schöne, obgleich sie von ihren Freundinnen langsam wieder und wieder erweckt wird, spricht nicht, als ob sie noch im Schlafe wäre.

42. «Sie kratzt die Erde mit den Spitzen ihrer Zehen; wenn auch das kleinste gesprochen wird, lässt sie es sich gefallen, sagt aber zu ihren Freundinnen gar nichts, am süß redenden Star ergötzt sie sich auch nicht; O Glücklicher, das Herz der [Schönen] mit lotusähnlichen Augen ist zu dir hingerissen!

43. «O, liebster, wenn die Lotusäugige über dich, der du schön wie der Mond bist, nachdenkt, merkt sie nicht, dass die ganze Nacht und der Tag vorüber sind, sie merkt selbst nicht den musikalischen Ton, der aus ihrer Kehle kommt; denn das Herz derjenigen, die eine Leidenschaft zu einem Bräutigam haben, [kann] nichts merken!

44. «O Herr, die Zarte schliesst ihre Augen und trennt sich, sogar auf einen Moment, nicht von dir, dem schönsten Manne der Dreiwelt, der du in ihren Herzenslotus eingedrungen bist; just wie ein Cakora weibchen, welches [sogar] in Abstraction versunken, den reinen Vollmond der einen Nectar-regen sendet [nicht verlässt].

45. «Das Betelpaket, das eine Freundin [ihr] in den Mund schiebt, bleibt so liegen, die Laute, welche ihr in die Hände gelegt war, fällt sogar schlaff herunter, sie wendet gar nicht ihr Augenpaar von dem ab, an wem es haftet; denn das Herz der Lotusäugigen ist in dich versunken.

46. «Im Herzen Niedergeschlagenheit, im Munde Schweigen, am Körper Magerheit, aus den Lotusaugen ein ununterbrochener Strom von Thränen, Abneigung gegen Vergnügungen, und das Begreifen von gar nichts, o

bester unter den Männern, was ist mit der Zarten¹⁾ geschehen? wir, ach, wissen es nicht!

47. «Wird der König meine Worte gern hören, oder nicht? Wird der lustige Rath, der alles verspottet, da irgendwie zustimmen? O, werde ich heimlich von Liebe überquillen wenn ich ihn erlangen werde, just wie eine Statue aus Mondstein, wenn der glänzende Mond darauf scheint; oder nicht?

48. «O! wird der Lotusäugige meinen Leib, der vom Feuer der Liebe verzehrt wird, mit seiner einen Nectarstrom herabtriefenden Hand erfrischen, wird er hier meine Herzensgluth durch ein reichlich Benetzen mit dem Honig seiner Lippen löschen; oder nicht?»

49. «Im Gegentheil, wenn sie den Geliebten wie einen Götterbaum, der stark duftet, umarmen und mit heftiger Leidenschaft küssen [könnte], würde sie hier in das erfrischende Nectarmeer [seiner Schönheit], wo das Bewusstsein schwindet, versinken, ihr Herz erstarren [und] sie bewusstlos, wie die Erde werden.

50. «Wann wird denn mein Geliebter mein Lotusantlitz in die Hände nehmen [und] diese süssen Wörtchen heimlich wiederholen: «O, du Lotusäugige, liebe, junge, du Mond im Ocean der Liebe, mondantlitzige Freundin, lebenrettende Arznei, du Schmeichlerin»!

51. «O, weh! wie soll mich dieser König sofort zu eigen nehmen? oder was soll ich für ein Mittel, hierauf bedacht, anwenden? Wozu spreche ich von dieser aussichtslosen Herzenslust»? So schmachtet meine mit vielen Sorgen gefesselte Freundin.

Schlaflosigkeit.

52. «Der Schlaf, der als eine liebe Freundin zu ihr kam um sie wegzuführen, wurde von ihr gar nicht beachtet, weil ihre Gedanken von dem glorreichen Geliebten hingerissen waren; deshalb entfernt er sich in heftigem Zorn und kehrt nicht zu ihr zurück; darum erwacht sie fortwährend.

53. «Tag und Nacht kommt der Schlaf nicht zu dieser unglücklichen Schönen, deren Leib durch das flammende Feuer der Liebe beleckt wird, gleichsam aus Furcht vor der grossen Hitze, [welche in ihr] sich zeigt; aber sie merkt es nicht; im Herzen, welches durch die Erinnerung an dich gekühlt wird, da ist keine Gluth.

1) तनीः für तन्व्याः

54. «Die Jungfrau bemerkt im Herzen und draussen unveränderten Sinnes, Tag und Nacht, nur dich den einzigen, ausserordentlich schönen Geliebten. Sie verfällt auch für einen Moment leise nicht in den Schlaf, gleichsam aus Furcht die Freude deine Gestalt anzusehen [nur] während einer Secunde zu verlieren. Ist es nicht so?

55. «Als die liebliche, magere Schöne fürwahr überall draussen [nur] dein Antlitz, welches dem Herbstvollmonde [gleichet] und einen Nectarregen sendet, sieht; so scheint es mir, das überaus feste Siegel des Schlafes habe ihr Augenpaar verlassen und o, Wunder! ist in ihren Mund gelangt¹⁾.

56. «Dann schloss sie, welche nur dich den Herrn der Welt in den zehn Himmelsgegenden sah, ihr Augenpaar mit Gewalt; o, Freund, der in Betrügereien verschlagene Schlaf betrog diese in den Künsten erfahrene und ergoss sich gleichsam durch alle ihre Glieder, nur Ermündung hervorbringend!

Magerheit.

57. «Der Liebesgott schleudert seinen sehr zarten Pfeil, der das Vertrocknen aufhören lässt, [aber], o Wunder, er macht die Schöne mager! Was soll ich thun? Wie ein sechszehntel Theil des Mondes²⁾, einen kleinen Theil von [ihrer früheren] Schönheit behaltend lebt sie kaum nur vom Nectar der Gedanken an dich, o Freund!

58. «Der mitleidslose, den Glücklichen abholde Liebesgott quält wüthend stark [und] unaufhörlich die an Tugenden erhabene [Schöne], welche die Rati [durch ihre Schönheit] besiegt; doch verliert diese Jungfrau mit grossen Augen, die die Dreiwelt bezaubert, ihre grosse Schönheit nicht.

59. «Die Freundinnen erkennen [die Schöne] nicht, sie, welche durch grosse Trennungsqual abgemagert hat und dünn, wie eine Lotusprosse geworden ist, mit starrem Blick anschauend; und das ist kein grosses Wunder, denn sogar Kāma wäre nicht im Stande die Lotusäugige zu verwunden, ohne sie [besonders aufmerksam] anzusehen.

60. «Als die Freundinnen die Mondsichel am ersten lunaren Tage und die ihr ähnliche in Trennung abgemagerte Schöne sahen, weinten sie tief betrübt; sie verstanden aber nicht, dass jene, nach einem langen Weg mager, kaum sichtbar gewordene, wieder Tag für Tag zunimmt, diese dagegen nicht.

61. «Ihre Schenkel, die Elefantenrüsseln ähnlich waren, wurden Lotusprossen ähnlich, ihre Brüste welche gross wie goldene Krüge waren,

1) D. h. sie öffnet die Augen und schliesst den Mund.

2) Der unsichtbar ist.

wurden lotusblumenähnlich, das reizende Elefantenweibchen wurde einem langen, dünnen Blitze ähnlich: wie soll man noch weiter die Magerheit welche von der Trennung mit dem Geliebten kömmt, schildern!

62. «Ich bin nicht im Stande, die Magerheit der Schönen zu beschreiben; trotzdem höre von mir, o bester unter den Männern, dass passende Worte dazu nicht zu finden sind! [meine] Freundin ist jetzt fürwahr dazu geeignet in deinem atomartigen Herzen wie in einem Hause einen weiten Spaziergang zu machen.

Die Abneigung gegen Genüsse.

63. «O Lotusantlitziger, das Herz der [Schönen] mit lebhaftem Blick haftet nicht am zarten Mondlicht, noch an einem jungen Schösslinge, nicht am Walde, der [uns] durch den Duft der Vicikilablume erfreut, nicht am schönen Summen der Bienen, welches voll von Süsse ist, und nicht an verschiedenen süssen Leckerbissen.

64. «O lieber Freund, solange die Schöne dich nicht erlangt hat, scheint ihr der volle Mond rasch stechende Strahlen zu haben, eine Lotusknospe, [die sie] berührt, scheint ihr ein hervorkommender Schlangenkopf zu sein, der Sandelsaft mit Kampher gemischt wird ihr zum Feuer, und der Liebesgott zum Todesgotte.

65. «Einst ging diese, durch die Trennung betrübte Jungfrau allein in einen von Vicikilablumen duftenden Wald, um ihr Herz zu erfreuen; durch den Gesang der Bienenweibchen wurde sie in das grösste Unglück versetzt, denn was kann ein Herz, das durch Unglück gedrückt ist, zerstreuen?

66. «Ach! [Meine] Freundin spaziert nicht im Garten, wo frische Jasminen viel Duft verbreiten, wo zwei blühende Pundrakabäume grosse Freude durch ihren Duft erregen, wo ein nectarartiger Wohlgeruch herrscht, weil sie jetzt, wie ich sehe, durch dich diesem abgeneigt gemacht ist.

67. «[Meine] liebe Freundin erfreut sich nicht an dem lautsprechenden, schönen Star, sie geniesst nicht das Mondlicht, die Freude der ganzen Welt, den schönen Jasminkranz trägt sie nicht; denn das Herz der Schönen ist bei dir — dem Inbegriff alles Glücks.

68. «O, du, der du schön, wie der Liebesgott bist! ihr Augenpaar, welches sich gewiss nur deinen grossen Glanz zu sehen sehnt, und matt wird, weil [sie] unaufmerksam ist, wird von jedem lieblichen Anblicke abgestossen; ihre Zunge, die den Nectar deiner Lippen zu trinken sich sehnt ist ganz unempfindlich gegen jeden Geschmack.

Verlust des Schamgefühls¹⁾.

69. «O, liebe, Mondantlitzige! schau an den aufgehenden Mond. Dieser Mond, o, Schöne! ist nicht [für mich] ein günstiges Geschick, sonder nur ein Verderben²⁾. Wie könnte das volle Mondlicht den Himmel meines Herzens mit der Finsterniss des Irrsins bedecken, wenn dieses nicht von grosser Furcht bedrängt wäre.

70. «Liebe Freundin! nimm ein frisches schönes Lotusblatt und binde es auf mein Herz, um die Flammen des Feuers, das man Liebe nennt, zu löschen. Ach! Freundin, es wird sofort nur in einem Moment trocken, es brennt und vermehrt meine Qual. Was soll ich thun?

71. «Wenn ich den Gatten jetzt fürwahr nicht bekommen werde, der mir als junger Bräutigam, schön wie der Liebesgott, mit einer wie Gold glänzenden Gestalt, geschildert wurde, ach! da wird sofort, o, Freundin, meine Seele zum Todesgotte wandern.

72. «Ach, liebe, schön redende Freundin! lösche sorgfältig [diese] Masse von Giftflammen. Der Frühlingswind selber naht, [aber] warum versengt er mich, die Unglückliche? Ich weiss es, o, Freundin: wenn das Schicksal gegen einen ist, da fügt sich alles zusammen.

73. «Wie kommt, o, Freundin! dieser viel Kummer bringende [Açoka-
baum] dazu, kummerlos genannt zu werden, er, der die vom Trennungs-
schmerz unglücklichen und traurigblickenden Jungfrauen quält; [er] hat
eine ausserordentlich schreckliche Gestalt, indem seine Blätter einer Menge
von Sägen gleichen, roth schimmern, als ob sie mit dünnen Blutstreifen ge-
färbt wären.

74. «O, Freundin! lass das volle Mondlicht bei Seite; es ist [jetzt] Neumond: ach! warum umhüllt und brennt dieses reine [Licht] meinen Leib? Warum brennt mich [mein] Jasminkranz? O, Freundin! mache mein Kleid recht kalt, denn es ist ein neuer Käfig aus Kāma's Pfeilen.

75. «Der Mond, der von den Göttern und von Schaaren von Cakoras getrunken wird schwindet nicht ganz, dank dem einen [seiner sechszehn Theile, der immer auf dem Kopfe Çivas stehen bleibt]. O, Feuer! das du auf der Stirne Çivas bist, sei gnädig und verbrenne rasch diesen sechszehnten Theil, der meinen Leib versengt.»

1) Dieses wird dadurch ausgedrückt, das die Campā gegen die Vorschriften des Anstandes laut von ihrem Geliebten spricht.

2) eigtl. ein Rāhu.

Das Rasen.

76. «Ach! die lotusäugige Jungfrau irrt umher, seufzt tief, fällt auf das Bett nieder und steht plötzlich auf, geht gerad in den Hof, kratzt die Erde, lässt in einem Augenblick einen Strom von Thränen fließen, weil sie durch eine Masse von Flammen des Liebesfeuers verzehrt wird.

77. «O, weh! da schwatzt die Lotusäugige, sie steht auf, schreit laut, [dann] setzt sie sich nieder, lacht sehr laut, und weint, fällt [dann] wieder und wieder auf die Erde in grosser Verwirrung; sie betrügt sich wie eine die von neunfach [distilliertem] Arac betrunken ist.

78. ««O, Wolke, Wolke! warum dieser Uebermuth gegen eine schwache Frau? Zeige [deinen Uebermuth], o, Freundin! O Tochter der Berge! dem brausenden Winde gegenüber, wenn du es kanust; denn diejenigen, die eine hohe Stellung bekleiden, erlangen in dieser Welt die höchste Auszeichnung nur dann, wenn sie höhere angreifen; nicht, wenn sie geringere quälen».

79. ««Ach! dass du, o, Freund Wolke, dich nicht schämst so laut zu brüllen, wenn dein Antlitz durch die grosse Sünde des Mordes einer unglücklichen Jungfrau geschwärzt ist, das finde ich ganz gewöhnlich; denn bei Leuten, die ein kaltes Herz¹⁾ haben, giebt es in dieser Welt weder Mitleid, noch Scham sammt Mitgefühl.

80. ««Warum, o, Blitz! zuckst du da ausgelassen, wieder und wieder: denn obschon wir beide in gleicher Weise verliebte Frauen sind, so ist doch in [dieser] Welt die Vereinigung auf lange Zeit mit einem Manne unsicher, darum gieb das Zucken auf²⁾.

81. ««O, grosser, herrlicher Mangobaum! reich an herausströmendem Blumensaft, der einen unvergleichlichen Duft verbreitet, der du von Bienen-schwärmen besungen bist! In meinem Körper, der durch die Flammen des Liebesfeuers beleckt ist, erregst du, o Freude der Dreiwelt, eine Verstärkung [des Schmerzes]! Was soll ich thun?

82. ««O, bester Koil! Warum erschallt deine wie Nectar süsse Stimme umsonst! Ach! die schöne Stimme ist mir unerträglich; O! weisst du das

1) oder «bei denen, die (wie die Wolke) aus Wasser bestehen, giebt es keine Hitze».

2) Die Wolke ist der Geliebte des Blitzes; sie kommen nicht auf lange Zeit zusammen, sondern nur wenn der Blitz zuckt. Da alles was nach indischer Vorstellung die Verliebten erfreut — wie Mond, Blumen, der Kuckuck, Wolke, Blitz — unsere Schöne nur quält, so bittet sie den Blitz das Zucken aufzugeben, mit Hinweis darauf, dass er doch auf längere Zeit sich mit der Wolke nicht vereinigen kann.

gar nicht, dass für ein unglückliches Herz jedes Vergnügen zum Missvergnügen wird.

83. «O, bester Koil! warum bist du gekommen, mich die unglückliche mit deiner lieben süssen Stimme zu ergötzen? Was soll ich dir liebes thun? Denn durch deine leidenschaftliche Rede, welche die Liebe vermehrt, wird meine Seele und mein Herz zum Geliebten hingerissen.

84. «Warum, o böser unbarmherziger Südwind,¹⁾ zürnst du so heftig gegen eine schwache Jungfrau, die vom Geliebten getrennt ist? Ich weiss, dass es sich passt für dich, den lieben Verwandten des Yama²⁾, weil du mit dem Gifte, der aus der Kehle der Schlange hervorgeht, vermischt bist³⁾.

85. «O, Mond! du grosser Strom des Glanzes, du Herr der Götter und Brahmanen, du Seele der beweglichen und unbeweglichen Welt, du glorreicher Behälter des Nectars. Woher [kommt] plötzlich dein Eifer, mich zu quälen? Für die Grossen dieser Welt würde es sich fürwahr nicht schicken die Todten zu erschlagen.

86. «Die Biene ist flatterhaft, sehr hartherzig ist der Pfau, ein Schurke ist der junge Koil, der Papagei recitiert das gehörte, dann ist der Star schwarz und die grosse Wolke kalt. Wen soll ich bei meinem Geliebten für mein Unglück verklagen?»

O h n m a c h t.

87.

88. «O, Freundin! führe mich in's Haus, denn dieses [Gestirn] mit stechenden Strahlen verbrennt mich mit einem dichten Flammenregen, mit der Masse seiner Hitze». Als die Freundinnen sagten: «das ist nicht die Sonne, es ist der Mond», da rief sie: «O! rette mich, Freund, du mondanltziger!» und fiel in Ohnmacht.

89. «Als [meine] Freundin mit Mühe einschlieff, so sah⁴⁾ sie dich, der du schön wie der Liebesgott bist, im Traume in ihren Armen [und] erwachte. Als sie dann auf's Bett blickte und dich nicht sah, wurde sie da sofort von Ohnmacht befangen [und] sah wie eine Schlafende aus.

1) Das Wort माधव ist hypothetisch hineingefügt.

2) Ein Freund von Yama ist der Südwind, weil jener über dem Süden herrscht.

3) Die Schlange ist nach der Vorstellung des Indes पवनाशिन , und der Südwind ist ein Ueberrest von dem Fraas der Schlangen, welche im Malaya-Gebirge wohnen und in der heissen Jahreszeit sich um Sandelbäume herumwinden.

4) Das Wort दृष्ट्वा ist hypothetisch hineingefügt.

90. «O, Schöner! als die Maid mit den schönen Zähnen den weissen Lotus, den zarten Mondschein, das Summen der Bienen, den Duft des Blumen-safts, die Musik der Laute, welche die fünfte Note ertönen lässt, alles dies, was die Ohnmacht schwinden lässt, wie ein Schlag empfand, fiel sie in Ohn-macht. O, über die Ungunst des Liebesgottes!

91. «O Schöner, die Ohnmacht kommt plötzlich zu dieser [Jungfrau], welche wegen der Trennung unglücklich, sehr gequält ist, Thränen vergiesst, mager, durch Ungeduld niedergedrückt ist, fortwährend viele Seufzer aus-stösst, und umarmt sie, wie eine liebe Gespielin, ich meine, um rasch die Freundin vom Unglück zu befreien.

92. «Als der Liebesgott bemerkte, dass die Jungfrau durch ihre grosse Schönheit Rati übertrifft, schoss er sie zornig mit einem betäubenden Pfeile an; o, liebster! als die Knospé ihres Herzenslotuses durch dessen Anprall zerschmettert wurde, fiel wiederum die Schönäugige ganz sinnlos in Ohn-macht.

Die Rettung von der drohenden Todesstufe.

93. «Als der unbarmherzige Kāma, auf böses sinnend, erfuhr, dass [meine] Freundin, Besiegerin der Rati, in dich, seinen mit hohen Vorzügen begabten Feind, verliebt sei, legte er seinen tödlichen Lotuspfeil auf den Bogen um sie in das Reich Yama's zu senden.

94. «Als ich dann bemerkte, dass der Liebesgott eine unschuldige in die grösste Gefahr versetzen will, vom Schmerz gedrängt, von grosser Furcht erfüllt, dachte ich, o liebster! in meinem Herzen über ein Mittel nach und fand kein anderes, [als das folgende]; dann sprach ich zu [meiner] schönen Freundin.

95. «O, Campā! du lebhaft blickende, denk in deinem Herzen an die Göttin Durgā, Gemahlin des Vernichters des Todes, die in dieser Welt den Schmerz vernichtet; wenn man nur einmal in sie versinkt, stillt die Mitleids-vollē selbst verderbendrohende Leiden, gewährt Erfolg und schenkt höchstes Glück.

96. «Nachdem [meine] sehr kluge [Freundin] diesen meinen liebevollen Worten mit Aufmerksamkeit zugehört hatte, vertiefte sie sich in die Göttin Çivā, welche Heil bringt; [und diese] aus Barmherzigkeit gegen [meine] Freundin beschloss in ihrem Herzen schnell jenem Feinde des Zerstörers der Städte einen neuen Schrecken einzujagen.

97. «Denn in diesem Moment spannte der stolze Liebesgott heftig die mit Bienen besetzte Sehne seines aus Atimuktablumen gemachten Bogens,

und als er im Begriffe war den Lotuspfeil, welcher das Leben wegrafft, abzuschliessen, sah der Kluge [meine] mondantlitzige Freundin an und — o, Wunder — schoss ihn nicht ab!

98. «Als er dann den Lotuspfeil fallen lies, da setzte sich, o Wunder! Lakṣmī selbst in die Lotusaugen der [Schönen] hinein, sicherlich weil sie dem Monde ihres Antlitzes, welcher aus dem Nectarmeere geboren war und [desshalb] ihr jüngerer Bruder war¹⁾; gutes zu thun wünschte, o, Glorreicher!

99—100. «Plötzlich merkt dann der Liebesgott, der stets alle besiegt, dass die beiden Lotusaugen [meiner] mit schönen Brauen versehenen [Freundin] zwei seiner Pfeile und ihre zwei gebogene Brauen zwei Bogensehnen seien. Unveränderten Sinnes wünscht er durch diese dich, den Helden, den Besieger von Königen, den letzten unter den Edlen zu besiegen. [Darum] schont er die goldfarbige Schöne, als seinen eigenen Schatz, als einen Lotus-teich, der mit Lotusblumen umgeben ist, als eine Stadt die im inneren glänzt, als die einzige höchste Kraft welche die Welt besiegt.

Hier endigt die Beschreibung der zehn Stufen [der Liebe].

101. «Darum rette, o bester unter den Menschen, [meine] Freundin, ach! schliesse von jetzt an Freundschaft mit dem Liebesgotte, dem Besieger der Welt, dem Mehrer der Wonne! Denn sie ist nicht im Stande den äussersten Trennungsschmerz auszuhalten; ihr Leben ist [nur] durch die Hoffnung dich zu erlangen erhalten.

102. «O, Bräutigam, o Strom von Barmherzigkeit, du Freund, Gewährer der Wünsche! wähle mich hier zu eigen, an einen anderen denke ich nicht». Ich, welche dieses und das folgende mit eigener Lotus hand im Briefe geschrieben habe, werde dir jetzt die Lage schildern, in welcher sich ihr ganz bedrängtes Herz befindet. Höre mich, o liebster!

103. «O du, wie der Liebesgott lieblicher! wenn du von der Schönen getrennt bist, dann ach! wird [für sie] der Mond zur Sonne, das Mondlicht zum Feuer, der Athem zum Stöhnen, der Sandelstaub zum Fieber, das Angenehme zum Gift, das Heim zu einem fremden Welttheile, der Lotus zur Schlange, das eigene «Selbst» zum «Unglück» (?), diese Welt zur Luft, der Liebesgott zum Todesgotte.

104. «Nimm dir die Campā zu eigen, welche ganz der Besitz des Gemahls der Rati ist, eine am anderen Ufer des Oceans der Schönheit stehende Stadt, der fliessende Nectarstrom des Mondes, ein Kästchen für eine Masse von Perle gleichen Tugenden, belebende Arznei für einen der durch viele Pfeile des Liebesgottes vernichtet ist.

1) Lakṣmī sitzt auf einem Lotus und ist aus dem Nectarmeere geboren.

105. «O bester unter den Menschen! möge Campā, welche die Welt bezaubert, dir für immer gehören! Sie, deren Augen wie ein auffliegender, flatterhafter Bienenschwarm, sich bewegen, deren glänzender Körper wie die Glanzwellen eines blühenden Campakakranzes schimmert, deren Antlitz wie der aufgehende Vollmond ist, und die dem Blitze in der Wolke gleicht».

106. Als der König vom lustigen Rathe den mondlichtgleichen schönen Brief [zurück] bekam, [den Brief], welcher durch die geschickte Composition einer Anzahl süsser Verse wunderschön war, öffnete er weit die schönen Augen, die einem blauen Lotus ähnlich waren, und indem der Ocean seiner Gedanken hoch wogte, entsendete er nectarähnliche Verse, die von Liebe erfüllt waren und die Schöne am Leben erhielten.

107. «O Jungfrau! deren Arme zart wie Lotussprossen sind, die die Dreiwelt entzückt, o lebensrettende Arznei, o liebste, du Nectarstrom der Liebe, wisse und zweifle nicht: wie könnte ich, der von dir gewählt bin, dessen Herz durch die Fesseln die man Liebe nennt an dich gebunden ist, ohne dich leben!»!

108. Als der beste unter den Königen dem Liebesgotte gehorchend der Geliebten einen ausserordentlichen Vers — einen grossen Zauberspruch, der auf die Liebe [sich bezieht] und wie frischer Nectar [wirkt] schickte, dann stand er, sein Geist in einen Ocean von Gedanken über das Mittel die [Geliebte] zu gewinnen vertieft, seine beiden Lotusaugen geschlossen, unbeweglich, wie ein Yogin da.

109. Zu dieser Zeit kam ein Mann aus Sūryapura und gab freundlich dem ausgezeichneten Könige, der durch Sorgen ermüdet war, einen schönen mit dem Namen des Vaters [der Campā] unterzeichneten Brief gleichsam einen Schiff, der über den grossen Ocean der Sorgen führt und gleichsam eine schöne Frau, weil er durch viele hinreissende Verse glänzend geschmückt war.

110. Der König liess seinen Lehrer, welcher das Benehmen des besten unter den Ariern hatte, herbeirufen, gab ihm den Brief der einem Freunde und grossem Wohlthäter gleich war, sagte «dies, o Herr!» und schwieg. Der ausgezeichnete Lehrer nahm [den Brief] in die Hand, öffnete ihn [und] las, indem sein Gesicht von grosser Freude erglänzte.

111—116. «Heil! Dieser Brief des Tāpikākānta, welcher eine Nachricht und verschiedene elegante Sprüche enthält, ist an den berühmten Lehrer Datta mit Verbengung gerichtet, [den Datta], welcher einer Biene [ähnlich ist], deren Geist aus Freude die Fusslotuse des glorreichen Herrn Viṣṇu zu geniessen still ist; welcher der erste ist unter denjenigen, die von

den besten Eigenschaften, vor allem Ruhe und Sanftmuth, erfüllt sind; welcher dem frommen Wandel gemäss, der in der heiligen Schrift und der Tradition gelehrt wird, sich benimmt; welcher alle Gelehrten durch die grosse Macht seines Wissens übertrifft; welcher ein grosser schöner Baum des Glückes ist, der nach Belieben Blüthen treibt; welcher mit einem grossen Verstande, [gleichsam] mit einer himmlischen Gaṅgā, geschmückt ist, welche wegen der grossen Freude einen Nectarschatz verschiedener Wissenschaften zu umarmen, hoch aufwogt; dessen Redeströme, wie die hoch wogenden Wellen des Oceans, der durch die Berührung mit den Nectarstrahlen des aufgehenden Vollmondes schwillt, erglänzen; welcher eine Wohnstätte des Duftes der Poesie ist, der sich von den durch die aufgehende Sonne der Wissenschaft geöffneten Lotusbeeten der Gelehrsamkeit mit der grössten Leichtigkeit verbreitet; dessen Ruhm wie der Mondaufgang stark in der ganzen Welt erglänzt [und] weiss wie der Diamant, die Milch, der aufgehende Herbstmond, und der Jasmin ist; dessen Herzenslotus mit allen Mitteln seinen Freunden gutes zu thun bemüht ist; welcher wie der runde Milchocean eine Zierde des Erdkreises ist; dessen Fusslotuse durch den schimmernden Glanz der Edelsteine auf den Spitzen der Diademe einer Menge von Göttern, mit Indra und Indu an der Spitze, erglänzen; welcher eine Incarnation Viṣṇu's ist, der die Schöpfung, die Erhaltung und die Zerstörung von allem verursacht; welcher durch die grösste Macht, die das Practicieren des Yoga giebt, erglänzt; welcher in der ausgezeichneten Stadt Mahiṣmatī wohnt; welcher [so viele] verschiedene unzählbare Vorzüge hat, wie die Schlange Ḍeṣa unzählbare, hervortretende Zungen.

117. «Ferner! Himmlisches Glück wird zu Theile uns, die von grosser Wonne erfüllt sind, da wir den Nectar des steten Denkens an dich bis zur vollen Genüge mit den Bechern unseres Geistes trinken; darum denken wir da stets ununterbrochen an das, was dich betrifft.

118. «Und ich muss melden: mögen meine Lotusaugen immer erfreut werden durch das Mondlicht eines Briefes, der aus dir, gleichsam aus einem Oceane, aufgeht, der überall einen Nectarregen der Liebe sendet und der den Mondlicht-trinkenden Cakora unseres Herzens erfrischt.

119. «Und ferner. Meine Tochter Campā, deren Blick [so] lebhaft ist, und die reizend, wie ein Strauss aus Campakablumen ist, gebe ich dem Könige der Könige [zur Braut]. Bewillige dieses, o du, grosser Strom von Mitleid, bester unter den Kundigen, von den Menschen geehrter, der du einen klaren Verstand hast!

120. «Und ferner. Mit ihm und dem schönen Heere musst du, der beste

unter den Weisen, hierher kommen im Monate Vaiçākha, wenn die Stimme des besten Koils süß und laut ertönt, in der lichten Mondshälfte, wenn die Mondsichel zunimmt, unter der Constellation R̥kṣa, die sich für Hochzeit passt, wenn der Mond und die Sterne dem besten unter den Königen günstig sind.

121. «Wozu soll ich noch viel schreiben! Da dein Herz allen Menschen zu helfen sucht, und du von allen Göttern verehrt bist, so wirst du diese meine in Ehren gehaltene Bitte vollbringen [und] mitleidsvoll die Wünsche deines Dieners erfüllen.»

122. So las der beste unter den Weisen diesen Brief dem herrlichen Könige vor, dessen Füße durch [die Verbeugungen] aller Könige glänzend gemacht wurden, [und] befahl: «o, bester unter den Königen, lass morgen früh in unserer Stadt, so wie auch im Heereslager einen Marsch nach Sūryapura verkünden!»

123. Der kluge Besieger von Königen, nachdem ihm der Lehrer dieses gesagt hatte, sprach zu den Dienern, indem seine Augen durch besonders grosse Freude weit geöffnet waren: «gebt jetzt rasch in der Stadt und im Heereslager durch Trommelschlag und Ausrufen den Edlen [den folgenden] Befehl:

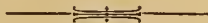
124. «Möge [Arjuna¹] der Feind der Mörder, der deren Uebermuth bricht, der mit Çrīkarī (?) verbunden ist und prasselnde Pfeile und Bogen hat, mich im Süden ganz besonders schützen. Wenn er schreit, so eilt die Brut der Feinde der Götter, Thräne vergiessend, heftig zitternd, mit undeutlichen Schmerzensrufen zusammen.»

125. O, Weise! wisset, dass ich ein ausgezeichneter Dichter in dieser Welt geworden bin durch die Freude, die ich an [der Verehrung] der Lotusfüsse meines Lehrers Nārāyaṇa [empfunden habe]. Als die Götter meine tiefsinnigen Worte, wie einen Nectarstrom mit den Bechern ihrer Ohren tranken, fühlten sie eine unbeschreibliche Freude.

126. Die Devī Annapurṇā gebar selbst vom berühmten Nārāyaṇasuri den Dichter Hari, dessen Gedichte nectarähnlich sind, und der die Lotusfüsse eines guten Mannes verehrt. In seinem Gedichte Haihayendracarita, welches durch die Kunst tadellose Verse zu dichten erglänzt, ist der als zweite bezeichnete Kapitel zu Ende.

1) Vgl. I, 133, Anm.

Das ist das zweite Kapitel des grossen Gedichtes Çrīhaiyendracarita, welches durch das Wort «Sieg» markirt ist und von dem Dichter Hari, dem Sohne des berühmten Nārāyaṇasuri, aus der herrlichen Stadt Sūryapura gebürtig, verfasst ist.



Appendix A.

Die einleitenden Verse zum Commentar des Haihayendracarita sind:

श्रीमान्गजेन्द्रवदनः सदनं मतीनां
पायादपायभयतः स तु मा १) नितारम् ।
भक्तानुरागमिव कुम्भयुगे २) दधानः
सिन्दूरपूरममितं बहिरुज्जिह्वानम् ३) ॥ १ ॥
यो मा दधाति कमनीयतनुं ४) रसालः
फुल्ला ५) वसन्ततिलका लतिकामिवायम् ।
श्रीमूतराज इव विद्युत्मुल्लसती ६)
श्रीमान्स पातु भगवानरविन्दनाभः ॥ २ ॥
भजामि भुवनाधारं हराकारं परं महः ।
यस्येव चन्द्रिका ज्योत्स्ना कृष्णा रामा विराजते ॥ ३ ॥
फुल्लपत्रशतपत्रलोचना ।
भक्तसक्तहृदया दयासरित् ।
शब्दसागरविचारचातुरी-
हेतुरीप्सितमिरा ददातु मे ॥ ४ ॥

1) Ms. मा.

2) Ms. कुम्भे युगे.

3) Ms. बहिरुज्जिह्वानं.

4) Ms. तनुं.

5) Ms. फुल्ला.

6) Ms. मुल्लसती.

वैकुण्ठनाथपदपङ्कजलीनचित्त-
 रोलम्बमम्बरगुणागमसिद्धबुद्धिम् ।
 संदर्शनप्रदलिताखिलकल्मषौघं १)
 नारायणं गुरुमनल्पगुणं नमामि ॥ ५ ॥
 श्रीकृपेद्गतभव्यकाव्यजलधिप्रोन्मथने मन्दरः
 प्रोद्दामाद्भुतशेषपेशलगिरासारप्रसारप्रभुः २) ।
 धाराधारकविवकौशलसमुल्लासिप्रभावाद्भुता
 मृङ्गारादिरसाकुला हरिकवेर्वाणी.समुद्भृम्भते ॥ ६ ॥
 अस्ति स्वस्तिकरः समस्तजगतः क्षमापालमौलिस्फुर-
 न्माणिक्यावलिकान्तिकातचरणाः श्रीप्रभुपृथ्वीपतिः ।
 यस्य त्रस्यद्रातिपालनपरस्थापीय गौणाकरं
 पीयूषं विबुधा विनिर्यदमृतं निन्दन्ति ३) सौधाकरम् ॥ ७ ॥
 किं वर्यः किल शैवस्य मद्धिमा जगतीपतेः ।
 आकर्ण्यं यद्ददान्यत्वमितरैस्तद्वितन्यते ॥ ८ ॥
 कर्पूरपूरविशदस्वयशःसितसारसे ।
 ब्रह्माण्डमण्डली येन भसलीक्रियतेतराम् ॥ ९ ॥
 तस्याज्ञपैव विबुधान्प्रति नैजभाव-
 प्रोद्बोधनाय हरिणा किल तन्यतेस्य ।
 काव्यस्य तु स्वविहितस्य विकासिनीयं
 व्याख्या प्रभेव ४) रविणा कमलाकरस्य ॥ १० ॥
 संदेकसंतमसंहरणैकदत्ता
 नानापदार्थनिभृतार्थविबोधिकेता ।

1) Ms. ँषौघ.

2) Ms. ँपेशल प्रभुः.

3) MS. निन्दन्ति.

4) MS. प्रभेव.

ज्ञातान्नधूकबुधकोकसुशोकसौख्या
विद्योतिनी जगति शंभुविलासिकाख्या ॥ ११ ॥ युग्मम् ।
तस्माद्बुधाः सहृदयाः सदा भवन्तः
पश्यन्तु सादरमिमो कृतिमस्मदीयाम् ।
दोषान्निरस्य तु गुणान्ममुदस्य हृद्या-
ङ्कुर्वन्तु चायमुदितो हि विदां स्वभावः ॥ १२ ॥

Appendix B.

Das Ms. des Çambhurājacarita gehört jetzt der Sammlung des India Office in London an. Es enthält nur Fragmente des Werkes und ein Paar Blätter, die den Anfang des Haihayendracarita enthalten, ohne richtige Varianten, zum Theil dieselben Verse, mehrfach wiederholt. Die folgenden Schlussverse des 12. Sarga enthalten Angaben über die Familie und den Lehrer des Dichters:

Śambhurājacaritam, Harikaviḥ.

Surat, Number १५१.

Schluss des 12. Sarga, Vers 160 ff.

Im Anfang 2 über einander geklebte Blätter, die je eine etwas verschiedene Version der ersten Verse geben. Das unterste Blatt lautet von Vers 162 an:

मया मन्देनेक् त्रिभुवनमनोहारिचरिताः

कृता वाचां गुम्फा १) गुणविक्रितकम्पाः कृतधियः ॥

तदेतज्जानीधे यद्यमुपज्ञीव्यामरुतो-

गिरां गन्धं प्राप्तः २) कविसुरभितां शंकरगुरोः ॥ १६२ ॥

येनैकः कवितावतारसमये ग्रन्थः समुल्लासित-

स्तस्या एव सुविश्रमे पुनरुक्तो बन्धोपरो ३) निर्मितः ॥

तस्या लास्यविधौ कृतास्तु बह्वस्ते ते प्रबन्धोत्तमाः

सोयं कोपि हरिः ४) कविः कविरुविश्रोतिःकपो दीव्यति ॥ १६३ ॥

1) Ms. फां.

2) Ms. प्रप्तः (sic!).

3) Ms. बंधेः (sic!).

4) Der Visarga ursprünglich weggelassen, aber später hereingesetzt: हरिःकविः (sic!).

Diesem Vers ist am Anfang ein unten geschriebener Haken \wedge (sic!) und am Ende ein oben geschriebener \vee (sic!) zugefügt. Am oberen Rande der Seite findet sich von derselben Hand, die das darübergeklebte Blatt und auch die vorhergehenden Blätter in diesem Sarga geschrieben hat, Vers 160 des darübergeklebten Blattes mit der Nummer 163 geschrieben. Am unteren Rande dito ein Vers, mit der Nummer 164, der ebenfalls auf dem vorhergehenden Blatte in diesem Sarga steht, dessen Handschrift mit der des darübergeklebten Blattes übereinstimmt, und die № 158 führt. Er lautet:

वक्ता पदूर्शनानां भवति खलु नरः कश्चिदाहो स्विदन्यः
 प्राज्ञः सर्वासु विद्यास्वपि भवति ज्ञानः सर्वलोकैकमान्यः ॥
 इःप्रापः कोप्यनल्पप्रवरतरमतिः सोत्र विद्यासु कास्व-
 प्येकं पादं तदर्धं पदमपि विबुधानन्दनं गुम्फयेद्यः ॥

Es geht ihm in diesem Zusammenhange ein Vers voraus, der mit न पापिउत्तयं नित्यं etc. beginnt, aber ebenso wie dieser Vers auf das Leben des Dichters nicht Bezug hat. Der Anfang dieses Verses ist wohl gemeint mit den Buchstaben न नित्यं, die auf dem unteren Blatte hinter obigem Verse am Rande stehen.

Das untere Blatt hat als Vers 164, also auf येनैकः etc. folgend, den Vers श्रीनारायण etc., und stimmt von da mit dem oberen überein.

Das obere Blatt beginnt mit folgendem, die № 160 tragenden, im unteren Blatte oben an den Rand geschriebenen Verse:

श्रीमद्वाकरणावगाहनपटुः काव्याब्धिपारंगमः
 साहित्यामृतसिन्धुरागमलसत्सद्धर्मशास्त्रोद्भटः ॥
 कुन्दोर्लंकृतिशास्त्रशालिधिषणो नानोपविद्यानिधिः
 सच्छास्त्रानुगतान्तरो हरिकविर्नारायणिर्नन्दति ॥ १६० ॥

Vers 161 = Vers 163 des unteren Blattes: येनैकः etc.

Vers 162 ist mit gelber Farbe übermalt; nach den wenigen unter der Farbe lesbaren Buchstaben zu urtheilen ist es der Vers 162 des unteren Blattes: मया मन्द्रेनेहू etc.

Vers 163 = Vers 164 des unteren Blattes:

श्रीनारायणनामसद्यतिवर्प्रौठ¹⁾प्रतापोदया-
द्यः प्रापाखिलदुर्लभां²⁾ निन्नकुले कारुण्यकञ्जोलिनीम् ॥
श्रीकात्तस्य यया समं ह्यकुरुतामस्मिन्विलासं निन्नं
वैरं ब्रह्महो विहाय सततं वाग्वादिनोसंपदी ॥

Die 3. Zeile dieses Verses lautet im unteren Blatte:

श्रीकात्तस्य ययामले ह्यकुरुतां तस्मिन्विलासं निन्नं

Mit dem Anfang des folgenden Verses, 165 des unteren Blattes, endet das obere Blatt, der Rest des Sarga ist in der Reihenfolge des unteren Blattes nummeriert und mit der Handschrift des unteren Blattes geschrieben.

सोयं भूरिगुणो निकाममहिमा सौजन्यवार्निधिः
श्रीचित्तमणिनामको द्विजपतिश्चातुर्यचित्तमणिः ॥
सूरिं सूनुमसूत तं तनुधरं सात्तात्प्रसादोदयं³⁾
श्रीकात्तोयमिति⁴⁾ प्रकामविभवं श्रीरङ्गनाथाभिधम्⁵⁾ । १६५ ॥
नानाशास्त्रविचारचारुधिषणो विश्वोपकारव्रतः
श्रीगोविन्दपदारविन्दसुरसासक्तात्तरेन्दिन्द्रिरः ॥
यः श्रीभागवतामृताब्धिविलसत्कञ्जोलसेकैः सदा
संसारभिधदावद्गधमखिलं लोके समाजीवयत् ॥ १६६ ॥
तस्मादाविर्भूत्तिलोकविदितो नारायणः किं स्वयं
श्रीनारायणनामको गुरुवरः श्रीपद्मनाभानुजः ॥
यस्मिन्नासत⁵⁾ ते गुणाः स्थितिज्ञुषः सर्वनुकम्पादयः
स्वीयं वैरमहो विहाय सततं सौजन्यलुब्धा इव ॥ १६७ ॥

1) für ढ (ḍh) ist wie im Haihayendracarita in diesem Ms. ठ oder eine ähnliche Form geschrieben.

2) unteres Blatt: दुर्ल^०.

3) geschrieben ursprünglich: तनुधरः und ०दयः, und ०भिधः der Visarga mit gelber Farbe übermalt und der Anusvāra gesetzt.

4) Ms. ०मिव.

5) die ursprüngliche Lesart ist mit gelber Farbe überstrichen und obiges darüber geschrieben.

पतंगतनुञ्जालसन्मिहिरपतनाध्यासनः
समस्तगुणगुम्फितो विबुधचक्रचूडामणिः ॥
रमेशपदपङ्कजप्रमदमानसेन्द्रिन्द्रिरः
परास्तक्रुकान्तरः १) प्रगुणदाक्षिणात्यान्वयः ॥ १६८ ॥
श्रुतिस्मृतिपुराणज्ञाखिलसुधर्मसंवर्धनः
समुद्रवसनोत्ससद्विशदकीर्तिचन्द्रोदयः ॥
विलोकनविदारितप्रचितलोकपापोदयः
सुधर्म इव मूर्तिमान्विजयते स नारायणः ॥ १६९ ॥
सत्कीर्तिकल्पलतिका दलितङ्कुरासी-
द्विज्ञानकल्पतरुप्यखिलो विशीर्षाः ॥
सौजन्यसिन्धुरपि शुष्कसुधारसोभू-
न्नारायणे किल २) गुरौ स्वतनुं ३) प्रविष्टे ॥ १७० ॥
तस्मात्साधुपदाब्जसेवनपरः सोयं हरिश्चाभव-
च्छ्रीनारायणपादपङ्कजसुधासेवातवाग्विभवः ॥
यः श्रीशंभुमहोपतेरपि गुरोस्तस्यैव कृत्स्नाख्यया
विख्यातस्य निदेशतो वरमिदं काव्यं व्यधाद्भुतम् ॥ १७१ ॥
शंभुः काव्यमिदं महत्कृतवतः स्वीयाज्ञाया श्रीहरे-
श्वेतोभीष्टमलं ददौ तदखिलं येनायमानन्दवान् ॥
- - णी ४) सकलं स्वकीयममलः पुत्रप्रपौत्रैः समं
यावज्जीवमहो स्वजीवनकृते नान्यं वदान्यं गतः ॥ १७२ ॥
विकाशं संनीते विबुधरविभिः काव्यकमले
मदीयेस्मिन्स्फूर्जद्विविधगुणसौरभ्यनिवहे ॥

1) dieses Wort ursprünglich ausgelassen, dann am Rande von derselben Hand, die das aufgeklebte Blatt vorhin geschrieben hat, dazu geschrieben.

2) Ms. खिल.

3) Ms. स्वततनुं.

4) zwei Buchstaben verschmiert und unleserlich.

रसालोसंपूर्णे कमलनिलया सातिदयया
 सरासं संवासं रचयतु जगन्मोहनकरी ॥ १७३ ॥
 घ्राचन्द्रार्कं समुद्यन्नवरसललितां द्योतिसंदर्भसारां
 नानालंकारपूर्णां निचितगुणगणां भूरिभावार्थगर्भाम् ॥
 राजद्वैदग्ध्यमुग्धां मुररिपुगृहिणीमुल्लसत्तोमिवात्तः
 कामासूयाविमुक्ता मम भणतिमहो साधवो भावयन्तु ॥ १७४ ॥
 दुःसंगोस्तु कदापि नो त्रिभुवने कस्यापि मस्यान्विता
 भूमिः संततमस्तवस्तुनि परे निष्ठां ब्रजेपुर्जनाः ॥
 नीचा नित्यमिह त्यजन्तु मुहूदां वैरं नवैरङ्कुरै-
 र्भाग्यानां तितितनायकः तितितले शंभुश्चिरं नन्दतु ॥ १७५ ॥
 श्रीचिन्तामणिसूरिसूनुविबुधश्रीरङ्गनाथोद्भव-
 श्रीनारायणसंभवो कृरिकविर्यः श्रीशपादाश्रयः ॥
 सर्गेभूदनवद्यपद्यरचनाचातुर्यविद्योतिते
 तत्काव्ये खलु शंभुराजचरिते काव्यात्तिमो १) द्वादशः ॥ १७६ ॥
 पीयूषांशुसमुद्रसप्तवसुधाविद्योतिते विक्रमे २)
 वर्षे मासि च पौषनाम्नि बङ्गले पत्ने द्वितीयादिने ॥
 इद्वारे ३) द्विजनायकस्य पितृभे चापूर्णायच्छ्रीकृरिः
 काव्यं शोभनशंभुराजचरितं नानागुणोद्भूम्भितम् ॥ १७७ ॥

इति श्रीसूर्यपुरस्थितश्रीनारायणसूरिसूनुकृरिकविरचिते विजयाङ्के शंभुराजचरिताख्ये महा-
 काव्ये राजनीतितत्त्वोपदेशनिर्णयो नाम द्वादशः सर्गः संपूर्णः ॥ ॥ श्रीः ॥ संपूर्णं चैतत्काव्यं ॥ श्रीः ॥

1) im Ms. ist der Anusvāra mit gelber Farbe übermalt; es ist aber natürlich काव्यात्तिमो zu lesen.

2) die entsprechende Jahreszahl ist in Ziffern an den Rand geschrieben: १७४९.

3) undeutlich geschrieben, der erste akṣara vielleicht स.



Verbesserungen und Nachträge.

Seite	3	Zeile	10	statt	सुवर्णोर्विर्चितम्	lies	सुवर्णोर्विर्चितम्
»	6	»	8	»	जगताशार्जुन	»	जगतीशोर्जुन
»	8	»	19	»	सभूता	»	संभूता
»	9	»	7	»	द्वितीया	»	द्वितीया
»	10	»	14	»	°दुग्धाम्बुधि°	»	°दुग्धाम्बुधि°
»	11	»	16	»	विधत्ते यं	»	विधत्तेयं
»	14	»	4	»	पथेनेत्या°	»	पथेनेत्य
»	14	»	11	»	°मीलत्याः	»	°मीलत्याः
»	15	»	9	»	तडपर	»	तडपरि
»	16	»	7	»	°त्तुयङ्°	»	त्तुयङ्°
»	17	»	1	»	पदीयान्निपुगल	»	पदीयान्निपुगले
»	20	»	12	»	१३५	»	१३४
»	20	»	15	»	उद्योगाद्°	»	घ्राद्योगाद्°
»	24	»	4	»	°कुहरेयं	»	°कुहरेयं
»	28	»	19	»	कदानुवदिष्यति	»	कदा नु वदिष्यति
»	30	»	1	»	वीक्ष्यन्सूक्ष्मा	»	वीक्ष्या सूक्ष्मा
»	31	»	18	»	ऽयोतिः पूर्णा	»	ऽयोतिः पूर्णा
»	32	»	11	»	मल्ली वस्त्रं दरत-	»	मल्लीवस्त्रं हरत-
»	38	»	2	»	श्रौत°	»	श्रौत°
»	39	»	21	»	सडिपिडमो°	»	सडिपिडमो°
»	46	»	32	»	मन्ये इति	»	मन्य इति
»	47	»	24	»	इत्यमात्तम°	»	इत्यमात्तम°
»	47	Die Uebersetzung der Strophe 15 soll lauten: Diejenigen grossen Dichter, welche perlenreine Vorzüge habend kein palastgleiches grosses Gedicht aus dem Golde ihrer Worte geschaffen haben, damit ihre Geliebte — der Ruhm — sich darin Tag für Tag schön amüsiren könnte, die werden fürwahr von kunstsinnigen Leuten nicht Dichter, sondern vielmehr Affen genannt (i. e. diejenigen Dichter, die nur kleine Lieder machen).					

Seite 48	Zeile 34	statt सर्वापकरिण	lies सर्वापकरिणः
» 49	» 35	» °माधपतिः	» °मधिपतिः
» 50	» 13	» [er wurde von Ça mb hu geboren]	» [er wurde von Çi va geboren]
» 51	» 22	» °शक्रवर्ती	» °शक्रवर्ती
» 51	» 33	» पापीयसा	» पापीयसा
» 51	» 34	» °नर्मदायां	» °नर्मदायां
» 53	» 21	» ह्रैरंशाद्°	» ह्रैरंशाद्°
» 53	» 23	» परिधोगलः	» परिधोगलः
» 54	» 24	lies: अणिमा मद्धिमा चैव लधिमा गरिमा तथा । ईशत्वं च वशित्वं च प्राकाम्यं प्राप्तिरेव च ॥	
» 54	» 25	statt इत्युक्तम°	lies इत्युक्तम°
» 54	» 26	die Stelle befindet sich Vāyapūrāṇa II, 32, 24, 25.	
» 54	» 31	lies: तस्य बाहुसकृत् वै युध्यतः किल धीमतः । रथश्च यो धनयुक् प्राडुर्भवति मापयेति ॥	
» 56	» 22	» देवर्षिनारदः, die Stelle befindet sich Vāyupurāṇa II, 32, 19 ff.	
» 57	» 24	die Stelle findet sich Raghuvaniça VI, 38.	
» 57	» 27	die Stelle findet sich Anargharāghava VI, 58.	
» 58	» 7	statt der A tra's	lies des A tri
» 58	» 20	» अत्रैरपत्य°	» अत्रैरपत्य
» 63	» 5	der Modus	» das Genus
» 69	» 23	» °भणपस्त°	» °मणपस्त°
» 78	» 12	lies: [O, König] es möge dieser Brief, gerade so wie Campā [dir] grosse Freude bringen etc.	
» 80	» 10	das Wort «mühevoll» ist zu streichen.	
» 81	» 25	statt नियदाकाश°	lies विपदाकाश°
» 85	» 20	» gross ist meine Wonne	» fern ist meine Wonne
» 91		Die Uebersetzung der Strophe 59: «Die Freundinnen erkennen [die Schöne] nicht, weil sie durch grosse Trennungsqual abgemagert ist und dünn, wie eine Lotus-sprosse geworden ist, ihr Blick unbeweglich ist und sie [daher] Verwunderung erregt; etc.».	
» 100	Zeile 3	» unter der Constellation Ṛkṣa	» unter der Constellation [Phāl-guui]

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA



3 0112 060767990